

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

+ RCI.

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ**

1854.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

МАЙ.

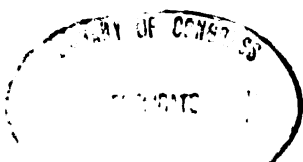
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КОРОЛЕНА И К^о.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИЖКИ.

СТР.

I. Сервилія. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Л. А. МЕЯ.	1 — 104	
Испытаніе. Романъ в. КРЕСТОВСКАГО. <i>Часть первая</i> .	105—162	
Холодный Домъ. Романъ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА. Переводъ съ англійскаго И. А. Бирлева. <i>Часть пятая</i> .	163—214	
II. Воспоминанія русскаго путешественника о Вест-Индіи, Калифорніи и Ост-Индіи. Статья вторая (Соединеніе двухъ океановъ черезъ перешеекъ Текоантепекъ, Никарагуа и Панамскій Перешеекъ). <i>Съ картою</i> . А. Г. РОТЧЕВА		1 — 32
Н. М. Карамзинъ и его литературная дѣятельность. «Исторія Государства Россійскаго», томъ второй. Статья третья. С. М. СОЛОВЬЕВА	33 — 46	
III. О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ въ XVI вѣкѣ, соч. К. А. Неволіна		1 — 10
IV. Библиографическая Хроника (разборы 19 книгъ). Разныя Извѣстія.		1 — 74 74 — 78
V. Иностранная Литература («Римская Исторія», соч. Швеплера, и «Альпійскіе Этруски», соч. Коха). <i>Статья вторая</i> . П. Н. КУДРЯВЦЕВА		1 — 36
VI. Современная Хроника Россіи (за мартъ 1853 года) Событія въ Отецествѣ		1 — 9 9 — 12
VII. Новости наукъ, литературы, искусствъ и промышленности		1 — 30
Петербургскія Замѣтки.		30 — 52
<i>Моды</i> . Съ двумя парижскими картинками дамскихъ и мужскихъ модъ.		
Новыя Музыкальныя Сочиненія, продающіяся въ магазинахъ Бернарда и Стелловскаго.		

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫИ.

WINTER 1951

1951

ОТЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАВСКИМЪ.

*Beatæ plane aures, quæ non vocem foris
sonantem, sed intus auscultant veritatem
docentem.*

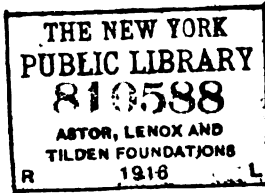
GRÆSONIUS.

ТОМЪ ХСІV.

САНКТІПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КОРОЛКВА И К°.

1854.

ПЕЧАТАТЬ НЕЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 1 апрѣля 1854 года.

Ценсоръ А. Фрейгангъ.

ВХОД
ЧЛЕНОВЪ
УЧЕБНИКОВЪ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЕВЯНОСТО-ЧЕТВЕРТАГО ТОМА ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. Словесность.

	СТР.
СЕРВИЛИЯ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Л. А. МЕЯ	1
ИСПЫТАНІЕ. Романъ В. КРЕСТОВСКАГО . Частн первая и вторая.....	105 и 215
ХОЛОДНЫЙ ДОМЪ. Романъ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА . Переводъ съ англійскаго И. А. Бирилева . Частн пятая и шестая. 163 и	295
МУЗА, стихотвореніе А. А. ФЕТА	375
«ДАЙ РУКУ МНѢ», стихотвореніе А. А. ФЕТА	—
ГАДАНЬЕ, стихотвореніе Т. Ч.	376

II. Науки и Художества.

ВОСПОМИНАНІЯ русскаго путешественника о Вест-Индіи, Калифорніи и Ост-Индіи. Статья вторая (соединеніе двухъ океановъ черезъ перешеекъ Секоантепекъ, Никарагуа и Панамскій Перешеекъ). Съ картою. А. Г. РОТЧЕВА	4
Н. М. КАРАМЗИНЪ и его литературная дѣятельность. («Исторія Государства Россійскаго», томъ второй). Статья третья. С. М. СОЛОВЬЕВА	33
ДОМАШНІЙ БЫТЪ РУССКИХЪ ЦАРЕЙ прежняго времени. Статья шестая (Воспитаніе царевичей). И. Е. ЗАВЪЛІИНА .	47
ВАЛЬТЕРЪ СКОТТЪ и его современники. Статья третья. А. В. ДРУЖИНИНА	83

III. Критика.

О ПЯТИНАХЪ и ПОГОСТАХЪ НОВГОРОДСКИХЪ въ XVI вѣкѣ, соч. К. А. Неволіина	4
СУМАРОКОВЪ И СОВРЕМЕННАЯ ЕМУ КРИТИКА, сочиненіе Н. Булича . (Статья А. Д. ГАЛАХОВА).....	11

IV. Библиографическая Хроника.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

	СТР.
Три поры жизни, романъ <i>Евгеніи Туръ</i>	1
Всѣ сочиненія <i>В. А. Волларларскаго</i>	8
Библиотека Путешествій, изд. <i>А. Плюшаромъ</i>	12
Отчетъ Императорской Публичной Библиотеки за 1853 годъ.	18
Расколъ, облачаемый своею исторіей.....	26
Полный курсъ низшей геодезіи, <i>А. Лёве</i>	28
Проектъ Ломоносова и экспедиція Чичагова.....	30
Сборникъ извѣстій, относящихся до настоящей войны, изд. <i>Н. Путиловымъ</i> , кн. I и II.....	36
Къ ружью! стихотвореніе князя <i>П. А. Вяземскаго</i>	37
Отдакъ Русскаго, народный гимнъ <i>А. Месковскаго</i>	—
Удаль русскаго солдата, <i>П. Татаринова</i>	38
Война съ Турціею, <i>П. Татаринова</i>	—
Физиологическая исторія женщины, <i>В. Дерикера</i>	41
Etudes sur les forces de la nature, par <i>Pierre Thibaut</i>	42
Бѣдность не порокъ, <i>А. Н. Островскаго</i>	79
Общепонятная Физика, составл. <i>Н. Писаревскимъ</i> , ч. I.....	101
Слово Каволическаго Православія римскому католичеству.....	105
Историческо-статистическое описаніе Харьковской Епархіи.....	108
Собраніе патриотическихъ стихотвореній. <i>Н. Клачкова</i>	109
Повѣсть о войнѣ турецкой, <i>М. Стаховича</i>	—
Европейская Турція въ ея современномъ состояніи.....	—
О системахъ клѣбопашества, <i>С. Усова</i>	110
Объ уходѣ за огородами и овощами, <i>В. Владимірскаго</i>	—
Краткая ботаника, <i>И. Шиховскаго</i>	111
Руководство къ рѣшенію геометрическихъ вопросовъ, <i>Ф. Симашко</i> .	113
Русскій Солдатъ, изданіе <i>А. Васильева</i>	114
Атласъ проектовъ и чертежей сельскихъ построекъ.....	—
Подарокъ моей дочери.....	115
Руководство къ разговорамъ на англійскомъ и на русскомъ языкѣ, <i>А. Голя</i>	116
Полный Кондитеръ, <i>Г. Д</i>	117
Записки рыбака, или наставленія, какъ находить различныхъ рыбъ и проч.....	—
Средства для приданія лицу красоты и молодости.....	—
Комнатная Магія, <i>Г. Ф. Амарантова</i>	118
Любовь и Вѣрность, романъ.....	—
Новый русскій пѣсенникъ.....	119
Стихотворенія или досуги <i>Федора Смурова</i>	—

ПРОДОЛЖЕНІЕ НАЧАТЫХЪ ИЗДАНІЙ.

Русская Старина, сост. <i>А. Мартыновымъ</i> , тетр. 14.....	32
Руководство къ зоологіи, <i>Ю. Симашко</i> , часть III (Физиологія).	38
Катихизическія бесѣды, свящ. <i>Іоанна Яхонтова</i>	120
Справочный Энциклопедическій Словарь, изд. подъ редакцію <i>А. Старчевскаго</i> , томъ 7	121
Учебникъ русской словесности <i>А. Охотина</i> , ч. II.....	134.

ПЕРЕВОДЫ.

Изображеніе современнаго состоянія Турціи, изъ сочиненія <i>Убичини</i> .	135
О производительныхъ силахъ Россіи, соч. <i>А. В. Тенгоборскаго</i> .	138
Курсъ гѣсоводства, <i>Де-Брейля</i>	—
Разказы нестрой птички.....	139

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

Федонъ или о безсмертіи души, <i>Моисея Мендельсона</i> , перев. <i>В. Мызникова</i>	24
Священная Исторія для маленькихъ дѣтей, <i>А. Ишиловой</i>	28
Правила Русской Словесности, <i>А. Данскаго</i>	44
Иисусъ Христосъ на Голгофѣ.....	139
Начальныя основанія химіи. сост. по Реньо, <i>П. Егоровымъ</i> ...	140
Горе отъ Ума, комедія <i>А. С. Грибоедова</i>	142
Аскольдова Могила, опера.....	143
Искуситель, <i>М. Загоскина</i>	—
Кухмистеръ XIX вѣка.....	144
Ручная книга въ кухнѣ и погребѣ	—
Новый образцовый письмовникъ	—
Старичокъ-весельчакъ, рассказывающей давнія московскія былія..	145

ЖУРНАЛИСТИКА.

«Къ чему ведетъ одна картинность въ поэзіи и живописи?» Новыя стихотворенія Гг. Майкова и Щербины. — «Весенній бредъ». — «Опытъ біографіи Н. В. Гоголя» г. Николая М. — «Мелочи жизни» ромэнъ г. Станицкаго. — Вторая статья о «Ловлѣ звѣрей въ Сибири» г. Черепанова. — «Отрывокъ изъ семейной хроникки» г. С. Т. А. — «О письмѣ г. Z. къ г. Введенскому». — Статьи о «Турціи». — «О Киргизахъ», г. Жаркова. — «Вѣна», статья Гяно. — «Ловецкіе рассказы» и «Питаніе человѣка и животныхъ». — Нѣсколько словъ о происхожденіи слова «кметъ», г. Лавровскаго. — «О политическомъ равновѣсіи», г. Пегодина. — «Смѣсь Карамзина, Нѣсколько сочиненій Пушкина и Анекдотъ о В. А. Пушкинѣ»..	45
Новыя сочиненія <i>Жуковскаго</i> («Ж. М. Нар. Пр.»). — Московская Словяно-греко-латинская Академія («Творенія Св. Отцовъ»). — Мелочи изъ записки моей памяти, М. Дмитріева («Москвитян.»). — Риттеръ, перевознесенный выше мѣры, и Свѣдѣнія и современ-	

номъ состояніи Турціи (въ «Современникѣ»). — Свадебные обряды Малоруссовъ. Г. Купріяновъ (въ «Москвитянинѣ»). — Письма о Болгаріи; Ионическіе Острова, Письмо о ботаникѣ и Смѣсь Карамзина (тамъ же). — Продолженіе «Записокъ куща Жаркова о Киргизахъ» и окончаніе «Воспоминаній о ловлѣ звѣрей въ Сибири» и пр. (въ «Библіотекѣ для Чтенія»). — Прежняя и нынѣшняя Турція; Христофоръ Колумбъ; Похищеніе судна въ Великомъ Океанѣ и статья Кузена (въ «Пантеонѣ»). Критическіе отзывы «Современника» о произведеніяхъ г. Островскаго. г-жи Евгеніи Туръ и г. Авдѣева..... 146

Разныя Извѣстія (Костюмъ различныхъ народовъ, изд. г. Иковымъ; Атласъ и карты г. Зуева; 4-й томъ «Процилеевъ»; Поправки въ стихотвореніи «Клермонтскій Соборъ» г. Майкова. 74

V. Иностранная Литература.

«Римская Исторія», соч. Швеглера, и «Альпійскіе Этруски, соч. Коха. *Статья вторая. П. Н. ВУДРЯВЦЕВА*..... 1

Новыя изслѣдованія о Сидѣ (Dozy: Recherches sur l'histoire politique et littéraire de l'Espagne pendant le moyen âge. Tome I) **т. н. ГРАНОВСКАГО**..... 37

VI. Современная Хроника Россіи.

Обозрѣніе современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій правительства по государственному управленію за *мартъ* и *апрѣль* 1853 года..... 1 и 13

Событія въ отечествѣ (Исправленіе церкви въ селѣ Домнинѣ, Костромской Губерніи. — Открытіе въ Тифлисъ Коммерческаго Суда. — Волканическій взрывъ на вершинѣ горы Карагушь).. 9

VII. Смѣсь.

НОВОСТИ НАУКЪ, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Александръ Дюма, поставщикъ надгробныхъ памятниковъ и всего, что касается до похоронъ. — Разрушеніе орлеанскаго театра. — Новости лондонскихъ театровъ. — Парижскіе театры: возобновленіе Весталки; оперы: Невѣста и Невидимая дѣвушка; либретто Скриба и Сен-Жоржа; дебютъ соперницы Рашель; упадокъ Скриба; *Кризисъ* Октава Фелье; *L'argent du diable*, новые водевили; Жизнь въ розовомъ цвѣтѣ, драма; новый инструментъ *матофонъ*; что принесли Мейерберу и Скрибу ихъ оперы? — Театры въ Италиі. — Театры въ Германіи. — Новости парижской общественной жизни: бѣда отъ назначенныхъ дней; балы и гулянья; возвращеніе Рашели; біографія Рубини; *алюминій*

и Альфонсъ Карръ; Осы; новый альбомъ Хама. — Выставка картинъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ. — Общественная жизнь въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ; новости искусствъ и журналистики; живописецъ Поуель. — Письмо Александра Дюма (сына) о физической слабѣ.....

Новый воронежскій поэтъ: *И. С. Никитинъ*. — Сербская литература. — Нѣмецкая литература: сравнительная филологія; ваатландцы; мавры въ Испаніи; новые романы и историческія сочиненія. — Испанская литература; лепантское сраженіе. — Португальская литература: бразильскіе поэты; Техейра е Суза. — Итальянская литература: неаполетанскіе народные поэты; мелкія сочиненія. — Англійская литература: американская бібліотека; тины человѣческаго рода; война съ кафрами. — Французская литература: исторія естественныхъ наукъ въ среднихъ вѣкахъ; древности Персіи; разрушенный Парижъ; новый переводъ трактата Лонгина о высококъ; метеорологія въ-отношеніи къ медицинѣ. — Новости общественной жизни въ Парижѣ: Лоншанское гулянье; измѣчивость моды; ранняя весна; страсть парижанъ къ гонкѣ судовъ; искусственная рѣка въ Болонскомъ Лѣсу; домашніе спектакли; опера Дюпре, игранная у него въ домѣ; опера Радѣ, данная также въ домашнемъ спектаклѣ; смерть Лепентра; итальянская опера; французская опера: «Встрѣча въ Дунаѣ»; *Stabat Mater*. — Парижскіе театры: новая комедія Ожье и Сандо; драма *Аиссе*; *Фредегонда*; водевилы: *Домовой*, *Весною*, *Мужъ, начинающій толстѣть*, *Поиски за миллиономъ* и проч.; китайскіе фокусники; драма *La bonne aventure*; *Константинополь*. — Чтò дѣлается въ Лондонѣ: несчастія Чарльза Метьюса; критикъ Крокеръ; театральныя новости; жизнь и смерть поэта-срды Тальфорда; какъ англичане охотятся за лисицами; трагедія: *Герцогиня Элеонора*; изданія Муррея. — Рыбы, рождающія живыхъ рыбъ. — Глазное зеркало. — Шаръ Зельтенрейха для поднятія изъ воды тяжестей. — Новая птица на Мадагаскарѣ. — Христіанскій народъ въ Средней Азіи. — Новый аппаратъ для облегченія новороговъ большихъ военныхъ пароходовъ. — Новооткрытыя вавилонскія гробницы. — Вредъ цвѣтной бумаги. — Новыя изслѣдованія арійской міеологіи. — Изслѣдованія надъ кафрами. — Обычай сожиганія вдовъ съ трупами мужей — Саловодство у ассириянъ по разысканіямъ Лейярда. — Имена и титулы мусульманъ. — Исторія открытія статуи Венеры Милосской. — Происхожденіе гуано. — Финикійскій памятникъ. — Этрускія древности

ПЕТЕРБУРГСКИЯ ЗАМѢТКИ.

Настоящее время и его интересы. — Цвѣты и птицы. — Весна в природѣ и въ жизни. — Дѣти и ихъ радости. — Вербная выставка съ ея характеристическими принадлежностями. — Танцевальныя вечера съ благотворительною цѣлью. — Лотерея аллегри. — Пассажъ. — Балаганы и балаганныя представленія. — Катанье у качель. — Господинъ, могущій для дѣтей замѣнить родителей и родственниковъ. — Открытіе сезона французскихъ спектаклей: *Marie-Rose*, драма; *Poltron*, ком.-вод.; *Le troisième mari*, водев. — Новая опера: «Русскій мужичокъ и французскіе шародеры». — Концертъ Г. Контскаго и Шуберта. — Дагерротипическая музыка. — Случай изъ жизни Контскаго. — Открытіе, по случаю войны, дамскаго благотворительнаго комитета. — Лотерея-тошбола французскаго и нѣмецкаго благотворительныхъ обществъ. — Общество Поощренія Художниковъ, его начало и цѣль. — Картинная лотерея. — Трофеи турецкой войны въ Императорской Публичной Библиотекѣ. — Комета. — Еще публичныя лекціи. — Промышленный джюкранбъ. — Пастетная, въ которой есть недостатки. — Золотая рыба и ея исторія. — Физиологія золотыхъ рыбокъ. — Микроскопъ, увеличивающій въ миллионъ разъ. — Открытіе навигаціи. — Дачи и дачныя наслажденія. — Одолженный.....

Удовольствія въ отсутствіе неудовольствій. — «Судь Людской не Божій», драма г. Петѣхина. — «Все для женщинъ», вод. — «Нюрнбергская Кукла», новая опера. — Возрожденная опера и воспоминанія прошлаго. — Г-жа Ришаръ. — Артистъ провинціальныхъ театровъ, г. Рыбаковъ, въ роли Гамлета. — *Retulus*, комед. — Новости французской сцены. — Неумирающее семейство, — Рецетъ для составленія драмъ. — Какъ пишутся комедіи и пословицы. — Замѣтки о петербургской жизни въ формѣ водевиля. — Екатерининское гулянье. — Дрожки-пролетки. — Поѣздка къ кронштадтскому рейду. — Новая часовня на Благовѣщенскомъ Мосту и новоселье Исакиевскаго Моста. — Гулянье въ Лѣтнемъ Саду. — Боги Олимпа, гуляющіе, рассказывающіе и расспрашивающіе. — Страстующіе жидаы. — Англійскіе флаги въ Петербургъ. — Новыя патристическія стихотворенія. — Ложь и правда. — Дачныя эмиграціи. — Лѣтняя музыка и лѣтнія зрѣлища. — Веселыя прогулки въ городъ. — Дачники. — Искателя насѣкомыхъ. — Уѣзжающіе далеко.....

Моды (съ тремя парижскими картинками модъ).

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЯТОЙ КНИЖКИ.

МАЙ.

I. Словесность.

СЕРВИДІЯ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Л. А. МЕЛ.....	стр. 4 ✓
ИСПЫТАНІЕ. Романъ в. КРЕСТОВСКАГО. <i>Часть первая.</i>	105 ✓
ХОЛОДНЫЙ ДОМЪ. Романъ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА. Переводъ съ англійскаго Н. А. Бирюлева. <i>Часть пятая.</i>	163 ✓

II. Науки и Художества.

ВОСПОМИНАНІЯ русскаго путешественника о Вест-Индіи, Каледоніи и Ост-Индіи. Статья вторая (соединеніе двухъ сказановъ черезъ перешеекъ Сегоантепекъ, Никарагуа и Панамскій Перешеекъ). <i>Съ картою.</i> А. Г. РОТЧЕВА.....	4 ✓
Н. М. КАРАМЗИНЪ и его литературная дѣятельность. («Исторія Государства Россійскаго», томъ второй). Статья третья. С. М. СОЛОВЬЕВА.....	33 ✓

III. Критика.

О ПЯТИНАХЪ и ПОГОСТАХЪ НОВГОРОДСКИХЪ въ XVI вѣкѣ, соч. К. А. Неволина.....	1 ✓
--	-----

IV. Библиографическая Хроника.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Три норы жизни, романъ <i>Евгеніи Туръ</i>	1
Всѣ сочиненія В. А. <i>Вонлярлярскаго</i>	8
Библиотека Путешествій, изд. А. <i>Плюшаромъ</i>	12
Отчетъ Императорской Публичной Библиотеки за 1853 годъ.....	18
Расколъ, обличаемый своею исторіей.....	26
Полный курсъ нижней геодезій, А. <i>Лѣве</i>	28

exchange of r. 5/17/16

	стр.
Проект Ломоносова и экспедиція Чичагова.....	30
Сборникъ извѣстій, относящихся до настоящей войны, изд. <i>Н. Пutilовымъ</i> , кн. I и II.....	36
Къ ружью! стихотвореніе князя <i>И. А. Вяземскаго</i>	37
Откликъ Русскаго, народный гимнъ <i>А. Месковскаго</i>	—
Удаль русскаго солдата, <i>И. Татаринова</i>	38
Война съ Турціею; <i>И. Татаринова</i>	—
Физиологическая исторія женщины, <i>В. Дерикера</i>	41
Etudes sur les forces de la nature, par <i>Pierre Thibaut</i>	42

ПРОДОЛЖЕНІЕ НАЧАТЫХЪ ИЗДАНИЙ.

Русская Старина, сост. <i>А. Мартыновымъ</i> , тетр. 14.....	32
Руководство къ зоологін, <i>Ю. Симашко</i> , часть III (Физиологін).....	38

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ.

✓ Фелонъ или о бессмертіи души, <i>Момсел Мендельсона</i> ; перев. <i>В. Мызжикова</i>	24
Священная Исторія для малолѣтнихъ дѣтей, <i>А. Ивѣмовой</i>	29
Правила Русской Словесности, <i>А. Данскаго</i>	44

ЖУРНАЛИСТИКА.

«Къ чему ведетъ одна партійность въ поэзіи и журналикѣ?» Новые стихотворенія <i>Г. Майкова</i> и <i>Щербины</i> . — «Веселый бредъ». — «Опытъ біографіи <i>Н. В. Гоголя</i> » г. <i>Николай М.</i> — «Мелочи жизни» романъ г. <i>Станицкаго</i> . — Вторая статья о «Ловлѣ зѣбрѣй въ Сибіри» г. <i>Черепанова</i> . — «Отрывокъ изъ семейной хроникѣ» г. <i>С. Т. А.</i> — «О письмѣ г. <i>Z.</i> къ г. <i>Введенскому</i> ». — Статьи о «Турціи». — «О Киргизахъ», г. <i>Жаринова</i> . — «Вѣна», статья <i>Гино</i> . — «Ловенскіе рассказы» и «Питаніе человека и животныхъ». — Нѣсколько словъ о происхожденіи слова «кметъ», г. <i>Лавровскаго</i> . — «О политическомъ равновѣсіи», г. <i>Погодина</i> . — «Смѣсь <i>Карамзина</i> , Нѣсколько сочиненій <i>Пушкина</i> и Анекдотъ о <i>В. Л. Пушкинѣ</i> ».....	45
Разныя Извѣстія (Костюмъ различныхъ народовъ, изд. г. <i>Ильвымъ</i> ; Атласъ и карты г. <i>Зуева</i> ; 4-й томъ «Прошлаго»; Поправки въ стихотвореніи « <i>Клермонтскій Соборъ</i> » г. <i>Майкова</i>	74

V. Иностранная Литература.

«Римская Исторія», соч. <i>Шюглера</i> , и «Альпійскіе Этрусскіе», соч. <i>Кека</i> . Статья вторая, и. и. <i>ИЗДАВЦЕВА</i>	4
---	---

VI. Современная Хроника России.

Обзоръ современнаго дѣйствія русскаго законодательства и
распоряженій правительства по государственному управленію
за мартъ 1853 года.....

Событія въ отечествѣ (Исправленіе церквей въ селѣ Демидовѣ,
Костромской Губерніи. — Открытіе въ Троицкѣ Коммерческаго
Суда. — Волжаческій взрывъ на вершинѣ горы Карагушъ.....)

VII. Слѣды.

НОВОСТИ НАУКЪ, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Александръ Дюма, поставщикъ надгробныхъ памятниковъ и всего,
что касается до похоронъ. — Разрушеніе орлеанскаго театра. —
Новости лондонскихъ театровъ. — Парижскіе театры: возоб-
новленіе Востанки; оперы: Невѣста и Невидимая дѣвушка; ли-
бретто Скриба и Сен-Жоржа; дебютъ соперницы Рашель; ушелъ
Скриба; Кризисъ Октава Фельё; *L'argent du diable*, новое
воденіи; Жизнь въ розовомъ цвѣтѣ, драма; новый инструментъ
маммофонъ; что принесли Мейерберу и Скрибу изъ оперы? —
Театры въ Италіи. — Театры въ Германіи. — Новости париж-
ской общественной жизни: бѣда отъ назначенныхъ дней; балы
и гулянья; возвращеніе Рашель; біографія Рубини; аллюмий
и Альфонсъ Карръ; Осы; новый альбомъ Хама. — Выставка
картинъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ. — Общественная жизнь въ
Сѣверо-американскихъ Штатахъ; новости искусствъ и журна-
листике; жирионсецъ Поуэль. — Письмо Александра Дюма
(сына) о физическомъ силѣ.....

ПЕТЕРБУРГСКИЯ ЗАМѢТКИ.

Настоящее время и его интересы. — Цвѣты и птицы. — Весна
въ природѣ и въ жизни. — Дѣти и ихъ радости. — Верба-
ная выставка съ ея характеристическими принадлежностями. —
Ганцвальдские вечера съ благотворительною цѣлью. — Ло-
терейная азарты. — Пассажи. — Балаганы и балаганныя пред-
ставленія. — Катанье у качелей. — Господни, могу-
дѣй для дѣтей забвѣть родителей и родственниковъ. — От-
крытіе сезона французскихъ спектаклей: *Marie-Rose*, драма;
Poltron, ком.-вод.; *Le troisième mari*, водев. — Новая
опера: «Русскій мужичокъ и французскіе народеры». — Кон-
цертъ Гр. Кютскаго и Шуберта. — Дагерротипическая ку-
манья. — Случай новъ жизни Кютскаго. — Открытіе, по слу-

чев войны, диссалу благотворительнаго комитета. — Лете-
 рея-томбола французскаго и нѣмецкаго благотворительныхъ об-
 ществъ. — Общество покровенія художниковъ, его начало и
 нѣль. — Картины ветеранъ. — Троеи турецкой войны въ
 Императорской Публичной Библиотекѣ. — Комета. — Еще
 публичныя лекціи. — Промышленный диссрабъ. — Пастор-
 ная, въ дщрой есть недостатки. — Золотая рыбка и ея ис-
 торія. — Физіологія золотыхъ рыбокъ. — Микроскопъ, уве-
 личивающій въ мильонъ разъ. — Открытіе навигаціи. — Дачи
 и дачныя наслажденія. — Ополченныи.....

Мода. Съ дѣтми наряженія картинками дамскіхъ и мужскіхъ
 модъ.

ОПЕЧАТКА.

Въ 3 № «Отечественныхъ Записокъ» нынѣшняго года въ статьѣ: *Валь-
 теръ Скоттъ* (№ 3, отд. II) на стр. 6, въ третьей строкѣ снизу,
 голъ редактора Вальтеръ Скотта поставленъ ошибочно 1777-й; должно
 быть: 1771-й.

СЕРВИЛІЯ.

ДРАМА

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Л. М Е Я.

ВЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЫНЪ

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ

МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ

имѣть счастье благоговѣнно посвятить трудъ свой

Л. Мей.

ПРЕДСЛОВІЕ.

Вѣкъ первыхъ римскихъ кесарей обнимаетъ собою одну изъ самыхъ знаменательныхъ историческихъ эпохъ : его можно назвать заповѣдною скрижалью, на которой древній міръ начерталъ окончательные выводы своей религіозной и гражданской жизни. Всѣ духовныя и физическія силы древности, направленные отъ четырехъ исходныхъ пунктовъ : религіи, закона, науки и искусства, стремятся къ одному центру, составляютъ четыре литеры, четыре звука одного слова—*Римъ*. Скоро это слово достигаетъ полноты своего смысла и означаетъ вселенную ; но въ нравственномъ отношеніи смыслъ языческаго Рима и языческая вселенная представляютъ взорамъ наблюдателя плачевное зрѣлище.

Перенесемъ во вторую половину кесарскаго вѣка и бросимъ бѣглый взглядъ на тогдашній Римъ.

Сосредоточивъ все вниманіе на своей внутренней жизни, Римъ сознаетъ повсемѣстное присутствіе внутренняго зла, тайнаго и неуловимаго недуга, который сушитъ его сердце и уноситъ жизненные силы. Тщетно призываетъ онъ на помощь религію, философію и патриотизмъ : религія отвѣчаетъ ему сладострастнымъ бредомъ поэтовъ, философія — схоластическими софизмами, патриотизмъ — обвинительными рѣчами покушенныхъ доносчиковъ. Семейный бытъ, сохранившій прежнія суровыя формы, уже утратилъ прежнее значеніе, и Римъ весь отдается быту общественному, выраженному въ растлѣвающихъ удовольствіяхъ цирка и термъ. Наука находится въ младенчествѣ и доступна немногимъ ; искусство, хотя и доведено до идеала, но посвящено одной чувственности и только ослабляетъ немощной духъ Рима.

Для насъ, православныхъ и вѣрнопопданныхъ христіанъ, понятенъ безыменный недугъ языческаго міра : онъ заключался въ отсутствіи святости вѣры и закона, охраняемыхъ державною десницею Помазанника Божія.

Но для Рима, слѣпотствовавшаго во тьмѣ идолослуженія, законы сдѣлались мертвыми буквами, а повелители всесвѣтной имперіи — орудіями всевышняго правосудія, карающаго людей, *да спасутся!*

Поразительнымъ примѣромъ небесной кары можетъ послужить Калигула, съ котораго внезапно начинаются бѣдствія Рима, какъ-бы ниспосланныя свыше, въ возмездіе за первое притѣсненіе христіанъ.

Приведемъ слова греческаго писателя Филона, изображающаго начальныя мѣсяцы правленія Калигулы золотымъ вѣкомъ :

«Римъ и Италия, Европа и Азія (говорить онъ), казалось, пировали на непрерывномъ празднествѣ. По всѣмъ городамъ, у всѣхъ алтарей, совершались жертвоприношенія, видѣлись люди въ бѣлыхъ одеждахъ, увѣнчанные цвѣтами ; повсюду, подъ звуки музыки, учреждались игры, пляски, конныя ристанія. Богатый и бѣдный, патрицій и плебей, господинъ и рабъ, заимодавецъ и должникъ веселились вмѣстѣ, какъ во времена Сатурна.»

Черезъ годъ весь міръ трепеталъ передъ безумнымъ Калигулой, который сожалѣлъ, что у Рима не одна голова и что онъ не можетъ отрубить ея однимъ взмахомъ сѣкиры.

Калигулу смѣнили Клавдіи, Коммоды, Геліогобалы...

Нескоро измѣнилась горестная судьба Рима. Три вѣка представляютъ собою почти-непрерывную лѣтопись своеволія, смутъ, крамолъ, кровопролитія, расчитаннаго звѣрства, роскоши, разврата и безвѣрія. Въ духовномъ опьянѣніи, разстерзавъ на себѣ послѣднія ризы, древній міръ шелъ быстрыми шагами къ своей гибели, доколѣ лучезарный крестъ Искупителя не освѣтилъ потѣмной бездны языческихъ заблужденій.

И между-тѣмъ, въ средѣ общаго мрака, тяготѣвшаго надъ Римомъ, появлялись иногда проблески высокаго духа и добродѣтели; отъ толпы рабѣющихъ поклонниковъ порока отдѣлялись люди самоотверженные, мужи добра и правды. Такъ представитель неосточеской школы, Музоній Руфъ, изгнанный Нерономъ изъ Рима, удостоился даже похвалы одного изъ отцовъ церкви ⁽¹⁾. Такъ, при Неронѣ же, два другіе неосточка, Тразеа и Соранъ, гласно противодѣйствовали лживымъ доносамъ, губившимъ именитыхъ гражданъ, порицали современную роскошь и развратъ и служили Риму примѣромъ нравственности,

(1) См. Апологію св. Юстина.

праводушія и строгой жизни. Несправедливо обвиненные въ измѣнѣ противъ Рима и осужденные на смерть, они геройскою кончиною запечатлѣли неравную борьбу съ низкими льстецами, окружавшими Нерона. Вмѣстѣ съ Сораномъ, и также безвинно, погибла двадцатилѣтняя дочь его, Сервилія...

Но здѣсь я долженъ перейти къ моей драмѣ.

Основное ея содержаніе заимствовано изъ послѣднихъ страницъ тацитовою лѣтописи, которая прерывается на описаніи гибели неостойковъ. Историческія данныя перемѣшаны въ драмѣ съ посылнымъ вымысломъ, навѣяннымъ общимъ характеромъ эпохи. Общественная жизнь римлянъ въ эту эпоху, преданность кліентовъ патронамъ, значеніе отпущенниковъ въ семейной и гражданской жизни Рима, начинавшаяся эманципація (*) женщинъ, разладъ философіи съ существовавшимъ порядкомъ и всеобщее вліяніе христіанскаго ученія — вотъ тѣ немногія черты, которыми мнѣ хотѣлось обвести мою драму, какъ слабый очеркъ римскаго быта при Неронѣ.

(*) Въ римскомъ значеніи этого слова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА (1).

ЛЮЦІЙ ТИВЕРІИЪ	} римскіе консулы.	ОТНУЩЕННИКЪ.
КАЙ СВЕТОНІЙ		ЦЕНТУРІОНЪ.
СОФОНІЙ ТИГІАЛАНЪ, преесктъ преторіи.		ПРЕТОРІАНЕЦЪ.
ПРЕТОРЪ.		ГЛАДІАТОРЪ.
ТРАЗА ПЕТЪ	} сенаторы.	МИНЪ.
СОРАНЪ БАРБА		ВОЗНИЧІЙ.
НАКОНІЙ АГРИППИНЪ		МУЗЫКАНТЪ.
ГЕЛЬВЕДІЙ ПРЕСКЪ		ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ, ТРЕТІЙ И ЧЕТВЕРТЫЙ ГРАЖДАНЕ.
МОНТАНЪ		ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ И ТРЕТІЙ ГЛАШАТАН.
СЕНЦІЙ ТОРКВАТЪ, юрис-консулъ.		ДЕИТОРЪ.
ВАЛЕРІЙ АРУЛЕНЪ РУСТИНЪ, народный трибунъ.		ПРОДАВЕЦЪ ПОЛИТЫ.
ОСТОРИЙ САВНИЪ, всадникъ.		АРХИМАГІРЪ.
ЭГНАТІЙ, отнущенникъ.		ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ РАВЫ.
ФУЛЬЦИНІЙ АФЕРЪ	} граждане.	СТАРИКЪ.
АВНДІЙ ГЕСНО		СЕРВИЛІА, дочь сенатора Сорана.
НОСНАЙСЪ		СИЛІА, вдова сенатора Антисіа.
ВЕЛОКСЪ		ЛОКУСТА.
МІЛЛА		АНТОНІА, кормилица Сервиліи.
ЦЕСТЪ		НЕВОЛЯ
ДЕВТРИЙ, философъ-иниикъ.		ФОРТУНАТА } невольницами Локусты.
ЖРИЦЪ.		ДѢВЧОНА.
КВЕСТОРЪ.		
Сенаторы, трибуны, преескты, кавесоры, инокы, преторіанцы, пѣвцы, музыканты, пласуны, рабы, невольницы, прохожіе и народъ.		

Дѣйствіе въ Римѣ, въ 67-мъ году по Р. Х.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Римскій форумъ (2). — На заднемъ планѣ базилика Аргентарія, базилика Эмилія и храмъ Минервы. Можно какъ проходить священная дорога. Съ правой стороны арка Фабія, храмъ Вулкана съ священнымъ лотосомъ, храмъ Ромула съ священнымъ кипарисомъ, и Грекостазъ. Съ лѣвой стороны Капитолій, городская тюрьма, обелискъ, храмы Соласія и Юпитера—Громовержца. Вокругъ форума идетъ тройной портикъ изъ коринтскихъ колоннъ; въ промежуткахъ колоннъ изваянія боговъ и героев. Посреди форума водоемъ Дианы, украшенный статуею богини. — Въ глубинѣ сцены, на горахъ Палатинской, Целійской и Эсквилинской возвышаются золотые чертоги Нерона, опоясанные рощами и садами. Вдали видѣть водопроводъ Клавдія. — На первомъ планѣ сцены: справа домъ Сорана, съ выступною террасою и бесѣдкой; слѣва термополій (3) и небольшою домъ, надъ дверьми котораю написано: Locusta (4). Эти зданія отдѣляются отъ форума улицей. — Утро. — По форуму изрѣдка проходятъ воины, рабы, торговцы плодами и съственными припасами. — На первой ступенькѣ водоема двое гражданъ играютъ въ кости; (5) вокругъ игроковъ группа зрителей.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ф. АФЕРЪ, АВИДІЙ ГИСПО, ПОСИДЕСЪ, МЕЛЛА, ВЕЛОКСЪ,
ЦЕСТЬ.

А. ГИСПО (*высыпаетъ изъ роженка кости*). — А! наконецъ... шесть да четыре — десять:

Ударъ Фортуны!

Ф. АФЕРЪ. — Праведные боги!
Какой счастливый смертный этотъ Гиспо!
Весь женскій полъ ему благоволить:
Не только молодая Фортуната,
Сама Фортуна!

А. ГИСПО (*злобно поглядѣвъ на Афера*). — Прикуси языкъ.
Я этихъ шутокъ не люблю, Фульциній!

Ф. АФЕРЪ. — Не можетъ быть!... (*Смѣется*).

Вы знаете, друзья,

Прелестную невольницу Локусты?

МЕЛЛА. — Которую? ихъ много...

Ф, АФЕРЪ. —

Фортунату.

МЕЛЛА. — Я не видалъ.

ПАСИДЕСЪ. — А я недавно видѣлъ. *(Гиспо собираетъ кости).*

ВЕЛОКСЪ. — Чтò, какова?

ПОСИДЕСЪ. — Беззубая старуха

И фурія!

Ф. АФЕРЪ *(торжественно протягиваетъ руку)*. — Се истина гласить Правдивыми устами Посидеса!

ГИСПО *(встаетъ, назмуривъ брови)*. — Довольно: разочтемся.

Ф. АФЕРЪ. — Какъ прикажешь.

Ты выигралъ... два асса и кодрантъ. — *(Снимаетъ съ пола кошелекъ и считаетъ деньги).*

Я нахожу, что имя у старухи

Приличное.

МЕЛЛА. — А что она, слѣпа?

АФЕРЪ. — Подслѣповата... Да не въ этомъ дѣло.

Я, видишь ли, не знаю — у кого

Сестерцій ⁽⁶⁾ больше: у богини счастья,

Или у этой гарпіи; притомъ же

Амуръ ея покорный рабъ!

А. Гиспо *(вспыливъ)* — Aedèpol! ⁽⁷⁾

Давай скорѣй мнѣ деньги, а не то...

Ф. АФЕРЪ *(медленно приподнимается)*. — Не то?.. *(подходитъ, скрестивъ руки въ Гиспо)*. Не то?..

А. Гиспо *(отступаетъ)*. —

Я жаловаться буду:

Отсюда до префекта недалеко.

Отдай мнѣ деньги.

Ф. АФЕРЪ. — Вотъ онѣ, возьми... *(отдаетъ деньги)*.

Я знаю, ты на выигрышъ сторгуешь

Вѣнокъ изъ розъ для нимфы безъ волосъ!

А. Гиспо *(грозитъ ему кулакомъ)*. — Нѣтъ, я на нихъ куплю тебѣ веревку! *(уходитъ)*.

Ф. АФЕРЪ *(смѣется и кричитъ ему вслѣдъ)*. — Поскупишься!.. А ежели и купишь,

Такъ вѣрно самъ удавишься на ней!

ДВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тъ же, кромѣ Гиспо.

ВЕЛОКСЪ *(Ф. Аферу)*. — За чтò ты такъ на Гиспо нападаешь?

Ф. АФЕРЪ. — Помилуй, Велоксъ, онѣ — исчадье зла!

Я ужь давно слѣжу за нимъ, а нынче
 Нарочно заманилъ его играть,
 Чтось помѣшать его преступнымъ кознямъ:
 Вы знаете ли, что такое Гиспо?
 Рабъ, низостью добившійся гражданства,
 Скупецъ, клиентъ достойный Капитона,
 Наушникъ, трусь постыдный и предатель!..
 Связался съ этой дряхлой Фортунатой,
 Рабыней отравительницы...

Мелла (*охлаждается*). — Тише!
 Ты позабылъ, что мы на площади.

Ф. Аферъ. — Такъ что же? Или ты не знаешь, Мелла,
 Что, кромѣ кесаря, трибуна и боговъ,
 Я никого на свѣтъ не боюсь?
 Я — римлянинъ!

Мелла. — Да мы и всѣ римляне,
 А всеже осторожность не мѣшаетъ.

Ф. Аферъ. — Ты правъ: я горячуся понапрасну.
 Пожалуй, будемъ тише говорить... (*понижая голосъ*).
 Ты спрашивалъ меня, любезный Велоксъ,
 За что я такъ на Гиспо нападаю?
 О, Аполлонъ! пошли мнѣ даръ витійства!..
 Будь этотъ Гиспо мытаря продажный,
 Презрѣнный и гнуснѣе кароагенца,
 Клянусь, я толькожь пожалѣлъ о немъ.
 Но онъ — онъ лжець и подлый согладатай:
 Онъ въ скаредной душѣ своей таить
 Злой умыселъ на нашего трибуна
 Валеріа?

Мелла. — На нашего любимца?

Велоксъ. — На нашего защитника-патрона (*).

Мелла. — На отрасль дома Рустиковъ?

Посидесь. — На друга
 Сенатора Тразеи?

Ф. Аферъ. — На него;
 И не одинъ трибунъ Валерій Рустикъ,
 А всѣ друзья народные: Паконій,
 Соранъ, Тразеа... всѣ они погибнуть
 Невинной жертвой лживаго доноса.

МЕЛЛА. — Юпитеръ!... Но откуда эти вѣсти?

Ф. АФЕРЪ. — Послушайте....

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ТЪ ЖЕ И ПРОДАВЕЦЪ ПОЛЕНТЫ *(качнть на двуколесной тележкѣ осаровню, на которой стоить накрытый котелокъ.)*

ПРОДАВЕЦЪ ПОЛЕНТЫ *(кричитъ)*. — Горячая полента!

Кому поленты? *(останавливается предъ разговаривающими)*

Прямо съ очага

Богини Форнаксъ!

ВЕЛОКСЪ. — Мы ужь закусили.

(Полентовщикъ проходитъ дальше.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТЪ ЖЕ. ДЪВЧОЧКА *съ корзинкою цвѣтовъ.*

Купите, добрые граждане, анемоновъ.

МЕЛЛА. Ненадобно.

ДЪВЧОЧКА. Купите гяцинтовъ:

Сама рвала сегодня на зарѣ!

Ф. АФЕРЪ *(даетъ ей мелкую монету)*. — Ступай, дитя!

ДЪВЧОЧКА. — Спаси тебя Юнона! *(отходитъ, крича парасльвъ):*

Фялки, гяцинты, анемоны!

Ф. АФЕРЪ. — Однако здѣсь неловко.... Отойдѣмъ

Къ дверямъ Сорана: тамъ насъ не услышать.

(Отходитъ къ соранову дому. Форумъ начинаеть покрываться народомъ. Женщины и дѣти тѣснятся съ амфорами около водомета. Вокругъ продавца поленты собирается полуоборотанная толпа.)

Ф. АФЕРЪ *(указываетъ на домъ Локусты)*. — Вы видите вонъ тотъ вертепъ тигрицы?...

Она къ себѣ недавно затацила

Овечку....

МЕЛЛА *(улыбалсь)*. — Съ бѣлокурою косою?

ВЕЛОКСЪ. — Съ лукавой бровью надъ лазурнымъ глазомъ?

ПОСИДЕСЪ. — Съ плечами Леды?

МЕЛЛА. —

Словомъ, Неволею!

Ф. АФЕРЪ. — Ну, да... къ-чему скрыватья предъ друзьями?..

Отъ бѣдной, безпомощной сироты

Всѣ боги и богини отступились,

И только благосклонная Киприда

Своихъ очей еще не отвратила.

Ее Локуста держить для приманки

Богатыхъ и развратныхъ воложить

И никуда изъ дома не пускаеть,
А на ночь запираеть на замокъ.

МЕЛЛА. — А какъ же вы видитеея?

Ф. АФЕРЪ *(качаетъ головою)*. — Мелла!

Ты посѣдѣлъ, а все не понимаешь
Того, что дѣти знаютъ наизусть:
Нѣтъ для Амура ни замокъ, ни стражи.
Но слушай дальше. Хитрая Локуста
Скрываетъ очень-ловко отъ невольницъ
Свои поступки гнусные и козни:
Наперсница всѣмъ тайнамъ Фортуната.
Но молодымъ невольницамъ Юпитеръ
Даетъ въ удѣлъ глаза и уши рысьи....
Конурка Неволеи наверху,
Подъ дождникомъ, и сквозь густые ставни
Бднѣшка видитъ только лоскутъ неба
Да атрїумъ.... ⁽¹⁰⁾ Вчера ей не спалось,
А было поздно: ужъ вторая стража.
Вдругъ зазвенѣлъ придверный колокольчикъ ⁽¹¹⁾,
Свѣтъ ночника мелькнулъ сквозь щели ставня,
Послышались поспѣшные шаги
И шопотъ Фортунаты: «Ты ли, Гиспо?»
Замѣтьте: Гиспо ходитъ каждый день
Къ Локустѣ и, украдкой отъ ревнивой
Своей старухи, сильно докучаетъ
Любовью Неволеѣ....

Велоксъ. — Вотъ за что

Другъ друга вы не любите! *(Ф. Аферъ презрительно улыбается)*.

Посидесь. — Ахъ, Велоксъ,

Да не мѣшай же слушать!

Ф. АФЕРЪ. — Неволея

Спрыгнула съ ложа, подошла къ окну
И увидала въ щелку Фортунату
И съ нею Гиспо. Оба, какъ ежидны
Приползли къ пастушьему огню,
У ночника коробились, сверкали
Другъ на друга глазами и шипѣли.
Они сначала говорили тихо,
Такъ тихо, что преступныя слова
Безъ звука на губахъ ихъ шевелились;

Потомъ ихъ рѣчи сдѣлались слышнѣе,
 И наконецъ старуха прошептала:
 «Смотри, будь осторожнѣе, Авидій!
 Локуста все разскажетъ Мессалинѣ (12);
 Но если доказательствъ не найдется?....
 Ты знаешь, это дѣло не простое:
 Въ немъ Тигеллинъ (13) участіе принимаетъ,
 А онъ шутить не любитъ.... берегися!»
 А Гиспо ей: «Не бойся, Фортуната:
 Не только на философовъ безмозглыхъ,
 Но даже на красавчика-трибуна
 И на его обжорливаго друга
 У насъ найдутся вѣрныя улики.»
 «Ну, если такъ, сказала Фортуната:
 Пожива будетъ славная!»... И оба
 Захотали громко, но тотчасъ же,
 Какъ-будто спохватившись, поглядѣли
 Такъ пристально на ставень Неволеи,
 Что вся она со страха задрожала
 И отошла скорѣе отъ окна....
 Ну, что теперь вы скажете о Гиспо?

Мелла. — Ужасно!

Посидесь. — Никакого нѣтъ сомнѣнья:

Готовится доносъ, и на кого же?

На лучшихъ гражданъ Рима!

Велоксъ. —

Но Авидій

Вѣдь никого по имени не назвалъ?

Посидесь. — Къ-чему? Мы всѣхъ ихъ сразу отгадали.

Валерій чуть не названъ: въ цѣломъ Римѣ

Другаго нѣтъ красавчика-трибуна.

Обжора другъ — конечно, ужь Паконій!

Философы — Тразея и Соранъ.

Велоксъ. — Да, это правда.... Чтожь мы будемъ дѣлать?

Посидесь. — Предупредимъ патроновъ поскорѣе.

Велоксъ. — Я, впрочемъ, за трибуна не боюсь:

Скажи онъ слово — римскія матроны

Тотчасъ же обратятся въ амазонокъ

И Римъ возьмутъ.

Ф. АФЕРЪ (съ упрямкомъ). — Ну, что теперь за шутки!

Когда бѣда трибуну угрожаетъ,

Его спасать не женщинамъ, а трибу....

Но какъ спасти?

ЦЕСТЬ *(молчащий все время)*. — Я Гиспо задушу.

Ф. АФЕРЪ. — Нѣтъ, Цестъ! Твое намъренье похвально,
И Гиспо не мѣшаетъ задушить,
Но не теперъ : онъ будетъ нуженъ.

ЦЕСТЬ *(киваетъ, въ знакъ согласія, головой)*. — Послѣ...

Посидесь. — Однакожь мѣшкать нечего! Пойдемте
Искать своихъ патроновъ: я иду
Къ Валерію, но гдѣ онъ — въ базиликѣ ⁽¹⁴⁾,
Иль дома?

Ф. АФЕРЪ. — Ты отправься въ базилику,
А Мелла на домъ.

Велоксъ. — Я пойду къ Тразевъ.
А кто изъ васъ къ Паконію пойдетъ?

Ф. АФЕРЪ. — Паконій спитъ и никого не приметъ.
Мы съ Цестомъ лучше подождемъ Сорана :
Онъ, кажется, отправился въ Сенатъ.

Посидесь. — Пора, пора! И такъ на насъ всѣ смотреть...
Сойдемся здѣсь же, завтра утромъ... Vale !

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Ф. АФЕРЪ *сидитъ на каменную скамью у соранова дома; ЦЕСТЬ
стоитъ подлѣ, задумавшись. Толпа прибываетъ. Граждане, отпущенники,
гладиаторы, преторіанцы и рабы наполняютъ форумъ. Вдоль портика ста-
вятъ скамьи*).

Ф. АФЕРЪ. — Цестъ, для чего собирается народъ?

ЦЕСТЬ. — Глазѣтъ на ходъ жрецовъ и канеторовъ.

Ф. АФЕРЪ. — Я позабылъ : теперъ панаэнеи ⁽¹⁵⁾...
А скоро ли процессія начнется?

ЦЕСТЬ. — Должно-быть, скоро.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

*(По сценѣ проходитъ старикъ, покрытый рубищемъ. Онъ очень усталъ и
съ трудомъ передвигаетъ ноги, опираясь на посохъ. Пораженный со скам-
ей, онъ останавливается въ нерешимости)*.

Ф. АФЕРЪ *(встаетъ со скамьи)*. — Отдохни, старикъ! *(старикъ
медлит)*.

Садись, садись : ты, вѣрно, издалека? *(Старикъ, въ изнеможении, опу-
скается на скамью и закрываетъ лицо руками)*.

Не хочешь ли съ дороги освѣдниться?

Пойдемъ со мной воежь въ этотъ термopolitanъ (*Старикъ отрицательно качаетъ головой. Ф. Аферъ подаетъ ему кошелекъ*).

Смотри : ты обронилъ свой кошелекъ.

Вотъ онъ...

Старикъ (*отводитъ руку Афера*). — Ненужно, добрый человекъ!
(*Ф. Аферъ поглядываетъ въ недоумьннн на старика, отводитъ въ сторону. Слышенъ звукъ трубы*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

(*На форумъ ползается Глашатай, одятый Меркуриемъ. Въ рукахъ у него серебряная труба и кадуцый.*)

Глашатай (*протрубивъ три раза*). — Божественный нашъ кесарь Неронъ-Августъ

Послалъ меня къ вамъ, римскіе граждане,
Глашатаемъ своей священной воли !

Народъ. — Да здравствуетъ божественный нашъ кесарь !

Глашатай. — Внемлите мнѣ : по случаю торжествъ
И шествія въ честь праведной Минервы,
Божественный нашъ кесарь Неронъ-Августъ,
Желая съ вами радость раздѣлить,
Вегаь открыть, для игоръ и для зрѣлищъ,
Театръ и циркъ на всѣ панаеенеи.

Народъ. — Да здравствуетъ божественный нашъ кесарь !
(*Глашатай проходитъ форумъ и скрывается*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Тъ же, Отпущенникъ, Гладіаторъ, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Граждане, Музыкантъ, Возничій, Мимъ, Преторіанецъ, Ф. Аферъ и Цестъ *стоятъ въ сторонѣ у соранова дома.*

Преторіанецъ. — Хвала Нерону-Августу, вождю
Непобѣдимыхъ римскихъ легионовъ !

Да здравствуетъ нашъ кесарь Неронъ-Марсъ !

Гладіаторъ. — Онъ льва задушить голыми руками ⁽¹⁶⁾ !
Да здравствуетъ нашъ кесарь Геркулесъ !

Музыкантъ. — Онъ голосомъ божественнымъ и лирой
Вливаетъ жизнь въ бездушную природу
И камни въ трепеть сладостный приводитъ !

Да здравствуетъ нашъ кесарь-Аполлонъ !

Возничій. — Хвала ему ! Когда онъ по аренѣ
Несется на квадригѣ ⁽¹⁷⁾ быльскнѣжной.

Подумаешь — самъ Фебъ сошелъ на землю.

Мимъ. — Когда на сцену кесарь нашъ выходитъ,
 Богиня краснорѣчія незримо
 Вселяется во всѣ его слова,
 Во всѣ его движенія.

Отпущенникъ (18). — Граждане!
 Нашъ кесарь Неронъ выше всѣхъ боговъ:
 Онъ весь Олимпъ въ себѣ соединяетъ!
 Хвала ему!

Ф. Аферъ (*тихо Цесту*). — Вотъ этотъ похвалилъ!

Отпущенникъ. — Граждане! Кто построилъ новый Римъ?

Ф. Аферъ (*тихо*). — А старый гдѣ (19)?

Отпущенникъ. — Кто насъ поитъ и кормитъ?
 Кому земля несметныя богатства,
 Зарытая царицею Дидоной,
 Въ теченіе столѣтій сохранила?
 Въ чью пользу сновидѣнье указало
 Сокрытый кладъ?

Ф. Аферъ (*тихо*). — Лжетъ: клада не нашли
 И самъ сновидѣцъ съ горя удавился (20).

Отпущенникъ. — На всѣ мои вопросы отвѣчаю:
 Онъ, онъ, ему, ему, въ его же пользу!...
 Но предоставимъ болѣе-достойнымъ
 Исчислить всѣ достоинства его;
 Забудемъ обо всѣхъ благодѣяньяхъ,
 Оказанныхъ имъ Риму, или міру,
 А упомянемъ только объ одномъ,
 Что сами боги кесарю Нерону
 Обязаны признательными быть. (*Торжественно охладываетъ крутомъ.*
Всѣ молчатъ).

Давно ли намъ безвѣріе грозило?
 Давно ли ложное ученіе съ Востока
 Умы людей собою заражало?
 На нашу почву пало злое сѣмя,
 И деревомъ вѣтвистымъ разрослось,
 И тѣнь свою бросало на Олимпъ;
 Но кесарь поднялъ страшную сѣкиру
 И древо ядовитое срубилъ
 До корня...

ЯВЛЕНІЕ ДВЕНАДЦАТОЕ.

Тъ же и А. Гиспо (*выходитъ изъ толпы*).

Гиспо. — А не вырвалъ съ корнемъ вонъ!

Ф. Аферъ. — Опять закаркалъ этотъ черный воронъ!

А. Гиспо (*отпущеннику*). — Я рѣчь твою, по долгу гражданина
И кесаря слуги, перебываю.

Ты началъ говорить о христіанахъ ⁽²¹⁾...

А знаетъ ли божественный нашъ кесарь,

Что христіане снова появились?

(Общее изумленіе).

Отпущенникъ. — Гдѣ? въ Римъ?

А. Гиспо. — Нѣтъ, подѣ Римомъ... въ катакомбахъ.

(Толпа взволновалась. Изъ нея раздаются крики:)

Какъ? Христіане!

. Губители младенцевъ!

Они наслали голодъ и болѣзни!

Зажгли нашъ Римъ!

Своей нечистой кровью

Преддверья нашихъ храмовъ осквернили!

Первый гражданинъ. — Не можетъ быть: ихъ кесарь истре-
билъ.

Я видѣлъ самъ, какъ ихъ въ куски рубили...

Второй гражданинъ. — Я видѣлъ, какъ ихъ вѣшали на
крючьяхъ,

Какъ въ землю ихъ живыми зарывали.

Третій гражданинъ. — Я видѣлъ, какъ, зашивъ въ мед-
вѣжьихъ шкуры,

Ихъ псами приученными травили.

Четвертый гражданинъ. — Дѣйствительно, не можетъ это быть.

Мы помнимъ всѣ ту ночь, когда намъ кесарь

Для праздника открылъ свои сады

И освѣтилъ ихъ небывалымъ свѣтомъ;

Мы помнимъ, какъ, на кольяхъ и цѣпяхъ,

Живые факелы качались и горѣли:

То были нечестивцы — христіане!

Ихъ облекли въ туніки смодяныя,

Пропитанныя сврою горючей,

Пробили колями имъ шею съ тыла

И, на цѣпяхъ поднявши вверхъ, зажгли...

Откуда же они опять явились?

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ. — Прибавь еще, что сами христіане
Искали мукъ и къ плахъ собирались,
Какъ мотыльки на свѣточъ.

А. Гиспо. — Каждый вечеръ
Сгарзеть очень-много мотыльковъ,
Но остается больше... Я не знаю,
Откуда появились христіане —
Съ крестовъ, съ костра, изъ челюстей зѣтрей,
Изъ нѣдръ земли, а, можетъ-быть, изъ Рима;
Но христіане, или тѣни ихъ
Собираются вседневно въ катакомбахъ,
И ежели...

*(Смолкаетъ и смотритъ на террасу веранды дома. На террасѣ по-
лелется Сервилія, въ сопровожденіи Антоніи и двухъ невольницъ. Въ
рукахъ невольницъ кошицы цвѣтовъ. Покрывало Сервиліи откинуто
назадъ; въ распуценные волосы оплетены крупная нити жемчуга. Об-
щая тишина. За сценой начинается салютъ изъ пушекъ).*

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тъ же, Сервилія, Антонія и Невольницъ.

Отпущенникъ *(къ Гиспо).* — Ты что же замодчалъ?

А. Гиспо. — *(Указываетъ движеніемъ головы на террасу).* Ктѣ это?

Отпущенникъ. — *(Тихо).* Дочь сенатора Сорана,
Сервилія.

Гиспо. — *(Тихо).* Молва не обманула:

Красавица!..

Отпущенникъ. — Да... скоро Гименей
Свой пламенный зажжетъ для этой нимфы
И для Тразеи.

Гиспо. — Что ты говоришь?

Онъ въ дѣды ей годится.

Отпущенникъ. — *(пожимаетъ плечами).* Это воля
Ея отца.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тъ же и конный глашатай. *(Въ рукахъ у него знамя Минервы съ
бронзовою совою).*

Глашатай *(Раздвигая толпу).* — Граждане, мѣста! мѣста!
Священная процессія идетъ!

(Народъ разстутается во все стороны и пестрыми полсомъ освѣтываетъ форумъ.— На священной дорогѣ показывается шестое канефоровъ. Впереди идутъ мастиые старикъ съ олековыми вѣтвями, за ними воины, вооруженные щитами и копьями; за воинами юноши и дѣти. Дѣвщицы несутъ на головахъ священныя корзины; ивъ сопровождаютъ невольницы, однѣ съ опаталами и складными стѣдальницами, другія съ возліальниками, наполненными водою и медомъ. За всей этой толпой слѣдуютъ музыканты, расподы и вооруженныя съ ногъ до головы пласуньи; за пласуньями движется корабль, на которомъ развѣвается леваій парусъ съ изображеніемъ победы Минервы надъ титанами. Корабль окружаютъ жрецы. При появленіи шествія, весь народъ падаетъ на колѣни; только старикъ попрежнему сидитъ неподвижно на скамьѣ. Гиспо указываетъ на него отпущеннику, который утвердительно киваетъ головой. Шестое близится медленно и обходитъ форумъ.)

Хоръ.

О, Аѳина-миродавица,
Дщерь Зевеса лѣпокудрая!
Благодарные народы
Про тебя сложили оды
И поютъ ихъ въ честь твою.

Олимпійская красавица,
Непорочная, премудрая!
Ты оливу проростила,
Ты титановъ поразила
Въ сокрушительномъ бою.

(Появляясь съ доломъ Сорана, шестое останавливается. Пласуньи, подѣ звуки флейтъ, начинаютъ воинственную пляску, представляющую битву Минервы съ титанами. По окончаніи пляски, шестое направляется къ храму Минервы, въ который слѣдуетъ положить парусъ священнаго корабля. — Сервилія, Антонія и невольницы бросаютъ съ террасы цѣпты.)

Хоръ.

Мужи, старцы убѣленные,
Дѣвы, юноши стыдливые,
Всѣ твоей опоры просятъ,
Всѣ на жертвенникъ приносятъ
Тучныхъ агнцевъ и козлятъ.

Прими дары смиренныя,
Ниспошли намъ дни счастливыя:
Да на вѣки, Титанида,
Насъ побѣдная эгида
И копьѣ твое хранять!

(Шестое входитъ въ храмъ Минервы. Переждавъ послѣднихъ жрецовъ, Отпущенникъ, Гиспо и нѣсколько человекъ подходятъ къ старику.)

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

СТАРИКЪ, А. ГИСПО, ОТПУЩЕННИКЪ, ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ, ТРЕТІЙ И ЧЕТВЕРТЫЙ ГРАЖДАНЕ, Ф. АФЕРЪ И ЦЕСТЬ, СЕРВИЛІЯ, АНТОНІЯ И НЕВОЛЬНИЦЫ. НАРОДЪ.

Отпущенникъ. — Посмотримъ, что за странный человекъ.
(указываетъ на старика).

Приросъ къ скамьѣ, какъ мохъ съдой къ утесу... (Старику)

Го! старый Фавнъ! ты умеръ, или живъ? (Старикъ не перемѣняетъ положенія).

Первый гражданинъ. — Не глухъ ли онъ?

Второй гражданинъ. — Не слѣпъ ли?

Третій гражданинъ. — Просто, дремлетъ.

А. Гиспо. — Такъ разбудить!.. (подходитъ къ старику).

Эй, полно спать! проснися!

Эй! (Бьетъ старика по плечу).

СТАРИКЪ (поднимаетъ голову). — Я не сплю... (Помолчавъ)

Но сонъ тяжелый вижу!

(Величественно встаетъ со скамьи. Лицо его покрылось румянцами; глаза горятъ.)

ЧЕТВЕРТЫЙ ГРАЖДАНИНЪ. (Держитъ Гиспо за одежду). —

Не тронь его; ты видишь: сумасшедшій! (Гиспо болезненно отходить. Сервилія, намъревавшаяся уйти, останавливается. Народъ начинаетъ толпиться около старика. Молчаніе).

СТАРИКЪ (поднимаетъ глаза къ небу). — Благодарю тебя, всесильный Боже!

Мой часъ насталъ... (Къ народу).

Зачѣмъ вы здѣсь, безумцы? (указываетъ по-своemu на удаляющееся шествіе).

Что это за потѣха Вельзевула?

Второй гражданинъ (тихо). — Онъ бредитъ... Что такое онъ сказалъ?

Какого Вельзевула?

Старикъ. — Сатаны!

Отпущенникъ (Гиспо). — Онъ вѣрно варваръ: Смиоъ или Парянинъ. (Старику.)

Старикъ! твои слова намъ непонятны:

Кто эти Вельзевулъ и сатана?

Старикъ. — О, чада тьмы!.. Слѣпотствуя во мракъ,

Рождаяся рожденіемъ грѣховнымъ

И смертію грѣховной умирая,

Не знаете отца грѣха и смерти!

Ходя въ грѣхъ и рабствуя грѣху,
Вы своего не знаете владыки!

Отпущенникъ. — Да это просто сумасбродный риторъ,
Или философъ-циникъ, какъ Деметрій. *(Старикъ)*
Старикъ, ступай-себѣ своей дорогой...
Философовъ-пришельцевъ намъ не нужно:
И отъ своихъ приходится намъ тошно!

Ф. Аферъ. — Зачѣмъ его тревожили?

А. Гиспо. — Зачѣмъ?

Онъ спитъ, когда проходятъ канефоры.
Да и теперь зачѣмъ онъ говорить,
Что мы не знаемъ своего владыки?
Мы кесаря владыкой признаемъ!

Старикъ. — Владыка вашъ не кесарь — сатана,
Исконный врагъ добра и благодати;
Вы — воинство позорное его!

А. Гиспо. — Вы слышите, граждане? этотъ нищій
Повоситъ насъ и гласно уличаетъ
Въ измѣнѣ кесарю...

Старикъ. — О, злое племя! *(Идетъ смѣлыми шагами къ осужденному Дианн. Толпа передъ нимъ разступается).*

Первый гражданинъ *(къ Гиспо)*. — Оставь его: онъ точно сумасшедшій.

Никто въ разсудкѣ адромомъ не посмѣетъ
На форумъ такъ дерзко говорить...
Не намъ судить, гдѣ боги осудили...

Старикъ *(останавливается)*. — Кто осудилъ?.. Какіе боги?..

Боги!

Ихъ нѣтъ, слѣпцы!

Одинъ есть Богъ Всесильный,
Вселенную и горній міръ создавый.
Но вы его не знаете, безумцы!
Гдѣ ваши боги? гдѣ они?.. *(указываетъ на храмъ).*

Въ кумирняхъ!

Въ притонѣ любострастныхъ, пресыщенныхъ
Виномъ и мясомъ жертвеннымъ жрецовъ...
Что ваши боги? — Срамныя идеи
Разврата, лжи, убійства и корысти,
Боготворимо-чтимыя народомъ
Въ мѣди и въ камнѣ, въ образахъ безстыдныхъ,

Возникшихъ подъ рѣзцомъ и молоткомъ
Насмѣнаго ваятеля...

О, горе!

Вотъ до чего превлещемъ сатанинскимъ
Унизились и исказились люди,
Созданья, сотворенныя Всевышнимъ,
По образу Его и по подобью!
Ихъ въра — грѣхъ! Ихъ боги — истуканы!
Прозрите ль вы душой, идоложрецы?
Вотъ ваши боги! *(разбиваетъ посохомъ изваяніе Діаны).*

Мрамора осколокъ... *(Народъ, оцѣпенѣвшій на мнго-
веніе, схватываетъ камень и съ яростнымъ воплемъ устремляется
на старика. Сервилія вскрикиваетъ и закрываетъ лицо руками. За
сценой слышны голоса:)*

Трибунъ! Трибунъ Валерій! *(На форумъ влетаетъ колесница, окру-
женная конными воинами).*

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тъ же, воины и Валерій Рустикъ.

ВАЛЕРІЙ *(соскакиваетъ съ колесницы и бросается въ толпу).*

Что такое?

Ножи! камня!.. *(указываетъ на старика).*

Что за человѣкъ?

СЕРВИЛІЯ *(подбѣгаетъ къ периламъ террасы).*

Трибунъ! *(Валерій быстро оборачивается. Взглянувъ на Сервилію, онъ
едва удерживается отъ восклицанія и почтительно наклоняетъ голову).*

Спаси несчастнаго безумца,

Не дай пролиться крови у порога
Сенатора Сорана!..

ВАЛЕРІЙ *(къ народу).* — Успокойтесь... *(голосъ его слегка дрожитъ).*
Не стыдно ли шумѣть, какъ-будто галлы,
Иль кимвры осадили Капитолій?..
Что сдѣлалъ вамъ старикъ?

НАРОДЪ *(кричитъ).* — Онъ святотатецъ!
Не признаетъ всеправедныхъ боговъ!
Кошунствуетъ!

Смѣется надъ жрецами!

Разбилъ кумирь Діаны свѣтоварной!

Гляди!.. *(нѣсколько рукъ указываетъ на разбитую статую).*

ВАЛЕРІЙ *(съ изумленіемъ смотритъ на старика, который съ орла столъ недвижимо и спокойно выжидалъ своего убійцу)*. — Кто ты, безумецъ дерзновенный?

Старикъ. — Я грѣшный рабъ Спасителя Христа. *(Въ народѣ раздаются бѣшеные крики:)*
Христіанинъ!

Звѣрь!

Аспидъ ядовитый!

Каменьями!

Въ клочки его! *(нѣсколько человекъ, въ томъ числѣ отпущенникъ и Гиспо, кидается на старика).*

ВАЛЕРІЙ *(громовымъ голосомъ)*. — Назадъ! *(Толпа останавливается: Аферъ и Цестъ подходятъ къ Валерію и становятся сзади его).*

Забыли вы, что нѣтъ самоуправства?

Что только кесарь нашъ имѣеть право,

Съ согласія Сената и народа,

На жизнь и смерть? *(воплемъ)* Возьмите старика! *(Воины исполняютъ его приказаніе и связываютъ старика руки. Народный ропотъ утихаетъ).*

ВАЛЕРІЙ *(старика)*. — Послушай, нечестивый изувѣръ!

Тобою оскорбленная богиня

Пріяла образъ благородной дѣвы

И чистымъ словомъ непорочныхъ устъ

Спасла тебя на краткій мигъ отъ смерти,

Чтобъ ты могъ раскаться... *(Сервилія, краснѣя, опускаетъ покрывало и медленно удаляется съ своими провожатыми. Валерій бросаетъ на нее долій взглядъ).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ СЕРВИЛІИ, АНТОНИИ И НЕВОЛЬНИЦЪ.

ВАЛЕРІЙ *(продолжаетъ)*. — Но знай!

Юпитеръ самъ простить тебя не можетъ:

Тебя ждетъ казнь.

Народъ *(кричитъ)*: — На висѣлицу!

Въ циркъ!

Подъ когти тигра!

Въ челюсти гіены!

На крестъ!

На раскаленную рѣшотку!

Старикъ *(радостно)*. — Идемъ скорѣй! Я жажду лютой смерти!

О, Господи! мнѣ, грѣшнику, дозволь

Сподобиться неслыханныхъ мученій:

Да видятъ эти жалкіе безумцы,
 Какъ сладко умирать христіанину,
 Твое святое имя прославляя!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Термы Агриппы (22). — Мраморная столовая о четырехъ ионическыхъ колоннахъ. Потолокъ сведенъ въ ключъ, опускающійся многоградною кистью; бѣлыя стѣны увѣнчаны рельефнымъ карнизомъ. На задней стѣнѣ ниша о трехъ уступахъ, по которымъ бѣжитъ вода; по обѣимъ сторонамъ ниши статуи Гинія и Бакхуса. Правая и лѣвая стѣны столовой прорѣзаны высокими дверьми. Посрединѣ сцены мозаичный столъ на металлической ножкѣ, изображающей сатира; вокругъ стола трапезная лѣжа, одѣтая пурпуровыми тканями. У лѣвой двери горка съ драгоценными сосудами. — Столовая освѣщается множествомъ лампъ, привѣшенныхъ къ канделябрамъ. На треножникахъ курятся благовонія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПАКОНІЙ, СЕНЦІЙ, МОНТАНЪ и ГЕЛЬВИДІЙ.

ПАКОНІЙ (*указываетъ на столъ*). — Замѣтьте, вѣсь придавленъ у сатира,

А сквозь волосъ просунулись рога :
 Такое изваяніе сатира,
 По мнѣнію ученыхъ (23), означаетъ,
 Что этотъ козмоногій волокита,
 Напившись, неудачно подрался
 И подтвердилъ собою изреченье
 Горация въ какой-то одѣ : *vinum*
In graelia inermem trudit.

Гельвидій. — Sic!

Ужь ты бы не цитировалъ поэтовъ :
 Навѣрное все спутаешь...

ПАКОНІЙ. — Не спорю :
 Быть-можетъ, я не такъ прочелъ стихи,
 Но смыслъ остался все одинъ и тотъ же,
 Что и добрякъ полбѣзетъ съ пьяна въ драку :

Монтанъ. — Однако же, Паконій, попытайся
Безъ эпизодовъ продолжать разсказъ.

Паконій. — Меня Гельвидій съ тобою обмань отицами...
Я продолжаю... Мы остановились
На томъ, какъ я явился къ Мессалинѣ,
Чтобъ разузнать подробнѣй о доносѣ,
Какъ у нея я встрѣтилъ Капитона,
И какъ онъ мнѣ лицомъ своимъ напомнилъ
Курносаго сатира...

Сенцій. — Это такъ.
Но растолкуй намъ, почему Валерій
Самъ не хотѣлъ навѣдать Мессалину?

Паконій. — Съ недавнихъ поръ Валерій самъ не свой :
На форумъ и днюетъ и ночуетъ,
Сталъ блѣденъ, худъ, угрюмъ и молчаливъ,
Какъ жрецъ Ианды... Но прошу вниманья !
Я позабылъ сказать, что Мессалина
Насъ принимала въ перистильномъ гротѣ,
Откуда, только передъ нами, вышелъ
Ваятель Главкъ : онъ лепитъ съ Мессалины,
Для кесаря, статую Амфитриты..
Представьте гротъ изъ накра и коралла,
Причудливо раскинувшего вѣтви;
Въ вѣтвяхъ дробятся струйки водометовъ
И впутались растенья водяныя;
Полъ зернью мелкихъ раковинъ усыпанъ
И золотымъ пескомъ изъ Хризорроя;
Представьте, въ благовонномъ полумракѣ,
На ложѣ, мхомъ искусственнымъ поросшемъ,
Обрызганномъ росинками жемчужинъ,
Въ вѣнкѣ изъ влажнолиственныхъ нарцисовъ,
Владычицу сѣдаго Океана.
Она на свѣжемъ ложѣ приподнялась
И выжимаетъ воду изъ волосъ,
А волосы такъ мягки и волнисты,
Что, кажется, прольются сквозь персты
И утекутъ съ водою по помусту.
Богиня улыбается. Одежда
Прозрачными струями обливаешь
Догибы легкотрепетнаго стана

И отбывала только отъ ноги,
 Какъ пѣна былой, смѣло-обнаженной,
 Во всей ея скульптурной красотѣ,
 До самаго колѣна... Обаянье!
 Въ глазахъ темнѣеть...

Вотъ вамъ Мессалина!

Монтанъ. — Ого, Паконій! что за краснорѣчье!
 Не хочешь ли ты сдѣлаться тритономъ
 Богини моря?

Паконій. — И трубя повсюду
 О красотѣ ея, ловить муренъ,
 Дорать и вкусныхъ устриць?... Я согласенъ!
 Но, кромѣ шутокъ, эта Мессалина
 Такъ хороша, что смѣло можетъ быть
 Преемницей Поппеи.

Сенцій. — Не находка:
 Римъ женскаго владычества не любить
 Паконій. — Ты думаешь, что Мессалина можетъ
 Напомнить соименницу свою (24)?
 Нѣтъ, ты ея не знаешь... Мессалина —
 Дитя весны и солнца, какъ мимоза:
 Коснись ея все, чуждое цвѣтку,
 Она свернетъ печально лепесточки,
 И только... Но придирчивый Монтанъ
 Просилъ меня не дѣлать отступлений:
 Я постараюсь кончить поскорѣе,
 И потому...

(Входитъ Элатій.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тъ же и Эгнатій.

Гельвидій. — А! вотъ и нашъ Эгнатій!

Монтанъ. — Да будетъ твой приходъ благословенъ!
 Поторопи Паконія расскажемъ:
 Онъ насъ морить хвалами Мессалинѣ,
 И до-сихъ-поръ объ общемъ нашемъ дѣлѣ
 Не началъ даже.

Паконій. — О, неблагодарность!
 Какъ опытный ораторъ, я хотѣлъ
 Все рассказать, какъ слѣдуетъ, по пунктамъ;

Но ежели вы такъ нетерпѣливы,
Я обойдусь немногими словами.
Доносы Гіспо заключались въ темъ,
Что всѣ мы — злые стоики...

Монтанъ. — Какъ ново!

Паконій. — Что всѣ мы были близкими друзьями
Рубеллію, погибшему достойно
За умыслы преступные его;
Что мы любовь народную снискали
Въ намѣренны, скрываеомъ усердно,
Но слишкомъ-явномъ.

Сенцій. — Это ужь не шутки.

Паконій. — Какія шутки! Еслибъ Мессалина
Къ Валерію пріязни не питала,
Мы были бъ всѣ обвинены Сенатомъ
Въ измѣнѣ Риму... А потомъ... ты знаешь?

Сенцій. — Ланцетъ... Благодаренье Мессалинѣ!

Эгнатій. — Благодари не Мессалину, Цеста.

Сенцій. — За что?

Эгнатій *(подастъ ему свитокъ папируса)*. —

Прочти вотъ этотъ свитокъ, Сенцій!

Сенцій. — Я вечеромъ не вижу.

Монтанъ. — Дай сюда,

Я прочитаю. *(Развертываетъ свитокъ и пробавляетъ его глазами)*.

Что это такое?

Послушайте! *(читаетъ вслухъ)*.

«Преторіи Препекту,

Сафонію Либеллѣ Тигеллину.

Я, римскій гражданинъ Авидій Гіспо,
По силѣ клятвы, мною принесенной
Предъ алтаремъ всеправедныхъ боговъ
И долгу гражданина, объявляю,
Что римскіе сенаторы: Тразеа,
Соранъ, Монтанъ, Гельвидій и Паконій,
А также римскій юрисконсультъ Сенцій,
Трибунъ Валерій Рустикъ и кліенты
Его, граждане — Велокъ, Цестъ и Мелла,
А больше всѣхъ отпущенникъ Эгнатій
И римскій гражданинъ Фульциній Аферъ,
Замыслили измѣну противъ Рима.

Все сказанное клятвой утверждая,
 Могу представить должны улики
 На всѣхъ поименованныхъ. Авидій,
 Авидія Домиція сынъ, Гіспо.»

Сенцій. — Что это значить?

Эгнатій *(береть свитокъ у Силака)*. — Значить, что Авидій,
 Не положась вполнѣ на Мессалину
 И не желая съ кѣмъ-либо дѣлиться,
 Самъ намаралъ безграмотный доносъ.

Паконій. — Но какъ же онъ къ тебѣ попался?

Эгнатій. —

Просто.

И вмѣстѣ съ тѣмъ почти-невѣроятно...
 Авидій Гіспо, написавъ доносъ,
 Отправился съ нимъ прямо къ Тигеллину
 Сегодня, раннимъ утромъ. По дорогѣ
 Онъ встрѣтилъ Цеста : тотъ его толкнулъ
 Такъ ловко, что Авидій растянулся
 На мостовой и выронилъ свой свитокъ.
 Цестъ поднялъ; Гіспо, на ноги вскочивши,
 Какъ коща прыгнулъ старику на грудь,
 А Цестъ своей увѣсистой рукою
 Сдавилъ ему неосторожно горло...

Гельвидій. — И подушилъ доносчика порядкомъ?

Эгнатій. — Сказать точнѣе : просто задушилъ.

Монтанъ. — Какъ, до смерти?

Эгнатій. — Нѣтъ... Гіспо прежде крикнулъ

И побагровѣлъ, а de facto умеръ
 Потомъ уже... На крикъ его сбѣжались...
 По счастью, я шелъ случайно мимо,
 И Цестъ успѣлъ мнѣ свитокъ передать.

Паконій. — Mehercule! забавная развязка!

Сенцій. — Предназначенье праведной судьбы,
 Которая доселѣ насъ хранила
 И нынѣ не престала сохранять.

Гельвидій. — Вопросъ : къ-чему?... Но гдѣ же нашъ спаситель?

Эгнатій. — Кто, старый Цестъ? Покаместъ онъ въ темницѣ,
 А послѣ вѣрно будетъ брошенъ въ циркъ.

Монтанъ. — Намъ надобно спасать его скорѣе.

Паконій. — А если не удастся?

Эгнатій. — Самъ спасется...

Германика любимый ветеранъ,
 Силачъ, отлитый съ волоса до ногтя
 Изъ мрамора, конечно, не робя,
 Подниметь на рогатину тигрицу
 И даже льва...

Сенцій. — Я думаю, что кесарь,
 Знатокъ и страстный почитатель цирка,
 Не согласится выпустить изъ рукъ
 Такого звѣробойца.

Паконій. — Безъ-сомнѣнья...
 Я самъ, хотя люблю душевно Цеста,
 Но, признаюсь, желалъ бы посмотреть
 На схватку звѣря съ старымъ геркулесомъ.

Монтанъ. — Однако же попытка въ пользу Цеста
 Необходима!

Паконій. — Это наше дѣло.

Сенцій. — Друзья мои, намъ должно хлопотать
 О личной безопасности : сегодня
 Спаслися мы, а завтра не спасемся.
 Вы вспомните, что въ Римѣ мало Цестовъ,
 А Гиспо много...

Эгнатій. — Это справедливо.

Гельвидій. — И даже такъ, что намъ пора принять
 Последнія, рѣшительныя мѣры.
 Желая правды, мира и добра,
 Мы надѣлимъ непростительно : всѣдневно
 Сбираемся для бесполезныхъ прешій,
 И, подавая поводъ для доносовъ,
 Походимъ не на стойковъ степенныхъ,
 На крикуновъ и жалкихъ сумасбродовъ.
 Чего хотимъ мы ? Свергнуть Тигеллина
 И прекратить ожидаемые доносы, (25).
 Которые сосутъ у Рима сердце?

Монтанъ. — Не мы одни, весь Римъ того желаетъ.

Сенцій. — Для этого намъ слѣдуетъ представить,
 Что Тигеллинъ корыстный временщикъ
 И кесаря ликъ свѣтлый заслоняетъ
 Своею мрачною фигурой отъ народа ;
 Что, грабя Римъ, тиранствуя надъ Римомъ,
 Онъ въ то же время на него клеветаетъ

И кесаря всечасно раздражаетъ
 Извѣтами на благородныхъ гражданъ,
 Которые нетолько не виновны
 Въ злыхъ умыслахъ, вводимыхъ Тигеллиномъ,
 Но сознали и вѣрять неизмѣнно,
 Что кесарь нашъ есть повелитель міра,
 Глава его, душа его, зеркало,
 Въ которомъ виднѣнъ образъ божества.
 Вотъ наша цѣль.

Паконій. — И наши убѣжденья
 Согласны съ этой цѣлью; но какъ же
 Достичь ея?

Гельвидій. — Идя прямой дорогой.
 Эгнатій намъ составить протоколъ,
 А мы его подпишемъ, обяуаясь
 Предъ кесаря предстать съ глаголомъ правды
 И умолять, отъ имени всѣхъ римлянъ,
 О пресѣченнѣ зла и безпорядковъ,
 Производимыхъ деракимъ Тигеллиномъ.
 Согласны вы?

Паконій, Сенцій и Монтанъ. — Согласны.

Эгнатій. —

Но Валерій,

Соранъ, Трааса?

Паконій. — Не-уже-ли можно

Въ нихъ сомнѣваться?

Эгнатій. — Кто же сомнѣвался!

Я только вамъ хотѣлъ про нихъ напомнить.

Гельвидій. — Понятно, что во всякомъ обществѣ для
 Согласья нужно общее.

Монтанъ. — Итакъ

Теперь мы всѣ рѣшилися?

Сенцій. — Рѣшились.

Гельвидій. — Пиши, Эгнатій, кратче, но сильнѣе,
 А главное, яснѣе.

Эгнатій. — Постараюсь.

Паконій. — Позвольте предложить одинъ вопросъ:
 Все сказано?

Сенцій. — Все.

Паконій. — Стало-быть, мы можемъ
 Покончить дѣловые разговоры.

Благодаря судьбѣ, мы торжествуемъ :
 Избавились отъ гнуснаго доноса,
 Рѣшили какъ дальше поступать,
 И, слѣдственно, обязаны немедля
 Принести богамъ горячія молитвы
 И возліянья...

Вы не позабыли,
 Что я, предвидя счастливый конецъ,
 Васъ пригласилъ отпраздновать удачу
 Трапезою?..

Гельвидій. — Добился своего !

Монтанъ. — Но мы не всѣ здѣсь на-лицо ?

Паконій. —

Валерій

Наврядъ придетъ.

Монтанъ. — А твой философъ-циникъ ?

Паконій. — Деметрій (²⁶) также точенъ, какъ тѣниикъ
 На солнечныхъ часахъ, и посмотрите,
 Что скоро самъ войдетъ къ намъ длинной тѣнью.

Гельвидій. — Пусть входитъ : тѣнь для термъ необходима.

Паконій. — Да, встати ! Догаданы ли вы,

Зачѣмъ я нынче выбралъ эти термы ?

Монтанъ. — Загадка сфинкса !

Паконій. —

Кто жъ Эдипомъ будетъ ?

Эгнатій. — Пожалуй, я : здѣсь вѣрно новый поваръ ?

Паконій. — О, мудрый мужъ ! ты выше всѣхъ похвалъ !

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ТѢ ЖЕ. ВХОДИТЪ ДЕМЕТРІЙ. *(На немъ судая мактія : въ рукахъ посохъ, за спиной сума).*

ДЕМЕТРІЙ *(останавливается у двери и ограждаетъ глаза рукою).*

Туда ли я по слѣпотѣ зашелъ ?

Паконій звалъ меня на скромный ужинъ,

А здѣсь — дворецъ и пиръ...

Паконій *(идетъ ему навстрѣчу).* — Умилосердись

И не громи укорами своими

На этотъ только вечеръ...

ДЕМЕТРІЙ *(ставитъ въ уголъ посохъ).* — Я молчу.

Паконій. — Позволь тебя съ друзьями познакомить.

Ты съ Сенціемъ и молодымъ Монтаномъ

Знакомъ уже... *(Указываетъ на Гельвидія и Эгнатія).*

Вотъ это зять Траверс,
 Сенаторъ и пріятель мой Гельвидій,
 А это вотъ Эгнатій, римскій стоикъ...
 Онъ выросъ въ домъ стараго Сорана,
 Воспитанъ и любимъ имъ, какъ родной.
 ДЕМЕТРІЙ. — Благодарю за новое знакомство :
 Оно меня вполнѣ вознаградитъ
 За твой обманъ.

ПАКОНІЙ. — О, ради Діогена,
 Не упрекай ! Я такъ тебя боюся...
 Ты можешь все на свѣтъ доказать.

ГЕЛЬВИДІЙ. — Твой страхъ понятенъ для меня, Паконій !
 Ну, если намъ докажутъ, что не должно
 Ни ѣсть, ни пить ?

ПАКОНІЙ *(хватаетъ себя за голову)*. — Me miserum ! скорѣе,
 Скорѣй за столъ ! *(ударяетъ въ ладоши)*.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТѢ ЖЕ. *Въ дверяхъ показываются рабы съ возлѣльниками, блюдами и стѣнками.*

ПАКОНІЙ. — Прошу возлечь на ложа,
 Ad libitum. За дружеской трапезой
 Почетныхъ мѣсть существовать не можетъ :
 Всѣ равныя !

*(Собесѣдники возлегаютъ. Рабы, надѣвъ имъ на головы пиршественныя
 ельки, подаютъ сосуды съ водою и длинныя платы)*.

ПАКОНІЙ *(отираетъ руки)*. — Свершая омовенье,
 Прилично, кажется, сказать два слова
 О предстоящей трапезѣ. Межь нами,
 Обычные состоельники мои,
 Есть новый гость и строгій порицатель
 Всѣхъ жизненныхъ удобствъ: я разумѣю
 Деметрія. Желая угодить
 Его суровымъ правиламъ и вкусу,
 Я заказалъ сегодня легкій ужинъ
 На образецъ аѳинскаго: въ немъ будетъ
 Не болѣе трехъ скромныхъ перемѣнъ.

ДЕМЕТРІЙ. — Не болѣе? Забавно! Я увѣренъ,
 Что, ежели я попрошу тебя

Исчислить блюда первой перемены,
Ты будешь въ затрудненіи....

Паконій. — Нисколько.

Намъ подадутъ немного свѣжихъ устрицъ
Да раковинъ, поджаренныхъ въ золѣ,
Павлиньи яйца, свиныя ножки,
Свиное вымя съ уксуомъ и тминомъ,
Медвѣжью печень, голову ягненка....
Ну, что еще?... Телячьи потроха
Съ подливкою изъ масла и горчицы,
Да разныхъ птичекъ въ соусъ горячемъ,
Да... вотъ и все... Прибавочныя снѣди
Я не считаю: это ужъ бездѣлка!
Кусочки брюквы, въ соусъ вареной,
Поджаренная въ маслѣ чечевица,
Сыръ, стрекозы, оливы изъ рассола,
Улитки, раки....

Деметрій. — Пощади, Паконій!

Монтанъ (*Деметрію*), — Ты, кажется, невѣрно, расчиталъ,
Что у него плохая память?

Деметрій. — Правда....

Я не дивлюсь способности Римлянъ
Ничѣмъ не брезгать, но дивлюся крайне
Вмѣстимости желудка ихъ.

Паконій. — А я
Дивлюсь тому, какъ греческій философъ
Не постигаетъ таинства науки,
Преподавшей его же земляками,
Учеными поэтами....

Но время,
Трапезные начатки отдѣливъ
Для алтаря Діаны свѣтозарной,
Наполнить кубки искрометнымъ сокомъ
И тихую бесѣду повести
За вечерей. (*рабамъ*).

Готовьте возліанья!

(Рабы уносятъ сосуды съ водою и совершаютъ возліаніа передъ серебряной статуей Діаны, поставленной на серебряномъ подносіи. Столъ покрывается разнородными кушаньями. Виночерпій наливаетъ изъ кратеры тяжелый кубокъ и подаетъ его колымапреклоненно Паконію).

ПАКОНІЙ (*принимая кубокъ*). — Благословите, Гигія и Бахусъ! (27)
(Отпиваетъ кубокъ и передаетъ его Деметрію).

Хіосское и перваго разбора! (*Кубокъ обходитъ всѣхъ пирующихъ, за которыми становялся рабы и прислуживаютъ имъ во все время ужина.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТЪ ЖЕ И АРХИМАГИРЪ (28) съ золотымъ блюдомъ, на которомъ лежатъ закрытыя устрицы. Онъ подходитъ къ ДЕМЕТРІЮ.

ПАКОНІЙ (*архимагиру*). — Чтò это значить: устрицы закрыты?

АРХИМАГИРЪ. — Онѣ прикрыты только, благородный

ПАКОНІЙ!

ПАКОНІЙ. — Для того, чтобъ сохранить

Въ нихъ аромать и свѣжесть?... Понимаю. (*Архимагиръ обноситъ устрицы; гостямъ подаютъ тарелки и заостренныя съ одного конца золотыя ложки.*)

ДЕМЕТРІЙ (*открываетъ раковину*). —

Ого!... смотрите въ раковинѣ жемчугъ.

ГЕЛЬВИДІЙ. — И у меня!

МОНТАНЪ. — И у меня.

ЭГНАТІЙ. — У всѣхъ.

СЕНЦІЙ. — ПАКОНІЙ, эта роскошь выше мѣры!

Какъ можно бросить тысячи сестерцій

На обыденный ужинъ?

ПАКОНІЙ. — Чтò за шумъ

Изъ-за пригоршни жемчугу дряннаго!...

Я, впрочемъ, не причастенъ ничему:

Во всемъ виновенъ торопливый поваръ. (*Архимагиру.*)

Откуда жемчугъ?... Отвѣчай, мошенникъ!

АРХИМАГИРЪ становится на колыни. —

Такой уловъ.... Прости великодушно.

ПАКОНІЙ. — Встань: я тебя прощаю. Это блюдо
(Архимагиръ встаетъ.)

Возьми себѣ, а эти черепки,

Насыпанные зернами, тотчасъ же

Отнеси моимъ гостямъ любезнымъ на домъ.

ГЕЛЬВИДІЙ. — ПАКОНІЙ!...

ПАКОНІЙ. — Те! Теперь я вашъ диктаторъ.

И запрещаю прекословить мнѣ. (*Раба мѣ.*)

Подать намъ свѣжихъ устрицъ, а ритоны (29)

Напить еазосскимъ съ аравійской миррой. (*Гостямъ.*)

По капль нектаръ Фазоса впивая,
Мы будемъ слушать музыку.... *(Рабы подносятъ устрицъ на фини-
фтинныхъ блюдахъ и подаютъ гостямъ питетинныя рога.)*

МОНТАНЪ!

Ты не споешь вакхическаго гимна?

МОНТАНЪ. — Нѣтъ, не могу : не въ голосъ!

ПАКОНІЙ. —

Досадно!

Скажи хоть рѣчь въ честь бога винограда.

МОНТАНЪ. — Уволь, Паконій, отъ рѣчей!...

Но хочешь,

Я постараюсь кое-какъ припомнить

Стихотворенье одного поэта....

ПАКОНІЙ. — Безъ имени?

ЭГНАТІЙ. —

Мы, впрочемъ, догадались.

ПАКОНІЙ. — Читай же намъ подъ музыку.

МОНТАНЪ. —

Пожалуй.

(Паконій ударяетъ два раза въ ладоши. За сценой слышатся тихіе звуки флейты).

МОНТАНЪ *(декламируетъ)*. — Вакхъ вѣчно-юный ! Я днесъ на
алтаря твой набросилъ

Вѣтвей зеленаго лавра и, агничій тукъ возложивши,

Облилъ пурпурнымъ виномъ и возжегъ тебѣ скромную жертву.

Жалкій безумецъ, досель вполне я не вѣдалъ

Силы твоей животворной, о сынъ свѣтлоокой Семелы !

Чужды мнѣ были и пѣсни селянъ, собиравшихъ

Съ лозъ виноградныхъ прозрачно-янтарные грозды,

Чужды мнѣ были и рѣзвыя игры вакханокъ :

Жилъ я безъ цѣли, пока не видалъ Эвриноны.

Сидя недавно подъ сѣнью оливовой роци,

Скрытый пахучимъ наметомъ вѣтвей остролистныхъ,

Слушалъ я оргіи шумной далекіе клики.

Вдругъ предо мною, еленицъ стройной подобна,

Легкой, беззвучной стопою прошла Эвринона.

Быстрая пляска и сокъ виноградный ее утомили :

Тихо склонилась она на траву и заснула

Сномъ непробудно-глубокимъ, но жарко-тревожнымъ.

Млѣя отъ страсти, я видѣлъ, какъ тирсъ изъ руки ея выпалъ,

Какъ, постепенно скользя изъ-подъ тигровой кожи,

Млечной волной выбѣгали упругія плечи,

Какъ прикипали къ горячимъ ланитамъ рѣсницы,

Какъ раскрывались уста и манили лобзанья...

Жалкій безумецъ, доселѣ вполнѣ я не вѣдалъ
Силы твоей животворной, о сынѣ свѣтлоокой Семелы !

Сенцій. — Стихи недурны, только не по мнѣ :

Я не любитель греческихъ вакханокъ
Съ ихъ тирсами и тигровою кожей.
Ну, то-ли дѣло римскія менады ⁽³⁰⁾ !
Увертливы, какъ птички полевья,
Обнажены подѣ тонкою небридой,
Съ запястьями на трепетныхъ рукахъ,
Съ обѣтами во взорахъ раскаленныхъ,
Съ тимпаномъ надѣ кудрявой головою...
Глядѣлъ бы вѣкъ !...

ПАКОНІЙ *(ударяетъ три раза въ ладоши)*. — Да вотъ онѣ : гляди !
(За сценой раздается веселая музыка ; въ столовую въбѣгаетъ нѣсколько менадѣ).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТѢ ЖЕ И МЕНАДЫ.

Начинается пляска. — Менады, сцепляя руками, носятся по сценѣ, разбѣгаются, сходятся, опять разбѣгаются. Посрединѣ появляется одна менада. Не двигаясь съ мѣста, словно прикованная къ помосту, она извивается, какъ змѣя ; каждая фибра ея тѣла дрожитъ подѣ музыкальный тактъ тимпана ; движенія становятся быстрой и быстрой, и вдругъ она вся перекидывается назадъ и замираетъ въ томительной позѣ. Но это одинъ мигъ : менада порвала цѣпь и кружится по сценѣ. Гости рукоплещутъ. — Въ то время, какъ все вниманіе пирующихъ привлечено плясуньями, за сценой раздаются шумъ, шаги бѣгающихъ людей и наконецъ крики :

Пожаръ ! Пожаръ !

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ТѢ ЖЕ. *(Въ столовую въбѣгаетъ запыхавшійся рабѣ).*

РАБѢ. — Горитъ библіотека !

Пляска прекращается. Общая суматоха. Менады суетятся ; рабы забираютъ сосуды, столовую утварь и приборы. Тѣ и другія толпою устремляются къ правому выходу, тѣснятся, даютъ другъ друга и уходятъ въ двери, которыя за ними затворяются. Нѣсколько ламп угасаетъ отъ движенія воздуха. Шумъ за сценой становится сильнѣе. — Пирующие спокойно остаются на ложахъ.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

ТѢ ЖЕ, *кромя рабовъ и менадѣ.*

ПАКОНІЙ. — Мнѣ кажется, мы всѣ неторопливы
И, слѣдственно, допить ритоны можемъ *(допиваетъ ритонѣ).*

Я не кричалъ нарочно на рабовъ :
 Мерзавцы перебили бы амфоры
 И ужинъ намъ испортили бѣ совѣмъ.
 Теперь онъ цѣль! Надѣюсь, вы зайдете
 Ко мнѣ?

(Сквозь лѣвую дверь наклоняется пробивается дымъ. Паконій указываетъ на него рукой.)

Однакожь, сильно пахнетъ дымомъ :

Пора уйти *(остаётся и идетъ къ дверямъ; другіе слѣдуютъ ея примѣру).*

ДЕМЕТРІЙ *(Паконію)*. — Я полагалъ, что ты
 Безъ ужина останешься сегодня
 И что за твой сегодняшній обманъ
 Тебѣ отмстить по-крайней-мѣрѣ случай.

ЭГНАТІЙ *(подходитъ къ дверямъ)*. — Наврядъ ли случай : двери
 заперты.

Сенцій. — Какъ такъ ?

ЭГНАТІЙ. — Замкомъ.

ГЕЛЬВИДІЙ. — Что жъ это? западня?

МОНТАНЪ. — Насъ съечь хотять ?

ЭГНАТІЙ. — Сгорѣтъ намъ будетъ трудно,

А задохнуться можемъ.

МОНТАНЪ. — Постучись же :

Намъ отпоруть.

ЭГНАТІЙ *(прислушивается у дверей)*. Не тотъ ли, кто насъ заперъ?

Повѣрьте : это дѣло Тигеллина...

И за дверями никого неслышно.

ГЕЛЬВИДІЙ. — Чтожь дѣлать ?

ПАКОНІЙ. — Выбить, если можно, двери,

Пока не спохватились...

ЭГНАТІЙ. — Не трудися :

Со мной есть ключъ отъ всякаго замка *(вынимаетъ изъ-подъ тоги главный ключъ.)*

Но тише, тише... *(осторожно отворяетъ двери и просовываетъ въ нихъ голову.)*

Никого... Бѣгите !

ПАКОНІЙ. — Эгнатій ! Ты спасаешь насъ вторично :
 Чѣмъ мы тебѣ отплатимъ !

ЭГНАТІЙ. — Я спасаю

Не васъ — себя.

(Вся поспѣшно уходитъ. Сцена пуста. Дымъ густѣетъ. Черезъ нѣсколько времени Эгнатій возвращается, подбѣгаетъ къ статуѣ Гини и ударяетъ два раза по ея подножію. Статуя сдвигается съ мѣста и открываетъ потаенную дверь; въ двери показывается Тигеллинъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ЭГНАТІЙ, ТИГЕЛЛИНЪ.

ЭГНАТІЙ (*цалуетъ полу тигеллиновой тои*). — Будь вѣкъ благо-
полученъ

И счастливъ, благородный Тигеллинъ !

ТИГЕЛЛИНЪ (*выходитъ въ столовую*). — Гдѣ стойки ?

ЭГНАТІЙ. — Я думаю, ужь дома.

ТИГЕЛЛИНЪ. — Все удалося ?

ЭГНАТІЙ. — Лучше, чѣмъ я думалъ.

Чтобъ одурачить этихъ мудрецовъ,
Довольно было ссоры двухъ плебеевъ,
Немного шума и немного дыма.

ТИГЕЛЛИНЪ. — Какъ и всегда, ты выдумалъ прекрасно.

Одна стрѣла въ двѣ цѣли угодила :

И термы можно будетъ перестроить

По плану и желанію Нерона...

ЭГНАТІЙ. — И стойки попалися намъ въ руки.

ТИГЕЛЛИНЪ. — Теперь ты твердо убѣжденъ въ успѣхъ ?

ЭГНАТІЙ. — Теперь они мнѣ жизнь свою довѣрятъ :

Надняхъ я имъ составлю протоколъ,

И всѣ они подпишутся...

ТИГЕЛЛИНЪ. — Объ этомъ

Ты дома мнѣ подробнѣе расскажешь.

Скажи мнѣ лучше о самомъ себѣ,

Но только откровенно, понимаешь ?

ЭГНАТІЙ. — Я не могу передъ тобой таиться.

ТИГЕЛЛИНЪ. — Безъ цѣли ты мнѣ преданъ быть не можешь...

Ты не тщеславенъ, вовсе не корыстенъ...

Что жь придаетъ тебѣ такія силы ?

Какая страсть твой разумъ окриляетъ ?

Месть ?... Жажда власти ?... Нѣнависть ?...

ЭГНАТІЙ (*наклоняетъ голову*). — Любовь.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Перистиль въ домъ Сорана. Шестнадцать колоннъ, связанныхъ легкими арками, образуютъ на мраморномъ помостъ перистилья правильный четвероугольникъ. На арки наброшенъ навѣсъ изъ цѣпущаго плюща. Посрединѣ четвероугольника сажалка, выложенная мраморомъ и отънесенная кустомъ жасмина; по угламъ четыре водоема; у одного изъ нихъ бронзовая фигура лани, пьющей воду. Въ промежуткахъ колоннъ вазы и статуи. Перистиль обнесенъ рядками цвѣтовъ; на заднемъ планѣ онъ отдѣляется трехступеннымъ порогомъ отъ уборной, задернутой занавѣсомъ. Справа и слева надворныя стѣны дома съ выступами, украшенными живописью. Между выступовъ, направо, двѣ занавѣшенныя двери, въ библіотеку и спальню, налѣво одна дверь въ божицу, другая въ пріемную.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СЕРВИЛІЯ сидитъ подъ жасминнымъ кустомъ. Она въ голубой туникѣ безъ рукавовъ и безъ покрывала; черныя волосы лежатъ на ея головѣ тяжелой косой, пронзенной золотой стрѣлою; въ рукахъ у нея длинная далія. Сервилія задумалась и играетъ стеблемъ цвѣтка въ водѣ сажалки. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Сервиліи АНТОНІЯ за прялкой, и четыре невольницы, занятыя шитьемъ.

Антонія (*прядетъ*). — Въ былое время римскія матроны
 Любили заниматься рукодѣльемъ
 И въ атріумъ собирались ежедневно,
 Чтобъ ткать и шить смиренныя одежды
 И слушать пѣсни тихія невольницъ.
 Теперь не тѣ обычаи и нравы :
 Съ утра тѣснятся въ атріумъ гости,
 Да паразиты, да толпа кліентовъ,
 А римскія матроны не умѣютъ
 И въ руки взять иглы, иль челнока.
 Дѣвицы благородныя стыдятся
 Веретена и прялки, позабывши,
 Что пряжею богини не гнушались.
 А за тканье...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тъ же и Эгнатій.

Эгнатій *(выходитъ при послѣднихъ словахъ изъ приемной)*. — До смерти убивали!

Антонія *(тихо)*. — Всегда съ насмѣшкой... дерзкій недовѣрокъ!

Эгнатій *(подходитъ къ Сервиліи и низко кланяется)*. — Сервилія! да свѣтитъ это утро

Привѣтною улыбкою боговъ

Твоимъ очамъ небесно-виднымъ!

Сервилія *(отъпыхаетъ на его поклонъ легкимъ движеніемъ головы)*. —
Salve!

Эгнатій. — Родитель твой прислалъ тебѣ сказать,

Что онъ съ тобой поговорить желаетъ

И проситъ подождать его немного

Здѣсь, въ перистилѣ.

Сервилія *(не поднимая глазъ)*. — Жду нетерпѣливо
Безцѣннаго родителя.

Эгнатій *(пристально поглядывая на Сервилію, отходитъ къ Антоніи)*. —
Дозволь,

Почтенная Антонія, замѣтить,

Что ты меня превратно понимаешь.

Упомянувъ о праведныхъ богиняхъ,

Я намекнулъ на древнее преданье,

Хранимое религіею нашей:

Изволь сама припомнить, какъ Минерва,

Завидуя искусству Арахнеи,

Во гнѣвъ, челнокомъ ее убила,

А остальные праведные боги

Рѣшили обезсмертить Арахнею,

И тутъ же обратили въ паука!

Вотъ видишь ли: я вѣрю и дивлюся

Величію и мудрости боговъ,

А ты меня считаешь недовѣркомъ! *(пожимаетъ плечами и уходитъ въ приемную)*.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тъ же, кромѣ Эгнатія.

Антонія. — Слухъ кошачій и кошачья душа!

Сервилія *(встаетъ съ мѣста)*. — Кормилица! оставь его въ цокоѣ

И не сердись: его отецъ мой любитъ. *(Бросаетъ цѣпочки и подходитъ къ Антоніи.)*

Позволь мнѣ поработать за тебя:
Я докажу, что римскія дѣвѣцы
Не всѣ стыдятся говорливой прялки
И прясть умѣютъ.

Антонія. — Милое дитя!
Да развѣ ты на остальныхъ похожа?
Родитель твой воспитывалъ тебя
Въ смиренномъ благочестіи... Не даромъ
Ему наука разумъ просвѣтила:
Онъ сердце нѣжной женщины вмѣстилъ
Въ груди могучей твердаго мужчины,
И волю непреклонную отца
Смягчилъ любовью матери, которой
Ты съизмала лишилась... *(Складываетъ руки.)*
Веселися

Въ элизіумѣ, праведная тѣнь!

Сервилія. — Я не знавала матери моей,
Но ты ее собою замѣнила,
Любимая Антонія моя! *(цалуетъ Антонію.)*

Антонія. — Я?... нѣтъ, моя Сервилія! Напрасно
Ты думаешь, что я тебя растила:
Всѣ твой отецъ. Онъ взялъ меня изъ праха,
Онъ душу мнѣ очистилъ и покрылъ
Сосудъ скудельный яркой позолотой.
Я... я была орудіемъ бездушнымъ
Въ рукахъ у вертоградара, который
Ухаживалъ за молодымъ растеньемъ...
И вотъ былинка листьѣя распустила
И развилась въ цвѣтокъ благоуханный...

Сервилія *(съ упрямомъ)*. — Антонія!.. позволь я сяду прясть.

Антонія *(остаеь)*. — Садись, моя привѣтливая нимфа!
Развеселися: ты грустна сегодня
И вовсе не похожа на невѣсту.

Сервилія. — Не называй невѣстою меня:
Мнѣ въ этомъ словѣ слышится разлука
Съ моимъ отцомъ.

Антонія. — Изволь, я перестану... *(Несоловьицки.)*

Возьмите лиру! будемъ вторить пѣсней
Работъ нашей юной госпожи. *(Одна изъ невольницъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тъ же, кромѣ невольницы. *(Сервилія садится за прллу.)*

Антонія. — Поистинѣ, разумно говорится,
Что клевета, какъ мошка, незамѣтно
Въ щель проползеть... Ты чище голубицы,
А на тебя клеветцуютъ злые люди.
Дня три тому, я встрѣтила рабыню
Сосѣдки нашей Силіи ⁽³¹⁾, Аллею:
Съ ней госпожа обходится жестоко
И при себѣ въ уборной истязуетъ
За каждую бездѣлку: за пылинку
На зеркалѣ, за погнутую шпильку,
За волосокъ, отставшій отъ мудрей.
Аллея мнѣ за тайну говорила,
Что Силія тебя при всѣхъ поноситъ
И называетъ наглою дѣвчонкой,
Которая гуляетъ по террасамъ
И въ разговоръ съ мужчинами вступаетъ.

Сервилія. — Какія рѣчи низкія! Не вѣрю,
Чтобы вдова сенатора могла
Такъ говорить.

Антонія. — Аллея увѣряетъ,
Что Силія всѣмъ сердцемъ ненавидитъ
Тебя за встрѣчу съ молодымъ трибуномъ
Валеріемъ...

Сервилія *(краснѣетъ и качиваетъ прлсть)*. — Я слушать не хочу
Про эту злую женщину... *(Входитъ невольница съ лирой.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тъ же и невольница.

Сервилія *(Антоніи)*. — Вели
Невольницамъ запѣть скорѣе пѣсню:
Пусть отдохнетъ мой оскорбленный слухъ
На тихостройномъ ритмѣ...

Антонія *(невольницамъ)*. — Начинайте!

ХОРЪ.

Расчешися ты, руно,
Въ пряди волокнистыя,
Навивай, веретено,
Нитки серебрястыя!

Мы кудели нарядемъ,
Мы основу наснуемъ,
Станемъ брачныя туники

Ткать для юной Эвридики *(Сервилія вздрагиваетъ и перестаетъ прядь)*.

Расчешися ты, руно,
Въ пряди волокнистыя,
Навивай, веретено,
Нитки серебрястыя!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тъ же и СОРАНЪ *выходитъ изъ приемной, подходитъ потихоньку къ Сервиліи и целуетъ ее.*

СЕРВИЛІЯ *(встаетъ и обнимаетъ Сорана)*. — Carissime!

СОРАНЪ. — Ты — истая квинтика:

Прядешь подъ пѣсню мамки и невольницъ.

СЕРВИЛІЯ. — Мнѣ было грустно...

СОРАНЪ. — Молодымъ дѣвицамъ

И грустно передъ радостью. *(Махаетъ рукой Антоніи и невольницами)*.

Уйдите! *(Антонія и невольницы уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

СОРАНЪ, СЕРВИЛІЯ.

СОРАНЪ *(отходитъ съ Сервиліею на авансцену)*. — Сервилія! Ты знаешь, что подъ старость

Судьба меня утѣшила неожиданно

Почетнымъ предложеніемъ Тразеи,

Учителя и друга моего? *(Сервилія молчитъ)*.

Ты знаешь, что Тразеа удостоилъ

Тебя своимъ вниманьемъ и желаетъ

Назвать супругой?...

Что же ты молчишь?

СЕРВИЛІЯ *(тихо)*. — Я знаю...

СОРАНЪ. — Время смутное настало;

Гоненія и ложные доносы

Распространили повсемѣстный ужасъ.
 Хоть истина должна сразить неправду;
 Но скоро ли?.. Досель достоянье
 И жизнь гражданъ висять на волоскѣ...
 Я старъ и хилъ... тебѣ нужна опора
 Такая, какъ Тразеа: цѣлый Римъ
 Съ него беретъ примѣръ и подражаетъ
 Его рѣчамъ, приемамъ и осанкѣ.
 Тразеи имя — символъ благородства,
 И мудрости, и твердости геройской.
 Поэтому я пригласилъ Тразею,
 Чтобъ кончить дѣло — чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше...
 Приготовляйся къ брачному обряду.

Сервилія. — Отецъ!.. послушай... Охъ, какъ тяжело!..
 Послушай... Не-уже-ль тебѣ не жалко
 Съ Сервиліей твоею разставаться?
 Я молода... Давно ли я надѣла
 Двѣичью стѣлу?.. Дай мнѣ подышать
 Твоей любовью и безпечной волей!

Соранъ. — Сервилія! стыдися отвѣчать
 Словами неразумнаго ребенка
 На рѣчи задушевные...

Сервилія. — Постой!
 Ложь устъ моихъ еще не оскверняла.
 Передъ тобой я разрываю грудь
 И обнажаю трепетное сердце:
 Гляди въ него!.. Ты мудръ и прозорливъ:
 Гляди въ него! Ты видишь ли, какъ крѣпко
 Его тоска холодная сжимаетъ?
 Предчувствіемъ бѣды неотразимой,
 Сомнѣньями и неотступной думой
 Моя душа тревожная полна...
 Ты знаешь ли? меня и днемъ и ночью
 Преслѣдуетъ повсюду чудный призракъ:
 Ты помнишь, тотъ старикъ-христіанинъ...
 Онъ весь въ крови; но взоръ его сверкаетъ
 Величіемъ святаго вдохновенья...
 Онъ на меня привѣтливо глядитъ
 И на небо рукою указываетъ...

Соранъ. — Утѣшься : твой загадочный фанатикъ

Исчезь вчера изъ городской тюрьмы
 И не одинъ... Измучивъ на допросъ,
 Его, полуживаго, опустили
 Въ темницу и сковали вмѣстѣ съ Цестомъ :
 Цестъ перервалъ заржавленные цѣпи
 И, выломавъ оконную рѣшетку,
 Унесъ на мощныхъ плечахъ старика.
 Должно-быть, ночью онъ пробрался къ Тибру
 И переплылъ его съ христианиномъ,
 Поблизости Фабриціева Моста.
 По-крайней-мѣрѣ полусонный сторожъ
 Замѣтилъ, какъ на лѣвбмъ берегу
 Приподнялась громадная фигура
 Съ какой-то ношей... И теперь твой призракъ,
 Конечно, рыцетъ въ галлинарскихъ дебряхъ
 Съ полсотнею такихъ же побродягъ.

Сервилія. — Онъ спасся ! Да хранить его Юпитерь !

Соранъ. — Вотъ точно такъ, повѣрь мнѣ, убѣгаютъ
 Всѣ призраки изъ костяной темницы,
 Чтò люди называютъ головой.
 Когда они исчезнуть, въ ней зажжется
 Свѣтильникъ яркій разума... И ты
 Его лучами также озаришься,
 Назвавшись супругою Тразел.

Сервилія. — Не поминай мнѣ имени Тразел :
 Межь нимъ и мной стоитъ уже не призракъ.
 Да !... я должна во всемъ тебѣ признаться :
 Мнѣ кажется... что я люблю... другаго... *(падаетъ на колѣни.)*
 Отецъ ! убей и прокляни меня,
 Или спаси и вырви страсть изъ сердца !

Соранъ *(поднимаетъ Сервилію)*. — Безумное, безумное дитя !
 Ты словъ своихъ сама не понимаешь.
 Ты любишь ?... Да любовь и страсть — химера,
 Любовь — недугъ прилипчивый души :
 Чтобы ему развиться, нужно время
 И отъ него лекарство — тоже время.
 Ты не могла любовью заразиться,
 Любить еще не можешь и не любишь.

Сервилія. — Я не могла ? я не могу любить ?
 Я не люблю !... *(подблываетъ къ Сорану.)*

Не смѣйся надо мною
И пожалѣй Сервилію твою!
Спаси меня! спаси меня!... *(припадаетъ къ Сорану на плечо головой
и рыдаетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тъ же и рабъ.

РАБЪ. —
Тразеа

Сенаторъ

СОРАНЪ. — Попроси его сюда. *(Рабъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

СОРАНЪ, СЕРВИЛІА.

СОРАНЪ. — Сервилія, отри пустыя слезы!

СЕРВИЛІА. — Отецъ, для пепла матери моей,
Не погуби дитя свое родное!...

СОРАНЪ *(строго)*. — Сервилія! я даромъ словъ не трачу:
Сегодня же судьба твоя рѣшится...
Однѣйся и скорѣе приходи.

СЕРВИЛІА *(гордо приподнимаетъ голову)*. — Прийду... *(дѣлаетъ нѣ-
сколько шаговъ и останавливается.)*

А ты, отецъ, скажи Тразеѣ,

Что дочь твоя, Сервилія, клянется —

Не быть его женою никогда! *(уходитъ въ уборную.)*

СОРАНЪ *(съ изумленіемъ смотритъ ей вслѣдъ)*. — Нѣтъ, это не
ребяческой порывъ,

А вопль души растерзанной... Уже-ли

Инстинктъ сильнѣе разума и воли?...

(Изъ пріемной выходитъ Тразеа и Эматій.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

СОРАНЪ, ТРАЗЕА, ЭМАТІЙ. *(Въ рукахъ у Эматія совокъ, черниль-
ница и тростниковое перо.)*

СОРАНЪ *(идетъ на встрѣчу Тразеѣ)*. — Ты застаешь меня въ не-
доумѣнны:

Я предложилъ себѣ одинъ вопросъ

И разрѣшить его не въ-состоянны.

ТРАЗЕА *(пожимаетъ ему руку)*. — Намъ многое придется раз-
рѣшить,

Мой старый другъ

Соранъ. — И разрѣшить скорѣе.

Тразея. — Да! каждый день и каждый часъ намъ дорогъ,
А время, *этотъ образъ подвижной*
Недвижной вѣчности, летитъ на крыльяхъ.

Соранъ. — Тебѣ читалъ Эгнатій протоколъ?

Тразея. — Я самъ прочелъ: составленъ онъ искусно,
Но двѣ-три фразы — болѣе чѣмъ рѣзки.

Эгнатій. — Въ прошеніи ихъ можно и смягчить.

Тразея. — Такъ; но, пока напишется прошенье,
Скрѣпленный всѣми нами протоколъ
Останется такой живой уликой,
Что Тигеллинъ за каждую строку
Заплатитъ грудой золота... А впрочемъ,
Считай мои слова за *nota-bene*:

Я первый подпишусь на протоколъ.

Эгнатій. — Зачѣмъ же? Я составлю лучше новый.

Тразея. — А Тигеллинъ покажѣтъ насъ сожжеть,
Иль наградитъ подаркомъ отъ Локусты?

Нѣтъ! дай сюда... Судьбы не измѣнить. *(Беретъ у Эгнатія сеитокъ,
кладетъ на подножіе одной изъ статуй и подписываетъ).*

Тебѣ, Соранъ. *(Передаетъ сеитокъ).*

Соранъ *(подписываетъ)*. — За доблестнымъ Тразеей
Весь Римъ подпишетъ.

Тразея. — Чистый парадоксъ:
Едва ли въ Римѣ сотая часть гражданъ
Писать умѣетъ.

Соранъ. — Можно научить *(подаетъ сеитокъ Эгнатію)*.

Эгнатій. — Теперь идти къ Валерію?

Тразея. — Ненужно:

Валерій не подпишетъ.

Соранъ. — Почему?

Тразея. — Вотъ почему. На случай неудачи,
Намъ надобно защитника имѣть:
А кто жъ надежнѣй защититъ насъ можетъ,
Какъ не Валерій?

Эгнатій. — Властію трибуна,
Которую мы помнимъ по преданью?

Тразея. — Всѣмъ: именемъ, любовію народа,
Отвагою, краснорѣчивымъ словомъ,
А, можетъ быть, и властію трибуна.

Эгнатій. — Но нѣтъ причинъ бояться неудачи:
За насъ весь Римъ.

Тразеа. — На это возраженье
Отвѣтить смерть Рубеллія, Сенеки,
Изгнаніе Музонія... Скорѣе
Мы можемъ ожидать центуріона ⁽³²⁾
Съ извѣстіемъ о грозномъ обвиненіи,
Чѣмъ что-либо другое.

Соранъ. — Я согласенъ:
Валерію ненужно беспокоить. *(Эматію)*
Пусть теперь подпишутъ остальные...
А ты имъ передай нашъ разговоръ.

Тразеа. — И повѣстѣ, что мы черезъ недѣлю
Надѣмся предъ кесаря предстать.

Соранъ. — Иди же къ нимъ и не забудь, Эгнатій,
Что участь многихъ ввѣрена тебѣ:
Малѣйшая ошибка, промедленье,
Неосторожно-сказанное слово,
Намекъ на нашу цѣль — и мы пропали...
Но я тебя воспитывалъ и вѣрю
Тебѣ, какъ сыну.

Эгнатій. — Вѣришь не напрасно.
Мой благодѣтель и второй отецъ! *(Цалуетъ руку Сорана).*
Эгнатій твой погибнетъ, иль достигнетъ
Желанной цѣли. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тразеа, Соранъ.

СОРАНЪ *(указываетъ на уходящую Эматію)*. — Явственный при-
мѣръ

Побѣды воспитанья надъ природой:
Эгнатій-мальчикъ былъ волчонка диче,
Эгнатій-мужъ достоинъ удивленья,
Какъ образецъ разумнаго безстрастья
И тонкости... не правда ли, Тразеа?

Тразеа. — Неоспоримо... хоть съ недавнихъ поръ
Я начинаю сильно сомнѣваться
Въ возможности преодолѣть природу.

Соранъ. — Твои сомнѣнья сходятся съ моими,

Т. ХСІV. — Отд. I.

И знаешь, кто ихъ на меня наводитъ?..

Сервилия!

Тразеа. — А на меня Валерій.

Соранъ. — Валерій?.. Чтò такое съ нимъ случилось?

Тразеа. — Соранъ, твоя пріязнь даетъ мнѣ право
На смѣлое и тяжкое признанье...

Ты знаешь ли, что я пришелъ съ отказомъ?

Соранъ. — Съ какимъ отказомъ? отъ чего?

Тразеа. —
Съ Сервиліей.

Отъ брака

Соранъ (послѣ некотораго молчанія). — Отъ всякого другаго
Я принялъ бы подобныя слова
За кровную обиду; но отъ друга,
Но отъ Тразеи... я ихъ принимаю
За темную загадку...

Тразеа. — Объяснимся...
Но не забудемъ, другъ мой, изреченья
Сенеки: *nihil magnum nisi quod
Est placidum.*

Соранъ. — Я это изреченье
Себѣ поставилъ правиломъ, Тразеа:
Величіе — въ спокойствіи.

Тразеа. — Послушай.
Я дочь твою люблю и почитаю,
Какъ моего Валерія: сильнѣе
Изобразить любви я не могу.
Но погляди, Соранъ, на насъ обоихъ:
Вѣдь мы съ тобой ровестники... Нельзя же
Намъ утѣшать себя съ Анакреономъ
И говорить, что къ старческимъ сѣдинамъ
Пристала юная краса дѣвицы,
Какъ роза къ бѣлымъ лиліямъ!.. Конечно,
Я долженъ былъ заранѣе подумать
О посѣдѣлыхъ волосахъ моихъ;
Но эта необдуманность и служить
Безспорнымъ доказательствомъ того,
Что разумъ нашъ безсиленъ надъ инстинктомъ.
Я былъ слѣпцомъ, но мнѣ глаза открыла
Моя же дочь замужня, Сабина:

Она пришла и объявила мнѣ,
Что я, къ осенней жатвѣ буду... дѣдомъ!

Соранъ. — Тразеа! Эти доводы...

Тразеа. — Позволь!

Я привожу ихъ, только какъ вступленье.
Сознайся, что мы оба виноваты,
Что оба мы съ тобою заблуждались,
Скрѣпя дружбу узами родства:
Какъ-будто мы по духу не родные!
Остаётся это... Разсуди, Соранъ,
Имѣю ли я право, начиная
Борьбу на жизнь и смерть съ временщикомъ,
Связать свою загадочную участь
Съ судьбой твоей Сервиліи?

Соранъ. — А я,

Ея отецъ, я развѣ не усердный
Сообщникъ твой?

Тразеа. — Соранъ, отецъ — не мужъ!
Припомни, чѣмъ за мужа поплатилась
Супруга злополучнаго Сенеки?
Но выслушай теперь послѣдній доводъ
Невольнаго отказа моего.
Скажи мнѣ прямо, какъ ты понимаешь
Валерія?

Соранъ. — Я такъ цѣню высоко
Валерія, что, по моимъ понятьямъ,
Одинъ безукоризненный Тразеа
Достоинъ былъ усыновить его.

Тразеа. — Здѣсь похвала Тразеѣ неумѣстна...
Чтобъ болѣе не длить намъ разговора,
Скажу тебѣ: Валерій мой страдаетъ,
И гордое молчаніе хранить,
А мы его страданія причина...

Соранъ. — Мы?

Тразеа. — Оба мы: онъ любитъ безнадежно
Сервилію... Не спрашивай меня,
Какъ я успѣлъ проникнуть эту тайну;
Но знай, что, послѣ безконечныхъ споровъ,
Я убѣдилъ Валерія прійти

Къ тебѣ сегодня... Другъ мой не-уже-ли
Мы, старики, уступимъ молодому
Въ величїи и благородствѣ духа ?

Соранъ. — Все это такъ неожиданно объяснилось,
Что я не въ-силахъ присказать отвѣта
И съ мыслями собраться не могу...
Однако же, Тразеа, откровенность
Питается правдивыми рѣчами,
Какъ родниками свѣтлыми ручей...
Я, въ свой чередъ, тебѣ признаться долженъ :
Сервиля моя тебя не любить
И полюбила горячо другаго.

ТРАЗЕА *(безпокойно)*. — Кого же ?

Соранъ. — Я не знаю; но узнаю... *(ударяетъ въ ладоши; уходитъ рабъ)*.

Сейчасъ ко мнѣ придетъ благородный
Трибунъ Валерій Рустикъ : пригласи
Повременить недолго въ перистилъ. *(Рабъ уходитъ)*.
(Тразеа.)

А мы съ тобой пойдемъ въ библиотеку
И кончимъ нашъ тяжелый разговоръ. *(Уходитъ; сцена пуста.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

*(Входитъ Сервиля. На ней былая стола и прозрачное покрывало, прикреп-
ленное къ волосамъ алмазнымъ уборомъ матроны)*.

СЕРВИЛЯ *(подходитъ къ цѣпкамъ)*. — Цвѣты мои ! и вы въ па-
лящїй полдень,

И вы, краса вѣнчанная весны,
Тоскливо наклоняете коронки
Подъ знойными лобзанїями вѣтра;
Но васъ кропитъ разсвѣтная роса,
Вечерняя прохлада освѣжаетъ,
И въ полдень поливаетъ васъ рука
Заботливой Сервилїи...

А сердце,
Палимое огнемъ ревнивой страсти,
Кропится только горькими слезами
И кровью обливается... *(беретъ у водоема лейку и начинаетъ поливать
цвѣты. Входитъ Валерій и останавливается)*.

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

СЕРВИЛІЯ, ВАЛЕРІЙ.

СЕРВИЛІЯ (*не видя Валерія*). — Зачѣмъ же
 Богами чувство женщины дано,
 Когда свободу чувства отнимають
 У ней судьба и люди?... (*ставитъ лейку на вододемъ*).
 Вся природа,

Цвѣтъ деревьевъ, волны голубыя
 И птицы голоситыя поютъ
 Хвалебный гимнъ праматери Кипридъ,
 А бѣдная Сервилія не можетъ
 Назвать того, къ кому душа стремится,
 Сказать: люблю, люблю тебя! (*оберачивается и, увидя Валерія,
 вскрикиваетъ*)
 Валерій!

ВАЛЕРІЙ (*кланяется Сервиліи*). — Привѣтъ прекрасной дочери
 Сорана.

СЕРВИЛІЯ (*откланяется*). — Благодарю... (*идетъ на встрѣчу Ва-
 лерію*)
 Благодарю и случай,

Который неожиданно привелъ
 Къ пенатамъ нашимъ дорогаго гостя.
 Отецъ сейчасъ придетъ: не поскучай
 Бесѣдой неразумною дѣвицы.

ВАЛЕРІЙ. — Прости меня, Сервилія... Невольно
 Я прервалъ нить твоихъ мечтаній ясныхъ
 И образъ лучезарный ихъ затмилъ,
 Какъ туча мимолетная невольно
 Лучи звѣзды вечерней затмѣваетъ.

СЕРВИЛІЯ. — Не ты, а я виновна, и стыжуся,
 Что мой нестройный лепетъ долетѣлъ
 До слуха благороднаго трибуна:
 Смѣшны мужамъ меча и латиклавы (32)
 Дѣвѣчьи грезы...

ВАЛЕРІЙ. — Грезы молодая
 Съ душой дѣвицы также неразлучны,
 Какъ день и свѣтъ, какъ аромать и роза.
 Смѣшно, когда мужчина станетъ грезить...
 О невозможномъ счастьѣ.

СЕРВИЛІЯ. — Я слыкала,
 Что для разумной воли человека
 Нѣтъ въ мірѣ невозможнаго.

ВАЛЕРІЙ. — Не спорю;
 Но трудно, чтобы воля человека
 Была всегда разумна и свободна.
 Представь себѣ... я говорю примѣрно...
 Представь себѣ, что я случайно встрѣтилъ
 Богиню въ очертаньяхъ смертной дѣвы,
 Что красоты ея не описать,
 Что вся она, какъ нѣкогда Киприда,
 Слилася изъ волны морской и свѣта,
 Что обликъ ея дѣвственный сіяетъ
 Невинно-величавой чистотою,
 А очи — небо пламенное Рима :
 Днемъ въ нихъ лазурь бездонная глядится,
 А въ сумракъ зажигаются въ нихъ звѣзды...
 Невольной данью чудной красотѣ
 Во мнѣ любовь безумная проснулась...
 Безумная : я дерзостно забыть,
 Что юная красавица — не вѣста
 И чья жь? отца и друга моего !
 Скажи теперь, Сервилія, свободна ль,
 Разумно ли свободна моя воля ?

СЕРВИЛІЯ. — Я на примѣръ примѣромъ отвѣчаю.
 Положимъ : эта дѣвушка не любитъ
 И прежде не любила жениха,
 И поклалась не быть его женою...

ВАЛЕРІЙ (*блѣднѣетъ*). — Сервилія, ты шутишь?..

Я не вѣрю,

Чтобъ ты могла безжалостно шутить !

СЕРВИЛІЯ. — Я не шучу безсонными ночами,
 Слезамъ, одиноко-пролитыми,
 И всей святыней чувства и любви...

ВАЛЕРІЙ. — Сервилія ! клянуся грознымъ Стиксомъ,
 Никто и никогда такъ не полюбитъ
 И не любилъ, какъ я тебя люблю !
 Но... выслушай...

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ТЪ ЖЕ И ТРАЗЕА.

ТРАЗЕА. — Остановись, Валерій!
Тразеа просить у тебя прощенья,
И у тебя, Сервилія!..

Подъ старость
Глаза людей слабѣютъ и не могутъ
Сносить лучей дневныхъ, не только блеска
Сіяющей и юной красоты...
Простите же меня великодушно!
Свою вину посильно я загладилъ:
Какъ твой отецъ, я для тебя, Валерій,
Просилъ у друга моего, Сорана,
Твоей руки, Сервилія!

ВАЛЕРІЙ. — Тразеа!...

ТРАЗЕА. — Соранъ вашъ бракъ благословить согласенъ
И вслѣдъ за мной идетъ сюда.

ВАЛЕРІЙ (*обнимаетъ Тразею*). — Тразеа!
Отецъ и другъ мой!

СЕРВИЛІЯ (*подастъ Тразею руку*). — Вотъ моя рука
И слово благородное римлянки:
Тебя я уважаю наравнѣ
Съ моимъ отцомъ и съ будущимъ супругомъ. (*Валерію*)
Валерій, я давно тебя любила,
Теперь люблю еще сильнѣй!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

ТЪ ЖЕ И СОРАНЪ.

СЕРВИЛІЯ (*кидается въ объятія Сорана*). — Отецъ,
Прости твою Сервилію!

СОРАНЪ (*целуетъ ее*). — Дитя,
Дитя мое, Сервилія моя!

ВАЛЕРІЙ (*подходитъ къ Сорану*). — Сорану благородному извѣстна
Моя любовь къ Сервиліи: теперь
Я жду его отеческаго слова.

СОРАНЪ. — Усыновленникъ мудраго Тразеи
Чужимъ изъ дома моего не выйдетъ.
Валерій! я всегда тебя считалъ

Своимъ роднымъ по сердцу и по мыслямъ :
 Позволь же мнѣ обнять тебя, назвавши
 Моимъ любезнымъ и желаннымъ сыномъ. *(Обнимаетъ Валеріа)*
 Вотъ дочь моя! тебѣ передаю
 Я власть мою надъ нею : будь ей мужемъ,
 Люби ее, храни и защищай *(Соединяетъ руки Валеріа и Сервиліа)*.
 А ты, незримый и верховный разумъ,
 Благослови союзъ моихъ дѣтей!

ВАЛЕРІЙ. — Сервилія!

СЕРВИЛІА. — Валерій мой! *(бросаются другъ другу въ объятія)*.

СОРАНЪ *(отираетъ слезу)*. — Тразеа,
 Вопросы о душѣ намъ разрѣшаетъ,
 Не наша философія — любовь. *(Указываетъ на Валеріа и Сервиліа)*.
 Взгляни на нихъ : ихъ радости и счастью
 Кто можетъ помѣшать ?

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

ТЪ ЖЕ И РАБЪ.

РАБЪ. — Центуріонъ!

ВАЛЕРІЙ. — Центуріонъ ?

СЕРВИЛІА *(подбѣгаетъ къ Сорану)*. — Зачѣмъ центуріонъ ?

СОРАНЪ. — Не знаю... *(рабу)*

Приведи его *(рабъ поднимаетъ занавѣсъ прѣ-
емной. Входитъ центуріонъ)*.

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

ТЪ ЖЕ И ЦЕНТУРІОНЪ.

ЦЕНТУРІОНЪ. — Граждане

Сенаторы, Тразеа и Соранъ !
 Отъ имени Сената и народа
 Я посланъ вамъ обоимъ возвѣстить ,
 Что вы и соумышленники ваши
 Обвинены въ измѣнѣ противъ Рима.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Пріемная въ домъ Локусты. Задняя стѣна комнаты задернута черныя занавѣсомъ; боковыя стѣны, съ орляными колоннами, выкрашены черной краской. Направо дверь въ атриумъ; налѣво маленькая дверь, искусно скрытая выступомъ колонны. По стѣнамъ разставлена бѣдная утварь: нѣсколько складныхъ стульевъ, и съ лѣвой стороны, у двери, невысокій аналогіи; надъ нимъ качается двурогая лампа, припущенная къ потолку желѣзной цѣпью.

Ночь.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЛОКУСТА перебираетъ на аналогіи нѣсколько свѣтковъ папируса, уложенныхъ въ ящичекъ. СИЛІЯ сидитъ подаль аналогіи. На Локустѣ черная туника, приподнятая съ правой стороны до колѣна; правая нога безъ обуви; волосы распущены; на головѣ вѣнокъ изъ желѣзка. Силія въ сѣрой мантии съ откиднымъ кукулемъ (24); изъ-подъ мантии видна пурпурная туника съ легкимъ золотымъ шитьемъ.

ЛОКУСТА (вынимаетъ и разертываетъ одинъ изъ свѣтковъ). — Теперь намъ остается испытать

Могущество любовныхъ чаръ Меден:

Имъ научила нѣкогда меня

Покойная Канидія (25)... Посмотримъ. (Читаетъ).

«Отлить изъ воска малое подобье

«Того, надъ кѣмъ должны свершиться чары;

«Развестъ огонь волшебный изъ вѣтвей

«Смоковницы, растущей на гробницахъ,

«И похоронныхъ вѣтокъ кипариса;

«Въ огонь волшебный бросить: семь яицъ,

«Окрашенныхъ въ крови могильной жабы,

«Совиныхъ перьевъ, иберійскихъ травъ

«И кости, отнятыя у голодной

«Волчихи... Не гасить отнюдь огня,

«Пока костей не обратитъ онъ въ уголь...

«Домъ окропить авернскою водою...

«Потомъ намазать ядомъ василиска

«Фигуру восковую (имя-рекъ),

«И, сердце у нея пронзивъ иглою,

«Принести такое заклинанье :
«Богиня тьмы и тайны !...»

И такъ дальше. *(Свертываетъ свитокъ).*

Желаешь ли ты, Силія, извѣдать
На сколько мощны эти чарованья ?

Силія. — Локуста, дѣлай, что тебѣ угодно.
Я, какъ ребенокъ, стала суевѣрна,
Слаба и легкомысленна... Бывало,
Я ввѣрила однѣмъ могучимъ чарамъ —
Очей лазурныхъ и привѣтныхъ усть :
Теперь любовь красу съ лица согнала,
Какъ ночь зарю съ потухнувшего неба.
Я исхудала тѣломъ и душою,
И поневолю вѣрю заклинаньямъ.

Локуста. — Недугамъ тѣла пособить нетрудно :
Крупины три моей жемчужной мази
Да капля эликсира — и румянецъ
Опять осветитъ блѣдныя ланиты....

Силія. — Но чѣмъ недугъ душевный исцѣлить?
(обращиваетъ матрону и встаетъ)

Локуста! много страстныхъ поцалуевъ
Ремни моей котурны прожигало!
Нѣтъ класа и нѣтъ возраста, который
Не заплатилъ бы мнѣ сердечной дани —
Отъ консула до низкаго раба,
Отъ юноши стыдливаго до старца;
Но я надъ ихъ отчаянной любовью,
Надъ ревностью, надъ ихъ враждой взаимной
Безжалостно смѣялась, какъ надъ боемъ
Шутовъ и карловъ на аренѣ цирка.
Настало время полюбить и мнѣ:
И мнѣ на страсть отвѣтили презрѣнемъ
И предпочли другую... О, Юнона!
Чего бы не дала я за возможность
Смѣнить титулъ и званіе матроны
На званіе гетеры, за возможность
Сносить презрѣнье и любить!.. Но вѣтъ :
Я только мстить могу и ненавидѣть.... *(помолчиваетъ)*
Локуста, ты условья не забыла?

Миллионъ сестерцій, если ты погубишь
Сервилию доносомъ, или....

Локуста (*перевивается*). — Знаю.

Однакожь ты не слишкомъ вѣрь рассказамъ.
Дѣйствительно, мнѣ нѣсколько известны
Какъ польза, такъ и нѣкоторый вредъ
Врачебныхъ травъ; но остальное—слухи....

Силія (*улыбается*). — Я уважаю въ женщинѣ стыдливость
И скромность.

Локуста. — Впрочемъ.... надобно замѣтить,
Что чары, совершенныя Медеей,
Имѣли цѣль двоякую: вопервыхъ,
Возжечь любовь угасшую Язона,
А вовторыхъ, испелить мгновенно
Креона дочь.

Силія. — Мнѣ помнится, Медея
Сожгла свою соперницу не чарой,
Отравленной туникой?

Локуста. — Можетъ-быть.

Вопросъ не въ томъ: Сервилія погибнетъ....
Должна погибнуть.... такъ, или иначе...
Но вотъ вопросъ: помогутъ ли намъ чары
Валерія привести къ твоимъ стопамъ?

Силія. — Ты, стало-быть, сама не вѣришь чарамъ?

Локуста. — Я вѣрю имъ.... но гдѣ же твой Валерій?
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стойки публично
Обвинены и судятся Сенатомъ,
Валерій скрылся : цѣлыхъ двѣ недѣли
О немъ нѣтъ слуху.... Не-уже-ли онъ,
Опора триба и поборникъ правды,
Бѣжалъ отъ страха и позорно кинулъ
Друзей, родныхъ, невесту молодую
И честь свою на произволь судьбы?
Да и куда бѣжать отъ правосудья?

Силія. — Локуста! не обманывай меня:
Ты мнѣ сказать не хочешь, но Валерій....
Погибъ?

Локуста. — Клянусь, я ничего не знаю!
Не можетъ-быть, чтобъ онъ погибъ безвѣстно,
Въ какой-нибудь темницѣ потаенной:

Отъ Мессалины этого не скрять,
 А Мессалина и въ смиренной долъ
 Своихъ друзей отстаивала гласно;
 Теперь же Мессалина... но ты знаешь.

Силія. — Такъ гдѣ жь Валерій, ежели онъ живъ?

Локуста (*пожимаетъ плечами*). — Быть-можетъ, тайный недругъ...

Силія. — Замолчи!

Я выносить сомнѣнія не въ силахъ:
 Расшевели утробу всей земли,
 Не пощади ни чаръ, ни заклинаній,
 И покажи Валерія живаго,
 Или тѣнь его!

Локуста. — Теперь я не могу,
 Но завтра приготовлю все, что нужно.

(За сценой слышатъ колокольчикъ).

Силія. — Кто это? посылитель?

Локуста. — Вѣроятно.

Силія. — Я не хочу, чтобъ здѣсь меня застали.

(набрасываетъ мантию и накрывается кукулею).

Локуста. — Не бойся, я давно распорядилась:
 Тебя проводить вѣрная рабыня
 Въ другую дверь. *(Отворяетъ дверь въ атриумъ).*

Силія. — До завтра?

Локуста. — Да, до завтра. *(Силія уходитъ).*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Локуста одна.

Локуста — О римлянки! въ ребячемъ вашемъ сердцѣ
 Любовь и месть смѣняются чредою,
 Какъ день и ночь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТІЕ.

Локуста и Эгнатій *(приподнимаетъ улокъ занавѣса).*

Эгнатій *(опололоса)*. — Ушла твоя Дидона?

Локуста *(тихо)*. — Ушла.

Эгнатій. — А все ли у тебя готово?

Локуста. — Не въ первый разъ... Однако же идти. *(Эгнатій опускаетъ занавѣсу).*

(Дверь атриума отворяется; одна изъ невольницъ Локусты вводитъ Сервилію, закутанную съ ногъ до головы въ темную мантию (52). Но знаку Локусты, невольница уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЕРВИЛИЯ, ЛОКУСТА.

ЛОКУСТА. — Сервилия, привѣтствую тебя!
Я думала, что ты не согласишься
Прійдти ко мнѣ въ глухую ночь.

СЕРВИЛИЯ. — Напрасно:
Моя душа полна одной печали
И для инаго чувства недоступна,
Тѣмъ болѣе для страха за себя.

ЛОКУСТА. — Чѣмъ я могу служить тебѣ?

СЕРВИЛИЯ. — Локуста,
Мое несчастье знаетъ цѣлый Римъ:
Отецъ мой обвиненъ и оклеветанъ;
Женихъ мой... гдѣ онъ, праведные боги?..
Узнать ихъ участь и поднять завѣсу
Грядущаго — вотъ для чего пришла
Къ Локустѣ дочь несчастнаго Сорана:
Не откажи помочъ своимъ искусствомъ,
Сними съ очей гнетущую повязку
И дай прозрѣть мнѣ въ будущность отца
И моего Валерія... Локуста,
Ты можешь ли грядущее провидѣть?

ЛОКУСТА. — Грядущее намъ вѣсть изъ-подъ крылъ
Незримаго, неслышнаго Сатурна,
А кто изъ насъ полеть его извѣдалъ?..
Но не хочу скрывать передъ тобою:
Я знаю средство... если согласишься...

СЕРВИЛИЯ. — Чтò бъ ни было, я напередъ согласна. *(Откидываетъ покрывало и снимаетъ съ шеи серебряный кошечесецъ).*
Вотъ здѣсь мои вѣнчальные уборы,
Алмазы, жемчугъ, геммы дорогія:
Прими ихъ за труды свои въ задатокъ. *(Отдаетъ кошечесецъ Локустѣ).*
Я продала приданое свое
И выручила семьдесятъ талантовъ:
Они твои, Локуста, если ты
Поможешь мнѣ и разгадаешь участь
Валерія и моего отца.

ЛОКУСТА. — Но, знаешь ли, Сервилия, чтò я
Должна покой могилы потревожить

И вызвать тѣнь волшебницы Саганы?
 Передъ ея безплотными очами
 Минувшее сливается съ грядущимъ
 Въ одинъ недвижный, настоящій мигъ...
 Ты въ-силахъ ли снести безъ содроганья
 Явленье тѣни?

Сервилия. — Ежели весь тартаръ
 И смерть сама передо мной предстануть,
 Я не содрогнусь.

Локуста. — Подожди меня:
 Черезъ минуту я къ твоимъ услугамъ. *(Приподнимаетъ занавѣсъ и уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Сервилия одна. — О, боги! укрѣпите робкій духъ
 И волю слабой женщины: не праздность,
 Не дерзость, не пустое любопытство,
 А чувство и любовь повелѣваютъ
 Мнѣ преступить запретные предѣлы
 И тлѣнною рукою приподнять
 Таинственный покровъ нетлѣнной жизни.

(Занавѣсъ отодвигается и открываетъ лабораторію Локусты, поднятую на дѣв ступени выше пріемной. На полкахъ и на столахъ видны въ полумракѣ разные сосуды и вазы; человѣческіе черепы и кости, скелеты животныхъ, металлическія полоски съ волшебными знаками и свитки папируса. На полу лежатъ мѣдный щитъ, зруды лавровыхъ вѣтвей и ароматическихъ растений. Въ одномъ углу магическая прѣлка съ колесомъ; въ другомъ углу — восковая фигура Гекаты, выкрашенная бѣлою, черною и красною краскою; въ рукавѣ у нея быкъ, лапата и мечъ, обвитый змѣею. Посрединѣ лабораторіи треножникъ съ пылающею жаровней. Локуста стоитъ съ волшебнымъ жезломъ подлѣ треножника).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Локуста, Сервилия.

Локуста *(подходитъ къ Сервиліи)*. — Сервилія, хоть я убѣждена
 Въ успѣхъ чаръ (сегодня новолунье),
 Но свой вопросъ я снова повторяю:
 Согласна ль ты на вызовъ изъ Аида
 Колдуньи?

Сервилия. — Да!

Локуста. — Ты этого желаешь:

Да будетъ такъ... *(Чертитъ жезломъ кругъ и сводитъ въ него Сервилію).*
Теперь позволю тебѣ

Предостеречь...

За этою чертою *(грохотъ Сервиліи).*

Я невластна. Не выходи изъ круга!..

*(Идетъ къ треножнику и начинаетъ бросать въ огонь волшебныя сна-
добы, произнося шопотомъ кощунныя заклинанія, Надъ жаровой
вспыхиваетъ сильнее пламя; въ воздухъ проносится жалобный звукъ).*

ЛОКУСТА *(возвышаетъ голосъ).* — Геката, Геката!

Я слышу, я знаю —
Ты близко, ты близко:
Привѣтствуютъ всемъ
Тебя въ новолуны
Сторожкіе псы.
Геката, Геката!
Я въ пламя бросаю
Главу василиска
И мирру съ алоемъ
И старой колдуньи
Сѣдые власы

*(Надъ жаровой поднимается дымъ. Жалобный звукъ повторяется
слышнѣе. Локуста беретъ мѣдный щитъ).*

Символомъ созданья
И тайной природы
Тебя заклинаю,
Подземная сила:
Страшися, страшися
Таинственныхъ словъ!

Полна обаянья,
Я въ тартара своды
Щитомъ ударяю:
Раскройся могила!
Явися, явися,
Сагана на зовъ!

*(Ударяетъ въ щитъ. Комната озаряется красноватымъ свѣтомъ;
въ дыму ползаетъ призракъ старухи.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

СЕРВИЛІЯ, ЛОКУСТА, ПРИЗРАКЪ.

ПРИЗРАКЪ *(глухо).* — Кто вызывалъ меня?

СЕРВИЛІЯ *(шепчетъ голосомъ).* — Подземный призракъ!

Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервиля, осмѣлилась нарушить
Могильный твой покой и умолять
Ей на вопросъ сомнительный отвѣтить...
Отвѣтишь ли? (*Призракъ молчитъ*).

Отвѣтишь ли?

(*Локута повелительно протыкаетъ жезлъ*).

Призракъ. —

Спроси.

Сервиля. — Скажи мнѣ : гдѣ трибунъ Валерій Рустикъ,
Мой вѣрный другъ и дорогой женихъ?
Скажи еще : помиуетъ ли кесарь
И защититъ ли моего отца,
Неправо обвиненнаго въ измѣнѣ
Предателемъ и гнуснымъ лицемеромъ?

Призракъ. — На твой вопросъ тебѣ отвѣтитъ тотъ,
Кого сама неправо обвиняешь. (*Исчезаетъ. Запястья задерживаетсл.*)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

СЕРВИЯ (*одна*). — Исчезла!... Охъ, какъ страшень миръ за-
гробный!

Коснись меня она костлявымъ пальцемъ,
Иль просто погрози мнѣ — я упала бъ
Бездушнымъ трупомъ... Что она сказала?...
Юпитеръ, дай мнѣ силы до конца!

Я чувствую, что разумъ мой мутится... (*подходитъ къ аналогію и
склоняетъ голову на руки*).

Да... вспомнила. Она мнѣ говорила :
«На твой вопросъ тебѣ отвѣтитъ тотъ,
Кого сама неправо обвиняешь»...
Кого же обвиняю я?...

ЭГНАТІЙ (*выходитъ изъ-за занавѣса*). — Меня.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

СЕРВИЛЯ, ЭГНАТІЙ.

СЕРВИЛЯ (*быстро оборачиваетсл.*). — Эгнатій!

Эгнатій. —

Я, Сервиля! Не бойся:

Я не врагомъ пришелъ къ тебѣ, а другомъ.

СЕРВИЛЯ. — Какое лицемеріе! Ты смѣешь,
Ты не стыдишься называться другомъ?

Эгнатій. — Сервилія! впервыхъ, успокойся :
 Весь этотъ вызовъ призрака нарочно
 Придуманъ мной, а для чего — узнаешь.
 Позволь мнѣ возвратить твои игрушки. *(Подаетъ ей кошельки).*

Сервилія *(отстываетъ)*. — Я эти вещи отдала Локустѣ
 И не хочу принять ихъ изъ руки
 Предателя.

Эгнатій. — На это оскорбленье
 Отвѣчу я, Сервилія, тебѣ
 Современемъ. Покамѣсть объясню,
 Кто этотъ призракъ грознаго Аида. *(Кладетъ кошельки на аналогій).*
 Локуста мнѣ старинная знакомка...
 Я зналъ, что ты къ ней явишься сегодня,
 И вмѣстѣ съ нею приготовилъ шутку :
 Невольница Локусты, Фортуната,
 Съиграла роль волшебницы Саганы...
 Прости меня за это испытанье.

Сервилія. — Скажи, Эгнатій, кто тебѣ далъ право
 Такъ нагло издѣваться надъ несчастьемъ?
 Оклеветать предъ Римомъ добродѣтель
 И честь въ лицѣ сановника и старца,
 Который былъ тебѣ вторымъ отцомъ,
 Любилъ тебя, воспитывалъ, лелѣялъ,
 Покрѣпить бѣдою голову сѣдую,
 Убить печалью цѣлую семью —
 Все это тяжкій грѣхъ и преступленье;
 Но издѣваться надъ несчастьемъ — низость!

Эгнатій. — Весьма-велерѣчивые упреки!
 Я, впрочемъ, былъ давно на нихъ готовъ...
 Не знаю — ты готова ли прослушать
 Мое признанье... Я предупреждаю,
 Что буду долго говорить съ тобою
 И что отъ этой будущей бесѣды
 Зависитъ участь твоего отца.
 Ты хочешь слушать?

Сервилія. — Говори, Эгнатій,
 Но не надѣйся хитрыми рѣчами
 Предъстѣпить меня : любовь моя къ отцу
 И страсть моя къ Валерію, которой

Нѣтъ имени на языкѣ людей,
Замѣнять мнѣ и прозорливый разумъ,
И мужество, и волю. *(Садится).*

Эгнатій. — Мы увидимъ...

Начну съ того, что назову себя :
Передъ тобой, Сервилія, Эгнатій,
Отпущенникъ сенатора Сорана.
Въ другихъ словахъ : передъ тобою рабъ,
Отпущенный на волю господиномъ.
Ты — римлянка, и съ молокомъ всосала
Извѣстныя понятія о рабствѣ;
Но думала ль ты иногда о томъ,
Какъ грозный Римъ рабовъ приобретаетъ ?
Я приведу тебѣ одинъ примѣръ :
Вообрази, что хмѣльная когорта,
Не слушаясь вождя, во время мира,
Предательски-нежданно, темной ночью,
Напала на германское селенье,
Зажгла его и грабить. Дикари,
Опомнившись отъ ужаса и сна,
Бросаются на грабящую шайку
Съ дубинами и копьями... Напрасно !
Ихъ слабое оружіе дробится
О шлемы и желѣзныя кольчуги,
И трупы ихъ валяются подъ мечами
На головни пылающихъ жилищъ.
Всѣ старики, старухи и младенцы,
Какъ лишній грузъ, безъ жалости убиты,
А молодья жены и дѣвицы
И отроки отведены въ неволю.

Сервилія. — Зачѣмъ мнѣ знать объ ужасахъ войны ?
За праваго поборниками боги,
Неправые страдаютъ за неправду.

Эгнатій. — Не смѣшивай войны и грабежа.
Я для того о немъ упоминаю,
Чтобъ перейти къ себѣ...

Какъ медвѣжонокъ,
Похищенный ловцами изъ берлоги,
Я грызъ свои веревки и кусался,

Пока трехдневный голодъ не осилилъ
 Моей природы... Насъ пригнали въ Римъ
 И вывели на рынокъ, какъ животныхъ,
 Въ ошейникахъ ; меня купилъ Соранъ,
 И вотъ я въ вашемъ домъ поселился
 Невольникомъ и жалкимъ сиротою.

Сервилия. — Не клевети ! ты въ домъ нашемъ выросъ
 Не такъ, какъ рабъ : тебя родитель мой
 Не раздавилъ пятою, какъ змѣенка,
 А отогрѣлъ у сердца своего.

Эгнатій. — Но это сердце было мнѣ чужое !
 Уже-ли снисходительность Сорана,
 Заботы о моемъ образованьи,
 Его вниманье, похвалы и ласки
 Могли мнѣ все бывшее замѣнить ?
 Среди любимыхъ умственныхъ занятій,
 Среди трудовъ — сродниться съ языкомъ,
 Съ законами, съ гражданской жизнью Рима,
 Среди моихъ отчаянныхъ усилій
 Проникнуть глубже въ тайники науки,
 Моимъ очамъ неожиданно появлялась
 Минувшаго ужасная картина :
 Ночной пожаръ родимаго селенья,
 Отецъ мой, съ разможенной головою,
 И мать моя, съ затянutoю петлей...
 Сервилия ! въ подобныя минуты
 Я сознавалъ, старался сознавать,
 Что долженъ быть Сорану благодарнымъ ;
 Но вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствовалъ, какъ сильно
 Въ лицѣ его всѣхъ римлянъ ненавижу !

Сервилия. — Несправедливо жстить невиннымъ людямъ
 За свой тяжелый жребій. Не участие,
 Живой укоръ заслуживаетъ тотъ,
 Кто жалокъ былъ и сдѣлался къ другому
 Безжалостнымъ.

Эгнатій. — Позволь мнѣ продолжать.
 Прейдя молчаньемъ глуые годà,
 Честимые поэтами за что-то
 Весною жизни, приступаю прямо

Къ той неизбежно-роковой минутѣ,
 Которая, позднѣе или раньше,
 Перерождаетъ душу человѣка.
 Я понялъ вдругъ, что въ жизни у меня
 Есть цѣль, что я ее достигнуть долженъ,
 Преодолевъ всѣ трудности пути,
 И къ ней пошелъ... надежда засвѣтила
 Мнѣ впереди звѣздой путеводной,
 И жизнь моя осмыслилась...

Въ два года,

Примѣрнымъ хладнокровіемъ, трудами,
 Лишеньями, прилежнымъ изученіемъ
 Изгибовъ человѣческаго сердца,
 Услугами, рассчитанною лестью,
 Я приобрѣлъ довѣренность Сорана,
 Отпущенъ имъ на волю, получилъ
 И званіе и тогу гражданина,
 Введенъ былъ въ школу стоиковъ, сдружился
 Со всѣми представителями школы,
 Проникъ всѣ тайны, понялъ всѣ интриги
 Двора Нерона, и увлекъ Тразею
 И стоиковъ въ борьбу съ временщикомъ...
 Все для чего? чтобы достигнуть цѣли!
 А стоики — и первый твой отецъ
 Мнѣ были бы естественной препоной.

Сервилия. — Не знаю я, чего ты достигаешь,
 Но средства обнаруживаютъ ясно
 Преступность цѣли.

Эгнатій. — Выводъ нелогиченъ:
 Цѣль иногда оправдываетъ средства.
 Но кончимъ... Участъ твоего отца
 И стоиковъ въ моихъ рукахъ и волѣ.
 Ты поняла? Два слова Тигеллину —
 И твой отецъ оправданъ.

Сервилия. — Поняла...

Но самого тебя не понимаю.

Эгнатій. — Сейчасъ поймешь... Я испыталъ тебя:
 Та женщина, которая безстрашно
 Идетъ къ Локустъ и глядитъ въ глаза

Ночному привидѣнію, навѣрно
 Не побоятся пошлыхъ предразсудковъ,
 Пожертвуетъ минутнымъ увлеченьемъ,
 Оцѣнить твердость разума и воли
 И постоянство истиннаго чувства.
 Сервилія! ты можешь, если хочешь,
 Спасти отца — твоимъ единымъ словомъ,
 Движеньемъ брови, легкою улыбкой!

СЕРВИЛІЯ. — Эгнатій, я готова... объяснися,
 Скажи, чего ты требуешь?

ЭГНАТІЙ *(падаетъ ей въ ноги)*. — Любви!

СЕРВИЛІЯ *(остаеь, блѣдная, какъ мраморъ)*. — Будь проклять день,
 въ который ты родился!

ЭГНАТІЙ *(простираетъ къ ней руки)*. — Сервилія!.. Сервилія!..
 два года,

Два вѣка мукъ терзаній и борьбы,
 Люблю тебя, ревную, умираю
 Отъ ревности, отчаянья и страсти!
 Отецъ твой и Тразеа — это жертвы
 На алтарѣ любви моей къ тебѣ...
 Ты для меня — единая богиня,
 Которой я и вѣрю, и молюся...
 Взгляни, я слѣдъ ноги твоей цалую,
 Челомъ во прахъ склоняюся и плачу! *(рыдаетъ, прикладываетъ голову къ помосту)*.

СЕРВИЛІЯ. — Вотъ мой отвѣтъ, Эгнатій, и другаго
 Ты отъ меня не жди: патриціанка,
 Невѣста благороднаго трибуна
 И любящая женщина не можетъ
 У ногъ своихъ безъ омерзѣнья видѣть
 Предателя и подлаго раба!

ЭГНАТІЙ *(остаеь)*. — Такъ знай же, горделивая матрона:
 Валерій твой палъ подъ рукой убійцы!

СЕРВИЛІЯ. — Ты лжешь, презрѣнный! Еслибы Валерій
 Погибъ, мое недремлющее сердце
 Расторглось бы на части!

ЭГНАТІЙ. — Утѣшайся
 Безсонницей и чуткостью сердца!..
 Однакоже довольно пустословить...

Прослушай мой послѣдній приговоръ :
Я поклялся, что ты отсюда выйдешь
Моей женой, и не нарушу клятвы.

Сервилия. — Я прежде черепъ раздроблю о стѣны,
Чѣмъ до меня рука твоя коснется.

Эгнатій. — Съ безумными рѣчей не стоитъ тратить...
Пойми, что во власти у меня
И не питай надежды на спасенье:
Твой крикъ замретъ подъ сводами глухими,
А слухъ хозяйки дома и невольницъ
Мертвѣе камня. Люди не помогутъ,
А боги... пьютъ свой нектаръ на Олимпѣ.

Сервилия. — И громъ на богохульника готовятъ!

Эгнатій. — Эгнатій въ ихъ безсильный громъ не вѣрить,
А вѣрить въ умъ и волю человѣка.
Сервилия! я твердо убѣжденъ,
Что ты меня современемъ полюбишь:
Теперь ты къ этой мысли не привыкла,
Но дай пройти минутному волненью...

Сервилия. — Чудовище!..

Эгнатій. — Я призову Локусту:
Она тебя въ уборную проводить.
При свѣтѣ лампъ, подъ звуки томной цитры,
Подъ снѣью ароматною цвѣтовъ,
Ты просвѣтлѣешь мыслями и чувствомъ.
На нѣсколько мгновений я оставлю
Тебя одну... Размысли хорошенько,
Одумайся, Сервилия! *(уходитъ за завѣсу)*.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Сервилия *(тушитъ лампу и подбѣгаетъ къ дверямъ атриума)*. —
О боги!

Все заперто...

Послѣдняя надежда! *(рыдаетъ)*
Валерій мой! безцѣнный мой Валерій!
Прости навѣкъ... Еще одно мгновенье —
И смерть меня избавитъ отъ позора. *(Ломастъ себѣ руки)*.

Но гдѣ же вы, всевидящіе боги?
Спасите! васъ несчастье умоляетъ :
Спасите отъ погибели...

Да нѣтъ! *(отчаянно)*

Вы слѣпы, глухи! *(Дверь пальцею тихо отворается; изъ нея выходятъ
Неволея въ белой одеждѣ, съ факеломъ).*

ЯВЛЕНІЕ ОДЕННАДЦАТОЕ.

СЕРВИЛІЯ И НЕВОЛЕЯ.

НЕВОЛЕЯ *(подходитъ къ Сервиліи)*. — Не зови боговъ,
Сестра моя Сервилія!

СЕРВИЛІЯ. — Кто ты?

НЕВОЛЕЯ. — Невольница Локусты, Неволея,
Сестра твоя о Господѣ.

СЕРВИЛІЯ. — Сестра?..

Откуда ты? зачѣмъ сюда пришла?

НЕВОЛЕЯ. — Пришла спасти тебя, во имя Бога
И нашего Спасителя Христа.

СЕРВИЛІЯ. — Ты христіанка?

НЕВОЛЕЯ. — Я оглашена
И омываю горькими слезами
Мои грѣхи... *(указываетъ на дверь).*

За этой тайной дверью
Есть тайный ходъ подземный въ катакомбы :

Пойдемъ со мной! пойдемъ скорѣе... чу! *(За занавѣсомъ слышны скрипя
двери и шаги).*

СЕРВИЛІЯ. — Веди меня!..

Тебѣ, Богъ христіанскій,
Сервилія судьбу свою вручаетъ! *(Уходятъ).*

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Капище Венеры (37). — *Посрединѣ задней стѣны восьмиколонное преддверье капища съ рѣшетчатыми стѣорами. Направо арка въ смежный притворъ кумирни; нальво, противъ арки, колоссальный истуканъ Венеры. У подножья статуи трехступенная эстрада и на ней сѣдалища кесаря и двухъ консуловъ; у нижней ступеньки эстрады курульный стулъ претора и скамья трибуновъ; по бокамъ разставлены полукругомъ скамьи съ приступками для сенаторовъ. Эстрада и скамьи ограждены раздвижными перилами и крыты пурпуромъ. Въ львовомъ углу, за перилами, столъ для писцовъ. Посрединѣ сцены жертвенникъ. За сценой слышенъ гулъ толпы.*

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Консулы Кай Светоній и Люцій Телезинъ, сенаторы, преторъ, два трибуна и писцы стоятъ у своихъ мѣстъ, квесторъ за сѣдалищемъ Кесаря, глашатай за преторскимъ стуломъ, Сабинъ Осторій у скамьи трибуновъ; ликторы размѣщены съ двухъ сторонъ передъ перилами; жрецъ.

Жрецъ (*подходитъ къ жертвеннику*). — Да будутъ мнѣ свидѣтелями боги!

Ни птицъ полетъ, ни внутренности жертвы

Не предвѣщаютъ ничего худаго,

И трибуналъ имѣеть приступить

Къ рѣшенью дѣлъ и всякимъ разсужденьямъ. (*Присутствующіе садятся, за исключеніемъ квестора, глашатая, Сабина Осторія и ликторовъ. Жрецъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же, кромѣ жреца.

Преторъ (*встаетъ*). — Для славы и для счастья особы Божественнаго кесаря Нерона,

И, слѣдственно, для счастья и славы

Богами охраняемаго Рима,

Нашъ трибуналъ откроетъ засѣданье

Прочтеніемъ проекта нашихъ дѣйствій

Къ искорененью стоицизма. (*Развертываетъ свитокъ и читаетъ*),

«Primo:

За присужденъемъ къ вѣчному изгнанью
 Сенаторовъ : Гельвидія, Монтана,
 Паконія (30) и Сенція Торквата,
 Собранье наше полагаетъ : вызвать
 Тразею и Сорана, уличенныхъ
 Въ умышленной измѣнѣ противъ Рима.
 По вызовѣ жъ виновныхъ, не стѣсняясь
 Неявкою очередныхъ трибуновъ,
 А именно : Валерія, трибуна
 Тринадцатаго триба, прочитатъ
 Сенаторамъ Тразеѣ и Сорану
 Примѣрное рѣшенье трибунала,
 Которое затѣмъ благоговѣнно
 Препроводитъ на судъ и усмотрѣнье
 Божественнаго кесаря Нерона».

К. Свентоній. — Ты пригласилъ виновныхъ, преторъ ?

Преторъ. —

Да.

К. Свентоній. — Явились ?

Преторъ. —

Явились.

К. Свентоній. —

Глашатай,

Исполни долгъ !

Глашатай (*подходить къ периламъ*). — Благоволятъ граждане
 Сенаторы Тразеа и Соранъ
 Предъ трибуналь явиться !

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТІЕ.

Тѣ же, Тразеа и Соранъ *выходятъ изъ-подъ арки и остаются*
валятся передъ перилами.

К. Свентоній. — Трибуналь
 Васъ пригласилъ, сенаторы-граждане,
 Затѣмъ, чтобъ вамъ прочесть свое рѣшенье
 И дать возможность строгость приговора
 Смягчить сознаньемъ вашего проступка.

Л. Телезинъ. — Чтò скажетъ въ оправданіе Тразеа ?

Тразеа. — Тразеа почитаетъ униженьемъ

Отвѣтствовать на ложь и клевету.

Л. Телезинъ. — Ты трибуналу отвѣчать обязанъ.

Тразеа. — Я отвѣчать обязанъ высшей силѣ

И кесарю, а кесарь знаетъ все :

Я самъ ему признался откровенно
 Въ моихъ поступкахъ, въ правилахъ, въ понятыхъ,
 Въ моихъ рѣчахъ и даже въ помыслахъ.

До полученья отъ него отвѣта,
 Я буду глухъ и нѣмъ на всѣ вопросы.

К. Светоній. — Божественный нашъ кесарь Неронъ—Августъ
 Въ Кампаніи.

Тразеа. — Но я ему писалъ.

Л. Телезинъ. — Однако же позволь тебѣ замѣтить,
 Что кесарь самъ назначилъ трибуналъ,
 И мы, по предоставленной намъ власти,
 Тебя осудимъ, если ты теперь же
 Намъ не представишь ясныхъ доказательствъ
 Невинности своей и правоты.

Тразеа. — Я не могу и не хочу стѣснять
 Законныхъ вашихъ дѣйствій : вы въ нихъ властны,
 Какъ я въ своихъ... Но если трибуналу
 Отвѣтъ Тразеи нуженъ непременно,
 Вы можете на память записать,
 Что я, Тразеа, всей моей душою,
 Всѣмъ сердцемъ презираю Тигеллина,
 Который ложно говорилъ устами
 Усердныхъ обвинителей моихъ.

К. Светоній. — Нашъ трибуналъ не изъ дѣтей составленъ :
 Онъ различитъ, что истинно, что ложно.

Тразеа. — Послушайте, сенаторы и судьи
 И консулы, ты, Люцій Телезинъ,
 И ты, Светоній ! Правый человекъ
 Погибнуть можетъ : правда не погибнетъ !..
 Вы слышите народный шумъ и крики ?
 То голоса молвы тысячеустой,
 Которая потомству передастъ
 И вашъ позоръ, и судъ лицепріятный,
 И имена смиренныя страдальцевъ,
 Неправедливо обвиненныхъ вами...

Л. Телезинъ. — Довольно ! Это гордое уворство
 Сочтется, при рѣшеніи суда,
 За новую улику.

Тразеа. — Превосходно !
 Я подожду правдиваго рѣшенья.

К. Светоній (*Сорану*). — Соранъ, тебѣ грозитъ еще одно
И важное, по смыслу, обвиненье.

Твой обвинитель — этотъ римскій всадникъ,
Сабинъ Осторій... Знаешь ли его?

Соранъ. — Я видывалъ Осторія, во время
Азійскаго проконсульства, въ Пергамѣ :
Онъ помогаль корыстному Акрату
Отнять обманомъ у пергамскихъ гражданъ
Картины ихъ и статуи.

С. Осторій. — А ты,
Ты помогаль насилью этихъ гражданъ,
Которые Акрата оскорбили,
Хотя Акратъ — отпущенникъ Нерона,
Ты, римлянинъ, сенаторъ и проконсулъ,
Гоняся за любовью чужеземцевъ,
Поддерживалъ мятежническій духъ
Племень азійскихъ... Кто тебѣ былъ другомъ ?
Рубеллій Плавтъ, который осужденъ
Сенатомъ за измѣну противъ Рима !

Соранъ. — Я дружбою Рубеллія гордился
Такъ точно, какъ горжуся справедливо
Любовію и дружбою Тразеи.

Тразеа. — Благодарю... У нашихъ римлянъ есть
Пословица, что путнику въ дорогъ
Веселый другъ нужнѣе колесницы ;
Но я скажу : на жизненномъ пути
Надежный другъ всего необходимѣй.

С. Осторій. — Отцы и судьи ! собственнымъ сознаньемъ
Въ своихъ связяхъ съ преступными людьми
Соранъ мои укоры подтверждаетъ :
Мнѣ кажется, другихъ уликъ ненужно...
Но вы еще не знаете, какъ гнусны
И какъ преступны умыслы Сорана :
Охотой ставъ подъ знамя стоицизма
И обвиненный наравнѣ съ другими,
Соранъ дерзнулъ прибѣгнуть къ заклинаньямъ
Подземныхъ силъ и призывать на помощь
Жильцовъ могилы.

Соранъ. — Это клевета.

С. Осторій. — Пусть преторъ поступаетъ по закону.

Преторъ. — Благоволишь прослушать трибуналь
Второй параграфъ нашего проекта *(читаетъ)*.

«Secundo : Пригласить предъ трибуналь
Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилию».

Л. Телезинъ. — Приглашена ?

Преторъ. — Явилась.

Соранъ. — Я узнаю правдивый римскій судъ :
Онъ не щадить ни возраста, ни пола.

Тразеа. — Квириты судять безпомощныхъ женщинъ,
Должно-быть, по предчувствію, что скоро
Самихъ ихъ тѣ же женщины осудятъ.

Л. Телезинъ. — Нашъ трибуналь, законами и волей
Божественнаго кесаря Нерона,
Поставленъ выше всякихъ порицаній,
И не тебѣ судить его...

Глашатай,

Исполни долгъ !

Глашатай *(громко)*. — Благоволишь гражданинка,
Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилия, предъ трибуналь явиться.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТѢ ЖЕ И СЕРВИЛІЯ. *(На ней длинная туника изъ грубой ткани ; покрывало совершенно скрываетъ ея станъ и лицо. Сервилія медленно проходитъ нѣсколько шаговъ и останавливается.)*

Соранъ. — О бѣдное, о бѣдное дитя !

Тразеа *(тихо)*. — Сервилія, друзья твои не дремлютъ.

К. Светоній. — Мы, консулы и судьи, пригласили
Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилию, затѣмъ, чтобы спросить :
Давно ль и какъ знакомъ съ ней римскій всадникъ
Сабинъ Осторій ?

Сервилія *(тихо)*. — Я его не знаю.

С. Осторій. — Неправда ! ты меня встрѣчала часто
На форумѣ, на улицахъ и въ храмахъ.

Сервилія *(взглядываетъ на Осторія)*. — Быть-можетъ, ты со мною
и встрѣчался,

Но я тебя ни разу не видала.

С. Осторій. — Должно-быть, ты лицо мое забыла...
 Припомни, какъ кормилица твоя
 Ходила продавать твои наряды
 Въ ту лавку?.. знаешь?..

Сервилія. — Знаю, что мнѣ стыдно
 И за тебя, и за твои слова.

Л. Телезинъ. — Здѣсь трибуналъ : предъ ликомъ правосудья
 Не существуетъ ложного стыда.

С. Осторій. — Позволь спросить : зачѣмъ ты приказала
 Продать свое приданое ? *(Сервилія молчитъ)*.

Зачѣмъ ?

Сервилія. — Уже-ли трибуналъ не запрещаетъ
 Такихъ вопросовъ ?

С. Осторій. — Ты на нихъ не хочешь,
 А правильнѣй, боишься отвѣчать.
 Я помогу тебѣ и самъ отвѣчу :
 Ты продала приданое за тѣмъ,
 Чтобъ, выручивъ значительную сумму,
 Снести ее волшебникамъ и магамъ. *(Указываетъ на Сорана)*.
 По наущенью своего отца,
 Ты къ нимъ ходила, совершала чары
 И вызывала съ ними изъ Аида
 Боговъ подземныхъ... можетъ-быть, на гибель
 Сената и народа!.. Признавайся :
 Зачѣмъ ты имя кесаря не разъ
 Во время заклинаній поминала ?
 А! ты молчишь, блѣднѣешь?..

Я сказалъ. — *(Сервилія складываетъ
 руки, становится на колъни и плачетъ, закрышись покрываломъ)*.

К. Светоній. — Сервилія, ты можешь оправдаться? *(Молчаніе)*.
 Мы ждемъ отвѣта...

Сервилія *(остаетъ)*. — Консулы и судьи!
 Нѣтъ, я боговъ подземныхъ не звала ⁽³⁹⁾
 И гибели ни чьей не замышляла.
 Молилась я единственно о томъ,
 Чтобъ кесарь нашъ, по благости душевной,
 Помиловалъ любезнаго отца.
 Я къ магамъ не ходила, а ходила
 Къ... гадальщицѣ, и точно отнесла
 Ей всѣ мои вѣнчальные уборы.

Проси она души моей и жизни —
 Повѣрьте, я ихъ бы отдала.
 Ужель за эту женщину я буду,
 Какъ за себя, отвѣтствовать закону?
 Я прежде съ нею не была знакома:
 Слыхала только объ ея искусствѣ,
 Но тайнъ искусства этого не знала.
 Сама же я о кесарѣ иначе,
 Какъ о богахъ, нигдѣ не говорила.
 Но если я виновна, осудите
 Меня одну: несчастный мой родитель
 Не вѣдалъ даже о моемъ проступкѣ...

Соранъ. — Сервилія, не трать сердечныхъ словъ!
 Благоволите, консулы и судьи,
 Прослушавъ дочь, прослушать и отца.
 Вы дочь мою, Сервилию, призвали,
 Какъ жалкую преступницу, къ отвѣту;
 Но въ чемъ она преступна и виновна?
 Она со мной въ Пергамѣ не была
 И Плавта не знавала. Отношенья
 Мои къ Тразеѣ и другимъ особамъ,
 Которыя обвинены со мною,
 Ей были вовсе чужды. Не-уже-ли
 Вы можете вмѣнить ей въ преступленье
 Дочернюю привязанность и нѣжность?
 Прошу васъ отдѣлать судьбу отца
 Отъ участи невиннаго ребенка —
 И жребій мой, каковъ бы ни былъ онъ,
 Покажется мнѣ сладостнымъ.

СЕРВИЛІЯ (*простираетъ къ нему руки*). — Родитель!

СОРАНЪ. — Сервилія! (*Они хотѣтъ броситься другъ къ другу въ объятія: лекторы ихъ разлучаютъ*).

Л. ТЕЛЕЗИНЪ. — Соранъ, предъ трибуналомъ
 Нѣтъ ни отца, ни дочери, а есть
 Сообщникъ и сообщница.

ПРЕТОРЪ. — Не время ль
 Позвать теперь свидѣтелей? По списку
 Важнѣ всѣхъ отпущенникъ Эгнатій...

К. СВЕТОНИЙ. — Явился онъ на вызовъ?

ПРЕТОРЪ. —

Да.

К. СВЕТОНИЙ. —

Глашатай,

Исполни долгъ!

ГЛАШАТАЙ *(громко)*. — Отпущеникъ Эгнатій!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тъ же и ЭГНАТІЙ *(подходитъ къ жертвеннику. Соранъ наклоняетъ голову; Тразеа презрительно смотритъ на Эгнатія)*.

Л. ТЕЛЕЗИНЪ. — Эгнатій, ты обязанъ намъ поклясться Юпитеромъ, что скажешь трибуналу

Всю истину.

ЭГНАТІЙ *(кладетъ руку на жертвенникъ)*. — Клянуся!

ТЕЛЕЗИНЪ. —

Подойди

И объясни, что знаешь, откровенно.

ЭГНАТІЙ *(подходитъ къ эстраде)*. — Свидѣтельство мое не много-
словно.

Я снова просмотрѣлъ ихъ протоколъ

И свѣрилъ съ черною: онъ исправенъ *(подаетъ претору свитокъ)*.

Хотя здѣсь говорится о префектѣ

Преторіанцевъ и о тѣхъ доносахъ,

Которые терзаютъ гражданъ, но...

Я самъ составилъ этотъ протоколъ

И знаю твердо стойковъ: конечно,

Они не ждали легкихъ обвиненій

И будутъ рады, если ихъ осудятъ,

Какъ безпокойныхъ и зловредныхъ гражданъ,

Которымъ слѣдуетъ пресѣчь всѣ средства

Къ развитію химерныхъ ихъ идей.

Чѣмъ ни рѣшилъ бы трибуналъ ихъ участь,

Рѣшеніе будетъ крайне-благоклонно:

Они со мною сами согласятся

И, вѣрно, мнѣ не будутъ прекословить.

Л. ТЕЛЕЗИНЪ. — Соранъ, ты слышишь? *(Соранъ не поднимаетъ головы)*.

ТРАЗЕА. — Именитый консулъ!

Онъ слышитъ... Ты не видишь, что презрѣнье

И скорбь уста Сорана заграждаютъ. *(Указываетъ на Эгнатія)*.

Взгляните: этотъ низкій обвинитель,

Когда-то плѣнный сирота-ребенокъ,

Безъ языка и образа людскаго,

Сораномъ поднятъ былъ изъ состраданья

И снятъ съ мостковъ на грязномъ рабскомъ рынкѣ.
 Не годъ, не два, дѣсятки лѣтъ Соранъ
 Его растилъ, какъ дорогаго сына,
 Образовалъ и отпустилъ на волю,
 И даже въ завѣщаньи отказалъ
 Немалое богатство... Вотъ награда! *(Между сенаторами поднимается
 ропотъ; на нѣсколькихъ лицахъ выражается участіе).*
 Вскормите звѣря дикаго — и тотъ
 Вамъ будетъ преданъ...

ЭГНАТІЙ. — Перестань, Тразеа!
 Твои слова, всё клонятся къ тому,
 Чтобъ объяснить молчаніе Сорана
 Презрѣніемъ... Зачѣмъ же ты молчишь?

ТРАЗЕА. — Я не молчу.

ЭГНАТІЙ. — Но замолчишь, Тразеа,
 Когда я буду говорить о цѣли
 Твоихъ собратій.

ТРАЗЕА. — Новаго не скажешь!
 Все знаетъ кесарь: я ему писалъ.

ЭГНАТІЙ. — И ты такъ легковѣренъ?.. *(За сценой шумъ. Слышны
 голоса.)*

Преторъ! преторъ!

Свидѣтелей къ тебѣ не допускаютъ!
 Вели открыть рѣшотку!

ПРЕТОРЪ *(ликторамъ)*. — Отворите! *(Ликторы отворяютъ рѣшотку).*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТѢ ЖЕ, Ф. АФЕРЪ, ПОСИДЕСЪ, МЕЛЛА.

(Сквозь отворенную рѣшотку видна часть форума, покрытая густою массою народа. Передняя толпа взбирается на ступеньки трамповой лѣстницы, сталкиваетъ столы на ней преторіанцевъ и тѣснится у дверей капитула. Въ первомъ ряду Велоксъ и Цестъ).

ПРЕТОРЪ *(осведшимъ)*. — Кто вы такіе?

Ф. АФЕРЪ. — Римскіе граждане:

Фульциній Аферъ, Посидесъ и Мелла.

ПРЕТОРЪ. — Зачѣмъ же вы явились въ трибуналъ?

ПОСИДЕСЪ. — Мы избраны валеріевымъ трибомъ

Просить тебя.

ПРЕТОРЪ. — О чемъ?

МЕЛЛА. — Позволь намъ, преторъ,

Прослушать, за отсутствіемъ трибуна,
Рѣшенъе трибунала.

ПРЕТОРЪ *(послѣ нѣсколькихъ словъ съ консулами)*. — Позволяю.
(Ликторамъ тихо).

Но затворить рѣшотку.

Одинъ изъ ликторовъ *(тихо)*. — Невозможно!

Посидесь. — Съ тѣмъ вмѣстѣ, преторъ, ты насъ допусти
Въ свидѣтели.

Преторъ. — Чего же вы хотите?

Посидесь. — Хотимъ тебя увѣрить, что невѣста
Трибуна нашего Валерія — правѣ,
А вы... то-есть, не всѣ вы... виноваты.

Преторъ. — Вы объяснитесь...

Голосъ изъ толпы. — Аферъ, говори!

Ф. АФЕРЪ. — Пресвѣтлѣй, правосудный трибуналъ!

Дочь римскаго сенатора Сорана,

Сервилія обвинена неправо. *(Консулы и сенаторы начинаютъ шептаться. Преторъ торопливо пишетъ; Эгнатій подходитъ къ нему и говоритъ на ухо. Изъ-подъ арки, одинъ за другимъ, выходятъ вооруженные преторіанцы и становятся вдоль стѣны капища)*.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ТѢ ЖЕ И ПРЕТОРІАНЦЫ.

АФЕРЪ *(продолжаетъ)*. — Сервилія обманута Локустой,
Которая, заранѣй сговорившись
Съ предателемъ Эгнатіемъ, успѣла
Завлечь ее въ свой тартаръ обѣщаньемъ
Открыть предъ нею будущность Сорана.
Вы можете порядкомъ допросить
Невольницу Локусты, Фортунату. *(Указываетъ на С. Осторію)*.
Вотъ этотъ старѣй всадникъ былъ подкупленъ,
Черезъ Локусту, Силіей, вдовою
Сенатора Антистія: спросите
Ея невольницъ.

А волшебнымъ чарамъ
Сервилія ни мало не причастна,
И вообще мы клятвой утверждаемъ,
Что нѣтъ ея невиннѣй въ цѣломъ Римѣ,
И что она достойна быть супругой
Такого молодца и гражданина,
Какъ нашъ трибунъ Валерій. Кто не вѣритъ,

Тотъ недругъ намъ и трибу.

Я сказалъ. *(Оборачиваясь къ Соранн и кланяется).*

СЕРВИЛІА *(откидываетъ покрывало).* — Благодарю тебя, Фульциній Аферъ,

Не за себя, за твоего трибуна,

За память о душѣ его безцѣнной. *(Опускаетъ покрывало и плачетъ).*

СОРАНЪ *(Фульцинію Аферу).* — Отецъ за дочь тебя благодарить.

ТРАЗЕА. — А я за Римъ.

Посидесь. —

Скажи еще имъ, Аферъ,

Что у такихъ хорошихъ дочерей

Худыхъ отцовъ навѣрно не бываетъ.

МЕЛЛА. — А у отцовъ хорошихъ и друзья

Должны быть также нехудые, Аферъ! *(Сенаторы выражаютъ свое неудовольствіе ропотомъ).*

Нѣсколько голосовъ:

Что это значить, преторъ?

Здѣсь не форумъ!

Свидѣтели съ какихъ-то перекрестковъ!

Гдѣ ихъ улики? Какъ ихъ допускать

Къ присягѣ? *Plebs!* туничники!

Ф. АФЕРЪ *(спокойно).* — Законы

Не дозволяютъ гражданамъ оскорблять,

А ограждаютъ ихъ права и личность.

Мы требуемъ, чтобъ вы насъ допустили

Къ свидѣтельству и достодожной клятвѣ.

Л. ТЕЛЕЗИНЪ. — Свидѣтели, отъ васъ не отнимаютъ

Законныхъ правъ: вы можете явиться

Въ другое время. Наше засѣданье

Кончается, и преторъ прочитаетъ

Примѣрное рѣшенье трибунала.

ПРЕТОРЪ *(встаетъ и скидаетъ съ себя претакету).* — Благоволятъ отцы и судьи слушать! *(читаетъ):*

«Единогласнымъ мнѣніемъ, скрѣпленнымъ

Печатами и подписію общою,

Всѣ члены трибунала положили:

Сенаторовъ Тразею и Сорана,

Безспорно уличенныхъ трибуналомъ

Въ умышленной измѣнѣ противъ Рима,

Лишить публично римскаго гражданства

И осудить на вѣчное изгнанье;

Имущество виновныхъ распродать,
И, воспретивши имъ огонь и воду,
А вмѣстѣ съ тѣмъ отнявъ у нихъ права
На собственность во всѣхъ владѣнняхъ Рима,
Оставить имъ безпрекословно право:
Все отчуждать въ общественную пользу,
Хотя бы даже самую ихъ жизнь.
Дочь римскаго сенатора Сорана,
Сервилю, по молодости лѣтъ
И по сомнѣнью въ важности проступка,
Отдать, для испытанья, на поруки
Такому-то...»

Здѣсь слѣдуютъ назвать
Кого-нибудь... Положимъ, что... Эгнатій... *(описываетъ)*
Теперь намъ остается подписать,
Такъ-какъ трибуны римскаго народа
Согласны и не произносятъ...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Тъ же и ВАЛЕРІЙ *появляется въ преддверіи капища.*

ВАЛЕРІЙ. —

Veto! (4°)

Нѣсколько голосовъ. — Валерій!! *(Изъ груди Сервилии вырывается страшный крикъ; она шатается и падаетъ на руки подоспѣвшаго Сорана!)*

Эгнатій. — Живъ?.. Смертельный врагъ мой живъ!

А я, безумецъ, вѣрилъ въ силу воли!

Проклятье! *(рветъ на себѣ волосы).*

ВАЛЕРІЙ. — Властью римскаго трибуна,
Я закрываю засѣданье.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Тъ же и ТИГЕЛЛИНЪ.

ТИГЕЛЛИНЪ *(подходя къ Валерію).* — Чтò-о?!

Трибунъ? трибунъ при кесарѣ Неронѣ!

Трибунъ и veto?!

Преторъ. — Мы не позволяемъ.

Валерій не являлся въ засѣданье,

И потому теряеть въ этомъ дѣлѣ

Права трибуна.

ВАЛЕРІЙ. — Консулы и судьи!

Я вамъ привезъ отъ кесаря посланье *(подастъ свитокъ Л. Теллнику, который передаетъ его квестору).*

ТИГЕЛЛИНЪ. — Отъ кесаря?

ЭГНАТІЙ *(тихо)*. — А!.. это Мессалина!

ПРЕТОРЪ. — Я требую вниманія!

(Всѣ встаютъ; глубокая тишина.)

КВЕСТОРЪ *(читаетъ)*. — «Отцы—

Сенаторы! Трибунъ Валерій Рустикъ

Все это время былъ удержанъ мною

Для пересмотра нѣкоторыхъ дѣлъ :

Прошу считать на прежнемъ основаньи

Его моимъ очереднымъ трибуномъ.

Календы мая. Кесарь Неронъ—Августъ.»

ВАЛЕРІЙ. — При этомъ кесарь далъ мнѣ повелѣнье

Увѣдомить сенаторовъ и судій,

Что завтра утромъ онъ прибудеть въ Римъ.

НАРОДЪ. — Да здравствуетъ божественный нашъ кесарь!

Да здравствуетъ божественный нашъ кесарь!

ПРЕТОРЪ. — Собранье наше кончено... Отцы—

Сенаторы! мы можемъ удалиться.

(Присутствующіе сходятъ съ мѣстъ. Консулы, преторъ, нѣсколько сенаторовъ, квесторъ, плашатай, писцы и ликторы уходятъ одни за другими. Валерія окружаетъ толпа. Клиенты целуютъ полы его тоги.)

ЭГНАТІЙ *(Тигеллину)*. — Не выпускай Валерія изъ храма;

Вели убить!

(Тигеллинъ молча указываетъ на толпу, пожимаетъ плечами и уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тъ же, кромѣ вышедшихъ.

ЭГНАТІЙ *(идетъ вслѣдъ Тигеллину)*. — Не хочешь?..

Такъ я самъ...

Пусть разорветъ толпа меня на части,

Я не одинъ погибну : все-же легче! *(садится на скамью).*

ВАЛЕРІЙ *(пожимаетъ руки нѣкоторымъ изъ окружающихъ его)*. —

Теперь я вашъ, друзья мои!

(Подходитъ къ Тразея, обнимаетъ и целуетъ его.)

Тразея!

(ищетъ глазами Сорана и, увидѣвъ Сервилію, вскрикиваетъ:)

Сервилія!

(Бросается къ Сервиліи.)

Сервилія! ты здѣсь!

СЕРВИЛІЯ (*слабымъ голосомъ*). — Валерій!.. ты... не приходи ко мнѣ!

Я такъ слаба... не приходи ко мнѣ!

ВАЛЕРІЙ (*останавливается*). —

Сервиля, да что съ тобой?.. твой голосъ,

Твой глаза...

СЕРВИЛІЯ. — На нихъ печать могилы.

ВАЛЕРІЙ. — Сервиля!.. зачѣмъ меня пугать?

СЕРВИЛІЯ (*Сорану*). — Пусти, отецъ!.. мнѣ легче. .

(*вытирается*).

Милый другъ!

Я чувствую, во мнѣ достанетъ силы

Все рассказать... Меня сейчасъ судили.

ВАЛЕРІЙ. — Тебя? судили?

СЕРВИЛІЯ. — Да... за колдовство.

Я о тебѣ и о моемъ отцѣ

Пошла гадать... Нашлися злые люди

И мнѣ въ вину поставили гаданье...

Но гдѣ жъ ты былъ, мой дорогой Валерій?

ВАЛЕРІЙ. — У кесаря. Условіемъ спасенья

Отца, Тразея, всѣхъ насъ было то,

Чтобъ я не смѣлъ показываться въ Римѣ

И вѣсти не давалъ вамъ о себѣ.

Быть-можетъ, это было испытанье?

СЕРВИЛІЯ. — А я, Валерій, думала, что мы

Не встрѣтимся съ тобой на этомъ свѣтѣ.

Меня враги увѣрили... сказали :

«Валерій твой палецъ подъ рукой убійцы!»

Я плакала, я плакала такъ долго,

Молилася, молилася такъ усердно,

Что наконецъ Господь меня утѣшилъ.

ВАЛЕРІЙ. — Сервиля! ты очень-нездорова...

Тебѣ покой и сонъ необходимы,

А здѣсь такое множество народа.

СОРАНЪ. — Дитя мое! уйдемъ скорѣй отсюда :

Ты отдохнешь подъ кровлею родною.

СЕРВИЛІЯ. — Я отдохну, но подъ другою кровлей...

Валерій! обѣщай исполнить волю

И просьбу умирающей : клянися

Не мстить моимъ заблудшимся врагамъ,

Клянись не предаваться маводушню,
Отчаянью...

ВАЛЕРІЙ. — Сервилія!..

СЕРВИЛІЯ. — Клянися!

ВАЛЕРІЙ. — Клянусь тебѣ, Сервилія!

СЕРВИЛІЯ. — Послушай!

(Беретъ его за руку и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ).

ЭГНАТІЙ *(встаетъ со скамьи)*. — Она его сама ко мнѣ подво-
дитъ..

Пойдемъ на встрѣчу молодой четвѣ!

СЕРВИЛІЯ *(останавливается)*. — Валерій!

*(Голосъ ея звучно раздается подъ сводами кавъца. Толпа тлѣ-
нителъ внимательнымъ кружкомъ. Эгнатій становится за Вале-
ріемъ).*

Я прозрѣла въ новый міръ,

Узнала силу чудной благодати
И поняла душою просвѣтленной,
Что наша человѣческая мудрость,
Поэзія, искусство и наука,
И наши боги — эти идеалы
Юдольныхъ добродѣтелей и истинъ —
Не болѣе, какъ тѣни отъ пылинокъ
Предъ вѣчнымъ солнцемъ правды и любви...
Я — христіанка!

(Валерій вздрагиваетъ. Толпа съ ропотомъ отступаетъ).

ЭГНАТІЙ *(радостно)*. — А! моя звѣзда,
Ты не угасла!

СЕРВИЛІЯ. — Дà, я христіанка,
Но имени Христова недостойна...
Простясь съ тобою мысленно навѣки,
Я, у святаго алтаря Господня,
Произнесла обѣты: посвятить
Себя на службу Богу и отречься
Отъ радостей земныхъ и отъ любви.
Когда жь тебя я снова увидала,
Изъ моего болѣзненного сердца
Рванулся вопль, такой ужасный вопль,
Что струны жизни разомъ порвались...
Теперь звучитъ послѣдняя струна,
И та слабѣтъ...

Милый мой Валерій!

Сервилія, поклонница кумировъ,
Тебя любила сердцемъ; христіанка
Тебя душой своей безплотной любить...

Увѣруй, обратися ко Христу —

И мы съ тобою въ небъ съединимся! *(Голосъ ея слабѣетъ съ кажды-
дымъ словомъ).*

Я знаю... ты увѣруешь... и скоро...

Найди того, котораго недавно

Ты защитилъ отъ ярости народа :

Онъ защититъ тебя отъ искушенья

И отъ духовной гибели спасетъ,

Какъ спасъ меня и многихъ грѣшныхъ братій...

Теперь земное кончено.

Валерій,

Простись съ твоей Сервиліей... Отецъ... *(шатается. Валерій и Со-
ранъ ее поддерживаютъ.)*

Дай руку... гдѣ ты... гдѣ ты, мой Валерій?...

ВАЛЕРІЙ. — Здѣсь, здѣсь, мой другъ! у сердца твоего!

ЭГНАТІЙ. — Съ ней обморокъ! Врача сюда скорѣе!

СЕРВИЛІЯ *(шопотомъ)*. — Прости меня, Небесный Искупитель!
Какъ я прощаю... злѣйшаго врага...

ВАЛЕРІЙ. — Сервилія!... Сервилія!... Я вѣрю,
съ тобою вмѣстѣ вѣрю...

СОРАНЪ. — Не зови :
Сервилія насъ больше не услышитъ!

ВАЛЕРІЙ. — Меня услышитъ! *(выхватываетъ изъ-подъ тоги ножъ).*

ТРАЗЕА *(останавливаетъ руку Валерія)*. — Клятвы не забудь!
Гдѣ духъ ея, туда не долетитъ

Душа самоубійцы. *(Валерій закрываетъ лицо руками и плачетъ).*

ЭГНАТІЙ *(подходитъ ближе и смотритъ на трупъ Сервиліи)*. —
Умерла...

Враговъ... меня простила, умирая... *(раздираетъ на себѣ одежду).*

О, горе мнѣ! Есть Всемогущій Богъ,

Есть неумытный Судія на небъ,

Защитникъ добрыхъ и каратель злыхъ!

ПРИМЪЧАНІЯ.

(¹) Историческое содержаніе моей драмы требуетъ нѣсколькихъ предварительныхъ словъ о стоицизмѣ вообще и объ укорененіи его въ Римѣ.

Въ древнихъ Аоннахъ, галерея, открытая сверху и украшенная картинами, называлась *Стоа*. Философъ Зенонъ обратилъ такую галерею въ свою аудиторію, и основанная имъ (¹) философская школа получила названіе *стоической*. Современникъ Эпикура, вскормленный идеями послѣдователей Сократа, циниковъ и академиковъ, Зенонъ противопоставилъ скептицизму ученіе, опирающееся на нравственныхъ основанійхъ (²). Не распространяясь объ ученіи Зенона, скажемъ, что наука служила ему путемъ для достиженія мудрости; мудрость заключалась въ познаніи божества и людей, а примѣненная къ жизни, порождала добродѣтель. Добродѣтель, по понятіямъ Зенона, есть истая гармонія человѣка съ самимъ собою; она достигается владѣтельствомъ надъ страстями, предполагаетъ въ человѣкѣ высшее внутреннее спокойствіе и изящество въ наслажденіяхъ; она не дѣлаетъ мудреца безчувственнымъ, но облачаетъ его несокрушимой броней и даетъ духу полную власть надъ тѣломъ, допускающую даже лишеніе себя жизни. Самопожертвованіе, или самолишеніе, Зенонъ считалъ главною добродѣтельною, а порокомъ признавалъ такіа человѣческіа дѣйствія, которыя противорѣчатъ природѣ дѣйствующаго лица. Зенонъ и его ученикъ, Клеанъ Ассосскій, сами лишили себя жизни въ глубокой старости. Клеанъ подраздѣлялъ стоическую философію на диалектику, ретику, этику, политику, физикку и теологію. Послѣдователь Клеанова, Хризиппъ Солійскій (³), приводитъ въ своей физикѣ явные доводы того, что вліяніе судьбы или необходимыхъ соотношеній между предметами не можетъ стѣснятъ ни божественнаго промысла, ни человѣческой воли въ ея разумныхъ проявленіяхъ. Сочиненія Хризиппа образовали римскихъ философовъ, между которыми Сенека, Эпиктетъ и Маркъ Аврелій Антонинъ, кесарь-философъ, сдѣлались поборниками стоицизма. Римскіе философы обработали преимущественно практическую сторону стоицизма, а нравственную его силу старались развить назидательными сочиненіями; но сочиненія ихъ не слѣдуетъ заимствовать свѣтомъ — въроятнымъ плодомъ тайныхъ сношеній стоиковъ съ христіанами.

Римскій стоицизмъ, или, правильнѣе, нео-стоицизмъ, возникшій еще до Катова, получаетъ полное развитіе въ первые годы правленія Нерона.

(¹) За 300 лѣтъ до Р. X.

(²) *Нравственныя основанія* приняты здѣсь въ смыслѣ относительномъ: лжеческая мудрость — все-таки мудрость человѣческая и исчезаетъ предъ глаголами евангельскихъ истинъ.

(³) Умершій въ 212 году до Р. X.

Представителями стоицизма при Кесарѣ являются Сенека и Буррѣ. Побѣдивъ своимъ вліяніемъ на Нерова вліяніе Агриппины, Сенека и Буррѣ, послѣ ея смерти, управляютъ дѣлами Рима; но владычество ихъ было непродолжительно: оно кончилось со смертью Бурра, бывшаго префектомъ преторіа. Преемникъ его, Софоній Тигеллинъ, приобрѣтаетъ полную довѣренность Нерона и съ этой минуты начинается борьба философовъ съ временщикомъ и его клевретами. Обстоятельства ея извѣстны: одни за другими слѣдуютъ изгнаніе и смерть Рубеллія Плавта, смерть его жены и тестя, смерть самого Сенеки и племянника его, поэта Лукана. Философы и стоики: Корнугъ, Персъ, Аполлоній и Музоній Руфъ изгоняются изъ Рима. Вмѣстѣ съ ними и тогда же (въ 67 году по Р. Х.) изгоняются римскій юрист—консулъ Кассій и родственникъ его. Силанъ, оба — опоры стоической школы.

Въ это время, при консулахъ Каѣ Светоніи и Люціи Телезинтѣ, выступаютъ нео—стоики: Тразеа Петъ и Соранъ Бареа.

Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ разсказа Тацита (*).

XXI. «По умерщвленіи столькихъ именитыхъ мужей, Неронъ вознамѣрился внаслѣдокъ истребить самую добродѣтель въ лицѣ Тразеи Пета и Барен Сорана, которые оба ему были ненавистны съ—давнихъ—поръ, а Тразеа по особеннымъ причинамъ, за то, что вышелъ изъ курии, когда сенатъ разсуждалъ объ убіеніи Агриппины, о чемъ я уже упоминалъ, за то, что неохотно принималъ участіе въ ювенальскихъ играхъ — обидя тѣмъ болѣе чувствительная, что въ своемъ родномъ городѣ Патавіи (5), на учрежденныхъ Троянцемъ Антеноромъ играхъ въ честь, Тразеа пѣлъ въ трагедіи. При этомъ, въ тотъ день, когда осуждали на смерть претора Антисція, за сочиненныя на Нерона сатиры, Тразеа высказалъ болѣе снисходительное мнѣніе, одержавшее верхъ; а когда присуждали божескія почести Попшеѣ, самовольно отлучился изъ Сената и не былъ на похоронахъ. Эти поступки не предавались забвенію стараніями Капитона Коссуціана (6), человѣка съ душою, склонною къ низости, и недруга Тразеи, за то, что Тразеа помогалъ своимъ авторитетомъ киликійскимъ легатамъ (7), ходатайствовавшимъ о взысканіи съ Капитона за его лихоимство.»

Капитонъ поддерживалъ подозрѣнія Нерона постоянными упреками Тразеѣ въ непринесеніи торжественной присяги и жертвъ, въ нерадѣніи о благополучіи кесаря и т. д. По словамъ Капитона, Тразеа и его приверженцы—подражатели составляли партію, которая грозилъ открытою войною. «Жадный до раздоровъ городъ говорить о тебѣ, Неронъ, и о Тразеѣ, какъ о Ю. Кесарѣ и о М. Катонѣ... Провинци и войско читаетъ дневники римскаго народа единственно для того, чтобы убѣдиться изъ нихъ въ молчаніи и бездѣйствіи Тразеи... Впрочемъ, не пиши ни слова противъ Тразеи: пусть сенатъ разсудитъ между нимъ и мною». Неронъ, одобрявъ Капитона, далъ ему въ помощники Марцелла, оратора, замѣчательнаго силою краснорѣчія.

(*) См. Тацита Лѣтописи, кн. XVI, гл. XXI и слѣдующія.

(5) Въ Падугъ.

(6) Тигеллинновъ зять.

(7) Выборнымъ посланъ.

Между-тѣмъ Соранъ, по окончаніи азійскаго проконсульства, былъ обвиненъ римскими всадниками Сабиномъ Осторіемъ въ дружественныя сношенія съ Рубеліемъ Платомъ и въ намѣренія списать любовь провинціи для исполненія честолюбивыхъ замысловъ. Въ это время Римъ ожидалъ прибытія Тиридата, который долженъ былъ получить изъ рукъ Нерона армянскій вѣнецъ. Тразевъ было запрещено появляться въ публичнѣ. Тразеа написалъ Нерону письмо, въ которомъ удостовѣрялъ, что если ему объявятъ его вину, онъ представитъ полное оправданіе. Противъ ожиданія, Неронъ не нашелъ въ этомъ письмѣ никакихъ льстивыхъ выраженій и повелѣлъ сенату собраться для сужденія Тразей и Сорана.

Тразеа собралъ друзей. Одни совѣтовали ему оправдываться; другіе старались доказать, что всякое оправданіе навлечетъ только преслѣдованіе на супругу и дѣтей Тразей. Молодой трибунъ Рустику Аруденъ просилъ дозволенія воспротивиться сенатскому рѣшенію властью, присвоенною его званію, но Тразеа удержалъ этотъ порывъ благоразумнымъ совѣтомъ.

Тацитъ продолжаетъ такъ :

«На другой день, на разсвѣтѣ, двѣ когорты преторіанцевъ обложили храмъ Венеры—родотворной; толпа гражданъ тѣснилась у входа; по форумамъ и базиликамъ были разставлены отряды воиновъ; сенаторы вошли въ кѹрію посреди этого скопища, нещадившаго угрозъ. Рѣчь кесаря была прочтена его квесторомъ. Не называя никого, Неронъ укорялъ сенаторовъ въ томъ, что они уклоняются отъ исполненія общественныхъ обязанностей и своимъ примѣромъ поощряютъ бездѣйствіе римскихъ всадниковъ. Неудивительно, что одни не являются къ должности изъ отдаленныхъ провинцій, когда другіе, получившіе консульство и жреческое достоинство, избрали исключительнымъ своимъ занятіемъ украшеніе садовъ.» Эта стрѣла была поймана обвинителями на-лету.

Капитонъ и Марцеллъ осыпали упреками отсутствовавшего Тразею. Марцеллъ вопіялъ, между-прочимъ, что сенаторамъ стыдно оставлять безъ преслѣдованія законовъ Тразею, Гельвидія Приска, раздѣлявшаго вражду своего тестя, Паконія Агриппина, наслѣдника отеческой ненависти къ Нерону, и Курція Монтана, автора безстыдныхъ глосевъ.

Рѣчь Марцелла, всегда свирѣпаго и грознаго, а тогда плачущаго глѣвомъ, устращивала сенаторовъ, хотя и убѣжденныхъ въ невинности обвиненныхъ.

Выписываемъ далѣе изъ Тацита :

XXX. «Между-тѣмъ входитъ Осторій Сабинъ, обвинитель Сорана, и укоряетъ его въ сношеніяхъ съ Рубеліемъ Платомъ и въ стремленіи, во время азійскаго проконсульства въ ущербъ Риму, списать народную любовь возмущеніемъ азійскихъ племень. Къ этимъ стариннымъ упрекамъ Осторій присоединилъ еще новый: онъ обвинилъ дочь Сорана въ раздачѣ денегъ волшебникамъ. И дѣйствительно, дочерняя привязанность породила это заблужденіе: Сервилія (такъ называлась молодая женщина), по любви своей къ отцу и по молодости лѣтъ, обращалась за совѣтами къ магамъ; но она хотѣла узнать единственно о томъ, какая участь ждетъ ея семейство, умилостивится ли Неронъ и не будетъ ли процессъ ея отца имѣть гибельныхъ послѣдствій?

«Итакъ Сервилія явилась въ Сенатъ. Передъ трибуналъ консуловъ

предстали, съ одной стороны, престарѣлый отецъ, съ другой, дочь, едва-двдстигшая двадцатилѣтняго возраста и уже осужденная на вдовство и одиночество недавнимъ изгнашемъ ея супруга, Полліона. Сервилля не осмѣливалась взглянуть на своего отца; почитая себя виновною въ усиленіи грозившей ему опасности.

XXXI. «Когда обвинитель спросилъ ее : не продавала ли она своего ожереья и свадебныхъ подарковъ съ цѣлью употребить деньги на волхвованіе, Сервилля сначала простерлась ницъ, долго молчала и плакала; наконецъ, обнимая алтари, сказала : «Я не призывала подземныхъ боговъ»... и т. д.

Рѣчь ея и отвѣтъ Сорана сохранены, съ нѣкоторыми отступленіями, въ моей драмѣ. Чтобъ не повторять, продолжимъ повѣтствованіе Тацита :

«Приступили къ слушанію свидѣтелей, и къ чувствамъ состраданія, возбужденнымъ жестокостью обвиненія, присоединились омерзѣніе и ужасъ, вызванные показаніемъ Эгнатія. Этотъ кліентъ Сорана, продавшій своего друга, прикрывался строгостью стоической секты, придавалъ своему лицу и всей наружности тщательное—изученное выраженіе благодушія, а въ глубинѣ души таилъ вѣроломство, обманъ, скуность и развратъ. Деньги обнажили всѣ пороки этого презрѣннаго, который доказалъ, что не только нужно опасаться отъявленныхъ хитрецовъ и людей, заклеянныхъ безчестіемъ, но что и подъ личиною добродѣтели скрываются иногда лицеѣбры, а подъ личиною дружбы — предатели.

XXXIV. «Тѣмъ неменѣе, въ этотъ же самый день, Кассій Асклеподотъ явилъ собою примѣръ честности. Богатый и знатный внѣпонецъ, оягъ знавалъ Сорана въ дни его славы; не покинулъ и въ несчастіи.»

Описаніемъ послѣднихъ минутъ Тразеи оканчивается лѣтопись Тацита, но со смертію Тразеи не прекратилось значеніе стоицизма. При Веспасіанѣ, Гельвидій Прискъ, возвращенный изъ изгнанія, преслѣдуетъ обвинителя Тразеи, Марцелла; Музоній Руфъ преслѣдуетъ П. Эгнатія (Публій Эгнатій Целеръ).

Читатели могутъ усмотрѣть, на сколько остался я вѣренъ въ моей драмѣ разсказу Тацита, на сколько измѣнилъ его.

Напримѣръ : лицо мужа Сервилли, Полліона, замѣнено лицомъ Рустика Арулена, которому придано названіе Валерія; вмѣсто Кассія Асклеподота, защитниками нео-стоиковъ являются ихъ кліенты; Тразея выведенъ на сцену вдовцомъ; участіе Нерона въ обвинительномъ процесѣ отстранено; дальнѣйшая судьба Тразеи и Сорана оставлена въ безвѣстности.

Отвѣчать на вопросы о причинахъ такихъ измѣненій — и долго и трудно. На всякій случай отраждаюсь пресловутымъ рѣченіемъ : *licentia poetica!*

(²) *Римскій форумъ* (Forum romanum). Декорация представляетъ собственно часть форума, прилегавшую къ Капитолію и священной дорогѣ. Зданія размѣщены по плану *Дезобри*, составленному по историческимъ указаніямъ и по остаткамъ знаменитаго древняго плана Рима, вырѣзаннаго на мраморѣ. (⁸) Значеніе римскаго форума извѣстно: на немъ

(*) См. Rome au siècle d'Auguste par Desobry, t. I.

происходили засѣданія Сената и народныя собранія, рѣшались дѣла общественныя и частныя. Сенатъ собирался обыкновенно въ Юліевской Куріи, народъ въ Комиціумѣ; политическія дѣла разбирались въ базиликѣ Эмилии, дѣла денежныя въ базиликѣ Аргентаріи и въ храмѣ Сатурна; частныя процессы разсматривались въ трибуналѣ претора, при Колоннѣ-Менниі, и т. д.

(3) *Термополи* замѣняли у римлянъ современныя кофейни; въ нихъ преимущественно продавались подогрѣтыя вина и разные напитки (9).

(4) *Locusta*, Локуста — отравительница, содержавшаяся при началѣ правленія Нерона въ темницѣ. По случаю отравленія Британника, Неронъ освободилъ ее отъ заключенія, одарилъ и предоставилъ ей полную свободу дѣйствій. Впослѣдствіи она имѣла даже учениковъ (10). Объ ученикахъ Локусты упоминаетъ также Ювеналъ (11). Поэтому, въ первой декорациіи моей драмы, имя Локусты, написанное на дверяхъ ея дома, служить какъ-бы вывѣскою школы.

(5) *Игральныя кости* назывались у римлянъ *tali*; числомъ ихъ было четыре; видомъ онѣ походили на употребляемыя въ наше время, съ тою разницею, что были пережѣнены очками не со всѣхъ шести сторонъ, а только съ четырехъ, и именно: очкомъ, тремя, четырьмя и шестью.

Кости высыпались изъ рожка на особоустроенную доску, или на столъ. Число выпавшихъ на верхней сторонѣ очковъ и различное ихъ сочетаніе составляло 35 различныхъ *ударовъ*, названныхъ по именамъ боговъ, богинь, героев и т. д. Главнымъ ударомъ считался *ударъ Венеры*, состоявшій изъ четырехъ различныхъ чиселъ; самымъ неудачнымъ — *ударъ собаки*, состоявшій изъ четырехъ очковъ, по очку на каждой кости (12). Игра въ кости бывала иногда очень-значительна; напримѣръ, Неронъ игралъ по 400 сестерцій на очко.

(6) У римлянъ были въ обращеніи монеты мѣдныя, серебряныя и золотыя. Мѣдныя монеты были: *ассъ* и его подраздѣленія — *семиссъ* (полуассъ), *триентъ* (треть), *квадрантъ* (четверть), *секстантъ* (шестая доля) и *стипсъ* (двѣнадцатая доля асса). Четыре асса составляли мелкую серебряную монету — *сестерцію*, равную нашему пятаку. Другая серебряная монета — *квинарій*, равнялась нашему гривеннику, *динарій* — двугривенному. Золотая монета была одна и называлась *ауреусъ*, или просто *ауреусъ* (золотой), и стоила 25 динаріевъ. Считали обыкновенно сестерціями (*sestertius*), отъ которыхъ слѣдуетъ отличать большія сестерціи (*sestertium*), воображаемую монету, заключающую въ себѣ 1000 обыкновенныхъ сестерцій. Другою воображаемою монетою былъ *талантъ*, стоявшій около 500 р. сер. (13)

(7) *Aedepol!* Это слово сокращено изъ двухъ словъ: *aede Pollucis* и означаетъ: клянусь храмомъ Поллукса! Мужчины обыкновенно употреб-

(9) См. «Пошпеня» Классовскаго.

(10) См. Светонія въ Неронѣ, гл. 23, и Тацита Лѣт., XIII, 15.

(11) Сат. I, 71.

(12) См. Авла Гелле, I, 20. Проперція, II, 18. Марціала, XIV, 14 и др.

(13) См. Плинія, XXX, 3.

для эту клятву въ минуту волненія страстей; женщины клялись Касторомъ : *Mécastor!* ⁽¹⁴⁾.

⁽⁸⁾ *Патроны и кліенты.* Слово патроны (*patroni*) происходитъ отъ *patres* (отцы), слово кліенты (*clientes*) — отъ *colentes* (почитающіе). Ромуль, при учрежденіи гражданской системы Рима, предоставилъ каждому плебею выбирать себѣ защитника и покровителя изъ среды патриціевъ. Обязанности покровителей, или патроновъ, и покровительствуемыхъ, или кліентовъ, были обоюдны и заключались въ слѣдующемъ : 1) Патронъ долженъ былъ заботиться о присутствовавшихъ, такъ и объ отсутствовавшихъ кліентахъ; долженъ былъ объяснять имъ гражданскія ихъ обязанности, оказывать денежныя пособія, защищать отъ несправедливостей, и, словомъ : охранять ихъ во всѣхъ дѣлахъ общественныхъ и частныхъ. 2) Кліенты были обязаны хлопотать о замужествѣ дочерей своего патрона, въ случаѣ его недостаточности, помогать ему собирать приданое, выкупать изъ плѣна, какъ самого патрона, такъ и его дѣтей; платить за того и за другихъ въ случаѣ програнной тяжбы и доставлять имъ деньги, необходимыя для занятія общественныхъ должностей и для другихъ общественныхъ расходовъ. Патронамъ и кліентамъ воспрещались взаимныя обвиненія и свидѣтельства передъ судомъ, возбранялась и взаимная вражда: уличенный въ одномъ изъ этихъ проступковъ считался измѣнникомъ, а по закону Ромула, всякій гражданинъ имѣлъ право убить измѣнника ⁽¹⁵⁾.

Эти отношенія патроновъ и кліентовъ, сохранявшіяся въ теченіе шести вѣковъ, ощутительно измѣнились при кесаряхъ. Еще при Августѣ, слово « кліентъ » означало (за немногими исключеніями) бѣдняка, обязаннаго, за кусокъ насущнаго хлѣба, льстить и всячески угождать богатому патрону, незнавшему своего кліента даже и по имени. Съ утра толпаясь въ атриумѣ патрона, кліенты по нѣскольку часовъ дожидались выхода своего лѣниваго покровителя и ежедневной подачи (*sportula*), состоявшей или изъ съѣстныхъ припасовъ, или изъ незначительной суммы. Марціалъ упоминаетъ, что въ его время любимыя кліенты получали каждый день отъ своихъ патроновъ до трехъ динаривъ; ⁽¹⁶⁾ но большая часть довольствовалась десятию сестерціями въ мѣсяцъ. Правда, что кліентамъ не возбранялось имѣть по нѣскольку патроновъ и что многіе изъ плебеевъ успѣвали въ одно утро обѣгать за подачками до десяти домовъ. Подобныя отношенія породили, съ одной стороны, высокомеріе, съ другой — готовность на всякую низость и вѣроломство : кліенты продавали себя тому, кто имъ платилъ дороже, и не питали ни къ кому особенной привязанности. Но между-тѣмъ самая продажность кліентовъ вынуждала патроновъ къ строгому выполненію ихъ обязанностей, и это понятно : кліенты были гражданами и имѣли голоса на выборахъ въ общественныя должности, а съ этими должностями соединялось и политическое значеніе, и богатство. Рѣдкіе примѣры привязанности кліентовъ къ патро-

⁽¹⁴⁾ См. Плавта.

⁽¹⁵⁾ См. Плутарха, Ромуль 13, Марій 5 и Діон. Галикарн., II, 10.

⁽¹⁶⁾ См. Марціала, III, 7. IV, 26. IX, 103. X, 75.

намъ составляли исключеніе изъ общаго правила, но тѣмъ не менѣе они достовѣрны. Римляне дѣлили кліентовъ, по мѣрѣ приближенности ихъ къ патронамъ, на нѣсколько разрядовъ: тѣ, которыхъ обязанность состояла единственно въ обычномъ посѣщеніи и поклонахъ, назывались *salutatores*, выходяшіе съ патрономъ изъ дома именовались *anteambulones*, а сопровождавшіе его повсюду — *assectatores* и *prosecutores* (17). Намъ остается замѣтить, что патроны могли быть въ то же время и кліентами. Напримѣръ: Помпей былъ кліентомъ оратора Гортензія (18), Марій былъ кліентомъ Герсинія (19).

(9) Съ большою вѣроятностью можно полагать, что полента употреблялась древними римлянами (20). *Dea Fornax* была кухонною богиней римлянъ.

(10) *Атриумъ*. Постройка римскихъ домовъ (21) и расположеніе комнатъ имѣли нѣкоторыя особенности, непонятныя для незнакомыхъ съ древнею архитектурою.

Чтобъ дать нашимъ читателямъ понятіе объ устройствѣ римскихъ домовъ, приведемъ описаніе Дезобри (22).

Авторъ переноситъ насъ въ вѣкъ Августа и заставляетъ присутствовать при осмотрѣ дома Мамурры тогдашнимъ архитекторомъ—писателемъ Витрувіемъ, который показываеъ это вновь—отстроенное имъ зданіе молодому галльскому путешественнику Камулогену и гречекому писателю Діонисію Галикарнасскому.

«Витрувій—старикъ: изъ уваженія къ его лѣтамъ, я (Камулогенъ) и Діонисій отправились къ нему на домъ, а отъ него пустились въ путь уже втроемъ. Взобравшись на Целіуосъ, мы вышли на площадку передъ домомъ Мамурры. Я поспѣшно прошелъ площадку и направился—было къ двери дома, но Витрувій остановилъ меня словами: «Не торопись Камулогенъ: здѣсь должно начаться наше объясненіе. Ты нѣсколько разъ проходилъ эту площадку, но знаешь ли, что она составляетъ часть дома и знаешь ли, какъ она называется? Это — сѣни (*arèa* или *vestibulum*), продолжалъ Витрувій, замѣтивъ, что я молчу. Мнѣ нѣтъ нужды объяснять тебѣ, что находящаяся посреди сѣней статуя представляетъ, по обычаю, хозяина дома. Статуя отлита изъ мѣди и изображаетъ Мамурру на конѣ, въ одѣяніи преефекта работнаго отряда при кесарскомъ войскѣ. При постройкѣ большаго дома, мы имѣемъ обыкновеніе оставлять между фасадомъ зданія и улицей пустое пространство, обрамляемое или портиками, или двумя сосѣдними домами. Эти сѣни придуманы для того, чтобъ кліентамъ, приходящимъ иногда къ патрону съ слишкомъ раннимъ поклономъ,

(17) См. Цицерона de Petit. Consul. Тацита de Orat. 13. Марціала, II, 18.

(18) См. Сенеку Controvers, VII, 2.

(19) См. Плутарха, Марій, 5. Катулъ (46, V, 7) называетъ Цицерона всесвѣтвымъ патрономъ, «*optimus omnium patronus*».

(20) См. «Помпей» Классовскаго и Rome au siècle d'Auguste, Desobry, t. I., I. XIV.

(21) Домъ раздѣлялся на собственно дома (*domus*) и на такъ—называемыя острова (*insulae*), домъ—особнякъ, окруженный со всѣхъ сторонъ улицами.

(22) Rome au siècle d'Auguste. Lettre IX.

не дожидаться пробужденія невольниковъ на улицѣ. Теперь войдемъ : здѣсь нѣчего болѣе осматривать.»

«При этихъ словахъ, онъ приблизился къ двустворчатой дубовой двери, вставленной между двухъ пилластровъ, увѣнчанныхъ изящнымъ карнизомъ; половники двери были обиты мѣдью и усажены крупными гвоздями, съ золотой насѣчкой на шляпкахъ. Витрувій позвонилъ въ колокольчикъ, употребляющійся почти во всѣхъ домахъ для призыва придверника, и мы уже переступали порогъ, какъ вдругъ передъ нами появился изъ своей келейки придверникъ (*ostiarius*) и, протянувъ длинный пруть, крикнулъ : «Кто вы?» Въ то же мгновеніе помѣщенная рядомъ съ придверникомъ собака (римляне постоянно держатъ у входа въ домъ собакъ, какъ помощниковъ сторожей), залаяла такъ сильно, что нѣсколько времени мы не могли разслушать другъ друга. Придверникъ насъ узналъ, заставилъ замолчать пса, и мы вошли въ коридоръ, устланный штучнымъ поломъ изъ бѣлаго мрамора, черемъшаннаго съ квадратиками изъ чернаго мрамора.

«Мы теперь въ *протирумъ*» (*prothyrum*) сказалъ Витрувій...

Въ концѣ протирума, оцутительно покатаго къ дверямъ, находится вторая дверь : она ведетъ на красивый четырехугольный дворъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ мраморными колоннадами, образующими портки.

«Мы называемъ этотъ дворъ *атриумомъ*» продолжалъ Витрувій. «Слово *atrium*, происходитъ отъ *Atria*, этрусскаго города, въ которомъ получила начало эта счастливая архитектуроническая выдумка — примкнуть къ дому крытые портки, подъ которыми можно прогуливаться въ тѣни, а посреди двора устроить водоемъ, отъ котораго вѣетъ свѣжею прохладою... Ежели вы хотите знать поименно всѣ части атриума, я вамъ скажу, что примыкающіе къ дому портки называются *cavaedia*, невымощенные пространство, т.-е. самый дворъ называется *impluvium*, а водоемъ, находящійся въ его центрѣ — *compluvium* ⁽²³⁾».

Поименовавъ пять видовъ атриума : тосканскій (*Toscanicum*), четырехколонный (*tetrastyle*), коринтскій (*Corinthium*), бездождничный, или атри-

⁽²³⁾ Г. Классовскій высказалъ болѣе-вѣроятное мнѣніе, что слово *дождникъ* (*compluvium*) должно было означать отверстие, оставляемое въ потолкѣ атриума, для пропуска дневнаго свѣта и дождевой воды, стекавшей въ *impluvium*, водосточникъ. Но-крайней-мѣрѣ этимъ мнѣніемъ объясняется хозяйственное значеніе дождника : онъ служилъ для освѣщенія римскихъ комнатъ, кельи-шихъ оконъ на улицѣ, потому-что римляне до конца перваго вѣка не знали употребленія оконныхъ стеколъ и свѣтъ проникалъ въ ихъ комнаты сквозь окна, закрываемыя на ночь ставнями, или сквозь олошечки, прорѣзываемыя въ дверяхъ. Для сохраненія въ комнатахъ тепла и для защищенія ихъ отъ дождя, необходимо было обратить окна на внутренней дворъ, крытый навѣсомъ, или на *атриумъ*. Недостаткомъ дневнаго свѣта въ римскихъ домахъ порождены; по словамъ г. Классовскаго, многія условія домашней жизни древнихъ, «какъ-то : а) ихъ ночнымъ занятія всѣмъ, что не могло совершаться на форумѣ, на-примѣръ, чтенія, пиршества, дружескія собранія ; б) отсутствіе зданий для помѣщенія школъ, кабинетовъ чтенія, присутственныхъ мѣстъ и т. п., несообразное съ тѣмъ, что мы положительна знаемъ о большомъ числѣ въ древности также, риторозъ, соеяствозъ и преподавателей наукъ, о числѣ, преподающихъ цѣлыя сотни едучателей.»

умъ съ сплошнымъ наѣсомъ *displaciatum* и чернаховидный (*testudinatum*); авторъ продолжаетъ :

«Замѣтите украшенія атриума. Колонны въ немъ изъ цѣльныхъ кусковъ бѣлаго лунскаго мрамора; помость, изъ того же мрамора, обрамленъ черною чертою, для отдѣленія отъ стѣнъ, которыхъ обводы выложены также мраморомъ, а верхняя часть покрыта живописью. «И очень странную, сказалъ я Витрувій. Сколько разъ останавливался я передъ этими рисунками, а все-таки не понимаю значенія этихъ фигуръ людей и животныхъ, оканчивающихся причудливыми орнаментами. Напримѣръ: что означаютъ эти бюсты женщинъ съ хвостами дельфиновъ, эти листья, свивающіеся въ раковины, эти цвѣты, изъ чашечки которыхъ выходитъ передняя часть льва? Воображеніе живописца, расписавшаго эти портвтки, слишкомъ ужъ вычурно...» — «Скажи лучше, сумасбродно», возразилъ нашъ проводникъ. Прежде живописцы старались прижѣнять свои рисунки къ роду, положенію и назначенію комнатъ, но теперь все пережѣнилось, и Мамурра, какъ и всякій другой, уступилъ общему влiянію дурнаго вкуса.

Посѣтителѣ разсматриваютъ въ атриумѣ разныя мѣдныя и мраморныя статуи — произведеніе иностранныхъ художниковъ. Витрувій указываетъ имъ на льняное пурпуровое покрывало, натянутое надъ атриумомъ. «Оно поддерживаетъ такую свѣжесть, говоритъ онъ, что въ атриумѣ можетъ расти мохъ». Глубину атриума занимаютъ три комнаты: приемная (*tablinum*) и крылья (*alae*). Въ первой хранятся семейные архивы, во вторыхъ — семейные портреты, т. е. восковыя фигуры, каждая въ отдѣльномъ шкапу; надписи на шкапахъ означаютъ титулъ, заслуженныя почести и подвиги изображеннаго лица.

— Начнемъ по порядку, сказалъ Витрувій. — Не выходя изъ атриума, осмотримъ окружающія его комнаты. Начнемъ со столовыхъ (*triclinia*). Онъ отворилъ нѣсколько дверей, однѣ за другими, а мы послѣдовали за нимъ.

— Столовые блещутъ роскошью утвари и всѣми затѣйливыми выдумками уточненнаго римскаго вкуса. Онѣ размѣщены сообразно временамъ года: зимнія обращены на западъ, весеннія и осеннія на востокъ, лѣтнія на сѣверъ... украшены колоннами и вымощены или мраморными плитами, или мозаикою.

По бокамъ атриума находятся съ лѣвой стороны кухня, сарай и конюшни (*carceres, equilia*) съ правой — пекарня и помѣщеніе для рабовъ.

Мы снова вошли въ атриумъ.

— Все, что вы видѣли до-сихъ-поръ (сказалъ намъ Витрувій), составляетъ переднюю половину дома, половину публичную, въ которую могутъ проникать кліенты. Теперь мы осмотримъ *хозяйскую* половину, въ которую никто не можетъ войти безъ приглашенія. Пройдемъ этими коридорами, (*fauces*), проведенными съ обѣихъ сторонъ приемной. Мы въ перистилѣ.

— Этотъ портикъ, болѣе длинный, чѣмъ короткій, и поддерживаемый колоннами, напоминаетъ своей формою атриумъ, но убранъ гораздо-роскошнѣе: передъ каждою колонною возвышается статуя; между колоннъ вырыты канавки (*plutei*); онѣ обложены мраморомъ, наполнены землею

и закрываютъ цвѣточные грядки... Посреди перистилля находится цвѣтникъ (*xystus*) и мраморный фонтанъ.

Витрувій направляется къ западной оконечности перистилля и вводитъ посѣтителей въ разные залы, украшенные колоннами. — Вотъ женское отдѣленіе, сказалъ онъ. — Эти залы называются *oesae* и служатъ женщинамъ руководьями⁽²⁴⁾.

За руководьями слѣдуетъ бібліотека; она обращена на востокъ, потому—что въ ней занимаются обыкновенно утромъ.

На западной оконечности перистилля Витрувій показываетъ *экзедру* — большую галерею, украшенную живописью и служащую для приема ученыхъ людей, ораторовъ и поэтовъ. Въ экзедру входятъ чрезъ *базиллику*, ничѣмъ неотличающуюся отъ базиликъ общественныхъ. Изъ экзедры посѣтители переходятъ въ бани и въ игорныя залы. Зала для игры въ мячъ называется *sphagisterium*, а залы для болѣе-мирныхъ игръ — *aleatoria*. Возвратясь снова въ перистиль, посѣтители осматриваютъ расположенныя вокругъ него *спальни*, (*cubicula*) и *божницу* (*sacragium*).

— Намъ остается осмотрѣть верхніе этажи дома (*coenacula*), сказалъ Витрувій: — но въ нихъ нѣтъ ничего любопытнаго. Помобуемся лучше общимъ видомъ дома. Пойдемте на *solarium*. Вы, безъ-сомнѣнія, знаете, продолжалъ онъ, что такъ называется терраса, возвышающаяся надъ главнымъ корпусомъ зданія и служащая мѣстомъ прогулки. На *solarium* всходятъ иногда погрѣться весенними или осенними лучами солнца...

Общій видъ дома привелъ Діонисія и меня въ истинное изумленіе: Витрувію пришлось поименовывать отдѣльно каждую часть зданія, для доказательства, что передъ нашими глазами находится одинъ домъ, а не семь или восемь.

Сойдя съ террасы, посѣтители выходятъ изъ дома тайнымъ ходомъ (*posticum*) въ заднюю дверь (*pseudothyrum*); но при выходѣ Витрувій обращаетъ ихъ вниманіе на особый портикъ, примыкающій къ картинной галереѣ (*pinacotheca*).

Греческія названія комнатъ указываютъ на происхожденіе римской архитектуры отъ греческой.

Верхніе этажи занимались или бѣдными жильцами, или невольниками. Вотъ почему въ моей драмѣ сказано:

«Конурка Неволен наверху,
Поль дожаникомъ.»

(11) О колокольчикахъ см. Плинія, XXXVI, 19.

(12) *Мессалина* — *Статилія* (25), третья супруга Нерона. Она была внукою Статилія Тавра, одного изъ консуловъ при Августѣ; вышла замужъ за Нерона, послѣ четвертаго своего супруга, консула Вестина; по смерти Нерона, намѣревалась сочетаться бракомъ съ кесаремъ Оттономъ и одна преждевременная кончина кесаря помѣшала исполненію этого намѣренія. Красавица и образованнѣйшая женщина своего времени, Статилія занималась риторикой и философіей и написала нѣсколько сочиненій, недошедшихъ до насъ.

(24) Классовскій считаетъ *oesae* будуарами.

(25) См. Тацита *Лѣт.*, кн. XV, LXVIII.

(13) *Софоній* — *Тигеллинъ*, родомъ изъ Агригента, былъ изгнанъ изъ Рима при *Каллигулѣ*, за преступную связь съ *Агриппиною*. Нѣсколько лѣтъ провелъ онъ въ изгнаніи, проживая въ калабрскомъ городѣ *Сквилаціумѣ* и занимаясь рыбною ловлей. Неожиданно доставшееся наслѣдство дало ему возможность приобрести въ *Калабріи* пажити, на которыхъ онъ воспитывалъ отличную породу бѣгунювъ для цирка. Это занятіе сблизило *Тигеллина* съ *Нерономъ*. Впослѣдствіи *Тигеллинъ* сдѣлался префектомъ преторіи и всевластнымъ чело­вѣкомъ. Тацитъ (см. Истор. кн. 1, гл. 72) говоритъ о *Тигеллинѣ* такимъ образомъ: «*Софоній-Тигеллинъ*, низкаго происхожденія, развращенный съ малолѣтства, безстыдный въ старости, достигъ своими пороками (а тогда пороки были ближайшимъ путемъ къ достиженію чего-нибудь) префектуры городской стражи, префектуры преторіи и всѣхъ почестей, вознаграждающихъ добродѣтель. Потомъ, прославившись другими, болѣе-зрѣлыми преступленіями, жестокостями и грабежами, онъ увлекъ во всѣ эти злодѣянія *Нерона*, совершалъ ихъ, даже безъ вѣдома *кеесаря*, и кончилъ тѣмъ, что оставилъ его и предалъ. Поэтому римляне никогда еще не требовали съ такимъ ожесточеніемъ ни чьей смерти, какъ смерти *Тигеллина*: въ этомъ требованіи соединились и тѣ, которые ненавидѣли *Нерона*, и тѣ, которые о немъ сожалѣли. При *Гальбѣ Виніи* поддерживалъ *Тигеллина* своею властью, подъ тѣмъ предлогомъ, что *Тигеллинъ* спасъ жизнь его дочери. И въ-самомъ-дѣлѣ *Тигеллинъ* ее спасъ, но не изъ милосердія, а по расчету.»

(14) *Базиліками* назывались общественныя зданія, въ которыхъ производились и рѣшались общественныя дѣла.

(15) *Панаэнеи*. Римляне, заимствовавшіе свою религію отъ грековъ, естественно заимствовали вмѣстѣ съ нею религіозные обряды и процессіи. Къ послѣднимъ относится шествіе *канефоровъ*, происходившее во время празднества *Панаэней*. *Панаэнеи* учреждены были греками съ незапамятныхъ временъ, въ честь побѣды *Минервы* надъ титанами. *Тезей* установилъ ежегодное ихъ празднованіе въ память соединенія всѣхъ аттичскихъ племенъ, отчего и происходитъ греческое названіе празднества. *Панаэнеи* праздновались въ первый мѣсяцъ послѣ солнцестоянія и продолжались нѣсколько дней: ристанія на колесницахъ, конныя скачки, состязанія пѣвцовъ и музыкантовъ, бѣгаше съ зажженными свѣтильниками и общія трапезы ознаменовывали народное торжество.

Самое шествіе *канефоровъ*, то-есть *корзиноносцевъ*, приведено въ моей драмѣ; оно взято изъ описанія *Бартелемі* (26).

Перенесенныя въ Римъ, празднества *панаэней* подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ. Г. *Классовскій* замѣчаетъ, что впослѣдствіи шествіе *канефоровъ* внесено въ кругъ свадебныхъ римскихъ обрядовъ (27). Въ корзинахъ, носимыхъ *канефорами*, заключались священныя орудія, священныя пироги и разныя жертвенныя атрибуты.

(26) См. Voyage d'Anacharsis, t. II., сѣ. XXIV.

(27) См. «Помпею» *Классовскаго*.

(16) *Она льва задушитъ голыми руками.* По поводу этого стиха и послѣдующихъ, считаю нужнымъ привести нѣсколько строкъ Свѣтонія, обрисовывающихъ личность Нерона. (28)

«Неронъ, съ дѣтскихъ лѣтъ, упражнялся почти во всѣхъ свободныхъ искусствахъ; но Агриппина отклонила его отъ изученія философіи, по ея мнѣнію, бесполезной для будущаго кесаря, а учитель его, Сенека, возбранилъ ему чтеніе древнихъ ораторовъ, чтобы на одномъ себѣ сосредоточить удивленіе своего питомца. Итакъ Неронъ обратился къ поэзіи и сочинилъ, безъ труда и безъ усилій, нѣсколько стихотвореній. Неправедливо увѣряють, что онъ выдавалъ чужіе стихи за свои: у меня были таблички со стихами, несомнѣнно—принадлежащими Нерону и написанными его рукою. Легко было убѣдиться, что эти стихи не были ни переведены, ни написаны подъ диктовку, а составляли плодъ заботливаго размышленія: — такъ много было въ нихъ поправокъ, вставокъ и помарокъ. Онъ имѣлъ также замѣчательную склонность къ живописи, и въ особенности къ ваянію.

«Азѣвшій болѣе всего народныхъ рукоплесканій, Неронъ являлся соперникомъ всякого, кто имѣлъ какое бы то ни было вліяніе на толпу. Общее мнѣніе утверждало, что, не довольствуясь вѣнками, полученными на сценѣ театра, Неронъ намѣревался въ слѣдующее пятилѣтіе появиться на олимпійской аренѣ между атлетами. И дѣйствительно, онъ тщательнѣе упражнялся въ борьбѣ, а на гимнастическія игры въ Греціи смогрѣлъ не иначе, какъ сидя, по обычаю судей, на пескѣ стадиума: ежели какая-нибудь пара борцовъ удалялась отъ центра арены, онъ собственными руками приводилъ ихъ снова на средину. *При этомъ, такъ какъ его называли Аполлономъ за пѣніе и Фебомъ за искусство править колесницею, онъ вознамѣрился подражать подвигомъ Геркулеса и, говорятъ, былъ уже приготовленъ левъ, котораго Неронъ хотѣлъ убить дубиной, или задушить голыми руками на аренѣ амфитеатра, передъ глазами всего народа...*

«При концѣ своей жизни, онъ далъ торжественный обѣтъ: ежели одолѣетъ враговъ, отпраздновать побѣду играми и въ продолженіе ихъ играть на гидравлическомъ органѣ, на флейтѣ и на волынкѣ, а въ послѣдній день игоръ сдѣлаться гистриономъ и проплясать *Turnis* Виргилія.

«Желаніе увѣковѣчить свою память обратилось у него въ плачевное похлѣбательство. Такимъ-образомъ онъ измѣнилъ названія многихъ предметовъ и даже городовъ, чтобы придать имъ свое имя. Мѣсяцъ апрѣль онъ назвалъ мѣсяцемъ Нерона (*Neroneum*) и намѣревался назвать Римъ *Нерополисомъ* (*Neropolis*).»

(17) *Квадрига* — четверка коней.

(18) *Отпущенникъ.* Значеніе римскихъ отпущенниковъ превосходно развито у Шампаны въ его сочиненіи «Кесари». Перескажемъ нѣсколько его словъ:

Римляне не были очень склонны къ дружественнымъ отношеніямъ. Друзья видались на форумѣ между двухъ рѣчей. Женщины оставались

(28) См. Свѣт. Неронъ, LII, LIII, LIV и LV.

дома; съ ними обращались почтительно, болѣе какъ съ матронами, чѣмъ съ супругами; онѣ пряли шерсть и не являлись къ столу. Ученый, вѣрный и сметливый рабъ провожалъ своего господина на форумъ, не отходилъ отъ него дома, лежалъ у его ногъ во время пира, дѣлалъ ему, развеселяя его, оказывать ему тысячи услугъ и заботъ, на которыя не согласились бы ни одинъ римлянинъ, ни одна римлянка. Этотъ рабъ былъ наперсникомъ, неизгнаннымъ, а иногда и безстыднымъ повѣреннымъ римскаго гражданина. Взоры его постоянно были обращены на одну цѣль — получение свободы. Когда же онъ прикрывался колпакомъ отпущенника, когда господишъ одевалъ его тогою, онъ, въ качествѣ свободнаго человѣка, становился еще необходимѣе, еще полезнѣе. Чѣмъ ниже онъ стоялъ въ обществѣ, чѣмъ меньше возбуждалъ зависти, чѣмъ меньше принималъ громкаго участія въ дѣлахъ, тѣмъ яснѣе понималъ онъ ихъ, тѣмъ лучшимъ становился совѣтникомъ. Отпущенникъ былъ произведеніемъ своего господина, носилъ его имя, былъ членомъ его фамиліи, увеличивалъ на форумѣ число его кліентовъ, вступалъ какъ-бы въ родство съ своимъ господиномъ-благодѣтелемъ и, не выходя изъ его дома, оставался человѣкомъ, готовымъ на всѣ услуги, но не слугою, не рабомъ: отпущенникъ и господишъ, какъ свободные люди, дѣлались друзьями, и ихъ отношенія облагороживались отпущенничествомъ, всегда выразившемъ благодареніе съ одной и преданность съ другой стороны. Отпущенники кесаря имѣли иное значеніе...

Дальнѣйшее объясненіе Шампаньи не идетъ къ дѣлу. Замѣтимъ только, что кесарскіе отпущенники имѣли огромное вліяніе на дѣла: неоспоримыя доказательства на-лицо у Тацита, Светонія, Плинія, Ювенала и Діона.

(¹⁹) *А старый гдѣ?* Аферъ намекаетъ на пожаръ Рима, приписываемый Светоніемъ и Тацитомъ Нерону. Однакожъ, Неронъ обвинилъ въ этомъ пожарѣ христіанъ, выкупившихъ страшными муками несовершенно имъ преступленіе.

(²⁰) *И самъ сновидѣцъ съ горя удавился!* Въ 66-мъ г. по Р. Х., нѣкто Цезеллій Бассъ, родомъ карагенецъ, прибылъ въ Римъ и, явившись къ Нерону, объявилъ, что посланное богами сновидѣніе указало ему, подъ его полемъ, глубокую пещеру, наполненную огромными золотыми слитками и золотыми колоннами. По его мнѣнію, это сокровище принадлежало нѣкогда Дидонѣ, которая зарыла его, тотчасъ же по основаніи Карагена, во избѣжаніе новой вражды съ нумидійскими царями. Неронъ не только повѣрилъ на слово карагенцу, но отрядилъ ему въ помощь цѣлыя толпы воиновъ и поселянъ и далъ въ его распоряженіе лучшія свои суда, для перевоза сокровища въ Римъ; мало того: въ счетъ будущихъ благъ, онъ истратилъ огромныя суммы на подарки своимъ друзьямъ. Между-тѣмъ Бассъ, перерывъ все свое поле и большое пространство окружной земли, долженъ былъ наконецъ убѣдиться въ своемъ безуміи. Тацитъ, рассказывающій это происшествіе, заключаетъ: «Не постигая какимъ образомъ всѣ его сновидѣнія дотогдѣ сбывались, а послѣднее его обмануло, Бассъ избавился отъ стыда и страха добровольною смертію. Нѣкоторые удостоверяютъ, что онъ былъ заключенъ въ темницу, но вскорѣ освобожденъ, а имѣніе его конфисковано, взамѣнъ (небывалаго) влада.»

(21) Ты началъ говорить о христіанахъ. Повѣствованіе о водвореніи въ Римѣ истинной вѣры принадлежитъ исторіи Церкви. Дѣянія святыхъ апостоловъ, житіе священномучениковъ и первыхъ отцовъ Церкви освѣтили передъ міромъ и торжество евангельскаго ученія, и тернистые пути, во которыхъ страстотерпное воинство Христово, *отвержась себя*, несло крестъ свой, во имя Искунителя.

Мы, съ своей стороны, приведемъ первыя свидѣтельства римскихъ писателей о христіанахъ.

Светоній смѣшиваетъ сначала христіанъ съ іудеями; но въ описаніи правленія Нерона уже называютъ христіанъ по имени: «*afflicti supplicis christiani, genus hominum superstitionis novae ac maleficae*».

Тацитъ въ XV-й книгѣ выражается такъ: «Для уничтоженія этихъ слуховъ (то-есть слуховъ, обвинявшихъ Нерона въ пожарѣ Рима), Неронъ сталъ разыскивать виновныхъ и подвергъ страшнымъ мученіямъ несчастныхъ, которыхъ обыкновенно называютъ христіанами». Описывая мученія христіанъ, Тацитъ говоритъ: «Казнь ихъ была сопряжена съ какою-то посмѣвливомъ: ихъ зашивали въ звѣриныя шкуры и травляли псами; ихъ обливали смолой, привязывали къ крестамъ и ночью зажигали вмѣсто факеловъ. Неронъ уступилъ свои сады для этого зрѣлища, а самъ въ то же время давалъ игры въ циркѣ, толкался между народомъ въ одѣяніи возницы и правилъ колесницами; поэтому христіане, хотя были виновны (22), возбудили общее состраданіе.

Тацитъ описывалъ казнь христіанъ не бывши ея очевидцемъ; но другой писатель, Сенека, повидимому, былъ личнымъ свидѣтелемъ смерти мучениковъ. Подтверждая свидѣтельство Тацита, онъ говоритъ (23): «Мученики спокойно и съ веселой улыбкой смотрѣли на свои растерзанныя утробы и ставили страданія ни во что. Итакъ да не убоятся тотъ угрозъ, кто помялъ вѣчность своей душою. Да и какъ ихъ бояться тому, для кого смерть — надежда!» Марціалъ (24) и Ювеналъ (25) упоминаютъ съ содроганіемъ о безчеловѣчныхъ мукахъ, исчисленныхъ Тацитомъ.

Между-тѣмъ христіане, со времени гоненія, воздвигнутаго на нихъ Нерономъ, не могли уже гласно появляться въ Римѣ. Оставшіеся въ живыхъ укрылись въ *катакомбахъ*, гдѣ и основалась первая церковь, утвердившая свои алтари во мракѣ этихъ погребальныхъ подземелій, этихъ бывшихъ каменоломенъ, изъ которыхъ вышли зданія языческаго Рима и должествовали излетѣть духъ Рима христіанскаго.

(22) *Термы Агриппы*. Термами у римлянъ назывались бани. Термы Агриппы были одѣями изъ общественныхъ бань, въ которыхъ римляне проводили по нѣскольکو часовъ въ день. Термы строились съ необычайной роскошью и великолѣпіемъ, украшались произведеніями изящныхъ искусствъ и вмѣщали въ себѣ всѣ удобства общественной жизни: при нихъ находились бібліотеки, столовыя, игорныя залы и т. д. Считая излишнимъ

(20) Благороднѣе гг. читатели попомнить, что здѣсь, также, какъ и въ моеи драмѣ, говоритъ язычникъ.

(21) См. Сенеку Ess. 14, 85 и 102.

(22) См. Марц., X.

(23) См. Ювен., VIII, 238 id. Sat., I, 155.

входить въ подробности, замѣтимъ только, что римскія общественныя термы могли назваться городками. Любопытельные читатели найдутъ описанія термъ у Лампрідія, Марціала, Амміана Марцелліана и другихъ.

(23) *По мнѣнію ученыхъ.* Я позволю себѣ эту шутку на объясненіе г. Класовскимъ изображенія на жертвенномъ возняльнигѣ рогатаго сатира (33). Въ моей драмѣ Паконій измѣняетъ стихъ Горация, который читается такъ : *in praedia trudit inermes*.

(24) *Напомнить соименницу свою.* Мессалину Валерію, жему Клавдія, извѣстную своей жестокостью и распутствомъ.

(25) *И прекратитъ вслѣдныя доносы.* По римскимъ законамъ, имѣніе осужденнаго поступало въ казну, то—есть въ пользу кесаря. Расточительному Нерону нужны были деньги, а деньги доставлялись очень-легко, по завѣщаніямъ осужденныхъ, поставленныхъ въ необходимость отказывать часть своего имущества кесарю и Тигеллину, безъ чего ихъ дѣти и родственники лишались наслѣдства. Отсюда множество доносовъ и доношчиковъ, губившихъ общественную жизнь Рима (34).

(26) *Деметрій,* философъ—циникъ, былъ другомъ Тразем и стоиковъ, преслѣдовать своими рѣчами роскошь и развратъ богатыхъ римлянъ, которые охотно собирались его слушать. Впослѣдствіи онъ былъ изгнанъ изъ Рима.

(27) *Благословите, Гуія и Балузь!* Излишне говорить о роскоши римскихъ пировъ и о римской гастрономіи. Всякому извѣстно, до какого безумія доходила эта роскошь, поглощавшая въ одинъ ужинъ годовые доходы съ цѣлыхъ провинцій. Напримѣръ, однажды Калигула истратилъ на вечерній столъ десять мильіоновъ сестерцій. Частные люди соперничали съ кесарями въ сумасбродныхъ тратахъ на пиршества. Имена Лукулла, Октавія, Аниція, Полліона и кесаря Клавдія, восклицавшаго въ Сенатъ : *rogo vos—qui potest sine offula vivere?* (35) достаточно свидѣтельствуютъ о сластолюбіи римлянъ, породившемъ изрѣченіе : *«edunt ut vorant, vorant ut edunt.»*

(28) *Архимаиръ* — главный поваръ. Во время Нерона учредились въ Римѣ гастрономическія школы, и изъ нихъ то выходили пресловутые повара, стоявшіе на челѣ дворской челяди и получавшіе огромное жалованье и подарки.

(29) *Ритоны* — греческое слово, означающее питейные рога.

(30) *Менадами* назывались въ Греціи вакханки. Слово менада значитъ собственно бѣснующаяся. Римскія танцовщицы, являясь на пиръ, одѣвались иногда вакханками, и безумная пляска, доводившая ихъ до самозабвенія, упочила за ними прозваніе менадъ.

(31) *Сосѣдки нашей Силіи.* Силія — лицо историческое. Она была близкой пріятельницей Петронія, описавшаго, подѣ вымышленными именами, любовныя походы Нерона и его приближенныхъ. Петроній, замѣшанный въ дѣлъ Пизона, самъ лишилъ себя жизни, а передъ смертью послалъ Нерону упомянутое нами сочиненіе. Подозрѣвая нѣкоторое содѣй-

(33) См. «Помпею» Класовскаго, примѣч. 191.

(34) См. Светонія и Тацита.

(35) Спрашиваю: кто можетъ прожить день безъ куска мяса?

ствіе со стороны Салии, бывшей замужем за сенаторомъ и знакомой съ тайнами римскаго общества, Неронъ изгналъ ее изъ Рима. Тацитъ выражается такъ: ...*«agitur in exsilium tanquam non siliisset quae videat pertuleratque, proprio odio»* (36).

(32) *Центурионъ* — сотникъ римскаго войска. Центурионы обыкновенно посылались къ обвиненнымъ для возвѣщенія воли кесаря и Сената.

(33) *Латиклава* — бѣлая тога съ красными каймами. Носить ее имѣли праву только сенаторы и важные сановники.

(34) *Куккулемъ* (cusculus) назывался капюшонъ, который накидывали себѣ на голову римскія женщины, когда не хотѣли быть узванными.

(35) *Канидія*. Извѣстная волшебница, о которой нѣсколько разъ упоминаютъ Гораций и Овидій. Декорация лабораторіи, костюмъ и заклинанія Локусты основаны также на свидѣтельствахъ обоихъ поэтовъ. Волшебницъ называли сагами (*sagae*), отъ глагола *sagire*, значащаго имѣть тонкое чутье (37).

(36) *Имплювіата* — длинная женская одежда, употреблявшаяся въ ночное, или ненастное время.

(37) *Канище Венеры*. Тацитъ къ имени Венеры придаетъ эпитетъ *родотворной* (*genitrix*). Открытіе судебного засѣданія удостовѣреніемъ жреца, развѣщеніе консуловъ, претора, сенаторовъ и прочихъ лицъ, вызовъ осужденныхъ и свидѣтелей черезъ глашатая, чтеніе судебного протокола, словомъ: весь порядокъ римскаго уголовного судопроизводства сохраненъ въ моей драмѣ почти безъ измѣненія.

(38) *Паковія*. Паковій Агриппинъ показали замѣчательное хладнокровіе. Эпитетъ (38) рассказываетъ, что друзья Паковія пришли къ нему съ извѣстиемъ: «Тебя судятъ въ Сенатѣ». — «Въ добрый часъ! Однакожь, мнѣ пора на гимнастическія игры». По окончаніи игоръ, ему говорятъ. «Ты осужденъ». — «На смерть, или на изгнаніе?» — «На изгнаніе». — «А мое богатство? — «Тебѣ его оставили». — «Прекрасно! отправимся въ Арсію... (39) обѣдать.»

(39) *Нить, я боговъ подземныхъ не звала!* Эта рѣчь Сервиліи переведена изъ Тацита. Слѣдующій за нею монологъ Сорана также оттуда, но нѣсколько измѣненъ.

(40) *Veto!* Римскіе трибуны, обязанные защищать права своего триба, могли останавливать рѣшенія Сената однимъ словомъ: *veto!* (не дозволяю). Трибунство, знаменательное при Гракхахъ, Сатурнинѣ, Друзѣ и Руллѣ, при кесаряхъ не значило ровно ничего, хотя удержало прежній видъ и *de jure* — прежнюю власть.

Боясь утомить вниманіе читателей, я ограничился самыми необходимыми примѣчаніями и ссылками на авторовъ. Теперь да позволено мнѣ будетъ

(36) См. Тац. Лѣт., XVI, 20.

(37) См. Горация, II, в. 8. Овид. Heroid, 6. Его же Amor., III ч. и др.

(38) См. Эпикт. in Agriano.

(39) Видла, принадлежавшая нѣкогда Агриппѣ.

поговорить о дзыкѣ, о стрѣхъ моей драмы... Строй ея холоденъ и од-
нозвученъ; рѣчи дѣйствующихъ лицъ слишкомъ—торжественны; движения
души передаются витиеватыми фразами. Но эта холодная торжественность,
эта однозвучная витиеватость — намѣренны. Меня спросятъ: для чего?
Постараюсь отвѣтить.

Жизнь древняго римлянина проходила на форумѣ, въ базиликахъ и въ
термахъ. Привычка къ общественности, соединенная съ римскою важ-
ностью, положила на тогдашніе нравы отпечатокъ какой-то официальности;
самые приемы древнихъ римлянъ, обусловленные отчасти и одеждою, от-
зывались чѣмъ-то заученнымъ, ораторскимъ. Предназначенное къ неиз-
бѣжной трибунѣ, римское юношество получало образование въ риторскихъ
школахъ, привыкало къ ораторскимъ оборотамъ и периодамъ. Поэтому
ораторская рѣчь проникла во всѣ поры римской жизни. Это положеніе
подтверждается на каждомъ шагу историческими данными. Приведемъ въ
примѣръ подготовленную импровизацію Антонія противъ Цицерона, рѣчь
12-ти-лѣтняго Октавія въ похвалу покойной бабки, предсмертную рѣчь
Германика, рѣчь Сенеки и отвѣтъ Нерона и т. д. Припомнимъ теперь,
что въ моей драмѣ дѣйствуютъ тѣ же римляне, да еще римляне—стонки,
которые выше всего ставили разумное безстрастіе. Естественно, что,
желая быть вѣрнымъ взятой эпохѣ, я придамъ моей драмѣ холодно-ора-
торскій тонъ. Но, можетъ-быть, мнѣ возразятъ, что, избѣгая анахрониз-
мовъ, не слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ грѣшить передъ искусствомъ...

Это ужъ другой вопросъ.

Я вполне сознаю недостатки своего сочиненія и вполне буду благода-
ренъ за всякое добросовѣстное замѣчаніе.

Л. Мей.

ИСПЫТАНІЕ.

РОМАНЪ.

Часть первая.

I.

«Вы приказали мнѣ уѣхать. Вы представили столько доказательствъ необходимости этой разлуки, вы такъ защищали свою идею, что я не могъ не покориться, хотя не признавалъ и не признаю справедливости этой идеи. Слышу отсюда, какъ вы повторяете ваши прощальныя слова: «стало-быть, это необходимо, когда, несмотря на противорѣчія, вы все-таки уѣзжаете». — Да, я уѣхалъ, потому-что вы приказали; будетъ ли изъ этого прокъ — не знаю, не думаю...

«Вы запретили мнѣ и писать къ вамъ, но я пишу... Успокойтесь: это письмо будетъ первое и послѣднее; я сдержу слово и сдѣлаю все, что вы хотите. Не описываю вамъ ни моего путешествія, ни мѣстности, которая теперь предо мною, ни людей, которыхъ успѣлъ я увидѣть. Не отмѣчаю даже, откуда я пишу; почтовый штемпель навѣрное сотрется: можете воображать меня хоть въ Америкѣ. Того ли вамъ хотѣлось? Мы исчезнемъ другъ для друга. Надолго ли?...

«Это необходимо, говорили вы: мы мѣшали другъ другу. Слишкомъ-сходные въ понятіяхъ, въ чувствахъ, мы только повторяли сами себя другъ для друга; слишкомъ-привязанные другъ къ другу, мы находили хорошее только въ самихъ-себѣ, что мѣшало намъ привязываться къ другимъ; занятые только провѣркою нашихъ убѣжденій, мы не могли вполне жить дѣйствительностью.... Не парадоксы ли это?... Не понимаю, какъ я могъ уступить вамъ въ послѣднемъ спорѣ, которымъ окончательно рѣшенъ былъ мой отъѣздъ. Теперь, издали, когда я одинъ, всѣ ваши доводы кажутся мнѣ нисколько нелогическими; кромѣ того, они

Т. ХСІV. — Отд. I.

были жестоки, потому-что бросили меня въ то одиночество въ которомъ я теперъ. Мнѣ нѣ съ кѣмъ подумать....

«Вы этого и хотѣли. — Посмотримъ, говорили вы, надолго ли стануть и къ чему поведутъ насъ наши убѣжденія, предоставленныя собственной волѣ, ~~неподдержанными~~ отголоскомъ другихъ, родныхъ убѣженій.... Чтѣ это за испытаніе? Знаете ли, это немного-романически? Я одинъ, и скучаю, и очень-радъ, если и вамъ скучно.

«У васъ была странная прихоть. Не-уже-ли мы не были счастливы? Чего еще намъ было желать? Читать, размышлять вмѣстѣ, находить другъ у друга совѣтъ и утѣшеніе, среди чужихъ быть нечужими, отдыхать доврчиво и разумно отъ всѣхъ мелочей нашего *свѣта*—не-уже-ли этого недовольно? И прибавьте, это не ссорило насъ съ свѣтомъ, не выставило насъ странными напоказъ; это дѣлалось тихо и никому не мѣшало, не мѣшало и намъ жить какъ другіе, имѣть знакомства, бывать въ обществахъ. Но нѣтъ; вы разобрали тонко, хитро, что мы слишкомъ-исключительно любимъ другъ друга, что ваше возрѣніе можетъ связывать мое, и наоборотъ, что мы тогда только будемъ въ-правѣ сказать, что мы сильны, когда испытаемъ свои силы порознь. Наконецъ, вы сказали, что такъ вѣчно прожить невозможно....

«Это ужасныя слова! Я и не думалъ, что наши отношенія когда-нибудь могутъ перемѣниться. Дѣ, въ этомъ понятіи я жилъ какъ дитя, безъ будущаго, а вы заставили меня оглянуться. Но въ вашемъ ли характерѣ этотъ взглядъ? Чтѣ нужды, продолжительно или непродолжительно было бы это наслажденіе души, которое я находилъ при васъ? Я сказалъ, что мы любимъ другъ друга; вы и сами не называли иначе этого чувства: но развѣ эта любовь то же, чтѣ любовь другихъ? Вы сами не хотѣли, чтобы она была тѣмъ же, но и я не могъ бы любить васъ, какъ любятъ другіе; вы мнѣ необходимы какъ свѣтъ и вмѣстѣ какъ товарищъ, который извинитъ мнѣ многое, потому-что понимаетъ жизнь... Но я высказывалъ вамъ это столько разъ!

«Итакъ, вы хотите посмотреть, чтѣ будетъ съ нами — устоятъ ли наши правила; выживутъ ли наши убѣжденія среди впечатлительнѣ другаго рода и одинокіе? Посмотримъ. Предупреждаю васъ только, что брошу здѣсь все, если меня одолѣетъ тоска, и въ какое-нибудь прекрасное утро явлюсь опять передъ вами.

«Прощайте, малый другъ, строгая сестра, добрый товарищъ. Я сердитъ на васъ, кончая письмо, еще больше, нежели при на-

часть: оно первое и последнее. Когда я кончу его, мнѣ останется только.... Но я не долженъ говорить ни о чемъ, до меня касающемся. Конечно, о моихъ чувствахъ я могъ бы наговорить вамъ и больше, но всего никогда не скажешь....»

Шатровскій сложилъ письмо, запечаталъ, надписалъ его и принялся смотрѣть въ окно. Комната, гдѣ сидѣлъ онъ, была гостиная маленькаго деревенскаго дома, съ старинной мебелью, съ блѣдыми гравированными портретами, высоко-привѣшенными на бѣлыхъ штукатурныхъ стѣнахъ. Въ растворенныя двери были видны слѣва такая же бѣлая зала, справа комната съ балкономъ, маленькія и низкія какъ гостиная, но все вмѣстѣ это жильѣ глядѣло весело, уютно; въ немъ какъ-будто еще жило чье-то прошлое счастье. Этотъ домъ былъ точно добрый родной, готовый принять съ лаской, угостить чѣмъ Богъ послалъ и утѣшить, если можетъ и чѣмъ можетъ. Простота и тишина его внушали тихое и пріятное чувство.

Молодой жилецъ испытывалъ это чувство. Опираясь локтями на столикъ съ наклейной деревянной рѣзбой, на которомъ лежало его запечатанное письмо, онъ весело задумался. Свѣжее лѣтнее утро, свѣтившее въ окно, какъ-нельзя-лучше отвѣчало улыбка на оживленномъ лицѣ молодаго человека. Онъ думалъ о той, къ которой сейчасъ написалъ письмо...

Это была дѣвушка, почти ровесница ему, дочь одного почтеннаго господина, жителя города N. Шатровскій зналъ ихъ, когда еще учился въ гимназій этого города, и впоследствии, пріѣхавъ туда служить, сошелся съ ними опять какъ съ родными. Лизавета Андреевна Ельнова была не красавица, но очень-мила; отецъ ея, рано овдовѣвъ, сдѣлалъ себѣ товарища изъ своей единственной дочери, заставлялъ ее читать и заниматься, и вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ, чтобы она не забывала ни женскихъ работъ, ни женскихъ нарядовъ—всего, что дѣлаетъ женщину привлекательною, послѣ того, какъ серьезное и прямое направленіе ума дѣлаетъ ее достойною уваженія и нескучною съ первыхъ дней близкаго съ нею знакомства. Лизавета Андреевна была свѣтская и ученая женщина; хозяйка и отличная швея, и умѣла согласить это съ ровнымъ, милымъ характеромъ, полнымъ самой искренней веселости и довѣрчивости.

Шатровскій былъ радъ опять съ ней встрѣтиться. Дѣтми, они

очень любили друг друга, вмѣстѣ учили уроки и толковали о нихъ, вмѣстѣ прочли первый романъ и потолковали о немъ. Еслибъ это чтеніе случилось не за мѣсяць до отъѣзда Шатровскаго въ университетъ, можетъ-быть, семнадцатилѣтній молодой человѣкъ и пятнадцатилѣтняя дѣвушка полюбили бы другъ друга; но онъ уѣхалъ, возвратился чрезъ шесть лѣтъ—и они встрѣтились только какъ друзья. Между ними, какъ въ первые годы, явилась довѣренность, желаніе быть вмѣстѣ, желаніе думать вмѣстѣ; по природѣ и по воспитанію, оба они были охотники мечтать и разбирать. Невозможно пересказать всѣхъ ихъ споровъ, толковъ, гдѣ они высказывали свои чувства, мысли, убѣжденія, гдѣ они разбирали все, отъ самыхъ возвышенныхъ предметовъ до мелочей ихъ свѣтской жизни. Они всегда находили время для этихъ разборовъ. Такъ прошли два года. Ни Шатровскій, ни Лизавета Андреевна не полюбили никого, потому-что, почти не разставаясь, знали только другъ друга; но почему они не полюбили другъ друга? Можно безошибочно отвѣчать, что этому помѣшали общечеловѣческіе вопросы, которыми они занимались на досугъ и въ которыхъ терялась мысль о самихъ себѣ...

Это было странное положеніе, въ которомъ оба лица обманывались не одинъ въ другомъ, а каждый въ самомъ себѣ: Лизавета Андреевна, по совершенному отсутствію самолюбія, не замѣчала, что она управляетъ умомъ и поступками Шатровскаго; Шатровскій, напротивъ, не замѣчалъ, что нравственно зависитъ отъ нея и считалъ себя главнымъ лицомъ въ этой дружбѣ; онъ даже выказывалъ это, и Лизавета Андреевна, кроткая, какъ настоящая женщина, была этимъ довольна.

Шатровскій много учился, много читалъ; его разговоры отзывались начитанностью. Онъ любилъ учить и высказывать блестящія, хотя не всегда вѣрныя идеи, которыя являлись у него всегда внезапно среди разговора; онъ никогда заранѣе не обдумывалъ ихъ, не старался ихъ прочувствовать, но, высказывая ихъ Лизаветѣ Андреевнѣ, зналъ, что она ихъ обсудитъ, разовѣетъ, сдѣлаетъ яснѣе. Не замѣчая, что эти идеи еще далеко не достигли до степени убѣжденій и что душа въ нихъ не участвовала, Шатровскій называлъ это «высказать душу» и, говоря такъ, убѣждался что ему было *необходимо* высказаться. Когда Лизавета Андреевна приводила въ порядокъ эти идеи, Шатровскій находилъ, что она способна понимать его.

Какъ могла она довольствоваться такимъ второстепеннымъ по-

ложениемъ — могутъ объяснить только женщины съ душой важной и преданной, женщины, благоговѣющія предъ знаніемъ, вѣчно-покорныя ученицы. Слушая Шатровскаго, исправляя здравымъ смысломъ выходки его фантазіи, она жалѣла только о нетерпѣливости, о лѣни этого человѣка, который торопился и набрасывалъ то, что могъ бы отдѣлывать отчетливо. Противъ этого она жарко спорила. Заставляя или научая Шатровскаго трудиться, она невольно говорила столько лестнаго его самолюбію, что значеніе молодаго человѣка увеличивалось въ его собственныхъ глазахъ: желая исправить одно, она, сама того не замѣчая, портила другое. Шатровскій оставался совершенно доволенъ ея одобреніемъ и ея выговорами.

Онъ любилъ ея доброту, непринужденность, отсутствіе всякаго педантства. Съ нею было весело, потому-что послѣ серьезнаго разговора она умѣла также остроумно смѣяться пустякамъ и отъ души принимала участіе во всемъ, что касалось ея друга. Обществу не было дѣла до этой дружбы, хотя всякій зналъ, что Шатровскій проводить все свое свободное время у Ельниковыхъ. Онъ привыкъ являться всякій день съ отчетомъ о вчерашнемъ днѣ; но этотъ отчетъ былъ несложенъ, потому-что чаще всего состоялъ изъ одной службы и занятій, привыкнувъ находить у Ельниковыхъ дружбу, семью, общество, Шатровскій и не искалъ у другихъ ничего больше. Была ли это слишкомъ-исключительная привязанность къ Лизаветѣ Андреевнѣ, или, вѣрнѣе, была ли это лѣнь, часто такъ сильно-охватывающая нѣкоторыхъ молодыхъ людей при началѣ ихъ вступленія въ свѣтъ, но въ два года жизни въ Н*** Шатровскій не сблизился ни съ кѣмъ, также, какъ ни съ кѣмъ не разошелся. Его отношенія были какъ-то машинальны, и трудно дать имъ другое опредѣленіе; къ этому привыкли все, привыкъ и онъ самъ. Когда что-нибудь случайно вызывало его на столкновенія, онъ говорилъ Лизаветѣ Андреевнѣ, и если не спрашивалъ совѣта, за-то слѣдовалъ ея мнѣнію, самъ того не сознавая. Можно было бы сказать, что большая часть поступковъ Шатровскаго принадлежала Лизаветѣ Андреевнѣ также, какъ ей принадлежалъ весь кругъ его знакомства...

Къ концу этихъ двухъ лѣтъ, въ одинъ вечеръ, въ апрѣлѣ, когда рѣдкій воздухъ и ранняя весна такъ свѣжо дышатъ въavorенныя окна, Лизавета Андреевна положила работу и сказала Шатровскому, сидѣвшему, по обыкновенію, противъ нея съ книгой:

— Вы сейчасъ пошутите надъ тѣмъ, что авторъ напомнилъ

старинную басню о связѣ прутьевъ, которыхъ никто не могъ даже согнуть, когда они были связаны, и всякій изломалъ по-одиначкѣ. Дайте мнѣ вступить за нравоученіе этой басни. Испытаемъ его на себѣ.

— Какимъ образомъ?

— Вотъ какъ. Наговорившись съ вами съ вечера объ обязанностяхъ женщины, уснувъ съ этой мыслью, я поутру просыпаюсь раньше, не смѣю лѣниться, принимаюсь за каждое дѣло какъ за что-то священное; ѣду въ гости и осторожна въ каждомъ поступкѣ; при мнѣ злословятъ — я защищаю; условія свѣта принуждаютъ ли меня къ чему-нибудь такому, что мы осудили съ вами вдвоемъ — я умѣю стать твердо и отказываюсь дѣйствовать. Ко всемъ мелочамъ прилагаю я тѣ высокія правила, которыя мы разбираемъ. Вы сами — сколько разъ вы мнѣ говорили это! — живете съ вѣчнымъ воспоминаніемъ объ этихъ разборахъ. Но знаете ли, это оттого, что разборъ эти слишкомъ часты... Еслибъ мы забыли ихъ немножко?

— Вы хотите, чтобъ мы отделились? сказалъ Шатровскій, на котораго послѣднія слова сдѣлали неприятное впечатлѣніе.

— Совсѣмъ нѣтъ. Какъ вы забываете впередъ! Отдаться мнѣ не можемъ; но еслибы мы попробовали разстаться на-время? Это необходимо для того, чтобъ мы могли убѣдиться въ себѣ: мы, можетъ-быть, заблуждаемся; можетъ-быть, мы хороши потому только, что всегда отдаемся одинъ на судъ другаго и изъ какаго-то кокетства стараемся быть лучше.

Шатровскій разсмѣялся.

— Это почти такъ, сказалъ онъ. — Третьяго-дня я проигрался, и мнѣ было такъ совѣстно вамъ признаться, что я до-сихъ-порѣ молчалъ.

— Вы играли? Опять! съ кѣмъ? Вотъ, видите ли, я и права... Однако, было ли вамъ чѣмъ расплатиться? скажите моему отцу...

— Благодарю васъ, дорогой товарищъ... Я вижу только, что если мы и судьи одинъ для другаго, то вы — судья пристрастный, и если не всегда оправдываете, за-то всегда прощаете.

— А вы еще больше пристрастный судья.

— О, нѣтъ!

— Я знаю, что я не совершенство.

— Такъ мнѣ это кажется, потому-что я васъ люблю безъ мѣры...

— Или, потому, что я на васъ похожа.

— Какъ же это такъ? спросилъ Шатровскій, смѣясь.

— Очень-просто. Нѣтъ мысли у васъ, или у меня, которую бы мы не сумѣли заставить друга друга принять и раздѣлить. Вотъ въ чемъ и беда! Это лишаетъ насъ, каждаго порознь, нашей нравственной свободы. Еслибъ не я, вы, можетъ-быть, нашли бы другія занятія, другихъ людей по-сердцу...

— Я ладюль вамъ? сказалъ Шатровскій съ досадой.

— Боже мой, какъ вы сегодня раздражительны! Подумайте только, есть ли тѣнь основательности въ томъ, что вы сказали?.. Но мы живемъ однообразно; все, что мы ни видимъ, видимъ съ одной и одинокой точки зрѣнія; все, что мы ни видимъ, рѣшено между нами двумя и обсужено заранѣе. Повторяю: это связываетъ насъ; это жизнь вполовину. Мы живемъ въ свѣтъ, но, по душъ, мы какіе-то отшельники. Вы представляете мнѣ своего знакомаго — и мы вмѣстѣ рѣшаемъ, какъ о немъ думать; вы называете мнѣ женщину — я говорю вамъ, какъ я ее понимаю... Да что объяснять такъ долго! Ни у васъ, ни у меня нѣтъ друзей, кромѣ насъ самихъ.

— Развѣ вамъ это не нравится?

— Опять!.. Я говорю только, что эта повѣрка, это дополненіе нашихъ убѣжденій моими и моихъ вашими, мѣшаетъ намъ имѣть отдѣльныя мнѣнія, мѣшаетъ намъ дѣйствовать, мѣшаетъ, наконецъ, намъ вполне жить дѣйствительностью...

— Вы придумали что-нибудь, чтобъ помочь этому?

— Придумала. Возьмите отпускъ и уѣзжайте куда-нибудь.

Этотъ разговоръ и споры, которые вызывалъ онъ, повторялись каждый день въ-теченіе цѣлаго мѣсяца. Наконецъ, какъ мы видели, Шатровскій уступилъ и уѣхалъ. Знакомыхъ онъ увѣрилъ, что ѣдетъ въ Москву; Лизаветъ Андреевнѣ, которая не хотѣла знать куда онъ ѣдетъ, сказалъ, чтобъ она этому не вѣрила, и уѣхалъ въ-самомъ-дѣлѣ въ другую, дальнюю губернію, въ свою деревню, гдѣ не было съ-тѣхъ-поръ, какъ умеръ его отецъ, то-есть, лѣтъ десять.

На третій день его пріѣзда, ему вспомнилась Лизавета Андреевна, и онъ написалъ ей письмо, которымъ начинается этотъ рассказъ. Дорогой, думая о ней такъ часто, какъ позволяло разнообразіе впечатлѣній и хлопотъ, всегда мѣшающее путешественнику думать (что бы ни говорили въ защиту дорожныхъ мечтаній), Шатровскій соображалъ, съ чего ей пришла мысль разстаться съ нимъ. Онъ назвалъ это романической выходкой, разсмѣялся и надъ собою, и надъ мечтательностью Лизаветы Андреевны, которая

«вообразила, что имѣеть надъ нимъ такое сильное нравственное вліяніе, что связываетъ его поступки...» Какъ видно, въ минууту этой мысли, Шатровскій, незнаемо для самого себя, ужь немного освободился отъ этого вліянія, потому-что прежде подобныхъ мыслей у него не было. Чтoby чѣмъ-нибудь кончить, онъ сказалъ себѣ, что давно не жилъ въ деревнѣ, что надо же какъ-нибудь разнообразить свое существованіе, и что почему же не задавать себѣ иногда какихъ-нибудь нравственныхъ задачъ, испытаній, когда для этого есть время и возможность.

Чтoby придать истинный мѣстный колоритъ его поступку, который только, какъ *задача* и *испытаніе*, былъ бы совсѣмъ не въ духѣ нашихъ нравовъ и обычаевъ, должно прибавить, что Шатровскому надо было наконецъ сѣздить въ свою деревню и посмотреть, что тамъ дѣлается. Къ-тому же, его сестра, бывшая за-мужемъ за однимъ помѣщикомъ, его сосѣдомъ, едва-ли не каждый мѣсяцъ писала брату, напоминая, что онъ забылъ ее и что пора навѣстить «родное пепелище».

Это «родное пепелище» былъ миленькій старыи домъ, гдѣ Шатровскій провелъ ужь два дня въ самой восхитительной лѣтн. Изъ оконъ этого дома онъ любовался видомъ, какими небогаты наши среднія губерніи. Цвѣтникъ, правда, нѣсколько-заглохшій, спускался отъ балкона, правда, довольно-шаткаго, до обрыва крутой и очень-высокой горы. Внизу бѣжала рѣка, чрезъ сотню верстъ дѣлающаяся уже знаменитою и отмѣченная на картахъ; за ней поднимались крутые каменистые холмы, виднѣлись три селенія съ церквями; развалины старинной часовни бѣгли на сумракѣ сосноваго лѣса, и въ необозримое пространство, все поднимаясь, тянулись луга, лѣса, бѣловатозеленныя или уже золотящіяся нивы. Можно было провести цѣлый день, отъ ранней зари до той минуты, когда заря сходится съ зарею, только любясь на измѣненія свѣта и тѣней этого ландшафта. Утро окрашивало въ такой удивительно-розовый цвѣтъ его волны, обрывы и строенія, полдень одѣвалъ его такимъ сизымъ туманомъ, вечеръ засыпалъ такую золотою пылью, ночь лежала надъ нимъ такая голубая и спокойная, что оставалось только смотреть и слушать не пропуская и звуковъ, также, какъ и цвѣтовъ: прекрасный видъ былъ живой... Шатровскій забылъ все, усѣвшись на своемъ балконѣ, и впервыхъ, сестру, съ которой еще не видался... На третій день онъ вспомнилъ Лизавету Андреевну и, призвавъ прикащика,

чтобъ отослать въ увѣздный городъ письмо, кстати вспомнилъ о томъ, что онъ хозяинъ и еще не видѣлъ своей деревни.

Тогда онъ взялъ фуражку и отправился чрезъ широкій дворъ, важенъ, какъ владѣлецъ.

Осмотръ всего и разныя встрѣчи доставили ему большое удовольствіе. Избы, правда, были довольно-дымны и несовсѣмъ-прямы, но за ними, на гумнахъ, поднимались такія высокія крыши скирдовъ; у рѣвки паслось такое прекрасное стадо; дѣти играли на завалинахъ, такія здоровыя, хотя и запачканныя, что можно было не замѣтить неживописности улицы, особенно, когда на ней свѣтило лѣтнее утро и встрѣчались веселыя лица. Шатровскій поѣхалъ свою кормилицу, поѣхалъ старосту, зашелъ къ старику, который считалъ себя подѣвяносто лѣтъ и все-таки не оставлялъ своей охоты разводить пчелъ; наѣлся съ утра меду на его пчельникъ и, ошастлививъ всѣхъ, довольный всѣмъ, возвратился въ свой домикъ, гдѣ окна и двери были отворены настежь. Это доставило ему ласки маленькой желтой дворняшки, которая воспользовалась свободой доступа и наконецъ свернулась и заснула въ темномъ углу прихожей.

Въ домѣ тихо и пусто. Полдень. Люди разошлись обѣдать; Шатровскій остался совершенно одинъ. Солнце вышло изъ оконъ гостиной; въ ней стало прохладно; прохлада и полусвѣтъ, вмѣстѣ съ колыханьемъ липъ у балкона, наводили лѣнь и сонъ. Въ такой тишинѣ, предъ такой веселой природой, не было возможности читать серьезную книгу, въ которой говорилось о убѣжденіяхъ и заблужденіяхъ вѣка и которою вздумалъ-было заняться молодой человекъ. Книга легла вмѣстѣ съ нимъ на пестрый ситцевый диванъ, страницы ея закрылись, а за ними, или еще прежде ихъ, закрылись и глаза Шатровскаго.

Приятный сонъ безъ сновъ былъ не продолжителенъ: его прервали шумъ и разговоръ въ сосѣднихъ комнатахъ. Незнакомый голосъ спрашивалъ о немъ у людей.

— Гдѣ же? раздалось наконецъ въ дверяхъ гостиной.

Шатровскій вскочилъ.

Предъ нимъ стоялъ господинъ пожилой, невысокій, полный, съ просвѣдью въ бьюкоурыхъ волосахъ, съ толстой цѣпочкой на жилетѣ, одѣтый несовсѣмъ по модѣ, но очень-тщательно, какъ люди, потерявшіе привычку одѣваться и занимающіеся этимъ только въ важныхъ случаяхъ — помѣщикъ, съ перваго взгляда. Громкій голосъ и лицо загорѣлое до лба, потому-что его всегда

защищала оуражка, довершали впечатлѣніе. Это былъ зять Шатровскаго, Николай Петровичъ Повѣновъ.

— Алексѣй Дмитричъ! заговорилъ онъ: — вѣрно забыли? Коть вновь знакомиться. Сколько лѣтъ не видались!

— Николай Петровичъ! вскричалъ Шатровскій, узнавъ его наконецъ.

Они обнялись.

— Какъ же, батюшка, вы здѣсь и не дадите знать? Мы только сегодня узнали: человекъ вашъ вѣхалъ мимо на почту, поймали его; говоритъ: «Три дня, какъ Алексѣй Дмитричъ прѣехали». — «Здоровъ?» — «Слава Богу» говоритъ. Жена меня посылаетъ: «Позжай, узнай, что съ нимъ; ужь нѣтъ ли неудовольствія какого» — право!

— Виновать, виновать, повторялъ Шатровскій: — прѣехалъ, захопотался, съ дороги усталъ, лежалъ цѣлый день... Что сестра? что дѣти?

— Здоровы всѣ... Да вѣдь вы ихъ не знаете! Моя Анна Дмитревна поручила мнѣ привезти васъ съ собой; милости просимъ, если что особенное не удерживаетъ.

— Помилуйте, что же! Я самъ хотѣлъ сегодня вѣхать къ вамъ.

— Такъ очень-радъ... Какъ нашли хозяйство? Запущено, все запущено! Да вѣдь, и въ-самомъ-дѣлѣ, сколько лѣтъ... Я иногда заглядываю сюда къ вамъ.

— Очень вамъ благодаренъ.

Гость усялся, занимая хозяина разсказами о хозяйствѣ и разспрашивая о немъ самомъ. Время шло долго, какъ всегда идетъ оно для людей, которые только начинаютъ знакомиться другъ съ другомъ и между которыми мало общаго.

— Пора вамъ было заглянуть сюда, говорилъ гость: — вѣдь вы только по слухамъ знаете, какъ живутъ, какъ хозяйничаютъ. У меня мальчишки-сыновья тоже учатся, аяете... ну, учителя разные, а все не то. Я имъ говорю: тцета все это — вотъ она, наука настоящая...

— Только мнѣ ей никогда не научиться, возразилъ Шатровскій.

— Отчего же-съ? хорошо! Безъ этого не проживешь. Какъ я вижу, вотъ, что у сосѣда прошлой зимой два обоза въ Москву сходили, а у меня одинъ, такъ я и знаю... А тутъ — вы еще не жили домомъ, этихъ тонкостей не понимаете — губернеры, учителя, челчки, тамъ, бурнусы, то да другое...

Николай Петровичъ вдругъ замолчалъ, не оттого, чтобъ замѣтилъ небольшую разсѣянность, съ которой слушалъ его собесѣд-

никъ, но потому—что самъ какъ-будто испугался того, что выговорилъ. Онъ даже оглянулся...

Это движеніе напоминало что-то Шатровскому, и онъ разсмѣялся.

— Женскія прихоти! сказалъ онъ.

— Вы не подумайте, чтобъ мнѣ въ тягость было, или я жалкъ — Боже сохрани! Но вѣдь вы сами знаете... Вы, сдѣлайте милость, не подайте вида... Я васъ считаю за истинно-роднаго...

Нѣсколько-торопливое увлеченіе, съ которымъ Николай Петровичъ протянулъ руку своему «родному», напомнило еще живѣе Шатровскому характеръ сестры и нѣкоторыя обстоятельства, о которыхъ онъ слышалъ прежде. Воспоминаніе стало приводить его понемногу къ болѣе-ясному сознанію дѣйствительности; сестра, зять, ихъ дѣти, еще ему незнакомые, стали казаться Шатровскому ужъ не чѣмъ-то въ родѣ сновъ, а существами, съ которыми онъ въ-самомъ-дѣлѣ долженъ былъ провести мѣсяца три, «чтобъ испытать свой характеръ».

Последняя мысль заставила его еще разъ улыбнуться.

«Бели передо мной теперь образчикъ того, что должно имѣть вліяніе на мои убѣжденія, подумалъ онъ: — то я могу смѣло похвалиться, что мои убѣжденія неизмѣняемы. Мой зять, кажется, не доволенъ. Пока мы не знаемъ навѣрное, что человекъ неправъ, мы не должны отказывать ему въ участіи».

И потому Шатровскій пожалъ руку зятя, смѣясь очень-добродушно.

— О, мой любезный Николай Петровичъ!.. сказалъ онъ, потому-что нѣчего было сказать больше.

Николай Петровичъ принялъ эти слова за необыкновенно-сердечное участіе.

— Такъ-съ, отвѣчалъ онъ: — вы это понимаете. Вы, конечно, не знаете нашего житья-бытья, но посудите безпристрастно...

— Вѣрю, очень вѣрю, отвѣчалъ Шатровскій, самъ не зная чему вѣрилъ; но гость показался ему забавнымъ, а его маленькія жалобы — очень-оригинальными.

Николай Петровичъ взглянулъ на свои часы.

— Однако, если вамъ угодно къ намъ, то пора, сказалъ онъ: — хоть и недалеко: пять верстъ.

— Я сейчасъ буду готовъ, отвѣчалъ Шатровскій, уходя одѣваться.

Черезъ нѣсколько минутъ зять везъ его въ своихъ крытыхъ

дрожахъ по узкой дорогѣ между полями; и поля, и дорога, и дрожки исчезали въ облакахъ пыли. Солнце свѣтило такъ ярко, что даль сливалась въ темносинія и золотыя полосы, а небо было безцвѣтно отъ лучей: оно разстиралось блѣдное, блестящее и совершенно-безоблачное. Рѣка стремилась тихо, залитая свѣтомъ; было тяжело смотрѣть на ея бѣлый кремнистый берегъ—и глаза закрывались невольно. На всей природѣ лежали какая-то нѣга и лѣнь...

— Никакъ это тучка въ той сторонѣ? спросилъ Николай Петровичъ кучера, въ первый разъ прерывая молчаніе.

— Нѣтъ-съ; это такъ, зной стоитъ.

— Ахъ, какъ-бы Господь далъ дождя! продолжалъ Николай Петровичъ, выглядывая на рожь, которая легла отъ жара и которую еще больше топтали лошади.

Шатровскій ничего не сказалъ. Онъ думалъ, что Лизавета Андреевна пришла бы въ восторгъ отъ этого простора, зноя, сянья—въ восторгъ, понятный тому, кто, глядя на нивы, подернутыя золотою пылью, не разсчитываетъ, сколько принесутъ онѣ копенъ, четвертей и такъ далѣе. Онъ подумалъ, что нигдѣ не обяжанъ этотъ восторгъ такъ скрывать, какъ въ деревнѣ, гдѣ его мало понимаютъ отъ привычки, и еще больше надъ нимъ смѣются... Общая участь всѣхъ восторговъ!..

Потомъ онъ вспомнилъ, что деревня и лѣто — мѣсто и время любви, что онъ самъ еще никогда не любилъ до увлеченія, и, вдругъ опомнясь, улыбнулся надъ своими мечтами...

Впрочемъ, ихъ прервало самое прозаическое обстоятельство: дрожки остановились, и Николай Петровичъ произнесъ надъ ухомъ Шатровскаго:

— Пріѣхали! А вы, никакъ, изволили вздремнуть?

II.

Домъ былъ каменный, въ два этажа, не считая мезонина, котораго широкія окна выглядывали изъ-подъ навѣса крыши. Онъ стоялъ на горѣ, окруженный садомъ, и, какъ бѣольшая часть помѣщичьихъ домовъ, въ известномъ разстояніи отъ деревни. Въ темныхъ снѣгахъ можно было пріятно вздохнуть послѣ жаркой дороги. Шатровскій слѣдовалъ за своимъ зятемъ черезъ залу и гостиную, гдѣ ихъ никто не встрѣтилъ. Канарейки кричали въ клѣткахъ на окнахъ, заставленныхъ цвѣтами; имъ вторили два попу-гая и звуки рояля изъ дальней комнаты, но звуки унылые, про-

тяжные, звуки музыкальнаго урока, прерываемаго счетомъ, ошибками и выговорами—самые печальные изъ всѣхъ звуковъ, существующихъ въ природѣ.

— Анна Дмитриевна вѣрно на террасѣ, замѣтилъ хозяинъ, провозжая Шатровскаго на балконъ : — она всегда тамъ занимается.

Шатровскій замѣтилъ, что зять его сдѣлался тише и несвободнѣе въ движеніяхъ : онъ какъ-будто боялся разбудить кого-нибудь. Они вышли на террасу, заплетенную хмѣлемъ, съ спущеннымъ маркизомъ, отчего на ней было темно какъ въ сумерки.

— Наконецъ, вотъ и онъ, се cher Alexis ! сказала, вставая на встрѣчу имъ, высокая, полная дама въ свѣтломъ кисейномъ платьѣ, весьма-пышномъ, и въ чепчикъ, съ котораго вѣяли длинные концы радужныхъ лентъ.

Она отставила столикъ, на которомъ былъ ея рабочій ящикъ, шитье, букетъ цвѣтовъ и тоненькій французскій романъ, слегка оттолкнула маленькую собачку, спавшую у ногъ ея на вышитой подушкѣ, и приблизилась къ брату.

— Alexis, узнаешь ли ты меня ?

Шатровскій хотѣлъ обнять ее, но она такъ значительно протягивала ему объ руки, что прежде онъ долженъ былъ поцаловать ихъ, потомъ онъ сами обвились вокругъ его шеи.

— Неблагодарный ! сказала она. — Николай Петровичъ, мой милый, взгляните, который часъ... Неблагодарный, совсѣмъ забылъ меня ! сколько лѣтъ ! Чтò за отвѣты на мои письма — по двѣ строки ! Однако, надѣюсь, ты здѣсь надолго ?

— На лѣто, если что-нибудь не случится...

— Ничего не случится ; ты обязанъ принести мнѣ эту жертву ! Чтò бы ни случилось, ты останешься здѣсь для меня : ты мнѣ необходимъ. Я была уже женщиной, матерью, когда ты былъ еще дитя, но теперь мы равны лѣтами...

— Гдѣ же твои дѣти ? прервалъ Шатровскій : — покажи мнѣ ихъ, познакомь съ дядюшкой...

— А вотъ я пойду, пришлю ихъ, сказалъ Николай Петровичъ, ободренный нѣжной сценой.

— Мой милый, не мѣшай ихъ занятіямъ : они въ классѣ ; ты знаешь, какъ вреденъ беспорядокъ. Я просила тебя узнать, который часъ.

— Да пора объдать. Гдѣ же, по-крайней-мѣрѣ, Варенька ?

— Ты самъ замѣтилъ, что пора объдать ; я полагаю, что Варенькѣ надо было одѣться къ обѣду, отвѣчала Анна Дмитриевна

тихо, но значительно. — Распорядись, прошу тебя.. Кстати, тебя дождался управляющий... Садись, Alexis, прибавила она, проводив взоромъ мужа, который вышелъ.

— У тебя славный садъ, сказалъ Шатровский, стоя наверху каменной лѣстницы, которая спускалась съ террасы внизъ : — сколько цвѣтовъ ! Это твоя охота ?

— Помилуй, есть ли мнѣ время ? возразила она : — а еслибъ и было... Это все распоряженіе Николая Петровича и его садовника ; въ созданіи этого цвѣтника нѣтъ ничего моего. Еслибъ я могла вступить въ что-нибудь, конечно, это было бы совсѣмъ иначе. Оставимъ это... Поди сюда, садъ здѣсь, дай мнѣ тебя видѣть... Мнѣ было такъ необходимо тебя видѣть !

— Милая Аннета !

— Дѣ, мой другъ, мы, женщины, всегда дѣти, всегда моложе братьевъ ; намъ всегда нужны покровители. Я прежде думала, что это одни романическія фразы, но теперь испытываю на себѣ. Богъ знаетъ, какъ я счастлива, что теперь мнѣ есть кому довериться, пожаловаться...

— На кого ? вскричалъ Шатровский разсмѣявшись, потому-что она улыбнулась. — На судьбу, на людей ?

— На то и на другое... хоть немножко и поздно.

— Такъ, для того, чтобъ отвести душу ?

— Не смѣйся, сказала она вдругъ серьезно. — Дѣ, отвести душу вредъ существомъ, которое, я увѣрена, пойметъ меня... Меня слишкомъ-рано отдали замужъ, Alexis.

Шатровский удержался отъ улыбки только потому, что его просили не смѣяться.

— Что же ? сказалъ онъ.

— Alexis, я сестра тебѣ. Въ нашемъ образѣ мыслей, въ характерахъ, должно быть много общаго. Если я скажу, что моя молодость, моя жизнь прошла и что мнѣ жалъ ее — ты меня поймешь... Въ семнадцать лѣтъ я болѣе ждала отъ жизни ! Я не могла скоро разстаться съ этими ожиданіями, съ моими мечтами ; я никогда не могла привыкнуть къ тому, что окружаетъ меня... Что жъ ? въ глазахъ всѣхъ я была, пожалуй, смѣлана — чего мнѣ больше ? Порядочное состояніе, мужъ, который, кажется, слѣды мои цаловалъ... Но внутренно, но въ глубинѣ души... Ахъ, Alexis !.. Согласись, продолжала она, послѣ небольшой паузы : — видъ мнѣ нѣтъ необходимости представляться предъ тобою une femme incomprise ? Все это бредни ! (Она толкнула тономъкую

книжку, которая полетѣла со столика ; Шатровскій наклонился— было поднять— Анна Дмитриевна его удержала). *Laissez cela...* Но согласишься, вѣдь есть же въ насъ, женщинахъ, внутреннее чувство чего-то лучшаго? согласишься, что образоваемость дѣлаетъ насъ прихотливыя... а если наше сердце и умъ нѣжны отъ природы, то мы въ-правѣ быть прихотливы? Такъ ли, другъ мой? Вѣдь невозможно такъ убить въ себѣ всякое пониманіе, чтобъ съ утра хлопотать на кухнѣ и въ ткацкой, и къ вочи не утомиться нравственно, не пожелать отдохнуть надъ чѣмъ-нибудь изящнымъ...

— Твоя правда.

— Правда? вскричала она съ радостью: — ну, представь же, что судьба помѣститъ подлѣ тебя человека вялаго, скучнаго, не только безъ образованія, но безъ желанія образоваться, еще менѣе: неспособнаго образоваться, хотя бы объ этомъ хлопотали всѣ мудрецы, всѣ поэты, всѣ изящные люди въ мірѣ... Я не преувеличиваю! я имѣла мужество предложить ему читать, имѣла терпѣніе читать... онъ дремлетъ, или прерываетъ такимъ вздоромъ, что смѣшно и совѣстно. Послушай его когда-нибудь... Ты видишь, я не романическая женщина, Alexis; напротивъ, я очень-положительна. Я не заетаю за облака. Я хочу, чтобъ въ моемъ домѣ все было порядочно, *présentable*, чтобъ мои дѣти были прилично одѣты, чтобъ они учились чему-нибудь... Вѣришь ли, чего мнѣ это стоило!

— Трудовъ и битвъ? прервалъ Шатровскій: — но, вѣроятно, ты вышла изъ нихъ не съ пораженьемъ?

— О, надѣюсь!.. отвѣчала Анна Дмитриевна. — Но ты видишь, что я стала? А мнѣ только тридцать-шесть лѣтъ, Alexis!

Немного-отчаянно она откинула назадъ обѣ радужныя ленты своего чепчика.

— Кто бываетъ у васъ? спросилъ Шатровскій: — кто твои сосѣди?

— О Боже мой, что такое эти сосѣди, это общество! Мы здѣшныя аристократы, топ сбер... Помѣщики, чиновники изъ уѣздаго города, становой, лекаръ — вотъ и все. Жемы ихъ... Я ихъ принимаю, конечно, но рада, когда могу быть одна. Ты ихъ увидишь.

— Впрочемъ, и одной тебѣ невесело: дѣти наскучать. Но послушай, твоя старшая дочь должна быть ужь большая дѣвушка.

Варенькѣ семнадцать лѣтъ.

— Помылуй! Такъ, значить, я всегольно старый дядя, но рисую скоро быть дѣдушкой. Познакомь насъ скоро. Хороша она себѣ?

— Увидишь, отвѣчала Анна Дмитриевна.

— О материнская гордость! ты хочешь меня приятно удивить.

— Я безпристрастна, возразила Анна Дмитриевна: — Варенька недурна, но я ждала, что она будетъ лучше.

— Не она ли это? спросилъ Шатровскийъ, вставая и показывая на женщину въ блонь платьѣ, которая проходила по саду.

— О, нѣтъ, избави Боже! Но какъ же и тебѣ до-сихъ-поръ не сказала? Вотъ годъ, какъ у меня живетъ сестра моего мужа, старая дѣва, очень-чувствительная, очень-несносная, вѣчно-унылая и задумчивая и вѣчно въ блонь платьѣ, какъ оно и слѣдуетъ.

— Такъ это я ее имѣю счастье видѣть? Какъ ее зовутъ?

— Настасья Петровна.

— Сколько ей лѣтъ? Она недурна...

— Помилуй, ты вѣрно близорукъ; она мнѣ ровесница.

— И очень забавна?

— Видишь, въ полдень, въ саду, съ книжкой...

— Такъ что же ты говоришь, что ты одна, что тебѣ скучно?

— Не хочешь ли самъ позабавиться?... Въ-самомъ-дѣлѣ, Alexis сдѣлай милость, — тебѣ нечего дѣлать, — faites lui la cour.

— Если у васъ въ-самомъ-дѣлѣ нѣтъ занимательныхъ собесѣдовъ, то, конечно, придется заняться ею.

— Стоитъ того, увѣряю тебя.

— Откуда она къ тебѣ явилась?

— Она съ дѣтства, то есть очень-давно жила у своей крестной матери, тоже какой-то старой дѣвы; вмѣстѣ читали Жоржа Занда и Байрона, плакали вмѣстѣ, покуда покровительница умерла, а она прибѣгла подъ покровительство моего мужа. Онъ захотѣлъ, чтобы она жила здѣсь, а я... что же я могу сказать? Моя обязанность была принять ее и заботиться, чтобы ей было покойно. Тутъ уже не спрашивается, приятно ли мнѣ, а не забыла ли я чего-нибудь, что было бы приятно ей. Ты знаешь, если свѣтъ замѣтитъ, что она сколько-нибудь недовольна, то осудить первую меня, не разбирая, кто изъ насъ можетъ быть виноватъ.

— А право, она недурна.

— Что ты, Alexis! ты съ ума сошелъ!

— Вѣдь ты сама хочешь, чтобы я сошелъ съ ума отъ нея: я начинаю.

— Шалунъ! сказала Анна Дмитриевна. — Вотъ Варенька.

На террасу вошла дѣвушка высокая, тоненькая, немного-худая, блонкурная и розовая; она покраснѣла еще больше, увидя не-

знакомаго гостя. Всѣ ея движенія были немного-робки, наряды выказывали ее сколько-возможно моложе; густые волосы, зачесанные гладко, оставляли открытыми виски; въ ушахъ были едва-примѣтныя золотыя колечки; платье изъ бѣлой кисеи съ мелкимъ розовымъ узоромъ, съ открытымъ лифомъ и короткими рукавами; наконецъ, память едва-минувшаго дѣтства, память недавнихъ классовъ—фартучекъ, правда, голубой съ оборками и бантами, довершалъ впечатлѣнiе. Варенька была ребенокъ.

— Вы меня спрашивали, маменька? начала она...

— Ахѣя, вотъ твоя племянница, сказала Анна Дмитриевна, взявъ ее за руку и подводя къ Шатровскому съ небольшою торжественностью, которую онъ уже замѣтилъ при началѣ свиданiя.

— Какая хорошенькая, какая большая! вскричалъ онъ, обнимая дѣвушку:— надѣюсь, мнѣ позволять ее баловать? Я, кажется, имѣю право на довѣренность, уваженiе.... Мы будемъ друзьями, Варенька, такъ ли?

— Непременно, отвѣчала она весело.

— Мы отлично проведемъ время; обѣгаемъ вмѣстѣ всѣ рощи...

— Ну, вотъ вамъ и остальные, сказалъ Николай Петровичъ, вводя трехъ мальчиковъ и маленькую дѣвочку, которые, окруживъ Шатровскаго, начали присѣдать, шаркать, какъ это, очевидно, имъ было приказано. Шатровскiй обнималъ, цаловалъ; его тоже обнимали, цаловали. Суматоха была самая умилительная; въ ней приняли участiе и родители, увлеченные примѣромъ дѣтей; Анна Дмитриевна прослезилась, цалуя брата въ лобъ.

— Наконецъ, я чувствую, что ты со мною! прошептала она.

Губернѣръ-нѣмецъ безмолвно любовался этой сценой въ приличномъ отдаленiи; нянька выглядывала изъ дверей, слѣдя за всѣми поступками маленькой дѣвочки. Картина семейнаго счастья была совершенна. Ее дополнилъ человекъ, пришедшiй объявить, что кушанье подано.

Шатровскiй былъ очень-радъ; онъ взялъ подъ-руку Вареньку.

— Спросите, будетъ ли обѣдать Настасья Петровна, сказала Анна Дмитриевна.

— Развѣ случается, что она не обѣдаетъ? спросилъ Шатровскiй Вареньку, проходя въ залу.

— Нѣтъ, отвѣчала она, удивленная его вопросомъ.

— Или, быть-можетъ, она не выходитъ къ гостямъ, а я здѣсь...

— Чтѣ вы, дядя! Она будетъ рада васъ видѣть.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? сказалъ онъ смѣясь. А большая возможность твоя тетушка?

— Вы шутите?....

— Она сентиментальна; мечтательна?

— Она очень-добра.

— Хорошо, хорошо, увидимъ. Я сажусь подлѣ тебя за столомъ.

— Сядь подлѣ меня, Alexis, сказала Анна Дмитриевна; занимая свое мѣсто и придавая нѣкоторую торжественность этому приглашенію.—Такъ давно мы не сидѣли вмѣстѣ! Не напоминаетъ ли это тебѣ счастливыхъ дней?...

Въ эту минуту вошла дама въ бѣломъ платьѣ, которую Шатровскій видѣлъ въ саду; она поклонилась молча и сѣла подлѣ Николая Петровича.

Анна Дмитриевна смотрѣла на мужа съ какимъ-то ожиданіемъ; разливая супъ и отдавая тарелки, она сопровождала каждую вопросительнымъ взглядомъ; взгляды эти становились все безпокойнѣе; наконецъ, безпокойство вдругъ и рѣзко смѣнилось выраженіемъ покорности и оскорбленнаго достоинства.

— Настасья Петровна, братъ мой! сказала она слегка возвышая голосъ.

Шатровскій оставилъ свой супъ и еще разъ поклонился на новый, безмолвный поклонъ Настасьи Петровны. Анна Дмитриевна вдругъ почему-то не могла кушать; она наклонилась къ брату и прошептала:

— Какъ мнѣ еще много надо сказать тебѣ!...

Казалось, всё растратили всю свою живость и все краснорѣчіе на нѣжную предобѣденную сцену, и начало обѣда проходило въ молчаніи; только гувернёръ укрощалъ порывы меньшаго изъ мальчиковъ, чѣмъ-то недовольнаго; наконецъ это недовольствіе обнаружилось опредѣленнѣе:

— Я не хочу пирожка! вскричалъ онъ:—вчера папа говорилъ, что будутъ ватрушки.

— Мамаша приказала пирожки, такъ и должно кушать, возразилъ отецъ ласкательнымъ тономъ, глядя дитя по головкѣ.

— Странно, что мать виновата во всѣхъ ихъ капризахъ! сказала Анна Дмитриевна.

— Матушка, это я виноватъ: я общалъ.

— Право, мнѣ очень-мудрено угодить на всѣ вкусы.

— Тутъ нѣтъ никакого угожденія, а я просилъ....

— Сдѣлайте одолженіе, приказывайте сами обѣдъ.

— Я вовсе не къ тому началъ.... возразилъ тихо Николай Петровичъ.

— Ты, кажется, взднлъ дрошлой виной въ Петербургъ, Alexis? спросила Анна Дмитріевна. — Ради Бога, говори о чемъ-нибудь... прибавила она тихо.

— Нѣтъ, я былъ въ Петербургъ два года тому назадъ, зимой, послѣ выхода изъ университета, отвѣчалъ онъ.

— Значить, въ одно время съ Настасьей Петровной. Она до сихъ-поръ не можетъ забыть своей поѣздки.

— Вы пріятно провели время? спросилъ Шатровскій, обращаясь къ старой дѣвѣ.

— Чрезвычайно, отвѣчала она, покраснѣвъ, какъ-будто это слово было признаніе, которое трудно выговорить.

Шатровскій взглянулъ на нее пристально. Настасья Петровна была моложе его сестры, но Анна Дмитріевна была полна и румяна, и времени надо было еще долго потрудиться, чтобы заставить ее завянуть; развязность и важность пріемовъ придавали ей какую-то жизненность и свободу. Напротивъ, на всей особѣ Настасьи Петровны были замѣтны слѣды разрушительныхъ годовъ: худоба рукъ и шеи выказывалась изъ-подъ бѣлой кисейной мантили, охватывавшей талью, которая оставалась еще стройна и непринужденна. Лицо тоже, можетъ-быть, было недурно, но теперь, углы рта обрѣзались непріятными чертами, темносѣрые глаза немного впали; темные волосы были, правда, нѣжны и блестящи, но когда на нихъ упалъ лучъ солнца, то было замѣтно, что этотъ блескъ удваивался отъ сѣдины, безпощадно-выходившей крупными бѣлыми нитками. Блѣдность—последнее спасеніе увядающихъ лицъ: это лицо не было блѣдно. Наконецъ, когда женщина немолода и некрасива, о ней говорятъ, что она интересна: о Настасьѣ Петровнѣ нельзя было сказать и этого. Правда, ея лицо не выражало ни хитрости, ни злости, ни жеманства, ни униженной покорности, но оно не выражало также ни одного изъ другихъ чувствъ, въ которыхъ принято брать участіе: оно было только серьезно.

— Очень можетъ-быть, сказалъ ей Шатровскій:—что мы въ одно время видѣли одно и то же въ Петербургъ.

— Конечно! вѣщалась Анна Дмитріевна, не дожидаясь отвѣта:—поговорите о впечатлѣніяхъ: Настасья Петровна такъ любитъ все наящное, музыку, поэзію, живопись....

— И, вѣроятно, занимаетесь сами? спросилъ Шатровскій.

— Къ-сожалѣнію, ничѣмъ, отвѣчала она,

— О, это великія несправедливости! вскричала Анна Дмитріевна.
— Настасья Петровна безпрестанно читаетъ, безпрестанно играетъ на фортепьяно, и если ты заслужишь, Alexis, чтобы она показала тебѣ свой альбомъ....

Старая дѣва краснѣла какъ пансіонерка. Анна Дмитріевна тихо толкнула брата, но онъ не замѣтилъ и обратился къ Николаю Петровичу съ какимъ-то хозяйственнымъ вопросомъ; потомъ онъ завелъ рѣчь съ маленькими племянниками и оживилъ немного это общество, сидѣвшее очень-тихо съ-тѣхъ-поръ, какъ неудовольствіе Анны Дмитріевны съ меньшаго члена этого общества перешло на отца. Варенька смѣялась съ отцомъ и дѣтьми, Настасья Петровна молчала. Анна Дмитріевна окинула всѣхъ взглядомъ и вдругъ впала въ грустное раздумье. Меланхолически досидѣла она до конца обѣда; вставая, нѣсколько порывисто обняла Вареньку и, проходя, остановила Настасью Петровну.

— Извините, прошу васъ, невѣжливость моего брата.

— Чтò вамъ угодно? спросила старая дѣва, оправляя свою мантилью.

— Я замѣтила, что вамъ было неприятно... Онъ говорилъ съ вами, и вдругъ, перемѣнивъ разговоръ, обратился къ моему мужу... Сдѣлайте милость, извините его: Впрочемъ, я сама виновата: я должна была бы предупредить его...

— Я не понимаю, возразила Настасья Петровна: — я не думала...

— Я замѣтила это по вашему лицу... Однимъ словомъ: мы оба виноваты. Я вижу теперь, что вы предубѣждены противъ него; и еслибъ я могла предвидѣть, что его присутствіе будетъ для васъ такъ неприятно, я даже умѣла бы отказать себѣ въ счастіи его видѣть.

— Ради Бога... прервала Настасья Петровна.

— Увѣряю васъ, что мнѣ такъ горько просить у васъ прощенья...

Замѣтя, что Шатровскій подходитъ, старая дѣва поспѣшно вышла.

— Мы идемъ въ садъ съ Варенькой, сказала Шатровскій, догоняя сестру на террасѣ, куда она удалась нѣсколько-стремительно. — Чтò съ тобой? ты разстроена, Аннета?

— Ничего, отвѣчала она съ грустной улыбкой: — это моя обыкновенная жизнь... У женщинъ жизнь тратится на мелочи, Alexis...

Мое сердце возмущено, а я иду заказывать мороженое, потому что Николай Петрович из себя выйдет, если проснется и ему не подадут мороженого...

— Что же такое случилось? спросил Шатровский съ безпокойствомъ, не выпуская, однако, изъ рукъ своей фуражки.

— О мужчины! даже лучший изъ нихъ не въ состояніи подсмотреть нашихъ горестей!.. Настасья Петровна сдѣлала мѣхъ сцену за тебя.

— За меня?

— Да. Сначала тебя недовольно-скоро ей представили, потому ты не обратилъ на нее столько вниманія, сколько бы она желала; она оскорбилась этимъ до слезъ... Чѣмъ же я тутъ виновата?... И всякій день, всякій Божій день что-нибудь!

— Развѣ у нея такой непріятный характеръ?

— Ты видишь, сказала Анна Дмитріевна, слегка пожавъ плечами.

— Полно, моя милая, я виновата, я же и заглажу свою вину; увидишь какъ я буду любезенъ. Пока до свиданья.

Онъ поцаловалъ руку сестры и сбѣжалъ съ террасы въ садъ; внизу его дождалась Варенька.

III.

Шатровский не отдавалъ себѣ отчета, почему ему показалось пріятно почувствовать себя на свободѣ, въ тѣни длинныхъ аллей, и не слышать вокругъ себя ничьего голоса. Варенька, которую онъ держалъ подъ-руку, шла молча. Ему показалось, что онъ отдыхаетъ отъ какого-то принужденія; но еслибъ спросить его, онъ не умѣлъ бы опредѣлить, чѣмъ онъ былъ стѣсненъ и даже былъ ли стѣсненъ за минуту. Онъ разговаривалъ, шутилъ, смѣялся, даже принималъ участіе въ тѣхъ, кто говорилъ съ нимъ; но все это были впечатлѣнія до того лёгкія, что они казались впечатлѣніями сна, принятыми вполонину, и душа уставала оттого, что не развертывала всѣхъ силъ своихъ. Даже когда ему пришло въ голову это послѣднее опредѣленіе, онъ улыбнулся ему, какъ громкой фразѣ, которую нельзя серьёзно приложить къ пустякамъ, окружавшимъ его съ утра. Потомъ у него мелькнула мысль о страсти разбирать всякую мелочь, и эта мысль развеселила его окончательно.

«Смѣшная манія! подумалъ онъ. Разбирать... хорошо, когда есть что. Микроскопическія животныя могутъ быть занимательны, но микроскопическія чувства — только забавны.»

Произнеся это въ глубинѣ души своей, онъ разсмѣялся громко новой фразѣ, сложившейся, онъ и самъ не зналъ, какъ.

— Чему вы смѣетесь, дядя? спросила Варенька.

— Твоей тѣтушкѣ, моя милая, отвѣчалъ онъ, не видя надобности признаваться, что смѣялся надъ собою.

— Что же вы нашли въ ней забавнаго? спросила Варенька.

— Очень-мудрено объяснить тебѣ это, другъ мой. Женщины не должны бы старѣться совсѣмъ, или, когда уже такова общая участь, должны бы старѣться поскорѣе, разомъ. Переходное состояніе... какъ это сказать? участія оно не возбуждаетъ, хотя должно быть очень-непріятно; есть еще желанія, движенія сердца, которыя трудно вдругъ побѣдить; есть маленькія претензіи, которыя такъ живущи, что не хотятъ умереть во-время... все это вмѣстѣ составляетъ горе для самой женщины, и, къ ея же несчастью, снаружи все это выказывается только забавно. Къ молодости все идетъ; если ты пріймешься бѣгать и прыгать, какъ маленькая Оленька, ты будешь только мила и граціозна; но когда твоя тѣтушка закутывается въ свою бѣлую кисею, какъ луна въ облако...

— О, дядя! еслибъ вы знали исторію этой бѣлой кисеи, вы бы не смѣялись.

Это было сказано съ такимъ невольнымъ упрекомъ, что Шатровскій остановился въ своихъ разсужденіяхъ.

— Расскажи мнѣ эту исторію, сказалъ онъ.

Варенька была смущена; она прервала Шатровскаго съ жаромъ, котораго уже не достало ддятого, чтобъ продолжать рѣчь такъ же сильно, какъ она была начата.

— Тѣтушка небогата, отвѣчала она. — Когда умерла ея крестная мать, она цѣлый годъ носила трауръ, и теперь... у нея нѣтъ другихъ платьевъ, кромѣ черныхъ и бѣлыхъ. Еслибъ сегодня она одѣлась въ черное, какъ всегда...

— Такъ что же?

— Вы не знаете... у маменьки есть небольшой предразсудокъ: она огорчилась бы, еслибъ увидѣла кого-нибудь въ черномъ платьѣ въ день вашего пріѣзда.

— Такъ это самая милая внимательность, за которую я вполнѣ благодаренъ твоей тѣтушкѣ, и не смѣюсь больше, отвѣчалъ Шатровскій. — Но какое ты еще дитя, Варенька!

— Я, дитя?

— Да. Отчего ты такъ дрожала, говоря мнѣ все это?

— Увѣрю васъ...

— Не отговаривайся. Это очень-мило. Это обыкновенное чувство твоихъ лѣтъ. Вы думаете, что, сказавъ одно слово противъ мнѣнія другихъ, вы совершаете подвигъ, защищаете истину. Какъ все кажется огромно! Знаешь, какъ дѣтямъ кажутся огромными всѣ дома и комнаты: такъ вотъ такимъ дѣтямъ, какъ ты, всякій простой поступокъ является въ невѣроятныхъ размѣрахъ. То дѣтство зрѣнія, а это — дѣтство сердца.

— Дядя, вы не обидитесь? спросила Варенька.

— Ничѣмъ, моя милая.

— Вы ужасный резонёръ.

— Какъ и слѣдуетъ дядѣ. Въ старинныхъ комедіяхъ все такіе дяди. Какъ же мнѣ не взять своихъ правъ надъ такой хорошенькой племянницей, когда я, къ-счастью, восемь лѣтъ старше ея? Помилуй!. И, вопервыхъ, я сейчасъ же требую, чтобъ ты мнѣ призналась, отчего ты краснѣла, говоря о своей тѣтушкѣ, если ты не конфузилась передо мною?

Варенька задумалась, опустила голову и молчала; чрезъ минуту она опять взглянула на Шатровскаго и сказала серьёзно:

— Вы знаете, дядя, что мнѣ было бы очень-легко васъ обмануть: сказать, что я оробѣла — и только. Но я никогда и никого не обманывала. Мнѣ очень-тяжело говорить о тѣтушкѣ; но почему — я ни за что не скажу вамъ... Не спрашивайте больше. Если я скажу еще что-нибудь, я буду виновата.

— Передъ кѣмъ?

— Передъ моею совѣстью.

— О, какъ это серьёзно! вскричалъ Шатровскій. — Такъ вы рѣшительно не хотите имѣть ко мнѣ довѣрія? Не стыдно ли Варенька? А я было думалъ, что мы будемъ жить душа-въ-душу. Еслибъ ты знала, какая ты миленькая и какъ я тебя люблю!...

— Кто же намъ мѣшаетъ жить душа-въ-душу?

— Въ-самомъ-дѣлѣ?.. Такъ я не спрашиваю секретовъ тѣтушки: они незанимательны; но скажи мнѣ какой-нибудь свой большой, важный секретъ. Вѣрно есть... Есть?

Варенька покраснѣла и отвернулась.

— Ты говорила сейчасъ, что никогда не обманываешь.

— Есть, отвѣчала она, продолжая смотрѣть въ сторону и улыбаясь. Ея свѣжее личико освѣтилось какой-то радостью; но странно, что радость согнала съ него дѣтское выраженіе. Это выраженіе замѣнилось другимъ, вѣстѣ строгимъ и нѣжнымъ, подымъ ожиданія, твердости и сознательнаго счастья. Предъ Шатровскимъ

была уже не прежняя дѣвушка, а женщина, съ которой ему вдругъ почему-то показалось неловко шутить, какъ прежде.

— Послушай, Варенька, сказать онъ увлекался: я спрашиваю тебя не изъ одного пустаго любопытства. Мы не чужие.

— Я вамъ вѣрю, отвѣчала она тихо... Я увѣрена, что вы меня любите, но теперь ничего не могу сказать вамъ: я въ очень странномъ положеніи; пусть оно немного объяснится; притомъ, мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы видѣли и обсудили сами...

— Что?

— Подождите моего секрета... хоть до завтра... Ахъ, еслибы далъ Богъ, чтобъ завтра!... Какой я ребенокъ, въ самомъ дѣлѣ! Все жду со дня на день, а кажется, все такъ легко, такъ возможно!

Она стала печальна и нѣсколько минутъ шла молча.

— Есть у тебя какое-нибудь любимое мѣсто въ саду? спросилъ Шатровскій.

— Какъ не быть: я такъ часто хожу здѣсь.

— Одна?

— Нѣтъ... Послушайте, дядя. Меня не отпускаютъ гулять иначе, какъ съ дѣтьми, или тѣтей Настей; но она такъ добра! Она одинъ разъ спросила меня, не приходитъ ли ко мнѣ иногда желаніе какого-то уединенія, желаніе наслаждаться одной всѣмъ, что есть кругомъ меня, потому что, въ-самомъ-дѣлѣ, всѣ впечатлѣнія прекраснаго, всѣ звуки природы какъ-то яснѣе для души, когда мы одни...

— Это говорила твоя тѣтушка?

— Да, отвѣчала Варенька, не замѣчая, что онъ улыбнулся. Я призналась ей, что во мнѣ есть это чувство; я очень люблю ее, но какъ часто мнѣ хотѣлось бы, чтобъ и ее не было со мною!.. И потому я очень-часто гуляю совсѣмъ одна. Не проговоритесь, дядя.

— Будь покойна, душа моя. Тутъ нехорошаго только одно, что ты рискуешь сдѣлаться мечтательницей, какъ тѣтушка. Чѣмъ же ты занимаешься цѣлый день?

— Играю на фортепьяно; тѣтушка продолжаетъ учить меня: она отлично играетъ; работаю что-нибудь, читаю...

— Много? Что ты читаешь?

— Journal des jeunes personnes, путешествія...

— Шалунья, ты читаешь и что-нибудь другое!.. Другой секретъ сегодня, а третій обещанъ къ завтраму. Ну, а книги, также, какъ уединенныя прогулки, баловство тѣтушки?

— До завтра! отвѣчала она, покраснѣвъ и убѣгая, и закричала изъ-за кустовъ: — идите скорѣе; вотъ мое любимое мѣсто.

- А дѣя кончалась около пруда; мелкіе кусты шиповника и сиреней росли на краю дорожки, заросшей травой; старая скамейка была вдвинута подъ тѣнь. Дорожка возвышалась всего на одинъ шагъ надъ водою и утѣи плескались около кустовъ ивы, посаженной для-того, чтобы укрѣпить берегъ. Мѣсто не было особенно живописно; садъ кончался здѣсь и на другомъ берегу пруда, чрезъ цѣтину, видѣлись крестьянскія избы и дорога.

— Что тебѣ здѣсь понравилось? спросилъ Шатровскій, саясь на скамейку, которая пошатнулась подъ нимъ. — Ай! здѣсь небезопасно.

— Помогите мнѣ, дядя, сказала Варенька, бросая зонтикъ и направляя скамейку: — сдѣлаемъ это сами. Если я позову кого нибудь и скажу, что люблю этотъ уголокъ, то маменька велитъ разбить тутъ цвѣтникъ, а мнѣ мило здѣсь все какъ есть; я ко всему привыкла и никого не привожу сюда. Вы мой первый гость.

— Благодарю за гостеприимство. Какъ бы опять не подломилась твоя скамейка...

— Не безпокойтесь. Смотрите, какъ солнце хорошо заходить. Сейчасъ прогонять стало по дорогѣ — видите пыль вдали?

— Вижу; только это пыль не отъ стада.

— Нѣтъ, это стадо.

— Удивляюсь, какъ ты говоришь, что привыкла ко всемъ физическимъ явленіямъ своей пустыни, и не умѣешь различать пыли изъ-подъ колесъ отъ пыли стада, дребезжанья дрожекъ отъ мычанья коровъ. Это ѣдетъ кто-то, смотри. Не къ вамъ ли?

— Можетъ-быть. Тутъ къ намъ дорога.

— Кто же это? разглядишь ли ты отсюда?

— Это старичокъ, нашъ сосѣдъ, Петръ Иванычъ Домниковъ...

Вообразите, ему такъ надоѣла деревня, что онъ хочетъ продать все, что у него есть, и переѣхать жить въ городъ.

— У всякаго своя фантазія. Но съ нимъ еще кто-то.

— Михаилъ Семенычъ Карзановъ.

— Тоже помѣщикъ?

— Да, молодой человекъ. Онъ служить. Пріѣхалъ сюда недавно и уѣдетъ къ осени.

— Часто ли бываетъ у васъ этотъ молодой человекъ?

— Довольно-часто... Я его вижу всякій день, отвѣчала Варенька разсѣянно, продолжая смотреть на дорогу.

— Какъ это такъ?

— Отсюда. Онъ всякій день проходитъ на охоту по той сторонѣ.

— И онъ знаетъ, что ты его видишь?

— Почему же ему знать?

— Потому, другъ мой, что если ты можешь рассмотреть его фигуру, то твое свѣтлое платье еще виднѣе въ этой зелени и противъ солнца. Тогда онъ приходитъ и гуляетъ съ тобой... и тѣтушкой, приносить книги тебѣ... и тѣтушкѣ.

Варенька оглянулась на Шатровскаго: онъ говорилъ совершенно спокойно. Нѣсколько секундъ они наблюдали другъ за другомъ. Характеръ менѣе-опытный не выдержалъ червый.

— Послушайте, дядя, сказала Варенька:— я не могу скрыватьсь, а теперь просто не хочу, потому-что вы можете понять что-нибудь не такъ; вы можете счесть за шутку то, что очень-серьезно. Мнѣ даже было бы обидно, еслибъ вы такъ подумали...

Шатровскій засмѣялся.

— Въ моемъ чувствѣ нѣтъ ничего забавнаго, продолжала она: — я люблю Карзанова.

— Я это знаю, душа моя, съ той минуты, какъ ты назвала его.

— Что жъ вы мнѣ скажете на это? спросила Варенька, присмирѣвъ опять предъ этимъ спокойствіемъ, въ которомъ выказывалось столько старшинства и власти.

— Я скажу, что такая хорошенькая дѣвушка, какъ ты, поступила бы непросительно, еслибъ не любила.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Я скажу тебѣ истину, противъ которой возстаютъ однѣ старыя дѣвы, которыя не увлекались, потому-что ихъ никто не хотѣлъ увлекать. Лучшее достоинство, лучший талантъ женщины — способность любить. Чѣмъ больше этой способности, тѣмъ привлекательнѣе, милѣе женщина, тѣмъ она лучше внутренно, потому-что въ ней является снисходительность, доброта, мягкость сердца, покорность. Въ истинно-любящей женщинѣ не можетъ быть ни кокетства, ни легкомыслия, потому-что прекрасное чувство, лежащее въ основаніи ея характера, не допуститъ мелочности. Но эта способность можетъ быть подавлена или развита, и всякая женщина должна стараться развить ее до безкорыстія. Любите, хотя бы васъ не любили... Не отъ всякой женщины услышишь ты эти слова, Варенька; въ нихъ совершенство, не всѣмъ доступное... Любите не изъ самолюбія, не изъ вознагражденія привязанностью за вашу привязанность; любите не для радости, а для того, чтобъ доставить счастье, отдать должное достойному,

хотя бы человекъ любимый вами и не зналъ этого, хотя бы онъ отвергалъ вашу любовь... Понимаешь ты меня?

— Понимаю, отвѣчала она, глядя ему въ глаза съ тѣмъ удивительнымъ выраженіемъ, которымъ онъ уже любовался. Такъ вы не осуждаете меня?

— Напротивъ, продолжалъ Шатровскій, увлекаясь: — я радуюсь, что ты живешь въ-пору, что въ лучшіе года жизни все — и люди, и природа, имѣютъ для тебя настоящее значеніе. Чувство, которое теперь освѣщаетъ твою душу, дѣлаетъ тебя понятнѣе и доступнѣе все остальное прекрасное. Въ ожиданіи его, ты была бы только хорошенькая нарядная кукла, и Богъ знаетъ какъ бы долго еще ждать тебя одушевленія, и какъ бы явилось оно, и явилось ли бы еще, когда свѣтъ и его причуды отняли бы у тебя твою милую, дѣтскую впечатлительность. Теперь чувство пришло въ пору, и ты живешь вполне молодостью, красотой и сердцемъ... Увѣрю тебя, если ты и страдаешь теперь — я радъ твоему страданію: оно лучше беззаботности.

— Порадуйтесь моему счастью, сказала она тихо: — я любима.

Шатровскій обнялъ ее. Варенька подняла свое раскраснѣвшее личико и сказала весело:

— О, дядя! Мало того, что вы сами мечтатель: вы еще баловникъ!.. Пойдемте скорѣе: развѣ вы не слышите какъ меня зовутъ въ роцѣ?.. Милый дядя, добрый, душка! еслибъ вы знали, какъ я васъ люблю!

Она убѣжала. Шатровскій принужденъ былъ тоже бѣжать за нею, потому-что, потерявъ ее изъ вида, не нашелъ бы дороги въ незнакомомъ огромномъ саду...

На террасѣ былъ накрытъ чайный столъ, около котораго хлопотала Настасья Петровна. На другой сторонѣ террасы Анна Дмитриевна сидѣла предъ своимъ маленькимъ столикомъ, и утомленіе, столько же нравственное, сколько физическое, выразалось на лицѣ ея.

Предъ нею сидѣлъ молодой человекъ, одѣтый просто, безъ претензій на оригинальность, простой и свободный въ движеніяхъ, которыя, казалось, были граціозны и ровны отъ природы, потому-что никакой наблюдатель не нашелъ бы въ нихъ ничего изученаго. Его лицо было пріятно, хотя не особенно-красиво, спокойно и нѣсколько-холодно, но такъ, что съ перваго взгляда можно было

рѣшить, что это сподойствіе и холодность происходятъ отъ твердости характера, а не отъ лѣни.

— Возьмите и прочтите этотъ *oustage*, мсье Карзановъ, говорила ему Анна Дмитриевна, указывая на блѣдно-голубой томикъ романа: — здѣсь такъ тонко разобрано чувство.

— Если только не преувеличено, сказалъ онъ, взглянувъ на заглавіе.

— О, нѣтъ! Можно ли преувеличить чувство, особенно чувство женщины, обманутой въ своихъ привязанностяхъ... Чтобъ понять это, надо стать на такую высоту!..

Варенька вошла.

— Подожди ко мнѣ, дитя мое, обними меня. Я оставалась одна все время. Тебя не могли найти, и я была принуждена попросить Настасью Петровну позаботиться... Ты знаешь, я не могу... Alexis! продолжала она, увидя входящаго Шатровскаго: — мсье Карзановъ, позвольте представить вамъ моего брата; онъ такъ обрадовалъ, оживилъ меня своимъ прїездомъ. Сядь здѣсь, Alexis... мсье Карзановъ!

Карзановъ, который, раскланявшись съ Шатровскимъ, хотѣлъ уйти вслѣдъ за Варенькой къ чайному столу, былъ принужденъ сѣсть опять на прежнее мѣсто. Шатровскій не могъ удержаться, чтобъ не оглянуть его съ любопытствомъ, и случилось, что Карзановъ замѣтилъ этотъ нецеремонный осмотръ. Впечатлѣнія бываютъ мгновенны. Карзанову не понравилось это любопытство и, въ видствіе того, не понравился любопытный; онъ позволялъ себѣ также смѣрять его взглядомъ, но спокойно и долго, потомъ взялъ опять книгу и обратился къ Аннѣ Дмитриевнѣ, будто желая показать, что прерванный разговоръ чрезвычайно его занимаетъ.

Шатровскій замѣтилъ это, но не потрудился подумать, что его неосторожный взглядъ вырвалъ холодную невнимательность гостя; ему только стало какъ-то досадно, и тѣмъ досаднѣе, что сердиться серьезно было не за что, а вознаграждать себя, внутренне посмѣиваясь надъ гостемъ, не находилось причины. Молодые люди наблюдали другъ за другомъ... положеніе неловкое, очень-легко переходящее въ непріязненное.

— Чему вы улыбаетесь, мсье Карзановъ? спросила Анна Дмитриевна.

— Тому, отвѣчалъ онъ, что сейчасъ же, раскрывъ эту книгу на-удачу, я нашелъ въ ней страшное преувеличеніе. Говорится объ *impression du moment*, о настроенности и расположении духа...

— О, это превосходно! прервала Анна Дмитриевна.

— Развѣ этого не бываетъ? сказалъ Шатровскій.

— Согласитесь, отвѣчалъ Карзановъ, что люди, которые дѣлаются на минуту добрее отъ какого-нибудь луча солнца, отъ какого-нибудь романа — тѣ же дѣти. Послѣ этого можно предпологать, что они позволяютъ себѣ приходить въ неистовство; если имъ не понравится обѣдъ.

— Вы сами преувеличиваете! воскликнула Анна Дмитриевна.

— Кажется, нисколько: если допускать возможность одного, почему же не допустить и другаго?

— Одно неразумно, возразилъ Шатровскій, тогда-какъ другое...

— Неразумно столько же, потому-что точно также приходить и проходить отъ пустыхъ причинъ.

— Вы не отрицаете однако... началъ Шатровскій.

— О, возможно ли осуждать это чувство! прервала Анна Дмитриевна: — мы должны быть благодарны за эти минуты, мы обязаны ловить ихъ.

— Ты совершенно права, Аннета, сказалъ Шатровскій, съ восхищеніемъ схвативъ ея фразу. — Благотворное вліяніе *неуловимаго* пробуждаетъ въ насъ чувство благодарное и непривольное. Кто можетъ измѣрить, сколько благоуханіе цвѣтка, полусвѣтъ, звукъ далекой пѣсни вызовутъ благородства, доброты, сочувствія ко всему въ душѣ нашей? Въ эти чудныя мгновенія, когда мы забываемся и хотѣли бы любить весь міръ, готовы на добро, готовы высказаться...

— Но чувствуется ли то, что говорится? спросилъ Карзановъ.

Замѣчаніе показалось Шатровскому рѣзкимъ, и въ первую минуту онъ не могъ отвѣчать.

— Вы не врете, что въ эти минуты чувство искренно? воскричала Анна Дмитриевна.

— Въ эти минуты это не чувство, а нервное раздраженіе...

— Оно благодарно, возразилъ Шатровскій.

— Для кого же? Для міра? (Карзановъ улыбнулся при этомъ словѣ). Для міра нельзя успѣть ничего сдѣлать въ нѣсколько минутъ; для другихъ добро, сдѣланное отъ нервного раздраженія, не имѣетъ и половины своего достоинства, и кромѣ того, можетъ быть сдѣлано не впадать; а для себя... восторгъ пройдетъ, и мечтатель не припомнитъ ничего, даже своихъ мечтаній.

— А! вы поклонникъ холоднаго разсудка, сказалъ Шатровскій.

— Если ужъ выбирать крайности — да.

— Следовательно, вы не позволите себя увлекаться?

— Увлечение слово очень-обширное. Конечно, не позволю, когда буду заранее знать, что мое увлечение вызвано пустяками и вмѣстѣ съ ними пройдетъ.

— Стало-быть, вы можете во всемъ отвѣчать за себя?

— Это было бы слишкомъ-самонадѣянно; я говорю только о расположеніи духа, объ *impression du moment*, съ котораго начался разговоръ.

— Одно заставляетъ предполагать другое, какъ вы сами же сказали, возразилъ Шатровскій. — Если вы такой самовластный господинъ своихъ собственныхъ увлеченій, то также точно можете управлять всей своей жизнью, всеми поступками, распоряжаться своими привязанностями, убѣжденіями...

— Мнѣ кажется, это нисколько не одно и то же, отвѣчалъ Карзановъ: — тутъ столько же разницы, сколько между капризомъ и разумной волей, между словомъ отъ души и фразой.

— Слово «фраза» тоже очень-обширно, сказалъ Шатровскій. — Оно иногда странно приливается. Когда вы увлечены своимъ предметомъ, вы невольно выражаете его въ словахъ, неупотребляемыхъ въ ежедневномъ разговорѣ; вы отыскиваете сравненія, чтобъ лучше объясниться; часто эти сравненія являются невольно, эпизоды приходятъ сами собою, рѣчь дѣлается цвѣтиста и летитъ быстро; вы одушевляетесь и невольно говорите гладкими, блестящими фразами... Вотъ когда сильно впечатлѣніе минуты! Все шевелить и возбуждаетъ вдохновеніе; что-то, какъ въперъ, пробѣгаетъ по струнамъ души—и онѣ звучать! Душа любитъ то, чего не любила за минуту, готова вторить всякому чувству, которое выражается предъ нею, хотя бы даже и не подозрѣвала въ себѣ этого чувства. Самая мысль приходитъ невольно: по мѣрѣ того, какъ вы говорите, вы начинаете понимать то, чего не понимали. Убѣжденіе, совершенно-чуждое вамъ, убѣжденіе, которое вы за словомъ взяли доказать и развить, теперь вамъ близко; оно ваше, оно принадлежитъ вамъ, и вы принадлежите ему — вы нераздѣльны...

— Это называется разговариваться до самозабвенія, сказалъ Карзановъ, улыбаясь.

— Мнѣ хотѣлось бы знать, въ какомъ смыслѣ вы принимаете это слово? спросилъ Шатровскій, прерванный неожиданно и обидясь.

— Пожалуй, хоть въ смыслѣ импровизаціи, отвѣчалъ Карзановъ.

— Что это значитъ?

— Импровизаторъ не знаетъ заранее, сколько и на какой предметъ онъ долженъ призвать вдохновеніе; фразёръ при началѣ разговора не узнаетъ, куда онъ бросится съ своей фразой, или куда она его броситъ. Какъ тотъ, такъ и другой позабудутъ все, что сказали; но импровизаторъ сойдетъ съ своихъ подмостокъ спокойно, а фразёръ не всегда можетъ поручиться, что его вдохновенныя рѣчи не поставили его неловко и странно въ-отношеніи къ слушателямъ.

— О, вы ужъ касаетесь положительныхъ сторонъ жизни! сказала Анна Дмитриевна.

— Безъ этого нельзя, возразилъ Карзановъ: — и эти-то стороны жизни всегда очень-затруднительны для фразёра... Впрочемъ, что жь? прибавилъ онъ смѣясь и вставая: — у него и тутъ останется отговорка: сказалъ, что было «вдохновеніе минуты», происшедшее отъ «впечатлѣнія минуты» — и дѣло кончено.

Онъ взялъ свою чашку съ чаемъ и пошелъ къ чайному столу.

— Вы не въ духъ сегодня, сказала ему Настасья Петровна.

— Вы хотите продолжать тотъ же разговоръ? отвѣчалъ онъ. Недовольно ли?.. Сегодня я и озабоченъ и огорченъ.

— Чтò съ вами?

— Я получилъ письмо и долженъ вхатъ. Вы знаете, что я не расстаюсь съ матерью; нынѣшнимъ лѣтомъ я пріѣхалъ сюда раньше ея и ждалъ ее на дняхъ. Она пишетъ, что больна, и проситъ меня возвратиться.

— Такъ вы уѣдете? спросила Варенька.

— Я и самъ не знаю! отвѣчалъ онъ.

Анна Дмитриевна между-тѣмъ говорила брату:

— Ты не можешь вообразить, какъ меня оживляетъ подобный разговоръ. Я вспоминаю, что могу мыслить, слѣдовательно, существовать; и притомъ наслажденіе слышать тебя, видѣть твое превосходство...

— Полно, чтò за превосходство... надъ кѣмъ? сказалъ Шатровскій, раздосадованный и довольно-неосторожно оглядываясь на Карзанова.

Вагляды ихъ встрѣтились опять, и Шатровскій невольно отвернулся. Карзановъ не сказалъ ни слова.

Вошелъ Николай Петровичъ и съ нимъ маленькій старичокъ, съдой, кругленькій и очень-живой; его смѣхъ былъ слышенъ еще прежде, нежели онъ вошелъ, а войдя, онъ поклонился Аннѣ Дмит-

ривнѣ, едва не танцуетъ. Она не шевельнула головою и только слегка покачнулась въ креслахъ.

— Поздравь Петра Иваныча, другъ мой, сказалъ Николай Невровичъ женѣ: — онъ наконецъ устроилъ свое дѣло.

— Очень-рада... отвѣчала Анна Дмитріевна, вдругъ и съ утѣшеніемъ отворачиваясь отъ старичка къ брату: — Alexis, ты здѣсь?

— Вы вообразите, какими необыкновеннымъ манеромъ!.. началъ старичокъ: — Яду я сегодня...

Ему пышала продолжать чай, который ему подали.

— На чистомъ воздухѣ! вотъ наслажденіе!..

— Да вы скажите, какъ запродали деревню.

— А вотъ, извольте. Яду я сегодня... Матушка барышня! вскричалъ онъ вскакивая предъ Варенькой, которая подавалъ ему сухари: — что вы беззастѣнчивы! Позвольте же вашу ручку. Merci, mademoiselle! заключилъ онъ, поцаловавъ руку Вареньки. — Мы, городскіе жители, иначе не объясняемся, какъ на иностранномъ языкѣ...

— Il me donna le vertige, se vieux, сказала Анна Дмитріевна съ отчаяніемъ Шатровскому.

— Кто это? спросилъ онъ тихо.

— Видишь, помѣщикъ! отвѣчала она, не стараясь понизить голосъ. — Фамилія... что-то въ родѣ Доменикино... почему я знаю!

— Домниковъ-съ Петръ Ивановичъ, сказалъ старикъ Шатровскому. — А это, сударыня, конечно, братецъ вашъ?

— Мой братъ, отвѣчала Анна Дмитріевна.

— Позвольте познакомиться, продолжалъ старикъ. — Прошу любить. Васъ здѣсь ждали не дождались...

Или Шатровскому было особенно-покойно сидѣть, или неучтивость сестры была заразительна — онъ едва приподнялся на поклонъ старика. Но, поднимая глаза, онъ увидѣлъ, что Карзановъ смотритъ на него съ холодной, невыносимо-учливой насмѣшкой. Шатровскій смутился и разсердился. Карзановъ сказалъ:

— Не слишкомъ ли вы поспѣшили съ вашей продажей, Петръ Иванычъ?

— Нѣтъ-съ, это дѣло вѣрное. Вы послушайте, какая исторія, продолжалъ Домниковъ, обращаясь къ Аннѣ Дмитріевнѣ. — Яду я сегодня вотъ къ нимъ (онъ указалъ на Карзанова), думаю себѣ... надобно мнѣ деревня! Яду мимо поля съ гречихой — не гдѣдѣть бы, право... Вижу, подлѣ лѣска, за оврагомъ стоятъ дрожки-долгуши... линейка... аарьеннъ, заключилъ старикъ, улыбувшись

Шатровскому. — Нарядно что-то. Пришлихъ два человека, по-охотничьему. Спрашиваю: чьи? — «Леонида Васильича Юрина». — Батюшки, да я его еще воть-этакимъ зналъ! Какимъ случаемъ здѣсь? Говорить, прѣехалъ на лѣто, а теперь охотиться изволить съ ружьемъ. И слышу я, въ-самомъ-дѣлѣ, въ лѣсу пистъ-пасть то-и-дѣло: Я тутъ постоялъ, поговорилъ съ людьми немного, и мысль мнѣ пришла, думаю: Леонида Васильича село Избищи; а у меня въ селцѣ Малыя-Избищи земля съ нимъ межа съ межей — кому же лучше пріобрѣсть, какъ не ему? Крестьянъ переселить къ себѣ, земля соединится, а мой домъ ему, въ концѣ выгона, такъ будетъ... пье-д-а-теръ небольшой, послѣ охоты, напримѣръ. Прекрасно! Думаю, я его и батюшку покойнаго зналъ... Сажусь на свои дрожки, ступай въ лѣсъ! по бугоркамъ по кочкамъ...

— Но вы видѣли наконецъ Юрина? спросила Анна Дмитріевна, которая не только не потеряла терпѣнія, но начинала принимать участіе въ разсказѣ.

— Видѣлъ-съ; какъ же! Вы позвольте... Онъ вышелъ къ намъ; я его тотчасъ узналъ: такое сходство съ батюшкой! Отлично это на немъ, все, знаете, охотничье, и сумка; собака тутъ. Я называю себя — не узналъ. Ну, потомъ обошлись; приглашаетъ къ себѣ отобѣдать. Я ему говорю: «Леонидъ Васильичъ, я люблю безъ еволичностей, воть такъ и такъ; вамъ покупна не въ затрудненіе, (послушайте, тысяча душъ у человека!) купите...» Онъ расхохотался. — «Проказникъ вы, Петръ Ивановичъ!» говорить.

— Онъ хорошо живетъ? спросила Анна Дмитріевна.

— Помилуйте, матушка, какъ не жить? Домъ — чаша полная; еще все это отъ ихъ батюшки: вѣдь одинъ сынъ былъ...

— Зачѣмъ же онъ сюда прѣехалъ? сказала Анна Дмитріевна.

— Не-уже-ли такъ, дорогою и рѣшили? спросилъ Николай Петровичъ.

— За обѣдомъ рѣшили. По рукамъ, я говорю, Леонидъ Васильичъ; вы мнѣ дайте за мой клочокъ двѣ тысячи цѣлковыхъ — и Богъ съ вами, владѣйте. Онъ хохочетъ; «очень-радъ, говорить, неглядя». Нѣтъ, я говорю, я люблю дѣло чисто дѣлать; вы посмотрите: вамъ недалеко, съ ружьемъ да съ Риголеткой вашей дойдете до моей усадьбы... Такой любезный, право. Завтра мы съ нимъ въ городъ, и купчую совершимъ. Такъ-то-съ! И я съ завтрашняго дня ужъ вольный человекъ; полно десятины мѣрять!

— И деньги тотчасъ? спросилъ Николай Петровичъ.

— Да я думаю ужъ тотчасъ, чистенькими, отвѣчалъ, смѣясь,

старичокъ. — Канителигъ своей небольшой помѣщью какъ-нибудь — и съ Богомъ... много ли мнѣ нужно-то?

— И вы уйдете отсюда? спросила Варенька: — и вамъ не жалко здѣсь все оставить?

— Красавица моя! вскричалъ онъ: — васъ жалко... вотъ, добрыхъ людей. И, признаваясь, какъ уже совсѣмъ мы поладили, поскребло у меня на сердцѣ... Домишко мой... Подумаешь, право, глупость какая: воробьевъ своихъ жалко станеть!

Анна Дмитріевна разсмѣялась.

— Можно еще и передумать: время не ушло, сказалъ Карзановъ.

— Нѣтъ-съ, я ужъ давно рѣшился. Ну, что вы хотите, плетни эти, солома, надобны; а какъ еще зимой начнетъ завывать въ ставни....

Шатровский разсмѣялся тоже.

— Ваши совѣты не дѣйствуютъ, сказалъ онъ Карзанову.

— Вы не узнали, зачѣмъ здѣсь Юринъ и долго ли пробудеть? спросила Анна Дмитріевна.

— Какъ же-съ, узналъ! Межеванье здѣсь идетъ, изволите знать, и по его дачѣ. Управляющимъ своимъ онъ былъ недоволенъ: неисправно высылалъ онъ ему оброкъ, такъ Леонидъ Васильичъ его смѣнилъ, приказалъ всѣмъ завѣдывать бурмистру; ну, а тутъ дѣла...

— Самъ-то онъ понимаетъ ли что-нибудь въ дѣлахъ? сказалъ Николай Петровичъ съ сомнѣніемъ, которое, казалось, было не въ его характерѣ.

— Ну, и самъ немного! отвѣчалъ, смѣясь, старичокъ. — Гдѣ молодому человеку, столичному!.. Случаетъ здѣсь. Къ Москвѣ, говорить, привыкъ. Известно, столица...

— Да, столица! продолжалъ Николай Петровичъ нѣсколько-задумчиво. Видите, управляющій неисправно высылалъ ему оброкъ! Старикъ служилъ отцу лѣтъ двадцать, да и сыну... Спросили оъ меня... Неисправенъ! Знаете ли, батюшка Петръ Ивановичъ, что ему, этому Юрину, онъ переслалъ въ послѣдніе полтора года? Куда все дѣвалось!

— Никакой снисходительности къ молодымъ чувствамъ! прошептала Анна Дмитріевна, выразительно показавъ брату на мужа.

— Еще будетъ время, остепенится, сказалъ Домниковъ.

— Придется? прервалъ Николай Петровичъ: — какъ его покойный батюшка. Тотъ бытъ скрыта и какъ нажилъ, Богъ его знаетъ, какими способами... всякими!

— Да... сказать, вадокнувъ, Домниковъ.

— Вотъ не лежала у меня душа къ этому челоуьку, продолжалъ Николай Петровичъ. Кажется, и близкіе сосѣди были, а не были знакомы : какъ-будто, что отталкивало съ нимъ сойдтись.

— Да; вѣдь вы къ нему не ѣздили.

— И онъ ко мнѣ не ѣздилъ. Кажется, странно : какъ въ деревнѣ, въ какихъ-нибудь десяти верстахъ, прожить лѣтъ двадцать и другъ къ другу ни ногой...

— Очень-неумудрено, возразила Анна Дмитріевна : — покойный Юринъ нѣсколько разъ искалъ сблизиться, но ты не только не хотѣлъ, ты даже дѣлалъ ему неприятности.

— Слышите! Я тогда предводителемъ былъ; моя обязанность...

— Я слышу, прервала Анна Дмитріевна покорно, но съ достоинствомъ, потому-что мужъ немного возвысилъ голосъ при своемъ возраженіи.

Николай Петровичъ слегка покраснѣлъ и глотнулъ чаю.

— Ты не усталъ, Alexis? спросила Анна Дмитріевна : — пройдемся немного ; я только теперь въ состояніи выходить.

Она оперлась на руку брата и начала тихо спускаться съ лѣстницы.

— Пойдемте вмѣстѣ, станемъ ходить въ цвѣтникъ около дома, сказалъ Карзановъ Варенькѣ, когда ушла Анна Дмитріевна.

На террасѣ остались Николай Петровичъ, Домниковъ у маленькаго столика Анны Дмитріевны, гдѣ они расположились покойнѣе въ ея отсутствіе, и Настасья Петровна, которая, кончивъ свои заботы съ чаемъ, устала у рѣшетки и отдыхала. Дѣти, въ сопровожденіи гувернѣра, сошли въ садъ, догнали въ аллеѣ мать и, пожелавъ ей bonne nuit и шаркнувъ предъ Шатровскимъ, воротились въ домъ. Становилось темно; вдали лежала тучка, обѣщая грозу къ утру....

IV.

Нѣсколько минутъ молодые люди шли молча.

— Вы увидите? спросила Варенька.

— Должно ѣхать, отвѣчалъ Карзановъ.

— Надолго? совсѣмъ?..

— Не-уже-ли вамъ не говорятъ ни слова, ничего рѣшительнаго?

— Ничего.

— Я не могу ухватить безъ рѣшительнаго отвѣта. Перескажите мнѣ еще разъ, что вамъ сказала Анна Дмитріевна, когда вы открылись ей.

— Она выслушала сѣясь, отвѣчала Варенька. Я спросила: что прикажете она отвѣчать вамъ? «Ничего», сказала она: — «вы любите другъ друга — этимъ все сказано». — Отецъ повторялъ: «Слава Богу, это прекраснѣйшій молодой человекъ». — Я бросилась ему на шею и просила позволить вамъ съ нами объясниться. «Къ-чему спѣшить?» сказала маменька: «еще успѣеть....»

— И съ-тѣхъ-поръ цѣлый мѣсяцъ ни одного слова! вскричалъ Карзановъ. — Сказали ли вамъ по-крайней-мѣрѣ причину, почему мнѣ велятъ молчать?

— Никакой. Я нѣсколько разъ начинала, но меня не слушали; меня прерывали посторонними вещами, такъ-что продолжать было невозможно.

— Нестерпимое положеніе! сказалъ молодой человекъ.

— Подождемъ... сказала тихо Варенька.

— Это мы повторяемъ цѣлый мѣсяцъ, отвѣчалъ онъ съ нетерпѣніемъ. — Простите меня, но мнѣ тяжело, нежели вамъ... Мнѣ обидно. Ваши родные для меня посторонніе. Зная, чего я хочу, заставляя меня ждать, они ставятъ меня въ очень-неловкое положеніе. Какъ, наконецъ, долженъ я держать себя съ ними и съ вами?.. Самъ я не смѣю заговорить, чтобъ не было хуже...

— Мнѣ пришла мысль, сказала Варенька: — вы видѣли моего дядю?

Карзановъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Вы хотите выбрать его своимъ повѣреннымъ? прервалъ онъ. Нѣтъ, прошу васъ!

— Онъ такъ добръ...

— Вы его знаете только съ нынѣшняго утра.

— Вы сами узнаете его короче и сойдется съ нимъ.

— Не думаю, возразилъ Карзановъ: — мы не сойдемся; я не чувствую къ этому никакой охоты.

— Антипатія? спросила Варенька ласково и шутя, какъ это дѣлаютъ дядюга, чтобъ заставить уступить просьбѣ.

— Вы знаете, что я не признаю антипатіи, отвѣчалъ серьезно Карзановъ: — то-есть отвращенія безотчетнаго, бездоказательнаго. Но когда у меня при первомъ свиданіи душа не лежитъ къ человеку, я увѣренъ, что впоследствии найду, что меня отталкивало отъ него... какой-нибудь недостатокъ, какое-нибудь несходство въ понятіяхъ — словомъ, что-нибудь, чего теперь я еще не вижу ясно, а только предчувствую... Это со мной не разъ бывало.

— И это самое вы испытываете теперь?

— Да, отвѣчала Карзановъ, не замѣчая небольшого упрека въ ея вопросъ. — Вашъ дядя мнѣ не понравится. Онъ такъ много, такъ легко говорить... мнѣ и безъ того тяжело на сердце, а онъ еще навелъ на меня скуку.

Нѣсколько минутъ оба молчали. Только люди истинно-любящіе другъ друга умѣютъ, не сходясь во мнѣніяхъ, не оскорблять своимъ молчаніемъ и не оскорбляться молчаніемъ другаго.

— Оставимъ его въ покоѣ, милый другъ мой, сказала Карзановъ. Къ-чему намъ посторонніе? развѣ мы недовольно-сильны нашей любовью? И не лучше ли, когда мы одни живемъ и дѣйствуемъ другъ для друга?

— Правда, сказала она.

— Завтра я приѣду... Но, Боже мой, завтра надо ѣхать!

Варенька подумала одну минуту.

— Я не смѣю просить васъ остаться, сказала она: — но можно ли подождать до завтра?.. я потребую, чтобъ маменька сказала мнѣ что-нибудь рѣшительное.

— Добрая, милая Варенька! благодарю васъ...

— Нѣ за что, отвѣчала она, отдавая ему свою руку. У меня достанетъ твердости... Нѣтъ, я напрасно называю это твердостью; я буду просить о своемъ счастьи: я такъ въ немъ увѣрена! Вы знаете, еслибъ я любила васъ только за то, что вы меня любите... но вы такъ добры, такъ благородны, я такъ горда тѣмъ, что вы меня выбрали! Скажите, будетъ ли меня любить ваша матушка? стѣю ли я того?

Карзановъ не могъ отвѣчать. Варенька улыбалась его взгляду...

— Нѣтъ, сказала она: — я не должна васъ удерживать: вамъ дорогъ каждый часъ. Я буду говорить съ маменькой сегодня, поздно... дождитесь меня у моей скамейки — знаете?

— Тамъ, гдѣ я васъ вижу всякій день издали?

— Да... я прибѣгу сказать вамъ, можетъ-быть, позвать васъ...

— О, Варенька!

— А въ ночь вы увидите къ вашей матушкѣ... Ступайте теперь; пора! сказала она, вставая.

Они возвратились на террасу. Николай Петровичъ и Домниковъ сидѣли молча, какъ люди, утомленные днемъ, тоскующіе о покоѣ.

— Гдѣ мать? спросилъ Николай Петровичъ Вареньку.

— Мы не встрѣчали ея, отвѣчала она.

— Спать бы пора, прибавилъ онъ, зѣвнувъ : — двѣнадцатый часъ; ужь вовсе не подеревенски.

— А воздухъ теперь какой, природа!.. сказалъ Доминиковъ.

— Какая тамъ природа! темно — глазъ выколи.

— И намъ съ вами ко двору пора, Михаилъ Семеновичъ, сказалъ старикъ Карзанову. Вы меня ужь у себя приютите : поздно.

— Повдѣмте, отвѣчалъ молодой человекъ.

Они простились и ушли оба; вскорѣ вдали прогремѣли ихъ дрожки.

Анна Дмитріевна появилась на лѣстницѣ, все опираясь на руку Шатровскаго.

— О-охъ, ужинать бы, да спать! сказалъ Николай Петровичъ.

— Кто жь тебя мѣшаетъ? возразила Анна Дмитріевна. — Войдемъ въ комнаты, Alexis; сыро.

— А до-сихъ-поръ прогуливалась! замѣтилъ мужъ : — еще за-неможешь, Боже сохрани! Чтò на тебя надѣто?

— Какая заботливость! сказала она. — Варенька, вели дать ужинать.

Она прошла въ гостиную, освѣщенную какъ для приѣма гостей, и усѣлась на мягкомъ диванчикѣ, приглашая брата сдѣлать то же.

— Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ отдохнуть, вотъ такъ, сказала она : — свѣжо и тепло. Въ человекѣ пробуждается какое-то желаніе самаго положительнаго довольства. Ты не находишь?

— Я нахожу, что у тебя прекрасный домъ и что вообще вы очень-хорошо живете.

— Наю же чѣмъ-нибудь вознаградить себя, возразила Анна Дмитріевна : — теперь ты довольно знаешь мою жизнь : я въ-правѣ требовать отъ нея хоть матеріальныхъ наградъ...

— Покойной ночи, сказала, проходя, Настасья Петровна.

— Скажи мнѣ... *Faisons un peu de philosophie*, Alexis, продолжала Анна Дмитріевна. — Вотъ особа. Я всегда удивляюсь, для чего онъ существуетъ? «Здравствуйте» поутру, «прощайте» вечеромъ—и ничего между этими двумя словами! ничего для другихъ, для себя! незанятые дни, ненужная жизнь...

— Да, неприятное положеніе, сказалъ разсѣянно Шатровский.

— Чье? спросила Анна Дмитріевна, сильно занятая своей философией.

— Положеніе существа ненужнаго.

— Я думаю, скорѣе можно пожалѣть о тѣхъ, кто живетъ съ

этимъ ненужнымъ существомъ. Повѣрь мнѣ, ненужные люди все-равно, что сорные растенія : имъ нѣтъ дѣла, что они безобразятъ то, къ чему прививаются; они спокойно разстилаются и процвѣтаютъ... Но каково зданію, къ которому привились они !..

Анна Дмитріевна прислонилась головой къ диванчику и закрыла глаза ; казалось, предъ ними олицетворялась ея метафора и выросли громадныя кусты цылыни, репейника и прочаго... Помолчавъ съ минуту, она засмѣялась.

— Замѣтилъ ты, какъ она отыскивала шапку этому старичку? Какъ я умѣю отгадывать эти движенія ! Любезничать хоть съ кѣм-нибудь, понравиться хоть кому-нибудь !

— Истинно-женское чувство, проговорилъ Шатровскій, которому дремалось.

— Благодарю васъ за это чувство ! Что можетъ быть смѣшнѣе? Конечно, судьба меня избавила отъ наказанія быть старой дѣвой; но я увѣрена, еслибы это и случилось со мною, у меня достало бы ума, чтобъ не быть смѣшной...

— Ты — другое дѣло.

— Дѣ, потому-что у меня характеръ, веселитате... Я жила мыслью и душой...

— Алексѣй Дмитричъ, батюшка! закричалъ Николай Петровичъ, являясь въ дверяхъ залы съ тарелкой въ рукахъ : — что вы не ужинаете? Какой творогъ, какія сливки !

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Шатровскій, порываясь встать.

— Mais, geste donc, сказала Анна Дмитріевна, удерживая его. — Николаю Петровичу только бы ѣсть! Нѣтъ возможности пробыть двухъ минутъ на свободѣ, поговорить о чемъ-нибудь дѣльному... Вѣришь ли, продолжала она, погружаясь въ диванчикъ : — это меня возмущаетъ такъ, что я терлю всякое соображеніе, я становлюсь деревомъ... О, судьба !.. Размышлялъ ли ты когда-нибудь, Alexis, какъ насъ бросаетъ судьба? чѣмъ бы мы могли быть и чѣмъ мы стали...

Варенька вошла.

— Маменька, мнѣ надо сказать вамъ что-то.

Анна Дмитріевна слегка нахмурила брови.

— Что такое? Скажи.

— Не теперь ; когда мы будемъ однѣ.

Шатровскій всталъ.

— Ты прогоняешь дядю ; что за тайны ?

— Желаю вамъ пріятнаго сна! сказалъ, входя, Николай Пе-

тровичъ. — Хорошо сдѣлали, что остались ночевать, Алексѣй Дмитричъ: гроза собирается. Завтра я васъ подниму рано: покажу вамъ хозяйство...

— Bon soir, Alexis, сказала Анна Дмитриевна, поднимаясь съ диванчика. — Сегодня я не расположена тебя слушать, сказала она Варенькѣ.

— Умоляю васъ не откладывать... произнесла Варенька дрожащимъ голосомъ, входя за нею.

Въ уборной Анны Дмитриевны ярко горѣли свѣчи въ двухъ высокихъ канделябрахъ и блестяло множество туалетныхъ принадлежностей самыхъ модныхъ и изысканныхъ. Сама она, закутавшись въ вышитый пеньюаръ, сидѣла предъ зеркаломъ, и сильно-дремлющая горничная расчесывала ей волосы. Это совершалось весьма-медленно, и молчаніе нарушалось только маленькими возгласами Анны Дмитриевны, когда неосторожный взмахъ гребенки неприятно прерывалъ ея раздумье.

Варенька сидѣла на открытомъ окнѣ и глядѣла въ садъ. Были послѣдніе часы темной лѣтней ночи. Прудъ былъ въ дали, черныя массы деревьевъ подъ окномъ шелестили вѣтками, когда по нимъ пробѣгалъ вѣтеръ, налетая изъ-подъ тучи. Туча поднималась медленно. На сердцѣ у молодой дѣвушки было тяжело и страшно...

Это была первая рѣшительная минута въ ея жизни, первое обстоятельство, возмутившее рядъ спокойныхъ дней, гдѣ первыя впечатлѣнія молодости еще перемѣшивались съ впечатлѣніями дѣтства, гдѣ воспоминаніе перваго смущенія любви стояло рядомъ съ воспоминаніемъ о дурно-выученномъ урокѣ. Молодая душа, пораженная несходствомъ своихъ новыхъ ощущеній со всѣмъ тѣмъ, что испытывала прежде, придавала имъ особенную важность, благоговѣла предъ тѣмъ, что совершалось съ нею. Для нея еще не настала та грустная пора, когда, уставъ отъ волненій, привыкши къ чувствамъ и къ ихъ перемѣнамъ, предугадывая заранѣе эти перемѣны, видя конецъ всего, потому-что видишь конецъ молодости, когда-то казавшейся намъ безконечною — мы спокойны предъ всякимъ рѣшеніемъ, предъ всякой бѣдой, предъ всякой утратой; мы не плачемъ, не волнуемся, потому-что волненія — только лишнее безпокойство; покоряемся, потому-что давно поняли бесполезность борьбы... Но молодость, чувствуя, что у нея въ запасѣ много силъ, тратитъ ихъ съ жаромъ и охотно;

какъ мотъ, преувеличиваетъ она необходимость, лишь бы больше тратить ; удивляется, если обстоятельства являются такъ несложны. Люди поступаютъ такъ просто, что и ей не для чего геройствовать и волноваться... Прелестное заблужденіе, часто вырывающее улыбку, еще чаще сожалѣніе о томъ, что оно невозвратно!..

Въ полчаса, пока продолжался вечерній туалетъ Анны Дмитриевны, Варенька повторила себѣ нѣсколько разъ все, что собиралась сказать, приготовила всѣ отвѣты, всѣ возраженія, на случай, еслибъ они были нужны. Она рассчитывала, что Карзановъ долженъ уже возвратиться, потому-что до его деревни не было и версты, что онъ дожидается... Его могутъ увидѣть. «Я назначила ему свиданіе!» думала Варенька со страхомъ, съ смущеніемъ, которое почти лишало ее силъ. Но что будетъ завтра, если у нея не достанетъ силъ переговорить съ матерью? Опять тѣ же ожиданія, та же неизвѣстность... лучше все разомъ кончить!

Пришедши въ свою уборную, нѣсколько-раздраженная и взволнованная, Анна Дмитриевна, закутавшись въ пеньюаръ, ощутила какое-то удовольствіе покоя ; теплота, свѣтъ и тишина этой надушенной комнаты благотворно подѣйствовали на ея нервы и расположеніе духа. Анна Дмитриевна погрузилась въ раздумье и, немного повернувъ голову, спросила, будто сквозь сонъ :

— Tu est là, mon enfant?

Эти слова заставили Вареньку встрепенуться; она встала съ окна и удержалась за него : ей показалось, что полъ пошатнулся.

— Поди ко мнѣ, продолжала Анна Дмитриевна : — сядь здѣсь.

Она указала на подушку, лежавшую у нея подъ ногами. Варенька стала на колѣни и обняла мать, чтобъ скрыть свои заплаканные глаза ; впрочемъ, хотя Анна Дмитриевна и принялась поправлять ея волосы съ самымъ граціознымъ движеніемъ, полнымъ утомленія, но не замѣтила слезъ дочери.

— Ты мечтала тамъ, у окна. Тебѣ семнадцать лѣтъ... Счастливица ! мечтай !.. Я мечтала тоже и, къ-счастью, не забыла этого. Твоя мать не строгая, черствая старуха, а женщина вполне-готовая сочувствовать... Тебѣ должны быть дороги эти минуты. Это единственный часъ, который мы можемъ проводить на-единѣ...

— Дà, мамà ; потому-то я и хотѣла теперь сказать вамъ...

— Тебя что-то тревожитъ ? Понимаю, дитя мое ! Бываютъ эти движенія, душа стремится куда-то, чего-то просить... безконечность !..

— Мамà, послушайте : сегодня вечеромъ...

— Не правда ли, хорошенькое имя: Леонидъ? Есть имена, которыя необыкновенно-сладко звучать и хочется повторять ихъ, повторять безпрестанно... Ты не находишь?

— Нѣтъ...

— Какъ-будто какое-нибудь далекое воспоминаніе, воспоминаніе чего-то существовавшего прежде насъ, приносится къ намъ съ этими именами... Это одно изъ такихъ именъ. Что-то героическое, прекрасное, какъ тѣ древніе мраморы, которыми мы вѣчно удивляемся...

— Маменька, прервала Варенька, вставая: — я хотѣла говорить вамъ о себѣ, о томъ, что для меня очень-важно, вы знаете...

— Что такое?

— Ради Бога, скажите Карзанову что-нибудь рѣшительное!

Она залилась слезами. Анна Дмитриевна улыбнулась и протянула ей руки.

— Маменька, я въ ужасномъ положеніи отъ этой неизвестности. Вы не запретили ему бывать у насъ, следовательно, не отказали ему; но вы не хотите, чтобъ онъ говорилъ прямо съ вами, вы велѣли ему ждать... и этому прошелъ целый мѣсяць...

— И твой поклонникъ выходитъ изъ терпѣнія?

— Скажите, что я для него, посторонняя дѣвушка, или невеста? Какъ я должна обходиться съ нимъ?

— Ты такъ хорошо воспитана, что найдешься во всякомъ случаѣ.

— Нѣтъ, я очень-несчастлива, потому-что...

— Потому-что ты дитя. О, какъ я вижу себя въ тебѣ! Я счастлива, какъ мать; теперь я понимаю все значеніе матери, когда дѣти становятся нашимъ отраженіемъ, повтореніемъ нашимъ на землѣ!..

Она обняла Вареньку съ восторженнымъ чувствомъ.

— Маменька, что вамъ не нравится въ немъ? Вы находили, что онъ хорошо образованъ, что его характеръ и состояніе...

— Дитя мое, для чего ты такъ торопишься меня оставить?

— Не упрекайте меня, вскричала Варенька со словами: — вы знаете, что я васъ люблю...

— Но готова промѣнять меня... на кого?

— Боже мой, я этого не заслужила!

— Да, конечно, сказала Анна Дмитриевна съ восторженной покорностью: — долгъ матери — вѣчное самоотверженіе!

Въ ея глазахъ, поднятыхъ къ небу, показались слезы.

— Я прошу васъ объ одномъ, продолжала Варенька, призвавъ все свое мужество: — скажите мнѣ: *да* или *нѣтъ*; прикажите мнѣ разстаться съ нимъ навсегда, или сдѣлайте мое счастье...

— Точно ли твое счастье, Варенька?

— Точно мое счастье, потому-что я люблю его.

— Увѣрена ли ты, что его любишь?

Варенька взглянула на нее съ недоумѣніемъ. На лицѣ Анны Дмитріевны бродила улыбка веселая, лукавая и снисходительная; улыбка, съ какою смотрять на шалости дѣтей, выговаривая за нихъ, или извиняя ихъ.

— Не спѣши говорить, что ты не можешь жить безъ него, продолжала Анна Дмитріевна.—Когда-нибудь я открою тебѣ всѣ тайны *этого* сердца... ты увидишь, что все проходить.

— Но онъ любить меня...

— Онъ!.. А что онъ для меня? Онъ чужой пришлецъ, который хочетъ отнять у матери ея сокровище, ея гордость... О, это сокровище стѣбитъ того, чтобъ его дожидались и заслуживали!.. Карзановъ можетъ подождать.

— До которыхъ поръ? спросила Варенька, блѣднѣя.

— До-тѣхъ-поръ, пока я, мать, увѣрюсь, что сердце моей дочери точно любить *его*, что эта любовь не первый порывъ молодости, не первая мечта...

— Маменька, вы хотите заставить меня сказать, что я люблю его больше, нежели...

— Довольно! не спѣши говорить опрометчивыя слова.

— Но ему необходимо знать ваше рѣшеніе непременно сегодня, теперь...

— Теперь болѣе, нежели когда-нибудь, я ничего не скажу ему. Помни мои слова: «теперь болѣе, нежели когда-нибудь».

— Почему?

— Почему? повторила Анна Дмитріевна съ невыразимой улыбкой: — потому-что... моя Варенька мечтаетъ, глядя въ окно въ темную ночь, потому-что душа ея ищетъ лучшаго... А если онъ не хочетъ ждать, скажи ему — *нѣтъ*. Я беру на себя твое первое горе: я тебя утѣшу.

Варенька рыдала. Не замѣчая, или не желая замѣтить этого, Анна Дмитріевна поднялась съ кресель; ея волосы были уже причесаны и подобраны подъ выпитый чепецъ. Горничная дожидалась, прислонясь къ драпированной двери.

— Прощай, дитя мое.. Пусть тебѣ снятся счастье, мечты, золотые сны...

— Что жъ мнѣ сказать ему, маменька?

— Чтобъ онъ не зналъ моего дома, если намѣренъ докучать мнѣ своей настойчивостью! вскричала съ нетерпѣніемъ Анна Дмитриевна, смотрясь въ зеркало и оправляя свой чепецъ.

Варенька остановилась и безсознательно оглянулась кругомъ. Нѣсколько секундъ обѣ молчали.

— Покойной ночи, маменька, сказала она голосомъ, который былъ такъ рѣзокъ и твердъ, что въ немъ было легко отгадать отчаяніе.

— Я ужъ простилась съ тобою! отвѣчала, не оборачиваясь, Анна Дмитриевна.

Варенька вышла.

Дойдя до гостиной, въ потьмахъ, она была готова броситься на первое кресло и плакать, но вспомнила, что надо сберечь свои силы еще на нѣсколько минутъ. Она была такъ огорчена, что уже не думала о томъ, что поступаетъ нехорошо: идетъ на свиданіе... Варенька растворила балконъ, сошла съ террасы и побѣжала къ пруду; она оглянулась только на окна дома: въ нихъ ужъ не было свѣта.

Было темно, а до условнаго мѣста далеко; но Варенька бѣжала сколько возможно сокращая дорогу; наконецъ она увидѣла прудъ, сирени... съ скамейки всталъ Карзановъ.

— Боже мой, сказалъ онъ: — можно ли бѣжать такъ! вы едва дышите!

— Все-равно!... отвѣчала она. — Увѣжайте, забудьте меня... Маменька велѣла еще ждать, а если вы не хотите...

— То отказать мнѣ?

— Дѣ... Будете ли вы еще ждать?

— Можно ли спрашивать послѣ того, что вы сдѣлали для меня теперь, моя милая, моя несравненная Варенька?

— Прощайте! сказала она.

— Въ саду нѣтъ никого; позвольте, я провожу васъ по-крайней-мѣрѣ.

— Нѣтъ, увѣжайте, прощайте...

Она ушла. Карзановъ смотрѣлъ ей вслѣдъ, потомъ перешелъ по плотинѣ на другую сторону пруда и тихо пошелъ домой.

V.

Шатровскій спалъ очень-спокойно. Ложась, онъ такъ усталъ, что не думалъ ни о чемъ и не переслѣдилъ въ памяти своего дня. Ночью его не потревожила гроза, а поутру ему сказали, что Николай Петровичъ хотѣлъ разбудить его до разсвѣта, чтобъ везти съ собой въ поле, но Анна Дмитриевна съ вечера отдала приказаніе не входить въ комнату ея брата, пока онъ самъ не позоветъ.

— Она встала? спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще-съ; онъ встанутъ въ одиннадцать часовъ.

Шатровскій сошелъ въ садъ. Онъ былъ въ томъ восхитительномъ расположеніи духа, которое приходитъ чаще всего въ лѣтнее утро; какое-то дѣтское веселье, беззаботность и лѣнь, какая-то разсѣянность, которая переноситъ чувство съ одного предмета на другой и доставляетъ впечатлѣніе общаго удовольствія, между-тѣмъ, какъ не даетъ насладиться ничѣмъ въ-частности. Особенно-трудно въ эти минуты остановить мысль, сосредоточить ее на чемъ-нибудь и разбирать этотъ предметъ; подробности ускользаютъ, и какъ-то нѣтъ охоты занимать голову такой заботой, какъ размышленія, тогда-какъ вокругъ насъ все такъ безопасно и светло. Разборъ — трудъ, которому мѣсто подъ кровлей, въ комнатѣ небольшой и темной, гдѣ бы глаза и слухъ привыкли ко всему, что имъ встрѣчается, не развлекались и не искали ничего больше.

Шатровскій давно не былъ въ деревнѣ и въ нѣсколько дней, которые онъ успѣлъ провести въ ней, успѣлъ довольно облѣниться. Замѣтивъ свою неохоту думать, онъ тотчасъ приписалъ ее влиянію природы и извинилъ тѣмъ, что отъ всего надо отдохнуть, даже и отъ размышленія, потому-что, когда размышленіе входитъ въ привычку, то не оставляетъ человѣку минуты для беззаботной веселости. Неизвѣстно, какъ эта мысль забрела въ голову Шатровскаго; извѣстно только, что прежде она рѣшительно никогда къ нему не приходила, и что именно потому онъ обрадовался ей, какъ новому открытію и неожиданному приобрѣтенію. Почувствовавъ, что у него есть въ запасъ такое отпущеніе лѣности физической и нравственной, онъ сталъ еще веселѣе и спокойнѣе духомъ. Когда, вслѣдъ за мыслью, прилетѣло воспоминаніе о Лизаветѣ Андреевнѣ, воспоминаніе — неразлучное со всякимъ порывомъ къ анализу—Шатровскій утѣшалъ себя тѣмъ, что «добрый товарищъ» первый посовѣтывалъ бы ему забыть всю эту

премудрость и смѣяться, если легко на душѣ, не думая, логично ли онъ смѣется. Онъ подумалъ потомъ, что вмѣстѣ съ Лизаветой Андреевной они смѣялись бы еще больше.

«Сестра моя очень-забавна, сказалъ онъ самъ себѣ, улыбаясь: — она заносится въ такую философію, что, послушавъ ее, въ-самомъ-дѣлѣ надо отдохнуть отъ мысли, какъ отъ работы... Должно-быть, это у насъ родственная наклонность: тѣмъ болѣе надо беречься, чтобъ не попасть въ ту же крайность.

«Рѣшительно, продолжалъ размышлять Шатровскій, идучи по аллеѣ: — нельзя было выбрать двѣ болѣе противоположныя натуры, какъ она и мужъ ея. Обоимъ невесело, конечно, и оба правы...»

Тутъ ему пришло въ голову сдѣлать сравненіе между зятемъ и сестрою. Конечно, Анна Дмитріевна требовала слишкомъ-много, не по состоянію, потому-что не хотѣла даже знать, изъ какихъ средствъ мужъ былъ обязанъ удовлетворить ея прихотямъ. Бѣдный помѣщикъ долженъ былъ находиться подчасъ въ страшномъ затрудненіи, когда приходилось тратить на драпировки и паркеты то, что назначалось для перестроекъ и постройвъ. Изъ разсказовъ сестры Шатровскій зналъ, что онъ энергически отстаивалъ свои «идеи», то-есть защищалъ теорію предпочтенія полезнаго пріятному, и не всегда бывалъ побѣжденъ. Правда, ему приходилось потомъ заглаживать свои побѣды, какъ заглаживаютъ вины уступками въ другихъ случаяхъ. Но съ другой стороны, безъ сильнаго внимательства Анны Дмитріевны, ихъ домъ былъ бы домомъ неудобнымъ до скуки, ихъ дѣти полуобразованны до незначества, Варенька провинціальная барышня съ претензіями и смѣшными ужимками...

«Богъ съ ними! подумалъ онъ: — какое мнѣ до нихъ дѣло? Почти въ двадцать лѣтъ они успѣли привыкнуть другъ къ другу, вмѣшиваться между ними, совѣтовать одному, утѣшать другую, было бы бесполезно и даже глупо. Между корою и деревомъ...»

Не кончивъ поговорки, онъ разсмѣялся и обратился къ Варенькѣ.

«Вчера она была сильно разстроена: не поссорились ли влюбленные? Она говорила, что у нея есть какое-то горе: вѣрно препятствія со стороны родителей. Но тогда Карзановъ не бывалъ бы у нихъ въ домъ». При первомъ воспоминаніи о Карзановѣ, въ душѣ Шатровскаго шевельнулось какое-то досадное чувство; любовь Вареньки показалась ему забавна, такъ-что будь теперь Варенька передъ нимъ, онъ не воздержался бы отъ колкостей и насмѣшекъ — онъ, который наканунѣ прочелъ племянницѣ такое

великодушное похвальное слово любви... Правда, онъ уже забыть о немъ.

Шатровскому стало досадно. Еслибы кто-нибудь заставилъ его разобрать и понять, какъ мелочна и зла его досада, тотъ, можетъ-быть, заставилъ бы его сознаться и прямо назвать завистью неприятное волненіе, которое поднималось въ душѣ его. Но нужна сильная посторонняя воля, чтобы довести до подобнаго сознанія, нужно много убѣжденій, а главное, нужно много довѣрія къ тому, кто станетъ убѣждать; иначе, одинъ несмысленный намѣкъ, одно указаніе только взволнуютъ самолюбіе и разбудятъ упрямство. То же случилось и съ Шатровскимъ.

«Этотъ господинъ слишкомъ-много о себѣ думаетъ; жаль что первый выборъ Вареньки такъ неудаченъ!» подумалъ онъ. «Что бы, однако, могло натолкнуть ее на эту любовь? Потребность любить— и ничего не нашлось лучшаго? Не можетъ быть, потому что она умна: въ умныхъ женщинахъ есть какой-то инстинктъ, который иногда вѣрнѣе опыта и анализа, безъ посторонняго вмѣшательства... Ахъ, да, тѣтушка!.. О, старыя дѣвы, сердца, вѣчно-любящія и никогда нелюбимыя! вѣчный вопросъ, вѣчно-остающійся безъ отвѣта, потому что вопросъ мудренѣе загадки сонника! Вотъ тайна, вотъ причина, вотъ источникъ всѣхъ мечтаній, всѣхъ глупостей, всѣхъ романическихъ бредней, которыя сокрушаютъ насъ въ молодыхъ дѣвушкахъ! Первое существо, состарѣвшися дѣвой, внесло въ мѣръ все это зло, и это зло будетъ существовать, пока будутъ старыя дѣвы— а онѣ не исчезнутъ, благодаря заботамъ, которыя онѣ сами о томъ прилагаютъ, ежедневно, ежеминутно развивая въ молодыхъ сердцахъ недоувѣрчивость и холодность, въ молодыхъ головахъ стремленіе къ идеалу, который они сочинили по своей мѣркѣ! Удивительно-хитро придумано! Искать совершенства и, въ ожиданіи, пока оно найдется, презирать все живущее! Или, еще лучше, встрѣтить перваго чернокудраго деревенскаго жителя, перваго голубоокаго юношу и ахать: это Равензудъ, это Фебъ Шатоперь... О, романы! Если бы тотъ, кто васъ ищетъ, подумалъ, какое зло они дѣлаютъ, какое оружіе они даютъ въ руки... Хотѣлось бы мнѣ знать, чтѣ читаетъ Варенька.»

Размышляя такимъ-образомъ и не замѣчая, что какое-то странное расположеніе духа не давало ему взглянуть снисходительно ни на одинъ предметъ, Шатровскій дошелъ до пруда и сѣлъ на варенькиной скамейкѣ.

«Вѣроятно, влюбленные видятся здѣсь», подумалъ онъ съ на-

смѣшкой, которая не оставляла его съ той минуты, какъ онъ началъ думать объ этой любви.

Его догадка подтвердилась тѣмъ, что, наклонясь, онъ увидѣлъ на дорогѣ перчатку, которая, по размѣру, никакъ не могла принадлежать Варенькѣ, а Николай Петровичъ и Домниковъ, эти настоящіе деревенскіе жители, не знали этой роскоши... Анна Дмитриевна, говоря объ огорченіяхъ души, принужденной прозябать въ чуждой ей сферѣ, кстати упомянула и о томъ, что Николай Петровичъ не носитъ перчатокъ.

«Какая неосторожность! сказалъ самъ себѣ Шатровский: — какая глупость! Она бываетъ здѣсь съ нимъ одна... Стало-быть, вчера, поздно вечеромъ...»

И ему пришла охота дать серьезный урокъ Варенькѣ, потому что, если прощительно любить, то непрощительно...

«Что? спросилъ его неожиданно какой-то внутренній голосъ. «Непрощительно признаться въ этомъ тому, кого мы любимъ, сдѣлать его счастливымъ, позволивъ ему остаться съ нами нѣсколько минутъ наединѣ?» Что бы вы сказали, еслибы Варенька была вамъ посторонняя и любила васъ, г. Шатровский?..»

Шатровский улыбнулся снисходительно.

«Все же я ее немного помучу», сказалъ онъ, поднимая перчатку.

Спрятавъ ее, онъ оглянулся и увидѣлъ Карзанова, который шелъ по той сторонѣ пруда, приближаясь къ плотинѣ.

«Забавно, если здѣсь назначено свиданіе и явился я вмѣсто Вареньки, подумалъ Шатровский. — Такихъ случаевъ пропускать неужно. Здравствуйте!» закричалъ онъ, когда Карзановъ оглянулся.

Карзановъ приподнял фуражку.

«Какъ онъ рисуется!» подумалъ Шатровский, идя къ нему на встрѣчу.

Последнее обвиненіе было совершенно-несправедливо: Карзановъ остановился такъ же просто, какъ шелъ, и ожидалъ Шатровскаго, увидѣвъ, что тотъ идетъ къ нему. Напротивъ, еслибы Шатровский не былъ такъ странно настроенъ, онъ замѣтилъ бы, что граціозная и высокая фигура молодаго человека какъ-нельзя-лучше идетъ къ красивому ландшафту, который разстилался кругомъ; а взглянувъ въ это лицо, озабоченное и немного-утомленное, онъ не повторилъ бы себѣ, что Карзановъ интересничаетъ, а напротивъ, съ участіемъ спросилъ бы, что его тревожитъ. Но Шатровскому все казалось смѣшно, начиная отъ этой ранней прогулки, и онъ обѣщавъ себѣ позабавиться.

— Здравствуйте, повторилъ онъ подходя : — о здоровьѣ спрашивать нечего; каково сегодня ваше расположеніе духа ?

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Карзановъ : — обыкновенное.

— Но я не знаю, какое ваше обыкновенное. Вчера мнѣ показало, что оно не могло быть нормально : вы какъ-то строго смотрѣли на вещи... не лучше ли сегодня ?

— Почему ?

— Да такъ. Утро такъ хорошо... Вы всякій годъ бываете въ деревнѣ ?

— Нѣтъ, я служу.

— Я знаю. Но я думалъ, что вы часто доставляете себѣ это удовольствіе.

— Нѣтъ ; моя мать прѣзжаетъ сюда постоянно всякое лѣто, а я не былъ очень-давно.

— И вѣрно удете съ большимъ сожалѣніемъ ?

— Почему ?

— Какъ почему ? лѣса, поля : все это заставляетъ такъ приятно забываться, такъ нѣжно настраиваетъ душу...

— Не знаю ; ничего подобнаго со мной не случается, возразилъ Карзановъ холодно.

— Невозможно ! вскричалъ Шатровскій : — это не въ порядкѣ вещей. Чтобъ подвинуть васъ на откровенность, я самъ начну съ признанія. У меня сегодня страшное расположеніе духа влюбиться. Вы смѣетесь ?

— Извините, забавно...

— Нисколько. Это вліяніе лѣтняго утра. Я сидѣлъ тамъ, на скамейкѣ — видите ? и размышлялъ. Не правда ли, самое удобное мѣсто для подобнаго размышленія ? Воды струятся, листья шепчутъ... Невозможно, чтобъ вы были ужъ такъ холодны и не сочувствовали красотѣ природы и этой скамейки... Я положительно рѣшился влюбиться ; такъ и быть, принимаю на себя всѣ смѣшныя стороны этого положенія : буду неловокъ, задумчивъ, неразговорчивъ, глупъ, но влюблюсь и испытаю чувство.

— Вы рискуете быть смѣшнымъ и все-таки не испытать чувства : оно на заказъ не приходитъ, возразилъ Карзановъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ ? Ну, такъ дождусь мгновеннаго впечатлѣнія.

— А если предметъ, который долженъ сдѣлать на васъ впечатлѣніе, явится тогда, когда вы будете ужъ не такъ настроены : вы опять имъ не воспользуетесь.

— Постараюсь поддержать въ себѣ эту настроенность духа...

Но знаете ли что? Вы говорите какъ человекъ опытный, искусившійся... Вы влюблены?

— На что вамъ это? спросилъ Карзановъ.

— Какъ на что? Предположите, что я принимаю въ васъ большое участіе, больше, можетъ-быть, нежели вы думаете.

«Не-уже-ли Варенька ужь успѣла проговориться?» подумалъ Карзановъ съ досадою, скрыть которую ему стоило большаго труда.

У Карзанова были свои недостатки: онъ былъ гордъ, не любилъ полумѣръ и окольныхъ дорогъ, а потому не могъ сходитьсь съ людьми, въ которыхъ замѣчалъ эту склонность. Довѣрчивый только съ тѣми, кого избиралъ, Карзановъ строго и почти ревниво отклонялъ все, что можно было бы назвать откровенностью съ посторонними; онъ не любилъ *третьихъ* лицъ, свидѣтелей его чувствъ или его поступковъ. Потому его положеніе предъ родными Вареньки, неловкое для всякаго другаго, для него было невыносимо, и онъ только тогда понималъ, какъ много онъ любитъ Вареньку, когда почувствовалъ, что у него достанетъ мужества быть терпѣливымъ. Въ это утро Карзановъ принесъ ей жертву: онъ написалъ своей матери, что не можетъ прѣхать; онъ хотѣлъ доказать Варенькѣ, что любовь его не остановится ни предъ чѣмъ, также, какъ не уменьшилась она отъ принужденія, тяжелаго для его характера. Тѣмъ непріятнѣе поразили его слова Шатровскаго. Если Варенька ему довѣрилась, нельзя отказаться отъ ея словъ; если это собственная догадка Шатровскаго... Антипатія Карзанова объяснялась: онъ сказалъ себѣ, что будь онъ на мѣстѣ Шатровскаго повѣреннымъ молодой дѣвушки, или случайно замѣтъ ея привязанность, онъ не позволилъ бы себѣ наскучать другому молодому человекъу фразами и вычурной путаницей, которая такъ смѣшна, что, послушавъ ее, почти совѣстно признаться, что «сердце у насъ нѣжно и впечатлительно» и тому подобное... Предположивъ для себя въ любви своей прямое, дѣйствительное счастье, Карзановъ не могъ думать о ней шутя; шутка другаго оскорбляла его. Ему было довольно этого, чтобы оцѣнить Шатровскаго: человекъ, который шутилъ чувствомъ, въ глазахъ его былъ человекъ мелочной и пустой.

— Вы что-то очень-задумчивы сегодня, продолжалъ Шатровский. — Ужь это одно хорошій знакъ: значить, сердце занято такъ, что и высказаться не можетъ. Я только этимъ объясняю ваше молчаніе. Вы, надѣюсь, хорошо понимаете, что странно и смѣшно

прикидываться безчувственнымъ : мода прошла. Мы теперь громко признаемся въ невольной мягкости сердца, въ способности привязываться...

— Да, действительно, на лонъ природы человекъ дѣлается привязчивѣе, сказалъ Карзановъ.

— Всякое чувство должно быть откровенно.

— Даже чувство досады?

— О, вы шутите! сказалъ Шатровскій, смѣясь и совершенно-довольный тѣмъ, что ему удалось вызвать досаду Карзанова. — Пожалуй, если судьба васъ гонить, досадайте на нее, выражайте свой гнѣвъ, тѣмъ болѣе будетъ удовольствія слушателямъ и зрителямъ.

— Значить, по-вашему, чувства бываютъ у насъ только для удивленія зрителей?

— О, какъ вы жарко вступаетесь! вскричалъ Шатровскій, расхохотавшись. Нѣтъ, теперь ясно: вы влюблены! Берегитесь: я буду наблюдать за вами, и увѣренъ, что-нибудь подмѣчу...

— Знаю, отвѣчалъ Карзановъ холодно: — никому нельзя запретить смотреть и слушать; но вы, надюсь, понимаете, повторилъ онъ, подражая тону Шатровскаго: — что людямъ, которымъ предоставлено только смотреть и слушать, совершенно отказано въ откровенности, потому-что они не заслуживаютъ ея, и что, слѣдственно, они понеобходимости должны довольствоваться ролью наблюдателей... Не знаю, какъ кому нравится эта роль, а я бы не поблагодарилъ за нее... Желаю вамъ добраго утра.

Онъ поклонился и пошелъ домой.

Возвращаясь домой, Шатровскій былъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа; отъ людей оно перешло даже на природу и на предметы неодушевленные: онъ нашель, что день слишкомъ жарокъ, что чай невкусенъ, когда его пьютъ поздно, что маленькая Оленька, которая, какъ вчера, разыгрывала гаммы въ дальней комнатѣ, могла бы разыгрывать ихъ гдѣ-нибудь подальше. Варенька, которую онъ засталъ въ залѣ одну за какой-то работой, показалась ему скучна, или не въ духъ; ему захотѣлось самому хандрить, скучать, дѣлать неприятности другимъ, чтобъ никому не было весело. Бѣда, если человекъ въ-состояніи исполнить такія ужасныя намѣренія! Шатровскій началъ исполнять ихъ. Его маленькіе племянники играли: онъ счумалъ ихъ перессорить, къ

совершенному отчаянію гувернера, который едва увелъ ихъ наверхъ. Горестъ нѣмца вызвала только улыбку Шатровскаго, и эта улыбка облегчила его сердце, которому почему-то было нужно облегченіе.

— Скоро ли встанетъ сестра? спросилъ онъ, подѣвъ къ Варенькѣ.

— Она проснулась, но нездорова.

— Чѣмъ съ ней?

— Немного разстроена, отвѣчала Варенька въ смущеніи.

— Ты была у ней?

— Да.

— О чемъ ты съ ней хотѣла говорить вчера?

— Такъ...

— Можно сказать?

— Право, ничего; разныя распоряженія...

— Отчего у тебя глаза красны?

— Не знаю.

Она замолчала и продолжала работать. Шатровскій перебиралъ ея рабочій ящикъ.

— Нѣтъ ли тутъ секретовъ? Постой, я поищу.

— Никакихъ; у меня ихъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Ты мнѣ обѣщала секретъ сегодня.

— Онъ прошелъ ночью, отвѣчала она, печально улыбувшись.

— Посмотри на меня. Да ты сама перемѣнилась въ ночь.

— Можетъ-быть, сказала Варенька, отворачиваясь, чтобъ скрыть слезы, которыя навернулись у нея на глазахъ.

— Варенька, Варенька, чѣмъ это? О чемъ ты плачешь?

— Ничего, дядя; не мучьте меня.

— Кто тебя огорчилъ? Матушка?

— Нѣтъ, отвѣчала она поспѣшно.

— Твоя милая тѣтушка?

— Нѣтъ, увѣрю васъ.

— Такъ я знаю. Это «досада влюбленныхъ», комедія... во сколькихъ она будетъ дѣйствіяхъ?

— Увѣрю васъ, это не досада; увѣрю васъ, я не влюблена, отвѣчала Варенька и заплакала.

— Пожалуй, пожалуй, я вѣрю, всему вѣрю, отвѣчалъ хладнокровно Шатровскій. Сегодня мнѣ скажутъ одно, завтра другое, я всегда буду совершенно-покоенъ. Изъ чего мнѣ безпокоиться?... Это что такое? спросилъ онъ, вдругъ показывая перчатку Карзанова и дѣлая видъ, что нашелъ ее въ ящикѣ.

Варенька взглянула и поблѣднѣла.

— Гдѣ вы нашли? спросила она.

— Хорошо, по-крайней-мѣрѣ, что ты не совсѣмъ умѣешь хитрить, отвѣчалъ строго Шатровскій. Ты не отговариваешься тѣмъ, что не знаешь, чье это. Скажи ему, чтобъ онъ былъ осторожнѣе, когда приходитъ на свиданіе.

— Дядюшка! сказала Варенька вспыхнувъ.

— Не обижайся. Какъ же иначе называть вещи, если не по имени? Ты позволишь Карзанову приходиться къ твоей скамейкѣ. Не одинъ же онъ тамъ любитъ природой!

— Еслибъ вы знали, прервала Варенька, оскорбленная его насмѣшкой: — для чего онъ приходилъ, всего одинъ разъ...

— Я ничего не спрашиваю, возразилъ Шатровскій, котораго подстрекало противорѣчіе. Одинъ разъ, сто разъ—это до меня не касается, съ той минуты, какъ ты объявила, что тебѣ нечего мнѣ сказать. Стало-быть, ты раскаяваешься, что была откровенна со мною вчера. Какъ хочешь! Мнѣ все-равно. Советую только быть осторожнѣе, потому-что не всякій смотритъ на эти вещи такъ снисходительно, какъ я.

— Я не думаю, чтобъ мнѣ была необходима снисходительность, сказала Варенька.

— Позвольте послушать, какъ вы объясните это? сказалъ Шатровскій.

— Я думаю, вы объясните это еще лучше, возразила она: — вы — защитникъ собственнаго сознанія и увлеченій.

Она была такъ хороша, говоря это, ея неожиданная смѣлость была полна такого милого кокетства и вмѣстѣ такого искренняго чувства, что Шатровскій вскричалъ неволью:

— Варенька, ты восхитительная женщина!

— Не знаю, отвѣчала она.

— Скажи мнѣ, какъ это могло случиться, что ты влюбилась въ Карзанова?

— Онъ вамъ не нравится?

— Не то, чтобъ совсѣмъ... Но послушай...

— Не будемъ говорить объ этомъ, прервала она серьезно и печально. Ужь все кончено.

— Какъ? совсѣмъ? Вы поссорились? Оттого-то онъ такъ неразговорчивъ сегодня.

— Развѣ вы его видѣли?

— Сейчасъ имѣлъ удовольствіе встрѣтить его у плотины.

— Так онъ не увхалъ! сказала тихо Варенька.

— Увхалъ? куда?... Какое ты дитя, другъ мой! Только въ романахъ увъзжаютъ послѣ ссоръ, а не на дѣлѣ. Это какія хлопоты съ подорожными и съ извозчиками, что еще никто, сколько мнѣ извѣстно, не принималъ этой отчаянной мѣры. Будь покойна, трой въдыхатель живъ, здоровъ и, я думаю, явится обѣдать.

— Онъ не придетъ, сказала Варенька.

— Ты понимаешь, что я изъ этого ничего не потеряю, возразилъ Шатровский, которому стало скучно.

Онъ началъ ходить по залу, поглядывая въ окно. Варенька смотрѣла въ свое окно; молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ. Шатровский былъ совершенно-равнодушенъ и, почти-утомленъ. Внутренно онъ говорилъ себѣ, что перспектива подобнаго провоза времени не представляетъ ничего пріятнаго, и что ему необходимо увхаться къ себѣ, въ Сосновку, чтобъ не соскучиться съ вѣтъ. Варенька была расстроена; она не понимала причины, почему Карзановъ не увхалъ, и спросила бы дядю, еслибъ его равнодушно-насмѣшливый тонъ, неудовольствіе, съ которымъ онъ отзывался о Карзановѣ, и, главное, вчерашнія слова самого Карзанова—не удерживали ея откровенности. Ей было очень-тяжело при мысли, что она сама своимъ молчаніемъ ставитъ себя въ странное отношеніе съ Шатровскимъ, который, казалось, былъ расположенъ любить ее и, можетъ-быть, помочь бы ей въ чемъ-нибудь: Анна Дмитріевна имѣла къ нему столько довѣрія! И еслибъ даже онъ не помогъ ей, въ семнадцать лѣтъ такъ весело, такъ отраднo довѣряться, имѣть друзей... Варенька хотѣлось бы имѣть друга въ Шатровскомъ.

— Дядя, сказала она нерѣшительно: — что вамъ говорилъ Карзановъ?

— Ничего... Ты ребенокъ, Варенька, продолжалъ онъ, останавливаясь предъ нею: — что особеннаго можетъ сказать мнѣ этотъ господинъ! Дружиться мы съ нимъ не намѣрены, и я нахожу что онъ довольно-невѣжливъ даже для простаго знакомства. Признаюсь, вчера, послѣ твоихъ словъ, я ждалъ чего-нибудь лучше... Если тебя забавляетъ его страсть, пожалуй, забавляйся, но мой совѣтъ: брось эту глупость.

— Вамъ должно-быть очень-легко жить на свѣтѣ, если вы такъ легко мѣняете свои мнѣнія, сказала Варенька.

— Какія? Я ничего не измѣняю, а только составляю свое мнѣніе о Карзановѣ; я ничего не говорилъ тебѣ о немъ.

— И я говорю не о немъ, возразила Варенька.

— О чемъ же?

— Не знаю... Но, кажется, вчера вы бы не посоветовали мнѣ забавляться чьей-нибудь привязанностью.

— Полно, душа моя, это нелогично! «Чьей-нибудь»... нельзя же отвѣчать на всякую привязанность: женщина должна цѣнить себя.

— Такъ я унижаю себя, если люблю Карзанова?

— Оставимъ это: ты раздражена не знаю чѣмъ, а такой молодой головѣ, какъ твоя, не слѣдуетъ экзальтироваться. Знаешь ли, были примѣры, что люди доходили до глупостей потому только, что слишкомъ-сильно разбирали даже умныя вещи. Ты слыхала это?

— Не знаю, возразила Варенька, принимаясь за работу.

— Лучше всего, если маменька твоя встала, узнай, могу ли я ее видѣть... и будь весела: къ блондинкѣ не идутъ заплаканные глаза.

Варенька вышла. Шатровскій увидѣлъ, что, проходя гостиную, она остановилась предъ зеркаломъ и старалась оправиться.

— Вотъ такъ-то лучше, сказалъ онъ ей громко. О, женщины! вѣчныя кокетки!

На встрѣчу Варенькѣ, въ гостиную вошла Настасья Петровна. Шатровскій видѣлъ, что Варенька поцаловала ее мимоходомъ, но очень-нѣжно, и сказала что-то. Тѣтка вышла къ нему въ залу.

«Я забылъ еще это удовольствие, подумалъ Шатровскій: — нѣтъ, скорѣе въ Сосновку!»

— Я думала, вы въ поляхъ съ братомъ, сказала Настасья Петровна.

— Нѣтъ, я дожидаюсь его, чтобъ проститься: мнѣ надо ѣхать къ себѣ.

— Сегодня? спросила она какъ-будто съ испугомъ, и прибавила, какъ могла, любезнѣе: — О, нѣтъ, сегодня васъ не отпустить.

— Почему?

— Анна Дмитріевна нездорова... мы васъ еще такъ мало видѣли.

Шатровскій подумалъ, что могъ бы совсѣмъ обойтись безъ этого и не видать ее во вѣкъ, и отвѣчалъ разсѣянно, глядя въ окно:

— Жаль; но мнѣ все-таки надо ѣхать.

— Васъ будутъ убѣдительно просить, сказала Настасья Пе-

тровна : — предупреждаю васъ заранее... На что огорчать родныхъ ? Вы не говорили этого Варенькѣ ?

— Нѣтъ еще.

— Такъ я скажу ей...

Старая дѣва такъ переконфузилась, что Шатровскому стало и смѣшно и жалко.

— Если вамъ угодно, чтобъ я остался, сказалъ онъ очень-любезно : — то просьбы Вареньки будутъ совершенно-лишнія ; вамъ стоитъ приказать...

— Настасья Петровна была все-еще смущена, но, казалось, чрезвычайно обрадовалась.

— Въ такомъ случаѣ, сказала она : — я безъ церемоній беру ваше слово и прошу васъ остаться.

Шатровскій поклонился.

— Ваша воля — законъ, сказалъ онъ.

Настасья Петровна вспыхнула ; къ-счастью, на ней въ этотъ день было черное платье, что нѣсколько смягчало неприятный цвѣтъ ея лица. Шатровскій безжалостно продолжалъ смотрѣть на нее. Она подошла къ пальцамъ, стоявшимъ въ углу залы, и открыла ихъ.

«Хорошо, подумалъ Шатровскій, слѣдя за всѣми ея движеніями : — если я остаюсь здѣсь по ея милости, то справедливость требуетъ, чтобъ она же и доставила мнѣ средства позаботиться.»

— Позвольте помочь вамъ, сказалъ онъ, бросаясь къ пальцамъ и приподнимая ихъ : — куда прикажете поставить ?

— Здѣсь, сказала Настасья Петровна, подвигая стулъ къ окну.

— Благодарю васъ.

Шатровскій успѣлъ взять у нея стулъ, подвинулъ его самъ, поправилъ стору, и пока Настасья Петровна разбиралась въ своихъ шелкахъ и иголкахъ, онъ уже поставилъ другой стулъ для себя, напротивъ нея, и усѣлся.

— Это ваше постоянное занятіе? спросилъ онъ.

— Да, отвѣчала Настасья Петровна, вооружась иголкой, и стала нѣсколько-смѣлѣе.

«Она нашла точку опоры», подумалъ Шатровскій, замѣтивъ это. — Неужели не скучно, продолжалъ онъ вслухъ : — работать цѣлый день, и еще длинный день ?

— Надо же дѣлать что-нибудь, отвѣчала она.

— Такъ вы совершенно-машинально исполняете такую трудную работу?

— Совершенно-машинально.

— Знаете ли, сказалъ Шатровскій, помолчавъ ддятого, чтобъ показать, что онъ размышлялъ: — вашъ отвѣтъ меня успокоилъ. Я всегда страдалъ за тѣхъ, кого видѣлъ за какой-нибудь медленной и сложной работой; мнѣ казалось, что имъ невыносимо-скучно, что трудъ долженъ раздражать ихъ. Выходить совсѣмъ-иначе: дѣлю дѣлается равнодушно, спокойно, безъ мысли... Впрочемъ, едва-ли это утѣшительнѣе...

— Почему?

— Я не умѣю хорошо объяснить своей мысли, отвѣчалъ онъ: — такъ мнѣ кажется...

Шатровскій помолчалъ опять нѣсколько минутъ; на этотъ разъ онъ въ-самомъ-дѣлѣ посвятилъ ихъ размышленіямъ. Размышленія состояли въ слѣдующемъ:

«Старыя дѣвы вообще любятъ разговоры о чувствахъ; это доказывается живымъ, предстоющимъ примѣромъ. Настасья Петровна тотчасъ отозвалась на первое слово, гдѣ промелькнулъ разборъ. Стало-быть, источникъ забавы найденъ, и стоитъ пользоваться.»

— Я докончу мою мысль, если позволите, сказалъ онъ. Скука есть признакъ борьбы, жизни, а покорность — апатія...

— Точно такъ.

Шатровскій взглянулъ на нее и могъ смѣтрѣть долго, потому-что, ощутивъ глаза на шитье, она не замѣчала его взгляда. Онъ замѣталъ, что у нея были прелестныя руки, нѣжныя, прозрачныя руки, приводящія въ восторгъ художника чистотой и необыкновенной правильностью своего очерка. Шатровскій не безъ опасенія поднялъ глаза на ея лицо, до-сихъ-поръ казавшееся ему прекраснымъ, но съ удивленіемъ замѣтилъ, что вблизи оно явилось ему свѣжѣе и моложе, что спокойствіе сглаживало его неприятныя складки, а тихая мысль придавала ему необыкновенно-привлекательное, кроткое выраженіе. Тутъ же кстаті Шатровскій замѣтилъ граціозный склонъ головы съ густой, темной косою, въ которой онъ ужъ не подумалъ искать сѣдыхъ волосъ, и стройность худощавыхъ плечъ, съ которыхъ спустилась мантилья.

«Она, право, недурна», подумалъ онъ, обращая свое вниманіе опять на ея античныя руки.

Настасья Петровна взглянула на него въ эту минуту. Шатровскій ждалъ, что она самодовольно улыбнется, или приятно скон-

фузится, замѣта его наблюденія, но ничего подобнаго не было: она подняла глаза, отыскивая ножницы.

— Неужели, продолжалъ онъ : — вы думали о себѣ, когда намекнули на апатію, на это ужасное отсутствіе чувства?..

— Не знаю, что въ немъ ужаснаго, отвѣчала она : — но вы совершенно меня поняли : я говорила о себѣ.

«О! подумалъ Шатровскій : — тутъ нечего долго добиваться : откровенность съ двухъ первыхъ словъ; кажется, нечего опасаться большой строгости. Съ нею можно провести время.»

— Я очень страненъ съ своей откровенностью, сказалъ онъ громко : — но меня вотъ цѣлые полчаса мучить мысль... Скажите, для чего вы хотѣли, чтобы я остался здѣсь?..

— Я полагала, что вашимъ роднымъ это будетъ приятно, отвѣчала она, смущаясь.

— Моимъ роднымъ!.. повторилъ Шатровскій, будто недовольный отвѣтомъ, и отвернулся отъ плеецъ, какъ-будто съ досадою, которой не могъ исполнѣ скрыть.

— Дядя, маменька встала и просить васъ къ себѣ, сказала, входя, Варенька.

Шатровскій всталъ, какъ человекъ озабоченный, и вышелъ.

— Что, милочка? спросила Настасья Петровна, глядя въ лицо Вареньки, на которомъ были замѣтны слѣды слезъ.

Варенька обняла ее.

— Полно, душа моя; не надо, чтобы это замѣтили. Вообрази, что Алексѣй Дмитричъ хотѣлъ уѣхать.

— Что ты говоришь?.. Тогда бы просто бѣда... одно снѣженіе, что есть кто-нибудь посторонній...

— Полно, Варенька... Онъ не уѣдетъ.

— Тѣтя Настя, пойдемъ къ тебѣ въ комнату; теперь онъ съ маменькой; можно...

— Пойдемъ, сказала Настасья Петровна закрывая свои дальцы.

В. КРЕСТОВСКІЙ.

ХОЛОДНЫЙ ДОМЪ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

Часть пятая.

ГЛАВА XXIV.

Апелляція.

Послѣ разговора моего съ Ричардомъ, о которомъ я ужъ упоминала, онъ сообщилъ мистеру Жардису состояніе своей души. Хотя я думаю, что это признаніе было несовершенно сюрпризомъ моему оекуну, однакожь оно стоило ему большаго нездоровья и непріятностей. Онъ часто заирался съ Ричардомъ во временной Воркотнѣ и проводилъ съ нимъ цѣлыя дни отъ ранняго утра до глубокой полуночи; толковалъ съ мистеромъ Кенджемъ и передѣлалъ въ Лондонѣ кучу непріятныхъ дѣлъ. Во все это время онъ былъ съ нами всѣмъ Адой совершенно-ласковъ, хотя очень-часто жаловался на восточный вѣтеръ и такъ потиралъ себѣ голову, что ни одинъ волосокъ не оставался на своемъ мѣстѣ. Относительно Ричарда онъ зранилъ строгое молчаніе. Нѣкоторыя свѣдѣнія мы получали отъ самого Ричарда; и такъ-какъ они ограничивались только словами: все обстоитъ благополучно, все идетъ къ-лучшему, все прекрасно, то наши опасенія на его счетъ нисколько не уменьшались.

Однакожь, въ этомъ промежуткѣ времени мы узнали, что отъ имени Ричарда подавалось лорду-канцлеру новое прошеніе о поступленіи

въ военную службу. Дѣло объ этомъ тянулось, откладывалось и опять откладывалось, и опять тянулось, такъ-что Ричардъ говорилъ намъ шутя, что надѣется поступить въ военную службу развѣ только тогда, когда будетъ старымъ ветераномъ, лѣтъ семьдесятъ. Наконецъ, лордъ-канцлеръ пригласилъ его въ свою канцелярію, говорилъ ему серьезно и строго, что онъ теряетъ попустому время — справедливая насѣшка надъ ихъ проволочками, говорилъ смѣясь, Ричардъ, и наконецъ решение его было принято. Имя его было внесено въ списокъ кавалерійскаго полка, деньги заплачены и Ричардъ, съ свойственнымъ ему жаромъ принялся заниматься изученіемъ военного искусства, вставалъ въ пять часовъ утра, фехтовалъ, стрѣлялъ въ цѣль и проч. и проч.

Вакаціи смѣшались судейскимъ терминомъ, судейскій терминъ ваканціями. Мы иногда слышали о процессѣ Жаридиса, что этотъ процессъ былъ на очереди, или не былъ на очереди и т. п. Ричардъ, занятый своими экзерциціями, посѣщалъ насъ рѣже; опекунъ мой молчалъ, время проходило и, наконецъ, Ричардъ получилъ назначеніе отправиться къ своему полку въ Ирландію.

Онъ очень-поспѣшно пріѣхалъ съ этою новостью и мнѣ продолжительный разговоръ съ опекуномъ моймъ. Спустя часъ времени, опекунъ мой выглянулъ въ дверь той комнаты, гдѣ мы сидѣли съ Адою, и сказалъ намъ : — войдите сюда, мои милочки! Мы вошли и застали, что Ричардъ, который былъ прежде въ веселомъ расположеніи духа, былъ грустенъ и рассерженъ.

— Рикъ и я, Ада, сказалъ мистеръ Жаридисъ : — расходился въ нашихъ мнѣніяхъ. Ну, Рикъ, сбрось съ себя эту угрюмость !

— Вы очень-жестоки ко мнѣ, сэръ, сказалъ Ричардъ : — и тѣмъ болѣе я это чувствую, что всегда вы были ко мнѣ такъ милостивы, сдѣлали для меня такъ много, что я не могъ бы забыть всѣхъ вашихъ благодѣяній, еслибъ прожилъ двадцать жизней.

— Все это, положимъ такъ, Рикъ; но мнѣ хотѣлось бы, чтобъ ты понималъ мои желанія, чтобъ ты примирился самъ съ собою.

— Я надѣюсь, что вы извините мнѣ, говорилъ Ричардъ, хоть горючо, однакожъ почтительно : — если я скажу, что о себѣ всего вѣрнѣе могу судить я самъ.

— Я надѣюсь, что вы извините мнѣ, любезный Рикъ, застѣялъ мистеръ Жаридисъ съ совершенною вѣжливостью и весело : — если я скажу, что вамъ очень-естественно думать такъ, а мнѣ очень-естественно думать иначе. Я долженъ исполнять свой долгъ, Рикъ, иначе и самъ ты, хладнокровно размысливъ, будешь обо мнѣ дурнаго мнѣнія.

А пока, я надѣюсь, что ты сохраняешь любовь ко мнѣ, въ какомъ бы ты ни былъ расположеніи духа.

Ада такъ поблѣднѣла, что мистеръ Жарндисъ подалъ ей кресла и самъ сѣлъ рядомъ съ ней.

— Не безпокойся, милый другъ мой, сказалъ онъ ей : — тутъ ровно нѣтъ ничего; мы съ Рикомъ очень-дружелюбно поспоримъ между собою. Ты была предметомъ этого спора и потому будь судьей между нами: растроиваться нечего, моя милая.

— Я не растроиваюсь, братецъ Джонъ, сказала Ада съ улыбкой: — вы никого не можете обидѣть.

— Благодарю, душа моя. Теперь будь внимательна и съ минутку не смотри на Рика. И ты, милая старушка, тоже. Припомни, другъ мой, началъ мистеръ Жарндисъ, положивъ руку свою на ея хорошенькую ручку : — припомни разговоръ между нами четырьмя, когда тѣтушка Дердомъ рассказывала маленькую любовную исторію.

— Ни Ричардъ, ни я, мы никогда не забудемъ, что вы для насъ сѣдали, братецъ Джонъ.

— Я никогда этого не забуду сказалъ Ричардъ.

— И я никогда не забуду, сказала опять Ада.

— Тѣмъ легче мнѣ высказать вамъ, тѣмъ легче вамъ выслушать меня, отвѣчалъ опекунъ мой, и все благородство души и вся доброта выразились въ чертахъ лица его. — Милый другъ, Ада, ты должна знать, что Ричардъ избираетъ новую карьеру ужъ послѣдній разъ. Все что онъ имѣлъ, все истрачено, всѣ источники исчерпаны. Отступать назадъ невозможно.

— Совершенно-справедливо; все, что я имѣлъ до-сихъ-поръ, истрачено; но, сэръ, я имѣлъ не все, что я буду имѣть впоследствии.

— Рикъ, Рикъ! вскричалъ опекунъ мой испуганнымъ голосомъ : — ради всего, что тебѣ дорого, не гонись за этимъ призракомъ семейнаго наслѣдства; берегись этой несчастной, этой губительной надежды. Потѣрь мнѣ, что лучше трудиться всю жизнь, лучше просить милостыню, лучше умереть!

Мы всѣ были испуганы этими словами. Ричардъ закусилъ губы и, притавивъ дыханіе, поглядывалъ на меня, вполне чувствуя всю справедливость сказаннаго.

— Милая Ада, сказалъ мистеръ Жарндисъ, успокоившись и съ своею обыкновенною нѣжностью : — это жесткія, тяжелыя слова, но что дѣлать, я живу въ Холодномъ Домѣ и многое видѣлъ на своемъ вѣку. Но довольно объ этомъ. Все благосостояніе Ричарда зависитъ отъ его труда. И я

считаю необходимостью, для вашей взаимной пользы, разорвать все узы, связывающія васъ, кромѣ родственныя узы.

— Скажите лучше все съ разу, сэръ : вы не имѣете ко мнѣ довѣрія и хотите, чтобъ Ада слѣдовала вашему прихвѣру.

— Подобныя вещей лучше не говорить, Рикъ, потому-что я этого вовсе не думаю.

— Вы знаете, что я дурно началъ, отвѣчалъ Ричардъ : — да, и дурно началъ, это правда.

— Какъ ты началъ, мы объ этомъ говорили съ тобою послѣдній разъ, сказалъ мистеръ Жаридисъ дружески-одобрительнымъ тономъ : — я тебѣ сказала, что начало еще не ушло, что оно только теперь приходитъ, а потому теперь-то и надо начать хорошенько — вотъ и все! Вы между собою двоюродные братъ и сестра — и только. Другія же узы должны быть подготовлены работою, Рикъ, и трудомъ.

— Вы очень-жестокі ко мнѣ, сэръ, сказалъ Ричардъ : — болѣе жестоки, чѣмъ я могъ вообразить себѣ.

— Милый другъ мой, сказалъ мистеръ Жаридисъ ! — я всего строже къ самому себѣ. Повѣрь мнѣ, Ада, что лучше для него, если онъ будетъ свободенъ и, Рикъ, лучше для Ады, если она будетъ свободна.

— Почему же это лучше, сэръ? послѣднее отвѣтила Ричардъ : — когда мы открывали передъ вами наши сердца, вы не такъ говорили, не тѣмъ языкомъ.

— Съ того времени много утекло воды, Рикъ... Я не виню тебя: но я самъ сдѣлался опытнѣе.

— Вы говорите на мой счетъ, сэръ!

— Нѣтъ, я думаю о васъ обоихъ ; вы еще молоды и вамъ еще рано вступить въ бракъ. Прошедшее пусть останется безъ помину и пусть начнется для васъ новая страница жизни.

Ричардъ боязливо поглядывалъ на Аду и молчалъ.

— До-сихъ-поръ я не говорилъ ни слова никому изъ васъ, сказалъ мистеръ Жаридисъ : — теперь я былъ вполне-откровененъ. Я умоляю васъ, я заклинаю васъ предать прошедшее забвѣнію. Время, справедливость, самостоятельность — вотъ что должно занимать насъ въ настоящемъ. Въ противномъ случаѣ, вы сдѣлаете вредъ себѣ и глубоко оскорбите меня, меня, который съ такимъ теплымъ чувствомъ, съ такою любовью свелъ васъ вмѣстѣ.

Длинное, томительное молчаніе.

— Братецъ Ричардъ, сказала Ада, иѣжно глядя ему въ лицо : — послѣ того, что сказалъ мистеръ Жаридисъ, мнѣ кажется, намъ нечего

выбирать. Ты можешь быть совершенно спокоенъ насчетъ меня, потому-что ты оставляешь меня подъ надзоромъ этого добраго друга. Я... а Ричардъ, прибавила Ада немного конфузясь: — я не буду сомнѣваться въ твоей любви я... буду всегда увѣрена, что ты мнѣ не измѣнишь. Мнѣ грустно, мнѣ тяжело разстаться съ тобою, Ричардъ, но это... это для твоей пользы. Я часто... очень-часто буду думать о тебѣ... буду говорить о тебѣ съ Эсмерью и, можетъ-быть, ты когда-нибудь... задумаешь о своей сестрѣ. Она встала, подошла къ нему, подала ему дрожащую руку и сказала: — мы теперь съ тобою, Ричардъ... братъ и сестра, быть-можетъ, надолго... Будь счастливъ, Ричардъ, гдѣ бы ни былъ ты... люби сестру свою!

Мнѣ было странно, что Ричардъ не хотѣлъ простить опекунѣ этого разговора, хотя самъ говорилъ мнѣ о своихъ недостаткахъ въ болѣе-рѣзкихъ выраженіяхъ. Я, къ-сожалѣнію моему, замѣчала, что съ этого времени онъ не былъ такъ откровененъ, какъ прежде съ мистеромъ Жарндисомъ, и между ними водворилась какая-то холодность.

Въ хлопотахъ, при обмундировкѣ, онъ скоро разстался и даже грусть по Адѣ, которая осталась въ Гертфордширѣ, значительно ослабла. (Я, Ричардъ и мистеръ Жарндисъ втроемъ отправились на недѣлю въ Лондонъ). Хотя повременамъ онъ вспоминалъ о ней, плакалъ, ощущалъ себя жестокими упреками, потому вдругъ придумывалъ какія-нибудь неестественныя средства сдѣлаться безъ труда богатымъ и осчастливить ее.

Время настало хлопотливое; я исходила всѣ лавки для покупки разныхъ вещей, въ которыхъ онъ нуждался. Онъ былъ со мной совершенно-откровененъ и я, сказать по правдѣ, приятно проводила съ нимъ послѣдніе дни.

Въ эту недѣлю, насъ ежедневно посѣщалъ одинъ господинъ, который прежде служилъ въ кавалеріи, а теперь былъ въ отставкѣ и училъ Ричарда фехтованью. Я такъ много о немъ слышала отъ Ричарда и даже отъ моего опекуна, что однажды осталась нарочно за завтракомъ, чтобъ дожидаться его визита.

— Здравствуйте мистеръ Джорджъ, сказалъ опекунъ мой: — мистеръ Карстонъ сейчасъ придетъ; а пока, я знаю, миссъ Семмерсонъ будетъ приятно съ вами познакомиться. Сядьте, пожалуйста.

Онъ сѣлъ, чувствуя себя нѣсколько-неловко въ моемъ присутствіи, такъ, по-крайней-мѣрѣ, мнѣ казалось, постоянно поводялъ своею широкою, закрубѣлою рукою по верхней губѣ и избѣгалъ смотрѣть на меня.

— Вы акуратны, какъ солнце, сказалъ мистеръ Жарндисъ.

— Военное время, сэръ, отвѣчалъ онъ: — дѣло привычки; а собственно говоря, я не очень-то акуратень.

— Однакожъ, я слышала, что у васъ большое заведеніе, сказалъ мистеръ Жарднсъ.

— Не то, чтобъ очень, сэръ; я содержу тирь.

— А хорошо ли выйдетъ стрѣлокъ изъ мистера Картстона? спросилъ опекунъ мой.

— Довольно-хорошій, сэръ, отвѣчалъ онъ, скрестивъ руки на груди своей и казался такимъ большимъ: — онъ бы, сэръ, былъ стрѣлокъ первой руки, еслибъ употребилъ все свое стараніе.

— Я думаю, что онъ не очень старается? сказалъ опекунъ мой.

— Сначала онъ принялся-было горячо, сэръ, а потомъ поостылъ. Можетъ, у него, знаете, того, на сердце что-нибудь есть... какая-нибудь зазнобушка. И онъ взглянулъ на меня въ первый разъ, по своему приходѣ, своими огромными черными глазами.

— Только по-крайней-мѣрѣ не я у него на умѣ, я въ этомъ ругаюсь, мистеръ Джорджъ, сказала я, смѣясь: — хотя, кажется, вы на меня смотрите съ подозрѣніемъ.

Онъ слегка покраснѣлъ и отвѣсилъ мнѣ военный поклонъ.

— Не хотѣлъ обидѣть васъ, миссъ. Извините, я человекъ простой, сказалъ онъ мнѣ.

— Нѣтъ, я нисколько не обижаюсь, напротивъ, ваше подозрѣніе я считаю за комплиментъ себѣ.

Если онъ прежде избѣгалъ смотрѣть на меня, за-то теперь вдругъ пристально устремилъ на меня свои глаза.

— Извините меня, сэръ, сказалъ онъ, обращаясь къ моему опекуну: — я не имѣлъ чести разслышать имя, миссъ...

— Миссъ Семмерсонъ.

— Миссъ Семмерсонъ! повторилъ онъ и взглянулъ опять на меня.

— Знакомо вамъ мое имя? спросила я.

— Нѣтъ, миссъ, я никогда не слыхалъ этого имени. Мнѣ казалось, что я васъ гдѣ-то видѣлъ.

— Я думаю, что вы ошибаетесь, отвѣчала я, поднявъ голову отъ работы: — я очень-памятлива на лица.

— И я тоже, миссъ, отвѣчалъ онъ, смотря на меня во все свои черные глаза: — Гм! не знаю, но только мнѣ кажется, что я васъ гдѣ-то видѣлъ.

И онъ еще болѣе покраснѣлъ подъ загаромъ своей кожи и былъ сбитъ съ толку тѣмъ, что не можетъ припомнить и сообразить. Опекунъ мой вывелъ его изъ затруднительнаго положенія.

— Много у васъ учениковъ, мистеръ Джорджъ? спросилъ онъ его.
 Число ихъ мѣняется, сэръ; но во всякомъ случаѣ выигрышъ не достаётъ на жизнь.

— А какого сорта люди посѣщаютъ вашъ тиръ?

— Всѣхъ сортовъ, сэръ, и англичане и чужестранцы, отъ джентльмена до подмастерья. Недавно были французенки, и чтожь? мастерски стрѣляли изъ пистолета! Много ходитъ и такихъ, которымъ лишь бы зайти куда-нибудь.

— Однако жь, я не думаю, чтооь приходили съ какими-нибудь таинственными намѣреніями? спросилъ мистеръ Жарндисъ.

— Случается, сэръ, хотя рѣдко, по-большей-части ходятъ для упражненій или отъ скуки.— Извините, сэръ, продолжалъ мистеръ Джорджъ: — я слыхалъ, что у васъ есть процессъ въ Оберканцеляріи?

— Къ-сожалѣнію, это совершенная правда.

— Ко мнѣ хаживалъ одинъ господинъ, имѣвшій тоже процессъ въ Оберканцеляріи.

— Зачѣмъ же?

— Да для развлечения, я думаю. Придетъ, заплатитъ за пятьдесятъ выстрѣловъ и садитъ пулю въ пулю, какъ-будто передъ нимъ была непріятельская армія. Я разъ не вытерпѣлъ, сказалъ ему прямо, что онъ тратитъ время попустому; онъ ничего... не обидѣлся и съ-тѣхъ-поръ мы друзья.

— А кто онъ такой? спросилъ опекунъ мой съ любопытствомъ.

— Онъ былъ фермеромъ въ Шропшайръ до того времени, пока не задутался въ процессъ.

— Гредли?

— Да, сэръ.

Мистеръ Джорджъ опять началъ вглядываться въ меня, пока мы обмѣнялись нѣсколькими словами съ опекуномъ моимъ, по поводу такого неожиданнаго столкновенія обстоятельствъ. Я рассказала потомъ ему, какъ мы познакомились съ мистеромъ Гредли: за это мистеръ Джорджъ отвѣсилъ мнѣ еще поклонъ.

— Не понимаю, говорилъ онъ, смотря на меня: — да, и знаю... и нѣтъ... и онъ устремилъ глаза свои на полъ, водилъ рукой по своимъ коротко-остриженнымъ курчавымъ волосамъ, какъ-будто бы желая поймать ускользящую отъ вниманія мысль.

— Мнѣ очень-непріятно было узнать, говорилъ опекунъ мой: — что это дурное расположеніе духа, въ которомъ постоянно находится мистеръ Гредли, подвергло его преслѣдованію и онъ, говорятъ, теперь долженъ скрываться.

— И я тоже слышала, сэръ, говорилъ разсѣянно мистеръ Джорджъ и все-таки наблюдая половницы: — я и также слышала.

— Не знаете ли, гдѣ онъ теперь?

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ кавалеристъ, поднявъ глаза съ полу и выходя изъ своей разсѣянности: — не знаю. Я думаю, что онъ скоро свернется. Какъ ни силенъ, какъ ни крѣпокъ, а всѣхъ пытокъ судейскихъ не выдержитъ.

Приходъ Ричарда прервалъ разговоръ. Мистеръ Джорджъ всталъ, отвѣсилъ мнѣ еще военный поклонъ, пожелалъ добраго дня опекуну моему и, тяжело топая, вышелъ изъ комнаты.

Это было утрою, въ день, назначенный для отъѣзда Ричарда. Всѣ вещи его я уложила еще наканунѣ, и мы были свободны до самой той минуты, когда ему слѣдовало выѣхать въ Холихэдъ, близъ Ливерпуля. Процесъ по дѣлу Жаридисовъ долженъ былъ въ этотъ день быть на очереди и Ричардъ предложилъ мнѣ идти въ Палату Оберканцелярш. Такъ-какъ это былъ послѣдній день его пребыванія въ Лондонѣ, мнѣ хотѣлось по возможности разогнать грусть, то я согласилась, и мы пошли въ Вестминстерскую Палату, гдѣ въ то время было засѣданіе. Дорогой мы говорили съ нимъ о письмахъ, условливались, какъ часто писать другъ къ другу и о чемъ писать. Опекунъ мой зналъ, куда мы идемъ и потому не хотѣлъ раздѣлить съ нами прогулку.

Когда мы пришли въ Палату, я увидѣла лорда-канцлера, того же самого, котораго я видѣла въ Линкольской Палатѣ; онъ сидѣлъ съ важною осанкой и серьезно, на скамьѣ, ниже его стоялъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ, на которомъ лежали государственныя печати и красовался огромный букетъ цвѣтовъ, наполняющій ароматомъ всю Палату. Ниже стола тянулся длинный рядъ хатаевъ. Они держали подъ мышками большія связки бумагъ, а подъ ногами, разстланы у нихъ веревочныя маты. Далѣе видѣлась длинная вереница членовъ присутствія, въ карякахъ и тогахъ; половина изъ нихъ спала, половина бодрствовала; и если говорилъ одинъ, то другіе не обращали никакого вниманія на потоки рѣчей его. Лордъ-канцлеръ сидѣлъ, разваливъ въ своемъ покойномъ креслѣ; локоть его лежалъ на мягко-обитой ручкѣ, а чело опиралось на ладонь руки. Нѣкоторые изъ присутствующихъ дремали, нѣкоторые занимались чтеніемъ газетъ, или отдѣльными кружками вели шепотомъ разговоръ; всѣ вообще казались очень-спокойными; никакой торопливости, никакихъ приготовленій же было замѣтно ни на одиномъ лицѣ, какъ-будто бы они собрались не для дѣла, а просто посидѣть, каждый въ своемъ кабинетѣ.

У меня сжалось сердце, когда я сравнила это невозмутимое спокойствие, съ тяжкою жизнью, съ горестною смертью истцовъ ; эти церемоніи, эту обстановку, съ недостатками, лишениями, нищенствомъ тѣхъ несчастныхъ, которыхъ права защищала Вестминстерская Палата. Грустно было подумать, какъ сильно, какъ неровно бились сердца тяжущихся и какъ плавно, какъ медленно приступали къ разбору ихъ справедливыхъ исконъ. Весь этотъ театръ, начиная съ лорда-канцлера и до послѣдняго изъ его окружающихъ, не знаетъ и не хочетъ знать, что ихъ лѣнь, нерадѣніе, несправедливость, лихоимство производятъ ужасъ и заслуживаютъ всеобщее презрѣніе. Я сидѣла на той скамьѣ, на которую посадилъ меня Ричардъ, старалась вслушаться, взглядеться; но во всей сценѣ, во всемъ этомъ театральномъ представленіи я не находила дѣйствительности, кромѣ бѣдной миссъ Флайтъ, этой сумасшедшей старушонки, которая стояла на скамьѣ, прислонясь къ стѣнѣ, подмигивала и кивала головой при каждомъ словѣ.

Миссъ Флайтъ скоро замѣтила наше присутствіе и подошла къ намъ. Она отъ чистаго сердца благодарила меня за посѣщеніе ея палаты и указала мнѣ самыя замѣчательныя личности. Мистеръ Кенджъ, также подошелъ къ намъ и обращалъ вниманіе наше на знаменитѣйшихъ собратовъ своихъ, съ любезностью хозяина.

— Вы выбрали неудачный день, сказалъ намъ мистеръ Кенджъ: — всего интереснѣе открытіе судейскаго термина; но и сегодня будутъ серьезныя дѣла, очень-серьезныя.

Спустя полчаса послѣ нашего прихода, дѣло, которое разбиралось, умерло, кажется, въ своемъ ничтожествѣ, не принеся не только утѣшительнаго, но и никакого результата. Лордъ-канцлеръ, сбросилъ со стола своего кипу бумагъ къ джентльменамъ, сидящимъ внизу, и затѣмъ какой-то голосъ произнесъ громко: — «Дѣло Жарндисовъ». Тутъ послышалось шушуканье, смѣхъ; слушатели удалились и огромныя кучи свингъ мѣшковъ, начиненныхъ бумагами, явились на сцену.

Сколько я могла понять (голова моя кругомъ шла отъ этихъ продѣлокъ), дальнѣйшія изслѣдованія дѣла Жарндисовъ клонились только къ опредѣленію проторей и убытковъ; хотя двадцать джентльменовъ, въ парикахъ, имѣли видъ людей, изучившихъ это дѣло, однакожъ я готова была держать пари, что они не больше моего понимали его сущность. Они говорили о немъ съ лордомъ-канцлеромъ, спорили, возражали, толковали между собою; одни говорили, что это такъ, другіе говорили, что это иначе, третьи предлагали, въ насмѣшку, перечитать неисчерпаемые фоліанты клятвенныхъ показаній, смѣялись, шушукали и, кажется, весь процессъ служилъ дѣломъ забавы, а не предметомъ

ислѣдованія и уясненія. Спусти часть времени, и множество рѣчей и рго и contra, начатыхъ и неконченныхъ, дѣло было отложено, какъ намъ сообщили мистеръ Кенджъ, до слѣдующаго засяданія, по недостатку нужныхъ показаній. И бумаги вынеслись назадъ прежде, чѣмъ писаря успѣли всѣ ихъ внести.

Я взглянула на Ричарда послѣ этихъ безнадежныхъ проволочекъ и была испугана блѣдностью и утомленіемъ его хорошенькаго личика.

— Вѣдь не вѣкъ же такъ продлится, тѣтушка; слѣдующій разъ будетъ лучше, сказалъ онъ мнѣ, опустивъ голову.

Я видѣла мистера Гуппи: онъ приносилъ бумаги въ палату и раскладывалъ ихъ на столѣ передъ мистеромъ Кенджемъ; онъ, въ свою очередь, увидѣлъ меня, сдѣлалъ мнѣ смущенный поклонъ и внушилъ мнѣ непремѣнное желаніе тотчасъ же удалиться домой. Я подала руку Ричарду и мы было пошли уже къ выходу, какъ мистеръ Гуппи поймалъ насъ и успѣлъ къ намъ подойти.

— Извините мистеръ Каретонъ, сказалъ онъ шопотомъ: — простите великодушно, миссъ Семмерсонъ, но здѣсь есть дама, одна изъ моихъ пріятельницъ; она знаетъ васъ, милостивая государыня, и очень желаетъ имѣть честь подойти къ вамъ.

Пока онъ говорилъ, я взглянула впередъ и увидѣла передъ собою воплощеніе моихъ воспоминаній, мистриссъ Рахиль, жившую нѣкогда въ домѣ моей крестной матери.

— Какъ твоё здоровье, Эсоиръ? сказала она: — узнаёшь меня?

Я протянула ей руку и сказала ей, что она, на мои глаза, вовсе не измѣнилась.

— Я удивляюсь, что ты, Эсоиръ, помнишь старое время, отвѣчала она съ своей обычной сухостью. Теперь все перемѣнилось; я очень рада, что вижу тебя и что нахожу тебя не надменной дѣвочкой.

— Надменной! что вы этимъ хотите сказать мистриссъ Рахиль?

— Я замужемъ, Эсоиръ, замѣтила она мнѣ холодно: — и теперь меня зовутъ мистриссъ Чедбандъ. Прощай, моя милая, желаю тебѣ быть здоровой.

Мистеръ Гуппи давъ кончиться этому короткому разговору, вздохнулъ громко, чтобъ я услышала, и вмѣстѣ съ мистриссъ Рахилью вмѣшался въ толпу, посреди которой мы стояли. Мы съ Ричардомъ стали пробираться впередъ и я еще не успѣла опомниться отъ встрѣчи съ старыми знакомыми, какъ встрѣтилась уже опять съ знакомымъ человѣкомъ — съ мистеромъ Джорджемъ. Онъ шелъ тяжелымъ шагомъ, не обращая вниманія на толпу входящихъ и выходящихъ людей, которыхъ дѣла приводили на это время въ палату.

— Джорджъ! сказалъ Ричардъ, увидавъ также его.

— Счастливая встрѣча, сэръ, отвѣчалъ Джорджъ. — Очень-радъ васъ видѣть, миссъ. Можете ли вы указать мнѣ особу, которую я ищу? Я здѣсь въ первый разъ и ничего не знаю.

Повернувшись, онъ очистилъ намъ дорогу безъ всякаго затрудненія и оставовился, когда мы были внѣ давки, въ углу, позади большаго краснаго занавѣса.

Я показала на миссъ Флайтъ, которая стояла рядомъ со мною. Она во все время не отставала отъ меня ни на шагъ и обращала (къ моему смущенію) вниманіе своихъ палатскихъ знакомыхъ на меня, шепча имъ въ уши: «Те!.. Фицъ Жаридисъ!.. здѣсь!..»

— Гм! сказалъ попотомъ мистеръ Джорджъ: — вы помните, миссъ, сегодня утромъ мы говорили объ одномъ человѣкѣ? Гредли?

— Помню.

— Онъ скрывается у меня. Я объ этомъ не говорилъ прежде, не имѣлъ разрѣшенія. Онъ, кажется, ужъ на послѣднемъ взводѣ, миссъ. Ему запало въ голову непременно увидѣть ее. Онъ говоритъ, что они понимаютъ другъ друга и что она всегда была къ нему очень-ласкова. Вотъ я за ней и пришелъ.

— Сказать ей? спросила я.

— Будьте такъ добры, отвѣчалъ онъ, глядя на миссъ Флайтъ съ какою-то боязнью. — Счастье, что я встрѣтилъ васъ, миссъ: безъ васъ я право бы не зналъ какъ къ ней приступиться.

И онъ заложилъ одну руку за пюговиды, вытянулся во весь ростъ и дождался отвѣта въ этой воинственной позѣ.

— А, сердитый другъ мой... изъ Шропшайра!.. знаю, знаю. . онъ такъ же знаменитъ, какъ и я!.. воскликнула миссъ Флайтъ: — съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ!..

— Онъ живетъ скрытно у мистера Джорджа, сказала я: — тише! вотъ мистеръ Джорджъ.

— Вотъ что!.. Очень-рада, что имѣю честь!.. Военный человѣкъ, моя милая... Настоящій генераль!.. посмотрите... шептала она мнѣ.

Бѣдная миссъ Флайтъ считала долгомъ, въ знакъ уваженія къ военнымъ, надѣлать столько книксеновъ, что мы съ трудомъ могли вывести ее изъ присутственнаго мѣста. Когда, наконецъ, мы успѣли уговорить ее выйти на улицу, она подала руку мистеру Джорджу и постоянно называла его генераломъ, къ большому удовольствію зѣвакъ. Онъ, бѣдный, не зналъ что ему дѣлать и умолялъ меня «не дезертировать». Видя его бѣдственное состояніе, я согласилась исполнить его просьбу, тѣмъ болѣе, что миссъ Флайтъ была со мною очень-спокойна и сама

сказала мнѣ : « Фицъ-Жардисъ, вы, безъ-сомнѣнія пойдете съ нами? » Ричардъ также согласился идти вмѣстѣ. Мистеръ Джорджъ сказалъ намъ, что Гредли бредилъ также и о мистерѣ Жардисѣ, услышавъ, что онъ въ Лондонѣ. Мнѣ пришло въ голову увѣдомить объ этомъ добраго опекуна моего; я написала къ нему наскоро карандашомъ записку, мистеръ Джорджъ запечаталъ ее въ первой кофеейной и отправилъ во адресу съ разнощикомъ писемъ.

Мы наняли извозищью карету и поѣхали въ ней къ Лейстерскому Скверу. Остановясь, гдѣ слѣдуетъ, мы прошли нѣсколько узкихъ дворовъ, за что мистеръ Джорджъ просилъ у насъ прощенья, и скоро увидѣли дверь тира. Подошла къ ней, мистеръ Джорджъ позвонилъ въ колокольчикъ; въ это самое время подошелъ къ намъ очень-почтенный человекъ, съ сѣдыми волосами, въ очкахъ, въ черномъ платьѣ, въ шляпѣ съ широкими полями; въ рукахъ у него была толстая палка съ золотымъ набалдашникомъ. Онъ обратился къ мистеру Джорджу.

— Извините меня, другъ мой, сказалъ онъ : — если я не ошибаюсь, такъ это галерея Джорджа для стрѣльбы въ цѣль.

— Она самая, отвѣчалъ Джорджъ, взглянувъ на вывѣску, написанную крупными буквами, на чисто-вымытой стѣнѣ.

— Да, точно такъ, сказалъ старикъ, слѣдя за глазами мистера Джорджа : — благодарю васъ. Вы ужь позвонили?

— Я самъ хозяинъ, сэръ, и ужь позвонилъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? сказалъ старикъ : — такъ ваше имя Джорджъ? Мы съ вами сошлись. Вы вѣдь за мной приходили?

— Нѣтъ, сэръ, я не приходилъ за вами.

— Не приходили? такъ, стало-быть, вашъ молодой мальчикъ приходилъ за мной. Я докторъ, и меня звали навѣстить больнаго въ галереѣ Джорджа для стрѣльбы въ цѣль.

— А, вотъ оно что! сказалъ мистеръ Джорджъ, обращаясь къ Ричарду и мнѣ : — Это очень можетъ быть, сэръ. Будьте такъ добры войдите.

Дверь въ это время отворилась усиліемъ очень-страннаго человека, въ зеленомъ шерстяномъ передникѣ и въ такой же ермолкѣ; его лицо, руки, платье — все это было закончено и перекопчено. Пустымъ корридоромъ взойдя мы въ обширное зданіе съ нештукатуренными стѣнами, въ которомъ лежали щиты, раширы, эскадроны, ружья, пистолеты и прочія воинскія принадлежности. Когда мы все вошли въ галерею, съ докторомъ сдѣлалась какая-то волшебная пережѣна : онъ снялъ шляпу и вмѣсто него явился передъ нами діаметрально-противоположный ему человекъ.

— Посмотрите-ка сюда, Джорджъ, сказалъ оборотень, повернувшись къ нему быстро и постукивая своимъ толстымъ, указательнымъ пальцемъ по его груди : — Вы вѣдь знаете меня, и я знаю васъ. Вы свѣтскій человѣкъ, и я свѣтскій человѣкъ. Имя мое Бѣккетъ, какъ вамъ известно, и у меня въ рукахъ бумага, предписывающая взять Гредди. Вы долго его скрывали. Это дѣлаетъ честь вашей ловкости.

Мистеръ Джорджъ посмотрѣлъ на него сурово, закусилъ губу и отрицательно покачалъ головой.

— Послушайте Джорджъ, сказалъ мнимый докторъ : — вы человѣкъ съ толкомъ, человѣкъ хорошаго поведенія — вотъ вы каковы. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнiя. Я вѣдь не говорю съ вами, какъ съ кѣмъ-нибудь. Вы служили отечеству и знаете, что когда долгъ велитъ, надо повиноваться. Слѣдовательно вы далеки отъ того, чтобъ поднять нутеръ. Если мнѣ надо помочь, вы мнѣ поможете. Вотъ, что вы сдѣлаете. — Эй ты, Филь Скводъ, не шмыгай около стѣнъ (грядущий маленькiй человѣчекъ, какъ-то странно шель впередъ, потирая спиною стѣны и бросалъ на пришельца взгляды, исполненные угрозы) да, не шмыгай; это мнѣ не нравится, я вѣдь тебя знаю.

— Филь! окаявалъ мистеръ Джорджъ.

— Что хозяинъ?

— Смирно!

Маленькiй человѣчекъ поворчалъ, поворчалъ и успокоился.

— Милостивые государи и государыни, сказалъ мистеръ Бѣккетъ : — вы извините, если что-нибудь вамъ покажется неприятнымъ. Я Бѣккетъ, слышкѣ, и долженъ здѣсь исполнить нѣкоторую обязанность, на меня возложенную. Джорджъ, я знаю гдѣ спрятанъ подсудимый; сегодня ночью я взлѣзалъ на крышу и видѣлъ его съ вами, сквозь потолочное окно. Онъ ютъ тутъ. Я его долженъ видѣть и долженъ ему сказать, что онъ арестованъ. Вы знаете меня и знаете, что безъ надобности я не дѣлаю никакихъ неприятностей. Дайте мнѣ честное слово, какъ старiй солдатъ — и все будетъ исполнено къ общему удовольствiю.

— Я даю слово, отвѣчалъ Джорджъ : — но съ вашей стороны это нехорошо, мистеръ Беккетъ.

— Глузости, Джорджъ! гм! нехорошо! говорилъ мистеръ Беккетъ, постукивая пальцемъ по его груди и пожимая ему руку. — Нехорошо! Я вѣдь не говорю, что съ вашей стороны нехорошо, что вы его скрывали. Гм! будь же и ко мнѣ справедливъ добрый дѣтина! старiй Вильгельмъ Тель, старiй Шоу, лейбгренадеръ! Это лучшая молитва британской армiи, милостивые государи и государыни, я бы далъ

банковый билетъ въ пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ, чтобъ только походить на него вполовину!

Когда дѣло дошло къ развязкѣ, мистеръ Джорджъ, подумавъ нешного, вызвался прежде повидать своего товарища (какъ онъ называлъ Грѣдли) и свести къ нему миссъ Флайтъ. Мистеръ Беккетъ согласился; они отправились въ задній уголъ галерей, а мы остались около стола, заваленнаго ружьями. Мистеръ Беккетъ, пользуясь случаемъ, вступилъ въ разговоръ: онъ спрашивалъ меня не боюсь ли я ружей, какъ обыкновенно боятся молодыя леди; спрашивалъ Ричарда, хорошій ли онъ стрѣлокъ, спрашивалъ Филь Скведа, которое изъ ружей лучше и дорого ли они стоятъ; замѣтилъ ему, что считаетъ его красной дѣвушкой и скромникомъ первой руки, когда онъ не увлекается своимъ пылкимъ темпераментомъ, и вообще былъ очень-любезенъ.

Мистеръ Джорджъ, скоро воротился и сказалъ намъ, что Грѣдли желаетъ всѣхъ насъ видѣть; едва онъ кончилъ эти слова, какъ раздался звонъ колокольчика. Филь отворилъ дверь, и вошелъ опекунъ мой. — «чтобъ сдѣлать все, что можно, въ пользу человѣка, испытывающаго тѣ же бѣдствія, какія испытываетъ онъ самъ», сказалъ мистеръ Жарндисъ, здороваясь съ нами. И мы всѣ вмѣстѣ отправились къ Грѣдли.

На концѣ галерей, за нетесанной деревянной перегородкой, недоходящей до потолка, мы увидѣли потолочныя балки и окно, въ которое мистеръ Беккетъ подсматривалъ Грѣдли. Солнце было уже на закатѣ и почти совершенно сѣло, согрѣвая воздухъ послѣдними красновато-лиловыми лучами. Тамъ, за перегородкой на диванѣ, обтянутомъ холстомъ, лежалъ шропшайрскій истрецъ, одѣтый точно такъ же, какъ мы его видѣли въ послѣдній разъ; но, Боже, какъ онъ измѣнился! Его блѣдное лицо, впалыя щеки не пробуждали никакихъ воспоминаній.

Онъ и здѣсь занимался бумагами; столъ и нѣсколько досокъ были завалены документами, изрѣзанными перьями, актами и т. п. Съ миссъ Флайтъ они были соединены какою-то грустною, тяжелою дружбою. Рука-въ-руку сидѣли они молча и глядѣли другъ на друга; мы наблюдали за ними издали.

Голосъ его ослабѣлъ въ этой постоянной борьбѣ съ несправедливостью, въ постоянномъ гнѣвѣ, въ постоянно-напряженномъ состояннн духа. Узнать его по лицу было невозможно: это какая-то тѣнь, какой-то скелетъ — такъ изсушила его, извела Оберканцелярн.

Онъ поклонился мнѣ и Ричарду и сказалъ опекуну моему:

— Благодарю васъ, мистеръ Жарндисъ, что вы меня посѣтили: это для меня очень-утѣшительно. Я здѣсь долго не жалецъ, протяните мнѣ

вашу руку, сэръ. Вы благородѣйшій человѣкъ. Богъ видитъ, какъ я васъ уважаю.

Они пожимали другъ другу руки и опекунъ мой говорилъ ему утѣшительныя слова.

— Вамъ, можетъ-быть, это покажется страннымъ, сэръ, говорилъ Грѣдли : — но я вамъ скажу откровенно, что въ первый разъ неохотно встрѣтилъ бы я васъ здѣсь. Вы знаете, что я воевалъ съ ними, вы знаете, что я одной этой рукой сопротивлялся всѣмъ имъ. Вы знаете, что я, наконецъ, высказалъ имъ всю правду-матку : я сказалъ имъ, что они за народъ, что они для меня сдѣлали, и пусть смотрятъ они на меня, когда я въ такомъ жалкомъ, униженномъ состояннн.

— Вы всегда смѣло дѣйствовали противъ нихъ, отвѣчалъ опекунъ мой.

— Да, сэръ, я дѣйствовалъ смѣло, говорилъ съ грустной улыбкой мистеръ Грѣдли. — И я сказалъ вамъ, что станется со мною, когда я не буду такъ дѣйствовать; и въ-самомъ-дѣлѣ, посмотрите на насъ, посмотрите на насъ ! Онъ притянулъ къ себѣ ближе миссъ Флайтъ, говоря послѣдння слова.

— Вотъ конецъ. Отъ всѣхъ моихъ старыхъ друзей, отъ всѣхъ моихъ желаннй и надеждъ, отъ всего мнра живыхъ и мертвыхъ существъ, одна только она — эта добрая душа, осталась со мною, и мы какъ-нельзя-больше пара. Между нами твердая связь, сотканная изъ многихъ годовъ страданнй, эта единственная связь между мною и землею и единственная связь, которую не могла сокрушить Оберканцелярнй.

— Примите благословеннй Грѣдли, говорила миссъ Флайтъ въ слезахъ : — примите благословеннй!

— Я прежде самонадѣянно думалъ, что имъ не сокрушить моего сердца, мистеръ Жарндисъ. Я думалъ, что я покрою ихъ стыдомъ и насмѣшкой, прежде чѣмъ обезсилю въ этой борьбѣ. Но я палъ, палъ и нравственно и физически. Какъ долго изнывалъ я — я не знаю; но окончательно изложенъ я былъ въ одинъ часъ, хотя они этого не узнаютъ. Надѣюсь, что каждый изъ присутствующихъ здѣсь передастъ имъ, что и на смертномъ одрѣ своемъ я мстилъ имъ такъ же неутомимо, такъ же настойчиво, какъ въ длинный рядъ годовъ своей жизни.

Послѣ этого монолога, мистеръ Беккетъ, сидѣвшнй въ углу комнаты, около Двери, приносилъ Грѣдли такня добродушныя утѣшеннй, какнй только могъ.

— Полно, полно! говорилъ онъ изъ своего уголка : — что вы такъ расходились, мистеръ Грѣдли. Вамъ несомнѣнъ посчастливилось — вотъ и

все. Это съ каждымъ изъ насъ случается, и случается частенько. Мнѣ также несовѣмъ везеть. Укрѣпляйтесь, укрѣпляйтесь! Вамъ еще не разъ придется побораниться съ ихъ братьей, зубъ-за зубъ; а мнѣ, если посчастливится, такъ тоже не разъ придется искать васъ и отвѣдять кой-куда.

Мистеръ Грѣдли только началъ головой.

— Ну, что вы качаете головой, говорилъ мистеръ Бѣккетъ : — полно вамъ, лучше кивните мнѣ въ знакъ согласія. Чего-чего вы съ вами не пережили. Не-уже-ли я не видалъ васъ ни разу въ тюрьмѣ за то, что вы слишкомъ горячились? Не приходилъ ли я двадцать разъ въ Палату съ тѣмъ только, чтобы посмотрѣть, какъ вы поддразниваете адвокатовъ и лорда-канцлера? Развѣ вы забыли, что еще при началѣ вашихъ продѣлокъ съ юристами, противъ васъ каждую недѣлю было двѣ-три жалобы. Спросите эту старушку : она тоже все знаетъ. Э! успокойтесь, мужайтесь сэр!

— Что вы съ нимъ будете дѣлать? спросилъ Джорджъ тихимъ голосомъ.

— Пока еще не знаю, отвѣчалъ Бѣккетъ тоже шепотомъ, и потому снова принялся громко утѣшать мистера Грѣдли.

— Ха! что вы это, мистеръ Грѣдли! Похоже ли на то, что вы ослабли? какже! Не бойсь нѣсколько недѣль водилъ меня за носъ, какъ дурака, заставилъ лазить по крышамъ, какъ какую-нибудь кошку, и вынудилъ прикинуться докторомъ. Нѣтъ это не похоже на умирающаго. Знаете ли, что вамъ нужно? Вамъ нужно возбужденіе, усиліе; вы къ этому привыкли, вотъ вамъ, тутъ, въ уголку-то, и плохо. А вотъ и лекарство готово. У меня предписаніе отъ мистера Тѣлкингорна вѣять васъ, и пойдѣмъ въ Магистратъ; тамъ вы поборанитесь, разсердитесь, это васъ взволнуетъ и облегчитъ. Право такъ! А то, человѣкъ съ такой энергіей, какъ вы, сидитъ да хныкаетъ : этакъ по неволѣ заблѣешь. Ну Джорджъ, отпусти-на со мной мистера Грѣдли, увидишь, что приведу здоровымъ назадъ?

— Онъ очень-слабъ, шепталъ кавалеристъ.

— Слабъ? отвѣчалъ Бѣккетъ съ участіемъ : — я хотѣлъ его немного приободрить. На стараго знакомаго, въ такомъ состояніи, смотришь какъ-то неохотно. Его бы подкрѣпило, еслибъ онъ, хотя на меня, разсердился. Пусть отбоксируетъ меня, я все стерплю.

Вдругъ вся галерея огласилась пронзительнымъ крикомъ миссъ Флайтъ, который и до-сихъ-поръ звѣнитъ въ моихъ ушахъ.

— Нѣтъ, Грѣдли, нѣтъ! кричала она; а онъ тяжело и медленно спускался на диванъ : — не уходи безъ моего благословенія, нослѣ столькокихъ лѣтъ дружбы!

.....

 Солнце село, тѣнь сѣнила свѣтъ, но мрачнѣе тѣни была для меня картина умершаго Грѣди и безушной Флайтъ, и чертѣ ночи были мои предчувствія о судьбѣ Ричарда.

И сквозь прощанья его мнѣ все слышались слова : « Вотъ конецъ. Отъ всѣхъ моихъ старыхъ друзей, отъ всѣхъ моихъ желаній и надеждъ, отъ всего міра живыхъ и мертвыхъ существъ, одна только она, эта добрая душа осталась со мною. И мы какъ—нельзя—больше паръ. Между нами твердая связь, сотканная изъ многихъ годовъ страданія; это единственная связь между мною и землею; единственная связь, которую не могла сокрушить Оберканцелярія ».

ГЛАВА XXV.

МИСТРИССЪ СНЕГСБИ ВСЕ ВИДИТЬ.

На Стряпномъ Подворьѣ, въ Канцелярской Улицѣ неспокойно, очень-неспокойно. Черныя подозрѣнія, какъ вороны, витаютъ надъ этой смиренной частью города. Всѣ, впрочемъ, жители Стряпнаго Подворья находятся *in statu quo*, то—есть ни хуже, ни лучше, чѣмъ были; но мистеръ Снегсби измѣнился, очень измѣнился, и мистриссъ Снегсби видятъ эту перемену.

Дѣло въ томъ, что Улица Одиноваго Тома и Поля Линкольнской Палаты упрямо запряглись въ мозгъ и воображеніе мистера Снегсби и мчатъ эту тяжелую колесницу по горамъ и оврагамъ около дѣлгъ поставщика канцелярскихъ принадлежностей подъ управленіемъ возжей мистера Бѣккета; пассажирами въ этой колесницѣ Джо и мистеръ Телькингорнъ. Даже и въ маленькой кухнѣ, гдѣ все семейство обѣдаетъ и ужинаетъ, эта колесница является и уносится въ паряхъ горячихъ блюдъ передъ несмыслымъ взоромъ мистера Снегсби и онъ, отрѣзывая первый кусокъ баранины, приготовленной съ картофелемъ, вдругъ останавливается и слѣдитъ за ея бѣгомъ по кухонной стѣнѣ:

Мистеръ Снегсби и самъ не знаетъ, что ему съ этимъ дѣлать. Гдѣ-то, что-то не такъ—это онъ понимаетъ; но гдѣ не такъ и что не такъ и что изъ этого выйдетъ и какъ это кончится—это неразрѣшимыя загадки на всю его жизнь. Темныя впечатлѣнія тогъ и вѣнцовъ, звѣздъ и орденскихъ лентъ, мерцающихъ сквозь покровъ пыли, лежащей на бюро мистера Телькингорна; почитаніе тайнъ, въ главѣ которыхъ сто-

ить самый важный, самый таинственный из его покупателей, на которого всё Палаты, весь Канцелярскій Переулокъ и все юридическое сосѣдство смотритъ съ почтеніемъ; воспоминаніе о таинственномъ мистерѣ Беккетѣ, о его указательномъ пальцѣ, о его секретномъ образѣ дѣйствій, отъ котораго ничто не можетъ ни ускользнуть, ни отбиться, убѣждаютъ его, что онъ впутался въ какую-то тайну, которую не понимаетъ и никогда не пойметъ. И таково опасное положеніе дѣль, что каждую минуту его обыденной жизни, при каждомъ скрипѣ двери, при малѣйшемъ звонѣ сѣннаго колокольчика, при входѣ кого бы то ни было, при отдачѣ письма, эта тайна можетъ вспыхнуть, разразиться и убить... но кого, это знаетъ только мистеръ Беккетъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ, если является въ лавку неизвѣстный человекъ (какъ это часто дѣлаютъ незнакомые) и спрашиваетъ: дома ли мистеръ Снегсби? или что-нибудь въ этомъ невинномъ родѣ, сердце мистера Снегсби такъ и забьется въ его преступной груди. Подобные вопросы приводятъ его въ такое волненіе, что если ихъ дѣлаютъ мальчишки, то онъ мститъ имъ, стуча на нихъ о свою конторку, называя ихъ щенятами и браня ихъ за то, что они съ разу не могутъ высказаться. Болѣе необходимые люди и дерзкіе мальчишки, настоятельно тревожатъ этими неясными вопросами сонъ мистера Снегсби и мучатъ его, и безъ того ужъ истерзанную душу, такъ-что часто, когда нѣтухъ, въ маленькой молочной лавкѣ, приходитъ въ неистовый восторгъ, по поводу солнечнаго восхода, мистеръ Снегсби находится въ страшномъ припадкѣ кошмара, мистриссъ Снегсби принимается оттрясывать его и говорить подозрительнымъ тономъ: что это съ нимъ такое дѣлается?

Сама мистриссъ Снегсби не мало усложняетъ его затрудненія. Сознаніе, что онъ долженъ таить отъ нея секретъ, что у него въ головѣ есть заноза, которую, того-и-гляди вытащить мистриссъ Снегсби, все это вмѣстѣ заставляетъ мистера Снегсби смотрѣть на свою дражайшую половину съ такимъ же точно чувствомъ, съ какимъ смотритъ собака, боящаяся своего господина, куда угодно, только не ему въ глаза.

Его замѣшательство, его какая-то таинственность не ускользаютъ отъ бдительнаго ока мистриссъ Снегсби. Она говоритъ: у Снегсби что-нибудь на умѣ! что-нибудь нечисто! И эти черныя подозрѣнія гнѣзятся на Стряпномъ Подворьѣ, въ Канцелярской Улицѣ. Дорога отъ подозрѣній къ ревности кажется мистриссъ Снегсби такъ прѣма и коротка, какъ съ Стряпнаго Подворья на Канцелярскую Улицу. И эта ревность тяготеетъ надъ Стряпнымъ Подворьемъ, надъ Канцелярской

Улицей. Ословавшись однажды тамъ (а она съ незапамятныхъ временъ бродила по этой сторонѣ), тѣнится она въ грудь мистриссъ Снегсби, мучить и тревожить ее, гонить ее въ таинственный часъ полуночи обследовать карманы мистера Снегсби, таймо перечитать его письма, порыться въ записной книгѣ, въ большой и малой кассахъ, въ потаенномъ шкапу, смотрѣть въ окно, подсматривать и подслушивать за дверью, сводить всѣ полученныя свѣдѣнія въ самый ложный итогъ.

Мистриссъ Снегсби въ постоянномъ волненіи, такъ-что весь домъ, по поводу непрерывнаго скрипѣнья половъ и шелеста юбокъ, похожъ на заколдованный домъ. Подмастерья начинаютъ думать, что это мѣсто нехорошо; что, вѣрно, на немъ было въ старое время совершено злодѣйство. Крикса питаетъ въ душѣ своей нѣкоторые атомы неопредѣленной идеи (общей всѣмъ дѣтямъ Тутингскаго Приюта), что въ подвалѣ зарыты несметныя кучи золота, надъ которыми чахнетъ бѣлобородый кашей, которому нѣтъ отпуска на тотъ свѣтъ ужъ нѣсколько тысячъ годовъ.

«Кто этотъ Нимродъ? спрашиваетъ себя безпрестанно мистриссъ Снегсби. Что за созданіе эта леди? Кто этотъ мальчишка? Нимродъ давно умеръ, леди не поймаетъ, и мистриссъ Снегсби приходитъ въ отчаяніе и въ настоящую минуту обращаетъ свое интеллектуальное око, съ удвоенною бдительностью на бѣднаго Джо. Кто этотъ мальчишк? спрашиваетъ она себя въ тысячу-сотый разъ. Кто онъ такой?.. И вдругъ мистриссъ Снегсби воодушевляется вдохновеніемъ.

Онъ не питаетъ уваженія къ особѣ мистера Чедбанда. Конечно не питаетъ и не хочетъ. И это очень-естественно при столь смутныхъ обстоятельствахъ. Онъ былъ приглашенъ мистеромъ Чедбандомъ: мистриссъ Снегсби слышала это своими ушами; мистеръ Чедбандъ въ ея присутствіи говорилъ ему, чтобъ онъ освѣдомился о его мѣстѣ жительства и пришелъ бы къ нему выслушать поучительныя наставленія. Онъ между-тѣмъ не пришелъ! Отчего онъ не пришелъ? Потому-что ему было сказано не приходить. Кѣмъ? Ха, ха, ха! мистриссъ Снегсби все видитъ, все!

Но, къ-счастью (и мистриссъ Снегсби таинственно качаетъ головою и таинственно улыбается), вчера мистеръ Чедбандъ встрѣтилъ этого мальчишка на улицѣ и мистеръ Чедбандъ взялъ его, какъ интересный субъектъ для поученія избраннаго общества Клуба Умѣренности, грозилъ предать его въ руки полицмена, если онъ не покажетъ достопочтенному мужу своего жилища и если онъ не явится на слушаніе поученій на Стрѣльное Подворье завтра вечеромъ. За-втра ве-че-ромъ! повторяетъ мистриссъ Снегсби съ особеннымъ выраженіемъ и опять таи-

ственно улыбаясь, таинственно качая головою, и завтра вечеромъ мальчикъ будетъ здѣсь и завтра вечеромъ мистриссъ Снегсби будетъ слѣдить за нимъ и еще кой за кѣмъ. О, ты можешь хитрить сколько тебѣ угодно! говорить мистриссъ Снегсби съ гордымъ презрѣніемъ: но меня ты не проведешь.

И мистриссъ Снегсби не звонитъ о своихъ плянахъ, она держитъ ихъ въ глубокомъ секретѣ. Приходить завтра. Совершается приготовленіе вкусныхъ матеріаловъ къ масляному дѣлу. Настаетъ вечеръ. Является мистеръ Снегсби въ своемъ черномъ сюртукѣ, являются Чедбанды; приходятъ, когда корабль ужь достаточно нагруженъ, подмастерья и Крикса для слушанія поученій, приходитъ наконецъ Джо съ понуренною головою, несимълымъ, неуклюжимъ шагомъ, съ оборванною мѣловой шапкой, которую онъ дощипываетъ, какъ убитую птицу. Джо! ты страшный, загрубѣлый и заколебѣлый субъектъ, котораго долженъ навести на путь истинный мистеръ Чедбандъ.

Мистриссъ Снегсби мечетъ наблюдательные взоры на Джо, пока Крикса проводитъ его въ гостиную. Входя, онъ смотритъ на мистера Снегсби. А-а! зачѣмъ онъ смотритъ на мистера Снегсби? Мистеръ Снегсби смотритъ на него. Зачѣмъ? О! мистриссъ Снегсби все видитъ! Зачѣмъ они пересматриваются, отчего мистеръ Снегсби смущенъ и производитъ значительное откашливаніе въ кулакъ?.. Нѣтъ, это ясно, ясно какъ кристалль, что мистеръ Снегсби... незаконный отецъ этого мальчика!.. да!

— Спокойствіе, други мои, говоритъ мистеръ Чедбандъ, вставая со стула и отирая масляными промазваніями съ своего достопочтеннаго лица: — да будетъ миръ и спокойствіе между нами, други мои! Почему между нами? Потому, продолжаетъ онъ съ своею жирною улыбкою: — миръ не долженъ быть противъ насъ, онъ долженъ быть между нами, потому—что онъ не озлобляетъ, а успокоиваетъ; потому—что онъ не предвѣщаетъ ссоры, какъ истребъ, но слетаетъ тихо, какъ голубица. Итакъ, друзья мои, да будетъ миръ между нами! Сынъ мой, впередъ!

Мистеръ Чедбандъ хватаетъ своею жирною рукою за руку Джо и ищетъ глазами мѣста, куда бы его поставить. Джо, сомнѣваясь въ дружелюбныхъ намѣреніяхъ своего достопочтеннаго друга, неясно понимаетъ, какого рода испытанію хотать его подвергнуть, много ли прійдется ему страдать и терпѣть, и ворчитъ на всякій случай: пустите меня! Я вамъ ничто не сдѣлалъ! Пустите меня!

— Нѣтъ мой юный другъ, говоритъ плавно мистеръ Чедбандъ: — итъ, я тебя не отпущу. А почему? Потому—что я неутомимый собиратель жатки, потому—что я тружусь и работаю для пользы человѣка,

потому-что ты несомнѣнно къ мнѣ и сдѣлаешься въ рукахъ моихъ драгоценнымъ орудіемъ. Друзья мои, могу ли я употребить это орудіе въ вашу пользу, къ вашимъ выгодамъ, къ вашему благосостоянію, къ вашему обогащенію? Юный другъ мой, сядь на сей стулъ!

Джо, очевидно, подъ влияніемъ опасенія, что почтенный мужъ на мѣренъ лишитъ его нѣкоторой части волосъ, закрываетъ голову свою обѣими руками и устроивается на требуемомъ мѣстѣ съ большимъ трудомъ и всевозможными усиліями.

Когда, наконецъ, онъ помѣщенъ на стулѣ, какъ парикмахерская кукла, мистеръ Чедбандъ удаляется за столъ, подымаетъ вверхъ свою медвѣжью лапу и говоритъ: — «Други мои!» Это общій знакъ къ приведенію въ порядокъ аудиторіи. Подмастерья внутренно хохочутъ и подталкиваютъ локтями другъ друга. Крикса впадаетъ въ неопредѣленное состояніе души и тѣла, происходящее отъ смѣси высокаго удивленія къ мистеру Чедбанду и симпатіи къ бездомному, покинутому бѣднягѣ Джо. Мистриссъ Снегсби молча подводитъ мины. Мистриссъ Чедбандъ угрюмо садится передъ каминомъ и согрѣваетъ свои колѣни, находя, что этотъ приемъ совершенно-необходимъ при слушаніи краснорѣчивыхъ наставленій.

Мистеръ Чедбандъ имѣетъ ораторскую замашку устремлять взоръ свой на одного изъ членовъ своей аудиторіи и къ этому члену обращать преимущественно всѣ фазисы своей рѣчи; это дѣлается съ той цѣлью, что особа, на которую падаетъ этотъ лестный выборъ при известныхъ періодахъ, выражаетъ вздохами, всхлипываньемъ, оханьемъ и тому подобное, внутреннее чувствованіе души; это выраженіе внутренняго чувствованія передается другимъ, сначала престарѣлымъ леди, отъ нихъ далѣе, какъ электричество, къ болѣе-закоренѣлымъ грѣшникамъ и наконецъ переходитъ на всю аудиторію и подкрѣпляетъ и освѣжаетъ краснорѣчіе мистера Чедбанда.

Въ силу этой привычки мистеръ Чедбандъ, произнеся :

— Други мои! устремилъ взоръ свой на мистера Снегсби и сообщилъ, и безъ того ужъ сконфуженному, несчастному поставщику канцелярскихъ принадлежностей рѣчь свою непосредственно. — Между нами, други мои, говоритъ мистеръ Чедбандъ : — находится язычникъ, житель подъ кровлею Улицы Одинокато Тома и пресмыкающийся по лицу земному. Здѣсь, посреди насъ, други мои... и мистеръ Чедбандъ мотааетъ жирнымъ пальцемъ, посылаетъ масляную улыбку въ лицо мистера Снегсби, означающую, что онъ намѣренъ положить его ницъ логическимъ аргументомъ, если онъ еще до-сихъ-поръ не лежитъ въ прахѣ: — братъ и сынъ; безъ родителей, безъ родствен-

никель, безъ стады, безъ пастбища, безъ золота, безъ серебра и безъ драгоценныхъ камней. Значитъ, други мои, говорю я, вы знаете, какъ владѣть? Значитъ? Да, значитъ? мистера Чедбандъ предлагаетъ этотъ вопросъ мистеру Снегси, какъ какую-нибудь жареную или соевую шенно-новую загадку, весьма-особеннаго остроумія, разрѣшитель которую поставилъ канцелярская принадлежностей въру на въ съ стоянн.

Мистеръ Снегси чрезвычайно обитъ съ толку таинственными взглядами, которые бросаетъ на него теперь его дражайшая половина, въ особенности послѣ того, какъ достоуваженный наставникъ произнесъ слово : родители — и онъ рѣшается на самый скромный отвѣтъ : — « право, не знаю, сэръ! » говорить онъ. При этихъ словахъ мистрисъ Чедбандъ строго взираетъ, а мистрисъ Снегси презрительно говорить : — « Стыдитесь ! »

— Я слышу голосъ, продолжаетъ мистеръ Чедбандъ : — слабый ли это голосъ, други мои? Да, это слабый голосъ.

О-охъ! взыаетъ мистрисъ Снегси.

— Этотъ голосъ говорить : я не знаю. Онъ не знаетъ ! Такъ я вамъ скажу почему. Я говорю, что этотъ сынъ, который смонъ предъ нами, безъ родителей, безъ родственниковъ, безъ стады, безъ пастбища, безъ золота, безъ серебра, безъ драгоценныхъ камней, потому-что онъ лишенъ свѣта, который освѣщаетъ нѣкоторыхъ изъ насъ. Что это за свѣтъ? Что это такое? Я спрашиваю васъ, что значить свѣтъ?

Мистеръ Чедбандъ забрасываетъ голову назадъ и остается въ такой позѣ, ожидая отвѣта. Но мистеръ Снегси, себѣ на-умѣ, молчитъ, чтобъ опять не провратъся. Мистеръ Чедбандъ перевѣшивается черезъ столъ и выкручиваетъ пальцами на мистера Снегси все то, что онъ хочетъ сказать.

— Свѣтъ, говорить онъ : — это лучъ отъ луча, солнце отъ солнца, луна отъ луны, звѣзда отъ звѣзды.

Мистеръ Чедбандъ откидываетъ голову опять назадъ и торжественно смотреть на мистера Снегси, какъ-будто хочетъ ухватъ, какъ этотъ джентльменъ теперь себя чувствуетъ.

— Да! говорить мистеръ Чедбандъ, съ новымъ указаніемъ на мистера Снегси : — Не говори мнѣ, что это не лучъ отъ луча. Я говорю тебѣ, что это такъ. Я говорю тебѣ тысячи, тысячи разъ, что это такъ. Да, это такъ! Я буду это твердить вамъ, несмотря на то, нравятся вамъ слова мои, или нѣтъ; скажу даже, что если они вамъ не поутру, то я тѣмъ болѣе буду ихъ проповѣдывать; буду кричать вамъ ихъ... въ рупоръ! Говорю вамъ, если вы будете попережить

ний, те вы падете духомъ, вы размножите себя головы, вы ложите, какъ нузыри, вы разобьетесь въ нухъ и прахъ.

Этотъ смѣлый потокъ краснорѣчя, столь уважаемый последователями мистера Чедбанда за ораторскую силу, не только разлилъ желчь въ груди мистера Чедбанда, но и выставилъ невнятного мистера Снегсби въ такомъ свѣтѣ, что онъ явился предъ лицомъ общества какъ законный гражданинъ, врагъ добродѣтели, съ мѣднымъ лбомъ, каменнымъ сердцемъ. Это обстоятельство ошеломляетъ несчастнаго поставщика камельскихъ принадлежностей; онъ упадаетъ духомъ, чувствуетъ себя въ ложномъ положеніи, и вдругъ мистеръ Чедбандъ окончательно убиваетъ его.

— Други мои, продолжаетъ ораторъ, послѣ многократнаго отиранія головы своей, которая испарилась такъ сильно, что платокъ сдѣлался жирнѣ блина : — други мои, чтобъ разработать предметъ, надъ которымъ мы носильно трудимся, да позволено мнѣ будетъ сдѣлать въ духѣ тишины и спокойствія одинъ вопросъ : что значитъ правда, въ настоящемъ случаѣ? Потому-что, юные други мои, продолжалъ онъ, обращаясь вдругъ къ подмастерьямъ и Криксѣ, къ совершеннѣйшему ихъ изумлению : — если мнѣ скажетъ докторъ, что мнѣ полезенъ каломель, или касторовое масло, я очень-натурально спрошу его, что это такое каломель, или что такое касторовое масло ? я прежде сочту долгомъ освѣдниться объ этихъ предметахъ, чѣмъ принять внутрь который-нибудь изъ нихъ, или оба вмѣстѣ. Итакъ юные други мои, что значитъ правда, о которой я толкую? Вспервахъ, будете говорить въ духѣ тишины и спокойствія : какой самый обыкновенный родъ правды, обыкновенная, простая правда? Что это, обманъ, что ли?

(Глубокий вздохъ со стороны мистриссъ Снегсби).

— Утайка?

(Отрицательное содроганіе со стороны мистриссъ Снегсби).

— Скрытность?

(Метабле головою, съ той же стороны, очень-продолжительное молчаніе и очень-таинственное).

— Нѣтъ, други мои, правда ни то, ни другое, ни третье. Подъ покровомъ правды нѣтъ такихъ вещей. Когда сей юный язычникъ, нѣтъ высмѣять... онъ свистъ, други мои, подъ гнетомъ равнодушія — не будите его, ибо я обязанъ сражаться, бороться, метизаться для его пользы — когда юный, закоренѣлый язычникъ, рассказывалъ мамъ исторію о нѣтухѣ, о волѣ, о леди, о совернѣхъ, была ли это правда? Нѣтъ. А если тутъ и была частичка правды, то все ли онъ высказалъ нѣтъ? Нѣтъ, други мои, нѣтъ!

Еслибы мистеръ Снегсби могъ выдержать взоръ своей дражайшей супруги, который сквозь его глаза, какъ сквозь окна проливался въ душу, онъ былъ бы совсѣмъ не такъ къ чуждымъ; напротивъ былъ бы способенъ дѣлать. А теперь мистеръ Снегсби бѣжитъ и крошится.

— Или, юные друзья мои, говорить мистеръ Чедбанъ, исходя до уровня ихъ пониманія и давая знать своей жирной улыбкой, что онъ для своихъ юныхъ друзей спустился съ очень-высокой лѣстницы? — еслибы владѣтель сего дома пошелъ бы по улицамъ города и нашелъ бы угорь и возвратился бы въ домъ свой и призвалъ бы къ себѣ жену свою и сказалъ бы ей: Сара, радуйся вмѣстѣ со мною, я видѣлъ слона — была ли бы это правда?

Мистриссъ Снегсби въ слезахъ.

— Или положимъ, юные друзья мои, что владѣтель дома сего, видѣвъ въ самомъ дѣлѣ слона, возвратился бы къ женѣ своей и сказалъ ей — Сара, опустѣли пастбища, я ничего не видалъ кромѣ угря — была ли бы это правда?

Мистриссъ Снегсби громко рыдаетъ.

— Или, допустимъ, юные друзья мои, говорить мистеръ Чедбанъ, поддѣлывающійся всею нодь тотъ же тонъ: — что безсмертные родители этого заколѣлаго язычника — не подлежатъ никакому сомнѣнью, что у него были родители, юные друзья мои — выбросивъ свое дѣтище въ океанъ, гѣманъ, дѣдимъ дсамъ, могодизъ газеламъ и зѣямъ, вернувшись бы въ домъ свой и забавляясь бы трубками, кастрюлями, играми, танцами, малакками, алкерами, блентексомъ, личиной — была ли бы это правда?

Мистриссъ Снегсби отвѣчаетъ на это смѣлымими припадками смѣху, не то, чтобъ опасныхъ, но очень-бурныхъ, очень-крикливыхъ, очень-громкихъ, такъ-что въ спорномъ времени все Стринное Подворье оглашается ея визгами. Наконецъ она впадаетъ въ детергическое состоянiе и уносится по узкой лѣстницѣ, какъ огромное сорогьяно. Послѣ невыразимыхъ страданій, приводящихъ въ ужасъ, она даетъ знать съ постели изъ своей спальной, что боль утихнула, но опухатка еще слаба. Въ этомъ состоянiи дѣлъ, мистеръ Снегсби, ушачтомошннй и сматый, при переноскѣ форвепьамъ, очень-оробѣллы и снелкоуманннй, рѣшается высеунуть носъ изъ-за двери въ гостиную.

Во время суматохи Джо стоялъ неподвижно на томъ мѣстѣ, на которомъ проснулся; онъ ещннывалъ свою мѣховую шапку и оторванными кусочками конопатилъ себѣ ротъ. Джо и не думаетъ о наставленiяхъ; онъ знаетъ, что онъ заброшенное, несправное существо, и что быъ

лучше дремать, если не спать, потому-что : они, или не они, а никому не мешаются.

Но, быть-можетъ, Джо, есть такая книга, которая не нуждается въ красноречивомъ и вуслоловномъ объясненіи Чедбанда, такая книга, которую попалъ бы и ты, хотя умъ твой на той же степени развитія, какъ инстинктъ животнаго.

Джо никогда не слышалъ о такой книгѣ. Онъ слышалъ только Чедбанда; онъ знаетъ его и лучше согласится бѣжать отъ рѣчей его за три-десять земель, чѣмъ послушать ихъ въ продолженіе пяти минутъ.

«Ничего мнѣ здѣсь оставаться, думалъ Джо : — мистеру Снегсби некогда перемолвить со мною.» И онъ началъ тихо спускаться съ лѣстницы.

Но внизу дожидается его сострадательная Крикса; она держится за лѣстничныя перила и пересиливаетъ готовящійся въ ней обморокъ. Она предлагаетъ бѣдному Джо свой собственный ужинъ : кусочекъ хлѣба съ сыромъ, и въ первый разъ въ жизни обитывается съ нимъ паромъ словъ.

— Вотъ тебѣ, бѣдняга, закуси, говоритъ Крикса

— Спасибо вамъ, отвѣчаетъ Джо.

— Ты, чай, голоденъ?

— Голоденъ.

— Гдѣ твои родители, отецъ и мать, Джо?

Джо останавливается, равнивуя ротъ, и стоитъ вытараща глаза, потому-что добродушная Крикса слегка обняла его рукою; а это первый разъ въ жизни, посторонняя рука прикасается ласково и нѣжно къ спинѣ бѣднаго мальчуга.

— Я не знаю ничего о моемъ отцѣ и о моей матери, говоритъ Джо.

— И я ничего не знаю о своихъ, отвѣчаетъ Крикса. Впрочемъ, въ которое она приходитъ, услыхавъ едваливаемый обморокъ и она исчезаетъ вновь лѣстницы.

— Джо! наконецъ тихо оставшихся канцелярскихъ принадлежностей, пока испуганный мальчикъ стоитъ еще въ недоумѣніи на лѣстницѣ.

— Я здѣсь, мистеръ Снегсби, отвѣчаетъ Джо.

— Я не зналъ, что ты умъ уходишь... вотъ тебѣ еще полпрома. Ты очень-хорошо съѣдалъ, что ничего не говорилъ о той ледѣ и о томъ, что было на днѣхъ, вечеромъ : это бы, знаешь, надѣлало хлопотъ. У тебя, чай, такъ сердце и бьется!

— Я умъ наостражалъ лыжи, баринъ.

— Ну, будь счастливъ.

Таинственная тѣнь въ халатѣ и колпакѣ слѣдуетъ за поставникомъ

канцелярских принадлежностей, начиная съ той самой комнаты, тѣмъ которой онъ вышелъ, и лѣзетъ выше его. И съ этой же минуты, куда бы онъ ни двинулся, еще другая тѣнь, кромѣ его собственной, тѣнь не такъ постоянная, не такъ покойная, направляется также за нимъ: И въ какую бы тайну, въ какую бы глубину секретовъ ни пробрался его собственная тѣнь, проберется и мистриссъ Смэгсби, тѣнь отъ тѣни его.

ГЛАВА XXVI.

СТРѢЛКИ.

Зимнее утро, темное и холодное, смотреть на Лейстерскій Скверъ и неохотно покидаютъ свои постели жители соседнихъ улицъ. Большинъ часть изъ нихъ не встаетъ рано и въ ясныя утра лѣта и весны: они, извольте видѣть, ночныя птички: спать непробуднымъ сномъ, когда солнышко высоко, а бодрствуютъ и спуютъ за добычей, когда на небѣ мерцаютъ звѣзды. За грязными сторами и занавѣсками въ верхнихъ этажахъ и по чердакамъ покоится перынь сномъ шайка погодевъ, скрываясь болѣе или менѣе подъ ложными именами, ложными волосами, ложными титулами, ложными брильянтами, ложными сказками и небыллицами. Джентльмены, которые могли бы, по собственному опыту, рассказать подробно о чужеземныхъ галерахъ и объ отечественныхъ ступныхъ колесахъ; буяны, шулера, мошенники, плуты и лжеисидатели, нѣкоторые не безъ клеймъ раскаленнымъ желѣзомъ, подъ грязными своими рубахами и все съ болѣею жестокостью, чѣмъ Неронъ, и съ болѣшими преступленіями, чѣмъ Ньюгетъ. Страхеть дежонъ подъ грубой рубашкой, или подъ грубымъ балахономъ, но еще страшнѣе онъ, еще опаснѣе, еще нечувствительнѣе подъ бѣлой манишкой; съ золотой булавкой, подъ именемъ джентльмена, за карточнымъ столомъ, за биллардомъ съ кіемъ въ рукахъ, съ краткими свидѣніями о вестеляхъ, билетахъ и заемныхъ письмахъ; еще невыносимѣе онъ въ этой формѣ, чѣмъ въ какой бы то ни было другой. Но во всякой формѣ, во всякомъ костюмѣ мистеръ Беккетъ найдетъ его, если захочетъ, въ соседнихъ улицахъ, закоулкахъ и переулкахъ Лейстерскаго Сквера.

Но зимнее утро не нуждается въ немъ и не будитъ его. Оно будитъ мистера Джорджа, хозяина галерей для стрѣльбы въ цѣль и его вѣрнаго служителя. Они просыпаются, быстро вскакиваютъ съ матрацевъ и убираютъ ихъ. Мистеръ Джорджъ, выбрившись передъ зеркаломъ очень-скромныхъ размѣровъ, маршируетъ, безъ спортука и фуражки, на маленькій дворъ, къ водяному насосу и скоро возвращается на-

завязь, бидетая отъ желтаго мыла, усиленнаго тренія, рѣзкаго дождя и едѣльно-холодной воды. Прийдя въ свою галерею, онъ встряхивается, вѣду, какой-нибудь огромный водопадъ, только-что вынырнувшій изъ воды; и начинаетъ утратиться широкимъ полотенцемъ, и чѣмъ больше трети онъ едетъ закорѣвше рѣски, тѣмъ плотнѣе и плотнѣе прилипають къ нему его квадратные волосы, такъ-что, наконецъ, отдѣленіе ихъ по-видимому можетъ быть произведено не иначе, какъ съ помощью какихъ-нибудь кривыхъ орудій, въ родѣ желѣзныхъ граблей, или скребницъ. И пока утирается онъ, неловко, отчищается, поворачивая голову то направо, то нѣлѣво, чтобъ обсушить полотенцомъ свою шею и горло — стоитъ онъ нагнувшись впередъ, охраняя свои воинственные ноги отъ сырости, а Филь, между-тѣмъ приставъ на колѣни, разводитъ въ ладони огонь, и видно, что онъ не охотникъ умываться: ему довольно посмотреть, какъ ходитъ его хозяинъ и записаться на сегодняшній день тѣмъ дѣланикомъ здоровья, которое прыщеть со щекъ мистера Джорджа. Вытершись до-суха, беретъ кавалеристъ двѣ жесткія щетки и начинаетъ ими обрабатывать свою голову съ такимъ немилосердіемъ, что Филь, сидящая спиной по стенамъ галереи, невольно мигаетъ отъ сырости. Прическа кончилась, а затѣмъ быстро оканчивается и галanterейная часть туалета мистера Джорджа.

Одѣвшись окончательно, онъ набиваетъ себѣ трубку, закуриваетъ ее и начинаетъ, какъ водится, ходить взадъ и впередъ по галереѣ, а Филь въ это время готовитъ завтракъ, наполняя воздухъ запахомъ горячаго хлѣба и кофе.

Мистеръ Джорджъ куритъ задумчиво и медленнымъ шагомъ ходить по галереѣ. Быть-можетъ, мысли его витають надъ могилою Гредли.

— Такъ тебѣ, Филь, говоритъ Джорджъ (хозяинъ галереи для стращьбы въ цѣль), сдѣлавъ нѣсколько туровъ взадъ и впередъ: — снѣлась сегодня ночью деревня?

Филь, въ-самомъ-дѣлѣ, рассказывалъ ему свой сонъ, только-что увидѣвъ вскачуть съ матраца.

— Да, хозяинъ.

— Что же ты видѣлъ?

— Да ужъ не знаю, какъ-бы сказать, хозяинъ, говоритъ Филь задумчиво.

— Почему же ты узналъ, что это была деревня?

— Должно-быть, по травѣ, и потому, что были лебеди, говоритъ Филь, послѣ нѣкотораго размышленія.

— Что же дѣлали лебеди на травѣ?

— Должно-быть, снѣпали ее, говоритъ Филь.

Хозяинъ принимается снова ходить назадъ и впередъ, а служивый готовить завтракъ. Длинныхъ приготовленій, собственно говоря, не нужно; надо только подать два прибора да передъ отцомъ ржаного мамина повертѣть нѣсколько томныхъ кусочковъ ветчины — вотъ и все; но такъ-какъ у Филь странная привычка ходить мышию сапкою по стѣнамъ галерей и никогда не захватить вдругъ всего, что нужно, а сбѣгать за каждою вещью отдѣльно, то приготовленія тянутся длительно. Завтракъ наконецъ готовъ. Филь докладываетъ; мистеръ Джорджъ выколачиваетъ трубку на каминъ, ставитъ чубукъ въ уголъ и садится кушать. Филь слѣдуетъ его примѣру, попицается на концѣ маленькаго продолговатаго стола и ставитъ тарелку къ себѣ на колѣни. Можеть, дѣлаетъ онъ это изъ покорности, или изъ желанія скрыть свои грязныя руки, а можеть, у него ужъ такая привычка: иначе онъ, можеть-быть, и ѣсть не умѣетъ.

— Деревня! говоритъ мистеръ Джорджъ, работая ножомъ и вилокю: — я думаю ты никогда не видывалъ деревни, какъ ушей своихъ, Филь.

— Случилось однажды видѣть болота, говоритъ Филь и продолжаетъ спокойно завтракать.

— Какія болота?

— Болота, командиръ, отвѣчаетъ Филь.

— Гдѣ же ты ихъ видѣлъ?

— Не знаю гдѣ, говоритъ Филь: — но я ихъ видѣлъ однажды, хвояннъ: мѣсто такое низменное и грязное.

Хозяинъ и командиръ—это слова, которыми Филь съ одинакою преданностью и съ одинакимъ почтеніемъ называетъ мистера Джорджа и только его одного.

— Я родился въ деревнѣ, Филь.

— Вотъ что командиръ!

— Да, Филь, я воспитывался въ деревнѣ.

Филь подымаетъ кверху свою единую бровь и, устремивъ почтенный взоръ на своего хозяина, дѣлаетъ усиленный глотокъ жевъ, въ знакъ удивленія.

— Тамъ нѣтъ ни одной птички, которой бы я не зналъ, говоритъ мистеръ Джорджъ: — нѣтъ ни одного листка, ни одной ягодки, названія которыхъ я бы не помнилъ; нѣтъ ни одного дерева, на которое я бы не могъ даже и теперь влѣзть. Я былъ нѣкогда вѣстоимій деревенскій мальчикъ. Добрая мать моя жила въ деревнѣ.

— Чай, ваша мать, командиръ, была красивая старушка, замѣчаетъ Филь.

— Что бы нѣтъ! Лѣтъ тридцать-пять тому назадъ, она была не такъ стара, говорить мистеръ Джорджъ: — да и въ девяносте нѣтъ держалась такъ прямо, какъ я, и въ плечьяхъ не была-меня уже.

— Она умерла на девяностомъ году? хозяинъ, спрашиваетъ Филь.

— Нѣтъ. Нечего ворошить ей кости: Вечная ей память! говорить кавалеристъ. — Знаешь ли, продолжаетъ онъ: — что навело меня на мысль о деревенскихъ мальчишкахъ, въ этихъ погодныхъ шолохахъ? Это, братъ, ты; хотя ты въ деревнѣ ни уха ни рыла не смыслишь — выдать только какинъ-то болота и то во снѣ — а?

Филь мотаетъ головой.

— Хотѣлось ли бы тебѣ видѣть деревню?

— Н-ѣтъ; особенно мнѣ ничего не хочется, говорить Филь.

— Съ тебя чай и города будетъ?

— Я ужь тутъ привыкъ, командиръ, а къ новому не пристанешь: гдѣ намъ! не бойсь и лѣта ушли.

— А сколько тебѣ лѣтъ, Филь? спрашиваетъ кавалеристъ, поднося блюдечко съ горячимъ кофе къ своимъ губамъ.

— Сколько мнѣ лѣтъ? Вотъ что!... Сколько-то съ восьмью: чай не восемьдесятъ, да и не восемнадцать.... должно-быть, какъ-нибудь между....

Мистеръ Джорджъ тихо ставитъ блюдечко на столъ, не попробовавъ кофе, и начинаетъ смѣяться: — Ахъ ты, чертъ тебя подери, Филь, какую штуку выдумалъ!... но онъ останавливается, не досказавъ фразы, и смотритъ какъ Филь производитъ арифметическія вычисления на своихъ грязныхъ пальцахъ...

— Мнѣ было ровню восемь, говорить Филь: — когда я сбѣжалъ изъ мѣдника. Меня куда-то, не помню, послали, я и набрелъ на мѣдника. Онъ сидѣлъ одинъ-одинёхонекъ передъ огнемъ, да и говоритъ мнѣ: — Эй ты! ты бы, чай, со мной не прочь идти? Я сказалъ: — Непрочь. Вотъ онъ, я и огонь, мы и пошли всё въ Клеркенвелъ. Это было первое апрѣля. Я могъ считать до десяти. И когда опять пришло первое число апрѣля, я и говорю себѣ: — ну ты, козленошъ, тебѣ ~~одни~~ одинъ съ восьмью; въ другое первое апрѣля я говорю: — тебѣ, козленошъ, два съ восьмью. И наконецъ дочелъ до десяти съ восьмью, и до двухъ десятъ съ восьмью; а дальнѣе считать ужь не хватило умѣнья. А все-таки я знаю, что мнѣ сколько-то съ восьмью.

— Ги! говорить мистеръ Джорджъ и принимаетъ слова за завтравъ. — А гдѣ же мѣдникъ?

— Пьянство свело его въ госпиталь, командиръ, а госпиталь за-

пряталъ его, слышалъ я, въ стекляннѣй шкатулкѣ, отыскавъ тайничкомъ Филъ.

— А ты чаканъ образомъ выкирабнался впередъ: когда Кля-его на себя, Филъ?

— Да, командиръ, валаъ дѣла на себя чина; какъ они бѣли. А были-то они не широки: — что возмоще елика Сестриковой Горки, да Хаттоновыъ Садовъ, да Клерменсела, да Слайосельда? народъ все голуболью, и котлы у нихъ каміе — чинить нечего. Бывало, къ нему да живали мѣдники безъ мѣста, нашивали отъ него углы: это было по-выгодѣе чѣмъ чинить носуду. Но мѣт же никто не приходилъ. Этими я въ него не дался. Онъ имъ пѣвалъ славныя мѣсни, а я, вотъ доуть лонни, такъ не могу спѣть. Онъ, какой или возьметъ горшокъ, мѣдникъ или желѣзный, поставитъ дюмъ сверху и выигрываетъ названія такія славныя штуки, что любо слушать. А я развѣ только позолу на горшокъ заплату, или вскипачу въ немъ воду—вотъ я все. Да къ тому же я и изъ себя-то больно не казветъ и жены постояльцовъ были недовольны мной и жаловались на меня мужьямъ.

— Вишь, больно разборчивы! Въ толѣт, ничего, и ты пройдеши, Филъ, говоритъ кавалеристъ съ веселой улыбкою.

— Нѣтъ, хозяйнѣ, отвѣчаетъ Филъ, мотая головой: — не пройду и въ толѣт. Прежде я еще былъ какъ-то смоснѣе, когда пошелъ къ мѣднику, то есть хвалиться было много нечѣмъ и тогда; а тутъ, съ этимъ раздуваньемъ жара да глотаньемъ дыма, я потерялъ волобы, привалилъ кожу да еще, въ добавокъ — ужъ такое несчастье — постоянно клеймился раскаленной мѣдью—что тутъ будешь дѣлать! А какъ сталъ постарше да побольше, должень былъ всякій разъ драться съ мѣдникомъ, когда онъ бывалъ очень-хитрень — а этотъ грѣхъ съ ничѣ почти всякой день случался — вотъ-те и красота прости — пройдеши. А послѣ годовъ съ дюжину работалъ я въ тѣмной кузницѣ; народъ тамъ былъ неочень-добрый, да въ газовомъ заведеніи чуть-чуть былъ не сгорѣлъ; спасибо, пожарный выкинулъ изъ окна на мостовуи; вотъ съ-тѣхъ-норъ я и сдѣлался очень-гадомъ, такъ гадокъ, что и въ толѣт не пройду.

Расписывая съ полнымъ самодовольствіемъ эту картину, Филъ заслуживаетъ лишнюю чашку кофе. Наливая ее, онъ говоритъ:

— Послѣ того, какъ меня выкинули изъ окна, командиръ, вы-мощи и уадали въ пералый разъ.

— Помню, Филъ, ты гулялъ по солнечной стороне:

— Прислонялся къ стѣнѣ, хозяйнѣ...

— Да, Филъ, ты шмыгалъ себѣ стѣну...

— Вы позвольте! воскликнула Филь, подойдя въ восторгъ.

— Въ контакт...

— И на костылях! говорят Филь еще восторженнѣе:

— Да, на костылях. И когда...

— И когда вы остановились противъ меня, кричить Филь, поставивши стезя чашку и блюдечко и поспѣшно снявша тарелку съ ложкой: — вы сказали: «ви; товарищъ! что ты, на войнѣ что ли былъ?» Я не могъ ничего вамъ отвѣчать сразу, командиръ, потому-что я былъ пораженъ, когда увидѣлъ, что человекъ такой здоровый, сильный, снѣжный; какъ вы, обращаетъ вниманіе на такую безвзную лягушку, какъ я. Но вы продолжали говорить со мной отъ сердца, и слова ваши — что вые; стаканъ теплаго! «Что съ тобой случилось, говорили вы: — а? Ну, не бойсь, не бойсь, разсказывай снѣдбе. А я ужь и такъ не боялся и говорилъ вамъ, а вы говорили мнѣ, я еще говорилъ вамъ, а вы еще говорили мнѣ — и вотъ темеръ я здѣсь, командиръ, у васъ, командиръ! кричалъ Филь, вскочивъ со стула и стараясь, какъ-то особенно-страннымъ прильнуть къ стѣнѣ. — И если нужна цѣль я ее найду, пусть стрѣляютъ мнѣ въ руку. Вы не испортите, пусть стрѣляютъ! Если нужно боксироваться, да не съ кѣмъ, пусть боксируютъ меня; пусть стучать въ голову — шпачель! Если нужно для силы бросать тяжесть вверхъ, какъ въ Корваллѣ, Девонширѣ, или Ланкаширѣ, пусть бросаютъ меня — не бойсь! не расшибуть! меня небросывали на шей ладъ — ничего!

Наливъ очень-энергически этотъ кооммандный снѣчь; сопровождаая его самыми длинными тѣлодвиженіями, въ колесенно разныхъ случайностей жизни, Филь Сквудъ обшмыгиваетъ снѣною три стѣны галереи, круго останавливается передъ своимъ командиромъ, тычетъ въ него голову, въ знакъ усердія, и, покончивъ эти церемоніи, патинаетъ прибираться завтракъ.

Мистеръ Джорджъ, пожелатавъ отъ чистаго сердца и потрениавъ Филью по плечу, вособлаветъ ему убирать чашки и приводить галерею въ дѣловой видъ. Окончивъ эту часть удовлетворительно, онъ упрямляется нѣсколько времени въ бросаніи тяжелыхъ шаровъ, послѣ этого садится на чашку вѣсель, и замѣчаетъ, что становится нѣмче «очень-нѣмче», предается съ совершенной серьезностью оксезванью на шпатахъ съ снѣннѣ: собою. Филь между-тѣмъ пристроился за своимъ рабочимъ столикомъ, привничиваетъ и отвичиваетъ, чиститъ и слоблитъ, прокуываетъ дырочки, грязнится все болѣе-и-болѣе и придѣлываетъ и раздѣлываетъ, все, что можетъ быть придѣлано и раздѣлано въ ружьѣ.

Хозяинъ и слуга наконецъ прерваны въ занятіи своемъ, двобна-

поворотнымъ шумомъ шаговъ, вызывающимъ въ приходѣ необыкновенную компанію. Шаги слышатся все ближе-и-ближе и наконецъ входятъ въ галерею такой странной группой, которая съ перваго взгляда, какъ-то несколько напоминаетъ нитое ноября (1).

Группа состоитъ изъ безногой, отвратительной фигуры, сидящей въ креслахъ, пары носильщиковъ и поджарой спутницы, входящей съ лицомъ оборотившуюся маску, отъ которой такъ и ждешь услышать какой-нибудь царской ибседи, въ воспоминаніе тѣхъ дней, когда старуха Анита хотѣла вдорнуть на воздухъ; но губы спутницы сматы плотно и ожиданіе напрасно. Отвратительную фигуру, которая навалила звуки чѣредъ слѣдующихъ: — Фууу пропасть! какъ расстрели, у-уу! мочи-лѣтъ! ставить съ креслами на полъ и она теперь говорить: — какъ ваше здоровье, любезный другъ, какъ ваше здоровье? Тутъ мистеръ Джорджъ узнаетъ въ этой процессіи доводоченнаго мистера Смольвида, выносившаго для прогулки, и его шучку Юдью, самого вѣрнаго и вѣломравателя.

— Мистеръ Джорджъ, любезнѣйшій другъ мой, говоритъ двучка Смольвидъ, сннннн свою правую руку съ немъ одного носильщика, котораго чуть-чуть-было не удавилъ во время дороги: — какъ ваше здоровье? Вы, я думаю, другъ мой, дивитесь, что видите меня?

— Да врядъ ли бы больше удивился, еслибъ увидѣлъ здѣсь вашего друга възъ Сити, отвѣчаетъ мистеръ Джорджъ.

— Я очень-рѣдко выхожу, чавкаетъ мистеръ Смольвидъ. — Вотъ несколько ибсидцевъ не выкалъ воздуху. Беспокойно да и дороговато. Да ужъ больно захотѣлось видѣть васъ, мой дорогой мистеръ Джорджъ. Какъ здоровье ваше, приятель?

— Ничего, такъ-себѣ, говоритъ мистеръ Джорджъ: — Надѣюсь, и вы здоровы?

— Ну очень-радъ, что вижу васъ, дорогой другъ. И мистеръ Смольвидъ беретъ въ обѣ руки широкую ручищу мистера Джорджа.

— Я приваля съ собою и шучку. Юдью не хотѣла ссатъся-дето: Бѣ такъ и не терпится, чтобъ не посмотреть на васъ.

— Истерикія-то незаметно! верчить про-себя мистеръ Джорджъ.

— Мы вотъ и наняли карету, поставили въ нее кресла, а на углу улицы они вынули меня изъ кареты, посадили въ кресло и приехали сюда, чтобъ повидать дружка въ его собственномъ уездку! Это, говорить двучка Смольвидъ, указываетъ на носильщика, который, избѣжавъ

(1) Авторъ намекаетъ на пороховой заговоръ.

снисхожденья была удивительна, уходясь вонь, распрямляя мыслительное горло: — извинить. Ему не за что давать на подку. Такое услужье было при дворе короля. А этого — другой космидчик — мы надали на улицъ за кружку пива, значить, за два пенса. Юдиль, дай ему два пенса. Я не зналъ что у васъ есть тутъ работникъ, занимать-те я не слѣдовалъ бы.

При этихъ словахъ дѣдушка Смольвицъ взглянулъ на Филь и безъ некотораго ужаса простоналъ: — Господи! что это такое!

Иснуть его, смотря съ витиней точки зрѣнія, киветь пѣнаторое осмысленіе; потому-что Филь никогда прежде не выдвигалъ этого при-видѣнія въ черной, бархатной ермолкѣ; теперь, при видѣ его, бросилъ работу и съ ружьемъ въ рукѣ стоялъ какъ смертоносный стрѣлокъ, готовый тотчасъ же подстрѣлить мистера Смольвица, какъ какую-нибудь гадкую, старую птичку, изъ породы воронъ.

— Юдиль, дай мое, говоритъ дѣдушка Смольвицъ: — дай ему два пенса: нечего дѣлать; только трудъ его этихъ денегъ не стоитъ.

Человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь, что-то въ родѣ гриба, вырастающаго мгновенно въ заднихъ улицахъ Лондона, всегда готоваро, по-доржать лошадей, или обгнать за кучеромъ, получаетъ два пенса безъ особенной радости, поднимавать ихъ вверхъ, ловить опять рукою и улетаетъ.

— Любезный мой мистеръ Джорджъ, говоритъ дѣдушка Смольвицъ: — будьте такъ добры, подтащите меня къ огню. Я ужь старъ и скоро забну, да и притомъ же привыкъ къ теплу... Ахъ, Господи пошлуй!

Последнее восклицаніе вырывается изъ груди distinguished gentleman по поводу быстроты, съ которою мистеръ Филь Сиводъ, какъ какой-нибудь фокусникъ, схватилъ его вмѣстѣ со стуломъ и чуть-было не админулъ въ самый камень.

— Ахъ, Господи! говоритъ мистеръ Смольвицъ, едва переводя духъ: — Боже мой; Боже мой! Достойный другъ мой, какъ работникъ очень-скоро и очень-очень скоро. Ахъ Боже мой, онъ очень-скоро! Юдиль отпавишь прелезъ пенного навадъ: я советишь скорою — въ мѣсяцъ досы всего общества удостовѣрятся сирачнымъ западомъ, отъ затѣвщика перстаникъ чудомъ дѣдушки Смольвица.

Минувшая Юдиль отединула своего дѣдушку пенного навадъ, от-трава его и освободила его прекрасная очи нѣтъ-ночь бархатного ко-пача. Мистеръ Смольвицъ все еще твердить: — О Господи! о Боже мой! Оспрается вокругъ, встрѣчаетъ взглядъ мистера Джорджа и про-тывавать изъ лону обѣ руки.

— Достоянный друг мой, говорит он, чинить и рать, что-то вышло! это ваше заведение? Что за слабое место. Присекай карман! У тася никогда не случается несчастий, дорогой друг мой, прибавляется дядюшка Смольвида и оглядывается очень-беззаботно.

— Нет, этого не бойся.

— А вышь работничка. Он... Ах, Господь! ничего не уйдёшь случайно — а? дорогой друг мой?

— Кроме себя, он ничего никогда не рвал, говорит дядюшка Джордж, улыбаясь.

— А оть него все становится — не правда ли? Он себя напорядишь изуродовать, да пожалуй изуродует и другого, отвечает старик: — может, неумышленно, а может, умышленно — кто его знает. Велите ему, любезный друг, оставить это проклятое ружье и убраться отсюда!

Послушный наповсюду она своего командира Филь удаляется, съ пустыми руками на другой конец газерн. Успокоивший мистер Смольвида начинает потирать себѣ ногу.

— Так вы, слава Богу, здоровы, мистер Джордж? говорит он кавалеристу, который стоит передь нимъ, держа въ рукахъ свою саблю: — и дѣла ваши въ иштужельхъ состояни — очень-радъ!

Мистер Джордж отвечает холоднымъ киваньемъ головы и говорить: — Ну скорѣе, къ дѣлу, мистер Смольвида отзавнивайте, отзавнивайте, вы вѣдь не за тѣмъ сюда пришли.

— Вы такой весельчакъ, мистер Джордж, говорит достопочтенный дядюшка: — ваше общество такъ приятно.

— Ха, ха, ха! Ну, рассказывайте, рассказывайте, что нужно! говорит мистер Джордж.

— Дорогой друг мой! эта сабля страшно блестящая и, должно-быть, очень-остра. Чтобъ случайно не сдѣлать какого-нибудь грѣха, мистер Джордж. Меня такъ морозъ по кожѣ и подираетъ; чертъ бы его подралъ! говорит добрыйшій старичокъ Юдион, пока кавалеристъ отходить въ сторону, чтобъ положить на мѣсто саблю: — онъ вѣдь мнѣ долженъ такъ, чего добраго, пожалуй, въ этой разбойничьей норѣ погубить ни за что.

Мистер Джордж, вернувшись назадъ, окрестилъ на груди своей широкія руки и сталъ наблюдать за старикомъ, который все нини и нини опускается въ свои ступѣ.

— Ну, зачѣмъ же вы пришли? спросилъ онъ его спокойно.

— А, зачѣмъ! зачѣмъ! говорил мистер Смольвида, клокотая, какъ курица. Ха, ха, ха! зачѣмъ! зачѣмъ же, другъ мой, зачѣмъ?

— На трубой; говорит мистер Джордж и съ совершеннымъ спокойствиемъ садится, стулъ свой къ углу каминна, беретъ свою табакерку, выкуриваетъ ее; закуриваетъ и качиваетъ дускать клубы дыма, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

Это сбиваетъ окончательно съ толку миссера Смольвида: онъ не знаетъ, какъ бы присоединить къ наложению цѣли своего посяганія, какая бы она ни была; впадаетъ въ отчаяніе, сребреть ногтями воздуху, въ безсильной злобѣ, выражая этииъ несокрушимое желаніе пощипать, изранить и опаранать лицо мистера Джорджа.

Достопочтенный джентльменъ съ своими длинными и поспѣлыми ногтями, съ скрюченными, костлявыми, жилистыми руками, съ зелеными, водянистыми глазами, скреби по воздуху, все болѣе и болѣе опущается внизъ на своемъ стулѣ и превращается наконецъ въ неподвижную связку тряпья. Въ этомъ видѣ онъ такъ похожъ на страшное привидѣніе, даже для привычныхъ глазъ своей внучки, что дѣвственникъ Юдью бросается на него съ какимъ-то чувствомъ, болѣе кинучимъ, чѣмъ почтительная любовь, и такъ потрясаетъ его, обижаетъ и обмозачиваетъ въ различныхъ частяхъ тѣла, преимущественно въ тѣлѣ, бѣмъ въ которыхъ вызываетъ стоны самосохраненія, что въ отчаянномъ полеченіи своемъ, мистеръ Смольвидъ издаетъ глухи звуки, подобные тѣмъ, которые издаетъ баба копра, ударясь о сваю.

Юдью этими наркотическими средствами усаживаетъ его наконецъ въ креслахъ прямо; хотя лицо его поблѣднѣло, носъ заснѣлся, но почтенный мужъ все еще силится цапать по воздуху своими крючковатыми пальцами.

Реставрировавъ гадкую связку тряпья, достойная дѣвственница выправляетъ свой указательный палецъ и даетъ имъ пинка въ спину мистера Джорджа. Кавалеристъ подымаетъ голову; дѣвственница въ это время даетъ другого пинка своему дѣдушкѣ и такимъ образомъ, свеля коедно обонхъ собесѣдниковъ, упорно направляетъ взоръ свой на огонь каминна.

— Охъ-хъ, хо-о, поу-у, у-у-у-хъ! Отдувается дѣдушка Смольвидъ, глотая свой безсильный гнѣвъ, и все-таки продолжая цапать по воздуху.

— Дорогой другъ мой! говоритъ онъ.

— Вотъ что я вамъ скажу, отвѣчаетъ мистеръ Джорджъ: — если вы хотите со мной говорить, такъ говорите сразу. Я человекъ простой и немогущий со мной ничего. Тара-бара не люблю. Мой манеръ: выказывать все — да и дѣло въ шляпѣ. Мямлить мнѣ не къ лицу. А

никто вы тутъ пойдете? «другъ мой;» да, другъ мой», продолжать ка-валеристъ, вслухъ въ ротъ чубукъ: — такъ меня надо съ душой чинить.

И мистеръ Джорджъ выдаетъ грудь свою до послѣдняго шрапнеля, чтобъ убавиться, таять его съ души или жить.

— Если вы пришли сюда, продолжаетъ кавалеристъ: — чтобъ сделать мнѣ визитъ — очень-рады. Какъ вамъ здоровье? Если вы пришли зайти, чтобъ посмотреть, есть ли у меня кой-что — очень-рады, осмотритесь вокругъ. Если вы пришли, чтобъ амоназить мнѣ что-нибудь, такъ отказывайте сразу.

Цвѣтушая Юдью, не отводя глазъ отъ огня, даетъ Смольвицу ники въ санину.

— Вы видите! И она также думаетъ. А отчего не сидеть она, какъ человекъ, говоритъ мистеръ Джорджъ, смотря внимательно на Юдью: — не знаю!

— Она никогда не оставляетъ меня, сэръ, говоритъ дѣдушка Смольвида: — я старъ, мистеръ Джорджъ: надо кому-нибудь обо мнѣ позаботиться, мой почтешный. Хотя еще и есть во мнѣ силы немного, не такъ, какъ въ этой дьявольской трещоткѣ, обвинянномъ попугаѣ (и онъ вертитъ и безразсудительно имеетъ подушки), а все-таки надо кому-нибудь за мной приглядывать, другъ мой.

— Хорошо! отвѣчаетъ кавалеристъ и поворачивается лицомъ къ лицу старика: — ну, въ чемъ же дѣло?

— Другъ мой въ Сити, мистеръ Джорджъ, имѣлъ маленькую сѣдлуку съ однимъ изъ вашихъ учениковъ.

— Не-уже-ли, имѣлъ? говоритъ мистеръ Джорджъ: — это скверно!

— Имѣлъ, сэръ. (Дѣдушка Смольвида потираетъ себѣ ноги). Онъ теперь такой молодецъ, въ военномъ мундирѣ, этотъ мистеръ Карстоу, мистеръ Джорджъ. Друзья его пришли и все до-чиста заплатили — честный народъ!

— Заплатили? отвѣчаетъ мистеръ Джорджъ: — вотъ оно чтò. А что, вашъ другъ въ Сити, послушаетъ добраго совѣта — а?

— Я думаю послушаетъ, любимый другъ мой, въ-особенности отъ васъ.

— Ну такъ я ему посоветую больше тутъ не хлопотать. Выгоды тутъ не будетъ. Молодой джентльменъ, сколько мнѣ извѣстно, голъ, какъ соколъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, любимый другъ. Нѣтъ, нѣтъ, мистеръ Джорджъ. Нѣтъ, нѣтъ, сэръ, говорилъ дѣдушка Смольвида, лукаво потирая свою костлявую ногу. — У него добрые друзья; онъ получаетъ жалованье, имѣетъ въ виду прощень, выигранную партію; о-о-нѣтъ, мистеръ Джорджъ,

и думаю, что другой мосту въ Сити есть нѣтъ чего доказывать! говорить дѣдушка Смольнякъ, саднуть на бокъ барлеттию-ермошку и, выпр-обедывая, идти за угломъ.

Мистеръ Джорджъ отставилъ трубку къ сторону, наклонилъ локоть своей на ручку кресла и постукивалъ правой ногою по полу, какъ чедовѣкъ пресвѣтъ-давальный наиражденіемъ разговора.

— Чтобы перейти отъ одного предмета къ другому, замѣчаетъ мистеръ Смольнякъ: — намъ для поддержанія разговора, какъ сказалъ бы шутникъ, перейдемъ, мистеръ Джорджъ, отъ юнкера къ капитану.

— Что такое? спрашиваетъ мистеръ Джорджъ, сморщивъ лобъ и схватившись, по привычкѣ, за мнимые усы: — къ какому капитану?

— Къ нашему капитану, къ старому знакомому, къ капитану Гаудону.

— А, вотъ оно куда пошло! сказалъ мистеръ Джорджъ, свиснувъ тѣломъ, между тѣмъ, какъ дѣдушка и внучка устремивъ на него свои мысли взоры: — вотъ оно что! Ну, что жь о капитанѣ, скорѣй, скорѣй!

— Дорогой другъ мой, отвѣчаетъ старикъ: — не дальше, какъ вчера... Юдней пооттраса-ка меня менного... не дальше, какъ вчера мнѣ гонорилъ о капитанѣ, и мое мнѣніе таково, что капитанъ не на томъ свѣтѣ.

— Бррр!.. замѣтилъ кавалершеть.

— Что вы такое замѣтили, любимый другъ? спросилъ старикъ, приложивъ руку къ уху.

— Бррр!..

— Гого! сказалъ дѣдушка Смольнякъ. Вы сами, мистеръ Джорджъ, можете судить изъ того, что услышите, справедливо мое мнѣніе или нѣтъ. Какъ вы думаете, чего требовалъ отъ меня мой адвокатъ?

— Слѣди, сказалъ мистеръ Джорджъ.

— Ничего похожего!

— Стало-быть, онъ не адвокатъ, сказалъ мистеръ Джорджъ, скрестивъ руки съ видомъ совершенной рѣшимости.

— Милый другъ мой, онъ адвокатъ и извѣстный адвокатъ. Ему хочется видѣть почеркъ капитана Гаудона — только видѣть затѣмъ, чтобъ сравнить съ извѣстными у него пробами капитана.

— Ну?..

— Да, мистеръ Джорджъ. Вспомнивъ объ объявленіи, касательно капитана Гаудона и надѣясь съяснить какія-нибудь свѣдѣнія, этотъ адвокатъ и пришелъ ко мнѣ — точь-въ-точь, какъ сдѣлалъ вы, мой дорогой другъ; позвольте пожать вамъ руку! Я никогда не забуду того дня, который мнѣ доставилъ счастье съ вами познакомиться.

никъ вы тутъ пойдете? «другъ мой!» да, «другъ мой», принадлежать кавалеристъ, коня въ ротъ чубука: — такъ меня видно съ души твоего.

И мистеръ Джорджъ выдаетъ гуашъ свою до послѣдняго шределя, чтобъ убѣдиться, танеть его съ души или нѣтъ.

— Если вы пришли сюда, продолжать кавалеристъ: — чтобъ сдѣлать мнѣ визитъ — очень-рады. Какъ вамъ одаренье? Если вы пришли зятимъ, чтобъ посмотреть, есть ли у меня кой-что — очень-рады, осмотритесь вокругъ. Если вы пришли, чтобъ вымазать мнѣ что-нибудь, такъ отзывайтесь сразу.

Цѣлующая Юдочъ, на отвѣда глазъ отъ огня, даетъ Смольвиду пинка въ спину.

— Вы видите! И она также думаетъ. А отчего не садеть она, какъ человѣкъ, говоритъ мистеръ Джорджъ, смотря внимательно на Юдочъ: — не знаю!

— Она никогда не оставляетъ меня, сэръ, говоритъ дѣдушка Смольвудъ: — я старъ, мистеръ Джорджъ: надо кому-нибудь обо мнѣ позаботиться, мой почтенный. Хотя еще и есть во мнѣ силы немного, не такъ, какъ въ этой дьявольской трюмфѣ, обидиванномъ попугаѣ (и онъ ворчитъ и безразвѣстно имеетъ подушки), а все-таки надо кому-нибудь за мной приглядывать, другъ мой.

— Хорошо! отвѣчаетъ кавалеристъ и поворачивается лицомъ къ лицу старика: — ну, въ чемъ же дѣло?

— Другъ мой въ Сити, мистеръ Джорджъ, имѣлъ маленькую сѣлку съ однимъ изъ вашихъ учениковъ.

— Не-уже-ли, имѣлъ? говоритъ мистеръ Джорджъ: — это скверно!

— Имѣлъ, сэръ. (Дѣдушка Смольвудъ потираетъ себѣ ноги). Онъ теперь такой молодець, въ военномъ мундирѣ, этотъ мистеръ Карстоуль, мистеръ Джорджъ. Друзья его пришли и все до-чиста заплатили — честный народъ!

— Заплатили? отвѣчаетъ мистеръ Джорджъ: — вотъ оно что. А что, вашъ другъ въ Сити, послушаетъ добраго совѣта — а?

— Я думаю послушаетъ, любезный другъ мой, въ-особенности отъ васъ.

— Ну такъ я ему посоветую больше тутъ не хлопотать. Выгода тутъ не будетъ. Молодой джентльменъ, сколько мнѣ извѣстно, галъ, какъ соколъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, любезный другъ. Нѣтъ, нѣтъ, мистеръ Джорджъ. Нѣтъ, нѣтъ, сэръ, говорилъ дѣдушка Смольвудъ, лукаво потирая свою костлявую ногу. — У него добрыя друзья; онъ получаетъ жалованье, имѣетъ въ виду процессъ, выгодную партію; о-о-нѣтъ, мистеръ Джорджъ,

я думаю, что другая миссу въ Сити есть въ чемъ полагаться! говорить дѣдушка Смольнидъ, саднувъ на бокъ бархатную ермолку, а, лопъ обильно, дышалъ за ухомъ.

Мистеръ Джорджъ отставилъ трубку въ сторону, наклонилъ локоть свой на ручку кресла и постукивалъ правой ногою по полу, какъ человекъ несовершенный—дерзанный направлениемъ разговора.

— Чтобы перейти отъ одного предмета къ другому, замѣчаетъ мистеръ Смольнидъ: — какъ для поддержанія разговора, какъ сказалъ бы пушкинъ, перейдемъ, мистеръ Джорджъ, отъ юнкера къ капитану.

— Что такое? спрашиваетъ мистеръ Джорджъ, смеривъ лобъ и сватившись, по привычкѣ, за мнимые усы: — къ какому капитану?

— Къ нашему капитану, къ старому знакомому, къ капитану Гаудону.

— А, вотъ оно куда пошло! сказалъ мистеръ Джорджъ, свиснувъ такими, между-тѣмъ, какъ дѣдушка и внучка устремивъ на него свои рты взоры: — вотъ оно что! Ну, что жь о капитанѣ, смерный, смерный!

— Дорогой другъ мой, отвѣчаетъ старикъ: — не дальше, какъ вчера... Юдиль пооттраси-ка меня немного... не дальше, какъ вчера мнѣ говорили о капитанѣ, и мое мнѣнiе таково, что капитанъ не на томъ свѣтѣ.

— Бррр!.. замѣтилъ кавалерство.

— Что вы такое замѣтили, любимый другъ? спросилъ старикъ, приложивъ руку къ уху.

— Бррр!..

— Гово! сказалъ дѣдушка Смольнидъ. Вы сами, мистеръ Джорджъ, можете судить изъ того, что услышите, справедливо мое мнѣнiе или нѣтъ. Какъ вы думаете, чего требовалъ отъ меня мой адвокатъ?

— Сдѣлки, сказалъ мистеръ Джорджъ.

— Ничего похожаго!

— Стало-быть, онъ не адвокатъ, сказалъ мистеръ Джорджъ, скрестивъ руки съ видомъ совершенной рѣшимости.

— Милый другъ мой, онъ адвокатъ и известный адвокатъ. Ему хочется видѣть почеркъ капитана Гаудона — только видѣть затѣмъ, чтобъ сравнить съ нѣкоторыми у него письмами капитана.

— Ну?..

— Да, мистеръ Джорджъ. Вспомнивъ объ объявленiи, касательно капитана Гаудона и надеясь съискать какинъ-нибудь свѣдѣнiя, этотъ адвокатъ и пришелъ ко мнѣ — точь-въ-точь, какъ сдѣлалъ вы, мой дорогой другъ; позвольте пожать вамъ руку! Я никогда не забуду того дня, который мнѣ доставилъ счастье съ вами познакомиться.

— Ну, мистеръ Смольвицъ? говорилъ опять мистеръ-Джорджъ, принимая пожатіе руки съ некоторою суavityю.

— У меня нѣтъ его писемъ. У меня только его подлинъ, говоритъ добрый старичокъ, держа злыми руками свою барлетную ермолку: — у меня съ извѣдомъ его подлинсѣй, я думаю. Но у васъ, мистеръ Джорджъ, продолжаетъ онъ, едва переводя духъ послѣ того, какъ Юдочка махнула ему ермолку на голову: — у васъ, мой дорогой другъ, есть, кажется, письма или бумаги, писанныя его рукою, которыя очень бы шли къ дѣлу.

— Писанныя его рукою, говоритъ съ растерзанной мистеръ Джорджъ: — можетъ быть и есть.

— Дражайшій другъ мой!..

— А можетъ, и нѣтъ.

— Оо-хъ! говоритъ дѣдушка Смольвицъ съ отчаяніемъ.

— Дѣ, еслибъ у меня и были цѣлыя стоны, написанныя его рукою, я бы не показалъ и одной строки, не зная зачѣмъ.

— Сирѣ, я говорилъ вамъ зачѣмъ. Дорогой, мистеръ Джорджъ, я говорилъ вамъ зачѣмъ.

— Недовольно-ясно, говоритъ кавалеристъ, мотаа головою. Я долженъ знать все, чтобъ могъ одобрить или не одобрить.

— Такъ поѣдемъ къ адвокату, дорогой другъ, поѣдемъ къ адвокату! говоритъ дѣдушка Смольвицъ, вынимая изъ кармана старую, помитые серебряные часы, стрѣлки которыхъ покоились на кости скелета: — поѣдемъ къ нему; я ему говорилъ, чтобъ онъ подождалъ меня отъ десяти до одиннадцати; теперь ровно половина одиннадцатаго. Такъ ѣдемъ же, дорогой другъ мой!

— Гм! сухо говоритъ мистеръ Джорджъ: — не знаю, не понимаю, что вы такъ объ этомъ хлопочете.

— Я хлопочу обо всемъ, чтò можетъ хоть сколько-нибудь навести меня на слѣдъ кантуана. Вѣдь онъ насъ какъ обработалъ! Вѣдь онъ долженъ намъ всѣмъ огромныя суммы! Хлопочу? Кому же и хлопотать, какъ не мнѣ? Нѣтъ, мой дорогой другъ, говоритъ дѣдушка Смольвицъ, понизивъ голосъ: — не думайте, чтобъ я хотѣлъ обмануть васъ. Я далекъ отъ этого. Что жъ, вы поѣдете, со мною, дорогой мистеръ Джорджъ?

— Ёдемъ! только смотрите я ничего не обещаю.

— Нѣтъ, дорогой другъ мой, ничего, ничего!

— А за мѣсто въ каретѣ не заставите меня заплатить? спрашиваетъ мистеръ Джорджъ, идя за шляпой и за толстыми кожаными перчатками.

— Она шутитъ такъ и кажется мистеру Смольвиду, что онъ долго и тихо сѣдется, сидя передъ каминномъ. Однакожь порывъ смѣха не мѣшаетъ ему надво сидѣть глазами изъ-за разбитаго параличомъ плеча своего, за тѣмъ; какъ мистеръ Джорджъ отпираетъ висящій замокъ на простомъ шкапу; стоимъ въ отдаленномъ концѣ галереи, осматриваетъ и ту и другую полку, беретъ связку бумагъ, свертываетъ ихъ и кладетъ къ себѣ въ боковой карманъ сюртука. При этомъ Смольвидъ и спутница его даютъ другъ другу по многозначительному пинку.

— Я готовъ, говоритъ кавалеристъ возвращаясь назадъ. — Филь! внеси старика въ карету, тебѣ вѣдь это нипочемъ.

— О Господи, о Боже мой! Подожди немного! говоритъ мистеръ Смольвидъ: — Онъ такой проворный! достойный другъ... ты вѣдь... ты вѣдь не опрокмнешь меня?

Филь не даетъ никакого отвѣта, но схватываетъ стулъ съ его брешономъ, избоченивается въ сторону, подъ крѣпкими объятіями теперь безмолвнаго мистера Смольвида и въ припрыжку несется по коридору, какъ-будто ему было дано пріятное порученіе доставить стараго джентльмена въ кратеръ ближайшаго волкана. Карета однакожь охлаждаетъ его рвеніе, онъ останавливается и запрягиваетъ туда любезнаго дѣдушку; прелестная внучка садится рядомъ съ своимъ прародителемъ, стуломъ ударивается крышиа кареты. Мистеръ Джорджъ влѣзаетъ на козлы.

Мистеръ Джорджъ совершенно омущенъ зрѣлищемъ, которое представляется ему черезъ окно кареты, куда онъ отъ времени до времени поглядываетъ. Въ каретѣ суровая Юдочъ сидитъ неподвижно, а старикъ джентльменъ, съ ермошкой на сторону, спускается все ниже и ниже, и смотря на мистера Джорджа, молча даетъ чувствовать, что его очель-сильно: поколачиваетъ въ спину.

ГЛАВА XXVII.

Еще одинъ ветеранъ.

Недалеко вѣхъ мистеру Джорджу, скрестя руки, на козлахъ; цѣль ихъ поѣздки — Поля Линкольской Палаты. Когда извозчикъ остановилъ своихъ лошадей, мистеръ Джорджъ соскочилъ внизъ, взглянулъ въ окно кареты и сказалъ:

— Какъ, вашъ адвокатъ мистеръ Телькингорнъ?

— Да, мой дорогой другъ. Развѣ вы знаете его?

— Слыкалъ о намъ, и я думаю, видалъ также; но я его не знаю и онъ меня не знаетъ.

Засишь слѣдуетъ втаскиваніе мистера Смольвида на лѣстницу, что совершается въ совершенствѣ, при помощи кавалериста. Бю вносятъ въ приемную комнату мистера Телькингорна и слагаютъ на турецкій поверъ передъ огнемъ. Въ настоящую минуту мистера Телькингорна нѣтъ дома, но его скоро ожидаютъ назадъ. Слуга его, сидящій за перегородкой въ сѣняхъ, высказавъ имъ эту новость, сильнѣе разводитъ огонь въ каминѣ и оставляетъ триумвиратъ согрѣваться.

Любопытство мистера Джорджа разыгрывается относительно комнаты: онъ смотритъ и на расписной потолокъ, осматриваетъ и старый сборникъ законовъ, любитъ портретами великихъ кліентовъ и вслухъ читаетъ имена на сундукахъ.

— Сэръ Лейстеръ Дедлокъ, баронетъ, говоритъ мистеръ Джорджъ глабокомысленно : — Гм ! владѣтель Чизни-Вольда. Гм ! мистеръ Джорджъ долго стоитъ въ созерцаніи сундуковъ, какъ-будто это были картины; наконецъ возвращается къ камину и все-таки повторяетъ : — Сэръ Лейстеръ, баронетъ и владѣтель Чизни-Вольда, гм !

— Страшныя деньги, мистеръ Джорджъ ! шепчетъ дѣдушка Смольвидъ, потирая себѣ ноги : — баснословно богатъ !

— Про кого вы говорите ? про этого стараго джентльмена, или про баронета ?

— Про этого джентльмена, про этого джентльмена.

— Слыхивалъ и я ; и знаетъ, говорить, многое. Какая квартира ! говоритъ мистеръ Джорджъ, поворачиваясь вокругъ : — взгляните только, что это за полновѣсные сундуки !

Это воззваніе пресѣкается приходомъ мистера Телькингорна. Въ немъ, безъ-сомнѣнія, нѣтъ никакой перемѣны. Одѣтъ въ ржавое платье ; очки въ рукахъ ; футляръ отъ очковъ потертъ. Въ манерахъ сухость и скрытность. Въ голосѣ шелуховатость и смилость. Въ лицѣ способность видѣть насквозь, быть-можетъ, нѣсколько критическая и съ примѣсью презрѣнія. Великіе лорды могли бы имѣть болѣе-теплаго фанатика, болѣе-низкаго поклонника, чѣмъ мистеръ Телькингорнъ, еслибъ на свѣтѣ все узнавалось.

— Добраго утра, мистеръ Смольвидъ, здравствуйте, говоритъ онъ, входя въ комнату. — Вы привезли съ собою сержанта, вижу я. Сядьте, сержантъ, сядьте.

Пока мистеръ Телькингорнъ снимаетъ съ себя перчатки и владетъ ихъ въ свою шляпу, осматриваетъ онъ съ полуоткрытыми глазами отдаленный уголокъ комнаты, въ которомъ стоитъ кавалеристъ и можетъ говорить самъ себѣ : « Попаляса дружище ! »

— Садитесь, сержантъ, повторяетъ онъ, подходя къ своему столу, раскинутому по одну сторону камина и садится въ свое покойное кресло.

— Холодно и сыро сегодня, говоритъ онъ и грѣетъ попеременно то ту, то другую ладонь передъ рѣшеткой камина и видитъ насквозь триумфировать, сидящій передъ нимъ полукругомъ.

— Теперь я вижу, что мнѣ надо дѣлать (быть можетъ, онъ это видитъ двусмысленно) мистеръ Смольвидъ! Прелестная Юдишь стрясываетъ своего дѣдушку, чтобъ придать ему способность вступить въ разговоръ. — Вы привезли съ собою общаго нашего друга, сержанта — прекрасно!

— Привезъ, сэръ, отвѣчаетъ мистеръ Смольвидъ. И въ голосѣ его слышится полнѣйшее подобострастіе къ богатству и вліянію адвоката.

— Что жъ скажетъ сержантъ относительно этого дѣла?

— Мистеръ Джорджъ! говоритъ дѣдушка Смольвидъ, и скрюченная рука его дрожитъ: — вотъ адвокатъ мой, сэръ!

Мистеръ Джорджъ кланяется адвокату, но, вообще говоря, безмолвствуетъ, сидитъ совершенно-прямо и въ такомъ отдаленіи отъ спинки стула, какъ-будто за его спиной висѣлъ огромный ранецъ съ необходимыми вещами для цѣлаго дня маневровъ.

Мистеръ Телькингорнъ продолжаетъ:

— Ну такъ что жъ Джорджъ... вѣдь, кажется, васъ такъ зовутъ?

— Точно такъ, сэръ.

— Чтожъ вы скажете, Джорджъ?

— Извините меня, сэръ, отвѣчаетъ кавалеристъ: — но мнѣ хочется знать, что вы скажете?

— Вы думаете относительно вознагражденія...

— Относительно всего, сэръ.

Эта странная пытка для терпѣнія мистера Смольвида невольно вызываетъ изъ съѣжившихся губъ его: «Ахъ ты негодная скотина!..» но онъ тотчасъ же приходитъ въ себя, проситъ у мистера Телькингорна прощенье, обращается къ Юдишъ и говоритъ: «сорвалось съ языка, моя милая.

— Я полагаю, сержантъ, продолжаетъ мистеръ Телькингорнъ, развалившись въ креслахъ и положивъ ногу на ногу: — что мистеръ Смольвидъ вамъ ужъ достаточно объяснилъ въ чемъ дѣло. Впрочемъ, это просто. Вы нѣкогда служили подъ начальствомъ капитана Гаудона, были при немъ во время его болѣзни, дѣлали ему много разныхъ послугъ и, какъ я слышалъ, пользовались большимъ довѣріемъ съ его стороны. Такъ это, или нѣтъ?

— Такъ, говоритъ мистеръ Джорджъ, въ духѣ военного лаконизма.

— Вслѣдствіе этого у васъ могутъ находиться какія-нибудь бумаги, все-равно какія бы онѣ не были, счета, инструкціи, приказы, письма, писанные его собственною рукою. Мнѣ бы хотѣлось сравнить ихъ съ бумагами, которыя находятся у меня. Если вы мнѣ дадите возможность исполнить мое желаніе, вы будете вознаграждены за ваши хлопоты. Три, четыре, пять гиней... въдъ это, сержантъ, недурно?.. гм!

— Благородно, другъ мой, благородно! восклицаетъ дѣдушка Смольвидъ, сощуривая глаза.

— Если этого мало, скажите прямо, какъ честный солдатъ, сколько вы желаете получить. Бумаги эти вы можете удержать, если хотите, у себя; но мнѣ было бы пріятнѣе, еслибъ вы ихъ оставили мнѣ.

Мистеръ Джорджъ неподвижно остается въ томъ же положеніи, смотритъ въ полъ, смотритъ на расписной потолокъ и не говоритъ ни слова. Бѣшеный мистеръ Смольвидъ цапаетъ по воздуху.

— Вопросъ въ томъ, говоритъ мистеръ Телькингорнъ своимъ методическимъ, безкорыстнымъ, мягкимъ голосомъ: — вопервыхъ, находятся ли въ вашемъ владѣніи бумаги, писанныя рукою капитана Гаудона?

— Вопервыхъ, находятся ли въ моемъ владѣніи бумаги, писанныя рукою капитана Гаудона, сэръ, повторяетъ мистеръ Джорджъ.

— Повторыхъ, сколько вы хотите за хлопоты?

— Повторыхъ, сколько я хочу за хлопоты, сэръ, повторяетъ мистеръ Джорджъ.

— Втретьихъ, вы можете сами судить, похожи ли почеркомъ ваши бумаги на эти, говоритъ мистеръ Телькингорнъ и мгновенно всучиваетъ въ руку кавалериста цѣлую тетрадь исписанной бумаги.

— Похожи ли почеркомъ мои бумаги на эти — вотъ оно что! повторяетъ мистеръ Джорджъ.

Всѣ эти повторенія мистеръ Джорджъ произноситъ механически, вытаращивъ глаза на мистера Телькингорна. На клятвенныя показанія по дѣлу Жарндисовъ, всученныя ему въ руку, онъ не обращаетъ никакого вниманія хотя крѣпко держитъ ихъ, и продолжаетъ смотрѣть съ безпокойнымъ размышленіемъ на адвоката.

— Ну, Джорджъ, говоритъ мистеръ Телькингорнъ: — что же вы скажете?

— Ну, сэръ, отвѣчаетъ мистеръ Джорджъ, вытянувшись во всю свою громадность: — я бы хотѣлъ все это бросить, съ вашего позволенія

— За чѣмъ бросить? спрашиваетъ мистеръ Телькингорнъ, съ совершенно-спокойною наружностью.

— Вотъ зачѣмъ, отвѣчаетъ кавалеристъ: — зачѣмъ, что я въ вашихъ дѣлахъ ни бельмеса не смыслю; бумагъ вашихъ не понимаю.

Выдержу какой угодно огонь: а отъ отвѣтовъ на вопросы отказываюсь. Вотъ я, небольшое какъ съ часъ тому назадъ, говорилъ мистеру Смольвиду, что когда я впутываюсь въ такія дѣла, такъ мнѣ кажется, что у меня ветля на шеѣ, говоритъ мистеръ Джорджъ, озирая всю компанію.

Затѣмъ онъ дѣлаетъ три шага впередъ, чтобъ положить рукопись на столъ, потомъ три шага назадъ, чтобъ снова принять прежнее положеніе и, вытянувшись во весь ростъ, смотритъ то на полъ, то на расписной плафонъ, руки закладываетъ за спину, какъ-бы въ предупрежденіе всевозможныхъ всучиваній документовъ со стороны опытнаго адвоката.

При всѣхъ этихъ продѣлкахъ, любимое бранное слово мистера Смольвида такъ вертится у него на языкѣ, что обычную фразу свою: — «дорогой другъ мой,» онъ началъ-было: «дьявол....», но, опомнившись, останавливается и замолкаетъ на нѣсколько секундъ. Наконецъ, отдѣлавшись побѣдоносно отъ «дьявола....», онъ начинаетъ самымъ нѣжнымъ образомъ уговаривать своего дорогаго друга не горячиться, исполнить все, что отъ него требуетъ такой знаменитый джентльменъ, и исполнить по доброй волѣ, потому-что всѣ требованія его справедливы и прибыточны. Мистеръ Телькингорнъ примѣшиваетъ къ этому, какъ-бы случайно, слѣдующія сентенціи: — вы, сержантъ, всего лучше сами можете судить о своихъ выгодахъ. Этимъ вы себѣ вреда не сдѣлаете, сержантъ. Впрочемъ, какъ хотите, сержантъ, какъ хотите. Вы знаете, что вамъ надо дѣлать. Все это произноситъ онъ повидимому съ совершеннымъ равнодушіемъ и, разсматривая бумаги, готовится съѣсть и писать письмо.

Мистеръ Джорджъ, въ отчаянномъ положеніи своемъ, обращаетъ взглядъ свой съ расписнаго плафона на полъ, съ пола на мистера Смольвида, съ мистера Смольвида на мистера Телькингорна, съ мистера Телькингорна опять на расписной плафонъ и переминается съ ноги на ногу.

— Увѣряю васъ честью, сэръ, говоритъ мистеръ Джорджъ: — не въ обиду будь вамъ сказано, но посреди васъ и мистера Смольвида, я какъ-будто посреди двухъ столбовъ висѣлицы. Да, сэръ, это вѣрно. Я, джентльмены, вамъ не подстать. Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ, для уясненія дѣла: зачѣмъ вамъ хочется видѣть почеркъ капитана?

Мистеръ Телькингорнъ спокойно качаетъ головою. — Нѣтъ. Еслибы вы были дѣловой человѣкъ, сержантъ, то мнѣ не пришлось бы говорить вамъ, что въ той профессіи, къ которой я принадлежу, есть тайныя причины, совершенно-безвредныя въ своихъ основаніяхъ, заставляющія иногда прибѣгать къ сличеніямъ, сравненіямъ и т. п. Но если вы бол-

тесъ повредить камитану Гаудону, то можете усвоить: страхъ вашъ совершенно-напрасель.

— Знаю. Онъ уже на томъ свѣтѣ.

— Будто бѣ? и мистеръ Телькингорнъ svoююно садится писать.

— Вотъ чтѣ, сэръ, говоритъ кавалеристъ, смотря себѣ въ шляпу, послѣ второй убійственной для него паузы: — мнѣ очень-сожѣстно, что я не могъ исполнить ваше желаніе. Но если угодно, чтобъ я не набѣгалъ путаться въ это дѣло, такъ позвольте мнѣ посовѣтоваться съ однимъ изъ моихъ друзей: онъ понимаетъ въ дѣлахъ больше моего; крѣпкая голова, сэръ, и къ-тому же старый ветеранъ. А я... я теперь... то-есть совершенно задушенъ, говоритъ мистеръ Джорджъ, проводя безнадежно рукою по своему лбу: — совѣтъ его будетъ для меня въ нѣкоторомъ родѣ утѣшеніемъ.

Когда мистеръ Смольвидъ узнаётъ, что знаменитый авторитетъ—крѣпкая голова, старый ветеранъ, онъ сильно настаиваетъ, чтобъ кавалеристъ отправился съ нимъ посовѣтоваться и не забылъ бы сообщить ему о пяти гинеяхъ, а можетъ, и больше. Убѣжденія почтеннаго старика дѣйствуютъ на мистера Джорджа: онъ соглашается идти за совѣтами. Мистеръ Телькингорнъ не говоритъ ни рго, ни contra.

— Такъ, съ вашего позволенія, сэръ, я пойду посовѣтуюсь съ другимъ, говоритъ кавалеристъ: — и возьму смѣлость въ-теченіе дня заглянуть къ вамъ съ окончательнымъ отвѣтомъ. Мистеръ Смольвидъ, если вы хотите, чтобъ я снесъ васъ съ дѣстницы...

— Сейчасъ, дорогой другъ мой, сейчасъ. Позвольте мнѣ только молвить по секрету словцо этому джентльмену.

— Извольте, сэръ. Я подожду. И кавалеристъ уходитъ въ отдаленную часть конторы и снова занимается глубокомысленнымъ созерцаніемъ сундуковъ всякаго калибра.

— Еслибъ я не былъ такъ слабъ, какъ дьявольская мамла, сэръ, шепчетъ дѣдушка Смольвидъ, притягивая къ себѣ адвоката за фалды фрака и сверкая изъ злобныхъ глазъ своихъ потухающимъ зеленоватымъ огнемъ: — такъ я бѣ вырвалъ у него эти письма. Они у него за пазухой. Я видѣлъ, какъ онъ ихъ туда клалъ, и Юдишь видѣла. Говори же ты, негодная треска, гнусная вывѣска для лавки продавца палокъ!

Это энергическое воззваніе онъ сопровождаетъ неумѣреннымъ толчкомъ въ спину своей внучки, обезсиливаетъ, валится со стула и увлекаетъ за собою мистера Телькингорна. Юдишь удерживаетъ его и также сильно и энергически оттрясываетъ.

— Насиліе ни къ чему не поведетъ, другъ мой! холодно замѣчаетъ мистеръ Телькингорнъ.

— Да я знаю, я знаю, сэръ. Но это скверно, это мерзко, это... это хуже и несноснѣе твоей скверной общипанной сороки — бабушки, говоритъ добрый дѣдушка, обращаясь къ невозмутимой Юдион, которая безмолвно смотритъ на огонь: — знать, что у него въ карманѣ то, что вамъ нужно и что онъ не хочетъ дать. О—нъ не хочетъ дать. О—о—нъ! Бродяга! хорошо же, сэръ, хорошо! Недолго ему такъ куражиться. Онъ иногда бываетъ и въ моихъ тискахъ. Я поприжму его, сэръ. Я выжму изъ него сокъ, сэръ. Коли онъ не хочетъ добра, такъ я его заставлю силой, сэръ!.. Ну, мой дорогой мистеръ Джорджъ, говоритъ дѣдушка Смольвидъ, отвратительно шгая адвокату: — я готовъ къ вашимъ услугамъ, мой достопочтенный другъ!

Мистеръ Телькингорнъ стоитъ на коврѣ передъ каменномъ, грѣетъ спину и, несмотря на его самовладѣніе, насмѣшливая улыбка, возбужденная исчезновеніемъ мистера Смольвида, кривитъ его сморщившіяся губы. Однимъ легкимъ киваніемъ головы отдаетъ онъ поклонъ кавалеристу.

Мистеръ Джорджъ находитъ, что отдѣлаться отъ старика труднѣе, чѣмъ стащить его съ лѣстницы. Въ каретѣ онъ впадаетъ въ такую болтовню, по поводу гиней, и такъ привязывается къ пуговицамъ кавалериста, нѣтъ непреодолимое желаніе отстегнуть ихъ и обобрать карманы, что со стороны мистера Джорджа необходимо нѣкоторое усиліе, чтобъ удалиться отъ дверецъ экипажа. Наконецъ, сопротивленіе невозможно и онъ, въ единственномъ числѣ, идетъ на поиски своего оракула.

— Чрезъ монастырскій Темплъ и чрезъ Уйтфрайеръ (не безъ того, конечно, чтобъ не заглянуть въ Оружейную Аллею, которая кажется ему какимъ—то образомъ по дорогѣ) по Блэкфрайерскому Мосту и Блэкфрайерской Улицѣ, идетъ мистеръ Джорджъ степеннымъ шагомъ къ улицѣ Мелкихъ Торговцовъ, лежащей, гдѣ—то въ узлѣ дорогъ изъ Кента и Шорри и улицѣ съ мостовъ Лондона, сходящихся подъ кровлю достославнаго Слона ⁽¹⁾, утратившаго нынѣ свой замокъ, состоявшій изъ тысячи различныхъ каретъ, подъ властью болѣе—сильнаго, чѣмъ онъ,

(1) Въ этомъ узлѣ улицъ находится огромная гостиница съ вывѣскою слона; къ этой гостиницѣ стекались почти со всѣхъ дорогъ почтовые дилижансы и вообще всѣ извозчики; здѣсь находили они въ большомъ количествѣ съѣстные припасы для себя и фуражъ для лошадей; нынѣ, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ въ Англии, извозчики, если несовсѣмъ исчезли, то, по—крайней—мѣрѣ, очень уменьшились, такъ—что около знаменитой гостиницы Слона не видать ужъ болѣе огромнаго ряда дорожныхъ экипажей.

железнаго чудовища, готоваго растерзать его въ клочки при первомъ сопротивленіи— къ одной изъ небольшихъ лавокъ, именно къ музыкальной, въ окнахъ которой видѣется маленькой выборъ скрипокъ, нѣсколько свирѣлей, тамбуриновъ, виситъ нѣсколько листовъ нотъ, направляетъ мистеръ Джорджъ свои тяжелые шаги. И увидавъ женщину гренадерскихъ размѣровъ, съ передникомъ на платѣ, которая выходитъ изъ лавки, держа въ рукахъ небольшую деревянную чашку, и ставъ на краю троттуара начинаетъ что-то въ ней мыть и полоскать, мистеръ Джорджъ останавливается и говорить самъ-себѣ: — такъ и есть: всегда зелень моетъ. Безъ этого занятія я ея никогда не видывалъ, развѣ только въ походной фурѣ.

Предметъ этихъ размышленій такъ занятъ мытьемъ зелени въ настоящую минуту, что не видитъ стоящаго передъ нею мистера Джорджа до-тѣхъ-поръ, пока мытье благополучно не кончается. Пріемъ, который дѣлается мистеру Джорджу, неочень-лестенъ.

— Джорджъ, при видѣ васъ, у меня является сильное желаніе, чтобъ вы были по-крайней-мѣрѣ за тысячу верстъ.

Кавалеристъ, не обращая никакого вниманія на такую нѣжность, идетъ за леди съ гренадерскими формами, въ лавку музыкальныхъ инструментовъ; тамъ леди ставитъ чашку съ зеленью на столъ и пожимаетъ руку мистеру Джорджу.

— Я, Джорджъ, говорить она: — ни минуты не бываю спокойна за Матвѣя Багнета, когда вы бываете съ нимъ. Вы такой бездомный, такой непосѣда.

— Знаю, мистриссъ Багнетъ, знаю.

— Что толку, что вы знаете? говорить мистриссъ Багнетъ: — отъ этого мнѣ не легче. Зачѣмъ вы такой?

— Такая ужъ натура, я думаю, весело говорить кавалеристъ.

— А! отвѣчаетъ мистриссъ Багнетъ нѣсколько-пискливо: — что мнѣ до вашей натуры? того-и-гляди соблазните моего Мата бросить музыкальную лавку и уплыть въ Новую Зеландію, или Австралію.

Мистриссъ Багнетъ далеко недурная собою женщина, очень-широка костью, нѣсколько аляповатыхъ формъ, съ несовсѣмъ-нѣжной кожей, отъ вліянія вѣтра и солнца; но здоровая, свѣжая, быстроглазая, трудолюбивая, дѣятельная, расторопная, отъ сорока-пяти, до пятидесяти лѣтъ; она одѣта чисто, пристойно, но такъ скромно, что единственное украшеніе во всемъ ея костюмѣ— обручальное кольцо, которое такъ заросло мясомъ, что снимется развѣ только тогда, когда мистриссъ Багнетъ обратится въ прахъ.

— Мистриссъ Багнетъ, говорить кавалеристъ: — даю вамъ честное

слово : я не буду смущать Мата. На столько вы можете на меня положитьсь.

— Оно такъ. Да только ужь одинъ видъ вашъ— а тотъ такой безпокойный, замѣчаетъ мистриссъ Багнетъ : — ахъ Джорджъ, Джорджъ! еслибъ вы были тогда постепеннѣе и женились на вдовѣ Джо Пауча, когда онъ умеръ въ Сѣверной Америкѣ; она за васъ готова была бы и въ огонь и въ воду.

— Конечно, тогда былъ случай остепениться, отвѣчаетъ кавалеристъ, полусерьёзно, полушута : — а ужь теперь, кажется, время ушло. Вдова Джо Пауча могла бы мнѣ быть полезною : въ ней, да и около нея было кой-что хорошее, но все-таки я не могъ рѣшиться. Вотъ еслибъ въ выборѣ жены мнѣ было такое счастье какъ Матвѣю — дѣло другое!

Мистриссъ Багнетъ, въ простотѣ сердечной, обращается безъ затѣй съ такимъ славнымъ парнемъ, какъ Джорджъ; но, при любезничаньи съ его стороны можемъ доказать, что и она баба не промахъ : за комплиментъ посылаетъ ему въ лицо картофелину и уходитъ въ другую комнату, за прилавокъ.

— А Квибекъ, моя куколка, говоритъ Джорджъ, слѣдуя за мистриссъ Багнетъ, по ея приглашенію : — и крошечка Мальта тутъ же. Ну, подите, подите поцалуйте вашего Блюффи !

Эти юныя леди, однакожь, не подумайте, чтобъ такія имена получили при крещеніи : Квибекъ и Мальта были только прозвища, данныя имъ въ честь тѣхъ городовъ, въ казармахъ которыхъ они увидѣли свѣтъ; обѣ серьёзно заняты дѣломъ, на треногихъ стульяхъ : младшая, такъ, лѣтъ пяти или шести, учила буквы въ карманной азбукѣ ; старшая, лѣтъ восьми, а можетъ, девяти, показывала ей и шила очень-прилежно. Обѣ дѣвочки съ радостнымъ визгомъ встрѣтили своего стараго друга и, расцаловавшись съ нимъ, придвинули къ нему свои треногіе стульчики.

— Ну, а что дѣлаетъ маленькій Вульвичъ ? спрашиваетъ мистеръ Джорджъ.

— Каково! представьте себѣ, говоритъ мистриссъ Багнетъ, съ закрившимся отъ жара лицомъ (она теперь стряпаетъ обѣдъ) : — вѣдь онъ занятъ при театрѣ и играетъ на дудочкѣ, въ военномъ маршѣ.

— Ай-да крестничекъ, молодецъ! говоритъ мистеръ Джорджъ, прихлопывая себя по колянямъ.

— Нѣчего сказать, молодецъ! говоритъ мистриссъ Багнетъ : — настоящий британецъ, право настоящий британецъ.

— И Мать надуваетъ свой фалотъ, и всё вы, отъ перваго до послѣдняго, славные граждане, говоритъ мистеръ Джорджъ : — семейные люди. Дѣти подростаютъ. Старушка, мать Матвѣева, въ Шотландіи и вашъ

старикъ—отецъ тоже гдѣ-нибудь. Пшутъ, чай, другъ къ другу шлома. Вы имъ немножко пособяете. Прекрасно, прекрасно! Понимаю, какъ не желать, чтобъ я былъ отсюда за тысячу верстъ; я къ такимъ вещамъ неспособенъ.

Мистеръ Джорджъ становится задумчивъ; сидя передъ огнемъ, въ чсто-вымытой комнатѣ, въ которой полъ посыпанъ пескомъ, слышенъ запахъ барака, въ которой нѣтъ ни пылинки, ни пятнышка; начиная съ личика Квибеки и Мальты, до блестящихъ, изъ бѣлой жести, горшковъ и сковородъ, разставленныхъ на полкахъ; мистеръ Джорджъ становится задумчивъ, сидя здѣсь и смотря какъ работаетъ мистриссъ Багнетъ; но вотъ мистеръ Багнетъ и молодой Вульвичъ возвращаются къ сроку домой. Мистеръ Багнетъ, отставной артиллеристъ, прямого стана, высокаго роста, съ бровями жесткаго волоса, съ усами, въ родѣ мочалы съ кокосоваго орѣха, съ совершеннолысой головой и съ загорѣлымъ цвѣтомъ лица. Голосъ у него отрывистый, густой, звучный голосъ; не безъ сходства съ тономъ того инструмента, которому онъ себя посвящаетъ. Въ немъ въ-самомъ-дѣлѣ замѣтна какая-то негибкость, металличность; какъ-будто онъ самъ былъ не что иное, какъ факотъ въ оркестрѣ человечества. Маленькій Вульвичъ истинный типъ и модель маленькаго барабанщика.

И сынъ и отецъ, оба, радушно пріѣтствуютъ кавалериста. Узнавъ, что онъ пришелъ за совѣтомъ, мистеръ Багнетъ гостепріимно объявляетъ ему, что до обѣда не хочетъ знать никакихъ дѣлъ, и что другъ его не получить никакого совѣта, если не раздѣлить съ ними ветчины и зелени. Кавалеристъ соглашается на такое любезное предложеніе и, чтобъ не мѣшать хозяйственнымъ приготовленіямъ, оба друга выходятъ на узкую улицу и маршируютъ по ней такимъ тяжелымъ и мѣрнымъ шагомъ, какъ часовые на валгангѣ.

— Джорджъ, говоритъ мистеръ Багнетъ: — ты знаешь меня. Совѣты дасть моя старуха; она всѣхъ насъ умѣе. Но я въ этомъ никогда не сознаюсь передъ ней. Прежде всего дисциплина — понимаешь? Дай ей раздѣлаться съ зеленью, тогда мы и потолкуемъ. И какъ она скажетъ, такъ ты и дѣлай — слышишь?

— Я тоже такъ думаю, Матвѣй, отвѣчаетъ кавалеристъ: — я лучше послушаюсь ея совѣта, чѣмъ совѣта цѣлой коллегіи.

— Коллегія, отвѣчаетъ мистеръ Багнетъ, короткими сентенціями, какъ-будто наигрывая на факотѣ: — найди-ка такую коллегію, которую бы можно было оставить въ другомъ полушаріи безъ фаршига денегъ только съ салономъ, да съ зонтикомъ, да чтобъ она вернулась домой,

въ Барону — авъ нѣтъ! А моя старуха, хотѣ завтра выиниеть такую штуку — ей ужъ дѣло бывалое!

— Ты правъ, говоритъ мистеръ Джорджъ.

— Коллегія, продолжаетъ Багнетъ: — дай-ка коллегіи вершокъ земли да щепотку песку, да извести на холщени, да шесть пенсовъ денегъ — что она сдѣлаеть? — ничего! А моя старуха съ этого начала хозяйничать — вотъ оно чтò!

— Да; а тецерь Богъ благословилъ: любо смотрѣть, Матвѣй!

— И старуха кòпнеть, говоритъ мистеръ Багнетъ утвердительно. У нея тамъ, гдѣ-то, чулокъ: въ него прачеть деньги. Я не видалъ, а знаю, что прачеть. Дай ей съ зеленью покончить, и она направить тебя какъ-разъ.

— Она сокровище! восклицаетъ мистеръ Джорджъ.

— Больше, братъ! Но я объ этомъ при ней ни гу-гу! Дисциплина прежде всего — понимаешь? Вѣдь это она открыла во мнѣ музыкальныя способности. Ка-бы не она, я бы и теперъ кяснулъ въ артилеріи. Шесть лѣтъ я потѣлъ около скрипки, десять около флейты. Старуха говоритъ: «Нѣтъ не йдетъ! охота есть, да наклонности не тѣ; попробуй, говоритъ, фаготъ». И достала, братецъ, фаготъ у капельмейстера Карабинернаго Полка. Я, бывало, засяду въ траншеи, да и давай дуть. Пошло. Сдѣлалъ усѣихи. Завелъ самъ фаготъ, да вотъ и живу имъ.

— Джорджъ замѣчаетъ, что она свѣжа какъ роза и крѣпка какъ яблоко.

— Да чего тутъ братецъ: красивѣе ея я не видывалъ. Чѣмъ старше тѣмъ лучше, то-есть, чтò твой майскій день. Но при ней я объ этомъ ни гу-гу! Дисциплина прежде всего — понимаешь?

Продолжая теперъ разговоръ кой-о-чемъ они прогуливаются по улицѣ взадъ и впередъ, отбивая тактъ иѣрнымъ шагомъ, пока Квибекъ и Мальта не отзываютъ ихъ къ столу откусать ветчинки и зелени. При угощеніи этими съестными припасами, какъ и во всѣхъ другихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ, мистриссъ Багнетъ руководится строгой системой; передъ ней ставится каждое кушанье; она дѣлитъ его на порціи, приправляя ихъ подливкой, зеленью, картофелемъ и даже горчицей, и передаетъ собесѣдникамъ. Съ тою же аккуратностью наливаетъ она каждому по кружкѣ нива и принимается удовлетворять свой аппетитъ, который, какъ видно, находится въ прекрасномъ состояніи. Столовый приборъ, если можно такъ назвать соединеніе всѣхъ обѣдненныхъ принадлежностей, состоитъ весь изъ рога и жести и отслужилъ службу во многихъ частахъ свѣта; въ-особенности нежинъ молодого Вуальича, въ родѣ устрицы, съ прибавкою сильной дружины, отцезиваніе и зачел-

кипаніе которой не дастъ иногда своевременно удовлетворить аппетитъ молодому музыканту, перебивая, говорить, во время чужеземныхъ страханъ.

Обѣдъ кончился и мистриссъ Багнетъ съ помощію двухъ молодыхъ отпрысковъ своихъ (которые вытираютъ до-чиста свои кружки, тарелки, ножи и вилки) приводитъ весь столовый приборъ въ такой же блестящій и опрятный видъ, въ какомъ онъ былъ до начала обѣда, и ставитъ все на мѣсто, счистивъ прежде всего съ очага, чтобъ не помѣшать мистеру Багнету и гостю закурить трубки. Всѣ эти домашнія суеты требуютъ усиленной топотни взадъ и впередъ по заднему двору, непомярнаго потребленія воды, которая на конецъ-концовъ имѣетъ честь омыть руки и лицо самой мистриссъ Багнетъ.

Окончивъ всѣ дѣла и омовеніе, мистриссъ Багнетъ, веселая и свѣжая, является къ очагу и садится шить въ веселой компаніи, и только теперь, потому-что только теперь предполагается, что умъ ея не занятъ мытьемъ зелени— мистеръ Багнетъ предлагаетъ кавалеристу изложитъ въ чемъ дѣло.

Мистеръ Джорджъ исполняетъ это предложеніе съ глубокимъ благоразуміемъ: обращаясь какъ-будто къ мистеру Багнету, онъ не спускаетъ глаза со старухи во все время изъясненія дѣла. Тѣмъ же самымъ занимается и мистеръ Багнетъ; а старуха, тоже съ полнымъ благоразуміемъ, сидитъ и шитьетъ-себѣ. Наконецъ дѣло выяснилось и мистеръ Багнетъ прибѣгаетъ къ своему спасительному штандарту: дисциплина прежде всего!

— Вотъ и все тутъ Джорджъ! говорить онъ.

— Вотъ и все.

— И ты хочешь знать мое мнѣніе?

— Дá я поступлю, какъ ты мнѣ посоветуешь.

— Ну, старуха, говорить мистеръ Багнетъ: выскажи ему мое мнѣніе, ты знаешь его, такъ и выскажи.

Мнѣніе оказывается слѣдующее, что мистеру Джорджу пѣчего путаться съ людьми, которые очень-тонки для него, и ввязываться въ дѣла, въ которыхъ онъ ни бельмеса не понимаетъ; что главное правило состоитъ въ томъ, чтобъ не бродить въ потьмахъ, не мѣшаться въ тайны и не ставить ноги тамъ, гдѣ не видать дороги. Таково мнѣніе мистера Багета, высказанное его старухой; оно, какъ-нельзя-больше, по сердцу мистера Джорджа, потому-что соответствуетъ вполне его умственному настроенію, изгоняетъ всѣ сомнѣнія и приводитъ его къ непремѣнному желанію выкурить еще трубку ради такого исключительнаго случая и

добытаты про быстрое время съ каждымъ изъ членовъ почтеннаго семейства Багнетовъ, сообразно съ ихъ житейской опытностью.

Въ такомъ положеніи дѣлъ мистеръ Джорджъ не прежде выпрямляется во весь ростъ въ гостеприимной комнаткѣ, какъ приходитъ время фаготу и дудкѣ отпрапляться въ театръ, гдѣ ихъ ожидаетъ лондонская дублавка, и даже тогда только-что начинается онъ прощаться съ Кибеккой и Мальтой, опускаетъ въ карманъ своего крестника шиллингъ на лакомства, поздравляетъ его съ хорошей карьерой, и уже смеркается очень въ тѣ минуты, когда мистеръ Джорджъ подходитъ къ полямъ Ланкольнской Палаты.

— Хозяйство, семейство, размышляетъ онъ по дорогѣ : — конечно, хорошая вещь : на себя смотришь какъ на бобыля. Но я хорошо сдѣлалъ, что не маршировалъ въ супружество. Врядъ ли я способенъ къ этому. Я и до-сихъ-поръ такой бродяга, что мѣсяца не содержалъ бы галереи, еслибъ за ней нуженъ былъ постоянный уходъ, да пришлось бы жить не такъ поцыгански, какъ я живу. Гм ! я никому не въ тягость — и этого довольно. Со мной такого счастья не бывало много лѣтъ.

И, высвистывая, идетъ онъ впередъ.

Достигнувъ до Полей Ланкольнской Палаты и взойдя на лѣстницу, ведущую въ квартиру мистера Телькингорна, находитъ онъ, что дверь заперта. Не обращая большаго вниманія на это обстоятельство, онъ пытается въ потьмахъ или съискать ручку колокольчика, или просто отворить дверь, и мечется изъ стороны въ сторону. Въ это время входитъ на лѣстницу и мистеръ Телькингорнъ (разумѣется, тихо) и гнѣвно спрашиваетъ :

— Кто здѣсь ? Чтò тебѣ надо ?

— Это я, сэръ. Джорджъ. Гержантъ.

— А развѣ Джорджъ, сержантъ, не видитъ, что моя дверь заперта ?

— Нѣтъ, сэръ, не вижу. Во всякомъ случаѣ я не видалъ, сэръ, говоритъ Джорджъ раздражительнымъ тономъ.

— Измѣнили вы ваше мянѣе ? или остались при немъ же ? спрашиваетъ мистеръ Телькингорнъ. Но, тонкая устрица ! знаетъ напередъ отвѣтъ.

— Остался при томъ же, сэръ.

— Я такъ и думалъ. Довольно. Вы можете идти. Хотя вы тотъ самый человекъ, говоритъ мистеръ Телькингорнъ, отпирая дверь ключомъ : — въ чьей трущобѣ прятался мистеръ Гредли.

— Дѣ, я тотъ самый, говоритъ кавалеристъ, спускась двѣ или три ступеньки внизъ : — такъ что жь, сэръ ?

— А вотъ чтò ! Я не люблю сообщничества такихъ людей. И еслибъ

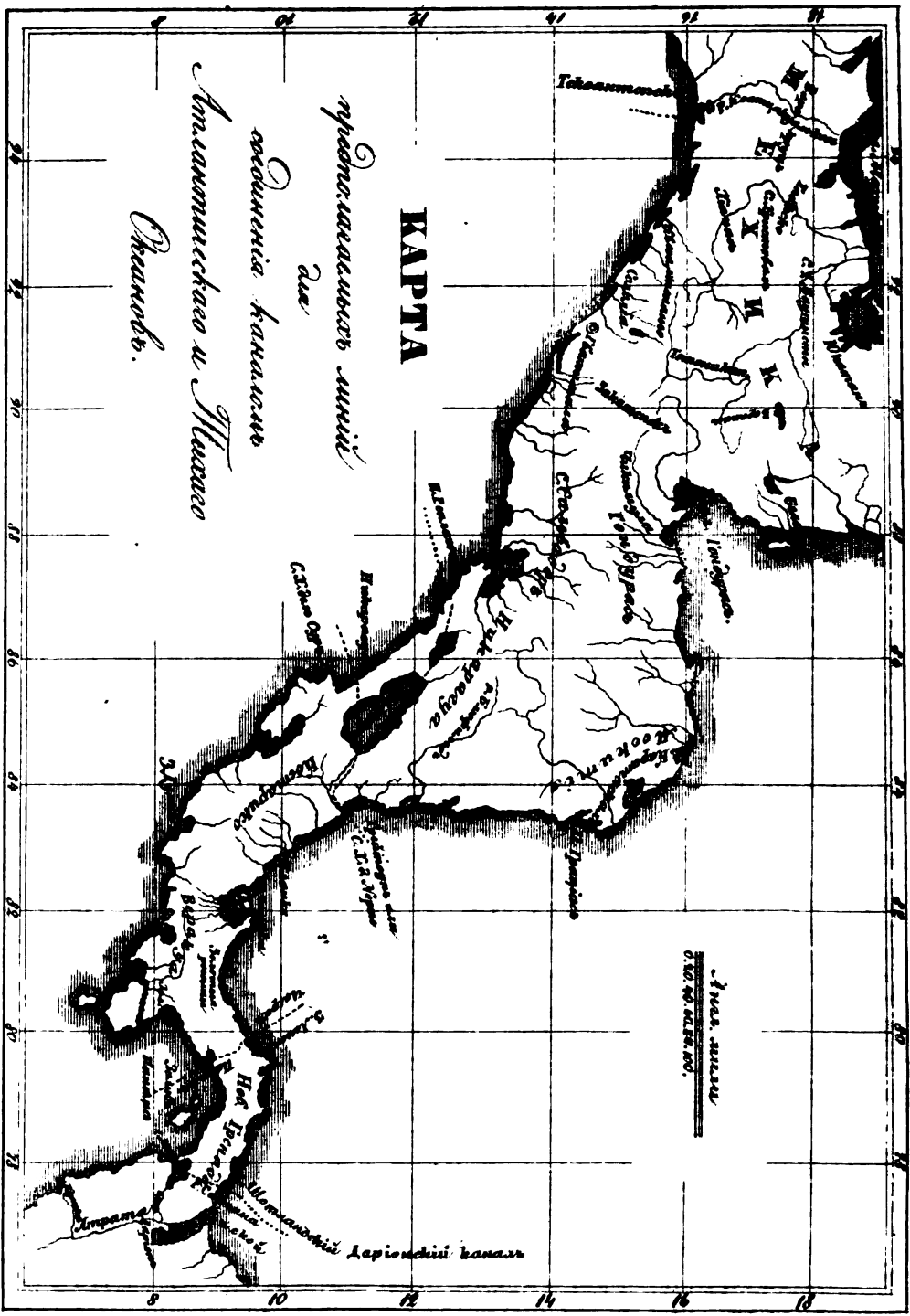
и зналъ это заранѣе, вамъ бы не видать порога моей двери. Грози опасный негодяй, злодѣй, разбойникъ.

Съ этими словами, произнесенными, быть-можетъ, слишкомъ-громко для мистера Телькингорна, входятъ онъ въ свои комнаты и съ сильнымъ шумомъ запираетъ за собою дверь.

Мистеръ Джорджъ принимаетъ очень-оскорбительно такой способъ прощанья, тѣмъ-болѣе, что какой-то писецъ, входя въ это время на лѣстницу, слышитъ конецъ рѣчи мистера Телькингорна и очевидно принимаетъ его на счетъ кавалериста.

— Славныя вѣщи здѣсь услышишь! говорить кавалеристъ, сходя съ лѣстницы и бранясь грозно: — Опасный негодяй, злодѣй, разбойникъ — прошу покорно! и взглянувъ наверхъ, онъ видитъ, что писецъ наблюдаетъ за нимъ, стараясь всмотрѣться, при блескѣ уличнаго фонаря, въ его лицо. Это такъ бѣситъ кавалериста, что онъ минутъ пять остается въ дурномъ расположеніи духа. Наконецъ все это выводитъ его изъ себя, и, отбивая тактъ, идетъ домой, въ свою галерею для стрѣльбы въ цѣль, и проч.

КАРТА

республиканских земель
северной части
Алтайского и Степного
Областей.

— 1000 м.
— 2000 м.

Алтайский край

II.

ВОСПОМИНАНІЯ

РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА О ВЕСТ-ИДИИ, КАЛИФОРНИИ И ОСТ-ИДИИ.

Статья вторая.

СОЕДИНЕНІЕ КАНАЛОМЪ ДВУХЪ ОКЕАНОВЪ.

Географическія преграды для мировой торговли. — Суэцъ и Панама. — Путь въ Остидію. — Кортесъ и Карлъ V. — Лѣтописецъ Гомара. — Шотландская Компания. — Боливартъ, Голландія и Морзаанъ. — Гизо. — Вендербильтъ и К°. — Санта Анна и Гарай. — Промахи Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатовъ. — Необходимо изслѣдовать Панамскій Перешекъ. — Видъ его. — Тройственное подраздѣленіе.

I. Перешекъ Тркоантепекъ. Топографическое описаніе. — Коатцакоалкошь. — Гавани. Вентоза. — Разстояніе между С.-Франциско и тремя соединительными линіями перешейка. — Черта собственно-американская.

II. Никарагуа. Условія, повидному, выгодныя для прорытія канала. — Препятствія. — Затрудненія на рѣкѣ С.-Хуанъ. — Возвышеніе озера Никарагуа. — Тунель. — Озеро Манага. — Заливъ Фонзена. — Выгоднѣйшая линія.

III. Панамскій Перешекъ. Его раздѣленія: а) собственно Панама. — Пониженіе Кордильеровъ. — Обиліе воды. — Проекты Гареля и Мореля. — Улучшенія въ портѣ панамскомъ. — Близость желѣзной дороги по предполагаемому каналу. б) Перешекъ Даріенскій. — Линія Гумбольдта. — Рѣка Аtrato и Филиппъ II. — Линія Гисборна въ 1858 году. — Сравненіе перешейка Никарагуа съ Даріенскимъ. — Учрежденіе компаніи съ капиталомъ въ 90 милліоновъ руб. сер. — Изслѣдованіе Даріенскаго Перешейка. — Столкновеніе съ индіанцами. — Возвращеніе въ Панаму. — Еще поѣздка съ береговъ Тихаго Океана. — Сравненія разстояній; климата. — Гдѣ взять работниковъ? — Европейцы и американцы на перешейкѣ. — Обязанности товарищества. — Ближайшая будущность. — Проектъ желѣзной дороги отъ Нью-Йорка до С.-Франциско; отъ Галлфакса чрезъ Канаду въ Ванкуверъ.

Одно изъ любопытнѣйшихъ явленій для наблюдательнаго взгляда представляеть въ настоящее время торговая дѣятельность народовъ: они'

избравъ себѣ нарѣ въ неизмѣнные союзники и на морѣ и на сушѣ, стремится преодолѣть всѣ географическія препятствія, встрѣчаемыя на земномъ шарѣ. Благодаря такимъ усиліямъ, размѣнъ произведеній въ нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій произвелъ такіе результаты, которыми не могутъ похвалиться и цѣлыя столѣтія, сошедшія въ вѣчность. Оставляя въ сторонѣ то, что совершилось, бросимъ взглядъ на то, что можетъ еще совершиться для ускоренія, размноженія и твердѣйшей связи торговыхъ отношеній между различными народами.

Взглянувъ на карту земнаго шара, вы увидите съ одной стороны узенькую полосу земли, раздѣляющую Средиземное Море отъ Чернаго, и съ другой стороны также маленькую полосу, которая препятствуетъ водамъ Атлантическаго слиться съ водами Тихаго Океана. Природа перекинула здѣсь мостъ между Южною и Сѣвѣрною Америкою, таиъ— между Африкою и Азіею. Во времена первобытныя, понятно, какую важную роль играли эти два моста въ исторіи цивилизаціи, способствуя переходомъ дикихъ, или варварскихъ племень.

По узкой полюсѣ Панамы поколѣнія индійскія переходили безпрятственно съ одного полуострова на другой. Это континентальное соединеніе не переставало быть благотѣльнымъ для общественнаго развитія до изобрѣтенія компаса, когда народы должны были довольствоваться только береговымъ каботажнымъ сообщеніемъ. Въ то время великолѣпныя суда Клеопатры, въ случаѣ нужды, можно было перетащить вдолокомъ, точно также, какъ скромные челны туземцевъ Новаго Свѣта. И хотя въ—древности было пристушено къ прорытію Суэцкаго Перешейка, но этотъ неоконченный трудъ скорѣе свидѣтельствуетъ о тщеславіи фараоновъ, а не доказываетъ общественную надобность, потребность такого предпріятія.

Въ то время торговая дѣятельность не выходила изъ предѣловъ Счастливой Аравіи, а эта страна охотнѣе разсылала благовопія свои съ караванами верблюдовъ, нежели на неблагонадежныхъ судахъ, на каждамъ шагу подвергавшихся гибели.

Но когда торговля поставила Венецію и Геную на такую степень благосостоянія, которой стали завидовать сильнѣйшія области Европы, тогда непрерывающееся сообщеніе съ богатыми странами Азіи сдѣлалось потребностью, любимымъ желаніемъ народовъ; и за то, что нѣсколько верстъ земли не были прорыты, двѣ великія торговыя республики утратили блестящее первенство свое. Васко де-Гама, обогнувъ Мысь Доброй Надежды, создалъ для Венеціи и Генуи соперничество португальцевъ въ Остидіи, на неисчерпаемыя сокровища которой,

Фрисклись испанцы, голландцы, французы и наконецъ англичане, взошедши такъ удачно восторжествовавши надъ соперниками.

Еслибъ перешеекъ Суэцкій былъ прорытъ въ древности — иное направление приняла бы всемірная исторія, и XV вѣкъ, неисквавшій Америки, а хлопотавшій о западномъ проходѣ въ Индію, вѣроятно, не присовокупилъ бы къ географіи четвертой части Свѣта.

Кортець, волнуемый надеждою, подобно Колумбу, проложить путь въ Азію, проникнулъ въ нѣдра Мехики. Карлъ V въ одномъ изъ своихъ писемъ къ покорителю Монтезумы давалъ приказаніе держать въ-тайнѣ проливъ (*el secreto del estrecho*), который, по предположеніямъ того вѣка, долженъ былъ сократить на двѣ трети путь изъ Кадикса въ землю приностей. Воображеніе европейцевъ, жадно прислушиваясь къ разсказамъ Марко Поло, украшало блестящими химерами эти малозвѣстныя страны. Кортець самонадѣянно увѣрялъ Карла-Vго, что совершитъ важное открытіе, въ-слѣдствіе котораго, говоритъ онъ, «Монархъ Испаніи сдѣлается властителемъ столькихъ царствъ, что по праву назовется владыкою міра».

Но ближайшая развѣдка береговъ Центральной Америки скоро доказала, что стѣна, раздѣляющая два океана, отверстій не имѣетъ и *держать въ-тайнѣ проливъ* было не для чего. Съ той поры запаза мысль прорытія канала въ умахъ людей, занимавшихся исторіей и географіей новыхъ пріобрѣтеній и открытій, сдѣланныхъ испанцами. Одинъ изъ первыхъ лѣтописцовъ того времени ясно излагаетъ проектъ этого прорытія. Вотъ что говоритъ Гомара въ одной главѣ своего сочиненія ⁽¹⁾, разсуждая о возможности пройти кратчайшимъ путемъ къ Островамъ Моллюсковъ.

«Переходъ отъ береговъ Испаніи къ Островамъ Моллюсковъ проливомъ Магеллана чрезвычайно затруднителенъ и дологъ. Разговаривая по этому предмету съ людьми, возвратившимися изъ Индіи, я слышалъ о другомъ пути, который доставитъ славу и выгоду тѣмъ, кто его проложитъ. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ соединить два океана, избравъ для того удобнѣйшую изъ четырехъ линій, въ тѣхъ мѣстахъ существующихъ. Для перваго пути можно воспользоваться рѣкою *Лагартосъ* ⁽²⁾, которая вытекаетъ въ четырехъ миляхъ отъ Панама и впадаетъ въ Караибское Море у Номбре де-Диосъ. Для втораго — могъ бы съ выго-

⁽¹⁾ La historia de las Indias.

⁽²⁾ *Чагресъ* носить это названіе по причинѣ множества крокодиловъ, въ немъ живущихъ. *Лагартосъ* значитъ поиспански крокодилъ.

дою служить тотъ каналъ, который соединитъ Озеро Никарагуа съ Караибскимъ Моремъ ⁽³⁾. Путь на обихъ этихъ линіяхъ исполненъ ужь приготовленъ самою природою. Есть еще рѣка, которая вытекаетъ изъ Вера-Круца въ Текоантепекъ; по ней жители перетаскиваютъ бичевою суда изъ одного моря въ другое. Разстояніе отъ Номбре де-Диосъ до Панама составляетъ 17 миль ⁽⁴⁾, а отъ Залива Ураба, то-есть, отъ Даріенскаго до Залива С. Мигуэль 25 миль; здѣсь представляются трудности. Правда есть горы; но вѣдь есть и руки: только бы рѣшились прорыть каналъ, ужь пророкутъ. Средства на это предпріятіе есть ⁽⁵⁾, да и самая Индія, для которой оно такъ выгодно, дастъ средства для дѣла. Для короля испанскаго, располагающаго по волѣ своей всеми богатствами Индіи, дѣло это и возможно и легко.

«Казалось же дѣломъ несбыточнымъ — да и въ-самомъ-дѣлѣ было невозможно соединить Бриндосъ съ Белоною, плотиною, которая должна была протянуться въ море на двадцать миль — но Пирръ и Маркъ Варронъ, желая соединить Италію съ Греціей, дѣлали такую попытку. Никаноръ началъ прорывать каналъ, долженствовавшій пройти на пространствѣ 100 миль, не принимая въ расчетъ рѣки; каналъ этотъ назначался для перевозки товаровъ съ Каспійскаго Моря въ Черное; но Никаноръ былъ убитъ Птолемеемъ Церонусомъ и потому это великолѣпное, истинно-царское дѣло не состоялось. Нитокрпсъ, Сезострисъ, Дарій, Птоломей и другіе предполагали соединить каналомъ Красное Море съ Ниломъ, въ тѣхъ видахъ, чтобъ изъ Индійскаго Океана можно было прямо доставлять въ Средиземное море благовонія, пряности и цѣлебныя вещества; но, опасаясь, что воды двухъ морей разрушатъ плотины, наводнятъ Египеть, или что произойдетъ чрезмѣрный притокъ воды къ рѣкѣ питательницѣ Египта, они отложили это намѣреніе.

«Еслибъ существовалъ проходъ, о которомъ я сказалъ выше, путь къ Островамъ Моллюсковъ сократился бы на цѣлую треть, и посылаемая въ тѣ мѣста суда совершали бы плаваніе въ теплыхъ широтахъ, не выходя изъ владѣній Монархіи Испанской и не опасаясь встрѣчъ враждебныхъ. Наша Индія ⁽⁶⁾ была бы ужь въ той выгодѣ, что товары отправлялись бы въ Перу и въ другія области на тѣхъ самыхъ ко-

⁽³⁾ Онъ говоритъ о рѣкѣ С.-Хуанъ.

⁽⁴⁾ Въ испанской милѣ 5 верстъ.

⁽⁵⁾ Здѣсь онъ принимаетъ въ расчетъ испанскія колоніи въ Америкѣ и въ Азіи.

⁽⁶⁾ Испанскія колоніи въ Америкѣ.

раблякъ, въ которыхъ они грузились въ Испаніи. Такимъ образомъ можно было бы избѣгнуть и хлопотъ и расходовъ.»

Всѣ пути для соединенія океановъ были представляемы на обсужденіе Карла V-го, который всегда съ любовью слушалъ рѣшеніе этого вопроса. Несмотря на то, ни онъ, ни его преемники не привели въ исполненіе этого плана. Само-собою разумѣется, не трудности остановили ихъ. Исторія показываетъ намъ, какъ тщательно по принятой системѣ они старались скрывать отъ глазъ всего свѣта свои колоніи въ обѣихъ Индіяхъ. Открыть гигантскія ворота торговлѣ Испаніи прорытіемъ перешейка значило сдѣлать отвертіе въ собственныхъ владѣніяхъ своихъ; значило поставить себя въ оборонительное положеніе отъ безпрестанно-завистливыхъ искательствъ другихъ державъ. Выгоды, долженствовавшія послѣдовать, не вознаграждали опасностей въ глазахъ монополюющей Испаніи.

Виродолженіе двухъ вѣковъ, снабжая Южную Америку товарами чрезъ Панамакій Перешеекъ и получая тѣмъ же путемъ золото и серебро изъ перуанскихъ рудниковъ, Испанія даже не проложила здѣсь порядочной юрочи. Булыжникомъ насланная мостовая на пространствѣ 7 миль, идетъ, безпрестанно прерываясь, отъ Панама; по ней да по рѣкѣ Чагресу, не сдѣлавъ ни одного шага для улучшенія этого пути, проводила Испанія свои караваны. Искусство, подъ распоряженіемъ монаховъ, создавало крѣпости и соборы. Вицерои его каолическаго величества держали въ заустѣннн дорогу, пересѣкавшую имперію инковъ. Они считали излишнимъ устроить порядочныя пристани въ городахъ, гдѣ ярко горѣло ихъ могущество. До послѣднихъ дней владычества Испаніи, тянулась непроходимая, тяжелая песчаная дорога на три мили, между Лимой и Калао, несмотря на то, что это послѣднее мѣсто есть гавань Лимы. При подобномъ равнодушіи ко всему, что не составляло силы военной, или не представляло пищи для католицизма, можно ли было ожидать, чтобъ огромное коммерческое предпріятіе привело развитіе?..

Дѣло, которое Испанія никогда бы не совершила, непременно нашло бы исполнителей въ знаменитой шотландской компаніи, еслибъ она имѣла на то достаточно времени. Эта компанія основалась въ 1695 году. Смѣлый основатель ея, Петерсонъ, вознамѣрился похитить у побѣдителей Новаго Свѣта перешеекъ, раздѣляющій два океана, основавъ на немъ торговую и военную колонію. Онъ справедливо думалъ, что прочное обладаніе вратами морей и ключомъ вселенной — чѣмъ дѣйствительно становится эта узкая полоса земли при прорытіи канала — дастъ

въ торговомъ отношеніи могущество Александра и Цезаря. Шотландціи, Англія и Голландія составили капиталъ въ одинъ милліонъ фунтовъ стерлинговъ; отправлена была первая экспедиція изъ 1200 человекъ, между-тѣмъ король Вильгельмъ III-й, вначалѣ покровительствовавшій шотландскую компанію, далъ указъ въ 1699 году, которымъ лишилъ новыхъ переселенцевъ всякой защиты и запретилъ производить подвозъ припасовъ и снарядовъ въ колоніи, основанія въ Даріенскомъ Заливѣ подъ названіемъ: Новая Каледонія и Св. Андрея. Истощенные всевозможными лишеніями, эти несчастные выходцы не устояли въ борьбѣ съ пришедшими изъ Испаніи кораблями; удѣльшіе сдались на капитуляцію и отправились обратно на родину 1700 года 11-го апрѣля. На переходѣ открылась, отъ тѣсноты и недостатка провизіи, желтая лихорадка и только немногіе увидѣли родину. Такой злополучный конецъ поставилъ въ числѣ напрасныхъ предпріятій такое дѣло, которое происходило изъ прямого убѣжденія въ важности послѣдствій отъ трудолюбивой, дѣятельной колонизаціи въ центр-Америкѣ между двумя океанами.

Съ-давнихъ-поръ и до нашихъ временъ хорошо извѣстенъ длинный путь вокругъ мыса Горна или проливомъ Магеллановымъ. Наконецъ, Гумбольдтъ указалъ на возможность прорытія канала между двумя океанами. Постоянно-занятый этою мыслью, онъ объяснялъ ее Боливару и въ 1827 году англійской инженеръ Лойдъ изслѣдовалъ Панамскій Перешеекъ. Безъ всякаго сомнѣнія, Англія получила бы полную защиту отъ Боливара, еслибъ она въ то время обратила капиталы свои на исполненіе этого высокаго и прекраснаго дѣла. Напрасно, кажется, говорить, что величайшее препятствіе для введенія въ дѣйствіе этого предпріятія есть политическій бытъ областей центр-Америки. Несмотря на зыблющееся управленіе и на внутренніе раздоры въ тѣхъ мѣстахъ, область Никарагуа не прерывала сношеній своихъ съ иностранными властями, стараясь всеми силами устроить транзитъ по озеру и по рѣкѣ Никарагуа. Въ 1824 году, лондонскій домъ Барклай, Герингъ, Ричардсонъ и Комп. и нью-Йоркскій Пальмера взялись собрать капиталы для прорытія канала, котораго воды должны поднимать огромные корабли, или, въ случаѣ невозможности, суда малаго размѣра. Послѣ переговоровъ, длившихся три года, дѣло кануло въ воду.

Впослѣдствіи были благонадежныя, повидимому, трактаты съ Голландією. Въ первой статьѣ этого договора говорится, что каналъ будетъ доступенъ на общихъ условіяхъ для всѣхъ націй, находящихся въ союзѣ съ Центральною Америкою, за исключеніемъ кораблей, производящихъ

торгъ морями. Десятая статья утверждала по берегамъ канала, или на устьяхъ его, основаніе города съ свободною торговлею.

И этотъ проектъ не состоялся по причинѣ безпорядковъ, открывшихся въ Бельгій. Совершенно понимая важность этого дѣла, тогдашній президентъ, Моразанъ, неуспѣшно старался привести въ исполненіе грандіозное предпріятіе и снова обратился къ капиталамъ Европы и Соединенныхъ Штатовъ, доказывая, что здѣсь шелъ вопросъ не химерическій, какъ уже съ-дѣвшихъ—портъ привыкли почитать его. Подъ его покровительствомъ Джонъ Бейль обезривалъ берегъ между озеромъ Никарагуа и Тихимъ Океаномъ, а также и рѣку С. Хуанъ. Вскоре Моразанъ лишился власти, вынужденный бѣжать въ Вальпарайзо и изслѣдованія Бейля остались несовершенными.

Въ 1844 году область Никарагуа, ставъ независимою республикою, обратилась къ министру Гизо : она полагала, что этотъ вѣрный защитникъ мира и представитель его всегда и вездѣ, охотно возьмется за исполненіе такого предпріятія. Но тамъ, гдѣ нужно было идти впередъ, Гизо только пятился назадъ. Къ удивленію посланнаго отъ области Никарагуа, Гизо наотрѣзъ отказалъ ему. Гизо былъ бы и не прочь устроить соединеніе двухъ океановъ ; съ этою цѣлью агенты его прошли по всеѣмъ направленіямъ Центральной Америки ; по какой же причинѣ отъ остановился ? Гизо побоялся навлечь на себя гнѣвъ и немилость Англіи.

Безплодные переговоры да толки продолжались бы и понынѣ, еслибъ не было открыто золото въ Калифорніи : оно доказало необходимость прорытія Панамскаго Перешейка. Въ этомъ убѣжденіи г. Вельврейтъ, дѣятельный учредитель англійскаго пароходнаго сообщенія въ Южной Америкѣ, вступилъ въ переговоры съ правительствомъ Никарагуа, а Великобританія между-тѣмъ захватила гавань и рѣку С. Хуанъ до пороговъ Мачука, усердно желая прибрать къ рукамъ своимъ ключъ отъ проестриваннаго канала. Съ другой стороны были сдѣланы предложенія отъ Вендербильтъ и Ко. изъ Нью-Йорка ; и эти предложенія были предпочтены англійскимъ. По этому договору положено прорыть каналъ, по которому могли бы ходить суда всеѣхъ размѣровъ ; на его устройство назначено двѣнадцать лѣтъ. Послѣ восьмидесяти-пяти лѣтъ, каналъ переходилъ въ собственность правительства. Подобныя условія представляли большія выгоды ; несмотря на то, компанія Вендербильтъ, при подписаніи контракта, имѣла только въ виду пустить по С. Хуану нѣсколько драганныхъ пароходовъ да проторить дорогу на четыре мили отъ озера до океана. Такія мѣры были для нея достаточны : она хлопотала о

новомъ пути между С. Франциско и Нью-Йоркомъ и цѣли своей достигла. Транзитъ выходцевъ приносить ей большіе барыши; но при этихъ мѣрахъ, по разуму да и по слову, контрактъ нарушенъ, а торговая дѣятельность обманута въ своихъ блестящихъ надеждахъ! Какъ же не пожалѣть и правительства, заключившаго контрактъ съ недобросовѣстной компаніей, и промышленнаго міра, остающагося при однихъ ожиданіяхъ!

Съ своей стороны, Мехика поставляла на видъ возможность соединенія двухъ океановъ прорытіемъ перешейка Текоантепекъ. Въ 1824 году правительство занималось изслѣдованіемъ этого важнаго вопроса, и напечатало замѣчательные выводы изысканій. Президентъ Санта-Анна разрѣшилъ Д. Хосе Хараю построеніе желѣзной дороги, а впоследствии и прорытіе канала на чрезвычайно-выгодныхъ условіяхъ. Дорога поступала чрезъ пятьдесятъ лѣтъ во владѣніе правительства вмѣстѣ съ незанятыми землями, на сто верстъ по обѣимъ сторонамъ лежащими. Въ этомъ условіи было сказано, что въ теченіе пятидесяти лѣтъ безъ согласія Д. Хосе Хараю или тѣхъ, кому онъ уступитъ права свои, рѣчи о другомъ какомъ-либо проектѣ относительно прорытія канала и устройства желѣзной дороги быть не можетъ. На этой линіи самымъ удовлетворительнымъ образомъ были произведены изслѣдованія. Но Хараю ничего не началъ и кончилъ тѣмъ, что передалъ права свои англичанамъ, живущимъ въ Мехикѣ; англичане перепродали контракты капиталистамъ Новаго Орлеана. Собственно въ видахъ устройства желѣзной дороги была отправлена, для изслѣдованія мѣстности, новая экспедиція⁽¹⁾; въ настоящее время споры съ мексиканскимъ правительствомъ, которое не сознаетъ правъ послѣдней передачи, къ-несчастью, останавливаютъ предпріятіе.

Мой короткій очеркъ достаточно убѣждаетъ, что представители областей въ Центральной Америкѣ каждый въ свою очередь старался усвоить содѣйствіе или европейскихъ государствъ, или Соединенныхъ Штатовъ, и что съ ихъ стороны были употреблены всѣ средства для выполнения этого гигантскаго плана. Боливаръ, Моразанъ и Санта-Анна доставили положительнѣйшія свѣдѣнія о трехъ изслѣдованныхъ ими перешейкахъ; и нѣтъ никакого сомнѣнія, что каналъ былъ бы уже прорытъ, еслибъ отъ ихъ только воли зависѣло это дѣло.

(1) Въ 1852 году напечатано донесеніе объ этомъ изслѣдованіи, подъ заглавіемъ: *The Isthmus of Tehuantepec* и проч., *under the Direction of Major Bernard*. New-York.

Что съдѣлала Франція? Гизо съ жаромъ восклицаетъ, что прорытіе канала должно совершиться; онъ говоритъ, что Франція приобрѣтетъ тогда колоніи на островахъ Тихаго Океана. Въ томъ убѣжденіи, что торговая дѣятельность Нового и Стараго Свѣта должна проложить путь черезъ область Никарагуа, онъ самъ вступаетъ въ переговоры. Впослѣдствіи ему приходитъ въ голову: «а что если Англія за это на меня разсердится?» и тотчасъ прерываетъ даже разговоръ объ этомъ дѣлѣ. Миръ его праху!..

Читая записки Лондонскаго Географическаго Общества, нельзя повѣрить, а на дѣлѣ выходитъ, что Англія не столько поощряла, сколько препятствовала развитію этого вопроса. И это по той странной привычкѣ, которую она себѣ усвоила, желая во всякомъ случаѣ, гдѣ только можно, взять больше другихъ и дѣйствуя всегда по смыслу басни: «Левъ на ловлѣ». Дѣйствительно, Англія витѣшалась въ это дѣло, какъ скоро возникъ вопросъ о соединеніи океановъ на линіи озера и рѣки Никарагуа; и вскорѣ сама же затянула это дѣло, вопервыхъ, потому, что способствовала паденію Моразана, а вовторыхъ, потому, что захватила пѣлюю область Москитосъ въ Центральной Америкѣ, подъ самымъ пустынь предлогомъ, желая на дѣлѣ распоряжаться по своей волѣ «вратами морей и ключомъ вселенной!» А между-тѣмъ Англія не видитъ, что скоро подъ могучимъ дыханіемъ Соединенныхъ Штатовъ исчезнутъ ея строптивые замыслы, и что ей не по плечу борьба съ болѣе сильнымъ передвиженіемъ народовъ, совершающимся въ наше время въ Америкѣ. Агенты Пальмерстона истощили всѣ усилія въ заботахъ о томъ, чтобъ доставить Англіи исключительное плаваніе между двумя океанами; они даже убѣждены были, что имъ удалось по ихъ выраженію: «отбить совмѣстничество назойливыхъ сѣверо-американцевъ». Напрасныя хлопоты! Америка не потерпитъ учета, не уступитъ этого плаванія между Атлантическимъ и Тихимъ Океанами. И еслибъ союзнымъ флотамъ вздумалось уничтожить перевѣсъ Соединенныхъ Штатовъ въ этомъ трепещущемъ жизнью вопросѣ, то и тогда едва-ли успѣхъ увѣчалъ бы такое намѣреніе. *Назойливое* племя сѣверо-американцевъ не отступаетъ, какъ Гизо, предъ призракомъ переговоровъ: какъ паутину разрываетъ оно такіа сѣти въ неудержномъ ходѣ своемъ, хотя иногда ему становится и неловко отъ такихъ преградъ, особливо когда подобныя ткани сплетаются сообща съ кабинетомъ вашингтонскимъ.

Итакъ, вотъ что можно вывести изъ всѣхъ обвинительныхъ пунктовъ упреждающихъ на Англію, Францію и Соединенные Штаты за то, что они до-сихъ-поръ не уничтожили мыса Горна съ его непогодами:

Англія виновата по свойственному ей себялюбію, Франція — по кортнтельности своей, а Соединенные Штаты — по нерадію. Первая сланкомъ придерживалась въ этомъ дѣлѣ своихъ привычекъ, вторая дѣствовала на основаніи правилъ, ведущихъ ее къ несомнѣнному паденію, а Соединенные Штаты, допустивъ захватъ Англіи въ Центральной Америкѣ, не сдержали собственныхъ своихъ обязательствъ, состоящихъ въ томъ, чтобы не допускать стронтивныхъ иснательствъ и водвореніи европейскаго запада въ предѣлахъ Америки. Не будь этихъ нравственннхъ столкновеній, вѣроятно, всѣ физическія преграды въ этомъ вопросѣ уже не существовали бы, яли по-крайней-мѣрѣ пояснились бы, который изъ многихъ предлагаемыхъ плановъ и проектовъ, о соединеніи океановъ, можетъ быть принятъ преимущественно предъ другими.

А теперь цѣлыя стоны бумага исписаны путешественниками, топографами и журналистами; всякій выхваляетъ поочередн сдѣланнны изысканія, обращаясь къ торговой предпримчивости, незнающей, чтѣ и начать среди противорѣчащихъ мнѣній! Всякій твердитъ: «Возьмите! пожалуйста возьмите: мой товаръ лучше!» Вотъ единственный выходъ, который вы непременно сдѣлаете, прочитавъ записки, гдѣ вамъ твердятъ, что хорошо прорыть то Текоантепекъ, то Никарагуа, то Паняну, то Даріенскій Перешеекъ. Отчего же такая разность мнѣній? Оттого, что инженеры, дѣйствующіе порознь, каждый старался выставить на видъ изслѣдованную имъ линію, а вмѣстѣ съ тѣмъ доказать невыгоды другихъ; оттого, что не было умной, дѣятельной комиссіи для контроля, посредствомъ котораго можно было бы сравнить эти мнѣтности, не въ видахъ пользы какой-нибудь компаніи, но въ видахъ осуществленія самаго дѣла. Только такой добросовѣтннй трудъ могъ бы разсѣять сомнѣнія, отклонить препятствія и наконецъ рѣшить выборъ одной удобнѣйшей линіи. Нѣчего было ждать, чтобы такой контроль учредили неустоявшіяся въ броженіи области Центральной Америки. Этотъ дѣлокъ должна была заняться Франція, при всякомъ случаѣ твердящая объ успѣхахъ, о челоѣчествѣ, но только твердящая; Англія, бросающая неразсчетовъ громадныя суммы на полярныя изысканія, а прежде всѣхъ Соединенные Штаты, которые, такимъ образомъ сдвигая океаны, сдвигаютъ собственные берега и сосредоточиваютъ ихъ во вселенной. Этотъ тремъ державамъ слѣдовало давно написать вдохновительный прологъ къ великому сочиненію.

Такого дѣла не совершилось — и географы рѣжутъ перешеекъ по произволу, не выходя изъ кабинетовъ, на погрѣшительныхъ картахъ своихъ. Журналисты въ громкихъ фразахъ повторяютъ ничтожныя свѣдѣ-

ни, собранныя изъ сдѣланныхъ описаній, а путешественники, говоря о всемъ, даютъ пишу и географамъ и журналистамъ, сообщая описанія или невѣрныя, или поверхностныя. Постараюсь избѣжать такой ошибки, представивъ читателямъ наглядно, популярно нѣсколько проектовъ для прорытія канала между океанами въ разныхъ направленіяхъ. Отдѣлять фактъ отъ предположеній, доводы отъ неясныхъ заключеній, наконецъ, сказать правду хотѣлось бы мнѣ въ статьѣ, мною предлагаемой.

Перешеекъ Центральной Америки, составляя узкую цѣпь между двумя материками, чрезвычайно сжатъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ полукругомъ выгибается заливъ Панамскій. На сѣверъ площадь расширяется; но пониже того пункта, гдѣ перешеекъ образуетъ родъ верблюжьего горба, воды озера Никарагуа и рѣки С. Хуана едва не пересѣкли его. Взгляните на карту: область Москитосъ тѣмъ яснѣе образуетъ горбъ, что заливъ Гондурасъ представляетъ яму. Протяженіе Юкатана представляетъ голову къ мѣстѣ и такой чертой раздѣляетъ заливъ Мексиканскій отъ Караибскаго Моря. Въ гигантскихъ, странныхъ образахъ перешейка слиты черты змѣи и верблюда: эти образы вызываютъ помыслы о дивахъ допотопныхъ. Ужъ готовый слиться съ массою материка, перешеекъ снова сжимается, но незначительно. Изъ четырехъ мною указанныхъ сжатыхъ пунктовъ перешейка, Гватимала, одѣтая гранитными горами, неуязвима, словно хребетъ мастодонта: она насмѣшливо вызываетъ силы человѣка, немогущія раздробить препоны, представляемая сплошной массой. Прорѣзъ предполагается возможнымъ только на остальныхъ трехъ пунктахъ перешейка: назовемъ ихъ отъ сѣвера къ югу:

1. Перешеекъ Текоантепекъ.
2. » Никарагуа.
3. » Панамскій, или Дариенскій.

I. Перешеекъ Текоантепекъ.

Пространство, раздѣляющее океаны въ этомъ пунктѣ, простирается до 252 верстъ. Почва Мексики, неуступающая въ возвышенности значительнѣйшимъ горнымъ хребтамъ въ Европѣ, здѣсь становится совершенно-низменною и прорыта русломъ широкой и глубокой рѣки Коатцакуалькосъ, текущей отъ востока на западъ, а потомъ отъ сѣвера къ югу до самаго впаденія въ заливъ Мексиканскій. Гавань, образуемая устьемъ этой рѣки, лучше всѣхъ другихъ по залуи и ставитъ на ряду съ пелесами образующимися при впаденіи Миссиссипи.

Песчаная отмель заграждаетъ выходъ въ море; но на этомъ барѣ постоянно 12 футовъ воды, по доносеніямъ инженера Моро. Слѣдовательно, для кораблей большаго размѣра, глубоко-сидящихъ, нужно прорыть этотъ проходъ по-крайней-мѣрѣ на столько же: тогда на пространствахъ 52 верстѣ могли бы проходить самыя большія купеческія суда. Глубина рѣки Коатцакуалькосъ на этомъ протяженіи намѣняется отъ 16 до 20 футовъ. Самая меньшая ширина рѣки отъ 40 до 70 сажень; мѣстами она достигаетъ и двухъ верстѣ. Г. Моро предлагаетъ плыть по ней до ея соединенія съ рѣкою Малатургой, что составитъ до 190 верстѣ. Подобно многимъ инженерамъ, занимавшимся сочетаніемъ океановъ, онъ забываетъ, что для этой четы нужно широкое брачное ложе, а говоря просто, онъ забываетъ, что дѣло не въ томъ, чтобъ проложить водное сообщеніе для челноковъ да барказовъ, а устроить такъ, чтобъ проходили громадныя пароходы и корабли. Допустимъ, что на пространствахъ 140 верстѣ рѣку можно сдѣлать судоходною, все-таки приходится прорыть каналъ длиною почти въ 90 верстѣ отъ Малатурго до залива Текоантепека. По сметамъ этого инженера, всѣ работы стали бы отъ 20 до 25 милліоновъ рублей серебромъ.

Въ такомъ случаѣ необходимо было бы устроить гавань со стороны Тихаго Океана. Заливъ Текоантепекъ едва заслуживаетъ названіе рейда: онъ мелокъ; постоянно отъ его береговъ отходитъ море; многія отмели наноснаго песку затрудняютъ входы и онъ годенъ только развѣ для мелкихъ судовъ.

Компанія, которой Д. Хосе Харай передалъ права свои на соединеніе двухъ океановъ каналомъ, или желѣзною дорогою, и остановившаяся на послѣдней, объявила, что заливъ Текоантепекъ для стоянки неудобенъ. Она для этой цѣли избрала заливъ (*Ventosa*) *Внутренній*, незащищенный отъ непогодъ, и столько же открытый, какъ бывшій некогда нашимъ портомъ Бодего на берегахъ Калифорніи, или поужитѣе — Монтерей и далѣе — Вальпарайзо.

Употребивъ отъ 600 до 800,000 руб. серебромъ, можно было бы оградить отъ бурь этотъ заливъ, и тогда корабли могли бы подходить къ самому берегу.

Вотъ какія сравненія представляютъ защитники соединенія океановъ посредствомъ линіи Текоантепекъ:

Изъ Европы, или изъ Соединенныхъ Штатовъ — это кратчайшій путь, что доказывается слѣдующими выводами:

Переходъ въ С. Франциско.

	Огненная Горня мор. миля.	Черезъ Па- наму.	Черезъ Ни- карагуа.	Черезъ Текоан- тепекъ.
Изъ Англiи.....	13,634	7,502	7,041	6,671
— Нью-Йорка.....	14,194	4,992	4,531	3,804
— Нового Орлеана	14,314	4,505	3,767	2,704

Выигрышь предъ путемъ вокругъ Горна:

	Черезъ Пана- мумор. миля.	Черезъ Ни- карагуа.	Черезъ Теко- антепекъ.
Для Англiи.....	6,122	6,585	6,935
— Нью-Йорка.....	9,202	9,668	10,390
— Нового Орлеана.....	9,809	10,547	11,610

Здѣсь принята въ расчетъ одна Калифорнiя; но какъ бы ни была велика важность этого края, Калифорнiя не одна на цѣломъ свѣтѣ.

Путемъ чрезъ этотъ перешеекъ (*Текоантепекъ*) Европа и Соединенные Штаты проиграли бы передъ двумя остальными линиями въ сношенiяхъ съ Южною Америкою и Австралиєю. А за сѣмъ, для сравненiя, поставивъ не С. Франциско, а Сидней, выгоды переходятъ на сторону Никарагуа, или Панама. Принимая въ соображенiе малыя широты, по которымъ пролегаетъ путь къ этимъ двумъ послѣднимъ пунктамъ, плаванiе къ нимъ подвержено не столькимъ случайностямъ и не столь бурно, какъ переходъ въ Атлантическомъ Южномъ Океанѣ къ перешейку Текоантепекъ. Этимъ путемъ сокращается переходъ отъ Калифорнiи до Нью-Йорка передъ дорогою черезъ Панаму 2,029 верстъ, а изъ Калифорнiи въ Новый Орлеанъ на 3,150 верстъ; и потому линия эта носитъ названiе исключительно *американской*. Таковы сокращенiя пути весьма-важны для выходцевъ, идущихъ изъ Соединенныхъ Штатовъ въ С. Франциско и обратно; и вотъ почему желѣзная дорога будетъ такъ полезна на пространствѣ между устьемъ Коатцаколькокъ и залпвомъ Вентозой. Что же касается до канала, то онъ не долженъ быть исключительно линiей *американской*, а потому для него, безъ всякаго сомнѣнiя, назначено другое мѣсто, а не Текоантепекъ.

II. НИКАРАГУА.

Кажется, стоить взглянуть отъ берега Тихаго Океана на небольшой промежутокъ, разделяющiй его отъ великолѣннаго озера, а потомъ на рѣку, выливающуюся съ противоположной стороны въ другой

океанъ, чтобъ сказать, что именно здѣсь замѣчено сочетаніе морей. Повидимому, природа здѣсь совершила все; немногое остается дѣлать искусству. Зеркальныя воды этого озера, отдѣленные ничтожными пространствами отъ Тихаго Океана, увлекли воображеніе тѣхъ, которые, сидя на мѣстѣ, смѣло стремились прорѣзать материкъ Америки. Ухватившись за эту мысль, лордъ Пальмерстонъ тотчасъ же съ должнымъ рвеніемъ вступился за фантастическія права имъ же созданнаго владѣтеля маекитосовъ. Лудовикъ Наполеонъ въ то же время посѣщавшій увѣковѣчить будущій каналъ именемъ дяди и своимъ собственнымъ, полагая, вѣроятно, что ему стоитъ дунуть — и океаны сольются воедино. Но географическая карта, зная, не впервые, вводитъ въ просакъ представителя Англіи и заставляетъ химерически мечтать бывшаго обитателя Гама.

Прорѣзать перешеекъ Никарагуа возможно; но препятствій къ тому такъ много, и эти препятствія такъ многосложны, что дѣло совсѣмъ не такъ легко, какъ оно прежде казалось и еще нынче кажется. Едва ли на соединеніе океановъ въ обоихъ остальныхъ пунктахъ (Панама и Текоантепекъ) потребуется не менѣе капиталовъ и труда, нежели на прорытіе перешейка Никарагуа.

Рѣка С. Хуанъ (взявъ ее отъ устья) не можетъ и не будетъ никогда въ состояніи поднять суда большаго размѣра, несмотря на колоссальныя работы, которыя здѣсь проектированы. Чтобъ сдѣлать С. Хуанъ судоходнымъ, нужно, по словамъ инженеровъ: 1) засыпать устье Колорадо, которая на большое пространство, при впаденіи въ Атлантическій Океанъ, заноситъ русло иломъ и пескомъ; 2) углубить устье С. Хуана, по которому мѣстами не могутъ проходить даже лодки индійцевъ; 3) взорвать утесы, стоящіе на самомъ его теченіи и сравнять пороги — дѣло трудное и недешевое.

Да сверхъ-того — и здѣсь я говорю, какъ очевидецъ, по собственному опыту — чего будетъ стоить уничтоженіе препятствій, являющихся на каждомъ шагу отъ безчисленнаго множества острововъ и островковъ, которые до-того мѣстами загромождаютъ и суживаютъ рѣку, что нашъ маленькій пароходъ безъ кожуховъ, никакъ не больше тѣхъ, какіе у насъ ходятъ по Невѣ отъ Лѣтняго Сада, едва могъ выдираться изъ этихъ коридоровъ? А къ этому прибавьте несметныя извилины и повороты, которые безпрестанно закрываются безвыходно, образуя, будто озера, да чрезвычайно-быстрое теченіе рѣки.

Вотъ почему я утверждаю, что не С. Хуану могутъ ходить только небольшіе пароходы, и то, если не пожалѣтъ денегъ и хлопотъ.

Иные говорятъ, что воды С. Хуана должны быть употреблены для канала, который слѣдуетъ прорыть отъ Атлантическаго Океана до озера Никарагуа.

Озеро это, какъ я узналъ, лежитъ выше уровня Тихаго Океана на 128 футовъ и на 121 футъ выше Атлантическаго Океана, слѣдственно одинъ океанъ ниже другаго на 7 футовъ. Сколько шлюзовъ потребовалось бы, чтобъ поднять корабли на эту высоту? Самое озеро, безпрестанно волнуемое шквалами, съ берегами очень-непривѣтливыми, представляетъ плаванію большія неудобства и опасности. Сверхъ другихъ расходовъ, потребовался бы значительный капиталъ на устройство гаваней въ этомъ внутреннемъ морѣ, длиною слишкомъ въ двѣсти верстъ, да шириною во сто. Эти гавани необходимы для кораблей, подвергшихся аваріи и требующихъ необходимыхъ исправленій.

Теперь: какимъ путемъ провести каналъ отъ озера до Тихаго Океана?—вопросъ мудреный! Самый короткій путь отъ озера до моря, по рѣчкѣ Лахась въ портъ С. Хуанъ дель-Суръ. Здѣсь промежутокъ въ 28 верстъ—только; но на этомъ пути горный хребетъ, который потребовалъ бы возвышенія канала надъ уровнемъ океана на 615 футовъ, да надъ уровнемъ озера на 477 футовъ; сверхъ-того, по исчисленію инженера Бейли, явилась бы необходимость просѣчь туннель длиною въ 3,833 ярда, то-есть почти на *четыре* версты! Такія затрудненія говорятъ сами за себя весьма-краснорѣчиво!.. Сколько шлюзовъ понадобилось бы, чтобъ дать каналу надлежащее паденіе! Какіхъ гигантскихъ размѣровъ долженъ быть туннель, подъ которымъ пойдутъ корабли въ 1,200 тоннъ, не говорю ужъ о колоссальныхъ клиперахъ въ 3,000 тоннъ! А это еще не все. Воды озера и рѣки Лахась недостаточно для канала. Бейли, въ страшной тревогѣ и хлопотахъ о водѣ, предлагаетъ устроить водохранилища, употребивъ въ дѣло нѣсколько тощихъ ручьевъ, то-есть отведя ихъ, а сверхъ-того предлагаетъ артезианскіе колодези.

Допустимъ, что хватило бы и денегъ и искусства на преодоленіе всѣхъ указанныхъ трудностей; но и тогда чтò бы вышло? Водная линія прошла бы въ портъ С. Хуанъ дель-Суръ. А чтò это за портъ? — тѣсная якорная стоянка, пригодная только для нѣсколькихъ гребныхъ судовъ, плохо-закрытая отъ вѣтровъ, вѣствующихъ здѣсь подъ названіемъ *сержовыхъ* (Paraguayos) (°).

(°) Верховой вѣтеръ дѣйствуетъ только въ верхнихъ слояхъ воздуха, иногда съ большою силою, такъ-что сносить верхнія мачты судовъ. Эти вѣтры дуютъ съ непостоянною силою въ зѣбшіе берега вдоль озера Никарагуа.

За снѣгъ предлагалось устроить соединительную линію въ двухъ другихъ пунктахъ: одна назначалась отъ впаденія въ океанъ рѣки Сана до Соленого Озера на протяженіи 25—26 верстъ. Говорятъ, будто это озеро только на 130 ф. выше уровня моря, что по рѣчкѣ можно подниматься до половины сказаннаго пространства и что только на 12—13 верстъ нужно будетъ прорыть каналъ; говорятъ также, что иперия стоянка здѣсь едва-ли не лучшая на всемъ берегу Центральной Америки. Эти свѣдѣнія даны въ 1848 году однимъ датскимъ путешественникомъ. Ни опровергать, ни утверждать ихъ не могу за неимѣніемъ другихъ изслѣдованій этой мѣстности.

Другая линія, еще менѣе извѣстная, должна соединить великолѣпное озеро Никоя съ озеромъ Никарагуа или съ русломъ рѣки Сан-Хуан рѣкою С.-Карлоса. Но здѣсь предстоитъ прорыть каналъ слишкомъ на сто верстъ по гористой почвѣ.

На озерѣ Манага можно бы избрать три соединительныя линіи: первая проходить къ порту Тамаринда, вторая въ Реалехосъ и третья въ заливъ Фонсека, или Кантага. Здѣсь не нужна работа титановъ, потому-что всѣ эти линіи проходятъ по незначительно-возвышеннымъ долинамъ и отлогими покатоствами спускаются въ море.

Отъ озера Манага до порта Тамаринда считается 28—30 верстъ. Эта линія прямѣ прочихъ, но тѣсный портъ, къ которому она приводитъ, не соответствуетъ величію предпринятаго дѣла.

За-то портъ Реалехосъ, при впаденіи двухъ рѣкъ и защищенный съ океана двумя островами, весьма-удобенъ. Здѣсь могутъ стоять на якорѣ совершенно-безопасно многія сотни судовъ; самые большіе корабли могутъ швартовиться прямо къ берегу; выходъ и входъ незатруднителенъ и едва-ли гдѣ въ другомъ мѣстѣ можно найти болѣе обиліе строительныхъ матеріаловъ.

Кромѣ того, что каналъ, назначенный для соединенія океана съ озеромъ Манага, получить исходъ въ благонадежную гавань Реалехо, онъ пройдетъ еще по самымъ-обитаемымъ и плодоноснымъ мѣстностямъ Центральной Америки. Онъ прорѣжетъ великолѣпную долину Леона, на которой стоитъ древній городъ того же имени: Кордильеры здѣсь совершенно исчезаютъ и мѣстность не представляетъ даже и малыхъ возвышенностей. Вотъ на этотъ путь указываетъ Лудовикъ Наполеонъ, основываясь на изысканіяхъ Гареллы. Собственно говоря, здѣсь одно неудобство: протяженіе канала на 80 верстъ. Не только все это пространство должно быть прорыто, но для истока водъ озера нужно углубиться отъ 70 до 80 футовъ.

Расстояние между озером Манага и заливом Фонсека еще значительнее; но здѣсь каналъ былъ бы короче, и вотъ почему эта линия представляетъ болѣе удобствъ. Заливъ Фонсека имѣетъ 120 верстъ въ длину и 70 въ ширину. Флоты всей вселенной, какъ въ заливѣ С.-Франциско, могутъ выѣздить въ немъ. Три области Центральной Америки имѣютъ здѣсь гавани: С.-Сальвадоръ, Никарагуа и Гондурасъ. На этомъ заливѣ есть много острововъ, къ которымъ корабли могутъ подходить на самое-близкое расстояние и даже закрѣплять швартовы на берегахъ. Должно ко всему сказанному прибавить, что въ ста верстахъ отъ лучшей якорной стоянки Ла-Унионъ, есть богатая залежка каменнаго угля на берегахъ Рио-Лемо, по которой идетъ весьма-удобная дорога.

Плесъ залива Фонсека, Эстеро-Рояль, тянется весьма-кстати по направлению озера Манагуа. Капитанъ Бичи въ 1838 году промѣривъ его и нашель, что суда, сидящія 10 фут. въ водѣ, могутъ плыть по этому плесу на 50 верстъ. Такимъ-образомъ, для соединенія этого плеса съ водами озера, слѣдуетъ прорыть каналъ не болѣе какъ на сорокъ верстъ, и здѣсь, при сравнительно-легчайшихъ условіяхъ для предполагаемыхъ работъ, ненужно было бы неимоверныхъ и непреодолимыхъ усилій, о которыхъ я говорилъ выше.

Безъ всякаго сомнѣнія, линия, выводящая къ заливу Фонсека, будетъ предпочтена всѣмъ прочимъ, если перешейку Никарагуа суждено сочетать два океана. Но, проходя памятью путь, по которому пролегаетъ это сочетаніе, невольно сознаюсь въ неисполнкости сложныхъ и громадныхъ работъ: по несудоходности рѣки С.-Хуана, должно прорѣзать каналъ въ 125 верстъ отъ береговъ атлантическихъ до озера Никарагуа и устроить множество шлюзовъ на этомъ протяженіи; прорыть другой каналъ отъ 9 до 18 верстъ длиною, чтобъ выйдти въ Манага, и наконецъ отъ этого озера въ Тихій Океанъ понадобится каналъ въ 35 верстъ. Сверхъ-того, на озерахъ необходимо устроить якорныя стоянки и даже доки.

Сколько трудностей слѣдовало бы побѣдить для исполненія этихъ работъ! Портъ С.-Хуанъ дель-Норте, который покровители короля москитосовъ называютъ Грей-Тауномъ, устьянъ отмелями, безпрестанно-замѣняющимися отъ песковъ, приносимыхъ потоками, здѣсь выпадающими. Дѣло не въ томъ, чтобъ уничтожить эти отмели, но въ томъ, чтобъ воспрепятствовать ихъ безпрестанному возрожденію. Не являлась ли бы здѣсь безпрестанная борьба человека съ волею природы? Дѣло не въ томъ, что перешеекъ Никарагуа представляетъ столь

неудобную гавань со стороны Атлантического Океана, затыкъ, что, кроми С.-Хуанъ дель-Норте, или такъ-называемаго Грей-Тоула, нтъ другаго исхода для канала; но въ томъ, что путь этотъ въ два съ половиною раза длиннѣе пути Текоантепека и шестеро длиннѣе перехода чрезъ Панаму. Заливъ Фонсека раздѣленъ отъ устья С.-Хуана пространствомъ въ 612 верстъ. Какъ продолжительно и утомительно было бы такое плаваніе то изъ канала въ озеро, то изъ озера въ каналъ и снова въ океанъ! Сколько хлопотъ и времени потребовалось бы на эти переходы! и при такихъ неудобствахъ, какія выгоды могли бы явиться для путешественниковъ и для торговли?

Прорѣзъ перешейка Никарагуа стоилъ бы, по приблизительной сметѣ, отъ 100 до 125 милліоновъ рублей серебромъ! Текоантепекъ потребовалъ бы не болѣе 25—30 милліон. р. сер. Нужно ли говорить о преимуществахъ послѣдней линіи? Правда, что Никарагуа лежитъ ближе къ центру торговой всемірвой дѣятельности, нежели Текоантепекъ. Никарагуа, такъ-сказать, на полупути между Австраліей, Южною Америкою и Калифорніею; но преимущество это у него побѣдно отнимаетъ Панамскій Перешеекъ.

III. ПАНАМСКІЙ ПЕРЕШЕЕКЪ.

Въ первыя времена открытій Тихаго Океана, этотъ перешеекъ названъ Даріенскимъ. Впослѣдствіи онъ получилъ названіе Панамскаго, когда былъ основанъ городъ этого имени. Тождество перешейка основано на одномъ обширномъ плесѣ панамскомъ, въ который вдалека заливъ С.-Мигуэль; по его раздѣленіе замѣтно въ 79° долготы, гдѣ начинается сѣченіе этого полукруга: восточный склонъ принимается за Даріенскій Перешеекъ, западный — за Панамскій. Принявъ за цѣлое этотъ плесъ, образующій подкову, оба перешейка сливаются; но, проведя по среднѣй этой подковы линію отъ Тихаго къ Атлантическому Океану, полукругъ дѣлится на двое. Я принимаю эту полосу земли за одинъ перешеекъ; онъ лежитъ въ параллель съ Никарагуа и Текоантепекомъ; но чтобъ показать планы сочетанія океановъ, подраздѣлю его на двѣ части: 1) *Собственно Панамскій Перешеекъ*. Материкъ Америки представляетъ самое узкое пространство между рѣкою Чагресомъ и городомъ Панамою; эта рѣка рѣшительно не годится для канала: она никогда не можетъ быть углублена на столько, чтобъ поднять корабли, идущіе въ Индію, въ Китай и въ Калифорнію. О портѣ Чагресъ, на устьѣ рѣки, и говорить не стоитъ съ той поры, что къ-

немного выше Навибей или Асепвиаль ⁽⁹⁾ гавань, отъ которой идетъ желѣзная дорога чрезъ Панамскій Перешеекъ, представляетъ каналу довольно-удобный исходъ со стороны Атлантическаго Океана. Пространство въ 60 верстѣ отдѣляетъ эту мѣстность отъ Панама. Въ этомъ промежуткѣ видныя мною Кордильеры представляютъ холмистыя возвышенности, а не крутостоящія хребты. Безъ большихъ затрудненій ихъ можно прорѣзать и воду провести изъ близтекущихъ рѣкъ.

По изысканіямъ инженера Гарелла, здѣсь самое-большое возвышеніе мѣстности 150 футовъ. По словамъ Мореля, между рѣками Тринидадъ и Каймито мѣстность возвышается только на 40 футовъ. Первый предлагаетъ тунель въ 125 футовъ вышиною и 97 футовъ шириною, на протяженіи $5\frac{1}{4}$ верстѣ. Второй, не углубляясь въ недра земли, говоритъ, что можно даже обойтись безъ шлюзовъ на всемъ протяженіи канала, предполагая устроить только по одному шлюзу съ каждаго конца канала, для уравновѣшенія дѣйствій прилива и отлива океанскаго, посредствомъ воротъ, обыкновенно-существующихъ при каждомъ шлюзѣ.

По предложенію нѣкоторыхъ инженеровъ, каналъ долженъ принять направленіе къ селенію Хорера на востокъ отъ Панама; въ этомъ селеніи нынѣ 4000 жителей. По мнѣнію другихъ и по моему собственному взгляду, онъ долженъ пройти прямо въ Панаму. Въ настоящее время этотъ знаменитый пунктъ представляетъ рейдъ, а не гавань.

Корабли не могутъ подойти ближе къ городу какъ на 4 версты, по причинѣ мелководія у береговъ. Такое неудобство легко исправить устройеніемъ доковъ, для котораго панамскій рейдъ чрезвычайно-удобенъ. Цѣлая небольшая группа острововъ лежитъ передъ Панамой, и въ этомъ архипелагѣ представляется весьма-удобная якорная стоянка. Островъ Табога, прозванный флибустьерами *Очаровательнымъ*, представляетъ всѣ удобства для кораблей, посѣщающихъ Панаму. Здѣсь устроены магазины для каменнаго угля, которымъ запасаются пароходы. Близость острова Табога замѣнила бы устройство доковъ въ Панамѣ, ильбѣ ихъ устройство не представлялось необходимою, затѣмъ, что разгрузка товаровъ всегда происходить здѣсь на мелкихъ гребныхъ судахъ.

Мнѣ кажется, это важное обстоятельство было часто упускаемо изъ виду при изслѣдованіяхъ для проведенія канала. Желѣзная дорога, не-

⁽⁹⁾ Puerto de Naos.

республикающая нынѣ Панамскій Перешеекъ, представляеть большія удобства; но для полнаго успѣха бесполезно дѣлать сметы на прорытіе канала, по которому будутъ въ-состояніи ходить только мелкія суда да ладья туземцевъ. При дознанной несудоходности Чагреса, достаточно убѣжденій, что почва Панамскаго Перешейка, представляющая столько выгодъ по своему географическому положенію, гораздо-легче можетъ быть прорѣзана каналомъ, нежели земли Никарагуа и Текоатленека. Достаточно убѣжденія, что каналъ, здѣсь прорытый, будетъ примыкать къ благонадежнымъ гаванямъ у обонхъ океановъ; достаточно, говорю, убѣжденій, что прорытіе Панамскаго Перешейка потребуетъ сравнительно меньшихъ издержекъ и времени.

Линія инженера Гюгса, по которой нынѣ проведена желѣзная дорога, не столь выгодна для канала, какъ проведенная Морелемъ (если его изслѣдованія вѣрны), затѣмъ, что она проходитъ по возвышенностямъ въ 300 ф. надъ уровнемъ моря. Вѣроятно, отклонившись нѣсколько отъ этой приблизительно прямо-проведенной линіи, найдется возможность избѣжать такого затрудненія. Соприкосновеніе канала съ желѣзной дорогой представило бы огромныя выгоды: быстрое размноженіе народонаселенія, успѣхи въ воздѣлываніи земель, исчезновеніе вредныхъ условій климата и наконецъ экономію въ содержаніи этого канала. А сколько удобствъ явилось бы для путешественниковъ, которые всегда рады бросить пловучія тюрьмы свои и упредить по желѣзной дорогѣ ихъ приносящія корабли!

Мнѣ кажется, что дальше ходить нѣчего; что съ того дня, какъ компанія Аспенвалая, вслѣдствіе изысканій ученаго путешественника Стефенса, провела линію желѣзной дороги, настоящее мѣсто для раздѣла перешейка указано. Отъ добра—добра не ищутъ! да и къ-чему добиваться исполненія въ другихъ мѣстахъ того, что весьма-удобно исполнимо здѣсь? Какъ не согласиться, что линія, указанная Стефенсомъ отъ Неви-бай до Панамы — кратчайшая, представляеть незначительныя возвышенія надъ уровнемъ моря, сравнительно меньшія затрудненія и исходы въ благонадежныя гавани ⁽¹⁰⁾.

Допустивъ все, что я сказалъ, всѣ остальные предложенія только затемняютъ вопросъ, который, по возможности своей, ужъ давно пора разрѣшить. Эта задача, по моему мнѣнію, разрѣшится при добросовѣтномъ взглядѣ на 2-й перешеекъ *Даріэнскій*. Знаменитое имя Гумбольдта обратило вниманіе на линію, имъ проложенную между заливами

(10) Notice on the Isthmus of Panama. 1852.

Даріонскій и Купика. Но Гумбольдтъ дѣлалъ только призывъ на отправленіе экспедиціи для изслѣдованія этой линіи, а спеціально никогда не предлагалъ ее. Самъ онъ на мѣстахъ не былъ, а говоритъ по слухамъ. Гумбольдта убѣрили, что здѣсь Кордильерскій Хребетъ исчезаетъ совершенно, что рѣки судоходны — и вотъ причина, почему онъ высказываетъ желаніе видѣть въ этомъ мѣстѣ сочетаніе океановъ ⁽¹¹⁾.

Ученое точное изслѣдованіе линіи, предлагаемой Гумбольдтомъ, еще не сдѣлано; но извѣстно, что Гумбольдтъ получилъ свѣдѣнія невѣрныя ⁽¹²⁾. По рѣкѣ Аtrato и впадающей въ нее Навиппи едва могутъ ходить суда въ 30 тоннъ; обѣ устьяны скалами и подводными камнями. Отъ Навиппи до Купики, вмѣсто совершенно-понижающейся почвы, идутъ въ три ряда высокіе холмы. По этой причинѣ вмѣстѣ съ многими другими Мишель Шевалье объявляетъ, что каналъ между Аtrato и Купико невозможенъ.

Несмотря на то, капитанъ Фицрой взялся за давно-забытую линію и представилъ свои разсужденія Географическому Лондонскому Обществу. Въ доказательство, онъ приводитъ слѣдующее сказаніе: «Одинъ бискайскій лоцманъ предложилъ Филиппу II прорѣзать перешеекъ между Навиппи и Купикою; для изслѣдованія были посланы два фламандскіе инженера, *которые нашли, что это дѣло невозможное*. Кроме-того, Совѣтъ Индіи представилъ Филиппу опасности, которыхъ должно было ожидать для его владѣній отъ соединенія океановъ. Съ той поры, подъ смертною казнью, было запрещено плаваніе по рѣкѣ Аtrato. «Такая строгая мѣра, гармонирующая съ духомъ тогдашняго правительства Испаніи, нисколько не подтверждаетъ мнѣній Фицроя; казалось бы, ему слѣдовало остановиться на *невозможности этого дѣла*, о которой говорятъ фламандскіе инженеры. Какимъ же образомъ онъ хотѣлъ прорыть каналъ для трехмачтовыхъ кораблей въ такой мѣстности, гдѣ изслѣдователи XVII столѣтія отказались плавать на *галлионахъ?*»

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о линіи, изслѣдованной инженеромъ Гисберномъ, который возвратился въ Лондонъ изъ своей экспедиціи въ апрѣлѣ 1852 года. Для сравненія, возьмемъ двѣ мѣстности: Никарагуа и Даріонскій Перешеекъ въ тѣхъ двухъ пунктахъ, гдѣ линія можетъ быть проведена отъ порта Эскосезъ до залива С. Мигуэль, то-есть въ рѣку Саванну.

⁽¹¹⁾ Essai sur la Nouvelle Espagne. 1803.

⁽¹²⁾ Cap. Cochrane, Travels in Columbia. 1823—1824.

ПЕРЕШЕВКЪ НИКАРАГУА.

Гавань С.-Хуанъ дель-Норте на сторонѣ Атлантическаго Океана довольно глубока и очень-тѣсна. Гавани, существующія въ Тихомъ Океанѣ, даже не заслуживаютъ этого имени.

Необходимы искусственныя гавани.

Нужно устроить 28 шлюзовъ: 14 на сторонѣ Атлантическаго, 14 отъ береговъ Тихаго Океана.

На оконечностяхъ каждаго озера необходимы искусственныя гавани и доки, затѣмъ, что, по причинѣ от мелей и камней, плаваніе очень-затруднительно.

Разстояніе между двумя океанами 339 верстѣ.

Необходимо прорыть каналъ на 100 верстѣ; углубить рѣку на пространствѣ 163 верстѣ.

Для судовъ въ 1000 тоннъ никогда не будетъ судоходенъ.

Предполагается углубить на 17 футовъ.

На переходъ отъ одного океана къ другому, чрезъ сказанное число шлюзовъ, потребуется шестеро сутокъ и 10 часовъ; а рассчитывая только по 28 минутъ на каждый шлюзъ, если корабль пойдетъ день и ночь, на переходы потребуется никакъ неменше 7 часовъ.

На каналъ въ 17 фут. глубины, 100 фут. ширины, съ 28 шлюзами нужно до 50 м. р. сер.

На каналъ въ 20 фут. глубины потребуется 70 м. р. сер.

ДАРТОНСКІЙ.

Заливъ Каледонія, портъ Эско-сезъ и каналъ Сарсади на сторонѣ Атлантическаго Океана имѣютъ протяженіе на 20 верстѣ, представляютъ хорошую якорную стоянку, закрыты отъ вѣтровъ, при достаточной глубинѣ. Заливъ С.-Мигуэль, на сторонѣ Тихаго Океана, можетъ вмѣстить флоты всего свѣта.

Здѣсь гавани устроены природою.

Шлюзы ненужны.

Такія работы ненужны.

Здѣсь разстояніе 70 верстѣ.

Прорыть каналъ на 50 верстѣ, а углублять рѣку ненужно.

Будетъ судоходенъ для кораблей огромнѣйшаго размѣра.

Можно углубить на 30 футовъ.

Переходъ можно сдѣлать въ одну воду, то-есть въ одинъ приливъ, или въ 6 часовъ.

На каналъ со шлюзами, удобнѣй для судовъ всѣхъ величинъ, нужно до 30 м. р. сер.

На каналъ безъ шлюзовъ, въ 30 фут. глубины и 140 фут. ширины, потребно 84 м. р. сер.

ПЕРЕШЕЙКА НИКАРАГУА.

ДАРИЭНСКИЙ.

Ураганы, вѣтры и верховые вѣтры свирѣпствуютъ по берегамъ.

Рѣшительно нѣтъ ни урагановъ, ни штормовъ.

Безпрестанныя вулканическія изверженія изъ близлежащихъ горъ.

На 175 верстѣ нѣтъ волкановъ.

Частыя землетрасенія.

Здѣсь они неизвѣстны.

Спорныя земли; компанія не ставилась и срокъ дозволеній миновалъ.

Правительство Новой Гренады законно уступило земли и компанія составлялась.

Такія преимущества не могли остаться незамѣченными спекулятивною предприимчивостію капиталетовъ. Въ прошломъ 1853 году весною составлялась сильная компанія въ Лондонѣ на прорытіе Даріэнскаго Перешейка между шотландскою гаванью *port Escoces* и заливомъ С. Мигуаель. Вотъ какъ раздѣленъ капиталъ этой компаніи по сметѣ достигающей до 15 мил. фунтовъ стерлинговъ, или до 90 мил. р. сер.

На прорытіе канала, на каменные работы и пр.	12,000,000	фунт. стер.
Процентъ на капиталъ во время работъ.....	2,000,000	» »
На покупку земель, первоначальныя работы и пр.	1,000,000	» »

15,000,000 фунт. стер.

Какъ ни огроменъ кажется для перваго взгляда такой капиталъ, но, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ огромны и выгоды отъ исполненія этого великолѣпнаго предпріятія. Рѣшеніе такого вопроса не зависить отъ мѣстныхъ торговыхъ оборотовъ; всё морскія державы должны видѣть въ немъ блзпстательнѣйшую будущность и всесвѣтная торговля отъ сочетанія океановъ выиграетъ несчетно! Сверхъ всѣхъ данныхъ, за успѣхъ предпріятія ручаются также обширныя золотыя россыпи, недавно здѣсь открытыя.

Стоитъ только съ нѣкоторымъ вниманіемъ прослѣдить событія, чтобы убѣдиться въ неисчислимыя выгодахъ этого дѣла. Такое изслѣдованіе докажетъ, что въ 1851 году у Панамскаго Перешейка судоходная дѣятельность представлялась числительностью трехъ милліоновъ тоннъ и передвиженіемъ 250,000 выходцевъ!

Въ предыдущей статьѣ ⁽¹⁾ моей я разсказалъ о переходѣ моемъ отъ Р. Хуанъ дель-Суръ къ устью рѣки Никарагуа, то-есть отъ береговъ Тихаго Океана по берегамъ Караибскаго Моря. Здѣсь скажу нѣсколько словъ о любопытномъ изученіи Даріэнскаго Перешейка. Въ 1851 году на шкунѣ *Cloud* изъ Картагены, отправлявшейся въ портъ

(12) См. «Свр. кн. «Отч. Зап.» 1854 года.

Эскосезъ, я пошелъ съ двумя американскими инженерами для осмотра Даріанскаго Перешейка со стороны Атлантическаго Океана. Мы знали о непріязненномъ расположеніи дикихъ туземцевъ къ путешественникамъ, а потому на шкунѣ были сдѣланы приготовленія къ оборонѣ, въ случаѣ нападенія, и мы сами были хорошо вооружены. Разсчитывая по положенію здѣшнихъ Кордильеро́въ, что ихъ главное возвышеніе должно быть близъ береговъ Атлантическаго Океана, и слѣдственно съ этой стороны намъ углубляться въ тундру не будетъ надобности, мы рѣшились на это опасное предпріятіе. Подходя къ берегамъ портъ Эскосеза, мы увидѣли ясно, что цѣнь Кордильеро́въ тянулась здѣсь не сплошными отрогами и что были значительные промежутки. По опредѣленію самой низкой высоты гряды (которая составляла 276 футовъ) мы сошли на берегъ и безъ приключеній достигли этой мѣстности.

Миновавъ эту низменность, мы направлялись вдоль небольшого ручейка, который привелъ насъ къ широкой рѣкѣ, текущей сперва на юго-западъ, а потомъ, описавъ полукругъ, на сѣверъ. Передъ нами, сколько можно было окинуть глазомъ, разстилалась на юго-западъ, по направленію къ заливу С. Мигуэля, пространная равнина. Для лучшаго обозрѣнія этой равнины, мы взобрались на холмъ футовъ въ 200 вышины и вскарабкались на верхушки деревъ. Такимъ образомъ намъ удалось наглядно изслѣдовать пространство по-крайней-мѣрѣ на 15 верстъ, идущее на противоположачій берегъ Тихаго Океана.

До самой ночи мы шли по теченію рѣки на сѣверъ. На зарѣ мы увидѣли плывшую лодку съ двумя индійцами. Замѣтивъ насъ, они поспѣшно пристали къ берегу и убѣжали въ лѣсъ. Черезъ нѣсколько часовъ попалась намъ на встрѣчу женщина и двое дѣтей: отъ нихъ мы не могли добиться никакого толку. Только мы ее потеряли изъ виду, какъ на рѣкѣ показалась лодка и въ ней десять человекъ вооруженныхъ индійцевъ: они пристали къ берегу и знаками показывали, чтобы мы слѣдовали за ними. Не видя никакихъ враждебныхъ замысловъ съ ихъ стороны, мы сочли за благо отправиться за ними. Къ большому нашему удовольствію, они повели насъ по теченію рѣки, которая постепенно направлялась на востокъ.

Рѣка называлась между грушами холмовъ будто набросанными одна на другой, и наконецъ она привела насъ къ селенію, стоящему на самомъ заливѣ Каледонія. Этотъ переходъ убѣдилъ насъ, что мы совершенно-неожиданно открыли путь между грядою здѣшнихъ Кордильеро́въ, которые считались всегда сплошными. Здѣсь подошелъ къ намъ индѣецъ, который показался намъ (*тоёномъ*) начальникомъ селенія; ломаннымъ англійскимъ языкомъ спросилъ онъ насъ зачѣмъ мы къ нимъ

приняли? Мы старались объяснить, что не пришли съ ними соериться, что на кораблѣ оставили много людей, а къ нимъ отправились одни, чтобъ познакомиться и оставить на память подарки. Мы отдали имъ нѣсколько бронзовыхъ серегъ, цѣпочекъ и браслетокъ, которыми записались на случай. Между-тѣмъ толпа индійцевъ увеличивалась; между ними начался шумный разговоръ, и мы очень-хорошо поняли, что они хотѣли задержать насъ. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, они рѣшились отпустить насъ, но только съ уговоромъ, чтобъ мы немедленно снялись съ якоря, и толковавшій поанглійски индеецъ сказалъ намъ, что если они насъ еще разъ встрѣтятъ, то больше никакъ не выпустятъ. Въ сопровожденіи шестерыхъ индійцевъ, мы пришли обратно въ портъ Эскосезъ, гдѣ стояла наша шкуна, и, признаюсь, очень-были рады, что такъ дешево отдѣлались отъ нашихъ хозяевъ. Пренежавшіе насъ индійцы оставались на берегу до-тѣхъ-поръ, пока мы не снялись съ якоря.

Главная цѣль нашей экскурсіи была достигнута: мы убѣдились, что здѣсь, въ срединѣ Кордыльеръ, проходитъ равнина, и что возвышеннѣйшій уровень долженъ быть въ центрѣ перешейка, если не ближе къ берегамъ Тихаго Океана.

Портъ Эскосезъ тѣсенъ для судовъ большаго размѣра, но все-таки можетъ служить надежною якорною стоянкой; за-то заливъ Каледонія представляетъ всѣ удобства безопасной гавани.

Мы отправились въ Неви-бей, а оттуда въ Чагресъ и Панаму. (См. Свѣд. Пчелу, января 1854 г.). Изъ Панамы, въ ожиданіи парохода, на которомъ я долженъ былъ отплыть въ С.-Франциско, съ двумя моими товарищами, я посѣтилъ заливъ С.-Мигуэль. На небольшомъ вооруженномъ барказѣ мы отправились утромъ изъ Панамы и пришли въ вечеру въ Бокка-Чика, то-есть въ даріенскую гавань. На слѣдующее утро мы вошли въ рѣку Саванну. На устьѣ она имѣетъ до $3\frac{1}{2}$ верстъ въ ширину, потомъ суживается на 200 сажень. Горы, до 300 футовъ вышины, тянулись на пространствѣ двухъ или трехъ верстъ отъ береговъ рѣки. Здѣсь глубина рѣки въ малую воду отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ сажени. Дно, по-лоту, мягкій илъ. По мѣрѣ приближенія къ тому мѣсту, гдѣ Саванна соединяется съ рѣкою Лара, глубина уменьшается. Приливъ морской дѣйствуетъ на разстояніе девяти верстъ выше соединенія съ Саванной, до того пункта, гдѣ Лара падаетъ уступомъ въ три фута на наименѣе дно; берега здѣсь утесисты. Тамъ, гдѣ приливъ не дѣйствуетъ болѣе, рѣка Саванна течетъ изгибами и суживается до 10 сажень.

На другой день, что было 20 сентября, мы пошли берегомъ на nord-остъ по направлению къ заливу Каледонія. На пространстве верстъ четырехъ верстъ мы шли по ровной мѣстности и подымались впередъ успѣшно затѣмъ, что здѣсь кустарныхъ растений было меньше, нежели на противоположащемъ атлантическомъ берегу. Скоро мы дошли до возвышенностей, которыя опредѣляли въ 100 футовъ надъ уровнемъ моря. Пройдя равнину, гдѣ сливались два ручья, мы достигли второй гряды возвышенностей въ 130 футовъ вышины. Эти возвышенности образуютъ гребень между рѣками Саванной и Каледоніей. По ручью, бѣгущему на востокъ, мы прошли еще около 4-хъ верстъ и достигли большого потока. Отъ этого мѣста видъ раскрывается на nord-остъ по направлению къ заливу Каледонія и представляетъ гладкую равнину безъ горныхъ промежутковъ. Здѣсь мы замѣтили горную тропику и мостикъ изъ двухъ деревьевъ, перекинутыхъ чрезъ рѣчку. Пройдя по этой тропинкѣ, мы скоро очутились на землѣ тѣхъ индійцевъ, къ которымъ попались въ заливѣ Каледонія. Увидѣвъ, что мы достигли своей цѣли, дальше не пошли, затѣмъ, что было бы неблагоприятно и неразсчитано снова попасть въ руки индійцевъ, отъ которыхъ такъ счастливо отдѣлялись въ первый разъ.

Берега рѣки Саванны и Мары покрыты дрсвою, образовавшеюся отъ обломковъ и осколковъ шиферныхъ скалъ. Общій характеръ страны представляетъ гладкую равнину, которую на значительное разстояние потопляетъ рѣка во время морскаго прилива. Эта равнина обильно покрыта растеніемъ корнепускомъ. Его корни, поднимаясь высоко изъ властой почвы, чрезвычайно затрудняютъ путь. Съ прекращеніемъ дѣйствія прилива, берега возвышаются на сажень и на полторы, и поросли прекраснѣйшимъ дѣсомъ: здѣсь встрѣчаются кедры, красное дерево, бакаутовое, пальмы и проч.

Мы скоро возвратились въ заливъ С.-Мигуэль; здѣсь рейдъ и превосходная закрытая гавань, образовавшаяся отъ выдававшегося мыса и группы острововъ.

Достаточно взглянуть на карту, чтобъ убедиться въ удобствахъ, представляющихъ для судовъ всѣхъ размѣровъ въ заливахъ Каледонія и С.-Мигуэль. Исслѣдованія показали, что самая меньшая глубина рѣки Саванны на пространствѣ 15-ти верстъ есть 6 футовъ въ малую воду; что высочайшій пунктъ, образовавшійся отъ грядъ горъ, надъ уровнемъ моря на этой чертѣ составляетъ 150 футовъ. По тщательнѣйшему исслѣдованію, вѣроятно, отыщется мѣстность, возвышающаяся только на 50—60 футовъ; такимъ-образомъ, главнѣйшія работы будутъ происходить на равнинахъ.

Возвратясь изъ этой топографической прогулки отъ Текоантепека до Кушпи, мнѣ кажется, выводы становятся весьма-ясны. Допустимъ, что соединенію океановъ возможно на многихъ линіяхъ, но Панамскій Перешеекъ, собственно говоря, то-есть между заливомъ Даріенскимъ и С.-Мигуэльемъ, одинъ выполняетъ требованія истинно-великаго воднаго пути между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ. Многообразныя выгоды и удобства пути обязательно состоятъ въ слѣдующемъ :

1) Космополитическое и совершенно-центральное положеніе перешейка относительно обитателей земнаго шара.

2) Сравнительно-ближайшій путь, представляющій слѣдующія цифры:

Черезъ Текоантепекъ	262 ¹ / ₂	версты.
» » Никарагуа	577 ¹ / ₂	» »
» » Панаму	105	» »
» » Даріенскій перешеекъ	70	» »

3) Сравнительная дешевизна работъ. Напрасно стараются доказать, что климатъ южной части перешейка Центральной Америки вредноснѣе, нежели по направленію на сѣверо-западъ. Здѣсь свойства климата рѣшительно одинаковы : отъ Вера-Круца до Чагреса и до Кушико, всюду свирѣствуетъ желтая лихорадка. Въ этомъ отношеніи равны и Чагресъ и Грейгоунъ.

Берегъ Тихаго Океана равно подвергается губительному вліянію желтой лихорадки отъ Сан-Блаза и до владѣній хилійскихъ : но здѣсь ея дѣйствія не такъ сильны, не такъ быстры, какъ на противоположныхъ берегахъ. Говоря о климатѣ, я скажу, что Панама не такъ опасна, какъ С.-Хуанъ дель-Суръ и даже Акапулько. Я пользовался совершеннымъ здоровьемъ въ Панамѣ, несмотря на мое довольно-долгое въ ней пребываніе. Нужно только нечасто быть на солнцѣ, не ѣсть слишкомъ-много плодовъ, не пить шипучихъ напитковъ, а также не употреблять въ пищу соленой свинины. Можно утвердительно сказать, что смертность, свирѣствующая между калифорнскими выходцами — только слѣдствіе невоздержности, утомленій и *душной жонки* на пародахъ и парусныхъ судахъ, а совсѣмъ не губительнаго климату.

Внутреннія земли перешейка, въ отношеніи климата, представляютъ повсюду тождество. Вредныя испаренія развиваются быстро и обильно тамъ, гдѣ рѣки пробѣгаютъ по непроходимой чащѣ лѣсовъ, по изумляющей растительности. Въ мѣстахъ населенныхъ, воздѣланныхъ, доступныхъ вѣтрамъ, тамъ, гдѣ почва не болотиста, климатъ перешейки хорошъ, не только для туземцевъ, но и для европейцевъ, непринносящихъ воздѣлній Бахусу.

Въ Текоантенекъ я не былъ, но довольно-близко изучилъ оставшія линіи для соединенія двухъ океановъ, и скажу утвердительно, что Панамскій (вмѣстѣ Даріанскій) долженъ предпочесть перешейку Никарагуа ужъ по той одной причинѣ, что тропическій ливень не прекращается въ послѣдней мѣстности круглый годъ, на Панамскомъ же Перешейкѣ стоятъ шесть мѣсяцевъ совершенно-сухой погоды, а продолженіе шести мѣсяцевъ идетъ дождь: въ тропическихъ широтахъ болѣзни развиваются съ размѣромъ сырости.

Очень-многіе думаютъ, что зной возрастаетъ прогрессивно по мѣрѣ перемены широты по направленію къ экватору: мнѣніе это ошибочно.

Отъ 25° с. ш. и 25° ю. ш. до экватора большее или меньшее возвышеніе температуры зависитъ не отъ измѣненія широты, но въ-особенности отъ условій мѣстныхъ. Самыя знойныя мѣстности находятся не подъ экваторомъ, а въ 20—25° с. ш.; именно Гавана и Вера-Круцъ. Всѣмъ извѣстно, что Квито, лежащій на самомъ экваторѣ, по причинѣ возвышенности, пользуется вѣчною весною; но не страшно ли, что въ Гваяквилѣ, находящемся на почвѣ весьма-низменной въ 2° южной широты, не такъ жарко, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Антильскихъ Острововъ? Панамскій Перешеекъ, лежащій въ 9° с. ш., не знойнѣе Никарагуа, или Текоантенека, изъ которыхъ первый находится въ 11°, а второй между 16° и 18° с. ш. На всемъ этомъ пространствѣ средняя температура одинакова: она перемѣняется при мѣстныхъ пониженіяхъ, или возвышеніяхъ, при постоянныхъ, или рѣдко-дующихъ вѣтрахъ. Панама, съ широко-раскинувшимся заливомъ, доступнымъ вѣтрамъ, принимаетъ живительную свѣжесть, которая совершенно невѣстна въ С.-Хуанъ дель-Суръ, загроможденномъ крытыми возвышенностями: воды его скорѣе похожи на тѣсный прудъ, нежели на гавань.

При сравненіи климатическихъ условій на всѣхъ соединенныхъ линіяхъ никакъ нельзя сказать, чтобъ въ Панамѣ былъ жаръ сильнѣе и воздухъ вредноснѣе прочихъ мѣстъ. Въ этомъ скорѣе можно обвинить длинную линію Никарагуа. Несмотря на то, если сказать правду, на климатическія условія всего перешейка нападенія сдѣланы неосновательно. Желтая лихорадка почти никогда не свирѣпствуетъ здѣсь съ такою силою, какъ въ Гаванѣ, Вера-Круцѣ, или Новомъ Орлеанѣ, и на многихъ островахъ Караибскаго Моря. Частые поносы (болѣзни, обшая между выходцами) происходятъ не отъ вліянія климата, а отъ неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ и дурной пищи. Холера не разъ опустошала земли Панама, точно такъ, какъ и всю Центральную Америку; но нельзя же выводить заключеній при появленіи холеры, затѣмъ, что она не падаетъ мѣстностей самыхъ здоровыхъ.

Вслѣдъ за разсужденіями о губительности климата на перешейкѣ, являются упорныя увѣренія, что здѣсь невозможно достать работниковъ. Правда, нельзя не сознаться въ чрезвычайной лѣности туземцевъ. Санта-Анна предлагалъ выставить триста преступниковъ мексиканскихъ, осужденныхъ на галеры. Толковали о перевозкѣ негровъ съ Ямайки и объ индустанскихъ паряхъ и даже выходцахъ Поднебесной Имперіи. Компания желѣзной панамской дороги рѣшила эту задачу, употребляя для работъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ вмѣстѣ съ ново-гренадцами. Европейцы и сѣверо-американцы за хорошую плату идутъ охотно на здѣшнія работы; а стоитъ только распорядителямъ объявить, что прілежнѣйшихъ работниковъ, по прошествіи условленнаго времени, компания даромъ перевезетъ въ Калифорнію, или въ Австралію, такъ отъ работниковъ не будетъ отбоя.

Мнѣ скажутъ: не жестоко ли пользоваться ничтою и алчностью людей? трудомъ, имъ несвойственнымъ, подвергать опасности ихъ существованіе? Перехода къ такому вопросу, прежде нежели стану отвѣчать на него, замѣчу, что нехудо было бы искоренить на необъятныхъ фабрикахъ Манчестра и другихъ городовъ Европы и Америки жестокой обычай употреблять въ томительныя работы дѣтей и женщинъ, становящихся истинными жертвами духа корысти и алчной расчетливости. Да и мало ли на что можно прежде указать, а потомъ сочувствовать — сравнительно легкимъ трудамъ и усиляемъ при такой работѣ, о которой шла выше рѣчь!

Участь работниковъ, трудящихся подъ тропическимъ солнцемъ, ужь какъ бы имъ плохо ни было, все-таки завиднѣе доли французскихъ и англійскихъ труженниковъ, заключенныхъ въ тѣсныхъ, зловонныхъ стѣнахъ заводовъ и фабрикъ. А умереть, что отъ тифуса, что отъ желтой лихорадки — не все ли равно? Но здѣсь должно замѣтить, что весьма преувеличены рассказы о тѣхъ опасностяхъ, которымъ будто-бы жители странъ холодныхъ, или умѣренныхъ, подвергаются на работахъ въ жаркихъ странахъ. Со-всѣмъ-тѣмъ, не стану же я утверждать, что здоровью европейца совершенно пригоденъ знойный климатъ тропиковъ. Все зависитъ отъ тѣлосложенія, отъ времени года, въ которые пріѣзжаютъ выходцы изъ Европы, и отъ мѣстныхъ условій болѣе или менѣе благоприятствующихъ для сохраненія здоровья. Трезвость, какъ я уже сказалъ, чрезвычайно много способствуетъ къ перенесенію рѣзкихъ климатическихъ переходовъ.

Перехода отъ умѣренной температуры въ расслабляющую, человекъ всѣхъ цвѣтовъ, безъ различій, теряетъ бодрость, силу. Справедливо замѣчено, что употребленіе физическихъ способностей постоянно въ борьбѣ

съ волей — подь небожь, гдѣ лѣньность кажется высочайшимъ блаженствомъ. Да и какъ же не подумать, какъ не согласиться, что сама природа въ странахъ тропическихъ благосклоннѣе смотритъ на развитіе этой склонности, даруя человѣку на каждомъ шагѣ безъ усилій и труда возможность удовлетворять первѣйшимъ нуждамъ жизни?

Замѣтно, что бѣлый выходець изъ Европы или изъ Соединенныхъ Штатовъ не вдругъ лишается нравственной силы, побуждающей его къ труду и занятіямъ въ климатахъ знойныхъ. Эта энергія слабѣетъ постепенно, между-тѣмъ порода черныхъ не можетъ бороться съ упорнымъ обаяніемъ лѣности! Въ первое время прибытія своего въ тропическія земли, выходець Соединенныхъ Штатовъ, или европеець, въ особенности если онъ принадлежитъ къ племени англо-саксонскому, развиваетъ ту же дѣятельность, что и въ родной землѣ своей. Безъ всякаго сомнѣнія, такой работникъ замѣняетъ 3—4 негровъ и китайцевъ. Только мало-по-малу испадаетъ онъ подь разслабляющимъ вліяніемъ климата, если воздержитъ въ привычкахъ. Такіе люди выдерживаютъ работы на желѣзной панамской дорогѣ по году и болѣе. Если и случались здѣсь побѣги, то не отъ губительности климата, а отъ появленія холеры. Не миазмамъ перешейка, по гнѣвному бичу азиатской немощи, должно приписать истребленіе на этой дорогѣ трехъ тысячъ работниковъ, призванныхъ изъ Соединенныхъ Штатовъ.

Изъ всего вышесказаннаго можно заключить, что въ работникалѣ здѣсь недостатка не будетъ и что предположивъ даже, что жизнь выходца дѣйствительно подвержена болѣшей случайности, нежели на родинѣ, все-таки, при такой случайности, онъ имѣетъ въ виду вознагражденіе за трудъ и основательныя надежды на жизнь безбѣдную.

И развѣ можно кунить безъ тяжелыхъ пожертвованій такую блистательную побѣду человѣка надъ природою? Не станемъ дѣлать сблизивій, сравненій, не станемъ вызывать на судъ бытописаній, но пройдемъ только мимоходомъ рядъ гигантскихъ пирамидъ, воздвигнутыхъ еараонами: какая польза отъ подвига, свидѣтельствующаго о трудѣ титановъ? Сознаемся же, что соединеніе двухъ океановъ такая борьба, такая побѣда, которая принесетъ обильный плодъ, богатую плату всему человѣчеству.

Блистательная доля назначена тому товариществу, которое откроетъ широкій путь народамъ міра черезъ Панамскій Перешеекъ! Но имѣетъ съ тѣмъ много заботъ предстоить ему. Недовольно представить работникамъ, по истеченіи договорнаго времени, безденежный переѣздъ въ Австралію и въ Калифорнію, товарищество должно будетъ осваивать убѣ-

жиде для утратившихъ силы въ этомъ дѣлѣ. Оно должно будетъ обезпечить ихъ долю. И нѣтъ сомнѣнiя, что выгоды прiобрѣтенныя товариществомъ, будутъ такъ огромны, что ему подобное великодушие можетъ быть возможно; а это великодушие, эта щедрость должны быть столько же живительны, какъ живительна та будущность, которая открывается торговлѣ отъ предпримчивой дѣятельности товарищества.

Еще разъ повторю : на этомъ перешейкѣ, разъединяющемъ многоразличные поясы земнаго шара, проведена общая соединительная черта народовъ.

Отъ береговъ Атлантическаго до Тихаго Океана уже является видимая потребность въ новыхъ сообщенiяхъ въ новыхъ проходахъ, въ новыхъ рынкахъ. Скоро Мехика сблизитъ берега свои, проведя желѣзныя дороги по люднѣмъ городамъ области. Центральная Америка представитъ миру многоразличные пути. Баснословно-быстрое развитiе Калифорнiи, Орегона, скоро превратитъ въ осязательную сущность мечтательный проектъ желѣзной дороги между Нью-Йоркомъ и Сан-Франциско чрезъ Скалистыя Горы (Rockey-Mountains).

Такъ-какъ эта желѣзная дорога, по-крайней-мѣрѣ въ началѣ, не можетъ принести удовлетворительныхъ процентовъ, то вмѣстѣ съ ея устройствомъ предположена выгодная земледѣльческая спекуляцiя. За сумму 8 мил. исп. пiастровъ, то-есть почти за 41½ м. р. сер. правительство Соединенныхъ Штатовъ соглашается уступить учредителямъ всей линiи желѣзной дороги 80 мил. десятинъ земли. Уплата за эти земли должна происходить по мѣрѣ развитiя предпрiятiя. Участки земли будутъ продаваться съ барышомъ, и этими-то барышами предполагается платить за работы на линiи желѣзной дороги, или, лучше, скажемъ словами учредителей : «земля уплачивала бы желѣзную дорогу, а желѣзная дорога населяла бы землю». На работу потребуется 15 лѣтъ, и по расчетамъ видно, что каждый годъ на пространствѣ 4500 верстъ, нынѣ предоставленномъ номаднымъ племенамъ дикарей и стадамъ буйволовъ, каждый годъ селилось бы сто-тысячъ осѣдлыхъ жителей! Этотъ великолѣпный планъ распаляетъ воображенiе сѣверо-американца: толки о колоссальномъ предпрiятiи не умолкаютъ, а въ Америкѣ теорiя обращается быстро въ практику. Даровитый государственный человекъ, сенаторъ Гентамъ, взялся усердно за соединенiе Сан-Франциско съ Нью-Йоркомъ полотномъ желѣзной дороги. Онъ предполагаетъ начать ее отъ Сан-Луиса, стоящаго на рѣкѣ Миссиссипи. Отъ этой линiи пройдутъ боковыя вѣтви дороги на Орегонъ, Мексику и на колонiю Мормоновъ на Соленомъ Озерѣ. Онъ думаетъ, что для работы достаточно десяти лѣтъ. Очень можетъ состояться и другая

гигантская линия желѣзной дороги, отъ восточнаго берега Америки къ западному, по сѣвернымъ раздольямъ великобританскихъ колоній. Эту линию полагаютъ провести отъ Галлсбасса чрезъ Новую Шотландію и Канаду до Квебека, по теченію рѣки Св. Лаврентія; она должна перерѣзать рѣку Оттаву и пересѣчь хребтъ Скалистыхъ Горъ въ широтѣ 54°, гдѣ горы представляютъ холмистыя возвышенности отъ 600 до 700 футовъ. Этотъ путь гораздо—короче того, о которомъ я говорилъ выше; онъ приводитъ къ заливу Георгія, отдѣляющему Ванкуверъ отъ англійскаго Орегона. Духъ соперничества, существующій между англичанами и Соединенными Штатами, неминуемо проведетъ эти соединительныя черты.

А. РОТЧЕВЪ.

Н. М. КАРАМЗИНЪ

И ЕГО ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

«ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО».

Статья третья.

(ТОМЪ ВТОРОЙ.)

Второй томъ начинается разсказомъ о любопытныхъ отношеніяхъ между сыновьями св. Владиміра. И княженіе послѣдняго наступило послѣ усобицъ и братоубійствъ ; но эти усобицы произошли вслѣдствіе извѣстнаго столкновенія между кіевскимъ и древлянскимъ княземъ, спустя довольно-длгое время послѣ безспорнаго утвержденія сыновей святославовыхъ, каждаго на его столѣ, отъ отца назначенномъ. Иной характеръ носятъ усобица сыновей владиміровыхъ : здѣсь прежде всего летописецъ выводитъ на сцену двоихъ братьевъ — самаго старшаго и одного изъ самыхъ младшихъ. Права перваго, повидимому, безспорны; младшій прямо признаетъ ихъ, и, несмотря на то, дружина обнаруживаетъ явное предпочтеніе въ пользу младшаго; въ Кіевѣ замѣтно колебаніе ; старшій видитъ въ младшемъ опаснаго соперника, сознаетъ непрочность свою на отцовскомъ столѣ, употребляетъ разные средства, чтобъ привлечь къ себѣ кіевлянъ, и, несмотря на кротость младшаго

Т. ХСІV. — Отд. II.

1/3

брата, который самъ лишилъ себя средствъ къ борьбѣ, старшій злодѣйствомъ освобождается отъ соперника, который не перестаетъ казаться ему опаснымъ. Какъ же намъ историкъ взглянулъ на эти необычныя отношенія? какъ изобразилъ ихъ?

Разсказъ лѣтописца, исполненный благоговѣнія къ нравственному характеру младшаго брата, исполненный глубокаго негодованія къ убійцѣ его, прежде всего произвелъ сильное впечатлѣнiе на нравственное чувство историка, и это сильное впечатлѣнiе опредѣляло характеръ повѣствованія послѣдняго. «Святополкъ, похититель престола» (читаемъ мы въ началѣ оглавленія первой главы второго тома). Святополкъ похититель, потому—что онъ злодѣй. Младшій братъ падаетъ жертвою своей нѣжной чувствительности; властолюбецъ не довольствуется однимъ преступленіемъ: онъ убиваетъ еще двоихъ братьевъ—такъ завязывается на югѣ кровавая драма. Для ея вполне—удовлетворяющей нравственное чувство развязки, является мститель съ сѣвера; но прежде, на этомъ сѣверѣ, въ Новгородѣ, происходятъ также событія, которые должны были одинаково-сильно поразить нравственное чувство историка: и здѣсь лѣтописецъ рассказываетъ о враждахъ, убійствахъ; но все забывается, когда Ярославъ говоритъ новгородцамъ о страшныхъ преступленіяхъ Святополка: многочисленное войско собирается и выступаетъ съ княземъ для наказанія братоубійцы, который заслуживаетъ проклятiе современниковъ и потомства. «Имя Окаяннаго осталось въ лѣтописяхъ неразлучно съ именемъ сего несчастнаго Князя: ибо злодѣйство есть несчастiе». Отношенія между сыновьями Владиміра были однимъ изъ тѣхъ оазисовъ, которыхъ Карамзинъ, по его собственному выраженію, искалъ среди пустыни; въ разсказѣ объ этихъ отношеніяхъ Карамзинъ высказался вполне, какъ человекъ и какъ повѣствователь; вотъ почему этотъ разсказъ такъ важенъ для насъ. У предшествовавшаго историка, кн. Щербатова, видимъ попытку объяснить поведеніе новгородцевъ; но Карамзинъ остался вполне—вѣренъ первому впечатлѣнiю, произведенному на него разсказомъ лѣтописца.

Вторая глава содержитъ въ себѣ княженіе Ярослава въ Кіевѣ. Мы не будемъ останавливаться на приговорахъ поведенію Мстислава тмутараканскаго послѣ ливенской битвы: зная господствующій взглядъ автора, мы въ—правѣ ожидать подобныхъ приговоровъ. Но мы должны остановиться надъ объясненіемъ происхожденія такъ—называемой удѣльной системы. «Ярославъ ожидалъ только возраста сыновей, чтобъ вновь подвергнуть Государство бѣдствіямъ удѣльнаго правленія. Какъ—скоро большому сыну его, Владиміру, исполнилось шестнадцать лѣтъ, Великій

Князь отпрывился съ нимъ въ Новгородъ и далъ ему сію область въ управленіе. Здрава политика, основанная на опытахъ и знаніи сердца человѣческаго, не могла противиться дѣйствию слѣпой любви родительской, которая обратилась въ несчастное обыкновеніе». По Щербатову, Ярославъ отдалъ Новгородъ Владиміру, «желая себя облегчить въ тягости правленія, таковымъ учинившимся ради великаго пространства его владѣній».

И Щербатовъ почелъ бесполезнымъ показать содержаніе законовъ ярославовыхъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Русской Правды»; но не изложилъ причины, почему это бесполезно. По Карамзину: «Сей остатокъ древности, подобный двѣнадцати доскамъ Рима, есть вѣрное зеркало тогдашняго гражданскаго состоянія Россіи, и драгоценнѣе для Исторіи». Признавая такую важность Русской Правды, Карамзинъ посвящаетъ ей цѣлую третью главу. Между статью Карамзина о Русской Правдѣ и статью Щербатова о томъ же памятникѣ огромная разница, показывающая, какіе успѣхи сдѣлала русская наука въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Карамзинъ разсматриваетъ сначала, какъ законодатель утвердилъ личную безопасность и неотъемлемость собственности, потомъ общія постановленія для улики и оправданія, наконецъ законы о послѣдствѣхъ. Мы видѣли, какъ уже прежде Карамзинъ высказалъ свой взглядъ относительно источника древняго русскаго законодательства: по его мнѣнію, Варяги принесли съ собою общіе гражданскіе законы въ Россію; при изложеніи Русской Правды, онъ остается вѣренъ этому взгляду. Наконецъ, Карамзинъ воспользовался Русскою Правдою для опредѣленія гражданскихъ степеней въ древней Россіи, и вывелъ изъ ея статей слѣдующія два заключенія, важныя по вліянію своему на послѣдующія мнѣнія о древне-русской исторіи: первое заключеніе о тѣлесныхъ наказаніяхъ, причѣмъ мнѣніе Монтескѣ о древнихъ германскихъ законахъ прилагается къ древнимъ русскимъ, и прилагается несовсѣмъ-удачно, ибо въ предшествующемъ изложеніи того, чѣмъ виновный платилъ за вину, заключается опроверженіе словъ Монтескѣ, равно какъ въ статьѣ о ключникахъ и проч. Второе важное заключеніе состоитъ въ томъ, что варяги не завоевали Россіи, ибо въ статьѣ о вѣрахъ нѣтъ различія между варягомъ и славяниномъ. Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ сравнить слѣдующіе отзывы Щербатова и Карамзина о Русской Правдѣ: «Я не буду (говоритъ Щербатовъ) оправдывать сіи законы; ибо, дабы полезность ихъ знать, надлежало бы точное нѣтъ свидѣніе о вѣхъ обрядахъ, нравахъ, упражненіяхъ и обычаяхъ сихъ народовъ и войти въ точное состояніе ихъ, чего намъ невозможно учинить; я только могу то предложить, что не

одни россияне пенями за смертоубійство наказывали, но и все почти северные народы то чинили, котораго можетъ быть снъ российский законъ подражаніемъ былъ». По мнѣнію Карамзина, уставъ правосудія содержитъ въ себѣ полную систему нашего древняго законодательства, сообразную съ тогдашними нравами.

Мы видимъ, что Карамзинъ отвергнулъ шлёцерово дѣленіе русской исторіи на пять главныхъ періодовъ: на Россію рождающуюся, раздѣленную, и т. д. Мы не постояли за дѣленіе Шлёцера, ибо оно чисто-внѣшнее, не дающее ни малѣйшаго понятія о ходѣ русской исторіи, какъ русской исторіи; мы признали дѣленіе Карамзина лучшимъ, причемъ показали несостоятельность возраженій послѣдующихъ писателей противъ этого дѣленія. Шлёцеръ, какъ сказано, полагъ два свои первые періода: Россія рождающаяся и Россія раздѣленная — чисто-внѣшнимъ образомъ, ибо не показали отношенія, необходимой связи между этими двумя періодами, между этими двумя названіями, не показали, что Россія потому была необходимо-раздѣленною, что была только-что родившеюся. Такъ понимаемъ мы дѣло теперь, но не такъ понимали его въ XVIII вѣкѣ, не такъ понимали его и въ началѣ XIX-го: Карамзинъ отвергнулъ дѣленіе Шлёцера точно такъ, какъ послѣдующіе писатели, вмѣсто того, чтобы точнѣе опредѣлить дѣленіе Карамзина на Древнюю, Среднюю и Новую русскую исторію, отвергли его, какъ несправедливое. Мы видѣли, на какомъ основаніи Карамзинъ отвергнулъ шлёцерову характеристику перваго періода — *Россія рождающаяся*: «Вѣкъ св. Владиміра, говоритъ онъ, былъ уже вѣкомъ могущества и славы, а не рожденія.» Но, отвергнувъ, что Россія до половины XI вѣка была рождающеюся, Карамзинъ естественно не призналъ связи между Россією-до-Ярослава и Россією-послѣ-него; отвергнувъ рожденіе государства, признавъ это государство въ самомъ началѣ могущественнымъ и славнымъ, онъ потому самому не призналъ въ послѣдующемъ періодѣ постепеннаго, хотя труднаго и медленнаго возрастанія и окрѣпленія государства; этотъ періодъ явился для историка только временемъ бѣдствій, временемъ слабости и разрушенія. Вотъ что говоритъ Карамзинъ о времени, наступившемъ по смерти Ярослава I-го: «Древняя Россія погребла съ Ярославомъ свое могущество и благоденствіе. Основанная, возвеличенная единовластіемъ, она утратила силу, блескъ и гражданское счастье, будучи снова раздробленною на малыя области. Владиміръ исправилъ ошибку Святослава, Ярославъ Владимірову: наследники ихъ не могли воспользоваться слѣдъ примѣромъ, не умѣли соединить частой въ цѣлое, и Государство, шагнувъ, такъ сказать, въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до волчія,

славлю и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ. Историкъ чужеземный не могъ бы съ удовольствіемъ писать о сихъ временахъ, скудныхъ дѣлами славы и богатыхъ ничтожными расприми... Но Россія намъ **Отечество**: ей судьба и въ славѣ и въ униженіи равно для насъ достопамятна. Мы хотимъ обозрѣть весь путь Государства Россійскаго, отъ начала до нынѣшней степени онаго... **Исторія предковъ всегда любима для того, кто достоинъ имѣть Отечество.**»

При такомъ взглядѣ на характеръ времени, протекашаго отъ смерти Ярослава I-го до образованія Московскаго Государства, Карамзинъ естественно не оставилъ надъ объясненіемъ отношеній между потомками Ярослава I-го. «Изяславъ считалъ себя болѣе равнымъ, нежели Государемъ братьевъ своихъ». Вотъ все, что находимъ у него объ отношеніяхъ между сыновьями Ярослава. Кн. Щербатовъ объ этихъ отношеніяхъ выражается такъ: «Хотя и видѣли мы, что каждый изъ владѣющихъ въ Россіи князей особливо свое княженіе правилъ; однако во всемъ томъ, что касалось до общаго блага и великой важности было, въ томъ они всѣ съ общаго согласія ноступали.»

Извѣстно, какими сильными возраженіемъ, со стороны талантливаго Неймана, подвергся рассказъ Карамзина объ отношеніяхъ между сыновьями Ярослава I-го ⁽¹⁾. Между этими возраженіями есть нѣкоторыя действительно вполне-основательныя; но со многими нельзя согласиться. Основательно опровергнуты положенія, что Игорь получилъ удѣлъ не отъ отца, а отъ старшаго брата; что уже въ то время существовали частные и особенные удѣлы; что Игорь сначала получилъ удѣлъ перваго, а потомъ втораго рода; о довѣренности, оказанной Ростиславомъ Катанану; о торжественномъ объявленіи послѣдняго касательно смерти ростиславовой; о побужденіяхъ херсонцевъ убить Катанана; о характерѣ Ростислава; о значеніи его смерти для тогдашней Россіи; о побужденіяхъ Всеслава Полоцкаго къ войнѣ съ Новгородомъ; о побужденіяхъ Ярославичей къ войнѣ съ Вселавомъ. Нельзя согласиться также съ Карамзиннымъ насчетъ причинъ побѣды черниговцевъ надъ половцами; насчетъ побужденій, которыя имѣлъ Изяславъ взогнать торгъ на гору, потому-что мы не можемъ знать въ-подробности всѣхъ обстоятельствъ того времени; не можемъ признать внезапности перехода отъ дружественныхъ отношеній между Ярославичами къ враждебнымъ; не

(1) Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, S. 113. — Архивъ Историко-юридическихъ свѣдѣній, изд. Калачовымъ, кн. I.

думаемъ, чтобъ поведеніе Олега можно было приписать одному вреденному властолюбію, потому—что князь, несправедливо—лишенный власти, и безъ особеннаго властолюбія могъ желать приобрести ее, тѣмъ болѣе, что ничего не знаемъ о ласкахъ, которыя оказывалъ ему дядя Всеволодъ. Но, съ другой стороны, неосновательно возраженіе Неймана противъ того, что всѣ Ярославичи дѣйствовали сообща при переводѣ Игоря въ Смоленскъ изъ Владиміра. Карамзинъ имѣлъ полное право утверждать это на основаніи множественной формы *посадиша*, тѣмъ болѣе, что въ расказѣ лѣтописца объ освобожденіи Судислава прямо показаны Ярославичи дѣйствующими сообща; различіе же, которое ищетъ Нейманъ установить между первымъ и вторымъ случаемъ — явная натяжка. Сказавъ о занятіи Тмутороканя Ростиславомъ Владиміровичемъ, изгнавшимъ оттуда Глѣба, сына святославова, Карамзинъ продолжаетъ : «Святославъ спѣшилъ туда съ войскомъ : племянникъ его, уважая дядю, отдалъ ему городъ безъ сопротивленія; но когда Черниговскій Князь удалился, Ростиславъ снова овладѣлъ Тмутороканемъ». Нейману не понравился этотъ разказъ; онъ сравниваетъ его съ разказомъ лѣтописца : «Иде Святославъ на Ростислава къ Тмутороканю; Ростиславъ же отступилъ кромѣ изъ града, не убоявша его, но не хоти противу стрывеви своему оружью взяти». Нейманъ говоритъ . «Вотъ простой разказъ лѣтописи. Ни слова объ уваженіи!» Потомъ самъ задаетъ себѣ вопросъ : «Но развѣ не доказываетъ уваженіе Ростислава къ дядѣ то, что онъ отступилъ передъ нимъ и добровольно отдалъ ему городъ?» и отвѣчаетъ : «Разумѣется, не доказываетъ какого—нибудь особеннаго уваженія со стороны Ростислава, потому—что вслѣдъ за тѣмъ онъ снова выгналъ его сына. Поведеніе Ростислава должно бы намъ казаться въ высшей степени страннымъ и необъяснимымъ, еслибы обычай того времени не давали намъ ключа къ объясненію этой загадки. Уваженіе къ старшимъ родичамъ, именно къ тѣмъ, которые заступали мѣсто отца, было обязанностью, освященною обычаемъ, которую никто изъ благомыслящихъ людей не смѣлъ нарушить. У Ростислава ужъ не было въ живыхъ отца; поэтому братъ отца, дядя, заступилъ для него мѣсто отца. Уваженіе, которымъ онъ былъ ему обязанъ, было уваженіемъ чисто—личнымъ : онъ не смѣлъ поднять противъ него меча. На сына дяди, бывшаго съ нимъ однихъ лѣтъ, или даже моложе его, эта обязанность не простиралась». Нейманъ утверждаетъ, что уваженіе, которое Ростиславъ питалъ къ дядѣ, было священною обязанностью, что это уваженіе было личное, и въ то же время говоритъ, что въ лѣтописи объ уваженіи ни слова, а потомъ говоритъ, что здѣсь нѣтъ какого—нибудь особеннаго уваженія!..

Далѣе слѣдующее мѣсто лѣтописи : «Ростиславу сущю Тмуторокани, и емлюща дань у Касогъ и въ нѣхъ странахъ, сего же убоившаея Грци» Карамзинъ переводитъ такъ : «Скоро народы горскіе, Касоги и другіе, должны были признать себя данниками юнаго героя, такъ-что его славолюбіе и счастье устрашили Грековъ». Нейманъ не соглашается съ тѣмъ, что Ростиславъ силою заставлялъ Касоговъ и другіе народы платить себѣ дань. Онъ говоритъ : «Слова лѣтописи, находящіяся во всѣхъ спискахъ, указываютъ на то, что дань бралась безъ всякаго сопротивленія, и что взиманіе ея было соединено съ покойнымъ обладаніемъ Тмутороканью». Но спрашивается: чего же испугались Греки, если Ростиславъ жилъ мирно въ Тмуторокани, не распространялъ своихъ владѣній и спокойно только пользовался данью, которую издавна нѣкоторые сосѣдніе народы платили его княжеству? Почему же они не боялись Глѣба Святославича, который до Ростислава княжилъ въ Тмуторокани? Нейманъ самъ понималъ неосновательность своего возраженія, и потому старался прикрыть его новою натяжкою : «Кажется (говоритъ онъ), что Греки не столько боялись Ростислава лично, сколько послѣдствія его дѣятельности, то есть основанія независимаго княжества въ Тмуторокани». Но чѣмъ независимѣе было это княжество отъ остальной Руси, тѣмъ слабѣе, тѣмъ меньше, слѣдовательно, надлежало бояться его.

Такъ-какъ одна изъ цѣлей нашего настоящаго изслѣдованія — разсмотрѣть «Исторію Государства Россійскаго» въ связи съ предшествовавшими явленіями русской исторической литературы, то мы должны здѣсь замѣтить, что нѣкоторые положенія Карамзина, справедливо или несправедливо опровергаемыя Нейманомъ, находятся и у князя Щербатова. Напримѣръ, Щербатовъ точно также въ перемѣщеніи Игоря изъ Владиміра въ Смоленскъ видитъ общее дѣйствіе Ярославичей; о поведеніи Ростислава относительно дяди, Щербатовъ говоритъ : «Ростиславъ же свато ль наблюдая почтеніе къ дядѣ своему, или ради какихъ другихъ причинъ, получа извѣстіе о пришествіи Святослава, изъ Тмуторокани вышелъ». Причина страха Грековъ предъ Ростиславомъ, у Щербатова выставлена та же, что и у Карамзина; отношенія Катапана къ Ростиславу рассказаны иначе, именно такъ, какъ хочетъ Нейманъ, а причина умерщвленія Катапана херсонцами та же самая, что и у Карамзина.

Любопытно сравнить у обоихъ историковъ начало разсказа о княженіи Всеволода Ярославича, потому-что здѣсь впервые обнаружилась эта особенность древней русской исторіи, что великому князю наслѣ-

довалъ братъ, а не сынъ. Щербатовъ пораженъ странностью явленія и начинаетъ придумывать объясненія ему. Онъ говоритъ такъ : « Всеволодъ, бывъ отъ-роду 48-ми лѣтъ, взомель послѣ смерти брата своего Изяслава на главное Россійское Кіевское Княженіе. Хотя сіе его возшествіе на престолъ и не совершенно порядочно является, потому-что послѣ Изяслава остались сыновья уже въ довольномъ возрастѣ, чтобъ принять правленіе княженія отца ихъ; однако по невослѣдовавшимъ отъ этого никакимъ смущеніямъ, и потому, что упоминается, что Всеволодъ далъ Ярополку, сыну Изяславу, Владимиръ съ придачею еще Турова, мнитъ мнѣ, что это возведеніе его на кіевскій престолъ учинено вслѣдствіе учиненнаго между нихъ и Ярополкомъ какого-то договора; коему обычаю, чтобъ братъ послѣ брата въ престолахъ наследовалъ, и впредь почти всегда послѣдовали, яко будемъ имѣть случай о семъ яснаго предложить ». Щербатовъ яснѣе, по его мнѣнію, предложилъ это въ концѣ V-й книги своей « Исторіи », гдѣ говоритъ « О состояніи Россіи, ея законовъ, обычаевъ и правленій »; его объясненіе здѣсь состоитъ въ слѣдующемъ : князья всегда сами предводительствовали войскомъ — это была ихъ главная обязанность ; князь малолѣтній не могъ исполнять ее : отсюда и преимущество, какое получали дядя предъ племянниками въ наследствѣ престола. Разумѣется, мы только съ уваженіемъ и любопытствомъ можемъ смотрѣть на эту первую остановку надъ любопытнѣйшимъ изъ явленій нашей древней исторіи, на первую попытку объяснить его. Таковъ обычный ходъ нашей науки — начинать со внѣшняго, ближайшаго къ понятіямъ историка, и потомъ, вглядываясь все внимательнѣе и внимательнѣе въ глубь вѣковъ, объяснять неудобопонятныя для насъ явленія древности согласнѣе не съ нашими, но съ тогдашними понятіями и обычаями. Такъ ужъ у самого Щербатова мы видимъ два первые шага на упомянутомъ поприщѣ: сначала встрѣчаемъ объясненіе договоромъ, явленіемъ чисто-случайнымъ, потомъ древній порядокъ престолонаслѣдія объясняется ужъ особенными обстоятельствами того времени, которое требовало всегда совершеннолѣтняго князя. Карамзинъ пошелъ еще далѣе : онъ объясняетъ явленіе не случайнымъ обстоятельствомъ, не договоромъ и не потребностью постоянной внѣшней защиты, а тогдашнимъ образомъ мыслей, тогдашними правами : « Не сынъ Изяславовъ, но Всеволодъ наследовалъ престолъ великокняжескій? Дядя, по тогдашнему образу мыслей и всеобщему уваженію къ семейственнымъ связямъ, имѣлъ во всякомъ случаѣ право старѣйшинства и заступалъ мѣсто отца для племянниковъ ».

Княженіе Всеволода Ярославича описано у Карамзина правннльнѣе, чѣмъ у Щербатова, относительно подробностей, напридрѣръ, генеалогич-

ческих; смуты, произведенныя недовольными князьями, у обоих историковъ описаны одинаково; у Карамзина, впрочемъ, дѣйствующія лица и событія характеризованы согласіемъ съ понятіями новѣйшаго времени; недовѣріе къ Татищеву еще болѣе приближаетъ Карамзина къ Щербатову, котораго онъ ⁽¹⁾ защищаетъ отъ Болтина, крѣпко стоявшаго за Татищева. Въ сводѣ Татищева, напримѣръ, сказано, что Ярополкъ Изяславичъ собирался идти на Всеволода за то, что послѣдній отдалъ часть его волости Давиду Игоревичу. Карамзинъ отвергаетъ это на основаніи древнѣйшихъ списковъ; но и въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописи связь выраженной такова, что не допускаетъ инаго объясненія. «Всеволодъ же пославъ приведе ѿ (Давида), и вда ему Дорогобужь. Ярополкъ же хоташе ити на Всеволода». Касательно отношенія разсказа Карамзина къ разсказу лѣтописца, сравнимъ слѣдующее мѣсто: У лѣтописца — «приде Ярополкъ изъ Ляховъ, и створи миръ съ Володимеромъ, и иде Володимеръ всіать Чернигову; Ярополкъ же сѣдъ Володимери» у Карамзина: «Ярополкъ, не сыскавъ заступниковъ въ Россіи, скоро умилоствивилъ Всеволода искреннимъ раскаяніемъ и заключивъ миръ съ его сыномъ Мономахомъ, въ Волинніи, получилъ обратнo свое княженіе».

Сравнимъ нѣсколько мѣстъ и въ разсказѣ о княженіи Святополка. У лѣтописца: «Наша земля оскудѣла есть отъ рати и отъ продажъ»; у Карамзина: «Область Кіевская, изнуренная войнами, истощенная даними, опустѣла». У лѣтописца Мономахъ говоритъ: «Сдѣ стояче черезъ рѣку, въ грозѣ сей, створимъ миръ съ ними (половцами)»; у Карамзина: «Половцы видятъ блескъ мечей нашихъ и не отвергнутъ мира». Слова князей на любечскомъ сѣздѣ въ лѣтописи: «Почто губишь русскую землю, сами на ся котору дѣюще? а Половци землю нашу несутъ розно, и ради суть оже межн нами рати; да понѣ отсегѣ имемъ ся въ едино сердце и блюдемъ русскими земли»; у Карамзина: «Они (князья) благоразумно разсуждали, что Отечество гибнетъ отъ ихъ несогласія; что имъ должно наконецъ прекратить междоусобіе, вспомнить древнюю славу предковъ, соединиться душою и сердцемъ, унять вѣтшихъ разбойниковъ, Половцевъ, и успокоить Государство, заслужить любовь народную». Слова дружины святополковой и Мономаха у лѣтописца: «Они же рекоша: не веремя нынѣ погубити смерды отъ рольн. И рече Володимеръ: како я хочю молвити, а на мя хотятъ молвити твоя дружина и моя, рекуще: хочеть погубити смерды

(1) Прилѣч. 148.

Т. ХСІV. — Отд. II.

и ролы смердотъ? но се единне ми, оже смердотъ жалуете и ихъ ноний, а сего не помышляете, оже на весну начеть смердь тотъ орати лошадыю тою, и вриѣхавъ Половчинъ и проч.». У Карамзина : «Дружина великаго князя говоритъ, что весна неблагопріятна для военныхъ дѣйствій, что если они для конницы возмуть лошадей у земледѣльцевъ, то поля останутся не вспаханы, и въ селахъ не будетъ хлѣба».

Описаніе княженія святополкова, заключающееся въ шестой главѣ втораго тома, оканчивается слѣдующимъ любопытнымъ мѣстомъ : «Описание временъ Святополковыхъ заключимъ извѣстіемъ, что Несторъ при семь князѣ кончалъ свою лѣтопись, сказавъ намъ въ 1106 году о смерти добраго, девяностолѣтняго старца Яна, славнаго воеводы, князью подобнаго древнимъ христіанскимъ праведникамъ, и сообщившаго ему многія свѣдѣнія для его историческаго творенія. Отсель путеводители наши будутъ другіе, также современные лѣтописцы». Татищевъ, какъ ужъ было сказано выше, первый началъ отыскивать мѣсто, гдѣ долженъ былъ остановиться начальный лѣтописецъ Несторъ; онъ думалъ, что отыскалъ это мѣсто подъ 1093 годомъ, гдѣ находится *Алинь*; другое; *алинь* находится тамъ, гдѣ явно говорятъ Сильвестръ, игумень Выдубицкаго Монастыря; слѣдовательно, заключаетъ Татищевъ, весь разговоръ, заключающійся между двумя именами, между 1094 и 1116 годами, принадлежитъ ужъ Сильвестру, а не Нестору. Мюллеръ не согласился съ Татищевымъ на томъ основаніи, что и дагдѣ 1093 годъ, подъ 1096 годомъ говоритъ также монахъ Кіевопечерскаго, а не Выдубицкаго Монастыря, а именно, при описаніи нашествія половцевъ на Кіевъ, встречаемъ выраженіе : «*мамы* сущимъ по кельямъ почивающимъ». Шлёцеръ согласился съ Мюллеромъ и объявилъ, что, вѣроятно, Несторъ продолжалъ писать до 1116 года; что приписка Сильвестра служить не окончаніемъ его труда, но началомъ. Карамзинъ (въ примѣчаніи къ приведенному выше мѣсту) согласился съ Мюллеромъ и Шлёцеромъ относительно замѣчанія Татищева, но объявилъ, что Сильвестръ былъ не продолжателемъ Нестора, а только переписчикомъ : «Тутъ *написалъ* (говоритъ Карамзинъ) значитъ *смысломъ* : въ концѣ многихъ рукописныхъ евангелій, псалтирей и другихъ церковныхъ книгъ видны таяія подписи. Еслибъ Сильвестръ былъ сочинитель, то онъ въ 6624 году не оставилъ бы шести лѣтъ безъ описанія, которое ужъ слѣдуетъ за его подписью, и безъ сомнѣнія есть трудъ инаго, для насъ безымяннаго человека. Судя по краткости слѣдующихъ извѣстій, думаю, что сей безымянный началъ писать не прежде 1125 или 1127 года; ибо съ сего времени извѣстія дѣлаются вдругъ гораздо

подробнѣе». Относительно мѣста, гдѣ именно остановился Несторъ, Карамзинъ говоритъ, что съ точностью опредѣлить его нельзя: *слѣдуетъ*, что оно находится около 1110 года, подъ которымъ во многихъ древнихъ спискахъ встрѣчаются слова *славьствовы*.

Въ концѣ главы, заключающей въ себѣ княженіе Мономаха, мы съ любопытствомъ останавливаемся на оцѣнкѣ характера этого знаменитаго дѣтеля нашей древней исторіи. И у Щербатова, и у Карамзина находимъ оцѣнку характера Мономаха, какъ челоѣка и владѣтеля вообще, безъ отношенія къ времени и народу, котораго онъ былъ представителемъ. У Щербатова читаемъ: «Сей государь, какъ довольно изъ исторіи его можно было примѣтить, былъ права кроткаго, довольно храбра, но не ищущій войны, а паче желая чрезъ доброе согласіе и мирныя договоры до желаемаго конца достигнуть». У Карамзина: «Владиміръ отличался христіанскимъ сердечнымъ умиленіемъ; не менѣе гмалъ гѣтописцы пѣхую его привязанность къ отцу, снисхожденіе къ слабому челоѣчеству, милосердіе, щедрость, незлобіе. Онъ не сокрушилъ чуждыхъ Государствъ, но былъ защитою, славою, утѣшеніемъ собственнаго, и никто изъ древнихъ Князей Русскихъ не имѣетъ болѣе права на любовь потомства: потому-что онъ съ живѣйшимъ усердіемъ служилъ отечеству и добродѣтели». Подобный же отзывъ встрѣчаемъ и о сынѣ Мономаха, Мстиславѣ. Превосходныя достоинства послѣдняго, по мнѣнію Карамзина, удерживали частныхъ князей въ границахъ благообразной умѣренности; кончина его разрушила порядокъ. Различіе въ характерѣ новыхъ усобицъ, начавшихся по смерти Мстислава, и прежнихъ— не показано, равно какъ не уяснены новыя отношенія, возникшія между членами мономахова потомства. Внимю смуты выставлена слабость новаго великаго князя, Ярополка, которая обнаружилась въ излишней снисходительности. Изъ разсказа гѣтописца и самого автора мы не видимъ, однако, въ чемъ состояла слабость и излишняя снисходительность Ярополка: мы видимъ только стараніе великаго князя при распредѣленіи волостей удовлетворить какъ старшимъ, такъ и младшимъ родичамъ, и этия удовлетвореніемъ возстановить спокойствіе на Руси. Ярополкъ былъ ужъ близокъ къ своей цѣли, какъ вдругъ странныя движенія брата Вячеслава разрушили его добрыя намѣренія и повели къ новой усобицѣ, въ которой, конечно, мы не имѣемъ права упрекать Ярополка. Касательно суройской битвы, имѣвшей такое важное значеніе въ этой усобицѣ, сравнимъ разсказъ гѣтописца и разсказъ Карамзина. У перваго читаемъ: «И вскорѣ Ярополкъ, съ дружиною своєю и съ братьєю, ни вой своихъ сѣдѣвшю, ни нарядившюся гораздо,

устроившася боеви, мняще, яко костоити Олговичемъ противъ нашей силѣ; и бывшию съступленію обидна полкомъ; и быхася вѣршико, но воскорѣ побѣгоша Половцы Олговѣ, и погнаша на нихъ Володимиритя дружина лутшая, а князи ихъ Володимирити быхся со Олговити. И бысть брань люта, и мнози отъ обохъ падаху. Видивше же братья свои: Ярополкъ, Вячеславъ, Гюрдн и Андрей, полки свои взятены, отѣхаша въ свояси. Тысячный же съ бояры ихъ переже гнаша на Половчичь, избивша ѣ и воротившася опять на полчиче, и не обрѣхше княжи свои, и упадоха Олговичемъ въ рудѣ; и тако изълихша ѣ. Изъ этого разсказа ясно видно, что было причиною неудачи Владимировичей: неосторожность, самонадѣянность въ сѣмъ началѣ — войска было мало и то не было устроено; отъ этого и безъ того малочисленного войска отдѣлилась еще лучшая дружина для преслѣдованій половцевъ, вслѣдствіе чего *есть четверо Мономаховичей*, несмотря на то, что бились крѣико, принуждены были оставить поле сраженія, ади полки свои взятеными. У Карамзина этотъ разсказъ переданъ такъ: «Въ жестокой битвѣ на берегахъ Супоя, Великій Князь являлся всей дружины своей; она гналась за Половцами и была отрѣзана неприятелями: потому—что Ярополкъ съ большею частію войска малодушно оставилъ мѣсто сраженія». Но если мы не можемъ быть довольны разсказомъ о княжескихъ отношеніяхъ, то въ то же время не можемъ не признать вѣрности замѣчанія Карамзина о времени перелѣтъ въ новгородскомъ бытѣ.

Разсказъ о княженіи Всеволода Ольговича и о борьбѣ Изяслава Мстиславича съ дядею Юріемъ носить такой же характеръ, какъ и разсказъ о княженіи Ярополка. Любопытнѣе для насъ мнѣніе автора о важномъ событіи, послѣ котораго главная сцена дѣйствія переносится съ юга на сѣверъ. Князь Щербатовъ останавливается на смерти Юрія Долгорукаго, помѣщаетъ обзоръ внутренняго состоянія Россіи, и въ слѣдующей затѣмъ первой главѣ десятой книги говоритъ: «Кончина великаго князя Георгія великія прегѣны въ Россіи приключила; и такъ можно сказать совсѣмъ ей новый видъ дала; ибо какъ во все время жизни своей князь Георгій не преставаля или добиваться, или охранять кievскій престолъ, самое сіе привело въ такое ослабленіе сіе первое Россійское Княженіе, что ужъ послѣ смерти его оно владычествовать другимъ не могло... Какъ тогда Суздальское Княженіе простиралось на Владиміръ, Ростовъ, Москву, и съ одной стороны касалось кievскому и черниговскому, а съ другой границамъ Болгарь, и сверхъ того, по пространности своей, довольно-многочудно было; то ужъ силою своею стало власть кievскую превъшать; и частая прегвиз князей кiev-

слить, иль междуособнымъ войны, частыя нашествія Половцевъ, а съ другой стороны непрерывное и покойное царствованіе сего князя Андрея учинило, что сіе его княженіе еще при жизни его стало владычествующимъ, или первымъ княженіемъ Россіи почитаться». Такимъ-образомъ Щербатовъ ограничился только указаніемъ причинъ усиленія сѣвернаго Суздальскаго Княжества предъ Кіевскимъ. Карамзинъ взглянулъ на дѣло съ другой стороны: онъ не коснулся причинъ усиленія Суздальскаго Княжества и обратилъ все свое вниманіе на причины, заставившія Андрея Боголюбскаго предпочесть сѣверъ югу; по его мнѣнію, Суздальская Область вовсе не была сильнѣе Кіевской; она была спокойнѣе послѣдней, но менѣе образована; Владимиръ, по его словамъ, былъ обязанъ своею знаменитостію нелюбви андреевой къ Южной Россіи. «Феатръ алчнаго честолюбія, владѣйствъ, грабительствъ, междуособнаго кровопролитія, Россія Южная, въ теченіе двухъ вѣковъ опустошаемая огнемъ и мечемъ, иноплеменниками и своими, казалась ему обителью скорби и предметомъ гнѣва небснаго. Недовольный, можетъ быть, правленіемъ Георгія и съ горестію видя народную къ нему ненависть, Андрей, по совѣту шурьевъ своихъ, Кучковичей, удалился въ Землю Суздальскую, менѣе образованную, но гораздо спокойнѣйшую другихъ. Тамъ онъ родился и былъ воспитанъ; тамъ народъ еще не издѣлялъ мтежнаго духа. Суздаль, Ростовъ, дотолѣ управляемые намѣстниками Долгорукаго, единодушно признали Андрея Государемъ. Любимый, уважаемый подданными, сей Князь, славнѣйшій добродѣтели, могъ бы тогда же завоевать древнюю столицу; но хотѣлъ единственно тишины долговременной, благоустройства въ своемъ наследственномъ удѣлѣ; основалъ новое Великое Княженіе Суздальское или Владимірское, и приготовилъ Россію Сѣверовосточную быть, такъ сказать, истиннымъ сердцемъ Государства нашего, оставивъ полуденную въ жертву бѣдствіямъ и раздорамъ кровопролитнымъ». Тогда-какъ у Щербатова Югозападная Русь взнемогла вслѣдствіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ, а Сѣверовосточная возвысилась, заняла ея мѣсто вслѣдствіе того, что въ ней этихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ не было, у Карамзина Сѣверовосточная Русь обязана своимъ возвышеніемъ единственно личнымъ достоинствомъ Андрея Боголюбскаго и нерасположенію его къ Югозападной Руси, которая казалась ему обителью скорби и предметомъ гнѣва небснаго. По мнѣнію Карамзина, сила Андрея заключалась единственно въ его добродѣтеляхъ: «Сей князь, славнѣйшій добродѣтелями, могъ бы тогда же (тотчасъ по смерти отца) завоевать древнюю столицу».

Добродѣтели Андрея давали ему превосходство, силу предъ прочими князьями; разумъ превосходный заставлялъ его стремиться къ искорене-

нію вредной удѣльной системы : « Андрей Георгіевичъ, ревностно занимающійся благомъ Суздальскаго Княженія, оставался спокойнымъ зрителемъ отдаленныхъ происшествій. Имѣя не только доброе сердце, но и разумъ превосходный, онъ видѣлъ ясно причину государственныхъ бѣдствій, и хотѣлъ спасти отъ нихъ, по крайней мѣрѣ, свою область : то есть отмѣнилъ несчастную систему удѣловъ, княжилъ единовластно и не давалъ городовъ ни братьямъ, ни сыновьямъ ».

С. СОЛОВЬЕВЪ.

III.

**О ПЯТИНАХЪ И ПОГОСТАХЪ НОВГОРОДСКИХЪ
ВЪ XVI ВѢКѢ**, съ приложеніемъ карты. Соч. К. А. Неволіна.
(ЗАПИСКИ Императорскаго Русскаго Географическаго Обще-
ства. Книжка VIII. Изданіе подъ редакціею К. А. Неволіна,
дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Географическаго
Общества.) Санктпетербургъ. 1853.

Вся эта книжка «Записокъ Географическаго Общества» занята со-
чиненіемъ г. Неволіна «О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ въ XVI
вѣкѣ, съ приложеніемъ карты».

«Древняя Новгородская Область раздѣлялась нѣкогда на пять частей,
носившихъ названіе пятинъ, а каждая пятина—на множество болѣе или
менѣе обширныхъ округовъ, именовавшихся погостами, изъ которыхъ
въ каждомъ почти было свое главное селеніе, называвшееся также по-
гостомъ». Главная задача труда г. Неволіна состояла въ томъ, чтобъ
разяснить по возможности происхожденіе, равно какъ географическое и
правительственное значеніе такого раздѣленія. Вопросъ этотъ, по обшир-
ности его отношеній къ другимъ вопросамъ историческимъ, географиче-
скимъ, бытовымъ, правительственнымъ и проч., представляетъ для изслѣ-
дователя немовѣрныя трудности и при настоящемъ состояніи нашихъ ис-
торическихъ изысканій едва-ли можетъ быть рѣшенъ удовлетвори-
тельно. Поэтому весьма-понятно, что трудъ г. Неволіна долженъ былъ по
необходимости ограничиться одними только первоначальными, пригото-
вительными работами, которыя окончены ученымъ авторомъ съ необы-
кновенною добросовѣстностію и полнотою, такъ—что во всякомъ случаѣ
составляютъ замѣчательнѣйшее приобрѣтеніе историко-географической
литературы въ последнее время. Самъ авторъ замѣчаетъ, что настоя-
щія его изслѣдованія представляютъ только первый періодъ работъ, са-
мый общій очеркъ Новгородской Области—очертаніе самаго существен-
наго въ ней; что средоточіе всего труда заключается въ картѣ, которой

авторъ даетъ такое заглавіе: *Карта пятины новгородскихъ съ XVI вѣка, съ показаніемъ въ книгъ городовъ и погостовъ*. Все прочее должно служить только къ поясненію и оправданію этой карты. Изъ заглавія карты можно видѣть и границы труда. Авторъ поставилъ себѣ задачу: «изобразить положеніе пятины новгородскихъ въ XVI вѣкѣ, означивъ тогдашнія ихъ границы и бывшіе въ нихъ тогда не только города, но и тѣ главныя селенія и вообще мѣстности, отъ которыхъ получали свое наименованіе новгородскіе погосты, принявъ послѣднее слово въ смыслѣ округовъ».

Все сочиненіе дѣлится на шесть главъ. Въ первой главѣ заключается весьма-подробный обзоръ источниковъ для изслѣдованій о пятинахъ и погостахъ новгородскихъ; во второй — происхожденіе и географическое значеніе раздѣленія Новгородской Области на пятины; подраздѣленіе пятины на половины; правительственное значеніе пятины и нелювины; въ третьей — происхожденіе и географическое и правительственное значеніе раздѣленія Новгородской Области на погосты; въ четвертой — раздѣленіе Новгородской Области на уѣзды, или присуды, и станы, и отношеніе этого раздѣленія къ раздѣленію на пятины и погосты. Въ V главѣ представленъ подробный каталогъ погостовъ, расположенный по пятинамъ, съ приуроченіемъ главнаго селенія каждаго погоста къ определенной мѣстности и съ назначеніемъ определенныхъ границъ для каждой пятины. Въ послѣдней, VI главѣ изображена позднѣйшая судьба раздѣленія Новгородской Области на пятины и погосты. Затѣмъ въ приложеніяхъ помѣщены подробные обзоры, по листамъ, новгородскихъ писцовыхъ и изгонныхъ книгъ, обогащенные многочисленными и весьма-важными и любопытными извлеченіями.

Что касается до раздѣленія Новгородской Области на пятины, то многіе изъ прежнихъ изслѣдователей приписывали этому раздѣленію глубокую древность, относили его къ началу нашей исторіи. Но, по достовернымъ официальнымъ свидѣтельствамъ, раздѣленіе на пятины является только послѣ 1477 года, то-есть по окончательномъ покореніи Новгорода Иваномъ III-мъ; по-крайней-мѣрѣ до того времени о пятинахъ не упоминается. Но если нигдѣ въ древнихъ памятникахъ и лѣтописяхъ не встрѣчается слово «пятина», за-тѣ самыя имена пятины упоминаются лѣтописцами довольно-часто; этими именами они обозначаютъ отдѣльныя области, волости, новгородской территоріи. Еще изъ ярославова устава о мостовыхъ Новгорода виднѣтъ, что въ немъ были, между прочимъ, сотни *Бльжичкая, Вочкая, Обоноккая*. Безъ всякаго сомнѣнія, эти названія сотенъ обозначали принятыя части населенія и принятыя именно изъ тѣхъ областей, имена которыхъ были усвоены сотнямъ. Въ лѣтописяхъ словами: *вожане, бльжичане, обонжане, Шоложа, Луга, по-Мосты* обозначались также или жители извѣстныхъ волостей, земель, или самыя эти земли (Шоложа, Луга, Древа и проч.)

Такимъ-образомъ, если самое слово «пятина», какъ мы упоминали,

нигдѣ раньше конца XV вѣка не встрѣчается, то во всякомъ случаѣ дѣленіе новгородской территоріи на области съ тѣми же самыми названіями существовало гораздо-прежде. Основаніемъ такому дѣленію послужили, можетъ-быть, еще первобытныя, письменныя отношенія... Въ концѣ XV-го вѣка это древнѣйшее, такъ-сказать, народное дѣленіе, получило только большую административную опредѣленность; пять главнѣйшихъ областей древней территоріи Новгорода были названы «пятнами». Впрочемъ, опредѣлить точно, въ какой мѣрѣ древнее раздѣленіе послужило основаніемъ новому—нельзя, потому-что для этого мы не имѣемъ никакихъ данныхъ... «Область пятинъ (говорить авторъ) не обнимала всѣхъ древнихъ владѣній Новгорода, а ограничивалась наиболѣе близкими къ нему, можно сказать, внутренними его землями. Въ область «пятинъ» не входили многія земли, лежавшія на сѣверъ, востокъ и югъ, именно земли, лежавшія въ глубокомъ сѣверѣ по берегамъ Студенцаго Моря; земли по рѣкамъ Онгѣ и Двинѣ и далѣе къ востоку; Бѣжичи, Торжокъ, Великія Луки, Ржевъ и земли вокругъ этихъ городовъ». Слѣдующая-большая величина пятинъ сдѣлала необходимымъ раздѣленіе каждой изъ нихъ на двѣ половины. Такъ, напримѣръ, Вотская Пятина дѣлилась на половины Корьольскую и по-Лужскую, Шелонская на за-Русскую и за-Льскую и т. д. «Это раздѣленіе пятинъ относится ко времени Іоанна IV; по-крайней-мѣрѣ ранѣе того не встрѣчается. Какъ о некоторыхъ половинахъ извѣстно, что каждая изъ нихъ имѣла особаго губнаго старосту, то не было ли введеніе губнаго устройства при Іоаннѣ IV, съ 1539 года, первымъ поводомъ къ раздѣленію каждой пятинны на двѣ половины?»

По отношенію къ гражданскому управленію, раздѣленіе Новгородской Области на пятинны, а пятинъ на половины имѣло слѣдующее значеніе: «По пятинкамъ и половинамъ было опредѣляемо географическое мѣстоположеніе селеній и по нимъ же былъ производимъ счетъ обывателей и податнаго имущества ихъ, а равно недвижимаго казеннаго имущества, слѣдовательно, счетъ податей, повинностей и казенныхъ отъ недвижныхъ имуществъ доходовъ. Такимъ-образомъ это раздѣленіе имѣло правительственно-статистическую важность. Вслѣдствіе сего, раздѣленіе по пятинкамъ и половинамъ было полагаемо въ основаніе правительственныхъ распоряженій и получало практическое значеніе всякій разъ, какъ-скоро изъ жителей Новгородской Области надлежало образовать, для удовлетворенія какой-либо потребности государственной, большія единицы. Сюда относится слѣдующіе случаи: 1) дворяне и дѣти боярскіе каждой пятинны составляли особое цѣлое въ-отношеніи къ отправленію военной службы, были верстаны однимъ сановникомъ, отправлялись на службу въ одномъ оеначеніи, образовали, слѣдовательно, особый отрядъ въ цѣломъ войскѣ и подвергались общему распоряженію. 2) Божь-солдатія, и посонная служба лицами городского и сельскаго состоянія была отправлена по пятинкамъ, такъ-что городскіе и сельскіе

обыватели одной пятинны образовали въ этомъ отношеніи одно цѣлое. 3) Когда для дѣлъ уголовныхъ учреждено было есебое управленіе, известное подъ именемъ губнаго, то пятинны, или половины ихъ, составляли, каждая, особую губу. 4) По указу царя Алексѣя Михайловича, для слушанія сочиненнаго уложенія, велѣно было избрать изъ новгородцевъ, изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, съ пятинны по челобѣжу. Такимъ образомъ обыватели каждой пятинны, или половины, соединились между собой внутренними связями и образовали есебое общество: дворяне и дѣти боярскія по отношенію къ помѣстной службѣ, городскіе и сельскіе обыватели по отношенію къ службѣ посемной, всѣ вообще по отношенію къ губному устройству».

Учрежденіе *погостовъ* авторъ положительно приписываетъ Ольгѣ. «Знамяня мудрой Ольги — погосты ея — суть и до сего днѣ». Этими словами заключаетъ онъ даже свое изслѣдованіе. Основаніемъ этому положенію служить только одно извѣстное мѣсто лѣтописи: «Иде Вольга Новгороду и устави по Мстѣ пов(г)осты и дани, и по Лузѣ оброки и дани, ловища ея суть по всей землѣ, знамяня и мѣста и пов(г)осты, и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего днѣ, и по Днѣпру перевѣсяща и по Деснѣ и есть село ея Ольжичи и досель». Изъ этого мѣста лѣтописи видно, что Ольга *уставила* погосты только по Мстѣ, а не по всей Новгородской Области. По-крайней-мѣрѣ расширить, распространять смыслъ этого мѣста безъ натяжекъ нельзя. Что жъ касается до значенія этого слова, то изъ того же мѣста ясно, что въ первомъ случаѣ оно значить дань, извѣстный оброкъ, урокъ, а во второмъ можетъ означать и мѣсто, какъ административный центръ. Впрочемъ, авторъ подробно излагаетъ всѣ высказанныя печатно мнѣнія о значеніи слова «погостъ» и склоняется къ тому, что учрежденные Ольгою погосты могутъ быть понимаемы только въ смыслѣ правительственно-географическихъ округовъ и въ смыслѣ главныхъ мѣстностей такихъ округовъ. Затѣмъ, приводя послѣдующее значеніе слова «погостъ», какъ дани, пошлины (*погоста имѣ не платити*), онъ не придаетъ особой важности этому значенію, хотя и замѣчаетъ, что оно могло бы очень приличествовать извѣстію лѣтописей, въ которыхъ погосты, дани, оброки соединяются вмѣстѣ: *уставы, погосты и дани, оброки и дани*. «Оброки второй части этого извѣстія, говоритъ авторъ, не соответствуютъ ли, неравнозначительны ли погостамъ первой?» и рѣшаетъ, на основаніи слѣдующихъ словъ лѣтописи: «ловища ея суть по всей землѣ, знамяня и мѣста и погосты», что погосты должны необходимо имѣть, наравнѣ съ ловищами, знамянями и мѣстами, значеніе извѣстныхъ мѣстностей. Какихъ же?

Во всѣхъ извѣстныхъ значеніяхъ кореннымъ понятіемъ погоста является понятіе мѣста богослужебнаго, мѣста, на которомъ стоятъ церковь съ ея принадлежностями; между-прочимъ, домами церковнослужителей и кладбищемъ; дажѣ погостъ означаетъ: 1) сиюю церковь,

2) селеніе, въ которомъ она находится, 3) округъ людей и земель, принадлежащій къ этой мѣстности, въ церковномъ или гражданскомъ отношеніи. Если такимъ образомъ понятіе мѣста богослужбнаго есть порешное въ словѣ «погость», то, по мнѣнію автора, это понятіе должно удерживать и при объявленіи учрежденныхъ Ольгою погостовъ. Авторъ вообще полагаетъ, что погость и во времена языческія означалъ мѣсто богослужбное, что, можетъ быть, говорить онъ, такъ-называемыя теперь *городища* назывались въ то время погостами, тѣмъ болѣе, что не могли же они называться городищами, ибо слово это значить то мѣсто, гдѣ былъ нѣкогда городъ, остатки города. Мѣста общественаго богослуженія Ольга могла сдѣлать основаніемъ для гражданскаго союза и къ каждому изъ нихъ приписать опредѣленное число селеній. Такимъ-образомъ значеніе погостовъ до христіанства и значеніе ихъ во время христіанства непосредственно связываются одно съ другимъ. Авторъ подтверждаетъ такое значеніе погостовъ примѣрами изъ быта другихъ славянскихъ племенъ и о значеніи самаго слова говоритъ, что «религіозные обряды сопровождались у Славянъ, равно какъ у другихъ народовъ, общенародными пиршествами (угощеніями) и играми; такіа празднества совершались, между-прочимъ, въ честь усопшихъ, даже именно для увеселенія и угощенія ихъ. Собирая къ себѣ и къ своимъ пиршествамъ окрестныхъ жителей, мѣста богослужбныя открывали случай для торговли (гостьбы въ этомъ смыслѣ) между ними. Такія мѣста могли быть и пристанищами для путешественниковъ (какъ-бы гостинницами). Довольно отношеній, чтобы во времена отдаленнѣйшей древности могли за мѣстами богослужбными утвердиться названія погостовъ! Во всякомъ смыслѣ разныя лица, и особенно окрестные жители, прѣзжали и приходили сюда гостить (погостить). Но эта самая древность не позволяетъ въ настоящемъ случаѣ произносить приговоръ слишкомъ рѣшительный. Исслѣдованія по славянской мнѣологіи только начались...»

Во всемъ этомъ есть своя доля правды, хотя въ-сущности это одни только гаданія... Вопросъ, за совершеннымъ отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, такъ теменъ, что даже нѣтъ возможности и опровергать предположенія автора... Могло быть и такъ, могло быть и иначе...

Значеніе погоста въ историческое время, на основаніи положительныхъ свидѣтельствъ, опредѣляется слѣдующими чертами: погость былъ земскимъ центромъ, центромъ известной общины, центромъ *мѣстнымъ* — географическимъ и бытовымъ, правительственнымъ, юридическимъ. Это значеніе погоста такъ осязательно, что оно нѣкогда признается всеми исследователями. Скажутъ, впрочемъ, что это уже позднѣйшее его значеніе, выясняемое вполне только при помощи позднѣйшихъ указаній и свидѣтельствъ. Но такъ было въ XIII столѣтіи; отчего же иначе могло быть за три или четыре столѣтія прежде, когда, спуста слич-

комъ пять столѣтій, погость все еще сохраняетъ нѣкоторыя черты своего первобытнаго значенія, несмотря на многія административныя перемѣны, дѣленія и подраздѣленія земли?

«Кто купецъ пойдетъ въ свое сто, а смердь пойдетъ (потягнетъ) въ свой погость (потугъ)... погоста нѣтъ не платити, ни въ чорный бары нѣтъ не тянути...» Подъ 1178 годомъ въ лѣтописи (Ипат.) упоминается, что дѣдъ Всеслава... «ходилъ на Новгородъ... и погость одинъ завелъ за Полтескъ...» Еще раньше, въ 1071 году, лѣтописи говоритъ, что «встаста два волхва отъ Ярославля... и поидоста по Волгѣ, гдѣ придуть въ погость, ту же нарицаху лучшиѣ жены, глаголюща» и проч. (Лавр. 75). Вотъ древнѣйшія свидѣтельства о значеніи погоста. «Историческія свидѣтельства (говоритъ авторъ), хотя относящіяся къ позднѣйшимъ временамъ и только къ нѣкоторымъ погостамъ, но позволяющія дѣлать заключенія о временахъ болѣе-отдаленныхъ и о другихъ погостахъ, указываютъ на существованіе общественнаго начала въ погостахъ. По сему свидѣтельству погость имѣлъ своихъ старостъ и другихъ должностныхъ лицъ, избравшихся обывателями его на опредѣленный срокъ. Старостамъ принадлежало: 1) вообще, управленіе общественными дѣлами своего погоста; 2) въ-особенности, собраніе доходовъ, которые изъ погоста должны поступать въ казну, и нарядъ обывателей погоста для отправленія различныхъ государственныхъ и общественныхъ повинностей; 3) исполненіе порученій правительства по дѣламъ, по которымъ надобно было имѣть согласеніе съ обывателями цѣлаго погоста». Даже въ настоящее время остаются еще смутныя воспоминанія о прежнемъ значеніи погоста. Обыватели тѣхъ мѣстъ, гдѣ это учрежденіе издревле существовало, опредѣляютъ мѣстоположеніе своихъ селеній по погостамъ. «Письма, напримѣръ, адресуются въ такое-то селеніе, такого-то погоста; въ объявленіяхъ различнаго рода дѣлается указаніе на погость, къ которому принадлежитъ селеніе...»

Но что же собственно значило слово погость? Здѣсь мы указали его значеніе, которое выясняется только свидѣтельствомъ лѣтописей и другихъ древнихъ памятниковъ... Какое же было его значеніе въ болѣе-отдаленной древности?... Выше мы замѣтили, что для разсужденій объ этомъ предметѣ нѣтъ твердой, положительной опоры.

Въ доисторическое время, родовая, племенная община собиралась для общаго дѣла въ извѣстное мѣсто; выборъ этого мѣста, разумеется, былъ случаенъ; мѣсто это, вслѣдствіе многихъ земскихъ и другихъ отношеній, само-собою дѣлалось центромъ, къ которому тянуло все окрестное населеніе. Тамъ, напримѣръ, могъ жить старшина рода, племя, слѣдственно и общины... Это самое собраніе, мірской сходъ, съѣздъ, можетъ-быть, въ глубокой древности носилъ названіе мозосва, а отъ него и самое мѣсто получало также названіе погоста, точно такъ, какъ, по замѣчанію г. Буткова, мозосвамоу до-сихъ-поръ на богемскій нарѣчій называютъ съѣздное мѣсто. Есть и позднѣйшія указанія на такое

значеніе погоста. Въ писцовой книгѣ Обоньжской Пятини 1615—1617 годовъ о церквахъ Мегорскаго Погоста замѣчается: «Да у тѣхъ же церквей на церковныхъ земляхъ двѣ избы большіе за трапезы мѣсть, гдѣ сходятся по воскресеньямъ крестьяне». По описаніи церкви Шимозерской Волости замѣчается: «Да на погостѣ жъ изба схожая, а сходится въ ней крестьяне по воскресеньямъ».

Кромѣ того, слово «погость», какъ названіе мѣста, можетъ указывать цѣлый рядъ словъ, въ которыхъ заключено понятіе *гощенія*, *гостить*. Въ той же Новгородской Области мы встрѣчаемъ географическія названія: гостина, гостино поле, гостуныя, гостибницы, гостижицы, гостилцы, не-гостицы, ю-гостицы, рад-гостицы, мого-гость, видо-гоща, з-гоща, про-гоща, ле-гоща, у-гоща, утро-гоща, сто-гоща, под-гощи и проч., равно и въ другихъ славянскихъ областяхъ: о-гоща, по-госты, за-гость, слово-гощъ, радо-гость, радо-гощъ, радо-гоща и т. д. Настоящій смыслъ этихъ словъ для насъ потерявъ виѣстѣ съ земскими, общинными отношеніями древнѣйшаго населенія нашей земли. Точно также мы не знаемъ, напримѣръ, и настоящаго смысла такъ-называемыхъ *княжествъ* и древнихъ народныхъ личныхъ именъ: Святославъ, Ярославъ, Изяславъ, Вячеславъ, Всеславъ, Мстиславъ, Ярополкъ, Святполкъ, Владиміръ, Остромиръ, Наславъ и т. п. Все это слова, которыя нѣкогда были понятны, ясно выражали тѣ представленія, которыми наши древнѣйшіе предки опредѣляли характеры или свойства лицъ. Судя по позднѣйшему значенію словъ *гостить*, *гостьбу дѣлать* и *гость*, во всѣхъ приведенныхъ выше географическихъ названіяхъ должно заключаться понятіе о торгѣ и сѣзжемъ мѣстѣ для торга. Такъ объясняетъ слово погость и г. Тюринъ. Онъ говоритъ: «Мѣсто временнаго соединенія (родовъ) съ торговою цѣлью, вѣроятно, называлось *погостомъ*; по-крайней-мѣрѣ, сколько можно заключать по буквальному смыслу этого слова—должно полагать, что таково было его первоначальное значеніе».

Какъ бы то ни было, но погость былъ земскимъ, общиннымъ центромъ. Необходимость такого центра обуславливалась древнѣйшимъ бытомъ славянъ, бытомъ родовыхъ общинъ, которыя неизбежно должны были тягнуться къ какому-либо центру, потому-что въ немъ, въ этомъ земскомъ центрѣ, только и могли сохраняться, имѣть только и могли поддерживаться общинныя основы ихъ быта. И потому *погосты* существовали по всей русской землѣ, по всемъ мѣстамъ, гдѣ было искони славянское населеніе, на сѣверѣ также, какъ и на югѣ. Само-собою разумеется, что, при появленіи въ жизни этихъ общинъ новаго элемента—элемента государственнаго, погосты должны были утратить свое первобытное значеніе и особенно тамъ, гдѣ княжескія отношенія стали преобладать надъ прочими, сдѣлались нервнѣйшими—изпримѣръ, въ южной половинѣ древней Руси. На сѣверѣ, который оставался почти всегда въ сторонѣ отъ

центра дѣйствій, погосты, какъ и иногая другая *старина* и *поминка*, сохранились долѣе...

Что же касается до того вопроса, что погосты были некогда мѣстами языческаго богослуженія, то хотя на это и нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ, твердыхъ указаній и свидѣтельствъ, однако отвергать этого предположенія тоже нельзя. Въ языческой древности погосты, какъ географическіе и земскіе центры, понеобходимости должны были служить и мѣстами богослуженія. Вопреки противоположнымъ мнѣніямъ, это тѣмъ болѣе вѣроятно, что языческое богослуженіе было, въ свою очередь, одною изъ важнѣйшихъ формъ соединенія, связи племенъ, или общинъ, такъ—что едва-ли оно не было и первымъ, главнымъ узломъ для торговаго соединенія въ извѣстныхъ мѣстахъ, или въ такъ-называемыхъ погостахъ. Припомнимъ *пирь* и *братчины*— эти мірскія складчины на общее угощеніе, на пиво и брагу; въ настоящее время нѣтъ приписывають языческую древность, видя въ нихъ остатки древнѣйшаго языческаго богослуженія, что совершенно—справедливо. Если въ историческое уже время братчинское угощеніе сосредоточивалось у *праздника*, то—есть, у сельскаго храма, гдѣ совершалось общее годовое празднованіе, то гдѣ же сосредоточивалось это угощеніе въ языческое время, въ то время, когда оно носило въ себѣ положительный религиозный смыслъ? Безъ—сомнѣнія, также у мѣста, гдѣ происходили жертвенные обряды, куда для этого собиралась община, міръ. Сборище это, мірской сѣзды, и называлось погостомъ. Носа въ себѣ не одно только религиозное значеніе, но преимущественно общинное— значеніе земскаго сѣзжаго, сборнаго мѣста, *погостъ*, при введеніи христіанства, потерялъ первое и легко удержалъ послѣднее, съ которымъ и является въ лѣтописныхъ и другихъ извѣстіяхъ. Во время общаго, всенароднаго распространенія христіанства, гдѣ прежде всего могло явиться новое ученіе, какъ не въ общинномъ центрѣ, въ томъ мѣстѣ, куда тянуло окрестное населеніе? Весьма—естественно, что здѣсь впервые оно было предложено населенію; здѣсь же построенъ былъ міромъ на общую, мірскую складчину и первый христіанскій храмъ и, можетъ—быть, даже на мѣстѣ языческаго третища... Подлѣ храмовъ, по христіанскому обычаю, полагались всегда покойники: кладбище это стало также именоваться погостомъ. Но и въ этомъ случаѣ слово погостъ удерживаетъ свой первоначальный смыслъ— сборнаго, сѣзжаго мѣста, потому—что въ извѣстные годовые дни сюда окрестные, приходскіе, поселяне собираются обыкновенно для справленія поминокъ *по родителямъ*. Самое кладбище, какъ сборное мѣсто покойниковъ, называлось погостомъ въ томъ же смыслѣ. Жаль батьку да везти *на погостъ*. Живучи на погостѣ, всѣхъ не оплачешь. Мертвыхъ съ погоста не волокутъ, не возятъ. Было бѣ пиво на погостѣ, а у пива будутъ гости.

«Большая часть погостовъ (говоритъ авторъ) нѣтъ составное, двойное наименованіе. Одно изъ сихъ названій *большая-частью* было замѣ-

ствовано отъ церкви, или церквей, бывшихъ въ главномъ селеніи погоста; другое — отъ имени этого главнаго селенія; напримѣръ, погостъ Андреевской Грузинской и пр. Къ составному наименованію присоединялась еще иногда какая-нибудь отличительная черта, заимствованная отъ рѣки, народа, обширной мѣстности, гдѣ находилось главное селеніе погоста, напримѣръ, Успенской Коломенской на Волховѣ, Воздвиженской Опольской въ Чудѣ, и пр. Сравнивая названія погостовъ въ различныхъ пятинахъ, нельзя не поразиться тѣмъ обстоятельствомъ, что въ пятинахъ Шелонской и Деревской наибольшая часть погостовъ не носила церковныхъ названій, тогда-какъ въ другихъ пятинахъ было противное. Это различіе между наименованіями погостовъ въ разныхъ пятинахъ основывалось ли на какомъ-нибудь случайномъ обстоятельстве, напримѣръ, на томъ, что первые писцы въ однѣхъ пятинахъ внесли погосты въ свои книги съ церковными названіями, въ другихъ, безъ этихъ названій, или была тому какая-нибудь другая, болѣе-важная, существенная причина?» Авторъ окончателно не рѣшаетъ этого вопроса, да и разрѣшить его можно, по нашему мнѣнію, только на мѣстѣ.

«Нѣсколько погостскихъ округовъ не имѣли ни главнаго селенія, ни церкви. Таковы были: Заверьяе, Малая Лонца и, можетъ-быть, погосты Пазерскій и Каргальскій. Въ смыслѣ географическаго округа погостъ образовалъ непрерывное пространство земель, лежавшихъ одгѣмъ надѣй другихъ и въ одномъ мѣстѣ». Во всѣхъ пятинахъ было 343 погоста, включая сюда и равные имъ отдѣлы пятинъ, хоти и не называвшіеся прямо погостами, но имѣвшие одинаковое съ ними значеніе.

«Величина погостскихъ и подобныхъ имъ округовъ была весьма различна. Въ некоторыхъ мѣстахъ они, по количеству земли, были весьма обширны и на небольшомъ пространствѣ скоплялось ихъ нѣсколько; напротивъ, въ другихъ мѣстахъ округи погостеніе были очень обширны, и главныя селенія одного и другаго погоста находились въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Первое было особенно съ погостами, расположенными близъ Новгорода; второе — преимущественно съ погостами Волонской и Обонѣвской Пятинъ, лежавшими на сѣверныхъ ихъ оконечностяхъ.

«Крѣпъ раздѣленія на пятины и погосты, Новгородская Область раздѣлялась еще на уѣзды, которые иначе назывались *присудами*. Это раздѣленіе имѣло одинаковый смыслъ съ подобнымъ раздѣленіемъ на уѣзды, которое было извѣстно и въ иныхъ частяхъ Россіи. Въ Новгородской Области раздѣленіе на уѣзды существовало подѣй двухъ другихъ, рассматриваемыхъ выше, и не смысливалось съ ними. Одна и та же пятинна и даже одинъ и тотъ же погостъ могли принадлежать и дѣйстви-тельно принадлежали къ разнымъ уѣздамъ». Изъ слова *присудъ* можно заключить, что главнымъ причиною этого дѣленія былъ *судъ* княжескій или вообще правительственный: центромъ уѣзда былъ городъ, гдѣ обыкновенно и сосредоточивалась судебная власть. Само-собою-разумется,

что это раздѣленіе на уѣзды возникло гораздо—послѣ первоначальнаго раздѣленія всего земства на погостскіе округа.

“Въ Приложеніяхъ къ тексту моего сочиненія (говоритъ авторъ) представлены подробныя выписки изъ писцовыхъ новгородскихъ книгъ, бывшихъ у меня въ рукахъ. Онѣ сдѣланы преимущественно съ тѣмъ цѣлью, чтобъ представить читателямъ доказательства для многихъ частей моего изслѣдованія, но и кромѣ того вообще съ цѣлью — сообщить желающимъ ближайшее знакомство съ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ познанія о древней русской жизни и при удобномъ случаѣ изглядно указать, какія самыя разнообразныя свѣдѣнія могутъ быть извлечены изъ этого источника. Въ первомъ отношеніи выписка географическихъ названій, посредствомъ которыхъ могла быть опредѣлена семительная почему—либо мѣстность погостовъ, была одною изъ главныхъ моихъ заботъ. Тамъ, гдѣ мѣстоположеніе погоста не представляло сомнѣній, я считалъ излишнимъ дѣлать подобныя выписки. Во второмъ отношеніи я замѣчалъ безъ разбора все, что при чтеніи писцовыхъ книгъ представлялось мнѣ въ ту или другую минуту замѣчательнаго; *стр. 32 говоря, все въ нихъ въ высочайшей степени замѣчательно.*”

Дѣйствительно, для исторіи внутренняго быта, для исторіи собственно земства, писцовыя книги представляютъ единственный, богатѣйшій и разнообразнѣйшій матеріалъ, и, конечно, нельзя не желать автору (стр. 32), чтобъ изданіе писцовыхъ книгъ не отлагалось въ долгій ящикъ. Въ настоящее время этотъ матеріалъ даже необходимо всякаго другаго: безъ него нѣтъ возможности рѣшить многихъ и многихъ вопросовъ нашей исторіи, не говоря ужь о томъ, что взгляды на наше прошлое, пониманіе нашей исторической жизни никогда не достигнетъ той истины и полноты, той ясности и опредѣленности, которые даются только какъ результатъ подробнаго, внимательнаго изученія народнаго, земскаго быта, раскрываемаго въ писцовыхъ книгахъ съ вѣрнѣйшей его стороны.

Притомъ и самыя географическія названія въ вышней страницѣ драгоценны: въ нихъ хранится географическій языкъ древнѣйшей эпохи, языкъ, въ которомъ отъ насъ утаенъ цѣлый міръ племенныхъ и родовыхъ отношеній, вѣрованій и воззрѣній на природу и т. п. Хомаковскій первый приподнял завѣсу, скрывающую отъ насъ этотъ доисторическій міръ. Нынѣшнія работы надъ исторіею языка многого освѣтили на этомъ пути. Наука ожидаетъ неваго Хомаковского—по крайней—мѣрѣ для разбора указанныхъ матеріаловъ, потому что и здѣсь предстоитъ большая, трудная и малозамѣтная...

IV.

НОВЫЕ КНИГИ.

Три пера женщины, романъ Евгения Туръ. Москва. Въ типогр. В. Готье. 1854. Въ 12 д. л. Три части. Въ I-й 252, во II-й 279, въ III-й 224 стр.

Для господина Евгения Туръ, какъ романистки и повѣствовательницы, наступилъ одинъ изъ тѣхъ періодовъ невѣстельской дѣятельности, въ которые каждый талантливый литераторъ обязанъ вооружиться всѣми орудіями уменья, всею своею прозорливостью и всею твердостью своего духа. Рядъ успѣховъ, довольно-завидныхъ, и хоръ похвалъ, довольно-громкихъ, привели наконецъ и цѣнителей и почитателей дарования г-на Туръ къ реакціи совершенно-показной. Критики стали придирчивѣе, а читатель взыскательнѣе; слабыя стороны повѣстей и романовъ, еще недавно-хвалеными, стали вдругъ какъ-то ярче и заглазѣе — обстоятельство, въ которомъ наша романистка должна видеть не себя, но публику, а своихъ цѣнителей. Еслибъ критики, написавшіе множество замѣтокъ двоянравовъ по поводу повѣсти «Ошибки» и романа «Племянница», присоединили къ своей оцѣнкѣ, въмозахара полезныя указанія, еслибъ они съ какими-то странными упорствомъ не жмурялись, когда дѣло доходило до промаховъ и ошибокъ, извинительныхъ и легко-исправимыхъ; реакція нынѣшней критики противъ прежнихъ похвалъ не вышла бы никакого значенія. Но видно такова ужъ участь многихъ талантовъ въ наше время, когда и читатель и цѣнитель любятъ поклоняться тому, что осуждали недавно, и осуждать то, чему завтра станутъ поклоняться. Всѣ эти коумѣренныя перипетіи, восторги, режиски и контррежиски илѣютъ свою хорошую сторону для писателя, пріучая его различать истину посреди столкнувшихся противорѣчій, и отыскивать поощренія не столько въ отзывахъ книжныхъ, писанныхъ подъ вліяніемъ минуты, сколько въ глубинѣ собственнаго своего сознанія. Что бъ ни говорили аристархи всѣхъ вѣковъ и народовъ, лучшій критикъ для романиста — всегда самъ романистъ, если онъ зрѣлъ душою, хладнокровенъ и обра-

заванъ достаточно. Размоглосьца перипатетей и квалителей - только не водить его на правду, только дасть ему ничто въ родѣ лутеводной нити по темному лабиринту собственнаго духа. И вотъ почему писателю, желающему въ критическій періодъ своей дѣятельности разъяснить передъ собою свое значеніе, свою силу и слабость, нужно вооружиться умомъ, твердостью и преворашностью. Славная, но трудная задача становится еще славнѣе и труднѣе, когда на сценѣ является не писатель-мужчина, а женщина-писательница.

Нужно сказать правду: отношенія женщины-писательницы къ критикѣ, точно также, какъ отношенія критиковъ къ женщинамъ-писательницамъ, всегда были и будутъ запутанными. Съ одной стороны, женщина, по самому положенію своему въ обществѣ принужденная жить въ мірѣ любезностей, комплиментовъ и великихъ преувеличеній, поневоѣ глядитъ на указаніе своихъ недостатковъ, какъ на злонамѣренность или невѣжливость; съ другой, сами лица, обязанныя высказывать ей, по своему крайнему разумѣнію, правду, и одну правду, не всегда остаются вѣрными своей обязанности. Не въ-мѣру рѣзкіе передъ своимъ братомъ-литераторомъ, наши да и всѣ европейскіе критики и шутки и неостороженныя передъ женщиной-писательницей. Пона талантъ ея еще новъ, пока ей высказываетъ еще намъ нѣсколько умныхъ мыслей, тонкихъ замѣткою, дена еще мессера ея, такъ-сказати, намъ не приемлема, мы вкладывемъ въ восторгъ и разраженіе дождемъ одобренныхъ фразъ, которыя въ-сущности своей не что иное, какъ литературные комплименты. Въ серьезнѣйшихъ статьяхъ и легкихъ фельетонахъ мы повторяемъ обычную прорѣчку правдивыхъ жидовъ, встрѣчающихъ громкими и преувеличенными завалами каждое принадлежащее лично, въ первый разъ появившееся въ свѣтъ. Проходитъ время — и мы убѣждаемся, что масса читателей несомнѣнно раздѣляетъ наши верыны, да и мы сами становимся какъ-то холодне въ предвѣстіи нашего поклоненія, къ нашей Сафо или къ де Стаël, или къ Жоржу Занду № 2. Вместе того, чтобъ оценить причины такой реакціи, сознаться въ своихъ преувеличеніяхъ и промисности дружеской, но безпристрастной судъ надъ дальнѣйшими трудами женщины, которой когда-то сами восхищались, мы холодне отънимаемъ отъ своихъ похвалъ, будте говоря: «дѣло мало о женщины-писательницѣ: не къ чему нависненія и объясненія!» И, поступая такимъ образомъ, мы наносимъ вредъ, ничѣмъ неизвиненный и ничѣмъ необъяснимый. Женщина всегда зависитъ отъ чужаго суда и дорожитъ чужимъ судомъ; въ женщинѣ, даже самой гениальной, никогда не отщипнется той безпристрастной самостоятельности, которая помогаетъ мужчинамъ, величественный таланта, холодне переноситъ всѣ несправедливости критики, всѣ реакціи и противурѣчій мнѣнія. Женщина-писательница не можетъ имѣть въ своей натурѣ арестивацкаго упорства, того терпѣнія, которое Бюффонъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду, проназавъ своей дооризать: «вошій есть терпѣніе!» Женщина несомнѣнно

своихъ, вернее ерунды современничковъ, гадящееся слово : е-р-у-н-д-а ! это великое слово, поставившее одного человека превыше миллионовъ, и достойное сдѣлатья дешовымъ всякаго существа, одареннаго отъ Бога талантами. На всякую даровитую женщину равно вредно дѣйствуетъ и холодность публики, и преувеличенный восторгъ друга, и литературный комплиментъ вѣжливаго цѣнителя. Вѣчно-колеблющаяся и вѣчно-полная недоуриа къ своимъ силамъ, она или зарываетъ свой талантъ въ землю, или даетъ ему несомыбитное направление, сообразное идеемъ и даже заблужденіямъ своихъ жаркихъ приверженцевъ. И вотъ причина, отчего многія отличныя женщины-писательницы написали только по одной своей книгѣ, вслѣдъ затѣмъ или прощаясь съ литературнымъ дѣйствіемъ, или въ послѣдующихъ трудахъ своихъ отречаясь отъ всякой своеобразности. И неумудро : встрѣчая въ читателѣ неостоянство къ себѣ, въ критикѣ вида одну любезность, или холодность, чуждую практическаго смысла, онѣ непремѣнно должны были избрать себѣ литературныхъ менторами небольшое число лицъ, особенно къ нимъ близкихъ и, сдѣлавъ это, омончательно преейтись съ усовершенствованіемъ, податься чужому авторитету и сочинять слова на чужой мотивъ. Миссъ Фр. Бурной, такъ блестятельно начавшая свое вѣдѣніе «Двѣлннью», помысла тѣмъ, что копировала во всѣхъ остальныхъ своихъ прозаическихъ напыщеннаи слогъ доктора Джовсона; сочинительница несравненной «Валентины» унижала себя, на цѣлыхъ страницахъ развивая мысли и теоріи мечтателей... Это примѣры самыя знаменитыя; къ нимъ присоединить еще можно госножу де-Сталь въ ея подражательную эпоху, и Беттину фон-Ариниъ, обитую съ толку нѣмецкими профессорами эстетики и другихъ наукъ, сильно-повредившихъ ея эстетическимъ правламъ. Но кто будетъ въ-состояніи перечесть другіе женскіе таланты, менше-замѣтные и ставшіе совершенно-безамѣтными вслѣдствіе шаткости направленія, неискренности критики и поклоненія чужимъ теоріямъ?...

Въ послѣднемъ романѣ госпожи Евгении Туръ, къ великому удовольствію, мы видимъ довольно-много самостоятельности, хотя затемненной мыслими и оборотами, очевидно вычитанными или зародившимися подъ чужимъ вліяніемъ. Если многіе афоризмы и тирады (повременамъ даже влажные въ уста юныхъ дѣвушекъ романа) кажутся намъ скорѣе достойными ученаго трактата, или менше ученаго спора, если научное выраженіе повременамъ портитъ эффектъ живаго и умнаго разговора, все-таки съ сказанными недостатками мы примиряемся, встрѣчая съ ними рядомъ дожную замѣтку, тонкую мысль, удачную черту характера. Взглядъ романистки на большую часть ея героинь и героевъ принадлежитъ ей собственно, и хотя съ нимъ не всегда соглашаешься, но всегда понимаешь его, а порою ему и сочувствуешь. Первыя главы книги, въ которой описывается дѣтство героя, Валентина Огнискана, въ селѣ Михайловскомъ, посреди патриархальной жизни и преданной дворни, производятъ на читателя очень-приятное впечатлѣніе; послѣдняя часть

сочинения (пробыше Валентина у родных, стараящихся поживиться его состоянием) задумана ловко и избегает замѣчательныхъ подробностями. Несмотря, однако, на эти достоинства и на многія другія, о которыхъ скажемъ дальше, весь романъ «Три поры жизни» читается нелегко, даже требуетъ отъ читателя довольно-сильнаго и иногда утомительнаго умственнаго напряженія.

Причина этого впечатлѣнія, испытаннаго не нами одними, заключается, по нашему мнѣнью, въ недостатокъ внѣшней и внутренней занимательности произведенія. Что бы ни говорили многіе любители художественности и жизненной прозы, старый элементъ занимательности въ романахъ— внѣшній интересъ, то-есть *мелодрама, сюжетъ*, съ приправою дозволенныхъ эффектовъ, нечаянностей и катастрофъ, не есть элементъ пустой и заслуживающій презрѣнія. Критикъ давно пора за него встуниться, а романистамъ вернуться къ нему. Въ жизни человѣческой бездна интереса, эффектовъ, катастрофъ и нечаянностей— но-крайней-мѣрѣ столько же, сколько и поэзіи, а человекъ, непризнающій занимательности въ жизни, такъ же страшенъ, какъ чудакъ, не признающій поэзіи. Для правильно-развитаго и умющаго жить существа каждый день приноситъ съ собой не однѣ мысли, но и поэзію, не одну поэзію, но и событія. Если поэтъ, подобный г. Фету, заставляетъ насъ ощущать поэзію при видѣ предметовъ, доселѣ невдохновлявшихъ насъ насколько; если онъ умѣетъ сыскать эту поэзію, глядя на позелѣлѣвшую мость, лежащій, скосясь, во рву размытомъ, или подслушивая тихое скрипѣніе коростелей въ росистой долигѣ, отчего же писателю, одаренному способностью *жить и понимать* событія жизни, не произвести на насъ того же дѣйствія? Масса читателей въ этомъ отношеніи очень-умна и дальновидна: она хочетъ жизни, а не словъ, событій, а не психологій, интереса, а не разсужденій. Она знаетъ, что свѣтъ полонъ занимательными исторіями и хочетъ исторій подобнаго рода. Она хочетъ, чтобъ ей описывали событія, не только случившіяся на самомъ дѣлѣ, но и могущія произойти. Ея не обманете ни сдѣланиемъ нематуральныхъ эффектовъ, ни тонкими умствованіями безъ происшествій. Она будетъ читать Поля Феваля и посмѣется надъ нимъ; но Вальтеръ Скоттъ, или Бернаръ, или Балзакъ, останутся ея любимицами, потому-что они дѣйствительно и *естественно* занимательны. Она прочтетъ и «Адольфа» и «Обермана», позѣваетъ немного, похвалитъ, и съ уваженіемъ отложитъ обѣ книги на самую отдаленную полку. Она станетъ читать Александра Дюма, потому-что Дюма уменъ, но броситъ его непременно, чуть появится другой умный рассказчикъ, одаренный способностью сочетать занимательность произведенія съ большею противъ Дюма естественностью. Идти наперекоръ вкусу публики и невозможно и безполезно, тѣмъ болѣе, что эти вкусы имѣютъ свой зародышъ не въ пустой прихоти, не въ избалованности самого читателя. По нашему мнѣнью, написать хороший романъ безъ внѣшней занимательности событій

такъ же трудно; какъ, напримѣръ, соорудить зданіе изъ однихъ камней, безъ цемента, ихъ сдѣляющаго. Правда, было одно время, когда храмы и дворцы клялись безъ цемента, но ненужно забывать, что постройки подобнаго рода были постройками циклопическими...

Отъ насъ весьма-недалеко то время, когда русскіе бельетристы; увлекшись примѣромъ Гоголя, созидавшаго цѣлыя драмы и романы изъ событій самыхъ неважныхъ, самыхъ обыденныхъ, заклеили величавымъ презрѣніемъ всё «ухищренія досужей фантазіи», и, взявъ за исходную точку жизнь самую скучную и безцвѣтную, принялись утверждать, что въ одной скукѣ съ безцвѣтностью и находится область искусства. Теорія не стоила опроверженія; мало того, она ни разу не была высказана явственно, но тѣмъ не менѣе результатомъ ея вышла цѣлая сотня изячныхъ произведеній, немало способствовавшихъ охлажденію публики, до-тѣхъ-поръ сочувствовавшей русской словесности. Пишущій эти строки поныгѣ съ ужасомъ вспоминаетъ одинъ вечеръ изъ своей жизни, посвященный слушанію скучнѣйшей повѣсти, обставленной скучнѣйшими дѣйствующими лицами, повѣсти, безъ всякихъ «ухищреній досужей фантазіи», даже безъ любви, даже безъ окончанія. Авторъ произведенія не могъ назваться глупымъ человѣкомъ, но онъ былъ молодъ и довольно-заносчивъ: вида смертную скуку, разлитую на лицахъ всѣхъ слушателей, онъ спросилъ насъ всѣхъ съ нѣкоторымъ высокоуміемъ: не кажется ли намъ, что его трудъ слишкомъ-глубокъ и недоступенъ праздному читателю? Когда одинъ изъ присутствующихъ замѣтилъ на это, что повѣсти просто недостаетъ занимательности, ему было сказано: «а какой занимательности вамъ хочется?» — «Оживите ваше произведение хоть какими-нибудь событіями», въ свою очередь сказалъ хозяинъ, начинавшій уже сердиться: «столкните дѣйствующихъ лицъ, выдумайте катастрофу, какой-нибудь живой эпизодъ. Пусть наконецъ эти лица дѣлаютъ глупости: оно все-таки лучше, чѣмъ ничего не дѣлать». — «Предоставимъ такіе эффекты Бальзаку и компаніи!» величественно сказалъ юноша, свертывая рукопись... Въ тѣ годы воздвигнута была брань на Бальзака, и Вальтеръ Скоттъ современнаго общества, авторъ Эженъ Гранде считался какимъ-то презрѣннымъ фокусникомъ... Какъ измѣнилось время, какъ измѣнились литературные нравы! Куда дѣвались повѣсти безъ происшествій и теорія о значеніи жизненной прозы? Гдѣ теперь эти юноши, считавшіе позоромъ писать побальзаковски, трудиться такъ, какъ трудился одинъ изъ блистательнѣйшихъ романистовъ нашего времени?..

Романъ «Три поры жизни», незанимателенъ, какъ мы уже сказали; однако не слѣдуетъ думать, чтобъ онъ принадлежалъ къ разряду романовъ и повѣстей, въ которыхъ главнѣйшее событіе — наемъ квартиры, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Произведеніе госпожи Туръ, заключающее въ себѣ оживленную картину современной московской и отчасти петербургской жизни, все-таки представляетъ нѣсколько сценъ, эпизо-

довь, надъ которыми можно остановиться съ удовольствіемъ. Оно выиграло бы еще больше по части внѣшняго интереса, еслибъ авторъ вывелъ на сцену хотя одно лицо, способное довести насъ до того, чтобы мы интересовались удачами и неудачами, радостями и горестями этого дѣйствующаго лица. Интересъ внѣшній всегда тѣсно сдѣлается съ внутреннею занимательностью романа: если герой произведенія милы и близки сердцу нашему — дѣло выиграно. Мы интересуемся мелочами изъ ихъ жизни также, какъ небольшими событіями, которые извѣданы нами самими. Разъ воставивъ своего героя удачно, романистъ можетъ быть спокоенъ на-счетъ занимательности труда, потому-что эта занимательность придетъ сама собою. На такомъ расчетѣ основаны всѣ безконечные романы старыхъ временъ. Ричардъ Ловласъ выноситъ на себѣ весь лучший романъ Ричардсона (потому-что истинный герой произведенія онъ, а не Клариса). Томъ Джонсъ личными своими качествами приобрѣлъ милліоны читателей. Дон-Кихоть, любимѣйшій и благороднѣйшій изъ героевъ, могъ дать Сервантесу матеріалъ на тысячу томовъ: одно его появленіе, одно упоминаніе его имени трогаетъ читателя...

Намъ грустно сознаться, что герой романа «Три поры жизни», Валентинъ Михайловичъ Отгинскій, не можетъ занять читателя исторіей своей жизни, своихъ привязанностей, своихъ радостей и своихъ страданій. Мы видимъ Валентина влюбленнымъ три раза, и всѣкій разъ несчастливо; но жизнь мужчины состоитъ не изъ одной любви, и госпожѣ Туръ неудруно сдѣлала бы, рассказать намъ, какъ господинъ Отгинскій служилъ, путешествовалъ, управлялъ своими дѣлами и вообще жилъ на свѣтѣ. Его столкновеніе съ тремя женщинами, изъ которыхъ каждая надѣлила его однимъ горемъ, иногда по своей волѣ, иногда по волѣ Валентина, даетъ намъ самое плачевное понятіе о натурѣ Отгинскаго. Несмотря на его изящную наружность, на его любящее сердце, мы видимъ въ немъ существо столь же недостойное женской привязанности, сколько, напримѣръ, какая-нибудь женщина-драгунъ недостойна любви порядочнаго мужчины. Есть множество слабыхъ и безхарактерныхъ людей, способныхъ по-крайней-мѣрѣ хотя сдѣлать несчастіе любимой женщины, но Валентинъ Отгинскій негоденъ даже и для этой грустной задачи: какая-то безжизненность или вялость проникаетъ все его существо. Онъ не можетъ ничего дать любимой женщинѣ: его обязанность говорить насъ; и вѣчный насъ во всѣхъ случаяхъ жизни. Влюбившись въ хорошенькую, очень-испорченную, но все же непогибшую окончателно кокетку Ельцову (лицо это очень-привлекательно у г-жи Туръ), онъ могъ явиться истиннымъ мужчиной, но оказался жалкимъ, слабенькимъ созданиемъ; привязавшись къ Лизѣ (которая говоритъ какъ пишетъ и жертвуетъ своимъ достоинствомъ для какой-то старухи, несостоящей никакихъ жертвъ), Валентинъ явилъ себя неспособнымъ даже къ пассивной преданности. Въ серединѣ романа, или къ концу, онъ оказывается не живымъ человекомъ;

а печальныиъ чудакомъ, возбуждающимъ сожалѣнiе, и ничего болѣе. Все вокругъ него изгибается и умираетъ; надъ его головой совершается вѣдый fatum — умный и вовсе непоучительный... Отъ Валентина выжить безнадежно.

Проходя черезъ весь романъ, отъ первой главы до послѣдней, нашъ оградитель приноситъ много несчастiя всему произведенiю, и могъ бы принести еще болѣе, еслибъ несомнѣнный умъ сочинительницы не исправлялъ дѣла вездѣ, гдѣ только было можно. Многiя главы изобилуютъ дѣльными мыслями и отступленiями; разговоръ живъ и повременамъ остеръ той дозволенной остротой, которая составляетъ необходимую середину между рѣчью печатной и живымъ разговоромъ. Мы всегда были того мнѣнiя, что въ романѣ невозможно передавать обыденной свѣтской бесѣды во всей ея наготѣ и необходимой безцвѣтности: разговоръ въ романѣ мы воображаемъ себѣ не иначе, какъ квинтэссенциею живой рѣчи, и намъ прiятно встрѣтить на дѣлѣ примѣненiе нашей мысли. Смерть указанныхъ достоинствъ, мы встрѣтили въ романѣ нѣсколько разъ, до крайности вѣрныхъ и умно-задуманныхъ. Къ нимъ должно прежде всего причислить изображенiе быта князей Границкихъ, а потомъ приключенiя въ семействѣ Армаловыхъ послѣ прiѣзда Леона въ Москву. Тутъ является передъ читателями, во всемъ своемъ сумрачномъ величii, этотъ бичъ нашего времени, тяжкая нравственная болѣзнь большихъ городовъ — *тщеславiе* съ его вѣрными симптомами: безденежье и несогласiе. Тутъ наблюдательный читатель можетъ видѣть и изучать болную сторону нашего свѣта, для которой не придумано названiя, ибо причины ея заключаются въ тысячѣ многосложныхъ недуговъ. Съ этой точки зрѣнiя названные нами эпизоды романа стоятъ похвалы самой чистосердечной. Не увлекаясь вѣншею роскошью обстановки, всюду становясь выше описываемаго ею мiра, госпожа Туръ далеко оставляетъ за собою нѣкоторыхъ фешонбланныхъ (и, къ сожалѣнiю, считаемихъ фешонбланными) рассказчиковъ, для которыхъ весь кругъ наблюденiя ограничивается «гамбсовскимъ патѣ» или «нальцемъ, заткнутымъ за край лондонскаго жилета». Семейство Армаловыхъ и семейство Границкихъ взяты съ натуры, очерчены вѣрно и такъ вѣрно, что даже сухость очерка — обычный недостатокъ романистки, не произвела на насъ неприятнаго впечатлѣнiя. Подобнаго рода семейства, представители «базара житейской суеты», встрѣчаются на каждомъ шагѣ, иногда являясь неопытному глазу въ видѣ весьма-близкательномъ. Меланхолическiй чудакъ Валентинъ Михайловичъ Огинскiй, доставшiйся въ добычу своей промотавшейся сестрѣ и жаднымъ племянникамъ, становится почти интересенъ, начиная съ третьяго тома. Вопросъ о томъ: увеличатся ли усилкомъ предѣлы недостойныхъ родственниковъ? интересуетъ насъ болѣе, чѣмъ исторiя всѣхъ трехъ нѣжныхъ привязанностей Огиноваго. Тутъ мы видимъ жизнь практическую, жизнь законодательную, между-тѣмъ, какъ тамъ передъ нами дѣйствуетъ слабость

и слабость, соединенная то съ *аффектациою*, то съ *экзальтациою*, въ которыхъ, однакожь, мама сочинительница моральному читателю глумитъ боковое отараченіе. Книжка Граммская, кажется намъ, лучшее дѣло во всемъ романѣ, лучшее и по своему характеру и по своей обстановкѣ. Ея сухость съ матерью, ея щегольство, ея болѣзненное тщеславіе, готовое на всё ухищреніе для своего удовлетворенія, какъ-мольм-лучше дажутся со всей грустной картиной быта Граммскихъ — съ большими комнатами, полными обветшалыхъ предметовъ роскоши, съ дриживалками и лѣнливой прислугой, съ модной торговкой *м-ме Flege*, съ кушетками, взятыми въ долгъ, съ толпой кредиторовъ, толпящихся въ передней... Повторяемъ еще разъ: все это очень-умно, вѣрно и могло бы быть весьма-поучительно, еслибъ семейства, зараженныя демономъ свѣтскаго тщеславія, имѣли способность взять какія-либо поученія!

О мелкихъ недостаткахъ романа «Три веры жизни» — о сухости нѣкоторыхъ описаній и избыткѣ нерусскихъ словъ и оборотовъ, слишкомъ отзывающихся книгою, мы распространяться не будемъ. Слегъ п-сножи Туръ можетъ быть во многомъ исправленъ къ-лучшему, если того будетъ угодно самой сочинительницѣ: большая часть ея неточностей слишкомъ-ярки, а потому авторскій глазъ замѣтитъ ихъ и безъ нашего указанія.

Всѣ сочиненія Василія Александровича Воилярларскаго. *Санктпетербургъ. Въ тип. Импер. Акад. Наукъ. 1853 г. Въ большую восьмую д. л. Семь частей. Ч. 1—XXIII и 324, Ч. 2—400, Ч. 3—410, Ч. 4.—403, Ч. 5—364, Ч. 6—214, Ч. 7—256 стр.*

Читателямъ «Отеч. Записокъ» очень-коротко извѣстны и сочиненія покойнаго Воилярларскаго и мнѣніе редакціи объ этихъ сочиненіяхъ. Почти половина ихъ была напечатана въ «Отеч. Запискахъ» 1850, 1851 и 1852 годовъ, а по поводу отзывовъ разныхъ журналовъ о сочиненіяхъ Воилярларскаго, редакція не разъ имѣла случай защищать этого остроумнаго рассказчика. Наши прежнія мнѣнія о талантѣ Воилярларскаго нисколько не измѣнились и теперь, когда смерть прекратила его литературную дѣятельность, и мы столько же уважаемъ талантъ его теперь, сколько уважали въ то время, когда сочиненія эти печатались на страницахъ нашего журнала.

Журналисты потеряли въ Воилярларскомъ, можетъ-быть, больше, нежели читатели: они лишились самаго дѣятельнаго сотрудника, готоваго по первому призыву прислать романъ или повѣсть. Воилярларскій писалъ и не пересчитывалъ даже того, что писалъ: этотъ трудъ уже лежалъ на редакціи. Еслибы въ наше время держались стариннаго правила называть русскихъ писателей именами иностранныхъ, сходныхъ по направленію таланта, или по общему дѣятельности, то мы назвали бы

Вонлярларскаго русскими Дюна : писалъ онъ такъ же быстро, какъ пишетъ Дюна, чему лучшимъ доказательствомъ служатъ семь объезженныхъ томовъ, написанныхъ имъ въ три года его литературной дѣятельности. Не останавливался Вонлярларскій ни передъ какими сюжетомъ, смотрѣлъ на каждый предметъ тѣмъ взглядомъ, который первый приходилъ ему на мысль или память ; словоохотливо рассказывая длинные происшествія, онъ подъ конецъ часто спохватывался и видѣлъ, что въ его рассказѣ нѣтъ сюжета. Но и это было для него дѣломъ ничего—незначущимъ : онъ такъ весело умѣлъ рассказывать, что его романы, или повѣсти безъ сюжета публика читала и не скучала. Кто зналъ лично покойнаго автора, всегда отличавшагося умомъ и чистымъ, благороднымъ, теплымъ сердцемъ, тотъ еще больше пойметъ его сочиненія, если мы скажемъ, что и въ разговорѣ и на письмѣ онъ былъ совершенно—одинаковъ.

Вотъ достоинства Вонлярларскаго, которыя публика умѣла оценить по достоинству, потому—что съ удовольствіемъ читала его произведенія. И эти достоинства можно быть, кажется, довольнымъ. Но наша критика имѣетъ способность иногда не называть вещи ея собственнымъ именемъ, и потому некоторые совершенно отнимали всякое достоинство у таланта Вонлярларскаго, потому—что ни въ одномъ изъ его произведеній нѣтъ идеи, истинной романа, нѣтъ характеровъ новыхъ и вполне—выдержанныхъ. Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться, но это же нисколько не убавило ему умѣть рассказывать. Другіе критики... но о нихъ сейчасъ будемъ говорить, по поводу предисловія, написаннаго ко «Всѣмъ Сочиненіямъ» господиномъ К. П.

Литературная дѣятельность В. А. Вонлярларскаго продолжалась три года. Въ началѣ 1850 г. онъ прислалъ въ редакцію «Отеч. Записокъ» романы первыхъ своихъ двухъ легкихъ рассказовъ : *Попѣдка на Марсельскомъ Пароходѣ* и *Охота на львовъ съ Миліанъ*, и въ томъ же году, нисколько не будучи лично извѣстенъ редакціи, получилъ отъ нея приглашеніе работать для «Отеч. Записокъ». Эти два первые рассказа тогда же, въ 1850 г. (а не въ 1851, какъ сказано въ предисловіи ко «Всѣмъ Сочиненіямъ») были напечатаны въ «Отеч. Запискахъ»; и вслѣдъ затѣмъ Вонлярларскій началъ высылать въ редакцію одно за другимъ : *Ночь на 28 сентября*, *Силуэтъ*, *Маленькая*. Читатели «Отеч. Записокъ» знакомы эти романы, о которыхъ мы говорили и которые мы защищали въ свое время. Въ 1852 году, 30 декабря, В. А. Вонлярларскаго не стало, и, пользуясь этимъ случаемъ, мы благодарностью почтили память одного изъ усерднѣйшихъ нашихъ сотрудниковъ.

Теперь, когда вышли въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ всѣ сочиненія покойнаго, мы увидимъ, что они многимъ доставятъ удовольствіе, но увидимъ также, что предисловіе къ этимъ сочиненіямъ, написанное имъ К. П., подниметъ вновь споры. Мнѣнія г. К. П. отличаются небольшо-

те незрѣлостью сужденій, такъ-сказать молодостью, и желаніемъ блеснуть оригинальнымъ взглядомъ. Но всему міру извѣстно, что ничто не вредитъ такъ писателямъ, какъ крайности въ сужденіяхъ критиковъ; а живія г. К. П. отличаются особенною крайностью. Къ-несчастью, не видно, чтобъ г. К. П. былъ лично знакомъ съ покойнымъ Воляярларскимъ, и оттого сужденія его отличаются какою-то угловатостью и сухостью. Въ оцѣнкѣ же литературныхъ произведеній Воляярларскаго видна поверхностность сужденій, причина литературной неопытности.

Исторія русской литературы, романа и повѣсти изображена въ этомъ предисловіи слѣдующимъ образомъ :

«Островъ Борнгольмъ» и «Бѣдная Лиза» Карамзина отырываютъ рядъ повѣстей и романовъ. За Карамзинымъ слѣдуетъ *Нарѣжскій*; за Нарѣжскимъ *Θ. Булгаринъ* съ «Иваномъ Выжигинымъ»; за *Θ. Булгаринимъ* *Зазоскимъ* (Юрій Милославскій), *Маршикомъ* («Странное Гаданье» и «Амалатъ-Бекъ»), *Пушкинъ* («Евгеній Онегинъ», «Калитанская Дочка», «Дубровский» и «Пиковая Дама»), *Гоголь*, *Дерматовъ* («Герой Нашего Времени») и — *Воляярларскій*.

Хотя для насъ и крайне-лестно было бы такое живіе о писателѣ, помѣщавшемъ свои произведенія въ «Отеч. Запискахъ», однакожъ, повторяя остроумное изреченіе одного изъ остроумнѣйшихъ фельетонистовъ: «Варвара жиѣ тетка, а правда — сестра», мы должны рѣшительно противорѣчить живію г. К. П. о русскомъ романѣ и русской повѣсти. Мы можемъ допустить, что повѣсти графа Соллогуба въ состояніи породить романы Воляярларскаго, но талантъ Пушкина и преимущественно Гоголя до того не имѣетъ ничего общаго съ талантомъ Воляярларскаго, что здѣсь не у мѣста всякая преемственность. Между-тѣмъ сравненіяго съ Гоголемъ, то съ Пушкинымъ, то съ Дерматовымъ, то съ графомъ Соллогубомъ такъ и мелькаютъ въ предисловіи г. К. П. на каждой страницѣ! Вотъ отрывочныя фразы изъ этого предисловія, потому что приводить цѣлыя мѣста было бы утомительно.

«Онъ (Воляярларскій) вполнѣ понимаетъ ничтожность и пустоту условныхъ отношеній искусственной жизни, только глядя на нихъ не съ угрюмостью творца *Шинели*... Нигдѣ не выражается это одушевленіе его съ такою силою, какъ въ *Большой Барынь*» (стр. XXIII).

Развѣ можно сравнивать двѣ совершенно-разныя манеры писать? Это все-равно, что въ «Иванѣ Выжигинѣ» (несмотря уже на внутреннюю пустоту этого романа), или, лучше сказать, въ сатирической манерѣ, которою онъ отличается, искать дальнѣйшаго развитія послѣ какой-нибудь «Бѣдной Лизы», или «Острова Борнгольма». Будь «Иванъ Выжигинъ» романъ съ великими достоинствами, и тогда нельзя было бы сдѣлать никакого заключенія изъ сравненія романа г. *Θ. Булгарина* съ чувствительною повѣстью Карамзина.

«Молодыя дѣвцы у него (Вонлярлярскаго) большею частью такъ милы, простодушны и въсѣмъ изображены такъ вѣрно, такъ сообразно идеалу (?), что въ его повѣстяхъ въ *первый разъ* явилось поэтическое лицо русской дѣвцы, *если и согласился* (?), что Татьяна въ «Онѣгинѣ» была первыхъ граціознымъ очеркомъ женскаго идеала въ русской поэзи... Въ повѣстяхъ Пушкина женскія лица безхарактерны и занимаютъ второстепенныя роли. Но въ повѣстяхъ Вонлярлярскаго (въ Большой Барынь, въ Двухъ Сестрахъ, въ Силузѣтѣ, въ Ночи на 28-ое сентября, въ Сосѣдѣ, и другихъ) дѣвцы и женщины представляютъ настоящіе типы русскаго общества, разныхъ званій и образованій» (стр. XXV).

«Онъ мастерски развиваетъ характеры дѣйствующихъ лицъ: многія изъ нихъ превосходны и могутъ быть названы совершенно типическими (первообразами). Фонъ-Гарейскій, Корнелій Егоровичъ, князь Грибкинъ-Ослабушевъ (въ «Сосѣдѣ»), Захаръ Ивановичъ, Куцерь и вся его семья, нѣсколько лицъ въ «Магистрѣ», въ «Большой Барынь», настоящіе комическіе типы, подобныя *бесмертнымъ созданіямъ Фонтъ-Визина и Грибодова*» (стр. XXIX).

Часто укоряютъ нѣкоторыхъ нашихъ писателей въ томъ, что они возводятъ разныхъ литераторовъ на степень гениевъ. Мы боимся, чтобы этого укрѣпа не сдѣлалъ г-ну К. П., автору предисловія. Хуже всего, что крайнія похвалы ведутъ за собою крайнія порицанія, и отъ всей этой путаницы мнѣній теряетъ только одинъ разбираемый писатель, который, между прочимъ, ни въ чемъ не виноватъ. Мы боимся, чтобы того же не случилось и съ покойнымъ Вонлярлярскимъ, вслѣдствіе неудачнаго предисловія г. К. П. Авторъ предисловія желаетъ блеснуть оригинальностью своихъ сужденій, старается быть замѣченнымъ въ числѣ русскихъ критиковъ. Но чѣмъ же виноватъ Вонлярлярскій, что г. К. П. не хочетъ знать исторію русской литературы? Знай онъ ее, авторъ «Силузата», «Большой барыни» и другихъ романовъ занялъ бы приличное ему мѣсто между настоящими литераторами. Тогда г. К. П. не сдѣлалъ бы такихъ, напр., ошибокъ въ своемъ предисловіи:

«Надобно прибавить, что авторская его (Вонлярлярскаго) дѣятельность развилась въ немъ вдругъ, *неожиданно для него самого*. До 1851 года онъ ничего не издавалъ въ свѣтъ.»

Но вотъ и справедливыя черты изъ біографіи Вонлярлярскаго, которыя необходимо принять въ соображеніе для оцѣнки его произведеній.

«Поэзіею началъ онъ заниматься послѣ всего, безъ всякихъ приготовленій, и посвящалъ ей только немногіе часы своего вдохновенія. Посреди разставаній общественной жизни, иногда въ ночь, проводивъ друзей, съ которыми провелъ длинный вечеръ, онъ вдругъ садился къ столу, и писалъ до другаго дня. Въ быстротѣ сочиненія можно сравнить съ нимъ развѣ Александра Дюма. Такъ въ два вечера написалъ онъ двѣ драматическія пьесы («Преферансъ съ табельками» и «Графъ Дерби»); устроивъ домашній театръ, сажъ написалъ декорации для обихъ своихъ пьес... *Нѣкоторыя изъ повѣстей его были написаны въ часы одной ночи*... (стр. V).

... «При быстрой, почти импровизаторской его методѣ писать; надобно удивляться силѣ воображенія, такъ рѣдко измѣнявшей ему. Онъ никогда не порочивалъ и не поправлялъ сочиненій своихъ, отчего въ самомъ слогѣ его, всегда легкомъ, приятномъ, вѣрномъ предмету, встрѣчаются ошибки противъ дѣяна. Онъ писалъ единственно по вдохновенію, не заботясь о правилахъ искусства, и къ нему справедливо можно приписать выраженіе: онъ не зналъ искусства, но искусство знало его. Можемъ сказать читателямъ одно: въ рукописяхъ его необходимо было поправлять географическія ошибки, но слогъ его не требовалъ никакихъ поправокъ, кромѣ очень немногихъ мѣстъ, гдѣ промахи происходили язво отъ торопливости» (стр. XXX).

Выходить на повѣрку, что, если бы г. К. П. сообразилъ свои же собственныя слова, то скорѣе держался бы нашего мнѣнія о г. Вонлярлярскомъ, чѣмъ своего собственного, придуманнаго имъ очевидно въ часы досуга.

Библиотека Путешествій. Восемь томовъ. Изданіе А. Плюшара. Спб. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1854, въ 12-ю д. л. Въ I-мъ томѣ 386, во II-мъ 307, въ III-мъ 360, въ IV-мъ 283, въ V-мъ 361, въ VI-мъ 375, въ VII-мъ 363, въ VIII-мъ 391 стр.

Въ то время, какъ иностранныя газеты объявляютъ о неожиданномъ событіи, которое можетъ дать новое направленіе и открыть новые пути всемірной торговлѣ — о желаніи японскаго правительства вступить въ сношенія со всеми европейцами безъ изъятія, въ это время весьма-кстати «Библиотека Путешествій» начинается *Путешествіемъ Зибольда въ Японію* и, не довольствуясь, собранными имъ свѣдѣніями, пополняетъ ихъ матеріалами, доставленными незабвеннымъ Кемпферомъ, Дёфомъ, Крузенштерномъ, Головиннымъ, Тунбергомъ и др.

Давно уже Японія представлялась европейцамъ обѣтованною странюю. *ubi piper et aurī coria*. Колумбъ ѣздилъ открывать Японію, а не новый материкъ, и, прибывъ въ Кубу 14-го ноября 1492 года, записалъ въ своемъ журналѣ: «Здѣсь островъ *Сипанго* (Японія), о которомъ разсказываютъ столько чудеснаго». Скоро Колумбъ убѣдился въ своей ошибкѣ и удовольствовался открытіемъ Америки. Не ранѣе, какъ черезъ полстолѣтіе открыта Японія, случайно, португальцами. Торговлю народы бросились въ благодатную страну; сначала все шло хорошо; японцы ласково принимали европейцевъ, но вдругъ португальскіе миссіонеры вздумали, подъ предлогомъ распространенія христіанства, подкапывать власть *сіюгуна* (свѣтскаго императора) (1). Сіюгунъ приказалъ

(1) Въ Японіи есть еще духовный императоръ, называемый *микадо*. Дѣло его — сидѣть цѣлый день неподвижно; если онъ наклонится въ ту или другую сторону, то въ его владѣніяхъ, и именно въ той сторонѣ, куда онъ наклонился, произойдутъ беспорядки, нарушится равновѣсіе.

всѣхъ португальцамъ и японцамъ—христіанамъ поочередно выдѣать изъ Японіи : кого захватятъ, того распнуть. Вместе съ тѣмъ приказано прочимъ японцамъ ни подъ какимъ предлогомъ не выѣзжать изъ государства, а находившимся за границей воротиться въ Японію въ назначенный срокъ; виновнымъ и тѣмъ, кто не исполнитъ этого приказанія, грозили тоже смертною казнью на крестѣ. Оставшихся въ Японіи новыя христіанъ хотѣли обратить къ прежней туземной вѣрѣ; пришлось дѣйствовать мечомъ, висѣлицей, огнемъ. «Это жестокое гоненіе (говоритъ Кемпферъ), гоненіе, которому нѣтъ подобнаго въ исторіи, продолжалось около сорока лѣтъ. *Туземцы* наконецъ нанесли послѣдній ударъ христіанству; онъ истребилъ, съ безпримѣрнымъ варварствомъ, послѣднихъ христіанъ въ Японіи : *въ одинъ день избилъ ихъ до тридцати семи тысячъ*». По разсказу Кемпфера видно, что сіюгуны дѣйствовали рѣшительно. Такіе страшные результаты произведены неосторожностью и властолюбіемъ нѣсколькихъ португальскихъ миссіонеровъ. И къ довершенію несчастія, когда гибли христіане—японцы, португальцы были уже далеко : невинные платили свою кровь за виноватыхъ. Продолжалъ разсказъ о гибели христіанъ въ Японіи, Кемпферъ (котораго особенный способъ разсказывать вполне переданъ въ «Библиотекѣ Путешествій») прибавляетъ :

«Отчаяніе и казни, расточенныя пхъ братьямъ, принудили христіанъ заключиться въ замокъ Симбары, на берегахъ Арима, съ твердымъ нахреніемъ защищаться до послѣдней капли крови. Замокъ былъ взятъ послѣ трехмѣсячной осады, въ двадцать восьмой день втораго мѣсяца періода *канѣ*, то—есть 12-го апрѣля 1638 года; тутъ произошла послѣдняя сцена этой кровавой трагедіи, и когда пролили христіанскую кровь до послѣдней капли, убійства и гоненія прекратились въ 1640 году.»

Вотъ почему и какимъ образомъ Японская Имперія заперлась навсегда какъ для туземцовъ, такъ и для иностранцевъ. Японецъ не можетъ выѣхать изъ отечества; иностранецъ не можетъ туда прѣхать, (кроме голландцевъ, да и тѣ содержатся на островѣ *Децима* какъ-бы въ тюрьмѣ).

Узнавъ о гибели христіанъ и торговыхъ сношеній, португальцы, поселившіеся въ Макао, послали великолѣпное посольство въ Японію : они были готовы на всякое пожертвованіе, на всякое униженіе, только бы сохранить связи съ Японіей.

Посламъ и свитѣ ихъ отрубили головы; оставили только низшихъ служителей, чтобы они могли передать извѣстіе объ этой новой казни въ Макао. Португальскій корабль сожгли, а уцѣлѣвшихъ отъ посольской свиты привели на мѣсто казни и показали имъ головы пословъ, разложенныя на доскахъ, съ надписью : «Впредь, *пока солнце будетъ свѣтити міру*, никто да не прѣзжаетъ въ Японію моремъ (а иначе къ ней и приблизиться нельзя), *даже подъ именемъ посла, и приказаніе*

что не можетъ быть никогда отъменено; отъмененному смертью казнь, не исключая даже самого *хиса*, владыку всѣхъ японскихъ божествъ».

Вотъ что прочли португальцы надъ обезглавленными своими послами! Не впускать христіанъ въ Японію, пока солнце свѣтитъ міру; а кто дозволитъ имъ пріѣзду, тому смерть. Сіогунъ объявилъ смерть тому сіо-гуну, который отъменитъ его приказаніе. Даже самого *хиса* (это японскій Юпитеръ) сіогунъ хотѣлъ казнить смертию, если бы *хиса* допустилъ португальскихъ монаховъ въ Японію. Какъ мало тутъ логики, и какъ много рѣшимости!

Двести лѣтъ продолжалось это положеніе дѣлъ. Въ Японіи на одинъ клочекъ земли допускали только голландцевъ, и тѣ что терпѣли тамъ! Въ первомъ и во второмъ томѣ «Библіотеки Путешествій» можно прочесть, что вытерпѣли въ Децимѣ эти мученики торговли.

Японскія власти всегда и вполнѣ повиновались этому основному закону имперіи. Не далѣе, какъ въ 1852 году, русскій корабль «Князь Меншиковъ» отвезилъ въ Японію несчастныхъ японцевъ, претерпѣвшихъ крушеніе и выброшенныхъ на наши берега. Никто въ мірѣ не отказывается отъ своихъ подданныхъ, особенно когда они находятся въ несчастіи вследствие причинъ, вовсе отъ нихъ независимыхъ. Но что же вышло изъ великодушія русскихъ? Взгляните на любопытный рапортъ г. на Линденберга, шкипера корабля «Князь Меншиковъ» (1).

Едва успѣли отдалить якорь, какъ со всѣхъ сторонъ стали стекаться посѣтители въ числѣ нѣсколькихъ сотъ; палуба и каюта наполнились. Это уже показываетъ, до какой степени японцы не забыли еще европейцевъ, и какъ любятъ ихъ до-сихъ-поръ. Линденбергъ просилъ японцевъ входить поочередно, но они возражали, что «должны терпѣться осмотрѣть корабль, ибо съ пріѣздомъ на него губернатора прекратится для нихъ всякая возможность пріѣзжать къ намъ».

Съ пріѣздомъ губернатора начались допросы, разспросы, справки. Онъ старался знаками показывать, что благородный поступокъ русскихъ трогаетъ его до слезъ; но въ то же время объявлялъ, что не можетъ принять привезенныхъ японцевъ. Каково?.. Продолженіе переговоровъ читатели найдутъ въ книгѣ, о которой мы говоримъ: они чрезвычайно любопытны, но нельзя перепечатывать десятки страницъ; довольно указать на результатъ. Послѣ многихъ хлопотъ, губернаторъ Одовары, окруженный свитой, собралъ на палубѣ русскаго корабля привезенныхъ японцевъ, поставилъ ихъ около себя на колѣни полукругомъ и началъ говорить имъ длинную рѣчь.

«По мірѣ какъ онъ говорилъ (пишетъ г. Линденбергъ), на лицахъ ихъ явственно выразились горесть и уныніе, и наконецъ отпечатались явные знаки безвыходнаго отчаянія; нѣкоторые изъ нихъ плакали

(1) Рапортъ Линденберга напечатанъ въ «Библіотекѣ Путешествій», томъ II, стр. 177—193.

напрямь. На вопрос мой, что это значит? Японец Тароке, съ едва удерживаемою дрожью, сказалъ мнѣ, что губернаторъ объявилъ имъ, что не можетъ ихъ принять, и что они должны съ нами отправиться далѣе. Отказъ этотъ тѣмъ сильнѣе поразилъ бѣдныхъ Японцовъ, что былъ совершенно неожиданный, ибо, по началу нашихъ съ ихъ соотечественниками сношеній, они были совершенно увѣрены въ благопріятномъ концѣ. Не желая объясняться съ вице-губернаторомъ на палубѣ, попросилъ я его въ каюту, и тогда онъ объявилъ мнѣ, что, по полученнымъ изъ Едо приказаніямъ, не можетъ принять Японцовъ; какъ этотъ портъ не открытъ для иностранцовъ, то онъ и не имѣетъ права входить ни въ какия сношенія съ ними, и что, получивъ теперь такой рѣшительный и неоправданный отвѣтъ отъ японскаго правительства, онъ находитъ, что *намъ стоить здѣсь больше не зачѣмъ, и потому просить немедленно выдти въ море.*»

Вспомните только, что все это происходило не далѣе, какъ въ 1852 году! Линдсбергъ, предчувствовавшій, что его примутъ такъ холодно; но вдругъ отказался отъ даннаго ему порученія :

«Я представлялъ губернатору (говорить онъ) несообразность, даже жестокость этого поступка съ соотечественниками его, и неблагодарность въ отношеніи къ Русскимъ, предпринявшимъ столь долгое и трудное плаваніе: единственно съ благодѣтельною цѣлью: возратить отечеству и ихъ семействамъ невинно-пострадавшихъ въ кораблекрушеніи и находившихся два года въ невольномъ изгнаніи его соотечественниковъ; наконецъ, что если я повезу Японцовъ обратно въ Россію, то на будущій годъ придетъ опять сюда русскій корабль съ ними, и что, наконецъ, они должны же будутъ принять ихъ. *На это онъ сказалъ, что и на будущій годъ и средѣ всегда будетъ одинъ и тотъ же отвѣтъ.*»

Долго длились еще переговоры, но не повели ни къ-чему. Линдсбергъ вышелъ въ море, видя настойчивость губернатора и бесполезность убѣжденій. Но чѣмъ же кончилась эта драма? Едва «Князь Меншиковъ» вышелъ изъ гавани, несчастные, отринутые японцы объявили, что желаютъ, чтобъ ихъ высадили на берегъ, хотя бы ихъ ожидала тамъ неизбѣжная смерть. Согласившись на ихъ неотступныя просьбы, Линдсбергъ выбралъ небольшую бухту и высадилъ японцевъ. Они на колѣняхъ и со слезами благодарили русскихъ за благодѣанія...

И это закрытое государство рѣшилось наконецъ измѣнить строгому закону своему, рѣшилось открыть портъ, *однимъ портомъ* всѣмъ европейцамъ! Европа проникнетъ въ эту прекрасную страну, которую Зюльда превозноситъ безусловно, можетъ-быть, и потому, что жить въ ней несколько лѣтъ. Японцы получили нисмена и образованіе изъ Китая, но стоятъ гораздо-выше китайцевъ. Китаецъ уже нѣсколько тысячъ лѣтъ гниетъ въ своемъ болотѣ подъ гнетомъ самыхъ убійственныхъ формъ, и самъ почти обратился въ форму. Японецъ — человекъ живой, страстный, мыслящій. Въ «Библіотекѣ Путешествій» собрано множество любопытныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о характерѣ и нравахъ этого органи-

нального народа; особенно замѣчательны главы о японской цивилизаціи, о состояніи наукъ, объ искусствахъ и мануфактурахъ, и объ усиліи европейцевъ вступить въ сношенія съ закрытою Япошею.

Путешествіе Зибольда въ Японию занимаетъ первые три тома «Библиотеки Путешествій»; въ слѣдующихъ двухъ томахъ помѣщено кругосвѣтное путешествіе г. Блока, подъ названіемъ: *Два года изъ жизни русскаго моряка*. Г. Блокъ ходилъ кругомъ свѣта въ 1840—42 годахъ, на транспортѣ «Або». Цѣль экспедиціи состояла въ отвозѣ матеріаловъ и разныхъ вещей для охотскаго и петронавловскаго восточн. стало-быть, нельзя было и надѣяться на новыя открытія. Впрочемъ, г. Блокъ внимательно вглядывался въ то, что встрѣчалось ему на пути, и хотя онъ не такъ увлекателенъ, какъ Дюмон-д'Юрвилль, или Лафонтъ, однакожъ читается съ удовольствіемъ.

Въ VI и VII томахъ «Библиотеки Путешествій» помѣщены *Разсказы о знаменитѣйшихъ кораблекрушеніяхъ*, и первое мѣсто дано Берингу, о которомъ, почему-то, забылъ Головиннъ въ своей книгѣ, изданной въ 1822 году, подъ заглавіемъ: «Описаніе русскихъ кораблекрушеній» (1).

Берингъ первый, на русскомъ кораблѣ, совершилъ ученое путешествіе для открытій, и рѣшилъ важную задачу. Въ VI томѣ «Библиотеки Путешествій» коротко и дѣльно, безъ прикрасъ, рассказана его скромная жизнь, на основаніи русскихъ и иностранныхъ источниковъ. Особенно любопытенъ его переездъ изъ Петербурга черезъ Сибирь въ Камчатку. Неизрѣчно даже, чтобы человекъ могъ перенести столько трудовъ, столько лишеній. Дѣло объясняется любовью къ наукѣ и исполненіемъ долга. Наука и долгъ — вотъ что поддерживало Беринга. Смерть его описана трогательно.

Почти каждое кораблекрушеніе представляетъ любопытную драму, хотя и невыдуманную. Въ этихъ истинныхъ драмахъ любопытно наблюдать и человека и людей (подъ послѣднимъ именемъ мы разумѣемъ англичанъ, французовъ, испанцевъ, отдѣльно-взятыхъ). Въ минуту опасности англичанинъ не похожъ вовсе на француза, а французъ еще менѣе похожъ на испанца. Надобно сознаться, что, при внимательномъ чтеніи «кораблекрушеній», перевѣсъ остается на сторонѣ англичанъ. Французъ легко предается отчаянію, рветъ себѣ волосы, ломаетъ руки. Если много французовъ вмѣстѣ, они храбрятся, даже богохульствуютъ. Все это основано на чванствѣ, на суетности. *Vanité des vanités!* Но когда французъ остается одинъ на скалѣ, безъ товарищей, когда нѣкому показывать храбрость, онъ становится ничтожнымъ и жал-

(1) Адмиралъ Головиннъ издалъ ее въ видѣ прибавленія къ своему переводу сочиненія Дункена о кораблекрушеніяхъ. Между этимъ сочиненіемъ и переводами, помѣщенными въ VI и VII томахъ «Библиотеки Путешествій», нѣтъ ничего общаго.

книгъ, возмѣнить: двинуться съ мѣста. Все его мужество состоитъ въ томъ, чтобъ умереть на мѣстѣ. Онъ ужь не смѣетъ вступить въ открытую борьбу съ природою; онъ лежитъ и умираетъ, и рѣшился умереть; на поминъ ему судьба двухъ-трехъ товарищей — онъ вскочить на ноги, и смѣетъ готовъ пить и смѣяться.

Умѣйте только читать эти рассказы о кораблекрушеніяхъ, вы подѣлите въ нихъ много, много. Напримѣръ, англичанка не позволяетъ спасать себя, потому что она не одѣта; французенка, какъ бы ни вскочила съ койки, ищетъ только спасителя, а до костюма ей дѣла нѣтъ... о немъ она подумаетъ завтра, когда спасется!

Въ послѣднемъ, VIII томѣ «Библиотеки Путешествій» напечатано *Путешествіе Бурчеля по Южной Африкѣ*. Чтобъ взглянуть на поля пустыни и на нѣсколькихъ людобѣдовъ, Бурчель пожертвовалъ нѣсколькими годами жизни. Путешествіе его не принесло важныхъ результатовъ, наука поживилась мало, но за-то сколько описаній нравовъ тѣхъ именно племенъ, которыхъ европейцы видѣли наименѣе! Бурчель путешественникъ въ родѣ Кемпфера: просто, наивнѣе, не прикрашиваетъ; чтѣ видѣлъ, то видѣлъ, а чего не замѣтилъ, о томъ не говоритъ. Онъ, напримѣръ, пишетъ цѣлую главу о томъ, какъ пытался онъ купить лишнюю пару быковъ для своей телеги, и какъ успѣли мамбали ему. Оно, кажется, смѣшно; но отчего же умный читатель слѣдитъ за всей этой главой и не продуснаетъ ни одной страницы? Въ самомъ этомъ наивномъ описаніи заключается какая-то особенная прелесть, которую надобно умѣть цѣнить. До «Библиотеки Путешествій», изъ Бурчеля у насъ не было переведено ни строки, а въ Англіи онъ пользуется лютною извѣстностью. Можетъ-быть, любителямъ легкаго чтенія онъ покажется нѣсколько-тяжелымъ, но въ этомъ будетъ виноватъ не онъ. Кстати, такимъ любителямъ надобно сказать, что третья часть «Путешествія Зибольда» (Описаніе и исторія Кореи) еще тяжеле, но онъ необходимъ для полноты сочиненія.

Къ «Библиотеку Путешествій» приложены гравюры, литографіи и карты. Гравюры къ описанію Японіи дѣланы въ Парижѣ. Карта Японіи снята съ маленькой зибольдовой, которая считается лучшею. Къ путешествію г-на Блока приложены литографіи и карта всего земнаго шара, съ указаніемъ пути, по которому шелъ транспортъ «Або». Раченіе, съ которымъ начато это полезное изданіе, заслуживаетъ всякой похвалы. «Библиотека Путешествій» не входитъ въ соперничество съ существующими у насъ географическими сборниками: она предназначена не для ученыхъ собственно, а для всѣхъ читателей, отказывается отъ слишкомъ-ученыхъ изслѣдованій, и желаетъ только представить результаты новѣйшихъ открытій и свѣдѣній, не вдаваясь въ споры и полемику. Въ этомъ смыслѣ, «Библиотека Путешествій» изданіе очень-полезное и можетъ имѣть успѣхъ, какого сама, можетъ-быть, и не ожидаетъ.

Отчетъ Императорской Публичной Библиотеки за 1853 годъ, представленный г. Министру Императорскаго Двора Директорамъ Библиотеки, членомъ Государственнаго Совѣта, Статсъ-Секретаремъ, Барономъ Корфомъ. Санктпетербургъ. 1854. Въ тип. II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцелярїи. Въ 8-ю д. л. 91 стр.

Не разъ ужъ имѣли мы случай говорить о той высокой степени благоустройства, которой достигла Императорская Публичная Библиотека въ послѣдніе четыре года, со времени присоединенія ея къ вѣдомству Министерства Двора и поступленія подъ начальство барона М. А. Корфа. Постоянныя заботы просвѣщеннаго директора способствуютъ съ каждымъ годомъ большому и большому процвѣтанію нашего народнаго книгохранилища, и всякій, кому дороги успѣхи отечественнаго просвѣщенія, слѣдить, конечно, съ живѣйшимъ любопытствомъ за успѣхами и этого учрежденія. Нынѣ—изданный «Отчетъ» позволяетъ намъ разсматрѣть, что сдѣлано для Библиотеки начальствомъ ея въ прошломъ году. Въ обзорѣ своемъ мы будемъ слѣдовать порядку, въ какомъ составленъ самый «Отчетъ».

Въ 1853 году Библиотека потеряла одного изъ усерднѣйшихъ дѣятелей своихъ, старшаго библиотекаря г. Попова 2-го. Мѣсто его заступилъ бывший въ должности младшаго библиотекаря, докторъ Поселятъ, а къ-сто г. Поселяты — г. Стойковичъ. Кромѣ г. Попова, Библиотека лишилась и двухъ почетныхъ членовъ своихъ: министра народнаго просвѣщенія князя Ширинскаго-Шахматова и знаменитаго естествоиспытателя, а въ прежнее время и библіографа, Фишера фон-Вальдгейна. Умеръ также почетный корреспондентъ ея, извѣстный собиратель отечественной старины — Царскій. Вновь возведены: въ званіе почетныхъ членовъ директоръ Почтоваго Департамента Прянишниковъ и акадѣмикъ Куникъ; въ званіе почетнаго корреспондента—библиотекаръ Императорскаго Ботаническаго Сада фон-Бергъ, принесшій въ 1852 году въ даръ Библиотеку собраніе своего отца (до 4,400 томовъ).

Сверхъ девяти вольнотрудящихся, то—есть постороннихъ ученыхъ, которые, безъ правъ службы, получаютъ вознагражденіе за свои труды по добровольнымъ условіямъ, нѣсколько молодыхъ людей, окончившихъ университетскій курсъ, участвовало въ работахъ Библиотеки безмездно «единственно (какъ сказано въ «Отчетѣ») съ цѣлію усовершенствовать «полученное ими литературное образованіе и ознакомиться съ устройствомъ большаго книгохранилища».

Затѣмъ личный составъ чиновъ Библиотеки былъ нѣсколько измѣненъ устройствомъ при читальной залѣ особаго дежурства, состоящаго изъ четырехъ чиновниковъ и одного, главнаго надъ ними, распорядителя, съ званіемъ *завѣдывающаго дежурствомъ*, а также и опредѣленіемъ особаго чиновника для записыванія въ реестры и раздача по отдѣленіямъ приобрѣтеній Библиотеки, съ званіемъ *регистратора*.

По части хозяйственной никакихъ особенно-важныхъ переменъ не произошло. Случайные доходы Библиотеки въ 1853 году были слѣдующіе: отъ продажи дублетовъ и изданій ея выручено 6,698 руб. 35½ коп., отъ мелкихъ хозяйственныхъ оборотовъ — 263 руб. 61½ коп., пожертвовано дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Погодинымъ 5,000 руб. и тайнымъ совѣтникомъ И. М. Толстымъ — 50 руб.; кромѣ-того, розничная продажа медалей и монетъ изъ коллекціи, пожертвованной петербургскимъ купцомъ, надворнымъ совѣтникомъ Новиковымъ, доставила 1,821 руб. 1 коп.

Изъ числа мѣръ по внутренней отдѣлкѣ и благоустройству Библиотеки слѣдуетъ упомянуть о перенесеніи въ первую приемную залу, взамѣнъ находившихся тутъ иностранныхъ сочиненій по части естествознанія, драгоценнаго собранія старопечатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ, отъ первыхъ начатковъ книгопечатанія въ Краковѣ (1491) до конца царствованія Петра-Великаго. «Такимъ образомъ (говорится въ «Отчетѣ») вступающій нынѣ въ Библиотеку — эту «сѣкровищницу плодовъ ума человѣческаго всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ — встрѣчаетъ, при первомъ въ нее шагѣ, печатные славянскіе «памятники, одинаково драгоценные и для Русскаго и для соплеменныхъ единовѣрцевъ его».

Хотя, по числу и важности новыхъ пріобрѣтеній, прошлый годъ и нельзя поставить въ-уровень съ 1852-мъ, который «Отчетъ» справедливо называетъ «безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ Библиотеки», однако и нынѣ приращеніе ея было значительно. Печатныхъ книгъ поступило въ нее: по Высочайшимъ повелѣніямъ и распоряженіямъ начальства, 173; по закону: книгъ, брошюръ и выпусковъ — 3,179, листовъ — 418; отъ частныхъ приношеній: книгъ и брошюръ — 2230, отдѣльныхъ листовъ — 44; куплено самою Библиотекою 7279; всего 13,323 тома. Кромѣ-того, получено изъ всѣхъ источниковъ: географическихъ картъ и плановъ 41, гравюръ и литографій — 324, музыкальныхъ пьесъ — 306, каллиграфическихъ руководствъ — 6; рукописей и автографовъ, доставлено по Высочайшимъ повелѣніямъ 2, пожертвовано частными лицами — 35, куплено Библиотекою — 60, всего 97.

Печисленіе главнѣйшихъ только пріобрѣтеній занимаетъ въ «Отчетѣ» тридцать-семь (21—49 и 81—88) страницъ. Тутъ столько любопытнаго для каждаго библіофила и библіографа, преимущественно же для того, кто имѣетъ возможность пользоваться сокровищами нашей Библиотеки, что было бы непростительно не указать хотя нѣкоторыя изъ новыхъ ея пріобрѣтеній.

«Изъ числа приношеній, между книгами русскими (говорится въ «Отчетѣ») драгоценнѣйшимъ должно почесть младостный даръ Государя Великаго Князя Константина Николаевича, которому благоудно было пожаловать Библиотеку, между прочимъ, экземпляры всѣхъ предварительныхъ

работу по Высочайше утвержденному въ прошломъ году *Морскому Уставу*, въ томъ числѣ и записки по сей части, литографированныя въ Венеціи въ 1852 году, во время пребыванія тамъ Его Высочества. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ привѣчательнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ нынѣшняго царствованія мы хранимъ и всѣ къ нему матеріалы, часть которыхъ, особенно же *литографированныя въ Венеціи на русскомъ языкѣ записки*, составляютъ уже и теперь библиографическую рѣдкость.»

Почетный членъ Библіотеки князь М. А. Оболенскій принесть ей въ даръ пятый томъ *Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ* — изданіе, которое, по нѣкоторымъ причинамъ, остановилось и не поступило въ продажу; Н. С. Тихонравовъ — *Юридическій Словарь* Ланганса, напечатанный въ Полоцкѣ, въ іезуитской типографіи (1794); почетный членъ Библіотеки, извѣстный бібліофилъ С. Д. Полторацкій — *первый русский адресъ-календарь 1765 года и полныя экземпляры первыхъ Московскихъ Вѣдомостей 1703 и 1704 годовъ*; воронежскій помѣщикъ С. Е. Лачиновъ — 145 нумеровъ тѣхъ же *Вѣдомостей* за 1703—1712 годы, которыми особенно пополнились находившіеся въ Библіотекѣ экземпляры 1705 и 1706 годовъ; бібліографъ В. М. Ундольскій — напечатанный имъ въ 1848 году, въ Москвѣ, въ самомъ небольшомъ количествѣ экземпляровъ *Каталогъ славяно-русскихъ книгъ церковной печати бібліотеки Кастерина*; почетный корреспондентъ Библіотеки ксендзъ Малышевичъ — *Краткое сословіе науки христіанскія*, напечатанное въ Супраслѣ (1759); молодой бібліофилъ Г. Н. Геннади — *первое* латинское изданіе *Путешествія по Россіи* Герберштейна, столь рѣдкое, что оно не было даже въ рукахъ его біографа, Аделунга; франкфуртскій книгопродавецъ Юсифъ Беръ — первое, необычайно-рѣдкое (оно было истреблено англійскимъ правительствомъ вслѣдствіе ходатайства англичанъ, имѣвшихъ торговля дѣла съ Россією) изданіе Флетчерова *Of the russian common wealth* (1591).

Изъ числа собственныхъ покупокъ въ 1853 году, по части печатныхъ книгъ, упомянемъ о 256, недостававшихъ ей театральныхъ пьесахъ изъ бібліотеки недавно-умершаго драматическаго писателя Эттингера (заглавія десяти изъ нихъ, неизвѣстныхъ бібліографамъ, приведены въ «Отчетѣ») и о довольно-значительномъ собраніи романовъ русскихъ конца прошлаго столѣтія и начала нынѣшняго, большая часть которыхъ теперь сдѣлалась рѣдкостью.

Исчислить поименованныя въ «Отчетѣ» особенно-замѣчательныя по драгоцѣнности или многотомности иностранныя книги, приобрѣтенныя въ 1853 году Библіотекою, не позволяютъ намъ предѣлы журнальной рецензіи, а потому, отсылая любопытныхъ къ самому «Отчету», выпишемъ изъ него нѣсколько строкъ о Восточномъ Отдѣленіи нашего книгохранилища.

«Отдѣленіе печатныхъ книгъ на восточныхъ языкахъ (говоритъ г. директоръ библіотеки), довольно уже обильное матеріалами для изученія языковъ арабскаго, турецкаго и персидскаго, въ 1853 году обогащено и по санскритскому его разряду, дотолѣ, сравнительно, довольно бѣдному. Теперь есть у насъ и *Рамайяна* въ подлинномъ текстѣ и въ итальянскомъ переводѣ, и *Мазабаратта* съ *Гаривансою*, какъ въ калькуттскихъ, такъ и въ менѣе цѣнныхъ европейскихъ изданіяхъ, а сверхъ этихъ основныхъ памятниковъ санскритской литературы, мы запаслись и ключемъ, дающимъ любознательности доступъ къ ея изученію, именно сочиненіями и изданіями Боппа, Лассена, Штенцлера, Ленца, Мюллера и пр.»

Скажемъ нѣсколько-подробнѣе о рукописяхъ, поступившихъ въ Библиотеку. Вотъ замѣчательнѣйшія изъ нихъ: 1) записки на французскомъ языкѣ, приписываемыя Вильбуа, значительная часть которыхъ, но вѣроятно по другому списку, какъ это доказывается вариантами, вошла въ книгу, напечатанную въ Парижѣ (1852) Теофиломъ Галле (Hallez) подъ заглавіемъ: «*Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la cour de Russie sous les règnes de Pierre le Grand et de Cathérine I, redigés et publiés pour la première fois d'après les manuscrits originaux du Sieur de Villebois.*» Вотъ что сказано объ этой рукописи въ «Отчетѣ»:

«На заглавномъ листѣ нашей рукописи имѣется слѣдующая замѣтка: *«Ce manuscrit rare et précieux vient d'un Ministre de France, résidant à la cour de Russie du temps de Pierre et témoin de tous les faits qu'il avance.* Если позволено, по разнымъ обстоятельствамъ и даже по самой этой замѣткѣ, думать, что помянутыя записки принадлежать не Вильбуа, а дипломатическому агенту какой-нибудь иностранной державы, находившемуся тогда при дворѣ Петра Великаго, и названы именемъ Вильбуа (въ Каталогѣ Парижской Императорской Библиотеки) только потому, что въ нихъ помѣщена его біографія, то во всякомъ случаѣ онѣ содержать въ себѣ много замѣчательнаго и нашъ манускриптъ не теряетъ своей цѣны и послѣ книги г. Галле, по представляющимся въ немъ, какъ уже упомянуто, вариантамъ.»

Рукопись эта обращена въ Публичную Библиотеку по Высочайшему повелѣнію. 2) Собственноручный журналъ (на нѣмецкомъ языкѣ), веденный извѣстнымъ лифляндскимъ историкомъ *Гадебушемъ*, съ 7 іюня по 21 ноября 1767 года, во время нахождения его въ Москвѣ, куда онъ былъ посланъ депутатомъ отъ города Дерпта въ комиссію для составленія новаго уложенія; доставленъ барономъ М. А. Корфомъ. 3) Автографъ *Альфери* (отъ С. А. Соболевскаго). 4) Собраніе рукописныхъ драматическихъ сочиненій изъ библіотеки *Эттингера*, большая часть которыхъ еще не являлась въ печати. При «Отчетѣ» находитъ полный списокъ этихъ пьесъ, состоящій изъ 58 номеровъ. Этотъ списокъ будетъ нелишнимъ пособіемъ для занимающихся исторією нашей драматической литературы. 5) Двѣ подлинныя рукописи,

принадлежавшія графу Андрею Артамоновичу Матвѣеву. Первая заключаетъ въ себѣ копіи съ дипломатическихъ депешей, которыя ежедневно посылалъ Матвѣевъ изъ Гаги къ Петру-Великому въ Москву. Всѣхъ донесеній, или депешей, занесенныхъ въ книгу собственноручно Матвѣевымъ, 143 (съ 31 января 1700 по 23 октября 1702 года).

«Въ этихъ донесеніяхъ Матвѣева (сказано въ «Отчетѣ») раскрываются передъ читателемъ дипломатическія хитрости европейскихъ державъ по запутанному вопросу объ испанскомъ наслѣдствѣ, волновавшему тогда западную Европу, и по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ второстепенной важности; съ другой стороны, въ нихъ заключаются многія свѣдѣнія какъ о дѣйствіяхъ нашего посланника Возицына въ Константинополь къ заключенію мира съ Оттоманскою Портою, такъ и о великой сѣверной войнѣ, положившей прочное основаніе могуществу и значенію Россіи. Въ послѣднемъ отношеніи рукопись особенно любопытна. Рядомъ съ заимствованіями изъ газетъ нѣмецкихъ и голландскихъ, старавшихся всѣми мѣрами представлять событія этой войны въ превратномъ видѣ, къ нашей невыгодѣ, Матвѣевъ помѣщалъ въ своихъ донесеніяхъ и слухи, ходившіе въ Гагѣ о намѣреніяхъ и распоряженіяхъ Московскаго Двора, и свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій, которыя онъ успѣвалъ извлекать изъ своихъ разговоровъ съ разными дипломатическими агентами при Голландскихъ Штатахъ. Такъ, между прочимъ, въ одной изъ своихъ депешей онъ доносилъ Петру Великому, что французскій посланникъ при стокгольмскомъ дворѣ Гискаръ писалъ въ Гагу, что онъ участвовалъ въ сраженіи при Нарвѣ и будто-бы его исключительно совѣтамъ Карлъ XII обязанъ одержанной надъ нимъ побѣдѣ. Изъ другихъ донесеній мы узнаемъ, что Голландскіе Штаты не были расположены къ Петру Великому и что, по настоянію шведскаго посла, они едва было не подали помощи нашему врагу, отъ чего были удержаны, какъ кажется, только усиліями знаменитаго амстердамскаго бургомистра Витсена, искренно приверженнаго къ Россіи и къ юному ея монарху. Сверхъ-того, Матвѣевъ сообщалъ о печатавшихся въ Голландіи, по распоряженію шведскаго посланника, многихъ летучихъ листкахъ и каррикатурахъ, изъ которыхъ одна была даже приклеена на ворота дома Матвѣева. Наконецъ онъ описываетъ аудіенціи свои у англійскаго короля Вильгельма III, посѣщавшаго, въ теченіе этого времени, нѣсколько разъ Голландію, и отзывы сего послѣдняго о Петрѣ Великомъ.»

Во второй рукописи заключается: а) дневникъ Матвѣева, веденный имъ въ 1705 году на пути изъ Гаги въ Парижъ, куда онъ былъ отправленъ Петромъ-Великимъ для заключенія торговаго договора съ Франціею, и б) описаніе французскаго двора и исчисленіе составлявшихъ его въ то время лицъ. Какъ собраніе драматическихъ пьесъ, такъ и двѣ матвѣевскія рукописи куплены Библіотекою.

Работы по описанію Библіотеки продолжались и въ прошломъ году съ прежнимъ постоянствомъ. Подробности о томъ, на сколько подвинулось впередъ составленіе каталоговъ по каждому отдѣленію, находятся на 52 — 60 страницахъ «Отчета». Затѣмъ сообщаются свѣдѣнія о

новыхъ ученыхъ трудахъ подвѣдомственныхъ Библиотекъ чинимъ. Считаеиъ нелишнимъ указать на эти труды.

Старшій библиотечаръ г. Мишцлофъ составлялъ описательный каталогъ дублетовъ, которые были проданы въ мартѣ нынѣшняго года съ публичнаго торга. Каталогъ этотъ былъ, какъ извѣстно, напечатанъ. Этотъ же ученый собралъ отрывки древнихъ, меноявлявшихся до-сихъ-поръ въ печати и большою-частью выисканные изъ старыхъ переплетовъ древнихъ нѣмецкихъ рукописей; отрывки эти, вкѣстѣ съ полнымъ описаніемъ *всѣхъ* нѣмецкихъ манускриптовъ Библиотеки до XV-го вѣка, изданы подъ заглавіемъ : *Die altsdeutschen Handschriften der kaiserlichen Oeffentlichen Bibliothek.*

Изданы также описаніе и разборъ, на нѣмецкомъ языкѣ, четырехъ дракоциныхъ сирійскихъ рукописей, вриобрѣтенныхъ въ 1852 году Библиотечкою. Этотъ трудъ принадлежитъ старшему библиотечарю, академику Дергу, оказавшему такую важную услугу ученому міру составленіемъ каталога восточныхъ рукописей нашего книгохранилища.

Библиотечаръ Русскаго Отдѣленія, г. Бычковъ, также трудится по-сильно: изъ «Отчета» мы узнаемъ, что онъ приготавливалъ *материалы* къ подробному описанію погодинскаго собранія, поступившаго въ Библиотечку. Изъ печатныхъ, весьма-лестныхъ отзывовъ г. Погодина мы знаемъ, что составленіемъ каталога этого же древлехранилища занимался и г. Бяляевъ; но чѣмъ кончились его занятія — свидѣнія не имѣемъ.

Въ заключеніи «Отчета» находимъ извѣстіе о числѣ лицъ, пользовавшихся Библиотечкою въ 1853 году. Годичныхъ билетовъ для чтенія выдано 2064. Цифра эта служитъ утѣшительнымъ доказательствомъ, что потребность чтенія развивается у насъ съ каждымъ годомъ. Въ 1851 году такихъ билетовъ было выдано 1928, а въ 1849, то-есть послѣднемъ до присоединенія Библиотеки къ составу Министерства Двора, всего 896. Читателей въ общей читальной залѣ было въ 1853 году 17,897 (въ 1852 году — 15,110); ими потребовано для чтенія: на русскомъ языкѣ 23,062, на иностранныхъ языкахъ 9,283 тома, всего 32,345 (въ 1852 году 27,587). Сверхъ-того, работали непосредственно въ отдѣлахъ 75 человекъ, получившихъ на то разрѣшеніе въ 1853 году, и большая часть изъ 73 лицъ, получившихъ такое разрѣшеніе еще въ 1852 году.

Постоянно-возрастающее въ послѣднее время сочувствіе къ библиографіи, которая долго была совершенно-чужда большинству нашей публики, безпрестанно появляющіеся новые дѣятели по этой части и множество собираемыхъ и разрабатываемыхъ материаловъ для исторіи нашей литературы, которыми, можно сказать, загромождаются кабинеты ученыхъ, занимающихся этою спеціальностью, дѣлаютъ все болѣе-и-болѣе ощутительною потребность публичнаго органа, исключительно посвященнаго русской библиографіи. Кому, какъ не Императорской Публичной Библиотекѣ, привести въ исполненіе эту мысль, давно-заж-

мающую нашихъ библиографовъ и историковъ литературы? Будучи главнымъ хранилищемъ памятниковъ русской словесности, Библиотека не могла ли бы, при содѣйствіи ученыхъ, быть и распространительницею знаній объ исторіи и современномъ ходѣ отечественной литературы? Не говоря ужь о пользѣ, какую могъ бы принести наукѣ библиографическій журналъ въ родѣ, напримѣръ, известнаго «Bulletin du bibliophile belge», укажемъ, какъ на настоятельную потребность, даже какъ на необходимость — на изданіе библиографическаго сборника. Вотъ какой планъ, по нашему мнѣнію, которое мы, разумѣется, подчиняемъ мнѣнію просвѣщеннаго начальства Библиотеки, соответствовало бы наиболѣе цѣли. Сборникъ долженъ былъ бы распадаться на три отдѣленія. Въ первомъ, исключительно-посвященномъ обнародованію матеріаловъ для исторіи литературы и библиографіи, должны бы печататься нежданная донынѣ сочиненія, письма и другія любопытныя бумаги нашихъ писателей, или же перепечатываться рѣдкія брошюры и даже цѣлыя книги, предсловія изъ старыхъ книгъ, представляющія обыкновенно столь много интереснаго, статьи изъ періодическихъ изданій, невошедшія въ собранія сочиненій ихъ авторовъ, и проч. Второй отдѣлъ долженъ бы заключать въ себѣ ученые изслѣдованія, библиографіи писателей, составленныя не по источникамъ, критическую разработку и оцѣнку библиографическихъ и литературныхъ матеріаловъ, и проч. Въ третье отдѣленіе должно бы входить все, чему можно дать названіе библиографической смѣси, а именно: списки и матеріалы для списковъ сочиненій и изданій писателей, извѣстія о книжныхъ рѣдкостяхъ, о библиотекахъ, о новыхъ открытіяхъ въ области книгопечатанія, поправки и пополненія нѣкоторыхъ источниковъ, сличенія разныхъ изданій и ихъ варианты и тому под. Что такой сборникъ имѣлъ бы большой успѣхъ, ручательствомъ служить сочувствіе, съ какимъ публика встрѣчаетъ библиографическія и историко-литературныя изслѣдованія даже въ неспеціальныхъ журналахъ.

Уже не одна изъ надеждъ, возложенныхъ нашими учеными на постоянно-расширяющійся кругъ дѣятельности и вліянія Императорской Публичной Библиотеки, нынѣ блистательно оправдана. Смѣемъ думать, что просвѣщенное начальство ея не оставитъ безъ вниманія и нѣсколько строкъ нашихъ о дѣлѣ, которое интересуется всѣхъ русскихъ библиографовъ.

Федонъ, или о безсмертіи души, Моисея Мендельсона. *Переводъ съ нѣмецкаго.* В. Мызникова. *Изданіе второе.* Тифлисъ. 1854. Въ 8 д. л. XXIX и 131 стр.

Мендельсоновъ «Федонъ» въ русскомъ переводѣ достигаетъ втораго изданія! Слѣдовательно, первое изданіе (правда, вышедшее еще въ 1837 году) раскуплено? Это — явленіе утѣшительное въ нашей литературѣ. Г. Мызниковъ пріобрѣтаетъ двойное право на благодарность нашу за свой переводъ, когда мы видимъ, что его переводъ сдѣланъ былъ не

понарасну, не остался навѣки въ книжныхъ магазинахъ, какъ другіе переводы и сочиненія подобаго содержанія, а разошелся въ публикѣ. Объяснимся. Мы радуемся успѣху «Федона» не потому, чтобъ онъ могъ въ наше время считаться основательнымъ трактатомъ о безсмертіи души, а потому, что знакомство съ сочиненіями людей такихъ чистыхъ и благородныхъ душою, возвышеннымъ по уму и по образу мыслей, какъ Мендельсонъ, приносить несомнѣнную пользу читателямъ, хотя бы эти сочиненія уже устарѣли.

Если мы, понимая безпредѣльность разстоянія, отдѣляющаго область истинъ сверхъестественныхъ, въ которыя мы вѣримъ, по Божескому откровенію, отъ земныхъ истинъ, которыя принадлежатъ человѣческому разуму, не считаемъ мендельсонова «Федона» способнымъ вполнѣ убѣдить человѣка въ томъ, въ чемъ убѣждаетъ его только откровенное ученіе вѣры, то считаемъ эту книгу полезною и прекрасною по духу благородства и кротости, которымъ проникнута она, какъ и все, что писалъ Мендельсонъ, оди́нъ изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ людей своего времени, столь богатаго благородными людьми. Личность Мендельсона, къ сожалѣнію, еще очень-мало знакома русской публикѣ, и потому считаемъ небезполезнымъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Мендельсонъ былъ другомъ и сподвижникомъ великаго и благороднаго Лессинга. Этого уже довольно для того, чтобъ обезпечить ему наше уваженіе. Когда, по смерти Лессинга, Якоби началъ чернить его, Мендельсонъ былъ такъ взволнованъ клеветою на образъ мыслей своего покойнаго друга, что это огорченіе, соединенное съ усиленною работою надъ сочиненіемъ, которое бы оправдало великаго мыслителя, было главною причиною его собственной смерти — что лучше этого можетъ доказать необыкновенную возвышенность души самого Мендельсона? Но есть и еще другое знаменитое доказательство того, какъ велика была, при всей энергичности и пламенности характера, доброта, снисходительность и кротость Мендельсона. Фантазёръ Лафатеръ, переведя фантастическую книгу другаго мечтателя, Боннэ и зная, что Мендельсонъ не раздѣляетъ понятій Боннэ, посвятилъ ему свой переводъ, требуя въ предисловіи, чтобъ Мендельсонъ опровергъ мысли, изложенныя въ книгѣ Боннэ, или отказался отъ своего прежняго образа мыслей, какъ несправедливаго. Вызовъ, къ которому Мендельсонъ не подавалъ никакого повода, былъ совершенно неприличенъ и заслуживалъ самаго жестокаго осужденія, или, скорѣе, негодованія, потому-что ставилъ Мендельсона въ положеніе очень-опасное: странныхъ мыслей Боннэ нельзя было опровергать, не навлекая на себя страшнаго мщенія людей, признававшихъ ихъ справедливыми и могшихъ погубить Мендельсона. Мендельсонъ доказалъ это Лафатеру съ такою снисходительностью и кротостью, что Лафатеръ (человѣкъ чрезвычайно-упорный въ своихъ фантазіяхъ и до крайности самолюбивый) понялъ свою ошибку и просилъ извиненія у своего противника. Пригнѣвъ такого торжества немного въ исторіи: вести себя

въ спорѣ такъ, чтобъ самолюбивый противникъ созналъ себя виновнымъ и раскаялся — возможно только для человѣка съ необыкновенною кротостью души.

Произведенія такихъ людей всегда будутъ дѣйствовать на читателя благотворно духомъ истинной любви, отъ нихъ вѣющимъ, хотя бы самыя мысли, въ нихъ доказываемыя, и не вполне соответствовали современному развитію науки. Поэтому смѣло пожелаемъ мендельсонову «Федону» достигнуть на русскомъ языкѣ третьяго и четвертаго изданія. Переводъ г. Мызникова очень-добросовѣстенъ. Языкъ простъ и ясенъ.

Расколъ, обличаемый своею исторіею. Спб. Въ типографіи III Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи. 1854. Въ 8-ю д. л. VIII и 392 стр.

Хотя на заглавномъ листѣ и не выставлено имени автора, однако мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что книга эта вышла изъ-подъ пера нашего извѣстнаго путешественника по святымъ мѣстамъ и духовнаго писателя А. Н. Муравьева: достаточно прочесть нѣсколько страницъ, чтобы, по изящному слогу, по увлекательности изложенія, по силѣ религіознаго убѣжденія и чувства, догадаться, кѣмъ онѣ написаны.

Сочиненіе это восполняетъ довольно-замѣтный пробѣлъ въ нашей церковно-исторической литературѣ. Расколъ и его вредное вліяніе были уже предметомъ множества разсужденій нашихъ богослововъ; но большая часть этихъ сочиненій отличается преимущественно полемическимъ характеромъ. Таковы, напримѣръ, изданный по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича «Жезлъ правленія, утвержденія, наказанія и казненія на пораженіе жестоковѣрныхъ и хитрыхъ волковъ, на стадо Христово нападающихъ» (первое изданіе 1666, второе 1753 года); Іоанна Патріарха «Увѣтъ духовный во утверженіе благочестивыхъ людей, въ увѣреніе же и обращеніе къ покаянію отъ прелести раскольниковъ Святыя Церкви» (изданіе первое 1682, второе 1753, третье 1791 г.); «Разыскъ о раскольниковской брынской вѣрѣ, о ученіи и о дѣлахъ ихъ», св. Дмитрія, митрополита ростовскаго (множество изданій, изъ которыхъ первыя четыре 1745 (М.), 1748 (Кіевъ), 1755 и 1762 (М.); «Правица духовная», Питирима, епископа нижегородскаго (1726 и 1752); «Обличеніе неправды раскольниковскія», тверскаго архіепископа Феофилакта (1745); «Увѣщаніе старообрядцамъ, во утверженіе, въ надежду дѣйствія и любви евангельскія», іеромонаха (впоследствии митрополита московскаго) Платона (изданіе первое 1765); «Отвѣты Никифора, архіепископа славянскаго и херсонскаго, на вопросы, предложенныя ему старообрядцами» (1798 и 1801), и многія другія, менѣе-замѣчательныя. Правда, всѣ эти сочиненія обилуютъ и историческими фактами о расколѣ, но цѣль ихъ — не исторія, а обличеніе, и потому

они могут служить только важнымъ пособіемъ при обработкѣ предмета исторически.

Два собственно-историческія изслѣдованія о расколѣ, справедливо пользовавшіяся извѣстностью до появленія разсматриваемой нами книги, принадлежатъ охтенскому протоіерю Андрею Іоаннову, который самъ былъ обращенъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, изъ раскола, и преосвященному Игнатію, архіепископу воронежскому. Но книга Іоаннова не представляетъ желаемой полноты, а сочиненіе преосвященнаго Игнатія остановилось на первой части за смертью автора.

Новый историкъ раскола съ свойственнымъ ему искусствомъ воспользовался какъ всеми неисчислимыми здѣсь источниками, такъ и многими другими, и представилъ въ стройномъ и послѣдовательномъ разсказѣ исторію двухъ главныхъ вѣтвей раскола — поповщины и безоповщины, происшедшихъ отъ одного корня; другіе толки, извнѣ къ намъ пришедшіе, должны, по справедливому замѣчанію автора, составлять предметъ особаго изслѣдованія.

«Исторія постепеннаго развитія обществъ, раскольниковскихъ есть лучшее противъ нихъ обличеніе», читаемъ мы въ предисловіи. Нѣсколько-далѣ находимъ распространеніе этой мысли и изложеніе цѣли подлежащаго труда. Выпишемъ эти строки, какъ вполнѣ характеризующія книгу. Авторъ говоритъ, что онъ хотѣлъ «въ одномъ небольшомъ очеркѣ, болѣе доступномъ для людей свѣтскихъ, изобразить начало и развитіе раскола, который возникъ по случаю благодѣтельной и столь необходимой мѣры, каково было соборное исправленіе книгъ, и мало по малу, достигъ до такой печальной степени заблужденія»:

«Если бы еще заблуждающіеся желали обрѣсти истину! но теперь уже мало встрѣчается искренности между мнимыми ревнителями старой вѣры, какъ они ее называютъ въ обѣихъ отрасляхъ раскола. Не могутъ они уже такъ слѣпо держаться правилъ прежняго своего быта, потому-что нѣкоторые отбѣнки внѣшняго образованія невольно проявляли и внутрь ихъ общества, хотя и безъ просвѣщенія духовнаго.—И такъ вмѣсто, того, чтобы смотрѣть на нихъ только со стороны церковной, и обращать исключительное вниманіе на книжное изложеніе ихъ мнѣній, можетъ-быть, не менѣе полезно будетъ раскрыть, для нихъ самихъ, исторію ихъ общества, дабы каждый могъ опытно видѣть, какіе горькіе плоды были послѣдствіемъ непослушанія Церкви.—Они продолжаютъ однако горделиво величать себя громкими именами старовѣровъ и старообрядцевъ, какъ бы сохранившіе преимущественно и неизлѣнно вѣру отцевъ, отъ коей давно уклонились, и что весьма страшно: люди неопытные иногда усвоятъ имъ это неправильное названіе, потому-что, съ отдаленіемъ времени теряются точныя свѣдѣнія о началѣхъ ихъ отпаденіи отъ древней Церкви. Посему (продолжаетъ авторъ) неизлѣпный полагая возобновить, и въ памяти православныхъ соотечественниковъ, повѣсть о расколѣ, дабы, на основаніи событій историческихки

и подлиннаго ученія самихъ отступниковъ православія, можно было ждать, до какой степени во внутреннемъ и вѣшнемъ быту своемъ, отдѣлились они не только отъ единства Церкви Православной, но и отъ духа отечественнаго.»

Благая цѣль автора будетъ, конечно, достигнута, потому-что многіе владѣютъ такимъ даромъ убѣжденія, какъ онъ. Мы не излагаемъ содержанія книги, надѣясь, что всѣ интересующіеся исторіею русской церкви и уклоненій отъ нея прочитаютъ вполне самое сочиненіе.

Изданіе очень-красиво.

Священная Исторія въ разговорахъ для маленькихъ дѣтей.
А. Ишимова. Изданіе четвертое. Санктпетербургъ. 1854. Въ 8-ю д. л. 68 стр.

Имя сочинительницы, столь извѣстной своими дѣтскими книгами, и четвертое изданіе, котораго достигла ея «Священная Исторія въ разговорахъ», однаково говорятъ о томъ, что эта книжка вполне соответствуетъ своему назначенію.

Полный курсъ низшей геодезіи съ ея приложеніями: къ военнымъ съемкамъ, строительному искусству, межеванію, сельскому хозяйству и лѣсной съемкѣ. Составилъ А. Лѣве, инженеръ-поручикъ. Въ двухъ частяхъ съ 489 чертежами, помѣщенными въ текстѣ. Санктпетербургъ. Въ тип. Journal de Saint-Petersbourg. 1854. Въ 8-ю д. л. 319 стр.

Эта книга можетъ считаться украшеніемъ не только русской, но и всякой учебной литературы. Она отличается полнотою содержанія, безукоризненнымъ порядкомъ изложенія предметовъ и отличными, даже роскошнымъ изданіемъ, украшеннымъ превосходными полиграфическими чертежами. Итакъ рецензенту, прочитавшему внимательно всю книгу, какъ говорится, отъ доски до доски, остается только упомянуть о ея содержаніи; но и тутъ авторъ помогаетъ ему вполне, потому-что въ началѣ своего сочиненія приложилъ содержаніе не только частей и отдѣленій, но и *параграфовъ*.

Книга раздѣлена на двѣ части, изъ которыхъ въ первой предложены *основныя дѣйствія низшей геодезіи*; во второй — *приложенія низшей геодезіи*. Въ первой части шесть отдѣловъ: 1) предварительныя понятія, 2) измѣреніе линій на мѣстности, 3) измѣреніе угловъ или, точнѣе, описаніе углоуѣрныхъ снарядовъ, 4) употребленіе углоуѣрныхъ снарядовъ, 5) съемки участковъ и 6) нивелированіе; во второй же части пять отдѣловъ, указанныхъ въ самомъ заглавіи книги. Не имѣемъ надобности выписывать содержаніе каждаго параграфа; замѣтимъ только, что изъ углоуѣрныхъ снарядовъ совершенно-удовлетворительно описаны прямолинейный и круглый верньеры, или

ноніусы, транспортиръ, астролябія, теодолитъ, высотомѣры, отражательные инструменты, линейка Нетто, рефлаторъ Дугласа, катоптрическій циркуль Гешеля, буссоли, мюнхенская мензула, кипрегель и дальномѣръ.

Книга начинается небольшимъ «предисловіемъ», въ которомъ авторъ справедливо говоритъ, что «этотъ курсъ можетъ служить также пособіемъ при преподаваніи геометріи и тригонометріи, какъ собраніе многихъ практическихъ задачъ». Это замѣчаніе совершенно оправдывается третьимъ отдѣломъ второй части (межеваніе), гдѣ преподаватели геометріи найдутъ прекрасные примѣры для вычисленія площадей прямолинейныхъ фигуръ и ихъ дѣленія подъ разными условіями.

Можно надѣяться, что книга г. Лёве не залежится въ книжныхъ лавкахъ, и, безъ-сомнѣнія, скоро потребуется второе ея изданіе: тогда, по нашему мнѣнію, авторъ долженъ принять на себя трудъ исправить нѣкоторыя темныя и неловкія выраженія и нѣкоторыя ошибочныя опредѣленія. Такъ въ предисловіи мы худо понимаемъ слѣдующую фразу: «Первая часть книги заключаетъ въ себѣ положеніе науки, изложенное и проч.». *Положеніе, изложенное?* И что значить *положеніе науки?* «Откладывающая цѣпь или жезлъ на землѣ» — выраженіе неправильное: предлогъ *на* не можетъ стоять послѣ глагола, соединеннаго съ предлогомъ *отъ*. «При этомъ должно наблюдать, чтобы линіи, составляющія ломаную, были по возможности длиннѣе». Чего длиннѣе? Такія неправильныя выраженія сочинитель употребляетъ весьма-часто. Что жъ касается до ошибочныхъ опредѣленій, то, для примѣра, указываемъ на первую страницу, гдѣ напечатано: «Плоскость, перпендикулярная къ плоскости вертикальной, называется *горизонтальною*». Съ перваго раза мы подумали, что это просто опечатка, но, не нашедши ея въ числѣ «опечатокъ», выставленныхъ въ концѣ книги, считаемъ обязанностью обратить вниманіе автора на такой вопіющій промахъ. Горизонтальная плоскость перпендикулярна не къ *вертикальной плоскости*, но къ *вертикальной линіи*. Относительное положеніе двухъ плоскостей не опредѣляется перпендикулярностью одной къ другой: надобно еще знать и положеніе той прямой линіи, по которой онѣ взаимно пересѣкаются, такъ-что къ данной плоскости можно вообразить множество перепендикулярныхъ плоскостей, которыя могутъ быть и параллельныя между собой и взаимно-пересѣкаемыя: которая же изъ нихъ будетъ плоскость горизонтальная? Признаемся, такой недосмотръ въ самыхъ первыхъ строкахъ книги произвелъ на насъ столь непріятное впечатлѣніе, что мы едва не отложили ея въ сторону, и еслибы не побѣдили своего предубѣжденія, то лишились бы удовольствія прочесть во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательное и полезное сочиненіе и пропустили бы случай увѣдомить о немъ многихъ изъ нашихъ читателей, для которыхъ оно совершенно-необходимо.

Проектъ Ломоносова и Экспедиція Чижагова. Изданіе Гидрографическаго Департамента. С.-Петербургъ. Въ Морскоѣ Типографіи. 1854. Въ 8-ю д. л. С. и 150 стр.

Въ послѣдніе годы жизни Ломоносовъ задумалъ привести въ исполненіе два совершенно-различныя проекта. Одинъ изъ нихъ представлялъ былъ въ 1763 году его высочеству генерал-адмиралу Павлу Петровичу, другой — Ивану Ивановичу Шувалову. Тотъ и другой «отъ усердія къ пользѣ отечеству произошли»; но по содержанію своему они совершенно-различны. Сочиненіе, представленное великому князю, заключаетъ въ себѣ «Краткое описаніе разныхъ путешествій къ сѣвернымъ морямъ, и показаніе возможнаго прохода Сибирскимъ Океаномъ въ Восточную Индію»; въ письмѣ къ Шувалову Ломоносовъ предлагаетъ мѣры, которыя могутъ способствовать «размноженію и сохраненію російскаго народа». Впрочемъ, одна мысль — мысль о «благополучіи государства русскаго» вызвала оба названныя нами сочиненія. Ломоносовъ самъ говоритъ въ предисловіи къ своему описанію разныхъ путешествій: «Благополучіе, слава и цвѣтущее состояніе государствъ отъ трехъ источниковъ происходитъ. Первое, отъ внутренняго покоя, безопасности и удовольствія подданныхъ; второе, отъ побѣдоносныхъ дѣйствій противъ непріятеля, съ заключеніемъ прибыточнаго и славнаго мира; третье, отъ взаимнаго сообщенія внутреннѣхъ избытковъ съ отдаленными народами чрезъ купечество» (стр. 9). Ломоносовъ видѣлъ, что «Россійская Имперія внутреннимъ изобильнымъ состояніемъ и громкими побѣдами съ лучшими Европейскими Статами равняется, многія превозходить» (тамъ же). Въ многомъ видѣ представлялись ему два другіе источника государственнаго благосостоянія: 1) «безопасность и удовольствіе подданныхъ» и 2) «взаимное сообщеніе внутреннѣхъ избытковъ съ отдаленными народами». Выросши самъ среди народа, Ломоносовъ лучше другихъ могъ замѣтить, какія условія мѣшали «размноженію и сохраненію» его. Изъ своей прежней жизни въ кругу крестьянъ вынесъ онъ богатый запасъ самыхъ разнообразныхъ и меткихъ замѣчаній о бытѣ низшаго сословія въ то время. Результаты своихъ наблюденій и планы для устраненія различныхъ обстоятельствъ, препятствующихъ благосостоянію народному, изложилъ онъ въ упомянутомъ письмѣ къ Шувалову. Съ другой стороны, «разсудивъ нѣкоторыхъ Европейскихъ Державъ пространное и сильное сообщеніе разными торгами со всѣми частями свѣта, и малость оныхъ противъ Россійскаго владѣнія», Ломоносовъ не могъ отрещись, что мы весьма далеке отъ нихъ остались». Желаніе способствовать развитію внѣшней торговли русской вызвало проектъ о возможности прохода Сибирскимъ Океаномъ въ Восточную Индію. Къ-сожалѣнію, письмо къ Шувалову, отличающееся практичностью и дальновидностью предложенныхъ въ немъ мѣръ, осталось безъ всякаго дѣйствія; по-крайней-мѣрѣ, ничего неизвѣстно о послѣдствіяхъ этого посланія; за-то тѣмъ съ большимъ рвеніемъ принялись за ис-

исполнение другого проекта, который основанъ былъ на Ломоносовской теоріи электричества. Подъ начальствомъ Чичагова снаряжена была экспедиція для отысканія прохода Съвернымъ Океаномъ въ Камчатку (14-го мая 1764 года). Начальнику экспедиціи дана была изъ Государственной Адмиралтейской Коллегіи инструкция. Издатель «Проекта», г. Соколовъ, говоритъ : «Хотя мы и не имѣемъ оригинала этой инструкции, пользуясь для напечатанія оной копіею, но нисколько не сомнѣваемся въ ея подлинности, утверждаясь на современныхъ официальныхъ дѣлахъ» (стр. XXIX). Печатавъ эту инструкцію, лѣтъ семь тому назадъ, въ «Запискахъ Гидрографическаго Департамента Морскаго Министрства», вмѣстѣ съ другими подробностями о проектѣ, г. Соколовъ очень-основательно замѣтилъ, что, вѣроятно, она написана Ломоносовымъ (потому-что вътъ прямого указанія на автора инструкции). Окончательное подтвержденіе этому предположенію можетъ дать перечень черновыхъ бумагъ Ломоносова, между которыми показана и «примѣрная инструкция морскимъ командующимъ офицерамъ, отправляющимся къ поисканію пути на Востокъ Съвернымъ Сибирскимъ Океаномъ» ⁽¹⁾. Подлинникъ этой примѣрной инструкции находится у Е. Н. Орловой, и стоить только сравнить инструкцію, напечатанную г. Соколовымъ съ безыменной копіи, чтобъ видѣть, одно ли и то же это сочиненіе. Такъ, думали мы, можетъ быть доказано, что инструкция писана Ломоносовымъ. Г. Галаховъ предложилъ другое соображеніе для доказательства той же мысли. Разбирая статью, написанную г. Тихонравовымъ по этому поводу, онъ говоритъ : «Все это очень-дѣльно и основательно; но мы не знаемъ, почему, при сводѣ разныхъ указаній, г. Тихонравовъ умолчалъ объ указаніи самого Ломоносова, который въ рапортѣ о своихъ трудахъ и занятіяхъ, подъ 1755 годомъ, показываетъ : «Сочинилъ письмо о Съверномъ ходу въ Ость-Индію Сибирскимъ Океаномъ» На это получили мы отъ г. Тихонравова слѣдующее возраженіе :

«Не знаемъ, почему слова, сказанныя Ломоносовымъ о письмѣ (которое было представлено наследнику престола въ видѣ проекта) г. Галаховъ относятъ къ инструкціи : послѣдняя не имѣетъ ничего общаго съ письмомъ и написана уже тогда, когда одобрены были мысли, изложенныя въ письмѣ. Въ принадлежности письма Ломоносову никто не сомнѣвался; рѣчь шла объ авторѣ инструкции, и свидѣтельство Ломоносова, приведенное г. Галаховымъ, не имѣетъ отношенія къ инструкции. «Ясно (продолжаетъ г. Галаховъ), что Ломоносовъ давно замышлялъ проектъ свой. Почему же это письмо, или инструкция (дѣло не въ названіи), сочиненное въ 1755 году, пущено въ ходъ лѣтъ семь или восемь послѣ?» Ясно, что г. Галаховъ смѣшалъ письмо съ инструкціею. Впрочемъ, эта ошибка нашего известнаго критика очень-

(1) Вельтмана : Портфель служебной дѣятельности Ломоносова въ «Очеркахъ Россіи» (часть II).

извнителя : письмо Ломоносова, изданное г. Соколовымъ еще въ 1847 году, почти совершенно не было известно въ литературѣ, и при самомъ появленіи въ свѣтъ сдѣлалось почему-то библиографическою рѣдкостью, которой не было въ книжной торговлѣ (1).

Мы потому остановились на авторѣ инструкціи, что самая исторія проекта Ломоносова и экспедиціи Чичагова очень-подробно и дѣльно изложена г. Соколовымъ въ обширномъ введеніи, предпосланномъ самому сочиненію Ломоносова. Г. Соколовъ принадлежитъ къ числу самыхъ добросовѣстныхъ изслѣдователей исторіи морскаго дѣла въ Россіи. Его превосходный библиографическій трудъ, «Русская морская бібліотека», имѣетъ въ виду указать всѣ изданныя на русскомъ языкѣ сочиненія по морской части. Нельзя не благодарить его и за новое изданіе рукописи Ломоносова, «съ присовокупленіемъ всѣхъ относящихся къ ней подробностей, напечатанныхъ въ V, VI и IX частяхъ Записокъ Гидрографическаго Департамента, съ прибавленіемъ Высочайшаго указа о назначеніи экспедиціи Чичагова, также съ нѣкоторыми, малозначительными впрочемъ, поправками и перемѣщеніями въ статьяхъ нужными для ихъ полноты и цѣлости». Изъ этихъ словъ г. Соколова можно видѣть, какими измѣненіямъ подверглась отдѣльные и въ различное время напечатанныя статьи о проектѣ Ломоносова, сливаясь въ одно цѣльное сочиненіе. Самое письмо Ломоносова осталось въ прежнемъ видѣ; къ экземплярамъ перваго изданія г. Соколовъ прибавилъ только вновь-напечатанное введеніе и далъ книгѣ новое заглавіе. Желаемъ, чтобъ въ этомъ видѣ произведеніе Ломоносова имѣло болѣе успѣха, чѣмъ въ прежнемъ.

Русская Старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества. Составлена А. Мартыновымъ. Текстъ соч. П. Снегирева. Годъ пятый. Тетрадь четырнадцатая. Въ листъ. 137—142 стр. и шесть рисунковъ. Москва. 1853. Въ тип. В. Готье.

Литографіи этой тетради изображаютъ 1) дворецъ или палаты царевича Дмитрія въ Угличѣ; 2) Сновидскій Монастырь близъ Владиміра Кляземскаго; 3) соборъ въ городѣ Старицѣ; 4) дворецъ въ селѣ Коломенскомъ; 5) церковь Казанскія Пресвятыя Богородицы, что въ старомъ Сузевѣ, въ Москвѣ, и 6) планы этихъ зданій.

Изъ числа изображенныхъ здѣсь намятниковъ самый любопытный — древній соборъ города Старицы, теперь ужъ несуществующій. «Отъ

(1) Многіе не знаютъ, къ какому году отнести поднесеніе проекта наследнику престола, потому-что г. Соколовъ, издатель сочиненія, относитъ его къ 1763 г., г. Берхъ — къ 1762, митрополитъ Евгеній — къ 1764. Но въ вѣрности словъ г. Соколова нельзя сомнѣваться: годъ посвященіемъ сочиненія Павлу Петровичу самымъ Ломоносовымъ поставлено сентября 20-го дня 1763 года.

этого здания осталось (по словам г. Снегирева) одно грустное воспоминание и рисунки, сохраненные старожиломъ старицкимъ г. Веревкинымъ». Грустное воспоминание г. Снегирева, не заключая въ себѣ ничего существеннаго, не принесло никакой пользы и настоящему изданію; рисунки же г. Веревкина пригодились. Г. Мартыновъ наизографировалъ ихъ въ этой тетради, чрезъ что и познакомилъ публику съ любовнымъ и дѣйствительно весьма-оригинальнымъ памятникомъ. Соборъ построенъ въ 1558 — 1564 годахъ, какъ это видно изъ надписи, бывшей на соборѣ, весьма, впрочемъ, сомнительной. Г. Снегиревъ предлагаетъ эту надпись безъ всякихъ оговорокъ: «О времени «строения и строителя собора (говорить онъ) свидѣтельствуемъ намъ «слѣдующая надпись, на кахлахъ, обходящая (можетъ-быть, обходящая нѣкогда) кругомъ здание подъ большимъ карнизомъ»; затѣмъ приводится самая надпись, исполненная грубыхъ ошибокъ, обличающихъ позднее ея составленіе. Откуда взята авторомъ эта надпись — неизвѣстно. Соборъ, по его же словамъ, существовалъ только до 1803 года. Въ это время онъ разобранъ, и выстроенъ новый соборъ, сооруженный въ новомъ видѣ, на другомъ мѣстѣ, въ разстояніи отъ прежняго во стѣ саженьяхъ. Надпись, безъ-сомнѣнія, также была разобрана и досталась автору въ списокъ, можетъ-быть, невѣрномъ. Отчего жъ бы не упомянуть объ этомъ обстоятельстве и не сказать нѣсколькихъ словъ о достоверности весьма-важнаго въ настоящемъ случаѣ даннаго?

По стилю, описываемый соборъ сходенъ со многими другими храмами, строеными въ XVI столѣтіи и особенно въ первой половинѣ этого столѣтія. Впрочемъ, чрезвычайно-замѣчательенъ своею оригинальностью планъ собора, который совершенно отстаетъ отъ общепринятаго обыкновеннаго плана нашихъ древнихъ церквей.

Само-собой разумеется, что, по поводу собора, авторъ счелъ нелишнимъ вкратцѣ прослѣдить и исторію города Старицы, начертанную, какъ онъ замѣчаетъ, г. Головинымъ. Городъ Старица, именовавшійся первоначально только *новымъ городкомъ*, построенъ въ 1366 году. Въ «1395 году 14 августа, какъ сказано въ Никоновской Лѣтописи: *падъ отъ грому новыи городокъ Тверской на Волгѣ на рѣцѣ на Старицѣ*». Здѣсь показанія начертанной исторіи оказываются нѣсколько неточными. Г. Снегиревъ, по обычной въ его сочиненіяхъ недоглядкѣ, которую обличать мы имѣли случай не одинъ разъ, даже при разборѣ этой же самой «Русской Старицы», замечивалъ свое извѣстіе не изъ Никоновской Лѣтописи, какъ обозначено выше, а изъ 254 примѣчанія къ пятому тому «Исторіи Государства Россійскаго», гдѣ притомъ сказано не *падъ*, а *погорѣ* отъ грому и пр., что имѣетъ смыслъ, ибо упасть или часть отъ грому городъ едва-ли можетъ. Въ Никоновской же Лѣтописи это событіе разсказывается слѣдующимъ образомъ: «Того же лѣта (1395), мѣсяца августа въ 24 день, погорѣ новыи городокъ на Волгѣ, къ Зубцову, Тверскій; загорѣся въ недѣлю порану отъ грому, какъ нача торгъ

снимались, и веста со огнемъ вътръ силѣтъ, и исторіа: пось градъ и церковь святаго Архистратига Михаила» (т. 4 стр. 284). Впрочемъ; исторія города не представляетъ ничего особеннаго любопытнаго; только, еслибъ не указанная недоглядка автора, то мы не обратили бы на нее вниманія читателей.

Само-собою разунется, что каждый ученый, каждый изобретатель, какъ бы добросовѣстно и тщательно ни занимался своимъ дѣломъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ избежать ошибокъ, недосмотровъ, недочетокъ, которыя составляютъ весьма-обширную дань, платимую божешей или меньшей носѣвшности въ трудѣ и вообще въ изученіи избраннаго или предмета... Но есть труды, въ которыхъ ошибки и недогадки представляютъ какъ-бы характеристическую ихъ сторону, въ которыхъ почти каждая страница носить на себѣ яркій отпечатокъ носѣвшности, слѣдственно, какого-то страннаго, неяснаго небреженія не только въ обращеніи съ памятниками, источниками, но даже и въ обращеніи съ своимъ собственнымъ произведеніемъ... Есть даже такіе ученые, которые намѣренно, просто ради остраго слова, некажнотъ не свои свои досужія произведенія, но даже и издаваемые ими древніе памятники. Одинъ археологъ, пользовавшійся большою извѣстностью, издавая однажды «Сказаніе о Мамаевомъ Побойцѣ», включилъ въ число вариантовъ какого-то *Григорья Капустина*, намекая отъи именемъ на современное происшествіе, то-есть происшествіе, которое случилось съ сказаннымъ Капустинимъ во время печатанія упомянутаго «Сказанія» и трепетало интересомъ минуты... Не правда ли, слышно? Мы, пожалуй, когда-нибудь подробно поговоримъ объ этомъ ученомъ анекдотѣ... О трудахъ г. Снегирева мы также, къ-сожалѣнію и по необходимости, должны замѣтить, что они весьма-верѣдко грѣшатъ противъ точности и вѣрности сообщаемыхъ ими данныхъ. Это мы отчасти видѣли уже въ настоящемъ случаѣ... Недавно вышель «Архивъ Историко-юридическихъ Свидѣній» г. Калачова, гдѣ представлонъ длинный-продлинный рядъ подобныхъ неточностей, невѣрностей и недогадокъ въ-отношеніи издавнаго г. Снегиревымъ «Сборника Пословицъ»...

Но обратимся къ «Русской Старинѣ». Какъ одинъ изъ нещогныхъ памятниковъ гражданскаго зодчества, весьма-любопытнотъ такъ-названный дворецъ царевича Дмитрія, или собственно палата, составляющая; во всему вѣроятію, часть прежде-существовавшаго дворца. Въ этомъ отношеніи еще болѣе интересенъ видъ Коломенскаго Дворца, литографированный съ рисунка, сдѣланнаго въ концѣ прошлаго столѣтія Ф. Гальфердингомъ. Къ-сожалѣнію, описаніе этихъ или стѣлъ (какъ пишется въ «Русской Старинѣ») замѣчательныхъ памятниковъ ничего не даетъ любопытству читателей и нисколько не соотвѣтствуетъ ихъ значенію, въ высокой степени важному для исторіи нашего древнаго-гражданскаго зодчества. Авторъ ограничивается только замѣчаніемъ, что «въ стѣлѣ замѣлжт видны слѣды кореннаго русскаго зодчества»

оде его *автор-критическая*. Но какия же это слѣды? въ чемъ заключается порочное русское заочество?... Само-собоео разумеется, что отвѣтитъ на эти вопросы не такъ-то легко, но-крайней-мѣрѣ непростимо-трудно, немалая отдаваться отъ читателя пустомъ образомъ, въ родѣ тѣхъ фразъ, которыя свидѣтельствовали когда-то о готто-маврицано-амбардо-индѣйско-малантико-русскости сталъ нашихъ древнихъ науткишковъ. Авторъ, кажется, убоился въ неосостоятельности подобныкъ обозначеній и въ послѣднее время не употребляетъ ужь этихъ шумныхъ убожествъ; но за-то для него трудно было оставить вообще образу. Какъ въ мѣрѣ ошачкованъ, такъ въ нравственномъ, следовательно и ученомъ, осуществляютъ дикіе марасты, которыя тамсела образовать, потому-что они вошли, такъ-сказать, въ организмъ сущеева, слились съ общими опредѣленіемъ его жизни. Къ такимъ марастамъ, въ ученомъ и литературномъ мѣрѣ, принадлежить любовь къ фразѣ.

Благу, напреднѣрѣ, нужно сказать, что при самозванцахъ въ 1608ъ году въ Сызранѣ и ея оборотъ сгорѣли, то нѣвѣстные авторы никакъ не могутъ употребить этого прѣстала и великаго слова «сгорѣли» — кѣтъ, они непростимо выразятся такъ: *исчезли* или *сгинули*. Но страсть къ фразѣ этикъ не ограничивается: она вноситъ фразу даже въ самую чуждую принадлежность.

Приступая къ описанію церкви Казанской Божіей Матери въ Старицѣ Сущовѣ, г. Снегиревъ говоритъ:

«Прежде нежели коснемся *начала, значенія и судьбы* (!!), изображенной здѣсь на рисункѣ церкви, скажемъ нѣсколько словъ о самой мѣстности ея, тѣмъ болѣе, что она давно получила право гражданства въ исторіи Москвы и тѣсно связана съ бытіемъ самаго храма.»

Мѣстность тѣсно связана съ бытіемъ храма! Такую фразу следовало бы отправить въ «Москвитиницъ» подъ надзоръ неусыпнаго стража — г. Покровскаго, такъ дѣлательно-ошачкованно все, что попадаетъ непроститнаго, но его нѣтъ, въ журналахъ, разумеется, за недовѣреніемъ своего кураторника. Но не въ томъ дѣло: *начало, значеніе и судьбы* храма, что въ старомъ Сущовѣ — вотъ, что насъ интересуетъ. Читателю, и что жь открываешь? Начало означаетъ ни больше ни меньше, какъ только разъясненіе автора о времени постройки храма; *значеніе*... но о значеніи авторъ не говоритъ ни слова; а по поводу *судьбы* замѣчаетъ, что ему неизвѣстно, какия событія ознаменовали существованіе этого храма съ 1685 по 1812 годъ, то-есть отъ времени постройки до времени ремонта, послѣ котораго церковь была перестроена и возобновлена — вотъ и все! Какой ораторскій, великодушный приступъ! — и какое бѣдное, тѣсное продолженіе и заключеніе! Но какъ бы то ни было, нельзя не похвалить, вмѣстѣ со всѣми амбициозными русскими драматическими, что полное изданіе г. Мартынова въ послѣднее время стало приоткрываться: вмѣсто трагъ тотрагій, какъ было прежде, г. Мартыновъ выдаетъ теперь тогда одну трагедію въ годъ.

Достоинство подобныхъ изданій, какъ всякому извѣстно, не въ точности, а въ рисункахъ; это, безъ-сомнѣнія, очень-хорошо понимаетъ и г. редакторъ. Не-уже-ли дѣло стало за рисунками?

Сборникъ извѣстій, относящихся до предстоящей войны, изданный Н. Путиловымъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Э. Веймара. 1854. Книжка I и II. Въ 8-ю д. л. 399 стр.

Г. Путиловъ вознигнулъ счастливую мысль собирать въ одну книгу извѣстия о всѣхъ событіяхъ, печатаемыя въ русскихъ газетахъ относительно нынѣшней войны. Извѣстия, разбросанныя въ періодическихъ изданіяхъ и читаемыя теперь всеми съ такою жадностью, легко теряются, вмѣстѣ съ газетными листками, а потому и забываются, смѣшанныя почти ежедневно новыми и новыми извѣстіями. Необходимо образовать для-нихъ одинъ общій архивъ, куда поступало бы *все*, печатаемое въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ, относительно современныхъ военныхъ и политическихъ событій. Дѣло современнаго собирателя — не пропускать ничего, что содержитъ въ себѣ какое бы то ни было извѣстие о ходѣ политическихъ и военныхъ дѣлъ, не считая ничего маловажнымъ: нѣрѣдко маловажное вначалѣ дѣлается очень-важнымъ впоследствии и можетъ послужить драгоценнымъ указаніемъ для будущаго историка при объясненіи того или другаго факта великой эпохи.

Вотъ почему мысль г. Путилова и оказалась намъ счастливою. Но для полнаго осуществленія ея необходимо, чтобъ редакторъ собиралъ действительно *все*, печатающееся ежедневно въ нашихъ газетахъ и разбѣжалъ въ хронологическомъ порядкѣ. Пусть подраздѣляетъ онъ эти событія на какіе-угодно отдѣлы, для облегченія въ принскиваніи тѣхъ или другихъ свѣдѣній; главное въ томъ, чтобъ эти отдѣлы были полны, чтобъ въ нихъ не было ничего пропущено, будетъ ли это гренадскій, блистательный подвигъ русскаго оружія, или скромное приношеніе на пользу общую. Тутъ должно быть все — полная и подробная дѣйствительность, въ которой современные событія должны отражаться со всѣми своими мельчайшими подробностями. И это тѣмъ удобнѣе слѣзаетъ г. Путилову, что онъ принялся за собираніе извѣстій такъ-сказать при самомъ началѣ дѣла, когда еще все, даже самыя маловажныя происшествія у всѣхъ на свѣжей памяти.

«Сборникъ» раздѣленъ на слѣдующіе отдѣлы: 1) Политическій Отдѣлъ, 2) Дунайская Армія, 3) Закавказская Армія, 4) Черноморскій Флотъ, 5) Патриотизмъ Россіи и 6) Приложение. Извѣстия о военныхъ событіяхъ доведены въ двухъ изданныхъ нынѣ книжкахъ до 6 февраля 1854 г. и они, кажется намъ, полны. Но желая не пожелать, чтобъ отдѣлы первый и пятый были пополнены: мы не находимъ въ нихъ многого изъ того, что было уже напечатано. Впрочемъ, можетъ-быть, г. Путиловъ иначе смотритъ на избранную имъ задачу и правъ съ своей точки зрѣнія — не спорить.

Изданіе не только оцратно, но даже роскошно. Къ первой книжкѣ приложены : портретъ князя Меншикова, видъ Ахалциха и карта плаванія парохода «Владимиръ» во время преслѣдованія египетскаго парохода «Первас-Бахри»; ко второй : портретъ князя Воронцова и планъ синопскаго сраженія.

Къ ружью! Стихотворенія князя П. А. Вяземскаго. Санкт-петербургъ. Въ тип. Я. Трев. 1854. Въ 8-ю д. л. 31 стр.

Откланивъ Русскаго на Высочайшій Манифестъ отъ 9 февраля 1854 года. Народный гимнъ. Сочинилъ А. Месковскій, Санктпетербургъ. Въ тип. Э. Веймара. 1854. Въ 8-ю д. л. 7 стр.

Въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ князь П. А. Вяземскій напечаталъ уже нѣсколько стихотвореній, вызванныхъ нынѣшними событіями. Теперь онъ надалъ ихъ отдѣльною книжкою, присовокупилъ къ нимъ новыя стихотворенія и предоставилъ все изданіе этой книжки въ пользу раненныхъ на войнѣ и осиротѣвшихъ семействъ. Изъ напечатанныхъ уже стихотвореній здѣсь помѣщены : «Пѣснь Русскаго Ратника», «Нахимовъ, Бобутовъ, победы близнецы», и «Современныя Замѣтки»; прибавилъ доселѣ напечатанными шесть стихотвореній, именно : «Къ ружью!», «1854-й годъ» и четыре «Дунайскія Пѣсни». Особенною бойкостью отличается послѣдняя (четвертая) пѣсня :

«Заспѣсившяся Турченокъ,
Онъ зафыркалъ, поднялъ носъ,
Онъ реветъ : я не ребенокъ !
Я и самъ теперь подросъ !

Рѣчью громкой, рѣчью рѣзкой
Ты, голубчикъ, порешь гиль,
Митрофанушка подь феской,
Межъ народами бобыль !

Выросъ ты — чрезчуръ не бреди !
А къ чему жъ, скажи-ка намъ,
Взялъ къ себѣ ты въ няньки : леди,
Да французскую мадамъ ?

Изъ-за нихъ на насъ ты лѣзешь,
Кажешь кукишь въ-горячахъ,
И победы съ-дуру грезидь
На поляхъ и на моряхъ.

Ошибаешься ты въ этомъ,
Какъ ви прячяся, Мустафа !
Хоть за англійскимъ лафетомъ,
Все тебѣ же не лафа.

Знаешь ихъ, задорныхъ янки:
 Навъ тебя не отстоять!
 Дай-ка срокъ! тебя и явнень
 Скоро мы уложимъ спать!»

Прекрасно! Только въ последней строфѣ, видимо въ стихѣ:

«Знаешь ихъ, задорныхъ янки» —

многіе находятъ обмолвку, полагая, что поэтъ ошибочно называетъ англичанъ *янками*: кто жъ не знаетъ, что *янки* есть шуточное прозвание, даваемое англичанами сѣверо-американцамъ, которые въ свою очередь величаютъ англичанъ *джонбулями*? Но мы спѣшимъ заступиться въ защиту князя Вяземскаго, что, вѣроятно, онъ употребилъ здѣсь не английское слово «янки», а русское коренное: *ялька*, такъ объясненное въ «Словарѣ Россійской Академіи»: «*Ялька* — самохвалъ; кто о себѣ самомъ самохваляется; говорить или приписывать, отнюдь все къ себѣ» (Слов. Ак. Рос., томъ VI, стр. 1457).

«Откликъ Русскаго», соч. г. Месковскаго, приноситъ честь горьчему патріотическому чувству автора.

Удалъ русскаго сьддаты, или вотъ каковы наши! Сочиненіе П. Татарникова. *Санктпетербургъ. 1854. Въ 8-ю д. л. 61 стр.*

Война съ Турціею, сочиненіе П. Татарникова. *Санктпетербургъ. Въ 8-ю д. л. 16 стр.*

Книжки, вызванныя современными событіями и приобретающія все свое достоинство отъ патріотическаго чувства, которыми одушевленъ ихъ сочинитель.

Руководство къ зоологіи, составленное по порученію Министрства Народнаго Просвѣщенія для Гимназій, Юліанаго Симашко. *Часть 3-я. Физиологіи. Санктпетербургъ. 1859. Въ тип. Вишебера. Съ 514 по 644 стр. и Указатель ко всему сочиненію XXXVIII стр.*

Этимъ выпускомъ оканчивается «Руководство» г. Симашко; выпускъ заключаетъ въ себѣ *анатомію и физиологію человека*, то-есть тѣ части науки, которыя представляютъ наиболѣе интереса, надъ которыми въ последнее время преимущественно трудились ученые и которыя не только служатъ основною врачевной наукѣ во всѣхъ ея отрасляхъ, но еще даютъ ключъ къ основательному, научному изученію зоографіи.

Говоря о двухъ предыдущихъ выпускахъ «Руководства къ Зоологіи», мы указали, что авторъ, при описаніи классовъ животнаго царства, знакомитъ уже читателей съ анатоміей; но это дѣлаетъ онъ только въ такихъ размѣрахъ, какіе необходимо нужны для обстоятельной характеристики животныхъ. Вышедшая нынѣ часть составляетъ курсъ выс-

шого (7-го) класса гимназии, когда воспитанники уже знакомы съ физикой и имѣютъ даже небольшое понятіе о нѣкоторыхъ химическихъ элементахъ. Если такія-образовъ воспитанники уже подготовлены нѣсколько къ изученію физиологіи, какъ наука, то все же составленіе для нихъ учебника довольно-затруднительно. Смѣло можемъ увѣрить, что учебникъ г. Симашко разрѣшаетъ задачу такъ удовлетворительно, какъ только это возможно при ограниченномъ размахѣ.

Задача состояла въ томъ, чтобы ознакомить читателей возможно-полнѣе съ наукою въ современномъ ея состояніи. Хорошій учебникъ долженъ дать учащемуся понятіе о томъ методѣ, которымъ добыты существующіе выводы и который обезпечиваетъ будущность науки. Въ этомъ главное затрудненіе и главное достоинство книги г. Симашко. Легко написать сочиненіе, наполнить его общими мѣстами, болѣе или менѣе остроумными выводами на основаніи нѣсколькихъ фактовъ, не заботясь о томъ, въ какой степени эти выводы подтверждаются другими фактами. Изученіе науки по такому сочиненію легко, даже завлекательно. Но знакомство съ выводами недостаточно; кто хочетъ изучать науку, тотъ долженъ изучать факты, долженъ знакомиться съ известными наблюденіями и опытами: тогда выводы и заключенія будутъ для него ясны, просты и доказательны. Авторъ, кажется, вполне постигъ важность этихъ идей и добросовѣстно старался объ осуществленіи ихъ; онъ прямо разоблачаетъ предъ учащимся тайна науки, не скрывая, что наука эта далеко еще не закончена, что много въ ней нерѣшенныхъ вопросовъ, но за-то онъ передаетъ все, что вполне считается объясненнымъ и доказаннымъ. Сообразно съ этимъ и самый порядокъ и способъ изложенія заслуживаютъ полнаго одобренія. Порядокъ вполне-логическій. Авторъ начинаетъ съ клѣточки. Въ настоящее время и невозможно сказать что-либо относительно образованія, отнесенія и отравленія различныхъ органовъ, не начиная съ клѣточки, которая есть основаніе, или первый наблюденіямъ доступный элементъ всего, что живетъ. Поэтому въ первой статьѣ изложено эмбриологическое строеніе различныхъ тканей человѣческаго тѣла; затѣмъ помѣщена краткая статья о химическихъ элементахъ; далѣе, подъ заглавіемъ «Отношеніе тканей тѣла къ жидкостямъ и газамъ», сообщаются главнѣйшія общія свойства всѣхъ различныхъ тканей тѣла или явленій анатомическія. Это статья очень-важная; жалѣемъ только о томъ, что она слишкомъ-сжата. За этими тремя вводными статьями слѣдуютъ собственно анатомія и физиологія различныхъ органовъ въ слѣдующемъ порядкѣ: *кровообращеніе* (авторъ начинаетъ съ сердца, что и по нашему убѣжденію весьма-удобно при изученіи), *всасываніе, отдѣленія, выделеніе, пищевареніе, обзоръ всѣхъ явленій питанія*; далѣе, *дыханіе*; наконецъ *нервная дѣятельность*. Такой порядокъ на самомъ дѣлѣ при изученіи физиологіи и анатоміи самый удобный; при всякомъ другомъ порядкѣ чаще потребовалась бы неизбѣжная повторенія.

Способ изложения, принятый въ «Руководствѣ», особенно заслуживаетъ вниманія потому, что авторъ вездѣ старался указать на пункты, которымъ доходили до изложенныхъ матерій. Кроме того, факты, известные изъ наблюденій, опыты и выведенные изъ нихъ заключенія и законы излагаются такъ, что учащійся легко приобретаетъ вполне-ясное понятіе о значеніи различныхъ органовъ. Поэтому и лососью въ этомъ отношеніи особенно отличаются всѣ статьи, касающіяся питания. Результаты превосходныхъ изслѣдованій Бидера и Шмидта также не оставлены безъ вниманія. О микроскопической части всѣхъ различныхъ статей должно сказать то же самое: она обработана особенно-тщательно; видно, что главными источниками служили сочиненія Келликера; изданныя въ новѣйшее время.

По всему этому можно сказать, что «Руководство» г. Симанко въ-отношеніи къ наукѣ, то-есть въ-отношеніи къ вѣрности сообщаемыхъ имъ фактовъ и выведенныхъ изъ нихъ заключеній, заслуживаетъ немалого одобренія, и что оно, поэтому, должно занимать почетное мѣсто въ нашей литературѣ. Не скроемъ, что «Руководство» нечуждо нѣкоторыхъ недостатковъ. По нашему мнѣнію, они происходятъ преимущественно отъ слишкомъ-большой иногда сжатости, отчего нѣкоторыя, впрочемъ, немногія статьи, могутъ быть усвоены учащимся только при помощи преподавателя. Такъ въ статьѣ о нервной дѣятельности есть мѣста несовершенно-ясныя. Напр. о симпатическомъ нервѣ сказано очень-мало: говорится почти только о тѣхъ явленіяхъ, которыя происходятъ при раздраженіи этихъ нервовъ. Слѣдовало бы привести болѣе опытовъ для объясненія вліянія симпатическаго нерва на движеніе различныхъ органовъ и вліянія на него мозга; иначе, значеніе симпатическаго нерва всегда останется неяснымъ, тѣмъ болѣе, что это предметъ еще довольно-темный въ наукѣ.

Долгомъ считаемъ указать и на нѣкоторые пропуски и ошибки, которыхъ въ послѣдующихъ изданіяхъ, вѣроятно, ужь не будетъ. Стрессие лимфатическихъ железъ (стр. 536) можно было бы лучше изложить такъ, какъ это дѣлаетъ Келликеръ; хотя и послѣдній немногіе еще рѣшилъ этотъ вопросъ, но все-таки вѣроятно, что онъ болѣе приблизился къ истинѣ. Къ болѣе-важнымъ пропускамъ должно причислить въ-особенности то, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ не приведены числа, которыя болѣе-нагляднымъ образомъ объясняли бы дѣятельность различныхъ органовъ. Такъ, наиримѣръ, при дыханіи не показаны числа относительно количества дыханія; безъ этого понятія о дыханіи, столь важномъ для тѣла, никакъ не могутъ быть полны. Дыханіе въ разныхъ возрастахъ и въ разные времена дня, у одного и того же индивидуума, какъ всякому извѣстно, различно: поэтому необходимо было привести по-крайней-мѣрѣ таблицу, гдѣ бы и эти обстоятельства являлись. Не показано также количество жидкостей, выходящихъ изъ железъ въ пищеварительный каналъ; не мѣшало бы также привести

челю для показанія количества принимаемой человѣкомъ пищи. Сверхъ-того, мы нашли еще двѣ довольно-странныя ошибки: на 534-й стр. о кровяныхъ шарикахъ сказано, что они по срединѣ *толще*, и точно также на стр. 598 (на 2-й строчкѣ) о мускулахъ говорится, что они на *одномъ*, или *обоихъ* концахъ *утолщены*. Статья о химическомъ составѣ *мала* многихъ вѣроятно не удовлетворитъ тѣмъ, что введена, какъ нѣчто постороннее. Слѣжемъ, въ защиту автора, что физиологическіе процессы очень-мало объяснены съ химической стороны; къ тому же «Руководство» назначено для незнакомыхъ съ органической хміей, и потому хотя эта статья очень-кратка, но, за исключеніемъ двухъ-трехъ неточностей, удовлетворительна.

Вѣтнность 3-ей части «Руководства» также хороша, какъ и вѣтнность двухъ первыхъ.

Мы сказали, что этой 3-ей частью трудъ г. Сивинко оконченъ. Его «Руководство» имѣетъ двойную цѣну: оно снабдитъ тѣхъ, которые не намерены продолжать занятій зоологіею, весьма-полными и достойными свѣдѣніями, изложенными въ строго-научной системѣ, а для будущихъ зоологовъ составитъ превосходное начало или послѣдующій трудъ.

Физиологическая исторія женщины. Устройство женскаго организма; его свойства, особенности и потребности. Развитие, возрастъ и физиологическія состоянія. Сохраненіе здоровья и красоты. Воспитаніе. Книга для матерей и воспитательницъ. Соч. В. Держкера. Санктпетербургъ. 1854. Въ 8-ю д. л. 431 стр.

Книга соответствуетъ своей цѣли, означенной въ заглавіи, какъ руководство для матерей и воспитательницъ при воспитаніи дѣтей, особенно дѣвицъ, въ физическомъ или гигиеническомъ отношеніи, и можетъ быть полезна вообще женщинамъ, которыя найдутъ въ ней дѣльное и новое-несухое изложеніе особенностей женскаго организма, его требованій, и наставленія, какъ сохранять свое здоровье. Намъ особенно понравилось въ этой книгѣ, что наставленія о сохраненіи здоровья составлены не педагогически, и что они возможны къ исполненію: въ нихъ не требуется, наиримѣръ, того, чтобы всѣ женщины непремѣнно ложились спать въ девять часовъ и вставали въ пять, не ѣли ничего сладкаго, вовсе не носили корсета, и исполненія другихъ подобныхъ злѣныхъ условій; напротивъ, авторъ «Физиологической исторіи женщины» даетъ свои гигиеническія наставленія умеренно, старается согласить ихъ по возможности съ общепринятыми обычаями и не требуетъ отъ свѣдѣ читательницъ, чтобъ онѣ, для сохраненія здоровья, одѣвались совершенными аскетками. Распространеніе правильныхъ понятій о физиологій и гигиенѣ между родителями и воспитателями имѣло бы весьма-благодѣтельное вліяніе на семейный бытъ вообще и въ-особенности на

зобиханію дѣтей. Поэтому важная книга, способствующая ему. заслуживаетъ вниманія, особенно, если она написана легко, безъ изощреннаго медицинскихъ терминовъ, общепонятно, довольно-равнообразно, словомъ, такъ, какъ написана книга г. Дерикера, которая читается легко, можетъ заинтересовать читательницу и сообщить ей полезныя свѣдѣнія.

Книга г. Дерикера вовсе не ученое сочиненіе, но она заключаетъ въ себѣ важнѣйшія свѣдѣнія касательно организма женщины, полезныя и понятныя, какъ мы сказали, для всякаго. Кромѣ этихъ полезныхъ, медицинскихъ свѣдѣній, много страницъ занято разсужденіями, назиданіемъ понятій автора и наставленіями его въ докторальномъ родѣ касательно нравственныхъ свойствъ и обязанностей женщины, обнаруживающимъ въ сочинителѣ нѣкоторую претензію на знаніе нравственной природы прекраснаго пола. Такъ говоритъ онъ о бракѣ, любви, красотѣ, нравственныхъ качествахъ женщины и проч. Понятія эти, конечно, выражаютъ преимущественно личный взглядъ автора на эти интересные предметы — понятія вообще довольно-общія и повсюдныя, переходящія даже иногда въ общія мѣста; но тѣмъ не менѣе читательницы найдутъ въ нихъ, можетъ-быть, если не что-нибудь новое для себя, то по-крайней-мѣрѣ непротиворѣчающее ихъ собственнымъ понятіямъ, и ужъ во всякомъ случаѣ замѣтятъ въ авторѣ ревностное желаніе быть полезнымъ своими разсужденіями и наставленіями, восторженнымъ ободреніемъ хорошихъ склонностей въ женщинѣ и живописнымъ изображеніемъ послѣдствій уклоненія отъ нихъ. Въ какомъ, напримѣръ, ужасномъ видѣ и въ какихъ мрачныхъ краскахъ представляетъ онъ пагубныя послѣдствія лѣности (стр. 283, 284)! Нельзя, кажется, допустить, чтобы женщина, подверженная этому пороку, не исправлялась очень скоро послѣ того, какъ прочтетъ это описаніе. Подобными цвѣтами краснорѣчія, такъ-сказать, усыпано сочиненіе г. Дерикера и, конечно, обиліе этихъ цвѣтовъ свѣдѣтельствуеетъ о нѣжныхъ чувствахъ автора. Вотъ, напримѣръ, какой вступитъ дѣлаетъ онъ къ описанію женскаго организма (Введеніе 1 страница): «Что можетъ привлечь къ себѣ прекрасной женщины? Кто можетъ остаться равнодушнымъ при вопросѣ, что такое женщина? Кто не былъ въ восторгѣ и удивленіи отъ женщины? Кто не видалъ этого любящаго и сострадательнаго существа въ самыхъ возмутительныхъ и величественныхъ положеніяхъ, въ дѣйствіяхъ безкорыстной преданности и великодушнаго самоотверженія? Кто же видалъ, но не понимаетъ и еще чувствуетъ этого, тотъ, или не человекъ, или никогда не любилъ».

Не правда ли, краснорѣчиво написано?

Études sur les forces de la nature par Pierre Thibaut (Ученіе о силахъ природы, Петра Тибо). Санктпетербургъ. Въ мѣсяцномъ Journal de Saint-Petersbourg. 1853. Въ 12-ю долю листа, 110 стр.

Книжка очень-важательная не въ литературномъ отношеши и еще менѣе въ ученомъ, а какъ образецъ особеннаго рода дочкинѣй, повидимому по временамъ въ печати.

Есть особенный типъ писателей (къ нему мы относимъ и авторѣ «*Études sur les forces de la nature*»), которые отличаются страстью къ построению научныхъ теорій, особенно по части естествознанія; они съ удивительнымъ рвениемъ собираютъ факты для своей теоріи, неутомимо говорятъ о ней, при всякомъ случаѣ высчитываютъ, выспрашиваютъ различныя свидѣнія по естественнымъ наукамъ, по физикѣ, химіи, астрономіи и проч., и потому стараются эти свидѣнія и вообще всѣ явленія природы подчинить своей теоріи — говоря вообще, любятъ пофилософствовать о природѣ. Плодомъ такой нерѣдко многолѣтней дѣятельности является обыкновенно книжка въ родѣ той, которую мы только-что назвали и въ которой отвергаются всѣ принятыя въ точныхъ наукахъ теоріи, а вмѣсто нихъ развивается особенная теорія, обнимающая непрестанно всѣ естественныя науки, т. е. всю природу; излагаются хитросплетенныя объясненія различныхъ явленій на особенный ладъ; на основаніи этой теоріи, и объясненія эти всегда выходятъ съ большими натяжками и промахами противъ науки. Отличительная черта такихъ теоретиковъ — недостатокъ положительнаго знанія. Вероятно, они не учились систематически, а получили нѣкоторые свидѣнія отрывочнымъ чтеніемъ, или по наслыжкѣ, и потому, при построеніи теоріи, не замѣчаютъ шаткости ея основаній, не замѣчаютъ натяжекъ и промаховъ. Другая отличительная черта такихъ составителей теорій — самоуверенность и, вълѣдствіе того, бойкость въ объясненіи явленій природы: они ни передъ чѣмъ не затрудняются и совершенно-произвольно объясняютъ самыя сложныя явленія, для пониманія которыхъ наука дошла только путемъ строгаго изученія. Основаніемъ такихъ теорій обыкновенно служитъ дуализмъ, т. е. признаваніе въ физической природѣ двухъ противоположныхъ силъ: положительной и отрицательной, отъ которыхъ происходятъ всѣ явленія, описываемыя въ физикѣ, химіи, механикѣ, астрономіи, физиологіи и проч. и проч. Вообще есть нѣсколько такихъ научныхъ задачъ, или, лучше сказать, куштыковъ, которыми, Богъ-знаетъ почему, нѣкоторые люди — разувается, повидимому съ наукой — упорно занимаются, хотя эти задачи не имѣютъ такого важнаго значенія для науки, или признаны совершенно-невозможными для рѣшенія. Къ числу такихъ задачъ принадлежатъ, напримеръ, отысканіе квадратуры круга, *regressum mobile*, и другія, относящіяся къ прошедшему столѣтію. Мы знавали двухъ или трехъ господъ, которые всю свою жизнь занимались отысканіемъ квадратуры круга, знавали еще человека, который хотѣлъ найти средства вразогнать колодезь до центра земли, наконецъ, читателя «*Отечественныхъ Записокъ*», который-быть, припомнить, что, года четыре назадъ, г. Чингизидовъ издавалъ брошюры съ описаніемъ какой-то необыкновенной машины,

производимой удивительными действиями без потери силы, и проч. и проч. Все эти теоретики, въ томъ числѣ и г. Тибо, никакъ не хотятъ понять, что основаніе ихъ изысканій ложно и что, слѣдовательно, изъ ихъ труда не выйдетъ никакого результата: .

Для того, чтобы дать читателямъ понятіе о теоріи г. Тибо, описываемой въ его книжкѣ, сдѣлаемъ двѣ или три выдержки изъ нея.

«Какъ основаніе своей теоріи, онъ признаетъ, существованіе двухъ токовъ: одинъ токъ центро-стремительный, также положительный, для кислотный, ото всей вселенной къ солнцу, а другой, противоположный ему, центробѣжный, отрицательный или щелочной, идущій отъ солнца къ всей вселенной. Посредствомъ этихъ двухъ токовъ авторъ дѣлаетъ объясненіе всѣмъ явленіямъ въ природѣ. Напримѣръ, онъ говоритъ, что въ мужъ: чинѣ находятся излишекъ центробѣжной силы, слѣдовательно, излишекъ отрицательнаго электричества, или щелочнаго свойства, а въ женщинѣ излишекъ центростремительной силы, или положительнаго электричества и кислотнаго свойства (стр. 32)... Не угодно-ли эта логика? — А вотъ какъ г. Тибо объясняетъ полетъ птицъ :

Центростремительная сила положительнаго электричества кислотнаго свойства заставляетъ птицу падать на землю; но ударомъ, крыльцѣ она развиваетъ въ себѣ центробѣжную силу отрицательнаго электричества щелочнаго свойства, и потому подымается на воздухъ. По мѣрѣ возвышенія надъ поверхностью земли, потребно меньше центробѣжной силы, и потому, возвышаясь въ атмосферѣ, птица рѣже ударяетъ крыльями. Подтвержденіемъ служитъ то, что птица покрыта худымъ проводникомъ электричества, т.-е. перьями. Источникъ же отрицательнаго электричества, или центробѣжной силы, заключается въ пустотахъ, находящихся въ костяхъ у птицъ, и именно въ жирѣ этихъ костей, а жиръ, какъ извѣстно, состоитъ изъ углерода и водорода — веществъ электро-отрицательныхъ и, слѣдовательно, способныхъ быть источникомъ отрицательнаго электричества (стр. 37 — 46).

Правила Русской Словесности, А. Данскаго. Изданіе второе. Санктпетербургъ. 1853. Въ 8-ю д. л. 234 стр.

Ничего сказать : «Ритерика», въ родѣ «Риторикъ» г. Кошанскаго, съ тою только разницею, что написана еще болѣе-плохими языкомъ.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Къ чему ведетъ одна картинность въ поэзии и живописи? *Новыя стихотворенія* Гг. Майкова и Щербина (*Совр. № IV и Пант. № 3*). — *Весенній бредъ*. — «*Опытъ биографіи Н. В. Гоголя*» г. Николая М. (*Совр.*). — «*Мелочи жизни*» романъ г. Станицкаго (*тамъ же*). — *Вторая статья о «Довлѣ звѣрой въ Сибири»* г. Черепаного (*Библ. для Чт. № IV*). — *Отрывокъ изъ семейной хроники* г. С. Т. А. (*Москв. № V*). — *О письмѣ г. З. къ г. Введенскому* (*Соврем. № 4*). — *Статьи о Турціи* (*Библ. для Чт. и Соврем. №№ 4*). — *О Киргизахъ*, г. Жаркова. — *Вѣна*, статья Гино (*Библ. для Чт. № 4*). — *Ловецкіе рассказы и Питание человека и животныхъ* (*Пант. № 3*). — *Нѣсколько словъ о происхожденіи слова «Кметъ»*, г. Лавровскаго, *О политическомъ равновѣсіи*, г. Погодина, *Смѣсь Карамзина*, *Нѣсколько сочиненій Пушкина и Анекдотъ о В. Л. Пушкинѣ* (*Москв. №№ 5 и 6*).

Читая статью *Итальянская живопись отъ ея начала до нынѣшнихъ временъ* (въ 3 № «Пантеона»), мы думали найти каки-нибудь указанія на отношенія знаменитыхъ художниковъ XVI столѣтія къ тому обществу, среди котораго они жили; но статья эта пока имѣетъ одинъ характеръ возможно-краткаго указанія на историческое развитіе живописи и архитектуры. Между-тѣмъ предметъ, о которомъ мы упомянули, крайне-интересенъ. Можетъ-быть, въ послѣдующихъ статьяхъ «Пантеона» мы найдемъ то, что хотѣлось бы намъ видѣть въ произведеніяхъ этого рода (¹).

Италія Рафаэла, Италія Микель-Анджело, Италія Тициана, Бенвенуто Челлини и множества художниковъ XVI вѣка! какъ прекрасна ты въ своихъ образцовыхъ произведеніяхъ, и какъ надобна ты въ бездарныхъ описаніяхъ! Книгъ, брошюръ, историческихъ и археологическихъ изслѣдованій, комментариевъ на ту или другую картину великаго

(¹) Не можемъ, однако, не замѣтить слѣдующей новости. Известно, что Зевксепъ, греческій живописецъ, написалъ кисть винограда такъ натурально и живо, что птицы слетались клевать фальшивый виноградъ: автору статьи непременно хочется узнать, какія же именно были эти птицы? По его и тѣперовымъ разысканіямъ открывается, что это были дрозда... Поздравляемъ съ такимъ открытіемъ!

художника множество, а между-тѣмъ еще немногіе брались за перо, чтобы изобразить то общество, изъ котораго вышла такая великолѣпная живопись, такая великолѣпная архитектура. Что за люди окружали великихъ художниковъ и съ кого они писали свои знаменитыя картины? каковъ характеръ была этихъ великихъ художниковъ и чего они желали?

Въ XVI вѣкѣ въ Италиі форма, витѣшность, преклоненіе предъ искусствомъ для искусства, дошли до такихъ предѣловъ, до какихъ не доходили ни прежде, ни послѣ; и съ этой точки исторія XVI вѣка представляетъ много интереснаго. Въ прошломъ мѣсяцѣ мы говорили, какъ важно идеальное, моральное значеніе литературы: рассмотримъ теперь другую сторону, когда въ искусствѣ преобладаетъ одна форма, прекрасная витѣшность; она больше преобладаетъ въ живописи нежели въ литературѣ, но какъ одинъ изъ главныхъ элементовъ, находится и въ словесности.

Искусство въ XVI вѣкѣ господствовало въ Италиі; самовластно вторглося оно всюду. Оно замѣняло счастье, любовь и философію. Ему жертвовали всѣмъ: собою, возвышенною душою, глубиною и истиннымъ чувства. Около 1530 года философы были только риториками: кардиналы любезничали; главы итальянскихъ республикъ думали о своихъ собственныхъ наслажденіяхъ; искусство сплестать мадригалы считалось поэзіею: въ то время мало видѣли читателей съ умомъ энергическимъ, яснымъ и наблюдательнымъ. Между-тѣмъ у артистовъ замѣтны всѣ великія качества. Они принуждены изучать натуру, бороться съ нею и сохранять по истинкѣ простоту. Прочтите Бенвенуто-Челлини и вы увидите всю душу артиста, открытую передъ вами; вы почувствуете фанатика безъ знаній, готоваго пожертвовать всѣмъ своею единственною мысли, влюбленнаго въ красоту, желающаго всѣми силами воспроизвести ее; для него отечество тамъ, гдѣ хранятся его произведенія, для него мастерская — храмъ, а міръ — только модель для него.

Въ Италиі въ это время равновѣсіе человѣческихъ способностей было шлопѣ нарушено. Тяжесть и господство искусства даже раздавила чувства справедливаго и несправедливаго. Италиі уваженіе только къ скульпторамъ, гравірамъ и живописцамъ. Все прощали ради искусства — такъ сильно дѣйствовало она на южное поображеніе.

Никогда такое явленіе не могло возникнуть и развиться на Сѣверѣ, говорить одинъ изъ историковъ новѣйшей литературы. Трудъ и терпѣніе учить ствернаго человѣка нравственности; если онъ не строгъ къ себѣ — что будетъ съ нимъ? Какими глазами житель Сѣвера смотритъ на человѣка, съ которымъ спрелось, такъ-сказать, чувственное поклошеніе видимой красотѣ, у котораго нѣтъ другой идеи, другой жизни, другой надежды и другаго будущаго, какъ только рѣзать мраморъ, или разрисовывать холстъ, который любитъ искусство для искусства и готовъ за нѣсколько скуди позволить привязать себя къ пестолку, лишь бы разрисовывать что-нибудь; человѣка, который до-того глубоко погряз

издалека склоняете форму, что добродетелью и правдивостью неограниченно возмещаете недостаток этой формы?

В Италии в XVI столетии все направлено къ одной чувственности и искусственности, которая льстит ей: женщина, например пламенный, ах! какая прекрасная, живая статуя; женщина... почти то же, что и женщина: не говорите художникамъ о нравственности; потому что вся мораль ихъ заключается въ физической красотѣ; они понимаютъ эту красоту утонченнѣйшимъ образомъ, но не понимаютъ ничего больше.

Нѣтъ ничего поучительнѣе для литературы, какъ нравственная сторона этихъ этихъ художниковъ формы, формы — и больше ничего. Жаль, что въ послѣднее время старались перенести и въ литературу одно поклоненіе этой формѣ, какъ-будто живопись и литература одно и то же, какъ будто литература должна довольствоваться тѣми скудными средствами, которыми обладаетъ живопись. У живописца нѣтъ способа выразить ни мысли, ни чувства такъ полно, какъ можетъ это сдѣлать литература. Только мысль и чувство могутъ спасти литературу отъ той чувственности, или поклоненія формѣ, которая такъ губительна для души. Итальянское общество XVI вѣка, такъ сильно подчинившееся одной формѣ, стояло на самой высшей ступени въ нравственномъ отношеніи. Моральнаго значенія не имѣло оно никакого. Отсюда раздается вопросъ: на сколько искусство облагораживаетъ человѣка?

Мы полагаемъ, что никогда на Северѣ не можеть утвердиться это странное поклоненіе передъ формою, несмотря на попытки имѣть поэтовъ и даже теоретиковъ искусства. Северъ не блудитъ чуждыми красотами внѣшнихъ формъ; сѣверная природа рано заставляетъ трудиться, думать и большое уважать нравственное достоинство, душу; чуждымъ физическую красоту.

Отъ этого чрезвычайно странно поступаютъ тѣ поэты, которые стараются понимать и красоту природы и красоту человѣка, какъ иностранцы, напримеръ, житель Греціи, или житель Рима. Для литературы не южной это пониманіе и узко и крайне-однообразно, да сверхъ-того и для самого поэта оно всегда кажется чуждымъ, чуждымъ съ чужую плоть.. Пусть наши поэты не сердятся на это замечаніе. Зачѣмъ намъ надѣвать на себя такую обузу, зачѣмъ чувствовать-ся не такъ, какъ мы чувствуемъ, а такъ, какъ чувствуетъ другой? Отсюду изъ-подъ этихъ стихотвореній обыкновенно видны всегда книжника, нечитавшаго человѣка, забывшаго много римскихъ и греческихъ поэтовъ. Духъ жизни такне упорно имъ не дается, какъ легки для нихъ чужды: чувства и чужды мысли.

Теперь можно перейти къ стихотвореніямъ въ послѣднихъ книжкахъ журналовъ. Стиховъ попрежнему много, и попрежнему хорошихъ стихотвореній мало. Въ «Современникѣ» (№ 4), между прочимъ, напечатано *шесть стихотвореній графа А. К. Толстаго*, кажется, впервые появившагося въ печати, и г. А. Майкова: *Весенній Бредъ*.

Передъ г. А. Майковомъ мы виноваты, потому-что давно собирались говорить о его стихотвореніяхъ и до-сихъ-поръ ничего еще не говорили.

Г. Майковъ въ последнее время часто началъ дарить публику своими произведеніями и, конечно, публика этихъ доволна. Известно, что былъ до-сихъ-поръ какъ питомецъ греческой музы (говоря высокимъ слогомъ). Онъ пишетъ стихи ужъ больше десяти лѣтъ, и въ это время, казалось бы, талантъ его долженъ былъ опредѣлиться. Въ-самомъ-дѣлѣ, всѣ давно признали за г. Майковомъ талантъ картинности въ стихахъ, талантъ античной граціозности, особенно поразившій въ антологическихъ пьесахъ, коротенькихъ и полныхъ. Такое мнѣніе о талантѣ г. Майкова утвѣдилось въ публикѣ и въ критикѣ (и совершенно-справедливо) еще послѣ выхода первыхъ его стихотвореній, и мнѣніе это не измѣнили ни послѣдующія поэмы («Дѣя Судьбы», «Машенька»), ни «Очерки Рима», ни послѣдніа произведенія, напечатанныя въ журналахъ. (Лучшее изъ нихъ да и изъ всѣхъ вообще поэтическихъ поэмъ г. Майкова : «Дурочку Дуню» читатели «Отеч. Записокъ» видѣли недавно на страницахъ этого журнала). Несмотря на всевозможныя формы, въ которыхъ пробовалъ свой талантъ г. Майковъ, вездѣ читатель находилъ одно и то же достоинство : картины природы, или картины той антологической граціозности, которая такъ неуловима не только для критиковъ, но иодъ-часъ даже и для самихъ поэтовъ, хотя о ней всѣ любятъ говорить. Вслѣдствіе этого, слово : «антологическая граціозность» сдѣлалось чѣмъ-то въ родѣ кабалистическаго знака, на который поглядываютъ нестерпеніемъ съ недоумѣніемъ, покачивая головы. «Антологическую граціозность» наши поэты заимствовали, конечно, у грековъ, изучивъ ихъ мелкія поэтическія произведенія ; нѣкоторымъ изъ нихъ впервые передалъ намъ Батюшковъ своимъ пѣвучимъ стихомъ. Подражаніе этому роду произведеній заразило многихъ нашихъ поэтовъ и продолжается до-сихъ-поръ. Но это такой прихотливый родъ поэзіи, основанный на тонкихъ и неуловимыхъ чертахъ, къ которому несправедливости можно приписать русскую поговорку : «гдѣ тонко, тамъ и рвется». Чуть-чуть въ картинѣ переложено, или недоложено нѣсколько красокъ, едва въ стихѣ одно слово неприятно подѣйствуетъ на слухъ—и вся картина пропала. Обыкновенно подъ этою картиною кроются такіа тонкія мысли и чувства, что ихъ трудно даже уразумѣть неисклчительно-антологическому поэту.

Г. Майковъ, неоспоримо, доказалъ талантъ въ этомъ родѣ поэзіи первыми своими стихотвореніями, потомъ «Очерками Рима», и, изъ пьесъ, въ послѣднее время напечатанныхъ въ «Современникѣ», исключительно однихъ *Анакреона*. *Алкмеида* вполне не удовлетворялъ насъ : нѣкій *Алкмеидъ*, который вошелъ въ комнату къ Фринѣ,

И крича, какъ варваръ въ полѣ,
Сшибъ въ дверяхъ двухъ стѣновъ съ ногъ
И къ красавицѣ безстыдно.

На плечо лицомъ прилежь...
 Хототалъ надъ мудрецами
 И безумными глазами
 На прекрасную глядѣль...

и заснулъ, не говоря ни слова, можетъ-быть, въ антологическомъ отношеніи и прекрасная картина, но вообще, говоря простымъ языкомъ— вовсе непривлекательная. Можетъ-быть, по понятію грековъ, и позволено было находить красивымъ человѣка (говоря не антологическимъ языкомъ) «пьянаго»; но современный человѣкъ, особенно современная красавица не поймутъ прелести такого собесѣдника, который только-что пришелъ, сейчасъ же и уснулъ, не сказавъ ни слова.

Мы принимаемъ, какъ странно и неумѣстно можетъ показаться такое толкованіе антологическаго произведенія, весьма-многими уважаемаго. Но мы должны прибавить, что нѣсколько ненамѣрены даже защищать свое мнѣніе, и готовы отъ него отказаться, потому-что желали показать здѣсь только пригнѣръ той трудности, которую должно преодолевать, чтобъ вполне наслаждаться подобными утонченными произведеніями. Кому-нибудь, не съ такимъ тонкимъ чувствомъ и талантомъ, какъ самъ мортъ, картина можетъ показаться или вычурною, или безъ содержания, тогда-какъ самъ авторъ видитъ въ ней красоты первостепенныя. Въ его фантазіи, вѣроятно, нарисовалась эта картина вполне, но стихъ извѣдывалъ фантазію, и публика осуждена понимать картину по неудавшемуся стиху поэта, а потому немудрено, что она, какъ и критика, входить въ заблужденіе.

Все это происходитъ отъ двухъ причинъ. Впервыхъ, антологическій родъ, исключительно посвященный служенію красотѣ, можетъ обходиться безъ мысли и чувства, лишь бы была картина. Когда же какимъ-нибудь образомъ, отъ неудачнаго стиха, отъ трудности выразить словами то, что легче выражается живописью — картина неясна или неудачна, ей не придетъ на помощь ни умная мысль автора, ни теплое чувство, и читатель, непонявшій антологическаго стихотворенія, вдругъ находится въ странномъ положеніи наединѣ съ самимъ-собою. Онъ не знаетъ, что сказать о такомъ стихотвореніи, и готовъ согласиться со всякимъ мнѣніемъ, лишь бы выйти изъ затрудненія. Ввторыхъ, антологическая поэзія, имѣя дѣло съ картинностью, должна бороться съ величайшими трудностями. Она взяла на себя исключительную задачу: выражать словомъ то, что должна пояснять только живопись; отъ этого у поэта должна происходить постоянная борьба съ самимъ орудіемъ, которымъ онъ намѣренъ работать. Пусть возьметъ онъ въ руки кисть — онъ вѣрнѣе и лучше напишетъ то, что хотѣлъ нарисовать перомъ. Поэтому только люди, необыкновенно-хорошо владѣвшіе стихомъ, брались за антологическій родъ произведеній: Батюшковъ и Пушкинъ. Но у нихъ онъ никогда не былъ не только главною, даже второстепен-

ною формой. Форма такъ узка для мысли и чувства, что эти поэты долго на ней не останавливались.

Исключительное служеніе красотѣ, особенно греческимъ понятіямъ, какъ всегда поэты воображаютъ — красотѣ афинской, служить также не малымъ камнемъ преткновенія для не-афинскихъ читателей. Понятіе о красотѣ, какъ разумѣлъ ее грекъ, кажется намъ весьма-мало доступно для насъ, не афинянь. Между-тѣмъ поэтъ постоянно старается понимать вещи не такъ, какъ онъ ихъ понимаетъ, а какъ ихъ грекъ понималъ за двѣ тысячи лѣтъ назадъ. Это неестественное положеніе поэта, влюбленнаго въ красоту, прожившую двѣ тысячи лѣтъ, можетъ иногда вести къ забавнымъ результатамъ. Собственно во всемъ этомъ родѣ произведеній, въ главѣ котораго стоитъ Шенъе, преобладаетъ книжность, изученіе классиковъ — а не жизнь. Отсюда такой родъ стихотвореній постоянно носитъ въ себѣ что-то мертвое, вычитанное, выученное наизусть, и потому рѣдко удаются такіа произведенія.

Г. Щербина, поэтъ съ несомнѣннымъ дарованіемъ, точно также, какъ и г. Майковъ, увлекается греческою и римскою красотой, на основаніи классиковъ. Стихъ г. Щербины бываетъ по-временамъ великодушнѣе (какъ, напримѣръ, въ стихотвореніяхъ, напечатанныхъ въ началѣ прошлаго года въ «Москвитинѣ»), но и ему иногда не удаются произведенія, взятая изъ греческой жизни. Довзательствомъ служатъ послѣднія его стихотворенія, напечатанныя въ «Пантеонѣ». Не поэтъ, не талантъ его виноваты въ этомъ, а выборъ сюжетовъ холодныхъ, отвлеченныхъ для большинства и недоступныхъ большинству. Посмотрите на стихотвореніе «Дѣвъ» того же г. Щербины, и подивитесь, какъ много поэзии въ этомъ простомъ сюжетѣ, взятомъ изъ нашей обыкновенной жизни. Откуда берутся краски, откуда теплота чувства, откуда смѣлость мысли, между-тѣмъ, какъ чувство и мысль холодно и однообразно выражаются въ послѣднихъ произведеніяхъ того же г. Щербины, взятыхъ изъ греческой жизни! Мы читали, сверхъ-того, некоторыя сатирическія произведенія г. Щербины и должны сказать, что талантъ его въ этомъ отношеніи также крайне-замѣчателенъ. Стихъ его смѣлъ и боекъ. Такое разнообразіе таланта еще больше заставляетъ насъ надѣяться, что г. Щербина не будетъ ограничивать своей поэтической дѣятельности однимъ греческимъ міромъ, хотя и хорошо ему знакомымъ. Зачѣмъ произвольно заключать себя въ тѣсныя рамы, когда передъ поэтомъ открытъ весь Божій міръ?

Послѣднее произведеніе г. Майкова *Весенній Бредъ*, не принадлежитъ къ лучшимъ его стихотвореніямъ. Намъ страннымъ показалось, что служеніе греческой красотѣ привело его къ такимъ неяснымъ мыслямъ, какія выражены въ «Бредѣ», между-тѣмъ, какъ на ту же тему еще прежде писалъ, напримѣръ, Гораций. Стихотвореніе г. Майкова дидактическое, и потому носить на себѣ слѣды диссертацинъ,

то есть прозрачности... но за-то въ такихъ стихотвореніяхъ очень-важны мысли поэтовъ, которыя обыкновенно высказываютъ они рѣдко.

Вотъ главная мысль «Весенняго Брода»:

... Вечеру согрѣлся я чайкомъ
 Въ трактирѣ съ чухнами, среди большой дороги.
 Но сколько испыталъ я въ сердцѣ новыхъ чувствъ!
 Продумалъ сколько думъ о мирѣ и о Богѣ,
 Проверилъ ваши всѣ теоріи искусствъ,
 Все перебралъ, о чемъ съ тобой мы толковали,
 Искали истины — и безпощадно вради!..
 Я, другъ мой, нашу всю науку пересоздалъ!
 Ученымъ и тебѣ — всѣмъ по заслугамъ воздалъ!..
 О эрудиція! о школьныя вериги!
 Да что жъ за польза намъ, что поняли вы книги!
 Нѣтъ, дайте истины живое слово намъ,
 Какъ видѣлась она стариннымъ мудрецамъ
 Еще блестящая восторгомъ вдохновенья
 И окропленная слезами умленья!
 Она — дѣтя любви и жизни — не труда!
 Ученость вѣдь еще не мудрость, господа!
 Системы, считыя логически и строго —
 Хитро созданный храмъ, въ которомъ нѣтъ лишь Бога!

Такъ-какъ здѣсь дѣло идетъ о старинной мудрости греческой и римской, то мы рѣшительно считаемъ себя не въ-правѣ пояснять эти стихи, и приводимъ одно мѣсто изъ Горація, который, кажется, понималъ старинную поэзію, поэтовъ, мудрецовъ, и оставилъ наставленіе, какъ поступать поэтамъ. Горацій вѣдь жилъ, окруженный стихотворцами:

Прежде, чѣмъ станешь писать, научись же порядочно *мыслить!*
 Книги философовъ могутъ тебя въ томъ достойно наставить;
 А выраженія за мыслью придуть ужъ сами собою...
 Гений природный съ наукой должны быть въ взаимномъ согласіи!
 Тотъ, кто стремится достигъ на бѣгу желаемой мѣты,
 Въ юности много *трудоѡ* перенесъ; и потѣлъ онъ и забнулъ;
 Былъ онъ воздержанъ въ винѣ и въ любви! — Музыкантъ на Пнейскихъ
 Играхъ поющій — тоже учился, наставника слушалъ!
 Вынѣ — довольно сказать: — «я чудесно стихи сочиняю!»
 Всякій хочеть впередъ! Назадъ оставаться постыдно;
 Стыдно признаться, что вовсе не знаешь, чему не учился!

Такъ Горацій, одинъ изъ древнихъ мудрецовъ, давалъ совѣты молодымъ поэтамъ своего времени; но за этотъ совѣтъ многіе стихотворцы не любили его, однакожъ онъ отшучивался и все-таки твердилъ свое. Намъ кажется, что г. Майковъ ту же мысль хотѣлъ сказать, только не такъ ясно ее выразилъ; онъ продолжаетъ:

Когда вчерашній бредъ я свой прикоммналъ,
 И — «радуясь вѣщала, что ты рожденъ поэтомъ!».

Пускай ученые трудятся надъ скелетомъ!
 Пусть строятъ плотники науки вѣчный храмъ!
 Мысль зданья имъ чужда, — но каждый пусть келешикъ
 Несетъ соломенку на общій муравейникъ!
 Ты жь избранъ говорить грядущимъ племенамъ
 За вѣкъ, за родину! Тебѣ предъ свѣтомъ цѣлымъ
 Глаголомъ праведнымъ и вдохновенно смѣлымъ
 Ихъ душу возвѣститъ потомству суждено!
 Ученымъ — скорлупа! тебѣ, пѣвецъ, зерно!
 Въ тебѣ бьетъ свѣтлый ключъ науки вѣчно-новой!
 Въ тебѣ живая мысль выковываетъ слово —
 Пусть ловятъ на лету грамматикки его:
Оно лишь колыбель созданья твоего! (?)
 Пускай родной языкъ непризванные мучать,
 На чуждый образецъ его ломаться учать,
 Клеймятъ чужимъ клеймомъ и гнуть въ свое ярмо:
 Ты видишь, точно конь онъ дикій не дается
 И въ пѣнѣ ярости и бѣсится и бьется
 И силится слизать кровавое клеймо;
 Но какъ онъ вдругъ дохнетъ родныхъ степенъ разгуломъ
 Подъ ловкимъ всадникомъ! какъ мчится по полямъ!
 Вѣдь только пыль змѣей вѣется по слѣдамъ,
 И только полнится окрестность звонкимъ гуломъ.

Въ этомъ отношеніи, кажется, и г. Майковъ и Гораций говорятъ почти одно и то же, то-есть, что нужно учиться, что талантъ безъ ученья ничего не значить, точно также, какъ и ученье безъ таланта бываетъ источникомъ одной учености, а не поэзіи. Иначе какимъ бы образомъ поэтъ воспользовался «зерномъ, не раскусивъ скорлупы» —

«Ученымъ — скорлупа, тебѣ, пѣвецъ, зерно?»

Какимъ образомъ тогда поэтъ зналъ бы науку, еслибъ онъ не учился:

«Въ тебѣ бьетъ свѣтлый ключъ науки вѣчно-новой!»

Шутливая форма стихотворенія показываетъ насмѣшку надъ тѣми, кто ничему не учится, или учится поверхностно...

Увидать, что у насъ равно оцѣнены
 За острогу ума и *реалистъ* и *мистикъ*;
 Тамъ *цифры* мертвыя безжизненныхъ *статистикъ*,
 Романы самые *статистикой* полны...
 Найдутъ, что *тщилися тузіе корнесловы*
 Языкъ нашъ *подвести* подъ чуждыя оковы;
 Откроютъ *критиковъ* и важныхъ и смѣшныхъ;
Грамматиковъ — и ахъ! *несходство между нихъ!*
Историковъ идей, историковъ событий,
Историковъ монетъ, историковъ открытій...
 Но нечисля тутъ *незваній* нашихъ кругъ,
 Одну припомнилъ я науку, милый другъ,

И такъ захохоталъ среди ночнаго мрака,
 Что спавшая въ сѣняхъ залаяла собака.
*Вѣдь мало намъ наукъ и сложныхъ и простыхъ,
 Намъ мало даже книгъ, хоть перечесть ихъ мука!*
 Для насъ нужна еще особая наука —
Исторія... чего?.. да этихъ самыхъ книгъ!
 Но мой шутивый смѣхъ и грустію смѣнялся,
 И съ горемъ пополамъ, ей Богу, я смѣялся...

Неудрено смѣяться съ горемъ пополамъ: вѣдь г. Майковъ знаетъ, что всѣ эти науки необходимы для поэта. Еще до него Горацийъ сказалъ:

«Прежде, чѣмъ станешь писать, научись же порядочно мыслить.»

Вотъ этого-то вѣроятно г. Майковъ и хочетъ, потому-что, кому знакомы Греція и Римъ, классическое искусство древнихъ, тотъ долженъ быть твердъ въ правилахъ, извлеченныхъ Горациемъ изъ этихъ литературъ. Горацийъ ненавидѣлъ недоучекъ-поэтовъ, и боясь, чтобъ они не фантазировали, а больше учились, приходилъ постоянно къ одному и тому же результату. Напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ поэту:

«Если ты что вымышляешь, будь въ вымыслѣ къ истинѣ близокъ.»

Въ другомъ мѣстѣ требованія Горация еще больше; онъ говоритъ:

Если знаетъ поэтъ, чѣмъ онъ долженъ отечеству, дружбѣ,
 Въ чѣмъ родителей, братьевъ любовь, въ чѣмъ обязанность къ гостю,
*Въ чѣмъ долгъ сенатора, должность судьи, и въ военное время
 Власть предводителя войскъ:* тотъ конечно въ поэмѣ
 Каждому можетъ лицу дать приличныя званію рѣчи.

Посмотрите сколько долженъ знать поэтъ! Мало того, что онъ долженъ изучать исторію, долженъ знать и государственныя науки; даже военныя для него не лишні!

Въ другомъ мѣстѣ Горацийъ говоритъ:

Ирамы совѣтую я изучать *наблюденіемъ* очами:
 Изъ нея почерпнуть и правдивое ихъ выраженіе!
 Часто комедія, мѣстности блескомъ и вѣрностью нравовъ,
 Хоть и чуждая вкуса, и чуждая силы искусства,
 Больше народъ забавляетъ и больше его занимаетъ,
 Нежели скудная дѣйствиємъ, *скудно блестя пустыями!*

А еще въ одномъ мѣстѣ, говоря чѣмъ должна трогать поэзія, Горацийъ прибавляетъ многозначительныя слова:

Нѣтъ! недовольно стихамъ красоты; но, чтобъ духъ улаждая,
 Всюду они увлекали его по волѣ поэта!

Конечно, г. Майковъ зналъ эту «мудрость» Горация, который вѣсьнаадцать столѣтій былъ законодателемъ вкуса, потому-что самъ же говоритъ:

Нѣтъ, дайте истины живое слово намъ,
Какъ видѣлась она стариннымъ мудрецамъ.

Кажется, г. Майшовъ ошибается въ одномъ: именно онъ думаетъ, что эта истина давалась легко стариннымъ мудрецамъ. Нѣтъ; мудрецы проводили время не за одними аѳинскими ужинами и не всегда дѣлились подъ прохладными портиками. Изъ всего видно, что они много и очень-много учились. Не могъ бы, въ противномъ случаѣ, Горацій (къ которому мы на этотъ случай возвращаемся постоянно) съ такимъ презрѣніемъ говорить о стихокропателяхъ, которые воображали себя поэтами, безъ всякаго труда :

Но, какъ разумные люди боятся приличивой сыни,
Или желтухи, или лишенныхъ Діаной разсудка,
Бѣгая дальше отъ нихъ : такъ всѣ прочь отъ безумца-поэта!
Лишь мальчишки, гонимая за нимъ, неразумные, дразнятъ!
Между тѣмъ, какъ надувшись, реветъ онъ стихи, и глазами
Водитъ вокругъ, какъ въ лѣсу птицеловъ, дроздовъ стерегущій,
Если въ то время онъ въ ровъ упадетъ, или въ колодезь, и кинется :
«Ай, помогите, граждане!» — никто не спасай стихотворца!
Трудно постичь : отъ чего жь стихи безпрестанно онъ пишетъ?
Праха ли отца осквернивъ, онъ наказанъ такимъ бѣснованьемъ?
Иль обезчестилъ онъ мѣсто, гдѣ громъ разразился? — но только
Онъ сумасшедшій! — Лишь станеть читать, и простая и ученый
Всѣ убѣгутъ, какъ отъ звѣря свою разломаннаго клѣтку!
Но кого онъ достигнетъ, бѣда! зачтется до смерти!
Точно пивка : пона не запьется полна, не останется!

Видно, въ старину, въ Римѣ и Греціи, гдѣ процвѣтали мудрецы и поэты, не всѣ были мудрецами и поэтами, а бывали стихотворцы, отъ которыхъ народъ бѣгалъ, какъ отъ «приличивой сыни». И въ Римѣ и въ Греціи, значитъ, мало было родиться въ то счастливое время, когда мудрецы грѣлись на солнцѣ подъ портиками, и присѣсть послушать, какъ они говорятъ: предостало самому учиться и грамматикѣ, и исторіи, и статистикѣ, учиться много; а когда наконецъ задумаешь что-нибудь писать и напишешь, то спрятать, и написанное не читать никому *десять лѣтъ*... Такъ учить Горацій. Потомъ должно еще разъ самому перечестъ и обсудить... Не отъ этого ли въ Греціи и были мудрецы и поэты?

Но можно подумать, что мы рѣшились на этотъ разъ толковать гораціеву «Науку о поэзіи», такъ-какъ мы отъ современной поэзіи перешли къ тѣмъ, съ кѣмъ еще Кантемиръ любилъ дѣлить свои досуги. Нѣтъ; намъ показалось только, что всѣхъ поклонниковъ греческой и римской музъ необходимо судить не по нашимъ теоріямъ искусства, а по тѣмъ системамъ поэзіи, которыя были извлечены древними же изъ древней литературы... Прибавимъ два слова : всѣ наши выписки изъ

Герацин объясны по новому (1853 г.) переводу «Науки Пезаи» г. Дмитриева, переводу, въ высшей степени добросовѣстному и точному.

Въ 4-мъ № «Современника» оконченъ *Опытъ Биографіи Николая Васильевича Гоголя*, написанный г. Николаемъ М. — На сколько интересно была намъ приведенная въ немъ переписка Гоголя, на столько же отбивало всякую охоту читать неумѣнье автора биографіи воспользоваться богатыми матеріалами. Такъ неудачно-написанной биографіи мы давно не читывали. О матеріалахъ, собранныхъ въ «Опытѣ Биографіи», и о значеніи ихъ для сочиненій Гоголя мы будемъ еще говорить, а теперь остановимся только на той части сочиненія, которая принадлежитъ исключительно г. Николаю М.

Съ чего начать? — да хоть съ самаго начала. На первыхъ же страницахъ биографіи мы читаемъ такіа строки :

«Если читатель встрѣтитъ здѣсь нѣкоторыя уже знакомыя страницы, то пусть это его не удивляетъ: онѣ принадлежатъ автору настоящаго «Опыта», иде-бы ни были прежде напечатаны».

Что бы это такое значило? подумаетъ читатель. Какія это страницы и гдѣ онѣ были напечатаны? Вотъ два первые вопроса, которыхъ не хотѣли удовлетворить ни авторъ, ни редакция. «Нѣкоторыя знакомыя страницы» значить, ни больше, ни меньше, какъ вся первая часть «Опыта»; а «гдѣ бы ни были прежде напечатаны» значить, что эта первая часть уже была напечатана въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1852 года (№ 4). Но это, должно-быть, библиографическая недомолвка, хотя и нѣсколько-странная при перепечаткѣ изъ одного журнала въ другомъ многихъ и очень-многихъ страницъ, и при темной оговоркѣ «гдѣ бы ни были прежде напечатаны!» Впослѣдствіи, когда говорится, о нѣбѣ за границу, о стихахъ и первой поэмѣ, о пребываніи Гоголя въ Москвѣ и о любви его къ малороссійскимъ нѣснямъ, мы встрѣчаемъ опять сплошь перепечатанныя наши страницы, и такъ же безъ ссылки на «Отечеств. Записки»... Sapienti sat!

Но обратимся къ дѣлу. Прежде всего вотъ образчики языка, какимъ написанъ «Опытъ Биографіи» :

«А можетъ статься и то, что выпорхнувъ на просторъ и взглянувъ на мѣую для него чужеземцину, отъ оробѣлъ предъ собственнымъ замысломъ, потерялъ увѣренность въ возможности достиженія своихъ цѣлей, востосковалъ за друзьями и людьми, понимавшими его рѣчь и, понятными для него».

«Въ Департаментѣ Удѣловъ Гоголь былъ плохимъ чиновникомъ и, по собственнымъ словамъ, извлекъ изъ службы въ этомъ учрежденіи (?) только развѣ ту пользу, что научился *смаковать бумагу*» (1)...

Это точно также порусски сказано, какъ и окончаніе одного письма Гоголя: «желаю, чтобъ тебя скорѣй выгнали изъ Москвы».

Впрочемъ, изъ одного слѣдующаго нѣста мы увидимъ и изысканный языкъ, которымъ написана «Опытъ», и критическія способности г. Николая М.

«Если вѣрить рассказамъ Гоголева слуги *Якима*, о которыхъ упоминаетъ въ своей статьѣ г. Данилевскій, то Пушкинъ проводилъ цѣлыя ночи въ литературныхъ бесѣдахъ съ Гоголемъ въ его квартирѣ, въ то время когда у нашего поэта иногда не случалось и *собственными сольей*. Слѣдовательно, это не было сближеніе людей одинакаго или *соразмѣрнаго* состоянія, одинаковыхъ свѣтскихъ связей съ одинаковыми удовольствіями въ жизни. Авторъ «Цыганъ» сгѣшилъ въ четвертый этажъ къ неотшлифованному и убогому еще питомцу украинскихъ степей и въ *сольихъ* его (?) рѣчахъ, не чуждыхъ дикаго провинціализма, находилъ, *въроятно* (?), столько же пищи для своего таланта, сколько и самъ доставлялъ своему воспримчивому пріятелю. Читайтесь въ «Повѣсти Бѣлкина» и въ «Капитанскую Дочку» Пушкина, писанныя около того времени, когда у Гоголя *выработывался* «Тарасъ Бульба» и нѣкоторыя другія миргородскія повѣсти. Въ произведеніяхъ обоихъ поэтовъ вы найдете *много отъакинное отъ ихъ предшествовавшихъ сочиненій* (?). У Пушкина вамъ *почувствя*, что то степное (?), и такъ—сказать, простонародно—художественное (?); въ сочиненіяхъ Гоголя вы замѣтите небывалую до-тѣхъ—поръ стройность плана и dokonченность созданія.»

Какъ вы думаете, какое можно изъ этого извлечь заключеніе? А вотъ какое :

«Это были наши *Гѣте* и *Шиллеръ*, наши *Вальтеръ Скоттъ* и *Байронъ*. Оба поэта сильно подѣйствовали одинъ на другаго; но существованіе Пушкина было несравненно важнѣе для его младшаго брата (*чьмъ что?*). Будучи скрытенъ отъ природы и не находя никого въ литературѣ, такъ точно, какъ не находилъ въ николѣ «съ кѣмъ бы могъ слить долговременныя думы свои, кому бы могъ вывѣрить мысленія свои», Гоголь по смерти Пушкина такъ точно оспротѣлъ и сдѣлался «чужимъ въ Петербургѣ», какъ нѣкогда чувствовалъ себя въ Нѣжинѣ. Онъ могъ оный повторять и, вѣроятно, повторялъ не разъ въ душѣ то, что было сказано имъ задолго до его знакомства съ Пушкинымъ :

«Я иноземець, забредшій на чужбину искать того, что только находится въ одной родинѣ, и тайны сердца, вырывающіяся на лицѣ, жадныя откровенія, печально опускаются въ глубь его, гдѣ такое же мертвое безмолвіе.»

«Въ Пушкинѣ Гоголь лишился совѣтника и сильнаго помощника въ исполненіи литературныхъ своихъ предпріятій! Мы знаемъ изъ «Переписки съ Друзьями», что первая глава «Мертвыхъ Душъ» читаны были Пушкину; слѣдовательно можно предположить, что Пушкинъ много содѣйствовалъ Гоголю въ созданіи если не типовъ, то плана первой части этой поэмы. Вспомните теперь, какъ скоро были написаны одно за другимъ такіа созданія, какъ «Тарасъ Бульба», «Ревизоръ» и первая часть «Мертвыхъ Душъ», вмѣстѣ съ другими, менѣе замѣчательными пьесами, и посмотрите, что дѣлаетъ Гоголь по смерти Пушкина. Пишетъ и жметъ. У него нѣтъ ободрающаго авторитета, нѣтъ равносильнаго гениа, который бы указалъ

ему прямой путь поэтической дѣятельности! Словомъ, смерть Пушкина положила въ жизни Гоголя такую рѣзкую грань, какъ и переездъ изъ Малороссіи въ столицу. При жизни Пушкина Гоголь былъ однимъ человѣкомъ, послѣ его смерти сдѣлался другимъ.

Вотъ образчикъ тѣхъ быстрыхъ и ничѣмъ недоказанныхъ заключеній, которыя г. Николай М. безпрестранно дѣлаетъ въ своемъ «Опытѣ»... Мы должны сдѣлать одну оговорку, что авторъ вездѣ, гдѣ только можно было, отыскалъ вліяніе Малороссіи на Гоголя и совершенно-удачно, хотя эти отдѣльныя черты и не повели его ни къ какому дальнѣйшему, полному результату. Точно также онъ привелъ извѣстные уже факты относительно учености Гоголя, но рѣшительно не воспользовался ими, потому-что въ одномъ мѣстѣ говоритъ о поверхностномъ образованіи Гоголя, а въ другомъ дѣлаетъ намеки, что Гоголь безпрестанно учился и совершенствовался. На языкъ произведеній Гоголя обращено авторомъ мало вниманія; а какъ понимаетъ авторъ «Опыта» гоголевскую повѣсть и комедію, мы видѣли выше. Гоголь и — Вальтеръ Скотъ, Гоголь и — Гёте сравнены только потому, что въ Англіи вмѣстѣ съ Вальтеромъ Скоттомъ писалъ Байронъ, а на Байрона авторъ «Опыта» находитъ похожимъ нашего Пушкина. Но какъ Гёте и Шиллеръ оказались нашими Пушкинымъ и Гоголемъ, этого не объяснить никакая критика. Дѣло въ томъ, что и въ Англіи и въ Германіи въ одно и то же время существовало по два замѣчательные поэта, имѣвшіе другъ на друга большое вліяніе; авторъ «Опыта» находитъ чрезвычайно-замысловатымъ открыть одновременное существованіе подобныхъ двухъ великихъ поэтовъ въ Россіи — и отсюда-то идутъ всѣ эти неумѣстныя догадки, сравненія, заключенія... Къ-чему же все это? чтобъ найти что-то «степное» въ повѣстяхъ «Бѣлкина» и «Капитанской Дочкѣ», чтобъ объяснить, почему Гоголь со смерти Пушкина «пишетъ — и жжетъ», и чтобъ прибавить эффектную фразу, будто смерть Пушкина «положила въ жизни Гоголя такую рѣзкую грань, какъ и переездъ изъ Малороссіи въ столицу»? Повторяя безпрестанно, что Гоголь былъ иррава скрытнаго и въ школѣ, и въ жизни, и въ литературѣ, г. Николай М. въ то же время даетъ значеніе каждому слову Гоголя, какъ человѣка откровеннаго.

Вообще мы должны сказать, что изъ многихъ драгоценныхъ матеріаловъ для біографіи Гоголя, помѣщенныхъ въ «Опытѣ», авторъ не сумѣлъ извлечь всей пользы, которую они могли бы принести для литературы; но за собраніе и напечатаніе всѣхъ этихъ матеріаловъ онъ заслуживаетъ благодарность всѣхъ, кого интересуется русская литература. Къ письмамъ Гоголя, напечатаннымъ въ этомъ «Опытѣ», мы будемъ имѣть случай возвратиться въ скоромъ времени и поговорить о нихъ подробно.

Въ 4-мъ же № «Современника» оконченъ романъ г. Ставицкаго *Мелочи Жизни*. Эти мелочи оказываются чрезвычайно-важными вещами. Содержаніе романа рассказывать не станемъ, но невольно спросимъ: чтѣ

за несчастная судьба была Елена Александровна съ Борисомъ Федоровичемъ, Наталью Григорьевну съ Иваномъ Матвѣевичемъ, а Брускова съ Варварою Васильевной? И какъ подумаешь, что иногда эта несчастная судьба олицетворяется въ какой-нибудь Иринѣ Андреевнѣ, всеобщей, но преимущественно своей собственной, благодѣтельница, или подчасъ престо въ сдѣлать человѣческой и неопытности, тогда поймешь, почему мелочи играютъ иногда такую важную роль въ жизни человека. Кто причиной всѣхъ страданій Натальи Григорьевны? кто виной неестественнаго союза Елены Александровны съ Борисомъ Федоровичемъ? Понимали ли обѣ эти женщины, что онѣ дѣлали, когда вступали въ такой неравный союзъ?.. И сколько мелкихъ и крупныхъ вопросовъ можно сдѣлать тому, кто прочелъ этотъ романъ и хочетъ знать его содержание!

Что касается до лицъ, выведенныхъ въ романѣ, намъ больше всѣхъ нравится Наталья Григорьевна, хотя ее и легче было написать нежели такой характеръ, какъ Елена Александровна. Кротость, покорность судьбѣ и любовь — вотъ вся Наталья Григорьевна, женщина чрезвычайно-симпатическая. Характеръ Елены Александровны ужь очень сложенъ: въ ней много любви, самопожертванія, преимущественно простоты сердечной и простоты ума; но за-то въ ней много гордости и раздражительности. Однакожь, что могла она сдѣлать со всими этими качествами? Также страдать... нѣтъ, гораздо больше страдать, нежели Наталья Григорьевна, потому-что послѣднюю всякій пожалѣетъ, а первую никто. Почему же? Потому-что скажутъ: въ ней самой много силъ, она женщина съ характеромъ... У Елены Александровны въ одномъ мѣстѣ невольно прорвались слѣдующія прекрасныя слова: «меня считаютъ женщиной самостоятельной и съ характеромъ, вслѣдствіе чего никто не хочетъ простить мнѣ ни малѣйшей ошибки. «Ее нечего жалѣть» думаютъ тѣ люди, въ которыхъ я ищу участія. «Ты сильна: борись одна». Развѣ я не такая женщина, какъ другія? Я также не могу жить, не имѣя привязанностей, какъ и другія. Я также люблю, «я также страдаю. Моя сила характера уничтожается; я дѣлаюсь рабой «своихъ чувствъ; я унижаюсь!»

Понятно, почему, при тѣхъ мелочахъ, отъ которыхъ страдаетъ Елена Александровна, сила характера для женщины не значитъ ничего и служить для нея еще большимъ наказаніемъ.

Мелочи, которыя проникаютъ жизнь всѣхъ дѣйствующихъ лицъ отъ перваго дня ихъ брака и до послѣдней страницы, такъ многочисленны, что нѣтъ средствъ разсказать ихъ. Соединясь вмѣстѣ, въ одно цѣлое, онѣ образуютъ ту огромную сѣть, которая опутываетъ людей вездѣ и всегда. Гдѣ жь ходить изъ этихъ «мелочей»? невольно спросишь — и отожденишь желающихъ познакомиться съ романомъ къ самому роману.

Вторая статья г. Черепанова: *Воспоминаніе о ловлѣ зѣбрѣй въ Сибири* (Библи. для Чит. № 4) лишена всякаго интереса: ни природы, ни охоты, ни нравовъ зѣбрѣй — ничего нѣтъ; одни обыкновенные зѣбропромышленные приемы наполняютъ цѣлыя страницы, и такіе занимательные предметы, какъ ловля лосей, изубрѣй, лисицъ, волковъ, бѣлокъ и проч. и проч., умѣстились на нѣсколькихъ страницахъ; нѣтъ зѣбропромышленныхъ походовъ — нѣтъ и интереса.

Въ «Москвитиннѣ» (№ 5) напечатанъ *Отрывокъ изъ семейной хроники* С. Т. А., на который желали бы мы обратить вниманіе читателей и литераторовъ по профессіи. Въ этомъ «Отрывкѣ» нѣтъ никакого дѣйствія, или оно такъ ничтожно, что и говорить о немъ не стоитъ. Въ немъ описано переселеніе помѣщика Сибирской Губерніи въ Уфимское Намѣстничество (слѣдовательно, въ «Отрывкѣ» изображено то время, когда были намѣстничества) и день, проведенный помѣщикомъ въ своемъ новомъ поселеніи. Никакихъ вычуръ въ разсказѣ, никакого желанія, со стороны автора, завлечь читателя хитро-предуманнымъ дѣйствіемъ. Но что за удивительное впечатлѣніе производитъ этотъ маленюкій разсказъ! Старинный помѣщикъ екатерининскаго времени стоитъ передъ нами какъ живой; богатая природа Оренбургскаго Края чувствуется въ каждомъ словѣ г-на С. Т. А.; во разсказѣ преимущественно хороши тѣмъ, что въ немъ много правды. Правда эта чувствуется на каждой страницѣ; ни одной краски не переломитъ авторъ при описаніи природы, и лучше умолчить о чемъ-нибудь, нежели присочинить; правда эта видна и при изображеніи характера, къ которому добро и зло такъ переплелись, что въ нихъ видны живые, а не сочиненнаго человѣка; правда эта видна и въ умѣнн давать словамъ истинное ихъ значеніе и избѣгать всякаго набора словъ, наводящаго рѣчь большей части нашихъ писателей. Разсказъ этотъ, во всемъ приведеннымъ нами причинамъ, будетъ скорѣе оцененъ знатоками дѣла, литераторами, нежели большинствомъ публики, которая не найдетъ въ немъ никакого интереснаго происшествія. Кто знаетъ уловку нашихъ писателей создавать извѣстныя картины природы, вечера, утра или полудня, смотря по требованію дѣйствія въ романѣ, или повѣсти; кто знаетъ искусство ихъ переиживать всѣ краски въ описаніяхъ, тотъ пойметъ, почему большей части этихъ описаній не вѣришь, хотя и восхищаешься ими. По опыту знаешь, что писатель имѣлъ въ виду не природу изобразить вѣрно, а подѣйствовать на читателя, хотя бы и прикрасивъ ее небывальными прелестями. Точно то же смѣшеніе красокъ видишь и при изображеніи людей. Но тутъ дѣйствуетъ другая причина. Начитанность, со всеми своими прекрасными результатами, приноситъ съ собою, къ-несчастью, и рутину; ее не замѣтить и самъ авторъ, а она уже проникла все его произведеніе. Въ-добавокъ, мысль, которая даетъ себѣ большой просторъ при уясненіи и изображеніи ха-

рактера, всегда налагаетъ на изображаемое лицо немного-отвлеченный оттѣнокъ, обрисовываемый чертами общими. Изъ соединенія всего этого выйдетъ картина яркая; съ перваго взгляда она бросится въ глаза; но чѣмъ больше будешь въ нее всматриваться, тѣмъ больше будешь открывать всюду искусство автора, а не природу и не человѣка, въ ней изображенныхъ, и такія рѣзкія картины скоро сдѣлаются невыносимы. Подъ яркостью красокъ видишь скрытую поверхностность знанія, замѣчаешь черты природы сѣверной перенесенными въ природу южную, находишь странныя неправдоподобности... но въ общемъ все будетъ казаться хорошо и умно. Между-тѣмъ въ этой повѣсти, въ этомъ описаніи, не будетъ той правды, той трезвости словъ, картинъ и характеровъ, о которой мы говорили, хвала «Отрывокъ изъ семейной хроники». — Если мы не ошибаемся, «Отрывокъ» этотъ принадлежитъ автору «Записокъ Ружейнаго Охотника».

Въ 4-мъ № «Современника» нѣкто г. Z. напечаталъ *Письмо къ г. Введенскому, по поводу его критики, помѣщенной въ XIII книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1853 года*. Письмо это какъ нельзя-лучше показываетъ, какъ подробно должно говорить о самыхъ элементарныхъ истинахъ современной эстетики съ нѣкоторыми изъ людей, писавшихъ (по собственному увѣренію) *очень недурные* трактаты «объ искусствахъ»: г. Z. страшно ругаетъ противъ мыслей, высказанныхъ въ статьѣ г. Введенскаго, и между-тѣмъ чрезвычайно-неясно понимаетъ ея сущность, хотя и увѣряетъ, будто-бы «начитался до пресыщенія всевозможныхъ эстетикъ», а потомъ «читалъ прозаическія всѣхъ литературъ». Знаете ли, что смутило г-на Z. въ статьѣ г. Введенскаго, старающейся объяснить сочинителямъ теорій словесности, какому методу должны они слѣдовать для того, чтобъ писать теоріи дѣльныя? Г-нъ Z. смутился слѣдующими словами г. Введенскаго: «Пусть теорія словесности, «не отступая ни на шагъ отъ сравнительной историко-критической методѣ, сгруппируетъ въ одну общую систему всѣ факты литературы, «(которые имѣютъ высочайшій интересъ въ развитіи человѣческой мысли «и чувства) и расположитъ ихъ по родамъ и видамъ въ стройномъ «естественномъ порядкѣ: тогда теорія словесности, отвѣчая на современныя требованія науки, съ честью выполнитъ свое дѣло». Но чѣмъ же тутъ смущаться? надъ чѣмъ недоумѣвать? противъ чего спорить? Кто же изъ людей, сколько-нибудь знакомыхъ съ современными понятіями о томъ, что такое теорія всякой науки вообще, не признаетъ словъ г. Введенскаго выраженіемъ требованій, общепризнаваемыхъ нынѣ всѣми образованными людьми (не говоримъ уже «учеными,» пишущими *очень недурные* трактаты объ искусствахъ и перечитавшими всевозможныя эстетикѣ)? Но г. Z. смущается, недоумѣваетъ, спорить. И его «Письмо» дѣйствительно открываетъ намъ, что для читателей, подобно г-ну Z., повидимому вовсе-незнакомыхъ съ нынѣшними понятіями о наукѣ, статья

г. Введенскаго имѣеть очень-важный недостатокъ : она недостаточно рѣзко и ясно говоритъ о томъ, до какой степени жалки тѣ теоріи словесности, противъ которыхъ она направлена; статья предполагаетъ, что читателю это извѣстно; незнающіе этого, естественно, не понимаютъ и сущности требованій г. Введенскаго ; конечно, г. Введенскій не предполагалъ имѣть такихъ читателей; но каждый изъ нихъ дѣйствительно имѣеть полное право сказать : « все-таки г. Введенскій виноватъ : зачѣмъ онъ не предполагалъ, что я буду также читать его статью? зачѣмъ онъ не соображался со степенью даже и моихъ свѣдѣній? » Постараемся же, приспособляясь къ понятіямъ этихъ недоумѣвающихъ читателей (вѣроятно, впрочемъ, очень-немногихъ) объяснить, въ чемъ дѣло.

Наши старинныя « теоріи словесности » составлялись безъ большихъ хлопотъ : составитель учился когда-то словесности по риторикѣ Бургія, или Кошанскаго — чего же больше? Почему же не передѣлать ему риторикѣ Бургія или Кошанскаго, обогативъ правила ея примѣрами изъ Загоскина и Пушкина, которыхъ не читали ни Бургій, ни Кошанскій?

Все это хорошо для домашняго обихода, но вовсе не для современной публики. Теперь отъ автора теоріи словесности требуютъ дѣльнаго, ученаго труда. Теперь говорятъ: вы должны быть коротко знакомы съ Эсхиломъ, Софокломъ и Эврипидомъ, а не ограничиваться статейками о нихъ въ разныхъ попадавшихъ вамъ въ руки журнальцахъ, иначе вы не напишете ничего дѣльнаго о греческой трагедіи да и не поймете различія ея отъ нынѣшней ; Шекспира также вы должны знать не по « Гамлету » въ передѣлкѣ Полеваго: вы должны прочесть самого Шекспира и лучшія сочиненія о немъ, иначе вы и о Шекспирѣ не напишете ничего дѣльнаго; то же самое говорятъ вамъ о Шиллерѣ, Гётѣ и другихъ великихъ трагикахъ. Не зная хорошо всѣхъ лучшихъ трагиковъ, говорятъ нынѣ, вы не напишете и хорошей теоріи трагедій; когда вы выикните въ сущность гениальныхъ трагедій, тогда только поймете, что такое трагедія. То же самое говорятъ вамъ и о комедіи, и о романѣ, и объ эпопее. Коротко и ясно: нынче отъ чело-вѣка, собирающагося писать о словесности, о поэзии, требуютъ основательнаго знакомства съ произведеніями, теорію которыхъ онъ хочетъ писать. Не-уже-ли эти требованія несправедливы?

Мы надѣемся, что теперь г. Z. ясно увидитъ, чего требуетъ г. Введенскій отъ теоріи словесности : онъ требуетъ основательнаго, ученаго знакомства съ словесностью ; теперь вѣроятно пойметъ онъ, почему г. Введенскій такъ сильно возстаетъ протівъ нѣкоторыхъ домо-рошенныхъ теоретиковъ. И вѣроятно, теперь г. Z. не будетъ « поражаться ясностью и легкостью, съ которою статья г. Введенскаго рѣшаетъ вопросы », въ ней разсматриваемые; вѣроятно, эти вопросы не останутъ казаться г-ну Z. « чрезвычайно трудными »; они очень-просто

могутъ быть приведены къ одному вопросу : «нужно ли для того, чтобъ написать дѣльную теорію предмета, систематическое изученіе предмета?» Неужели и этотъ вопросъ труденъ? неужели нужна «необыкновенная смѣлость», чтобъ отвѣчать : «не зная предмета какъ слѣдуетъ, нельзя хорошо составить его теорію»? Но г. Z., не зная положенія дѣлъ въ вопросѣ о курсахъ теоріи словесности, никакъ не могъ понять и сущности мысли г. Введенскаго. Въ-самомъ-дѣлѣ, она такъ проста, что необходимость подробно доказывать ее цѣлою статьею понятна только тому, кто прочитаетъ, напримѣръ, книгу г. Тулова (по поводу которой и написана статья), или подобныя ей книги; а г. Z. признается, что не читалъ «Руководства» г. Тулова, и вообще «далко уже не читаетъ такихъ книгъ, съ того самаго времени, какъ сошелъ съ ученической скамьи». Не имѣя понятія о разбираемой книгѣ, конечно, нельзя понять и критики на нее.

Теперь спѣшимъ разрѣшить всѣ остальные недоумѣнія г. Z. Онъ не знаетъ, что такое «наука», о требованіяхъ которой говоритъ г. Введенскій. Что такое «наука» — вѣроятно постигнетъ онъ вполне, если прочитаетъ нѣсколько серьезныхъ статей по какимъ бы то ни было предметамъ, хотя бы по теоріи словесности; точно также найдетъ онъ объясненіе того, что нынѣ понимаютъ подъ «наукою», на первыхъ страницахъ тѣхъ эстетикъ, которыхъ «начитался онъ до пресыщенія». Имя «много знакомыхъ литераторовъ, критиковъ и эстетиковъ», онъ также можетъ спросить объ этомъ у каждаго изъ нихъ, и, вѣроятно, никто не откажетъ ему въ удовлетворительномъ объясненіи. Г. Z. также спрашиваетъ : «эстетики не обращаютъ ли вниманія только на обстоятельство жизни?» — нисколько; эстетика вовсе не занимается біографіею писателей : это дѣло исторіи литературы. Онъ думаетъ еще, будто-бы «мы не знаемъ, что такое поэзія», и спрашиваетъ : «не есть ли она «нѣчто въ родѣ тѣхъ простыхъ началъ, которыхъ химія не умѣетъ разложить?» — нисколько; между кислородомъ или сѣрою и поэзіею нѣтъ никакого сходства; происхожденіе поэзій давно уже объяснено; основные элементы, изъ которыхъ возникаетъ она въ человѣческой душѣ, давно уже найдены. Чѣмъ-то необъяснимымъ поэзія кажется только людямъ, незнакомымъ съ «наукою». Послѣ этого г. Z. недоумѣваетъ : необходимо ли эстетическій вкусъ для историка литературы? Никто въ этомъ не сомнѣвается, какъ въ томъ, что астроному необходимы глаза; потому-то именно объ этомъ никто и не толкуетъ. Наконецъ г. Z. спрашиваетъ : справедливо ли «говорятъ, будто бы одинъ нѣмецъ, во всѣхъ «отношеніяхъ великій мыслитель, написалъ «философію природы и философію духа человѣческаго, и забылъ философію прекраснаго въ природѣ внѣшней и въ душѣ нашей?» Увѣряемъ г. Z., добрые люди сказали это ему совершенно-несправедливо; сколько можно понять, дѣла идетъ о Шеллингѣ — а онъ именно и былъ основателемъ общеприня-

той нымъ теоріи прекраснаго; да и изъ другихъ «великихъ мыслителей» никто не забывалъ теоріи прекраснаго въ своей системѣ философіи.

Разрѣшивъ недоумѣніе г. Z. относительно поэзіи и науки, постараемся разрѣшить недоумѣніе читателей относительно его статьи, происхождение которой, конечно, кажется имъ довольно-загадочнымъ. Дать положительный отвѣтъ на эти недоумѣнія гораздо-труднѣе. Зачѣмъ пишетъ г. Z. статью противъ критики на книгу г. Тулова? «не затѣмъ, чтобъ защищать эту книгу отъ нападеній критики»; зачѣмъ же? неужели затѣмъ, чтобъ сказать: «я не знаю, что такое наука», «я не понимаю, что такое поэзія», «я не понимаю, какимъ образомъ должно писать исторію литературы» и т. д. Но эти признанія вовсе не такъ приятны для самолюбія автора, чтобъ статья могла быть написана съ цѣлью придать имъ всеобщую извѣстность. Можетъ-быть, г. Z. хотѣлъ показать необходимость эстетической теоріи для историка литературы? это всего скорѣе можно было бы предполагать по вопросу, съ которымъ обращается онъ къ г. Введенскому: «не забыли ли вы еще чего-нибудь, необходимаго для оцѣнки писателей, кромѣ исторической критики? напримеръ, вкуса, пониманія того, что называется поэзіей, художествомъ (*художественностью?*), красотою?» Но г. Введенскій и не думаетъ отрицать необходимость вкуса: это было бы смѣшно; что признаетъ онъ и необходимость теоріи словесности, также не подлежитъ, вѣроятно, сомнѣнію, если вся его статья посвящена изложенію метода этой теоріи. Кромѣ того, г. Z., «пресытившись чтеніемъ всевозможныхъ эстетикъ» (NB курсовъ эстетики, заслуживающихъ нынѣ вниманія, всего-на-все только два — Гегеля и Фишера) «рѣшительно возненавидѣлъ игру въ эстетическія идеи», о которыхъ очевидно получаютъ онъ идею только изъ замѣчаній г. Введенскаго на книгу г. Тулова. Съ какою же цѣлью написана его статья? Намъ кажется, просто съ цѣлью написать полемическую статью. Но полемика имѣетъ интересъ, имѣетъ смыслъ — и смыслъ весьма-важный для науки — только тогда, когда возникаетъ вслѣдствіе потребности защитить свои убѣжденія. А вся статья г. Z. носитъ грустные слѣды рѣшительнаго отсутствія всякихъ убѣждений относительно вопросовъ, о которыхъ въ ней трактуется. Эстетику г. Z. «прежде любилъ, но теперь возненавидѣлъ»; потомъ онъ пристрастился къ исторіи литературы — «но и этому убѣжденію было суждено жить въ его душѣ не долго»: во имя чего же возстаетъ онъ противъ «требованій современной науки»? Во имя — ровно ничего, во имя своего «разочарованія»; а теперь для меня, говоритъ онъ, пришло разочарованіе; но мода на разочарованіе давно прошла; разочарованность нынѣ — эстетальность, ни для кого неинтересная; сомнѣнія и недоумѣнія разочарованныхъ людей перестали быть даже поучительными. Поучительнымъ навсегда остается только правило, защищаемое статьею, на которую падаетъ г. Z.: нельзя написать ничего яснаго, дѣльнаго, ничего живаго о предметѣ, съ которымъ пишушій незнакомъ основательно; нельзя

даже написать полной колоссической статьи, если предмет, о котором должна в ней идти речь, не по силам автору (1).

Современными событиями начинают вызываться статьи в наших жур-

(1) Все это уже было нами написано, когда мы получили от И. И. Введенского письмо, которому считаем нужным дать место в нашем журнале и по прочтении которого мы все-таки решились напечатать свою статью в том самом виде, в каком была она до получения письма. Вот письмо г. Введенского:

«М. Г. На этих днях прочли мы из «Современника» небольшую polemическую статью, изложенную в формѣ письма ко мнѣ. Незнакомый автор, глубоко-затакавший свое имя, подѣ буквою Z, старается, на основаніи юмористическихъ соображеній, опровергнуть мой взглядъ на теорію словесности, который нѣмалъ я честь представить читателямъ вашего журнала въ декабрѣ прошлаго года, въ своей статьѣ, написанной по поводу книги г. Тулоу: *Руководство къ познанію родовъ, видовъ и формъ поэзіи*. «Современникъ» очень-хорошо знаетъ, что, соблюдая правила литературной вѣжливости, я не оставаю безъ отвѣта книгѣ бы то ни было возраженій, направленныхъ противъ меня. На этотъ разъ, къ великому моему сожалѣнію, весьма-легко можетъ статься, что я принужденъ буду оставить безъ отвѣта polemическое письмо г. Z. Вамъ извѣстно, что я потерялъ зрѣніе, почти до совершенной слѣпоты, и это обстоятельство лишаетъ меня въ настоящую минуту всяческой возможности вѣзаться за перо, или кингу.

«Не думаю, впрочемъ, чтобы г. Z, изложившій свое письмо в формѣ юмористической, могъ ожидать отъ меня серьезнаго отвѣта. Въ самомъ началѣ авторъ этой веселой статейки создается весьма-откровенно, что когда-то, въ давно-минушія времена, вѣроятно въ первую эпоху своей цвѣтущей молодости, онъ глубоко изучалъ умозрительную эстетику. Руководимый юношескою любовью къ этой веселой наукѣ, онъ, по собственному его признанію, даже съ жаромъ написалъ прекрасную диссертацию о разнообразныхъ геніяхъ на поприщѣ искусства, диссертацию, въ которой было доказано, какъ дважды-два, что Микель-Анджело былъ геній, Рафаэль былъ геній, и что всѣ другіе геніи тоже действительно были самыми геніальными людьми. Векорѣ, однакожъ, въ порывѣ юношеской горячки, онъ изорвалъ или предалъ сожженію эту превосходную, съ жаромъ написанную диссертацию, и, появивъ такимъ-образомъ всю безплодность эстетико-умозрительно-шарлатанскаго направленія въ наукѣ, обратился къ современной исторической методѣ, на основаніяхъ которой должна быть излагаема теорія словесности. Но и эта метода, неизвѣстно почему, не понравилась г. Z. По собственному его признанію, онъ пересталъ читать всякія изслѣдованія по теоріи словесности, почувствовалъ какое-то неностыжливое разочарованіе въ своей душѣ, и, подѣ влияніемъ этого разочарованія, ужъ просто, безъ всякаго рациональнаго направленія и безъ всякой методы, принялся разсуждать о явленіяхъ изящнаго и обо всѣхъ дивныхъ красотахъ въ подлунномъ мірѣ. Это же разочарованіе и было, по всей вѣроятности, единственнымъ поводомъ къ тому письму, которое онъ адресовалъ ко мнѣ черезъ «Современникъ».

«Что прикажете отвѣчать такому скромному дилеттанту въ наукѣ? Вѣроятно, вы найдете, что письмо г. Z въ строгомъ смыслѣ не заслуживаетъ отвѣта; но согласитесь, во всякомъ случаѣ, что веселый авторъ письма разсуждаетъ о предметѣ въ высшей степени интересномъ и важномъ для всѣхъ тѣхъ, которые дорожатъ достоинствомъ науки. Вотъ почему я искренно сожалею, что не могу теперь же отвѣчать г. Z. Какъ скоро медицина возаратитъ мнѣ потерянное зрѣніе, первую обязанностью почту вступить въ необходимые объясненія съ безименнымъ критикомъ-юмористомъ, который, въ настоящемъ случаѣ, *volens-voletis*, принужденъ будетъ извинять мое молчаніе, быть-можетъ, продолжительное.

«Имѣю честь, и пр. Н. Введенскій.»

28 апрѣля 1854.

наших, и велѣдъ за «Санктпетербургскими Вѣдомостями», ужь два мѣсяца печатающими рядъ статей о Турецкой Имперіи, «Современникъ» въ 4-мъ номерѣ помѣстилъ первую статью *Свѣдѣній о современномъ состояніи Европейской Турціи*; въ апрѣльской книжкѣ «Библиотеки для Чтенія» также находимъ довольно-большую статью г. Сенковского о Турціи. Статья, помѣщенная въ «Современникъ» — компиляція, очень поспѣшно составленная по двумъ или тремъ изъ вышедшихъ въ последнее время на нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ брошюркамъ. Если не ошибаемся, главнымъ матеріаломъ для нея служило сочиненіе Унгевиттера. Начинается она довольно-неудачнымъ «географическимъ обзоромъ Балканскаго Полуострова», кудреватымъ и тяжелымъ; но слѣдующія главы проще и лучше первой. Г. Сенковский пользуется заслуженною славой знатока Турціи; потому въ-правѣ бы мы ожидать отъ него гораздо-болѣе интересныхъ и основательныхъ подробностей, нежели тѣ, какія даетъ статья, написанная имъ для «Библиотеки». Но, какъ часто бываетъ съ г. Сенковскимъ, онъ увлекся въ изложеніе мнѣній, лично ему драгоцѣнныхъ, и у него почти не осталось мѣста сказать ничего, относящагося къ существенно-интересному нынѣ для насъ предмету — настоящему положенію Турціи. Сначала пренодробно доказывается, что точныхъ свѣдѣній о числѣ жителей въ Европейской Турціи невозможно имѣть, потому-что ихъ не имѣетъ и само турецкое правительство; что поэтому должны мы довольствоваться только предположительною, близкою къ истинѣ цифрою — да кто же и сомнѣвался въ этомъ? Хорошо, по-крайней-мѣрѣ, что напоследокъ принимается число жителей, принимаемое почти всеми — 15 милліоновъ. Судя по предшествовавшимъ разсужденіямъ, мы думали, что г. Сенковский будетъ возставать противъ этой цифры и будетъ утверждать, что жителей въ Европейской Турціи втрое болѣе, или втрое меньше, нежели обыкновенно полагаютъ; но если обыкновенная цифра довольно-вѣрна по его мнѣнію, къ-чему же было и доказывать невозможность приблизиться къ истинѣ?.. Потомъ авторъ пускается въ парадоксальныя по формѣ доказательства, что турки въ Европейской Турціи вовсе не турки, что истинныхъ тутокъ въ ней не три милліона, какъ полагаютъ, а развѣ тридцать тысячъ, потому-что остальные, такъ-называемые турки не коренные турки, а или отуречившіеся албанцы, греки, славяне и т. д., или, если и турки, то принадлежали, до основанія могущественнаго государства Османомъ, не къ тому маленькому улусу, надъ которымъ первоначально властвовалъ Османъ и его предки, а къ другимъ соплеменнымъ улусамъ, слившимся съ этимъ первоначальнымъ зерномъ... Кто же сомнѣвался и въ этой простой истинѣ? Не зачѣмъ только было выражать ее парадоксально и подтверждать оригинальнымъ изложеніемъ общезвѣстныхъ фактовъ. Г. Сенковский, вѣроятно, полагалъ, что безъ этой обстановки основная мысль не имѣла бы никакой эффектности? И то можетъ быть!

Наблюдательный путешественник и даровитый рассказчик, писавший, под именем «Саратовскаго купца Жаркова» интересныя записки о киргизахъ (въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1852 г.), началъ печатать продолженіе ихъ въ апрѣльской книжкѣ «Библіотека для Чтенія» шестидесяти года. Но, увлеченный собственнымъ успѣхомъ, онъ слишкомъ запросто сталъ толковать съ читателями обо всемъ, что задумается, и наполнилъ половину своей статьи ни къ чему неведущими отступленіями о томъ, «что значитъ попасть въ тонъ», и т. д.; всѣ эти разглагольствованія показались ему нужными для того, чтобъ представить себя истымъ купцомъ, человекомъ простымъ, неписьменнымъ. Но, пожелавъ слишкомъ-глубоко войти въ свою роль, мнимый купецъ не только растянулъ свою статью во вредъ ея живой занимательности, но изобличилъ себя рѣшительно не купцомъ: именно тѣ страницы, на которыя онъ хочетъ наложить печать истинно-купеческаго тона, написаны языкомъ изъясненнымъ, натянутымъ, неприятнымъ. Пусть мнимый саратовскій купецъ меньше щеголяетъ передъ нами своимъ купечествомъ и больше говоритъ о киргизахъ — мы будемъ ему за это очень-благодарны, потому-что о киргизахъ онъ рассказываетъ въ-самомъ-дѣлѣ прекрасно, и послѣдняя половина его статьи очень-интересна, между-тѣмъ, какъ первая производитъ самое неприятное впечатлѣніе.

Но рѣшительно не стоило «Библіотекѣ для Чтенія» переводить такія статьи, какъ *Вьна*, воспоминанія Эжена Дино, въ которой нѣтъ ничего, кромѣ ничтожнѣйшей болтовни мимолетно-проѣхавшаго француза, успѣвшаго познакомиться въ Вѣнѣ только съ церемоннымъ образомъ жизни полуаристократическаго общества, отъ котораго онъ въ несказанномъ восторгѣ. Въ аристократическое общество, несмотря на всѣ усилія, ему не удалось попасть, и онъ чрезвычайно груститъ объ этомъ, рассказывая, однакожь, и объ этомъ недоступномъ для него мирѣ очень-подробно. Общество, которое описываетъ г. Гино, вездѣ одинаково: и въ Лондонѣ, и въ Берлинѣ, и въ Парижѣ; поэтому записки его лишены всякаго интереса.

Въ 3-й книжкѣ «Пантеона» замѣтимъ хорошую статью г. Небольсина *Ловецкіе рассказы о каспійскомъ рыболовствѣ* (о тюленьемъ промыслѣ). — *Христофоръ Коломбъ* Ламартина, по обыкновенію этого писателя, отличается сентиментальною высокопарностью. — Какимъ образомъ чрезвычайно-плохая статья *Питаніе человека и животныхъ* могла быть заимствована изъ «Динглера политическаго журнала» — трудно понять: вѣроятно, она испорчена въ передѣлкѣ; но и это предположеніе не объясняетъ еще отсталости ея содержанія.

Въ недавно-вышедшей (24-ой) книжкѣ «Москвитянина» за 1853 годъ (выпускъ которой задержанъ былъ, говорить, окончаніемъ перевода «Ада» Данте) помѣщена статья одного изъ молодыхъ нашихъ

филологовъ, П. Лавровскаго: *Нѣсколько словъ о значеніи и происхожденіи слова «кметъ»*. Статья эта заслуживаетъ особеннаго вниманія не по содержанію своему, а по тому стремленію, которому обязана своимъ появленіемъ въ печати, и о немъ-то, объ этомъ-то стремленіи, мы хотимъ сказать «нѣсколько словъ». Много справедливыхъ насмѣшекъ было вызвано незрѣлыми и ничтожными «общими взглядами» на исторію, философію, политическую экономію и т. д., «теоріями», «опытами» и т. д., которыми въ старые годы энѣшилъ, бывало, поразовать и просвѣтить ученый міръ всякій молодой человекъ, начинавшій заниматься какою-нибудь изъ тогдашнихъ модныхъ наукъ. Теперь это время прошло. Въмѣсто «общихъ взглядовъ», начало господствовать «подробное изученіе матеріаловъ», и недозрѣлыя печатныя произведенія начинающихъ ученыхъ приняла другой характеръ. Если я началъ заниматься филологіею (одна изъ модныхъ наукъ) и открылъ, что *облака* происходятъ отъ *облекаю*, или *возъ* — отъ *возить*, или *душь* — отъ *дышать*, я тотчасъ же спѣшу передать ученому міру свое драгоценное открытіе, и посылаю о немъ «нѣсколько словъ» въ какой-нибудь журналъ. И если моя статья будетъ напечатана (чего не случается?), а черезъ недѣлю отправляю еще «нѣсколько словъ» о новомъ своемъ открытіи, что *вѣра* не взято съ латинскаго *verus*, а есть коренное славянское слово, потому-что и посербски есть вира (вѣра) и попольски *wiaga*, и наконецъ потому, что «вѣра» имѣетъ сродство съ нѣмецкимъ *wahr*... Все это было бы прекрасно, еслибъ эти старанія о печатномъ сообщеніи новооткрытыхъ истинъ не развивали до крайности тщеславія, которое, какъ извѣстно, въ-конецъ губитъ охоту и потребность сдѣланнаго изученія предмета. На этомъ основаніи мы считаемъ слишкомъ востановившія извѣщенія о великихъ, но до невѣроятности мелочныхъ открытіяхъ, давно-извѣстныхъ каждому, несомнѣмъ-выгодными для дѣятельности ученой дѣятельности извѣщающаго о нихъ. Такъ и г. Лавровскій, развернувъ чешскій и сербскій словарь, увидѣлъ, что слово *кметъ* общеславянское слово, слѣдовательно, коренное славянское, а не заимствованное русскими или поляками отъ нѣмцевъ, съ которыми сербы не могли быть знакомы, и спѣшить предъавить свое открытіе нашимъ ученымъ. Но, вопервыхъ, это мнимое открытіе не имѣетъ, оставаясь одинокимъ, ровно никакого значенія. Еслибъ оно и дѣйствительно было открытымъ, то сообщать его свѣту можно было бы не иначе, какъ въ приличіи къ большому изслѣдованію о чемъ-нибудь имѣющемъ какое-нибудь значеніе; во вторыхъ, все, что говоритъ г. Лавровскій въ «нѣсколькихъ словахъ» на 14 страницахъ, давно извѣстно всемъ безъ исключенія славянистамъ. Такія открытія должны оставаться закрытыми отъ ученаго міра до-тѣхъ-поръ, пока ихъ наберется тысячи, и въ томъ числѣ нѣсколько десятковъ будутъ принадлежать самому автору, а не будутъ взяты имъ изъ различныхъ рукописныхъ тетрадей, находящихся въ рукахъ у его знакомыхъ. Тогда, сгруппировавъ ихъ, онъ,

можетъ-быть, напишеть что-нибудь въ-самомъ-дѣлѣ заслуживающее печати.

Въ отдѣлѣ Наукъ 6-го нумера «Москвитянина» помѣщена коротенькая статейка г. Погодина: *О политическомъ разномысліи*, напечатанная «слишкомъ двадцать-пять лѣтъ назадъ», и теперь перепечатанная безъ всякой перемены.

Въ отдѣлѣ Историческихъ Матеріаловъ находимъ *О Кулибинѣ* (№ 24), дополненія изъ статьи «Нижегородскихъ Губернскихъ Ведомостей» къ «Воспоминаніямъ» о Кулибинѣ г. Пятерикова, помѣщеннымъ въ «Москвитянинѣ» прошедшаго года; два маловажные документа 1) Вѣдніе отъ Абрама Петровича Ганнибала (иредка Пушкина) о томъ, что въ 1727 году Менишковъ послалъ его на китайскую границу для строенія крѣпости, и 2) Письмо княгини Дашковой къ Иркутскому генерал-губернатору Якоби о томъ, чтобъ онъ прислалъ сибирскихъ минераловъ для минералогическаго кабинета Академіи Наукъ (№ 24); сверхъ-того продолжается *Смѣсь Н. М. Карамзина*, помѣщенная въ «Московскихъ Ведомостяхъ» 1795 года, въ изданіи которыхъ онъ участвовалъ (№ 6); начало этой перепечатки было помѣщено въ первыхъ нумерахъ «Москвитянина» за нынѣшній годъ. Намъ кажется, что совершенно-напрасно «Москвитянинъ» перепечатываетъ ее вновь: вся «Смѣсь» состоитъ изъ коротенькихъ статей, иногда только, и то слегка, компилированныхъ, а большею-частью переведенныхъ безъ всякаго измѣненія. Потому довольно было бы, составивъ ея общую характеристику, выписать, для примѣра, нѣсколько статей. Заимствованы онѣ повидимому всѣ изъ французскихъ газетъ или анекдотическихъ сборниковъ; большею-частью это анекдоты изъ французскихъ нравовъ, изъ французской исторіи, особенно изъ жизни французскихъ литераторовъ.

Въ томъ же отдѣлѣ «Москвитянина» (№ 5-й) помѣщено нѣсколько сочиненій Пушкина, именно: *Сцена изъ Бориса Годунова* (стр. 1 — 3), *Письмо къ барону А. А. Дельвигу* (стр. 4 — 6), посланіе *К. А. Т-вой* (стр. 6), статья *О сочиненіяхъ Катенина* (стр. 7 — 8) и *Письма къ А. А. Фуксъ* (стр. 9 — 11). Объ этихъ статьяхъ мы получили сзѣдующія замѣчанія отъ В. П. Гаевского:

«Всѣ эти сочиненія, доставленные въ редакцію «Москвитянина» г. Тихонравовымъ, уже были напечатаны, и нѣкоторые изъ нихъ даже по нѣскольку разъ, именно: Сцена изъ «Бориса Годунова» въ «*Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik, und Kunst, besonders Russlands*», съ переводомъ ея на нѣмецкій языкъ 1833 года, въ разборѣ этой трагедіи, наимсамомъ барономъ Е. О. Розеномъ (Erster Band, стр. 56—59), и въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалду» 1834 года (№ 3, стр. 23); содержаніе письма къ Дельвигу въ «Севереникѣ» 1854 года (№ 1, Критика, стр. 42 — 43); посланіе «К. А. Т-вой» въ «Радугѣ», литературномъ и музыкальномъ альма-

найтъ на 1830 годъ, издавшею П. Арановичъ и Д. Новиковичъ, и въ IX т. «Сочиненій» Пушкина подъ заглавіемъ *Къ женщины-поэту* (стр. 201); статья «О сочиненіяхъ Катенина» въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» 1833 года (часть IX, № 26, стр. 206 — 207); письма къ г-жѣ Фукеъ — въ ея *Воспоминаніяхъ объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ*, напечатанныя въ прибавленіяхъ къ «Казанскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ» 1844 года (№ 2) и отдѣльною брошюрою.

«Съ какою же цѣлью, въ-правѣ спросить читатель, «Москвитянинъ» предлагаетъ сочиненія Пушкина, уже давно-извѣстныя и большая часть которыхъ уже въ третій разъ является въ печати? Предполагаетъ ли онъ, что эти сочиненія неизвѣстны или малоизвѣстны? перепечатываетъ ли ихъ потому, что большая часть изъ нихъ пропущена въ собраніи «Сочиненій» Пушкина.

«Не беремся разрѣшать всѣхъ этихъ вопросовъ и недоумѣній, на которые едва-ли можно ожидать удовлетворительнаго отвѣта; но воспользуемся случаемъ сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ представляемыхъ «Москвитяниномъ» сочиненій Пушкина.

«Сцена изъ «Бориса Годунова», напечатанная уже два раза, является въ третій, значительно-искаженная. Исканія состоятъ въ томъ, что каждый стихъ раздѣленъ на два (вѣроятно, потому, что въ стихѣ по восьми хоренческихъ стопъ), и на второй страницѣ прибавлены, со словъ С. П. Шевырева, два слѣдующіе стиха, очевидно-принадлежащіе стороннему вдохновенію:

«И куда костей проклятыхъ
Не заносятъ вороны.»

«Этихъ стиховъ нѣтъ ни въ двухъ прежнихъ изданіяхъ этой сцены, ни въ рукописномъ экземплярѣ трагедіи, принадлежавшемъ поэту, ни въ спискахъ этой сцены съ подлинника, доставленныхъ пишущему эти строки барономъ Е. Ѳ. Розеномъ и В. Н. Щастинымъ. Мы не видимъ особенной пользы въ подобномъ искаженіи произведеній великихъ писателей.

«Борисъ Годуновъ», написанный въ 1825 году, былъ изданъ въ 1831, и до того времени только нѣкоторыя сцены трагедіи являлись въ альманахахъ и журналахъ. Такимъ-образомъ сцена между Пименомъ и Григоріемъ въ кельѣ Чудова Монастыря напечатана въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1827 года (№ 1, стр. 3 — 10); начало же ея перепечатано въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1828 годъ, (стр. V — VIII), для объясненія картинки, изображающей Пимена и Григорія; сцена между Курбскимъ и Самозванцемъ на литовской границѣ — въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 годъ (стр. 25 — 27), и перепечатана въ «Сѣверной Пчелѣ» 1828 года (№ 4)

при разборѣ «Северныхъ Цвѣтовъ»; двѣ первыя сцены трагедіи—въ «Дельничѣ», альманахѣ на 1830 г., изданномъ М. Максимовичемъ (стр. 4—9). Но великій поэтъ долго колебался исполнѣ издать свое произведеніе. Вотъ небольшой отрывокъ изъ неизданнаго письма его къ В. отъ 3 декабря 1825 года, изъ Михайловскаго: «Я написалъ трагедію, и ею очень доволенъ; но страшно въ свѣтъ выдать: робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма. Подъ романтизмомъ у насъ разумѣютъ «Дамартиа. Сколько я ни читалъ о романтизмѣ, все не то; даже Кювьеръ». Пушкинъ, долго не рѣшаясь издавать свою трагедію, безпрестанно перерабатывалъ и перерабатывалъ ее, и вотъ почему, по замечаніямъ «Бориса Годунова», нашлось столько сценъ, исключенныхъ поэтомъ. Въ 1833 году баронъ Розенъ, разбирая «Бориса Годунова» въ «Dorpaten Jahrbücher» привелъ, вмѣстѣ съ своимъ переводомъ, сцену между Григоріемъ и чернецомъ, перепечатанную впоследствии въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду», и теперь искаженную въ «Москвитиникѣ»; а въ 1838 году, уже по смерти Пушкина, явилась въ «Современникѣ» (т. X, стр. 153—156) сцена между Мариной и Рузей въ замкѣ воеводы Мнишка въ Самборѣ, напечатанная вмѣстѣ съ другою, представляющею Дѣвичье Поле съ толпой народа, въ IX т. «Сочиненій» Пушкина (стр. 193—199).

Слѣдующіе восемь стиховъ, относящіеся къ началу сцены между царевичемъ и царевною въ царскихъ палатахъ, напечатанной въ трагедіи, въ I-мъ томѣ «Сочиненій» Пушкина, къ стр. 302:

Ксения, *разсматривая портретъ.*

Что жъ уста твои

Не промолвили?

Очи ясныя

Не проглянули?

Аль уста твои

Затворилися?

Очи ясныя

Закатилися?..

переведены барономъ Розеномъ въ его статьѣ о «Борисѣ Годуновѣ» въ «Dorpaten Jahrbücher» (1833 г., т. I-й, стр. 53—54); русскій же подлинникъ ихъ приведенъ г. А. Саавкинъ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» къ «Русскому Инвалиду» 1834 г., (№ 8, стр. 21), при переводѣ статьи барона Розена; а вслѣдъ за ними переведены стихами разговоръ царевны съ мажоромъ въ той же сценѣ, написанный Пушкинымъ въ прозѣ. Приведеніе въ незнакомость неизданныхъ отрывковъ и вариантовъ трагедіи было бы не бесполезно для будущаго полнаго изданія сочиненій Пушкина.

«Содержаніе письма Пушкина къ Дельвигу было уже напечатано въ «Современникѣ» 1854 г. (№ 1), съ пояснительными примѣчаніями;

письмо же не могло быть напечатано, потому-что П. В. А.—въ, у котораго находится его подлинникъ, не предоставляялъ никому права его печатать, такъ-какъ оно должно войти въ биографію Пушкина, что и оговорено въ «Современникѣ». Какъ могъ оказаться *второй* подлинникъ? — это вопросъ, на который мы отвѣчать не можемъ.

«Посланіе К. А. Т — *вои* (стр. 6), перепечатано изъ «Радуги» потому-что въ собраніи «Сочиненій» Пушкина оно помѣщено съ небольшими измѣненіями въ пяти стихахъ. Но зачѣмъ выбирать одно стихотвореніе, тогда-какъ въ «Сочиненіяхъ» Пушкина нѣсколько десятковъ стихотвореній напечатаны съ перемѣнами сравнительно съ первоначальною ихъ редакціей.

«Не знаемъ, справедливо ли предположеніе г. Тихонравова, что стихотвореніе князя Виземскаго *Запретная Роза*, напечатанное въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1826 г. (ч. VIII, № 5, отд. II, стр. 3) относится къ той же особѣ, къ которой Пушкинъ написалъ свое посланіе, теперь уже въ третій разъ перепечатанное; но думаемъ, что посланіе Пушкина К. А. Т — *вои* относится къ малознавшей писательницѣ, Екатеринѣ А. Тишевой, выпечатавшей нѣсколько стихотвореній въ «Литературной Газетѣ» 1834 года и въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1831 и 1832 годовъ.

«Статья *О сочиненіяхъ Катенина* (стр. 7—8) перепечатана изъ «Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду», гдѣ она явилась съ подписью Пушкина. Въ-отношеніи къ ней неволью представляется тотъ же вопросъ: зачѣмъ изъ множества пропущенныхъ въ «Сочиненіяхъ» Пушкина, даже подписанныхъ поэтомъ статей, только это удостоилось помѣщенія въ «Москвитяинѣ»? Гораздо полезнѣе было бы указать произведенія Пушкина, явившіяся или: 1) безъ подписи, какъ, напримѣръ: *Посланіе къ В. . . .* (Великопольскому), *Сочинителю сатиры на игроковъ*, напечатанное въ «Сѣверной Пчелѣ» 1828 года (№ 30) нѣсколько стихотвореній и прозаическихъ статей въ «Московскомъ Вѣстникѣ», «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», «Литературной Газетѣ», и проч., или 2) подъ псевдонимами, какъ, напримѣръ, *Посланіе Мечтателю* («Сочиненія» Пушкина, т. III, стр. 125) первоначально-напечатанное въ «Сынѣ Отечества» 1818 года съ подписью Ся. . . . ч. к. (т. е. *сверчокъ* — прованіе поэта въ арзамасскомъ обществѣ), *О предисловіи г. Лемонте къ баснямъ Крылова*, изданнымъ (графомъ Г. В. Орловымъ) во французскомъ и итальянскомъ переводахъ, въ Парижѣ, статья напечатанная въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1825 года (часть V, № XVII) съ подписью Н. К. (1), *Торжество дру-*

(1). Академикъ Петръ Эдуардъ Лемонте (Lemontey) родился въ Монтъ 14 (2) января 1762 года; скончался въ Парижѣ 29 (17) іюня 1826 года;

жбы или оправданный Александр Анюмовичъ Орловъ, въ «Телескопѣ» 1831 (№ 13, стр. 135) съ подписью *Геофилактъ Косичкинъ*; *Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ*, тамъ же (№ 15, стр. 412) съ подписью *Г. Косичкинъ* — двѣ образцовыхъ полемическихъ статьи, нѣсколько стихотвореній въ «Литературной Газетѣ» съ подписью *Кре.*, и проч... (1).

«Изъ названныхъ нами анонимныхъ произведеній Пушкинна приводимъ первое. *Посланіе къ В.*, принадлежность котораго Пушкину едва ли кому извѣстна, и которое, по этой причинѣ, будетъ новостью для чтателей. Оно явилось съ слѣдующимъ примѣчаніемъ редакціи: «Имени Сочинителя свхъ стиховъ не подписываемъ: ех lingue leonem:»

Такъ элегическую лиру
 Ты промѣнялъ, нашъ моралистъ,
 На благосклонную сатиру?
 Хвалю поэта — дѣльно міру,
 Ему полезенъ розги свистъ.
 Мнѣ жалокъ очень твой Аристъ:
 Съ какииъ усердьемъ онъ молится,
 И какъ несчастливо игралъ!
 Вотъ молодежь: погорячился,
 Продулся весь и такъ пропалъ!
 Дамонъ твой человекъ ужасный.
 Забудь его опасный домъ,
 Гдѣ, впрочемъ, сознаюся въ томъ,
 Мой другъ, ты вѣдь себя прекрасно:
 Ты никому тамъ не мѣшалъ.
 Эраста (2) нѣжно утѣшалъ,

слѣдовательно предисловіе къ переводу басенъ Крылова было однимъ изъ его послѣднихъ произведеній. Краткое некрологическое извѣстіе о немъ напечатано въ «Сѣверной Пчелѣ» 1826 года (№ 26), о переводѣ басенъ и о предисловіяхъ къ нему (итальянскомъ и французскомъ) говорится въ «Сѣверной Пчелѣ» 1825 (№ 45), въ «Сынѣ Отечества» 1825 года (кн. 13), въ биографіи Крылова, написанной Н. А. Плетневымъ («Полное собраніе сочиненій Крылова», 1847 г., т. I, стр. LXI—LXII) и проч. Издатель перевода басенъ, сенаторъ графъ Орловъ, умеръ въ 1826-мъ году въ Петербургѣ. Краткое некрологическое извѣстіе о немъ напечатано въ «Сѣверной Пчелѣ» 1826 года (№ 75). Кроме-того, свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ графа Орлова можно найти въ названныхъ выше статьяхъ и въ «Современникѣ» 1834 г. (№ 1, Критика, стр. 27).

(1) Лицейскіе псевдонимы Пушкинна уже указаны въ «Современникѣ» 1853 (№ 1, Критика, стр. 75—78 и 81) и въ нашемъ журналѣ въ минувшемъ году (№ 6, Смѣсь, стр. 145—152).

(2) Такъ называется сатира г. Великопольскаго. Вотъ ея полное заглавіе *Къ Эрасту, сатира на мироковъ. Соч. Нв. Великопольскаго.*

Давалъ полезныя совѣты,
И ни рубля не проигралъ.
Люблю : вотъ каковы поэты !
А то, уча безумный свѣтъ,
Порой грѣшить и проповѣдникъ.
Послушай, Персievъ наслѣдникъ,
Разскажъ мой :

Нѣкто мой сосѣдъ
Въ томленьяхъ благородной жажды
Хлебнувъ кастальскихъ водъ бокаль,
На игроковъ, какъ ты, однажды
Сатиру злую написалъ,
И другу съ жаромъ прочиталъ.
Ему въ отвѣтъ его пріятель
Взялъ карты, молча стасовалъ,
Далъ снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы! потировалъ.
Тебѣ знакомъ ли сей проказникъ ?
Во встрѣча съ нимъ была бѣ мнѣ праздникъ :
Я съ нимъ готовъ всю ночь не спать,
И до полуднежнаго сiянья
Читать моральныя посланья
И проигрывать его писать.»

«Остальные изъ указанныхъ нами произведеній Пушкина предостав-
ляемъ перепечатать «Москвитяину». Хотя многіе изъ нихъ и болѣе
известны, нежели приведенное посланіе, но, во всякомъ случаѣ, извест-
ность эта ограничивается весьма небольшимъ числомъ читателей, и по-
тому они будутъ пріятною новостью для весьма многихъ. Перепечаты-
ваніе же произведеній Пушкина, хотя и пропущенныхъ въ собраніи
«Сочиненій», но явившихся съ подписью поэта, следовательно извест-
ныхъ, едва-ли можетъ принести желаемую пользу.

Въ напечатанномъ въ «Москвитяинѣ» отрывкѣ *Изъ письма кн.
П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булакову изъ Венеціи отъ 6/18
ноября 1853 года (стр. 11), сообщенномъ С. П. Шевыревымъ, чи-
таемъ :*

«В. Л. Пушкинъ (за) четверть часа до кончины вида, что я взялъ въ
руки Литературную Газету, которая лежала на столѣ, сказалъ мнѣ за-
дыхающимся и умирающимъ голосомъ : какъ скученъ Катенинъ ! который
въ то время печаталъ длинныя статьи въ этой газетѣ. — Allons nous-en,
сказалъ мнѣ тутъ Александръ Пушкинъ : il faut laisser mourir mon oncle
avec un mot historique.

*Москва, 1828 годъ. Отзывъ объ этой сатирѣ напечатанъ въ «Сѣверной
Пчелѣ» 1828 года (№ 26).*

Т. ХСIV. — Отд. IV.

1/6

Это предсмертное, столько же решительное, как и справедливое, сужденіе В. Л. Пушкина о *Размышленіяхъ и разборахъ П. А. Катенина* также не ново: оно было напечатано еще въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1830 года (№ 15, стр. 416) въ некрологѣ В. Л. Пушкина, но безъ остроумнаго замѣчанія его племянника.»

РАЗНЫЯ НОВѢСТІА.

Надняхъ художникъ г. *Иковъ* издалъ пять тетрадей рисунковъ, подъ названіемъ *Костюмъ различныхъ народовъ*. Это изданіе въ высшей степени интересное и полезное: въ немъ собраны изображенія древнихъ костюмовъ и утварей египтянъ, евреевъ, грековъ, римлянъ и русскихъ съ X до XVIII вѣка. Всѣхъ рисунковъ въ пяти тетрадяхъ пятьдесятъ-четыре, и каждый рисунокъ въ листъ величиною. Продаются они всѣ за *три рубля сер.*; слѣдовательно, каждый рисунокъ обходится въ 5½ копейки сер. Дешевле быть не можетъ! А между-тѣмъ вникните, какую огромную и разнообразную пользу приносятъ это изданіе — и учащимся исторіи, и художникамъ, и просто образованнымъ людямъ. Здѣсь вы видите въ полномъ облаченіи древнихъ египетскихъ, еврейскихъ, римскихъ, греческихъ царей, жрецовъ, жрицъ, консуловъ, сенаторовъ, ликторовъ, кравчихъ, судей, слугъ, воиновъ съ ихъ оружіемъ и колесницами, музыкантовъ, простолюдиновъ, со всеми современными имъ утварями, мѣбелью, музыкальными инструментами, экипажами, письменными принадлежностями, судами, съ образчиковъ архитектуры частныхъ и публичныхъ зданій, и пр. пр. Сверхъ-того, въ пятой тетради 20 рисунковъ посвящены изображенію костюмовъ и разныхъ принадлежностей жизни русскихъ, начиная съ X-го вѣка... Словомъ, тутъ полная историческая панорама, воскрешающая въ вашемъ воображеніи все, чтò читали вы въ книгахъ о древней жизни; тутъ, такъ-сказать, исторія въ-лицахъ. И замѣйте, въ рисункахъ г. *Икова* нѣтъ ни одной черты, которая не была бы взята изъ достовѣрныхъ историческихъ памятниковъ; слѣдовательно, на изображенія его можно вполне положиться, по нимъ можно изучать древность, копировать съ нихъ древніе памятники, брать изъ нихъ детали для картинъ, статуй и пр. Нельзя до-

вольво благодарить г. Икова за то, что онъ, не гоняясь за блескомъ, сдѣлалъ скромное изданіе, не на глянцерованной бумагѣ, безъ излишнихъ украшеній, и оттого былъ въ-состояніи опредѣлить ему такую умеренную, незначительную цѣну. Иностранецъ, вѣроятно, назначилъ бы цѣну внятеро болѣе, потому только, что напечаталъ бы тѣ же самые рисунки на какой-нибудь велевовой бумагѣ, съ бордюрами и прочими ненужными штуками. Всякій бѣдный художникъ, всякій учащійся исторіи, нуждающіеся въ пособіи этого рода, вѣроятно, отъ души поблагодарить г. Икова за его благоразумное и въ высшей степени полезное изданіе. Въ этомъ предположеніи сообщаемъ и доставленный намъ адресъ г. Икова : въ Санктпетербургѣ, на Васильевскомъ Острову, въ 3 Линіи, въ домѣ Семенова.

— Едва-ли кто-нибудь такъ усердно обогащаетъ новостями нашу картографію, какъ г. Зуевъ. Мы едва успѣваемъ слѣдить за издаваемыми имъ картами. Онъ докончилъ теперь свой большой трудъ ; *Географическій Атласъ, составленный по Де-ла-Маршу, Бальби, Дюфуру, Брессону, Жоффруа и др.*, состоящій изъ трехъ частей. *Часть I, гемеральная*, содержитъ въ себѣ карту небесныхъ полушарій, карту планетныхъ системъ, чертежи для объясненія движеній земли, солнечныхъ и лунныхъ затмѣній, круговъ и линій земнаго шара; карту земныхъ полушарій въ разрѣзѣ по меридіану, карту земныхъ полушарій въ разрѣзѣ по экватору, карту пяти частей свѣта по меркаторской проекціи, сравнительныя высоты горъ, очертанія лицъ человеческихъ племенъ и отдѣльныя карты Европы, Азии, Африки, Америки и Австраліи; къ нимъ присоединены : картина земли, заключающая въ себѣ рисунки для нагляднаго представленія главнѣйшихъ понятій изъ физической географіи, и карта луны по новѣйшимъ наблюденіямъ. Во второй части содержится *Отдѣленіе спеціальное*, заключающее въ себѣ 18 картъ, изъ которыхъ 10 посвящены Европѣ, 5 Азии, 2 Африкѣ и одна Сѣверной Америкѣ. Третья часть названа *дополнительною*; въ ней помѣщено 36 картъ и таблицъ, именно : карта изотермическихъ и изохименныхъ линій, карта распределенія растительности на земномъ шарѣ, карта распределенія низпадающихъ водъ, карта магнитныхъ меридіановъ и параллельныхъ круговъ, карта распределенія животныхъ на земномъ шарѣ, карта распределенія болѣзней по земному шару, сравнительная таблица времени, сѣтка желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ, карта санктпетербургско-московской желѣзной дороги, планы Лондона, Парижа, главнѣйшихъ столицъ и достопримѣчательныхъ городовъ, гербы Россійской Имперіи и первоистатейныхъ державъ и наконецъ ордена всѣхъ европейскихъ государствъ съ ихъ знаками, раскрашенными тѣмъ цвѣтомъ, какой они имѣютъ въ натурѣ, съ подробнымъ описаніемъ каждаго ордена, его историческаго происхожденія и образа ношенія его, словомъ : это полнѣйшій географическій атласъ, какой только бывалъ изданъ на русскомъ

всего. Конечно, художественная сторона его оставляет еще желать многого, но зато издание отличается дешевизною; иначе атласъ, состоящий изъ 70 картъ, стоилъ бы такъ дорого, что не всякій могъ бы приобрести его.

Сверхъ-того, г. Эувъ издалъ недавно три карты, интересныя для всѣхъ, кто слѣдитъ за современными военными событіями, именно: *Карту прибалтійскихъ владѣній Россіи, Швеціи, Пруссіи и Даніи*, съ подробными обозначеніемъ береговыхъ мѣстностей, съ 3-имъ планами Петербурга, Кёнигсберга, Стокгольма, Копенгагена и Христианіи; *Карту Европейской Турціи и Карту Кавказскаго Края и Азіатской Турціи*. Вообще, нельзя не быть благодарну г. Эуву за его трудолюбіе и готовность отвѣчать на современную потребность публики въ географическія пособия.

— Г. Фридебургъ безостановочно продолжаетъ свое роскошное изданіе: *Россійскій Царственный Домъ Романовыхъ*. Вышла 13-я тетрадь, заключающая въ себѣ превосходный портретъ царицы Елены Семеновны, урожденной Лопухиной (въ монашествѣ Елена), первой супруги Петра-Великаго, и начало біографіи царицы Наталы Кирилловны, матери Петра-Великаго.

— Г. де-Вильнёвъ издалъ еще тетрадь своего *Album historique et pittoresque de la Tauride*, содержащую въ себѣ планъ древней Каоны, видъ нынѣшней Теодосіи, святаго Айвазовскія, и виды (внутренній и наружный) караимской синагоги въ Теодосіи.

— Въ половинѣ мая выйдетъ въ свѣтъ четвертый томъ «Пронилеевъ», сборника статей по части классической древности, издаваемого въ Москвѣ профессоромъ Леонтьевымъ. Въ немъ будетъ помѣщенъ полный переводъ начала *Илиады*, сдѣланный покойнымъ В. А. Жуковскимъ въ послѣдніе дни его жизни. Такимъ-образомъ этотъ новый томъ «Пронилеевъ» не только будетъ представлять интересъ для любителей классической древности, но и будетъ подаркомъ для всѣхъ любителей русской поэзіи.

— Мы получили отъ А. Н. Майкова слѣдующее письмо, которому, по просьбѣ его, даемъ мѣсто въ нашемъ журналѣ:

«М. г. Противъ своего обыкновенія, я напечаталъ «*Клермонтскій Соборъ*» («Отеч. Зап.» № 3) тотчасъ почти, какъ его написалъ, увлекшись желаніемъ и нетерпѣніемъ сказать мое слово по поводу великихъ событій, перелѣдъ нами совершающихся. Отъ этого я не успѣлъ еще завѣсть всѣхъ частей пьесы и въ первомъ выгу созданія думать, что сказалъ все, что хотѣлъ. Ничто такъ не обидѣваетъ этого пыла, какъ членіе своего

произведенія въ печати : тутъ читатель его какъ посторонній, и видѣтъ ясно, гдѣ не досказано и гдѣ ошибка. Поэтому, прошу васъ не забыть въ вашъ журналъ и сдѣланную мною поправку. Пользуясь этимъ случаемъ также, чтобы выразить печатно мою благодарность «Иностранному Подписчику», который очень-вѣрно указалъ мои ошибки (Собр. № 4); благодарю его особенно за то, что онъ высказалъ мнѣ свои замѣтки не изъ желанія блеснуть критическимъ тактомъ, но подарилъ мнѣ нѣсколько минутъ вниманія и размышленія; безъ которыхъ критика никогда не принесетъ пользы ни искусству, ни его подвизникамъ.

«Вотъ моя поправка. Чтобы не лишить эту страницу смысла, я приведу нѣсколько стиховъ выше :

За что же занадмы братья
 Намъ шлютъ не ласку, не привѣтъ,
 А богохульныя проклятья
 И скрежесть демоновъ во слѣдъ?
 За что жь съ тоскою и заботой
 Они на насъ, косясь, глядятъ?
 За что жь на насъ вѣдутъ ихъ слоты
 И намъ погибелью грозятъ?
 За что жь? за то, что мы созрѣли ;
 Въ ученикахъ они своихъ
 Теперь совѣстниковъ узрѣли ;
 Что то не шутки : между нихъ
 Мы грозно требуемъ гражданства ;
 Мы не пришельцы : зиждемъ храмъ
 Еще невѣдомый вѣкамъ ;
 На необъятное пространство
 Фундаментъ вывели! Предъ нами
 Блѣднѣютъ древнія державы,
 И новыхъ силъ и новой славы
 Младое солнце страшно намъ!
 Докопчигь храмъ — въ насъ есть отвѣтъ,
 Въ насъ сила есть, въ насъ вѣра есть ;
 Всѣ для него земли блага
 Готовы въ жертву мы принести.
 Мы вѣримъ : намъ пришлось на долю
 Свершить, что Занадъ начиналъ,
 Что насъ отнынѣ Богъ избралъ
 Творить Его святую волю.
 Въ насъ духъ корысти не растлѣтъ
 Великихъ мужественныхъ силъ ;
 Мы нашей честью не торгуемъ,
 Намъ Божья заповѣдь свята,
 И еарисейскимъ полагаетъ
 Не лобызаетъ ны Христа...
 И, можетъ-быть, она предвѣститъ,

Что изъ Россіи ледной
Еще невиданное выйдетъ
Гигантовъ племя къ нимъ грозой,
Гигантовъ — съ ненасытной жаждой
Безсмертья, славы и добра,
Гигантовъ — какъ ихъ мѣръ омажды
Зрѣль въ грозномъ образѣ Петра.

«Ничья честь быть и проч.»

А. Майковъ.»

V.

Römische Geschichte von Dr. A. Schwegler (Римская Исторія, соч. Шwegлера). Томъ первый.

Die Alpen-Etrusker. Von M. Koch. (Альпійскіе этруски, соч. Коха.) Лейпцигъ. 1853.

Статья вторая.

Въ настоящее время нетрудно понять причину, отчего прежнее изслѣдованіе, такъ долго удерживаясь на вопросѣ о древнѣйшемъ народонаселеніи Италіи, не могло однако пойти далѣе несостоятельной гипотезы о пеласгахъ. Даже съ проницательностью и вѣрнымъ тактомъ Нибура нельзя было избѣжать ошибки, потому—что она условлялась недостатками самаго метода. Прежнее изслѣдованіе, не исключая нибуровскаго, думало рѣшить вопросъ лишь на основаніи историческихъ извѣстій, сохранившихся у древнихъ писателей. Намъ извѣстна уже степень достовѣрности этихъ извѣстій въ самомъ ихъ источникѣ : чего же можно было ожидать отъ искусственныхъ ихъ комбинацій, которыя въ разное время предпринимаемы были различными изслѣдователями, кромѣ болѣе или менѣе остроумныхъ гипотезъ? Какъ было не попасть на неизбежное предположеніе о пеласгахъ, когда, перебирая свидѣтельства древнихъ и ограничиваясь только ими, приходилось то—и—дѣло встрѣчаться съ греческими предположеніями объ этомъ загадочномъ племени, столько укоренившимися въ римской исторіографіи? Неудивительно, что Нибуръ почерпнулъ основанія для своихъ выводовъ изъ этого источника : другаго еще и не было въ его время; странно то, что онъ не замѣтилъ противорѣчій между своимъ же воззрѣніемъ на извѣстія римскихъ историковъ и тѣмъ приложеніемъ, которое дѣлалъ изъ нихъ въ самомъ началѣ своихъ изслѣдованій о римской исторіи. Правда, что съ одною цѣлью у него соединялась другая : рѣшая вопросъ о древнѣйшемъ народонаселеніи Италіи, онъ хотѣлъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, указать въ самомъ корнѣ на общее происхожденіе грековъ и римлянъ, котораго признаки, между прочимъ, замѣчаются въ языкѣ того и другаго народа, а для этой цѣли онъ не находилъ другаго посредствующаго элемента, кромѣ пеласговъ. Но пока оставалось противорѣчіе, ни та

ни другая цѣль не могла быть достигнута какъ слѣдуетъ, потому-что принятыя основанія для выводовъ сами еще нуждались въ повѣркѣ, которая, впрочемъ, какъ показали послѣдствія, вовсе не говорить въ ихъ пользу.

Между-тѣмъ, какъ, на основаніи историческихъ указаній, происходилъ споръ объ италійскихъ pelasгахъ, на другомъ полѣ незамѣтно подготовлялся новый матеріалъ и, такъ сказать, новое орудіе для опредѣленія древняго народонаселенія Италіи. Надобно сказать правду: не разработавъ напередъ этого матеріала, напрасно было и приступать къ дѣлу; не зная ничего опредѣленнаго, документальнаго, о языкѣ древнихъ жителей Италіи, нельзя было дѣлать заключенія о различіи ихъ происхожденія, или о степени ихъ племеннаго родства между собою и съ другими народами. Какъ на всѣхъ почти историческихъ почвахъ, и здѣсь вопросъ о первоначальныхъ жителяхъ страны долженъ былъ прежде всего разъясниться путемъ филологическаго изслѣдованія. По-счастью, на разныхъ мѣстностяхъ Италіи, обозначаемыхъ въ древнемъ періодѣ различными народностями, сохранилось достаточное число надписей, чтобъ составить по нимъ нѣкоторыя общія заключенія о самомъ языкѣ, на которомъ онѣ писаны. Долгое время онѣ казались недоступными анализу, долгое время весь успѣхъ изслѣдованія ограничивался лишь нѣкоторыми специальными выводами, которые, повидимому, не могли найти себѣ никакого приложенія въ исторіи: потому-что дѣло точно было новое и трудное, и только современемъ, соединенными усиліями многихъ изслѣдователей, посвятившихъ ему можетъ-быть лучшія свои силы, можно было нѣсколько распутать этотъ узелъ и достигнуть болѣе-твердыхъ и болѣе-положительныхъ результатовъ. Тѣмъ съ болѣею признательностью, впрочемъ, наука сохранить имена тѣхъ, которые не побоялись трудностей дѣла и продолжали работать надъ нимъ, несмотря на то, что труды ихъ долго оставались почти незамѣченными: постоянствомъ своего изслѣдованія они не только успѣли взять верхъ надъ предметомъ, но и много способствовали тому, чтобъ проложить нѣкоторые новые пути въ наукѣ. Особенной благодарности въ этомъ отношеніи заслуживаетъ та отрасль нѣмецкой филологіи, которая преимущественно посвятила свои занятія изученію языковъ древней Италіи по сохранившимся памятникамъ. Начало ея не восходитъ выше послѣднихъ двадцати лѣтъ нашего столѣтія. Нибуръ приближался уже къ концу своего юприща, когда полагались только первыя основанія этой новой важной отрасли древней эпиграфики. Между именами ея основателей и здѣсь встрѣчается имя Гротененда, которому какъ-будто суждено дѣлать самыя первыя шаги въ трудномъ искусствѣ чтенія надписей и потому надолго останавливаться на нихъ. Но зачинанія его всегда благотворно дѣйствовали на продолжателей и болѣею-частью наводили ихъ на вѣрный путь. Около того же времени О. Миллеръ, занимаясь этрусскими, попалъ на ту же самую дорогу; но гипотеза о pelasгахъ была тогда еще во всей своей силѣ и нерѣдко сбывала съ толку изслѣдователя. Какъ бы то ни было, движеніе было открыто, и вслѣдъ за

начивателями многие свѣжіе таланты устремились по тому же направленію. Одни изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Лепсіусъ, покинули его потому для другихъ занятій; другіе, какъ Клонцъ, Моммсенъ, и въ последнее время особенно Ауфрехтъ и Кирхгофъ, сосредоточили около него всю свою ученую дѣятельность. Такимъ-образомъ, съ небольшимъ въ два десятилітія, изслѣдованіе могло сдѣлать значительные успѣхи, привести свои плоды наукѣ. Первая, разумѣется, воспользовалась ими филологія; но вотъ ужъ наступила пора, когда исторія также можетъ усвоить себѣ результаты изслѣдованія и извлечь изъ нихъ пользу прямо для себя.

Сколько намъ извѣстно, Швеглеръ первый употребилъ въ дѣло, при рѣшеніи вопроса о древнѣйшемъ народонаселеніи Италіи, результаты новѣйшихъ филологическихъ изслѣдованій. Нельзя было избрать болѣе вѣрнаго средства, чтобъ подвинуть впередъ науку римской исторіи въ одномъ изъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ ея собственныя средства всего недостаточнѣе. Можно сказать, что теперь только начинается проясняться тотъ глубокій мракъ, въ которомъ такъ долго были скрыты отъ нашихъ глазъ основныя народныя черты древней Италіи. Чтобы, впрочемъ, быть вѣрнѣе возрѣнію самого автора, мы будемъ держаться его же порядка въ нашемъ изложеніи. Сначала онъ дѣлаетъ сводъ тѣхъ положеній, которыя добыты чисто-филологическимъ изслѣдованіемъ и показываютъ отношенія древнихъ итальянскихъ діалектовъ между собою. Оказывается, что всѣ они, за исключеніемъ элементовъ кельтическаго и греческаго, позднѣе занесенныхъ въ Италію переселенцами съ сѣвера и юга, могутъ быть раздѣлены на три главныя отрасли: этрусскую, умбро-сабелло-латинскую и мессапійскую. Область этрусскаго языка нѣкогда была довольно-обширна. Не ограничиваясь собственно Тосканою, употребленіе его также распространено было по теченію рѣки По, по-крайней-мѣрѣ до-тѣхъ-поръ, пока кельты не утвердились въ тѣхъ мѣстахъ. Нельзя того же положительно утверждать о Кампаніи, хотя этруски и владѣли ею нѣкоторое время. Дошедшія до насъ сокровища этого языка заключаются въ этрусскихъ надписяхъ, которыя впервые были собраны и изданы Ланци, но которыхъ число потомъ значительно умножилось. Извѣстно, что изъ всѣхъ древне-италійскихъ языковъ этрусскій наименѣе уступаетъ изслѣдованію; однако, послѣ многихъ усилій, оно овладѣло имъ настолько, чтобъ сдѣлать нѣкоторыя заключенія объ отношеніи его къ другимъ родственнымъ языкамъ. Долгое время онъ казался совершеннымъ особнякомъ, неимѣющимъ никакой связи съ общимъ индогерманскимъ корнемъ. Поразительная бѣдность его вокализаци дѣлала почти невозможнымъ всякое сближеніе. Но и эта трудность побѣждена въ последнее время. Доказано, что сначала вокализаци была гораздо-богаче, и что необыкновенное скопленіе согласныхъ есть ужъ позднѣйшее явленіе въ этрусскомъ языкѣ, которое имѣло свои причины въ особой системѣ произношенія (собственно акцентуаціи). Это же самое обстоятельство имѣло большое вліяніе и на окончателныя формы языка (флекси), которыя также приводили въ отчаяніе изслѣдователей. Мно-

гя особенности его и теперь еще остаются неразгаданными, но, по крайней-мѣрѣ, не можетъ быть болѣе рѣчи о его безсемеинности, или совершенномъ отчужденіи отъ семьи прочихъ европейскихъ языковъ. Ужь открыты признаки родства какъ въ корняхъ, такъ и въ формахъ, и есть надежда, что дальнѣйшее изслѣдованіе еще лучше покажетъ близкое отношеніе этрусскаго языка къ другимъ современнымъ ему итальянскимъ діалектамъ. Мессапійская отрасль, которая, до усиленія самнитянъ и утвержденія греческихъ колонистовъ, распространялась не только на всю Калабрию, но и на Апулію, Луканію и Бруттиумъ, тоже мало покоряется анализу. Остатки ея заключаются въ небольшомъ числѣ надписей, сохранившихся до нашего времени. Они еще не объяснены до сего времени, и потому трудно опредѣлить настоящее мѣсто этого языка. Моммсенъ, однако, видитъ въ немъ одинъ изъ діалектовъ италійскихъ автохтоновъ, существовавшей еще до греческаго, но родственной ему, и потому даетъ ему названіе пеласгическаго. Самые положительные результаты, добытые новымъ изслѣдованіемъ, относятся къ третьей отрасли. Она обнимаетъ собою діалекты всѣхъ народовъ, которыхъ имена входятъ въ ея многосложное названіе. По этому можно судить и о предѣлахъ ея географическаго распространенія: къ области ея нѣкогда принадлежала вся южная половина полуострова, начиная отъ теченія рѣки Тибра и выключая лишь Калабрию и греческія колоніи. Пока знаніе не коснулось языковъ, нельзя было сказать ничего положительнаго и о народахъ, жившихъ на этомъ пространствѣ. А. Шлегель первый высказалъ мысль о ихъ родственности; впоследствии Лепсіусъ повторилъ то же самое мнѣніе; но самые рѣшительные выводы принадлежатъ уже новѣйшему изслѣдованію: оно представило несомнѣнныя доказательства, что умбры, самниты, сабины, вольски и латины говорили каждый своимъ особымъ языкомъ, а употребляли лишь *различныя діалекты одного и того же языка*, которые находятся между собою въ такомъ же отношеніи, какъ и различныя діалекты языковъ греческаго или нѣмецкаго. Большею опредѣленности нельзя бы и требовать отъ общаго вывода.

Если же было единство языка, то не въ-правѣ ли изслѣдователь заключить отсюда, что и самые народы, говорившіе этимъ языкомъ, принадлежали къ одному общему корню — все равно, разошлись ли они между собою еще до вступленія своего въ Италію, или былъ между ними одинъ коренной народъ, отъ котораго, уже впоследствии, на новой почвѣ, постепенно произошли различныя вѣтви?

Опираясь въ своемъ основаніи на филологическіе выводы, эта мысль не находится въ противорѣчьи и съ историческими преданіями. Шлегель приводитъ нѣсколько такихъ указаній почти на каждый народъ, принадлежащій по языку къ одной группѣ съ латинцами. Первые сюда относятся умбры. Прочную опору для изслѣдованій о ихъ языкѣ составляютъ извѣстныя «Игувинскія Надписи», въ числѣ семи, изъ которыхъ двѣ писаны латинскими письменами, а остальные пять — умбрскими, идущими отъ правой руки къ лѣвой. Онѣ-то дали возможность видѣть, что языкъ умбровъ рѣзко отдѣляется отъ этрус-

скаго, за-то, впрочемъ, имѣеть много родственнаго съ осскимъ и латинскимъ. Не оттого ли, можетъ-быть, между ними было такое близкое отношеніе, что умбры составляли нѣкогда коренной стволе для всей этой семьи народовъ? Историческія преданія не противорѣчаютъ этому предположенію. По извѣстіямъ, которыя сохранились у Плинія, умбры были древнѣйшій и многочисленнѣйшій народъ въ Италиі и, до нашествія этрусковъ и галловъ, занимали всю сѣверную Италию. Неудивительно, что, уступая этому давленію съ сѣвера, они потомъ начали все болѣе-и-болѣе распространяться на югъ, и что отъ нихъ пошли какъ сабины, такъ и другіе народы, утвердившіеся позже въ южной части полуострова. То же самое предположеніе могло бы имѣть мѣсто и относительно вольсковъ, отъ которыхъ до насъ дошли двѣ надписи, представляющія поразительныя аналогическія черты съ языкомъ умбровъ; но этотъ фактъ, надобно признаться, не имѣеть за собою яснаго историческаго свидѣтельства. О сабелльскомъ нарѣчій, которымъ говорили сабинцы и родственные имъ мелкіе народы Средней Италиі, какъ-то: марсы, марруцины, пиченты, знаемъ мы сравнительно менѣе по бѣдности оставшихся послѣ него памятниковъ. Впрочемъ, этому недостатку помогаютъ частыя названія сабинскихъ городовъ, частью же нѣкоторые идиотизмы языка, сохранные древними писателями. Какъ ни скудны эти остатки, но они довольно-ясно показываютъ, что языкъ, которымъ говорили сабинцы, долженъ занимать среднее мѣсто между діалектами умбрскимъ и осскимъ, точно такъ, какъ и географическое положеніе народа было среднее или посредствующее между этими крайними отраслями одного племени. И по извѣстіямъ древнихъ, сабинцы, сами будучи съ одной стороны вѣтвью умбровъ, съ другой считались родоначальниками оссо-сабелльской народной семьи. Называли же самнитяне сами себя сабинами; да и въ томъ имени, подъ которымъ мы знаемъ ихъ, заключается то же самое указаніе. Нѣкоторые филологическіе признаки сюда же заставляютъ относить еще герниковъ: не иначе думаетъ о нихъ Сервій, извѣстный комментаторъ Вергилія, производящій ихъ прямо отъ сабинцевъ. Гораздо болѣе простора даетъ изслѣдованію осскій языкъ: онъ не чуждъ былъ нѣкотораго литературнаго образованія, служилъ нѣкоторое время языкомъ официальнымъ и оставилъ по себѣ сравнительно большее число памятниковъ въ надписяхъ. Вышнее или географическое его распространеніе также было очень-значительно: кромѣ самнитянъ, къ области осскаго языка принадлежали френтаны, сѣверные апулійцы, кампанцы со времени самнитскаго завоеванія, и другіе южные народы, за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ говоръ относился къ мессапійской отрасли. Въ Геркуланумѣ и Помпѣяхъ осскій языкъ употреблялся до самаго ихъ разрушенія. Успѣхами въ разборѣ осскихъ надписей наука всего болѣе обязана Момсену. Его превосходныя изслѣдованія дали несомнѣнныя доказательства того, что осскій языкъ, какъ по системѣ звуковъ, такъ и по корнямъ и грамматическимъ формамъ, имѣеть ближайшее родство съ латинскимъ и умбрскимъ, и составляетъ, подобно имъ, лишь особый діалектъ одного и

того же основного языка. Ничего не может быть определеннее этого же вывода. Тѣмъ замѣчательнѣе то согласіе, которое находится между нимъ и нѣкоторыми этнографическими преданіями. Во время Аристотеля и даже Катона—старшаго, греки продолжали относить латинцевъ и римлянъ къ опикамъ (то—есть къ народамъ, говорившимъ поосски) и приводили ихъ къ единству, прежде чѣмъ римское завоеваніе распространилось на Кампанию, конечно, не по иной причинѣ, какъ на основаніи замѣченного сродства въ языкѣ. То же, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду Полибій, когда причиталъ мамертинцевъ въ родню римлянамъ. Страбонъ положительно говоритъ, что въ языкѣ самнитскомъ есть много общаго съ латинскимъ. Поставленными рядомъ съ филологическими выводами, эти отрывочныя извѣстія также имѣютъ свою цѣну и значеніе.

Породнивъ между собою важнѣйшія народности Древней Италіи, изслѣдованію оставалось показать тѣмъ же путемъ: въ какомъ отношеніи находятся онѣ къ общей семьѣ индогерманскихъ народовъ. Сравнительное языкознаніе не менѣе ясно и удовлетворительно рѣшаетъ и эту вторую половину задачи. Отношеніе къ общему корню здѣсь то же самое, что и у другихъ народовъ—старожилловъ Европы: связь открывается сама—собою, безъ всякаго посредствующаго звена. Нѣтъ достаточныхъ основаній думать, чтобы грекамъ принадлежало какое—нибудь преимущество въ этомъ родѣ; сравнительное изученіе языковъ скорѣе приводитъ къ тому заключенію, что древніе италійскіе народы были сверстники своихъ сосѣдей, жившихъ по другую сторону Адриатическаго моря. «Народы и племена (говоритъ Шветлеръ), которыхъ встречаемъ въ Италіи на самой первой зарѣ зачинающейся исторіи, если не всѣ, то большинство частью принадлежатъ къ индо—германской породѣ. Такъ—какъ первоначальную ея родину надобно искать въ Азій, то они, очевидно, не могли быть автохтонами Италійскаго Полуострова, а явились сюда пришельцами и заняли страну посредствомъ завоеванія. Навѣрное также можно сказать, что это ихъ переселеніе произошло не моремъ, не на судахъ, а сухимъ путемъ, и что, слѣдовательно, они проникли въ Италію съ сѣвера. Вѣроятно дагѣ, что италійскія племена индо—германскаго происхожденія вошли въ предѣлы полуострова всѣ вмѣстѣ, одною сплошною массою, и что потомъ уже на новой почвѣ, произошло развѣтвленіе языка на нѣсколько различныхъ діалектовъ. Съ другой стороны, впрочемъ, нельзя отвергать возможности и обратнаго явленія, т. е., что Италія получила свое индо—германское народонаселеніе не за—разъ, а вслѣдствіе цѣлаго ряда постепенныхъ переселеній, которыя, какъ волны, приливали къ ея предѣламъ одно вслѣдъ за другимъ. По—крайней—мѣрѣ это предположеніе имѣетъ за себя аналогію большихъ народныхъ переселеній въ началѣ новаго времени.»

Итакъ филологическое рѣшеніе вопроса о древнѣйшемъ народонаселеніи Италіи обходится безъ несчастій. Ему нѣтъ никакого дѣла до нихъ, по той весьма—простой причинѣ, что оно и помимо ихъ достигаетъ весьма—удовлетворительныхъ заключеній. Для чего же те-

перъ можетъ быть пригодна гипотеза о пеласгахъ, о которой такъ много хлопотали прежде изслѣдователи? Какую пользу приносить она наукѣ, или какое явленіе объясняетъ въ ней? Было время, когда она дѣйствительно помогала — если не самому знанію, то исторической любознательности, давая повидимому самое удовлетворительное объясненіе загадочной двойственности латинскаго языка и связи его съ греческимъ. Еще римскіе изслѣдователи замѣчали въ своемъ языкѣ особую стихію, которая, по ихъ мнѣнію, вела свое начало отъ эолическаго нарѣчія. Новые, не допуская такого подчиненія одного языка другому, тѣмъ не менѣе продолжали отличать въ латинскомъ два различные элемента: одинъ такъ-называемый «полугреческій», и другой совершенно-чуждый ему. Иначе говоря, латинскій языкъ признавъ былъ за смѣшанный, и каждая составная часть его требовала для себя особеннаго объясненія. Дальнѣйшее наблюденіе показало, что слова распредѣлялись по группамъ не случайно, но на основаніи самыхъ понятій. Такъ слова, означавшія различные предметы земледѣлія и мирной оскдлой жизни вообще, большею-частью имѣютъ сходство съ греческими; и наоборотъ, предметы, относящіеся къ военнымъ занятіямъ, также къ охотничьей жизни, выражаются такими словами, въ которыхъ совершенно нѣтъ ничего греческаго — не ясный ли знакъ, что два чуждые другъ другу народа встрѣтились между собою, и что одинъ изъ нихъ, болѣе воинственный, одолѣлъ другой болѣе мирныхъ свойствъ? Въ этомъ состояніи вопроса пеласги должны были показаться сушимъ кладомъ для изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, съ помощью гипотезы о пеласгахъ легко разъяснялись обѣ главныя трудности задачи. Вопервыхъ, становилось понятно присутствіе въ латинскомъ языкѣ элемента, родственнаго греческому, а между тѣмъ, во-вторыхъ, не было никакой нужды производить одинъ языкъ отъ другаго, потому-что они нашли общій корень себѣ въ языкѣ пеласговъ. Такъ объяснялъ себѣ это явленіе Нибуръ, а О. Мюллеръ даже положительно утверждалъ, что другаго рѣшенія и быть не можетъ. Сходство латинскаго съ греческимъ (говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своего изслѣдованія о «Доріаняхъ») не иначе можетъ быть объяснено, какъ при посредствѣ третьяго члена, т. е. пеласгическаго языка. Но какую силу имѣетъ это утвержденіе съ-тѣхъ-поръ, какъ найдено прямое и непосредственное отношеніе латинскаго языка къ общему корню всѣхъ индо-германскихъ языковъ? Зачѣмъ бы еще наука стала обращаться къ воображаемому источнику послѣ того, какъ сравнительная филологія открыла настоящій родникъ богатства языка? Изслѣдователи нѣсколько поторопились, когда объявили одну часть въ цѣломъ составѣ латинскаго языка греческою: латинскіе народы могли бы по тому же самому праву обратитъ требованіе на грековъ и также объявить своею соответствующую часть въ ихъ языкѣ. Болѣе раннее и болѣе самостоятельное развитіе греческой литературы — фактъ общезвѣстный и неподлежащій никакому сомнѣнію; но значеніе его вовсе не простирается такъ далеко, чтобы отсюда прямо можно было дѣлать заключеніе, что и самая начала языка, сравнительно съ латинскимъ, гораздо древнѣе. Не опредѣлить впередъ

отношений того и другого языка къ ихъ первоначальному корню, нельзя судить вѣрно и объ относительной древности каждаго изъ нихъ. Рѣшеніе тутъ возможно только средствами сравнительнаго языкознанія, а оно приводитъ почти къ неожиданнымъ результатамъ. Такъ въ латинскомъ можно указать многія формы санскритскаго, которыми совершенно утратились въ греческомъ, и вообще, по мнѣнію знатоковъ, послѣдній гораздо значительно отступилъ отъ организма цѣлой отрасли, чѣмъ латинскій ⁽¹⁾. Отсюда легко видѣть, какое употребленіе можетъ сдѣлать наука изъ такъ-называемой греческой стихіи въ латинскомъ языкѣ. Со стороны критики, конечно, было бы крайне-несправедливо ставить Нибуру и О. Миллеру въ вину ихъ ошибку: она не зависѣла отъ ихъ воли и произошла не отъ недосмотра, или недостатка вниманія, а отъ того, что въ ихъ время науки еще не за что было взяться, чтобы найти правильное рѣшеніе; средства для него созрѣли лишь въ послѣдующія два десятилѣтія. Нибуры и вслѣдъ за нимъ О. Миллеръ старались побѣдить трудность средствами своего времени, потому-что другихъ и не могло быть въ ихъ распоряженіи. Но возвращаться къ прежнимъ приемамъ въ наше время, когда уже эта тѣма достаточно разработана филологіею, значило бы, по нашему мнѣнію, не имѣть довольно вниманія къ успѣхамъ науки и стараться задерживать ее на ложномъ пути въ то самое время, какъ все указываетъ ей на новые, болѣе-прямые и правильные выходы.

Говорятъ, что латинскій языкъ — смѣшанный; стало-быть предпалагають, что въ немъ организмъ одного языка сильно потерялъ отъ столкновенія съ другимъ. Но гдѣ же слѣды того насильственнаго потрясенія, которое неминуемо должно было произойти отсюда и отразиться на цѣломъ составѣ языка? Обыкновенно, столкновенія этого рода производятъ разрушительное дѣйствіе на систему формъ и, сверхъ-того, разбиваютъ весь внутренній строй языка, какъ бы ни крѣпки были его основанія. Англійскій языкъ представляетъ самый разительный примѣръ подобнаго явленія: онъ утратилъ старыя англосаксонскія формы, но не усвоилъ себѣ французскихъ, привнесенныхъ норманнами, и остался почти ни причемъ. На латинскомъ языкѣ, напротивъ-того, не видно и тѣни того, чтобы онъ когда-нибудь выдержалъ такой же насильственный переломъ, или чтобы онъ обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ смѣшенію двухъ различныхъ языковъ. Его богатство формъ и правильное во всѣхъ частяхъ построеніе устраняютъ всякую мысль о томъ. Онъ выросъ такъ же органически изъ одного корня, какъ и греческій, и вовсе не уступаетъ ему въ единствѣ. Кажущіяся заимствованія изъ греческаго, которыя находятъ въ латинскомъ языкѣ, въ-сущности общее достояніе всего индо-германскаго племени: эти слова болѣе или менѣе согласны между собою почти во всѣхъ языкахъ той же фамиліи. И почему непремѣнно хотять сравнивать латинскій языкъ съ греческимъ, когда съ одинаковымъ правомъ можно сдѣлать то же самое и въ отношеніи къ

(1) См. Schwegler, p. 186—188.

нѣмецкому, вѣндскому и другимъ языкамъ родственнымъ? Тогда, можетъ-быть, точно также нашлись бы въ латинскомъ элементы нѣмецкнй, вѣндскнй, и т. д. Или, приложивъ тотъ же самый приѣмъ къ греческому языку, могли бы открыть въ немъ — разумѣется, подъ известнымъ угломъ зрѣннй — тоже двѣ стихнй: латинскую и не-латинскую, и, сообразно съ тѣмъ, вывести общее заключеннй о его составѣ. Вообще Шлегерь не придаетъ никакой цѣны этому приѣму, или способу сравненнй языковъ, считая его одностороннимъ, ошибочнымъ и потому совершенно-безплоднымъ въ наукѣ. ⁽¹⁾

Возвращаясь къ гипотезѣ о пеласагахъ, мы можемъ теперь сказать, что она отжила свое время. Успѣхи сравнительнаго языкознаннй подорвали ея мнимыя основаннй и сдѣлали ее совершенно несостоятельною. Волею или неволею, она должна уступить свое мѣсто въ наукѣ новымъ воззрѣннямъ. При-всемъ-томъ было бы несправедливо, кажется намъ, проводить ее однимъ укоромъ. Кромѣ того, что съ гипотезою о пеласагахъ соединена память о Нибурѣ и его взглядѣ на начальную римскую исторнй, ненадобно забывать и того, что было же время, когда она въ-самомъ-дѣлѣ служила знаннйо, т. е. удовлетворяла его требованнямъ по средствамъ этого самаго времени. Въ наукѣ, которая сама можетъ восходить къ знаннйо не иначе, какъ по степенямъ, побѣждая заблужденнй, памятна должна быть даже и временная заслуга.

Пеласагами далеко еще не оканчиваются трудности начальной римской исторнй. Найдены народы-старожилы Италнй, отличены отъ чужой примѣси, показаны степени родства ихъ между собою и отношеннй къ цѣлой семьѣ европейскнхъ народовъ. Филологнй сдѣлала свое дѣло; теперь надобно, чтобъ сказала свое слово исторнй. Жили же, эти народы каждый своею жизнью, были же у нихъ, сверхъ-того, различныя международныя отношеннй: не тутъ ли начинается и настоящая область исторнй?

Безъ-сомнѣннй, задолго прежде, чѣмъ городъ Семи Холмовъ началъ державствовать въ Италнй, древннй италнйскнй народы имѣли уже свою исторнй. Много усобицъ, враждебныхъ столкновеннй, завоеваннй, переворотовъ разнаго рода должно было совершиться на полуостровѣ, чтобъ многочисленныя народности, населявшнй его, уравнились между собою, или чтобы одна изъ нихъ взяла перевѣсъ надъ прочими. Не исключаются отсюда посторонннй влннйя, даже приливы новыхъ народныхъ элементовъ со стороны. Все это были бы событнй дѣйствительно историческнй, и изъ нихъ точно могъ бы составиться значительный отдѣлъ въ исторнй, если бы только она имѣла для того въ своемъ распоряженнй достаточный материалъ. Но обыкновенно о первомъ возрастѣ народной жизни доходитъ лишь невнятный гулъ до исторнй; обыкновенно, весь материалъ ея для подобной эпохи слагается изъ немногихъ отрывочныхъ, неопредѣленныхъ и

(1) Ibid., p. 191.

часто противорѣчащихъ между собою сказаній стараго времени, которыя какъ-то уцѣлѣли до литературнаго періода, потомъ были подобраны любознательными людьми и записаны ими на память потомству. Исторія такъ тѣсно связана съ образованіемъ, что и зараждается лишь при его начинающемся свѣтѣ. Пока не заалала заря его, народъ существуетъ въ потьмахъ, остается внѣ исторіи. Лишь весьма-немногіе народы столько счастливы, что ихъ историческая дѣятельность впервые раскрывалась при свѣтѣ чужой исторіи, въ виду другаго, образованнаго народа. Первобытная жизнь германцевъ и ихъ первыя вондственные движенія вѣроятно пропали бы для исторіи безъ слѣдовъ, еслибы они не были рано замѣчены римлянами и тогда же не обратили на себя ихъ просвѣщеннаго вниманія. Пока германцы пребывали по частямъ крѣпкую римскую границу, римляне съ любовнымъ вниманіемъ всматривались въ ихъ дикую «физиономію» и спѣшили записывать ихъ дѣла. На долю самихъ римлянъ не досталось подобнаго счастья. Ни одинъ образованный народъ не присутствовалъ близко при тѣхъ событіяхъ, которыми приготавлилась ихъ будущая исторія; никто не передалъ въ послѣдовательномъ разсказѣ и ясной, отчетливой памяти о нихъ. Греки? Но если посчитать годы той и другой народности съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онѣ нараждались каждая изъ своихъ элементовъ, то выйдетъ, что онѣ почти сверстницы между собою. Греческой письменности не было еще и въ-поминаніе, когда происходили тѣ движенія, которыя мало-по-малу подготавливали почву для исторической дѣятельности римскаго народа. Греки много опередили римлянъ и въ литературѣ и въ развитіи цѣлой жизни, но не на столько, чтобъ ихъ извѣстія о древнемъ періодѣ римской исторіи имѣли достоинство современныхъ свидѣтельствъ. Отрывочныя извѣстія, сохранившіяся на мѣстѣ, также принадлежатъ гораздо-позднѣйшей эпохѣ. При такихъ условіяхъ задачи исторіи представляются почти недоимыми трудности. Долгое время ему приходится блуждать въ темнотѣ и отыскивать предметы осязую. Если и есть нѣкоторые свѣтлые пункты, то ихъ трудно связать съ другими, потому-что связывающая нить давно потеряна. Преданія болѣею-частью имѣютъ исключительный, мѣстный характеръ; каждое изъ нихъ стоитъ само-по-себѣ и не хочетъ знать другаго. Много положено труда на это неблагодарное поле, но, кажется, долго еще надобно будетъ работать надъ нимъ изслѣдователямъ, чтобы обратить его въ историческое мадѣніе.

Между-тѣмъ, даже на этой дико-поросшей почвѣ, умный и трудолюбивый дѣлатель, неувлекающійся много фантазією, всегда найдетъ средство послужить наукѣ съ пользою и облегчить ея трудное дѣло своими разысканіями и соображеніями. Полезно ужъ и то, если ему удастся разсѣять нѣсколько старыхъ заблужденій; но, кромѣ того, можно надѣяться, что строгая критическая провѣрка извѣстій доставитъ и нѣкоторые положительные результаты. Авторъ «Римской Исторіи» довольно-счастливъ на то и на другое. Мы не скажемъ, чтобъ онъ окончательно побѣдилъ всѣ трудности, которыя представляются каждому изслѣдователю на этомъ невѣрномъ и скользкомъ пути; но, сколь-

ко намъ извѣстно, никому еще не удавалось такъ хорошо согласить относящіяся сюда извѣстия древнихъ и пролить болѣе свѣта на одну изъ самыхъ—темныхъ страницъ исторіи древней Италіи. Не занимая много мѣста, изслѣдованіе его объ этомъ періодѣ отличается рѣдкою трезвенностью сужденій и выводовъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ замѣчаемъ это прекрасное качество тамъ, гдѣ, можно сказать, самая природа предмета располагаетъ занимающагося нить къ нѣкоторому преувеличенію и произволу въ заключеніяхъ. Въ наукѣ, какъ и въ жизни: обыкновенно, чѣмъ темнѣе передъ глазами, тѣмъ сильнѣе дѣйствіе фантазіи. Исторіографія знаетъ тому множество примѣровъ; случалось въ ней и то, что подъ дѣйствіемъ той же силы, иной приростъ выросталъ въ многочисленный и сильный народъ... Тѣмъ пріятнѣе замѣтитъ въ изложеніи нашего автора строгую выдержанность. Можно не соглашаться съ нимъ въ томъ или другомъ пунктѣ изслѣдованія, но едва-ли можно упрекнуть его въ излишествахъ.

Главными представителями историческихъ народностей Италіи въ этомъ періодѣ Швиглеръ беретъ латинцевъ, сабинцевъ и этрусковъ. Они стоятъ у него впереди другихъ, по ихъ ближайшему отношенію къ Риму и римской національности, которая возникла среди нихъ и образовалась подъ ихъ вліяніемъ. Намъ кажется, сверхъ—того, что это видное значеніе трехъ италійскихъ народовъ, преимущественно предъ другими опредѣляется и самымъ ихъ географическимъ положеніемъ. Хотя объ стороны Аппенинскаго Полуострова равно омываются моремъ, но, по особеннымъ мѣстнымъ условіямъ, восточная всегда была менѣе благоприятна для успѣховъ гражданственности, общественнаго развитія, чѣмъ западная. Поэтому, еще въ старое время Италіи, напоръ горнаго аппенинскаго народонаселенія болѣе направлялся къ западному берегу. Понятно далѣе, что сила этого напора, всего больше должна была чувствоваться тамъ, гдѣ прибрежная равнина раскидывается шире, открытѣе, гдѣ она потому съ непреодолимою силою влечетъ къ себѣ горнаго жителя, какъ, напри- мѣръ, вдоль по долинѣ Тибра и по направленію къ Лаціуму. Римская Кампанія, упирающаяся одною своею оконечностью прямо въ сабинскія горы и почти замкнутая ими съ нѣсколькихъ сторонъ, повидимому особенно способна была къ тому, чтобъ рано ужъ выманить на свою поверхность населеніе окружающихъ ее высотъ. Неудивительно, что жители Лаціума, получившіе потомъ отъ него свое имя, пришли нѣкогда этимъ путемъ въ его предѣлы и мало-по-малу перемѣнили на новой почвѣ свой бытъ, бывъ до того времени, какъ показываетъ сродство языка, въ болѣе—тѣсной связи съ умбрами и сабинцами и находясь долгое время на одной степени развитія съ ними. Если же напоръ горныхъ жителей въ равнину продолжался и послѣ того, онъ, естественно, долженъ былъ ужъ встрѣчать себѣ сопротивленіе со стороны тѣхъ, которые заняли ее прежде другихъ. Отсюда начало сильнаго и постояннаго тренія, которое не могло остаться безъ результатовъ для дальнѣйшаго развитія. На всемъ послѣдующемъ протяженіи береговой линіи, далѣе къ югу, развѣ только роскошная южная Кампанія могла оказывать равную притягатель-

ную силу на окрестных горных жителях, и мы действительно знаемъ, что она поочередно была занимаема разными пришельцами со стороны, которые, какъ можно судить по языку, были въ близкомъ родствѣ съ самнитянами, послѣдними ея завоевателями до римскаго владычества. Остающуюся затѣмъ узкую полосу западнаго берега умѣли оцѣнить только предприимчивые греки, которые, подходи къ ней съ моря, гѣпили тутъ, одну за другою, свои малознаменитыя, но тѣмъ не менѣе живущія колоніи. Что же касается до занятія южной Кампаніи самнитскою отраслю горнаго аппенинскаго народонаселенія, то оно вело прямо къ тому, чтобъ запереть выходы изъ Лаціума на югъ и еще больше стѣснить происходившее въ немъ движеніе. Когда прибавимъ еще къ этому напоръ новыхъ пришельцевъ съ сѣвера, этрусковъ, и вслѣдъ за ними галловъ, которые сѣверо-западною стороною Италіи тоже пробивались къ Тибру, то будетъ понятно, какое сильное давленіе со всѣхъ сторонъ должна была выдерживать римская Кампанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ крѣпко завязывался здѣсь узелъ будущаго историческаго развитія для цѣлой страны. Долина Тибра, римская Кампанія и Лаціумъ становились такимъ образомъ главнымъ центромъ всего историческаго дѣйствія въ Италіи, а латинцы, сабинцы и этруски, которые занимали, или обступали ее плотно по сторонамъ — главнымъ его органомъ и представителями.

Это особенное назначеніе тибрской равнины въ исторіи древней Италіи не укрылось и отъ нашего автора. Жаль только, что онъ удовольствовался однимъ намекомъ и не позаботился раскрыть свою мысль подробнѣе. «Такъ было искони (говоритъ онъ по поводу аборигеновъ), что народныя волны, выходя изъ тѣсныхъ долинъ Абруццовъ, устремлялись, одна за другою, въ широкую и плодородную равнину Тибра, и конечно, надобно приписать просто случаю, что изъ всѣхъ этихъ переселеній лишь вторженіе такъ-называемыхъ реатинскихъ аборигеновъ особенно удержалось въ памяти исторіи!»⁽¹⁾ Тутъ же приводима имъ замѣтка Сервія знаетъ однако нѣсколько такихъ смѣтъ, поочередно слѣдовавшихъ одна за другою на томъ же самомъ пространствѣ: по его словамъ, сиканы были выгнаны лигурами, лигуры — сакранами, а сакраны — аборигенами. Въ томъ или другомъ порядкѣ происходили народныя движенія, измѣнявшія нѣсколько разъ составъ народонаселенія въ Лаціумѣ — рѣшить трудно по недостатку средствъ для повѣрки; но несомнѣнно то, что преданіе, сохранившее память о событіи, представляло его себѣ не иначе, какъ въ сложномъ видѣ, и различало въ немъ участіе нѣсколькихъ народностей. Многое могло бы еще проясниться въ этихъ послѣдовательныхъ перемѣнахъ, происходившихъ въ долинѣ Тибра и ея окрестностяхъ, еслибъ мы имѣли хотя нѣкоторыя вѣрныя хронологическія данныя для періода, предшествующаго основанію Рима; но, къ сожалѣнію, эта сторона начальной римской исторіи до-сихъ-поръ остается самою темною и, по недостатку памятниковъ, едва-ли даже можно надѣяться, что она также не замедлитъ подчиниться успѣхамъ новаго изслѣдованія.

(1) Röm. Geschichte, I, p. 211.

Изъ данной эпохи всего памятнае преданію имя аборигеновъ. Съ нимъ, какъ мы сейчасъ видѣли, соединяется воспоминаніе объ одномъ изъ насильственныхъ вторженій горнаго народонаселенія въ равнину. Но какъ понимать этихъ аборигеновъ: считать ли ихъ за особый народъ, или за отрасль цѣлаго большаго племени? видѣть ли въ нихъ пришельцевъ со стороны завоевателей, или, наоборотъ, признать ихъ автохтонами, на что повидимому указываетъ самое имя? все это вопросы, о которыхъ не установилось еще опредѣленнаго мнѣнія и на которые изслѣдованіе до-сихъ-поръ отвѣчало лишь разнорѣчными толками. Нибуръ прямо принималъ названіе аборигеновъ въ значеніи автохтоновъ и думалъ узнать въ нихъ первоначальныхъ жителей Лаціума (осскаго племени) (1). О мнѣніи тѣхъ, которые видѣли въ нихъ сбродъ людей, принадлежавшихъ различнымъ народностямъ, онъ отзывался такъ, что оно могло составиться подъ влияніемъ «греческихъ сказокъ о странствованіяхъ пеласговъ» — выраженіе очень замѣчательное, котораго почти нельзя бы и ожидать отъ основателя знаменитой гипотезы, объяснявшей распространеніемъ пеласговъ всю культуру древней Италіи (1). Нибуровское объясненіе показалось, однако, неудовлетворительнымъ и не принялось въ наукѣ. Многіе возстали противъ него, отдавая рѣшительное предпочтеніе старому возрѣнію Діонисія, который называетъ аборигеновъ жителями Реатинской Долины, сводитъ ихъ вмѣстѣ съ пеласгами и наконецъ рассказываетъ, что они, спустившись съ высотъ, общими силами вытѣснили сикүловъ и завладѣли всѣмъ пространствомъ между рѣками Тибромъ и Лирисомъ. Мы видѣли прежде, въ какую широкую картину развернулся этотъ небольшой фонтъ подъ искусною рукою гг. Герлаха и Бахофена, въ глазахъ которыхъ рассказъ Діонисія имѣетъ достоинство непреложнаго свидѣтельства. Очевидно, что въ этомъ случаѣ аборигенамъ оставлена была видная роль завоевателей ради тѣснаго союза ихъ съ пеласгами: не будь замѣшаны пеласги въ одно дѣло съ ними, можно сказать почти навѣрное, что о нихъ не стали бы много заботиться. Зато другіе изслѣдователи, находя происхожденіе самаго имени аборигеновъ очень-сомнительнымъ и мало довѣряя неопредѣленнымъ извѣстіямъ о нихъ древнихъ писателей, пришли къ тому заключенію, что въ Италіи никогда и не было народа аборигеновъ, и что это было лишь «поэтическое(?)» названіе, употреблявшееся въ латинскихъ сагахъ для означенія той части *умбрскаго* народонаселенія, которая жила между Реате и Фуцинскимъ Озеромъ (2).

Швеглеру, кажется намъ, удалось прояснить и этотъ запутанный вопросъ и согласить относящіяся сюда противорѣчія какъ древнихъ, такъ и новыхъ изслѣдователей безъ увлеченія въ ту или другую сторону; онъ умѣетъ отдать справедливость каждому мнѣнію и открыть въ каждомъ изъ нихъ свою долю правды. Что касается, во-первыхъ, до имени аборигеновъ, то онъ предпочитаетъ обыкновенное

(1) См. Röm. Geschichte, I, p. 84—87 (4-te Auflage).

(2) См. Nägele, Studien über altitalisches und römisches Staats- und Rechtsleben, p. 144.

его производство (ab origine) всѣмъ другимъ, находя его все-таки самымъ естественнымъ. И такъ, за абorigенами, по его мнѣнію, остается значеніе автохтоновъ, туземцевъ, первоначальныхъ жителей страны. Съ другой стороны, однако, странно было бы предположить, что какой-нибудь народъ дѣйствительно носилъ такое отвлеченное названіе: понятіе, съ нимъ соединяющееся, очевидно не этнографическое, а хронологическое; подобное искусственное выраженіе могло быть придумано только въ позднѣйшую эпоху, когда ужъ началось дѣйствіе рефлексіи. Поэтому нисколько не удивительно, что, какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ древнихъ писателей, въ томъ числѣ у самого Катона, слово «абorigены» принималось иногда въ смыслѣ древнѣйшаго народонаселенія Италіи вообще. Сюда же принадлежитъ представленіе, которое Саллюстій соединяетъ съ понятіемъ абorigеновъ, изображая ихъ народомъ дикимъ, незнающимъ общественнаго благоустройства и живущимъ внѣ закона. Въ отрывкахъ, сохранившихся отъ Варрона, проглядываетъ частью то же самое понятіе. Но есть ли довольно оснований, чтобъ относить его въ-особенности къ жителямъ Реатинской Долины и окружающихъ ее высотъ? Это подлежитъ нѣкоторымъ сомнѣніямъ. Шлегель, правда, не видитъ никакой основательной причины сомнѣваться въ томъ, что рассказываетъ Діонисій о реатинцахъ, то-есть, что было время, когда они, спустившись съ горъ, вторгнулись въ сосѣдственную равнину и покорили, или, можетъ-быть, даже совершенно вытѣснили изъ нея прежнихъ ея обитателей, по всей вѣроятности, сикуловъ. Кромѣ-того, что преданіе это не заключаетъ въ себѣ никакого внутренняго противорѣчія, достоверность его возвышается еще тѣми извѣстіями, которыя мы имѣемъ о сильномъ натискѣ сабинцевъ, продолжавшихъ около того же времени подвигаться впередъ въ томъ же направленіи и тѣснившихъ своихъ ближайшихъ сосѣдей передъ собою. Но въ двухъ пунктахъ разсказъ Діонисія, по мнѣнію автора «Римской Исторіи», не заслуживаетъ никакого вѣроятія: первый касается тѣснаго союза реатинскихъ завоевателей съ пеласгами, второй — ихъ народнаго имени, которое они носятъ въ его повѣствованіи. И то и другое могло быть только плодомъ искусственной комбинаціи самого археолога, такъ часто увлекавшагося желаніемъ связать между собою собранные имъ факты и, что называется, привести ихъ къ единству. Такимъ-образомъ мечтательныя переселенія пеласговъ легко могли у него прицѣпиться къ реатинскому завоеванію, которое повидимому имѣло съ ними нѣкоторую аналогію. Не лучше того случилось и съ самымъ именемъ, или народнымъ названіемъ реатинскихъ завоевателей. У Діонисія — въ томъ нѣтъ никакого спора — они прямо выступаютъ подъ именемъ абorigеновъ. И не онъ одинъ, Варронъ еще прежде его приводилъ ихъ подъ тѣмъ же названіемъ. Но есть ли какая вѣроятность думать, чтобъ обитатели Реатинскихъ Горъ называли сами себя тѣмъ именемъ, которое, какъ показываетъ его происхожденіе, никогда не было народнымъ? Лишь позднѣйшее время могло ввести его въ употребленіе, и тогда, если къ кому оно прилагалось въ-особенности, помню своего общаго значенія, такъ это скорѣе къ пер-

воначальнымъ жителямъ Лаціума, чѣмъ къ народонаселенію реатическихкихъ возвышенностей. Свидѣтелемъ служить Катонъ, который употребилъ названіе аборигеновъ лишь въ первомъ смыслѣ. Что же отсюда слѣдуетъ? То, что первый Варронъ, а вслѣдъ за нимъ и Дионисій, принявъ имя аборигеновъ за народное, перенесли его на реатинцевъ въ томъ предположеніи, что латинскіе аборигены были выходцы изъ Реате и оттуда принесли съ собою самое названіе. Фактъ переселенія остается; но, съ другой стороны, тѣмъ не менѣе ясно, что правильное употребленіе названія «аборигены» относилось не къ переселенцамъ, а къ первоначальному туземному народонаселенію Лаціума.

Итакъ мы имѣемъ, въ первыхъ, довольно-видное указаніе на древнѣйшее народонаселеніе въ Лаціумѣ, принадлежало ли оно къ лугурійскому племени, какъ полагали нѣкоторые изъ древнихъ писателей, или составляло одну изъ вѣтвей большой умбросабельской отрасли народовъ, какъ думаютъ нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи на основаніи филологическихкихъ соображеній; во вторыхъ, мы можемъ съ достовѣрностью говорить о томъ моментѣ въ исторіи страны, когда, вслѣдствіе вторженія мнимыхъ аборигеновъ, первоначальный слой ея народонаселенія замѣнился, или значительно дополнился новымъ, по всей вѣроятности, умбурскаго или сабинскаго происхожденія. Конечно, эти данныя, хотя бы взяты вмѣстѣ, еще не разъясняютъ достаточно того, что можно бы назвать въ тѣсномъ смыслѣ слова происхожденіемъ (genesis) латинскаго народа; но въ той или другой степени, все же они приближаютъ насъ къ понятію о немъ, раскрывая хотя нѣкоторые его фазы. Впрочемъ, надобно прибавить вообще: когда же и гдѣ были совершено-ясны первыя зачинанія исторической народности? Задача этого рода всегда останется привлекательною для нашей любознательности; но историческая фізіологія далеко еще не достигла той степени совершенства, чтобъ могла дать на нее вполне-удовлетворительное рѣшеніе. Довольно, если она въ-состояніи навести на слѣды главныхъ моментовъ; довольно, если могутъ быть поставлены на видъ важнѣйшіе элементы образующейся народности и точки ея соприкосновенія съ другими, ближайшими къ ней. Въ частномъ вопросѣ о происхожденіи латинскаго народа, по нашему мнѣнію, Швиглеру удалось это лучше другихъ, какъ потому, что онъ успѣлъ исправить прежнія ошибки и устранить ложныя преувеличенія, такъ еще болѣе потому, что, возстановивъ историческое преданіе въ настоящемъ его видѣ, онъ нашелъ прямое и вѣрное средство согласить его съ филологическими выводами, которые заставляютъ относить латинскій языкъ къ одной фамиліи съ умбурскимъ, сабинскимъ и оскнскимъ.

Начало переселенія реатинцевъ преданіе поставляетъ въ тѣсной связи съ движеніемъ сабинцевъ, которые тѣснили ихъ съ сѣверо-востока, такъ, что одно событіе было непосредственнымъ слѣдствіемъ другаго. Сабинское движеніе имѣло потомъ большое вліяніе и на ходъ событій въ самой равнинѣ. Вообще, сабинцамъ принадлежитъ одна изъ первыхъ ролей въ событіяхъ, которыя притотавлили Римъ и его

будущую историю. Вотъ почему изслѣдователь даетъ имъ мѣсто тогда послѣ латинцевъ. Древнія извѣстія о сабинцахъ хотя также скудны, но за-то ясны и положительны. Съ самаго начала своего появленія, они ужь носятъ на себѣ печать самостоятельности, которая не позволяетъ смѣшать ихъ съ другими народами: чувствуется присутствіе новой силы, которая въ себѣ самой приносить и ручательство своей крѣпости. Самые древнія жилища сабинцевъ, извѣстными исторіи, были въ верхнихъ Аббруццахъ, отъ Веліно до Амитернума. Занимая самая возвышенная равнина Средней Италіи, это крѣпкое горное племя имѣло для себя открытые выходы почти во всѣ стороны. Ему нетрудно было спуститься въ низменности, потому-что онѣ лежали у него подъ ногами. Но рано ужь юго-западное направление взяло перевѣсъ надъ другими, или но-крайней-мѣрѣ замѣтнѣе оставило свои слѣды въ исторіи. Реатинцы повидимому составляли только передовой его постъ, когда-то отдѣлившіяся отъ цѣлаго племени, но потомъ снова приведенный въ движеніе его сильнымъ натискомъ. Подъ именемъ «священной весны» (*veg sacrum*) у сабинцевъ существовалъ даже постоянный обычай, время отъ времени выбрасывавшій часть народонаселенія на сосѣдственныя земли. Обѣтъ «священной весны» обыкновенно давался въ тяжелую годину народнаго бѣдствія. Тогда все, народившееся вновь слѣдующею весною, посвящалось подземнымъ богамъ: скотъ обрекался на закланіе, а людское поколѣніе, увидѣвшее свѣтъ въ эту несчастную годину, должно было, по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ, покинуть родину и искать себѣ новыхъ жилищъ, то-есть добыть ихъ силою. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что имя сакрановъ (*Sacrani*), какъ назывались жертвы этого суроваго обѣта, встрѣчается не разъ и за предѣлами сабинской земли. Такъ у Феста сакраны выходятъ изъ Реате и занимаютъ потомъ Седмихолміе (*Septimontium*), изгнавъ оттуда лигуровъ и сикуловъ: это почти діонсіевы аборигены. Сервій, напротивъ того, отличаетъ сакрановъ отъ аборигеновъ, но въ то же время положительно приводитъ ихъ между народами, населявшими Лаціумъ въ-древности. Съ вѣроятностью можно думать, что тѣмъ же путемъ отдѣлился отъ сабинскаго племени и другія его вѣтви, пиценты, вестины, марсы, пелигны, герники, которые разошлись по инымъ направлениямъ, но сохранили надолго единство языка съ своимъ главнымъ корнемъ. Впрочемъ, при извѣстной энергіи народа, ничто не мѣшаетъ предположить рядомъ съ выселеніями, вслѣдствіе священнаго обѣта, и обыкновенныя завоеванія. Такимъ-образомъ сабинское племя могло не только распространиться далеко на западъ, но и проникнуть, подъ именемъ самнитянъ, глубоко на югъ полуострова и мало-по-малу захватить въ свои руки половину Италіи.

Въ историческомъ отношеніи, впрочемъ, всего важнѣе распространеніе сабинцевъ по направленію къ юго-западу, то, которое постепенно привело ихъ на настоящую римскую почву. Слѣды этого событія сохранились довольно-ясно въ преданіи и не нуждаются ни въ какомъ искусственномъ толкованіи. Какъ мы ужь видѣли, движеніе сабинцевъ открылось вторженіемъ въ Реатинскую Область. Покоривши

города Листу и Куталию, они вытѣснили отсюда прежнее народонаселеніе и заняли его мѣста, но и потомъ еще продолжали подвигаться впередъ въ томъ же направленіи. Естественный каналъ, которымъ этотъ избытокъ горнаго народонаселенія сливался въ сосѣдственную низменность, былъ данъ все въ той же исторической долинѣ Тибра. Нисходя эту дорогою къ морю, сабинцы означали свой путь частыми поселеніями, которыя возникали, одно за другимъ, на пройденномъ пространствѣ, и по которымъ, какъ по мѣткамъ, можно судить объ успѣхахъ сабинскаго движенія. Одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между ними занимало поселеніе и потомъ городъ Cures, почти на половинѣ пути между Реате и Римомъ, тогда еще, впрочемъ, несуществовавшимъ. Въ свою очередь, куреты могли высылать отъ себя новыя колоніи, которыя выдвигались далеко на западъ. Лишь на двѣсти-сорокъ стадій не достигали поселенія сабинцевъ до Тирренскаго Моря. Самымъ передовымъ постомъ ихъ на западъ была колонія, высланная, какъ говоритъ преданіе, куретами (изъ г. Cures), и утвердившаяся на холму, столько извѣстномъ впоследствии подъ именемъ Квиринальскаго. Здѣсь касаемся мы того крайняго предѣла, гдѣ сабинское нечувствительно переходитъ въ римское. Еще нѣсколько столѣтій потомъ продолжался напоръ сабинцевъ въ нижнія тибрскія земли; лишь съ 305 года отъ основанія Рима, послѣ побѣды Горація, вдругъ прекращаются попытки ихъ утвердиться въ этой мѣстности, безъ сомнѣнія, потому, что завоевательное стремленіе народа приняло тогда другое направленіе, то-есть обратилось болѣе къ югу. Но послѣ того, какъ мы встрѣтили разъ сабинцевъ на римской почвѣ, мы не имѣемъ болѣе нужды пристально слѣдить за ихъ движеніями, потому-что они принадлежатъ ужь собственно римской исторіи.

Передъ нами главные народные элементы, изъ которыхъ, какъ это почти съ очевидностью показываетъ изслѣдованіе Швеглера, сложилась римская народность, заступившая потомъ ихъ мѣсто въ исторіи. Образовавшись изъ ихъ взаимодействія и вліянія, она необходимо должна была принять въ себя и тѣ основныя черты и существенныя свойства, которыя принадлежали имъ отъ начала. Вотъ почему очень-важно и нужно было собрать по возможности самыя видныя черты, составлявшія народную физиономію какъ латинцевъ, такъ и сабинцевъ, прежде чѣмъ въ взаимномъ треніи сгладились ихъ индивидуальныя особенности. И это требованіе, кажется намъ, какъ-нельзя-болѣе удачно выполнено характеристиками Швеглера, несмотря на всю краткость ихъ. Нѣкоторыя относящіяся сюда мѣста мы передадимъ его же почти словами. Характеръ того и другаго народа, какъ и быть должно, онъ изображаетъ въ связи съ природою самой мѣстности, которая была ими занимаема. «Лаціумъ (говоритъ онъ) есть собственно приморская страна, большею-частью равнина (campragna), которая даже въ горныхъ своихъ частяхъ носитъ на себѣ переходный характеръ, и притомъ еще орошается судоходною рѣкою. Съ другой же стороны латинскій берегъ, по недостатку на немъ удобныхъ мѣстъ для пристани, рѣзко отличается отъ морскаго берега Греціи, который своими безчисленными бухтами и множествомъ маленькихъ

островковъ, его окружающихъ, какъ-бы незально вызываетъ на мореплаваніе. Поэтому, несмотря на свое положеніе при морѣ, Лаціумъ почти удерживаетъ за собою всѣ тѣ свойства, которымъ отличаются внутреннія области отъ приморскихъ. На томъ же основаніи, и въ самомъ народонаселеніи Лаціума, если съ одной стороны нельзя предполагать свойствъ, отличающихъ всего болѣе коренныя горныя племена, то, съ другой, напрасно стали бы мы отыскивать черты, которыя столько обыкновенны въ народѣ, посвящающемъ свои занятія преимущественно торговлѣ и мореплаванію, то-есть гордое самосознаніе, смѣлый и предприимчивый духъ, страсть къ приключеніямъ, легкую подвижность, склонность къ новизнѣ и т. п. Латинцы занимаютъ средину между двумя крайностями. Въ сущности это народъ земледѣльчскій; поэтому неудивительно встрѣтить между ними тѣ же самыя нравы и то же общее настроеніе, какия мы обыкновенно соединяемъ съ понятіемъ о народахъ, полагающихъ въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ главныя свои занятія. Отсюда, во первыхъ, солидность и постоянство какъ въ характерѣ, такъ и въ самомъ образѣ мыслей — качества, неразлучныя съ сельскимъ бытомъ. Уже Катонъ понималъ эту сторону земледѣльческой жизни и очень-мѣтко указалъ на нее во введеніи къ своему сочиненію «О земледѣліи». Далѣе, никакаго бытъ не представляетъ столько ручательствъ за прочность отношеній и учреждений, какъ земледѣльчскій, потому-что онъ весь основанъ на твердомъ началѣ осѣдлости, на потребности сохраненія, и обеспечивается лишь строго опредѣленною дѣятельностью». Принявъ потомъ въ соображеніе другой моментъ, то-есть физическія и климатическія особенности Лаціума, авторъ продолжаетъ: «Щедро вознаграждая трудъ и въ то же время поддерживая бодрость и свѣжесть физическихъ силъ челоуѣка, природа этой страны, впрочемъ, далеко не такъ роскошна, какъ, напримѣръ, въ Кампаніи, и не производитъ того упоенія, которое раздражительно дѣйствуетъ на чувственность, усыпляетъ духъ и дѣлаетъ его неспособнымъ для болѣе-возвышенныхъ и благородныхъ помысловъ. Ужь самыя внѣшнія очертанія латинской области носятъ на себѣ какой-то особенный характеръ возвышенной строгости, соединенной съ торжественнымъ величіемъ. Съ этою природою страны вполне гармонируетъ и та, исполненная достоинства важность, которая постоянно отличала римлянина и, безъ всякаго сомнѣнія, была однимъ изъ господствующихъ свойствъ между латинцами вообще — черта, неисключавшая, впрочемъ, и нѣкотораго особеннаго юмора, какъ это замѣтно на деревенскихъ праздникахъ древнихъ римлянъ. Затѣмъ немного еще можно сказать объ общемъ родовомъ характерѣ латинскаго племени, потому-что собственно мы знаемъ только національный характеръ римлянъ, который, хотя несомнѣнно сложился подъ преобладающимъ влияніемъ латинскаго элемента, впрочемъ, не можетъ быть принятъ за чистое его выраженіе».

Не менѣе вѣрными чертами изображаетъ тотъ же авторъ и другой народный элементъ, который, по его мнѣнію, наравнѣ съ первымъ вошелъ въ образованіе римской національности. «Твердость религіознаго чувства и строгость нравовъ, но единогласному отзыву древнихъ,

были господствующими чертами въ характерѣ сабинцевъ. Это было суровое, неискорченное, трезвенное горное племя. Подобно всѣмъ другимъ жителямъ горныхъ пространствъ, удаленнымъ отъ переменъ остальнаго міра, они надолго сохранили въ своихъ обычаяхъ и учрежденіяхъ отпечатокъ глубокой старины. Таковъ былъ ихъ постоянный обычай, засвидѣтельствованный многими писателями древности, жить въ открытыхъ, неукрѣпленныхъ селеніяхъ, обычай, который, по словамъ Фукидида, былъ господствующимъ и въ древней Греціи, и особенно долго держался между спартапцами. По отношенію къ сабинцамъ, это тѣмъ болѣе характеристическая черта, что въ ней нѣкоторымъ образомъ отражается и та степень культуры, на которой застала ихъ исторія. То было общественное состояніе или устройство, обыкновенно предшествующее правильному, органическому образованію государства, и извѣстное большею-частью подъ именемъ патриархальнаго: у сабинцевъ оно удержалось несравненно долѣе, чѣмъ у родственнаго имъ латинскаго племени. (Пропускаемъ извѣстныя всѣмъ подробности родового быта, общія почти у всѣхъ народовъ на одной степени историческаго развитія: развѣ только близорукости могутъ еще они казаться въ наше время диковинкою и служить тѣмою для безплоднаго скептицизма). Эта предпочтительная склонность къ распушенности племенной жизни, къ федеративнымъ формамъ, и нелюбовь къ крѣпкой общественной организаци и политическому единству сильно чувствуются еще и въ самнитскомъ быту. Если самнитяне, несмотря на свое численное превосходство и личное мужество, наконецъ однако подпали власти римлянъ, то причина этого явленія главнымъ образомъ заключается въ непрочныхъ федеративныхъ связяхъ одного народа, которыя должны были уступить крѣпкой внутренней организаци другаго. Тотъ же недостатокъ организующаго общественнаго духа можно указать и въ отношеніяхъ сабинцевъ къ отдѣлившимся отъ главнаго ихъ племени боковымъ отраслямъ. Они предоставляли полную свободу своимъ выходцамъ, насколько не заботясь о томъ, чтобъ тѣмъ или другимъ способомъ привязать ихъ къ первоначальной родинѣ и удержать ихъ хотя въ нѣкоторой зависимости. Поэтому—то сабельскіе народы такъ скоро отчуждаются отъ своего племени, и, забывъ свое происхожденіе, нерѣдко даже враждуютъ противъ своихъ прежнихъ родичей. Какой рѣзкій контрастъ представляетъ обдуманная система римлянъ, которые, постоянно держа свои колоніи въ строгой зависимости отъ метрополи, сдѣлали изъ нихъ главное орудіе для распространенія своего владычества въ Италиі! (1)»

Оригинальныя свойства того и другаго народа, сойдясь вмѣстѣ на одной почвѣ, составили главную основу римскаго національнаго характера. Соединеніе ихъ (замѣчаетъ нашъ авторъ) было самое счастливое, потому—что одни изъ нихъ превосходно дополнялись другими. Недостаточныя порознь, въ сляніи между—собою они производили рѣдкое явленіе народа, въ которомъ постоянство нравовъ

(1) См. Schwegler, Röm. Geschichte, p. 234—235.

совмѣщалось съ условіями историческаго развитія. Уже древніе довольно-ясно отличали ту долю вліянія, которую имѣли сабинцы на образованіе римской національности. Твердое нравственное чувство, особенно отличавшее древняго римлянина, его умѣренность и довольство немногимъ, строгость его домашнихъ нравовъ, святость данаго слова, религиозное благоговѣніе и добросовѣстность, сила отеческой власти, какъ главной основы семейнаго права, уваженіе къ установленному авторитету и чувства долга передъ нимъ, однимъ словомъ: весь семейный бытъ древнихъ римлянъ и всѣ ихъ моральныя качества безспорно достались имъ въ наслѣдство отъ сабинцевъ. Не то, чтобъ подобныя свойства и нравы были вовсе чужды латинскому народу: но основныя черты патриархальнаго устройства съ свойственною ему настроенностью самыхъ нравовъ сохранились въ большей чистотѣ и свѣжести у горнаго сабинскаго племени, чѣмъ у латинцевъ, народа болѣе-развитаго, котораго уже успѣла коснуться цивилизація. Вкладъ, внесенный ими въ римскую жизнь, былъ совсѣмъ иного рода. Племя болѣе-подвижное, латинцы передали и римлянамъ свой духъ развитія, и свои инстинкты политической организаціи. Такое счастливое смѣшеніе не увеличивало только разнообразіе римской жизни, но и сообщало римскому народу дѣйствительное превосходство, въ отношеніи къ историческому развитію, передъ остальнымъ народонаселеніемъ древней Италіи.

Мы привели лишь въ главныхъ чертахъ возрѣніе Шwegлера на историческое образованіе римской народности. Нельзя не замѣтить, какъ мѣтко и вѣрно схвачены имъ основныя ея черты. Вообще, ея опредѣленіе и анализъ тѣхъ элементовъ, которые вошли въ составъ ея, принадлежать, по нашему мнѣнію, къ лучшимъ частямъ изслѣдованія. Свою попытку уловить нравственную физиономію великаго историческаго народа авторъ, сверхъ-того, отвѣчаетъ одному изъ важнѣйшихъ требованій современной науки. Не менѣе чести дѣлаетъ автору и самый приемъ, который онъ употребляетъ для своей цѣли, отыскивая основныя черты римскаго національнаго характера въ самомъ ихъ зародышѣ, то-есть въ быту и особенностяхъ народовъ, непосредственно предшествующихъ римлянамъ въ порядкѣ исторіи—приемъ въ настоящемъ смыслѣ слова историческій. Когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ возстановить историческій характеръ цѣлаго народа, позволительно, конечно, желать еще большей опредѣленности въ изложеніи предмета; но это желаніе едва-ли исполнимо по трудности одолѣть то разстояніе, на которомъ изслѣдуемый предметъ находится отъ глаза изслѣдователя. Не забудемъ, что задача относится къ тѣмъ отдаленнымъ народамъ, о которыхъ сами римляне имѣли не довольно-ясное понятіе. Съ своей стороны, мы можемъ одно только замѣтить противъ сдѣланной Шwegлеромъ характеристики латинскаго и сабинскаго племени: авторъ приписываетъ слишкомъ-много природѣ страны и слишкомъ-мало природѣ народа. Такой взглядъ намъ кажется нѣсколько одностороннимъ. Одна мѣстность никогда не объяснитъ тайны всѣхъ особенностей народнаго характера. Нерѣдко можно встрѣтить различныя оттѣнки на одинаковыхъ мѣстностяхъ, и

необоротъ, одни и тѣ же кровныя свойства часто удерживаются во всей своей чистотѣ подъ различными географическими широтами.

Не одинъ только бытъ и нравы приносили съ собою племена, сходившіяся въ римской Кампаніи, но и все свое умственное достояніе. Оно было невелико, какъ у всѣхъ народовъ, которые стоятъ на самой ранней степени развитія, но въ немъ, какъ въ сѣмени, заключались зародыши мыслей и представлений великаго историческаго народа. Исследование Шлегера простирается и на эту часть общей исторической задачи и открываетъ въ ней нѣкоторыя новыя, досихъ—поръ мало замѣченныя стороны. Почти ненужно говорить, что въ основѣ всего созерцанія древнихъ латинцевъ и сабинцевъ лежали религиозныя представленія: на нихъ—то обращено главное вниманіе исследователя. Отличая латинскія представленія отъ сабинскихъ, онъ поставилъ въ главѣ первыхъ Януса, который для всего латинскаго племени оставался самымъ высокимъ и наиболѣе—чтимымъ божествомъ, пока Юпитеръ не замѣнилъ его въ этомъ значеніи. Первоначально Янусъ означалъ собою божество солнца, свѣта. Мысль о благодѣтельномъ вліяніи солнца на жизнь природы, на ея превращенія, составила повидимому главное основаніе всего представленія: Янусъ и былъ въ глазахъ своихъ поклонниковъ этою высшею силою, которая управляетъ всѣми измѣненіями въ природѣ. Для пониманія болѣе отвлеченнаго, онъ получалъ уже значеніе бога времени, годичныхъ перемѣнъ его. Двѣнадцать посвященныхъ ему алтарей, о которыхъ упоминаетъ преданіе, конечно, соответствовали двѣнадцати мѣсяцамъ года. На томъ же основаніи всякое подраздѣленіе времени соединялось съ представленіемъ о Янусѣ. Онъ открывалъ день одною зарею, онъ же заканчивалъ его другою. Полное имъ воображеніе видѣло его равно какъ въ восходящемъ, такъ и въ заходящемъ солнцѣ. Пораженная этимъ двойственнымъ явленіемъ, мысль искала ему соответствующаго образа и нашла его въ двойномъ изображеніи головы Януса: два лица его, обращенныя въ разныя стороны, въ одно время изображали собою оба момента ⁽¹⁾. И какъ для римлянина всего важнѣе было начало каждаго дѣла, то онъ призывалъ Януса на каждомъ шагѣ, при каждомъ входѣ и выходѣ, и на всѣхъ дверяхъ ставилъ его изображеніе. Совсѣмъ иное воззрѣніе породило Сатурна. Онъ не былъ просто богъ земледѣлія. Способъ призванія жены его, богини Оресъ (Ops), къ которой обращались не иначе, какъ съѣвъ на землю и прикоснувшись къ ней, наводитъ на другую мысль: Сатурнъ былъ несомнѣнно богъ земли, ея производящее начало, какъ Орсъ была символомъ ея же воспріемлющей силы. Отношеніе его къ земледѣлію было уже дальнѣйшимъ приложеніемъ той же мысли. Загадочнѣе, неуловимѣе кажется природа двухъ другихъ латинскихъ боговъ, Фавна и Пика: это потому, что понятіе о нихъ сливается почти въ одно съ понятіемъ о Сатурнѣ. Положить строгое различіе между ними такъ же трудно, какъ и между женскими представленіями той же идеи (Ops, Tellus, Ceres). Самый Марсъ, этотъ грозный

(1) Ср. Gerlach und Bachofen, I, 1, p. 94.

богъ войны, былъ первоначально богомъ смерти и въ то же время всякаго рода земной производительности и прорицанія. Какъ же связаны всѣ эти разнородныя представленія между собою? Все тѣмъ же понятіемъ о землѣ: она въ одно и то же время представлялась и таинственнымъ источникомъ прорицанія и землематери, дающей всему жизнь, и всеобщемою могилею. Природа Марса очевидно хтоническая, какъ Сатурна, Пикъ и Фавна; и если потомъ трое послѣдніе превратились въ царей Лаціума и стали между собою въ тѣсно генеалогическое отношеніе, какъ потомки и преемники Ягуса, то въ этомъ превращеніи нельзя не узнать позднѣйшаго вліянія греческой мифологіи, потому что подобныя представленія первоначально были совершенно чужды латинско-сабинскимъ религіознымъ понятіямъ. Сатурнъ, Пикъ, Фавнъ и Марсъ родственны между собою, потому что всѣ они хтоническаго происхожденія. Подобно Марсу, Пикъ также является то прорицателемъ, то воздѣльвателемъ полей, то сильнымъ воителемъ. Тѣ же самыя черты нетрудно потомъ распознать и въ Фавнѣ. Правда, что въ каждомъ изъ нихъ всегда есть одна сторона преобладающая: такъ въ Марсѣ съ особенною силою выразилось начало смерти, разрушенія; Пикъ преимущественно называется прорицателемъ, а Фавну приписывается размноженіе животной жизни; но какъ всѣ эти свойства имѣютъ въ основаніи своемъ одно возрѣваніе, то неудивительно, что эпитеты Фавна и Пика прилагаются иногда къ Марсу, и наоборотъ. Такова вообще особенность римскаго сознанія, что въ немъ аграрныя божества совпадаютъ съ представленіями о подземныхъ силахъ, и понятіе о жизни тѣсно граничитъ съ смертью.

Труднѣе отдѣлить въ религіозномъ сознаніи римлянъ сабинскій элементъ, хотя вліяніе его на римскій культъ и на относящіяся къ нему учрежденія не подлежитъ никакому сомнѣнію. У Варрона сохранилось означеніе двѣнадцати алтарей, которые поставлены были царемъ Таціемъ въ Римѣ, и, сверхъ-того, еще названія нѣкоторыхъ божествъ, перешедшихъ къ римлянамъ отъ сабинцевъ. Но, во первыхъ, замѣчаетъ Шweglerъ, между божествами, которымъ посвящены были двѣнадцать алтарей, непоименованы многія, пользовавшіяся у сабинцевъ особеннымъ уваженіемъ, какъ-то: Санкъ (Sancus), Минерва, Феронія, также Марсъ; во вторыхъ, между божествами таціевыхъ алтарей, нѣкоторыя несомнѣнно принадлежали латинскому кругу, какъ Ягусъ и Фавнъ, другія были общими тому и другому племени, какъ Сатурнъ, Веста, Діана, Марсъ и пр. Поэтому довольно-затруднительно говорить о томъ, что собственно входило въ кругъ религіозныхъ представленій сабинцевъ до смѣшенія ихъ съ латинцами на римской почвѣ. Впрочемъ есть нѣкоторыя исключенія. Всего яснѣе, кажется, сохранился чистый сабинскій типъ въ представленіи о божествѣ, которое чтимы подъ именемъ Семо-Санка. Шweglerъ говоритъ о немъ ниже, въ другой части своего изслѣдованія, но мы перенесемъ сюда главныя его положенія ⁽¹⁾. Семо-Санкъ занималъ то же самое мѣсто въ вѣрованіяхъ сабинцевъ, какое Юпитеръ въ римскихъ. Онъ со-

(1) Schwegler, I, p. 365—367.

степень высшую ступень сабинскаго религіознаго сознанія, онъ былъ богъ неба. Что, по сабинскимъ понятіямъ, онъ представлялъ собою начало прямо противоположное темнымъ подземнымъ силамъ, или врагу, это лучше всего видно изъ борьбы его съ Какомъ (Cacus). Отсюда, по естественному ходу мысли, образовалось понятіе о немъ, какъ о благодѣтельномъ божествѣ, что могло подать поводъ къ сближенію его съ греческимъ Геркулесомъ. Подобно ему, Семо-Санкъ также есть поборникъ права и защитникъ собственности, который помогаетъ утѣсненному противъ сильнаго, но несправедливаго притѣснителя. Наконецъ, въ дальнѣйшемъ движеніи мысли, онъ становится уже, подъ именемъ Fidius, богомъ клятвы и вѣрности. Это представление перенесено было потомъ на римскаго Геркулеса, котораго не надобно смѣшивать съ греческимъ, и, какъ-бы въ воспоминаніе первоначальнаго его значенія, римляне, по свидѣтельству Плутарха, имѣли обычай въ нѣкоторыхъ случаяхъ не иначе принимать клятву именемъ Геркулеса, какъ подъ открытымъ небомъ. Довольно взять вмѣстѣ и эти немногія черты, чтобы видѣть, что хотя нѣкоторыя представленія были общими какъ сабинцамъ, такъ и латинцамъ, впрочемъ развитіе религіозной мысли у первыхъ имѣло и свои отличія и произвело рядъ идей, которыя отъ нихъ перешли прямо къ римлянамъ.

Что же касается общаго характера латино-сабинскаго (оно же и римское) религіознаго сознанія, то нашъ авторъ опредѣляетъ его, въ отличіе отъ греческаго, слѣдующими словами: «Уже древніе замѣчали въ римскихъ вѣрованіяхъ ту особенность, что имъ недостаетъ мѣроу: всѣ эти родословныя боговъ, ихъ различныя приключенія на землѣ, соперничества и распри, которыя играютъ такую важную роль въ греческой мѣологии, для римлянъ какъ-будто не существовали вовсе. И въ самомъ дѣлѣ, римское сознаніе не имѣло нѣкакаго расположенія къ антропоморфизму, и преданіе, что въ Римѣ сначала чтили, вмѣсто изображеній боговъ, просто одни символы, заслуживаетъ полнаго вѣроятія. Греческія божества съ ихъ индивидуальными чертами и рѣзко-обозначеннымъ личнымъ характеромъ не идутъ въ сравненіе съ римскими, или только въ самой умѣренной степени: послѣднія, по-крайней-мѣрѣ первоначально, представлялись сознанію не какъ индивидуальности, но какъ силы природы, которыя по самому понятію своему не допускаютъ никакихъ личныхъ отношеній. Эта пластичная рельефность, которою запечатлѣны всѣ созданія греческой мѣологической фантазіи, не дана была въ удѣлъ римскому сознанію: въ той или другой степени, но оно до конца осталось вѣрно своему первоначальному воззрѣнію, въ которомъ главное мѣсто занимало непосредственное созерцаніе творящихъ и разрушающихъ силъ природы»⁽¹⁾. Мы припоминаемъ, что неочень-давно еще подобная же мысль о различіи между греческою и римскою мѣологіею высказана была однимъ нашимъ ученымъ. «Этой величественной исторіи боговъ (говоритъ г. Леонтьевъ въ своей статьѣ о «Мѣи-

(1) Ibid., p. 225—226.

ческой Итали», указавъ на могучія созданія греческаго «литературы») что есть подобнаго въ латинской мнѣстоги? Гдѣ эти громадные образцы? гдѣ эта трудность борьбы и слава побѣды?—ничего этого мы не видимъ. Дѣло происходитъ на землѣ, въ размѣрахъ скорѣ обыкновенныхъ, нежели необычайныхъ; въ цѣломъ есть что-то прозаическое, недостатокъ торжественности и величія. Освободите реставрацію, сдѣланную Герлахомъ, отъ загемеристическихъ мѣстъ, вытхъ изъ Макробія и Юстина, и все-таки въ ней останется много такого, что показываетъ неоспоримое происхожденіе мнѣстоги съ вершины греческаго Олимпа въ обработываемую людьми равнину Лаціума, богатую холмами, но лишенную высокой и божественной олимпійской горы» (1).

Обозрѣвъ вмѣстѣ съ авторомъ «Римской исторіи» тѣ народныя элементы, которые вошли въ составъ римской національности и наиболѣе содѣйствовали ея образованію, читатель въ-правѣ спросить: гдѣ же Этруски? Почему они не заняли въ его обзорѣ слѣдующаго мѣста наравнѣ съ латинцами и сабинцами? Или авторъ, вопреки большинству новыхъ изслѣдователей, не признаетъ вовсе вліянія этрусковъ на римскую жизнь, на римскую исторію вообще, или онъ понимаетъ это вліяніе по-своему? Во всякомъ случаѣ, этруски остаются вопросомъ, котораго нельзя миновать, говоря о началахъ римскаго народа.

Нѣтъ нужды говорить, что Швеглеръ не обошелъ вопроса, нѣтъ ли значащаго такое важное значеніе въ начальной римской исторіи, но онъ дѣйствительно ставитъ этрусковъ ниже латинцевъ и сабинцевъ, и хотя не отвергаетъ совершенно ихъ вліянія на Римъ, но относительно этого пункта значительно отстываетъ отъ другихъ изслѣдователей. Вообще взглядъ его на значеніе этрускаго элемента въ римской исторіи много измѣняетъ прежній видъ дѣла и потому заслуживаетъ того, чтобы съ нимъ познакомиться съ нѣкоторою подробностью. Во-первыхъ, что касается матеріальнаго состава первоначальнаго римскаго народонаселенія, то нашъ авторъ рѣшительно отвергаетъ участіе въ немъ этрусковъ. Онъ полагаетъ, что коренное народонаселеніе Рима состояло только изъ Латинцевъ и Сабинцевъ, и отсюда выводитъ заключеніе, что и главныя основы римскаго быта были латинско-сабинскія, такъ что, если и было этрусское вліяніе, то оно далеко не могло равняться съ ними. «Конечно (говоритъ онъ далѣе), нельзя оспаривать того, что впоследствии, и можетъ-быть не одинъ разъ, толпы этрусковъ тоже приходили въ Римъ и селились въ немъ; но, по самому существу вещи, эти переселенія не могли уже имѣть рѣшительнаго вліянія на римскій бытъ и ея устройство. Это мнѣніе подтверждается тѣмъ, что, принимая этрусскія поселенія въ Римѣ, допуская даже, что были римскіе цари изъ этрусковъ, мы,

(1) См. «Прошлен», книга I, отд. 2, стр. 134. Особенности, отличающія воззрѣніе г. Леонтьева отъ воззрѣнія Швеглера, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частности, читатели могутъ найти въ самой статьѣ.

однако, не находимъ никакого значительнаго слѣда отъ нихъ въ языкѣ римлянъ: лишь немногія его выраженія возводятся грамматиками къ этрусскому языку, да и то, можетъ-быть, неосновательно. Довольно можно поглядѣть на исторію всѣхъ послѣдующихъ отношеній римлянъ къ этрускамъ, къ которымъ они постоянно питали враждебное чувство, не признавая въ нихъ ничего родственнаго себѣ, чтобы убѣдиться въ той мысли, что какъ самый корень римской народности, такъ и всѣ основныя черты римскаго быта ихъ были неэтрускія» (1).

Рѣдко новое мнѣніе высказывается съ болѣею положительностью. Сказать ли, что оно лишено достаточныхъ основаній и потому не можетъ быть принято въ науки? Но авторъ очевидно опирается главнымъ образомъ на результаты современнаго филологическаго изслѣдованія; а такія основанія слишкомъ важны, чтобы можно было предпочесть имъ какія бы то ни было недоказанныя предположенія. Впрочемъ, Шwegлеръ, кромѣ того, не оставляетъ безъ опроверженія прежде принятыхъ мнѣній о силѣ и значительности этрусскаго вліянія, охватывая опять на изслѣдованія нѣкоторыхъ новѣйшихъ археологовъ (Амброша и другихъ). До сего времени особенно много мѣста давали этому вліянію — въ религіи древнихъ римлянъ. Авторъ «Римской Исторіи» наноситъ сильный ударъ такому предположенію, показывая неосновательность его на многихъ примѣрахъ. Онъ находитъ, что между божествами, которымъ воздаваемъ былъ въ Римѣ публичный культъ, не было ни одного, о которомъ можно было бы утверждать доказательно, что оно перешло къ римлянамъ прямо отъ этрусковъ. Учрежденіе древнѣйшихъ «ламиновъ» объясняется лишь въ связи съ латинско-сабинскими божествами. Древнѣйшіе праздники римлянъ, какъ-то: Луперкаліи, Паміліи, Поплифугіи, были рѣшительно туземнаго происхожденія. Еще менѣе можно производить отъ этрусковъ авгуральное искусство: сами римляне смотрѣли на него не иначе, какъ на свое родное, отечественное, и производили его или прямо отъ Ромула, перваго и искуснѣйшаго авгуря, или отъ сабинца Атта Навія. То же самое доказываютъ имена другихъ знаменитыхъ авгуровъ, которымъ были или сабинскія, или марсскія (отъ народа Марсовъ), но никакъ не тусскія. Сага, приписывающая сабинцу Нумѣ римскія религіозныя установленія, содержитъ въ себѣ ясное указаніе, что римскій культъ вообще утвердился подъ преобладающимъ вліяніемъ сабинскаго элемента. Также мало соглашается Шwegлеръ признать сильное вліяніе этрусковъ на общее римское образованіе. Настаивая на ту мысль, что римляне заимствовали свой алфавитъ отъ кампанскихъ грековъ, по всей вѣроятности изъ Кумъ, онъ заключаетъ отсюда, что сношенія Рима съ греческими колоніями Южной Италіи были чаще и живѣе, чѣмъ съ Этруріею, и не колеблется приписать тому же вліянію введеніе въ Римѣ кумировъ, послѣдовавшее при Тарквиніяхъ.

Спрашивается: что же оставляетъ авторъ «Римской Исторіи» собственно этрусскому вліянію, если не исключаетъ его вовсе изъ рим-

(1) Schwegler, I, p. 274.

скаго быта? Весьма-ценное и притомъ бѣльшеею-частью несомненное. Самое видное мѣсто между занимающими отъ этрусковъ занимаетъ хитрая наука (*disciplina*) гарусниковъ, которую сами римляне весьма-опредѣленно отличали отъ авгуральнаго искусства, какъ этрусское изобрѣтеніе ⁽¹⁾. Всѣ относящіеся сюда отправленія и обряды совершались не иначе, какъ по этрусскому обычаю; всѣ гарусники были родомъ туски. Изъ того же источника повидимому вышло и оригинальное учение о томъ, что на языкъ древнихъ римлянъ называлось «*templum*», съ приложеніемъ его къ сооруженію храмовъ, строенію городовъ, измѣренію полей и устройству лагеря ⁽²⁾: всѣ эти дѣйствія сопровождалсь у римлянъ разными таинственными обрядами, которыхъ этрусское происхожденіе засвидѣтельствовано уже древними писателями и еще болѣе утверждено новымъ изслѣдованіемъ. Несомненно, далѣе, не только участіе этрусскихъ мастеровъ, но и прямое вліяніе этрускаго строительнаго искусства на характеръ построекъ и искусственныхъ произведеній въ древнемъ Римѣ; бойцы и другія дѣйствующія лица, участвовавшія въ древне-римскихъ публичныхъ представленіяхъ, также обыкновенно призываемы были изъ Этрурии. Наконецъ отсюда же взяты были римлянами знаки высшихъ должностей, какъ-то двѣнадцать ликторовъ, курульное кресло, тога претекста, равно какъ и всѣ важнѣйшія отличія триумфаторовъ: ихъ туники и тога и самая діадема, которыхъ изготовленіе составляло одинъ изъ главныхъ предметовъ этрускаго промышленнаго производства.

Мы изложили мнѣніе Швеглера о степени этрускаго вліянія на римскую жизнь, какъ заслуживающее особеннаго вниманія, и обобщилъ вопросъ о происхожденіи этого загадочнаго народа. Нужно ли говорить о его важности, когда современное изслѣдованіе то-и-дѣло обращается къ нему, ища разрѣшенія этой старой исторической задачи? Нужно ли напоминать о новыхъ открытіяхъ, которыя сдѣламы, или еще дѣлаются въ Этрурии, и все болѣе-и-болѣе привлекаютъ вниманіе изслѣдователя къ этой таинственной области древнаго италійскаго міра? Авторъ «Римской Исторіи», коснувшійся всѣхъ вопросовъ, которые тѣсно связаны съ ея началомъ, не пропустилъ безъ вниманія и родословія этрусковъ. Онъ даже очень-много останавливается на ихъ происхожденіи и такимъ образомъ даетъ намъ возможность обозрѣть вслѣдъ за нимъ различныя мнѣнія, существующія о томъ же предметѣ; но мы не думаемъ, чтобы его собственное воззрѣніе на этотъ спорный пунктъ рѣшило всѣ сомнѣнія, и нѣкоторые изъ которыхъ причины неполнѣ согласаться съ тѣми выводами, которые авторъ принимаетъ въ своемъ изложеніи.

Различіе мнѣній о началѣ этрускаго народа восходитъ къ весьма-отдаленнымъ временамъ. Ужъ древніе писатели, какъ греческіе, такъ и римскіе, много разногласили насчетъ вопроса о происхожденіи эт-

(1) Cic. de Div., II, 4, 10 : atqui et nostrorum augurum et etruscorum haruspicum disciplinam — res ipsa probavit.

(2) Подробности этого ученія можно найти у Nägels въ его Studien, § 40 и 41.

русовъ. Замѣчательно, однако, что онъ очень рано началъ занимать ихъ пылкостью и между тѣмъ до конца остался для нихъ какъ-бы загадкою. Любопытны въ особенности чисто-греческія сказанія, потому что греки еще прежде римлянъ старались дать себѣ отчетъ въ тѣхъ отличіяхъ, которыми этрусская національность рѣзко отдѣлялась отъ другихъ частей древне-италійскаго народонаселенія. Первый голосъ между древними, безусловно, принадлежитъ Геродоту. По весьма рѣдкому и счастливому исключенію относительно Итали, онъ сохранилъ не только извѣстіе, но и цѣлый разсказъ о томъ, какъ этруски впервые появились въ странѣ, гдѣ потомъ застаютъ ихъ исторія. По его словамъ, они были выходцы изъ Лидіи, слѣдовательно, изъ Азии. Однажды, когда Лидія постигнута была голодомъ, положено было, для облегченія общественнаго бѣдствія, чтобъ часть жителей выселилась въ другія земли. Изъ двухъ сыновей царя, одинъ, по имени Тирсенъ, повелъ за собою переселенцевъ, которые потомъ назвались его именемъ; другой, по имени Лидъ, остался на мѣстѣ и далъ свое имя остальной части народонаселенія. Послѣ долгаго плаванія странники достигли земель, обитаемыхъ омбриками (умбрами), поселились тамъ и съ тѣхъ поръ стали называться тирсенами, или тирренами. Хотя въ этомъ извѣстіи тоже слышится примѣсъ столько свойственнаго грекамъ «этіологическаго» вымысла, но ужъ по самому имени своего многоопытнаго поручителя, который не любилъ говорить напрасныхъ словъ, оно заслуживаетъ полнаго вниманія изслѣдователя. Съ какой бы стати Геродотъ сталъ говорить о Лидіи, какъ о родиѣ тирреновъ, или этрусковъ, еслибъ онъ не былъ дѣйствительно извѣщенъ о тѣсныхъ связяхъ, которыя нѣкогда соединяли Лидію съ западнымъ берегомъ Итали? На Геродота тѣмъ болѣе можно положиться въ этомъ случаѣ, что извѣстія объ азіатскихъ странахъ и народахъ онъ собиралъ въ самой Азии. У Гелланика находимъ уже другое извѣстіе, можетъ-быть, именно потому, что онъ, хотя и современникъ Геродота, былъ однако болѣе его ограниченъ въ средствахъ узнать историческую истину⁽¹⁾. По словамъ Гелланика, этруски были — пеласги... Вытѣсненные гелленами изъ Фессалии, они переплыли Ионическое Море, завоевали Кротонъ и положили основаніе Тирреніи. Это извѣстіе, значительно сокращая пространство между предполагаемою родиною этрусковъ и историческимъ мѣстомъ ихъ жительства, въ то же время возвращаетъ насъ еще разъ къ той неопредѣленности, которая обыкновенно соединяется съ именемъ пеласговъ. Насколько прибавимъ мы ясности предмету, принявъ пеласгическое происхожденіе этрусковъ? И точно ли переселеніе прямо изъ Лидіи на западный берегъ Итали представляетъ болѣе невѣроятности, чѣмъ переездъ туда же изъ Фессалии черезъ Ионическое Море и потомъ поперекъ всего полуострова? Діонисій по праву считается представителемъ третьяго главнаго воззрѣнія на тотъ же самый предметъ. Онъ жилъ на нѣсколько вѣковъ далѣе отъ началъ этрусскаго народа, но

(1) Извѣстіе Гелланика о происхожденіи этрусковъ дошло до насъ въ сочиненіи Діонисія.

производить свои изслѣдованія въ самой Италіи, слѣдовательно, еще ближе къ этрусской землѣ, и упростилъ вопросъ о происхожденіи ея народоваселенія еще болѣе. Діонисій не простой повѣствователь, а изслѣдователь, и потому онъ начинаетъ съ опроверженія мнѣній своихъ предшественниковъ. Извѣстіе Геродота отвергается имъ на слѣдующихъ основаніяхъ: во первыхъ, потому, что въ языкѣ, вѣрованіяхъ и обычаяхъ тирреновъ и лидійцевъ, по его мнѣнію, нѣтъ ничего общаго; во вторыхъ, потому, что у Ксанеа, лидійскаго историка, ничего не упоминалось ни о Тирсенѣ, ни о лидійскомъ выселеніи вообще. Также мало удовлетворяетъ его другое мнѣніе, производящее этрусковъ отъ пеласговъ, потому—что онъ не признаетъ никакого сходства въ языкѣ того и другаго народа и отсюда заключаетъ о коренномъ различіи ихъ между собою. Но если нельзя доказать, что этруски были выселенцы, то кто же они? Очевидно, что они должны быть автохтоны, то—есть исконные жители той страны, гдѣ впоследствии происходила ихъ историческая дѣятельность. Діонисій дѣйствительно рѣшаетъ задачу въ этомъ смыслѣ, положительно утверждая, что тиррены были древній народъ, отличный отъ другихъ по происхожденію, языку и образу жизни. Грекамъ онъ приписываетъ лишь названіе народа тирренами, отъ имени ли какого владѣтельнаго лица, или потому, что они жили въ укрѣпленныхъ городахъ; сами же этруски, по его словамъ, называли себя «Разена», по имени одного изъ своихъ предводителей.

Діонисіемъ заканчивается древнее изслѣдованіе о началѣ этрусковъ; Нибуромъ открывается новое ⁽¹⁾. Любопытно, что первый изъ новыхъ историковъ—изслѣдователей всего болѣе примыкаетъ къ послѣднему изъ древнихъ писателей, который оставилъ намъ опредѣленное мнѣніе объ этомъ предметѣ. Сближеніе, впрочемъ, очень—естественное. Нибуръ, какъ мы видѣли прежде, не ослѣпленъ насчетъ Діонисія; но, начиная вновь дѣло исторической критики, онъ, по весьма понятной причинѣ, сочувствовалъ наиболѣе тому изъ древнихъ, въ комъ находилъ то же самое стремленіе. Поэтому не удивительно, что Нибуръ принялъ діонисіево опроверженіе на Геродота и Гелланика, находя, между—прочимъ, приводимый имъ авторитетъ (историка Ксанеа) «неопровержимымъ» ⁽²⁾. Съ другой стороны, впрочемъ, будучи сильно занятъ своею гипотезою объ италійскихъ пеласгахъ, онъ не могъ удержаться, чтобъ не поставить и этрусковъ въ тѣсную, кровную связь съ ними же. Такимъ—образомъ этруски были для него не переселенцы изъ другихъ странъ, а коренные жители Этруріи пеласгическаго происхожденія. Эти—то пеласги назывались, по его мнѣнію, тирренами. Но они одни еще не исчерпываютъ всего предположенія Нибура. Отъ своихъ пеласговъ онъ опять возвращается къ Діонисію и останавливается на томъ различеніи, которое римскій археологъ дѣлаетъ между названіями тирреновъ и разеновъ. Здѣсь, на этомъ са-

⁽¹⁾ Мы имѣемъ здѣсь въ виду только тѣхъ изслѣдователей, которые оставили глубокіе слѣды въ наукѣ.

⁽²⁾ См. Niebuhr, Röm. Geschichte., I, p. 116.

можъ пунктъ, новое изслѣдованіе въ отличіе отъ стараго нукаетъ отъ себя новую отрасль, которая скоро потомъ разрастается въ цѣлую обширную гипотезу и мало-по-малу совершенно измѣняетъ прежнее воззрѣніе на предметъ. Діонисіевы разены навели Нибура на мысль, что былъ въ Этруріи другой слой народонаселенія, существенно-отличный отъ пеласговъ, и какъ у нѣкоторыхъ древнихъ писателей есть указанія на сродство между этрусками и ретами (Raeti), то-есть жителями Ретическихъ Альповъ, то онъ нашелъ весьма-правдоподобнымъ заключеніе, что разены были выходцы изъ Ретіи, которые, спустившись съ горъ, распространились сначала въ Верхней Италіи, потомъ завоевали Умбрию, покорили тирреновъ и основали въ ихъ землѣ союзъ 12 этрусскихъ городовъ. Это воззрѣніе, откинувшее происхожденіе господствующаго слоя въ этрусскомъ народонаселеніи далеко на сѣверо-востокъ, пустило глубокіе корни въ науку и надолго привязало къ себѣ дальнѣйшее изслѣдованіе. О. Миллеръ шелъ непосредственно по слѣдамъ Нибура; но, полагая въ основаніе своихъ трудовъ мысль своего великаго предшественника, онъ всегда почти дѣлалъ изъ нея новое приложение, или давалъ ей своеобразное развитіе. Древнимъ этрускамъ, какъ извѣстно, онъ посвятилъ даже особое изслѣдованіе. Въ частномъ вопросѣ о происхожденіи этрускаго народа всего любопытнѣе отношеніе изслѣдователя къ прежнимъ воззрѣніямъ. О. Миллеръ уже не довольствуется выводомъ Діонисія: видя въ этрусскихъ древностяхъ несомнѣнное присутствіе азиатскаго элемента, онъ чувствуетъ потребность обратиться къ болѣе-древнимъ извѣстіямъ, чтобъ объяснить представляющагося противорѣчіе. Но и относящееся прямо сюда свидѣтельство Геродота кажется ему недостаточно, потому-что не подтверждается извѣстіями лидійскаго историка (того же Ксанона, упоминаемаго Діонисіемъ), и потому онъ призываетъ еще въ пособіе Гелланика, и пробуя согласить между-собою показанія двухъ греческихъ историковъ, строитъ новое и весьма-сложное предположеніе. Вотъ какъ по мнѣнію О. Миллера должно было происходить все дѣло. Вскорѣ послѣ дорійскаго переселенія, часть прибрежныхъ жителей Эгейскаго Моря, то-есть пеласговъ, выселилась на берега Лидіи. Здѣсь, отъ имени ли города Тирры (Tyrtha), или отъ ближайшаго лидійскаго племени торребовъ, переселенцы прозвались тирренскими пеласгами и подъ этимъ именемъ приобрѣли себѣ извѣстность на Эгейскомъ Морѣ, гдѣ славились морскими разбойни. Черезъ нѣсколько времени потомъ, вытѣсненные юнійцами съ лидійскихъ береговъ, они сами должны были искать себѣ новаго убѣжища, и въ этомъ вторичномъ переселеніи нѣкоторые толпы ихъ проникли до западнаго берега Италіи и утвердились въ Этруріи, которая отъ нихъ получила названіе Тирреніи. Но тѣмъ еще не оканчивается искусственное построеніе автора «этрусковъ». Восходя выше, чѣмъ Нибуръ, во вниманіи къ древнимъ извѣстіямъ, онъ, съ другой стороны, желалъ бы удержать для себя и выводы новаго изслѣдованія. На этомъ основаніи онъ также принимаетъ въ Этруріи, сверхъ тирренскихъ пеласговъ, еще другое, туземное народонаселеніе подъ именемъ разеновъ, и вмѣстѣ съ Нибуромъ полагаетъ, что

первоначальной или родимой была Реция. Плодомъ этого сдѣлания, или сдѣлания двухъ народовъ, по его мнѣнью, и были этруски. Такого-образомъ гипотеза, сама-по-себѣ уже довольно-сложная, по соединеніи съ нибуровскимъ воззрѣніемъ, принимаетъ еще болѣе видъ искусственной комбинаціи.

Изложивъ мнѣнія Нибура и О. Миллера, авторъ «Римской Исторіи» съ своей стороны склоняется болѣе въ пользу втораго мнѣнія, хотя и не считаетъ его вполне-убѣдительнымъ. Понятно, что его не удовлетворяетъ нибуровское воззрѣніе, потому-что оно основано главнымъ образомъ на непостоянной гипотезѣ объ италійскихъ пеласгахъ. Отъ него не укрылись также и недостатки того искусственнаго построения, которое дѣлаетъ О. Миллеръ въ своемъ изслѣдованіи объ «этрускахъ», почему онъ отдаетъ предпочтеніе другому, болѣе равному воззрѣнію того же автора, изложенному имъ въ сочиненіи о «Миніяхъ», гдѣ онъ рѣшительно различаетъ между греческими тирренами и италійскими, приписывая послѣднимъ сѣверное происхожденіе (1). Но сдѣлавъ эту оговорку, или это исправленіе, Шweglerъ успокоивается на немъ и говоритъ потомъ, что въ-сущности его воззрѣніе есть то же самое (2). И въ-самомъ-дѣлѣ, что касается первой половинны предположенія, имѣющей цѣлью объяснить происхожденіе этрусковъ-тирреновъ, онъ вполне раздѣляетъ первое по времени мнѣніе Миллера, которое исключаетъ почти всякую мысль о связи между Этрурією и азіатскимъ берегомъ. Геродотовскому извѣстію тутъ, очевидно, нѣтъ болѣе мѣста: оно совершенно отвергается подобнымъ воззрѣніемъ какъ недовольно-основательное и вмѣстѣ съ тѣмъ валиднѣе. Но справедливо ли это? Возраженія, которыя сдѣланы противъ него Діонисіемъ, точно ли имѣютъ ту силу, какую имъ приписываютъ? Діонисій зналъ этрусковъ спустя, можетъ-быть, цѣлое тысячелѣтіе послѣ предполагаемаго выселенія ихъ изъ Лидіи: мудро ли, что онъ не нашелъ ничего сходнаго между ними и лидійцами? Кромѣ того, что выселенцы могли измѣниться во многомъ отъ времени, ихъ языкъ и бытъ должны были еще потерпѣть отъ смѣшенія съ другимъ народомъ. Положимъ далѣе, вмѣстѣ съ Нибуромъ, что приводимый Діонисіемъ авторитетъ Ксанеа дѣйствительно принадлежитъ къ числу неопровержимыхъ: но что онъ доказываетъ? Развѣ умолчаніе есть то же, что опроверженіе? По увѣренію римскаго археолога, Ксанеа вовсе не упоминалъ о выселеніи лидійцевъ въ Италію; но онъ могъ и не знать о немъ, тѣмъ болѣе, что дѣло касалось лишь одной части народонаселенія, которая, такъ-сказать, сама-собою выпала изъ лидійской исторіи. Даже и въ наше время, какое историческое изложеніе можетъ похвастаться, что въ немъ не пропущено ни одного факта, ни одного событія, когда-либо имѣвшаго мѣсто въ исторіи того или другаго народа? Сомнительно по-крайней-мѣрѣ кажется намъ, чтобъ безмолвный авторитетъ Ксанеа могъ перевѣсить положительное извѣстіе Геродота.

(1) O. Müller, Orchomenos und die Mynier, p. 448.

(2) Schwegler, I, p. 263.

Если не ошибаемся, то, вопреки О. Миллеру и его последователямъ, истинное направлѣніе новаго изслѣдованія таково, что чѣмъ далѣе оно простирается впередъ, тѣмъ болѣе проникается важностью геродотовскаго свидѣтельства, тѣмъ довѣрчивѣе становится къ нему. Мы въ-самомъ-дѣлѣ не имѣемъ никакихъ данныхъ, которыя могли бы противоставить показанію отца исторіи относительно лидійскаго переселенія. Напротивъ того, между древними извѣстіями находимъ положительное свидѣтельство о томъ, что память о тѣхъ связяхъ, которыя нѣкогда существовали между лидійцами и жителями Этруріи, по-крайней-мѣрѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ Малой Азіи сохранилась до гораздо-позднѣйшаго времени. Тацитъ рассказываетъ, что, во время Тиберія, послы города Сарды, явившись въ римскій Сенатъ, прочли этрусскую грамматику въ доказательство сродства своего съ древними жителями Этруріи ⁽¹⁾. Положимъ, что самая граммата написана была на вѣру Геродоту; но и то уже много говорить въ пользу его извѣстія, что на иѣстѣ считали его достовѣрнымъ. Потому нисколько не удивительно, что и между новыми изслѣдователями число тѣхъ, которые склоняются въ пользу того же извѣстія, все больше-и-больше размножается. Сюда принадлежатъ въ-особенности Беръ, Тиршъ, Ваксмуть; Деннсъ въ своемъ сочиненіи о «Городахъ и Кладбищахъ Этруріи» раздѣляетъ то же мнѣніе ⁽²⁾. Даже Герлахъ и Бахофенъ, которые обыкновенно такъ высоко ставятъ ученый авторитетъ Діонисія, въ этомъ случаѣ отступаютъ отъ него и отдаютъ свой голосъ въ пользу саги о лидійскомъ переселеніи ⁽³⁾. Наконецъ самъ О. Миллеръ указываетъ нѣкоторыя точки соприкосновенія между Лидіею и Этруріею какъ въ обычаяхъ, такъ и въ памятникахъ, которыхъ сходство признано также и другими изслѣдователями ⁽⁴⁾.

Въ наше время извѣстіе о переселеніи съ азиатскаго берега въ Италию тѣмъ менѣе должно казаться страннымъ, что нѣтъ болѣе привычки считать подобный фактъ совершенно-изолированнымъ, невмѣющимъ себѣ примѣровъ въ исторіи. Современное изслѣдованіе давно ужъ напало на слѣды тѣхъ частыхъ и тѣсныхъ сношеній, которыя еще въ незапамятное время соединили ближайшія страны Востока Азіи съ южными оконечностями Европы. Вновь-дѣлаемая открытія поселяютъ почти несомнѣнное убѣжденіе въ истинѣ этого предположенія. Изъ нихъ становится очевиднымъ, что не только прибрежныя мало-азиатскія страны, но даже Египетъ и Ассирія и ихъ цивилизаціи имѣли свою долю вліянія, черезъ Финикіянъ, или сами-по-себѣ, на начальную культуру нѣкоторыхъ частей какъ Апеннинскаго, такъ и Пиренейскаго Полуострова. Для примѣра ссылаемся на замѣчательныя находки, которыя сдѣланы на островѣ Сардиніи. У насъ теперь подъ руками ихъ изображенія, приложенныя

⁽¹⁾ Tac. Annal., IV, 55.

⁽²⁾ Dennis, The cities and cemeteries of Etruria. Lond. 1848.

⁽³⁾ Gerlach und Bachofen, I, 1, p. 118—119.

⁽⁴⁾ См. Die Etrusker, также Thiersch, Ueber das Grabmal des Alyattes, Gerlach, и проч.

къ нейсебауерову описанію этого острова : Большая часть изъ нихъ часто-египетскія, другія видимо напоминаютъ собою символы, которые часто встрѣчаются на ассирійскихъ памятникахъ ⁽¹⁾. Кѣмъ бы ни были занесены сюда эти произведенія древней восточной цивилизаціи, во всякомъ случаѣ едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что было время, когда Сардинія находилась въ непосредственныхъ связяхъ съ Востокомъ. Но въ такомъ случаѣ, почему же было бы менѣе вѣроятно, что нѣкогда часть западнаго берега Италіи, обращеннаго, между прочимъ, къ Сардиніи, заселена была выходцами изъ Лидіи? Авторъ брошюры, которой заглавіе мы выписали въ началѣ нашей статьи, принадлежитъ къ числу жаркихъ поборниковъ восточнаго вліянія на Этрурію. О его взглядѣ можно бы даже сказать, что оно представляетъ уже крайность другого рода. Но пусть читатели судятъ по слѣдующей выпискѣ :

«Стиль древнѣйшихъ этрусскихъ построекъ, украшенія на стѣнахъ, изображенія на урнахъ и вазахъ и разныя другія произведенія пластики, открытыя въ этрусскихъ гробницахъ — все показываетъ, что внутренній бытъ Этруріи насквозь проникнутъ былъ восточнымъ элементомъ, напоминающимъ собою въ одно и то же время Египетъ и Финикію, Вавилонъ и Ассирію. Ярче всего, впрочемъ, проглядываетъ на древнѣйшихъ произведеніяхъ этрусскаго искусства египетскій отпечатокъ, и притомъ такъ, что исключаетъ всякую мысль о подражаніи чужимъ образцамъ и заставляетъ искать причины явленія гораздо-глубже — въ самыхъ судьбахъ первоначальнаго этрусскаго племени. Невозможно, чтобъ то поразительное сходство, которое замѣчается между египетскими и этрусскими гробницами, какъ въ цѣломъ ихъ устройствѣ, такъ и во всѣхъ подробностяхъ внутреннихъ украшеній, которое очевидно далѣе въ очертаніи фигуръ, и наконецъ явственно выступаетъ въ религиозныхъ атрибутахъ (какъ-то сфинксахъ, скарабейхъ, іероглифахъ) и въ самомъ характерѣ религіи того и другаго народа, невозможно, чтобъ это сходство было только дѣломъ случая, прихотливаго вкуса или моды, господствовавшей нѣкоторое время между этрусками» ⁽²⁾.

Не останавливаясь на одномъ общемъ предположеніи, авторъ брошюры, на одной изъ слѣдующихъ страницъ, оборачиваетъ свой корабль по направленію къ самому Египту и бросаетъ якорь прямо въ его исторію. Признавая въ этрусскихъ памятникахъ, сверхъ египетскаго, еще финикійскій характеръ, онъ полагаетъ, что это явленіе состоитъ въ тѣсной связи съ изгнаніемъ Финикійцевъ изъ Египта, которое послѣдовало въ XIX вѣкѣ до начала христіанской эры. Мы отказываемся слѣдовать за авторомъ при такомъ быстромъ движеніи его мысли. Намъ кажется, ничего нельзя объяснить предполагаемымъ изгнаніемъ Финикійцевъ изъ Египта, пока этотъ самый фактъ еще не опущенъ и не утвержденъ критически. Да едва-ли еще можно говорить такъ рѣшительно объ египетскомъ характерѣ этрусскаго искус-

⁽¹⁾ См. Die Insel Sardinien von Neugebauer, Taf. 12.

⁽²⁾ Die Alpen-Etrusker, p. 12.

ства вообще. Сколько мы знаемъ, подобная мысль до-сихъ-поръ нигдѣ еще не была выговорена положительно и, по нашему мнѣнiю, нуждается въ болѣе-точныхъ и опредѣлительныхъ доказательствахъ, нежели каковы предложенныя въ брошюрѣ. Лепсіусу хорошо знакомы вопросы, касающіеся до этрусковъ; однако въ своихъ описанiяхъ египетскихъ гробницъ онъ нигдѣ не упоминаетъ о сходствѣ ихъ съ этрусскими: стало-быть, оно не поразило его, если и допустить, что было имъ замѣчено. Въ чертанихъ фигуръ дѣйствительно замѣчается египетская манера; но она же видна и въ произведенiяхъ древняго греческаго стиля. Мы не отвергаемъ совершенно египетскаго вліанiя ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, но сомнѣваемся, чтобъ въ настоящемъ состоянiи науки позволительно было рассуждать о немъ категорически. Одно только кажется намъ несомнѣннымъ — это присутствіе восточнаго элемента въ этрусскихъ древностяхъ (1); но какой именно изъ восточныхъ народовъ былъ его проводникомъ въ Этрурію—рѣшеніе этого вопроса надобно еще представить времени.

Возвратимся къ гипотезѣ О. Миллера. Мы видѣли, что новое изслѣдованіе отличило въ этрусскомъ народонаселенiи, сверхъ первоначальнаго, еще другой, позднѣйшій слой, о которомъ едва подовѣривали древніе, и что О. Миллеръ, принимая, согласно съ Нибуромъ, особый народъ разеновъ, производитъ ихъ также съ сѣвера, то-есть считаетъ выходцами изъ Реціи. Но въ этомъ послѣднемъ пунктѣ Швеглеръ рѣшительно расходится съ авторомъ «Этрусковъ». Нисколько не отвергая мысли о сродствѣ между этрусками и жителями Реціи, онъ даетъ ей совсѣмъ-другое толкованіе. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что еще гораздо-прежде нибуровское предположеніе о разенахъ сильно потрясено было Лепсіусомъ въ самомъ его основанiи (2). Знаменитый египтологъ одно время также занятъ былъ вопросомъ о происхожденiи этрусковъ, и однимъ изъ главныхъ результатовъ его изслѣдованiя было то, что имя Разена, однажды только упоминаемое Дюнисиємъ и потомъ нигдѣ болѣе не встрѣчающееся въ исторiи, должно быть вовсе выкинуто изъ списка историческихъ народовъ, какъ никогда несуществовавшее въ такомъ смыслѣ. Довольно было этого удара, чтобъ возбудить сильную недовѣрчивость ко всему предположенію о выходцахъ изъ Реціи. Правда, что защитники его могли попрежнему ссылаться на указанія другихъ писателей древности, которые, хотя мимоходомъ, упоминаютъ о кровномъ родствѣ ретовъ съ тусками; но еще Нибуръ, главный виновникъ гипотезы, замѣчалъ, что эти свидѣтельства могутъ быть истолкованы совсѣмъ въ другую сторону, и, дѣлая свое объясненіе, направлялъ его противъ будущихъ возраженій. Дѣло въ томъ, что Ливій производитъ жителей Ретическихъ Альповъ отъ этрусковъ, а не наоборотъ, и тутъ же прибавляетъ, что они одичали ужъ на новыхъ мѣстахъ своего жительства.

(1) Этого не отвергаетъ и Швеглеръ. См. Röm. Geschichte, I, 1, p. 260.

(2) Относящееся сюда сочиненіе Лепсіуса носитъ названіе: Ueber die tyrrhenischen Pelasger, 1842.

Совершенно согласно съ нимъ показаніе Плинія, который называетъ ретовъ отраслью, или *потомками* этрусковъ, латвійскими ибкогда галлами и удалившихся въ горы подъ предводительствомъ Рета. Юстинъ еще опредѣленнѣе повторилъ то же самое извѣстіе. Такимъ образомъ мы имѣемъ цѣлый рядъ историческихъ свидѣтельствъ, которыя положительно говорятъ о выселеніи части этрускаго народонаселенія въ Ретическія Альпы, и ни одного, которое бы упоминало о передвиженіи ретовъ въ Этрурію. Шлегель въ этомъ совершенно правъ, отвергая гипотезу Нибура и О. Миллера о происхожденіи этрусковъ изъ Реціи, какъ неоправдываемую никакими историческими извѣстіями. По его мнѣнію, мы не имѣемъ никакого основанія отступать отъ древняго преданія, а изъ него видно только то, что этруски, бѣжавшіе отъ галловъ, повалили себѣ убѣжища въ горахъ Реціи—событіе, тѣмъ болѣе вѣроятное, что многія мѣстныя названія въ Тиролѣ до-сихъ-поръ напоминаютъ собственныя имена этрусковъ. Того же мнѣнія держится авторъ брошюры объ «Альпійскихъ Этрускахъ», который, если и соглашается допустить разсказъ, то не иначе, какъ совершенно отождествляя ихъ съ тирренскими пеластами. Если Нибуръ находилъ невѣроятнымъ, чтобы этрусскіе бѣглецы, гонимые галлами, могли утвердиться въ Реціи противъ тамошняго туземнаго народонаселенія, то ему кажется еще невѣроятнѣе, чтобы первые зародыши этрускаго искусства, этрусской культуры вообще, были занесены въ Этрурію выходцами изъ суровыхъ альпійскихъ странъ, гдѣ человѣкъ истощалъ все свои усилія на тяжелую борьбу съ природою, и гдѣ, потому, не могло быть никакого смысла для образованія. Не лишены также основанія слѣдующія соображенія автора, направленные противъ возможности большаго переселенія изъ Реціи въ продолженіе данной эпохи:

«Исторія не знаетъ (говоритъ онъ) ни о какомъ народномъ движеніи съ сѣвера на югъ за 1100 лѣтъ до Р. Хр. Между-тѣмъ, трудно себѣ представить, чтобы событіе такой важности могло быть вовсе незамѣчено, или чтобы исчезла всякая память о движеніи, которое должно было сильно почувствоваться всѣми народами, жившими на пространствѣ между По и вершинами Аппениновъ. Нужны были цѣлыя сотни тысячъ людей и между ними множество вооруженныхъ, чтобы могло сбыться такое дѣло: потому-что не могли же умбры, заселявшіе тогда область рѣки По, бѣжать передъ этрусками, какъ робкое стадо овецъ, и отдать имъ свои земли безъ сопротивленія. Но въ то время сѣверъ вовсе еще не былъ такъ густо заселенъ, чтобы въ-состояніи былъ выставить такіа многочисленныя скопища. Да и Альпы не могли пропитать такого числа людей, потому-что дно ихъ долинъ лежало въ болотахъ и не представляло никакихъ удобствъ не только для постоянной обработки, но и для временнаго перехода. На высотахъ Альповъ, еще во время аннибалова похода, можно было отличить новые слои снѣга отъ старата, такъ-что онъ постоянно былъ окованъ льдомъ. Полибій, проѣзжавшій черезъ Альпы спустя тысячу лѣтъ послѣ предполагаемаго переселенія, говоритъ о нихъ, что возвышенныя части ихъ остаются невоздѣлан-

ннии по причинѣ суровости климата и глубокихъ овраговъ; которые лежать на нихъ круглый годъ. Вообще исследователи, принимавшіе переселеніе этрусковъ изъ тирольскихъ Альповъ, слишкомъ-необдуманно дѣлали свои выводы, мало обращая вниманія на физическія свойства страны» (А).

Мы не можемъ забыть за авторомъ этихъ строкъ въ дальнѣйшемъ его изслѣдованіи, гдѣ онъ перебираетъ одно за другимъ различные племена, составившія въ историческія времена населеніе Реція, чтобы, согласно съ своею основною мыслью, открыть между ними признаки позднѣйшихъ переселенцевъ изъ Этруріи, да и не имѣемъ въ томъ особой нужды. Наша цѣль состояла только въ томъ, чтобы познать чѣмъ читатель съ настоящихъ состояніемъ вопроса объ этрускахъ, не вѣдая во всё его подробности. Последніе результаты изслѣдованія, очевидно, нисколько не благоприятствуютъ гипотезѣ о происхожденіи этрусковъ съ сѣвера: несмотря на авторитетъ Набура и О. Миллера, споро, кажется, она вовсе выйдетъ изъ употребленія. Что же тогда останется?.. Останется, во первыхъ, общій выводъ, твердо-поставленный на основаніи филологическихъ наблюденій, что этруски, несомнѣнно принадлежали къ индо-германскому семейству языковъ и народовъ; были, впрочемъ, чужды умбро-сабелло-латинской его отрасли. Это отчужденіе чувствуется и во всѣхъ отношеніяхъ ихъ къ другимъ народамъ древней Италіи. Граница Лаціума съ Этрурією дѣйствительно составляла рубежъ, раздѣлявшій двѣ народности, не то, что границы съ сабинцами и волосками, которыя были едва замѣтны. «Продать за Тибръ» (*trans Tiberius vendere*), говоритъ Швейгеръ, значило продать въ чужую землю; и римляне, не чинясь называли этрусковъ «варварами». Останется дагѣ несомнѣннымъ тотъ фактъ, что этруская национальность образовалась изъ смѣшенія разнородныхъ племенъ. Еслибъ на это и не было никакихъ указаній въ извѣстіяхъ древнихъ писателей, мы неминуемо пришли бы къ такому заключенію, судя по характеру языка и некоторымъ другимъ не менѣе вѣрнымъ признакамъ. Такъ, напримѣръ, все этрусское народонаселеніе раздѣлялось только на два класса, изъ которыхъ одинъ, господствующій, очевидно происходилъ изъ завоевателей, другой, несомнѣнно, составился изъ покоренныхъ или туземныхъ жителей; о существованіи средняго сословія у этрусковъ едва можно имѣть слабое подозрѣніе. Но какія же именно были эти племена, которыя послужили къ образованію этрусской народности? Швейгеръ находитъ на этрусской почвѣ три народные элемента и исчисляетъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: а) умбры, или первоначальное населеніе страны, б) резыны—племя завоевательное, которое пришло позже и населено преимущественно города, и с) греки, рано заселившіе своими колоніями берега Этруріи. Въ пользу умбровъ, какъ первоначальныхъ жителей этрусской земли, говоритъ древнее преданіе, сохранившееся у Плинія (2), и многія общія черты въ этрусскомъ и сабинскомъ

(1) Die Alpen-Etrusker, p. 14—15.

(2) Plin., III. 8 : Umbros inde exegero antiquibus Pelasgi, hos Lydi,

культу, что объясняется лишь единством происхождения того и другого народа. О греческих поселениях въ Этрурии свидѣлствуютъ имена прибрежныхъ городовъ (Пииза, Агилла, Пиргой, и др.) и тѣми связи ихъ съ метрополіей: во всей вѣроятности, чрезъ нихъ Этрурія получила свой алфавитъ изъ Греціи, они же частью служили тѣмъ проводникомъ, посредствомъ котораго греческое искусство, пластика и живопись въ-особенности, проникли и во внутренность страны, какъ это несомнѣнно доказывается сходствомъ этрусскихъ вазъ, найденныхъ близъ Цере и Тарквиніи, съ коринтскими. Но какъ бы ни было значительно вліяніе береговыхъ поселеній, матеріальный перевѣсъ въ составѣ этрусскаго народонаселенія все же долженъ былъ оставаться на сторонѣ умбровъ и ихъ завоевателей. Кто же такіе были разены? По мнѣнію Шюеглера, согласному съ мнѣніемъ О. Миллера, они были тирренскіе пеласги. Но мы ужъ видѣли, что это искусственное предположеніе о тирренскихъ пеласагахъ составилось на-счетъ геродотовскаго извѣстія о лидійскомъ переселеніи, которое, по нашему мнѣнію, имѣетъ за себя болѣе ручательствъ достоверности. Итакъ не будетъ ли проще и сообразнѣе съ дѣломъ, если мы, устранивъ сомнительныхъ разеновъ, поставимъ на ихъ мѣсто, менѣе апокрифическихъ выходцевъ изъ Лидіи? Допуская, на основаніи Геродота, поселеніе ихъ въ Этруріи, мы не только удержимъ посредствующую связь между Востокомъ и западнымъ берегомъ Италіи, но и точнѣе сохранимъ смыслъ преданія, которое, исчисляя въ преемственномъ порядкѣ народы, занимавшіе этрусскую землю, ставитъ на первомъ мѣстѣ умбровъ, за ними пеласговъ и наконецъ лидійцевъ, «прозванныхъ потомъ тусками». Что же касается до пеласговъ, поставленныхъ здѣсь между умбрами и лидійцами, то мы ужъ знаемъ, съ какою осторожностью надобно принимать извѣстія о разселеніи ихъ въ разныхъ частяхъ Апеннинскаго Полуострова. Если они приводятся здѣсь не просто только для счета, то едва-ли подъ нихъ именемъ не скрывается начало греческихъ колоній на этрусскомъ берегу. Римляне знали такъ мало вѣрныхъ признаковъ, по которымъ съ точностью могли отличать пеласгическое отъ собственно-греческаго. Впрочемъ, можно надѣяться, что подробности вопроса объ этрускахъ разъяснятся еще болѣе при дальнѣйшихъ успѣхахъ изслѣдованія.

Критическія воззрѣнія Шюеглера на преданія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ исторію основанія Рима и римскаго общественнаго устройства, мы надѣемся представить читателямъ въ третьей и вмѣстѣ окончательной статьѣ.

И. КУДРЯВЦЕВЪ.

qui Tuscii sunt cognominati. Или, въ другомъ мѣстѣ (III, 19) : Umbrorum gens antiquissime Italix exestumatur, etc.

VI.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА МАРТЪ 1854 ГОДА.

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— По положенію Сибирскаго Комитета Высочайше повелѣно : 1) упразднивъ существующую нынѣ въ Семипалатинскѣ Ратушу, открыть, вмѣсто оной, на точномъ основаніи статей 118—124 Учр. Сибир. (т. II), Городскую Думу и Городовой Судъ, согласно Высочайше утвержденному штату. 2) Штаты эти ввести въ дѣйствіе въ полномъ составѣ тогда, когда дозволятъ то средства города, а до того времени предоставить Городской Думѣ и Городовому Суду должность журналиста (онъ же и архивариусъ), поручить одному изъ стародона начальниковъ, по ближайшему своему усмотрѣнію. 3) Въ случаѣ, если бы и за симъ недоставало обыкновенныхъ городскихъ доходовъ на содержаніе помянутыхъ учреждений, то недостающую сумму отнести, согласно существующему порядку, на общественную раскладку.

— Высочайше повелѣно : должность частного пристава въ г. Везевѣ, Тульской Губерніи, упразднить, а вмѣсто оной назначить второго квартального надзирателя, съ жалованьемъ изъ мѣстныхъ городскихъ доходовъ, по 57 р. 14½ к. сер. въ годъ.

II. Законы о службѣ гражданской.

— Вслѣдствіе ходатайства оренбургскаго и самарскаго генерал-губернатора о дозволеніи опредѣлять въ должности исправниковъ по объѣмъ симъ губерніямъ чиновниковъ по избранію мѣстнаго начальства, и о предоставленіи дворянамъ того края избирать кандидатовъ только на должности засѣдателей Земскихъ Судовъ въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ, по числу дворянъ, можетъ быть это допущено, послѣдовало Высочайшее соизволеніе: предлагаемую генерал-адъютантомъ Перовскимъ мѣру ввести, во вѣренномъ ему краѣ, въ видѣ опыта, на три года.

— По представленію г. товарища министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣно : воспитанникамъ Благородныхъ Пансіоновъ

при гимназіяхъ, которые, по ст. 97 Св. Зак. (изд. 1842 г.) т. III. Уст. о служ. по опред. отъ прав., обязаны, по окончаніи гимназическаго курса, выслугою шести лѣтъ по гражданской части, дозволить поступать въ учебную службу вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобъ они этотъ срокъ выслужили въ учебномъ вѣдомствѣ.

— Инспекторскій Департаментъ Гражданскаго Вѣдомства, по разсмотрѣніи поступившихъ въ оный для всеподданнѣйшаго доклада представлений, объ измѣненіи нѣкоторымъ лицамъ старшинства въ чинахъ, на основаніи полученныхъ ими вновь отъ учебныхъ заведеній въ наукахъ свидѣтельствъ, предоставляющихъ имъ большія права по воспитанію на производство въ чины, найдя, что свидѣтельства сін выданы, въ замѣнъ утраченныхъ и неполныхъ прежнихъ, тѣмъ лицамъ, по прошествіи значительнаго числа лѣтъ нахожденія ихъ на службѣ и послѣ производства, на точномъ указаніи заключавшихся въ формулярахъ ихъ о воспитаніи свѣдѣній, въ чины, не могъ признать таковыхъ ходатайствъ правильными, съ одной стороны потому, что подобная выдача свидѣтельствъ не соотвѣтствуетъ порядку, установленному для полученія оныхъ лицами, въ учебныхъ заведеніяхъ обучавшимися, и что разрядъ воспитанія долженъ быть положительно опредѣляемъ въ формулярѣ при поступленіи каждаго на службу; а съ другой, что предъявленіе новыхъ документовъ лицами, которыя, объ утратѣ ими прежнихъ, въ теченіе многихъ лѣтъ не объявляли и производимы были въ чины за выслугу болѣе продолжительныхъ сроковъ, не должно имѣть мѣста и служить основаніемъ къ измѣненію старшинства въ чинахъ и дальнѣйшему производству лицъ по высшему разряду воспитанія. По всеподданнѣйшему о семъ докладу г. статс-секретаря Танѣева, Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть: въ подобныхъ случаяхъ производства въ чины и измѣненія въ нихъ старшинства по высшему разряду воспитанія не допускать, такъ-какъ выдача по прошествіи значительнаго числа лѣтъ отъ учебныхъ заведеній, вмѣсто прежнихъ, или въ замѣнъ утраченныхъ, новыхъ о наукахъ свидѣтельствъ, предоставляющихъ высшія по чинопроизводству преимущества лицамъ, послѣ достиженія уже ими на службѣ класснаго чина, не можетъ имѣть для нихъ обратнаго по цѣлопроизводству въ чины примѣненія.

— Высочайше повелѣно: должности горныхъ исправниковъ при частныхъ золотыхъ промыслахъ Оренбургскаго Края, по сравненію съ таковыми же исправниками при уральскихъ частныхъ заводахъ, отнести къ VII разряду пансіонныхъ окладовъ; должности помощниковъ горныхъ ревизоровъ въ Восточной Сибири, полагаемыхъ въ VIII классѣ, отнести по пенсіямъ къ V разряду.

III. Законы относительно казеннаго управленія.

— Высочайше повелѣно: въ дополненіе 101 ст. Общ. Уст. Рекр. постановить слѣдующее: 1) если, по объявленіи набора, семейство, обязанное при ономъ исполнить свою рекрутскую очередь, представить, въ обезпеченіе сего исполненія, зачетную рекрутскую квитан-

цію, а между-тѣмъ пожелаетъ раздѣлиться, съ сохраненіемъ однако правила, въ ст. 101 о раздѣлахъ постановленнаго : то раздѣлъ ему дозволяется, хотя бы наборъ еще не былъ исполненъ участкомъ; 2) если, по объявленіи набора, членъ семейства, обязаннаго исполнить при семъ наборѣ свою рекрутскую очередь, пожелаетъ отдѣлиться по 1 пун. ст. 101 въ семейство жены, и въ обезпеченіе исполненія очереди представить за себя рекрутскую зачетную квитанцію, или по общему свидѣтельству участковаго схода и участковаго начальства, признанъ будетъ явно негоднымъ въ рекруты, сообразно съ наставленіемъ отдатчикамъ; то дозволяется ему отдѣлиться въ семейство жены, хотя бы наборъ еще не былъ участкомъ исполненъ.

— Въ дополненіе подлежащихъ статей Устава Рекрутскаго постановлено : 1) если въ Губернскомъ или Уѣздномъ Рекрутскомъ Присутствіи возникнетъ сомнѣніе относительно лѣтъ, сложенія и вообще здоровья рекрута, и большинство членовъ, или всѣ члены присутствія рѣшатъ не принимать его въ службу, то председателю присутствія предоставляется принять сего рекрута въ службу, подъ лично своею отвѣтственностью за всѣ послѣдствія приѣма. Члены, несогласные съ председателемъ, вносятъ свое мнѣніе въ журналъ, или прилагаютъ оное къ нему отдѣльно по общему порядку, и тѣмъ это дѣло въ отношеніи къ нимъ совершенно оканчивается. 2) Это право принадлежитъ и губернатору, когда онъ председательствуетъ въ Губернскомъ Рекрутскомъ Присутствіи при переосвидѣтельствованіи рекрутъ, предоставленномъ ему въ разныхъ случаяхъ правилами Устава Рекрутскаго. 3) Исключая сей случай и случай, означенный въ 274 ст. Уст. Рекрут., всѣ прочія дѣла рекрутскихъ присутствій должны быть разрѣшаемы по ст. 242 по большинству голосовъ.

— Въ дополненіе подлежащихъ статей того же Устава Рекрутскаго, постановлено : 1) солдатскіе сыновья, отданные, на основаніи ст. 322 Уст. о Подат. (Св. Зак. т. V и 1 примѣчанія къ сей статьѣ по прод. IV) отцамъ, по отставкѣ, или вдовамъ-матерямъ, для призрѣнія ихъ и пособій въ хозяйствѣ, равно какъ и кантонисты, исключенные изъ военнаго вѣдомства, на основаніи 2 и 3 примѣчаній къ упомянутой ст. 322 по прод. V и VIII, пользуются лично свободою отъ рекрутской повинности, какъ при жизни, такъ и по смерти своихъ родителей, а потому при наборахъ въ тѣхъ обществахъ, къ коимъ они по водворенію и платежу податей принадлежатъ, исключаются изъ числа душъ, рекрутству подлежащихъ; 2) въ случаѣ порочнаго ихъ поведения, общество имѣетъ право удалять ихъ изъ своей среды по общимъ правиламъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что годные изъ нихъ къ военной службѣ обращаются при семъ въ оную безъ зачета за рекрутъ; 3) не дозволяется имъ наниматься въ рекруты за чужія семейства, но могутъ они просить объ исключеніи ихъ изъ податнаго состоянія и о зачисленіи въ строевыя войска, если къ военной службѣ годны и родителямъ своимъ уже не нужны. 4) Дѣти солдатскихъ сыновей, отданныхъ, на основаніи ст. 322 Уст. о Подат. и 1 примѣчанія къ оной, родителямъ, прижитыя въ податномъ состояніи и

ихъ потомки, подлежатъ рекрутству по общимъ положеніямъ о вѣданныхъ сословіяхъ, къ которымъ они будутъ принадлежать.

— По положенію Комитета объ Устройствѣ Евреевъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: дѣйствіе § 10 прилож. къ ст. 257 (по 5 продолж.) т. V, о взиманіи вспомогательнаго коробочнаго сбора съ евреевъ, занимающихся во владѣльческихъ имѣніяхъ продажею вина въ корчмахъ и шинкахъ, содержащихъ водочныхъ, пивоваренныхъ, стекляннхъ и проч. заводовъ, распространить на евреевъ, содержащихъ въ казенныхъ имѣніяхъ шинки, пивоварни и мельницы, съ тѣмъ, во первыхъ, чтобы установленный съ таковыхъ содержателей сборъ въ пользу вспомогательнаго коробочнаго сбора ни въ какомъ случаѣ не превышалъ 5% оборочной суммы, и во вторыхъ, чтобы дѣйствіе сего постановленія не распространять на тѣхъ содержателей, которые вошли и войдутъ въ обязательство съ казною по содержанию шинковъ, пивоваренъ и мельницъ, до изданія новаго закона.

— Высочайше повелѣно: допущенную по Высочайше утвержденному 4-го марта 1847 года положенію Комитета Министровъ, въ видѣ опыта на три года, выдачу солепромышленникамъ срочныхъ билетовъ на продажу покупаемой ими изъ казны въ Западной Сибири соли, установить на будущее время.

IV. ЗАКОНЫ ГРАЖДАНСКІЕ.

— Въ видахъ огражденія отъ растраты суммъ, вносимыхъ акціонерами, впредь до учрежденія общаго по дѣламъ Компаній Правленія, послѣдовало Высочайшее повелѣніе нижеслѣдующія статьи Т. X Св. Зак. Граж. (изд. 1842 г.) изложить такъ: ст. 1861. — «Срокъ и количество первоначальнаго раздробительнаго взноса за акціи опредѣляется въ самомъ Уставѣ Компаніи. Назначеніе сроковъ и количества послѣдующихъ раздробительныхъ взносовъ, когда оныя будутъ опредѣлены сообразно съ ходомъ предпріятія, предоставляется Правленію Компаніи, или общему собранію ея акціонеровъ, какъ о томъ въ Уставѣ сказано будетъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ о времени и количествѣ каждаго взноса публикуется въ вѣдомостяхъ, по крайней мѣрѣ за три мѣсяца до наступленія срока. Ст. 1864. Учредители Компаніи имѣютъ право отдѣлять въ свою пользу известное количество акцій, но съ тѣмъ: а) чтобы оно не превышало пятой части общаго предназначеннаго къ выпуску числа акцій, и б) чтобы акціи, имъ слѣдующія, были отдѣляемы, начиная съ номера перваго, и записываемы по старшинству номеровъ въ особую для записки акцій шнуровую книгу, выдаваемую учредителямъ отъ правительственнаго мѣста на основаніяхъ, означенныхъ въ слѣдующей 1865-й статьѣ, въ которой изложенъ и порядокъ веденія этой книги. Ст. 1865 п. 2). Требования акцій допускаются лично и чрезъ почту, и вносятся въ особую для записки акцій шнуровую книгу порядкомъ, ниже сего означеннымъ (пунктъ 5). 3) По окончаніи срока подписки производится разверстка акцій по мѣрѣ требованій; она вносится въ книгу для записки акцій нижеозначеннымъ въ 5-мъ пунктѣ порядкомъ, и затѣмъ

публикуется о вносѣ денегъ къ другому определенному сроку и о выдачѣ подписавшимся самымъ акцій, или же, когда на первый разъ сумма, слѣдующая за акціи, требуется еще не сполна, предварительныхъ въ томъ расписокъ. 4) Учредителями ведутся двѣ инвуровыя книги: одна для записки акцій и требованій на оныя, другая для записки получаемыхъ за акціи денежныхъ суммъ. Обѣ сии книги приготавлиются учредителями, кои въ послѣдствіи возвращаются употребленнымъ на сіе деньги отъ Компани, когда она будетъ окончательно образована. Книги представляются: въ столицахъ и губернскихъ городахъ Казеннымъ Палатамъ, а въ городахъ уѣздныхъ Думамъ или Рагушамъ для приложенія къ инвур оныхъ казенной печати, и для скрѣпы но листамъ и подписи сообразно съ порядкомъ, наблюдаемымъ вообще при выдачѣ инвуровыхъ книгъ отъ казны. 5) Въ книгѣ для записки акцій означаются сначала акціи, отдѣляемыя въ пользу учредителей, начиная съ номера перваго (ст. 1864), а потомъ по порядку номеровъ выдаваемые другимъ акціи, или расписки въ оныхъ. На страницахъ, противоположныхъ тѣмъ, на коихъ записаны акціи или расписки въ оныхъ, означаются требованія на акціи, по порядку ихъ поступленія, и званіе или чинъ, имя, отчество, фамилія и мѣсто пребыванія требователей. 6) Книга для записки суммъ ведется слѣдующимъ порядкомъ: а) на лѣвой сторонѣ отъ сгиба книги, записывается въ самый день полученія суммы, поступающія за акціи; причеиъ предоставляется на волю учредителей записывать каждое получение особою статью, или же весь сборъ того дня одною статью, но съ означеніемъ, за акціи или расписки какихъ именно номеровъ приняты денежные суммы; б) каждая статья означается номеромъ, какой слѣдуетъ по порядку; в) подъ каждою статью подписываются всѣ учредители, какъ отвѣтствующіе совокупно за цѣлость суммъ и поему обязанные наблюдать одинъ за другимъ; г) на страницахъ, противоположныхъ приходу, записываются, вмѣсто расходныхъ статей, особыми каждый разъ статьями, суммы денегъ, вносимыя въ кредитное установленіе на имя Компани, по правиламъ ниже сего въ 7-мъ пунктѣ определеннымъ, съ означеніемъ при каждой изъ статей номера билета на внесенную сумму полученнаго и времени его выдачи. Ст. 1865, п. 7. Суммы, поступающія за акціи или расписки, по накопленіи у учредителей свыше трехъ сотъ рублей серебромъ, отсылаются немедленно при отношеніяхъ, подписываемыхъ всеми учредителями, въ одно изъ кредитныхъ установленій для храненія и приращенія процентами и оставляются въ ономъ до востребованія ихъ на предписанное Уставомъ употребленіе. 8) Веденіе обѣихъ вышеозначенныхъ инвуровыхъ книгъ, для единообразія въ исполненіи, предоставляется одному изъ учредителей по выбору прочихъ, или же, когда учредителей только двое, по жребію, или добровольному соглашенію одного съ другимъ. На сего же учредителя возлагается, какъ раздача акцій и расписокъ, такъ и получение за оныя денегъ и храненіе на общественныя суммы билетовъ кредитныхъ установленій, подъ общемою всѣхъ учредителей отвѣтственностью за допущеніе имъ какихъ-либо по частящей статьѣ безпорядковъ, или неправильныхъ дѣйствій, въ слу-

чей его несоответственности. 9) Учредителямъ поставляется въ обязанность объ книги имѣть открытыми для акціонеровъ, дабы каждый изъ нихъ по желанію могъ личнымъ обозрѣніемъ удостовѣриться въ томъ, что книги ведутся въ надлежащемъ порядкѣ. Акціонерамъ предоставляется также право освидѣтельствованія, хранящихся у учредителей; принадлежащихъ компании билетовъ кредитныхъ установленій и наличной суммы, если она имѣется. Для силъ обозрѣній учредителямъ обязаны назначить определенное каждый день время, кромѣ дней праздничныхъ, табельныхъ и воскресныхъ дней, и о томъ публиковать въ публичныхъ вѣдомостяхъ. 10) Независимо отъ сего обозрѣнія книгъ и суммъ акціонерами, то правительственное мѣсто, за подписаниемъ коего шнуровыя книги учредителямъ выданы (см. выше п. 4), обязано не рѣже, какъ единожды въ каждые три мѣсяца, требовать къ себѣ для освидѣльствованія объ упомянутыя шнуровыя книги, хранящіяся у учредителей билеты кредитныхъ установленій и наличныя денежные суммы. Это освидѣльствованіе должно, впрочемъ, ограничиваться: по *одной* книгѣ счетомъ розданныхъ акцій, на число коихъ указываетъ номеръ послѣдней изъ нихъ, а по *другой* рассмотрѣніемъ, точно ли собранная за акція и означенная въ итогахъ сумма соответствуетъ цѣнѣ всѣхъ розданныхъ акцій, или полученнымъ за оныя первоначальнымъ взносамъ, и что сии суммы обращены въ билеты кредитныхъ установленій; въ чемъ, а равно и въ цѣлости наличной суммы, если она имѣется, правительственное мѣсто удостовѣряется счетомъ билетовъ и денегъ. По освидѣльствованіи, которое должно быть окончено въ одно и то же засѣданіе, сіе мѣсто полагаетъ на книгахъ краткія о томъ надписи, означая въ оныхъ, что книги были освидѣльствованы такимъ-то мѣстомъ и въ такое-то время. Таковой порядокъ освидѣльствованія долженъ продолжаться до учрежденія Правленія Компаніи, которое, по принятіи отъ учредителей книгъ и суммъ въ свое вѣдѣніе, обязано извѣстить о семъ правительственное мѣсто, выдавшее книги. Ст. 1873. *Дополненіе.* Правленіе Компаніи, произведя шнуровымъ книгамъ учредителей ревизию и оставивъ оныя у себя, принимаетъ отъ учредителей по книгѣ о суммахъ, хранящіяся у нихъ въ билетахъ кредитныхъ установленій капиталы Компаніи; другая книга (объ акціяхъ) служитъ оному основаніемъ свѣдѣній о выданныхъ учредителями въ свое время акціяхъ или распискахъ. Въ полученіи суммъ и обревизованіи книгъ, оно выдаетъ учредителямъ квитанціи. Въ статьѣ 1888-й къ нѣкоторымъ оной пунктѣмъ прибавить указанія на тѣ статьи законовъ гражданскихъ о компаніяхъ на акціяхъ, кои соотвѣтствуютъ статьямъ положенія 1836 года декабря 6-го.

V. Законы государственнаго благоустройства.

— Въ видахъ содѣйствія внутреннимъ торговымъ и промышленнымъ оборотамъ, для облегченія разнѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету и обратно, а также обмѣна крупныхъ билетовъ на мелкіе и ветхихъ на новые, согласно съ предположеніемъ министра финансовъ, Высочайше повелѣно: 1) Для производства означенныхъ операцій открыть въ Москвѣ Временное Отдѣленіе Экспедиціи Госу-

дарственныхъ Кредитныхъ Билетовъ, съ разнѣнною при ономъ кассою, по Высочайше утвержденному штату. 2) Отдѣленію сему въ дѣйствіяхъ своихъ руководствоваться тѣми же правилами, какія постановлены для Экспедиціи Государственныхъ Кредитныхъ Билетовъ, въ Высочайше утвержденномъ 1-го іюля 1843 года Уставѣ оной. 3) Для преподаванія Московскому Отдѣленію возможности къ беззастѣнчивому производству возлагаемыхъ на оное операций, снабжать сіе Отдѣленіе достаточнымъ количествомъ кредитныхъ билетовъ изъ запаснаго капитала Экспедиціи, а изъ хранящагося въ С.-Петербургѣ разнѣннаго фонда въ звонкой монетѣ, перевести надлежащую часть въ Москву въ указанное помѣщеніе. 4) Для ближайшаго наблюденія за кѣлымъ храненіемъ такового фонда и для свидѣльствованія оного, учредить въ Москвѣ особый Ревизіонный Комитетъ, по призыву существующаго въ С.-Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ одного сенатора, изъ предсѣдателя Московской Казенной Палаты, управляющаго тамошнюю Конторою Коммерческаго Банка, предсѣдателя Московскаго Отдѣленія Коммерческаго и Мануфактурнаго Совѣтовъ и двухъ депутатовъ по назначенію московскаго военнаго генерал-губернатора: одного отъ дворянства, а другаго отъ купечества.

— Высочайше повелѣно: купеческіе караваны, приходящіе на Оренбургскую Линію изъ областей Средней Азіи, освободить отъ производимаго надъ ними наружнаго медицинскаго осмотра, съ тѣмъ, однако же, чтобы, въ случаѣ надобности, со стороны оренбургскаго и самарскаго генерал-губернатора были принимаемы мѣры, въ примѣчаніи къ ст. 573-й Устава Медицинской Полиціи (Св. Зак. Т. XIII), установленныя.

— Удостоены Высочайшаго утвержденія, составленныя изъ существующихъ постановленій подробныя опредѣлительныя правила о разрѣшеніи давать въ столицахъ публичныя маскарады, концерты, балы съ лотереями и другія увеселенія.

VI. Законы уголовныя.

— Высочайше повелѣно: къ ст. 1332 Зак. Уголов. (Св. Зак. Т. XV) сдѣлать слѣдующее примѣчаніе: отъ вноса установленныхъ сею статьею апелляціонныхъ пошлинъ освобождаются объявившіе сами, или чрезъ повѣреннаго, что, по неимуществу своему, не могутъ внести оныхъ, и утвердившіе подпискою, что, въ случаѣ обнаруженія несправедливости такового показанія, подвергаютъ себя наказанію, какъ за ложное предъ судомъ показаніе по ст. 1169 Уложенія о наказаніяхъ. При подобныхъ показаніяхъ судебныя мѣста обязаны дѣйствовать на точномъ основаніи ст. 3693 и 3716 Зак. Гражд. (Св. Зак. Т. X).

— Въ именномъ Его Императорскаго Величества Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату «евраля въ 16 день, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, изображено: «По

настоящимъ обстоятельствамъ, признавъ нужнымъ объявить состоящими въ военномъ положеніи Екатеринославскую Губернію и Тагаурогское Градоначальство, съ подчиненіемъ ихъ наказному атаману Войска Донскаго, генералу отъ кавалеріи Хомутову, Мы предоставили ему на все время состоянія означенныхъ губерній и градоначальства въ военномъ положеніи, пользоваться правами командира отдѣльнаго корпуса, на основаніи устава для управленія арміями 5 декабря 1846 года».

— Въ Именныхъ Его Императорскаго Величества Высочайшихъ указахъ, данныхъ Правительствующему Сенату 21 февраля, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, изображено :

I. «При настоящихъ обстоятельствахъ, Мы признали за благо Санктпетербургскую Губернію объявить состоящею въ военномъ положеніи и подчинить Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу, Главнокомандующему Гвардейскими и Гренадерскимъ Корпусами, на правахъ, Его Высочеству присвоенныхъ, по званію главнокомандующаго армію въ военное время, по Уставу для управленія арміями 5 декабря 1846 года».

II. «Губерніи Эстляндскую и Лифляндскую Мы признали за благо, по настоящимъ обстоятельствамъ, объявить состоящими въ военномъ положеніи, съ подчиненіемъ Эстляндской Губерніи командующему войсками, въ этой губерніи расположенными, генерал-адъютанту Бергу, губерніи же Лифляндской, командующему войсками въ этой губерніи, рижскому военному, лифляндскому, эстляндскому и курляндскому генерал-губернатору, генерал-адъютанту князю Италійскому, графу Суворову-Рымникскому, предоставляя имъ, на время состоянія означенныхъ губерній въ военномъ положеніи, право командира отдѣльнаго корпуса въ военное время, на основаніи Устава для управленія арміями 5 декабря 1846 года».

III. «Губернію Архангельскую Мы признали за благо, по настоящимъ обстоятельствамъ, объявить состоящею въ военномъ положеніи съ подчиненіемъ оной архангельскому военному губернатору вице-адмиралу Бойлю, предоставляя ему, на все время состоянія этой губерніи въ военномъ положеніи, права командира Отдѣльнаго Корпуса въ военное время, на основаніи Устава для управленія арміями 5 декабря 1846 года».

IV. «По настоящимъ обстоятельствамъ признали Мы нужнымъ объявить въ военномъ положеніи Царство Польское и губерніи : Курляндскую, Ковенскую, Виленскую, Гродненскую, Волынскую и Подольскую, подчинивъ, какъ Царство Польское и означенныя губерніи, такъ равно объявленныя ужь въ военномъ положеніи, Указомъ Нашимъ 19 ноября 1853 года, Бессарабскую Область и часть Херсонской Губерніи на правомъ берегу рѣки Буга; главнокомандующему дѣйствующею армію генерал-фельдмаршалу князю Варшавскому графу Паскевичу Эриванскому, на правахъ ему присвоенныхъ въ военное время по Уставу для управленія арміями 5 декабря 1846 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣваемъ : а) чтобъ губерніи Подольская, часть Херсонской на правомъ берегу рѣки Буга и Бессарабская Область находились также въ

подчиненіи командующаго войсками 3, 4 и 5 пѣхотныхъ корпусовъ, генерал-адъютанта князя Горчакова, на предоставленныхъ ему правахъ командира Отдѣльнаго Корпуса въ военное время; б) чтобъ Царство Польское и губерніи: Курляндская, Ковенская, Виленская, Гродненская, въ отсутствіи генерал-фельдмаршала изъ Царства, стояли въ подчиненіи командующаго Гренадерскимъ, 1 и 2 пѣхотными корпусами генерал-адъютанта графа Ридигера, равноѣрно на правахъ командира Отдѣльнаго Корпуса въ военное время; в) чтобъ кромѣ-того, командующій войсками, въ Курляндской Губерніи расположенными, пользовался во все время состоянія этой губерніи въ военномъ положеніи правами командира Отдѣльнаго Корпуса по Уставу 5 декабря 1846 года, подъ непосредственнымъ начальствомъ генерал-фельдмаршала. а въ его отсутствіи изъ Царства Польскаго, подъ начальствомъ генерал-адъютанта графа Ридигера; г) чтобъ генерал-адъютантъ баронъ Остен-Сакенъ 1-й сохранилъ права командира Отдѣльнаго Корпуса, предоставленныя ему Указомъ Нашимъ 19 ноября 1853 года надъ Бессарабскою Областью и частью Херсонской Губерніи на правомъ берегу рѣки Буга, оставаясь подъ непосредственнымъ начальствомъ командующаго войсками 3, 4 и 5 пѣхотныхъ корпусовъ».

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ.

— *Исправленіе церкви въ селѣ Домнино, Костромской Губерніи.* Заимствуемъ изъ Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ любопытное извѣстіе объ этомъ предметѣ. Село Домнино находится въ Буйскомъ Уѣздѣ, въ 70 верстахъ отъ Костромы и 10 верстахъ отъ торговаго села Молвитина; оно, съ окружающими его деревнями, издревле принадлежало роду дворянъ Шестовыхъ и, по приданству за Ксеніею Іоанновною, перешло въ родъ Романовыхъ; по избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича, оно называлось Дворцовымъ, было въ особомъ завѣдываніи стольника и воеводы кн. Волконскаго и находилось въ особенномъ владѣніи царицы-инокини Марѳы Іоанновны до 1631 г. и съ этого времени отдано было ею Московскому Новоспаскому Монастырю, отъ котораго поступило въ казенное вѣдомство. Въ селѣ Домнино былъ господскій дворъ со всѣмъ устройствомъ. Въ октябрѣ мѣсяца 1612 г. Ксенія, тогда уже инокиня Марѳа Іоанновна, освободясь изъ польскаго плѣна, съ 15-тилѣтнимъ сыномъ Михаиломъ уѣхала изъ Москвы въ костромское свое помѣстье, именно въ село Домнино, гдѣ, оставивъ своего сына, сама, какъ монахиня, удалилась въ домъ свой, состоявшій въ костромскомъ кремлѣ, у бывшаго тамъ Воздвиженскаго Женскаго Монастыря. Въ 1613 г. одинъ изъ начальниковъ, бродившихъ и грабившихъ тогда повсюду польскихъ и литовскихъ шаекъ, направился съ отрядомъ въ костромскія вотчины Романовыхъ, съ намѣреніемъ захватить избраннаго въ то время въ Москвѣ на царство Михаила Ѳеодоровича; время было холодное, ненастное; наступала уже ночь, когда, въ 3-хъ

верстахъ отъ Домнина, близъ деревни Деревнищъ, существующей и нынѣ подъ названіемъ Деревеньки, поляки встрѣтили Ивана Сусанина, бывшаго, по народному преданію, вотчиннымъ старостою, и взяли его въ проводники къ селу Домнину. Сусанинъ, по увѣреніямъ мѣстныхъ жителей, какъ староста, хотя и проживалъ въ селѣ Домнинѣ при господскомъ дворѣ, но былъ уроженцемъ деревни Деревнищъ, гдѣ и имѣлъ свой домъ, въ которомъ въ это время проживалъ зять его Богданъ Сабининъ. Сусанинъ тихонько послалъ Сабинина въ Домнино къ Михаилу Θεодоровичу, увѣдомить его о предстоящей опасности; а самъ повелъ отрядъ какъ-будто окольными дорогами, вмѣсто села Домнина, по окружнымъ лѣсамъ и болотамъ. Пролунавъ цѣлую ночь и разсчитывая, что Михаилъ имѣлъ достаточно уже времени, чтобъ удалиться изъ Домнина, онъ объявлялъ Полякамъ, что обманулъ ихъ и что Михаилъ теперь ужъ вѣроятно въ Москвѣ. Это было не болѣе, какъ въ 2-хъ верстахъ отъ Домнина, на Рыбномъ Болотѣ, просшемъ большимъ густымъ лѣсомъ, и здѣсь-то, по мѣстному преданію, нашелъ мученическій конецъ доблестный Сусанинъ. До сихъ поръ на окраинахъ этого болота крестьяне находящейся близъ него деревни Перевоза, при разведеніи огородовъ, жалуются, что находящіеся во множествѣ корни и заплывы, затрудняютъ и препятствуютъ разработкѣ. Болото это жители называютъ Чистымъ, не потому ли, что считаютъ его очищеннымъ кровью замученнаго Сусанина? Въ селѣ Домнинѣ священнослужители и крестьяне единогласно подтверждаютъ, что на мѣстѣ нынѣшней каменной церкви стояли древнія боярскія хоромы и, назадъ тому не болѣе 70-ти лѣтъ, сгорѣли отъ бывшаго пожара. При постройкѣ нынѣшней церкви, основаніе которой положено въ 1809 г., при кладкѣ фундамента, рабочіе встрѣчали многія затрудненія, находя срубы, бревна и ямы, что, по мнѣнію жителей, ясно доказываетъ мѣсто бывшаго боярскаго дома. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ этого мѣста была старая деревянная церковь, по преданію, современная Сусанину; эта церковь, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, разобрана въ 1831 г., а иконы перенесены въ новую. Изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія двѣ большія мѣстныя: Воскресенія Христова, съ маленькимъ серебрянымъ вѣнчикомъ, и Успенія Божіей Матери, въ серебряной позолоченой ризѣ; также двѣ запрестольныя иконы — Одигитріи Божіей Матери, съ серебрянымъ вѣнцомъ въ фольго-бисерной ризѣ, и Воскресенія Христова безъ оклада; эти иконы поименованы въ жалованной духовной грамотѣ 1631 г. царицы-инокини Марѣы Іоанновны, данной Новоспасскому Московскому Монастырю. Замѣчанія достойны: древнее церковное Евангеліе въ черномъ бархатѣ, съ серебряными евангелистами (послѣдній листъ затерянъ, а потому и время печатанія онаго неизвѣстно) и большой Требникъ, въ четвертку, печатанъ въ 7132 г., при царѣ Михаилѣ Θεодоровичѣ и патріархѣ Филаретѣ. Въ придѣльныхъ иконостасахъ, по увѣренію священнослужителей, находятся 7 иконъ, время Михаилъ Θεодоровича и 5 иконъ время Алексія Михайловича. Колоколовъ древнихъ нѣтъ, а которые были, тѣ давно уже перелиты съ прибавленіемъ новой мѣди; есть одинъ старый, разбитый,

но безъ всякой надписи. Мѣсто, гдѣ стояла древняя церковь, нынѣ обращено въ кладбище, и какъ протоіерей села Домнина, такъ и прочіе церковнослужители и крестьяне убѣждены, что тѣло Сусанина похоронено было подъ этою церковью; входъ подъ нее съ незапамятныхъ временъ отпустился въ землю и никто не помнитъ, когда можно было входить подъ нее. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при раскрытіи могилы, найдены были человѣческія кости и при нихъ осколки фарфоровой китайской чашки; одинъ изъ осколковъ этихъ хранится въ церкви. Какъ священникъ, такъ и прихожане увѣряютъ, что это мѣсто именно могила Сусанина; они тѣмъ болѣе убѣждены въ этомъ, что встарину подъ церковью никто, кромѣ владѣльцевъ не погребался, а владѣльцы въ этомъ имѣніи проживали только временно. Нынѣшняя церковь, какъ замѣчено выше, заложена 1809 г. и окончена совершенно въ 1827 году; она каменная съ таковою же оградою; въ ней три престола: главный, въ большой холодной церкви, во имя Успенія Божіа Матери, и два въ предѣлахъ теплой трапезы, изъ которыхъ одинъ во имя Тихвинской Божіей Матери, а другой — во имя святителя чудотворца Николая. По всеподданнѣйшему докладу управлявшаго Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ о состояніи сей церкви, Его Императорское Величество, въ 18 день іюля 1850 г., Высочайше повелѣтъ соизволилъ: отпустить 2625 р. на исправленіе ветхостей въ зданіи, на покупку богослужебныхъ книгъ, приобрѣтеніе новой церковной утвари и перелитіе колокола. Исправленія церкви села Домнина съ приобрѣтеніемъ книгъ, утвари и колокола кончены въ 1851 г., и, по освидѣтельствованіи духовнымъ и гражданскимъ начальствомъ, признаны во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительными и совершенно-соотвѣтствующими важности и великолѣпію сей достопамятной церкви, о чемъ министръ Государственныхъ Имуществъ и имѣлъ счастье всеподданнѣйше довести 12 октября 1853 г. до Высочайшаго свѣдѣнія. (Ж. М. Г. И.)

— *Открытіе въ Тифлисѣ Коммерческаго Суда.* — 1 января текущаго года послѣдовало открытіе Тифлискаго Коммерческаго Суда. Учрежденіе этого суда, столь важнаго по своимъ отношеніямъ къ торгующему сословию, займетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ лучшихъ страницъ въ лѣтописи установленій, основанныхъ въ тамошнемъ краѣ въ управленіе Князя М. С. Воронцова. Тифлисъ, по своему географическому положенію, служа какъ-бы проводникомъ торговли между Россіею и Востокомъ, и сосредоточивая въ себѣ главнѣйшія дѣйствія закавказской торговли, по справедливости обращаетъ на себя въ послѣднее десятилѣтіе всеобщее вниманіе. Кругъ дѣятельности тифлискаго купечества, не ограничиваясь внутреннимъ сношеніемъ по торговлѣ, распространяетъ и на заграничную торговлю: Лондонъ, Парижъ, Гамбургъ, Лейпцигъ, Дрезденъ, и значительнѣйшіе торговые города Персіи и Турціи снабжаютъ Закавказье лучшими произведеніями фабричной и заводской промышленности. Но главныя условія процвѣтанія торговли и благосостояніе торгующихъ заключаются во взаимномъ ихъ довѣріи между собою и въ репутаціи благонадежности предъ заграничными корреспондентами. До-сихъ-поръ, быть-можетъ, весьма

немногіе изъ тифлискихъ купцовъ пользовались обширнымъ кредитомъ, какъ по отдаленности Закавказья отъ мѣста пребыванія ихъ вѣрителей, такъ и по неизбѣжно въ Тифлисъ исключительнаго судебного мѣста, кудабы сіи послѣдніе могли обращаться въ случаѣ необходимости; между-тѣмъ, какъ теперь существованіемъ Коммерческаго Суда, такъ-сказать, обезпечиваются правильность и добросовѣстность дѣйствій тамошняго купечества. Съ другой стороны, Коммерческій Судъ облегчаетъ своими быстрыми дѣйствіями тяжесть и служитъ непосредственнымъ проводникомъ дѣлопроизводства въ Превительствующій Сенатъ. Тифлискіе граждане, конечно, вполне сознаютъ важность учрежденія въ Тифлисъ Коммерческаго Суда, который существованіемъ своимъ придаетъ особенное значеніе городу и его торговлѣ, и ставитъ его на ряду съ лучшими торговыми городами Европы. (Сп. В.).

— *Волканическій взрывъ на вершинѣ горы Карагушъ.* — Изъ Шемахи сообщаютъ слѣдующее: «Вечеромъ около 8 час. 23-го прошлаго января юговосточная часть шемахинскаго горизонта озарилась самымъ великолѣпнымъ заревомъ, которое, то угасая, то вспыхивая, видимо было, по рассказамъ протѣжавшихъ изъ окрестностей Нуля, болѣе 250 верстъ. Того же числа, въ 8 часовъ вечера, городъ Баку освѣтился мгновенно появившимся, при тихой и ясной погодѣ, на южной части небосклона огненнымъ столбомъ; надъ нимъ клубилось облако дыма и высота его достигала, приблизительно, 50 сажень; явленіе это длилось около часа и, какъ открылось послѣ, было слѣдствіемъ волканическаго взрыва на вершинѣ горы Карагушъ, лежащей по сальянской дорогѣ, верстахъ въ 40 отъ Баку и въ 6 или 7 отъ Каравансерая, подъ названіемъ Гет-Кугали. По осмотру мѣста явленія на другой день, 24 числа, найдено было, что пространство, покрытое лавою изъ глинистой грязи, имѣетъ въ діаметрѣ до 150 сажень; вокругъ него въ разныхъ направленіяхъ образовались глубокія трещины, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ волканическія накинны въ видѣ бугровъ. По словамъ очевидцевъ событія, пастуховъ, бывшихъ во время взрыва у подошвы горы, на разстояніи пяти верстъ отъ ея вершины, сначала былъ слышенъ подземный легкій гулъ, вскорѣ повторившійся сильнѣе съ шумомъ, а вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ и самый взрывъ, начало разбрасывать грязь и камни по всему пространству горы, и швырять вверхъ на значительную высоту; шумъ и грохотъ были оглушительны; дымъ выходилъ черными клубами, переплетаясь игриво-яркимъ пламенемъ. Наконецъ все слилось въ одинъ огромный столбъ, доходившій, по выраженію туземцевъ, чуть не до небесъ, и величественно освѣщалъ около часа всю поверхность; но какъ-скоро погасло пламя, затихъ и шумъ. На другой день глинистая грязь, пепельнаго цвѣта, залившая самый кратеръ, до того затвердѣла, что можно было свободно ходить по всѣмъ направленіямъ горѣщаго пространства. (Сп. В.).

VII.

НОВОСТИ

ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВЪ, НАУКЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ (1).

Съ нѣкотораго времени несчастіе преслѣдуетъ Александра Дюма (отца). Онъ принужденъ ужь остановить свои *Записки*, по причинѣ безчисленныхъ жалобъ на ошибки и невѣрности, и теперь ни одинъ нумеръ его «*Мюшкетера*» не проходитъ безъ того, чтобъ въ другихъ журналахъ не опровергли его показаній. Напримѣръ, Александръ Дюма открылъ двухъ знаменитыхъ покойниковъ: Бальзака и Сулье, и требуетъ, чтобъ современники поставили памятники на ихъ могилахъ. Онъ даже самъ открываетъ у себя подписку и берется воздвигнуть эти памятники.

Къ-несчастью, и на этотъ разъ Дюма поступилъ съ обыкновеннымъ своимъ легкомысліемъ, не справляясь ни о чемъ; потому, тотчасъ послѣ его объявленія, напечатано въ *Siècle* слѣдующее письмо:

«Г. редакторъ,

«Я узналъ съ удивленіемъ, что съ нѣкотораго времени открыта подписка на памятникъ Бальзаку, тогда-какъ памятникъ этотъ ужь готовъ и скоро будетъ поставленъ на могилѣ автора «*Человѣческой Комедіи*». Г-жа Бальзакъ, ужь годъ тому назадъ, поручила мнѣ работы по этому предмету и вовсе не намѣрена производить ихъ на счетъ публики. Вотъ почему прошу я васъ помѣстить это письмо въ вашей газетѣ, чтобъ остановить ненужную подписку. Смѣю увѣрить пламенныхъ почитателей таланта великаго писателя, что памятникъ будетъ достоинъ его славы.

«Лапре».

(1) Составлено по журналамъ: *Revue des Deux Mondes*, *Revue de Paris*, *Revue Britannique*, *Revue Contemporaine*, *Edinburgh Review*, *Bibliothèque de Genève*, *Illustration*, *Illustrated London News*, *Illustrirte Zeitung*, *Magazin für die Litteratur des Auslandes*, *Das Ausland*, *Erheiterungen*, *Athenaeum*, *Novellen-Zeitung*, *Institut*, *Indépendance Belge*, *Journal des Débats*.

Въ одномъ журналѣ, тоже защищавшемъ память Бальзака и Сулье, было давно объявлено, что вдова Бальзака ставитъ покойному приличный памятникъ, но «Мушкетеръ» не обращаетъ вниманія на такія мелочи. За-то *Мустикеръ* пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ показать промахи д'Артаньяна. Вотъ отрывокъ изъ одной статьи:

«Съ нѣкотораго времени живая литература хлопочетъ и заботится о мертвыхъ знаменитостяхъ и поминутно упоминаетъ имена Бальзака, Фредерика Сулье и Гежезина Моро.

«Авторъ всего этого шума — нашъ любимый романистъ, остроумный рассказчикъ, Александръ Дюма. Я не имѣю никакой причины скрывать моего мнѣнія насчетъ этого писателя и потому говорю прямо и увѣренъ, что въ этомъ согласится со мною.

«Александръ Дюма обладаетъ огромнымъ талантомъ, какъ убѣждаютъ всѣ его читатели, и я не спорю съ ними, но утверждаю только, что его самолюбіе гораздо-больше таланта, и что въ послѣднее время оно приняло колоссальные размѣры.

«Гасконнады Дюма были еще невзвѣзанными, покуда онъ говорил о себѣ; но вдругъ однажды вздумалось ему отправиться на кладбище и вотъ онъ берется ставить памятники.

«На это мы замѣтимъ, что человѣкъ, пользующійся литературною славою, берется не за свое дѣло; что есть безъ него гробовщики, которые заботятся о памятникахъ; что если онъ восклицаетъ :

«Я поставлю памятникъ Фредерику Сулье, сооружу монументъ Бальзаку!» то долженъ сдѣлать надъ своимъ домомъ вывѣску съ надписью: *Александръ Дюма, мастовщикъ надгробныхъ памятниковъ и всего, что касается до похоронъ.*

«Да и по какой причинѣ Дюма такъ безпоинтся о Бальзакѣ? Развѣ и онъ былъ его врагомъ, какъ Сулье? Къ-чему же это оскорбленіе, эта милостыня?

«Напрасно Дюма забылъ въ своихъ попеченіяхъ Гежезина Моро, о которомъ съ такимъ пренебреженіемъ говорилъ въ своихъ запискахъ. Онъ бы и его вынулъ изъ скромной его могилы и поставилъ бы надъ нимъ великолѣпный мавзолей, унизивъ его прежде своею блистательною прозою. Почему Дюма думаетъ, что память объ этихъ гениальныхъ людяхъ исчезнетъ, если они будутъ лежать въ простой могилѣ? Онъ хочетъ покрыть ихъ тяжелыми камнями, какъ-будто боится, чтобъ они не ожили и не затмили его славы. Какъ новый Цезарь въ литературѣ, онъ хочетъ избавиться отъ триумфировъ, даже мертвыхъ.

«Есть поступокъ гораздо-похвальнѣе и полезнѣе, чѣмъ воздвиженіе памятниковъ мертвымъ — это раздача хлѣба живымъ.

«Литература — трудное занятіе, особенно въ нашъ вѣкъ великихъ открытій и полезныхъ машинъ. Стало-быть, въ Парижѣ живутъ на чердакахъ много пѣстовъ, артистовъ, которымъ нечего ѣсть и которые идутъ умирать въ госпиталь.

«Видѣте безплодныхъ мраморовъ, неврибавляющихъ ничего къ достоинству мертвыхъ, дайте лучше кусокъ хлѣба живымъ и спасите ихъ отъ отчаянія, нищеты, ворака.

«Но Александр Дюма предпочитает заботы о мертвых. У каждого свой вкус. Только нельзя не замѣтить его странностей и не сообщить ихъ тѣмъ, кто читаетъ въ разглагольствованія Дюма».

Жаль, что *Мустимеръ*, этотъ остроумный и благонамѣренный журналистъ прекратился вскорѣ послѣ этой статьи.

— Перейдемъ теперь къ театральнымъ новостямъ и прежде всего расскажемъ о разрушеніи Орлеанскаго Театра.

26-го февраля случилось это несчастье. Часть театра разрушилась во время представленія, когда вся зала была наполнена народомъ. Всѣ ярусы обвалились одинъ на другой, но, къ счастью, число жертвъ было не такъ велико. Раненныхъ очень-много, но убитыхъ только трое. За-то суматоха во время несчастья была страшная: женщины кричали, падали въ обморокъ; у дверей была ужасная давка и во всю ночь народъ толпился на площади и помогалъ несчастнымъ. Еще не знаемъ причинъ внезапнаго разрушенія, и архитекторы собрались для исследования этого дѣла.

— На лондонскихъ театрахъ нѣтъ рѣшительно ничего новаго; на театрѣ этомъ зрители любятъ теперь двумя учеными слонами. Искусство ихъ дѣйствительно доведено до удивительной степени. Напримѣръ, они становятся на заднія лапы, какъ собаки, когда тѣ слушать. Любопытнѣйшая штука состоитъ въ томъ, когда одинъ слонъ становится на переднія лапы и на хоботъ, а все тѣло и заднія ноги поднимаетъ въ отвѣсное положеніе кверху. Оба слона становятся также на пьедесталъ и быстро кружатся на немъ, балансируя то на одной передней, то на одной задней ногѣ.

Надобно замѣтить при этомъ, что, при обученіи этихъ звѣрей, ни разу не прибѣгали къ побоямъ, а учили ихъ ласками. Это ученіе продолжалось три года; обоимъ слонамъ теперь только семь лѣтъ отъ-роду.

— Самую замѣчательною новостью парижскихъ театровъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ было возобновленіе *Весталки* Спонтини на сценѣ Императорской Академіи Музыки. Этотъ любопытный спектакль привлекаетъ многочисленную публику, для которой это полузѣвковое произведеніе показалось самою приятною новостью даже послѣ всѣхъ современныхъ и знаменитыхъ оперъ. Судьба этой оперы самая необыкновенная. Ее играли въ первый разъ въ Парижѣ въ 1807 году, и то по желанію императрицы Жозефины, безъ покровительства которой «Весталка», можетъ-быть, до-сихъ-поръ осталась бы неизвѣстною во Франціи. Музыканты того времени, разсматривая партитуру, объявили прямо, что ее невозможно пѣть и играть, потому-что Спонтини не слѣдовалъ правиламъ своихъ предшественниковъ, а воспользовался открытіями Глюка, какъ школьникъ, обрадованный тѣмъ, что имѣетъ право отбросить старыя правила и идти новымъ путемъ. Вся консерваторія была въ негодованіи отъ дерзкихъ нововведеній, и говорить, что она даже устроила все для того, чтобъ ошанить новое произведеніе и уронить его. Къ-счастью, аплодисменты были громче свистковъ и успѣхъ оперы не подлежалъ ужъ никакому сомнѣнію. Даже теперь опера эта нисколько не устарѣла и смѣло можетъ занять мѣ-

сто между лучшими лирическими произведениями. Больше всего критики нападали на оркестровку *Весталки*, называя ее слишком-шумною, громкою, оглушительною. Впрочем, наши отцы и дѣды слухъ нѣжнѣе нашего, или мы больше привыкли къ грому, только музыка Спонтини показалась намъ совсѣмъ-неоглушительною. Правда, что маэстро перетналъ *свою* эпоху, но современные композиторы, вѣроятно, найдутъ, что оркестровка его слишкомъ-проста и не мѣняло бы ему почаще употреблять большой барабанъ. Сравненная съ нѣкоторыми знаменитыми операми послѣдняго времени, «*Весталка*» въ-самомъ-дѣлѣ отличается величественною простотою. Не знаемъ, справедливы ли анекдоты Кастиль-Блаза о томъ, что Спонтини выписалъ лучшия свои мелодіи изъ неизданныхъ нотъ, найденныхъ имъ въ одномъ палермскомъ монастырѣ, на это нужны доказательства. Вѣдь говорили же, что онъ написалъ эту оперу въ сотрудничествѣ съ двумя другими музыкантами. Но мало ли, что выдумываютъ обо всѣхъ знаменитостяхъ!

Что сказать объ исполненіи этой оперы въ наше время? Какъ публика поняла и оцѣнила *Весталку*? Кажется, что дирекція не надѣялась на успѣхъ ея и потому постановка не отличалась большою тщательностью. Оркестръ несовсѣмъ-смѣло и увѣренно игралъ эту оригинальную музыку, хоры пѣли вяло, за-то артисты исполняли свои роли отлично. Софія Крувели изучила старательно свою роль и была удивительна какъ пѣвица и актриса. Молодость, красота, грація, талантъ—все соединено въ этой рѣдкой артисткѣ, и хотя она часто увлекается и позволяетъ себѣ слишкомъ-размахистыя жесты, но въ «*Весталкѣ*» умѣла удерживать себя, и публика осыпала ее букетами и аплодисментами. Роже спѣлъ роль Лицинія со всегдашнимъ талантомъ и не жалѣлъ своего симпатическаго голоса, прекрасно выражающаго страсть и страданія. Обенъ былъ превосходный жрецъ, Боннеге, какъ искусный музыкантъ, создалъ вновь роль Цинны, и финалъ втораго акта произвелъ большой эффектъ. Только въ публикѣ замѣтно было небольшое недоумѣніе, точно также, какъ и на сценѣ. Она знала, что надобно аплодировать изъ уваженія къ памяти великаго композитора; но, зная музыку Спонтини только по концертнымъ отрывкамъ, она принималась хлопать то не во-время, то неединодушно. Впрочем, въ будущія представленія недоумѣніе это исчезнетъ, и публика точно также какъ оркестръ и артисты, будетъ знать, что имъ дѣлать.

На лирической сценѣ поютъ съ большимъ успѣхомъ *Невольству*, новую комическую оперу въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка Кланиссона. Да и мудро не имѣть успѣха этой *Невольствѣ*, когда ее играетъ молодая, хорошенькая, талантливая артистка Кабель, которая можетъ поддержать всякую пьесу. Вотъ сюжетъ, придуманный Лёвенгомъ и Бренсвикомъ. Сиротка Марія, изъ благодарности, выходитъ замужъ за корсара Жиромона, настоящаго морскаго волка, котораго она однако не боится нисколько, зная, что этотъ суровый, храбрый морякъ краснѣетъ отъ одного ея взгляда. Однако она идетъ за Жиромона не по любви, а оттого, что отецъ ея, умирая, приказалъ ей отдать свою руку корсару, которому она обязана спасеніемъ жизни. Но Марія любитъ

молодого, ребкаго матроса Пьера и не знаетъ, какъ ей разстроитъ свадьбу такъ, чтобъ самъ Жиромонъ отказался отъ нея. Къ-счастью, передъ самымъ бракомъ, жениха требуютъ на службу и онъ уѣзжаетъ, поручивъ свою невесту Пьеру. Марія рѣшается компрометировать себя и видя, что Пьеръ занялся съ своимъ пріятелемъ Теодоромъ и съ бутылками вина, она тихонько уноситъ его шляпу въ свою комнату. Жиромонъ возвращается черезъ нѣсколько часовъ, потому-что противный вѣтеръ не пустилъ его въ море и видитъ въ комнатѣ невесты чужую шляпу. Не спрашивая долго и видя смущеніе Маріи, онъ требуетъ, чтобъ она тотчасъ же обвинчалась съ владѣльцемъ этой шляпы. Она хотѣла ужъ назвать Пьера, какъ вдругъ входитъ Теодоръ и объявляетъ, что у него пропала шляпа. Бѣдная Марія ошиблась и взяла его шляпу вмѣсто шляпы Пьера. Сердитый женихъ чуть-было не заставилъ ее выйти за этого дурака, но, къ-счастью, Пьеръ рѣшился объясниться, и корсаръ, соединивъ ихъ, отправляется въ долгое крейсерство.

Музыка этой небольшой оперы написана съ большой отчетливостью и живостью. Увертюра очень понравилась сельскими мотивами и первая сцена, гдѣ моряки съ корабля переговариваются съ поселянами, находящимися на берегу, произвела много эффекта своею оригинальностью. Куплеты Маріи съ хоромъ очень-граціозны. Комическая сцена, когда Жиромонъ пишетъ пригласительное письмо Теодору, имѣла большой успѣхъ.

Понравился тоже романсъ Пьера, военная пѣсня Жиромона. Вообще вся опера доказываетъ развитіе таланта Клаписсона, который скоро сдѣлается любимымъ композиторомъ парижской публики.

Другая опера, данная на этомъ же театрѣ, обратила на себя всеобщее вниманіе и очень понравилась публикѣ: это *La fille invisible*, слова знаменитаго опернаго поставщика Сен-Жоржа, музыка Адриена Бюельдѣ. Имя это очень-тяжело для молодого композитора; но Адриенъ Бюельдѣ дѣлаетъ ему честь и талантъ его, развиваясь все болѣе и болѣе, доказываетъ, что гениальность иногда переходитъ въ наследство отъ отца къ сыну. Сюжетъ *Невидимой Дѣвушки* довольно занятанъ, но занимателенъ. Въ старомъ замкѣ живетъ богатая наследница съ суровымъ отцомъ, который скрываетъ ее отъ всѣхъ, потому-что Германса сошла съ ума отъ любви къ Эврару, съ которымъ ее разлучили. Чтобъ возвратитъ ей рассудокъ, старый баронъ соглашается на свадьбу и велитъ тихонько ночью привести замаскированного Эврара и обвинчать его. Но вмѣсто настоящаго жениха, сумасшедшую вѣнчаютъ съ повѣсой Конрадомъ; и когда Германса узнаетъ, что мужъ ея не Эвраръ, то припадки безумія возобновляются съ новою силою и мужъ убѣгаетъ отъ такой жены. Къ-счастью, явленіе Эврара немного успокоиваетъ ее и она начинаетъ вылечиваться, не помня, что она замужемъ и удивляясь, что женихъ не говоритъ ей ничего о снорой ихъ свадьбѣ. Вдругъ приходитъ Конрадъ и при видѣ его Германса вспоминаетъ, что она съ нимъ вѣнчалась, что онъ ея мужъ и она не можетъ больше любить Эврара. Это волненіе опять помрачаетъ ея рассудокъ. Но къ-счастью, судья, случившійся при

этомъ, объявляя первый бракъ недействительнымъ, потому—что замужъ выходить только въ полномъ разсудкѣ. Слѣдственно, нѣтъ никакихъ препятствій къ соединенію Эврара и Германсы, и невеста рѣшительно приходитъ въ себя. Правда, что послѣдній припадокъ ея сумасшествія былъ притворный и сыгранъ съ цѣлью, чтобъ отказаться отъ перваго мужа, но такъ—какъ окружающіе привыкли къ подобнымъ выходкамъ, то не очень беспокоились. Даже Эвраръ, будущій мужъ Германсы, только восхищался драматическимъ талантомъ своей невесты и, кажется, совсѣмъ не боялся за свою будущность, можетъ—быть и оттого, что сумасшедшая очень—богата.

Странно, что всѣ музыканты, начинающіе и знаменитые, хлопочутъ о томъ, чтобъ добыть либретто сочиненія Скриба или Сен—Жоржа. Они, кажется, увѣрены, что оперы ихъ не будутъ имѣть никакого успѣха, если слова напишутъ Мери, Готье, Гозланъ, Мюссе, Дюма или Жоржъ Зандъ. Не—уже—ли надобенъ особенный родъ таланта, чтобъ составить бессмыслицу въ родѣ либретто *Невидимой Дьвушки*, или послѣдней оперы Мейербера? И директоры театровъ требуютъ только этихъ двухъ именъ для афишъ! Впрочемъ, до—сихъ—поръ система эта удавалась—такъ зачѣмъ же принимать другую? Вотъ еслибъ какое—нибудь либретто Скриба, или Сен—Жоржа упало, то директоры и композиторы подумали бы о томъ, какъ бы съискать новыхъ либреттистовъ; и тогда, впрочемъ, можетъ—быть сказали бы, что виновата музыка.

Партитура новой оперы не имѣетъ ничего особеннаго. Въ ней много германскаго колорита, есть также отбѣнки французской школы, и наконецъ, пѣноторыя мелодіи совершенно итальянскія. Несмотря на это смѣшеніе она оригинальна и даже немного—странна; но успѣхъ композитора несомнителенъ, и публика доказала это вызовами и рукоплесканіями.

Французская Комедія продолжаетъ собирать публику все тою же комедіею г-жи Жирарденъ, которая заставляетъ плакать весь Парижъ. Былъ, правда, дебютъ г-жи Дартесъ въ роли *Гермионы*; но, несмотря на всѣ преждевременныя похвалы журналовъ, эта Гермиона неопасна для г-жи Рашель. Впрочемъ, волненіе, робость могли въ первый разъ помѣшать дебютанткѣ показать всѣ свои средства и мы подождемъ слѣдующихъ дебютовъ, чтобъ судить о ней окончательно.

Эта же дирекція отказалась принять комедію Скриба *Бракъ по разсудку*. Вотъ это неожиданная новость! Не—уже—ли слава великаго водевиллиста меркнетъ, несмотря на недавнія его сношенія со *зельдами*? Мало того, что вѣсы его не играютъ и надъ либретто смѣются, но пашлись еще зѣнлы, которые немилосердно преслѣдуютъ его и ясно показываютъ источники, откуда онъ взялъ всѣ свои прославленные вѣсы. Даже театръ Гимнази не принимаетъ его водевилей! Такой неблагодарности не ожидалъ этотъ писатель.

Итакъ, публика будетъ лишена превосходныхъ вѣсѣ съ свѣтскими нравами, блестящимъ разговоромъ, тонкими остротами, легкими кувлетами. Кто замѣнитъ оригинальный слогъ Скриба, его знаніе сценъ? Правда, онъ ужъ слишкомъ—нецеремонно обращался съ исторіею и

географією и иногда придумывалъ такія происшествія, что удивлялъ самыхъ неопытныхъ читателей. Разумѣется, ему вѣрили, потому-что онъ академикъ; но наконецъ надобно же знать и совѣсть и не снѣяться такъ нагло надъ публикою, почитая ее глупою до idiotизма. Въ либретто своей послѣдней оперы онъ совершенно вынулъ изъ границъ позволительныхъ шутокъ, и вмѣсто историческаго эпизода представилъ такую чепуху, подъ которой посовѣстился бы подписать свое имя послѣдній школьникъ. У него, между-прочимъ, одинъ гренадеръ говоритъ: «Я былъ сначала простымъ *пандуромъ* и потомъ меня завербовали въ *украшениіе калмыки*».

Неизвестно, кому можетъ быть понятна эта фраза. Мы думали, что пандурами назывались венгры Нижняго Дуная, служившіе въ австрійской службѣ, что калмыки живутъ между Дономъ и Волгою, а что Украина находится по Днѣпру въ соседствѣ Крыма. Но Скрибъ хотѣ и академикъ не хотѣть знать ничего; и если ему задумается, то онъ скажетъ, что *будущимъ пожелалъ служить въ полдишеридские жюральцы* — и никто не посмѣетъ найти этого страннымъ.

Оставя театръ, либреттистъ-водевиллистъ займется, говорятъ, большимъ историческимъ сочиненіемъ, въ которомъ Монтезума откроетъ Англію, Гамлей учредитъ инквизицію, Филиппъ II изобрѣтетъ книгопечатаніе и пр. Скрибъ такъ много выдалъ чужихъ пьесъ за свои, что ему ничего не стоитъ передѣлать посвоему и исторію.

Театръ Гимназій, вида усилъхъ пословиць Мюссе, поставилъ на своей сценѣ разговорную повѣсть Октава Фельё подъ названіемъ *Кризисъ*. Г-жа Марсанъ приближается къ роковымъ лѣтамъ женщины, когда красота и молодость отлетаютъ и характеръ ея, прежде тихій и добрый, вдругъ измѣняется. Мужъ не можетъ понять ея капризовъ и, приписывая ихъ болѣзни, совѣтуется съ другомъ своимъ, докторомъ Дессель. Тотъ говоритъ ему, что почти всякая женщина, приближаясь къ чертѣ, отдѣляющей ее отъ молодости дѣлается безповойною, взыскательною, несносною, потому-что желаетъ еще разъ испытать волненія любви и для того хочетъ воспользоваться послѣдними днями молодости; это-то и называется кризисомъ. Чтобы вылечить жену, Марсанъ поручаетъ доктору сыграть съ ней комедію, и провести ее по всѣмъ волненіямъ и страданіямъ преступной любви, для того, чтобъ она поняла, что счастье ея заключается въ семействѣ и въ исполненіяхъ обязанностей. Докторъ беретъ играть роль влюбленнаго; только самъ увлекается и готовъ измѣнить другу и погубить его жену, но, къ счастью, дѣти спасаютъ ее отъ вѣчнаго стыда и она отказывается отъ любовныхъ приключеній. Въ чтеніи повѣсть эта превосходна. Слогъ, разговоръ, положеніе, характеры — все доказываетъ рѣдкій талантъ писателя. Но драматическаго тутъ очень мало. Вотъ почему «Кризисъ», несмотря на прекрасное исполненіе г-жею Розою Шери, Ла-онтеюмъ (мужъ и жена) и Дюлюк (докторъ) и на благосклонный приемъ публики, не можетъ долго удержаться на сценѣ. Октавъ Фельё знаетъ женское сердце и оттѣнки его почти такъ же хорошо, какъ Бальзакъ; онъ умѣетъ сдѣлать замѣтательнымъ самый простой, всѣдневный случай; его разговоръ отли-

частью всегда лучшим тономъ, остроуміемъ, безъ всякихъ натяжекъ, но самъ онъ, зная что этихъ качествъ мало для сцены, написалъ свои драматическія повѣсти совсѣмъ не въ такомъ видѣ, чтобъ ихъ можно было играть — такъ для чего же дирекціи вздумалось поставить на сцену его *Кризисъ*? Разумѣется, имя его привлекаетъ публику, которая съ удовольствіемъ выслушаетъ чтеніе пріятной повѣсти, но всестани лучше оставить въ покоѣ то, что не писано для сцены.

— Театръ Разнообразія поставилъ больше всего новыхъ пьесъ въ этотъ мѣсяцъ; но между ними мало примѣчательныхъ. *L'Argent du Diable* имѣла однако довольно-значительный успѣхъ. Эта комедія-драма написана Викторомъ Сежуромъ, сдѣлавшимся извѣстнымъ своими страшными мелодрамами, съ запутанными сюжетами, поразительными эффектами, основанными на переиныхъ декораций; послѣ всѣхъ неестественныхъ приключеній и отчаянныхъ страстей, онъ вздумалъ написать небольшую пьесу для водевильной сцены. Онъ создалъ превосходный характеръ стараго поселенина Лоріо — честнаго благороднаго человѣка, который хочетъ заставить мошенника-управляющаго, ограбившаго сироту, возвратить ей состояніе. Но плута Баболена по даромъ называютъ въ селеніи чортомъ. Принужденный отдать Лоріо деньги сироты, онъ шепчетъ ему: «никто не знаетъ, что я тебѣ далъ столько денегъ: ты можешь ихъ утаить». Эти слова помрачаютъ разсудокъ бѣднаго старика. Онъ никогда не видалъ столько золота; онъ чувствуетъ, что оно притягиваетъ его, Лоріо не можетъ разстаться съ волшебнымъ ящичкомъ и въ старикѣ развивается скупость въ самой сильной степени. Онъ ужъ не думаетъ отдавать деньги сиротѣ Шарметѣ, но прячетъ отъ всѣхъ свое сокровище, дѣлается подозрительнымъ, злымъ, теряетъ сонъ, веселье, счастье. И все это сдѣлали деньги чорта. Къ-счастью, сынъ Лоріо, Жильберъ, знаетъ тайну старика и хочетъ спасти его, во что бы ни стало. Сначала онъ спрашиваетъ отца, воспоминаетъ дѣтлую жизнь его, честную, трудолюбивую, достойную уваженія; но скупой ничего не слушаетъ и скорѣе разстанется съ жизнью, нежели съ золотомъ. Тогда Жильберъ крадетъ ящикъ съ золотомъ и отдаетъ его Шарметѣ. Лоріо въ отчаяніи, но скоро одумывается и проситъ прощенія у сына. Шармета приносить ему деньги назадъ и признается, что любитъ Жильбера. Старикъ благословляетъ молодыхъ и говоритъ, что онъ ужъ не хочетъ и видѣть страшнаго золота, которое чуть не погубило его.

Эта драма-комедія очень понравилась публикѣ и доказала, что Викторъ Сежуръ можетъ писать не одні мелодрамы; притомъ же она была прекрасно разыграна, и роль Лоріо неподражаемо передалъ Деве.

Ou passerai je mes soirés? (Гдѣ я буду проводить вечера?) — очень миленькій водевиль, составленный изъ извѣстнаго анекдота. Одинъ женатый человѣкъ, скучая съ своей женою, приходилъ каждый вечеръ къ одной молодой лобезной женщинѣ и, разумѣется, влюбился въ нее. Вдругъ жена его умираетъ спростостижно и вдовцу говорить: «Теперь вы, вѣроятно, женитесь на той, которую любите?» — «Совсѣмъ нѣтъ (отвѣчалъ онъ); гдѣ же я буду проводить вечера?»

Только вдовиль кончается тѣмъ, что вдовецъ женится. Это, разумѣется, не пьеса, но скорѣе пословица, которую можно съ удовольствіемъ прослушать, особенно если ее прочитаютъ такіе артисты, какъ Ньюма и г-жа Фиц-Джемсъ.

Le Carnaval partout и *Les deux femmes en gage*, двѣ настоящія карнавальныя пьесы, которыя никакъ нельзя рассказать, потому—что въ нихъ нѣтъ никакого сюжета. Въ той и другой нѣсколько лицъ собираются въ маскарадъ, сбываютъ послѣднее платье, чтобъ взять костюмъ, мужа закладываютъ женъ, жены находятъ другихъ мужей. Всѣ смѣются, танцуютъ, пьютъ, поютъ и дерутся, но пьесы все-таки не понравились и не прожили до конца поста.

Одеонъ поставилъ на сцену небольшую комедию Рене Лордеро, подъ названіемъ *Лакей Артура*, имѣвшую большой успѣхъ, благодаря превосходной игрѣ артистовъ. Дѣло въ томъ, что одинъ молодой человѣкъ и другой, ужъ пожилой, влюблены въ одну хорошенькую вдовушку. Такъ—какъ нельзя имъ двоимъ ѣхать ко вдовѣ и въ одно время объясняться, то пожилой Артуръ и уговариваетъ робкаго юношу Генриха надѣть его ливрею и явиться подъ именемъ его лакея, чтобъ узнать характеръ г-жи де-Санси и ея расположеніе. Пожилой волокита думаетъ этимъ средствомъ погубить Генриха, и, пользуясь своимъ положеніемъ, начинаетъ при вдовушкѣ бранить своего лакея за неловкость, глупость. Но молодой человѣкъ чувствуетъ себя гораздо смѣлѣе въ ливреѣ, и играя въ-самомъ—дѣлѣ роль дурака, высказываетъ вдовушкѣ всѣ недостатки Артура, всѣ тайны его туалета, и уничтоживъ совершенно соперника, женится на молодой женщинѣ и выводитъ мнимаго своего барина. Пьеса эта долго останется на сценѣ и вѣроятно, заставитъ автора написать другую.

На театрѣ Сен-Мартенскихъ Воротъ, послѣ «Чудесъ Свѣта» поставили драму Анисе Буржуа *Жизнь Актрисы*, для дебютовъ вновь ангажированной артистки г-жи Гюйонъ. Въ этой пьесѣ нѣтъ ничего новаго, потому—что мысль та же самая, что и въ *Адриенъ Лекуверъ*, но Анисе Буржуа, какъ извѣстный поставщикъ мелодрамъ, придѣлалъ къ ней разныя сцены, растянулъ дѣйствіе на восемь картинъ, чтобъ показать всю обширность таланта дебютантки, и совершенно успѣлъ въ этомъ. *Жизнь Артистки* легко можетъ выдержать столько же представленій, какъ и *Самъ чудесъ свѣта*.

Недавно дебютировали въ Парижѣ еще два артиста, и имѣли большой успѣхъ, хотя они воспитывались не въ консерваторіи и поступили на сцену безъ покровительства, безъ просьбъ, журнальныхъ статей, безъ обѣдовъ, данныхъ дирекціи. Оба они легки, граціозны и дѣлаютъ въ циркѣ эквилибры не хуже Оріоля. Какъ мило смотрѣть на этихъ двухъ артистовъ съ умными глазами, понимающими, что они доставляютъ большое удовольствіе публикѣ, которая съ восторгомъ имъ аплодируетъ! Эти артисты—два слона, занимающіеся съ большимъ успѣхомъ акробатическимъ искусствомъ.

— Вотъ еще нѣсколько послѣднихъ театральныхъ новостей. *La vie en rose*, надѣлала много шума прежде представленія, потому—что артисты и артистки перессорились при раздачѣ ролей и директоръ

принужденъ былъ обратиться къ суду, чтобъ заставить актёровъ начать репетицію. Г-жа Дошъ отказалась отъ своей роли и актриса, знакомая Петербургу, Пажъ тоже не хотѣла почему-то явиться въ этой пьесѣ; обѣ актрисы начали вести въ журналахъ жаркую переписку... не о достоинствѣ пьесы, или степенн таланта, а о *своихъ льмахъ*. Публика не знала чему ей вѣрить, какъ вдругъ снова сталъ издаваться, кажется въ шестой разъ, журналъ *Фигаро*, известный своими островами и насмѣшками надъ всѣмъ, и описывая ссору между двумя артистками, объявилъ, что онъ знаетъ достоверно, что г-жа Пажъ и Дошъ *шестидесять-семь лѣтъ*, которыя онѣ могутъ дѣлить между собою, какъ хотятъ. Говорятъ, что это число поразило г-жу Дошъ, но что г-жа Пажъ не потерялась и сказала во всеуслышаніе: «Но-ужель Дошъ тридцать-девятый годъ? Я никакъ не думала, что она старше меня». *Фигаро* сообщаетъ, что онъ будетъ объявлять настоящимъ лѣта всѣхъ парижскихъ артистокъ; вѣроятно оттого, что онѣ не подписываются на его журналъ.

Однако, *Жизнь въ Розовомъ цвѣтѣ* имѣла большой успѣхъ, потому-что авторы ея Барьеръ и Генрихъ де-Кожъ люди съ талантомъ и умѣютъ составить занимательную пьесу. Притомъ же, авторъ *Мраморныхъ Женщинъ*, Барьеръ, имѣетъ привычку писать съ цѣлью. Въ пьесѣ его одинъ молодой человекъ, испытавшій много несчастій и разочарованій, не вѣритъ ни во что прекрасное въ мирѣ и смотритъ на жизнь съ мрачной стороны. Однако Морисъ де-Прель богатъ, молодъ, хорошъ и женатъ на хорошенькой Валентинѣ, которая готова любить его, лишь бы онъ не обращался съ ней съ такимъ пренебреженіемъ и не оскорблялъ обидными подозрѣніями. Другъ Мориса Ринаръ Либеръ совершенно-противоположнаго характера. Онъ бѣденъ, и во всемъ встрѣчаетъ неудачи, но всегда веселъ, доволенъ, всегда найдетъ себѣ какое-нибудь утѣшеніе, а главное, вездѣ и во всемъ видитъ одну хорошую сторону. Разумѣется, оба эти характера слишкомъ-преувеличены и особенно Морисъ съ вѣчными подозрѣніями, насмѣшками надъ всѣмъ прекраснымъ, возвышеннымъ, весьма-неприятенъ для сцены. Надобно прибавить еще, что онъ отецъ, но и ребенокъ не можетъ разсвѣять его грустными мыслями и заставить уважать мать свою. Бѣдная Валентина наконецъ не можетъ переносить ежедневныхъ оскорбленій, и чувствуя во всемъ такое же хладнокровіе и почти презрѣніе, какъ и мужъ, бросаетъ его и уходитъ къ матери. Морисъ подозрѣваетъ ее въ невѣрности и вызываетъ на дуэль одного молодого офицера, который его ранитъ. Близость смерти и отъѣздъ Валентины исправляютъ Мориса. Онъ раскаивается въ своихъ жестокихъ поступкахъ и проситъ у жены прощенія. Но ужъ поздно: его иронія, злость, скептицизмъ иссушили сердце молодой женщины и она, въ свою очередь, не вѣритъ въ раскаяніе мужа, смѣется надъ его слезами, отчаяніемъ. Она такъ потрясена всѣми событіями, что даже жизнь ея въ опасности, если не найдутъ средства тронуть ея сердца и заставить ее плакать. Валентина хочетъ сама умереть, но вдругъ Морисъ вбѣгаетъ и говоритъ: «Дочь наша умерла!»

При этихъ словахъ молодая женщина, какъ-будто воскресаетъ, чтобъ предаться отчаянню. Материнское чувство побѣдило ея разочарованіе; она плачетъ; она готова простить мужу, потому-что онъ отецъ малютки. Къ-счастью, вѣчно-веселый Ришаръ приноситъ извѣстіе, что припадокъ малютки окончился счастливо и что докторъ отвѣчаетъ за ея жизнь. Супруги мирятся и обѣщаютъ смотреть на жизнь въ розовое стекло.

Пьеса была разыграна превосходно, несмотря на то, что артисты играли по принужденію. Г-жа Дошъ была чудная Валентина. Фештеръ, проигравшій продѣсь свой передъ судомъ, выигралъ его передъ публикою, потому-что заставилъ жалеть бѣднаго Морриса, котораго обстоятельства сдѣлали отчаяннымъ мизантропомъ. Феликсъ съ обыкновеннымъ талантомъ создалъ роль Ришара. Г-жа Фаржель, игравшая тоже по приказу роль кокетки, отмысла за себя тѣмъ, что заставила себя аплодировать. Словомъ: все было превосходно и пьеса эта продержится такъ же долго на сценѣ Водевилля, какъ и *Мр. Моррисъ Желчки*.

Femina à fenetre, водевилль, написанный для двухъ лицъ. Изъ названія ужъ видно въ чемъ дѣло. Живописецъ и молодая дѣвушка живутъ въ сосѣдствѣ, знакомятся и женятся; но для этого сюжета написано нѣсколько забавныхъ сценъ, хорошихъ куплетовъ, притомъ же, онъ разыгранъ очень-мило: стало-быть, пьеса очень-удобна, особенно для начала спектакля.

Огромный успѣхъ новой оперы Мейербера, несмотря на глухой сюжетъ, не могъ ограничиться однимъ Опернымъ Театромъ и дирекція *Délassments-Comiques* поставила народно въ трехъ дѣйствіяхъ, подъ названіемъ: *Les toiles du Nord*, съ прологомъ въ стихахъ. Въ немъ очень-остроумно говорить авторъ:

O Meyrbeer ! de ton savant génie
 Rien n'égala la grace et la grandeur ;
 Maître divin, ta suave harmonie,
 Est un parfum qui réjouit le coeur.
 En contemplant ton étoile argentée,
 Pour composer ce chef-d'œuvre immortel,
 Tout Paris croit que, nouveau Prométhée,
 Ta main osa ravir le feu du ciel.
 Pour ton étoile il n'est point de tempête ;
 Lorsqu' éclata sa féconde lueur,
Les Huguenots, Robert et le Prophète,
 Dirent joyeux : Voilà bien notre soeur !
 Mais le poème ? Est-ce donc un grand crime
 D'en rire un peu ?

Ужъ именно надъ либретто не только можно, но даже должно хотѣть, потому-что великіе его еще ничего не производила ни одна литература. Въ народѣ этой г. Скрибъ, членъ института, сдѣлалъ порядочно — и по-дѣломъ. Пародія обставлена съ необыкновеннымъ великолѣпиемъ и имѣла такой же успѣхъ, какъ настоящая опера.

Парижане всегда не прочь посмѣяться даже надъ тѣмъ, чѣмъ они восхищались.

На сценѣ Одеона поставили новую трехактную комедію въ стихахъ, сочиненія молодого автора Сарду: *La taverne des Etudiants*. Это сцены изъ жизни германскихъ студентовъ, составленныя довольно-искусно, особенно для неопытнаго автора; но стихи его звучны, правильны и показываютъ необыкновенный талантъ, который впоследствии можетъ сдѣлаться знаменитымъ. Подождемъ будущихъ проваденій молодого писателя, чтобъ судить о немъ основательнѣе.

Самая важная театральная новость въ Парижѣ — возвращеніе Рашели; но она не выходила еще на сцену и неизвѣстно, останется ли на ней. Французская Комедія лишится еще другаго артиста, Брендо, роли котораго занялъ Брессанъ и который, чувствуя, что больше ненуженъ, вышелъ въ отставку. Всѣ театры, вѣроятно, посмѣшатъ сдѣлать выгодныя предложенія превосходному артисту, который будетъ нелишнимъ ни въ одномъ изъ первыхъ театровъ, а напротивъ, поддержитъ слабыя пьесы своимъ талантомъ.

— На одномъ изъ послѣднихъ концертовъ въ залѣ Герца явился новый инструментъ, подъ названіемъ матофонъ (mattauphone). Онъ состоитъ изъ пятидесяти-четырехъ стеклянныхъ стакановъ разнаго размѣра на деревянныхъ подножкахъ, установленныхъ на гармонической доскѣ и налитыхъ водою, для вѣрности звуковъ. Инструментъ этотъ изобрѣлъ брюссельскій артистъ Матто и музыкантъ Мишотъ играетъ на немъ такъ же бѣгло, какъ на фортепьяно, слегка прикасаясь къ краямъ стакановъ, изъ которыхъ вылетаютъ пріятныя, нѣжныя звуки. Онъ дѣлаетъ трудныя пассажи, трели, хроматическія гаммы, словомъ: всѣ трудности знаменитыхъ артистовъ — и парижская публика въ восторгѣ отъ новаго инструмента.

— Вотъ еще одно извѣстіе, любопытное для музыкантовъ. Писатель Теодоръ Анъ составилъ статистику французскихъ оперъ Мейербера, и означилъ сколько каждая изъ нихъ принесла дохода автору. *Робертъ Гуленоты* и *Пророкъ* были представлены 744 раза въ двадцать-два года и принесли автору 100,000 франковъ. Либреттистъ же этихъ оперъ, Скрибъ, получилъ гораздо-больше композитора. Это невѣроятно, но совершенная правда. Огромная слава Мейербера приноситъ ему мало дохода, тогда-какъ незначительная работа Скриба очень-выгодна. Немудрено, что писатели, подобные Скрибу, дѣлаются милліонерами, тогда-какъ Мейерберъ до-сихъ-поръ не могъ бы нажать состоянія, еслибъ самъ не былъ богатымъ человѣкомъ.

— Одинъ нѣмецъ пишетъ изъ Италіи, что тамашніе театры, вмѣсто Храма Музъ, школы нравовъ и изящнаго вкуса, упали до степени ярмарочныхъ комедій. Сходятся туда, чтобъ посмотрѣть людей и себя показать; но о художественныхъ наслажденіяхъ нѣтъ и помину. На оперныхъ театрахъ играютъ только то, что убиваетъ вкусъ и искусство. Керубини и Спонтини здѣсь никогда не были извѣстны, Чимароза и Паэзіелло давно исключены изъ списковъ. Даже Беллини и Доницетти, когда тревожатъ ихъ смертный сонъ, исполняются самымъ варварскимъ образомъ. Съ-гѣхъ-поръ, какъ шумитъ одинъ

Верди, умолкъ и Россини; Мерканданте и Пачини хранять глубокое молчаніе при Верди. Есть, правда, множество новѣйшихъ композиторовъ, но всѣ они, какъ саранча, производять только одинъ вредъ вездѣ, гдѣ появлятса.

— На бельгійскихъ театрахъ возвратились къ среднимъ вѣкамъ. Теперь вошло вездѣ въ моду давать *мистеріи*. Труппы актѣровъ разъѣзжаютъ по городамъ и даютъ эти представления, къ величайшему удовольствію народа. Недавно при одномъ подобномъ спектаклѣ случилось несчастіе. Публика до-того столпилась въ театрѣ, что онъ обрушился и нѣсколько зрителей было задавлено.

— На Королевско-берлинскомъ Театрѣ давали новую драму Германа Гримма *Димитрій*, которая и имѣла значительный успѣхъ. Авторъ обнаружилъ въ этой пьесѣ большое знаніе сцены. Завязка проста, но занимательна; языкъ исполненъ живости и поэзіи; драма ведена очень-хорошо.

Винюватъ! Драматическая шутка Гаклендера дана была ужъ на Берлинскомъ Театрѣ и весьма понравилась.

Опера Вагнера *Tannhäuser* дана была въ Берлинѣ и Бреславлѣ, и не имѣла особеннаго успѣха; за-то на гамбургскомъ чрезвычайно понравилась, но неизвѣстно, по достоинству ли музыки, или по великолѣпной постановкѣ.

На Берлинскомъ Театрѣ давали четырехактную драму Шасслера: *Der Schleier*, съ успѣхомъ.

1-го августа, комедія въ двухъ актахъ, сочин. Эльца и одноактная шутка Флотова: *der Friedensstifter* даны были въ Дрезденѣ и имѣли успѣхъ. Тамъ же играна драма г-жи Бирх-Пейеръ: *Die Waise von Lowood*, имѣвшая въ Гамбургѣ самый-блестательный успѣхъ.

Въ Лейпцигѣ давали *Юдишь*, сочиненіе Геббеля, съ большимъ успѣхомъ, хотя во всѣхъ газетахъ жалуются на обстановку.

Ein Mann, комедія Курника, играна была въ Берлинѣ и имѣла значительный успѣхъ, хотя въ газетахъ и нападаютъ на нее.

Опера Флотова *Rübezahl*, съ такимъ успѣхомъ игранная въ Вѣнѣ, потерпѣла въ Берлинѣ совершенное паденіе; той же участи подверглась и опера Бенедикта: *Die Kreuzfahrer*.

Въ Мюнхенѣ давали въ первый разъ *Эдипа съ Колоколь*, Софокла, въ пользу памятниковъ Шиллера и Гёте, воздвигаемыхъ въ Веймарѣ.

— Вотъ новости общественныхъ удовольствій и занятій въ главныхъ городахъ Европы:

Послѣ нѣсколькихъ дней дождя, грязи и даже грозы, весна совершенно вытѣснила зимнія удовольствія и наполнила улицы Парижа фиалками, подснежниками, сиренью. Однакожъ балы и концерты не оканчиваются; публика пользуется благотворительною цѣлью, чтобъ послушать лишній разъ игру Лакомба, голосъ Маріо и Альбони, которые довольно-рѣдко являютса на сценѣ. Впрочемъ, многія семейства у которыхъ были назначены дни въ недѣлю, спѣшатъ отъѣздомъ въ загородные замки или на воды, потому-что обычай пріѣзжать поздно и танцовать всю ночь чрезвычайно-тягостенъ для хозяекъ дома. Теперь собираются на вечеръ на другой день, то-есть послѣ полуночи. Одна

нѣтъ подобныя жювель даже захворала отъ хлѣвоты и бессонницы, потому-что у нея были отарманки; и когда докторъ совѣтовалъ ей беречься и не танцовать по ночамъ, она отвѣчала: — Это невозможно, любезный докторъ: ко мнѣ съѣзжаютъ гости въ одиннадцать часовъ и начинаютъ танцовать въ часъ или два. Къ пяти часамъ музыканты до-того устанутъ, что фальшивать безъ милосердія, или играютъ что-то непонятное; мужчины, утомленные полками, едва двигаются и только машинально выговариваютъ стереотипныя фразы. Я сама рада уснуть на первомъ креслѣ, потому-что люблю сама за всѣмъ присмотрѣть и въ этотъ день устану; но наши дамы танцуютъ неумышленно, и если не дастъ кавалеровъ, то рады кружиться одной, не замѣчая, что давно ужъ день. Посовѣтуйте, что мнѣ дѣлать? Не принимать по вторникамъ я не могу, потому-что это произведетъ толки, выгнать гостей нельзя, ѣхать за городъ рано, а я чувствую, что серьезно захвораю, если промучусь еще два или три вторника.

— Хотите я васъ научу, чѣмъ выгнать вашихъ гостей, разумеется, учтивымъ образомъ, сказала съ насмѣшливою улыбкою старинный докторъ.

— Скажите, пожалуйста; я вамъ буду очень-благодарна.

— Вотъ видите ли: когда вы почувствуете усталость и замѣтите, что на улицѣ дѣлается свѣтло, прикажите поднять шторы — и будьте увѣрены, что первый лучъ солнца выгонитъ всѣхъ вашихъ дамъ, очаровательныхъ только при блескѣ люстръ.

Хозяйка исполнила совѣтъ доктора и послѣ трехъ часовъ ночи приказала отворить ставни и поднять занавѣски у оконъ, подъ предлогомъ, что въ залѣ душно: въ ту же минуту гости начали раздѣжаться, хотя хозяйка и просила ихъ остаться. Съ-тѣхъ-поръ она употребляетъ это средство и у ней не танцуютъ до другого утра.

Съ первыми хорошими днями ожили парижскіе спортсмены и тотчасъ же устроили скачки. Надобно замѣтить, что на этихъ скачкахъ препятствія возрастаютъ съ каждымъ годомъ, такъ-что это уже не шутка и забава, а такая опасность, что можно рисковать если не жизнью, то какою-нибудь частью тѣла. Разумеется, что ловкость и искусство ѣздоковъ выказываются, за-то нервы зрительницы страдаютъ чрезвычайно, и при каждомъ паденіи съ лошади, многія дамы падаютъ въ обморокъ. И это называютъ удовольствіемъ! Впрочемъ, это увеличеніе препятствій сдѣлано для гостей-англичанъ, которыхъ теперь очень-много въ Парижѣ и которые, разумеется, участвуютъ во всѣхъ скачкахъ и держатъ огромныя пари.

Одинъ изъ послѣднихъ баловъ былъ очень-замѣчательнъ и про него теперь еще много говорятъ въ Парижѣ. Всѣ дамы были одѣты цѣтлами, а мужчины овощами. Этотъ оригинальный маскарадъ, вѣроятно, найдетъ подражателей и карнавалъ продолжится до верныхъ жаровъ.

Между-тѣмъ, гулянья въ Лоншанѣ, Елисейскихъ Поляхъ и Булеварамъ Лису устроиваются со всегдашнимъ великолѣпіемъ званнаго и гулетовъ. Всѣ спѣшатъ подышать чистымъ воздухомъ послѣ большихъ и концертныхъ удовольствій. Въ городскихъ слухахъ нѣтъ ил-

чего новаго. После политики толкуютъ о новостяхъ театра и литературы; жалуютъ о Веронѣ, который проигралъ свой процессъ съ журналомъ *Constitutionnel* и долженъ заплатить ему миллионъ франковъ.

— «Вотъ еще новая глава для вашихъ записокъ г. Веронъ, сказалъ ему судья, прочитавъ рѣшеніе комиссіи.

— И еще потеря одного миллиона даромъ! отвѣчалъ остроумный докторъ.

Впрочемъ, онъ такъ богатъ, что миллионъ больше, миллионъ меньше для него равно ничего не значить, и онъ будетъ продолжать свои роскошные ужины, собирающие вокругъ него всѣ современныя знаменитости.

Рапелъ, вернувшись въ Парижъ, опровергла всѣ слухи о своемъ замужствѣ. За кого ужъ ее не выдавали замужъ вездѣ, гдѣ она играла, точно также, какъ Женни Линдъ! но Женни Линдъ все-таки кончила гдѣтъ, что прибавила къ своему знаменитому имени фамилію Гольдсмита, а Рапелъ такъ дорожитъ своей независимостью, что не согласится ограничить ее, несмотря ни на какія преимущества брака. Незавѣстно, на всегда ли она разстается съ французскою комедіею. Эта отставка будетъ стоить Рапелъ очень-дорого, и невѣроятно, чтобъ она сошла со сцены въ полной силѣ таланта и красоты.

Трагическая смерть Эстеръ Бонгаръ произвела печальное впечатлѣніе, особенно въ артистическомъ кругу, но, къ счастью, сама актриса объявила въ журналахъ, что жива и здорова и скоро будетъ играть въ одномъ бенефисѣ, въ пьесѣ «*Les salimbanques*» роль Зефиримы, которую она создала съ такимъ успѣхомъ, лѣтъ пятнадцать назадъ. Слѣдство именъ подало поводъ къ ошибокъ журналистовъ, но талантливая артистка находится въ полномъ умѣ. Только она, послѣ прѣзда изъ Россіи, отказалась играть на парижскихъ театрахъ, желая, можетъ-быть, отдохнуть и насладиться семейною жизнью. Теперь же она рѣшилась явиться на сценѣ, только для того, чтобъ опровергнуть выдумки газетъ.

Другое извѣстіе о смерти, на этотъ разъ ужъ справедливое, печально всѣхъ артистовъ. 2-го марта 1854 года, умеръ въ Романо незабвенный Рубини. Примѣръ Джіамбатиста Рубини долженъ быть всегда въ памяти артистовъ, посвящающихъ себя этому трудному поприщу.

Онъ родился въ селеніи Романо въ 1793 году (въ одномъ году съ Россіи) близъ Бергамо, называвшагося прежде отечествомъ арлекиновъ, но который итальянцы называютъ *citta dei tenori* съ-тѣхъ-поръ, какъ въ этомъ городѣ родились: Виганони, Ноццари, Бордоньи, Донзелли, Давидъ отецъ и сынъ и три брата Рубини.

Отецъ знаменитаго тенора служилъ курьеромъ между Романо и Бергамо и помѣстилъ своего сына Джіамбатисту въ ученье къ портному. Молодой Рубини сидѣлъ передъ открытымъ окномъ, скрестивъ ноги, и во время работы пѣлъ во все горло. Одинъ прохожій, услышавъ этотъ чудный голосъ, посоветовалъ Рубини бросить иголку и учиться пѣть. Советъ этотъ не пропалъ даромъ и въ 1812 году въ Миланѣ дебютировалъ въ торъ восемнадцатилѣтній мальчикъ,

нмя котораго должно было сдѣлаться европейскимъ, и который получалъ тогда жалованья по десяти су въ вечеръ.

Потомъ онъ поступилъ въ странствующую труппу и пѣлъ Аржирю въ Танкредѣ съ пятидесятилѣтнею Аменаидою. Дѣла импрессарію шли такъ дурно, что онъ изъ своей оперной труппы составилъ балетъ, который публика ошккала голодныхъ артистовъ за-то, что они не умѣли ее развеселить. Рубини часто вспоминалъ эти эпизоды своей артистической жизни.

Трудами и ученьемъ онъ скоро обратилъ на себя всеобщее вниманіе и перешелъ на амплуа *primo tenore*. Онъ дебютировалъ въ Парижѣ въ 1825 году съ большимъ успѣхомъ, потомъ отправился въ Миланъ, гдѣ пѣлъ почти каждый день. Это должно было или убить его, или укрѣпить и сохранить голосъ надолго, и Рубини, какъ извѣстно, не умеръ. Въ это время онъ женился на французской пѣвицѣ г-жѣ Шомель. Свадебный контрактъ ихъ былъ подписанъ на сценѣ послѣ «Севильскаго Цирюльника» и свидѣтелемъ была вся публика.

Въ 1828 году Рубини возвратился въ Парижъ и оставался тамъ до 1842. Главныя роли его были: *Донъ Оттавіо*, въ «Донъ Жуанѣ» Моцарта; *Паоло* въ «Тайномъ бракѣ» Чимарозы, *Альмавива* въ «Севильскомъ Цирюльникѣ», *Отелло*, *Аменофиса* въ «Моисей» Россини. Изъ оперъ Беллини онъ создалъ роли *Пирата*, *Эльвина* въ «Сонамбулѣ» *Артура* въ «Пуританахъ». Доницети обязанъ ему созданіемъ ролей *Перси* въ «Аннѣ Боленѣ», *Эдгарда* въ «Лучиіа Ламержурской» и пр. и пр. Голосъ его былъ не настоящій теноръ, какъ голосъ Ноццари и Гарсія, а скорѣе *tenorino*, но какъ онъ умѣлъ управлять имъ, какъ выражалъ чувства страсти, этого долго еще не забудутъ его современники.

Послѣ Парижа Рубини отправился въ Петербургъ, гдѣ составилъ итальянскую труппу съ Тамбурини и Полиною Гарсією. Въ 1845 году онъ отказался совсѣмъ отъ сцены, хотя ему былъ только пятьдесятъ—третій годъ, и удалился въ свой палацо въ Романо. Артистъ, получавшій въ началѣ поприща десять су за вечеръ, оставилъ до трехъ милліоновъ состоянія. Такъ—какъ у него не было дѣтей, то онъ, говорятъ, завѣщалъ городу Бергамо большую сумму на учрежденіе консерваторіи пѣнія и музыки.

Еще одно печальное извѣстіе прибыло въ Парижъ изъ Петербурга. Отгюсть Арно, извѣстный литераторъ и мужъ талантливой артистки Плесси, умеръ внезапно. Онъ работалъ для сцены, и его пьесы *Струнзе* и *Жельзная маска* имѣли много успѣха. Кромѣ—того, онъ писалъ много для журналовъ и оставилъ любопытное сочиненіе подъ названіемъ *Письма изъ Финляндіи*.

— Недавно всѣ журналы прокричали объ открытіи новаго металла, легкаго, блестящаго, похожаго на серебро видомъ и цвѣтомъ и который очень—удобенъ для чеканки монетъ. Покуда еще ничего не рѣшено, Альфонсъ Карръ *прожужжалъ* про него остроумную статью въ газетѣ *Siècle*. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ этого любопытнаго *bourdonnement*, какъ авторъ называетъ свои фельетоны:

«Золотымъ вѣкомъ называютъ эпоху, когда совсѣмъ не знали зо-

дотъ. Тогда всѣ были счастливы и безпорочны. Въмѣстѣ съ золотомъ явилась скупость, воровство, ненависть и другіе пороки.

И что жъ, теперь открываютъ страны, гдѣ вся земля состоитъ изъ золота, и стоитъ только нагнуться, чтобъ набрать его сколько угодно?

Всѣ сдѣлки, низости, подкупы, измѣны покупались у насъ еще недавно очень—дешево и за сто лундоровъ парижскій мошенникъ готовъ былъ на все; но теперь онъ торгуется и требуетъ за тотъ же похвальный поступокъ тысячу лундоровъ.

Изъ лабораторіи Ульмской Улицы въ Парижѣ вышелъ металлъ, блестящій, звонкій какъ серебро, крѣпкій какъ желѣзо, неподверженный ржавчинѣ, тягучій какъ золото, а главное его достоинство и отличие отъ всѣхъ другихъ металловъ — легкость, превышающая легкость стекла.

Онъ имѣетъ всѣ качества благородныхъ металловъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ два недостатка, и я спѣшу указать ихъ, покуда онъ еще въ качествѣ претендента на монету.

О, металлъ! ты собираешься быть властителемъ вселенной; выслушай прежде мою правду. Я предсказываю, что владычество твое будетъ непродолжительно. Ты недолго будешь имѣть преимущество надъ золотомъ и серебромъ. Правда, что сначала, по рѣдкости содія, посредствомъ котораго тебя извлекаютъ, ты будешь въ большомъ почетѣ; однако современемъ все совершенствуется, и такъ—какъ ты, все—таки производишь изъ глины, то найдутъ средство добывать тебя дешево, и скоро ты упадешь въ цѣнѣ. Въоторыхъ, не—уже—ли ты надѣешься долго господствовать съ твоимъ страннымъ именемъ? Что это за названіе: *алюминій*! Помилуй, твое имя никакъ не умѣстится въ стихъ, а тебѣ надобно жить въ мирѣ съ поэтами. Не гордись же твоими достоинствами и помни твое низкое происхождение. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать. Теперь же я низко кланяюсь тебѣ и прошу тебя: будь ко мнѣ милостивѣ твоихъ предшественниковъ, золота и серебра, которые не хотѣли со мною знаться во все время ихъ владычества.

Право, въ нашъ вѣкъ не доставало только открытія новаго металла, драгоценнаго, удобнаго. Когда подумаешь, на что способны были люди для пріобрѣтенія двухъ металловъ, то невольно говоришь: «Хороши мы будемъ съ тремя драгоценными металлами!»

Вотъ еще нѣсколько жужжаній изъ «Ось» Карра.

— Женщина, которая сочиняетъ, дѣлаетъ двѣ ошибки: она прибавляетъ число книгъ и убавляетъ число женщинъ.

— Въ жизни и на прогулкѣ женщина должна опираться на руку мужчины, который выше ея.

— Кромѣ скучныхъ удовольствій, есть еще удовольствія страшныя и отвратительныя. Недавно выдумали въ Парижѣ ввести въ моду мясниковъ, подъ названіемъ тореадоровъ; но они не имѣли большого успѣха. На—дняхъ также старуха Саки, первый акробатъ императора Наполеона, давала представленія. Эта семидесятилѣтняя грація танцовала на канатѣ и на такой высотѣ, что паденіе превратило бы ея тѣло въ конопоть. Нѣкоторые аэронавты каждый день держатъ съ публикою

слѣдующее пари: «Я не упаду говорить воздухоплаватель». — Увидишь», говоритъ публика. Но чаще онъ не падаетъ и выигрываетъ пари. Однако, чтобъ найти новыхъ любителей пари, надобно увеличить опасности и аэронавтъ дѣлаетъ безумныя, отчаянныя штуки и держитъ пари, что возвратится живымъ. Увеличивая такимъ образомъ шансы смерти, скоро будутъ подыматься на воздухъ въ худомъ шарѣ, готовомъ прорваться, потомъ предложить публикѣ зажечь этотъ шаръ и отыщутся два аэронавта, которые будутъ держать пари съ публикою, что одинъ изъ нихъ вернется живымъ, а другой уберется. Публика согласится на это оригинальное предложеніе и дастъ воздухоплавателямъ денегъ: тѣ кинуть жребій, кому умирать и кому владѣть собранной суммой, чтобъ не обмануть публику.

И это называютъ удовольствіемъ!

— Извѣстный живописецъ *Хамъ*, скрывающій свое аристократическое имя подъ скромнымъ псевдонимомъ, можетъ похвастаться однимъ изъ остроумнѣйшихъ писателей нашего времени. Въ самомъ дѣлѣ невозможно описать самымъ краснорѣчивымъ перомъ того, что онъ изображаетъ одною чертою своего неподражаемаго карандаша. Его альбомъ можетъ похвастаться настоящими *современными записками*, умильными, занимательными, вѣрными, въ которыхъ никто не попадется, но на которыя никто не можетъ сердиться, потому что эпиграммы его такъ остроумны, забавны, милы, что обезоруживаютъ всякаго. Гранвалъ первый началъ описывать въ комическомъ видѣ нашу эпоху съ ея недостатками, Гаварни пошелъ по слѣдамъ его и имѣлъ огромный успѣхъ. Теперь Хамъ продолжаетъ современную исторію, чертитъ геніальнымъ карандашомъ всѣ типы эгоизма, тщеславія, вѣзистіи. Эти три имени олицетворяютъ собою иронию, но самую деликатную, переходящую границу пристойности, безъ чего она была бы грубой карикатурой, или пасквилемъ. Подписи подъ картинами Хама стоятъ цѣлыхъ томовъ — такъ много сказано тамъ въ немногихъ словахъ, такъ превосходно очерченъ характеръ однимъ восклицаніемъ!

— Парижскіе артисты могутъ приобрести извѣстность посредствомъ ежегодной выставки живописи и скульптуры въ Парижѣ. Къ несчастію, коммиссія, принимающая произведенія, не всегда безпристрастна и благонамѣренна, такъ что каждый годъ аэропагъ этотъ возбуждаетъ неудовольствіе публики и отчаяніе артистовъ.

Британскій Институтъ (British Institution) открылъ на-дняхъ свою выставку. Произведеній чрезвычайно-много, и хотя они не могутъ дать высокаго понятія иностранцамъ о достоинствѣ живописи и геніальности художниковъ, но за-то отличаются оригинальностью, какой нигдѣ нельзя встрѣтить. Вообще англійскіе художники сдѣлали немного успѣховъ въ исторической живописи, которая очень-слаба на этой выставкѣ, за-то пейзажи есть превосходные. Только и они имѣютъ свою оригинальность и еще самую странную для Англии. Извѣстно, что въ этой странѣ солнце показывается рѣдко, и если свѣтитъ, то совсѣмъ не ослѣпительнымъ блескомъ. Несмотря на это, англійская школа пейзажистовъ употребляетъ самыя яркія цвѣта и освѣщаетъ британскія мѣстоположенія египетскимъ солнцемъ. Однако въ этомъ родѣ про-

сдѣланы живописцы, имена которыхъ сдѣланы европейскими. Назовемъ некоторые изъ примѣчательныхъ картинъ выставки Британскаго Института.

Два пейзажа Линнелла *Убѣжище* и *гроза во время жатвы* обращаютъ всеобщее вниманіе широкою кистью и вѣрностью. Крисвикъ выставилъ прекрасный этюдъ воды и морскихъ растений. *Лаво Моджоре* и *Борошейскіе Острова* Геринга—искусно составленныя итальяскія сцены; только освѣщеніе ихъ очень—блѣдно. Жаль, что нельзя того же сказать о *Венеціанскихъ лагунахъ* Линтона, у котораго краски ужь слишкомъ—ярки. Видъ *Оранскаго порта* Вильда—прекрасная картина во всѣхъ отношеніяхъ. Живописецъ Голландъ хорошо изучилъ волны, которыя очень—натуральны на его картинѣ.

Если пейзажей много на выставкѣ, то историческихъ картинъ чрезвычайно—мало, а особенно стоющихъ вниманія. *Арестованіе кардинала Вальсея* сэра Джорджа Гайтера поражаетъ выразительностью; *Орестъ, предъдуемый фуриями*, Альфреда Патена заслужилъ награду Академіи, *Молодой артистъ* и картина изъ священнаго писанія—Занта показываютъ замѣчательный талантъ. Вотъ и все въ историческомъ родѣ.

Этюды головъ, животныхъ, маленькія сцены многочисленны и нѣкоторыя изъ нихъ отдѣланы чрезвычайно—отчетливо. Вотъ они: *Дѣти, кормящіе лебедей*—Гудгеля, *Отдыхъ цыганъ*—Вингфильда, *Рыбаки*—Геммеля, *Кустарники*—Мана, *Ламермурская невеста*, миссъ Мак-Леодъ, *Обелія*—Фроста, *Балконъ*—Франка-Стона, превосходный портретъ молодой дѣвушки, *Молодая крестьянка*—Дрю, *Весна*—О'Нем, *Старый курильщикъ*—Гарди, *Сельская сцена*—Маршала, гдѣ розовая дѣвочка приноситъ кормъ домашнимъ животнымъ, *Прерванный обѣдъ*—Анделя, *Фрукты*—Жоржа Ланса и пр.

Невозможно привести всѣхъ картинъ, отличающихся тонкою отдѣлкою и оригинальностью мысли. Скажемъ еще разъ, что выставки эти, не завися отъ академическихъ, могутъ принести большую пользу артистамъ, особенно начинающимъ, которые такимъ—образомъ могутъ гораздо—скорѣе сдѣлаться извѣстными и найти цѣнителей. Публика тоже не будетъ въ потерю, потому—что между посредственными произведеніями найдетъ такія, которыя сдѣлали бы честь всякой академической выставкѣ.

— Посмотримъ теперь, что новаго въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ.

Вопросы о литературѣ и искусствахъ имѣютъ очень—мало вліянія въ Америкѣ, гдѣ, за исключеніемъ небольшого числа талантливыхъ людей, изучающихъ добросовѣстно науки или искусства, всѣ занимаются самыми положительными дѣлами. Торговля наполняетъ всю жизнь американца; и такъ—какъ здѣсь случается часто разоряться, то, заботясь о возстановленіи состоянія, нельзя найти время для умственныхъ наслажденій. Какъ же при этомъ положеніи дѣлъ распространиться вкусу къ литературѣ? Читаютъ здѣсь только журналы, и въ нихъ одни объявленія, говорятъ только о новыхъ банкротствахъ и о новозобрѣтенныхъ машинахъ. Въ Америкѣ умнымъ и даже геніаль-

нимъ человекомъ почитается тотъ, кто скоро наживаетъ состояніе; а всѣмъ извѣстно, что талить рѣдко богатѣть: стало-быть, деньги производятъ бѣдность въ литературѣ и искусствахъ; но они же дѣлаютъ много добра, по-крайней-мѣрѣ въ будущемъ. Благодаря огромнымъ состояніямъ во всѣхъ городахъ Американскихъ Штатовъ, устрояются библиотеки, теперь ненужныя, но которыя современемъ откроютъ свои сокровища для любопытныхъ читателей.

Теперь нельзя еще и требовать, чтобъ американская литература была въ полномъ развитіи. Это преимущество принадлежитъ только старымъ обществамъ, и чтобъ достигнуть до него, надобно перейти всѣ степени развитія, которыя испытали другіе народы.

Америка еще въ дѣтствѣ относительно искусствъ и выписываетъ изъ Европы учителей и образцы. Что можетъ придать оригинальный характеръ поэзіи и живописи, къ тому равнодушны американскіе артисты и поэты. Ихъ окружаетъ чудная роскошная природа, величественныя картины, оригинальныя сцены и нравы—и они пренебрегаютъ всѣми этими богатствами для подражаній избитымъ образцамъ. Однакожъ Фениморъ Куперъ заслужилъ европейскую славу однимъ искуснымъ описаніемъ того, что видѣлъ вокругъ себя.

Кромѣ этого прекраснаго пути, привлекашаго такъ мало писателей и артистовъ, другія отрасли литературы не могутъ быть обрабатываемы съ успѣхомъ въ Сѣверныхъ Штатахъ, потому-что всегда будутъ походить на подраженіе, а не на оригинальное произведеніе. Притомъ же это дурное направленіе, которое надобно было стараться уничтожить всѣми силами, поддерживается журналами. Сверхъ-того, всѣ американскіе критики какъ-будто согласились хвалить безъ мѣры, безъ границъ всѣ національныя произведенія. Возьмите какой хотите журналъ, начиная отъ *New York Herald* до *Norton's literary Gazette*, и вы подумаете, что Соединенные Штаты—литературное Эльдорадо, въ которомъ столько же образцовыхъ произведеній и гениевъ во всѣхъ родахъ, сколько герой сказки Вольтера найдетъ тамъ алмазовъ. Это цѣлый потокъ восторженныхъ эпитетовъ, безконечный наборъ самыхъ звонкихъ прилагательныхъ, которымъ могутъ позавидовать европейскіе составители газетныхъ объявленій.

Иногда однако критика изъявляетъ свое неудовольствіе, но вмѣсто строгаго обзора, она прибѣгаетъ къ рѣзкимъ насмѣшкамъ.

Недавно еще заслужилъ ея неодобреніе одинъ замѣчательный живописецъ Поуель (Powel), окончившій картину для ротонды вашигтонскаго капитолия.

Извѣстно, что конгрессъ назначилъ сумму въ 50,000 долларовъ за четыре историческія картины для ротонды Капитолия. Составленъ былъ, разумѣется, комитетъ для назначенія національныхъ художниковъ и онъ выбралъ Чапмена, Вендерлейна, Вейра и Инмана.

Чапменъ, которому тоже довольно досталось отъ критики, выбралъ сюжетъ картины: *крещеніе Покаяннуса* и окончилъ ее въ 1852 году.

Вейръ, профессоръ живописи въ Военной Школѣ, написалъ *отплытіе переселенцевъ въ Дельфт-Гавенъ* и картина его, почитаемая самою лучшею, имѣетъ въ-самомъ-дѣлѣ много рѣзкихъ достоинствъ.

Вандермейнъ заслужилъ европейскую извѣстность своею картиною *Матрй на развалинахъ Кароагена*; но когда поручили ему работать для Капитолия, онъ былъ ужь старъ и слабъ и выбралъ сюжетомъ : *пробытіе Кристофора Колумба* въ Америку. Къ-несчастію, картина его ниже первыхъ двухъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Имманъ—талантливый живописецъ, но онъ занимается большею-частью портретами. и потому работа его была поручена Поуелю. Это назначеніе не понравилось партіи Иммана, желавшей, чтобъ мѣсто его передаю было ученику его, Гонтингтону, и потому критика безжалостно напала на произведение этого живописца. Надобно однако признаться, что на этотъ разъ она несомнѣмъ была несправедлива, и картина Поуеля отчасти заслуживаетъ порицанія. Одинъ ужь сюжетъ выбранъ неудачно. Въмѣсто предложеннаго Имманомъ : *Эмиграція Даниэля Буна въ Кентуки*, Поуель изобразилъ : *Открытіе Миссиссиппи искателемъ приключеній Сото*.

Артистъ выбралъ минуту, когда Сото, послѣ двухлѣтнихъ странствованій, съ горстью товарищей останавливается на берегу Миссиссиппи. Критика очень-справедливо замѣчаетъ, что Сото и свита его, измученные лишеніями и долгими переходами по Флоридѣ, никакъ не могутъ быть такъ довольны, здоровы, а главное, такъ хорошо одѣты, какъ представилъ ихъ артистъ. И ко всѣмъ этимъ ошибкамъ прибавимъ, что живописецъ помѣстилъ въ своей картинѣ пушки, что дало поводъ къ самымъ-безжалостнымъ насмѣшкамъ критики. Впрочемъ, подобные промахи встрѣчаются часто у американскихъ художниковъ. Живописецъ Лейтцъ представилъ *Вашингтона, проходящаго черезъ Делаваръ* съ американскимъ знаменемъ, которое тогда еще не существовало.

За исключеніемъ этихъ несообразностей, картина составлена и исполнена превосходно. Жаль, что авторъ не обдумалъ лучше своего сюжета.

Перейдемъ къ музыкѣ. Всѣ знаменитости : Гризи, Женни Линдъ, Зонтагъ, Альбони давно покинули гостепріимную Америку и потому опера здѣсь незамѣчательна.

Оле-Булъ и Готшалкъ имѣли большой успѣхъ, но Жюльенъ производятъ настоящій восторгъ. Замѣчательный артистъ этотъ составилъ себѣ колоссальную репутацію и американцы доводятъ свой фанатизмъ къ нему до-того, что называютъ его новымъ Гомеромъ.

Изъ національныхъ музыкальныхъ произведеній можно привести едва нѣсколько романсовъ, вальсовъ и полекъ. И всѣ эти сочиненія написаны на сюжеты, взятые изъ романа г-жи Бичеръ-Стоу. Есть романсы Евы, Сен-Клера и проч.

Въ литературѣ всѣ новости состоятъ изъ однихъ переводовъ, большею-частью съ французскаго. Вышелъ переводъ *Исторіи протестантскихъ выходцевъ*—Вейса, *Физиологіи вкуса*—Брилья-Саварена. Джемсъ Меткальъ издаетъ переводъ писемъ Фенелона. Наконецъ Гарриетъ Мартино приготовляетъ переводъ *Философіи* Огюста Конта, прозваннаго Бкономъ XIX вѣка.

Надобно еще объявить о выходѣ въ свѣтъ шестаго и послѣдняго тома *Исторіи Американской Республики*, Бакрофта, которая можетъ почтаться лучшею книгою въ этомъ родѣ. Журналъ *Literary World*, основанный въ 1847 году, прекратился, неизвестно по какимъ причинамъ.

— Перейдемъ къ новымъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, и посмотримъ, что дѣлается въ ученomъ мѣрѣ :

Прежде всего скажемъ, что Александръ Дюма (сынъ) написалъ чрезвычайно-любопытную статью о физической силѣ. Въ этой статьѣ столько новыхъ фактовъ о физическомъ развитіи дѣтей и развитіи силы вообще, что мы сочли нужнымъ привести ихъ. Авторъ говоритъ:

« Не знаю, похожи ли были дѣти прошлаго поколѣнія на мои — только я могу увѣрить, что не только я, но и всѣ мои товарищи именно желали въ дѣтствѣ явиться на театрѣ, въ циркѣ, на модюнахъ и привлекать всеобщее вниманіе штуками, какія обыкновенно дѣлаютъ силачи, канатные плясуны, набѣдники, разные фокусники. Розовое трико, шелковая ленточка вокругъ головы, голубой костюмъ съ блестящими и блестящими бахрамами болѣе всего прельщали наше дѣтское воображеніе. Въ эти лѣта одни глаза принимаютъ впечатлѣнія, которыя до юношескаго возраста служатъ вмѣсто чувствъ. Чтобъ поразить ребенка, необходимо предмету подѣйствовать на его матеріальные органы. Надобно, чтобъ его глаза и руки видѣли и сжали, чтобъ онъ почувствовалъ. Разумѣется, что это впечатлѣніе непродолжительно и неглубоко, но оно является всегда вмѣстѣ съ причиною, его производящею.

Итакъ, во время моего дѣтства, если ребенокъ здоровый, здоровый, живой смотрѣлъ на представленія атлетовъ, то чувствовалъ къ нимъ необыкновенное уваженіе и предпочиталъ это искусство всякому другому.

Это очень-понятно. По законамъ природы, у ребенка одна только инстинктивная цѣль — развиться какъ-можно скорѣе и сдѣлаться большимъ. *Когда я буду большой*, вотъ фраза, повторяемая всѣми дѣтьми по нѣскольку разъ въ день. Они боятся и уважаютъ большихъ; а когда это качество соединяется съ силою, то дѣти приходятъ не только въ удивленіе, но даже въ восторгъ. Притомъ ребенокъ представляетъ себѣ прелесть странствующей жизни уличныхъ атлетовъ, которыхъ видитъ на всѣхъ праздникахъ, куда водятъ его родители.

Понятно, что человекъ, начавшій борьбу съ волненіями жизни, считаетъ счастливымъ то время, когда онъ не зналъ другаго гора. кромѣ переписки стиховъ *Виргилія*, или лишенія отпуска въ воскресенье. Разумѣется, что нецѣлостности эти очень-малы въ сравненіи съ печалями зрѣлаго возраста; но попробуйте хорошенько вспомнить ваше дѣтство и вы увѣритесь, что ваше отчаяніе — когда вы оставались въ воскресенье въ школѣ, вмѣсто того, чтобы ѣхать съ матерью за городъ, было глубоко и неугѣшно, и что вы были истинно-несчастны и достойны сожалѣнія, списывая уроки въ прекрасный лѣтній день. Повторю: только одно сравненіе заставляетъ считать дѣтское горе мелоч-

жизнь и дустымъ. Жить, оно серьезно, и я признаюсь, что эти дѣтскія печали, приводившія меня въ отчаяніе, дѣйствовали на меня сильнее, чѣмъ неудачи и неудовольствія зрѣлаго возраста. Настоящее счастье существуетъ только, когда можно понимать его и дать себѣ за немъ отчетъ. Ребенокъ счастливъ, но онъ понимаетъ это когда дѣтство миновалось.

Въ зрѣломъ возрастѣ и въ старости, когда отъ будущаго ужь нечего ожидать, человекъ вспоминаетъ свою молодость, дѣтство, а главное, здоровье, которое съ лѣтами всегда улетаетъ и, приводя на память только веселыя сцены, пріятныя лица, шумныя игры, говоритъ въ минуту фразу: счастливое было время!

Но уже ли въ самомъ дѣлѣ жизнь проходить въ томъ, чтобъ жалеть о прошедшемъ, желать будущаго и никогда не быть довольнымъ настоящимъ? Я привыкъ довольствоваться жизнью, какова она есть, и никакъ не соглашусь промѣнять печалей, трудовъ и наслажденій зрѣлаго возраста на радости и неудовольствія дѣтства. Впрочемъ, я очень люблю дѣтей. Можетъ быть, я въ нихъ припоминаю себя ребенкомъ и люблю смотрѣть на ихъ шумныя игры, граціозныя движенія. Въ школахъ образуются люди. Тамъ развиваются чувства, необходимыя въ молодости и зрѣломъ возрастѣ: храбрость, откровенность, соревнованіе. Тамъ укрѣпляется здоровье.

— Что есть основаніе жизни?

— Здоровье.

— Чѣмъ начинается жизнь?

— Дѣтствомъ.

— Что надо охранять въ дѣтствѣ?

— Здоровье.

— Какія средства поддерживаютъ здоровье?

— Здоровая пища, сонъ, воздухъ и движеніе.

Если вы хотите сдѣлать вашего сына умнымъ человекомъ, то прежде всего позаботьтесь, чтобъ онъ былъ здоровъ.

Прежде чѣмъ вы нальете въ вазу драгоценный напитокъ, увѣрьтесь, что сосудъ крѣпокъ.

— Какой бываетъ первый прианакъ жизни у ребенка?

— Движеніе.

Стало бытъ, прежде всего надобно обратить вниманіе на движеніе.

— Какіе органы развиваются первые?

— Грудь и желудокъ.

Давайте же дѣтямъ питательную пищу и не лишайте ихъ чистаго воздуха.

Все это такія истины, что странно напоминать о нихъ.

И однако, эти правила не всегда наблюдаются даже самыми нѣжными родителями. Есть дѣти, почитаемыя феноменами, которыя въ десять лѣтъ играютъ на разныхъ инструментахъ трудныя варіаціи, сочиняютъ статьи или рисуютъ карандашомъ головку Ромула, но ростъ этихъ дѣтей всегда труденъ; они блѣдны, слабы, вялы, и докторъ обыкновенно говоритъ родителямъ феномена: вашъ ребенокъ очень умный для своихъ лѣтъ; свезите его за городъ и шесть мѣся-

цель не заставляйте его ничему учиться. Это значитъ вы действовали противъ природы и теперь она мститъ за себя.

.. Еслибы это можно было одѣлать, слѣдовало бы запретить ходить въ города дѣтямъ моложе двѣнадцати лѣтъ.

.. До тѣхъ-поръ они жили бы на чистомъ воздухѣ въ сѣвѣннхъ, вѣреди полей, лѣсовъ, собакъ, лошадей, вѣчно съ природой, которая умрѣялетъ тѣло, развиваетъ способности сердца, чувство новизны, познаний и привлекаетъ дѣтей къ наукѣ. Они знали бы деревья, птицъ, времена года; они понимали бы гармонію природы и тишину звѣздныхъ ночей; они были бы религіозны, потому что видѣ величественныхъ чудесъ размысли бы благодарность къ Создателю ихъ, и въ двѣнадцать лѣтъ это были бы здоровыя, сильныя, благородныя, чувствительныя дѣти, способныя принять всякое блистательное образование.

Къ-несчастью, это невѣроятно, и потому я могу только дать полезный совѣтъ.

Совѣтъ этотъ состоитъ въ томъ, чтобъ поставить физическое воспитаніе дѣтей на первомъ планѣ.

Чтобъ дѣти ложились вмѣстѣ съ закатомъ солнца и вставали съ восходомъ его.

Чтобъ приучали дѣтей къ водѣ и купанью, на чтѣ обращаютъ вообще мало вниманія.

.. Чтобъ заставляли дѣтей ходить, бѣгать, играть, кувыркаться послѣ сна, передъ сномъ и послѣ обѣда и завтрака.

.. Въ классѣ, состоящемъ изъ шестидесяти учениковъ, есть десять или двѣнадцать робкихъ, неповоротливыхъ, заотвичивыхъ мальчиковъ, остальные всѣ любятъ движеніе и шумъ. Эти послѣдніе нѣкогда обладаютъ пристрастіемъ къ атлетамъ и восхищаются всяки доказательствами силы. Это пристрастіе надобно развивать для пользы ихъ настоящаго и будущаго здоровья.

.. Греки и римляне, эти фанатики формы, не могли понять, чтобъ молодой человѣкъ былъ некрасивъ, слабъ и несиленъ. Древность сдѣлала Геркулеса и Тезея богами, Милона полубогомъ, титановъ героями. Мы же чувствуемъ, что сильный человѣкъ лучше слабаго, красивый предпочтительнѣе уродъ и однако, изъ двадцати встрѣченныхъ на улицѣ, вы едва-ли увидите двухъ здоровыхъ, красивыхъ людей, идущихъ смѣло, твердо, непринужденно.

.. Остальные восемнадцать будутъ сгорблены, худощавы, болны, блѣдны, тучны, усталы, истощены, нетверды, несмѣлы. Стало-быть, изъ двадцати только двое могутъ назваться настоящими людьми, красивыми и сильными.

Я говорю о людяхъ хорошаго общества. Работники, благодаря своимъ трудамъ, чаще бодры и здоровы.

.. Отчего происходитъ это?

.. Оттого, что у парижскихъ дѣтей не развиваютъ силу, которую одарила ихъ природа, такъ-что, послѣ некоторой излившей молодости они преждевременно переходятъ въ зрѣлый возрастъ. Они выдѣляются въ тесной комнатѣ, кушаютъ въ «маленькой» всякое движеніе

даются нить въ тѣлѣ, желчь вынается съ кровью; грудные мушкетеры спускаются въ желудокъ, отчего животъ дѣлается болѣе и человекъ тучнѣетъ, говоря: какъ я полнѣю! Но эти полнота совсѣмъ не здоровье. Человекъ этотъ приближаетъ разбогатѣть послѣ обѣда, съитъ послѣ обѣда у камина, принимаетъ къ водкѣ и кофе, переставляетъ совсѣмъ ходить, бьются конюхи, темя; въ оорокѣ лѣтъ, тосуетъ въ полномъ развитіи силъ, онъ уже говорить чуть не каждый день: что это кантъ мнѣ сегодня недоразвится.

Съ этой минуты старость быстро приближается къ нему: волосы его рѣдѣютъ, зубы выпадаютъ, стая горбится, желудокъ не веритъ и требуетъ лекарствъ; докторъ посылаетъ его на воды, шидитра изгнаетъ за руку или за ногу и — вдали показывается кладбище.

Въ пятьдесятъ лѣтъ, если не прежде, человекъ этотъ поводитъ уже подлѣ мраморнаго памятника и въ домахъ, гдѣ его знали, говорить:

— Слышали вы новость?

— Что такое?

— Умеръ.

— Будто бы? Отчего это?

— Не знаю.

— А вы здоровы?

— Неисчлп, что-то нездоровился.

— И я чувствую себя нехорошо.

Недавно я чувствовалъ себя тоже неокана-хорошо. Я былъ угонленъ, не могъ работать, ходить съ трудомъ; пульсъ мой бился медленно. Однако это была еще не болѣзнь, а только предупреждение.

Я хотѣлъ было позвать доктора, съ котораго очень друженъ, но эти друзья доктора нѣмнотъ привычку вѣрнть болѣзнь только когда вы ложите въ постель и не можете шевельнуться. Если же вы сами придете къ нимъ за советомъ, они пригласятъ васъ обѣдать, попить и сѣдутъ, если вы начнете говорить про свою болѣзнь.

Такимъ образомъ я пообѣдалъ нѣсколько разъ у моего доктора, но все-таки не чувствовалъ никакого облегченія.

Однажды, идя по бульвару съ однимъ изъ моихъ друзей, докторомъ, я жаловался на мою слабость и онъ связалъ мнѣ:

— Хочешь я покажу тебѣ человека такой необыкновенной силы, надѣбнаго которому нѣтъ во Франціи?

— Гдѣ же этотъ атлетъ?

Пріятель мой подошелъ къ одному прохожему и остановилъ его.

— Здравствуйте любезный Ру.

— Извините, я не заиѣтилъ васъ! отвѣчалъ Ру, сжимая руку моего товарища.

И они начали говорить о чемъ-то.

Въ это время я съ удивленіемъ разсматривалъ силача.

Всѣ вообще думаютъ, что силачъ долженъ быть непремѣнно огромнаго роста. Портосъ въ «Муншетогахъ» моего отца великанъ; но ростъ ничего не значитъ для силы, и малорослые нѣмнотъ еще болѣе сильные, чѣмъ высокіе.

Ру, несомнѣнно-никого, но средняго роста, и если не сильнѣе

сравнился съ Шартосомъ, то лицо его могло служить типомъ д'Артамана. Черные глаза, быстрый взглядъ, черные длинные усы такъ и требовали кинжала и пистолета мускетера. Онъ былъ одѣтъ какъ въ шпиритомъ, съ орденскою; и хотя саронно скрываетъ свою необыкновенную силу, но почитается самымъ опаснымъ противникомъ.

Надобно замѣтить, что встрѣча наша происходила въ началѣ зимы, которая была довольно-сурова, а Ру былъ въ одномъ лѣтнемъ сюртукѣ, только застегнутомъ до верху. Лѣтомъ онъ ходитъ въ томъ же костюмѣ, только не застегивается.

Во время разговора съ моимъ пріятелемъ, Ру поглядывалъ на мои замечанія съ изумленіемъ:

— Не хотите ли быть свидетелемъ пари, которое я держу?

— Какого пари?

— Я взяла переломить шесть шесть футовъ длины и шести дюймовъ въ окружности.

— Какъ же вы его переломите?

— Я приложу одинъ конецъ шеста къ стѣнѣ, а другой къ моему лѣвому плечу, потомъ прижму шестомъ — и шестъ сломается.

Я переглянулся съ моимъ пріятелемъ.

— Хотите бы посмотреть, какъ въ это сдѣлаете, сказать я.

— Въ такомъ случаѣ приходите въ воскресенье въ два часа, въ улицу Жанъ Гужонъ, въ бывшее заведеніе Аморо.

— И Ру отошелъ отъ насъ.

— Онъ одолеваетъ шестъ? спросилъ я недоумчиво у товарища.

— Сомнѣеть.

— Да это невозможно.

— Для него? Развѣ ты не знаешь, кто такой Ру?

— Я вижу его въ первый разъ.

— Это самый необыкновенный человекъ, самый сильный, какого только можно вообразить себѣ. Видѣлъ ли ты когда-нибудь, какъ бѣшеная лошадь несется съ экипажемъ?

— Видѣлъ.

— Ну; такъ эти нѣсколько лошадей графини В. помесили ее. Она готовилась умирать отъ скорой смерти, но, къ счастью, ей попался Ру. Она подбѣжала къ лошадямъ и остановила ихъ.

— Можетъ ли это быть?

— Это знаетъ весь Парижъ.

— Какъ же поблагодарила его графиня за свое спасеніе?

— Она прислала ему шесть серебряныхъ приборовъ, но Ру отослала ихъ, сказавъ, что привыкъ употреблять деревянную посуду.

— Такъ онъ еще острякъ, твой слачъ?

— Онъ добрый человекъ, что всего лучше. Я тебѣ расскажу другую исторію.

— Ну?

— Недавно лѣтъ тому назадъ, въ Гаврѣ, во время гонимъ судовъ французскіе матросы выжили призь и померомъ поссорились съ английскими матросами и побили ихъ. На слѣдующій годъ двѣдѣсьятъ матросовъ приехали къ лобаръ изобрѣсть изобрѣтъ бисмаркъ и, по-

слѣ' говоки, опять начали ссору съ французами. Разумѣется, что на этотъ разъ побѣда осталась на сторонѣ англичанъ, но, къ счастью, Ру былъ въ это время въ Гаврѣ и ваяла защищать своихъ соотечественниковъ. Онъ послалъ четырехъ боксерамъ вызовъ и тѣ были такъ глупы, что приняли его.

— Что жъ дальше?

— Ничего. Ру отдѣлалъ порядкомъ всѣхъ троекъ.

— А четвертый?

— Четвертому онъ проломилъ кулакомъ грудь и это такъ шокировало англичанина, что онъ умеръ съ досады.

— Не за этотъ ли патриотическій подвигъ онъ получилъ орденъ?

— Нисколько. Сказать тебѣ, гдѣ онъ заслужилъ его?

— Говори.

— Онъ былъ въ Неаполѣ профессоромъ восточной гимнастики. Во время одного пожара, сержантъ, по имени Муволино, перелезая во брвену наравнѣ съ четвертымъ этажемъ, и вдругъ оступился и упалъ. Ру былъ внизу и не спускалъ глазъ съ пожарнаго. Видя, что лезть поэтѣтъ внизъ, онъ утвердился на ногахъ, поднялъ руки и съплотилъ падающаго. Ты можешь себѣ вообразить, какое потрясеніе долженъ былъ получить Ру, но онъ удержался на ногахъ и спасъ отъ вѣрной смерти Муволино. Только руки избавителя такъ вѣрно схватили сержанта за бока, что оставили на нихъ глубокіе слѣды. Однако, черезъ двадцать-четыре часа онъ былъ здоровъ, а у Ру почти мѣсятъ шла кровь горломъ. Неаполитанскій король самъ приехалъ его благодарить и далъ ему орденъ. Теперь вѣрны ли, что Ру можетъ сломать шесть.

— Начиная думать, что можетъ.

Это еще не всѣ приключенія необыкновеннаго человека. Въ Женовѣ, Палермо, Венеціи, Миланѣ, во всѣхъ городахъ Европы, онъ всегда побѣждалъ всѣхъ навѣстныхъ силачей. Впрочемъ, ты самъ увидишь его на дѣлѣ.

Въ воскресенье мы отправились въ улицу Жанъ Гужонъ въ заведеніе, принадлежащее теперь профессору Ру, но устроенное поповникомъ Аморо. Это заведеніе состоитъ изъ двухъ залъ. Одна зала тяжестей, другая гимнастическая. Въ послѣдней было бодяще ста молодыхъ людей и дѣтей, которые прыгали, лазили, качались на разныхъ машинахъ, безъ всякаго безпорядка и опасности. Тутъ были люди отъ четырехъ лѣтъ до двадцати-пяти. Смотря на эти движенія, развивающія и укрѣпляющія силы, невольно подумаешь: отчего родители не посылаютъ сюда чаще своихъ дѣтей? Сколько бы отъ гимнастики выиграли ихъ здоровье и наружность! Я видѣлъ здѣсь мальчишка лѣтъ четырнадцати, представившаго въ миньютурѣ типъ древняго Аполлона. Сколько граціи, ловкости въ этомъ ребенкѣ! И, однако, на лицѣ его видны слѣды слабаго здоровья, которое вѣрно внушило его матери мысль прибѣгнуть къ спасительному средству гимнастики. Она укрѣпила этого ребенка и развила въ немъ греческую красоту.

Всѣ эти прыжки, воздушныя прогулки съвѣемъ луганомъ артема, но потому онъ начинаетъ понижать пользу воишь неопытными дѣл-

жест для развития молодого тела. Случалось, что мальчики, жем выказать больше силы и ловкости, падали, но и тут все кончалось веселым смехом, потому что приняты все меры для предупреждения несчастий.

Потомъ Ру провелъ насъ въ залу тяжестей. Тяжести состоятъ въ двухъ гиряхъ, или ядрахъ, соединенныхъ желѣзной полосой, за которую удобно держаться. Здѣсь есть тяжести вѣсомъ отъ одного фунта для дѣтей, и до ста—сорока — для атлетовъ. Съ тяжестью въ каждой рукѣ, сообразной лѣтанъ и силѣ, ученики дѣлаютъ движения всѣми мускулами и приучаются къ гармоничности силы, безъ которой всякая усталость можетъ быть вредна.

Здоровье поправляется не только движениями, но и всѣмъ поведениемъ человека. Тотчасъ можно разсчитать, сколько силы теряешь отъ невоодержанности, и потому старайся избѣгать всякихъ излишествъ: сигары утомляютъ грудь, и потому многие совсѣмъ бросаютъ курить, или курятъ какъ можно меньше; бессонныя ночи расслабляютъ члвчкъ, и онъ торопится ложиться раньше, зная, что завтра надобно ему вести такую же жизнь; наконецъ кофе, раздражающій нервы, много стужающее кровъ, тоже скоро оставляются, потому что каждый молодой человекъ, хотя и не сознается, но въ душѣ хочетъ быть сильнымъ и ловкимъ.

Въ этой залѣ долженъ былъ происходить опытъ съ шестомъ. Безъ разныхъ сценическихъ приготовлений, безъ шарлатанства, Ру даже не разстегнулъ своего спортука и, взявъ шестъ известнаго размѣра, приставилъ одинъ конецъ его къ стѣнѣ, другой къ звѣному явочу и, ставъ на небольшую подмостки, утвердился на ногахъ и началъ вынимать кусокъ дерева, который поединному никакъ не соглашался даже погнуться. Дѣвъ минуты человекъ и дерево были неподвижны, потокъ крови бросался въ лицо силача, жилы на лбу его надулись, шестъ началъ гнуться, послышался трескъ — и дерево сложилось пополамъ въ то время, какъ Ру упалъ на колѣни, при громкихъ аплодисментахъ всей залы.

Прежде опыта Ру, четыре человека, считавшіеся самыми сильными въ Парижѣ, пробовали сломать или согнуть шестъ и, разумеется, не могли успѣть въ этомъ.

Я съ удивленіемъ и завистью смотрѣлъ на этого человека. Я всегда желалъ пламенно только одного: физической силы.

Ру, вѣроятно, понялъ мою мысль, потому что подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Въ васъ вѣсу сто—семьдесятъ фунтовъ.

— Вы отгадали.

— Десять фунтовъ для васъ совершенно—лишнія; и когда вы избавитесь отъ этой вредной тяжести, то будете однимъ изъ сильнѣйшихъ людей въ Парижѣ.

— Не—уже—ли это возможно?

— И не только силы ваши удвоятся, но вы избавитесь также отъ всѣхъ вредныхъ болѣзней.

И онъ началъ подробно описывать все, что я чувствую; сказалъ даже причины моего нездоровья и потомъ прибавилъ:

— Я не докторъ, но чрезъ мои руки прошло столько людей, что я по первому взгляду вижу, въ какомъ состояннн находится тѣло и чѣмъ можно его поправить. Вы работаете много головой и, для равновѣсія, должны какъ можно больше дѣлать движеннн. Привнесите гири въ сто фунтовъ, сказалъ онъ одному изъ профессоровъ.

Тотъ исполнилъ его приказаннн.

— Поднимите ее, сказалъ Ру профессору.

Тотъ схватилъ тяжесть за ручку и быстро поднялъ ее выше головы, держа руку прямо, потомъ опустилъ стофунтовую гиру.

— Сдѣлайте то же самое, сказалъ мнѣ Ру.

Я засмѣялся.

— Попробуйте.

Я взялъ тяжесть и, съ трудомъ приподнявъ ее немного выше коленъ, уронилъ, потому-что не могъ дольше держать.

— Это хорошо! сказалъ мнѣ Ру. — Приходите сюда три раза въ недѣлю: въ десять уроковъ вы потеряете пять фунтовъ вѣсу, черезъ мѣсяцъ будете совсѣмъ здоровы, а черезъ шесть недѣль подымете стофунтовую тяжесть такъ же легко, какъ этотъ человекъ.

На слѣдующнй день я поступилъ въ ученики Ру.

Во мнѣ ужъ стошестидесятъ-три фунта вѣсу, я чувствую себя совершенно здоровымъ и поднимаю сто фунтовъ до головы; но мнѣ остается еще двѣ недѣли, чтобъ поднять выше гиру.

Но окончаннн гимнастическихъ уроковъ чувствуюсь, разумѣется, усталость, но въостъ съ тѣмъ и удовольствнн, происходящее отъ совершеннаго здоровья. Притомъ же эти занятнн напоминаютъ дѣтскнй трудъ въ движенин одно тѣло, а ужъ отдыхаетъ: все думаетъ тогда объ одномъ, чтобъ отличиться передъ другими и поднять бѣлье гимназии, чѣмъ наканунѣ.

Метода профессора Ру замѣчательна тѣмъ, что прилняется къ различныи организацинн. Не одни дѣти пользуются уроками этого умнаго профессора, но взрослые и пожилые находятъ облегченн въ гимнастикѣ. Есть нервическнй, полнокровные люди, проводящн цѣлыи дни согнувшись надъ работою. Ру тотчасъ отличаетъ чиновника отъ артиста, и каждому приискомываетъ движенн, сообразное съ его образомъ жизни. Стало-быть, гимнастика необходима для поддержанн здоровья и хорошаго расположенн духа. Что касается до меня, я, какъ ребенокъ, жду часа гимнастическихъ упражненнй и послѣ нихъ съ большою готовностью и съ свѣтлыми мыслями сажусь за работу.

Ру сдѣлалъ изъ гимнастики настоящее искусство, которое надобно изучать. Во многихъ городахъ Францнн онъ устроилъ на свой счетъ заведенн для пожарныхъ и вездѣ образовалъ профессоровъ, способныхъ продолжать его полезную систему. Вездѣ, гдѣ онъ ни останавливался, заботился только объ одномъ: собрать больше учениковъ и, разумѣется, учить ихъ даромъ. Что можетъ быть благороднѣе этого употребленн состоянн, нажитаго трудомъ? Все профессора и

генерала въ провинціяхъ присылають ему благодарственные письма за образование превосходныхъ учениковъ.

Свѣтъ окончитъ статью, потому-что наступаетъ часъ гимназическаго урока: буду поднимать выше головы ето «штуртъ».

— Остальные учебныя новости расскажемъ въ слѣдующемъ мѣсѣцѣ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Мысли о войнѣ занимають всѣхъ и каждого. Но вѣсть съ великими совершающимися событіями, рядомъ съ великими современными интересами, идутъ событія ежедневной петербургской жизни, идутъ балы, театры, концерты и гулянья. Какъ ни ничтожны, какъ ни мелки кажутся теперь всѣ эти забавы, какъ ни блѣднѣетъ отъ вередь огромными событіями, но мы не покинемъ нашего наблюдательнаго поста, и это повѣствованіе объ удовольствіяхъ Петербурга да послужитъ доказательствомъ того спокойствія и той самоуверенности въ собственныхъ силахъ, съ какими Петербургъ, подобно всей Россіи, ожидаетъ своихъ враговъ.

Весна наступила. Ярнее солнце чаще-и-чаще стало показываться на петербургскомъ небѣ. Неизящно разоцмлась; грязь на улицахъ замѣнилась пылью; въ воздухѣ замелкали разноцвѣтные дамскіе зонтики, раздались нѣжные цвѣтенихъ разносничковъ, зачиркали воробьи и овсянки, а на землѣ на каждомъ шагѣ появились продавцы те съ птицами высшей школы, таскающими носомъ тачки съ сѣновали и вѣдомъ, та съ птицами побывшими въ какой школѣ, и словенскими втора только дороже; чтобъ дать возможность добрымъ людямъ выкупить ихъ сегодня.

Цвѣты, птицы и зонтики ослѣпляютъ обыкновенно шестіе весны—этого прекраснѣйшаго, поэтическаго времени года.

«Весна — пора любви, пора надеждъ», говорили и говорятъ обыкновенно поэты, и каждый изъ нихъ считаетъ обязанностью восписать эту пору года, равно какъ и то чувство, безъ котораго не обходится ни одно поэтическое созданіе. Тысячи стиховъ, тысячи сравненій посвящены поэтами счастливой веснѣ и, не говоря о стихахъ, самое удачное изъ сравненій то, въ которомъ она уподобляется юности. Не потому ли всѣ мы, поэты и непоэты, люди мечтательные и немечтательные, любимъ такъ это время года, что оно напоминаетъ всегда намъ лучшую пору нашей жизни — пору надеждъ и золотыхъ мечтаній? Въ-самомъ-дѣлѣ, сколько прелеоти въ зеленѣющей природѣ, подымающихся изъ земли кустахъ, востепенно-просияющемъ небѣ, какъ и въ этой кудравой, вѣчно-улыбающей головкѣ дитяти—

предстѣи, не столько настоящей, сколько будущей, сдѣланной! Этотъ міръ — міръ фантастическій, но тѣмъ не менѣе прекрасный; присутствіе предъ нами въ этой развивающейся природѣ и чуждыя раба правъ тотъ, кто увѣрялъ, что время надежда лучше дѣше временныхъ исполненія; не говоря уже о томъ, когда мы теряемъ только оди разочарованія. Кто изъ насъ въ своемъ дѣтствѣ, въ своей юности, не ждалъ чего-то особаго, чего-то лучшаго отъ будущаго? кто изъ насъ не подавалъ своимъ близкимъ различныхъ болѣе или менѣе блестящихъ, болѣе или менѣе основательныхъ надеждъ?.. Въ концѣ изъ насъ не видѣли великаго музыканта, поэта, ученаго, и проч. и проч. Но весна наша проходила и — настало время грустныхъ разочарованій...

Печальные настоящимъ, мы обращаемся къ прошедшему, съ наслажденіемъ вспоминаемъ богатое надеждами доброе старое время и любимъ все то, что напоминаетъ намъ эту счастливую перу жизни. Мы любимъ весну съ ея залогамъ будущихъ красотъ природы, любимъ дѣтей, которые ждуть и отъ которыхъ ожидаютъ такъ много въ грядущемъ. Какое-то отродное, теплое чувство охватываетъ сердце человека самаго грубаго, даже чуждаго семейному быту, при видѣ этихъ веселыхъ, улыбающихся головокъ, при звукахъ этого серебристаго, такъ легко-вызываемаго хохота, легко потому, что въ эту перу жизни есть столько природныхъ источниковъ для веселья и радости.

Всѣ эти мысли, вѣроятно, приходили и производятъ каждому при мысли о маленькихъ ликующихъ человечковъ и пришли имъ ома, когда мы путешествовали на вербной выставкѣ, бывшей, по обыкновенію, въ Гостинаго Двора, съ четвертка до воскресенья вербной неделю.

Щетки, гребеночки, зеркала, зубочистки, куклы, похожія на лошадей, лошади ни на что не похожія, грошевыя калейдоскопы, маленькія медвѣдье мальчнкія въ эстляндскомъ мехѣ — вотъ предметы, которые носили на выставкѣ искони вѣковъ, предметы, омаго которыхъ мы знаемъ какъ и всегда, снова и толкалось столько взрослыхъ, и которые приносили столько удовольствія дѣтямъ. Любуясь этими вѣчными атрибутами вербъ, маленькіе мужичны и крошечныя животныя приходили ривительно въ восторгъ отъ нѣкоторыхъ появившихся новшквъ; они восхищались болѣе или менѣе плохо-сдѣланными домиками, домиками московичъ Кремлемъ съ его пвановскою колокольнею, разбитымъ колоколомъ, царемъ-пушкою, и проч. и проч. и наконецъ, какою-то горюстою мѣстностью, обставленною домиками, у подножія которой былъ даже маленькій фонтанъ. Эти игрушки, сдѣланныя въ болышихъ размахъ, вмѣстѣ съ бюстами Раствели (которые теперь встрѣчаются на петербургскихъ улицахъ на каждомъ шагѣ), составляли характеристическія принадлежности нынѣшней вербной выставки.

Другимъ удовольствіемъ для дѣтей впродолженіе прошлаго мѣсяца былъ дѣтскій балъ, данный на шестой день Пасхи, въ Дюропскому Собранію, передъ болышимъ баломъ въ пользу добръ и славы вопль, умершихъ въ нынѣшнюю войну.

Оба бала, которые, впрочемъ, назывались только танцевальными вечерами, собрали значительную публику, и наблюдателю предстояло здѣсь удобство отъ разномысленныхъ группъ дѣтей переходить съ замъ

нимъ же группами взрослыхъ, и распускающіеся цвѣтныя челоуѣчества сравниваетъ съ цвѣтками — распустившимися, увядающими и — ужъ! даже увядшими. Если дѣти на балахъ — затянута, завистлиа, раздраженны, снабженныя цѣлыми коробами совѣтовъ и наставленій, какъ держать, вести себя, о чемъ говорить и даже о чемъ не говорить, однимъ словомъ: представляющіяся микрокосмами своихъ маменекъ — не совѣтъ дѣти, если они не могутъ здѣсь доставить того наслажденія зрителю, какое онъ испытываетъ, когда, въ кембриковыхъ платьицахъ и коломенковыхъ курточкахъ, они носятъ по аллеямъ своего дачнаго сада, то здѣсь наблюдатель можетъ довольствоваться наблюдениемъ того, какое влияние производятъ на дѣтей окружающее ихъ общество. Ребенокъ, какъ круглое зеркало, которое ставится въ садахъ и оранжереяхъ и въ которомъ отражается все окружающее, только въ маломъ видѣ. Манеры, разговоры, походка у одного ребенка отличаются резко отъ другаго, и, смотря на этихъ танцующихъ челоуѣчествъ, безъ труда угадаешь дѣвочку, у которой маменька любитъ нравиться, и еще не прочь немножко пококетничать; мальчика, живущаго попреимуществу въ обществѣ мужчинъ, посреди веселой молодежи, и другаго, который не дѣлаетъ шага безъ какой-нибудь сентиментальной гувериантки. Отъ манеръ и походки переходя къ качествамъ нравственнымъ, наблюдатель можетъ вывести заключеніе, какъ много нужно заботиться о первой обстановкѣ дѣтскаго возраста; а дѣлая подобныя наблюденія чаще-и-чаще, убѣдится можетъ-быть наконецъ, что воѣ случаи, въ которыхъ эта обстановка не имѣла вліянія на дѣтство, составляютъ не болѣе какъ исключенія. Наблюдатель на дѣтскомъ балѣ, дѣлая болѣе или менѣе-остроумныя заключенія, могъ бы подслушать, и очень-много интересныхъ разговоровъ. Онъ услышалъ бы, какъ кавалеръ въ сивенькой курточкѣ тщательно-выдѣлывающій на, спрашивалъ свою даму: «сколько ей дѣтъ», и какъ маленькая дама, въ розовомъ платьицѣ, видимо подражая кому-то въ танцахъ, несаясь въ полькѣ, обращается съ серьезнымъ вопросомъ къ своему кавалеру: «носить ли сестрица его длинныя или еще короткія платья?» Все это могъ бы замѣтить, увидѣть и услышать наблюдатель, еслибъ онъ не интересовался болѣе лотерею-аллегри, также разыгравшейся на этомъ вечерѣ. Въ противоположность бесплатному концерту, для входа на который нужно было покупать билеты на лотерею, здѣсь покупавшимъ билеты для входа на вечеръ раздавались бесплатныя (взрослымъ по два, дѣтямъ по одному) билеты аллегри. Домъ въ Итальянской, дача въ Павловскѣ, серебряныя сервизы, бронза, фарфоръ, часы, лампы, словомъ: двѣ тысячи вещей были къ услугамъ счастливецъ, купившихъ право для себя, или для дѣтей, потанцовать на благотворительномъ вечерѣ. Разыгрывъ лотерею начавшійся въ Пассажѣ, гдѣ покупавшіе билеты для входа получали право вынимать изъ колесъ билеты аллегри, выигрывать и на мѣстѣ же получать выигранную вещь, продолжался въ-теченіе танцевальныхъ вечеровъ въ залѣ Дворянскаго Собранія.

Въ послѣднее время аллегри сдѣлалось какою-то необходимою принадлежностью различныхъ благотворительныхъ празднествъ. Публика

привыкла къ этому, любить аллегри и оттого, вѣроятно, самый прощенья этого рода лотерей сдѣлался гораздо—проще. Припомните одну изъ самыхъ блистательныхъ лотерей—аллегри, разыгранную въ концѣ 1848 въ Дворянскомъ Собраніи, въ пользу Общества Посѣщенія Бѣдныхъ, а также и многія другія, послѣдовавшія съ легкой руки этой первой. Колеса стояли на особыхъ, обитыхъ краснымъ сукномъ, экстрадахъ, окруженныхъ барьерами, и члены Общества, по-большей-части извѣстные публикѣ то своими аристократическими фамиліями, то своими служебными заслугами, то какъ литераторы и журналисты, по четыре, по пяти человекъ находились у каждаго лотерейнаго колеса. Трудъ по раздачѣ билетовъ, приемъ денегъ и т. п. былъ раздѣленъ между этими лицами, которыя отличались отъ прочихъ гостей былыми кокардами въ петлицѣ фрака. Теперь аллегри идетъ совершенно—иначе. Гуляя по Невскому, напримѣръ, хоть передъ лотерею въ пользу Руководьни для взрослыхъ дѣвицъ, вы заходите въ зданіе Пассажа. Слабый свѣтъ, пробиваясь сквозь стеклянную кровлю, освѣщаетъ вѣчно—движущуюся, разноцвѣтную массу народа, освѣщаетъ дремлющихъ на лавочкахъ по стѣнамъ, недремлющую г-жу Гебгардтъ въ мѣдномъ чепчикѣ, съ ея театромъ марionетокъ и духовымъ ружьемъ, по пятачку за выстрѣлъ. Вы заходите въ одинъ изъ темныхъ магазиновъ этого прохода съ его непроходимыми неудачами, осматриваете вещи, назначенныя въ аллегри, берете билетъ на концертъ, или контрамарки на лотерею. Тутъ же, колесо фортуны. Вы предъявляете контрамарку; господинъ съ бородкой вертитъ и отворяетъ колесо; вы опускаете въ него руку и вынимаете: серебряный сервизъ, пляшущую куклу, или просто билетякъ съ понятною всѣмъ надписью «Благодаримъ», вмѣсто не всѣмъ понятной «аллегри». Господинъ, распорядившійся колесомъ, приподнимаетъ при этомъ свою шляпу и поздравляетъ васъ съ выигрышемъ, какъ называется онъ, и самое многозначительное «Благодаримъ», затѣмъ принимается за стоящій предъ нимъ стаканъ чаю, не думая по-видимому нисколько, что въ рукахъ его заключается счастье многихъ, быть-можетъ, въ видѣ серебряныхъ столовыхъ и чайныхъ сервизовъ, бронзы, танцующей куклы и проч. и проч.

Аллегри отвлекло насъ отъ дѣтей, а мы все—таки хотимъ говорить о дѣтяхъ. Кромѣ вербъ и бала, къ дѣтскимъ удовольствіямъ послѣдняго времени должно отнести и представленія въ балаганахъ, по обычаю, продолжавшіяся съ утра до вечера во время Святой Недѣли. Балаганныя представленія по своей яркости, топорности, только кажется и могутъ быть интересны для дѣтей и простолюдиновъ. Но балаганы посѣщаются не только дѣтьми и ихъ спутниками, не только людьми, вкусъ которыхъ можетъ оставаться въ подозрѣніи, но людьми одинокими и такими, которые, кажется, умѣютъ отличить изящное отъ триivialнаго. У многихъ балагановъ мы часто видимъ экипажи, изъ которыхъ не выходятъ и въ которые не входятъ вовсе дѣти. Какъ объяснить этотъ фактъ—пресыщеніемъ ли отъ всевозможныхъ удовольствій, минутнымъ ли капризомъ, странною ли слабостью, или существенною потребностью для иныхъ, переходить отъ одной край-

ности въ другую? У разныхъ людей разныя бываютъ тому и причины. Если у человека, истратившаго жизнь свою на всевозможныя удовольствія, привязанность къ жонглерамъ и акробатамъ можно объяснить пресыщеніемъ, то для какого-нибудь ученаго Бедля, такъ страстно-любившаго, наслажденія того же рода, начало этой страсти должно искать въ потребности развлеченія чѣмъ-нибудь рѣзко противоположнымъ его ученымъ трудамъ.

Какъ бы то ни было, но охотниковъ до балагановъ и ихъ устроенныхъ зрѣлищъ всегда довольно, и знаменитые профессоры натуральной магіи, акробатики, эквилибристики и т. п., обыкновенно вѣщаютъ свое поприще въ театрахъ—циркахъ, оканчиваютъ его на Адмиралтейской Площади. Такъ началъ и кончилъ профессоръ Беккеръ Рапо и тому же примѣру послѣдовалъ профессоръ изъ Америки г. Разими. Показавъ свое искусство эквилибристики въ циркѣ, члены труппы профессора Разими то же самое дѣлали и въ балаганѣ, присоединивъ къ этому еще пантомиму, представляющую переходъ русскихъ черезъ Дунай. Г. Рапо обставилъ своимъ эквилибрическія и геркулесовскія упражненія пантомимною: «Слава Русскихъ въ 1854 году». Пантомима эта, поставленная не безъ роскоши, оканчивалась картиною торжества русскихъ надъ турками — картиною, какъ все патріотическое, возбуждающею восторгъ зрителей. Всеобщая воинственная настроенность, отражаясь во всѣхъ почти проявленіяхъ общественной жизни, отразилась даже и здѣсь. Въ балаганѣ Споззи представлялся переходъ русскихъ черезъ Дунай, въ балаганѣ Самонсона—взятіе крѣпости у Сомова Гирла, у Легата — картина синопскаго сраженія, и даже почтенный г. Шульцъ, который показывалъ свои восковыя фигуры и на сухомъ пути и на водахъ (искусственныхъ и натуральныхъ), пересадилъ своихъ нѣкогда испанцевъ, а вѣтомъ черкесовъ — въ турокъ и составилъ группу, изображающую «взятіе красной пушки».

Погода на Святой Недѣль стояла прекрасная и неужно прибавлять, что у балагановъ, какъ всегда, было народу множество, а по площади тянулись длинныя ряды экипажей. Въ-особенности много гуляющихъ было въ послѣдніе дни праздникова, когда увеличались и самыя ряды экипажей, отъ присоединенія къ нимъ придворныхъ каретъ, въ которыхъ, какъ обыкновенно, катались воспитанницы женскихъ казенныхъ учебныхъ заведеній. Свѣженькія, розовенькія личики, выглядывающія изъ оконъ блестящихъ, запряженныхъ прекрасными четвернями, каретъ, вѣроятно, переносили многихъ зрительницъ къ счастливой жизни подъ кровомъ институтовъ. Быть-можетъ, не одна изъ дамъ, стоявшихъ по краямъ великолѣпнаго поѣзда, то подругу съ своимъ супругомъ, то окруженная дѣтми въ разнокалиберныхъ шапкахъ, вздохнула не разъ о томъ времени, когда и она пользовалась этимъ кровомъ и безъ заботъ и тревогъ проводила время счастливой юности.

Говоря о дѣтяхъ и различныхъ дѣтскихъ наслажденіяхъ, должно сказать и объ удовольствіи, которое предлагаетъ одинъ опытный преподаватель французскаго языка въ пользу этого возраста.

Озабочиваясь о дѣтяхъ, воспитывающихся въ общественныхъ заведеніяхъ и неимѣющихъ въ столицѣ ни родителей, ни родственниковъ, опытный преподаватель предлагаетъ замѣнить для нихъ и тѣхъ другихъ. Онъ напечаталъ въ газетахъ объявленіе, въ которомъ предлагаетъ брать дѣтей къ себѣ по праздникамъ и, доставляя имъ различныя удовольствія, въ то же время станетъ практиковать ихъ во французскомъ языкѣ. Мы упомянули объ этомъ интересномъ объявленіи, какъ о совершенной новости, которая можетъ подтвердить множество русскихъ болѣе или менѣе-выразительныхъ пословицъ о вымкахъ.

Еслибы кто-нибудь поручилъ опытному преподавателю свое чадо прошлые праздники, то, нѣтъ никакого сомнѣнія, онъ, какъ французъ и, слѣдовательно, страстный охотникъ до мелодрамъ, свелъ бы премънно своего питомца въ Михайловскій Театръ посмотреть новую мелодраму *Marie Rose*, которую открылся сезонъ французскихъ спектаклей.

«*Marie Rose*» служить лучшимъ доказательствомъ, какъ превосходные труппы могутъ много сдѣлать изъ самой ничтожной вещи. Эта пьеса стряпана двумя извѣстными поставщиками парижскихъ театровъ: Анисе-Буржуа и Мишелемъ Массономъ. Произведенія этихъ двухъ горювъ, сработавшихъ на своемъ вѣку цѣлую бездну страшѣйшихъ мелодрамъ, по основной мысли очень-похожи на опыты акробатики, по своимъ подробностямъ—на опыты натуральной магіи. Акробатика, какъ извѣстно, есть искусство, ставящее людей въ самыя неестественныя положенія, на самыя неестественныя основанія, и мелодрамы ужъ названныхъ нами писателей вполне удовлетворяютъ этимъ требованіямъ. Натуральная магія учитъ увѣрять людей въ существованіиго, чего нѣтъ и быть не можетъ на самомъ дѣлѣ; а развѣ бываетъ, живши что-нибудь подобное представляемому въ мелодрамѣ? Намъ, думаете вы, основали гг. Буржуа и Массонъ новое свое произведеніе?

На томъ, что мужъ подозреваетъ въ невѣрности свою жену, на которой писались любовныя письма къ ея крестной матери.

Основа, какъ видите, стоящая горлышка графина, на которомъ ловою становится ловкій эквилибристъ. Что же касается до самаго держанія, хода подробностей пьесы, то все это напоминаетъ множество хитростей великаго искусства, учащаго, напримѣръ, какъ представлять людей безголовыми, какъ отрѣзать одному изъ публики носъ, не причиняя ему боли, или изъ бутылки съ чернилами прыскать душистыми цвѣтами и т. п. Мы бы готовы были рассказать вамъ во всѣхъ тонкостяхъ новое произведеніе гг. Буржуа и Массона, если бы не щадили, читатель, какъ васъ, такъ и самихъ себя. На сценѣ пьеса идетъ хорошо, благодаря прекрасной игрѣ артистовъ, сама-по-себѣ она чрезвычайно-скучна. Нѣтъ, что хотите говорить, а французы неспособны къ серьезному въ драмѣ. Водвили имъ милы, забавны, граціозны; комедіи живы, интересны, остроумны; трагедія ихъ—на ходуляхъ, а драма—какая-то пестрая цыганка, которой отъ наряда до каждаго движенія все переутрировано, пе-

решено, и во всемъ видно одно только желаніе выманить лишній франкъ у бульварныхъ антрепренёровъ. Названная нами драма и въ сколько водевилей, данныхъ въ бенефисъ г. Верне, могутъ служить новымъ тому доказательствомъ. Содержаніе послѣднихъ пьесъ несомнительно, неново, пожалуй, но самыя пьесы, живыя и милыя, смотрятся съ удовольствіемъ.

Маленькая комедія-водевиль Деннери и Лемуана, *Le Poltron*, основана на трусости молодого человѣка, учителя пѣнія, Мелинэ. Мелинэ въ жизни своей терпѣлъ всевозможныя оскорбленія, во всякое время у него неоставало храбрости отплатить за нанесенныя ему обиды. Къ этой несчастной слабости учителя примѣшивается другая — любовь къ дочери Бельтуа, національнаго гвардейца. Хвалитъ свою храбростью, не однажды доказанною на опытѣ, и требуетъ отъ другихъ этого качества, Бельтуа, конечно, не хочетъ выдать дочь свою за трусиху Мелинэ. Перешагнуть этотъ камень преткновеній къ счастью, преклонить непреклонную волю отца въ свою пользу для молодого пѣвца можно только однимъ средствомъ — доказательствомъ своей храбрости. Исполнить это очень-нетрудно: нѣкто Лорентенъ, желающій тоже приобрести почетное имя храбрнца, предлагаетъ ему устроить фальшивую дуэль, въ которой ловкій секундантъ, его другъ и великій мастеръ подтасовывать карты, выводитъ изъ пистолетовъ положенныя въ нихъ пули; но Мелинэ не рѣшается даже и на этотъ подвигъ. Колебаніе между любовью, требующей храбрости и, врожденною непобѣдимою трусостью даетъ поводъ къ нѣсколькимъ весьма-забавнымъ сценамъ. Но судьба, постоянно благосклонная въ водевилемъ героямъ, помогаетъ и Мелинэ. Принимая нѣкоторую жертву Бахусу, онъ успѣваетъ выказать свою храбрость, а затѣмъ получить и руку любимой имъ Аманды. Роль труса игралъ въ первый разъ братъ бенефицианта, бывший артистъ Московскаго Французскаго Театра, Ж. Верне и былъ въ ней очень-хорошъ. Талантъ дебютанта, сколько можно судить по первому разу, нисколько большое сходство съ талантомъ его брата. Въ игрѣ его много веселости, живости и неподдѣльнаго комизма, и всѣ эти качества доставили ему полный успѣхъ у нашей публики.

Вмѣстѣ съ комедіей «*Poltron*» шелъ забавный водевиль Клерини. *Le troisième mari*, заимствованный имъ изъ извѣстной пѣсни Баррише, которая начинается такъ:

Malheureuse avec deux maris,
 Au troisième enfin je commande,
 Jean est grandeur, mais je m'en ris;
 Il est tout petit, je suis grande.

Хорошенькая молоденькая вдовушка-крестьянка, испытать много неприятностей отъ двухъ своихъ мужей, овдовѣвъ во второй разъ, третьимъ мужемъ избираетъ себѣ смирнаго и «легматическаго». На этомъ третьемъ мужѣ она рѣшается разойти выказать всѣ свои права, которыя ей приходилось скрывать предъ двумя покойными. Еще только идетъ третій день со времени женитьбы Жана на хорошенькой вдо-

нѣкъ, а онъ подвергается ужъ разнообразнымъ ея преслѣдованіямъ. Могъ бы можетъ—быть ему пришлось оставаться въ такомъ положеніи, еслибъ случай не облегчилъ его горькой участи. Въ числѣ обожателей его жены (а у какой хорошенькой женщины нѣтъ обожателей, кромѣ тѣхъ, которые предлагаютъ ей свою руку?), есть нѣкто андрѣ, прежде жившій въ одномъ съ нею мѣстечкѣ, потомъ перенявшій мирное село на шумный Парижъ. Вкусивъ въ столицѣ различныя наслажденія, проживъ состояніе и въ замѣнъ того пріобрѣтѣ бѣдность и модный костюмъ, Леандръ, для поправленія своихъ обстоятельствъ, хочетъ жениться на предметѣ своей страсти. Увѣдоивъ ее о такомъ желаніи письмомъ, онъ скоро является и самъ къ роковой супругѣ третьяго мужа. Но, заставляя трепетать бѣднаго ана, супруга эта тѣмъ не менѣе опасается навѣчь на себя даже слѣдующее подозрѣніе въ невѣрности, и услышавъ, что у дверей стучитъ мужъ, не знаетъ, что дѣлать съ своимъ столичнымъ гостемъ. Вѣроятно, тотъ самъ находится въ этомъ затрудненіи и, не думая, бѣжитъ въ печь. Но модная шляпа, забытая на столѣ, возбуждаетъ подозрѣнія Жана. Онъ ревнуетъ, сердится, съ досады пьетъ вино и обозначаетъ съ служанкой. Этого мало. Несмотря на ничтожество своихъ правъ, новобрачный позволяетъ себѣ смѣлость требовать, чтобы стосили печь, когда въ комнатѣ холодно. Такое требованіе приводитъ уже къ открытію въ печи молодаго человѣка, а за открытіемъ слѣдуетъ ссора между супругами. Ссора оканчивается однако совершенно—благополучно и для воюющихъ сторонъ и для несчастнаго Леандра, плечамъ котораго Жакъ угрожалъ ужъ своими кулаками. Пребываніе въ печи молодаго человѣка, о которомъ Жанъ зналъ какъ о претендентѣ на руку своей супруги, а вмѣстѣ и ревность даютъ мужу право на уступки со стороны жены и прекращаютъ ея месть за двухъ мужей, ея нелюбившихъ. Госпожа Милла прекрасно исполнила роль хорошенькой, мстящей жены, а г. Верне былъ чрезвычайно-забавенъ въ роли Жана; особенно въ сценѣ, когда, не видавъ еще Леандра въ печи, онъ находитъ какой-то черный блинъ, который, при малѣйшемъ прикосновеніи, превращается въ шляпу; также, въ минуту колебанія, что поднести въ подарокъ своей молодой женѣ: живой ли розанъ, или сырую котлетку...

Кромѣ этихъ пьесъ, въ бенефисъ г. Верне шла премиленькая комедія-водевилъ: *L'article 213, ou le mari doit protection...* и смѣшной фарсъ *Les rêveries renouvelles des Grecs*, гдѣ г. Лемениль является въ цѣпяхъ, а г. Тетаръ — въ вѣнкѣ изъ розъ на головѣ...

Эти пьесы составляли первый бенефисъ на французской сценѣ въ нынѣшнемъ сезонѣ, бенефисъ одного изъ любимѣйшихъ драматическихъ артистовъ, но публики собралось на него неслишкомъ-много. Причины тому ясны. Въ настоящее время, только то и можетъ имѣть успѣхъ въ искусствѣ, что говоритъ нашему патріотическому чувству и публика находитъ много удовольствія въ пьесахъ, воспрещавшихъ передъ нею событія, дорогія сердцу русскаго человѣка, какъ, на примѣръ, *Русскій мужичокъ и французскіе мародеры*, эпизодъ изъ войны 1812 года.

«Русскій мумиѣкъ», большая комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе Н. Куликова, а музыка для нея написана А. Ф. Львовымъ. Эта пьеса, вмѣстѣ съ «Водушными Замками», была дана въ бенефисъ Г. О. Петрова. Написанная, если не ошибаемся, уже довольно-давно, она появилась теперь на сценѣ, какъ вещь—болѣе кстати.

Эпоха, избранная для содержанія, музыкальными достоинствами оперы и настоящее время придали «Русскому мумиѣку» много интереса и доставили ему заслуженный успѣхъ. Послѣ увертюры, которой уже отдана была не разъ должная дань похвалы, такъ-какъ она была исполнена прежде въ нѣкоторыхъ концертахъ, подъ названіемъ увертюры изъ оперы «Староста», зритель переносится въ Москву, въ домъ Алексѣя Дмитриевича Матвѣева, чиновника, состоящаго при главнокомандующемъ. Дѣйствіе происходитъ наканунѣ вступленія въ столицу Наполеона. Во дворѣ у Матвѣева большая суматоха: изъ везы ссыпаютъ мебель, связываютъ узлы съ разными пожитками. Хоръ слугъ, служанокъ, крестьянъ и дворни прощается съ блококаменною, изъ которой они удаляются вмѣстѣ съ господами, сваясь отъ непріятеля. Анна Васильевна, супруга Матвѣева, съ двумя маленькими дѣтьми совершенно готова въ дорогу и ждетъ только своего мужа. Всѣ въ волненіи, всѣ въ безпокойствѣ и только утѣшительницей, изъ нѣмцевъ, Квонъ, отказываясь ѣхать въ деревню съ господами, заботится, какъ-бы на прощаньи, повользоваться наиболѣе-цѣнными вещами. Но посреди общего горя и печали, которые слышатся въ хорѣ прислуги и арии Анны Васильевны, раздаются надежды, голоса старика Абрама Борисовича, деревенскаго старосты. Онъ ожидаетъ лучшаго въ будущемъ, утѣшаетъ барыню, поддерживаетъ прислугу и его арія, оканчивающаяся словами:

Минетъ грозное ненастье
Снова солнышко взойдетъ,

какъ свѣтлый лучъ солнца между темными тучами, чѣмъ-то успокоительнымъ звучитъ посреди общей тоски. Между-тѣмъ является самъ Матвѣевъ. Дѣла удерживаютъ его еще на нѣсколько часовъ въ городѣ, и онъ, благословивъ дѣтей, отпускаетъ семейство въ дорогу безъ себя, въ-сопровожденіи дворни. Но едва жена и дѣти уѣзжаютъ, какъ оназывается причина, по которой Алексѣй Дмитриевичъ не уѣхалъ вмѣстѣ съ ними. Онъ рѣшился вступить въ отрядъ партизановъ, и скоро этотъ отрядъ съ начальникомъ своимъ, Зарубаевинымъ, является къ нему въ домъ. Хоръ партизановъ, полный удали, которая волнуетъ сердца этихъ смѣльчаковъ, заканчиваетъ первое дѣйствіе. Кромѣ перваго и послѣдняго хора, кромѣ арии старосты, очень понравилась намъ арія самого Матвѣева, когда онъ благословляетъ отъѣзжающихъ своихъ дѣтей.

Во второмъ дѣйствіи мы застаемъ семейство Матвѣева и дворню въ лѣсу, гдѣ они скрываются отъ непріятеля. Убѣдише ихъ, помыслимому, довольно-безопасно: лѣсъ глухъ и дорогу въ немъ можно отыскать только знакомой съ мѣстностью. Такъ думаютъ и крестья-

то, такъ думаетъ и самъ Матвѣевъ, явившійся сюда съ отрядомъ и отиравшійся на дальнѣйшіе поиски непріятеля; но общія ожиданія не сбываются. Бывшій управляющій Кнопеъ, какъ летучая мышь въ баснѣ, переходившая во время войны птицъ съ животными, съ одной стороны на другую, смотря потому, которая сторона была сильнѣе, облагодѣтельствованный въ Россіи, перешелъ на сторону ея враговъ и привелъ мародеровъ прямо къ убійству Матвѣева. Увидя приближающихся французовъ, крестьяне схватились—было за топоры и дубины, но староста, снѣкнувъ, что силою здѣсь одѣлать ничего не удастся, удержалъ ихъ порывъ. Онъ спряталъ въ надежное мѣсто барыню и дѣтей и съ покорностью принялъ непріятеля; онъ выдалъ имъ всѣ сокровища, о которыхъ особенно заботился Кнопеъ, предоставилъ въ полное ихъ распоряженіе вино и кушанье. Староста дѣлаетъ это не просто: онъ знаетъ, что Матвѣевъ съ отрядомъ партизановъ недалеко и, задобрив непріятеля, посылаетъ между-тѣмъ къ своему барину. Утоливъ голодь, волупылые мародеры вдругъ открываютъ убійще семейства Матвѣева. Аннѣ Васильевнѣ и дѣтямъ угрожаетъ опасность, но являются партизаны. Вмѣстѣ съ дворникомъ, мигомъ вооружившись чѣмъ поало, они бросаются на французовъ и разбиваютъ ихъ наголову. Это дѣйствіе, представляющее нѣсколько удачныхъ эпизодовъ, какъ напримѣръ тотъ, въ которомъ дворецкій Семенычъ, спасающій барское добро, убивъ четырехъ французовъ, страшно сокрушается объ этомъ невольномъ злодѣяннѣ, идетъ съ большимъ оживленіемъ.

Третье дѣйствіе происходитъ въ саратовской деревнѣ Матвѣева въ 1813 году. Мы встрѣчаемся здѣсь съ тѣми же лицами, которыхъ видѣли въ первыхъ двухъ актахъ, но при совершенно уже другихъ обстоятельствахъ. Враги изгнаны изъ Россіи. Общее волненіе, печаль иныолами и французскіе мародеры, недавно еще нападавшіе на крестьянъ Матвѣева въ лѣсу, какъ военнопленные, находятъ пріютъ и радушіе у тѣхъ же самыхъ мужичковъ. Забывать обиды и прощать враговъ—характеристическая черта русскаго народа, просвѣчивающая такъ же ясно въ поступкахъ цѣлой Россіи, какъ и каждаго изъ ея сыновъ, трогаетъ самихъ французовъ, и одинъ изъ нихъ, въ пылу благодарности, цѣлуетъ старосту. Къ общей радости присоединяется радость крестьянской дѣвушки Параша, женихъ которой, считавшійся убитымъ, возвращается въ деревню. И восреди этого всеобщаго спокойствія и веселья снова слышится знакомый голосъ Абрама, напоминающій, что

Прошло грозное ненастье,
Снова солнышко взошло.

Вотъ событіе, послужившее сюжетомъ для новой оперы. Если содржаніе ея и небогато, то этотъ недостатокъ выкупается интересомъ избранной эпохи и многими отдѣльными эпизодами. Дѣйствіе въ оперѣ идетъ живо и разговоры очень-удачно перемѣшаны съ музыкальными нумерами. Обращаясь собственно къ музыкальной части оперы, мы хотя бы и могли начать съ того, что названіе большой

комической оперы вѣсколько пышно для «Русскаго мужичка», пьесы, которую бы гораздо вѣрнѣе назвать опереткою, или просто оперою; но такъ—какъ дѣло не въ названіи, а въ достоинствахъ произведенія, то и обращаемся прямо къ нимъ. Кромѣ увертюры, въ которой особенно хорошо аллеgro, кромѣ указанныхъ уже номеровъ перваго акта, во второмъ, намъ очень понравился хоръ молящихся крестьянъ и крестьянокъ, и другой, выражающій смятеніе женщинъ при вѣсти о приближеніи французовъ, отъ котораго такъ рельефно отдѣляется спокойный а parte старосты, посылающаго своего сына за бариницею. Этотъ хоръ производитъ впечатлѣніе на зрителя, а исполненное речѣ его трио г-на и г-жи Матвѣевыхъ и начальника партизановъ, дуемаемъ мы, можетъ считаться лучшимъ мѣстомъ въ оперѣ. Въ третьемъ актѣ хороша послѣдняя арія старосты.

Оркестровка оперы обличаетъ въ композиторѣ мастера своего дѣла: при этомъ нельзя не поблагодарить его за то, что асканды, трюбоны и т. п. инструменты, отъ которыхъ нѣтъ спасенья въ новыхъ операхъ, употреблены имъ очень—умѣренно. Еслибъ слѣдовать старому обычаю, то, указавъ на лучшія мѣста пьесы, намъ бы должно было отыскать въ ней и различные недостатки; но мы измѣнили этому порядку. Мы съ такимъ интересомъ и удовольствіемъ слушали и смотрѣли «Русскаго Мужичка», что, передавая о немъ извѣстіе, не хотимъ портить нашего отчета какими—нибудь мелкими придирками къ блѣдности, или отсутствію оригинальности тѣхъ или другихъ мѣстъ оперы. Нѣкоторые номера возбудили рукоплесканія, другіе были повторены; послѣ втораго акта былъ вызванъ авторъ (но въ театрѣ его не было), а все это доказываетъ, что опера понравилась и имѣла успѣхъ.

Исполненіе было довольно—удачно; въ немъ принимали участіе артисты и оперные и драматическіе. Первая роль и по созданію и по исполненію, безъ—сомнѣнія, роль старосты, которую игралъ самъ бенефициантъ. Партія Матвѣева очень шла къ нѣжному и симпатичному голосу г. Булакова.

Изъ прочихъ артистовъ, участвовавшихъ въ пьесѣ, должно упомянуть о гг. Марковецкомъ и Зубровѣ, которые были очень—хороши въ маленькихъ роляхъ: первый — камердинера, а второй — дворецкаго Матвѣевыхъ.

Патріотизмъ и воинственный энтузіазмъ, проявляющійся на каждомъ шагѣ въ нашей современной жизни, проявлялся и въ самыхъ концертахъ. Такъ, въ концертѣ Филармоническаго Общества въ пользу реченныхъ въ настоящей войнѣ, между—прочимъ, исполнялась патріотическая кантата и военная пѣснь сочиненія А. Н. Майкова; въ концертѣ г-жи де Лагранжъ (по мужѣ г-жа Станковичъ), знаменитая артистка пропѣла «гимнъ Православныхъ» соч. своего супруга (нашего земляка); въ концертѣ въ пользу инвалидовъ былъ исполненъ «гимнъ Царю», составленный изъ двухъ стихотвореній Мерзлякова и Граматина, пѣтый еще въ 1807 году, и наконецъ, на послѣднемъ музыкальномъ вечерѣ Благороднаго Собранія, русскій пѣвецъ О. Петровъ пропѣлъ переложенные на ноты, полные русскаго юмора, стихи:

«Всѣ въ воинственномъ азартѣ воевода Пальмерстонъ», и проч. — Всѣ эти патриотическія пьесы производили восторгъ необыкновенный. Никто, казалось, и замѣтить не хотѣлъ что, напрямѣръ, музыка послѣдней пьесы, сочиненная итальянцемъ г. Бавери, далеко не такъ удачна, какъ самыя слова; всѣ аплодировали, и требовали повторенія. Смотри на все это, невольно приходишь къ тому заключенію, что въ настоящее время въ литературѣ, въ искусствахъ успѣхъ могутъ имѣть только тѣ произведенія, которыя выражаютъ общія теперь всѣмъ чувства. Все другое, какими бы достоинствами оно ни отличалось, пройдетъ тихо, едва-замѣтно и во всякомъ случаѣ не будетъ имѣть того успѣха, которымъ бы пользовалось во всякое другое время.

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы говорили уже о концертахъ, и изъ извѣстныхъ артистовъ, появившихся послѣ того передъ петербургскою публикою, должно упомянуть только о г. Аполлинаріи Контскомъ, возвратившемся изъ своего путешествія по Россіи. Г. Контскій давалъ концертъ на третій день праздника, вмѣстѣ съ извѣстнымъ виолончелистомъ К. Шубертомъ, и концертъ двухъ такихъ извѣстныхъ артистовъ собралъ въ театрѣ значительное число слушателей. Г. Шубертъ также, какъ и Контскій, былъ встрѣченъ аплодисментами, которые повторялись по окончаніи каждой пьесы. Въ числѣ прочихъ нумеровъ, между которыми были и новыя произведенія Контскаго, онъ сыгралъ давно-извѣстный публикѣ «cascade». Если на литературу нападаютъ многіе за дагерротипическое воспроизведеніе его дѣйствительности, то что сказать о музыкѣ, которая хочетъ дагерротипически воспроизводить звуки тѣхъ или другихъ явленій природы? Начиная съ того, что подобное стремленіе, требуя большихъ трудовъ и усилий, никогда не увѣнчивается успѣхомъ, оно въ то же время — неспорное отступленіе отъ музыкальнаго искусства. Такъ «каскадъ» г. Контскаго очень-мало напоминаетъ журчанье, шумъ и всплески каскада натурального, и въ то же время эта пьеса, переходя за предѣлы музыки, перестаетъ быть музыкою.

Въ концертѣ гг. Контскаго и Шуберта въ первый разъ, если не ошибаемся, игралъ передъ публикою молодой пьянистъ г. Кюндингеръ. Въ игрѣ г. Кюндингера много изящества, нѣжности и чистоты; тушь его чрезвычайно-пріятенъ. Встрѣчая артистовъ малозвѣстныхъ въ концертахъ, даваемыхъ талантами, уже составившими себѣ репутацію, мы радуемся какъ за тѣхъ, такъ и за другихъ. Съ одной стороны, публика скорѣе обратитъ вниманіе на талантъ, неимѣющій еще извѣстности, когда онъ, какъ-бы рекомендуемый артистомъ, пользующимся ея любовью, явится въ концертѣ послѣдняго; съ другой стороны, чрезвычайно-пріятно видѣть, какъ артисты, приобрѣтшіе уже большую извѣстность, служатъ меньшимъ своимъ братьямъ по искусству; потому-что гдѣ же и искать подобныхъ услугъ, какъ не въ мирѣ артистическомъ? Отдавая справедливость г. Контскому, какъ музыканту-исполнителю, сожалѣя, что онъ тратитъ свой талантъ на различныя водяныя (въ родѣ «Каскада») немзыкальныя пьесы, мы въ то же время не можемъ не сказать о немъ двухъ словъ, какъ объ артистѣ и человѣкѣ вмѣстѣ.

Г. Контскій никогда почти не отказывается отъ участія въ благотворительныхъ концертахъ и видимо старается оказывать услуги своимъ маленькимъ братьямъ, чему мы сами были однажды свидетелями.

Въ одинъ маленький городокъ, въ который въ известное время года съѣзжается довольно публики, въ надеждѣ на хороший сборъ пріѣхали два молодые музыканта, намѣревавшіеся дать концертъ. Концертъ назначенъ; къ почетнымъ лицамъ афиши разосланы на домъ; для менѣе-почетныхъ разложены въ магазинахъ и, по мѣстному обычаю, приклеены на городскихъ перекресткахъ. Настаетъ объявленный день и часъ концерта; но, по хорошей ли погодѣ (дѣло было лѣтомъ и всѣ уѣхали за городъ), или по другимъ причинамъ, въ концертной залѣ оказывается только господинъ въ черномомъ сюртукѣ; у дверей, для приѣма билетовъ, господинъ, читавшій корректуру концертной афиши — иными словами: корректеръ губернской типографіи, и еще пять человекъ публики, изъ числа которыхъ были двѣ дамы. Проходитъ четверть часа, полчаса, три четверти часа — а население залы не увеличивается и одинокая брѣчка вопрежнему сиротствуетъ у подъѣзда дома Собранія. Что происходило въ это время въ комнатахъ, прилежащей къ концертной залѣ — сказать также легко, какъ и трудно; оттуда наконецъ вышелъ какой-то господинъ и объявилъ присутствующимъ, что, по болѣзни одного изъ участвующихъ въ концертѣ, концертъ этотъ отлагается. Можетъ-быть, въ другой разъ молодые артисты и имѣли бы большую удачу, еслибъ въ городъ не пріѣхалъ г. А. Контскій. Известность этого артиста, нечуждая и прежде маленькаго городка, и еще болѣе распространенная передъ его пріѣздомъ брошюрами, портретами и афишами, поглотила всеобщее вниманіе. Талантамъ незнакомымъ нечего было и думать о какомъ-нибудь успѣхѣ и оставалось одно: возвратиться съ опустѣвшими отъ расходовъ по переезду кошельками, въ мѣсто ихъ постоянного пребыванія. Слухъ о неудачѣ музыкантовъ доходитъ до Контскаго, и невинный виновникъ ихъ несбывшихся (а быть можетъ, и невозможныхъ сбыться) надеждъ рѣшается поправить дѣло. Онъ знакомится съ молодыми артистами, приглашаетъ ихъ участвовать въ своемъ концертѣ и, предложивъ имъ за то вознагражденіе, вмѣстѣ съ тѣмъ беретъ на свой счетъ всѣ издержки, которыя были ими сдѣланы на пребываніе въ неопытвшемъ ихъ городкѣ... Этотъ поступокъ получить еще большее значеніе, если мы скажемъ, что хотя самъ г. Контскій и имѣлъ въ этомъ городѣ большой успѣхъ, но такъ-какъ городокъ очень-небольшой и концертными цѣнами назначаются въ немъ самыя ничтожныя, то едва-ли матеріальныя послѣдствія этого успѣха покрыли собственные расходы известнаго артиста.

Участіе почти всѣхъ известныхъ петербургскихъ любителей пѣнія и музыки въ благотворительныхъ концертахъ послѣдняго времени заставляло многихъ дамъ сожалѣть о томъ, что онѣ, въ свою очередь, не могутъ принести своимъ талантомъ посильную лепту на общую пользу. Но одна и та же цѣль можетъ достигаться различными путями, и вотъ въ настоящее время всѣмъ женщинамъ столицы пред-

стается случай, по иврѣ силъ и способовъ своихъ, принести жертву для общаго дѣла. Нѣкоторые изъ дамъ высшаго общества, желая принять участіе въ недостаточныхъ семействахъ лицъ военнаго сословія, находившихся въ Петербургѣ и Прибалтійскомъ Краѣ, возымѣли мысль обратиться къ женщинамъ Санктпетербурга и Санктпетербургской Губерніи всѣхъ сословій и состояній, приглашая ихъ къ денежнымъ пожертвованіямъ въ пользу этихъ семействъ. Слѣдствіемъ этой мысли было образование, съ Высочайшаго соизволенія, изъ нѣсколькихъ дамъ столицы временнаго комитета для принятія и распредѣленія пожертвованій. Кромѣ книгъ, у каждаго изъ членовъ комитета, для записки пожертвованій, у многихъ аристократическихъ домовъ (мѣстъ жительства членовъ комитета) выставлены кружки съ цѣлью облегчить доставленіе пожертвованій. Увѣдомивъ публичку объ открытіи своихъ дѣйствій и объявивъ, что пожертвованія будутъ приниматься отъ одной копейки и болѣе, по состоянію и желанію каждаго, и о пожертвованныхъ суммахъ и сдѣланныхъ изъ нихъ пособіяхъ будетъ постоянно объявляемо въ вѣдомостяхъ, комитетъ выражаетъ при этомъ надежду, что его истинно-патріотическое дѣло найдетъ полное сочувствіе въ женщинахъ всѣхъ сословій.

Мы думаемъ, что такія надежды и ожиданія комитета сбудутся непремѣнно. Настоящія военныя событія находятъ повсюду столько живаго сочувствія, что и женщины, въ которыхъ всегда много теплаго участія къ судьбѣ ближняго, безъ сомнѣнія, охотно принесутъ свои посильныя жертвы на помощь семействамъ тѣхъ, которые жертвуютъ жизнью за честь и славу родины. Но заботясь о соотечественникахъ, Петербургъ не забываетъ и бѣдныхъ иностранцевъ. На ряду съ открытіемъ Дамскаго Комитета, на ряду съ благотворительными концертами, въ Петербургѣ 25 числа разыгрывалась лотерея-томбола въ пользу бѣдныхъ французовъ и нѣмцевъ, находящихся на попеченіи французскаго и нѣмецкаго благотворительныхъ обществъ. Если многихъ, взявшихъ билеты въ эту лотерею, и привлекли къ тому значительные выигрыши, то самое существованіе ея въ настоящее время какъ-въальза-лучше обрисовываетъ характеръ Россіи, всегда и во всемъ великодушный.

Кромѣ этой лотереи, кромѣ многихъ другихъ, о которыхъ мы уже говорили, недавно объявлено о лотерей Общества Поощренія Художниковъ.

Общество это, составившееся въ 1824 году, по мысли тайнаго совѣтника П. А. Кикина, и находящееся подъ покровительствомъ Государя Императора, имѣетъ цѣлью содѣйствовать усилѣнію изящныхъ искусствъ въ Россіи. Поощряя труды русскихъ художниковъ, держа на свой счетъ пансіонеровъ въ Академіи, доставляя средства молодымъ талантамъ дѣлать артистическія путешествія, Общество въ первые двадцать-пять лѣтъ своего существованія истратило на эти предметы до 250,000 рублей серебромъ. Для доказательства, что труды и издержки Общества не остались напрасными, стоить сказать только, что, въ числѣ многихъ художниковъ, обязанныхъ ему своимъ усилѣніемъ, находится и нашъ знаменитый К. П. Брюловъ,

Это—то Общество, члены котораго вносят ежегодно известную сумму, для увеличенія средств своей полезной дѣятельности, нацѣлено нынче разыграть лотерею картинъ русскихъ художниковъ. Картины эти по—большой—части известны публикѣ по выставкамъ Академии Художествъ. Въ числѣ ихъ есть и копии съ великихъ художниковъ и оригинальныя произведенія русскихъ живописцевъ, какъ, напримеръ: «Морскіе виды» — г. Боголюбова, «Деревенскій дѣточка, пишущій письмо крестьянской дѣвухкѣ» — г. Баскакова, и многи другия.

Лотерея эта можетъ считаться безпронгрешною, такъ—какъ выигравшій получаетъ по своему выбору гравюры и литографіи, которыя, во всякомъ случаѣ, вознаградятъ его за лотерейный билетъ и за доброе желаніе — служить русскому искусству.

Кстати о картинахъ. Число гравюръ и литографій, изображающихъ подвиги русскихъ войскъ въ настоящую турецкую войну, увеличивается чрезвычайно—быстро. На—дняхъ во всѣхъ эстампныхъ магазинахъ, вмѣстѣ съ картинами, о которыхъ мы ужъ говорили въ прошломъ мѣсяцѣ, были выставлены другія, изображающія сраженіе при Баш—кадыкларѣ 13 ноября 1853 года, подвиги майора Солмогуба, подпоручика Путаты, унтер—офицера Сюзника и друг. Майоръ Солмогубъ представленъ въ ту минуту, когда, за раною знаменщика, онъ самъ, схвативъ знамя, идетъ съ нимъ прямо на непріятеля впереди своей команды. Другая картина изображаетъ прапорщика Якутскаго пѣхотнаго полка, который, получивъ, въ дѣлѣ при Ольтеницѣ, рану въ ногу, не хотѣлъ отстать отъ строя, и, опираясь на ружье, шелъ до—тѣхъ—поръ, пока не упалъ за—мертво. Третья напоминаетъ о храбростъ знаменщикѣ Селенгинскаго полка Сюзникѣ, который, изнемогая отъ ранъ, не хотѣлъ никому передать знамя. Всѣ эти картины, по изображеннымъ на нихъ подвигамъ, очень—трогательны и возбуждаютъ похвалы и удивленіе въ постоянно—стоящихъ передъ ними толпахъ.

Турецкая война, увеличивающая славу русскаго оружія, увеличила недавно и богатство Императорской Публичной Библиотеки. Всѣ бумаги походной канцеляріи Али—Паши, отбитыя нашими войсками 14—го ноября 1853 года, подъ Ахалцыхомъ, хранятся теперь въ Библиотекѣ, при собраніи ея восточныхъ рукописей. Эти бумаги, состоящія изъ полковыхъ книгъ, формулярныхъ списковъ, маршрутовъ и т. п., представляя точныя свѣдѣнія о составѣ, внутреннемъ управленіи и продовольствіи турецкихъ войскъ, знакома съ многими неизвѣстными мѣстностями, въ то же время указываютъ и на предполагавшіяся движенія турецкихъ армій, какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ. Прибавивъ къ этому интересному для многихъ извѣстію другое — о появленіи кометы, которая, по описанію г—на Струве, представляется огнецвѣтнымъ ядромъ, по яркости подходящемъ къ звѣздѣ 1—й величины, съ хвостомъ, простирающимся на нѣсколько градусовъ; сказавъ, что въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, кромѣ физиологическихъ лекцій профессора Загорскаго,

слова начались чтенія «о Космосъ» г. Хотинскаго, чтенія, открывшія еще въ концѣ января, но потомъ прерванныя по болѣзни лектора — мы переходимъ къ другимъ предметамъ, гораздо менѣе-важнымъ, но не менѣе-новымъ.

Если петербургскимъ удовольствіемъ можетъ назваться все, что доставляетъ удовольствіе хотя только немногимъ жителямъ столицы, то къ числу такихъ удовольствій необходимо отнести и пастетную лавку подъ фирмою «Золотой Стерляди». Признаемся, мы бы вовсе не замѣтили появленія въ Петербургѣ подобной новости, такъ-какъ различныя лавки появляются и исчезаютъ у насъ чуть не каждый день, еслибъ она не была воспѣта въ одномъ изъ фельетоновъ, новѣствующихъ о петербургской жизни. «Пою! (воскликаетъ фельетонистъ, послѣ историческаго введенія, гдѣ говорится о Крезѣ, Луккулѣ, Гомерѣ, Бетховенѣ и новомъ пирожкомъ «Матильда».) — вою открытіе новаго пастетнаго заведенія подъ фирмою «Золотая Стерлядь». Это заведеніе могло бы принять надпись надъ вратами дантова Ада и написать ее на своихъ дверяхъ съ слѣдующими измѣненіями: «Вы, входящіе сюда, бросьте всякую надежду *пооблать*». Здѣсь обитель кулебякъ и заливныхъ, здѣсь міръ здоровыхъ и рас-«воложенныхъ къ апетиту желудковъ...» Затѣмъ, пришедъ въ умилеше и удивленіе отъ огромности фунта «горячей и превкусной» кулебяки, стоящей «одинъ пятиалтынный» и увѣривъ, что надобно быть зѣмемъ боа, чтобы послѣ этого фунта захотѣть съѣсть еще что-нибудь, фельетонистъ переходитъ къ пользамъ, приносимымъ «Золотою Стерлядью». «Прежде дарили дамъ конфектами (говоритъ онъ) а теперь случится совсѣмъ другое. Тотъ же покупатель (конфектъ) зайдетъ въ пастетную «Золотая Стерлядь», велитъ завернуть себѣ фунта два или три заливнаго, которое отпустится ему въ очень красивыхъ стеклянныхъ банкахъ (?) и вмѣсто сладкаго, подаритъ сытное, истративъ только отъ 45 до 90 копѣекъ серебромъ. И какъ обрадуется онъ подобнымъ подаркомъ каждую добрую хозяйку (можетъ ли быть въ этомъ какое сомнѣніе!)...» И далѣе: «а ужъ какъ порадуется господа любители преферансовъ, когда, среди самой отчаянной схватки, появится на сосѣднемъ столѣ хорошее заливное, съ неизбѣжнымъ акомпаниментомъ графинчика! (сколько вкуса у г. фельетониста!) Тутъ поневоля будешь въ малинѣ (весьма-остроумно!). А вы, *masdames* (слушайте, слушайте читательницы!), возвращаясь изъ театра, гдѣ вы проливали потоки горькихъ слезъ или разражались гомерическимъ хохотомъ, развѣ вамъ не случалось ощущать въ себѣ какое-то безсознательное желаніе *запсть какую нибудь митку* (по справедливости курсивъ въ подлинникѣ). Но увы! не всѣ желанія сбыточны! И вамъ часто приходилось броситься въ отверстыя объятія Морфея съ пустымъ желудкомъ (прелестная картина!). А теперь? что вамъ будетъ стоить послать въ депо «Золотой стерляди» пятиалтынный и много-что тригривенный, и вы сыты и можете съ спокойнымъ духомъ и желудкомъ (послѣ кулебяки?) опуститься на ваши роскошныя пуховики, укутаться въ шелковыя одѣяла и уснуть сномъ сладостнымъ». Прочитавъ эти дивирамбы Золотой

Стерляди»; вы, конечно, читатель, въ свою очередь отдадите дань похвалы вкусу фельетониста.

Пускался въ такіа похвалы заливному и кулебякамъ, фельетонистъ, какъ онъ самъ говоритъ, подражаетъ французскому объявленію о прирожденъ «Матильда»; но если подражать всѣмъ заграничнымъ прокламаціямъ въ пользу разныхъ продаваемыхъ продуктовъ, то можно забыть ужъ слишкомъ-далеко. Такъ на одномъ маленькомъ лондонскомъ театрѣ, напримѣръ, нѣсколько лѣтъ назадъ, представлялась драма подъ названіемъ «Буря» или что-то въ этомъ родѣ. Множество переселенцевъ, отправившихся отыскивать счастье въ Новомъ Свѣтѣ, на пути своемъ застигнуты сильною бурей. Корабль, на которомъ они совершали путешествіе разбивается въ дребезги: одни изъ путешественниковъ погибаютъ въ морѣ, другіе выброшены на какой-то островъ, обитаемый кровожаднымъ племенемъ. Кровожаднѣйшее племя съ восторгомъ принимаетъ добычу въ видѣ морскихъ джентльменовъ и немедленно хочетъ всѣхъ ихъ изжарить, сварить и принести въ жертву своимъ богамъ. Костры запылали, эзекуція начинается; нѣсколько рыжихъ уже сдѣлались жертвою племени и очередь дошла до джентльмена, одѣтаго со вкусомъ и напѣствомъ. Но едва дикіе подступили къ этому человѣку, какъ вдругъ, точно тѣмъ пораженные, упали ницъ передъ нимъ, не сводя взоровъ съ сапоговъ его, отражающихъ блескъ солнца. «Это не человѣкъ! на ногахъ у него блестятъ солнца»; восклицаютъ они въ одинъ голосъ. «Да будетъ онъ нашъ властитель, да будетъ нашъ повелитель!» продолжаютъ хоромъ дикіе, обращаясь къ щеголеватому джентльмену и, осыпая его всѣми своими сокровищами, дѣлаютъ главою своего племени. Торжествующій новый глава кровожаднаго народа подходитъ къ рампѣ и, раскланиваясь во всѣ стороны, говоритъ, что блистательная, черная, масляная вакса, которой онъ обязанъ своимъ счастьемъ и могуществомъ, вакса, нисколько непотерявшая отъ морскихъ волнъ, по которымъ плылъ онъ въ вычищенныхъ сапогахъ, продается въ Реджентстритъ, подъ номеромъ такимъ-то, и затѣмъ занавѣсъ опускается.

Но если расчетливый Джонъ Буллъ и не стѣсняется запрягать Музу и Аполлона въ телегу, нагруженную предметами его промышленности, то желательно, чтобъ у насъ не слѣдовали этому примѣру и не только драма, но даже и фельетоны были чужды такого промышленнаго направленія.

Кромѣ-того, думаемъ мы, стоитъ ли посвящать длинныя пѣсноушніа какимъ-нибудь заливному, и кулебякамъ какой-нибудь ливки, которая едва-ли даже будетъ имѣть успѣхъ въ нашей столицѣ, какъ по самымъ продаваемымъ въ ней произведеніямъ, такъ и потому, что фирма «Золотой Стерляди», не замѣняетъ въ ней отсутствія необходимой промышленности подобныхъ заведеній — я готорю о золотыхъ рыбкахъ.

Золотыя рыбки! Но знаетъ ли читатель, что называемъ мы теперь этиаъ именемъ? знаетъ ли онъ первоначальное его происхождение?

Чтобъ пояснить эти подробности, я, не пускаясь въ тонкости исторіи естественной, просто расскажу одну исторію, тоже не естественную. Въ небольшомъ городкѣ, съ зеленѣющими красивыми «орштатами» и грязными улицами, жили—были папенька съ маменькой и прехорошенькою дочкой. Каштановые волосы, голубые глазки, коралловый ротикъ вмѣстѣ съ привѣтливыми взглядами, которыми никто не обдѣлала красавица, сводили съ ума весь городъ, или не весь, а его непрекрасную половину. Дѣвушка была со всеми мила и привѣтлива; каждый считалъ себя побѣдителемъ ея сердца; старые и молодые, праздные и занятые, путешествовали сначала мимо сѣренькаго домика, у одного изъ оконъ котораго работала красавица, но потомъ нашли болѣе удобнымъ приходить къ бывшему возлѣ домика колодцу, и оттуда любоваться ея хорошенькимъ личикомъ. Одижды, въ то время, какъ нѣсколько человекъ, пришедши на обычное мѣсто, не вѣда у окна дѣвушки, смотрѣли на дно колодца, вдругъ въ водѣ, озаренной лучами солнца, задрожалъ образъ хорошенькой особы.

— На что вы смотрите? спросилъ знакомый голосъ. Отвѣчать было трудно.

— На золотую рыбку, сказалъ одинъ изъ зрителей. На золотую рыбку, хоромъ поддержали остальные...

— Гдѣ, гдѣ золотая рыбка? невинно спрашивалъ старичокъ, отецъ красавицы; но дочь, улыбувшись, не дала ему кончить допросовъ и увела домой.

Съ—этихъ—поръ титулъ «Золотой Рыбки» остался за красавицей и жители городка не ходили, какъ прежде, гулять по «орштату, или сидѣть къ колодцу, а на вопросъ, «далеко ли?» отвѣчали обыкновенно. «поглядѣть на золотую рыбку».

Еще довольно—долго жила послѣ того золотая рыбка въ маленькомъ городкѣ, довольно—долго любовались юности и неюности ея блестящею чешуею; рыбка рѣзвилась, извивалась и плескалась въ своемъ маленькомъ бассейнѣ, ловко скользя межъ сѣтей, разставленныхъ юными сердцами. Что сдѣлалось потомъ съ красавицею—достоверно намъ неизвѣстно. Кажется, она вышла замужъ за какого—то богатаго негодянта: вѣдь золотыя рыбки любятъ плавать въ роскошныхъ бассейнахъ.

Много лѣтъ съ—тѣхъ—поръ прошло, какъ блестяла золотая рыбка въ маленькомъ городкѣ, но и теперь подчасъ слышится это прозвище. Его даютъ иногда тѣмъ хорошенькимъ кокеткамъ—женщинамъ и дѣвушкамъ, которыя, ныряя и извиваясь въ волнахъ житейскаго моря, всѣмъ нравятся, всѣхъ увлекаютъ, но которыхъ словить очень тяжело. Переноса это прозвище изъ семейныхъ круговъ въ круги публичные, мы назвали рыбами тѣхъ хорошенькихъ дѣвушекъ, которыя составляютъ необходимую принадлежность французскихъ пастетныхъ. Какъ рыбка, лавируя между столовъ съ *ratés truffés* и различными пирожными, смѣясь и балгая одинаково—любовно съ каждымъ пожителемъ, эти рыбки сообщаютъ юношамъ много анкетита къ производимамъ французскаго кулинарнаго искусства. Много ликера и

равного вина вышивается адсье, благодаря тому, что въ свѣтлой поверхности веселящей влаги отражается личико хорошенькой рыбки.

Съ нѣкотораго времени въ Петербургѣ распространяются хорошенья продавицы, и *dames de comptaig* можно встрѣтить не только въ магазинахъ моды и перчатокъ, но и во многихъ кандитерскихъ, магазинахъ папиросъ и пр. Откуда берутся, куда дѣваются эти болѣе или менѣе интересныя конторщицы? — вотъ два вопроса, касающіеся до двухъ главныхъ эпохъ ихъ существованія. И вотъ отвѣты на вопросы. Для увеличенія сбыта своихъ произведеній, содержатель магазина хочетъ взять *dame de comptaig*. Какая-нибудь дальняя родственница жены, или его самого, какая-нибудь сирота, живущая въ Парижѣ или въ Петербургѣ, хорошеньякая вообще, или обладающая особенно-симпатичными глазами, особенно-привлекательною улыбкою или чѣмъ-нибудь подобнымъ, принимается имъ для этой цѣли, конечно, съ извѣстнымъ за то вознагражденіемъ. Съ самаго утра она одна какъ куколка: ловко-спитое шелковое платье обтагиваетъ ее тѣло и обрисовываетъ бюстъ; волосы причесаны кокетливо; на бѣленькихъ ручкахъ блестятъ кольца и браслеты, и съ самаго утра до вечера, она мила и любезна. Съ небрежной граціей выхваляетъ она тѣ или другіе пирожки (представимъ, что она *dame de comptaig* пастетной), краснѣя или не краснѣя (что зависитъ отъ привычки), выслушиваетъ дѣлаемые ей комплименты, комплименты глазкамъ, прическѣ, пещкамъ и даже ручкамъ; слегка сердится или немножко дуется, когда неосторожный юноша, получая сдачу, пожметъ ей ручку, или прижметъ какъ-нибудь только пальчикъ. Она присѣдаетъ и улыбается, когда какой-нибудь старичокъ, маркизъ нашего времени, пьетъ вино за ея здоровье и прикладываетъ губки свои къ его рюмкѣ, если онъ не хочетъ начать безъ этого свой завтракъ, особенно, если онъ завтракаетъ постоянно у ея прилавка. Сколько любезностей, нѣжностей, шутокъ услышитъ она каждое утро, каждый день, и сколько улыбокъ, взглядовъ, то ласковыхъ и одобрительныхъ, то строгихъ и полныхъ кокетливой гордости, расточаетъ дѣвушка въ свою очередь! Если за каждый взглядъ, за каждую улыбку, получала она десятую долю того, что изъ театровъ получаютъ за то же самое нѣкоторыя артистки, то *dame de comptaig* какъ-разъ сдѣлалась бы чрезвычайно-богатою. Но богатство прибрѣтается не только одною мимикою. Скоро вокругъ хорошенькой конторщицы начинаютъ группироваться постоянные поклонники — *habitués* ея мѣстопробыванія. Они ведутъ ужъ съ нею разговоры не только общіе, но и болѣе-интимные; они называютъ ее не просто *mademoiselle*, но къ этому титулу прибавляютъ собственное имя Целины, Жюли или Лизеты. Въ тѣхъ и другихъ кружкахъ молодежи чаще-и-чаще начинаетъ слышаться это имя, съ прибавленіемъ нѣжныхъ эпитетовъ, и при общей конкуренціи, прелести хорошенькой Жюли или Лизеты, съ каждымъ днемъ выигрываютъ болѣе-и-болѣе въ глазахъ почитателей. Люди, непринадлежащіе къ категоріи обожателей, до-того запуганы красотою и славою Жюли, или Лизеты, что сами передъ собою боятся сознаться въ противномъ; они, имѣя надобность въ одномъ фунтѣ конфектъ, у

Жюли покушаютъ ихъ три, и думая позавтракать жаренымъ фазаномъ у Лизеты, не могутъ не кунить при этомъ и пастета съ трюфелями. Кругъ дѣятельности самого патиссера (чтобъ не сказать пирожника) быстро распространяется, и двойная противъ прежняго порція пастетовъ и пирожковъ едва достаетъ для утоленія голода обожателей его *dame de comptoir*.

Если финаль карьеры *dame de comptoir* не всегда одинаковъ, то въ жизни всѣхъ этихъ дѣвушекъ есть чрезвычайно-много сходнаго, и общая физиологія ихъ составляетъ въ то же время и отдельную біографію каждой. Есть много людей, которыхъ жизнь идетъ по одной общей вѣсѣ дорогѣ и походить на существованіе тѣхъ маленькихъ эмерсныхъ созданій, которыя посредствомъ особаго микроскопа, увеличивающаго въ миллионъ разъ, показываетъ г. Тицнеръ въ каплѣ воды.

Микроскопъ г. Тицнера, увеличивающій въ миллионъ разъ, былъ уже показываемъ въ Петербургѣ лѣтъ тринадцать — четырнадцать назадъ. Самые мелкіе предметы, увеличенные посредствомъ этого аппарата, являютъ въ колоссальныхъ размѣрахъ на бѣлой занавѣси, подобно картинкамъ волшебнаго фонаря. Цѣлый миръ жизни и движенія показывается г. Тицнеръ тамъ, гдѣ обыкновенными глазами мы видимъ тишину и спокойствіе, и стройнымъ гармоническимъ созданіемъ природы представляется то, что мы съ трудомъ замѣчали какъ пылинку. Длинненькія, одноглазныя животныя суетятся и двигаются съ удивительною быстротою въ каплѣ рѣчной воды. Мы ежедневно глотаемъ ихъ тысячами. Тоненькія, вертявыя змѣйки извиваются въ каплѣ прохладнаго укуса, и цѣлыя стаи неуклюжихъ, толстенныхъ созданій шевелится въ едва-замѣтномъ слоѣ пыли, покрывающей корку сыра. Сколько стройности и гармоніи — этихъ непремѣнныхъ законовъ природы, видно въ личинкѣ какой-нибудь мухи, крыльяхъ бабочки, жалѣ пчелы! Какъ удивительно однообразна форма пылинки одного и того же цвѣта, покрывающихъ крылья бабочки! какъ стройно движеніе соковъ во внутреннихъ органахъ наливчатыхъ животныхъ, невидимыхъ простымъ глазомъ! Это зрѣлище жизни въ каплѣ воды — зрѣлище малаго міра, напоминающаго отчасти міръ большой съ его хлопотами, заботами, бѣготнею, право чрезвычайно интересно. Микроскопъ г. Тицнера освѣщается друмондовымъ свѣтомъ (смѣсью водорода и кислорода въ пропорціи, потребной для образованія воды), направленный на кусокъ негашеной извести. Друмондовъ свѣтъ чрезвычайно силенъ и ярокъ; стальная пружина горитъ на огнѣ его какъ лучника, пламя свѣчи при немъ бросаетъ даже тѣнь. Съ перваго раза кажется, что микроскопъ г. Тицнера, разоблачающій тайны природы и раскрывающій секретные ея уголки, можетъ быть очень опасенъ для людей, дорожащихъ своими иллюзіями, а между-тѣмъ эти опыты не имѣютъ на нихъ никакого вліянія. Брезгливые люди, видѣвъ собственными глазами живые портреты тѣхъ ползающихъ и скачущихъ животныхъ, которыхъ такая бездна въ капляхъ воды и укусахъ и въ пылинкахъ сыра, не теряли, какъ ожидали они даже сами, нисколько аппетита и продолжали попрежнему пить воду и кушать сыръ.

Микроскопъ г. Тициера будетъ, вѣроятно, послѣднимъ зрѣлищемъ (кромя театровъ) нынѣшняго сезона. Весна наступила, лѣто приближается; лѣтніе домики дачныхъ окрестностей мало-по-малу разбираются горожанами. Какія будутъ лѣтомъ наслажденія, какъ будутъ веселиться въ это время — вотъ вопросы, занимающие многихъ, позволяющихъ себѣ мѣшать дѣло съ бездѣльемъ. Что будетъ у Иллера? — Говорятъ, ничего. Что будетъ въ Павловскѣ? — Говорятъ, что уже прїѣхалъ Гунгль. Что будетъ въ Любекѣ, Дарданѣ, на Крестовскомъ?.. Но эти предметы мало кого интересуютъ. 23 апрѣля пришелъ съ пассажирами первый пароходъ изъ Кронштадта, а пароходы, ходящіе въ Петергофъ, давно уже объявили, что будутъ совершать свои обычные рейсы. Только невскіе меленькіе пароходы не будутъ нынѣшнимъ лѣтомъ ходить на острова и въ Новую Деревню. Въ воздухѣ тепло, даже душно; жаръ въ тѣни доходитъ до 22 градусовъ, и отрываюсь отъ стола, я подхожу къ открытому окну. Солнце яркимъ свѣтомъ обливаетъ высыхающую послѣ дождя улицу; окна во всѣхъ домахъ открыты; надъ балконами висятъ маркизы, вдалекѣ раздаются рожи горнистовъ — то военныя ученья. Блестящіе экипажи съ разряженными въ нихъ дамами несутся во всѣ стороны. Подъ окнами слышится жаркій говоръ нѣсколькихъ голосовъ: я смотрю и прислушиваюсь. На троттуарѣ передъ домомъ стоитъ парень лѣтъ двадцати—пята, въ сѣромъ кафтанѣ и черной суконой съ козырькомъ и бѣлымъ кантомъ фуражкѣ, на которой спереди большой мѣдный крестъ. Вооцѣ него сидитъ старикъ въ кафтанѣ, мужикъ въ синей сибиркѣ и нѣсколько мальчишекъ; въ вороткахъ показывается старуха съ платкомъ на головѣ.

— Здравствуй Савельевна, крикнулъ мужичокъ съ крестомъ на фуражкѣ.

— А, Васютушка! здорово; давно тебя не видно было... да что это ты какъ нарядился?

— Иду въ ополченіе... на войну... вотъ завернулъ попрощаться.

— На войну? да когда же тебя сдали—то, паренѣкъ?

— Нѣшто меня сдали... самъ пошелъ въ морскіе гребцы.

— Самъ идешь! Ахъ ты родимый, родимый мой! нѣшто худо тебѣ на мѣстѣ—то было?.. вѣдь ты отъ насъ никакъ по двѣнадцать рублей отошелъ.

— Худо не худо, да не все камни—то тесать... а въ ополченіи развѣ худо... харчи, одѣжа, да еще восемь цѣлковыхъ въ мѣсяцъ.

— Съ двѣнадцати—то да на восемь пошелъ...

— Толкуй съ бабами! нѣшто безъ денегъ и хорошаго дѣла нельзя сдѣлать... кабы всѣ этакъ толковали, такъ никто бы и не пошелъ, а тутъ на—тко! только на перекресткахъ прибили, что молъ кто хочеть иди — иди, такъ отъ народу—то отбою нѣтъ.

— А какъ убьютъ—то тебя?

— Ну, пусть убьютъ; надо же умирать когда—нибудь, а тутъ поакрѣности на войнѣ.

— Такъ—то такъ, рассуждала старуха. — На турку, что ли идете? росла она послѣ минуты молчанія.

— Помогишь на хренуза да агличашка, а нужда будетъ и на руку пойдемъ, на всѣхъ пойдемъ, на кого велать, и всѣмъ трѣпку заимъ, воодушевляясь говорилъ ополченный, и при этомъ такъ взмахъ кулаками, что старуха, видимо непринадлежащая къ враждебнъ націямъ, тѣмъ не менѣ присѣла.

— Стоитъ ихъ, стоитъ этакихъ ехидныхъ! сказала она, скоро равясь.

— Не бойсь, охулки на руку наши не положить, поддержала синяя бирка:— вишь ты какой нашъ-то ополченный молодець! продолжала бирка, трепля ополченного по плечу...

— Не положить не бойсь! важно подтвердилъ ополченный. — Ну что я съ вами закалякался... простите родные.

— Какъ, ужъ и идешь?

— Пока еще къ крестной матери надо зайти...

— Не хочешь ли чего перекусить? спросилъ старикъ.

— Нѣтъ... пора ужъ... Простите, не поминайте лихомъ.

— Постой, родимый, постой минутку, сказала старуха и скрылась въ воротахъ... Черезъ минуту она, запыхавшись, снова явилась на лицу. — На тебѣ на дорогу Васюша... пригодится, говорила Сельевна суя въ руку ополченному полтинникъ.

— Да за что тетка? за что это?

— Возьми, возьми, голубчикъ: ты вѣдь теперь человекъ военный, на всѣхъ насъ идешь въ страженіе.

— Ну, спасибо, спасибо!

— А ужъ мы тебя сами для отвальной попотчуетъ... Я тутъ маленько до уголка провожу, говорила сибирка.

— Спасибо вамъ, добрые люди, дай Господь вамъ всякаго благополучія...

— Дай тебѣ Господь всякой милости. Прости родимый, говорило нѣсколько голосовъ.

И за этимъ всѣ сняли шапки и послѣдовало продолжительное цалованье. Мальчишки, повидимому, незнакомые съ уходящимъ, тоже однако подходили къ нему цаловаться.

Одинъ изъ нихъ, долго-шарившій что-то въ карманахъ, подоидя наконецъ къ ополченному, тихо дернулъ его за полу. — На, дядюшка, тебѣ на дорогу, сказалъ онъ, кладя ему что-то въ руку.

— Ахъ ты малецъ этакой!.. вишь ты и онъ янѣ на дорогу свой пятакъ отдааетъ! говорилъ тронутый мужичокъ:— полно-ка, возьми его себѣ на пряники, да вотъ и отъ меня тебѣ другой, въ придачу.

— Ай да парнюга! ай да парнюга! хвалили всѣ мальчика, который перебиралъ пятаки.

Прощанье кончилось, ополченный вклонился еще разъ на всѣ стороны и отошелъ отъ толпы. Вместе съ нимъ, нѣжно взявъ его аз

талю, пошла и сняла сибиря, гордая своимъ спутникомъ. Они были ужь далеко, а толпа не отходила отъ воротъ. Всѣ молчали; мальчишки не сводили глазъ съ удаляющихся; старука набормотала креститься.

— Эхъ кабы мнѣ годковъ десятка два съ плечъ долой! сказала наконецъ старикъ, почесывая свою, какъ лунь, сѣдую голову: — пошелъ бы въ ополченіе и я...

М О Д Ы.

а) Мужскія.

Длинныя пальто входятъ рѣшительно въ употребленіе. Экономные люди, которые, чрезъ всевозможные покровы короткихъ пальто, прошли въ своей старинной бекешѣ и еще въ прошломъ году казались ходячими авхронизмами, теперь, какъ-бы въ подтвержденіе истины, что терпѣніе все преодолеваетъ, стали въ ряды самыхъ жаркихъ послѣдователей моды. Длинныя пальто съ тальею, созданною портнымъ ниже обыкновенной, съ двумя пуговицами, посаженными сзади для обозначенія этой тали, съ карманами ниже этихъ пуговицъ, попадаютъ теперь безпрестанно и на Дворцовой набережной, и въ Лѣтнемъ Саду, гдѣ, по обычаю, Петербургъ встрѣчаетъ свою новую весну. Для чего измѣнились такъ покрой пальто? Весна и зима наши, кажется, не сдѣлались холоднѣе прежняго — нѣтъ; вѣроятно, мода объ-руку съ филантропіею хотѣла помочь застою западной мануфактурной промышленности, прибавить по аршину матеріи на верхніе наряды. Если послѣднее предположеніе справедливо, то мы ничего не скажемъ о людяхъ высокаго роста; что же касается до людей невысокихъ, то, признаемся, на ихъ мѣстѣ мы бы согласились лучше казаться жестокосердыми въ этомъ отношеніи, нежели смѣшными. Съ такимъ мнѣніемъ, повидимому, согласны многіе: по-крайней-мѣрѣ, на ряду съ длинными, мы встрѣчаемъ видимо вновь-сдѣланныя пальто прежняго покроя. Между этими двумя крайностями покрововъ есть золотая середина, выходящая тоже своихъ приверженцевъ: это — пальто съ тальею, пальто нѣскольکو-длиннѣе прежнихъ и нѣскольکو-короче сшитыхъ по послѣдней модѣ. Вообще говоря, едва-ли когда-нибудь было столько разнообразіи

въ покровъ верхнихъ мужскихъ костюмовъ, какъ въ настоящее время; и если это не слишкомъ бросается въ глаза, то единственно благодаря однообразію цвѣтовъ этихъ нарядовъ, которые бывають почти исключительно изъ матерій чернаго, чернаго съ синимъ или зеленымъ отливомъ, или синяго цвѣта. Правда, парижане начали носить ренеготы сѣраго цвѣта; но у насъ этотъ цвѣтъ не вошелъ еще въ употребленіе. Матеріи, употребляемыя для весеннихъ пальто, бывають или гладкія, или нѣсколько-мохнатыя; для лѣтнихъ, конечно, только гладкія. Новый фасонъ лѣтнихъ пальто походить на фасонъ весеннихъ, съ тою разницею, что паруса нѣсколько-короче.

Время фраковъ прошло, и мода, вѣроятно, оставитъ ихъ въ покоѣ до осени; сюртуки носятъ попреимуществу двубортные, съ широкими, хотя и менѣе, чѣмъ прежде, рукавами; а тотъ нарядъ, который, по словамъ Таккера, ни одна лэди не рѣшится назвать по имени, дѣлается попрежнему ужаснымъ.

Весеннія матеріи для нарядовъ этого рода и для жилетовъ уже получены въ Петербургѣ. Онѣ очень-разнообразны по тканью, хотя цвѣтъ ихъ преимущественно впадаетъ въ сѣрый, шоколадный и бронзовый. Въмѣстѣ съ матеріями одноцвѣтными, наиболѣе-употребляемыми, носятъ и двуцвѣтныя, напримѣръ, по сѣрому фону бѣлые листики, или черныя клѣтки, по бронзовому черныя точки и т. п. Лажпасты на матеріяхъ, на которыхъ они иногда встрѣчаются, обыкновенно бывають темнѣе цвѣта самой матеріи. Чернымъ казимировымъ жилетамъ готовится отдыхъ, и любителямъ новостей предстоитъ трудный выборъ изъ приготовленныхъ извѣстными портными различныхъ пике и тонкихъ шерстяныхъ матерій для лѣтнихъ жилетовъ. Рисунки жилетныхъ матерій такъ же разнообразны, какъ и самыя ихъ названія; между ними мы видѣли и клѣтчатыя, и съ разводами, и совершенно-гладкія. Какія будутъ носить болѣе — сказать трудно; въ лѣтнихъ жилетахъ единство моды соблюдается менѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ нарядахъ, и собственный вкусъ каждаго скажетъ, какія матеріи и какіе рисунки выбрать ему для будущихъ жаркихъ дней. Въ числѣ прочихъ новостей, мы видѣли много коломенокъ для дѣтскихъ нарядовъ, жакетокъ, панталонъ и жилетовъ и т. п. цвѣтовъ: шалевнаго, свѣтлосиреневаго, шоколаднаго и другихъ. Всѣ наряды этого рода дѣлаются обыкновенно изъ одной матеріи и вмѣстѣ съ соломеннато-шляпою съ широкими полями, которыхъ такъ много въ извѣстнѣйшихъ магазиннахъ, составляютъ легкій, спокойный и недорогой дѣтскій костюмъ. Лѣтніе галстуки и трости выставлены въ окнахъ всѣхъ магазиновъ; галстуки, болѣею частью сѣраго цвѣта, шитыя лентою и повязываются вокругъ шеи одинъ разъ. Шляпы носятъ съ прямою, довольно-высокою тульею и загнутыми полями, обшитыми широкою лентою.

Вотъ нѣкоторыя подробности настоящихъ, а отчасти и будущихъ мужскихъ нарядовъ. Весь этотъ перечень фасоновъ и матерій только материалы, на которыхъ хорошему вкусу читателя предстоитъ создать полный, изящный весенній или лѣтній нарядъ. Первое услов-

вѣ мужскаго костюма — простота и издѣнная небрежность; главная задача его: умѣнье одѣться къ-лицу, по модѣ, но такъ, чтобъ и слѣдовъ не было того, что вы много занимаетесь модами и думаете о своемъ туалетѣ. Это требование относится къ нарядамъ и дамскимъ, а къ мужскимъ въ-особенности, такъ-какъ предполагается, что у прекрасной половины рода человѣческаго есть занятія болѣе-серьезныя, нежели туалетъ и мода.

б) Дамскія.

Погода настала до такой степени теплая, что смѣло можно надѣвать кисейныя платья и соломенныя шляпки.

Кстати вотъ нѣсколько соломенныхъ шляпъ, приготовленныхъ для гулянья и для визитовъ. Шляпа изъ рисовой соломы всегда мѣшается съ пу-де-суа; напримѣръ, рядъ соломы шириною въ три пальца и точно такой же рядъ пу-де-суа собраннаго на кулисахъ. Тулья дѣлается иногда вся изъ соломы, сверхъ которой нашивается пу-де-суа, а иногда она бываетъ мягкая изъ пу-де-суа и на нея нашивается солома. Очень-красивы эти шляпы, когда, вмѣсто пу-де-суа, употребляются блонды. Такъ поля начинаются изъ соломы, потомъ блондовая прошивка и съ каждой стороны по большому банту изъ бѣлыхъ моаръ лентъ. Тулья покрыта блондами въ видѣ фаншонъ; на кофточкѣ пришиты довольно-широкія блонды, которыя покрываютъ шею, какъ вуаль. Подъ полями съ одной стороны банты изъ черныхъ кружевъ, а съ другой пунсовые розаны, перемѣшанные съ блондами. На всѣхъ шляпахъ кофточка убрана очень-пышно или рюшью, или блондами; но блондовая уборка сначала кажется очень-странной, потому-что эти блонды похожи на вуаль, и шляпа кажется надѣтою задомъ напередъ.

Простенькія соломенныя шляпы убираются рюшью изъ цвѣтной или бѣлой шелковой матеріи, или лентами. Шелковыя шляпки непременно покрыты въ нѣсколько рядовъ рюшью изъ такой же матеріи, какъ шляпа. Эта уборка употребляется уже такъ часто, что въ короткое время начинаетъ надоѣдать. Перья не забыты и служатъ по-прежнему лучшимъ украшеніемъ шляпъ. Вотъ прекрасно-убранная шляпа перьями. Она сдѣлана изъ соломы, и поля съ обѣихъ сторонъ обшиты рюшью изъ лиловой матеріи. На кофточкѣ цвѣты изъ лиловой цикоріи, положенныя въ видѣ греческой прически. На одной сторонѣ тульи два пера: одно свѣтлолиловое, немного-приподнятое вверху, а другое темно-лиловое, закрученное къ кофточкѣ; съ другой стороны только одно перо. Подъ полями лиловыя незабудки и рюшь изъ бѣлыхъ блондъ.

Но вотъ три новости для лѣта: 1) лифы, называемыя *Diane de Lys*, изъ черныхъ кружевъ, украшенныя чернымъ бархатомъ; 2) манишки времени Людовика XV и 3) манишки времени Маріи Антуанетты; ма-

Манишки вѣка Людовика XV дѣлаются изъ гипюры и изъ тюлевыхъ прошивокъ; сзади онѣ круглы, но скрещиваются напередѣ. На плечахъ гипюры нашиваются въ видѣ эпюлетъ. Рукава очень-широкіе и длинныя, обшиты въ нѣсколько рядовъ гипюрой. Банты, изъ цвѣтныхъ лентъ, накалываются на груди и на рукавахъ. Манишки вѣка Маріи Антуанетты сдѣланы также изъ гипюры, но безъ прошивокъ и безъ рукавовъ; спереди онѣ тоже скрещиваются и прищипливаются къ платью большимъ бантомъ; сзади точно такимъ же бантомъ придерживается конецъ манишки у талии.

Лѣтнія манто большею-частью дѣлаются на кокеткахъ и обшиваются бархатомъ. Фасонъ такихъ манто мы ужъ описывали нѣсколько разъ. Новаго вообще въ верхнихъ костюмахъ ничего незамѣтно; только, вмѣсто тяжелой матеріи, употребляется болѣе-тонкая. Цвѣта выбираются преимущественно сѣрый и коричневый; обшиваются же сѣрыя манто синимъ бархатомъ, а коричневая чернымъ. Кромѣ шерстяныхъ матерій, мы видѣли множество верхнихъ костюмовъ изъ шелковой матеріи. Для прямыхъ манто очень-красива полосатая матерія, на примѣръ, полоса черная бархатная и полоса моаре зеленая. Мы видѣли одно такое манто очень-короткое и обшитое широкими кружевами. Бѣлыя кашмировыя манто отдѣлываются самой роскошной вышивкой и бахромой.

Шелковыя матеріи для платьевъ почти все клѣтчатыя, или шинѣ. Для лѣта есть превосходныя полотняныя платья съ затканными цвѣточками, или съ узкими одноцвѣтными полосками. Эти платья для жаркихъ дней гораздо-прохладнѣе кисейныхъ.

Зонтиковъ надо имѣть нѣсколько; вонервыхъ : зонтикъ для гулянья за-просто, довольно-большой, съ каемкой и съ длинной ручкой изъ камыша. Зонтикъ для катанья, съ короткой ручкой и гораздо-меньше. Зонтикъ en tous cas съ короткой ручкой и большой величины, средней между дождевымъ зонтикомъ и зонтикомъ отъ солнца. Зонтикъ-parquise — самый элегантнѣйшій. Онъ дѣлается изъ бѣлой или цвѣтной матеріи, съ широкой бахромой, бортъ кругомъ затканъ гирляндой изъ розановъ или другихъ цвѣтовъ; иногда середина зонтика покрыта шелковымъ филе въ видѣ сѣтки, на примѣръ : на бѣломъ фонѣ голубая, черная или другаго цвѣта сѣтка и точно такого цвѣта бахрама. Ручка можетъ быть и коралловая, и перломутровая, и янтарная, и черепаховая, и изъ слоновой кости рѣзная, однимъ словомъ, изъ чего угодно, лишь бы хорошо была вырѣзана.

в) Дѣтскія.

Главные перемены въ дѣтскомъ туалетѣ дѣлаются лѣтомъ, но, къ несчастью, всѣ неудобства туалета взрослыхъ отражаются и на дѣтяхъ. Весеннія дѣтскія шляпы точно также малы, какъ и у взрослыхъ, и при малѣйшемъ вѣтрѣ онѣ точно также падаютъ съ головы. Одна только прекрасная выдумка : круглыя соломенныя шляпы

остается уже несомненно жить въ модѣ у дѣтей; но, вѣроятно нѣтъ, для выгоды модистокъ, должно непремѣнно мѣняться каждый годъ: то прибавятся поля, то уменьшатся, то тулья переименуется. Теперь эти платья дѣлаются очень-большія, но тулья маленькая. Ленты завязываются бантомъ съ длинными концами; подъ волями банты и цѣпты.

Вуриусы, очень-удобныя для дѣтей, на кокеткѣ; точно-также же, какъ и у большнхъ, называемые рѣііаа. Тальма также очень-удобна для дѣтей.

Платья почти всё для лѣта приготовляются съ бѣлыми линиями и съ карею. Бѣлыя платья вышиваются гладко и англійскимъ шитьемъ, но рисунокъ выбирается мелкій, небросающійся въ глаза. Воланы для дѣтскихъ платьевъ все еще въ модѣ; кромѣ этого, очень-красивая уборка дѣлается напередѣ юбки въ видѣ передника. Бѣлыя конбриковыя платья украшаются зубцами и покрываются безчисленнымъ множествомъ маленькихъ складокъ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

М. БЕРНАРДА,

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской,
въ домѣ Паскаля, № 11.

Пьесы для виолончели.

Сер. Р. К.

<i>Batta.</i> — Mélo­dies de François Schubert transcrites, avec piano, 4 тетради (каждая 1 p. 30 к.). La Romanesca. Air de danse du 16-me siècle, avec piano	1 —
<i>Chevillard.</i> — Fantaisies avec piano sur Linda di Chamouni (2 p.) sur Don Juan (2 p.). Quatre mélodies pour le violoncelle avec piano № 1 à 4, каждый	1 —
<i>David.</i> — Sept morceaux avec piano, op. 34	3 40
<i>Demmck.</i> — Fantasia sur des thèmes russes avec piano	2 30
<i>Franchomme.</i> — Douze études avec acc. d'un 2-d violoncelle op. 35 (2 p.). Les mêmes études avec acc. de piano, op. 35 liv. 1. 2. (каждая 1 p. 70 к.). Grande valse avec piano, op. 34	1 40
<i>Kalliwoda.</i> — Deux pièces amusantes concertantes et faciles op. 184 №. 1. Thèmes de Herold (1p. 40 к.). № 2. Thèmes d'Adam	1 30
<i>Ganz.</i> — Dix pièces caractéristiques faciles et progressives avec acc. d'un 2-d violoncelle (ad libitum)	2 60
<i>Kummer.</i> — Quatre duos pour deux violoncelles op. 103 (2 p. 60 к.). Six mélodies allemandes transcrites avec piano № 1 à 6 каждый	1 —
<i>Lee.</i> — Méthode pour le violoncelle. Школа для виолончели (4 p.). 40 Etudes mélodiques et progressives, formant la suite et le complément de sa méthode, op. 31 Suite 1, 2, каждая	1 70
<i>Mark.</i> — Divertissement facile avec piano, op. 28 (1 p. 70 к.). Air suisse varié et rondeau avec piano op. 32 (1 p. 40 к.). Duo concertant pour deux violoncelles avec piano op. 35.	1 70
<i>Piatti.</i> — Divertissement sur un air napolitain avec piano (1 p. 30 к.). Bergamasca avec piano op. 14	1 30
<i>Schubert.</i> — Andante et rondo élégant avec piano op. 28	1 15
<i>Servais.</i> — Fantaisie sur deux airs russes avec piano op. 13 (2 p.). Les regrets. Pensée musicale avec piano	— 70
<i>Straneky.</i> — Trois nocturnes avec piano op. 16 № 1 à 3 (каждый 1 p. 15 к.). Morceaux élégants et caractéristiques avec piano op. 18, № 1 à 6 каждый	1 15
<i>Weber (C. M. de).</i> — Variations avec piano Oeuvre posthume	1 40

Пьесы для фортепиано.

<i>Aggiutorio.</i> — Mazurka de salon	— 85
<i>Album pour le piano pour 1854.</i> — Compositions de Henselt, Ch. Mayer, Voss et Kalliwoda	2 60

<i>Beyer.</i> — Souvenir de Meyerbeer. Trois daguerréotypes musicaux sur des motifs piquants de l'opéra le Siège de Gand. op. 123 № 1 à 3 (каждый 85 к.). Souvenirs de voyage. Morceaux de salon, sur des airs populaires, op. 126 № 1, 2 (каждый 70 к.). Rigoletto. Petite fantaisie	— 66
<i>Blumenthal.</i> — 3-me Nocturne op. 28 (60 к.). Les mariniers. Scène italienne. op. 22 (1 p. 15 к.). Plainte du petit Savoyard. Mélodie	— 85
<i>Bréidenstein.</i> — Trois transcriptions sur des airs favoris op. 10 № 1 à 3 (каждый 70 к.). Fantaisie sur une romance hollandaise	1 —
<i>Burgmüller.</i> — Une soirée à Varsovie. Mazurka élégante	— 60
<i>Dreyschock.</i> — La fontaine. Romance (85 к.). Invitation à la mazurka (85 к.). Hommage à Vienne	— 85
<i>Duvernoy.</i> — Le juif errant. Deux fantaisies, каждая	— 85
<i>Gerville.</i> — La locomotive. Etude (1 p. 15 к.). Joux-joux-Galop (85 к.). Marche militaire (85 к.). Capriccio agitato	— 85
<i>Goria.</i> — Final de l'opéra Lucrezia Borgia varié (1 p. 15 к.). Chanson espagnole. Morceau de concert (85 к.). Caprice-Nocturne	— 60
<i>Herz.</i> — Marco Spada. Fantaisie brillante op. 173 (1 p. 70 к.). La rosée du matin. Nouvelle fantaisie (1 p.). La Tapada. Polka	1 —
<i>Hünten.</i> — Indra. Fantaisie (1 p. 15 к.). Heimwehlied. Rondo-valse	— 85
<i>Köbtsky.</i> — Souvenir de Carlsbad. Valse	— 85
<i>Kullack.</i> — Lénore, Ballade op. 81 (85 к.). Marche de l'opéra le siège de Gand	— 85

Выписывающие нотъ на сумму не менѣе *трехъ рублей серебромъ*, получаютъ *двадцать пять* процентовъ уступки, а выписывающие на *десять руб. сер.*, пользуясь означенною уступкою, кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованиями *непосредственно* въ магазинъ М. Бернарда. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они не были-изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го мая пятая тетрадь музыкальнаго журнала «НУВЕЛЛИСТЪ» (годъ XV), которая содержитъ въ себѣ, между прочими: *Pauer*, Passacaille. Grande fantaisie. — *Wollenhaupt*, Nocturne. — *Gerville*, Galop brillant. — *Stiehl*, Idylle. — *Kullack*, Valse. — «Ахалцыхъ». Военная полька-мазурка. — *Beyer*. Romance russe transcrite. — *Дерфельдтъ*, Романсъ. — Музыкально-литературное прибавленіе № 5. (Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. серебромъ).

Печатать позволено, 2-го Мая 1854 г. Цензоръ А. Фрейманъ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ И. ПЕЦА, НЫНѢ СТЕЛЛОВСКАГО,

ВЪ БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ ДОМѢ ЛАУФЕРТА № 116.

СЕР. Р. К.

Пьесы для скрипки съ фортепьяно.

<i>Alard.</i> — Villanelle pour le violon avec Piano	1 15
<i>Artot.</i> — Grande fantasia de Concert	2 —
<i>Bazzini.</i> — Notturmo et Polonaise	1 80
— Souvenir de Naples. Fantaisie	2 30
<i>Beriot.</i> — Cinquième Air varié. (Nouvelle édition)	1 40
— Onzième Air varié.	1 70
— Les trois graces. 3 Airs brillans	1 70
<i>Berlioz.</i> — Réverie et caprice	— 85
<i>Debás.</i> — Fantaisie sur les motifs de Lucrezia Borgia.	2 —
<i>Ernst.</i> — Six morceaux de Salon op. 25 liv. 1. 2. каждая по.	2 30
<i>Ghys.</i> — Grandes variations concertantes suivis d'une Polonaise. op. 15	1 70
<i>Hermann.</i> — Le Songe d'une nuit d'Été. Fantaisie	2 —
— La Clochette. Hommage à Paganini	2 —
<i>Komsky.</i> — Apol. Grande fantasia sur l'opéra: Lucia	2 —
— La Cascade. op. 3	1 15
— Réve d'une jeune fille. op. 6	1 15
<i>Leonard.</i> — Elégie. op. 12. Nouvelle édition	1 15
— Morceau de Salon	1 70
<i>Stöckers.</i> — Les regrets. Solo dramatique	1 40
<i>Vienctemps.</i> — Fantaisie sur l'opéra: Ernani	2 —
<i>Vou.</i> — Sentiments romantiques. Morceau de Salon	1 15

Школы для фортепьяно.

<i>Гюнтцен.</i> — Полная школа для фортепьяно на русскомъ языкѣ. Четвертое исправленное и дополненное многими упраж- неніями, этюдами и пьесами въ двѣ и четыре руки из- даніе. Цѣна	3 50
<i>Häntzel.</i> — Méthode de Piano, paroles Françaises et Allemande. Quatrième édition revue, corrigée et augmentée de nou- velles leçons faciles et graduées à deux et à quatre mains. Prix	4 —
<i>Крамerville.</i> — Новая практическая фортепьянная школа, въ ко- торой изложены основанія музыки, и ясно въ избранныхъ примѣрахъ представлены правила аппликатуры съ при- соединеніемъ многихъ пьесъ для упражненій и предло- дій во всѣхъ тонахъ и объясненіе итальянскихъ техни- ческихкихъ выраженій. На русскомъ языкѣ. Новое исправ- ленное и дополненное изданіе. Цѣна	1 30

Черн. К. — Виѣскій фортепьянный учитель или теоретическое и практическое наставленіе, какъ по сей легкой методѣ въ короткое время выучиться легко и хорошо играть на фортепьяно. На русскомъ языкѣ. Третье исправленное и дополненное многими пьесами и упражненіями изданіе. Цѣна 3 —

Разныя школы.

Школа для виолончели или легчайшая метода для скорѣйшаго и правильнаго изученія игры на виолончели, приспособленная къ самоученію съ приложеніемъ многихъ практическихъ примѣровъ и упражненій изъ любимѣйшихъ пьесъ. Сочиненіе С. Ли. Принятое для руководства въ парижской музыкальной консерваторіи, на русскомъ и французскомъ языкахъ, (*Méthode complète pour le violoncelle composée par S. Lee*) цѣна 4 —

Школа для семиструнной гитары, сочиненіе извѣстнаго А. Сихры. На русскомъ языкѣ. Третье исправленное и дополненное изданіе, съ многими примѣрами, упражненіями и пьесами для одной, двухъ и трехъ гитаръ, и для гитары съ фортепьяно, съ отлично-литографированнымъ и весьма похожимъ портретомъ автора. Цѣна 3 —

Школа для скрипки. — Теоретическая и практическая, самая полная и употребительная, съ многими примѣрами и упражненіями для одной и двухъ скрипокъ. Сочиненіе Д. Алара. Принятое для руководства въ парижской музыкальной консерваторіи, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. *Ecole du Violon. Méthode Complète et progressive à l'usage du Conservatoire de Paris, composée par D. Alard. (Violin-Schule)* цѣна 6 —

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы то ни было изданныя, или объявленныя въ какомъ-либо каталогѣ на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе ноть не менѣе, какъ на *три* руб. сер., получаютъ 25 процентовъ уступки; выписывающіе же не менѣе, какъ на *десять* руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку; выписывающіе же болѣе чѣмъ на *двадцать* руб. сер., получаютъ гораздо больше уступки. Магазинъ И. Пецца, точнымъ и скорымъ исполненіемъ требованій приобрѣтъ лестное расположеніе и довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ будутъ удовлетворены со всевозможною точностью, аккуратностью и всегда съ первоотходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и преискурантъ, рассылаются при посылкахъ безденежно.

Печать дозволяется, 2-го мая 1854 г. Цензоръ А. Фрейманн.

MAGASIN DE MUSIQUE BRANDUS (S. DUFOUR)

MAISON DE L'ÉGLISE HOLLANDAISE.

LE MONDE MUSICAL № 3

a paru le 1-er Mars.

Il contient 48 colonnes de texte français et russe: LA BERCEUSE, suite et fin. — L'ODYSSÉE D'UN PIANO, par Fiorentino. — ENTRE ARTISTES IL FAUT S'ENTRAIDER, anecdote. — PREMIÈRE REPRÉSENTATION DE L'ÉTOILE DU NORD, opéra de Meyerbeer. — NOUVELLES DU MONDE MUSICAL.

Avec ce Numéro, la Maison Brandus met à la disposition de ses abonnés:

1° LE MUSÉE DES PIANISTES: cinq morceaux brillants: F. COUPERIN, Sœur Monique, composé en 1700; — THALBERG, l'Art du Chant, 2-me série: Il mio tesoro, de *Don Juan*; — GUTMANN, 7-me Nocturne; — WEHLE, Sérénade napolitaine; — GORIA, la Rêveuse, Étude-Nocturne.

2° LE SUCCÈS: trois morceaux de moyenne force, et faciles: GODEFROID, Tyrolienne favorite; — KRUG, So viel Stern' am Himmel stehen; — BEYER, Morceau gracieux sur un air populaire.

3° LE BAL: cinq danses choisies: BURGMULLER, Valse sur *Marco Spada*; — WALLERSTEIN, la Perle du Soir, polka; — CZAPIEWSKI, Galop de Cavalerie; — KAULICH, Habt Acht! Quadrille militaire; — BATTMANN, Nella, schottisch.

4° LA LYRE: deux morceaux de chant:

MEYERBEER, «BEAU CAVALIER AU CŒUR D'ACIER», CHANT INÉDIT
du nouvel opéra comique de Meyerbeer,

КРЫЛОВА: Я васъ люблю, романсъ.

5° Un très beau portrait de F. CHOPIN.

Le nombre inattendu d'abonnés qui se sont inscrits pour l'année 1854 au MONDE MUSICAL a forcé les éditeurs à réimprimer les deux premiers Numéros, dont il ne restait plus un seul exemplaire. La Maison Brandus est maintenant en mesure de les fournir aux personnes qui désireraient s'abonner à ce journal.

Le succès qui vient d'accueillir le MONDE MUSICAL s'explique aisément: Un texte toujours amusant qu'on peut lire à son gré dans les deux langues; un choix aussi varié qu'abondant de musique en vogue et toujours nouvelle, qu'on ne se procurerait pas à moins de 100 à 120 roubles argent dans les magasins; une remise de 30% accordée à tous les abonnés sur la musique achetée par eux chez Brandus; une extrême ponctualité dans la publication de chaque Numéro, — tels sont les avantages qui ne pouvaient manquer de séduire les amateurs, et surtout les familles habitant l'intérieur de l'Empire.

En donnant dans le Numéro de Mars un des morceaux les plus applaudis du nouvel opéra de Meyerbeer, avant même qu'il soit gravé à Paris: «*Beau cavalier au cœur d'acier*,» que tout le monde voudra avoir sur son piano, la Maison Brandus fournit une nouvelle preuve de sa ponctualité à tenir les promesses qu'elle a faites.

Prix de l'abonnement annuel 12 rbls.
avec port 13 rbls. 50 c.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С. Петербургъ, 24 Февраля 1854 года.

Старшій Цензоръ Рочфортъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ВЪ 1854-мъ году

выходятъ въ первое число каждаго мѣсяца книжками, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ отъ 20 до 25 листовъ большого формата, съ восемнадцатью парижскими картинками модъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ :

Въ Петербургъ и Москвѣ :	Съ пересылкою, или доставкою :
15 рублей 50 коп. серебромъ.	17 рублей серебромъ.

ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ :

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, находящейся на *Невскомъ Проспектѣ*, на углу *Малой Морской*, въ домъ *Бейльштейна*.

ВЪ МОСКВѢ :

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ у *П. В. Базунова*, на углу *Большой Дмитровки*, противъ *Университетской Типографіи*, въ домъ *Загряжскаго*.

ВЪ ОДЕССѢ :

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, при книжномъ магазинѣ *М. И. Григорьева*, на *Де-Рибасовской Улицѣ*, въ домъ *Синицыной*

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ : *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ.*

Печатать дозволяется. Санктпетербургъ, 5 мая 1854 года.

Ценсоръ *А. Фрейгаугъ.*

94²

1854

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ.**

1854.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

ЮНЬ.

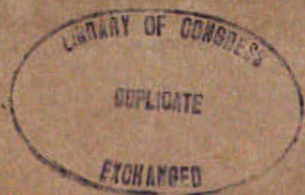
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

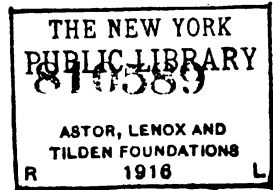
ВЪ ТИПОГРАФИИ КОРОЛЕВА И К^о.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ ВИНЯЖКИ.

СТР.

I. Испытаніе. Романъ В. КРЕСТОВСКАГО . <i>Часть вторая</i>	215—294	
Холодный Домъ. Романъ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА .
Переводъ съ англійскаго И. А. Бирилева . Часть
шестая	295—374	
Муза. Стих. А. А. ФЕТА	375	
«Дай руку мнѣ». Стих. А. А. ФЕТА	—	
Гаданье. Стих. Т. Ч.	376	
II. Домашній Бытъ Русскихъ Царей прежняго
времени. <i>Статья шестая</i> (Воспитаніе царевичей).
И. Е. ЗАБЪЛИНА		47 — 82
Вальтеръ Скоттъ и его современники. <i>Статья
третья</i> . А. В. ДРУЖИНИНА	83 — 112	
III. Сумароковъ и современная ему критика, со-
чиненіе И. Булича . (<i>Статья А. Д. ГАЛАХОВА</i>). 11 — 42		
IV. Библиографическая Хроника (разборы 38 книгъ). 79 — 162		
V. Новыя изслѣдованія о Сидѣ (Dozy : «Recherches sur
l'histoire politique et littéraire de l'Espagne pendant
le moyen âge».) Т. Н. ГРАНОВСКАГО		37 — 54
VI. Современная Хроника Россіи (за апрѣль 1853
года)		13 — 20
VII. Новости наукъ, литературы, искусствъ и про-
мышленности		57 — 126
Петербургскія Замѣтки.		126—147
<i>Моды</i> (съ парижскою картинкою модъ).		
Объявленія : 1) Новыя Музыкальныя Сочиненія, продаю-
щіяся въ магазинахъ Бернарда и Стелловскаго. 2) «Ма-
газинъ Землевѣднія», изд. г. Фроловымъ, и «Космосъ»
перев. г. Фроловымъ.		

ОГЛАВЛЕНИЕ ШЕСТОЙ КНИЖКИ.

ИЮНЬ.

I. Словесность.

	СТР.	
ИСПЫТАНИЕ. Романъ В. КРЕСТОВСКАГО . <i>Часть вторая</i> ..	215	✓
ХОЛОДНЫЙ ДОМЪ. Романъ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА . Переводъ съ англійскаго И. А. Бирилева . <i>Часть шестая</i>	295	✓
МУЗА, стихотвореніе А. А. ФЕТА	375	
«ДАЙ РУКУ МНѢ», стихотвореніе А. А. ФЕТА	—	
ГАДАНЬЕ, стихотвореніе Т. Ч.	376	

II. Науки и Художества.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ РУССКИХЪ ЦАРЕЙ прежняго времени. <i>Статья шестая</i> (Воспитаніе царевичей). И. Е. ЗАВЪЛЕННА .	47	✓
ВАЛЬТЕРЪ СКОТТЪ и его современники. <i>Статья третья</i> . А. В. ДРУЖИНИНА	83	✓

III. Критика.

СУМАРОКОВЪ И СОВРЕМЕННАЯ ЕМУ КРИТИКА, сочиненіе Н. Булича . (Статья А. Д. ГАЛАХОВА).....	11	✓
---	----	---

IV. Библиографическая Хроника.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Бѣдность не порокъ, комедія А. Н. Островскаго	79	✓
Общепонятная Физика, составл. Н. Писаревскимъ , ч. I.....	101	
Слово Каолическаго Православія римскому католичеству.....	105	
Историко-статистическое описаніе Харьковской Епархіи.....	108	
Собраніе патріотическихъ стихотвореній. Н. Клачкова	109	
Повѣсть о войнѣ турецкой, М. Стаховича	—	✓
Европейская Турція въ ея современномъ состояніи.....	—	✓
О системахъ хлѣбопашества, С. Усова	110	

	СТР.
Объ уходѣ за огородами и овощами, <i>В. Владимірскаго</i>	110
Краткая ботаника, <i>И. Шмидовскаго</i>	111
Руководство къ рѣшенію геометрическихъ вопросовъ, <i>Ф. Симашко</i>	113
Русскій Солдатъ, изданіе <i>А. Васильева</i>	114
Атласъ проектовъ и чертежей сельскихъ построекъ.....	—
Подарокъ моей дочери.....	115
Руководство къ разговорамъ на англійскомъ и на русскомъ языкѣ, <i>А. Голя</i>	116
Полный Кандитеръ, <i>Г. Д.</i>	117
Записки рыбака, или наставленія, какъ находить различныхъ рыбъ и проч.....	—
Средства для приданія лицу красоты и молодости.....	—
Комнатная Магія, <i>Г. Ф. Амарантова</i>	118
Любовь и Вѣрность, романъ.....	—
Новый русскій пѣсенникъ.....	119
Стихотворенія или досуги <i>Федора Смурова</i>	—
ПРОДОЛЖЕНІЕ НАЧАТЫХЪ ИЗДАНІЙ.	
Катихизическія бесѣды, свящ. <i>Юанна Яхонтова</i>	120
Справочный Энциклопедическій Словарь, изд. подъ редакціею <i>А. Старчевскаго</i> , томъ 7.....	121
Учебникъ русской словесности <i>А. Охотина</i> , ч. II.....	134
ПЕРЕВОДЫ.	
✓ Изображеніе современнаго состоянія Турціи, изъ сочиненія <i>Убичини</i>	135
О производительныхъ силахъ Россіи, соч. <i>А. В. Тенгоборскаго</i>	138
Курсъ лѣсоводства, <i>Де-Брейля</i>	—
Разказы пестрой птички.....	139
НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.	
Иисусъ Христосъ на Голгоѣ.....	—
Начальныя основанія Химіи, сост. по Реньо, <i>П. Егоровымъ</i>	140
Горе отъ Ума, комедія <i>А. С. Грибоедова</i>	142
✓ Аскольдова Могила, опера.....	143
Искуситель, <i>М. Загоскина</i>	—
Кухмистеръ XIX вѣка.....	144
Ручная книга въ кухнѣ и погребѣ.....	—
Новый образцовый письменникъ.....	—
Старичокъ—весельчакъ, рассказывающій давнія московскія былія.....	145
ЖУРНАЛИСТИКА.	
Новыя сочиненія <i>Жуковскаго</i> («Ж. М. Нар. Пр.»).—Московская Словяно-греко-латинская Академія («Творенія Св. Отцовъ»).— Мелочи изъ запаса моей памяти, <i>М. Дмитріева</i> («Москвитян.»).—	

Риттеръ, превознесенный выше мѣры, и Свѣдѣнія о современномъ состояніи Турціи (въ «Современникѣ»). — Свадебные обряды Малоруссовъ. Г. Купріяновъ (въ «Москвитинѣ»). — Письма о Болгаріи; Ионическіе Острова, Письмо о ботаникѣ и Смѣсь Карамзина (тамъ же). — Продолженіе «Записокъ купца Жаркова о Киргизахъ» и окончаніе «Воспоминаній о ловлѣ звѣрей въ Сибири» и пр. (въ «Библіотекѣ для Чтенія»). — Прежняя и нынѣшняя Турція; Христофоръ Коломбъ; Похищеніе судна въ Великомъ Океанѣ и статья Кузена (въ «Пантеонѣ»). Критическіе отзывы «Современника» о произведеніяхъ г. Островскаго, г-жи Евгеніи Туръ и г. Авдѣева.....

146

V. Иностранная Литература.

Новыя изслѣдованія о Сидѣ (Dozy: Recherches sur l'histoire politique et littéraire de l'Espagne pendant le moyen âge. Tome I.) т. н. ГРАНОВСКАГО.....

37 ✓

VI. Современная Хроника Россіи.

Обозрѣніе современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій правительства по государственному управленію за апрѣль 1853 года.....

13

VII. Смѣсь.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВЪ, НАУКЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Новый воронежскій поэтъ: И. С. Никитинъ. — Сербская литература. — Нѣмецкая литература: сравнительная филологія; ваатландцы; мавры въ Испаніи; новые романы и историческія сочиненія. — Испанская литература: лещанское сраженіе. — Португальская литература: бразильскіе поэты; Техейра е Суза. — Итальянская литература: неаполитанскіе народныя поэты; мелкія сочиненія. — Англійская литература: американская библіотека; типы человѣческаго рода; война съ кабрами. — Французская литература: исторія естественныхъ наукъ въ среднихъ вѣкахъ; древности Персіи; разрушенный Парижъ; новый переводъ трактата Лонгина о высокомъ; метеорологія въ-отношеніи къ медицинѣ. — Новости общественной жизни въ Парижѣ: Лоншанское гулянье; измѣчивость моды; ранняя весна; страсть парижанъ къ гоикѣ судовъ; искусственная рѣка въ Булонскомъ Лѣсу; домашніе спектакли; опера Дюпре, игранная у него въ домѣ; опера Радб, данная также въ домашнемъ спектаклѣ; смерть Лепентра; итальянская опера; французская опера: «Встрѣча въ Дунаѣ»; Stabat Mater. —

Парижскіе театры: новая комедія Ожье и Сандо; драма *Амссе*; *Фредегонда*; водевили: *Домовой*, *Весною*, *Мужь*, *начинающей толстеть*, *Поиски за миллиономъ* и проч.; китайскіе фокусники; драма *La bonne aventure*; *Константинополь*. — Чтò дѣлается въ Лондонѣ: несчастія Чарльза Метьюса; критикъ Крокеръ; театральныя новости; жизнь и смерть поэта-судьи Тальфорда; какъ англичане охотятся за лисицами; трагедія: *Герцогиня Элеонора*; изданія Муррея. — Рыбы, рождающія живыхъ рыбъ. — Глазное зеркало. — Шаръ Зельтенрейха для поднятія изъ воды тяжелыхъ. — Новая птица на Мадагаскарѣ. — Христіанскій народъ въ Средней Азій. — Новый аппаратъ для облегченія поворотовъ большихъ военныхъ пароходовъ. — Новооткрытыя вавилонскія гробницы. — Вредъ цвѣтной бумаги. — Новыя изслѣдованія арійской мифологіи. — Изслѣдованія надъ каффрами. — Обычай сожиганія вдовъ съ трупами мужей. — Садоводство у ассириянъ по розысканіямъ Лейярда. — Имена и титулы мусульманъ. — Исторія открытія статуи Венеры Милосской. — Происхожденіе гуано. — Финикійскій памятникъ. — Этрусскія древности

57

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Удовольствія въ отсутствіи неудовольствій. — «Судь Людской не Божій», драма г. Потѣхина. — «Все для женщинъ», вод. — «Нюренбергская Кукла», новая опера. — Возобновленная опера и воспоминанія прошлаго. — Г-жа Ришаръ. — Артистъ провинціальныхъ театровъ, г. Рыбаковъ, въ роли Гамлета. — *Rotulus*, комед. — Новости французской сцены. — Неумирающее семейство. — Рецептъ для составленія драмъ. — Какъ пишутся комедіи и пословицы. — Замѣтки о петербургской жизни въ формѣ водевиля. — Екатерининское гулянье. — Дрожки-пролетки. — Поѣздка къ кронштадтскому рейду. — Новая часовня на Благовѣщенскомъ Мосту и новоселье Исакиевскаго Моста. — Гулянье въ Лѣтнемъ Саду. — Боги Олимпа, гуляющіе, рассказывающіе и спрашивающіе. — Странствующие жиды. — Англійскіе флаги въ Петербургѣ. — Новыя патріотическія стихотворенія. — Ложь и правда. — Дачныя эмиграціи. — Лѣтняя музыка и лѣтнія зрѣлища. — Веселыя прогулки въ городѣ. — Дачники. — Искатели насѣкомыхъ. — Увѣжающіе далеко

126

Моды (съ парижскою картинкою модъ).

ИСПЫТАНИЕ.

РОМАНЪ.

Часть вторая.

I.

На другой день, къ-вечеру, Шатровскій возвратился въ свою Сосновку.

Его сильно утомили послѣдніе два дня; поэтому, хотя вечеръ былъ прекрасный и видъ съ балкона не измѣнился, Шатровскій не обратилъ вниманія ни на то, ни на другое, а приказалъ выгнать мухъ изъ своей спальни, закрыть окна и давать ужинать, намѣреваясь насладиться полнымъ спокойствіемъ.

Неизвѣстно почему, но ему казался необходимъ отдыхъ, хотя онъ провелъ послѣдніе два дня, также какъ и предшествовавшіе, въ совершенномъ бездѣйствіи. Его ничто не потревожило, но онъ былъ безпокоенъ; ничто не огорчило его, но ему было скучно. Усталость, безпокойство и скука... отъ нихъ самое скорое, если не самое вѣрное лекарство — сонъ. Шатровскій сталъ акуратно лечиться; онъ проспалъ на другой день до полудня и проснулся если не здоровѣе, за-то съ самымъ здоровымъ аппетитомъ, что заставило его поторопить обѣдъ. Ранній обѣдъ и, вслѣдъ за нимъ, прогулка по хозяйству, сдѣлали необходимымъ полдникъ. Этотъ полдникъ былъ импровизированъ на порогъ погреба, гдѣ прельстили Шатровскаго ягоды и сливки; а когда онъ наслаждался тѣмъ

и другимъ, ему было какъ-то лѣнь идти дальше. Онъ усмѣхъ тутъ же, подъ навѣсомъ погребѣ, хотя видъ былъ нѣсколько не живописенъ и весь состоялъ изъ широкаго двора, обнесеннаго службами и поросшаго травой съ протоптанными по немъ узенькими дорожками. Собравъ вокругъ себя множество самыхъ разнообразныхъ дворняшекъ, Шатровскій приказалъ женщинѣ, угощавшей его сливками, принести имъ хлѣба, и кормилъ ихъ, разговаривая съ нею вообще о животныхъ и о ихъ наклонностяхъ; онъ сообщалъ ей нѣкоторыя свѣдѣнія о животныхъ Новаго Свѣта, гдѣ природа богаче нашей, и снисходительно улыбался немногонеодовѣрчивому, но непритворному ужасу слушательницы. Примѣтивъ, что нѣсколько мальчишекъ и дѣвчонокъ собрались—было играть «въ коршуна», но стѣснялись его присутствіемъ, онъ разрѣшилъ имъ это весьма-благосклонно и даже ободрялъ ловкихъ громкими похвалами. Такъ проходило время. Шатровскій разговаривалъ съ людьми, возвращавшимися съ разныхъ работъ, и распорядился поправкою забора и колеса у колодезя. Начинало темнѣть, и онъ съ сожалѣніемъ долженъ былъ отпустить своихъ собесѣдниковъ, для которыхъ пришла пора ужинать. Дворъ пусталъ понемногу. Дворняшки отправились лаять, каждая къ своему пѣсту: на гумно, въ садъ, къ сараямъ. Сторожъ застучалъ въ доску; въ промежуткахъ стука слышалось, какъ соловей засвисталъ въ рощѣ. Шатровскій далъ это замѣтить повару, который пришелъ за приказаніями; бесѣда ихъ продолжалась довольно-долго, пока стемнѣло; засвѣтились звѣзды, и прикащикъ, ожидавшій своей очереди для переговоровъ, появился, какъ призракъ, въ сумракѣ ночи. Онъ удивился мѣсту, на которомъ нашелъ своего господина, и замѣтилъ, что на дворѣ холодно и поздне. Шатровскій самъ начиналъ находить это, тѣмъ болѣе, что бесѣда прикащика была не довольно-занимательна, а въ домѣ засвѣтился огонь. Онъ такъ привѣтливо сіялъ среди темноты, такъ живо напоминалъ объ удовольствіи ужина, когда въ открытыя окна шелеститъ вѣтерокъ, раздувая свѣчи, и жуки вьются надъ кругами свѣта, что было невозможно не уступить его призыву, отказать себѣ въ этомъ наслажденіи. Шатровскій отпустилъ прикащика и поспѣшилъ въ домъ, не оглядываясь на природу: его ожидалъ накрытый столъ—пріятнѣйшее изъ всѣхъ пріятныхъ зрѣлищъ...

Но, оставшись одинъ, Шатровскій оглянулся на свой день, и ему стало что-то скучно. Это была скука безпредметная, бессмы-

сленная, скука, смѣшанная съ лѣнью прогнать ее, скука, которая радуется ночи, потому—что есть надежда забыться во снѣ. Шатровскій заснулъ...

Онъ всталъ весело, и хотя мелькнула мысль : чѣмъ заняться въ цѣлый длинный день, но эта мысль недолго его тревожила. Онъ погулялъ, посмотрѣлъ, какъ ловили рыбу, и потомъ, возвратясь домой, спросилъ ключъ отъ стариннаго шкапа съ книгами, примѣченнаго имъ въ одной изъ комнатъ. Отворивъ этотъ шкафъ, изъ котораго понеслась пыль и сырость, Шатровскій не безъ нѣкотораго страха вытащилъ маленькую книжку въ рыженькомъ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзкомъ, прочную, толстенькую книжку, какія уже не переплетаются въ нашъ вѣкъ, хотя вѣкъ и хлопочетъ, чтобы труды его сохранились для потомства. Книжка была чувствительный романъ. Вѣроятно, на нее лились не разъ искреннія, горячія слезы, но желтоватыя страницы не сохранили ихъ слѣдовъ : крѣпкая бумага улеглась какъ подъ прессомъ. Напрасно Шатровскій искалъ какого—нибудь «засохшаго, безуханнаго» цвѣтка, обрѣзка ленты, далекаго воспоминанія тѣхъ, чьи руки прикасались къ этимъ страницамъ; правда, онъ находилъ закладки, но то были акуратно—отрѣзанные лоскутки синеватой, пожелтѣлой бумаги, исписанные стариннымъ почеркомъ, на которыхъ чаще попадались цифры, нежели буквы—хозяйственные замѣтки, или обрѣзки расходной тетради... О разочарованіе!

Убдившись, что почти вся бібліотека состоитъ изъ такихъ же сокровищъ, съ прибавкой нѣсколькихъ связокъ старинныхъ журналовъ, тощихъ, сѣренкихъ и полиняло—розовыхъ тетрадокъ, мирно покоившихся во тѣмъ нижней полки, гдѣ крѣпко—втиснутые фоліанты «О поваренномъ искусствѣ» обтирали имъ углы и превращали ихъ въ клочья сѣрой пыли, Шатровскій хотѣлъ—было запереть шкафъ, но остановился, потому—что еще не придумалъ, что дѣлать. Казалось, было бы очень—легко перейти отъ этой старинны къ тѣмъ книгамъ, которыя онъ привезъ съ собою, но именно этотъ переходъ и показался труденъ Шатровскому. Онъ такъ мало чувствовалъ, такъ мало думалъ, что возбудить въ себѣ размышленіе и сочувствіе стоило бы ему усилія, на которое онъ не могъ рѣшиться. Занятіе, въ которомъ требовалось участіе души, пугало его, какъ пугаетъ понедѣльникъ школьника, который лѣнится въ воскресенье. Шатровскаго одолевала нравственная лѣнь. Онъ даже не разбиралъ своего чувства; онъ сказалъ себѣ просто, что ему некогда заниматься, надо же хоть немного

похозяйничать, надо же сколько-нибудь отдохнуть; читать—на то довольно времени и въ городѣ, а лѣто бываетъ одинъ разъ въ году...

Онъ и не оглянулся, что его хозяйственныя распоряженія состояли только въ кормленіи собакъ, а наслажденія природой—въ истребленіи ягодъ, купаньи и снѣ. Онъ и не вспомнилъ, что въ недѣлю, проведенную имъ въ деревнѣ, только одинъ разъ по душѣ его пробѣжало что-то похожее на чувство прекраснаго, какой-то трепеть радости и восторга, какое-то сознательное блаженство, которое заставляетъ жить полнѣе, потому-что, благотворно дѣйствуя на физическія силы, пробуждаетъ и силы нравственныя... Это было въ первый день его пріѣзда, когда онъ въ первый разъ вышелъ на свой балконъ. Если бы кто-нибудь напомнилъ ему это, Шатровскийъ не засмѣялся бы своему прошлому ощущенію; онъ сказалъ бы, что оно было прекрасно; но не всякую же минуту человекъ можетъ быть способенъ на такія ощущенія: для нихъ нужно особенное настроеніе души, а настраивать себя насильно — значитъ экзальтироватьсь...

Онъ не сознавался, но бездѣлье ему нравилось. Возможность комфорта и лѣни доставляла ему необыкновенное наслажденіе. Онъ шутилъ надъ собою, придумывая для одного себя лакомый обѣдъ, но не хотѣлъ замѣтить, что съ нѣкоторой тревогой думалъ: «что если этотъ обѣдъ не удастся?» Отсутствіе мысли, отъ котораго все кругомъ него являлось ему будто во снѣ, приносило столько покоя, что Шатровскийъ отдавался этому покою, не разбирая, на сколько покой унижалъ его достоинство.

Правда, минутами ему еще бывало скучно, какъ-будто отъ пустоты; но онъ вспоминалъ тогда, сколько разъ, взволнованный размышленіемъ и анализомъ, онъ чувствовалъ на сердцѣ тяжесть гораздо-большую—печаль, которая дѣлала немилымъ даже то, что могло бы радовать... Онъ вспомнилъ также, что когда-то уважалъ въ себѣ эту печаль, что онъ называлъ ее «тоской по міру» и за нее прощалъ себѣ многое другое...

«Было бы чѣмъ впечатлѣться!» сказалъ Шатровскийъ, бросаясь на диванъ въ своей гостиной и закрывая глаза, чтобы заснуть.

Неотвязное воспоминаніе подсказало ему, что когда-то прежде онъ говорилъ, что во всякомъ предметѣ, во всякомъ человекѣ можно найти что-нибудь стѣящее сочувствія...

Шатровскийъ разсмѣялся, подумавъ объ Аннѣ Дмитріевнѣ и о прочемъ.

Воспоминаніе стало настойчивѣе; оно доказывало, что въ жизни ничто не мелко, если уже такъ сложилась жизнь...

Шатровскій разомъ прервалъ всѣ эти доводы, грозившіе превратиться въ длинное размышленіе и надѣвсть ему :

«Наконецъ, я не хочу думать... такая полоса, такое расположеніе духа! Пересиливать свое расположеніе духа бесполезно и даже опасно; пройдетъ само, когда прійдетъ время...»

И, отъ нечего-дѣлать, онъ протянулъ руку за толстенькой книжкой, нечаянно-принесенной имъ изъ бібліотеки. Старинный романъ былъ переведенъ такимъ языкомъ, что, прочитавъ нѣсколько строкъ, Шатровскій расхохотался громко. Послѣ первой находки, онъ уже не могъ оторваться отъ такого наслажденія и читалъ въ концѣ, въ срединѣ, до-тѣхъ-поръ, пока заинтересовался содержаніемъ. Оно было нелѣпо, какъ и слогъ, но Шатровскій храбро откинулъ заглавный листокъ, перегнулъ въковой переплетъ, съ которымъ, вѣроятно, въ первый разъ его существованія обходились такъ нецеремонно, легъ покойнѣе и принялся читать съ первой страницы. Сначала съ нѣкоторымъ трудомъ заставилъ онъ себя понять завязку романа, потомъ, вникнувъ, слѣдилъ за нею, пока внимательность не вошла въ привычку и не сдѣлалась чѣмъ-то машинальнымъ; руки не бросали книги потому только, что одинъ разъ взяли за нее, а глаза смотрѣли на страницы потому, что надо же смотрѣть на что-нибудь... Голова его стала тяжелѣть, какъ послѣ лишняго сна, и лѣнь достигла крайнихъ предѣловъ. Отуманенный чтеніемъ, въ которомъ ни разумъ, ни чувство не принимали участія, усталый отъ жаркаго дня и отъ лежанья на диванѣ, Шатровскій нашелъ развлеченіе только въ обѣдѣ, потомъ у него достало воображенія только на то, чтобы подумать, что «надо бы отдохнуть», а физическихъ силъ только на то, чтобы дойти до постели...

Дня чрезъ три, проведенные точно такъ же, съ весьма-небольшими измѣненіями, Шатровскій съ удовольствіемъ замѣтилъ, что потолстѣлъ и что въ деревнѣ можетъ быть не очень-скучно.

Изъ этого можно заключить, что въ эти три дня Шатровскій еще усовершенствовался.

О книгахъ, привезенныхъ съ собою, онъ ужъ совсѣмъ забылъ. Въ одно прекрасное утро ему нечаянно попался подъ-руку длинный листъ какого-то журнала и заставилъ его вспомнить, что въ городѣ ему казались необходимыми уединеніе и тишина, чтобы зрѣло обдумать и совершить какой-нибудь полезный трудъ. Что

это были за труды и какую пользу должны были принести они, Шатровский уже не могъ опредѣлить ясно, и очень-насмѣшливо улынулся, вспомнивъ объ этихъ замыслахъ...

«Все суета на свѣтѣ!» сказалъ онъ съ глубокомысленнымъ вздохомъ. (Надо признаться, что этотъ вздохъ былъ больше вызванъ желаніемъ облегчить дыханіе, нежели мыслью о человечествѣ). «Все вздоръ!» прибавилъ Шатровский, посмотрѣвъ въ фелетонъ и бросая его подальше. «Разсуждай или не разсуждай, свѣтъ все-таки пойдетъ, какъ ему вздумается; а горевать о томъ, что онъ идетъ не такъ, какъ бы намъ хотѣлось... стоить ли тратить время?.. И притомъ, какъ бы онъ ни шелъ, мнѣ что за дѣлю? развѣ это до меня касается?»

Шатровский позволилъ себѣ потерять нѣсколько минутъ на размышленіе, которое уже нѣсколько дней считалъ потерей времени.

• «Мы не знаемъ жизни, продолжалъ онъ, а смотримъ въ даль; не справясь съ собою, задумываемъ, какъ переломить нравъ другихъ; не устроаясь устроиваемъ; не доучась учимъ. Логика!.. Завота всякаго должна быть одинъ свой уголъ, и никакъ не дальше; а что можетъ быть особеннаго въ этомъ углу?.. Какъ чловѣкъ способенъ преувеличивать все — дѣла, обстоятельства, чувства! Какое вѣчное дѣтство, вѣчная игра въ мыльные пузыри! Толкуемъ о суетѣ міра, осуждаемъ великихъ честолюбцевъ (которымъ, положимъ, было еще изъ чего хлопотать), кричимъ, что все прахъ, смиряемся — а что мы дѣлаемъ всякій день? Изъ всякой малости тревожимъ сердце, всякій вздоръ разбираемъ всей тонкостью нашей философіи; въ маленькой и незамѣчательной жизни поднимаемъ Богъ-знаетъ какую бурю! Что-нибудь огорчить насъ: мало того, что мы наплачемся — нѣтъ, мы еще станемъ разсматривать, что именно заставило насъ плакать; при разсмотрѣніи явятся подробности, часто также неутѣшительныя, а часто и такія, которыя намъ самимъ не дѣлаютъ чести, а только больше злятъ насъ... Это въ-отношеніи насъ самихъ, а въ-отношеніи къ другимъ—Боже, какъ мы забавны! Какую необыкновенную чувствительность мы въ нихъ предполагаемъ! какое великое значеніе придаемъ себѣ и своему вліянію! Какъ часто являемся мы готовыми утѣшителями въ томъ, или другомъ обстоятельствѣ, и съ удивленіемъ видимъ, что наше утѣшеніе вовсе ненужно... Мы такъ удивлены, что почти обижены... обижены тѣмъ, что нашъ ближній недовольно-несчастливъ! Досадно, что потратили участіе; иногда досадно, что физически побезпокоились.

Какъ все это забавно, и какъ легко избавить себя отъ лишннихъ тревогъ, другихъ отъ докучной заботливости : стѣить только не преувеличивать, то есть не думать...

« Не думать! блаженное состоянiе, покой, въ которомъ возможны всѣ наслажденiя, неподвижность, нисколько неунизительная для разума, потому—что обязанность разума найти счастье, а онъ исполнилъ ее, нашелъ счастье. Какая надобность разбирать, какъ и въ чемъ?.. Все такъ мелко вокругъ насъ, и наша натура такъ, даже незнаемо для насъ самихъ, возвышенна, что, по своему свойству, не въ состоянii долго заниматься и тревожиться мелочами... Вотъ источникъ забвенiя!

« Изъ чего же, изъ какой прихоти наряжаемся мы въ чувствительность и щеголяемъ ею? Въ насъ недостаетъ мужества выказать нашъ прямой взглядъ на вещи : мы называемъ его холодною, отвращаемся отъ человѣка, который осмѣливается громко признаваться, что не плачетъ отъ пустяковъ ; мы не хотимъ замѣтить, что этимъ онъ дѣлаетъ честь своему и нашему человѣческому достоинству... »

Шатровскiй разсмѣялся.

« Человѣческое достоинство ! Куда оно залетѣло ? Оно тутъ также кстати, какъ брилiанты къ ситцевому платью, какъ старинныя пушки, которыя, говорятъ, Петръ Иванычъ Домниковъ разставилъ у себя на огородѣ... А кстати, Петръ Иванычъ Домниковъ — уморительный старичокъ ! избавился ли онъ, наконецъ, отъ своего огорода ? Ну, вотъ еще одна изъ людскихъ фантазiй : какой логикой объяснить ихъ ? Въ гробъ глядiть, а скучаетъ деревенскимъ однообразiемъ и, пожалуй, заплачетъ, выѣзжая изъ своей усадьбы », заключилъ премудро Шатровскiй, ложась, по привычкѣ, которую уже успѣлъ приобрѣсти, на диванъ.

Старинная книжка, сдѣлавшаяся тоже постоянной жительницей дивана, попалась подъ бокъ Шатровскому. Онъ взялся за нее, какъ за дѣло, которымъ былъ непремѣнно обязанъ заниматься. Правда, онъ ужъ на столько свыкъся съ нимъ, что не восхищался безпрестанно; но бывали минуты, когда эти страницы доставляли ему неописанное наслажденiе. Такъ, теперь онъ прочелъ въ нихъ пламенное объясненiе въ любви, со многими « поеликѣ », « коликократно », съ упреками въ « злосердii и каменночувствiи », которые привели его въ совершенный восторгъ. Но ничто не могло сравниться съ его радостью, когда на полѣ, противъ этихъ строкъ, онъ замѣтилъ черту карандашомъ и ясно—сохранившiяся слова :

«Vous souvenés vous?...»

«Вотъ бы показать Настасьѣ Петровнѣ!» вскричалъ Шатровскій, любясь старинной орѳографіей и хохоча до слезъ.

Почему воспоминаніе о Настасьѣ Петровнѣ влетѣло ему въ голову, почему ни съ кѣмъ, кромѣ нея, не показалось Шатровскому занимательнѣе подѣлиться находкой—это очень—трудно объяснить, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ не объяснялъ себѣ этого нисколько. Онъ всталъ, смѣясь, и вспомнивъ кстати, что цѣлую недѣлю не видѣлся съ сестрой, велѣлъ осѣдлатъ себѣ лошадь и дать одѣться. Тутъ же вспомнилъ онъ, что во всю недѣлю не имѣлъ никакого извѣстія о сестрѣ, и ему показалось странно, что никто не вздумалъ о немъ навѣдаться; а потому, когда сборы для путешествія были кончены, хотя лѣнь и звала опять на диванъ, представляя въ отговорку жаркій день и «нездоровье», но Шатровскій мужественно побѣдилъ ее, вскочилъ на сѣдло и уѣхалъ, отдавъ самыя подробныя и опредѣленные приказанія касательно ужина.

II.

Подѣзжая къ дому Николая Петровича, Шатровскій увидѣлъ нѣсколько дрожекъ простыхъ, крытыхъ и бѣговыхъ, тарантасъ, запряженный тройкой, которая страшно звенѣла бубенчиками, и коляску, хотя древнюю, но внушающую уваженіе, что доказывалось заботливостью, съ которою она была поставлена въ тѣнь, гдѣ ее отпрягали. Во дворѣ было замѣтно движеніе: старая ключница бѣжала изъ погреба съ поспѣшностью, непостижимою въ ея лѣта; поварѣнки суетились, какъ воробы; въ окна кухни свѣтилось пламя и раздавался глухой, частый стукъ—признакъ ускоренной и усиленной работы. Съ удивленіемъ увидѣлъ Шатровскій Настасью Петровну, которая явилась на дѣвичьемъ крыльцѣ и такъ же поспѣшно направлялась въ кухню.

— Кажется, я попалъ на праздникъ? спросилъ ее Шатровскій.

— Да, гости, отвѣчала она поклонясь и убѣгая.

То же самое сказали ему въ прихожей; въ томъ же убѣдился онъ, входя въ гостиную, гдѣ увидѣлъ такое множество шумныхъ господъ, что съ перваго взгляда не успѣлъ разсмотрѣть никого и едва нашелъ Николая Петровича. Самъ Николай Петровичъ былъ чѣмъ-то сильно сконфуженъ и, проговоривъ: «Ахъ, это вы, Алексѣй Дмитричъ!» могъ прибавить только: «а вотъ Варенька!...»

Потомъ онъ обратился опять не къ разговору, въ которомъ не участвовалъ, не къ разсказу высокаго, худаго и черноволосаго господина во фракъ съ свѣтлыми пуговицами, а къ безмолвному, нѣсколько-тупому созерцанію, которое дѣлало всю его особу очень-жалкою. Все общество было слишкомъ занято толками и спорами, и потому не обратило вниманія на приходъ Шатровскаго. Только изъ какого-то кружка на встрѣчу ему выкатился Петръ Ивановичъ Домниковъ.

— Шумять, кричать! заговорилъ онъ, пожимая руку Шатровскому. — И охота имъ, право!.. А я-то избавился, избавился...

Анны Дмитріевны не было. Варенька занимала двухъ дамъ-помѣщицъ, сидѣвшихъ рядомъ на диванѣ, но составлявшихъ между собою совершенную противоположность. Одна была худенькая особа съ загорѣлымъ лицомъ, съ волосами, сѣдоватыми отъ пыли, въ ситцевомъ узенькомъ платьѣ, въ платкѣ, сколотомъ булавкой у самаго горла, въ чепчикѣ изъ смятаго лоскутка кисеи. Другая, въ двуличневомъ шерстяномъ платьѣ, въ бархатной мантильѣ, вся сіяла агрантами, стеклярусомъ, брошками и пестрыми лентами. Одна едва прикасалась къ дивану; другая помѣщалась на немъ съ необыкновенной свободой; одна была молчалива, другая говорила неумолкая и очень-громко.

— Здравствуй, Варенька, сказала, подойдя Шатровскій. — Что у васъ за праздникъ?

— Это по дѣламъ, по нашей деревнѣ...

— Видно, мой ангелъ, что вы еще опытности не имѣете, преврала нарядная дама. По нашей дачѣ совѣщаніе о земляхъ, продолжала она, съ улыбкой обращаясь къ Шатровскому: — по этому случаю Николай Петровичъ пригласили къ себѣ кушать.

— Такъ еще будутъ совѣщаться? спросилъ Шатровскій Вареньку, оглянувъ даму и обращая взглядъ на планы, которыми господинъ во фракъ страшно шумѣлъ въ углу.

— Нѣтъ-съ, ужъ совѣщаніе окончилось; совѣщаніе было у Василья Алексѣича — извольте знать? А вы тоже владѣете?

Сильный нетерпѣливый звонокъ заставилъ встрепетнуться Вареньку; онъ былъ слышенъ несмотря на говоръ, раздававшійся въ гостиной. Варенька встала.

— Куда ты? гдѣ матушка? спросилъ Шатровскій.

— Она нездорова, отвѣчала Варенька, уходя.

— Вы никакъ ихъ дяденька? продолжала дама. Очень-приятно познакомиться. А я ужъ такъ люблю вашу Варвару. Николав-

ну, потому—что онъ хоть и воспитанный, да не гордый. Верно долго здѣсь пробудете?

— Дядя, маменька зоветъ васъ къ себѣ, сказала Варенька, возвращаясь.

— Давно она больна? спросилъ Шатровскій, идя за нею.

— Дня два или три. Она постоянно то больна, то здорова.

— Ты не замѣчаешь, отчего эта болѣзнь? какая-нибудь причина моральная?

Онъ, улыбаясь, взглянулъ ей въ лицо. Варенька была серьёзна.

— О, какой холодъ!.. Давно ли былъ Карзановъ?

— Онъ не бываетъ у насъ, отвѣчала Варенька спокойно.

— И ты горюешь?

— Нисколько.

— Какъ? ужь утѣшилась?

— У меня не было горя.

— Я этого не понимаю.

— Чтò такое горе? сказала Варенька: — горе тогда, когда насъ не понимаютъ, не любятъ; а со мной этого не было.

— Это изъ какого романа?

— Изъ моего собственнаго.

— О, тѣтушка! посянное вами приносить плоды!

— Чтò вамъ сдѣлала тѣтушка?

— Ничего. Какъ она мило хозяйничаетъ! такъ проворно...

Варенька отворила дверь въ комнату матери. Шатровскому было необходимо сначала оглядѣться въ полумракѣ: окна были заперты, шторы и драпировки спущены; комната была лишена свѣта и воздуха и пропитана запахомъ туалетныхъ уксусовъ и спиртовъ, неизвѣстныхъ даже по имени чловѣку, нестрадающему нервами. Въ длинныхъ креслахъ полулежала Анна Дмитріевна. Шатровскій разглядѣлъ ее тогда только, когда раздался ея слабый призывъ:

— Alexis!

— Чтò съ тобой, душа моя?

— Варенька, подними стору и оставь насъ, сказала больная нѣсколько—раздражительно. Не эту, не эту; ты хочешь ослѣпить меня!.. Ахъ, Alexis, que je souffre!

— Что ты чувствуешь?

— Не знаю, отвѣчала Анна Дмитріевна, когда Варенька затворила за собою дверь. Я кончу тѣмъ, что умру. Моя болѣзнь моральная, Alexis. Къ—несчастью, я много читала и знаю, какъ вред-

ны моральныя потрясенія. Мой счетъ сведень; да мнѣ и не жаль жизни...

— Но что случилось? спросилъ Шатровскій, которому было неловко примѣниться къ такому траурному расположенію духа.

— Странно... какъ тебѣ разказать? Ты оставилъ меня больной... Меня разстроила Варенька, которая забрала себѣ въ голову, что Карзановъ въ нее влюбился. Я давно знаю эти глупости; я ихъ терпѣла. Карзановъ человѣкъ пустой, но все-таки партія для этой пустой дѣвочки... Какъ ты думаешь?

Шатровскій сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Я рада, что ты меня не обвиняешь. Но я передумала. А эта Варенька осмѣлилась настаивать, чтобъ я дала ему рѣшительное согласіе, опираясь на томъ, что если я принимала Карзанова, то, значить, я была рѣшительно согласна отдать ее за него... Одно изъ другаго не слѣдуетъ, я думаю?

— Конечно; ты могла передумать.

— Я изучила, я изслѣдовала этого человѣка, Alexis! продолжала Анна Дмитріевна, оживляясь. — Съ начала знакомства, онъ замѣтно старался понравиться мнѣ, но не разсчелъ... понимаешь... что для этого не надо пускаться въ отвлеченные разговоры, гдѣ выказывалась вся его пустота. Je l'ai tergassé! Шагъ за шагомъ, я опрокидывала каждое его мнѣніе, и ужь, натурально, гдѣ задѣто самолюбіе, гдѣ оно задѣто женщиной, тамъ исчезаетъ всякое другое чувство къ этой женщинѣ. Онъ не можетъ меня ненавидѣть, но онъ меня боится—я это знаю... Какъ всякая мелкая натура, онъ бросился въ крайность: обратился къ Варенькѣ. Ей лучше ненужно, но я не хочу этого; по-крайней-мѣрѣ, надъ нею я имѣю власть! я докажу ей, что она напрасно надѣется... Дай мнѣ флаконъ...

— Тебѣ вредно волненіе, Аннета.

— А сегодня... Чтò за пустѣвшій человѣкъ! вскричала Анна Дмитріевна. — Но ты еще не знаешь, чтò было...

— Я ничего не знаю.

— Какъ ты уѣхалъ, всю эту недѣлю меня выводили изъ себя. Онъ... Николай Петровичъ, не знаю, чтò съ нимъ сдѣлалось! Наконецъ пріѣзжаетъ Домниковъ, зоветъ съ собой въ городъ. Ты знаешь, онъ продалъ свое имѣніе Леониду Юрину, тому молодому человѣку...

— Знаю.

— Не правду ли я говорила, что надо было ѣхать? Домни-

ковъ свершалъ купчую, Юринъ тамъ былъ : прекрасный случай познакомиться — такъ ли ?

— Что жъ Николай Петровичъ? не повхалъ ?

— Не повхалъ ! Я стала представлять резоны — тѣмъ хуже ! Впрочемъ, и я смѣшна : какъ-будто этихъ людей образумишь какой-нибудь логикой!.. Но представь, что еще... Съ этимъ ужъ ничто не сравнится ! Онъ вздумалъ позвать на судъ—кого же? свою Настасью Петровну ! спрашиваетъ ее, должно ли ему вѣхать или нѣтъ. Та вертится... Ты понимаешь, при мнѣ ей нѣчего сказать. Я сижу, вотъ такъ, спокойно, а ее призываютъ на совѣтъ. Она уничтожилась предо мной, натурально. — «Какъ вамъ угодно...» И вообрази, всѣ эти дни она принялась утѣшать Вареньку; эта глупая дѣвчонка ей довѣрилась... Карзановская исторія гремитъ по всему дому...

— Не-уже-ли ?

— Я полагаю... впрочемъ, я не увѣрена; я узнаю. Но сегодня...

— Да что такое у васъ сегодня ?

— Ты засталъ полный домъ Богъ-знаетъ кого ! Это любезность моего супруга. Я рада, по-крайней-мѣрѣ, что они останутся безъ обѣда.

— Какъ такъ? спросилъ Шатровскій, размѣявшись такой пріятной неожиданности. — Стало-быть, и я наказанъ вмѣстѣ съ ними ?

— Можетъ-быть. Только если ты будешь голоденъ, Alexis, не моя вина: ты видишь, я не въ-состояніи заботиться о чемъ-нибудь.

— Но наконецъ что жъ такое? спросилъ Шатровскій.

— У насъ размежеванье—ты это слышалъ. День для совѣщанія былъ назначенъ сегодня. Я прошу Николая Петровича, чтобъ онъ пригласилъ всѣхъ владѣльцевъ и посредника къ себѣ въ домъ, гдѣ бы и я, наконецъ, могла сдѣлать что-нибудь своимъ вліяніемъ... Ты не знаешь вполне моей жизни, Alexis, что были бы безъ меня дѣла этого человѣка ! Но .. оставимъ это... Я просила, умоляла, представляла доводы. Юринъ владѣетъ въ нашей дачѣ; это былъ бы для него случай быть у насъ, а потомъ, конечно, и познакомиться, потому-что онъ остался бы обѣдать, видѣлъ бы семейство... Не понимаю (я даже размѣялась!), откуда взялась прозорливость у Николая Петровича: онъ догадается, что это должно было случиться. Тутъ ужъ, конечно, началось упрямство, которое можетъ вынести одно мое терпѣніе !.. Эти сцены были сегодня поутру. Назначили совѣщаніе въ деревнѣ (вообрази, вѣдь это отъ

насть чрезъ выгонъ; всего два шага!), у какого-то мелкопомѣстнаго. Какъ они не разломали стѣнъ его избы, когда всѣ къ нему набѣжали! Воображаю, каково было тамъ задыхаться Юрину, un homme comme il faut, который, я думаю, отъ-роду не видалъ ни такихъ домовъ, ни такихъ лицъ... Я была въ отчаяніи. Меня оттирають тутъ, а Николай Петровичъ совсѣмъ, въ шинели, въ картузѣ, отворяетъ ко мнѣ дверь и кричитъ: «Обѣдать мы все-таки прїедемъ; я позову къ себѣ; позаботься...» Мнѣ заботиться объ обѣдѣ! развѣ я въ-силахъ, въ-состояніи? И не забудь, это *мнѣ* отданъ приказъ, а Настасья Петровна съ *ш-lle Varbe* занимается свое образованное общество; она всегда находитъ, что я недовольно съ ними обходительна, а Настасья Петровна бѣгаетъ по кладовымъ и очень-рада, что хоть одинъ часъ да можетъ распоряжаться...

— Такъ ты не выйдешь? спросилъ Шатровскій.

— Mais, tu ne crois donc pas? Я совсѣмъ больна, меня душить здѣсь! вскричала Анна Дмитріевна очень-громко, что, должно предполагать, происходило отъ чрезмѣрнаго усилія. — Я разбита, я оскорблена, я играю глупую роль, какъ хозяйка! Что же, въ-самомъ-дѣлѣ, въ моемъ домѣ было невозможно говорить о дѣлахъ — мой домъ гостинница, куда прїѣзжаютъ только обѣдать? Я такъ глупа, что ко мнѣ нельзя пригласить образованнаго человека? я гожусь только принимать всякаго безъ разбору? Довести меня до такого состоянія и приказывать мнѣ, какъ ключницѣ, позаботиться, чѣмъ *мнѣ* кормить!... Это тяжело, Alexis, это убиваетъ!.. И тутъ, эта Варенька въ слезы, предлагаетъ послать за докторомъ... Я не могла этого вынести. Я выпила чашку бульйону, а она отправилась плакать къ своей Настасьѣ Петровнѣ... Такъ ужъ за одно, хотѣлось бы мнѣ знать, что говорятъ онѣ, потому-что я люблю дѣйствовать прямо; я молчу, молчу, но иногда, когда нужно, умѣю вернуть слово. Надо же мстить за себя какъ-нибудь; хоть булавкой, но уколоть. Я женщина, а мщеніе — наслажденіе женщинъ...

— И боговъ, сказалъ Шатровскій. — Видно, что ты не забываешь классиковъ, милая Аннета.

— Ахъ, другъ мой! я получила воспитаніе, я умѣла сберечь среди всей окружающей меня пустоты эту изящность пониманія, которая дается намъ природой; въ моей глуши я слѣжу за всѣмъ, что происходитъ въ мірѣ. Ты меня понялъ: читая все новое, я не забываю моихъ дорогихъ классиковъ.

Она показала на книгу, лежавшую на столикѣ, заставленномъ флаконами : то была «Родогуна».

— Намъ нужно выбрать время, Alexis, заняться вмѣстѣ, перечитать все это.

— Нѣтъ, другъ мой, избавь; я не въ-состояніи.

— О молодость ! что же лучшее находите вы въ новомъ ?

— Извини меня, сказалъ Шатровскій : — я не въ-силахъ вести литературный споръ.

— Дѣ, ты думаешь о другомъ... Тебѣ жаль меня, мой добрый Alexis ?

По совѣсти, Шатровскій ни о чемъ не думалъ. Положеніе-сестры казалось ему такъ сложно, что онъ не зналъ, съ какой стороны начать брать въ немъ участіе. Многое находилъ онъ забавнымъ, размыслилъ даже, что женщины умѣютъ волноваться изъ ничего, но подумалъ также, что и Аннѣ Дмитріевнѣ несовѣстно-пріятно, если эти сцены повторяются часто.

«Впрочемъ, размышлялъ онъ : — она не падетъ подъ бременемъ обстоятельствъ !...»

— Уволь меня отъ «Родогуны», душа моя, сказалъ онъ громко : — и если ты погружаешься въ классиковъ, то почерпни въ нихъ необходимую для тебя силу духа. Fatum ! что жъ дѣлать !... А пока, я пойду узнаю, суждена ли мнѣ голодная смерть, какъ Уголино, или еще остается какая-нибудь надежда.

— Поди, сказала слабымъ голосомъ Анна Дмитріевна, погружаясь въ свое кресло, съ видомъ снисходительности къ легкомыслію молодыхъ людей вообще и братьевъ въ-особенности.

Возвратясь въ гостиную, Шатровскій нашелъ общество почти въ томъ же положеніи, въ которомъ оставилъ; оно было только нѣсколько-тише : вѣроятно, устало толковать, или ожиданіе обѣда и голодъ заставили каждого примолкнуть и задуматься. Дамы были на террасѣ. Шатровскій засталъ, что Настасья Петровна внимательно слушала доказательства одного господина о неоспоримости правъ его крѣпостныхъ документовъ.

— Мнѣ предлагаютъ помириться, восклицалъ онъ. — Вотъ, вы, сударыня, и женщина, а понимаете, что это невозможно ! Я просто утверждаю, что это пристрастіе къ Юрину — больше ничего, какъ пристрастіе...

Увидя Шатровскаго, господинъ оглянулъ его недовѣрчиво, тотчасъ замолчалъ и отдалился.

— Кажется, Юринъ здѣсь въ общей немилости? спросилъ Шатровскій Настасью Петровну.— Вотъ и этотъ господинъ, котораго вамъ бы слѣдовало поблагодарить за его высокое мнѣніе о женщинахъ, также имъ недоволенъ.

— Вы были у Анны Дмитріевны? спросила Настасья Петровна.

— Вотъ прекрасный отвѣтъ на мой вопросъ! сказалъ, смѣясь, Шатровскій: — стало-быть, одно очень-близко къ другому?

Настасья Петровна смутилась.

— Будьте откровенны, сказалъ Шатровскій, вспомнивъ, что, какъ ему показалось, успѣлъ приобрѣсть расположеніе Настасьи Петровны въ свой первый визитъ.— Вы и я, мы здѣсь совершенно посторонніе. Скажите мнѣ, за чтѣ столько шума изъ Юрина? Кто правъ: сестра, или Николай Петровичъ?

— Вы видите, мы несовсѣмъ посторонніе, отвѣчала она.

— Все-равно! весело возразилъ Шатровскій:— все это такія мелочи, что меня, право, нисколько не тронетъ, если вы скажете, что сестра капризничаетъ. А съ вашей стороны — я такъ понимаю васъ — я увѣренъ, что вы не откажете въ участіи бѣдной женщинѣ, если ее огорчили напрасно.

— Все это очень-тяжело, отвѣчала Настасья Петровна, тронутая его послѣдними словами. — Мелочи, а отъ нихъ неприятности!

— Николай Петровичъ нашумѣлъ, накричалъ?

— Вамъ говорила Анна Дмитріевна?

— Развѣ нужно вѣрить только вполонину?

— Она раздражена... нездорова...

— Добрая Настасья Петровна! вскричалъ Шатровскій, весело подавая ей руку: — тутъ, видно, разспрашивать нѣчего; оставимъ ихъ въ покоѣ. Позвольте только просить васъ не отдаляться отъ меня, какъ отъ чужаго. Если кругомъ насъ безсмыслица — какая намъ нужда? Будемъ сами умны тѣмъ, что не станемъ тратить напрасно времени, которое можемъ провести вмѣстѣ и пріятно.

Она взглянула на него съ удивленіемъ.

— Васъ удивляетъ моя безпечность? Не примите ея за равнодушіе. Но я вижу, что ничего не могу сдѣлать, а могу только доставить себѣ нѣсколько дней истиннаго удовольствія, вамъ, можетъ-быть, нѣсколько дней пріятнаго забвенія. Воспользуемся хоть этимъ...

— Вы счастливы, если можете такъ легко устроиваться, отвѣчала она.

— Это слѣдствіе не характера, а размышленія. Я смотрю на жизнь легко, не изъ холоднаго эгоизма, а потому, что хорошо оцѣнилъ ее.

— Когда же вы успѣли это сдѣлать?

— Когда?.. Я не буду васъ увѣрять, какъ какой-нибудь разочарованный юноша, что я много пережилъ и отжилъ; этого не случилось со мною; напротивъ, я былъ счастливъ постоянно. Но не-уже-ли вы не захотите повѣрить, что ни одно чужое горе не прошло, не затронувъ моего сердца, что не было мысли, которая бы не пробудила отголоска въ моей душѣ?.. Меня все волновало, мнѣ все было близко!.. Я говорю вамъ не фразы, прибавилъ Шатровскій, робѣя отъ ея внимательнаго взгляда.

— Я вамъ вѣрю, тихо отвѣчала она. Но если вы такъ сильно чувствовали, то какъ могли вы остаться безпечными и какъ вы можете предполагать, что можно забываться въ какомъ-нибудь минутномъ удовольствіи?

— Я вѣрю въ силы души, отвѣчалъ Шатровскій: — я почувствовалъ много, и потому знаю цѣну печалей... Вотъ сейчасъ вы улыбнулись моимъ словамъ; можетъ-быть, вы не вѣрите мнѣ, можетъ-быть, вы смѣетесь надо мною, но, повѣрьте, я счастливъ, что вы улыбнулись! Это: «un assés à la douleur», какъ говорить мой любимый поэтъ, тотъ, чье воззрѣніе на жизнь такъ светло и вмѣстѣ истинно... Забывчивость возможна: почему же не отдаться ей? Если горе забывается само-собою, хоть на-минуту, то незачѣмъ напоминать его: оно ужъ лишилось своего величія и будетъ только упрямствомъ... Удовольствіе «тревожить язвы старыхъ ранъ» — только капризъ, ничего больше, капризъ, которымъ, когда мы не въ-состояніи мучить другихъ, мучимъ самихъ себя...

— Вы доказываете убѣдительно, сказала Настасья Петровна: и, для большаго убѣжденія — съ текстами.

— Что жъ дѣлать! они невольно приходятъ на память... Вы повѣрите, еслибъ вамъ вздумалось разказать мнѣ свои печали, я бы отъ всей души принялъ вашу откровенность; но самъ я никогда не попрошу у васъ откровенности; цѣдя васъ самихъ, я охотнѣе останусь для васъ простымъ, веселымъ знакомымъ, нежели существомъ, хотя и близкимъ, но мучительнымъ, потому-

что, требуя довѣренности, заставилъ бы васъ вспомнить и снова пережить прошлое... а это бываетъ тяжело!

Настасья Петровна не отвѣчала.

— Тѣмъ болѣе, продолжалъ Шатровскій, я не стану васъ вызывать на толки о маленькихъ житейскихъ неприятностяхъ.

— Дѣ, сказала Настасья Петровна : — житейскія мелочи вообще предоставляются женщинамъ.

— Напротивъ, было бы очень-хорошо, еслибъ и женщины ими не занимались. Если время и обстоятельства выговяютъ изъ нашей памяти даже истинное горе, то для заботы о неприятныхъ бездѣлицахъ довольно тѣхъ минутъ, когда онѣ случаются; толковать о нихъ — значить дѣлать имъ слишкомъ много чести.

— Но такимъ образомъ вы рискуете, не замѣчая прожить половину жизни?

— Если бѣольшая часть моей жизни должна состоять изъ неприятныхъ мелочей, то лучше я проживу ее не замѣчая, нежели стану вдаваться въ такое скучное занятіе.

— А если эти мелочи будутъ касаться другихъ, близкихъ или неблизкихъ вамъ людей, и для нихъ будутъ ужъ не мелочами, не-уже-ли и тогда вы не обратите на нихъ вниманія?

— О, тогда дѣло другое! я съумѣю различить...

— Не ошибитесь : привычка не беспокоиться — гибельная привычка. Въ вашихъ глазахъ будутъ, можетъ-быть, страдать...

— И вы думаете, что мое сердце не угадаетъ страданія? вскричалъ Шатровскій.

— Оно избѣгаетъ воспоминаній : оно обманется и въ истинномъ чувствѣ.

— Никогда ! сказалъ съ жаромъ Шатровскій.

Настасья Петровна разсмѣялась.

— Однако вы человекъ безпечный отъ слишкомъ-глубокаго анализа; вы увлекаетесь скоро и легко. Еслибъ замѣчать, сколько и въ чемъ вы себя противорѣчите...

— Не замѣчайте этого, не смѣйтесь надо мной, сказалъ онъ тихо и весело. Простите, если я нелогиченъ, и не скучайте, если я нахожу, что мнѣ очень-хорошо съ вами...

— Я очень-рада, если вамъ нескучно, отвѣчала она хладнокровно : — однако, житейскія мелочи прерываютъ нашъ разговоръ въ самую патетическую минуту : кажется, зовутъ обѣдать.

— Дѣ, вы хозяйничаєте сегодня ; отъ души желаю, чтобъ вамъ удалось.

— Это не трудно.

— Но вы безпокойтесь?

— Да, но только не объ обѣдѣ.

— Даю вамъ слово, что къ вечеру я устрою и поправлю всѣ эти маленькія несчастія.

— Вы это сдѣлаете? сказала Настасья Петровна. — Какъ я буду вамъ благодарна!

Ее позвали. Пока гости шумно собирались и тѣснились къ дверямъ залы, Шатровскій посвятилъ нѣсколько минутъ размышленіямъ.

«Всякій человѣкъ, подумалъ онъ, отличный актёръ и даже инпривизаторъ : стоитъ начать — слова бѣгутъ сами собою, конечно, при небольшомъ умѣньи и навыкѣ... Карзановъ, кажется, говорилъ что-то подобное... все равно! Надо признаться, что въ человѣкѣ есть эта способность : иногда увлекаешься тѣмъ, что почти не знаешь, чѣмъ кончишь. Вотъ Настасья Петровна особа ужъ нисколько непривлекательная, а говоря даже съ нею, можно совершенно-неволью договориться до признанія въ любви, которому она повѣритъ непременно, потому-что признаніе въ любви — мечта старыхъ дѣвъ. И при первомъ удобномъ случаѣ я не откажу ни ей, ни себѣ въ этомъ удовольствіи. Надо же чѣмъ-нибудь заниматься...»

Шатровскій спокойно отправился обѣдать.

Николай Петровичъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, какъ подсудимый; его лицо выражало страхъ и ожиданіе; чувства, его волновавшія, были очень-разнообразны, но все кончалось страхомъ и ожиданіемъ. Онъ обращался иногда къ господину во фракѣ, сидѣвшему подлѣ него, посреднику, отъ котораго зависѣла участь его дачи, но смятеніе не допускало его предложить вопросъ, сколько-нибудь касающійся дѣла : все ограничивалось приглашеніемъ вынуть еще рюмку вина и замѣчаніемъ, что жарко. При перемѣнѣ тарелокъ, безпокойный взоръ Николая Петровича переносился на Настасью Петровну, отъ нея на дверь буфета, и отдыхалъ только тогда, когда новое блюдо начинало совершать путешествіе кругомъ стола. Но и это отдохновеніе было минутное. Новая тревога поднималась въ душѣ Николая Петровича; онъ украдкой, осторожно взглядывалъ на дверь гостиной, казалось, ожидая увидѣть привидѣніе... Что-то въ родѣ угрызенія совѣсти вставляло его потуплять глаза и отпиваться водою... Съ тоскою обходя лица всѣхъ присутствующихъ, взоръ Николая Петровича останавливался

на Шатровскомъ, который наблюдалъ за нимъ, внутренно умирая со смѣха.

— Что? спросилъ Николай Петровичъ: — вы были у нея?

— Да; отвѣчалъ серьезно Шатровский: — Аннета очень-больна.

— Что это съ ними сдѣлалось? вскричала нарядная дама, его сосѣдка.

— Вероятно, чѣмъ-нибудь обезпокоилась, отвѣчалъ хладнокровно Шатровский.

— Чѣмъ же это? какъ это?

Настасья Петровна взглянула на него съ удивленіемъ. Шатровскому вдругъ вздумалось взволновать барынь и заставить ихъ толковать, и онъ исполнилъ свою мысль, не замѣчая, что его шутка была неприятна другимъ. Громкій споръ на другомъ концѣ стола далъ ему возможность не отвѣчать на разспросы. Разговоры гостей не умолкали съ начала обѣда; по временамъ слышались вздохи и робкія возраженія, убѣдительные возгласы, доказывающіе хладнокровныя замѣчанія торжествующихъ, и наконецъ все сливалось въ одинъ общій шумъ.

Одинъ только помѣщикъ, съ претензіями на хорошій тонъ, считалъ обязанностью часто обращаться къ дамамъ, чтобъ не оставлять ихъ скучать, находя неприличнымъ утомлять ихъ толками о дѣлахъ и съ нѣкоторымъ негодованіемъ оглядываясь на тѣхъ, кто позволялъ себѣ возвышать голосъ.

— Я нахожу, что за обѣдомъ всякая личность должна быть забыта, говорилъ онъ Варенькѣ, подлѣ которой сѣлъ, не уступивъ приглашенію Николая Петровича сѣсть ближе къ нему: — я нахожу, что преніямъ здѣсь нѣтъ мѣста. Одно присутствіе прекраснаго пола должно бы, такъ-сказать, стѣснять...

— Помилуйте! раздался голосъ среди спора: — да тутъ вовсе проѣзда не будетъ!

— А! это они свое! сказалъ, оглянувшись, любезный помѣщикъ: — я рѣшительно не понимаю этой страсти кричать...

— Проѣзда не будетъ въ участокъ, къ выгону проѣзда не будетъ, говорятъ вамъ, продолжалъ господинъ, который объяснял свои дѣла Настасьѣ Петровнѣ.

— Помилуйте, да вотъ вамъ проѣздъ, доказывалъ другой, чертя по скатерти вилкой.

— Влѣво? да влѣво моя усадьба: какъ же вы ее снесете подѣ дорогу?

— А вправо лощина!

— Да какъ же? позвольте...

— Нѣтъ, позвольте! одно слово, господа, одно слово! сказалъ маленькій, толстенькій господинъ, весьма-почтеннаго вида: — если вы возьмете къ зюйдвесту на...

— Куда тамъ къ зюйдвесту? Вамъ говорятъ: тутъ моя усадьба; это и женщина пойметъ!

— Вы меня извините, но я понимаю, потому-что занимаю самъ: если вы только на одинъ румбъ къ зюйдвесту...

— Вамъ, просто, самимъ жаль разстаться съ вашимъ огородомъ...

— Впервыхъ, это вовсе не огородъ...

— Возьмите: выгонъ полверсты за околицу; это мнѣ надо загонять скотъ чрезъ все селеніе, чрезъ овражекъ, мимо конопляниковъ.

— Вовторыхъ, это фруктовый садъ, и еще отъ предковъ моихъ...

— Да хоть сейчасъ планъ!

— Господа, господа!... произнесъ, улыбаясь, миролюбивый соседъ Вареньки.

— Я такъ далъ и свѣдѣніе, что «считаю за священную обязанность сохранить доставшееся мнѣ отъ предковъ моихъ...»

— Вы считайте не считайте за обязанность, а если все такъ пойдетъ...

— Не знаю, кто причиной! воскликнулъ со вздохомъ маленький господинъ.

— Тотъ, кто не хочетъ уступить.

— Никому уступить не хочется-съ.

— Помилосердуйте, это не уступка, а разореніе! Сколько лѣтъ я владѣлъ единственно и безспорно — и долженъ лишиться! Въдь не шутка: тридцать-семь десятинъ...

— Господа — дамы! напомнилъ съ упрекомъ учтивый владѣлецъ.

— Чтò дамы! будто ужъ и говорить нельзя!

— И въ сказкѣ сказано: «поговоривъ между собою...»

— Чтò мнѣ сказка! я ея не подписываю, я подаю просьбу, рѣшительно. Мнѣ надо знать свое владѣніе... Дай мнѣ казеннаго землемѣра, я требую повѣрки!

Восклицанія поднялись, какъ буря...

— Помилуйте, на сколько же это еще лѣтъ? Не все равно планъ! Три раза ужъ его повѣряли!...

— Слышали ли вы когда-нибудь такой шумъ? спросилъ Шат-

ровскаго его сосѣдъ съ другой стороны, Доминиковъ, на котораго онъ во весь обѣдъ не обращалъ вниманія.

— Это весело, отвѣчалъ Шатровскій.

— Да, со стороны забавно, кому, какъ намъ съ вами, дѣла нтъ... Я-то совсѣмъ кончилъ съ своей деревней : продалъ-съ. Хочу на дняхъ ѣхать въ городъ, найму квартиру. Тогда ко мнѣ милости просимъ.

— Юринъ уже расплатился съ вами?

— Онъ, видите, вотъ чтѣ... Известно, человѣкъ молодой! Онъ мнѣ говоритъ : «Петръ Ивановичъ, вотъ деньги на столъ; хотите — берите; но мнѣ онъ нужны, и мнѣ все равно занимать ; я вамъ дамъ за полгода впередъ проценты». Чего жъ мнѣ лучше? Тотчасъ и помѣстилъ свой капиталъ : и вѣрно и безъ хлопотъ.

— Гдѣ жъ вы теперь живете ?

— У Михайла Семеныча... у Карзанова, досказалъ старикъ, потому-что Шатровскій взглянулъ, какъ-будто не помня этого имени. — Покоить меня какъ роднаго. А доставалось же мнѣ отъ него, зачѣмъ продалъ деревню ! Въ черномъ цвѣтѣ все видитъ, право.

— Конечно, въ черномъ цвѣтѣ, сказалъ Шатровскій. Если онъ говоритъ что-нибудь противъ того, что вы отдали вашъ капиталъ Юрину... я не знаю Юрина, но вѣрно, онъ такой же благородный человѣкъ, какъ самъ Карзановъ...

— Безъ сомнѣнія, благородный человѣкъ. Такой любезный! Я говорилъ ему, что желалъ бы имѣть изъ дома... мѣбель кое-какую, канареекъ, столъ ломберный. — «Извольте, возьмите, не беспокойтесь»... Я все это помѣстилъ у Михайла Семеныча. А тяжело мнѣ было выѣзжать. Даже Михайло Семенычъ соскучился, на меня глядя, утѣшалъ меня ; въ шахматы съ нимъ бились, да онъ плохой игрокъ : соображенія мало. Вѣдь я, какъ еще за границей были, въ тринадцатомъ году, считался игрокомъ порядочнымъ, заключилъ старикъ съ гордостью.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Какія партіи выигрывалъ! Ну, теперь не то. Здѣсь, въ деревнѣ, развѣ въ карточки иногда...

— А вы любите ?

— Люблю-съ. Что-нибудь, знаете, вистикъ, преферансикъ. Я люблю, чтобъ игра шла акуратно, день, другой... Вы играете ?

— Да, отвѣчалъ Шатровскій.

— Во чтѣ ?

— Во что вамъ угодно.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

Старикъ оживился и завертѣлся на стулѣ; онъ хотѣлъ предложить еще вопросъ, но въ эту минуту встали изъ-за стола, чего нетерпѣливо дожидался Николай Петровичъ. Пользуясь суматохой, Николай Петровичъ подошелъ къ Шатровскому въ смущеніи.

— Какъ вы думаете, мой любезный Алексѣй Дмитріичъ...

— Надѣлали вы дѣла! сказалъ, смѣясь, Шатровскій. Скажите, что съ вами сдѣлалось? какъ съ вашимъ характеромъ...?

— Я и самъ не знаю, отвѣчалъ Николай Петровичъ, еще болѣе упавъ духомъ.

Онъ уже не спрашивалъ, въ какихъ дѣлахъ его упрекають, не удивлялся, что дѣйствія его обнаружены, не оскорблялся ни выговоромъ, ни тономъ выговора. Смиранный ручей, разлившійся на минуту, опять вошелъ въ берега и сталъ еще смиреннѣе, испугавшись пути, въ который было-пустылся. Николай Петровичъ вышелъ изъ себя, не уступилъ въ первый разъ въ жизни и горько каялся, что осмѣлился сдѣлать все это. Поступающіе всегда по своей волѣ привыкли къ смѣлости, къ противорѣчіямъ, къ послѣдствіямъ борьбы; люди робкіе всегда падаютъ, когда прыгнуть, и упавъ, еще плотнѣе прижимаются къ землѣ. Очень-натурально, что они возбуждаютъ смѣхъ, а не состраданіе.

— Какъ вамъ вздумалось? продолжалъ Шатровскій полушутя, полусерьезно.

— Такое затрудненіе... гости тутъ, а она...

— Но развѣ вы не могли сдѣлать ей удовольствіе: позвать Юрину? — и все тутъ.

— Нѣтъ, извините, этого я ужъ никакъ не могу! отвѣчалъ Николай Петровичъ, покраснѣвъ, но довольно-твердо. — Я не позвоу его къ себѣ. Если она вамъ жаловалась, то вѣрно и сказала, почему я не хочу, чтобы онъ былъ у меня въ домѣ.

— Я ничего не знаю. Пожалуйста, объясните.

— Объяснить недолго. Назадъ тому лѣтъ десять, какъ я былъ предводителемъ, на отца Юрина подали мнѣ просьбу, и справедливую. Я вамъ разкажу...

— Нѣтъ, я вѣрю вамъ, что просьба была справедлива. Дальше что?

— А дальше то, что я поступилъ такъ, какъ должно чиновнику: изслѣдовалъ дѣло, и Юрина отстранили отъ выборовъ. Я, конечно, остался и слѣдующіе выборы на своемъ мѣстѣ, но Юринъ

распускалъ обо мнѣ такіе слухи... Да и по самому моему достоинству мнѣ не приходилось быть знакомымъ съ человѣкомъ... когда я же доказалъ, что это за человѣкъ!

— Положимъ, это была причина; но отецъ Юрина уже умеръ, а сынъ...

— Сынъ! вскричалъ Николай Петровичъ съ необыкновенной энергіей:— а у меня дочь! Я не хочу чтобъ говорили... И такъ мы неловко поступаемъ съ Михайломъ Семеновичемъ... Да вы этого не знаете...

— Знаю.

— Такъ что жъ вы скажете? Отличный молодой человѣкъ сватается; мы ему ни да, ни нѣтъ, и онъ даже начинаетъ отдаляться; а вдругъ станемъ завскакивать Богъ-знаетъ въ комъ! За что это приметъ Махайло Семеновичъ?

— Милый мой Николай Петровичъ, не волнуйтесь. Тѣмъ болѣе вамъ надо сохранить согласіе съ вашей женой; уступите въ прихоти, настояте въ дѣлѣ. Развѣ приятно проводить день, вотъ какъ вы теперь?

— Что за пріятность!

— Вся это замѣчаютъ. Подите къ ней: она больна, разстроена.

— Подите вы прежде, сказалъ робко Николай Петровичъ.

— Вы хотите, чтобъ я уговорилъ ее принять васъ?

— Сдѣлайте милость.

— Но вы скажите же, что постараетесь увидѣться съ Юринымъ.

— Ни за что!

— Такъ какъ вамъ угодно. Я поведу домой. Прощайте.

— Нѣтъ, батюшка Алексѣй Дмитричъ, подите, скажите что хотите, только бы она...

— Я скажу, что вы просите у нея прощенія, сказалъ Шатровскій. Ступайте, займите гостей чѣмъ-нибудь, а я заставлю ее одѣться и выйдти сюда.

— Благодарю мой!

Шатровскій отправился къ сестрѣ.

Анна Дмитриевна сидѣла у открытаго окна; румянецъ игралъ на щекахъ ея; взоръ былъ томень, напоминая недавнее страданіе. Она смотрѣла въ книгу, улыбаясь лучамъ солнца, которые скользили по вѣткамъ плюща, оплетавашаго окно.

— Право, пріятно быть хорошенькой! сказалъ Шатровскій, появляясь предъ нею: — умираетъ, а рисуется!

— Шалунъ! сказала Анна Дмитриевна, оставляя книгу.

— Какъ ты себя чувствуешь?.. Я пришель тебя успокоить: гости должны быть довольны — обѣдъ былъ прекрасный.

— Покорно благодарю! возразила Анна Дмитриевна. Ко мнѣ являлись сюда съ приборомъ и суповой чашей: я прогнала. Должно-быть все было отлично, если судить по этому обращенію.

— Такъ ты ничего не ѣла?

— Велѣла себѣ приготовить... Оставимъ это, сдѣлай милость. Шатровскій помолчалъ нѣсколько минутъ.

— Николай Петровичъ очень разстроены, сказалъ онъ наконецъ.

— Капризные эгоисты всегда сами накричатъ и потомъ охаютъ, отвѣчала Анна Дмитриевна.

— Великая истина! Но все-таки онъ жалокъ.

На лицѣ Анны Дмитриевны выразилось глубочайшее презрѣніе.

— Ты жалѣешь о немъ? спросила она холоднымъ тономъ оскорбленнаго величія.

— Послушай, въ-самомъ-дѣлѣ...

— Странные люди! прервала Анна Дмитриевна, какъ-будто погружаясь въ созерцаніе чего-то стоящаго предъ нею. — Истинная горестъ, какъ бы ни была основательна, велика — достойна уваженія; но если она молчитъ и ничѣмъ не выражается, то не существуетъ для нихъ. Ихъ пугаютъ, тревожатъ, сочувствіе ихъ вызываютъ глупые крики, мелочное оханье, пискливыя жалобы... весь вздоръ, который не выдержитъ здраваго анализа, который своимъ ничтожествомъ способенъ возмутить...

— Послушай, душа моя, прервалъ въ свою очередь Шатровскій: — я не спорю, что ты права (ему отвѣчали вздохомъ и пожатіемъ плечъ); но кто правъ, тотъ обязанъ прощать ради своего собственнаго совершенства.

— Не хотятъ вѣрить, что терпѣнію есть границы! вскричала Анна Дмитриевна.

— Все такъ, поспѣшилъ сказать Шатровскій, чтобъ не дать ей увлечься: — но тебя поддерживаетъ сознание, что ты права, а онъ только мучится... Онъ проситъ у тебя прощенія, Анна.

— Не вамъ ли онъ поручилъ принести ему прощеніе?

— Конечно; вѣдь ты запретила ему входъ сюда, отвѣчалъ Шатровскій. — Полно, моя милая, будь добра, какова ты всегда. Прости его. Все это вздоръ. Позабавимся вмѣстѣ.

— Забава!..

— Право, не печаль. Выдумали отыскивать невидимыя слезы сквозь видимый смѣхъ; по-моему, въ большей части видимыхъ

слезъ можно найдти очень-много невидимаго смѣха. Подумай : такъ вѣрнѣе. Ты добра ; прощенье для тебя ничего не стоить ; приласкать, утѣшить — обыкновенное дѣло твоей благородной души ; следовательно, почему не смѣяться остальному?.. А тамъ столько оригиналовъ...

— Я уже имѣю счастье ихъ знать.

— Но я ихъ не знаю, и мнѣ не съ кѣмъ улыбнуться.

— Ты хочешь, чтобы я шла туда?

— Конечно : изреки милостивое слово и явись. Кончай ужъ все разомъ !

— Понимаешь ли ты, что такое нравственное утомленіе?

— Вполнѣ.

— И зовешь меня туда!..

— А ты понимаешь ли наслажденіе сознавать себя выше другихъ? Понимаешь ли ты, что твоя бесѣда съ этимъ обществомъ — та же борьба высокаго съ пошлымъ, которая вѣчно совершается въ мірѣ?

Шатровскій самъ испугался фразы, вылетѣвшей такъ гладко и бойко, и ждалъ отъ нея дѣйствія совершенно-противнаго тому, которое она произвела.

— Пошлость... вѣчная борьба... повторила задумчиво Анна Дмитріевна. — Твоя правда!..

— А если правда, то оправься и поидемъ.

— Николай Петровичъ ничего не говорилъ о Юринѣ? спросила она, вставая.

— Послушай... онъ довольно-основательно не хочетъ звать его къ себѣ.

— Основательно? спросила съ негодованіемъ Анна Дмитріевна.

— Да... съ отцомъ была ссора...

— Ты смѣшонъ! Въ какомъ вѣкѣ мы живемъ? въ какой странѣ? Что это : корсиканская vendetta, или исторія Капулетти и Монтеки?

Это было сказано съ такимъ серьезнымъ гнѣвомъ, что Шатровскій расхохотался.

— Очень-забавно! продолжала Анна Дмитріевна. Отецъ завелъ дѣло съ какими-то мелкопомѣстными, уздннй предводитель вступился — развѣ это бросаетъ тѣнь на имя сына? Что жъ? молодой человекъ послѣ этого потерялъ въ общемъ мнѣніи?

— Я ничего не говорю, возразилъ Шатровскій, укрощая свою веселость : — но видишь ли, вамъ неловко приглашать молодого

человѣка, которому слѣдовало бы представиться сажому... Это въ самомъ-дѣлѣ исторія Монтекии : тамъ Ромео, у васъ Джульетта...

Анна Дмитріевна вспыхнула.

— Точно будто вы заискиваете... договорилъ Шатровскій.

— О, провинціальное, отсталое понятіе!

— Однако похоже на то.

Анна Дмитріевна въ волненіи прохаживалась по комнатѣ; на-залось, въ головѣ ея разрабатывалась какая-то сильная мысль, а въ душѣ боролась скрытность съ необходимостью признанія. Всѣ эти чувства выражались на ея лицѣ, когда она жѣсколько-торжественно подошла къ брату.

— Я должна быть съ тобой откровенна, Alexis. Мы созданы для того, чтобъ понимать другъ друга. Слушай меня внимательно.

Шатровскій запасся терпѣніемъ.

— Я мать, продолжала Анна Дмитріевна: — я женщина изысканная. Я много страдала всю жизнь отъ безпрестанныхъ столкновеній съ безхарактерностью этого человѣка, съ которымъ связала меня судьба. Понятно, что я хочу ожить, обновиться въ моей дочери, въ моемъ созданіи. Я боюсь за нее, за участь, которая грозитъ и ей, если ее схоронять въ этой глуши, гдѣ схоронили ее мать... Но я не допущу этого (сказала еще торжественнѣе Анна Дмитріевна, остановивъ жестомъ брата, который собирался что-то сказать). Я устрою судьбу Вареньки такъ, какъ задумала. Я избавлю ее отъ мелочныхъ хозяйственныхъ заботъ; я дамъ ей мѣсто въ свѣтѣ, гдѣ замѣтятъ ея красоту и таланты. Если свѣтъ вызоветъ ее на борьбу, борьба будетъ достойна ея характера. Я не позволяю ей измельчиться; я дамъ ей мужа, который будетъ стоить ея удивленія!..

— Но развѣ Юринъ...? прервалъ Шатровскій.

— Юринъ будетъ ея мужемъ! произнесла Анна Дмитріевна такъ торжественно, какъ-будто ужъ благославляла Вареньку къ алтарю.

— Я не то хотѣлъ сказать, проговорилъ Шатровскій, немного растерявшись: — но Юринъ еще незнакомъ съ вами.

— Для того-то я и хочу, чтобъ онъ былъ здѣсь.

— Но если Варенька...

— Не понравится ему? сказала Анна Дмитріевна съ гордостью, которая показывала, до какой степени она изучала классиковъ.

— Нѣтъ... Но вѣдь Варенька любитъ Карзанова.

— Любить! повторила она, громко засмѣявшись, что составило

неожиданный и чрезвычайно-эффектный переходъ отъ ея прежней величавости: — любить! И ты тоже защитникъ первой водевильной любви? Дитя можетъ ли чувствовать сознательно? Неискушенное чувство можетъ ли быть прочно? Вѣчны ли дѣвѣ? Развѣ я не любила?...

Шатровскій потерялся совершенно.

— И наконецъ, я не хочу этого, сказала Анна Дмитриевна съ твердостью, которая составляла основаніе ея характера. — Это вздоръ! Не мудрено сдѣлать сравненіе: тысяча душъ и — сто; мужъ безъ семьи и — старая мать на рукахъ; молодой человѣкъ образованный, прекрасный собою и...

— Карзановъ недуренъ и образованъ, замѣтилъ Шатровскій, противорѣча безосознательно.

Анна Дмитриевна взглянула на него съ пренебреженіемъ.

— Юринъ будетъ у насъ! сказала она. Я иду туда и потребую отъ Николая Петровича...

— Нѣтъ, къ-чему же? прервалъ Шатровскій, пугаясь исторіи: — при гостяхъ...

— Alexis!

— Что?

— Ты правъ. Ты далъ мнѣ мысль. Заискивая въ Юринъ, не должно показывать ему, что мы заискиваемъ. Любишь ли ты меня?

— Ты сама знаешь, душа моя...

— Нѣтъ, безъ отговорокъ. Ты долженъ привезти ко мнѣ Юрина.

— Какъ-же я это сдѣлаю?

Анна Дмитриевна поправила челчикъ, закуталась въ шаль и пошла къ двери съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, что Шатровскій бросился за нею.

— Подожди, Аннета, постой... къ-чему сцены? Я познакомлюсь съ Юринымъ.

Анна Дмитриевна остановилась.

— Та parole d'honneur, Alexis? сказала она, съ недодражаемо-кокетливой граціей протягивая ему руку изъ-подъ шали.

— Хорошо.

— Союзъ оборонительный и наступательный? продолжала она.

— Хорошо... Но, во первыхъ, миръ съ Николаемъ Петровичемъ.

— Стоитъ ли говорить! Ты сейчасъ увидишь... Въ моей на-

туръ, Alexis, владѣть собою удивительно; ты еще не знаешь, на что я способна.

— Прежде всего — ты милая, добрая, снисходительная женщина, сказалъ онъ, отворяя ей дверь.

— Я мать!.. отвѣчала Анна Дмитриевна съ восторгомъ самоотверженія.

Ш.

Появленіе Анны Дмитриевны въ гостиной совершилось неожиданно какъ для гостей, такъ и для членовъ семейства; она была принята съ торжествомъ, хотя и съ замѣшательствомъ, и Шатровскій, остановясь за нею, умиралъ отъ смѣха. Николай Петровичъ былъ пораженъ и нерѣшительно приблизился къ ней на встрѣчу; гости, гремя стульями, поднялись изъ-за картъ; дамы оставили диванъ и столъ съ десертомъ; посредникъ подошелъ къ ручкѣ. Анна Дмитриевна остановила порывъ нарядной помѣщицы, протянувъ ей руку на такомъ разстояніи, что въ объятіи броситься было невозможно, и, кланяясь другой гостьѣ, окинула ее взглядомъ, выражавшимъ недоумѣніе, кому она кланяется, и человекъ ли стоитъ предъ нею. Обходя прочихъ гостей, она разсыпала привѣтствія, дарила улыбками, счастливила всѣхъ. Забытъ былъ только Николай Петровичъ; но одно появленіе жены сдѣлало его уже счастливымъ. Анна Дмитриевна это замѣтила; понимая жизнь вполнѣ, она понимала, что ненадо давать чловѣку забываться среди счастья.

— Какъ это ловко придумано! сказала она мужу:— и безъ того всѣ не ладятъ между собой, а вы посадили ихъ за карты, чтобы они больше перессорились!

Потомъ она подозвала Вареньку и долго и серьезно говорила съ нею пофранцузски. Сильно-заинтересованныя дамы смутились и потерялись, такъ-что, когда Варенька вышла, довольно-замѣтно покраснѣвъ, объ гостьи сдѣлались равно-молчаливы. Анна Дмитриевна откинулась на спинку дивана, прижала свою шаль и подняла глаза къ небу, будто придумывая съ чего начать разговоръ. Варенька возвратилась въ другомъ платьѣ.

— Къ-чему вы наряжались? И такъ хороши были. Для насъ, что-ли? сказала ей гостья.

— Платье надѣвается для себя, отвѣчала выразительно Анна Дмитриевна.

Гости опять поникли головами и задумались. Варенька съла. Анна Дмитриевна опять закрыла глаза.

Шатровскаго все это очень забавляло.

— Довольны ли вы мною? спросил онъ тихо Настасью Петровну, которая напрасно старалась оживить общество и завязать разговоръ.

— Чѣмъ? спросила она.

— Неблагодарная память!.. Я сдѣлалъ все, что могъ: привелъ ее сюда, а дальше— не въ моей власти... Пойдемте въ садъ.

— Но Варенька одна...

— Надо же и вамъ отдохнуть. Будьте хоть немного эгоисткой: это спасаетъ отъ многого.

— Отъ чего же, напримвръ?

— Пойдемте, я скажу дордгой.

Онъ распахнулъ балконъ, не слушая восклицаній Анны Дмитриевны, которую беспокоилъ вѣтеръ, и сошелъ съ террасы.

— Я еще ни разу пріятно не гулялъ здѣсь. Пойдемте... Или моя беззаботность развеселитъ васъ, заставитъ смѣяться, или... во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, эта прогулка будетъ мнѣ памятна.

— Почему?

— Потому-что я въ первый разъ совершенно наединѣ съ вами, и потому-что я разгадалъ васъ съ перваго взгляда.

— Это очень-нетрудно сдѣлать.

— Очень-трудно. Женщинъ, какъ вы, немного. При васъ можно выражаться рѣзко, даже говоря о васъ самихъ, и вы простите это, потому-что прямы и благородны и презираете полуслова и получувства... Если вы живете полумърами, то потому-что слишкомъ-добры, слишкомъ любите тѣхъ, кто васъ окружаетъ; ваша молчаливость, уступчивость... Будемъ откровенны: сестра моя — капризна; Николай Петровичъ очень-жалокъ; ваше положеніе между ними...

— Послушайте! прервала Настасья Петровна:—если вы хотите, чтобы я продолжала говорить съ вами о чемъ-нибудь, то никогда не говорите объ этомъ. Сегодня поутру мнѣ было тяжело; я, не обдумавъ, можетъ-быть, сказала что-нибудь; но теперь я спокойна и больше себя этого не позволю. Это будетъ похоже на злословіе; а кто охотно начинаетъ злословіе съ своей собственной семьи, тотъ уже непрямя и неблагороденъ, какъ вы говорите.

«Нравоученіе!» подумалъ просебя Шатровскій.

На дѣлъ онъ поцаловалъ ея руку, будто извиняясь; она не

емутилась, какъ—будто не придавая этому никакого значенія. Шатровскій растолковалъ себѣ ея спокойствіе, какъ совершеннѣйшее кокетство.

«Она говорила о добродѣтели, подумалъ онъ: — теперь заговорить о правахъ своихъ лѣтъ».

Но онъ ошибся.

— Я вамъ признаюсь только, сказала Настасья Петровна: — что я очень—рада вашему участию. Сначала я было—думала... что вы примете все это не такъ, и почти боялась васъ.

— «Она молодится!» мысленно воскликнулъ Шатровскій.

— А теперь вижу, что могу даже просить васъ... Вы знаете, что Варенька и Карзановъ...

— Оставимъ ихъ въ покоѣ! отвѣчалъ Шатровскій съ нетерпѣніемъ.

Онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что дружба Настасьи Петровны, особы съ характеромъ, дружба затруднительная своею настоячивостью и серьезной стороною, готовила ему хлопоты. Давъ сестрѣ слово познакомиться съ Юринимъ, Шатровскій считалъ, что окончательно выполнилъ свою обязанность предъ всѣми, устроивъ общее спокойствіе, а о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ нисколько не заботился. Онъ рѣшительно отказывался мѣшаться во что—нибудь, не только въ чемъ—нибудь настаивать, или противорѣчить...

— Богъ съ ними! продолжалъ онъ: — какое мнѣ до нихъ дѣло? Его я не знаю, она—ребенокъ. Первая любовь и дурачество—синонимы.

— Какъ вы строги! возразила съ упрекомъ Настасья Петровна.

— Я думала, что вы примете къ сердцу горе этой милой дѣвушки и положеніе этого молодаго человека, который вполне стоитъ участія. Я надѣялась на васъ. Они такъ искренно любятъ другъ друга...

У Шатровскаго явилась великолѣпная мысль; онъ нашелъ выходъ изъ этой затруднительной дружбы. Слушая Настасью Петровну, онъ потупилъ голову сначала отъ скуки, а потомъ, по мѣрѣ того, какъ обдумывалъ, оттого, что поза была кстати.

— Вы слишкомъ—добры, сказалъ онъ вдругъ печально. Что мнѣ въ любви другихъ?.. Это говорить вамъ не безпечность, не холодный разсудокъ...

— А что же?

— Истинная печаль души, которой не удавалось любить, отвѣчалъ очень—тихо Шатровскій, опять опуская голову.

И несколько минут онъ шелъ молча.

— Какая-то злая зависть... договорилъ онъ, рассчитавъ, что пауза была достаточно-долга, чтобъ произвести эффектъ.

— Завидовать недолжно, тихо отвѣчала Настасья Петровна.

— Такъ! вскричалъ Шатровский. — Но вы имѣете столько права на любовь... болѣе всякой другой женщины...

Она засмѣялась, но въ ея смѣхѣ слышалось печальное раздраженіе.

— Любили ли вы? спросилъ Шатровский.

— Конечно, я не дитя.

— И ваша любовь была понята, раздѣлена [со всемъ восторгомъ?..

— Меня никто не любилъ, отвѣчала она.

Шатровскаго остановило ея хладнокровіе.

— Вамъ любопытно или забавно смотрѣть на меня? продолжала она.— Вы находите, что я имѣю много правъ на любовь,— а я не была любима; или вы ошибаетесь, судя обо мнѣ, или это ничѣмъ необъяснимо.

— Я удивляюсь...

— Чему?

— Этому необыкновенному равнодушію, этому спокойствію...

— Это только здравый смыслъ. Я не могу обмануть и увѣрить себя, что мои чувства бывали раздѣлены: не стоить труда обманывать другихъ. Я могла бы молчать объ этомъ; но если ужъ зашла рѣчь, почему не рассуждать о себѣ, какъ я рассуждала бы о другой?

— И такъ же хладнокровно? И вы можете, не возмущаясь душой противъ людей, говорить, что они васъ не оцѣнили?

— О вкусахъ не спорить, возразила она: — особенно когда вкусъ общій.

— Но вы сами, съ вашимъ свѣтлымъ понятіемъ, вы отдавали же себѣ справедливость...

— Мое мнѣніе о себѣ составлено по мнѣнію другихъ.

— Это ужасно! сказалъ Шатровский будто про-себя.— Но прошу васъ, будьте откровенны. Вы хладнокровны только съ вида, только изъ благораумія; внутренно, въ минуты, когда вы остаетесь одиѣ, вамъ бываетъ жаль себя?

— Согласитесь, что сожалѣніе о себѣ—ребячество, которое мнѣ не по лѣтамъ и отъ котораго я обязана исправиться, еслибъ оно и было.

— Но оно невольно, невольно! вскричалъ Шатровскій, совершенно-довольный тѣмъ, что ея голосъ задрожалъ, несмотря на всѣ ея усилія казаться спокойною. Невольно говоришь себѣ, что время, если еще не ушло, то уходитъ; невольно жалѣешь, что напрасно погибнуть тѣ силы, которыя сознаешь въ себѣ; невольно завидуешь, когда видишь, что какая-нибудь дѣвочка счастлива, любима Богъ—знаеть за чтѣ...

Настасья Петровна покачала головою.

— Нѣтъ? не-уже-ли нѣтъ? повторилъ Шатровскій. Васъ ни-что не мучить? Стало-быть, вы не будете и счастливы, если вамъ скажутъ, что васъ любятъ?

— Мнѣ этого не скажутъ, отвѣчала она, спокойно улыбаясь.

Шатровскій принялъ эту улыбку за вызовъ самаго опытнаго кокетства, и сдѣлалъ ему честь, нашель, что онъ довольно-ловко исполненъ и не лишентъ граціи. Спокойная грусть Настасьи Петровны дала Шатровскому смѣлость продолжать, и потому онъ сказалъ послѣ минутнаго молчанія, потупивъ глаза въ песокъ дорожки :

— Знаете ли вы, что бываютъ привязанности съ перваго взгляда, что онѣ прочнѣе, лучше другихъ, потому-что въ нихъ въ одну минуту сказывается вся наша душа?.. Вѣрите ли вы въ нихъ?..

Голосъ его вдругъ ослабѣлъ на послѣднихъ словахъ; онъ договорилъ ихъ почти-шопотомъ и взглянулъ въ лицо Настасьи Петровнѣ. Она была смущена и опустила глаза. Пользуясь этой минутой, Шатровскій снялъ фуражку и, будто поправляя волосы, растрепалъ ихъ живописнѣе; потомъ еще разъ посмотрѣлъ на свою спутницу, сжалъ ей руку, хотѣлъ поцаловать, удержался и прошепталъ, отворачиваясь :

— Сумасшествіе !..

Настасья Петровна въ свою очередь посмотрѣла на него холодно и долго; въ ея взглядѣ выразилось удивленіе, недоувѣрчивость, потомъ мелькнула страшная печаль...

Пока молодой человѣкъ безъ характера и чувства игралъ съ нею эту недостойную комедію, въ душѣ дѣвушки прошло воспоминаніе всей ея напрасно-прожитой жизни, всѣхъ слезъ, незамѣченныхъ людьми, всѣхъ страданій—отъ оскорбленнаго чувства до оскорбленнаго самолюбія... Пролетѣло и еще одно воспоминаніе, самое лучшее и самое мучительное... она обманула Шатровскаго; но еслибъ она и довѣрилась ему, онъ не былъ способенъ понять

ее, а еслибъ и понялъ, то осудилъ бы... Она вспомнила, какъ говорятъ слова любви, хоть тому прошло и много лѣтъ... Что жь такое были слова Шатровскаго: любить ли онъ, или смѣется?

Отчаяніе схватило ее за сердце: она была или неожиданно, страшно счастлива, или страшно оскорблена. Женское чувство сказало ей, что разгадка въ первомъ словѣ, которое скажетъ Шатровскій. Въ первыя минуты послѣ порыва, когда душа еще не успѣла вполне овладѣть собою, она невольно высказываетъ даже самую сокровенную мысль: Настасья Петровна ждала, что Шатровскій выскажется...

Она не разочла одного: если онъ шутить надъ нею, то ужь и обдумалъ заранѣе, какъ вести себя, какъ *проговориваться* въ трудныя минуты. Шатровскій считалъ ее опытною, нежели сколько она была въ-самомъ-дѣлѣ, и обманывалъ по всѣмъ правиламъ.

Онъ шелъ молча, поглядывая по сторонамъ и предъ собою, и остановился на крутомъ берегу пруда.

— Какой хорошенькій видъ! сказалъ онъ.

Его голосъ былъ какъ-будто разбитъ, движенія принужденны и печальны.

— Сестра говорила, что вы рисуете. Увижу ли я вашъ альбомъ?

Онъ взглянулъ на Настасью Петровну несмѣло и почтительно; казалось, своей просьбой онъ просилъ прощенія.

Она между-тѣмъ успѣла обдумать. Уже не дожидаясь, что скажетъ ей Шатровскій, она рѣшила, что неблагородно подозрѣвать, будто онъ смѣется надъ нею; но врожденная недовѣрчивость къ самой себѣ заставила ее подумать, что это увлеченіе, хотя бы даже и искреннее, ни на чемъ неосновано, и что Шатровскій самъ посмѣется ему когда одумается.

«Слѣдовательно, сказала она сама себѣ: — я должна держаться съ нимъ такъ, какъ-будто ничего не замѣчаю, чтобъ ему самому потомъ не было неловко предо мною и совѣстно.»

Шатровскій никакъ не предполагалъ, чтобъ труды его такъ напрасно пропали: онъ мечталъ завлечь, восхитить, а выходило, что его выслушали какъ мальчика и щадили изъ состраданія. Ничего не замѣчая своего незавиднаго положенія, онъ сознавался только въ одномъ, что Настасья Петровна не изъ числа обыкновенныхъ, старыхъ дѣвъ, и что игра въ чувства съ нею можетъ имѣть нѣкоторую занимательность. Она не выказывала ни пуританизма, ни холодности, не притворялась отжившею, или ребенкомъ, не была свободна какъ особа, извлекающая изъ старости

последнюю выгоду: право говорить все. Въ ней было что-то неприхотливо-молодое, что почти нравилось Шатровскому. Съ своей стороны, онъ былъ убежденъ, что сильно взволновалъ ея сердце...

Съ этимъ убежденіемъ смотрѣлъ онъ на нее въ ту минуту, когда она, въ смущеніи, придумывала, какъ бы осторожнѣе съ нимъ держаться.

— Я вамъ покажу свои рисунки, сказала она: — но я давно не рисую ничего, кромѣ узоровъ.

— Почему же? спросилъ Шатровскій, будто думая о другомъ.

— Нѣкогда и лѣнь.

— Снимите этотъ видъ.

— Да, онъ недурень.

— Завтра, придетъ сюда: возьмите съ собой карандаши, краски. Это будетъ рисунокъ для меня.

— Вы думаете, я буду меньше лѣниться, если меня станутъ сажать за работу? возразила она, смѣясь.

— Вы мнѣ не откажете, отвѣчалъ онъ тихо. — Я не просилъ, но благодарю заранее.

Еще нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ молча въ даль, повторяя въ глубинѣ души своей извѣстный стихъ:

Que de stupidités m'épargne ce silence!

и наконецъ началъ призывать какое-нибудь обстоятельство для развязки этой длинной сцены. Обстоятельство явилось въ видѣ группы гуляющихъ гостей.

— О, прощайте! я бѣгу, сказалъ Шатровскій: — теперь, это общество для меня невыносимѣе, нежели когда-нибудь.

И онъ ушелъ въ аллею.

Въ это время Анна Дмитриевна, сидя на диванѣ въ гостиной, была очень-занята разговоромъ съ Петромъ Ивановичемъ Домниковымъ. Дамы ушли гулять съ Варенькой, другіе гости попрежнему занимались картами.

— Такъ, исключая этой мебели, у него есть и другая? спрашивала Анна Дмитриевна.

— Безподобная-съ. Старинная, золоченая, съ гвоздиками и «трокадеро», штофъ съ золотыми цвѣточками. Еще ихъ батюшка

съ аукціона купилъ. Эту онъ въ гостиной разставилъ, а о драпировкахъ писалъ въ Москву. Я говорю: «къ-чему вамъ, Леонидъ Васильичъ? Сами вы здѣсь не живете...»

— Нѣтъ, прервала Анна Дмитріевна, человѣку порядочному и одинъ день непріятно прожить въ какомъ-нибудь пустырь: глаза не могутъ привыкнуть.

— Конечно, привычка. Но что стѣдить!

— Чего бы ни стоило. Это домъ его предковъ: онъ ему дорогъ по воспоминанію.

— Да вѣдь предки-то кто были... началъ Домниковъ, улыбаясь нѣсколько-саркастически.

Анна Дмитріевна будто не слышала.

— По всему, что вы говорите, сказала она:—и по его поступку съ вами, я вижу, что это превосходный молодой человѣкъ, и совѣтую вамъ, Петръ Ивановичъ, постарайтесь съ нимъ сблизиться, не теряйте этого случая. Теперь воспитаніе такъ подвинулось, молодые люди занимають такія почетныя должности...

— Ну, этотъ не далеко ушелъ...

— Здоровье, не всегда позволяетъ служить, Петръ Ивановичъ.

— Нѣтъ, онъ, слава-Богу...

— И притомъ, у кого большое состояніе, тотъ можетъ быть полезенъ отечеству, какъ помѣщикъ; устроить жизнь двухъ тысячъ душъ...

— У него тысяча-съ.

— Все равно, съ женщинами и дѣтьми.

— Понимаетъ-то онъ немного. Вотъ сегодня, на совѣщаніи...

— Ахъ, Петръ Ивановичъ, кто жъ ихъ пойметъ?.. Я этотъ крикъ изъ своей комнаты слышала. Какъ вы счастливы, что избавились отъ хлопотъ!

— Да-съ, конечно.

— Я за васъ искренно порадовалась, когда узнала о продажѣ вашей деревни. Вы знаете, я довольно-сосредоточеннаго характера, но въ васъ я принимаю столько участія...

— Отъ души вамъ благодаренъ.

Анна Дмитріевна подала ему руку.

— Не забывайте насъ, Петръ Ивановичъ.

— Какъ это возможно, матушка! вскричалъ восхищенный старичокъ:—да вы, Николай Петровичъ, Варенька... Охъ, матушка, извините...

— Вы имѣете право называть ее такъ: вы ее на рукахъ носили.

— Какъ же-съ, вотъ этакую...

— Вы любите мою дочь? спросила Анна Дмитриевна съ глубокимъ чувствомъ: — она доброе дитя.

— Ангелъ, красавица!.. Только, вѣдь, вотъ теперь, какъ подросла, этого не дѣлаетъ, а то, бывало, прѣдешь, выбѣжить, кинется на шею...

— Я всегда ей внушала простое обращеніе.

— Знаю, матушка, что вы внушали, отвѣчалъ онъ, забывая прошедшее, въ которомъ образъ Анны Дмитриевны могъ явиться ему совсѣмъ въ другомъ видѣ. — Вѣрите ли... я, вотъ, тоже говорю Леониду Васильчу: «если и жаль мнѣ здѣсь кого, такъ это вашего семейства, Варвару Николавну», и рассказываю ему...

— Дѣ, это облегчаетъ сердце, сказала задумчиво Анна Дмитриевна: — говорите ему чаще о насъ...

Шатровский явился очень-некстати.

— Ахъ, Alexis!.. Ты гулялъ? До-сихъ-поръ?

— Дѣ, отвѣчалъ онъ, принимаясь за варенье.

— И все въ томъ же обществѣ?

— Все въ томъ же, сказалъ онъ съ легкой и значительной улыбкой.

— Оно, вѣроятно, вамъ понравилось?

— Мнѣ всегда нравится общество, когда я самъ ему нравлюсь.

— Ah, tu es imrayable, Alexis!.. Жаль, что твоя шутка для меня кончится вовсе не шуткой.

— Почему?

— Помилуй! Вздохи, уныніе, уединеніе, разныя фантазіи, а ихъ и безъ того довольно. У особъ этого рода чувство иначе не выражается.

Шатровский промолчалъ, завидя новый, отвлеченный разговоръ: онъ уже усталъ отъ отвлеченностей.

— Скоро ли чай, Аннета? Мнѣ бы хотѣлось воротиться домой прежде ночи.

— Ты, кажется, тоже заразился положительностью?.. Чай сейчасъ подадутъ.

— Вы для чего же спѣшите домой, Алексѣй Дмитричъ? вмѣшался Домниковъ: — есть дѣло?

— Никакого.

— А что же? спросилъ умильно старичокъ, не замѣчая тона, съ которымъ былъ сдѣланъ отвѣтъ. — Со мной, вдвоемъ, въ преферансикъ, по маленькой...

— Я не играю по маленькой, возразилъ Шатровскій, разлегаясь въ креслахъ. — Какъ я усталъ отъ этого гулянья!

— Можно съ «котелочкомъ», чтобъ усилить, съ открытымъ вистикомъ...

— Mais, faites-lui se plaisir, сказала снисходительно Анна Дмитриевна.

— Пожалуй, если хотите.

— Вамъ самимъ понравится! вскричалъ старичокъ въ восхищеніи, бросаясь распоряжаться. — Я, сейчасъ... Человѣкъ! столъ сюда поставь, къ окошку. Тутъ, знаете, прохладнѣе...

— Се раучте vieux! сказала Анна Дмитриева.

— Карточки, я думаю, можно старенькія. Дай намъ старенькихъ, любезный, да Алексью Дмитричу кресло подвинь, мягкое... Ну-съ, пожалуйста, батарея готова.

Шатровскій лѣниво поднялся и взялъ карту.

— Мнѣ только карточки позвольте красненькія; признаюсь, имѣю замѣчаніе: цвѣтъ любви... какъ же иначе въ наши годы!.. А вотъ мы и возьмемъ-съ... да и снимемъ!

— Вы торжествуете, Петръ Иванычъ? спросила издали Анна Дмитриевна.

— Какъ же-съ, благоволите взглянуть, что съѣз. Въ древности былъ одинъ герой, тоже въ преферансъ игралъ, «безсмертные, говоритъ, сажусь не съ тѣмъ, чтобы выиграть, но и не съ тѣмъ, чтобы проиграть»... и побѣдилъ-съ! Изволили читать это?.. А мы и еще спишемъ.

— Mais, il est charmant! сказала Анна Дмитриевна. — Я и не знала, Петръ Иванычъ, какъ вы остроумны за картами.

— Какъ же-съ... Куплю... Смотрите, сударыня, онъ вистовать собирается! Извольте-съ, батюшка, извольте выступить съ вѣренной вамъ дивизіею... А вотъ вы и безъ двухъ, съ чѣмъ и имѣю честь поздравить!

— Вы мастерски играете, Петръ Иванычъ! воскликнула Анна Дмитриевна.

— Это предосадно! сказалъ съ нетерпѣніемъ Шатровскій. Позвольте посмотретьъ взятки.

— Нѣчего смотрѣть-съ, извольте въ котелокъ: — есть надежда, какъ вы будете почаше этакъ...

— Юринъ играетъ? спросила Анна Дмитриевна.

— Должно-быть. Управляющій говоритъ, что его въ Москвѣ одинъ... вотъ, забылъ имя!.. такъ отѣлалъ...

— Вы ренонсъ дѣлаете, прервала Анна Дмитріевна.

— Тысячъ до пятидесяти, договорилъ Домниковъ.

— Стало-быть, есть страстишка? замѣтилъ Шатровскій.

— Точно такая же можетъ быть и у тебя и у меня, возразила Анна Дмитріевна: — неопытность! встрѣтился съ дурнымъ чело-
вѣкомъ... Enfin, vous voilà, mesdames!

Варенька, Настасья Петровна и гости воротились съ прогулки.

Шатровскій подумалъ, что влюбленному, какимъ онъ представ-
лялся, несовсѣмъ-прилично заниматься преферансомъ, и слѣдуетъ,
по-крайней-мѣрѣ, принять самый отчаянно-скучающій видъ; но На-
стасья Петровна прошла мимо, не обративъ на него ни малѣйшаго
вниманія, что дало Шатровскому возможность не безпокоиться и
тѣмъ онъ былъ очень-доволенъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, игра съ весе-
лымъ и снисходительнымъ партнеромъ, пріятный блескъ свѣчей
при отворенномъ окнѣ, пріятный запахъ чая, пріятный вкусъ сли-
вокъ и сдобнаго печенья, покой мягкаго кресла — все вмѣстѣ
доставляло наслажденіе, отъ котораго было трудно оторваться. Все
повторялось машинально; сдача картъ, движенія, самыя сообра-
женія, начинавшія обращаться въ привычку, остроты партнера,
который, высыпавъ ихъ въ началѣ партіи, сталъ повторяться;
шутки, входившія въ поговорку и встрѣченныя всегда одинако-
во-веселымъ смѣхомъ — все становилось однообразно, приходило
въ такой неизмѣнный порядокъ, что мысль и чувства могли
успокоиться, и въ этомъ спокойствіи было совершенное само-
забвеніе... Шатровскій забылся такъ, что не замѣчалъ ничего кру-
гомъ себя, и только, какъ-то разслышавъ бой часовъ, вздумалъ
заглянуть на свои часы.

— Пора домой, Петръ Иванычъ.

— Какъ же? не кончено. Вы посмотрите, что у меня котловъ...

— Кончите завтра, сказала Анна Дмитріевна. — Послушай,
Alexis...

Она отвела брата, между-тѣмъ, какъ Домниковъ обводилъ мѣ-
ломъ ремизы, собиралъ карты и наказывалъ лакею не чистить
стола.

— Ты завтра будешь у Юрина? спросила Анна Дмитріевна
Шатровскаго.

— Я страшно хочу спать, Аннета.

— Ты хочешь привести меня въ отчаяніе!

Шатровскій былъ такъ спокоенъ за минуту, что почти испу-
гался.

— Съезду завтра... Прощайте, Николай Петровичъ.

Николай Петровичъ почти привыкъ слышать отъ своихъ гостей только встрѣчныя и прощальныя привѣтствія. Другіе гости стали прощаться вслѣдъ за Шатровскимъ.

IV.

Шумное общество и разнообразно-проведенный день произвели свое дѣйствіе на Шатровскаго: онъ проснулся, скучая только пустотою Сосновки, и понявъ, что не можетъ оставаться одинъ. Мысли не было; занятія пугали; ему стали необходимы разговоры о чемъ бы то ни было, съ кѣмъ бы то ни было, лишь бы можно было убить въ нихъ время. Шатровскій ужъ не только не повторялъ себѣ, что какое-нибудь серьезное воззрѣніе неумѣстно въ ежедневной жизни, но не обращалъ ни на что никакого серьезнаго воззрѣнія.

Какъ случилось подобное перерожденіе съ человѣкомъ, который признавалъ себя глубокомыслящимъ и чувствительнымъ, и еще такъ скоро — въ двѣ недѣли?

Понятно, что Шатровскій не задавалъ себѣ этого вопроса; но отвѣчать на него было бы нетрудно, припомнивъ и обдумавъ все.

Когда наше убѣжденіе истинно, намъ нѣтъ необходимости противрѣять его безпрестанно разговоромъ съ другими мыслящими людьми, подкрѣплять анализомъ и размышленіемъ: оно живетъ въ насъ также, какъ сами мы живемъ физическою жизнью — просто и ровно. Но это свойство рѣдкихъ натуръ. Въ нихъ противорѣчія усиливаютъ эту внутреннюю жизненность: такъ корни сильныхъ деревьевъ прорастаютъ сквозь крѣпкія стѣны.

Для характеровъ болѣе-слабыхъ нужны уроки, наставленія, примѣры: тогда ихъ чувства укрѣпляются чрезъ пониманіе, силы растутъ отъ соревнованія; даже самолюбіе играетъ въ этомъ благодѣтельную роль, потому-что не позволяеть отступить изъ приличія, которое само для себя придумало. Такіе люди остаются вѣрны своимъ убѣжденіямъ, потому-что слѣдуютъ имъ вѣчно на глазахъ другихъ; но и это своего рода заслуга.

Но есть люди, у которыхъ вся жизнь проходитъ въ работѣ воображенія. Воображеніе ихъ очень-пылко, и въ этомъ ихъ нравственное несчастье, потому-что, соединенное съ сильнымъ эгоизмомъ, оно украшаетъ для нихъ только ихъ самихъ. Не принимая

душою ни въ чемъ истинно-глубокаго участія (что доказывается тѣмъ, что они всегда очень-слабые исполнители всякаго дѣла), они воображаютъ, что проникнуты сочувствіемъ ко всему; читая, примѣняютъ къ себѣ всякое благородное выраженіе, вылившееся изъ души, дѣйствительно полной чувства; воображаютъ, что полны убѣжденій, потому-что успѣли заучить и усвоить себѣ всѣ фразы объ убѣжденіяхъ; а заучить эти фразы было легко для ихъ натуры, готовой бросаться на все блестящее. Все хорошее въ этихъ людяхъ держится на ихъ вѣрованіи въ эти фразы. Пока чей-нибудь другой голосъ, особенно голосъ души возвышенной, еще неуспѣвшей понять настоящаго ничтожества этихъ людей, вторить имъ, пока столкновенія съ жизнью другаго рода не заставили ихъ оглянуться, эти люди съ вида кажутся прекрасными, хотя пылкими и неопытными. Но стоить имъ забыться на минуту, стоить оглянуться на противорѣчія того, что быть должно, съ тѣмъ, что есть, и они, не разбирая, что ихъ заученныя фразы были все-таки истина, хотя неполнѣ ими понятая, смѣются надъ ихъ смысломъ и входятъ въ разрядъ людей, по своему внутреннему значенію низшихъ, нежели обыкновенные люди.

Сначала они какъ-будто тревожны и стараются чѣмъ-нибудь извинить свое отступничество, потому-что понимаютъ, что назвать этого иначе нельзя; но здравый смыслъ спокойнаго размышленія дѣлаетъ быстрые успѣхи и побѣждаетъ эту тревогу ея же собственнымъ оружіемъ: необходимостью вѣрнаго пониманія жизни. Положительность въ-самомъ-дѣлѣ захватываетъ въ жизни такъ много мѣста, что требуетъ всего вниманія человѣка; жизнь такъ разнообразна, что нить размышленія запутывается и теряется; иногда такъ полна заботъ, что некогда обдумывать, иногда такъ досадна, что дума не идетъ въ голову; подъ-часъ забавна до-того, что и мудрецъ отказался бы отъ разбора... Какъ же не отказаться обыкновенному человѣку?

И этотъ «обыкновенный» человѣкъ, сознавъ въ себѣ новыя силы, потому-что сталъ даже физически здоровѣе, идетъ своей дорогой, подсмѣиваясь, гдѣ случится, не задумываясь нигдѣ и употребляя свою прежнюю опору — фразу, какъ мелкую монету, для мелкой забавы... Покойно и легко.

Каково другимъ — объ этомъ не думаютъ, потому-что «кто мѣшаетъ этимъ другимъ также оглянуться и также поумнѣть?..»

Съ перваго взгляда покажется страннымъ одно: эти люди, почти-всегда гордые своимъ внутреннимъ достоинствомъ, перерож-

дѣясь, дѣлаются необыкновенно-покорны всѣмъ обстоятельствамъ, которые являются сбивать ихъ съ толку, и всѣмъ людямъ, которые захотятъ взять ихъ въ руки. Сами они находятъ тысячи парадоксовъ, чтобъ объяснить это и извинить, если нужно. «Здравый смыслъ и необходимость» — основанія ихъ извиненій. Но они или обманываютъ другихъ, или обманываются сами: причиною ихъ покорности страшная лѣнь дѣйствовать, которая всегда приходитъ вслѣдъ за лѣнью думать, и неумѣнье дѣйствовать пожитейски, потому-что до-сихъ-поръ эти люди жили воображеніемъ. Натурально, въ такомъ положеніи необходимы наставники, или, по-крайней-мѣрѣ, опытные товарищи. Для образумленного мечтателя тотчасъ находятся тѣ и другіе; и если онъ не привязывается къ нимъ душою, по привычкѣ ни во чтó глубоко не вдаваться, за-то охотно слѣдуетъ ихъ внушеніямъ, находя въ этихъ внушеніяхъ что-то новое и занимательное...

Просыпаясь у себя въ Сосновкѣ, Шатровскій сообразилъ, что одному можно погибнуть отъ скуки, и хорошо, что Юринъ пріѣхалъ въ сосѣдство: есть съ кѣмъ познакомиться.

Анна Дмитріевна хочетъ женить его на Варенькѣ: стало-быть, у этого знакомства есть цѣль.

«Мнѣ какое дѣло? подумалъ Шатровскій. Если Варенька ему понравится — хорошо. У него тысяча душъ.»

Но Варенька влюблена...

Это напомнило Шатровскому, что можно бы точно также познакомиться и съ Карзановымъ. Но при одной мысли о Карзановѣ, Шатровскій вспылилъ до того, что покраснѣлъ.

«Онъ и безъ того слишкомъ-много о себѣ думаетъ!» заключилъ Шатровскій и приказалъ дать себѣ одѣться, обращая на свой туалетъ особенное вниманіе. Съ такимъ же вниманіемъ осмотрѣлъ онъ и фаэтонъ, въ которомъ хотѣлъ ѣхать, не сознаваясь, конечно, и самому себѣ, что причиною всѣхъ приготовлений было — богатство того, къ кому онъ собирался съ визитомъ.

— Надо, чтобъ все было прилично, сказалъ онъ.

Поэтому онъ разсчиталъ время, и хотя часть церемонныхъ визитовъ — самый жаркій часъ іюньскаго дня, но Шатровскій рѣшился лучше вынести десять верстъ пыли и зноя, нежели показать сколько-нибудь неумѣнья жить въ свѣтѣ.

Деревня Юрина была неособенно-живописна, избы сѣры и косы; замѣчательнаго въ ней было только трое качелей на буржкѣ у пруда. Одни изъ нихъ, когда провѣзжалъ Шатровскій,

страшно скрипѣли подѣ тяжестью десятка забавлявшихся ребятъ. Остальное народонаселеніе, кажется, отдыхало, судя по времени. Черезъ прудъ лежалъ мостъ; за нимъ, на другомъ берегу, бѣлыя каменный барскій домъ, обнесенный садомъ, какъ всѣ деревенскіе дома. Окна были обращены на прудъ; следовательно, качели стояли для увеселенія владѣльца, который могъ видѣть ихъ каждую минуту, также, какъ и всякаго, кто подѣзжалъ къ дому. Но бревна на мосту поднялись, и весь мостъ принялъ нѣсколько-наклоненное положеніе, чрезвычайно-живописное среди окружавшей его зелени, блестящей воды, бѣлыхъ гусей, которые дремали у свай, но нѣсколько не удобное для тѣхъ, кто отважился бы пуститься по мосту въ фаятонѣ четверкой въ рядъ. Къ счастью, ребяташки сказали, что есть бродъ. Пробѣжавъ почти невѣроятнымъ образомъ по узенькому косоугору, цѣпляясь колесами за плетни коноплянниковъ и вдругъ повернувъ вкрутъ, фаятонъ спустился на изсохшее ложе пруда и Шатровскій достигъ жилища своего будущаго знакомаго.

Никто не встрѣтилъ Шатровскаго, хотя, проходя лѣстницу, онъ слышалъ пѣніе и звуки гитары изъ нижняго этажа. Передняя была пуста, зала тоже. Въ гостиной онъ нашелъ такую же пустоту, что заставило его остановиться и оглядѣться. Золоченая мебель стояла въ симметрическомъ порядкѣ; съ потолка спускалась золоченая люстра; на карнизѣ приютились и спалъ молодой вѣронецъ. Балконъ былъ отворенъ, и на немъ, на полу, лежали штепсельныя подушки, снятыя съ нѣсколькихъ креселъ. На другихъ креслахъ помѣщались деревянные ящики, куски холстины и клинки, пучки веревокъ, вѣтки бумаги, молотки и клѣщи, которыми отрывали посылки; нѣсколько гвоздей разнаго размѣра вончались подѣ ноги Шатровскому. По столамъ раскатывались свертки обоей; на диванахъ драпировались штучки кисеи и шелковой матеріи. Изъ-подѣ этого шелка и кисеи поднялись двѣ огромныя собаки и бросились на Шатровскаго съ лаемъ, похожимъ на вопль. Шатровскій отвѣтилъ имъ тоже довольно-громкимъ воплемъ, и изъ дверей слѣдующей комнаты выглянулъ молодой человекъ, худой и длинный; онъ, однако, не поспѣшилъ на помощь къ гостю, а скрылся опять, закричавъ:

«Леонидъ, къ тебѣ пріѣхали!»

Хозяинъ вскорѣ явился. Вѣроятно, кто-нибудь доложилъ ему подробности о гостѣ, потому-что онъ встрѣтилъ его чрезвычайно-привѣтливо, хотя почти безъ словъ, исключая «очень-радъ, ми-

лости просимъ», которыя онъ повторялъ, слегка конюзясь и потряся руки Шатровскаго.

— Не угодно ли вамъ... Извините : прїѣдешь въ деревню, ничего не найдешь въ порядкѣ. Пройдемте въ другія комнаты.

Здороваясь, Шатровскій посмотрѣлъ на хозяина. Юринъ былъ недурень собою, невысокъ, довольно-румянъ, остриженъ коротко до послѣдней возможности ; его крошечные черные усики были завиты въ колечко, а нарядъ представлялъ самое фантастическое соединеніе желтаго фуляра и бѣлой парусины. Пестрый галстухъ и пуговицы жакетки достигали изумительныхъ размѣровъ, между-тѣмъ, какъ сама жакетка, казалось, едва могла бы служить курточкой десятилѣтнему ребенку ; за-то рукава ея были ширины необъятной. Шатровскому показалось, что изъ-подъ нихъ видѣлось шитье. Онъ успѣлъ разглядѣть этотъ щегольской и удобный нарядъ, слѣдуя за Юринымъ въ другую комнату.

Въ дверяхъ съ ними столкнулся молодой человѣкъ, котораго ужъ видѣлъ Шатровскій, и который, желая скрыться отъ него, не разсчелъ что, напротивъ, встрѣтится, если пойдетъ въ ту же дверь. Онъ отскочилъ несовсѣмъ-спокойно.

— Мой двоюродный братъ, Василій Иванычъ, сказалъ Юринъ, представляя его Шатровскому.

Отвѣчая на поклонъ, Шатровскій замѣтилъ, что, если природа не сдѣлала ничего для сходства двухъ братьевъ, за-то Василій Ивановичъ сильно старался достигнуть этого сходства. Онъ былъ остриженъ такъ же коротко, и концы его галстуха такъ же крѣпко стояли въ воздухѣ, но они сбивались нѣсколько на бокъ ; жакетка носила слѣды домашней передѣлки, и во всемъ костюмѣ смѣшеніе клѣтчатого и пыльно-сѣраго не представляло той изящной гармоніи, которая такъ поражала при первомъ взглядѣ на Юрина. Оба брата знали это очень-хорошо. Они часто взглядывались въ зеркало, и Шатровскій, слѣдуя за ними глазами, замѣтилъ, что зеркало было разбито.

— Это вчера, сказалъ Юринъ, будто отвѣчая ему на вопросъ. — Василій пистолеты пробовалъ.

— И совсѣмъ я не пробовалъ, вскричалъ Василій Ивановичъ : — а ты мнѣ сказалъ принести ихъ въ оружейную...

— Стоитъ ли толковать? Вздоръ зеркало ! возразилъ Юринъ, садясь и приглашая Шатровскаго. — Куда же ты ? спросилъ онъ брата, который опять направился къ дверямъ.

Василій Ивановичъ сѣлъ у окна нѣсколько нахмураясь. Его сре-

ценныя руки и ноги и мрачный взглядъ, который по-временамъ онъ бросалъ на Шатровскаго, придавали его фигурѣ что-то грозное.

— На долго вы въ деревнѣ? спросилъ Юринъ.

— На лѣто.

— Хозяйничать?

— Какъ случится. Вы тоже?

Разговоръ продолжался въ этомъ родѣ. Шатровскій былъ серьезень, чтобъ поддержать свое достоинство, и именно это чрезвычайно стѣсняло Юрина.

Юринъ былъ еще очень-молодъ, и ничто не тяготило его столько, какъ молодость. Какъ ни старался онъ установиться въ какое-нибудь положеніе, которое бы, по его мнѣнію, придавало ему вѣсъ и значеніе въ глазахъ постороннихъ, несносная молодость заставляла его робѣть и конфузиться предъ всякимъ, кто серьезно молчалъ въ его присутствіи. Но, робѣя и конфузясь внутренно, онъ ужъ умѣлъ скрыть это снаружи. Случалось, что, ободряя себя, онъ доходилъ, самъ не зная какъ, до дерзости, и было недалеко время, когда эта дерзость войдетъ у него въ привычку. Онъ еще недавно сдѣлался независимъ, но ужъ умѣлъ пользоваться независимостью, найдя для этого заранѣе отличныхъ руководителей. Онъ ужъ бывалъ обманутъ; и если еще самъ не обманывалъ, то потому, что не случалось надобности, хотя, впрочемъ, онъ ужъ зналъ, какъ это дѣлается, удивлялся этой способности въ другихъ «изъ любви къ искусству», и былъ ужъ въ-состояніи соображать и разсчитывать. Наслажденія жизни нравились ему въ широкихъ размѣрахъ. Большой свѣтъ выказалъ въ-отношеніи къ Юрину необыкновенныя претензіи: требовалось столько ума, ловкости, воспитанія и прочаго... Юринъ, поскучавъ сначала, заплатилъ равнодушіемъ за эту требовательность и утѣшился въ другомъ кругу, гораздо-пониже, но гдѣ ему были рады, гдѣ онъ былъ не только дома, но хозяиномъ дома. Женщины еще не потеряли для него своего обаянія, несмотря на неприступность великосвѣтскихъ дамъ, несмотря на однообразіе дѣвицъ другаго круга, которыя восхищались, когда онъ пѣвалъ имъ романсы. Юринъ былъ еще способенъ увлекаться. Онъ тратилъ много, не жалья и не считая, изъ безпрестаннаго страха заслужить репутацію скупца, или чловѣка, неумѣющаго жить. Этотъ страхъ равнялся только страху, чтобъ его не сочли за чловѣка молодаго, то-есть, не вздумали не отдавать ему должной справедливости, должнаго уваженія, или, чего Боже сохрани, не рѣшились дать ему совѣта: онъ счелъ бы это за величайшее оскорб-

леніе. И потому, встрѣчаясь съ людьми, которые почему-нибудь казались ему выше его образованіемъ, или положеніемъ въ свѣтъ, онъ чувствовалъ себя какъ-то неловко, до-тѣхъ-поръ, пока ему удавалось самому убѣдить себя въ своемъ превосходствѣ. Но онъ не дошелъ еще до своихъ друзей-совѣтчиковъ, людей, «установившихся окончательно», которые презирали «всякимъ встрѣчнымъ». Юринъ вспоминалъ о нихъ съ восторгомъ и вздыхалъ, рассчитывая когда еще сравнится съ ними. Этому, такъ сильно-желаемому совершенству мѣшала еще одна, впрочемъ, небольшая замашка : когда Юринъ заглянулъ, хоть не надолго, въ порядочное общество, ему понравились его спокойствіе и нѣкоторая мягкость его обращенія ; и несмотря на всю прелесть общества, болѣе-откровеннаго, Юринъ не могъ отказаться отъ претензій на хорошій тонъ, по-крайней-мѣрѣ съ людьми, предъ которыми конфузился ; онъ довольно-справедливо рассчитывалъ, что этотъ тонъ придаетъ ему нѣкоторое значеніе, почти-необходимое при его богатствѣ.

— Не хотите ли, сказалъ онъ Шатровскому, послѣ еще нѣсколькихъ минутъ разговора объ агрономіи и хозяйственныхъ улучшеніяхъ : — не хотите ли взглянуть, какъ я отдѣлываю домъ? Меня это заняло покуда ; я даже думаю, что привяжусь къ этому и не выѣду до поздней осени.

— Соскучитесь ! замѣтилъ Шатровскій.

— А вотъ заведешь охоту, вступился Василій Ивановичъ : — съ собаками можно славно...

— Вы соскучитесь безъ общества, сказалъ Шатровскій, позволивъ себѣ прервать брата, котораго, какъ онъ успѣлъ замѣтить, никогда не слушали.

— Дѣ, можетъ-быть, отвѣчалъ Юринъ. — Привычка страшное дѣло. Я и то вижу кругомъ себя только фізіономіи моихъ людей, да вотъ его...

— Дѣ, можно отупѣть въ деревнѣ, сказалъ Шатровскій, снисходительно улыбувшись.

Его улыбка произвела необыкновенно-благотворное дѣйствіе. Юринъ оживился.

— Я съ вами совершенно согласенъ ! вскричалъ онъ. Всѣ эти идиллическія удовольствія... Но пойдете; вы хотѣли посмотреть домъ. Василій, прикажи между-тѣмъ намъ дать позавтракать.

Василій Ивановичъ, казалось, очень-охотно бросился исполнить это приказаніе. Юринъ повелъ Шатровскаго по комнатамъ, изъ

которыхъ не было ни одной устроенной: одну бѣлили, другую красили, въ третьей передѣлывали окно, соединяя нѣсколько оконъ въ одно. Юринъ былъ намѣренъ сдѣлать изъ этого окна дверь и спустить въ садъ наружную лѣстницу. Столяръ привлекалъ шкапы въ библіотекѣ, гдѣ, на двухъ стульяхъ, помѣщались связки французскихъ романовъ и иллюстрированныхъ изданій.

— Такой безпорядокъ еще! замѣтилъ Юринъ. — Я велѣлъ снести по-крайней-мѣрѣ сюда всѣ книги, чтобъ ужъ были подъ рукою... Вотъ, взгляните — оружейная.

Казалось, это была комната, которую хозяинъ старался украсить съ особенной любовью. На стѣнахъ висѣли три охотничьи рога, пара пистолетовъ, двѣ армейскія полусабли и черкесская шашка на ремняхъ съ серебряными пуговицами. Въ углахъ стояло нѣсколько ружей, и была сложена конская сбруя, только очевидно не воинская.

— Мнѣ стоило большаго труда собрать это, сказалъ хозяинъ: — взгляните, какая отличная сталь.. Эй! гдѣ тамъ, я отдагъ выточить ятаганъ... Посмотрите — дамасскій.

Шатровскийъ ничего не понималъ въ достоинствѣ и красотѣ оружія, но не считалъ за нужное въ этомъ признаться.

— Этотъ клинокъ лучше, сказалъ онъ, съ видомъ знатока разсматривая что-то въ родѣ поварскаго ножа безъ рукоятки.

— Вы думаете?... Можетъ-быть. Я заплатилъ дорого одному знакомому; тотъ едва могъ съ нимъ разстаться; но бѣдный человекъ... Мнѣ обѣщали многое для моей коллекціи; конечно, будетъ чего-нибудь стоить... Что это? А! принесли наконецъ...

Двое мастеровыхъ и за ними люди внесли что-то похожее на связки сухихъ сучьевъ. Юринъ встрѣтилъ ихъ съ восхищеніемъ.

— Давай сюда, покажи, развѣшивай!... Взгляните, Алексейъ Дмитричъ, это будутъ олени рога; я приказалъ выточить изъ дерева для оружейной залы; что же больше идетъ? Мнѣ хочется еще здѣсь, въ простѣнкахъ, трофеи изъ дерева и вызолоченные... Василий вчера дѣлалъ рисунокъ. Эй, спросить у Василья Иваныча рисунокъ! Возьметесь это сдѣлать? спросилъ онъ, показывая рисунокъ мастеровымъ.

— Взяться какъ не взяться! взяться можно... заговорили мастера оба вдругъ.

Въ пустой комнатѣ сдѣлалось шумно отъ объясненій Юрина и толковъ рабочихъ; Шатровскийъ помогалъ совѣтами, доставлявшими большое удовольствіе хозяину. Василій Ивановичъ явился

и принялся развешивать упрощенія по стѣнамъ. Надъ шумомъ разговора раздавался стукъ молотковъ. Василий Ивановичъ вздумалъ испугать ружьемъ мальчишку, который вертелся, подавая гвозди; тотъ поднялъ крикъ и бросился въ корридоръ на встрѣчу смиренному и степенному управляющему, который вошелъ съ низкимъ поклономъ.

Юринъ между-тѣмъ торговался сидя на окнѣ; управляющій вступился, замѣтивъ, что мастеровые просятъ дорого.

— Вадоръ какой! вскричалъ Юринъ: — я думаю, я самъ знаю, что стоитъ работа, я заказывалъ. Что ты умничаешь, Епифановъ?

— Помилуйте, Леонидъ Васильевичъ; но вѣдь это народъ такой: вы извольте рассмотреть, кривой сучокъ — и все тутъ...

— Расплатись съ ними и не безпокой меня: я не терплю возраженій... Пойдемте завтракать, Алексѣй Дмитричъ, сюда, чрезъ бильярдную.

Онъ отворилъ дверь, запертую довольно-крѣпко, когда за нею раздавался страшный трескъ, и глазамъ всѣхъ представился тяжелый штукатурный потолокъ, обвалившійся до половины.

— Я вамъ докладывалъ... заговорилъ управляющій, шурясь отъ облаковъ пыли...

Онъ было отважился осмотрѣть несчастіе на мѣстѣ.

— Нечего было мнѣ докладывать! вскричалъ Юринъ: — развѣ у меня одни потолоки на умѣ?.. Запереть и заложить эту дверь! сказалъ онъ нѣсколько-хладнокровнѣе.

— Но не будетъ выхода отсюда въ залу, замѣтилъ управляющій.

— Проломать дверь изъ залы.

— Но тамъ печь...

— Пойдемте завтракать, Алексѣй Дмитричъ. Сюда, черезъ мой кабинетъ.

Въ кабинетъ былъ диванъ, очевидно служившій ложемъ, и ни признака кабинетныхъ занятій. На столѣ лежали огромные листы цвѣтной бумаги и стояла кострюлька съ клеемъ. Шатровскій запутался въ обрѣзкахъ бумаги, которыми былъ усыянъ полъ.

— Это мы съ Васильемъ шаръ клеимъ, сказалъ, проходя, Юринъ: — надо же что-нибудь дѣлать... Но вотъ, взгляните, нѣсколько рядкостей... Отецъ понималъ одинъ матеріальный комфортъ. Это я собираю.

Онъ показалъ Шатровскому нѣсколько раковинъ разнаго размѣра, предлагая послушать, какъ онѣ страшно шумятъ, нѣсколько укусовъ коралла, нѣсколько серебряныхъ старинныхъ монетъ и

въ-особенности кубокъ въ видѣ какой-то необыкновенной птицы, которымъ весьма дорожилъ. Шатровскій позволилъ убѣдить себя, что кубокъ старинный, и выслушалъ исторію, что его взяла на приѣзд лошадь одного изъ предковъ Юрина, еще до самозванцевъ.

Пока Юринъ рассказывалъ о предкахъ, управляющій выглянулъ въ дверь.

— Живописецъ, доложилъ онъ.

— А, прекрасно! очень-кстати. Принесъ онъ?

Живописецъ — нѣсколько-сумрачная фигура, въ долгополомъ сюртукѣ, вошелъ съ поклономъ, неся двѣ рамы, завязанныя въ скатерть.

— Это портретъ дѣдушки, объяснилъ Юринъ Шатровскому, но онъ потемнѣлъ, растрескался отъ времени: я отдавалъ покрытъ лакомъ.

— Знаки отличія еще приказывали, отвѣчалъ сурово художникъ, перевортывая и ставя на полъ изображеніе дѣдушки.

Шатровскій вскрикнулъ бы, еслибъ былъ маленькій, но и теперь не могъ удержаться отъ небольшого ужаса.

— Не правда ли, энергическія черты? сказалъ Юринъ.

— Желѣзные люди были въ тотъ вѣкъ! сказалъ Василій Ивановичъ, присаживаясь на колѣни предъ портретомъ.

— Позвольте-съ, замѣтилъ художникъ: — смажете: тутъ еще не высохло.

И онъ въ другой разъ указалъ на нѣсколько знаковъ отличія, очевидно, принадлежавшихъ новѣйшей кисти... Это не понравилось Юрину.

— Чему тутъ не высохнуть? возразилъ онъ: — слегка подправлено.

— Нѣтъ-съ, не слегка, а вновь, все какъ есть, потому-что ничего не было...

— А другой портретъ — бабушки, прервалъ Юринъ, обращаясь къ Шатровскому. — Дѣда я нашелъ; но этотъ сдѣланъ по воспоминанію. Мнѣ хотѣлось имѣть ихъ два: они были неразлучны при жизни... Чтò жь это, мой любезный?

— Какъ приказывали, такъ и сдѣлано, отвѣчалъ художникъ хладнокровно.

— Вы недовольны сходствомъ? спросилъ Шатровскій, удерживаясь отъ хохота.

— Я вѣдь ея не зналъ, возразилъ Юринъ: — но костюмъ...

Вѣдь тебѣ толковали, мой любезный: парча, бархатъ, волосы напудрены, должны быть и мушки...

— Мушки, какъ приказывали, вотъ, есть, отвѣчалъ художникъ, указывая на свое произведеніе: — вотъ подъ обоими глазами, на бородѣ. Носъ, я вамъ тогда докладывалъ, что лучше бы римскій.

Юринъ вопросительно взглянулъ на Шатровскаго.

— Какъ вы думаете?

— Знаете, отвѣчалъ Шатровскій съ видомъ знатока: — если это въ pendant къ тому портрету (онъ не осмѣлился взглянуть на дѣла), то не мѣшало бы черты лица нѣсколько-жостче.

— Je suis contraste, отвѣчалъ Юринъ, улыбаясь. — Миѣ нужно, чтобъ была une jolie femme; я нахожу это недурно...

— Очень.

— Сколько же тебѣ надо?

— Какъ тогда условились, отвѣчалъ мрачно художникъ: — меньше нельзя.

— Но вѣдь, милый мой, берутъ за сходство, а тутъ гдѣ же оно? Съ кѣмъ я сравню, похоже ли?

— На то была ваша воля заказывать, а намъ все одна работа.

— Ступай, вотъ съ нимъ, съ управляющимъ. Расплатиться! прибавилъ повелительно Юринъ.

— Понялъ ли онъ вашъ идеалъ? спросилъ Шатровскій. — Ужъ вѣрно этотъ портретъ — воспоминаніе, только не бабушки?

Юринъ самодовольно улынулся.

— Нѣтъ, сказалъ онъ: — я такъ не балую моихъ идеаловъ. Но взгляните: вотъ чтò. Покажи, Василій.

Василій Пвановичъ вытащилъ изъ угла нѣсколько мѣдныхъ ошейниковъ съ цѣпочками.

— Неправда ли, красиво?

— Очень. Это для вашей охоты?

— Охоты пока еще нѣтъ, но будетъ. Василій ужъ занимается, составилъ списокъ именъ всѣмъ сббкамъ. Покажи, Василій. Есть вещи остроумныя.

Василій Пвановичъ вынулъ изъ кармана длинный исписанный листъ, и Шатровскій выслушалъ до сотни именъ будущихъ сббакъ Юрина.

Наконецъ они достигли опять той комнаты, гдѣ Юринъ принималъ Шатровскаго. Завтракъ былъ тотчасъ поданъ на старинномъ серебрѣ и на дорогомъ фарфорѣ. Садясь, Юринъ оглянулъ столъ бгбго и внимательно, какъ хозяинъ, небрежно какъ человекъ свѣт-

скій, но такъ, что заставилъ гостя обратитьъ вниманіе на убранство стола.

— Безъ перчатокъ!.. замѣтилъ онъ нетерпѣливо вполголоса лакею, который имъ прислуживалъ. — Подай бокалы и шампанскаго... Вы не скажете, что жарко? прибавилъ онъ, любезно обращаясь къ Шатровскому.

— Вовсе не жарко, сказалъ Василій Ивановичъ, котораго не спрашивали и который кушалъ не отвлекаясь.

— Я не понимаю завтрака безъ шампанскаго. Такъ пріятно начинаешь день... Въ Москвѣ, сберешься съ утра, большой компаніей, отъ завтрака не увидишь времени до обѣда...

— Да, время идетъ разнообразно! сказалъ Шатровский, оживляясь.

— Тамъ на минутку въ театръ, къ дивертиссменту, и кончишь день въ маскарадѣ.

Василій Ивановичъ взглянулъ на брата, который въ эту минуту показался ему великимъ человѣкомъ.

— Этакой счастливецъ! сказалъ онъ: — а тутъ, сидишь, сидишь...

— Это невозможно въ губернскомъ городѣ, возразилъ съ достоинствомъ Юринъ: — требованія не тѣ, и кругъ не тотъ. Какъ хотите, губернская жизнь—блѣдная копія съ столичной... Тамъ вы не найдете женщинъ, чтобъ была эта грація, эта туршюра ума, это совершенство обращенія...

— Вы его спросите, сказалъ съ некоторымъ восторгомъ Василій Ивановичъ: — это счастливецъ!

— Я не говорю, возразилъ Юринъ скромно, не обращая вниманія на этотъ перерывъ: — но согласитесь, что невольно увлекаешься... Есть такія милыя дамы, семейства цѣлыя... Я знаю двухъ сестеръ...

Шатровский засмѣялся.

— Вы послушайте его, вскричалъ Василій Ивановичъ въ неопisanномъ восхищеніи: — это цѣлая исторія.

— Я такъ благодаренъ вамъ за участіе, сказалъ Юринъ, пожимая руку Шатровскому.

— Будьте увѣрены, отвѣчалъ тотъ со всею искренностью,

— Нѣтъ, знаете, я такъ люблю наивные, простодушные характеры... Конечно, женщины болѣе опытныя...

— Да, свѣтскій умъ, познанія...

— Когда ты самъ говорилъ, что умницы скучны? прервалъ Василій Ивановичъ.

— Пожалуйста, не вмѣшивайся не въ свои дѣла, отвѣчалъ Юринъ : — позвони, чтобъ дали огня и ситарь... Можешь взять папироску.

— Кажется, на балконъ будетъ лучше, сказалъ Шатровскій, вставая.

— Нѣтъ, знаете, пойдете лучше смотрѣть лошадей. Мнѣ привели орловскихъ; я купилъ... Тутъ есть одинъ сосѣдъ, и цѣны имъ не знаетъ!..

Распространяясь въ похвалахъ своимъ рысакамъ, Юринъ увелъ гостя. Домъ и службы представляли необыкновенное соединеніе дѣятельности и бездѣйствія. Перебудивъ кучеровъ, Юринъ показалъ Шатровскому въ-подробности всѣхъ своихъ лошадей и экипажи. Старинныя кареты, которыя предполагалось промѣнять, и новыя кушленные дормезы и фаэтоны выкатывались изъ-подъ навѣса, и немногіе остались безъ того, чтобъ Василій Ивановичъ не влѣзъ въ нихъ для пробы рессоръ и подушекъ. Налюбовавшись, всѣ отправились на другую сторону пруда, въ деревню, къ качелямъ, около которыхъ собралось довольно народа. Юринъ строгойше запретилъ идти на работы.

Шатровскій провелъ время очень-пріятно. Юринъ не отпустилъ его до вечера. Прощаясь, молодые люди выразили желаніе видѣться какъ можно чаще, и Шатровскій звалъ Юрина къ себѣ на-дняхъ обѣдать.

Его проводили съ фонарями на другой берегъ пруда, а дорѣгой кучеръ его не могъ не выразить похвалы гостепріимному барину.

Анна Дмитріевна и Петръ Ивановичъ Домниковъ у исписаннаго мѣломъ стола напрасно дожидались Шатровскаго весь день. Неизвѣстно чьи ожиданія были нетерпѣливѣе.

VI.

Шатровскій былъ нѣсколько дней озабоченъ и не въ-духъ. После дня, такъ пріятно проведеннаго у Юрина, у него поселилась мысль оказать ему такое же гостепріимство, такъ же блеснуть богатствомъ и умвнѣемъ жить. Разобравъ хладнокровнѣе, онъ напелъ съ величайшей досадою, конечно, что блеснуть ему никакъ не удастся по очень-простой причинѣ : Юринъ былъ влѣтеро богаче его. Шатровскій ломалъ голову...

Являясь къ сестрѣ, онъ разсказывалъ ей о знакомствѣ. Анна Дмитріевна была чрезвычайно-довольна, разспрашивала всѣ подробности съ тактомъ женщины, которой нѣтъ дѣла ни до чего неизящнаго, отклоняя все, что могло бросить тѣнь на Юрина. Наконецъ, она внимательно выслушала разсказъ о заботахъ брата, какъ принять такого гостя.

— Удивляюсь тебѣ, сказала она съ величавымъ спокойствіемъ, которымъ всегда были полны всѣ ея движенія, среди обстоятельствъ сколько-нибудь запутанныхъ : — я совершенно тебя понимаю, что не хочется показаться ниже его; но ты забылъ, что есть эта простая изящность хорошаго тона, есть что-то неуловимое, но недоступное...

— Знаю, сказалъ нетерпѣливо Шатровскій : — но чѣмъ же я выражу это неуловимое ?

— Ты затрудняешься? спросила съ улыбкой Анна Дмитріевна : — позови меня.

Шатровскій былъ непріятно удивленъ, но, увлеченная своей идеей, Анна Дмитріевна не замѣтила этого.

— Позови меня, повторила она. — Женщина олицетворяетъ семейство. Что же можетъ болѣе поразить молодого человѣка, привыкшаго къ удовольствіямъ свѣта, какъ не серьезное и спокойное впечатлѣніе семейства? Въ немъ идеаль изящнаго и залогъ счастья... Все кажется прекраснымъ тамъ, гдѣ есть женщина.

Шатровскій сомнѣвался въ силѣ этого впечатлѣнія на Юрина, и безъ всякаго удовольствія видѣлъ, что нецеремонная пирушка превращалась въ патриархальный обѣдъ; но на доводы Анны Дмитріевны возражать было невозможно. Она развивала свою идею очень-краснорѣчиво и наконецъ прямо объявила, что хочетъ встрѣтиться съ Юринымъ. Шатровскій былъ принужденъ уступить.

— Вспомни, что этимъ ты можешь составить счастье своей племянницы, заключила Анна Дмитріевна.

Шатровскій былъ одаренъ способностью убѣждаться, когда ему говорили много, потому-что у него не доставало ни терпѣнья, ни охоты долго возражать; къ-тому же, онъ усвоилъ ужъ себѣ всѣ истинно-женственныя понятія Анны Дмитріевны и разсуждалъ, какъ опытный глава семейства, что всякая молодая дѣвушка будетъ очень-глупа, если не постарается найти себѣ выгоднаго жениха. Сообразивъ это, онъ обрадовался, что можетъ все кончить скорѣе (съ недавняго времени онъ принялъ за правило, что

все то хорошо, что скоро кончено), и пригласил Николая Петровича к себѣ обѣдать со всѣмъ семействомъ.

— Не забудь, ради-Бога, интересную особу, сказала Анна Дмитриевна, напоминая брату о Настасьѣ Петровнѣ: — ей, можетъ-быть, вздумается на этотъ разъ не причислить себя къ семейству; пригласи ее особенно, если не хочешь, чтобъ пострадала я.

— Отъ кого?

— Впервыхъ, отъ ея собственныхъ ужимокъ; вовторыхъ, отъ Николая Петровича: онъ ея вѣчный защитникъ.

— Не беспокойся, не забуду.

— А въ-самомъ-дѣль, Alexis, какъ далеко зашла ваша романтическая исторія? Она вздыхаетъ, я это вижу, а ты?...

— Э, полно, душа моя, я удивляюсь самъ, какъ могъ сдѣлать такое впечатлѣніе.

— Расскажи подробно, возьми меня въ секретъ.

— Долго рассказывать. Лучше пойду кончать свой преферансъ съ Домниковымъ.

Старичокъ почти жилъ у Николая Петровича. Онъ являлся съ утра и дожидался Шатровскаго; дождавшись, начиналъ бродить кругомъ него, лоя минуту, чтобъ напомнить о преферансѣ, и когда Шатровскій соглашался играть, восторгамъ маленькаго старичка не было предѣловъ. Домниковъ расточалъ предъ Шатровскимъ всю свою любезность, всю внимательность, доходившую до повечерій почти-родительскихъ: неудобное кресло, сквозной вѣтеръ, солнечный лучъ изъ-подъ неловко опущенной сторы, шумъ дѣтей, играющихъ на террасѣ, могли лишить Шатровскаго охоты играть. Ничто не ускользало отъ заботы Петра Ивановича; онъ самъ придвигалъ и убиралъ, даже чистилъ столъ, «поле битвы», какъ онъ не переставалъ называть его, переименовывалъ попеременно то въ Аустерлицъ, то въ Ватерлоо; онъ самъ точилъ мѣлки, которые безпрестанно притуплялись отъ тысячъ, записываемыхъ Шатровскимъ. Старикъ не унывалъ; правда, онъ расплатился со вздохомъ, потому-что, сверхъ ожиданія, пришлось платить много, но это только придало ему энергію въ слѣдующую партію, на которую онъ умолилъ Шатровскаго прибавить игру. Его тревожили только ясные вечера, вызывающіе въ садъ, и полуденный жаръ, въ который карты не держатся въ рукахъ, но и тутъ онъ увѣрялъ, что жаръ менѣе нестерпимъ, когда сидишь на одномъ мѣстѣ, что движеніе послѣ обѣда вредитъ пищеваренію, а сонъ подвергаетъ апоплексическимъ ударамъ. Истин-

ное наслаждение доставилъ ему однажды проливной дождь, который перепортилъ всѣ дорожки.

— Милльоны льются! повторялъ онъ, между-тѣмъ, какъ дождь стучалъ въ окна, а у Николая Петровича замирало сердце о сѣнокосѣ.

Игра продолжалась постоянно ужъ нѣсколько дней, потому-что Шатровскій не могъ жить дома отъ бездѣлья. Онъ усаживался за свой преферансъ, сначала находя удовольствіе въ покоѣ, потомъ, привыкнувъ къ нему, какъ къ дѣльному занятію, и наконецъ потому, что маленькая игра начала волновать его такъ же сильно, какъ волновала бы большая, если еще не сильнѣе. Шатровскій никогда не имѣлъ ни мужества, ни благоразумія сознаться, что онъ игрокъ; онъ оправдывался предъ собою тѣмъ, что играетъ рѣдко, какъ-будто страсть заключается въ дѣйствии, а не въ ощущеніи. Игра съ Домниковымъ доставляла ему счастье, увлечение, котораго онъ почти не могъ ожидать среди своей апатіи; незанятый ничѣмъ, его умъ находилъ работу въ соображеніяхъ преферанса; сердце, которое ничѣмъ не тревожилось, живо переходило отъ трепета къ радости при перемѣнахъ счастья; воображеніе оживлялось и дѣлалось игривѣе; глазамъ и слуху былъ какъ-то пріятенъ видъ и звонъ новенькой мелкой монеты; словомъ: въ игрѣ была жизнь, которой Шатровскій ужъ не находилъ ни въ себѣ, ни вокругъ себя... Онъ, конечно, не разбиралъ и этихъ новыхъ ощущеній, какъ не разбиралъ ни одной изъ своихъ мыслей, ни одного своего поступка; онъ жилъ какъ жилось, машинально, видя, что это, кажется, не беспокоитъ другихъ, и чувствуя, что ему самому недурно...

Въ полусонномъ состояніи, обыкновенно является фантазіи и, какъ слѣдуетъ, большею-частью лишенная здраваго смысла.

— Пріѣзжайте ко мнѣ обѣдать завтра, сказалъ онъ Домникову, тасуя карты: — у меня будутъ свои, Леонидъ Васильичъ.. Да привезите съ собой Карзанова. Чтò онъ ко мнѣ глазъ не кажетъ? Вѣдь мы знакомы.

Возвратясь вечеромъ къ Карзанову, у котораго жилъ съ-тѣхъ-поръ, какъ продалъ свою усадьбу, Домниковъ былъ веселъ и какъ-будто нѣсколько гордъ тѣмъ, что привезъ приглашеніе. Но это пріятное расположеніе духа, хотя и омраченное довольно-значительнымъ проигрышемъ, вдругъ притихло, когда онъ вошелъ въ маленькую гостиную.

Домъ Карзанова былъ невеликъ, старъ и удобенъ только по-

тому, что о немъ заботилась мать молодого человѣка, которая жила здѣсь постоянно всякое лѣто. Одна догадливость женщины могла такъ уютно сдвинуть эту старую мебель, спрятать хозяйство такъ, чтобъ оно было подъ-рукою и не наскучало, ежеминутно бросаясь въ глаза. Роскоши быть не могло, но не было и досадно-замѣтныхъ стараній замѣнить ее чѣмъ-нибудь похожимъ на роскошь. Но этотъ домъ былъ скученъ, можетъ-быть, потому, что было скучно его хозяину.

Гостиная, куда вошелъ Домниковъ, была единственной приемной съ-тѣхъ-поръ, какъ Карзановъ далъ ему убѣжище у себя и какъ его сундучки, кѣтки и ломберные столы заняли все, что оставалось свободнаго мѣста. Огня еще не подавали; двѣ вѣжовыя липы заслоняли окна, и между ихъ вѣтками свѣтилась красная полоса зари.

Карзановъ сидѣлъ въ углу комнаты, не глядя въ окно, хотя сумраки, начинавшіе застигать садъ, и проблески свѣта вдали придавали всему необыкновенно-нѣжный и пріятный оттѣнокъ; постепенный переходъ цвѣтовъ въ безцвѣтность, въ которой сглаживались дальніе предметы и какъ-то странно начинали выдаваться очерки близкихъ, постепенное затиханіе всякаго движенія — все это могло бы доставить занятіе наблюдателю, даже не мечтательному; но Карзановъ слишкомъ-сильно раздумался о себѣ-самомъ. Онъ упрекнулъ себя, что тратитъ время; хозяйственныя заботы были невелики: онъ не могъ оправдать ими свое жительство въ деревнѣ; онъ хорошо помнилъ каждую минуту, что мать его одна и скучаетъ безъ него. Онъ былъ принужденъ почти обмануть ее, оставшись въ деревнѣ, когда она просила его возвратиться, и этого онъ не могъ простить себѣ. Что же его удерживало? Повторивъ себѣ тысячу разъ, что виноватъ, Карзановъ не могъ не пожаловаться, что несчастенъ.

Онъ любилъ Вареньку такъ много, что, оставаясь одинъ въ темной и непривѣтливой комнатѣ, невольно думалъ, что любимое существо сдѣлало бы все свѣтлымъ и прекраснымъ вокругъ него. Въ этой мысли не было эгоизма: желая счастья для себя, молодой человѣкъ былъ увѣренъ, что доставитъ счастье и той, которую любилъ, и тѣмъ тяжеле было его страшное положеніе. Участь его зависѣла отъ каприза, котораго ему не объясняли и запрещали требовать объясненія.

— Не испытаніе же это моему терпѣнію, повторялъ самъ себѣ

Карзановъ, хоть, впрочемъ, оно и въ духъ этой дамы... Надѣюсь, если только она согласится, мы нечасто будемъ съ ней видѣться!..

Онъ невольно подумалъ, что всякій другой на его мѣстѣ нигдѣ бы болѣе самолюбія, что онъ выносить неуучивость, что это въ свѣтѣ считается важнѣе, нежели выносить жестокость, и, досаднѣе всего, не могъ донскаться, для чего это дѣлалось.

— Еслибъ я не стоялъ, или оскорбилъ моимъ предложеніемъ, мнѣ бы отказали сейчасъ... Ужь не берегутъ ли меня въ ожиданіи лучшаго?

Эта мысль поразила его—такъ она была внезапна и вѣрна; она возмутила всѣ его чувства, отъ самаго возвышеннаго до самаго мелкаго. Карзановъ не жилъ между женщинами, подобными Аннѣ Дмитріевнѣ, а потому и не видалъ вблизи того хладнокровнаго разсчета, той холодной логики, прикрытой притворной чувствительностью, того корыстолюбія, которое почти всегда величаетъ себя самоотверженіемъ и только въ крайнихъ случаяхъ, гдѣ ужъ невозможно оправданіе, соглашается сознаться, что оно—слабость нѣжнаго, избалованнаго созданія, или жажда жизни, необходимой для существа сильно-развитаго. Карзановъ зналъ свою мать—рѣдкую женщину, кроткую и мужественную душу, которая со всѣми дѣлилась своими радостями и заставляла каждаго дѣлиться съ собою горемъ; эта женщина не давала понятія о другихъ. Вліяніе ихъ огромно, но надо испытать его, чтобъ понимать съ разу эти мелочные капризы, эти тонкія уловки, эти вѣчно-окольные дороги, которыя вѣчно доведутъ до цѣли. Надо проникнуться ихъ духомъ, усвоить себѣ вполнѣ ихъ образъ мыслей, чтобъ постичь важность значенія пустяковъ, чтобъ у самаго источника чувства разувѣриться въ искренности чувства, чтобъ дойти до убѣжденія, что можно держать терпѣливую любовь въ запасъ, на случай неудачи въ погонѣ за богатствомъ...

Внезапная догадка взволновала Карзанова до негодованія. Онъ сталъ отыскивать на комъ могли бы остановиться разсчеты Анны Дмитріевны, чьи свѣтскія достоинства стануть въ параллель съ его достоинствомъ, а сотни душъ—съ его скромнымъ состояніемъ.

Вошелъ Домниковъ.

— Гдѣ вы, батюшка Михайло Семенычъ? И не видно васъ въ потемкахъ. Что подѣываете?

— Ничего, отвѣчалъ Карзановъ, котораго будто разбудили.— А вы?

— Да что! не везетъ что-то. Я прикажу, чтобъ насъ *просель-тили*... Не везетъ-съ, проигрался опять.

— Не-уже-ли вы все играете?

— Что жь больше дѣлать? робко возразилъ старичокъ, испугавшись этого вопроса, какъ выговора.

— И все съ Шатровскимъ?

— Съ нимъ. Очень-приятно играетъ, снисходительно и мало горячится. Но этакое счастье!.. Мнѣ эта четверть мѣсяца несчастлива.

— Должно-быть, и та четверть была несчастлива, сказалъ Карзановъ, засмѣявшись неволью.

— Должно-быть, отвѣчалъ старичокъ, ободренный его смѣхомъ. Вотъ другая недѣля, какъ мы играемъ. Вы спросите, изъ любопытства, сколько я... даже жаль стало.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, сколько ужь вы проиграли?

— Да больше ста рублей, сказалъ нервнительно Домниковъ.

— Ну, и довольно; не играйте больше, если несчастье.

— Удержаться мудрено-съ; въ карманѣ наличные; думаешь, какъ себя не потѣшить...

Онъ тяжело вздохнулъ и продолжалъ помолчавъ:

— Я думаю рѣшительно поступить: поблагодарить васъ за-хлѣбъ-за-соль и уѣхать въ городъ. Найму тамъ квартиру...

— А я именно хотѣлъ просить васъ не уѣзжать, сказалъ Карзановъ, тронутый печалью старика. Если вамъ нескучно со мной, не оставляйте меня: вы меня очень-много обяжете. Вообразите, каково мнѣ будетъ одному... Въ городъ мы поведемъ вмѣстѣ; матушка похлопочетъ вмѣстѣ съ нами о вашей квартирѣ.

— Въдѣ вотъ добрыйша душа! вскричалъ Домниковъ, бросаясь обнимать его.— До слезъ, можно сказать... Вы думаете, я не понимаю... На что я вамъ нуженъ? А вотъ деликатность, что старикъ, одинъ... Я же у васъ тутъ весь домъ загромоздилъ, а вы...

— Какъ можно придумывать такія вещи, Петръ Иванычъ? прервалъ Карзановъ. Я просто прошу васъ для себя, доставьте мнѣ удовольствіе, поживемте вмѣстѣ еще хоть немножко.

— Батюшка! вскричалъ старикъ: — да мнѣ совѣстно сказать, развѣ вы меня видите? Какую я жизнь веду? Избаловался, бьюсь въ карты... Заря вгонить, заря выгонить.

Карзановъ расхохотался.

— Ну, вы остепенитесь, мой милый Петръ Иванычъ; то-то

вамъ и нужно исправиться передъ городской жизнью. Мы съ вами посидимъ дома, да почитаемъ «Полководцевъ».

— Нѣтъ, постоите, прервалъ развеселившійся старикъ : — мы еще завтра съ вами вмѣстѣ пируемъ.

— Гдѣ?

— У Алексѣя Дмитрича. Онъ звалъ обѣдать.

— Шатровскій? Я не знакомъ съ нимъ.

— Онъ поручилъ васъ звать.

— Онъ могъ бы прѣхать самъ, возразилъ Карзановъ, вспыхнувъ.

— Безъ церемоній, знаете, по-деревенски: у него будетъ только острица съ семействомъ, Леонидъ Васильевичъ Юринъ...

— Юринъ? повторилъ Карзановъ.

— Да. Они очень сошлись. Алексѣй Дмитричъ ѣздилъ къ нему и цѣлый день не могъ вырваться. Угощалъ его Леонидъ Васильичъ такъ, какъ, говорятъ, рѣдко можно и въ столицѣ. Домъ неподобный—это я самъ знаю. И много очень у нихъ было забавнаго.

Домниковъ могъ бы рассказывать цѣлый часъ, но Карзановъ не слушалъ его. Онъ ходилъ по комнатѣ, сколько позволяла тѣснота, и останавливался только, заглядывая въ окна. Наконецъ, вслушавшись въ рассказъ о деревянныхъ трофеяхъ, онъ спросилъ :

— Это въ комнатѣ Анны Дмитриевны?

— Нѣтъ-съ, это у Леонида Васильича; онъ хочетъ...

— Леонидъ Васильичъ часто бываетъ у Анны Дмитриевны?

— О, нѣтъ-съ. Вѣдь вы знаете, когда Николай Петровичъ заупрямится...

— Теперь будетъ, если въ дѣло замѣшался братецъ... Потѣшайте непременно къ Шатровскому, Петръ Иванычъ; вы мнѣ скажете, весело ли было у него.

— А вы сами?

— Нѣтъ. Ужъ поздно; не пора ли намъ на покой?

— Мнѣ-то особенно, отвѣчалъ старикъ, поднимаясь съ кресла: — вы другое дѣло, молодой человекъ... Да, еще поклонъ вамъ надо передать.

— Отъ кого?

— Отъ Варвары Николаевны. Плутовка выбѣжала въ залу провожать и, будто по секрету, тихонько: — «Петръ Иванычъ, говорить, скажите ему отъ меня: «доброй вечеръ!» Я будто не понялъ. Кому, говорю, прикажете? — «Вашему хозяину...» Да

туть маменька вошла, а она, знаете, не любить, чтобъ самодьярно, такъ и не успѣлъ я больше спросить.

— Довольно и этого, сказалъ Карзановъ. Покойной ночи.

— Удивляюсь я иногда, Михаилъ Семенычъ, нынѣшней молодежи, вотъ и вамъ, въ томъ числѣ. Какъ вы до-сихъ-поръ не влюбились въ такую красавицу?

— А вотъ мы объ этомъ подумаемъ, отвѣчалъ Карзановъ, уходя.

— Какъ уснемъ покрѣпче, сказалъ ему вслѣдъ Домниковъ. Карзанову вовсе не спалось.

VI.

Въ это же утро Настасья Петровна сидѣла у окна своей комнаты и читала.

Если говорятъ, что комната выражаетъ характеръ того, кто живетъ въ ней, то было бы трудно опредѣлить характеръ Настасьи Петровны. Во всемъ былъ самый строгій порядокъ; неизвѣстно, происходилъ ли онъ отъ вкуса хозяйки, или отъ тѣсноты помещенія. На виду не было ни лишней книги, ни рисунка, ни цвѣтовъ на окнѣ; правда, цвѣты закрыли бы это единственное окно, изъ котораго, съ третьяго этажа, видны были только поля. Мебель была самая необходимая. Не было и слѣда картинъ или красивыхъ бездѣлицъ, всегда украшающихъ комнату женщины. Эта комната была удобна, какъ номеръ гостинницы.

Но Настасья Петровна любила эту тѣсную и уединенную комнату. Большая часть женщинъ ея лѣтъ уединяется для того, чтобы размышлять и плакать на свободѣ: Настасья Петровна не дѣлала этого. Она знала, что эти размышленія часто выражаютъ ропоть, обвиненія другихъ, нравственное безсиліе, покорность, похожую на ожесточеніе. Она не хотѣла дѣлаться хуже, платить своимъ внутреннимъ достоинствомъ за пріятныя минуты свободы; она не хотѣла терять этихъ минутъ въ печали о несбывшемся, о невозможномъ; она вспоминала только то, что было лучшаго въ прошедшемъ, вспоминала такъ полно и живо, что переживала его опять, забывалась въ немъ. Переходъ къ дѣйствительности былъ рѣзокъ, за-то скоръ; успѣвъ успокоить и обновить свою душу, Настасья Петровна принимала свою дѣйствительность благо-разумно и кротко. Уединеніе для другихъ — часъ жалобъ и злости, для нея было часомъ самозабвенія, молодости... Оставаясь одна,

она позволяла себѣ быть молодою, и въ-самомъ-дѣлѣ становилась молода; она оставляла работу, смотрѣла въ поле, занималась бездѣлицами, разбирала письма, тетради, которыя доставала изъ дальнихъ ящичковъ своего комода, заглядывала въ давно-перечитанныя книги, теряла время, какъ-будто его было еще много предъ нею... Въ эти минуты на лицѣ ея выражалось дѣтское счастье...

Предъ другими она такъ хорошо помнила свой возрастъ, держалась такъ серьезно и ровно, съ такой добротой и достоинствомъ, что только одна неприязнь могла найти въ ней что-нибудь для осужденія. Не всякій, кто зналъ и любилъ ее, былъ въ-состояніи понять, сколько было нужно кротости, мужества и ума, чтобы такъ держаться. Всего лучше было то, что она сама нисколько не цѣнила своего обращенія, находя его только совершенно-натуральнымъ; она такъ мало цѣнила сама себя, что уже не считала себя въ-правѣ имѣть талантъ для постороннихъ: она не только прощала Аннѣ Дмитріевнѣ, которая колко смѣялась надъ нею, но находила, что Анна Дмитріевна права, и что въ-самомъ-дѣлѣ ей, съ сѣдыми волосами, забавно, запершись въ своей комнатѣ, напѣвать серенады изъ «Barbiere»... Настасья Петровна позволяла себѣ гнѣть, оставаясь одна...

Въ это утро книга заставила ее забыть дѣло. Простенькое черное платье, очевидно принесенное для поправки, лежало на креслѣ вмѣстѣ съ шелкомъ, иголками и другими принадлежностями работы.

— Можно войти, тетя Настя? спросила за дверью Варенька.

— Милости просимъ, отвѣчала она, весело бросая книгу и вставая на встрѣчу Варенькѣ.—Ахъ, какъ вы хороши, какъ нарядны!

Варенька вошла, поправляя прелестное барежевое платье съ пестрымъ узоромъ, сшитое ловко и по модѣ; въ дорогомъ и изысканномъ нарядѣ ничто не было забыто — ни излишнія вышивки, ни тонкія кружева, такъ-что, взглядывая на себя, хорошенькая дѣвушка краснѣла отъ удовольствія.

— Ты пришла показаться? сказала Настасья Петровна.—Чудо, какъ мило! Ты и причесана иначе; такъ ты кажешься старше, но тѣмъ лучше. Весело быть хорошенькой?

— Ахъ, тетя, когда я подумаю, что я въ первый разъ такъ нарядна... Мнѣ почти стыдно, что я такъ рада!

— Полно, душа моя, какъ можно стыдиться такого натурального чувства? Позволь же и мнѣ подарить что-нибудь къ твоему наряду.

Настасья Петровна открыла маленькій ящикъ, стоявшій на комодѣ.

— Вотъ серьги — очень-старинныя ; въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ золота. Посмотри, какъ къ тебѣ пойдетъ.

— Чтò ты дѣлаешь, тѣтя? вскричала Варенька:—твои прекрасныя серьги — послѣднее, чтò у тебя есть... ты берегла ихъ на память...

— А развѣ ты не хочешь носить ихъ на память отъ меня? возразила Настасья Петровна, улыбаясь и держа открытую коробочку. — Возьми, если меня любишь.

— Мнѣ тяжело это, тѣтя Настя !

— Кто же мнѣ милѣе тебя, дитя мое?.. Давай свои ушки.— Сядь здѣсь и поговоримъ, пока вы еще не ѣдете.

— Отчего ты не ѣдешь? Дядя звалъ тебя?

— Вотъ и сегодня еще прислалъ записку, въ которой опять зоветъ; но мнѣ лѣнь. Чтò мнѣ тамъ дѣлать?

— Если бы ты знала, какъ мнѣ не хочется ѣхать! сказала Варенька. Сказать ли тебѣ правду? я не люблю моего дядю Шатровскаго.

— За чтò? спросила, смѣясь, Настасья Петровна.

— Въ немъ что-то холодное, натянутое. Я привыкла, чтобъ со мной были искренни; а если человѣкъ говорить мнѣ сегодня одно, завтра другое: одно изъ двухъ должно быть неискренно, или онъ не чувствуетъ ничего ~~того~~ того, чтò говорить... Не понимаю, какъ могутъ быть такіе люди!

— Какое негодование!

— Вотъ и ты шутишь теперь, но это совсѣмъ другая шутка. Его шутки оскорбляютъ... И какое краснорѣчіе! Когда я сравню его съ простымъ, живымъ разговоромъ, въ которомъ столько образованности, ума и такъ мало претензій, съ снисходительнымъ разговоромъ, въ которомъ намъ охотно объясняютъ тò, чтò намъ непонятно, гдѣ не щеголяютъ ничѣмъ, потому-что хорошаго такъ много, что оно высказывается само собою...

— Знаю, знаю, куда вы клоните рѣчь, прервала, смѣясь, Настасья Петровна.— Кто это васъ выучилъ разбирать такъ тонко?

— Кто меня выучилъ? вскричала Варенька, бросаясь обнимать ее.— О, милая тѣтя Настя!.. скажи правду: и тебѣ не нравится Шатровскій?

— Теперь скажу, потому-что ты призналась первая, а то бы я могла думать, что я тебя настроила. Да, онъ мнѣ не нравится.

— А знаешь ли; что мнѣ показалось? Что онъ въ тебя влюбился, что даже и ты... Прости меня, я съ ума сошла!

— Ты во всемъ ошиблась, мой другъ. Шатровский не можетъ меня любить, потому-что я не могу внушить любви, а я не чувствую ея къ нему потому, что ни къ кому не могу ее почувствовать... Грустно говорить это, потому-что онъ позволилъ себѣ шутить...

— Надъ тобой? Какъ онъ смѣетъ? вскричала, вспыхнувъ, Варенька.

— Оставимъ его въ покоѣ, душа моя. Ты сегодня такъ хороша: постарайся, чтобъ тебѣ было весело.

— Я думаю... Ахъ, еслибъ было можно остаться вотъ такъ, нарядной, дома, съ тобой; пришелъ бы еще одинъ человекъ: мы ушли бы въ садъ...

— Безъ меня, конечно?

Варенька залилась слезами.

— Варенька, Варенька, если тебя позовутъ... дитя мое!

— Все-равно! говорила бѣдная дѣвушка.— Богъ знаетъ, что я его люблю, я не хочу скрывать этого. Если меня думаютъ утѣшить, позабавить наряднымъ платьемъ— это не утѣшеніе; эти забавы оскорбляютъ...

— Для чего такъ понимать это, моя милая? Это нехорошо! Въ твоемъ чувствѣ могутъ ошибиться; а если и огорчаютъ тебя, то безъ намѣренія.

— Ты такъ думаешь? спросила Варенька, взглянувъ ей въ лицо. — Да, ты не притворяешься, ты точно такъ думаешь! Но ты ангелъ доброты, а я, къ-несчастью, на тебя непохожа. Въ моей любви не могутъ сомнѣваться, потому-что я сама призналась въ ней безъ страха и безъ стыда: онъ стоитъ, чтобы его любили, и я готова умереть любя его. Мы двѣ недѣли не видимся; мнѣ не напоминаютъ о немъ, не вызываютъ на разговоръ, какъ-будто ничего не было. Но я знаю, что было; моя участь рѣшена, мое сердце не переменится. Я сказала это... Я молчу; но чѣмъ я спокойнѣе, тѣмъ тверже, увѣрю тебя.

— На что же ты рѣшилась?

— На все.

— Это не рѣшеніе. Ты еще не знаешь, что можетъ случиться. Тебѣ еще не сказали рѣшительно, чтобъ ты не думала о Карзановѣ.

— Запретить думать нельзя, возразила Варенька спокойно и смѣло.

— Да; но вы уже не видите, а скоро онъ и совсѣмъ уйдетъ.

— Не-уже-ли ты думашь, что онъ меня забудеть? вскричала дѣвушка, оживляясь и съ радостной гордостью.— Забыть, какъ я его люблю, развѣ это возможно? Нѣтъ, я никогда не смѣла оскорбить его такимъ сомнѣніемъ! Ты насъ не знаешь.

— Вѣрю, моя милая, отвѣчала Настасья Петровна, но... Какъ мнѣ жаль тебя мучить! Ты не отъ себя зависишь. Если представится другой женихъ...

— Слушай, тетя Настя. Мнѣ тоже жаль тебя мучить... Въ одинъ вечеръ, когда тебѣ было очень-тяжело, когда тебя огорчили до слезъ и некому было тебя утѣшить, кромѣ меня, безповытной дѣвочки, потому-что тогда я еще не любила, ты рассказала мнѣ...

— Довольно, Варенька... прервала Настасья Петровна, поблѣднѣвъ.

— Нѣтъ, выслушай. Ты была такъ несчастна, что не помнила, что и кому говорила; ты была не въ-состояніи разбирать, какъ много значили твои слова. Я никогда не напоминала ихъ тебѣ, но я ихъ все помню. Вспомни сама. Ты была любима человѣкомъ, которому принадлежать не могла; ты любила его и не вышла замужъ за другаго, потому-что считала себя связанной... Прости меня, ради Бога! вскричала Варенька, бросаясь цаловать руки тѣтки, которая не успѣла отнять ихъ...

— Полно, мое милое дитя! сказала Настасья Петровна, обнимая ее: — что было со мною, прошло ужъ такъ давно... Прощай; мы заговорились, а тебѣ пора ѣхать. Будь весела, а тамъ — что Богъ дастъ!..

Проводивъ Вареньку, Настасья Петровна задумалась такъ сильно, что все ея благоразуміе и доброта сердца не могли прогнать этого раздумья.

По странному свойству своей природы, большая часть людей не могутъ поблагодарить судьбу за счастье, которое она посылаетъ другимъ, не упрекнувъ ея въ скупости къ нимъ самимъ. Необыкновенно-проворно и съ необыкновенной точностью умѣютъ они сосчитать все, чего имъ не достаетъ; съ изумительнымъ знаніемъ сердца человѣческаго соображаютъ, сколько лишняго и неумѣстнаго счастья послано ихъ ближнему; съ трогательной скромностью говорить, какъ бы они сами оцѣнили это благо, какъ восторженно они были бы благодарны...

Настасья Петровна была не изъ числа этихъ людей: за другихъ, за себя, за счастье, въ огромномъ размѣрѣ посланное мимо

ея, другимъ, за удовольствіе, которое доставлялъ глазамъ ея лучъ солнца, граціозно мелькнувшій въ окно, она была вѣчно и равно благодарна. Молодость, красота, веселость Вареньки не возбуждали въ ней зависти; но слова ея заставили ее оглянуться на все дорогое прошедшее, прошедшее, вѣчно казавшееся ей живымъ... Чѣмъ кончалась ея жизнь?.. Ей попалась на глаза пригласительная записка Шатровскаго. Не-уже-ли этой обидной шуткой?.. Настасья Петровна наконецъ поняла ее.

Она поняла Шатровскаго: если и Варенькъ показалось, что тѣтка раздѣляетъ его чувство, онъ думаетъ то же самое. Серьезно остановить его нельзя: онъ найдетъ новую шутку для оправданія, и смѣшиною останется опять она. Ее оскорбляютъ, и противъ оскорбленія нѣтъ защиты...

Она пощадила Шатровскаго въ первую минуту; она благородно ошиблась, предполагая его благороднѣе — и чѣмъ ей отплачивали?.. Она ужаснулась того, что ей въ голову входили подозрѣнія: злость другихъ возбуждала злость и въ ней самой; съ отвращеніемъ отбросила она мысль, что, можетъ-быть, эта комедія придумана Анной Дмитріевной и служить для ея забавы... Ей представилось все: возрастъ, въ которомъ чувство называется ребячествомъ, а достоинство женщины — претензіями; беззащитность, забавная для свѣта; холодность окружающихъ, ихъ неприязнь, ихъ радость при возможности насмѣшки — все, что съ вида кажется такъ мелко, что не стоить вниманія, а на дѣлѣ стоить жизни; пересуды и толки постороннихъ, противъ которыхъ, говорятъ, нужно только самосознаніе и презрѣніе...

Въ эту минуту она созналась, что у нея не достаетъ мужества...

VII.

Въ числѣ совѣтовъ, данныхъ брату о приготовленіяхъ къ его празднику, Анна Дмитріевна нѣсколько разъ повторила совѣтъ, перешедшій ужъ въ приказаніе: не предупреждать Николая Петровича, что у Шатровскаго будетъ Юринъ; въ противномъ случаѣ, еслибъ супругъ узналъ, какая встрѣча ему готовится, Анна Дмитріевна считала его способнымъ выйти изъ экипажа на половинѣ дороги. Николай Петровичъ былъ удивленъ, увидя щегольскіе наряды жены и дочери, но промолчалъ по привычкѣ. Изъ опасенія, чтобъ онъ, или Варенька, также ничего не знавшая, не

догадались, Анна Дмитриевна не сдѣлала никакого замѣчанія о простомъ пальто, въ которое одѣлся Николай Петровичъ ради чрезвычайнаго жара. Онъ удивился еще и тому, что изъ всѣхъ дѣтей Анна Дмитриевна брала только одного старшаго мальчика, тоже тщательно-завитаго, и замѣтилъ, что, кажется, Алексѣй Дмитриевичъ знаетъ всѣхъ.

— Они наскучаютъ въ каретѣ; тебѣ будетъ безпокойно, mon ami, отвѣчала Анна Дмитриевна чрезвычайно-ласково.

— Можно бы еще заложить крытыя дрожки.

У Анны Дмитриевны была готова самая краснорѣчивая рѣчь объ этихъ звонкихъ дрожкахъ съ крыльями, и о томъ, что повѣздъ будетъ совершенно похожъ на свадебный купеческій; но она оставила эту рѣчь до другаго времени и отвѣчала:

— Люди и лошади будутъ нужны, другъ мой: ты вчера приказывалъ возить сѣно; оно испортится, если будетъ дождь.

Противъ такой покорной предупредительности было нечего сказать и Николай Петровичъ, еще болѣе удивленный, влѣзъ въ карету. Удивленіе его еще возрасло, когда, влѣзая, онъ оборвалъ шитую оборку Анны Дмитриевны, а она, расхохотавшись самымъ милымъ образомъ, не выходя изъ кареты, приказала подать себѣ иголку и сама зашила платье, въ наказаніе только заставивъ мужа держать полотнище, пока она шила. Путешествіе, начатое такъ пріятно, продолжалось еще пріятнѣе. Анна Дмитриевна была такъ тонко предусмотрительна въ своихъ угожденіяхъ, что сдѣлала выговоръ маленькому сыну, когда онъ ошибся, называя разные сорта хлѣба, мимо которыхъ проѣзжалъ.

— Стыдно не знать того, что полезно, сказала она. Попроси папу, чтобъ онъ бралъ тебя иногда съ собою въ поле — и научишься.

Во всю дорогу Анна Дмитриевна выразила только одно нетерпѣніе: скорѣе довѣхать. Ей хотѣлось пріѣхать прежде Юрина, такъ, чтобъ успѣли отложить карету, и Николаю Петровичу было бы невозможно увѣхать тотчасъ, еслибъ и вздумалось.

Шатровскій былъ ветревоженъ какъ хозяинъ, встрѣчая зятя и сестру; что-то не удавалось въ его обѣдѣ, и хотя еще наканунѣ, тайно отъ Николая Петровича, былъ отправленъ къ Шатровскому его поваръ, но этотъ поваръ не могъ вполнѣ постичь идей, которыя старался внушить ему Шатровскій. Анна Дмитриевна взялась объяснить ихъ и даже сама отправилась въ кухню, несмотря на то, что Николай Петровичъ успокоивалъ зятя, что «ничего; изъ-чего такъ безпокоиться?..»

Въ-самомъ-дѣлѣ, тревога Шатровскаго казалась непонятною для человѣка, который думалъ провести день въ семьѣ, съ той разницей, что провелъ бы его на другомъ мѣстѣ. Но Николай Петровичъ убѣдился, что зять думаетъ иначе, потому-что его оставили одного въ гостиной, гдѣ, конечно, онъ могъ бы заняться разсматриваніемъ блѣдныхъ гравюръ въ деревянныхъ рамкахъ, но съ удивленіемъ замѣтилъ, что онѣ всѣ сняты и что на диванѣ лежатъ вышитыя подушки изъ его собственнаго кабинета. Какъ и зачѣмъ явились онѣ здѣсь—Николаю Петровичу было рѣшительно-непонятнимо. Варошья ушла на балконъ. Митя давно убежалъ подъ гору, въ садъ. Николай Петровичъ бродилъ по комнатамъ до-тѣхъ-поръ, пока возвратилась его супруга. Она была на диванѣ съ ловкой развязностью хозяйки, окинувъ пустыя кресла такимъ взглядомъ, какъ-будто на нихъ помѣщалось самое любезное и избранное общество. Мысленная бесѣда, которую Анна Дмитриевна вела съ этимъ обществомъ, мѣшала ей заниматься Николаемъ Петровичемъ. Пришелъ Шатровскій. Время шло долго, натянуто и церемонно. Конечно, членамъ семейства, давно и коротко знающимъ другъ друга, нѣчего трудиться взаимно занимать другъ друга; но именно эта короткость и вызываетъ непринужденную шутку, живой разговоръ. Шатровскій не заботился никого узнавать коротко и понемногу такъ приучилъ себя къ поверхностнымъ взглядамъ, что всѣ окружающіе его люди имѣли для него значеніе теней; онъ видѣлъ ихъ, обращался съ ними, но не вникалъ, что имъ пріятно, что имъ нужно, что можетъ ихъ тронуть, или занять. Потому онъ затруднялся вести разговоръ съ людьми, которые, какъ Николай Петровичъ, не любили разсуждать, отъ которыхъ нельзя было отдѣлываться наговоривъ фразъ, съ которыми было необходимо непремѣнно что-нибудь положительное. Они расхаживали по залѣ и гостиной; наконецъ Шатровскій повелъ гостя на балконъ, надѣясь какъ-нибудь оживиться на чистомъ воздухѣ.

Николай Петровичъ разсказалъ Шатровскому исторію селенія, которое видѣлось вдали съ своей бывлой церковью, исторію владѣльца этого селенія, слишкомъ-долго ненавѣщавшаго своихъ владѣній, исторію лѣса, который исчезъ въ отсутствіи владѣльца, и заключилъ нравоученіемъ:

— Тамъ-то вотъ сосѣдъ нашъ, Юринъ, теперь заѣхалъ сюда; говорятъ, все украшаетъ, приводитъ въ порядокъ... Знаемъ мы эти порядки!.. А тамъ, укатитъ опять, и только высылай ему obroki. Глядишь, вмѣсто лѣсовъ и останутся одни пни. Не люблю

я этих неосновательностей, батюшка Алексѣй Дмитріичъ. Что-нибудь одно: если ужь закотѣлъ кузѣтъ — обрати все разомъ въ металлъ, да и сори его, а не те, что поминиому разорять — вотъ такъ!

Онъ указалъ на дальшее селеніе.

— Курицы во дворахъ не осталось, не только чего другаго. Развалины вѣдь только на картинкахъ хороши. У Юрина, видите ли, домъ трехэтажный; да что мнѣ въ немъ, когда я, покуда до него дойду...

— Диденка, къ вамъ гости! закричалъ Митя, выбѣгая изъ-за кустовъ.

— Кто это? сказалъ Николай Петровичъ, прикладывая руку къ глазамъ и стараясь рассмотреть щегольской фазтонъ, который мчался въ гору.

Шатровскій исчезъ съ балкона; онъ поспѣшилъ сказать Аннѣ Дмитріевнѣ. Она позвала Вареньку.

— Поди въ комнату: ты загорись, моя милая. Дай себя опра-
вить. Voici da monde qui arrive. Наконецъ ты увидишь что-
нибудь порядочное.

— Кто это, маменька?

— Леонидъ Юринъ.

— Такъ вы знали, что онъ будетъ?

Анна Дмитріевна жала ее въ объятіяхъ съ улыбкой, полной жеметства женщины, счастья преданнаго друга и умиленія матери... Только она умѣла соединить въ одно столько различныхъ выраженій.

Николай Петровичъ, между-тѣмъ, успѣлъ рассмотреть двухъ сидковъ фазтона. Съ одного изъ нихъ развѣвались въ воздухѣ складки бѣлаго бурнуса на ослѣпительно-алой подкладкѣ, и ослѣпительно-алый капшонъ, съ толстыми кистями, играя съ эфирами, несомѣтъ-удобно задѣвалъ соломенную шляпу и плечи своего обладателя. Николай Петровичъ узналъ Юрина, когда фазтонъ остановился у крыльца, и молодой человекъ величаво сошелъ съ подножки. Его товарищъ доставилъ себѣ удовольствіе спрыгнуть, поддерживая локтями что-то въ родѣ мантильи изъ чернаго бархата, отчего, когда онъ сталъ и выпрямился, его длинная фигура была вѣскольکو похожа на лангу подъ колпакомъ.

— Что же онъ не сказалъ, что называлъ ихъ къ себѣ? произнесъ Николай Петровичъ, въ чрезвычайномъ неудовольствіи сходя съ балкона.

— Кто это, другъ мой ?

— Юринъ, матушка ! Есаябъ я зналъ...

— Сдѣлайте милость, хоть не шумите въ постороннемъ домѣ.

Ну, что же, если и Юринъ... Да не кричите : вотъ они.

Шатровскій ввелъ обоихъ молодыхъ людей. При входѣ ихъ, Митя выразилъ изумленіе, и даже Варенька едва удержалась отъ смѣха. Очевидно, гости употребили не мало времени на соображеніе своего туалета и очевидно были довольны имъ и собою. Костюмеръ, который шилъ на нихъ, превзошелъ себя : было рѣшительно-невозможно придумать что-нибудь короче, прорѣзать болѣе кармановъ, прицѣпить болѣе застежекъ, увеличить илѣтти матеріи и усилить яркость цвѣтовъ. Отъ гостей стало пестро въ комнатѣ. Какъ всегда, Василій Ивановичъ былъ копіею брата : у обоихъ на шеѣ висѣли лорнеты, у обоихъ въ петлицѣ было по розѣ, на обоихъ были оранжевыя перчатки... Но Василій Ивановичъ, вступая въ гостиную, съ ужасомъ замѣтилъ, что большой палецъ его правой руки, послѣ многихъ усилій, разорвалъ свои оковы, и ладонь поразительно смотрѣла изъ-подъ лайки. Это неожиданное несчастіе уничтожило его въ минуту представленія.

— Мнѣ очень-пріятно, сказала съ очаровательной улыбкой Анна Дмитриевна, отвѣчая на поклонъ Юрина :— мнѣ очень-пріятно видѣть васъ здѣсь, прежде нежели увижу васъ у себя : мы встрѣтимся уже старыми знакомыми.

— Я желалъ, я надѣялся, говорилъ Юринъ, расшаркиваясь :— dernière fois, à cette совѣщаніе...

— Да ! Но я страдала, я не выходила изъ комнаты ; я такъ сожалѣла, что это лишило моего мужа возможности пригласить васъ... Но теперь...

Она подала ему руку.

— Дочь моя.

— Mon cousin.

Пожавъ руку матери и пріятно теряясь, Юринъ счелъ приличнымъ протянуть руку и дочери. Василій Ивановичъ, потерявшись совсѣмъ и вмѣняя себя въ обязанность во всемъ слѣдовать братцу, поступилъ точно такъ же.

Если трудно изображать бессильную горестъ, то едва-ли не труднѣе описывать бессильный гнѣвъ. Николай Петровичъ былъ разгнѣванъ такъ, какъ ему еще не случалось гнѣваться, но чувствовалъ себя побѣжденнымъ, стѣсненнымъ безвыходно. Онъ хотѣлъ уйти и оставилъ это намѣреніе, потому-что надо же бы-

ло бы возвратиться; хотѣлъ уѣхать, но что это была бы за сцена? хотѣлъ сѣсть, чтобы хотя этимъ выразить свое полное пренебреженіе, но въ ту минуту, какъ онъ рѣшался на этотъ поступокъ, Юринъ обратился къ нему съ самымъ развязнымъ поклономъ. Ободренный внимательностью аристократической дамы, восхищенный въ одну минуту красотой молодой дѣвушки, увѣренный въ безукоризненности своей жакетки, Юринъ сіялъ тѣмъ счастьемъ, которое мудрецы учатъ насъ искать въ насъ самихъ.

— Какъ ваше здоровье, почтеннѣйшій Николай Петровичъ? Давно я не имѣлъ удовольствія васъ видѣть...

Какъ назвать несчастное свойство ума человѣческаго, свойство— не находить словъ, когда они нужны, способность говорить именно то, чего не хочешь и чего не слѣдуетъ? Николай Петровичъ доказалъ, что обладаетъ этой способностью; онъ пошелъ дальше: позволилъ Юрину подать себѣ руку, и если не сказалъ привѣтствія, то не сказалъ и грубостей, которыя вертѣлись у него на языкѣ... Правда, надъ нимъ носился взоръ Анны Дмитріевны.

— Извините моего мужа, сказала она громко, со всей дерзостью торжества:—старикъ, домосѣдъ, который, при всемъ желаніи, не можетъ превозмочь своей лѣни и подняться сдѣлать визитъ.

— Помилуйте! отвѣчалъ снисходительно Юринъ:— я знаю въ Москвѣ многихъ аристократовъ, которые также позволяютъ себѣ не платить визитовъ. Конечно, я этого не одобряю...

— Дѣ... но занятія, обширность знакомства, прервала Анна Дмитріевна, любезно указывая ему на кресло, ближайшее къ дивану.

Напротивъ сидѣла Варенька.

— Mais toujours... возразилъ Юринъ, принимая позу, исполненную достоинства:—я вынесъ разъ-другой, и пересталъ ѣздить. Протекціи я не ищу, потому-что не имѣю въ ней надобности...

— О, конечно! вскричала Анна Дмитріевна.

— Притомъ, я тутъ ничего не теряю, продолжалъ скромно Юринъ.—Два-три какіе-нибудь дома замѣнить всегда легко, даже и не при моихъ связяхъ; а для развлеченій у меня и безъ того едва доставало времени.

— Я думаю, сказала Анна Дмитріевна.—И теперь вамъ должна казаться такъ бѣдна, пуста наша провинціальная жизнь.

— Признаюсь, отвѣчалъ Юринъ:— меня испугали здѣсь. Мнѣ случилось быть кое-у-кого (по дѣламъ, конечно; изъ удовольствія я бы не поѣхалъ). Помилуйте! я вошелъ: полы скрипятъ,

окна безъ драпировокъ; калеза сначала куда-то попяталась, наконецъ являются въ допотопныхъ образахъ; дамы... ah, mille pardons!..

Изобразить жестомъ объемъ полноты дамы, которую описывалъ, Юринъ засмѣялся немного-громко для человѣка высшего круга, но такъ увлекательно, что Анна Дмитриевна невольно стала ему вторить.

— Ахъ, когда васъ узнаешь короче, Мг Юринъ, сказала она, продолжая смѣяться:—то невольно замѣчаешь, что вы *sauvétique*... Я знаю, о комъ вы говорите. Варенька, моя *enfant*, ты знаешь... и какъ живутъ! Мы уже по неволѣ покорились, привыкли ихъ видѣть; но для пріѣзжаго, вотъ, напримѣръ, вы, братъ... Alexis!

Шатровскій, который все это время безмолвно стоялъ близъ безмолвнаго Николая Петровича, подошелъ и бросился въ кресла подлѣ Юрина, съ лѣнью и непринужденностью нѣсколько-высканнными. Шатровскому показалось необходимо порисоваться при Юринѣ.

— Alexis скучаетъ тоже.

— Дѣ, мы съ нимъ новички, сказалъ Юринъ, весело смѣясь:—вмѣстѣ и привыкать!

— Я нисколько не намѣренъ, возразилъ небрежно Шатровскій:—если эти оригиналы тебя любопытны... Предупреждаю: ты ихъ у меня не встрѣтишь.

Шатровскій самъ не могъ бы объяснить, почему ему вздумалось сказать *ты* своему гостю. Хотѣлъ ли онъ уничтожить досадную разницу состоянія, или взять нравственный перевѣсъ надъ своимъ гостемъ (потому-что первое *мы*, когда не вызвано пріязнью, отзывается покровительствомъ)—неизвѣстно, но выходка Шатровскаго доставила всѣмъ удовольствіе: Юрину, благоговѣвшему предъ тѣмъ, что онъ называетъ «порядочными манерами», показалось, что съ этой минуты Шатровскій призналъ его своимъ ровней, Анна Дмитриевна бросила взглядъ благодарности брату за эту короткость, которая, такъ-сказать, водворила Юрина въ дружбу брата, въ его домъ—почему знать, можетъ-быть, въ его семействѣ...

Аннѣ Дмитриевнѣ оставалось пока заботиться только о томъ, чтобъ разговоръ не прекращался, что не могло не удасться ей при настоящемъ расположении духа собесѣдниковъ.

— Продолжайте, сказала она, Юрину, смѣясь:—вы такъ вѣр-

но, однимъ словомъ очеркиваете эти лица. Заметъ, Варенька, это необыкновенное умѣнье схватить самую главную черту...

— Черты-то крупны; есть что схватить! прервалъ Юринъ, снова заливаясь смѣхомъ и повторяя жестъ, которымъ представлялъ свою знакомую полную даму.

— Ахъ, вы восторжены! Есть люди, у которыхъ слабость интересъ шутки, но вы... вы должны быть самаго веселаго характера.

— Славный малый! сказалъ Шатровский.

Юринъ взглянулъ на Вареньку, и ему припомнились милыя «непосредственныя, несложившіяся» созданія, какъ величали ихъ друзья-поэты его кружка, обращаясь къ нимъ не иначе, какъ съ словами «дитя» или «малютка» — созданія, которыхъ, чтобы очаровать, надо немного запугать. Онъ видалъ подобныя побѣды, вспомнилъ, что приемы нетрудны; а такъ-какъ Варенька каждую минуту нравилась ему больше-и-больше, какъ хорошенькая дѣвушка, и, главное, аристократка, то онъ рѣшился принять свои шѣры, чтобъ побѣдить ее. Этимъ онъ какъ-нельзя-лучше, осуществляя надежды Анны Дмитриевны.

— Ну... мой характеръ... сказалъ онъ съ разстановкой, вдругъ переѣвнивъ тонъ на серьезный. — Знаете ли, смѣхъ больше для-того, чтобъ забыться!..

Больше этого онъ не могъ выговорить для перваго монолога; но и эти немногія слова были поняты со всѣмъ участіемъ догадливости. Улыбка мгновенно исчезла съ устъ Анны Дмитриевны, и любезная женщина произнесла торопливо:

— Забыться? вы стараетесь забыться?

— Почему же нѣтъ? отвѣчалъ Юринъ, рѣшительно не зная, что еще сказать.

Анна Дмитриевна устремила на него взоръ, полный состраданія. Юринъ поправилъ розу въ своей петличкѣ.

— Вѣрно, кольцо вашей матери? спросила Анна Дмитриевна, давъ пройти краснорѣчивой паузѣ и голосомъ, измѣнившимся отъ грустнаго чувства.

— Нѣтъ, отцу досталось по случаю, отвѣчалъ онъ, проворно снимая перстень и подавая ей: — *Jolie piéce* — не правда ли?

— Ахъ, да! это превосходный камень, сказала Анна Дмитриевна ужъ безъ малѣйшаго отъѣвника задумчивости: — превосходный! Могутъ быть больше, но такой чистой воды... *Mais, voyez donc, Варенька!* Не-уже-ли это тебя не занимаетъ?.. Вы ничѣмъ не

могли доставить ей большіе удовольствія, какъ показавъ этотъ камень, г. Юринъ: мы еще дитя, любимъ блестящія игрушки...

— О, у меня столько этихъ игрушекъ!

— Вероятно, отецъ вашъ собиралъ коллекцію? спросила Анна Дмитриевна, нетерпѣливо и незамѣтно дернувъ Вареньку за рукавъ и заставляя ее встать. — Кстати, Алексій, покажи, пожалуйста, свой камень; это, конечно, не такъ цѣнно, но очень-любопытно.

Шатровскій былъ очень-доволенъ, что и ему есть что показать, и отправился за своимъ камешкомъ. Анна Дмитриевна искусно заставила Вареньку взять въ руки перстень Юрина, еще искуснѣе отдалилась отъ нея въ эту минуту и обратилась къ Василию Ивановичу.

— Чѣмъ же вы убиваете ваше время въ деревнѣ? спросила она какъ-возможно-привѣтливѣе.

Василій Ивановичъ былъ сначала погруженъ въ созерцаніе своей перчатки, потомъ это печальное зрѣлище и невниманіе остальнаго общества навело его на такія мрачныя мысли, на такое сознаніе о суетѣ суетъ, что онъ смотрѣлъ на всѣхъ, и въ-особенности на своего брата, съ грустнымъ пренебреженіемъ, выражавшемся въ горькой улыбкѣ и взглядѣ исподлобья. То и другое исчезли на одно мгновеніе при вопросѣ Анны Дмитриевны: Василій Ивановичъ ожилъ, вскочилъ... но въ эту минуту Шатровскій возвратился, и Анна Дмитриевна обратилась опять къ блестящему братцу. Опытная дама съ перваго взгляда поняла бесполезность потери времени съ Василюмъ Ивановичемъ... Тогда, нахмурясь, Василій Ивановичъ круто повернулъ назадъ и, увидя также всѣми оставленнаго Николая Петровича, быстро направился къ нему.

— Вы чѣмъ же занимаетесь въ деревнѣ? спросилъ Василій Ивановичъ, опираясь локтемъ въ стѣну, скрестивъ ноги, покачиваясь и кусая листочки своей розы, словомъ, исполняя все, что дѣлывалъ иногда его братецъ.

Николай Петровичъ оглянулъ его съ головы до ногъ. Собесѣдникъ былъ такъ забавенъ, что, при всей своей досадѣ, Николай Петровичъ не могъ не улыбнуться; потомъ досада овладѣла имъ еще сильнѣе. Гости съ каждой минутой становились ему неприятнѣе, а возрастающая любезность жены выводила его изъ себя; невниманіе, въ которомъ его оставляли, было обидно, и онъ удерживался только изъ приличія. Николаю Петровичу стали понятны всѣ приготовленія, начиная съ наряда Вареньки, и это особенно

его возмущало. Какъ многіе неопытные люди, онъ не понималъ, что можетъ быть привлекательнаго въ стараніяхъ нравиться; онъ ненавидѣлъ эти старанія; онъ былъ убѣжденъ, что они и въ голову не входятъ его дочери — и вдругъ, предъ нимъ, жена его начинала комедию, ясную для всякаго съ перваго взгляда! Одна Варенька не понимала этой комедіи, что доказывалось ея скукой, ея неловкостью и насмѣшливымъ любопытствомъ, съ которымъ она смотрѣла на Юрина. Отецъ вздохнулъ свободнѣе. «Хоть она, по-крайней-мѣрѣ!» сказалъ онъ самъ себѣ; но чрезъ минуту его доброе и простое лицо сдѣлалось печально: у смѣшной и досадной глупости онъ увидѣлъ серьезную сторону... Съ этой минуты онъ счелъ Шатровскаго за врага, который, шутя или съ умысломъ, но дѣлалъ зло: кто же, если не онъ, устроилъ все это? На него сильнѣе всѣхъ обратился гнѣвъ Николая Петровича... Можетъ-быть, даже и мысленно, Николай Петровичъ не смѣлъ обратить гнѣва на жену свою...

— Что вы поддѣлываете? повторилъ Василій Ивановичъ.

— Хозяйничаю-съ, отвѣчалъ Николай Петровичъ съ такимъ видомъ покорности, отъ котораго бѣжалъ бы всякій.

— Ну, какъ идетъ ваше хозяйство?

— Помаленьку-съ.

— Выписываете вы какіе-нибудь журналы?

— Анна Дмитріевна получаетъ французскіе.

— Что новаго въ политикѣ? Въ деревнѣ такъ отстаешь, что ужасъ!

— Я не читаю, смиренно отвѣчалъ Николай Петровичъ.

— Это ничего не значить, снисходительно возразилъ Василій Ивановичъ, садясь подлѣ него.—Въ человѣкѣ вашихъ лѣтъ нужны только основательность и здравый смыслъ. Я цѣню это выше всего. Я бы желалъ, чтобъ вы позволили мнѣ сблизиться съ вами, хотя это можетъ показаться страннымъ по несходству нашихъ лѣтъ и всего...

Василій Ивановичъ доставлялъ себѣ удовольствіе нѣкотораго торжества, нѣкотораго мщенія надъ остальнымъ обществомъ: онъ доказывалъ, что можетъ обойтись и безъ этого общества, занимаясь съ солиднымъ человѣкомъ, главою семейства, который не считалъ его недостойнымъ своей бесѣды.

Николай Петровичъ не зналъ, какъ отъ него отдѣлаться...

Вошелъ Доминиковъ, которому пришлось долго кланяться преж-

де, нежелли его замѣтили. Одинъ Николай Петровичъ подалъ ему руку.

— Странный человекъ! замѣтилъ Василій Ивановичъ вслѣдъ Домникову: — я люблю иногда заставить его разговориться.

— А, Петръ Ивановичъ! сказалъ Юринъ: — какъ поживаете?

Анна Дмитриевна воспользовалась этой минутой и сказала Варенькѣ:

— Какъ онъ доволенъ, что видитъ этого старика! Что за чудное сердце!

— Что жъ Карзановъ не пріѣхалъ съ вами? спросилъ Шатровскій, оглянувшись на Вареньку.

Варенька покраснѣла, но это замѣтилъ только Шатровскій и отецъ.

— Развѣ вы были у Карзанова? спросилъ Николай Петровичъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Шатровскій, но я его звалъ.

— Не удивляюсь, если онъ не поѣхалъ къ вамъ.

Шатровскій вспыхнулъ.

— А если онъ дожидается моего визита, то можетъ подождать, возразилъ онъ рѣзко.

— Qui est ça, Карзановъ? спросилъ Юринъ Анну Дмитриевну.

— Ah, pas grande chose, мелкопомѣстный, оригиналь... словомъ: совершенно во вкусъ моего мужа.

— А! такъ жаль, что его нѣтъ. Эти мелкопомѣстные бывають, знаете, какъ забавны! Въ своей компаніи, вы не можете вообразить, что съ ними можно дѣлать...

— Да, маленькія школьничества, прервала Анна Дмитриевна, обрадовавшись на этотъ разъ, что Варенька отошла отъ нихъ: — но согласитесь, это жестоко...

— Вы думаете, эти люди что-нибудь понимаютъ? возразилъ Юринъ.

— Нѣтъ... но Карзановъ молодой человекъ, съ воспитаніемъ... продолжала Анна Дмитриевна, пугаясь, что ужъ слишкомъ ободрила своего гостя.

На Юрина слово «воспитаніе» производило всегда сильно-охлаждающее дѣйствіе: оно заставляло его робѣть и теряться. Это не скрылось отъ Анны Дмитриевны, и она поспѣшила прибавить:

— Знаете, это книжное воспитаніе, безъ примѣненія къ жизни, безъ свѣтскаго лоска. Онъ, пожалуй, много знаетъ, но... ему надо еще многому поучиться!

Эти слова, сказанныя вполголоса, съ многозначительнымъ

взглядомъ, съ очаровательной улыбкой, возвратили Юрину ошеловитвiе и развязность.

— Ah!.. сказалъ онъ протяжно, раскидываясь въ креслахъ и поглядывая на чудовищно-широкiе концы своихъ сапоговъ: — *je vois que vous n'avez pas ici beaucoup de grand monde.*

Какъ внимательная хозяйка, Анна Дмитриевна старалась облегчить для гостя всѣ затрудненiя, и потому отвѣчала порусски:

— Намъ собственно на что нужно общество? Вы видите мою дочь: я сама занималась ея образованiемъ, и она еще такъ молода, что ей рано видѣть свѣтъ. Зимой я повезу ее въ Москву, гдѣ имѣю родныхъ и знакомства, и она войдетъ прямо въ кругъ, для котораго создана и гдѣ ей ничто не будетъ ново, потому-что всѣ его обычаи она усвоила себѣ дома. А для меня самой общество, развлеченiя — на что они? Я мать, г. Юринъ, и живу только тогда, когда для моей дочери настанетъ пора жить!

Невозможно описать глубины чувства, съ которымъ Анна Дмитриевна произнесла эти слова, и Юринъ былъ бы непремѣнно тронутъ ими, еслибъ въ эту минуту не доложили, что готовъ обѣдъ.

Анна Дмитриевна посадила Вареньку между собою и Юринимъ, для того, чтобъ она не могла не участвовать въ разговорѣ. Николай Петровичъ былъ снова предоставленъ Василю Ивановичу, для того, чтобъ отвлечь его вниманiе отъ Юрина. Но Василій Ивановичъ за обѣдомъ видѣлъ только одинъ обѣдъ и отводилъ взоръ отъ тарелки только въ случаяхъ необходимости.

Николай Петровичъ молчалъ. Чтобъ смотрѣть куда-нибудь, онъ смотрѣлъ на своего маленькаго сына.

Шатровскому было неловко, и когда онъ взглянулъ на Николая Петровича, у него не нашлось духа заговорить съ нимъ. Такъ-какъ Шатровскому было все-равно, удастся или не удастся Аинѣ Дмитриевнѣ поймать Юрина, то смущенiе Николая Петровича ни радовало, ни забавляло его. Шатровский замѣтилъ, что онъ не столько разсерженъ, сколько огорченъ; но чтобъ не разбирать чѣмъ и почему, предпочелъ просто остановиться на мысли, что очень-непрiятно имѣть у себя раздосадованнаго гостя.

«Чѣмъ же я виноватъ? подумалъ онъ. Не пригласи я Юрина, посмотрѣлъ бы Николай Петровичъ, что бы съ нимъ было! А онъ еще вступаетъ за своего Карзанова! Родительское сердце и не подозреваетъ, что еще одно баремное платице — и мы будемъ совершенно утѣшены...»

Николай Петрович понимал Вареньку иначе. Она встретила его взгляд и весело улыбнулась ему. Не подозревая замыслов матери, она была спокойна, и смѣшное забавляло ее как ребенка. Со всей шаловливостью своего возраста, она, не затрудняясь, воспользовалась первымъ средствомъ, которое ей представлялось, чтобъ избавиться отъ разговора, казалось, неизбежнаго. Анна Дмитриевна пришла въ отчаяніе, увидя, что дочь ея принялась кушать съ аппетитомъ, котораго предполагать было невозможно. Опытная кокетка не придумала бы лучше, чтобъ остановить криноръчье самаго говорливаго поклонника, чтобъ разочаровать его. Юрину было некогда говорить. Самое упрямое сопротивление не нанесло бы такого удара замысламъ Анны Дмитриевны; не имѣя возможности остановить Вареньку, она рѣшилась занять Юрина такъ, чтобъ онъ забылъ о ней. Гнѣвъ сѣдлалъ Анну Дмитриевну еще любезнѣе. Она рассказывала Юрину, одинъ за другимъ, разные свѣтскіе случаи, заботясь о томъ, чтобъ рассказъ цѣпился титулами, къ которымъ имена собственные, женскія и мужскія, прилагались всегда не иначе, какъ уменьшительныя. Такимъ—образомъ Юринъ нечувствительно узнавалъ короткость отношеній этихъ лицъ къ Аннѣ Дмитриевнѣ, когда она «взжала въ свѣтъ», и память, которую они сохранили о ней до—сихъ—поръ. Онъ узналъ, напримѣръ, что княжна Nathalie, на которой женился путешественникъ, виконтъ de ***, была лучшимъ другомъ Анны Дмитриевны; что романъ, который написанъ и изданъ этимъ виконтомъ въ Парижѣ, тотъ романъ, гдѣ московское общество изображено такъ вѣрно, а *s'y méprendre*, взять изъ истиннаго происшествія; что героиню она назвать не можетъ, но что подруга ея, *la folâtre Annouschka* — сама Анна Дмитриевна, которая и посвящала виконта во всѣ подробности этого происшествія. Юринъ былъ на верху гордости и счастья: аристократка, героиня романа, занималась имъ съ такой предупредительной любезностью! Онъ, вѣчно—отвергнутый этими неснисходительными дамами, чувствовалъ, какъ вырастало его собственное значеніе — и сердце его расширялось отъ радости. Могъ ли онъ устоять и не найти Анны Дмитриевны самою очаровательною женщиной?..

Вставъ изъ—за стола, она увела его на балконъ, и не только позволяла, но предложила ему курить. Пользуясь минутой, когда съ нимъ былъ Шатровскій, она воротилась въ гостиную, гдѣ Варенька осталась съ отцомъ и Домниковымъ.

— Поди сюда! сказала она строго дочери. — Чтò за манера

отдаваться? Ты, кажется, забываешь, что здѣсь посторонніе, и ведешь себя какъ настоящая утѣдная барышня.

Съ этими словами она скрылась опять на балконъ. Николай Петровичъ остановилъ Вареньку.

— Петръ Ивановичъ, сказалъ онъ Домникову : — вы собираетесь ѣхать ?

— Сейчасъ-съ. Михаилъ Семенычъ дожидается.

— Скажите вы отъ насъ Михайлу Семенычу, продолжалъ Николай Петровичъ, все держа за руку дочь : — что онъ насъ забылъ, что это нехорошо, и что я прошу его пожаловать ко мнѣ завтра. Такъ ли, Варенька ?

— Такъ, папà, отвѣчала она съ радостью и вмѣстѣ пугаясь чего-то.

— Скажите ему, что мы безъ него очень соскучились. Такъ ли, Варенька ?

— Такъ, повторила она.

— Теперь ступай-себѣ туда ; мы свое дѣло сдѣляли.

Варенька вошла на балконъ въ сильномъ смущеніи : она какъ будто поняла что-то, или, вѣрнѣе, стала что-то подозрѣвать. Для чего отецъ приглашалъ Карзанова именно завтра, когда, вѣроятно, прїѣдутъ и новые знакомые ? Если просто изъ прїязни, онъ выбралъ бы другое время, а не теперь, когда это приглашеніе будетъ навѣрно непріятно Аннѣ Дмитріевнѣ... Варенькѣ стало страшно.

Юринъ замѣтилъ, что она *distract*... Онъ особенно-ловко проглатывалъ окончанія нѣкоторыхъ словъ.

— Мы немощно мечтательны, отвѣчала Анна Дмитріевна, обнявъ дочь и прислоняя ея голову къ своему плечу. — Видите ли, намъ семнадцать лѣтъ, а этотъ пейзажъ, это заходящее солнце все куда-то зовутъ нашу душу... Если вы хотите вызвать ее изъ міра очарованій, попросите показать вамъ этотъ садъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, сказалъ Юринъ, проворно вставая и предлагая свой локоть Варенькѣ.

— Но я сама не знаю этого сада, возразила она.

— Тѣмъ лучше, сказала Анна Дмитріевна : — вы пойдете вмѣстѣ по незнакомой дорогѣ; впечатлѣнія будутъ равно неожиданны для обихъ...

Варенька пошла очень-неохотно; но въ характерѣ каждаго — толковать смущеніе другихъ выгодно для себя. Юринъ былъ ужъ столько разъ предупрежденъ, что Варенька еще очень-молода, и

столько молодыхъ особъ бывали отъ него безъ ума, что теперь ее молчаливость ни сколько не затрудняла его. Онъ началъ разговоръ любезностями и потомъ перешелъ въ задумчивость, которую считалъ неотразимою.

Онъ сообщилъ, что холоденъ къ красотамъ природы, потому что отечественныя очень—однообразны, а иноземныя столько разъ описаны, что надѣли. Онъ не прибавилъ къ этому, что въ жизнь свою не прочелъ ни одной строки путешествій.

Послѣ природы онъ пожаловался на людей: они надѣли ему тоже. Вездѣ одно. Ученые — педанты; неучи выводятъ изъ терпѣнія. Онъ умолчалъ, что ученые никогда съ нимъ не говорили, а неученыхъ, за недостаткомъ собственныхъ средствъ, онъ самъ не брался образовывать.

Общество было тоже для него нестерпимо. Однообразіе удовольствій утомляло; въ пестротѣ и шумѣ толпы терялся умъ и приглушалось чувство... Юринъ остался особенно—доволенъ этимъ выраженіемъ, которое припомнилъ цѣликомъ изъ монологовъ одного своего пріятеля, разъ десять мѣнявшаго свое положеніе въ свѣтѣ и родъ занятій.

Женщины... Онъ въ нихъ не вѣрилъ. Средины нѣтъ: женщина или кокетка, которая не падаетъ самыхъ священныхъ чувствъ того, кто ей безпредѣльно отдается, или слабое созданіе, которое... Чувствуя, что не въ силахъ докончить, Юринъ прервалъ самъ себя восклицаніемъ:

«О, еслибъ я могъ рассказать все, все!...»

Однимъ словомъ, Варенька увидѣла передъ собою самаго интереснаго разочарованнаго героя, одного изъ тѣхъ героевъ, которые такъ опасны для неопытнаго ума и впечатлительнаго сердца, потому что внушаютъ боязнь и состраданіе—два самыя сильныя начала любви. Но въ душѣ Вареньки было истинное чувство, которое дѣлало ее строже и понятливѣе. Первая любовь — пробный камень и первый наставникъ женщины: она опредѣляетъ собственное достоинство женщины и ея возрѣніе на жизнь. Краснорѣчіе Юрина не вызвало даже улыбки: Варенькѣ было скучно; Юринъ надѣлъ ей. Она едва отвѣчала ему, не слушая; слѣдовательно, всегда не впадать.

Юринъ объяснилъ это тѣмъ, что она сильно заинтересовалась, и хотѣлъ пожать ей ручку, но вспомнилъ, что съ дѣвцами большаго свѣта это такъ скоро не дѣлается...

Кружась по саду, они проходили мимо балкона.

— *Cette chère enfant!* сказала Анна Дмитриевна Шатровскому, который, сидя подлѣ нея, дремалъ съ сигарой въ зубахъ. Какъ скоро и легко увлекаются въ ея возрастъ!.. Теперь я сѣбно надѣяться... Alexis, они должны видѣться всякій день.

— Какъ же я это сдѣлаю?

— Какая тяжелая натура! Ты становишься настоящимъ Николай Петровичъ.

Николай Петровичъ, между-тѣмъ, сидѣлъ у окна залы и читалъ старинную книжку, которой не оставлялъ съ самаго обѣда. Впрочемъ, больше ему было нечего дѣлать, развѣ только опять отдаться на жертву Василія Ивановича, потому-что Домниковъ увѣчалъ.

Одинокій Василій Ивановичъ тоже недолго затруднялся въ выборѣ занятія. Увидя Митю у балкона, онъ сошелъ къ нему и помочь ему сдѣлать изъ ветловой палочки нѣчто въ родѣ свирѣли. Когда Анна Дмитриевна, не видя играющихъ, закричала, что эти звуки дерутъ уши, Василій Ивановичъ предложилъ Митѣ оставить это упражненіе; потомъ оба вмѣстѣ они отправились утѣшаться у куртинъ съ смородиной, гдѣ союзъ дружбы былъ заключенъ неразрывно. Василій Ивановичъ, узнавъ подробности о характерахъ нѣмца-губернѣра Мити, учителя, который пріѣзжалъ изъ города, и старой няни маленькой Оленьки, однимъ словомъ, давъ высказаться своему другу, счелъ нелишнимъ посвятить и его въ тайны своего сердца. Онъ разсказалъ Митѣ, что любилъ гордую и холодную кокетку, которая, опутавъ его въ свои сѣти, смѣялась надъ нимъ и убивала его душевныя способности, что добрые друзья наконецъ открыли ему глаза, и что онъ намѣренъ, воротясь изъ деревни отъ брата, непременно отмстить этой ужасной женщинѣ...

Митя вполнѣ сочувствовалъ этому разсказу, пока Анна Дмитриевна, вызвавъ его изъ-за кустовъ, объявила, что она отъ-роду не видала такой жадности, и строго запретила отходить дальше одной дорожки. Василій Ивановичъ легъ на нижнюю ступеньку балкона, принявъ позу сфинкса, и папиросъ его засвѣтился въ полусвѣтѣ набѣгавшихъ сумерекъ.

Сумерки, помѣшавъ читать Николаю Петровичу, дали ему, если не смѣлость, которой и безъ того было достаточно, то предлогъ напомнить женѣ, что пора домой.

— Ахъ, Боже мой! вскричала Анна Дмитриевна: — не могу же я выгонять гостей! Вы видите, еще гуляютъ.

— Да вѣдь эти гости, матушка, не съ вами поѣдутъ, возра-

зидъ онъ и, не дожидаясь позволенія, закричалъ : — Варенька, карета готова !

Варенька явилась въ ту же минуту.

Юринъ спѣшилъ за нею.

— Вы ужъ ѣдете ? сказалъ онъ Аннѣ Дмитріевнѣ.

— Чтò же вы хотите, отвѣчала она, надевая шляпку : — виновеніе!.. Но, до завтра, не правда ли ?

— Если вы позволите, мое искреннее желаніе...

— Я не сомнѣваюсь, что оно искренно, сказала Анна Дмитріевна : — только, смотрите, чтобъ оно какъ-нибудь не вышло...

— Никогда !

— Проводите насъ.

Подсадивъ въ карету обѣихъ дамъ и опять благоразумно удержавшись отъ пожатія прекрасной ручки Вареньки, Юринъ прыгнулъ въ свой фаэтонъ, распустилъ полы и кисти своего бурнуса и велѣлъ кучеру промчатся во весь опоръ мимо кареты...

— Ахъ!.. вскричала Анна Дмитріевна.

Николай Петровичъ и не оглянулся.

— Какъ онъ хорошъ ! Посмотри, Варенька...

Поравнявшись съ каретой, Юринъ велѣлъ ѣхать рядомъ. Говорить было невозможно за стукомъ колесъ : поэтому Юринъ и Анна Дмитріевна только мѣнялись взглядами. Это заставило Николая Петровича молчать всю дорогу до послѣдняго перекрестка, на которомъ они разстались ; но перекрестокъ былъ уже только въ полуверстѣ отъ дома : начинать разговоръ въ каретѣ не стоило, а по прѣздѣ домой было бы ужъ слишкомъ-поздно.

В. КРЕСТОВСКІЙ.

ХОЛОДНЫЙ ДОМЪ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

Часть шестая.

ГЛАВА XXVIII.

Железозвудчикъ.

Сэръ Лейстеръ Дедлокъ преодолялъ на этотъ разъ родовую подагру, и сколько въ прямомъ, столько и въ переносномъ смыслѣ — на ногахъ. Онъ теперь въ своемъ помѣстьѣ, въ Линкольншайрѣ. Но воды опять разлились по низменной почвѣ, и холодъ и сырость, несмотря на все предохраненія, проникаютъ въ стѣны Чизни-Вольда и даже въ кости сэра Лейстера. Яркіе огни дровъ и каменнаго угля (дедлоковскихъ дровъ изъ допотопнаго лѣса), разведенные въ широкихъ каминнахъ, мигаютъ красными глазами на мрачныя простѣйки парка, дрожатъ и шипятъ при видѣ валежника, но не могутъ изгнать врага своего — сырость. Трубы для горячей воды, проведенныя по стѣнамъ всего замка, обитыя двери и рамы, ставни, заслоны и занавѣски не исключаютъ точки каминовъ и не удовлетворяютъ потребностямъ сэра Лейстера. Въ настоящее время, въ одно прекрасное утро, феешнебальная молва провозглашаетъ внемлющей Англій, что миссисъ Дедлокъ будетъ на нѣсколько недѣль въ Лондонъ.

Хотя грустно, но справедливо, что иногда и великіе лорды имѣютъ бѣдныхъ родственниковъ. Въ-самомъ-дѣлѣ великіе лорды частенько наследуютъ такое пріятное прилагательное. Родственники сэра Лейстера въ самомъ отдаленномъ колѣнѣ, просто «лѣзутъ изъ кожи». Между

ними есть такіе бѣдники, что, право, можно взять на себя смѣлость и сказать, что для нихъ было бы большое счастье, еслибы они не принадлежали къ золотой цѣпи Дедлоковъ, а были бы съ самаго начала выкованы изъ желѣза и занимались бы черною работою.

Работа, между-тѣмъ (исключая нѣкоторые рѣдкіе примѣры, работы очень-гѣжной, но непривносящей никакой пользы) имъ не по-сердцу и не по достоинству дедлоковской породы. И вотъ посѣщаютъ они свѣихъ богатыхъ родственниковъ, дѣлаютъ долги, пока имъ вѣрятъ, и живутъ очень-грязно, если уже никто имъ не вѣритъ; женщины не надевать себѣ мужей, мужчины не находятъ себѣ женъ, катаются въ экипажахъ, ваятыхъ на-прокатъ, угощаются за чужимъ столомъ и такимъ образомъ отживаютъ жизнь свою.

По образу мыслей и по убѣжденіямъ сэра Лейстера, каждый, сколько-нибудь извѣстный человѣкъ, ему родственникъ. Знаменитый баронетъ, какъ какой-нибудь достославный паукъ, протягиваетъ нити родственной паутины, начиная отъ лорда Будля, сквозь герцога Фудля до самаго Нудля; но, при этихъ родственныхъ связяхъ съ представителями человѣческаго рода, онъ милостивъ и великодушенъ относительно родственниковъ своихъ, стоящихъ на низшей степени социальнаго значенія. И въ настоящую минуту, кромѣ проникающей сырости, онъ еще выдерживаетъ въ Чизни-Вольдѣ визиты такихъ родственниковъ съ большимъ самоотверженіемъ.

Изъ такихъ посѣтителей на первомъ планѣ видѣется Волюмнія Дедлокъ, молодая леди, лѣтъ шестидесяти; имѣя честь по женской линіи принадлежать къ другой знаменитой фамиліи, она такимъ образомъ поддерживается съ двухъ концовъ незаблемыми связями въ фешенебельномъ кругу. Миссъ Волюмнія во дни юности своей обладала прекрасными талантами: умѣла изъ цвѣтной бумаги вырѣзать различнаго рода трафареты, пѣть на испанскомъ языкѣ подъ аккомпаниментъ гитары и предлагать въ загородныхъ отеляхъ мудренныя шарады на французскомъ языкѣ. Такимъ-образомъ двадцать лѣтъ своего существованія, отъ двадцати-перваго до сорокъ-перваго года включительно, она изволила провести очень-весело; но, отцвѣта и наскучивъ своими совершенствами въ испанскомъ нарѣчій, она удалилась въ Батъ, гдѣ скудно проживала, пользуясь ежегоднымъ незначительнымъ пособіемъ со стороны сэра Лейстера и повременамъ дѣлала оттуда нападенія на родственные дома. У нея въ Батѣ огромное знакомство между серьезными, старыми джентльменами съ тонкими ногами въ нанковыхъ панталонахъ, и она пользуется въ этомъ пустынномъ городѣ значительною извѣстностью. Но въ другихъ мѣстахъ на нее посматриваютъ нѣсколько-косо, по поводу не-

скромнаго употребленія кармина и настойчивой привычки носить старомодное ожерелье, подобное вѣнцу, изъ розовенькихъ, маленькихъ итичьихъ янчекъ.

Надѣялись, что Волюмнія непременно заслужитъ пенсію. Усилія на этотъ счетъ преобладали, и когда Вильямъ Буффи получилъ портфель, ожидали рѣшительно, что миссъ Волюмнія зашибетъ ежегодную пенсію сотни въ двѣ фунтовъ стерлинговъ. Но Вильямъ Буффи, противъ всякаго ожиданія, открылъ, что въ нынѣшнія времена такое благодѣаніе невозможно.

То же самое приключилось и съ достопочтеннымъ Бобомъ Стеблизомъ, который, обладая опытностью ветеринарнаго врача, можетъ дѣлать всевозможныя теплыя пѣйла и стрѣляетъ лучше любого егеря. Онъ ужь давно искалъ тепленькаго мѣстечка, на которомъ могъ бы ревностно служить отечеству, однакожь безъ труда и отвѣтственности. При благоприятныхъ обстоятельствахъ, давно бѣ оцѣнили такія естественныя тенденціи пылкаго, молодаго человѣка, такой прекрасной фамиліи; но Вильямъ Буффи, получивъ портфель, открылъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать для достопочтеннаго Боба Стеблиза.

Остальные родственники — это леди и джентльмены различныхъ возрастовъ и способностей. Большая часть изъ нихъ любезна и разумна и, по всеѣмъ вѣроятіямъ, была бы счастлива въ жизни, еслибъ забыла свои родственныя связи; но эти связи нѣсколько портятъ ея, заставляютъ бродить, какъ бы въ потьмахъ, безъ цѣли, безъ надежды, такъ-что она и сама, кажется, не знаетъ, что съ собой дѣлать, какъ не знаютъ другія, что дѣлать съ ней.

Въ этомъ обществѣ, впрочемъ, и въ каждомъ, леди Дедлокъ властвуетъ безгранично. Прелестна, изящна, совершенна, властительна въ своемъ маленькомъ мірѣ (потому-что вѣдь, феензѣльный міръ не тянется же отъ полюса до полюса); она даетъ обществу сара Лейстера величественный и пріятный тонъ, хотя, быть-можетъ, нѣсколько надменный и равнодушный. Родственники, даже самые старшіе, которые были поражены женитьбой сара Лейстера, отдають теперь ей феодалное почтеніе и почтенный Бобъ Стеблицъ повторяетъ ежедневно избраннымъ друзьямъ своимъ, бесѣдуя съ ними между завтракомъ и обѣдомъ, свое любимое оригинальное замѣчаніе, что считаетъ ее наилучше-выѣзжанной лошадкой изъ цѣлаго табуна.

Таковы гости въ длинномъ парадномъ залѣ Чизни-Вольда въ этотъ насмурный вечеръ, когда шаги на Террасѣ Привидѣній (въ этой комнатѣ, впрочемъ, они не слышны) напоминають какого-нибудь дальняго родственника, умершаго отъ стужи и голода. Теперь почти время сна:

ночники мерцают по всему спальнямъ дома и заставляютъ тѣни старинной мебели дрожать на стѣнахъ и потолкѣ. Спальные подсвѣчники стоятъ на столѣ въ отдаленномъ углу близъ двери и родственники зѣваютъ на оттоманахъ, у рояли, за подносами съ содовой водою, за карточными столами и у каминна. По одну сторону собственнаго каминна (потому-что въ комнатѣ два), стоитъ сэръ Лейстеръ, по другую сторону сидитъ миледи за своимъ столикомъ. Волюнія, какъ одна изъ богѣ-привилегированныхъ родственницъ, сидитъ между ними въ роскошномъ креслѣ. Сэръ Лейстеръ смотритъ съ высокомернымъ неудовольствіемъ на румяны и на розовое ожерелье.

— Я иногда встрѣчаю на своей лѣстницѣ, говоритъ протяжно Волюнія, мысли, которой послѣ длинныхъ и разнообразныхъ разговоровъ вечера требуютъ успокоенія: — такую хорошенькую дѣвочку, какой мнѣ никогда не случалось видѣть.

— Протегѣе миледи, замѣчаетъ сэръ Лейстеръ.

— Я такъ и думала. Только необыкновенный взглядъ могъ отыскать такую красоточку. Она просто чудо. Быть-можетъ, нѣсколько похожа на куклу; но такой свѣженькой и хорошенькой, мнѣ никогда не случалось видѣть.

Сэръ Лейстеръ, хотя высокомерно недоволенъ румянами, но, кажется, раздѣляетъ мнѣніе Волюніи.

— Скажите! замѣчаетъ миледи лѣниво: — если въ этомъ случаѣ былъ необыкновенный взглядъ, то это надо отнести не ко мнѣ, а къ мистриссъ Раунсвель. Роза — ея находка.

— Ваша горничная, я думаю.

— Нѣтъ; она все у меня. Любимница, секретарь... и ужъ я не знаю что.

— Вамъ пріятно видѣть ее возлѣ себя, какъ цвѣтокъ, какъ птичку, какъ картинку, какъ пуделя... ахъ! нѣтъ, не пуделя, какъ что-нибудь, знаете, красивое? говоритъ Волюнія симпатично. И какъ мила эта почтенная старушка мистриссъ Раунсвель. Я думаю, она очень стара, а такъ чувствительна и такъ хороша собою! Она, мой самый лучший другъ.

Сэръ Лейстеръ находитъ все это справедливымъ, потому-что управительница Чизни-Вольда должна быть необыкновенная женщина. Кроме этого, онъ и самъ расположенъ къ мистриссъ Раунсвель и любитъ, когда ея хвалятъ, и онъ говоритъ: — вы правы, Волюнія; Волюнія отъ этого въ совершенномъ восторгѣ.

— У нея, кажется, нѣтъ дочерей?

— У мистриссъ Раунсвель? Нѣтъ, Волюнія. У нея одинъ сынъ, то-есть у нея два сына.

Миледи, которой хроническая болѣзнь — тоска, развилась въ этотъ вечеръ усліями Волюніи, устало смотритъ на спальный подсвѣчникъ и тихо вздыхаетъ.

— И замѣчательный примѣръ замѣшательства, въ которое впадаетъ нашъ вѣкъ, говоритъ сэръ Лейстеръ съ иррациональною высокоумностію: — вообразите: мнѣ пишетъ мистеръ Телькингоръ, что сына мистриссъ Раунсвель приглашаютъ въ Парламентъ.

Миссъ Волюнія испускаетъ легкій стоиъ.

— Да, посудите сами, повторяетъ сэръ Лейстеръ: — въ Парламентъ!

— Господи, какія страсти! восклицаетъ Волюнія. — Я никогда не слыживала такихъ вещей. Кто же онъ такой?

— Онъ, кажется, желѣзозаводчикъ, говоритъ сэръ Лейстеръ съ разстановкой, невполнѣ понимая, что это значить, и называютъ ли такимъ именемъ какое-нибудь человѣческое ремесло.

Волюнія произноситъ другой стоиъ.

— Онъ не принялъ предложенія, если мистеръ Телькингоръ говорить правду; впрочемъ, не сомнѣваюсь въ словахъ его: мистеръ Телькингоръ всегда точенъ и аккуратенъ. Но во всякомъ случаѣ, говоритъ сэръ Лейстеръ: — его приглашали — вотъ что ужасно-непостижимо. По-мнѣ, тутъ можно вывести самыя-странныя умозаключенія.

Миссъ Волюнія встаетъ, направляя взоръ свой на спальные подсвѣчники. Вслѣдствіе этого сэръ Лейстеръ, руководимый вѣжливостію, проходитъ залу изъ конца въ конецъ, беретъ одинъ изъ подсвѣчниковъ и засвѣчаетъ свѣчку на освѣщенной колпакомъ лампѣ миледи.

— Я долженъ просить васъ, миледи, говоритъ онъ, засвѣчая свѣчку: — остаться еще на нѣсколько минутъ, потому-что этотъ индивидуумъ, о которомъ мы говоримъ, пріѣхалъ сюда вечеромъ передъ самымъ обѣдомъ и проситъ въ очень-приличномъ письмѣ — сэръ Лейстеръ, но своему праводушію, не можетъ упустить этого пункта изъ виду — я долженъ сказать, что въ очень-приличномъ и хорошо-написанномъ письмѣ, доставить ему честь, осчастливить его короткимъ разговоромъ съ вами и со мной, по поводу этой дѣвочки. Такъ-какъ кажется, онъ хочетъ уѣхать сегодня же въ ночь, то я сказалъ, что мы его позовемъ передъ уходомъ спать.

Миссъ Волюнія, произведя еще небольшой стоиъ, обращается въ бѣгство, желая хозяйевамъ поскорѣе отдѣлаться отъ... какъ бинъ его?... отъ желѣзозаводчика.

Остальные родственники всё исчезают до послѣдняго. Сэръ Лейстеръ звонитъ въ колокольчикъ. Приходитъ слуга.

— Скажи мое почтеніе мистеру Раунсвелю, на половинѣ управительницы домохъ : мы готовы его принять.

Миледи, повидимому, очень—разсѣянно слушавшая, смотритъ теперь со вниманіемъ на мистера Раунсвеля, который входитъ въ комнату. Ему, можетъ—быть, немного за пятьдесятъ; лицо пріятное, большое сходство съ матерью, звучный голосъ, широкій лобъ, труды и заботы развѣяли его черные волосы. Озабоченный, но открытый видъ; одѣтъ въ черное платье; дѣятеленъ, быстръ, манеры свободны и натуральны и присутствіе могущественнаго баронета нисколько не смущаетъ его.

— Сэръ Лейстеръ и леди Дедлокъ, извините за беспокойство, которое я причиняю вамъ. Я постараюсь въ короткихъ словахъ высказать вамъ то, зачѣмъ я желалъ утруждать васъ своимъ присутствіемъ.

Глава Дедлоковъ указываетъ мановеніемъ руки на софу, между собою и миледи. Мистеръ Раунсвель спокойно садится.

— Въ это время, когда столько предпріятій въ ходу, люди, какъ я, имѣютъ работниковъ и поставщиковъ во многихъ мѣстахъ, такъ—что мы постоянно въ послѣднихъ развѣздахъ.

Сэръ Лейстеръ доволенъ, что желѣзнодорожникъ понимаетъ, что *здѣсь* нѣтъ ни послѣдности, ни развѣздовъ, здѣсь, въ этомъ древнемъ замкѣ, основанномъ въ спокойномъ паркѣ, гдѣ плещъ и мохъ имѣлъ время засѣсть крѣпко, гдѣ кривые, покрытые наростами вазы и тѣнистые дубы глубоко пустили столѣтніе корни въ неоскорбленную почву, гдѣ солнечные чаши мѣрно показывали вырощеніе нѣсколькихъ вѣтвей время, которое такая же собственность каждаго Дедлока, какъ замокъ и помѣстье.

Сэръ Лейстеръ садится въ спокойное кресло и такимъ—образомъ противопоставляетъ спокойствіе своей особы и своего Чизинъ-Вольда, беспокойной подвижности желѣзнодорожника.

— Леди Дедлокъ была такъ милостива, продолжалъ мистеръ Раунсвель съ почтительнымъ взглядомъ и поклономъ въ сторону миледи : — что взяла къ себѣ молоденькую красавицу — Розу. Сынъ мой, бывши здѣсь, влюбился въ Розу, просилъ моего согласія на ея бракъ съ ней и желалъ, чтобъ я лично удостовѣрился, любитъ ли его дѣвушка — мнѣ кажется, что она платитъ ему взаимностью. Я до сегодня не видывалъ Розы, но въ сынѣ моемъ я увѣренъ : выборъ его не можетъ быть дуренъ. Я нашелъ ее совершенно—сходной съ его словами, и матушка отзывается о ней съ наилучшей стороны.

— Она заслуживаетъ похвалы во всѣхъ отношеніяхъ, говоритъ миледи.

— Слова ваши очень радуютъ меня, леди Дедлокъ, и нѣтъ надобности выражать, какую я могу придавать цѣну вашему милостивому мнѣнію.

— Совершенно нѣтъ надобности, замѣчаетъ сэръ Лейстеръ съ невыразимымъ величіемъ и находя, что языкъ желѣзнодорожника ужь очень-проворенъ.

— Совершенно нѣтъ надобности, сэръ Лейстеръ. Но такъ-какъ сынъ мой еще очень-молодъ и Роза также еще очень-молода, и притомъ сынъ мой долженъ пробить себѣ дорогу въ жизни, какъ я ее прѣбилъ, то женитьба его въ настоящее время должна быть, въ нѣкоторомъ отношеніи, дѣломъ второстепенное. Но предположимъ, что я согласнусь на бракъ его съ этой красоточкой и она согласится выйти за него замужъ, то я считаю долгомъ справедливости, высказать съ самаго начала — я увѣренъ, сэръ Лейстеръ и леди Дедлокъ, вы поймете меня и извините — что я поставлю въ условіе, чтобъ она не оставалась больше въ Чизни-Вольдѣ. Такимъ-образомъ, прежде, чѣмъ переговорю съ моимъ сыномъ, я беру смѣлость доложить вамъ, что если ея удаленіе какимъ бы то образомъ ни было неприятно и неудобно для васъ, то я буду убѣждать сына отложить это дѣло до болѣе-благоприятныхъ обстоятельствъ.

Не оставаться въ Чизни-Вольдѣ! ставить это въ условіе!.. Въ прежнія, злая подозрѣнія относительно Вагъ Тайлера быстрымъ потокомъ приливаютъ къ головѣ сэра Лейстера, такъ-что прекрасные сѣдые волосы его, даже и въ бакенбардахъ, приходятъ въ страшное негодование.

— Долженъ ли я понимать, сэръ, говоритъ сэръ Лейстеръ: — и должна ли понимать миледи, онъ приводитъ ее, вопервыхъ изъ вѣжливости, а вовторыхъ въ надеждѣ на ея глубокій умъ, къ которому ниспосылается глубокое уваженіе: — долженъ ли я понимать мистеръ Раунсвель, и должна ли понимать миледи, сэръ, что эта молодая дѣвушка, слишкомъ-хороша для Чизни-Вольда, или что ея присутствіе здѣсь, оскорбительно для вашего сына?

— Ни въ какомъ случаѣ, сэръ Лейстеръ.

— Мнѣ это очень-приятно слышать. — Сэръ Лейстеръ въ-самомъ-дѣлѣ очень-высокомѣренъ.

— Пожалуйста мистеръ Раунсвель, говоритъ миледи, отстраняя отъ разговора сэра Лейстера, легкимъ мановеніемъ своей изящной ручки, какъ-будто онъ былъ ни больше ни меньше какъ муха: — объясните мнѣ, что вы хотите сказать.

— Съ большимъ удовольствіемъ, леди Дедлокъ : это мое искреннее желаніе.

Обративъ свою стройную голову—мысли которой такъ быстры и дѣтельны, что не могутъ быть порабощены безстрастіемъ, хотя давно заученнымъ — къ строгому саксонскому лицу посѣтителя, исполненному рѣшимости и твердости, миссисъ слушаетъ внимательно и повременамъ едва-замѣтно киваетъ своей головой.

— Я, сынъ вашей управительницы, леди Дедлокъ, и провелъ мое дѣтство при этомъ домѣ. Мать моя живетъ здѣсь полвѣка и, нѣтъ сомнѣнія, желаетъ умереть здѣсь. Она можетъ служить образцомъ, быть-можетъ, единственнымъ, любви, привязанности и вѣрности къ такимъ людямъ, которыми дѣйствительно можетъ гордиться Англія, и такіе люди оцѣняютъ ее по достоинству столько же, сколько и она оцѣняетъ ихъ.

Сэръ Лейстеръ хрипитъ подъ такой параллелью, но въ своемъ достоинствѣ и въ своей справедливости онъ находитъ, хотя и не высказываетъ этого, что мистеръ Раунсвелъ правъ.

— Извините меня, что я говорю о вещахъ такой очевидной ясности, но я боюсь дать поводъ къ ложному заключенію, продолжаетъ желѣзно-заводчикъ, едва повернувъ глаза на сэра Лейстера : — что будто бы я стыжусь положеніемъ моей матери, или не питаю того почтенія, которое способенъ внушать Чизни-Вольтъ. Я бы конечно долженъ былъ желать и я бы желалъ отъ всего сердца, леди Дедлокъ, чтобъ матушка моя, проживши здѣсь столько лѣтъ, переехала бы, на остатокъ дней своихъ ко мнѣ; но, зная какъ тяжело будетъ ей разставаться съ этими мѣстами, я давно выбросилъ эту мысль изъ головы.

Сэръ Лейстеръ опять обнаруживаетъ надменное величіе при мысли, что мистриссъ Раунсвелъ могла, когда-нибудь, оставить мѣсто своего пребыванія, чтобъ кончить остатокъ дней своихъ въ домѣ желѣзнозаводчика.

— Я былъ, продолжаетъ посѣтитель съ скромною ясностью . — ученикомъ и работникомъ. Цѣлые годы, я долженъ былъ жить трудяи рукъ своихъ и заботиться, сколько могъ, о своемъ образованіи. Жена моя была дочерью подмастерья и воспитана просто. У насъ, кромѣ сына, о которомъ я говорилъ, еще три дочери ; нѣтъ къ-счастью порядочныхъ средствъ, мы могли воспитать ихъ лучше, чѣмъ были воспитаны сами. Мы дали имъ хорошее, очень-хорошее образованіе. Всѣ наши помыслы, всѣ наши удовольствія клонились къ тому, чтобъ сдѣлать ихъ достойными всякаго хорошаго мѣста, на какомъ бы ни привелось имъ быть въ жизни.

Со стороны сэра Лейстера опять обнаруженіе надменнаго величія.

— Все что я высказалъ вамъ, леди Дедлокъ, такъ обыкновенно въ той странѣ, гдѣ я живу, и въ томъ классѣ, къ которому принадлежу, что неровные браки у насъ встрѣчаются чаще, чѣмъ въ другихъ слояхъ общества. Иногда сынъ приходитъ къ отцу своему и говоритъ, что онъ влюбленъ въ молодую дѣвушку на фабрикѣ. Отецъ, который самъ прежде работалъ на фабрикѣ, быть-можетъ нерадостно выслушаетъ это признаніе. Быть-можетъ у него другіе виды на судьбу своего сына. Или, быть-можетъ, слыша самые лучшіе отзывы объ этой дѣвушкѣ, онъ скажетъ своему сыну : « твой выборъ во многомъ удаченъ ; но пусть она образуется, или пусть она ходитъ въ школу съ твоими сестрами, столько-то времени, въ которое ты даешь мнѣ честное слово видѣться съ нею не больше какъ столько-то разъ, и тогда, если наклонности ваши не измѣнятся и она сравняется съ тобою въ образованіи, женись на ней ». Такихъ примѣровъ, миледи, я видалъ тысячу и думаю, что и самъ долженъ ими руководиться.

Высокомѣріе сэра Лейстера выходитъ изъ границъ, спокойно, но странно.

— Знаете ли вы, сэръ, что эта молодая дѣвочка, которую миледи — м-и-л-е-д-и взяла къ себѣ, воспитывалась въ приходской школѣ, за этой рѣшеткой?

— Знаю, сэръ Лейстеръ; прекрасная школа и содержится роскошно.

— Слѣдовательно, мистеръ Раунсвель, отвѣчаетъ сэръ Лейстеръ: — я не могу понять, что вы хотите сказать.

— Можетъ, вамъ будетъ понятнѣе, сэръ Лейстеръ, если я скажу, говорить желѣзнодорожникъ, поврасивъ немного: — что, по моему мнѣнію, во всѣхъ приходскихъ школахъ учать не тому, что полезно знать жентъ моего сына.

При этихъ словахъ умъ Дедлока быстро перебѣгаетъ отъ нескорбляемой до-сихъ-поръ приходской школы къ цѣлому политическому составу государства, и онъ говоритъ :

— Миледи, простите меня. Позвольте одну минуту.... Миледи давала знакъ, что она хочетъ говорить: — мистеръ Раунсвель, наши взгляды на образованіе, наши взгляды на.... словомъ сказать: наши взгляды на все.... диаметрально-противоположны, и продолжать этотъ разговоръ, я думаю сколько непріятно для васъ, столько и для меня. Молодая дѣвочка, о которой мы говоримъ, отличена вниманіемъ и покровительствомъ миледи. Если она желаетъ лишиться этого вниманія и покровительства, или если она готова подвергнуться вліянію кого бы то ни было, кто, для личнаго своего интереса — вы мнѣ позвольте употребить эти выраженія — кто, для личнаго своего интереса, вовсе

несроднаго съ мнѣнїи пѣнїями, лишитъ ея этого вниманїа и покровительства, то она во всякое время совершенно свободна. Мы, съ нашей стороны, благодарны вамъ за вашу откровенность; она ни въ какомъ случаѣ не можетъ повредить этой дѣвочкѣ. Во всѣхъ другіихъ отношенїяхъ условїй между нами быть не можетъ: я ны васъ просить, чтобъ вы были такъ добры, оставили этотъ предметъ разговора.

Постытитель выжидаетъ нѣсколько времени, чтобъ дать случай говорить миледи, но миледи безмолвствуетъ. Онъ встаетъ и говоритъ:

— Сэръ Лейстеръ и леди Дедлокъ, позвольте мнѣ поблагодарить васъ за ваше вниманїе и замѣтить только одно, что я буду строго настаивать, чтобъ сынъ мой не питалъ тщетныхъ надеждъ. Покойной ночи.

— Мистеръ Раунсвелъ, говоритъ сэръ Лейстеръ, какъ истинный джентльменъ: — теперь уже поздно и ночь темна. Я надѣюсь, что вы позвольте мнѣ и миледи предложить вамъ остаться въ Чизин-Вальдъ до завтрашняго утра.

— Я въ этомъ увѣрена, прибавляетъ миледи.

— Я очень-благодаренъ вамъ, но не могу воспользоваться вашимъ предложенїемъ: завтра утромъ, въ назначенный часъ, я долженъ быть уже очень-далеко.

Железнодорожникъ удаляется. Сэръ Лейстеръ звонитъ въ колокольчикъ. Миледи встаетъ съ своихъ креселъ.

Въ будуарѣ своемъ миледи сидитъ задумчиво передъ каминомъ и, невнимательная къ гулу шаговъ на Террасѣ Привидѣній, смотритъ на Розу, которая идетъ въ сосѣдней комнатѣ.

Проходитъ нѣсколько минутъ; миледи зоветъ къ себѣ Розу:

— Поди ко мнѣ, дитя мое. Скажи мнѣ правду: ты влюблена?

— О, миледи!..

Миледи смотритъ на потупленные глазки, на покрасѣвшееся личико и говорить съ улыбкой:

— Въ кого влюблена ты? въ внука мистриссъ Раунсвелъ?

— Дѣ, миледи.... но я не знаю.... ужели я уже влюблена!

— Ахъ, плутовка! А знаешь, что онъ уже влюбленъ въ тебя?

— Я думаю, что онъ меня немножко любитъ, миледи. И Роза заглялась слезами.

Ужели это леди Дедлокъ стоитъ передъ деревенской красавицей, нѣжными пальчикомъ треплетъ ея черные локоны и съ исполненнымъ чувства интересомъ наблюдаетъ за ней? Дѣ это она — она!

— Послушай дитя мое: ты молода и добра и.... мнѣ кажется, ты любишь меня.

— Ей-Богу люблю, миледи, ей-Богу люблю! и все готова сдѣлать, чтобъ доказать любовь мою.

— И я думаю, Роза, ты не оставишь меня теперь, даже.... ни для кого?

— Никогда, миледи! О, никогда! и эта мысль, кажется, пугаетъ Розу.

— Довѣрься мнѣ, дитя мое. Не бойся меня. Я желаю, чтобъ ты была счастлива; я буду стараться о твоёмъ счастьи, можетъ, и мнѣ суждено осчастливить кого-нибудь на землѣ.

Роза, со слезами на глазахъ, падаетъ передъ ней на колѣни и целуетъ ея руки. Миледи, въ свою очередь, беретъ ея руку, разсматриваетъ, ставитъ между огнемъ и собой, задумывается и опускаетъ ее.

Роза, замѣтивъ задумчивость миледи, тихо уходитъ, а миледи продолжаетъ смотрѣть на пламя камина.

Чего ищетъ она? — руки, которой нѣтъ, которой никогда не было? руки, которая своимъ волшебнымъ прикосновеніемъ измѣнила бы ея жизнь? А можетъ-быть, она прислушивается къ шуму шаговъ, раздающемуся на Террасѣ Привидѣній? и, можетъ, думаетъ она, чьи это шаги? мужчины? женщины? ребенка? который все идетъ впередъ, впередъ, впередъ?..... Грусть и мечта овладѣли ею, а то зачѣмъ было бы такой великой свѣтской дамѣ запереть двери и сидѣть одной у догорающаго камина!

Волюмнія уѣхала на слѣдующее утро и всѣ братцы и сестрицы исчезли до обѣда, съ своей многочисленной прислугой, потому-что держать многочисленную прислугу необходимо: этого требуютъ родственныя связи, несмотря на то, что и содержать самихъ себя имъ довольно-трудно — такъ исчезаютъ они на всѣ четыре страны свѣта. И зимній вѣтеръ заметаетъ слѣдъ ихъ поблекшимъ листомъ, какъ-будто бы и они сами были, ни больше ни меньше, какъ увядшая трава.

ГЛАВА XXIX.

Молодой человѣкъ.

Чизни-Вольдъ запертъ; ковры свернуты и покоятся въ углахъ опустѣлыхъ комнатъ; яркій дамъ находится подъ чехлами изъ суровой парусины, рѣзба и позолота подъ гнетомъ тяжелыхъ покрововъ и предки Дедлаковъ прячутся опять во пракъ невѣстности. Вокругъ замъ

ка густо падает пожелтѣвшій листь, но падаетъ тихо, съ жертвенной неподвижностью. Сколько ни трудись садовникъ нести газонъ и отвозить упавшій листь далеко, далеко, все-таки лежитъ онъ вокругъ замка слоємъ въ добрую четверть. Рѣзкій вѣтеръ свиститъ около Чизни-Вольда, хлещетъ тяжелымъ дождемъ по ставнямъ и стекламъ и зашумѣетъ въ трубахъ каминовъ. Туманъ ползетъ по аллеямъ, застилаетъ виды и саваномъ подымается надъ возвышенностями парка. Холодъ повсюду въ опустѣломъ замкѣ и, потянувъ носомъ, чувствуешь сырой запахъ бранными останками Дедлоковъ, какъ-будто бы тѣни ихъ выходятъ въ длинныя ночи изъ своей преисподней и гуляютъ здѣсь, но Террасъ Привидѣній.

За-то городской отелъ рѣдко раздѣляетъ состояніе духа Чизни-Вольда; рѣдко радуется онъ, когда радуется Чизни-Вольдъ, рѣдко печалится онъ, когда печалится Чизни-Вольдъ — развѣ только въ случаѣ смерти какого-нибудь Дедлока: такъ городской отелъ ожилъ и блистаетъ. Въ немъ такъ тепло и ярко, какъ только можетъ быть въ такомъ феензѣльномъ отелѣ; онъ такъ пропитанъ иѣжнымъ ароматомъ нынѣшнихъ цвѣтовъ, какіе только могутъ доставить теѣяницы и оранжереи, что въ голову не придетъ, будто на дворѣ зима. Тихъ онъ и спокоенъ, и только стукъ маятниковъ, да по-временамъ трескъ угольевъ на каменныхъ рѣшеткахъ нарушаютъ безмолвіе въ залахъ. И окружаетъ онъ сэра Лейстера застывшія ноги, словно въ шерсть, выкрашенную радужными цвѣтами. И сэръ Лейстеръ Дедлокъ доволенъ: онъ можетъ, въ полномъ блескѣ величія, покоиться передъ каменномъ своей библиотеки, иногда удостоить разсѣяннымъ взглядомъ корешки переплетовъ, или одобрительно взглянуть на изящныя произведенія кисти. У него, въ библиотекѣ картины старой и новѣйшей школы; есть также и модныя произведенія, въ которыхъ искусство нисходитъ случайно до мастерства и которыя какъ нельзя больше напоминаютъ пестрый аукціонъ, гдѣ только и слышишь: «вотъ три стула съ высокими спинками, столъ съ скатертью, длинногорлая бутылка (съ виномъ), кружка, полный костюмъ испанки, трехчетвертной портретъ натурщицы миссъ Джогъ, платье Дон-Кихота», или «вотъ каменная терраса (поврежденная), гондола, въ отдаленіи; полная одежда венеціанскаго сенатора; роскошно-вышитый атласный костюмъ съ профильнымъ портретомъ натурщицы, миссъ Джогъ, палашъ, украшенный золотыми пастѣчками и дорогими камнями, мадританская одежда (очень-рѣдкая) и Отелло».

Мистеръ Телькингорнъ приходитъ и уходитъ довольно-часто: есть дѣла по имѣніямъ, возобновленіе контрактовъ и тому подобное. Онъ также довольно-часто видитъ имледи, и онъ и она такъ спокойны, такъ равно-

душны, такъ мало обращаютъ вниманія другъ на друга, какъ никогда. Но, можетъ, миледи боятся этого Телькингорна и, можетъ—быть, онъ это провѣдалъ, быть—можетъ, онъ преслѣдуетъ ее настойчиво, неутомимо, безъ капли состраданія, совѣсти, сожалѣнія; быть—можетъ, ея красота и весь этотъ блескъ, который окружаетъ ее, даютъ ему больше желанія стремиться къ тому, чего онъ такъ добивается, и дѣлаютъ его болѣе непреклоннымъ. Можетъ, онъ холоденъ и жестокъ; можетъ, онъ непреклоненъ въ своихъ обязанностяхъ, можетъ, обуреваемъ желаніемъ власти, можетъ, не терпитъ ничего тайнаго для себя въ томъ омутѣ, въ которомъ весь вѣкъ свой купался въ секретахъ; можетъ, онъ въ глубинѣ души своей ненавидитъ этотъ блескъ, въ которомъ онъ только слабая искра; можетъ, онъ озлобленъ презрѣніемъ и обидами своихъ великосвѣтскихъ кліентовъ; можетъ—быть, онъ питаетъ въ сердцѣ своемъ всѣ эти ощущенія заразъ — только ясно, что миледи чувствовала бы себя во сто кратъ спокойнѣе подъ наблюденіемъ пяти тысячъ паръ фенонабельныхъ глазъ, чѣмъ подъ наблюденіемъ пары, и то старыхъ глазъ ржаваго адвоката съ узломъ на галстухѣ, съ черными, матовыми панталонами, завязанными лентами на штиблетахъ.

Серъ Лейстеръ сидитъ въ будуарѣ миледи, въ той самой комнатѣ, въ которой мистеръ Телькингорнъ читалъ клятвенное показаніе по дѣлу Жарндисовъ, и сидитъ онъ въ особенно—самодовольномъ настроеніи духа. Миледи — какъ въ тотъ день, сидитъ передъ огнемъ, прикрываясь онахаломъ. Серъ Лейстеръ ощущаетъ большое удовольствіе, потому—что отыскалъ въ газетахъ замѣтки, соответствующія его образу мыслей, касательно открытія шлюзовъ и состава общества. Онъ такъ хорошо приноровленъ къ настоящему случаю, что онъ не утерѣлъ и пришелъ изъ бібліотеки, чтобъ прочесть ихъ вслухъ передъ миледи. — Человѣкъ, который писалъ эту статью, замѣчаетъ онъ въ видѣ предисловія, кивая на огонь — имѣетъ очень-много здраваго смысла.

Смыслъ писателя статьи не настолько однакожь здравъ, чтобъ не наскучить до смерти миледи; послѣ томительнаго напряженія слушать, или, лучше сказать, томительнаго напряженія притворяться внимательной; она становится разсѣянной, впадаетъ въ созерцаніе огня, какъ—будто она была еще въ Чизни—Вольдѣ. Серъ Лейстеръ ничего не замѣчаетъ, читаетъ—себѣ все дальше и дальше сквозь двойное стекло своихъ очковъ, поперемамъ останавливается, чтобъ произносить сентенціи въ родѣ слѣдующихъ: «правда, совершенная правда! Очень—хорошо сказано! Я и самъ часто такъ думалъ!» обыкновенно теряетъ то мѣсто, на которомъ остановился и отыскиваетъ его довольно—долго, по столбцамъ газеты.

Сэръ Лейстеръ читаетъ съ невыразимой важною и величіемъ: вдругъ дверь отворяется и напудренный Меркурій произноситъ слѣдующій странный докладъ:

— Миледи, молодой человекъ, по имени Гуппи!

Сэръ Лейстеръ останавливается, гаращитъ глаза и повторяетъ убитвенно-гордымъ голосомъ:

— Молодой человекъ по имени Гуппи?

Обернувшись къ двери, видитъ онъ молодаго человека по имени Гуппи, совершенно-перекофуженнаго и съ очень-плохою рекомендаціею относительно манеръ и наружности.

— Что это значить, говоритъ сэръ Лейстеръ напудренному Меркурію: — что ты, безъ всякаго предварительнаго позволенія, докладываешь о какомъ-то молодомъ человекѣ, по имени Гуппи?

— Прошу прощенья, сэръ Лейстеръ; но миледи приказала принять этого молодаго человека, когда бы онъ ни пришелъ. Я не зналъ, что вы находитесь здѣсь, сэръ Лейстеръ.

Произнеся это оправданіе, напудренный Меркурій бросаетъ презрительный и злобный взглядъ на молодаго человека, по имени Гуппи, и въ этомъ взглядѣ ясно выражается фраза: — видишь нелегкая тебя принесла, чтобъ заставить меня надѣлать глупостей.

— Онъ правъ; я дала ему это приказаніе, говоритъ миледи. — Пусть подождетъ молодой человекъ.

— Не беспокойтесь, миледи, если вы дозволили принять его, то и не смѣю больше беспокоить васъ. — Сэръ Лейстеръ, руководимый своею галантерейностью, удаляется, стараясь всячески не замѣтить поклона молодаго человека, котораго онъ считаетъ въ своемъ высокоуміи за какого-нибудь башмачника очень-неудачной наружности.

Леди Дедлокъ величественно осматриваетъ своего посѣтителя (когда Меркурій удался изъ комнаты) съ ногъ до головы, заставляетъ его стоять около двери и наконецъ спрашиваетъ: зачѣмъ онъ пришелъ?

— Чтобъ имѣть честь говорить съ вами, милостивая государыня, говоритъ смущенный мистеръ Гуппи.

— Вы вѣрно тотъ самый, отъ котораго я получала такъ много писемъ?

— Да, милостивая государыня; я долго писалъ къ вамъ, пока не былъ удостоенъ милостивымъ отвѣтомъ вашимъ.

— Къ-чему же вамъ говорить со мной? Развѣ вы не могли написать мнѣ въ письмѣ вашу просьбу?

Мистеръ Гуппи корчитъ ротъ свой въ безмолвное «но», и мотаетъ головой

— Вы странно-навязчивы. Я уверена, что все, что вы мне скажете, до меня ни в какомъ случаѣ касаться не можетъ, а потому навинтите, если, безъ дальнихъ церемоній, я попрошу васъ прямо сказать мне, что вамъ нужно.

И миледи, играя опазаломъ, равнодушно поворачивается спиною къ молодому человѣку по имени Гуппи.

— Съ вашего позволенія, милостивая государыня, говорить молодой человѣкъ: — я тотчасъ же приступлю къ изложенію моего дѣла. Гм! гм! я, какъ я уже имѣлъ честь, ваша милость, излагать передъ вами въ первомъ письмѣ моемъ, состою по юриспруденціи. Какъ юристъ, я имѣю привычку не упоминать письменно о мѣстѣ моего служенія, на которомъ, я могу сказать смѣло, стою довольно-твердой ногой. Теперь я доложу вамъ, милостивая государыня, по секрету, что я состою въ конторѣ Кенджа и Корбая, въ Линкольнской Палатѣ, которая не безызвѣстна вашей милости, по поводу оберканцелярскаго процесса Жарндисовъ.

Лицо миледи выражаетъ нѣкоторое вниманіе и изящная ручка больше не играетъ вѣромъ.

— Теперь я могу смѣло сказать передъ вами, милостивая государыня, говорить мистеръ Гуппи нѣсколько-ободренный: — что дѣло, которое привело меня къ вашей милости, вовсе не относится къ процессу Жарндисовъ, и что, быть-можетъ, поведеніе мое покажется докучливымъ и даже въ нѣкоторой степени навязчивымъ. — Подождавъ съ минуту отрицательнаго разузнанія и не получая его, мистеръ Гуппи продолжаетъ: — еслибъ оно относилось къ дѣлу Жарндисовъ, я бы, милостивая государыня, счелъ долгомъ отправиться къ вашему ходатаю, мистеру Телькингорну, на Поля Линкольнской Палаты. Я имѣю удовольствіе быть съ нимъ знакомъ, по-крайней-мѣрѣ мы кланяемся при встрѣчѣ другъ съ другомъ — такъ я, милостивая государыня, обратился бы прямо къ нему...

Миледи поворачиваетъ слегка головку и говоритъ :

— Вамъ лучше сѣсть.

— Благодарю васъ, ваша милость. Мистеръ Гуппи садится. — Теперь, милостивая государыня — мистеръ Гуппи поглядываетъ на маленькій лоскутокъ бумаги, на которомъ вкратцѣ написаны примѣчанія касательно всего того, что онъ хочетъ говорить, и который, повидимому, запутываетъ его безвыходно : — я... о, да!... я повергаю себя совершенно въ руки вашего сіятельства; каждый намекъ вашего сіятельства о моемъ сегодняшнемъ визитѣ Кенджу и Коробю, или мистеру Телькингорну, можетъ имѣть вредное вліяніе на мое положеніе. Въ

этомъ я сознаюся откровенно и полагаюся на честь вашего сіятельства.

Миледи презрительнымъ мановеніемъ ручки даетъ почувствовать, что считаетъ его недостойнымъ никакихъ намековъ съ ея стороны.

— Благодарю васъ, ваше сіятельство, говоритъ мистеръ Гушпи: — благодарю васъ. Теперь я... а чортъ возьми!.. Дѣлю въ томъ, что я написалъ здѣсь только заглавными буквами о чемъ желалъ имѣть честь говорить съ вами; въ настоящее время, все перенуталось у меня въ головѣ и я совершенно сбился. Если ваше сіятельство позволите мнѣ на полминутки подойти къ окну, я...

Мистеръ Гушпи подходитъ къ окну, нарушаетъ спокойствіе двухъ писепараблей и говоритъ имъ: «виновать-съ, очень виновать-съ», и, въ душевномъ разстройствѣ, никакъ не можетъ понять свои стенографическія каракульки. Вотъ онъ ворчитъ, потѣетъ и краснѣетъ, то подноситъ бумажку къ самому носу, то отводитъ ее на руку дистанціи: О. С...; что это такое О, С? а это Э, С; да, вотъ что! Э, С, понимаю, понимаю! и онъ возвращается назадъ просвѣщеннымъ.

— Не знаю, говоритъ мистеръ Гушпи, ставъ между миледи и своимъ стуломъ: — случилось ли вашей милости слышать о молодой дѣвушкѣ миссъ Эсэри Семерсонъ?

Миледи во все глаза смотритъ на него и говоритъ:

— Пршедшей весной мнѣ случилось видѣть эту молодую дѣвушку.

— Ваше сіятельство не были поражены ея сходствомъ съ кѣмъ-нибудь? спрашиваетъ мистеръ Гушпи, скрестивъ свои руки, склонивъ голову на сторону и почесывая уголокъ рта своимъ памятнымъ листкомъ.

Миледи не спускаетъ съ него глазъ.

— Нѣтъ.

— Вы не замѣтили въ ней семейнаго сходства съ вашимъ сіятельствомъ?

— Нѣтъ.

— Я думаю, ваша милость, говоритъ мистеръ Гушпи: — съ трудомъ можетъ припомнить черты лица миссъ Семерсонъ?

— Нѣтъ, я ее помню довольно-хорошо. Но, во всякомъ случаѣ, что жъ мнѣ до этого?

— Ваше сіятельство, смѣю увѣрить васъ, что, нося образъ миссъ Семерсонъ въ груди своей, я признаюся вамъ въ этомъ по секрету: мнѣ случилось однажды, бывъ съ однимъ изъ моихъ друзей въ Линкольншайръ, посѣтить ваше помѣстье Чизли-Вольдъ; я былъ до такой степени ошеломленъ сходствомъ миссъ Эсэри Семерсонъ съ портретомъ вашего сіятельства, что въ ту минуту я не зналъ, что со мной дѣ-

зается. И теперь, имѣя честь видѣть близко особу вашего сiятельства (я долженъ сознаться передъ вами, что я пытался не разъ увидать васъ, и мнѣ удавалось видѣть ваше сiятельство сивозъ окно кареты, когда вы изволили прогуливаться въ паркѣ, но такъ близко я имѣю счастье васъ видѣть въ первый разъ), я еще больше пораженъ этимъ сходствомъ.

Молодой человекъ, по имени Гуппи! Было время, когда женщины жили въ крѣпкихъ замкахъ и имѣли подъ рукою свою безопадныхъ служителей. Такъ, еслибъ въ то время молодой человекъ, по имени Гуппи, на тебя смотрѣли эти прекрасные глазки, точно съ такимъ же выраженiемъ, съ какимъ смотрятъ теперь, жизнь твоя была бы на волоскѣ.

Миледи, тихо играя вѣеромъ, спрашиваетъ опять:—какимъ же образомъ относится къ ней это сходство?

— Ваше сiятельство, отвѣчаетъ мистеръ Гуппи, наводя опять справки на своей бумажкѣ: — мы сейчасъ къ этому придемъ. Провались эти замѣтки!.. А! мистриссъ Чедбаудъ. Да!.. мистеръ Гуппи подвигаетъ свой стулъ нѣсколько впередъ и садится. Миледи совершенно-спокойно прислоняется къ спинкѣ своихъ креселъ, быть-можетъ, на одинъ волосъ, не такъ граціозно, какъ обыкновенно, но взоръ ея нисколько не измѣняетъ своей смѣлости.

— Ахъ! позвольте немного... мистеръ Гуппи опять наводитъ справку: — Э. С. два раза? А, а! понимаю, понимаю! и мистеръ Гуппи, свернувъ бумажку, продолжаетъ:

— Ваше сiятельство, рожденiе миссъ Эсэри Семерсонъ покрыто тайной; я знаю это обстоятельство, говоря между нами, по должности моей въ копторѣ Кенджа и Корбая. И такъ-какъ я говорилъ вамъ, что образъ миссъ Семерсонъ запечатлѣнъ въ моемъ сердцѣ, то, еслибъ я могъ раскрыть эту тайну, могъ бы доказать ея, быть-можетъ, высокое происхожденiе, быть-можетъ, родство съ вами, тогда она пала бы въ процесъ по дѣлу Жаридисовъ и, можетъ-статься, обратила бы болѣе-милостивый взглядъ на мои настоящiя чувства, между-тѣмъ, какъ теперь она на меня и смотрѣть не хочетъ.

Что-то въ родѣ злобной улыбки мелькаетъ по лицу миледи.

— Далѣе, очень-странное обстоятельство, ваша милость, говоритъ мистеръ Гуппи: — по обстоятельству, часто-встрѣчающееся съ нами, юристами — если я смѣю такъ себя назвать, потому-что если я и не имѣю еще вакантнаго мѣста, однакожъ надѣюсь тотчасъ же получить сго, какъ только мать моя, живущая пожизненнымъ доходомъ, составитъ достаточную сумму денегъ, что, конечно, нелегко, необходимую

для взноса за патентъ — что я встрѣтилъ особу, которая жила въ изгнѣсть горничной у той леди, въ чьемъ домѣ, до мистера Жаридиса, воспитывалась миссъ Семерсонъ. Эта леди была миссъ Барбара, замесіятельство.

Что́ эта смертная блѣдность, покрывающая лицо миледи : отраженіе ея вѣера, обтанутаго зеленой тафтой, или признакъ болѣзни, внутренняго волненія?

— Случалось ли, вашему сіятельству, говорить мистеръ Гуппи : — когда-нибудь видѣть миссъ Барбару?

— Не знаю. Быть-можетъ, да.

— Была ли съ вами въ родствѣ миссъ Барбара? милостивая гусударыня.

Губки миледи приходятъ въ движеніе, но она молчитъ и отрицательно качаетъ головкой.

— Не родня? говоритъ мистеръ Гуппи. — Но, быть-можетъ, замесіятельство, навѣрное не знаете? это очень можетъ быть — да?

Послѣ каждаго изъ этихъ вопросовъ миледи наклоняетъ головку.

— Очень-хорошо, продолжаетъ мистеръ Гуппи : — только миссъ Барбара была очень-скрытна, очень-скрытна для женщины (потому-что, вообще говоря, женщины очень-словоохотливы, по-крайней-мѣрѣ въ обыкновенной жизни), такъ-что та особа, которая передавала мнѣ нѣкоторыя подробности, долге не знала, что у миссъ Семерсонъ есть родственники, и только однажды, какъ-то случайно, миссъ Барбара проговорила при этой женщинѣ, что настоящее имя Эсэври Семерсонъ — Эсэври Гаудонъ.

— О, Боже!

Мистеръ Гуппи таращитъ глаза. Леди Деллокъ сидитъ противъ него точно въ томъ же положеніи, смотреть на него тѣмъ же проникающимъ взглядомъ; ротъ немного открытъ, лобъ слегка сморщенъ и въ настоящую минуту она похожа на трупъ.

Онъ видитъ, какъ къ ней возвращается сознание; видитъ, какъ дрожь пробѣгаетъ по ея тѣлу, словно зыбь на поверхности воды; видитъ, какъ уста ея судорожно открываются и сжимаются, какъ силы приходятъ къ ней, и она начинаетъ сознавать и его присутствіе и смыслъ словъ его. Все это совершается такъ быстро, переходъ отъ самозабвенія къ жизни такъ же мгновененъ, какъ мгновенно долго-сохранившійся трупъ покойника исчезаетъ въ прахъ при первомъ прикосновеніи воздуха.

— Вашему сіятельству знакомо имя Гаудона?

— Прежде я слыхала о немъ.

— Одинъ изъ отдаленныхъ родственниковъ вашего семейства?

— Нѣтъ.

— Теперь, милостивая государыня, говоритъ мистеръ Гуппи : — я прихожу къ концу того, что мнѣ известно до-сихъ-поръ; внослѣдствіи я надѣюсь открыть больше-и-больше. Да будетъ известно вашему сіятельству, если до-сихъ-поръ вы этого не знаете какимъ-нибудь образомъ, что, нѣсколько времени тому назадъ, въ дому нѣкоего Крука былъ найденъ умершимъ въ страшной пицетѣ писецъ. Никто не зналъ имени этого писца, но мнѣ удалось открыть недавно, что это былъ Гаудонъ.

— Что жъ мнѣ до этого?

— Да-съ, ваше сіятельство, еще вотъ что : странная вещь случилось послѣ его смерти. Какая-то леди, переодетая въ платье горничной, ходила осматривать мѣста, гдѣ жилъ этотъ писецъ и гдѣ онъ погребенъ. Ее сопровождалъ мусорщикъ, грязный мальчишка... Если вашему сіятельству угодно, я могу, въ любое время, привести его къ вамъ.

Что за дѣло миледи до грязнаго мусорщика, и она не желаетъ его видѣть.

— О, ваше сіятельство, увѣрю васъ, это цѣлый романъ, говоритъ мистеръ Гуппи : — какъ онъ рассказываетъ объ этомъ событіи, о ручкѣ переодевшей леди, о блестящихъ перстняхъ.

На рукѣ миледи много брильянтовъ и она, играя вѣеромъ, заставляетъ ихъ блестѣть ярче-и-ярче, а сама смотритъ на мистера Гуппи такимъ взглядомъ, за который, въ былое время, онъ поплатился бы жизнью.

— Думали, ваше сіятельство, что послѣ смерти его не осталось никакого слѣда о немъ; однакожъ, это невѣрно. Я отыскалъ цѣлую связку старыхъ писемъ.

Онахаю вертится какъ и прежде, и глаза миледи не сходятъ съ мистера Гуппи.

— Они находятся въ сохранномъ и секретномъ мѣстѣ; а завтра вечеромъ, ваше сіятельство, перейдутъ въ мое владѣніе.

— Опять я спрашиваю васъ, что жъ мнѣ до этого?

— Этими я заключаю мои слова. Мистеръ Гуппи встаетъ: — если вы находите достаточный интересъ въ этомъ сдѣланіи обстоятельствъ, въ этомъ поразительномъ сходствѣ молодой леди съ вашимъ сіятельствомъ (что несомнѣнный фактъ для присяжныхъ), въ ея воспитаніи у писца Барбары; въ замѣненіи истиннаго имени подложнымъ именемъ писца Семерсонъ, въ вашемъ положительномъ знаніи обоихъ этихъ именъ, въ ужасной смерти Гаудона, и если вы находите нелишнимъ,

въ видахъ семейнаго интереса, разсмотрѣть эти обстоятельства ближе, то я принесу показать вамъ эти письма. О нихъ я знаю только то, что это старыя письма : до-сихъ-поръ я еще ихъ не выдалъ. Я принесу ихъ сюда, какъ только получу, и разберу въ присутствіи нашего сіятельства. Я сообщилъ вамъ все. Я сказалъ вамъ, что всякій намекъ о моемъ визитѣ можетъ быть для меня пагубенъ. И пусть это останется тайной.

Все ли высказалъ молодой человекъ во имени Гунни, или осталось у него на душѣ еще кой-что? Въ словахъ его весь ли разлитъ предметъ, приведшій его сюда, или нѣтъ? Это задача для мнѣди. Она можетъ смотрѣть на него, но онъ можетъ смотрѣть въ это время на столъ и затантъ на глубинѣ души своей все, чего не хочетъ сказать.

— Вы можете принести письма, если хотите, говорить мнѣди.

— Клянусь честию, ваше сіятельство, вы несравненно свисходительны ко мнѣ, говорить мистеръ Гунни нѣсколько-оскорбленннмъ тономъ.

— Вы можете привести письма, повторяетъ она тѣмъ же тономъ : — если... вы хотите.

— Будетъ исполнено. Желаю добраго здоровья, милостивая государыня.

На столѣ, поблизости мнѣди, стоитъ богатый ящикъ, обитый золотыми гвоздями и обтянутой золотыми скобками. Не свода глазъ съ мистера Гунни, она отираетъ этотъ ящикъ.

— О ! увѣрю васъ, ваше сіятельство, я не былъ побуждаемъ такого рода наградой, говорить мистеръ Гунни : — и я ничего принять отъ васъ не могу. Прощайте, милостивая государыня, я вамъ и безъ того много обязанъ.

Такъ откланивается молодой человекъ и сходить съ лѣстницы, гдѣ наудренный Меркурій не считаетъ нужнымъ свисойдти съ своего Олимпа, около камня, чтобъ отворить дверь.

— Пока сэръ Лейстеръ, развалился на отоманѣ, дремлетъ надъ газетными новостями, нѣтъ ли чего-нибудь въ замкѣ такого, что не только можетъ испугать его, но можетъ заставить затрепетать на корняхъ своихъ столѣтніе дубы чизни-вольскаго парка, оскорбить портреты предковъ Дедлока и его гербъ ?

Нѣтъ ; ничего нѣтъ. Слова, рыданія, стоны — это только сотраसेііе воздуха ; а воздухъ такъ сжать и такъ ненатураленъ въ городскомъ отелѣ, что еслибъ въ покояхъ мнѣди трубили въ трубы, то врядь ли бы до уха сэра Лейстера долетѣла хотя легкая вибрація ; а вотъ крикъ, эти стоны, выходящіе изъ устъ отчаянной женщины,

стоящей на колѣняхъ въ будуарѣ мнѣди, неслышны близь отомана въ библіотекѣ баронета.

— О дитя мое! дитя мое! ты не умерла въ минуту твоего рожденія, какъ увѣряла она... жестокая сестра моя, которая воспитала тебя, отрекись отъ меня и моего имени! О дитя мое! дитя мое!...

ГЛАВА XXX.

Разсказъ Эсэри.

Спустя нѣсколько времени послѣ отъѣзда Ричарда, у насъ была въ гостяхъ пожилая леди, мистриссъ Вудкауртъ. Она пріѣхала изъ Валлиса повидаться съ мистриссъ Бейгамъ Беджоръ; писала письмо моему опекуну, «согласно желанію мистера Алана», увѣдомляла его, что мистеръ Аланъ здоровъ и что онъ «всѣмъ намъ чистосердечно кланяется». Опекунъ мой, отвѣчая на письмо ея, пригласилъ ее посѣтить Холодный Домъ. Она пробыла у насъ почти три недѣли. Со мной она была такъ внимательна и откровенна, что, право, иногда мнѣ было неловко. Конечно, я не имѣла права не цѣнить ея откровенности: я знала, что съ моей стороны неумѣстна нѣкотораго рода неловкость; но что дѣлать, я не могла вывести себя изъ этого состоянія.

Она была такая живая старушка; сложить руки крестомъ и такъ внимательно, съ такой проникательностью посматриваетъ на меня, а сама говоритъ со мной, что, право, иногда мнѣ было тяжело; а, можетъ, ея умѣнье сидѣть какъ-то прямо, вытянувшись, производило на меня это впечатлѣніе; нѣтъ, впрочемъ, я ошибаюсь: эти манеры мнѣ казались только забавными. Можетъ, выраженіе ея лица, которое для старушки было слишкомъ-живо и не лишено красоты... впрочемъ, не знаю, право, отчего мнѣ было при ней неловко; а если я и знаю теперь, то по-крайней-мѣрѣ тогда не знала. Наконецъ... впрочемъ, какая до этого нужда?

Вечеромъ, когда я уходила въ свою комнату, она зазывала меня къ себѣ и, сидя передъ каминомъ въ спокойныхъ креслахъ, терзала меня разсказами объ Морганъ-апъ-Керригъ до-тѣхъ-поръ, пока я не приходила въ жалкое расположеніе духа. Иногда она увлекалась до-того, что произносила стихи изъ Кремлинволливера, или изъ Мьюлливилливода (если только я такъ произношу эти имена; впрочемъ, я думаю, что произношу ихъ неправильно) и приходила въ восторгъ отъ чувствъ, съ которыми они написаны. Я никогда ихъ не понимала (потому-что

они были написаны на валлійскомъ нарѣчїи ⁽¹⁾; нѣтъ казалось только, что стихъ былъ сильный панегирикъ всѣмъ Морган-ан-Керриганъ.

— Итакъ, миссъ Семерсонъ, говорить она, бывало, нѣтъ съ торжествомъ : — вотъ каково наслѣдіе моего сына. Куда бы судьба ни бросила его, онъ никогда не долженъ забыть, что онъ потомокъ Ан-Керриговъ. Хотя бы у него не было денегъ, за-то съ нѣтъ есть то, что лучше богатства : фамилія, милая миссъ Семерсонъ, фамилія !

Я очень сомнѣвалась, чтобъ въ Индіи, или въ Китаѣ, много заботились объ Морган-ан-Керригѣ; но во всякомъ случаѣ не высказывала ей своего убѣжденія. Я говорила ей только, что считаю знаменитое происхождение большимъ счастіемъ.

— Дѣ, моя милая, это большое счастье, скажетъ бывало мистриссъ Вудкауртъ : — но оно, однакожь, не лишено и непрїятностей. Напримеръ : сынъ мой можетъ по этой причинѣ затрудняться въ выборѣ для себя жены; впрочемъ, выборъ жены также весьма-затруднителенъ и для членовъ всякой знатной фамиліи.

Затѣмъ она обыкновенно похлопаетъ меня по рукѣ, поглядитъ на платяю, съ тѣмъ, чтобъ доказать мнѣ, что, несмотря на разстояние между нами, она имѣетъ обо мнѣ хорошее мнѣніе.

— Бѣдный мистеръ Вудкауртъ, моя милая, скажетъ она бывало съ чувствомъ, потому-что, при высокомъ происхожденіи своемъ, она имѣла очень любящее сердце : — происходилъ отъ знаменитой голландской фамиліи Мак-Кауртъ ван-Мак-Кауртъ. Онъ служилъ королю и отечеству съ честью и былъ убитъ на полѣ брани. Сынъ мой—единственный представитель обѣихъ знаменитыхъ фамилій. Если Богу угодно, онъ упрочитъ ихъ на землѣ, соединясь бракомъ съ дѣвушкой тоже древней фамиліи.

Всѣ мои старанія пережѣнить разговоръ, единственно изъ жеманія перемѣны, или можетъ-быть... но, что кому до этого за дѣло? — были напрасны. Мистриссъ Вудкауртъ никогда не хотѣла говорить о чемъ-нибудь другомъ.

— Милая моя, сказала она мнѣ однажды вечеромъ : — у васъ столько прямого смысла, и вы смотрите на свѣтъ не по дѣтамъ вашимъ, такъ вѣрно и положительно, что мнѣ прїятно говорить съ вами

(1) Валлійское народонаселеніе, непокоренное ни англо-саксами, ни норманнами, вошло въ составъ Англии во второй половинѣ XII столѣтія; такимъ образомъ оно удержало свое первобытное кельтическое нарѣчїе, испонятое нынѣшнимъ великобританцамъ.

про мои семейныя отношенія. Вы мало знаете моего сына, моя милая, но я думаю, вы знаете его на столько, что помнить его?

— Вы правы. Я его помню.

— Ну так видите ли, моя милая, я знаю, что вы способны вѣрно судить о характерахъ людей, и мнѣ бы хотѣлось знать, какого вы о немъ мнѣнія?

— О, мистрисъ Вуркауэртъ! сказала я: — эта задача для меня слишкомъ—трудна.

— Отчего же трудна, моя милая, я этого вовсе не вижу?

— Высказать свое мнѣніе....

— По столь поверхностному знакомству, моя милая. Это правда.

Не въ томъ дѣло: мистеръ Вудкауэртъ бывалъ очень—часто въ нашемъ домѣ и съ моимъ опекуномъ находился почти въ дружескихъ отношеніяхъ. Я ей высказала мою мысль и прибавила еще къ этому, что мы считаемъ его съ большими свѣдѣніями по своей части и что его доброта и вниманіе къ миссъ Флайтъ рекомендуютъ его добрую душу.

— Вы отдаете ему должное, говорила мистрисъ Вудкауэртъ, пожимая мнѣ руку. — Вы опредѣляете вѣрно его характеръ. Алланъ прекрасный человѣкъ и непогрѣшительнъ въ своихъ занятіяхъ. Я всегда это скажу, несмотря на то, что онъ мнѣ сынъ. Но, душа моя, и у него есть своя слабость.

— Кто изъ насъ не имѣетъ слабостей? сказала я.

— Это такъ! Но ошибки его такія, въ которыхъ онъ могъ бы и долженъ былъ бы исправиться, говорила живая старушка, живо качая головою: — Я такъ привязана къ вамъ, что скажу вамъ откровенно, душа моя, какъ другу, который это обсудить съ хладнокровной точки зрѣнія: онъ совершенное непостоянство.

Я сказала ей, что это кажется мнѣ совершенно—невѣроятнымъ въ человѣкѣ, который съ такою ревностью кончилъ курсъ медицинскихъ наукъ и заслужилъ, наконецъ, такую честную репутацію, какъ врачъ.

— Въ этомъ вы совершенно правы, моя милая, перебивала меня старая леди: — нѣтъ, дѣло не въ томъ...

— Въ чемъ же?

— Нѣтъ, говорила она: — я говорю про его общественное поведеніе: онъ въ высшей степени ухаживаетъ за молодыми дѣвушками, внимателенъ къ нимъ съ восемнадцати—лѣтняго возраста своего. А между тѣмъ моя милая, никогда о нихъ не думаетъ; онъ не имѣетъ въ виду ничего дурнаго, кромѣ вѣжливости и желанія угодить. Но это право нехорошо — какъ вы думаете?

— Нехорошо, сказала я.

— И это можетъ повлечь къ недоразумѣнiямъ, моя милая.

Я согласилась и на это.

— Поэтому я ему нѣсколько разъ говорила, что онъ долженъ быть внимательнѣе къ тому, что онъ говоритъ, и справедливѣе какъ къ себѣ, такъ и къ другимъ. А онъ говоритъ мнѣ на это : — «матушка я буду стараться; но вы знаете лучше чѣмъ кто-нибудь, я вѣдь, ухаживая не думаю ничего дурнаго, то-есть я ровно ничего не думаю». Все это такъ; однакожь это не оправданiе. Конечно, теперь, утѣхавъ такъ далеко и на неопредѣленное время, онъ, я могу быть увѣрена, избавился отъ такого легкомыслия. А вы, моя милая, говорила старушка, кивая и улыбаясь : — откройте-ка мнѣ вашу душу.

— Она и такъ открыта, мистриссъ Вудкауртъ.

— Не будьте же эгоисткой; вѣдь о моемъ сынѣ говорили : онъ отправился далеко искать счастья, искать жены, а вы, миссъ Сесерсонъ, вы гдѣ будете искать счастья, гдѣ будете искать себѣ мужа — а? скажите-ка! Ну зачѣмъ же краснѣть?

Я не думаю, чтобъ я покраснѣла; во всякомъ случаѣ, покраснѣла или нѣтъ, это ровно ничего не значило; и я сказала ей, что, при настоящемъ моемъ положенiи, я считаю себя такъ счастливою, что не желаю никакой перемѣны.

— Сказать ли вамъ, какъ я о васъ думаю и что, по моему мнѣнiю, васъ ожидаетъ въ будущемъ, душа моя? говорила мистрисъ Вудкауртъ.

— Пожалуй, если вы себя считаете хорошею предсказательницею.

— Вотъ что : вы выйдете замужъ за человѣка, очень-богатаго, очень-достойнаго, много старше васъ, такъ, можетъ-быть, годами двадцать-пятью, и будете вы прекрасной женою, очень-счастливою и всѣми любимой.

— Давай Богъ, сказала я : — но почему же вы думаете, что меня ожидаетъ такая судьба?

— Душа моя, отвѣчала она : — это очень-натурально : вы такъ дѣлательны, такъ акуратны, такъ достойны, что слова мои, я увѣрена, сбудутся. И никто, мой другъ, не поздравитъ васъ отъ столь чистаго сердца, какъ я.

Замѣчательно, что эти слова могли произвести на меня неприятное впечатлѣнiе, и въ-самомъ-дѣлѣ произвели : я какъ-то всю ночь была сама не своя. Я стыдилась своей глупости и стыдилась до-того, что не хотѣла даже совнаться Адѣ; и это еще больше тревожило меня. Я бы кажется всѣмъ пожертвовала, чтобъ отклонить эту болтливую откровенность старухи. Она приводила меня къ самымъ противорѣчивымъ

о ней мнѣннѣмъ. То мнѣ казалось, что она просто разскащица, то, напротивъ, я думала о ней, какъ объ образцѣ справедливости. Иногда мнѣ приходило въ голову, что она хитритъ, и въ то же время мнѣ казалось, что у нея самый-простой, самый-откровенный валдайскій характеръ. Впрочемъ, наконецъ, что мнѣ до этого за дѣло? Изъ чего мнѣ тревожиться? Отчего, идя въ спальню съ своими ключами, я не могла зайдти къ ней, какъ ко всякой другой гостьѣ, посидѣть съ ней у огонька, поговорить о томъ-о-семъ и уйдти спать, забывъ совершенно всю эту пустую болтовню? Отчего, зайдя къ ней, какъ это въ-самомъ-дѣлѣ и бывало, я боялась, что не могу ей поправиться и радовалась, что я нравлюсь ей? Зачѣмъ я взвѣшивала послѣ, оставишея одна, каждое ея слово, каждый ея намекъ, съ какимъ-то болѣзненнымъ чувствомъ въ сердцѣ, съ какимъ-то отчаяннѣмъ? Зачѣмъ было мнѣ тяжело, что она гоститъ у насъ и что она такъ откровенна со мной? Зачѣмъ мнѣ въ то же время казалось, что она никогда не могла быть такъ спокойна, какъ у насъ? Это были недоразумѣннѣ и противорѣчнѣ, которыя я никакъ не могла объяснить себѣ. Наконецъ если я могу... впрочемъ, я еще не разъ вернусь къ этому, а теперь незачѣмъ тратить словъ напрасно.

Послѣ отъѣзда мистриссъ Вудкауртъ, мнѣ стало грустно по ней и вмѣстѣ-съ-тѣмъ стало легко. Потомъ въ скоромъ времени прѣѣхала къ намъ Кадди Желлиби и привезла съ собою такое множество новостей, что мы долго не переставали заниматься ими.

Вопервыхъ, Кадди объявила (и непремѣнно хотѣла съ этого начать свои рассказы), что я самая лучшая совѣтница въ мнрѣ. Милочка моя, конечно, сейчасъ же сказала, что это не новость, а я сейчасъ же сказала, что это глупость. Потомъ Кадди сказала намъ, что ея свадьба назначена черезъ мѣсяць и что если Ада и я согласимся одѣвать ее въ вѣнку, то она сочтетъ себя совершенно-счастливой. Но, конечно, у нея было въ запасѣ рассказать намъ кой-что подълнѣе, и я остановила ея потоки хвалы въ нашу пользу.

Какъ казалось, несчастный отецъ Кадди, при помощи снисхожденнѣ и состраданнѣ къ нему кредиторовъ, отдѣлался отъ банкротства — «прошолъ сквозь газеты» — какъ говорила Кадди, какъ-будто бы газеты были какой-нибудь туннель, и какимъ-то счастливымъ образомъ устроилъ свои дѣла безъ всякаго успѣха въ пониманнѣ ихъ. Онъ отдалъ все, что было въ его владѣннѣ (я думаю, что было очень-немного, судя по внѣшней обстановкѣ ихъ помѣщеннѣ) и ~~тѣмъ-образомъ~~ ^{тѣмъ-образомъ} удовлетворилъ всѣхъ, доказавъ, что онъ, бѣдняга, ничего больше сдѣлать не можетъ. Такимъ-образомъ его отпустили съ честью и доволнѣннѣмъ

слова завести контору. Въ чемъ состояли дѣла его—я никогда не могла понять. Кадди говорила, что онъ занимается агентствомъ; я же, съ своей стороны, знала только то, что когда ему нужно было денегъ больше обыкновеннаго, онъ ходилъ въ долги и очень—рѣдко возвращался съ уснѣхомъ.

Какъ только бѣдный папа ея успокоился насчетъ дѣлъ своихъ и они переехали въ меблированную квартиру въ Гаттоновы Сады (гдѣ, посѣтивъ ихъ впоследствии, я видѣла, какъ дѣти вырывали конскій волосъ изъ подушекъ мебели и давясь имъ) Кадди устроила скандалье между ними и старикомъ мистеромъ Тервейдропомъ, и бѣдный мистеръ Желаниби, былъ такъ униженно-мигокъ и почтительнъ къ великосвѣтскому тону мистра Тервейдропа, что они скоро стали крѣпкими друзьями. Мистеръ Тервейдропъ—старикъ, привыкнувъ къ мысли о женитьбѣ своего сына, былъ такъ милостивъ, что дозволилъ имъ начать хозяйство въ школѣ, въ Ньюманской Улицѣ, когда имъ заблагоразсудится.

— А папа твой, Кадди, что онъ говоритъ ?

— О, бѣдный папа, говорила Кадди : — только и дѣла дѣлалъ, что плакалъ и желалъ намъ быть счастливыми въ нашемъ бракѣ, чѣмъ онъ былъ съ мамѣ. Онъ это не говорилъ при Принцѣ, онъ только говорилъ объ этомъ мнѣ одной, и прибавлялъ : — бѣдная дѣвочка, ты ничего не смыслишь въ хозяйствѣ; старайся сдѣлать мужа твоего счастливымъ, старайся заботиться о его благосостояніи; если жъ итъ, то лучше не выходи за него замужъ.

— Какъ же ты его успокоила, Кадди ?

— Вы знаете, какъ тяжело мнѣ видѣть на въ такомъ состояніи и слышать когда онъ говоритъ такія вещи : я не удержалась и сама залилась горькими слезами. Однажды я сказала ему, что мое истинное желаніе научиться хозяйству и возможности сдѣлать мужа моего счастливымъ, и что я надѣюсь, что иногда и на можетъ съ комсортомъ провести у насъ вечерокъ, и что я буду такой дочерью, какой не могла быть прежде. Также говорила я, что Биби можетъ пріѣхать ко мнѣ погостить. Папа началъ опять плакать и говорилъ, что дѣти у него индійцы.

— Индійцы, Кадди ?

— Да, говорила Кадди : — дикіе индійцы. И па сказалъ — и при этомъ бѣдная Кадди начала рыдать, не такъ, какъ рыдаютъ счастливыя — что онъ счелъ бы за большое для нихъ счастье, еслибъ всѣ они пали подъ ударами томагаука (1).

1) Индійскій топоръ.

Ада прибавила, что она увѣрена, что мистеръ Желлиби не питаетъ такихъ разрушительныхъ желаній.

— Ахъ, конечно! Я знаю: па не желалъ бы ничего дурнаго своимъ дѣтямъ, отвѣчала Кадди: — но онъ думаетъ, что они, будучи безъ присмотра, очень-несчастливы, что онъ самъ несчастный человекъ, и какъ это ни горько, какъ это ни противоестественно, но однакожъ справедливо.

Я спросила Кадди: знаетъ ли мистрисъ Желлиби, когда назначена свадьба.

— Ахъ, Эсэбрь! вѣдь ты знаешь ма, отвѣчала она: — какъ за нее поручиться, знаетъ она или нѣтъ. Я ей часто объ этомъ говорила, и какъ скажешь ей, она взглянетъ на меня спокойно, какъ-будто бы я была, Богъ знаетъ, что такое — какъ колокольня вдали, прибавила Кадди, внезапно придумавъ сравненіе: — и только скажешь: «Ахъ Кадди, Кадди, какъ ты мнѣ надоѣла» — и занимается своей баррибуль-ской корреспонденціей.

— Ну, а что жъ твой гардеробъ, Кадди? сказала я (мы съ ней были попросту и не церемонились другъ съ другомъ).

— Ахъ, милая Эсэбрь! отвѣчала она утеревъ глаза: — надо дѣлать что можно и надо надѣяться, что Принцъ никогда не будетъ впоследствии намекать мнѣ на то, что я вступила въ ихъ семью безъ платья. Кабы дѣло шло о заведеніи колоніи въ Баррибула-Гха, ма помнила бы хорошо свои обязанности и занялась бы ими серьезно; а теперь она и ухомъ не ведетъ ни о чемъ.

Кадди говорила эти слова безъ всякаго неприятнаго чувства противъ своей матери, но какъ несомнѣнный фактъ, въ которомъ — увы! и я была совершенно увѣрена. Наша бѣдная дѣвунка казалась такъ жалка и мы находили столько прекраснаго въ ея нравственныхъ началахъ, что я и Ада тотчасъ же составили планъ, который обрадовалъ ее въ высшей степени. Онъ состоялъ въ томъ, чтобъ она пріѣхала къ намъ на три недѣли, а мы къ ней на одну недѣлю, съ тѣмъ, чтобъ въ этотъ мѣсяцъ заняться кройкой, чистеньюмъ, нитьюмъ, вышиваньюмъ, словомъ, приведеніемъ ея туалета въ такой видъ, въ какой только можно. Планъ этотъ понравился и моему опекуну не менѣе того, какъ Кадди. На слѣдующій день мы отправились съ ней за ея вещами и тотчасъ же все ея сундуки, ящики и все покупки, которыя можно было сдѣлать на билетъ въ десять фунтовъ стерлинговъ — подарокъ бѣднаго мистера Желлиби, за которыя онъ, я думаю, нѣсколько разъ ходилъ въ доки — перевезли къ намъ. Нѣчего говорить, какъ бы обильно пособилъ намъ во всемъ мистеръ Жарндельс, при самомъ легкомъ на-

мекѣ съ нашей стороны; но мы потребовали съ него только подѣлочное платье и шляпу. И если Кадди была когда-нибудь совершенно-счастлива въ своей жизни, такъ это именно въ тѣ минуты, когда мы принялись за ея гардеробъ.

Трудно было бѣдной Кадди управляться съ иглою: она то-и-дѣло колола себѣ пальцы, какъ въ былое время марала ихъ чернилами; сначала она красѣла всякій разъ сколько отъ боли, столько и отъ сознанія своей неловкости; но время-отъ-времени она приучалась къ шитью и дѣлала большіе успѣхи. Такинь-образомъ я, Кадди, Ада, моя маленькая Черли и портниха изъ Лондона занимались шитьемъ по цѣлымъ днямъ и проводили время такъ весело, какъ только можно.

Кромѣ этого, Кадди всячески старалась «научиться хозяйничать», какъ она говорила. И, посудите мое удивленіе, она хотѣла учиться у меня—у такой необытной хозяйки; это, сказать по правдѣ, заставило меня покраснѣть и сконфузило до комизма. Однакожъ я сказала ей:—Кадди, я знаю, что ты всему готова научиться отъ меня; я считаю себя плохой учительницей въ дѣлѣ хозяйства; но вотъ, смотри всѣ мои расходныя и приходныя книги, и замѣть, какъ я ихъ веду. По тому, какъ она слушала мои рассказы и смотрѣла на меня, можно было бы подумать, что я ей показываю какія-нибудь новыя открытія. Вслибъ видѣли, какъ она вставала съ своего мѣста и шла за мной, когда я бывало, брикну хозяйственными ключами, право, можно было бы подумать, что я ужасная шарлатанка, а она—слѣпая поклонница.

Въ работахъ, хозяйствѣ, въ урокахъ маленькой Черли, въ игрѣ по вечерамъ въ бекгемонъ съ опекуномъ моимъ, въ дуэтахъ съ Адой, три недѣли протекли незамѣтно. Я вмѣстѣ съ Кадди отправилась къ ней, чтобъ тамъ устроить что можно, а Ада и Черли остались съ опекуномъ моимъ дома.

Кадди жила въ это время еще у мистриссъ Желлиби на Гаттоновыхъ Садахъ. Мы также раза три были и въ Ньюманской Улицѣ, гдѣ дѣлалась приготовленія къ свадьбѣ, очень-незначительныя для помѣщенія молодыхъ въ верхнемъ этажѣ и очень-великодушныя для увеличенія комфорта стараго мистера Тервейдрона. Цѣль наша состояла въ томъ, чтобы по возможности устроить приличнымъ образомъ меблированную квартиру на Гаттоновыхъ Садахъ для брачнаго завтрака, и сколько можно внушить мистриссъ Желлиби о днѣ и часѣ свадьбы.

Последняя часть была самая-трудная, потому-что мистриссъ Желлиби съ мальчикомъ, нездороваго цвѣта лица, занимала лицевую комнату (задняя комната состояла единственно изъ алькова), и полъ въ ней былъ усыянъ конвертами и боррибульскими документами до такой степени,

как только нечисто-содержимая конюшня бывает завалена соломой. Мистриссъ Желлиби просиживала тутъ цѣлые дни, пила крѣпкій кофе, диктовала письма и по временамъ занималась баррибульскими конференціями. Мальчикъ, съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица и, какъ мнѣ казалось, съ зародышемъ чахотки, ходилъ обѣдать къ себѣ домой. Когда мистеръ Желлиби приходитъ домой, побрызжить, побрызжитъ, да и спустится въ кухню. Тамъ найдетъ онъ кусокъ чего-нибудь, если служанка захочетъ покормить его, и, чувствуя, что онъ ужъ на дорогѣ, выходитъ на улицу и, несмотря на сырость, прогуливается-себѣ по Гаттоновымъ Садамъ. Бѣдныя дѣти лазятъ и карабкаются по дому, какъ обыкновенно.

Приведеніе этихъ несчастныхъ жертвъ сколько-нибудь въ презентабельный видъ, въ одну недѣлю, было дѣломъ невозможнымъ, а потому мы условились съ Кадди доставить имъ въ день ея свадьбы всякое удовольствіе, какое было только можно, въ томъ чердачкѣ, гдѣ они спали въ-появку, и употребить всѣ наши усилія на мистриссъ Желлиби и ея комнату. Въ-самомъ-дѣлѣ, мистриссъ Желлиби требовала много хлопотъ: плетень на ея спинѣ сдѣлался значительно-шире, чѣмъ въ первый день нашего знакомства, и волосы ея были похожи на гриву лошади мусорщика.

Полагая, что обзоръ гардероба Кадди, который лежалъ на ея постели, всего лучше пособить намъ достигнуть желаемой цѣли, я, выждавъ удаленіе болѣзненнаго мальчика домой, пригласила мистриссъ Желлиби посмотрѣть каддины вещи.

— Милая моя, миссъ Семерсонъ, сказала она, вставая съ обыкновеннымъ своимъ равнодушіемъ изъ-за стола: — это, по правдѣ, прелезавныя приготовления, хотя вниманіе ваше, съ которымъ вы объ этомъ заботитесь, показываетъ вашу доброту. Для меня, скажу вамъ откровенно, бракъ Кадди кажется невыразимо-смѣшнымъ. Кадди выходитъ замужъ! Ахъ, Кадди, Кадди! глупая, глупая, глупая дѣвочка!

Она взошла съ нами наверхъ и обозрѣла приданое Кадди своимъ смотрящимъ въ даль глазомъ. Оно произвело на нее одно только впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго она сказала мнѣ съ своей спокойной улыбкой и качая головою: — милая моя миссъ Семерсонъ, на половину тѣхъ денегъ, которыя вы употребили, можно бѣ было это слабое дѣтя отправить въ Африку!

Спустиаясь опять внизъ, мистриссъ Желлиби спросила меня: — ужели эти хлопоты будутъ въ будущую ереду? И на мой утвердительный отвѣтъ она прибавила: — пожалуй потребуется моя комната, миссъ Семерсонъ? Я, право, не знаю, куда же я дѣну бумаги?

Я взяла на себя смѣлость сказать ей, что комната, безъ-сонгитин, потребуется, и что, касательно бумагъ, я полагаю, надо ихъ куда-нибудь припрятать.

— Пусть такъ, милая моя миссъ Семерсонъ, говорила мистриссъ Желлиби: — вы въ этомъ лучше меня знаете; но гдѣ Кадди, заставивъ меня нажимать этого мальчика, связала меня по рукамъ и ногамъ; къ-тому же, у насъ въ среду комитетъ Развѣтвленія Пособій, и я, право, не знаю, какъ это уладить: затрудненіе очень-большое!

— За-то оно больше не повторится, прибавила я съ улыбкой: — Кадди вѣрно выйдетъ замужъ одинъ только разъ

— Справедливо, моя милая, совершенно-справедливо; постараемся сдѣлать все, что можно!

Первый вопросъ послѣ этого состоялъ въ томъ: какъ будетъ одѣтъ мистриссъ Желлиби въ день свадьбы? Интересно было видѣть, какъ почтенная филантропка, сидя за своимъ письменнымъ столомъ, слушала наши совѣщанія объ этомъ предметѣ, повременамъ съ упрекомъ покачивала на насъ головой, какъ какой-нибудь высокій духъ, снисходительный къ мелочамъ жизни.

Состояніе, въ которомъ были ея платья, и беспорядокъ, съ которымъ они были скомканы гдѣ попало, не мало усложняли наши затрудненія; наконецъ мы кой-какъ сладили и откопали въ этомъ хаосѣ такое платье, которое несовсѣмъ было неприлично для матери новобрачной. Невниманіе, съ которымъ она объясняла портнихѣ необходимыя передѣлки въ костюмѣ, и упрекъ, съ которымъ говорила она мнѣ, что я дурно дѣлаю, не обращая вниманія на Африку, были совершенно-сообразны съ ея манерами.

Квартира, относительно помѣстительности, была очень-мала, но мнѣ пришло въ голову, что еслибъ мистриссъ Желлиби отвести для жилья цѣлый эгзерцир-гаузъ, то выигралась бы одна только выгода: — было бы больше мѣста для грязи и беспорядка. Всѣ вещи, принадлежащія семейству Желлиби, которыя могли быть только изломаны въ эти дни суматохи, переложались; все, что могло быть испорчено, испортилось; всякій предметъ, который могъ имѣть на себѣ пылъ, начиная отъ дѣтскихъ колысокъ до двернаго наличника, былъ покрытъ пылью.

Бѣдный мистеръ Желлиби, который очень-рѣдко говорилъ и бывши дома сидѣлъ прислонившись къ стѣнѣ, съ участіемъ смотрѣлъ, какъ мы съ Кадди приводили все въ порядокъ, и даже снялъ шюртукъ съ намереніемъ пособлять намъ. Но столько странныхъ вещей новынимали мы изъ шкаповъ — кусочки стившихъ пироговъ, бутылку съ чѣмъ-то прокислымъ, чепцы мистриссъ Желлиби, письма, чай, виллы, дѣт-

скіе сапоги, башмаки, щетки, облатки, крышки съ кастрюль, мелкій сахаръ въ различныхъ бумагахъ, свачейки, щетки, хлѣбъ, шляпки мистриссъ Желлиби, книги, на поверхности которыхъ было изело, огарки, изломанные подсвѣчники, орѣховую шелуху, клеши и шейки морскихъ раковъ, скатерти, перчатки, кофейныя мельницы, зонтики — онъ такъ испугался, что тотчасъ же пересталъ пособлять намъ. Однакожь каждый вечеръ приходилъ онъ къ намъ, безъ сюртука, садился прислонившись головою къ стѣнѣ, казалось хотѣлъ пособлять намъ, но не зналъ какъ приняться за дѣло.

— Бѣдный па! сказала мнѣ Кадди вечеромъ, накануне дня ея бракосочетанія, когда мы все привели въ возможный порядокъ: — мнѣ кажется, что грѣхъ его оставлять, Эеиръ; но что я сдѣлаю, если буду жить въ этомъ домѣ? Я, еще до знакомства съ вами, старалась сколько-нибудь приводить всё здѣсь въ надлежащій порядокъ, да что же дѣлать? Африка и письма все переворачиваютъ вверхъ дномъ, все портятъ, во всемъ вводятъ безпорядокъ.

Мистеръ Желлиби не могъ слышать, что она говорила мнѣ: онъ былъ въ очень-убитомъ расположеніи духа и, какъ казалось, тихонько плакалъ.

— У меня все сердце изныло за него, говорила Кадди: — мнѣ приходитъ въ голову, что, быть можетъ, и онъ также думалъ быть счастливымъ съ ма, какъ я теперь думаю быть счастливою съ Принцемъ! Сколько въ жизни непонятнаго!

— Милая моя Кадди, сказалъ мистеръ Желлиби, медленно поворачиваясь къ намъ отъ стѣны. Это въ первый разъ я слышала, что онъ могъ произнести три слова сряду.

— Что па! сказала Кадди, подходя къ нему и цалуя его нѣжно.

— Милая моя Кадди! говорилъ мистеръ Желлиби: — не...

— Не выходить замужъ, па? не выходить за Принца?

— Нѣтъ, милая Кадди, выйти за него, но не...

Я говорила, описывая первый мой визитъ къ мистриссъ Желлиби, что Ричардъ замѣтилъ странную привычку мистера Желлиби часто открывать ротъ и снова закрывать его, не произнеся ни одного слова. Такъ и теперь: онъ нѣсколько разъ сряду открывалъ ротъ, какъ-будто желая что-то произнести, но ограничивался только меланхолическимъ киваньемъ головы.

Что вы хотите, чтобъ я не дѣлала? чего не дѣлать мнѣ, милый па? спрашивала Кадди, обвиняя его.

— Проектъ, милое дитя.

Мистеръ Жиллиби престомагъ это слово и опять прислонился головою къ стѣнѣ; это было въ первый разъ, что онъ выразилъ свое мнѣніе о баррибульскомъ вопросу.

Я боялась, что мистриссъ Желлиби всю ночь не перестанетъ заниматься корреспонденціей и пить кофе; однакожь, въ двѣнадцать часовъ мы завладѣли ея комнатою и сдѣлали надъ ней чудо; пыли, мому, грязи было столько, что измученная Кади во разъ принималась плакать.

Нѣсколько цвѣтовъ, простой, но хорошо-сервированный завтракъ дали квартирѣ пріятный видъ. Кади была очаровательна; но когда прѣхала моя миловка, я право думала — да и теперь также думаю — что лучше ея нѣтъ никого на свѣтѣ.

Для дѣтей мы устроили завтракъ на ихъ чердачкѣ, посадили Биби на первое мѣсто; и когда я ввела къ нимъ Кади, въ ея подѣвничномъ платѣ, они хлопали въ ладошки, кричали, плакали, и увидавъ Принца, Биби встрѣтилъ его, къ сожалѣнію моему, колотушками.

Внизу мистеръ Тервейдропъ, въ истинно-джентльменскомъ костюмѣ и съ невыразимымъ блескомъ прекраснаго тона, благословляя съ отеческою нѣжностью дѣтей своихъ и внушалъ мистеру Жаридису, что счастье сына есть дѣло рукъ его и что онъ считаетъ долгомъ посвящать себя благосостоянію дѣтей.

— Милостивый государь, говорилъ мистеръ Тервейдропъ: — молодые люди будутъ жить вмѣстѣ со мною; домъ мой достаточно-великъ и они всегда встрѣтятъ въ немъ гостепріимный кровъ и отческую опору. Я бы желалъ — вы поймете меня, мистеръ Жаридисъ, потому-что вы помните покойнаго благодѣтеля моего принца-регента — чтобъ сынъ мой вступилъ въ бракъ съ дѣвушкой, съ болѣе-обширными связями и лучшимъ положеніемъ въ свѣтѣ; но да совершится воля Неба!

На свадьбѣ были и мистеръ и мистриссъ Пардигль.

Мистеръ Пардигль, джентльменъ съ тупымъ, настойчивымъ взглядомъ, въ длинномъ жилетѣ, съ торчащими волосами, въ родѣ жинивъ; онъ постоянно толковалъ о лептахъ, приносимыхъ или имъ, или его женою, или патью его дѣтми, на челоуѣколюбивые подвиги. Былъ также и мистеръ Гешеръ, съ волосами, вѣчно зачесанными назадъ, съ еіающими желваками на вискахъ, но не въ качествѣ отверженнаго любовника, а въ качествѣ нареченнаго супруга миссъ Вискъ, которая также приуствовала на завтракѣ. Назначеніе миссъ Вискъ, какъ говорилъ опекунъ мой, состояло въ томъ, чтобъ показать всему свѣту, что назначеніе женщины — быть мужичной, и что назначеніе мужичны и женщины вмѣстѣ должно сосредоточиваться въ миттингахъ, въ раз-

боръ разныхъ вопросовъ, словомъ: въ переизнаніи изъ пустого въ по-
режнее.

Гостей было немного, но всё, какъ посѣтители мистриссъ Желлиби,
были, конечно, поклонники филантропіи. Кромѣ тѣхъ, о которыхъ я
говорила, была еще одна очень-грязная дама, въ платьѣ, на которомъ
видѣлся еще билетикъ съ цѣною. Кади говорила мнѣ, что въ домѣ
у нея все грязь-грязью; всё вещи, мѣбель — все это въ самомъ-жал-
комъ положеніи, но что это не мѣшаетъ ей быть величайшею ханжою.
Еще былъ очень-сварливый господинъ; онъ говорилъ, что долгъ его
быть каждому братомъ, между-тѣмъ, со всѣми своими братьями и се-
страми былъ въ ссорѣ.

Трудно повѣрить, чтобъ можно было соединить въ одно общество та-
кихъ людей, которые совершенно противорѣчили предстоящему торже-
ству. Назначеніе хозяйки въ домѣ было, по ихъ мнѣнію, самое уни-
зительное назначеніе женщины; въ-самомъ-дѣлѣ, миссъ Вискъ, гово-
рила намъ съ большимъ негодованіемъ, что обязанности женщины, какъ
хозяйки, предписываемыя ей тиранствомъ мужчины, возмутительны по
своей пустотѣ и ничтожности. Другая странность состояла въ томъ,
что каждый выставлялъ на видъ свое назначеніе, кромѣ мистера Гѣ-
шера, котораго дѣло, какъ я говорила и прежде, состояло собственно
въ томъ, чтобъ удивляться миссіямъ другихъ субъектовъ; такимъ-об-
разомъ не было никакой возможности связать ни приличный обстоя-
тельствамъ, ни даже общій разговоръ.

Мистриссъ Пардигль была убѣждена, что всё обязанности должны
быть сосредоточены только въ томъ, чтобъ бросаться на какого-нибудь
бѣднаго кирпичника и навязывать ему свои наставленія, какъ какой-
нибудь арканъ. Миссъ Вискъ, напротивъ, считала первымъ долгомъ
эманципацію женщины изъ-подъ ига мужчины. Мистриссъ Желлиби
улыбалась все время; ее, извольте видѣть, смѣшила близорукость тѣхъ
людей, которые не въ-состояніи заглянуть въ Баррибула-Гха.

Однако я начала рассказывать о томъ, что было послѣ свадьбы.
Прежде съѣдьте съ женихомъ и невестой въ церковь.

Мы всё отправлялись въ церковь. Не найду словъ выразить, какъ
важно, осанисто, величественно и торжественно джентльменъ Тервей-
дронъ, съ шляпою подъ мышкой съ глазами, исчезающими подъ нари-
комъ, стоялъ передъ вѣнчающимися и раскланывался съ нами. Миссъ
Вискъ, смотрѣла на Кади, какъ на жертву угнетенія. Мистриссъ
Желлиби взирала на все по-прежнему, какъ на дѣло, до нея во-
все не касающееся.

Возвратясь домой, мы стали усаживаться за обѣденный столъ. Мистриссъ Желлиби сѣла на первое мѣсто, а мистеръ Желлиби нанронилъ ея. Кадди успѣла украдкой сбѣгать наверхъ и сказать дѣтямъ, что тецерь ея фамилія Тервейдропъ. Эта новость, вмѣсто удовольствія, имъ огорчила Биби, что я никакъ не могла унять его и должна была согласиться на его просьбу: взять его съ собою внизъ и тамъ посадить къ себѣ на колѣни. Мистриссъ Желлиби не выказала никакого смущенія касательно его дурнаго костюма и сказала ему: «О ты, Биби, дрянной поросёнокъ!», оставалась совершенно-спокойною. Биби велъ себя довольно-прилично, кромѣ одного обстоятельства: онъ принесъ съ собою фараона (изъ египетскаго дворца, который я ему подарила, утѣжая въ церковь) и совалъ его головой въ рюмки съ виномъ, а потому облизывалъ.

Добрый опекунъ мой, своей пріятной манерой, своимъ увлекательнымъ тактомъ, одинъ только выкупалъ неловкость всего общества. Онъ постоянно обращался къ молодымъ, поздравлялъ ихъ, ободрялъ ихъ, говорилъ съ ними. Безъ него вопросъ очень былъ бы запутанъ. Каждый изъ посѣтителей трактовалъ только о своемъ социальномъ значеніи, не обращая вниманія ни на кого включительно; самъ мистеръ Тервейдропъ-старикъ въ своемъ величіи занимался только собою.

Наконецъ настало время отъѣзда Кадди и Принца Тервейдрона въ Гревендъ. Всѣ вещи ея были ужъ уложены на параконную телегу. Мы съ удовольствіемъ смотрѣли, какъ эта дѣвушка, бывъ несчастною подъ отеческимъ кровомъ, не могла безъ глубокой грусти оторваться отъ него. Она съ нѣжностью и со слезами бросилась на шею мистриссъ Желлиби и говорила:

— Мнѣ грустно, мнѣ тяжело, ма, что я не могу больше висеть подъ вашоу диктовку; но я увѣрена, я надѣюсь, что вы меня прощаете — да, ма?

— О, Кадди, Кадди! говорила мистриссъ Желлиби: — я тебѣ нѣсколько разъ говорила, что я нанимаю для этого мальчишка, что ль объ этомъ и толковать.

— Такъ вы не сердитесь на меня, ма? скажите, мамъ, скажите откровенно!

— Ахъ, глупенькая Кадди, отвѣчала мистриссъ Желлиби: — развѣ я похожа на сердитую, развѣ мнѣ есть время заниматься этими нустяками? Какъ тебѣ не стыдно, Кадди, говорить такой вздоръ!

— Не оставляйте безъ меня на... мамъ!

Мистриссъ Желлиби расхохоталась этой мысли.

— Ахъ ты романтическій ребенокъ! сказала она, сѣдая и похлю-

пьяная Кади слезла по синѣ: — ступай съ Богомъ, а тебя люблю и желаю тебѣ счастья.

Потомъ Кади бросилась на шею къ своему отцу, ласкала и цаловала его. Эта сцена происходила на дворѣ. Мистеръ Желлиби вынулъ изъ кармана платокъ, сѣлъ на лѣстницу и прислонился головою къ стѣнѣ; я думаю, что онъ находилъ въ стѣнахъ большое утѣшеніе.

Наконецъ Принцъ взялъ ее за руку и подошелъ вмѣстѣ съ ней къ мистеру Тервейдронъ съ большимъ почтеніемъ и преданностью.

— Благодарю васъ, тысячу разъ благодарю васъ, батюшка, говоритъ Принцъ, цалуя его руку: — за всѣ ваши пощечія о насъ; Кади также совершенно дѣлать вамъ вниманіе.

— О, безъ-сомнѣнья! безъ-сомнѣнья! говорила Кади.

— Дорогой сынъ мой, говорилъ мистеръ Тервейдронъ: — и дорогая дочь моя, я исполнилъ свой долгъ, и увѣренъ, что и вы, дѣти мои, не забудете вашихъ обязанностей.

— Никогда, батюшка, никогда! говорилъ Принцъ.

— Никогда, добрый мистеръ Тервейдронъ, никогда! говорила Кади.

— Такъ, дѣти мои, такъ! Хорошо съ вашей стороны утѣшать отца. Все мое — ваше, домъ мой — вашъ, сердце мое — ваше. Я никогда не покину васъ. Одна только смерть разлучитъ меня съ вами. Дорогой сынъ мой, ты хочешь уѣхать на цѣлую недѣлю?

— Да, батюшка. Черезъ недѣлю мы будемъ дома.

— Милое дитя мое, сказалъ мистеръ Тервейдронъ: — я все-таки хочу напомнить тебѣ, что надо не запускать танцевальной школы, иначе ты не исполнишь честно своихъ обязанностей.

— Черезъ недѣлю, въ этотъ самый день, мы будемъ къ обѣду дома, милый батюшка.

— Очень-радъ! отвѣчалъ мистеръ Тервейдронъ. — Вы найдете огонь въ каминѣ вашей комнаты, Каролина, и обѣдъ на моей половинѣ. Нѣтъ, нѣтъ, Принцъ! для меня это пріятное безпокойство, прибавилъ онъ, замѣтивъ желаніе въ Принцѣ отклонить столько заботъ отъ своего родителя: — Вы съ Каролиной будете жить въ верхнемъ отдѣленіи дома; а въ этотъ день *должны* обѣдать на моей половинѣ. Прощайте, да благословитъ васъ Богъ!

Они уѣхали. Я не могла отдать себѣ отчета, кто больше возбуждалъ во мнѣ удивленія: мистриссъ Желлиби, или мистеръ Тервейдронъ. Ада и спекукъ мой были точно въ такой же верѣшинтельности.

Передавъ нашимъ отъѣздомъ я заслужила неожиданный и краснорѣчивый комплиментъ отъ мистера Желлиби. Онъ подошелъ ко мнѣ; взялъ меня за обѣ руки, пожалъ ихъ и два раза открывалъ ротъ. Чтобъ

не затруднять его, я сказала ему : — вы очень-добрый, сэръ, не беспокойтесь пожалуйста !

— Я думаю, что Кадди будетъ счастлива, добрый онекунъ мой? сказала я, когда мы отправились домой.

— Надѣюсь, старушонка. Терпѣніе. Посмотригъ.

— А что, дулъ сегодня восточный вѣтеръ? попробовала я спросить. Онъ отъ души разсѣялся и сказалъ : «Нѣтъ».

— А сегодня утромъ, я думаю, подувалъ? сказала я.

Онъ опять отвѣчалъ : «нѣтъ». И этотъ разъ моя милочка подтвердилъ отвѣтъ его, покачивая отрицательно своей хорошенькой головкой, из-за лотыстыхъ кудряхъ которой благоухали свѣжіе цвѣты.

— Что ты понимаешь въ восточномъ вѣтрѣ, моя душечка? сказала я ей и не удержалась, чтобъ не расцаловать ея.

Да, да любовь ихъ ко мнѣ была безпредѣльна ; они говорили мнѣ, что тамъ, гдѣ бываю я, я, тѣтушка Дердонъ, тамъ не можетъ быть бурнаго вѣтра, тамъ радужные лучи солнца, тамъ благоуханіе весны... нѣтъ, я не вычеркну этихъ строкъ : слова эти радуютъ меня.

ГЛАВА XXXI.

Сидѣлка и Больная.

Опять случилось мнѣ не быть нѣсколько дней дома. По возвращеніи своемъ, я поднялась наверхъ, въ свою комнату, чтобъ взглянуть, какъ маленькая Черли управляетъ съ своей письменной тетрадкой. Письмо было для нея трудная вещь. Перо въ ея ручонкѣ дѣлалось ужасно-непослушнымъ : оно лѣзло въ стороны, вертѣлось, кривилось, дѣлало кляксы, забѣгало въ углы, брызгало, словомъ : брыкалось какъ ослѣпшій ослёнокъ. Интересно было видѣть, какія старообразныя буквы выдѣлывала молоденка ручка Черли. Буквы были кривыя, согнутыя, саломенныя; ручка была маленькая, кругленькая, пухленькая. Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ Черли была способная дѣвочка, съ такими искусными пальчиками, какіе рѣдко можно встрѣтить.

— А, Черли! сказала я, взглянувъ на цѣлую страницу О, нѣтъ-нѣтъ видѣ квадратиковъ, треугольниковъ и разныхъ фигуръ, во всякомъ случаѣ на О мало похожихъ. — Мы дѣлаемъ, другъ мой, быстрые успѣхи; и еслибъ только О выходили кругленькія, тогда все было бы прекрасно, Черли.

Потомъ я ей написала, для образца, О; она взяла перо, перо

никакъ не хотѣло послушаться ея, и вмѣсто О вынулъ какой-то узелокъ.

— Ничего, ничего Черли, не конфузся; когда-нибудь да выучишься. Черли положила перо въ сторону, окончивъ страницу, стала расправлять свои маленькіе пальчики, сжимая и растягивая, поглядывая на написанную страницу полусомнительно, полунадменно, и наконецъ, спрятавъ свои письменныя принадлежности, встала съ табурета и сбѣгала мнѣ книжсень.

— Благодарю васъ, миссъ.

— Не стоитъ благодарности, Черли.

— Позвольте васъ спросить миссъ: не изволите ли вы знать бѣдную женщину, по имени Женни.

— Жену кирпичника, Черли?

— Она какъ-то недавно встрѣтила меня, миссъ, спросила: не ваша ли я горничная? я сказала, что я вамъ служу, миссъ.

— Я думала, Черли, что ея ужь нѣтъ въ нашемъ околоткѣ.

— Да, она уходила, миссъ, куда-то, а теперь опять возвратилась и съ Лизой. Вамъ не случилось видать Лизу, миссъ?

— Я думаю, что случилось.

— Да и она мнѣ также говорила, миссъ; онѣ обѣ вернулись и, кажется, обѣ въ очень-дурномъ положеніи.

— Будто бы, Черли?

— Да, миссъ. Она заходила къ вамъ не разъ, но васъ не было дома, миссъ. И она тотчасъ же узнала, миссъ, что я ваша горничная, ей-Богу, тотчасъ же узнала, говорила Черли съ веселымъ смѣхомъ.

— Будто-бы, Черли?

— Да, миссъ, совершенная правда.

— Гдѣ же ты встрѣтилась съ ней въ первый разъ, Черли?

— У аптеки, горестно отвѣчала дѣвочка.

Я спросила ее не больна ли жена кирпичника. — Нѣтъ, она не больна, отвѣчала Черли, а боленъ какой-то бѣдный мальчикъ, круглая сирота, который приобрѣлъ въ Сент-Альбансѣ, самъ не зная зачѣмъ.

— И она несла для него лекарство, Черли?

— Она говорила, миссъ, отвѣчала Черли: — что и онъ для нея то же дѣлалъ.

Моя маленькая горничная смотрѣла на меня такъ выразительно, что я тотчасъ же поняла ея мысли.

— Хорошо, Черли, я понимаю тебя, сказала я ей: — я думаю, что всего лучше если мы съ тобою сходимъ туда и посмотримъ въ чужь дѣло.

Быстрота, съ которою Черли принесла мою вуаль и шляпу и съ ко-

торую она, как маленькая старушка, завернулась въ шаль, достаточно выражала ея готовность ; такимъ—образомъ, не сказавъ никому ни слова, мы отправились съ ней въ дорогу.

Вечеръ былъ холодный, сырой ; порывистый вѣтеръ свисталъ и качивалъ деревья. Дождь ливня—лилъ цѣлый день и дождливая погода стояла почти цѣлую недѣлю. Въ эту минуту дождя однакожь не было, небо немного прояснилось, но темь лежала непроницаемымъ покровомъ, даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мерцало нѣсколько звѣздочекъ. На сѣверѣ и сѣверо—западѣ, гдѣ, не болѣе какъ три часа тому назадъ, сѣло солнце, терлась, сливаясь съ мракомъ, блѣдно—мертвенная полоса заката, прекрасная и въ то же время ужасающая ; тамъ висѣли длинныя грады облаковъ, подобно морю, оцѣпенѣвшему среди волненія. Надъ Лондономъ разстигалось блѣдно—красное зарево. Картина была торжественная.

Въ этотъ вечеръ не было никакого предчувствія въ душѣ моей о томъ, что ожидало меня впереди, ровно никакого предчувствія — я въ этомъ вполне убѣждена; но, странная вещь, остановясь у калитки сада, чтобъ полюбоваться небомъ, идя впередъ, по дорогѣ къ кирпичнику, я находилась подъ вліяніемъ неописаннаго впечатлѣнія; мнѣ все казалось, что я не то, чѣмъ была на—самомъ—дѣлѣ. Да, это неразгаданное впечатлѣніе овладѣло мною именно тогда и въ томъ самомъ мѣстѣ, и съ—тѣхъ—поръ оно всякій разъ тяготѣло надо мною при воспоминаніи объ этихъ мѣстахъ, объ этомъ времени и обо всемъ, что было съ ними въ связи, не исключая отдаленныхъ городскихъ голосовъ, лая собаки и стука экипажей, катившихся въ горы по грязной улицѣ.

Вечеръ былъ субботній и большая часть работниковъ пьянствовала тамъ—и—сямъ. Мѣсто казалось мнѣ спокойнѣе нежели прежде, но такъ же блѣдно и жалко. Кирпичеобжигательныя печи топились и удушный дымъ, сквозь который мерцалъ блѣдно—голубой огонекъ, валилъ на насъ.

Мы подошли къ лачугѣ, въ грязномъ окнѣ которой видѣть былъ слабый свѣтъ, постучались въ дверь и вошли. Мать, потерявшая ребенка, сидѣла на стулѣ по одну сторону скуднаго огня, возлѣ кровати; по другую же сторону жался на полу, около каминна, оборванный мальчишка. Подъ—мышкою держалъ огъ узелкомъ свернутые остатки мѣховой шапки и, должно—быть, желая согрѣться, дрожалъ такъ сильно, что вмѣстѣ съ нимъ дрожали полуразрушенныя окно и дверь. Лачуга была сырѣе прежняго и заражена зловреднымъ, кажется, ей одной свойственнымъ запахомъ.

Я не откинула вуали, заговоривъ съ женщиною, встрѣтившею насъ. При первомъ звукѣ моего голоса, мальчишкѣ тотчасъ вскочилъ на неутвер-

длин ног и вытаращилъ на меня глаза съ замѣчательнымъ выраженіемъ нечаянности и страха.

— Движеніе его было такъ быстро и такъ явно относилось ко мнѣ, что оставило меня остановиться на порогѣ.

— Не пойду на погостъ! не пойду, ворчалъ про себя мальчикъ: — говорю вамъ не пойду!..

Откинувъ назадъ вуаль, я стала разговаривать съ женщиною. Она сказала мнѣ вполголоса: — Не обращайтесь на него вниманія, барышня: онъ скоро придетъ въ себя; а мальчику сказала: — Джо, Джо, что съ тобою?

— Знаю зачѣмъ она пришла! вскричалъ мальчикъ.

— Кто?

— Эта леди: ей хочется, чтобъ я пошелъ съ нею на кладбище — не пойду: мнѣ тамъ не нравится. Она пожалуй и меня похоронитъ тамъ. Его взяла снова дрожь и такая сильная, что тряслась стѣна, къ которой онъ прислонился.

— Этакой вздоръ онъ мелеть цѣлый день, сударыня! тихо сказала Женни. — Что ты такъ косишься, Джо? Это моя гостья.

— Вотъ что! возразилъ недоувѣрчиво мальчикъ и посмотрѣлъ на меня, закрывая рукою горѣвшіе глаза. — Мнѣ сдается, что она похожа на ту: шляпа не такая и одежда не такая, но сама-то она похожа на ту, право похожа!

Моя маленькая Черли, съ ея заботливостью и рано-созрѣвшею опытностью въ уходѣ за больными, снявъ шляпу и шаль и тихо подошла со стуломъ къ мальчику, посадила его, какъ старая сидѣлка, съ тою разницею, что подобная особа не могла бы имѣть юнаго лица Черли, которое, казалось, поселяло къ себѣ довѣріе.

— Слушай-ка! сказалъ ей мальчикъ: — эта леди та или нѣтъ?

Черли качала головой, методически окутывая мальчика тряпьемъ и согрѣвая его сколько возможно.

— Гм! проворчалъ мальчикъ: — и впрямь должно-быть это не она.

— Я пришла посмотрѣть, не могу ли чего-нибудь для тебя сдѣлать, сказала я. — Что съ тобой?

— Я мерзну, возразилъ мальчикъ, хриплымъ голосомъ, озираясь вокругъ бессмысленнымъ взглядомъ: — а потомъ горю, а потомъ опять мерзну и опять горю, по нѣскольку разъ въ часъ; въ головѣ такая тяжесть, какъ-будто съ ума рехнулся, во рту колѣ-коломъ, а костей не чувствую отъ боли.

— Давно ли онъ здѣсь? спросила я женщину.

— Съ нимѣшняго утра, сударыня; я нашла его на дорогѣ изъ города. Его я знавала въ Лондонѣ. Помнишь, Джо?

— Въ улицѣ Одинокато Тома, отвѣчалъ мальчикъ.

Вниманіе и глаза его останавливались на чемъ бы то ни было лишь на самое короткое время. Взглянувъ на что-нибудь, онъ тотчасъ же опускалъ голову, тяжело качалъ ею и говорилъ, какъ-будто въ просонкахъ.

— Когда пришелъ онъ изъ Лондона? спросила я.

— Изъ Лондона я пришелъ вчера, отвѣчалъ самъ мальчикъ, который былъ въ это время въ сильномъ жару. — Иду куда глаза глядятъ.

— Куда же идти онъ? спросила я.

— Куда глаза глядятъ, громче повторилъ мальчикъ. — Они мнѣ сказали: «убирайся!» Съ-тѣхъ-поръ я и шелъ, и шелъ; а какъ та, другая-то, дала мнѣ соверинъ, такъ и уйти нельзя было. Мистриссъ Снегсби всегда подсафергаетъ и травитъ меня. Что я сдѣлалъ ей? да и всѣ они стерегутъ и травятъ меня. Они такъ поступаютъ со мною всѣ, начиная съ того часа, какъ проснусь, до того часа, какъ пойду спать. А вотъ я и иду куда глаза глядятъ. Тамъ, въ улицѣ Одинокато Тома, она сказала мнѣ, что пришла изъ Столбанса — вотъ я и пошелъ въ Столбансъ. Чай, эта дорога не хуже всякой другой.

Наконецъ онъ обратился съ разговорами къ Черли.

— Что съ нимъ дѣлать? сказала я, отвѣдя женщину въ сторону. — Въ такомъ состояніи онъ не можетъ продолжать путь, если бы даже и зналъ, куда и зачѣмъ идти.

— Право не знаю, сударыня, отвѣчала она, посмотрѣвъ на него съ состраданіемъ. Изъ жалости продержала я его здѣсь цѣлый день, накормила чѣмъ могла и дала лекарства, а Лиза отправилась узнать, не возьмутъ ли его въ госпиталь (вотъ лежитъ въ постелькѣ мой ангелъ—ея дитя; я называю его своимъ ангельчикомъ), но я не могу держать этого бѣднягу долѣе: мужъ вернется, увидитъ его, пожалуй, выброситъ на улицу. Чего добраго, отъ него все станется; надѣластъ такого вреда, что и Боже упаси! Слышите ли, вотъ и Лиза возвращается?

При этихъ словахъ, вошла другая женщина, и мальчикъ всталъ на ноги, съ полутемнымъ предчувствіемъ, что его хотятъ отсюда выгнать. Когда проснулся маленькій ребенокъ Лизы, и когда успѣла Черли, подойдя къ нему, вынуть его изъ кровати, не знаю, только я видѣла, что она держала его на рукахъ, ходила съ нимъ взадъ и впередъ съ такимъ тихимъ, материнскимъ чувствомъ, съ какими, бывало, улаживала

она за Томомъ и Эммою, на чердакъ, надъ свѣчной лавкою мистриссъ Блайндеръ.

Лиза совалась туда и сюда, отъ одного чиновника ходила къ другому и возвратилась ни съ чѣмъ. Сначала, потому-что было слишкомъ рано, принять мальчика въ госпиталь не могли, а подь-конецъ принять не могли потому, что было уже слишкомъ-поздно. Одинъ чиновникъ посылалъ ее къ другому, другой отсылалъ ее снова къ первому, и такъ далѣе. Такъ-что изъ разсказа бѣдной женщины я ясно поняла только одно, что госпитальные чиновники считали своимъ долгомъ не исполненіе обязанностей, а уклоненіе отъ нихъ.

— Теперь же, говорила Лиза зашыхавшимся отъ бѣготни и безпокойства голосомъ: — теперь же, Женни, твой мужъ идетъ домой, и мой недалеко за нимъ — да поможетъ Богъ мальчику, пусть идетъ, мы для него больше ничего не можемъ сдѣлать. Онѣ достали гдѣ-то два-три полупенса и торопливо всунули ихъ ему въ руку, и потащилась, шатаясь, бѣдняга изъ ихъ невзрачной лачуги впередъ и впередъ съ полублагодарнымъ и полубезчувственнымъ видомъ.

— Дай мнѣ ребенка, моя милая! сказала мать, обращаясь къ Черли: — и тебѣ спасибо, добрая Женни! спокойной ночи! Молодая моя леди, если мужъ не станетъ браниться, то я ужъ забѣгу къ обжигающей печи на заводъ: мальчуга-то вѣрно тамъ свалится, да и завтра утромъ, пораньше загляну на него. Она торопилась уйдти и вскорѣ принялась качать и убаюкивать ребенка, стоя у двери и пристально смотря вдоль улицы, по которой долженъ былъ возвратиться ея пьяный мужъ.

Я не рѣшилась разговаривать долѣе ни съ одной изъ женщинъ, чтобъ не ввести ихъ въ неприятность, и сказала Черли, что оставить здѣсь мальчика безъ помощи, при такой явной опасности, было бы грѣшно съ нашей стороны. Черли, болѣе меня опытная въ пособіи больнымъ, съ быстротою поняла мою мысль, опередила меня и скоро нагнала Джо у самой печи. Я думаю, что онъ пустился въ Сент-Альбансъ съ маленькимъ подь-мышкою узелкомъ, который или у него украли, или онъ потерялъ, потому-что теперь онъ тщательно свертывалъ въ узелокъ лоскутки своей мѣховой шапки и шелъ съ непокрытой головой, несмотря на лившій въ это время дождь. На зовъ нашъ онъ остановился и, при видѣ меня, страхъ снова оцѣпенилъ его до такой степени, что дрожь перестала его бить.

Я уговорила его идти съ нами, обѣщая позаботиться о немъ на ночь.

— Мнѣ ненужно ночлега, говорилъ онъ: — я лягу на горячіе кирпичи.

— А развѣ ты не знаешь, что тамъ умирають люди? возразил Черли.

— Они вездѣ умирають, сказалъ мальчикъ. — Она знаетъ гдѣ: я показывалъ ей. Они умирають и въ улицѣ Одинокато Тона; мрутъ какъ мухи; больше мрутъ чѣмъ живутъ — я знаю. Потому началъ онъ шептать Черли: — если она не та, то она также и не чужая той. Итъ должно быть трое?

Черли смотрѣла на меня нѣсколько испуганнымъ взоромъ. Я также почти боялась самоѣ-себя, когда на меня такъ пристально смотрѣлъ мальчикъ.

Однакожь, повинуваясь словамъ моимъ, онъ пошелъ за нами, и я, видя, что имѣю надъ нимъ вліяніе, повела его прямо къ дому. Было недалеко, стояло только подняться на холмъ. Дорогой встрѣтили мы лишь одного человѣка. Я сомнѣвалась, чтобы мы могли дойти домой безъ помощи: походка мальчика была такъ невѣрна и шатка. Несмотря на это, онъ не жаловался и былъ до странности безпеченъ. Я оставила его на минуту въ сѣняхъ, гдѣ онъ прижался въ уголъ оконнаго отверстія и съ удивительнымъ равнодушіемъ пристально осматривалъ окрестности. Войдя въ гостиную, чтобы переговорить съ опекуномъ моимъ, нашла я въ ней мистера Скимполь, который пріѣхалъ въ джигансѣ безъ предварительнаго извѣщенія, что дѣлалъ онъ часто, и никогда не привозилъ съ собою платья, но все нужное бралъ въ займы.

Они тотчасъ вышли со мной, чтобы осмотрѣть мальчика; прислуга также собралась въ сѣняхъ, а онъ, трясясь отъ лихорадки, сидѣлъ въ отверстіи окна, какъ раненный звѣрь, найденный въ ямѣ; возлѣ него стояла Черли.

— Печальный случай! сказалъ опекунъ мой, сдѣлавъ больному нѣсколько вопросовъ, опущавъ пульсъ и осмотрѣвъ глаза его. — Что ты объ этомъ думаешь, Леонардъ?

— Я думаю выгнать его, сказалъ мистеръ Скимполь.

— Что такое? возразилъ опекунъ мой, почти сердито.

— Милый мой Жаридисъ, сказалъ мистеръ Скимполь: ты знаешь, что я дитя. Брани меня, если я этого заслуживаю; но у меня къ подобнымъ вѣщамъ врожденное отвращеніе. Я терпѣть не могъ возиться съ больными и тогда, когда былъ докторомъ. Онъ, ты видишь, очень опасенъ: у него презлая лихорадка.

Мистеръ Скимполь тотчасъ же ушелъ изъ сѣней въ гостиную и, высказывая свои сентенціи обычно-безпечнымъ тономъ, сидѣлъ на фертепьянномъ табуретѣ, между-тѣмъ, какъ мы стояли вокругъ него.

— Вы скажете, что это ребячество, говорилъ мистеръ Скимполь, поглядывая на насъ весело: — пусть такъ, согласенъ; я ребенокъ и очень-радъ своему состоянію... Выгнать его на улицу, вы его вышлете только туда, откуда онъ пришелъ. Знаете ли, ему будетъ тамъ не хуже, чѣмъ было прежде, даже, если хотите, нѣкоторымъ образомъ лучше. Дайте ему шесть пенсаовъ, или пять шиллинговъ, или пять фунтовъ стерлинговъ, или десять шиллинговъ — вѣдь вы всѣ математики, а я нѣтъ, и прогоните его прочь.

— Что жъ онъ тогда будетъ дѣлать? спросилъ опекунъ мой?

— Вотъ хорошъ вопросъ! сказалъ мистеръ Скимполь, улыбаясь и пожимая плечами.—Я, разумѣется, не имѣю ни малѣйшей идеи о томъ, что онъ тогда будетъ дѣлать, но не сомнѣваюсь нисколько, что онъ тогда что-нибудь да будетъ дѣлать!

— Не страшно ли подумать? говорилъ опекунъ мой, которому въ короткихъ словахъ рассказала я тщетныя старанія обѣихъ женщинъ: — не страшно ли подумать, повторяя онъ, ходя взадъ и впередъ въ сильномъ волненіи: — что будь этотъ несчастный мальчикъ преступникомъ, ему были бы открыты двери госпиталя и о немъ пеклись бы не хуже, чѣмъ о всякомъ другомъ ребенкѣ цѣлаго королевства.

— Между-тѣмъ, ему дѣлается хуже, позволила я себѣ сказать.

— Между-тѣмъ, сказалъ мистеръ Скимполь весело: — какъ замѣчаетъ миссъ Семерсонъ съ своимъ практически-здравымъ смысломъ, ему дѣлается хуже и потому я предлагаю опять-таки прогнать его прежде, чѣмъ ему сдѣлается еще хуже.

Я полагаю, что никогда не забуду того весело-добродушнаго вида, съ которымъ онъ говорилъ подобный вздоръ.

— Разумѣется, маленькая хозяйка, сказалъ опекунъ мой, обращаясь ко мнѣ: — я могъ бы принудить смотрителей госпиталя принять его тотчасъ же, но врядъ-ли это будетъ для него лучше: теперь ужъ поздно, погода очень-дурна, а мальчикъ совершенно истощенъ. Въ холодной свѣтелкѣ надъ сараемъ стоитъ кровать, и я думаю, до утра уложить его въ ней. Правда, тѣтушка Дердонъ? Пойдемъ, распорядимся.

— Какъ! сказалъ мистеръ Скимполь, перебирая слегка пальцами по клавишамъ фортепьяно: — вы опять хотите идти къ нашему юному другу?

— Да, сказалъ опекунъ мой.

— Какъ завидую я вашему темпераменту! возразилъ мистеръ Скимполь, съ шутовскимъ удивленіемъ: — вамъ и миссъ Семерсонъ все ни по-чѣмъ. Вы готовы во всякое время идти всюду и дѣлать все. Та-

кова воля! Я не имѣю ни воли, ни неволи; въ душѣ моей только одно безсиліе!

— Вы не можете ничего прописать мальчику, полагаю я, сказалъ опекунъ мой, несмотря на него съ полудосадою, но только съ полудосадою потому, что въ глазахъ мистера Жарндиса Скинполь былъ существомъ, на котораго нельзя было серьезно сердиться.

— Милый мой Жарндисъ, я замѣтилъ въ его карманѣ сткляночку съ прохладительнымъ лекарствомъ, и ничего лучше не можетъ онъ сдѣлать, какъ принять его. Ты можешь также приказать напрыскать укусомъ около его кровати, держать свѣтелку въ умѣренной свѣжести, а больнаго въ умѣренномъ теплѣ. Впрочемъ, давать совѣты было-бы дерзко съ моей стороны. Миссъ Семерсонъ обладаетъ такимъ запасомъ подробныхъ свѣдѣній въ этихъ дѣлахъ, что все будетъ устроено, какъ-нельзя-лучше.

Мы снова возвратились въ стѣни и объяснили Джо, какъ мы его уложимъ. Черли повторила ему наши объясненія еще разъ, но онъ выслушивалъ ихъ съ какимъ-то холоднымъ равнодушіемъ, какъ-будто-бы все дѣлалось для кого-нибудь другаго, а не для него. Вся прислуга очень сострадала къ его жалкому положенію и старалась всячески пособить бѣднягѣ. Комната надъ сараемъ была скоро готова и двое изъ людей перенесли Джо, укутавъ его хорошенько, черезъ мокрый дворъ. Приятно было видѣть, какъ всѣ были къ нему ласковы, называли его безпрестанно «старикашкой», надѣясь этимъ названіемъ усладить его измученный слухъ. Черли управляла всѣмъ и ходила взадъ и впередъ между домою и комнатою больнаго, съ лекарствами и подкрѣпляющими средствами, которыя мы отважились ему дать. Опекунъ мой самъ присматривалъ за всѣмъ прежде, нежели оставилъ бѣднаго Джо одного. Возвратясь въ кабинетъ, чтобъ написать объ мальчикѣ письмо, которое должно было отправить съ нарочнымъ на разсвѣтѣ, онъ сказалъ мнѣ, что Джо спокоситъ и скоро уснетъ, и что онъ велѣлъ запереть дверь снаружи, на случай бреда, и все такъ устроить, какъ только было можно.

Ада, по причинѣ простуды, оставалась въ своей комнатѣ, и мистеръ Скинполь, во время нашего отсутствія, занималъ себя фортепьянами, разыгрывалъ отрывки трогательныхъ пѣсенъ, иногда, какъ мы это издали слышали, приговаривалъ съ большимъ выраженіемъ и чувствомъ. По возвращеніи нашемъ въ гостиную, онъ объявилъ свое желаніе сѣсть намъ небольшую балладу, которая пришла ему въ голову а прозе юнаго друга нашего, и безподобно пропѣлъ про крестьянскаго мальчика, который

Сиротствуя и милой родины лишень,
Безъ цѣли по свѣту бродить былъ осужденъ.

Онъ сказалъ намъ, что пѣсня эта всегда доводила его до слезъ.

Остальное время вѣчера мистеръ Скипполь былъ чрезвычайно-веселъ. «Я, говорить, чирикаю отъ восторга, что окруженъ такими трудолюбивыми талантами; пью свой грогъ за выздоровленіе нашего юнаго друга!» Потомъ воображенію его представилось, что, быть-можетъ, онъ, подобно Виттингтону, будетъ назначенъ лордомъ-меромъ въ Лондонѣ, и тогда онъ непремѣнно учредитъ Жарндисовъ Институтъ, Семерсонову богадѣльню и небольшую ежегодную процесію пилигримовъ въ Сент-Альбансъ. «Что жъ касается до юнаго нашего друга, говорить онъ, то я несколько не сомнѣваюсь, что онъ, въ своемъ родѣ, прекраснѣйшій молодой человекъ, но идетъ не по дорогѣ Леонарда Скипполя; Леонардъ Скипполь познакомся короче съ собственною своею особою, открылъ, къ своему величайшему удивленію, что эта особа, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣетъ тенденцію къ философіи, считаетъ за лучшее повиноваться обстоятельствамъ и полагаетъ, что и вы дѣлаете то же».

Черли пришла сказать, что мальчикъ успокоился и уснулъ. Изъ окна своей комнаты я могла видѣть фонарь, горѣвшій въ свѣтелкѣ больнаго и успокоенъ мыслью, что бѣдный сирота не остался безъ пріюта, заснула и сама очень-скоро.

Незадолго передъ разсвѣтомъ движеніе въ домѣ и говоръ, болѣе обыкновеннаго, разбудили меня. Одѣвшись, я выглянула изъ окна и спросила одного изъ нашихъ людей, который вчера вечеромъ показался мнѣ очень-сострадательнымъ: не случилось ли чего-нибудь. Фонарь въ окнѣ надъ сараемъ все еще горѣлъ.

— Мальчикъ, миссъ... отвѣчалъ онъ.

— Что такое мальчикъ? Развѣ ему сдѣлалось хуже? спросила я.

— Отправился, миссъ.

— Умеръ!

— Нѣтъ, миссъ, не умеръ. Ушелъ.

Отгадать въ какое время ночи, какъ, или зачѣмъ онъ убѣжалъ, казалось, дѣломъ безнадежнымъ. Дверь была занерта, фонарь все еще стоялъ на окнѣ и уйти можно было только чрезъ люкъ, отворившійся въ пустой сарай; впрочемъ, и люкъ былъ затворенъ щитомъ и, казалось, никогда не отворялся. Какъ бы то ни было, только мальчика въ сараѣ не находилось. Убѣдаясь въ этомъ вполне, мы мучились сомнѣніемъ: не сдѣлался ли съ нимъ ночью бредъ, и онъ, гонимый какимъ-нибудь фантастическимъ призракомъ, бѣжалъ, несмотря на свое

безпомощное состояніе. Мысль эта пугала насъ всѣхъ, те—есть за исключеніемъ мистера Скипшола, который своимъ безлично—равнодушнымъ тономъ доказывалъ намъ, что юный другъ нашъ, поминная заразительность своей злой лихорадки, не хотѣлъ, во врожденной вѣжливости, быть незваннымъ гостемъ и удалился.

Въ надеждѣ отыскать его живымъ или мертвымъ, сдѣланы были всевозможные разспросы и изслѣдованія на каждомъ мѣстѣ. Мы осмотрѣли кирпичнообжигательныя печи, ходили въ лачуги бѣдняковъ, основательно допрашивали обѣихъ женщинъ; кусты, рвы, стѣны, валежникъ, стогъ были нашими людьми осмотрѣны кругомъ на большое протяженіе, единужь всѣ розыски остались совершенно—тишетыми.

Пять дней продолжались розыски; я не хочу этимъ сказать, чтобъ они послѣ этого срока совершенно прекратились; но вниманіе мое было въ это время обращено на другое, для меня очень—памятное обстоятельство.

Черли сплѣла вечеромъ въ моей комнатѣ снова за письмомъ, а я противъ нея за работой; вдругъ почувствовала я, что столъ дрожитъ. Маленькую горничную мою отъ головы до ногъ была дрожь.

— Черли, сказала я: — ты озабла?

— Что—то холодно, миссъ, отвѣчала она. — Не знаю, право. Все ломается. Я и вчера худо себя чувствовала почти въ это же время. Не пугайтесь, миссъ, мнѣ кажется, я больна.

Услышавъ голосъ Ады, я тотчасъ поспѣшила къ двери, отдѣлявшей мою комнату отъ общей нашей гостиной, и заперла ее, какъ—разъ во время, потому—что Ада ужъ стучалась, когда рука моя лежала еще на ключѣ.

Ада кричала мнѣ, чтобъ я ее впустила; но я сказала: «не теперь, милая. Уйди лучше. Не безповойся, я тотчасъ сойду». Ахъ какъ много, много прошло времени, прежде нежели я снова сошлась съ моей милочкой!

Черли занемогла. Въ—теченіе двѣнадцати часовъ болѣзнь ея усилась. Я велѣла перенести ее въ свою комнату и, положивъ на кровать, сѣла спокойно подлѣ, чтобъ ухаживать за нею. Я извѣстила обо всемъ опекуна, написала къ нему, почему считала необходимою запереться и почему вовсе не хотѣла видѣть своей милочки. Вначалѣ она очень—часто подходила къ двери, звала меня и даже со слезами и рыданіями дѣлала мнѣ упреки; но я написала ей, что она мнѣ причиняетъ беспокойство и печаль и умоляла любовью ея ко мнѣ не говорить со мною ближе, чѣмъ изъ сада. Послѣ этого письма она приходила въ садъ подъ окно даже чаще, чѣмъ къ двери; и если вы

училась я любить ее сладкозвучный голосъ прежде, когда мы едва разлучались, то какъ хорошо я выучилась любить его теноръ, когда я слушала ее и отвѣчала ей, стоя у окна и не смѣя взглянуть на нее. О, какъ хорошо выучилась я любить его впоследствии, когда наступили худшія времена!

Въ нашей гостиной была поставлена кровать и для меня, и, оставивъ дверь растворенною, сдѣлала я изъ обѣихъ комнатъ одну и всегда содержала въ ней чистый воздухъ; съ-тѣхъ-поръ изъ этой части дома Ада удалалась совершенно. Каждый изъ нашихъ людей, безъ исключенія, съ величайшею готовностью и безъ малѣйшаго страха пришелъ бы ко мнѣ въ каждый часъ дня и ночи; но я предпочла избрать только одну достойную женщину, съ которою Ада никогда не должна была видѣться; на осторожность ее я могла положиться. При ее помощи оставила я свою больную, чтобъ вмѣстѣ съ опекуномъ подышать свѣжимъ воздухомъ, когда мы не боялись встрѣтить Аду. Ни въ какой прислугѣ и ни въ чемъ другомъ я болѣе не нуждалась.

Такъ страдала бѣдная Черли; ей дѣлалось хуже-и-хуже, грозилъ страшная опасность, и длинный рядъ дней и ночей она лежала безъ чувствъ. Терпѣніе ее было изумительно: она обнаруживала такую кротость въ страданіяхъ, что очень-часто, сядя у ее постели, держа голову ее на своихъ рукахъ (она дремала такимъ образомъ, когда не могла иначе), я молила Бога не дать мнѣ забыть урокъ, которому учила меня эта маленькая сестра.

Меня очень огорчила мысль, что прекрасное личико Черли измѣнится и обезобразится: она была такой миловидный ребенокъ! Однакожь, это опасеніе было ничто въ-сравненіи съ опасеніемъ за ее жизнь. Когда ей было очень-худо и бредъ уносилъ ее къ смертному одру ее отца, въ маленькимъ братьямъ и сестрамъ, она еще узнавала меня на столько, что успокаивалась на рукахъ моихъ и безъ особеннаго волненія лежала свои лихорадочныя грѣзы. Въ такія минуты мысль пересказать двумъ остающимся послѣ нея дѣтямъ, что не стало для нихъ того ребенка, который умѣлъ замѣнить имъ мать, тяжелымъ камнемъ лежала на моемъ сердцѣ.

Были минуты, когда Черли совершенно узнавала меня; она говорила, что посылаетъ Тому и Эмиль сердечные поклоны, и увѣрена, что Томъ будетъ способнымъ мальчикомъ. Въ такія минуты рассказывала она мнѣ, какъ, едва умѣя, читала она своему умирающему отцу о юношѣ, котораго несли хоронить, и который былъ единственный сынъ у матери-вдовы; о дочери начальника синагоги, которую сострадательная рука

съ одра смерти воззвала снова къ жизни. Черли рассказала мнѣ также, что, по смерти ея отца, она, въ первой печали своей, на колѣняхъ молилась, чтобъ онъ проснулся и былъ возвращенъ своимъ бѣднымъ дѣтямъ, и что если она не выздоровѣетъ, а должна умереть, то полагаетъ что и Томъ будетъ возсылать за нее къ небу молитвы.

Но при всѣхъ страданіяхъ своихъ, Черли не терзала ни на минуту тѣхъ кроткихъ качествъ, о которыхъ я ужъ говорила, и мнѣ поистинно стало, какимъ ангеломъ—утѣшителемъ могла она показаться въ глазахъ умирающаго отца.

Черли не умерла. Шатко и медленно преодолевъ кризисъ, который былъ очень—опасенъ, начала она поправляться. Надежда, что Черли не потеряетъ красоты своей, вскорѣ возродилась, къ неописанному моему удовольствію.

Усладительно было то утро, когда могла я все пересказать Агѣ, стоявшей подъ окномъ въ саду, и усладителемъ былъ тотъ вечеръ, когда я вмѣстѣ съ Черли пила чай въ ближней комнатѣ. Но въ тотъ же вечеръ почувствовала я лихорадочный ознобъ.

Къ нашему обоюдному счастью, мысль, что Черли заразила меня своею болѣзью, пришла мнѣ въ то время, когда Черли была ужъ внѣ опасности и спокойно спала въ своей постели. Во время чая легко могла я скрыть свое состояніе; но теперь было ужъ дѣло другое, и я увидѣла, что быстро слѣдую примѣру Черли.

Несмотря на это, я встала довольно—рано, чтобъ отблагодарить мою милочку за веселое привѣтствіе ея изъ сада, и по обыкновенію поговорить съ нею. Но меня тяготило впечатлѣніе, что ночью я вставала и почти безсознательно бродила въ обѣихъ комнатахъ, и по временамъ кровь приливала къ головѣ и мнѣ все казалось будто я расту.

Вечеромъ было мнѣ такъ дурно, что я рѣшилась сказать Черли: — Не правда ли, Черли, ты поправилась?

— О, конечно! отвѣчала Черли.

— Я полагаю, что ты достаточно—крѣпка, чтобъ выслушать одну тайну.

— Достаточно—крѣпка, миссъ, вскричала Черли, но лицо ея смутилось среди радости, потому—что она прочла эту тайну на лицѣ моемъ; она встала съ кресла упала ко мнѣ на шею и проговорила: — О, миссъ! въ этомъ виновата я, въ этомъ виновата я!

— Слушай же, Черли, сказала я, давъ ей выплакаться: — если я захвораю, то вся моя надежда на тебя. И если ты будешь такъ же спокойна и сохранишь такое же присутствіе духа въ—отношеніи ко мнѣ, какое ты имѣла въ—отношеніи къ себѣ, то ты спасешь меня.

— Дайте мнѣ еще немного поплакать, миссъ, говорила Черли. — О Боже мой, Боже! дайте мнѣ еще немного поплакать, о Боже! я все сдѣлаю, что могу. Съ какимъ сердечнымъ, неизобразимымъ чувствомъ говорила она эти слова, повиснувъ у меня на шеѣ, никогда не могу я вспомнить безъ слезъ.

Я дала ей еще поплакать, и послѣ этого объимъ намъ сдѣлалось легче.

— Положитесь на меня, миссъ, сказала спокойно Черли: — я буду слушаться васъ во всеиъ.

— Теперь еще не въ чемъ, Черли. Сегодня вечеромъ я скажу твоему доктору, что чувствую себя несомнѣемъ-здоровою и что ты будешь моею сидѣлкою.

За это благодарилъ меня бѣдный ребенокъ отъ всего сердца.

— А завтра утромъ, когда услышишь ты въ саду миссъ Аду, а я не буду въ-состояніи, по обыкновенію, подойти къ окну, ты, Черли, подойди вмѣсто меня и скажи, что я еще сплю. Все время, Черли, оставайся въ комнатѣ, какъ оставалась въ ней я, и никого не впускай.

Черли обѣщала исполнить все, какъ я хочу; я легла, потому-что голова моя была очень-тяжела. Я говорила въ этотъ вечеръ съ докторомъ и умоляла хранить болѣзнь мою въ тайнѣ отъ домашнихъ.

У меня осталось весьма-неясное воспоминаніе о переходѣ этой ночи ко дню, и дня снова къ ночи. Но въ первое за тѣмъ утро, я была еще въ-состояніи подойти къ окну и поговорить съ своею милочкой.

На второе утро, услышавъ въ саду ея голосъ — и съ какимъ наслажденіемъ! — просила я Черли, но съ трудомъ (потому-что разговаривать мнѣ было тяжело) сказать ей, что я сплю. Я слышала, какъ она тихо отвѣчала: «Не тревожь ея, Черли, ни за что на свѣтѣ не тревожь!»

— А какова моя милочка, Черли? спросила я.

— Что-то разстроена, миссъ, сказала Черли, смотря изъ-за занавѣсъ.

— Сегодня утромъ она должна быть прекрасна.

— Дѣйствительно, миссъ, отвѣчала Черли, выглядывая въ садъ: — она все еще смотритъ на окна.

Ясные, голубые глаза ея — да хранить ихъ Богъ — еще прелестнѣе, когда они подняты вверхъ.

Подозвавъ Черли, я дала ей послѣднее порученіе.

— Теперь слушай, Черли: узнавъ, что я больна, она будетъ стараться войти въ нашу комнату. Не впускай ее, Черли, до конца, если

ты меня истинно любишь! Черди, если ты ее мустишь хоть разъ, даже только для того, чтобъ взглянуть на меня, я умру.

— Я никогда этого не сдѣлаю, миссъ! никогда, сказала она.

— Вѣрю, добрая моя Черди. Тенерь подойди ко мнѣ, посподи немножко подлѣ меня и потрогай меня рукою, потому-что вѣдѣть тебя, Черди, я не могу, я слѣпа.

ГЛАВА XXXII.

Назначенный часъ.

Ночь въ Линкольнской Палатѣ, въ этой бесплодной, песчаной пустынѣ, исполненной прижимокъ и несправедливости, въ этой мрачной безднѣ, въ которой истны врядъ-ли видѣть когда-нибудь Божій свѣтъ, потушены салыныя свѣчки, писари спустились съ шаткихъ деревянныхъ лѣстницъ и разсыпались по лицу Лондона. Колоколъ, въ который звонятъ въ девять часовъ, замолокъ и не раздастся жалобный стонъ его; калитки занерты и достойный блюститель тишины и спокойствія, ночной караульщикъ съ страшнымъ поползновеніемъ ко сну, бодрствуетъ въ своей конурѣ. Сквозь разноэтажные ряды лѣстничныхъ оконъ мерцаютъ тусклые огни лампъ, подобно глазамъ англійскаго правосудія — гноеглазаго Аргуса, съ неизмѣрными карманами для каждого глаза, и съ глазами на маршанѣ, и смотрятъ на звѣзды. Изъ запотѣвшихъ, грязныхъ оконъ верхняго этажа видѣются тамъ и самъ тусклый пятна свѣта, при которомъ мудрые счетчики, или нотариусы, трудятся еще въ нелѣзу запутыванія настоящаго состоянія дѣлъ, касательно размѣщенія должныя спещъ на каждый акръ земли. И эти благодѣтели человѣческаго рода коптятъ надъ своей пчелообразной работой, еще и до-сихъ-поръ, не смотря на то, что время конторскихъ занятій уже кончилось.

Въ сосѣдней палатѣ, гдѣ предѣдательствуетъ лордъ-канцлеръ лави трипья и бутылкокъ, всеобщее поползновеніе къ пиву и ужину.

Мистриссъ Пайперъ и мистриссъ Перкинсъ... ихъ ровесники-слыки, въ кругу своихъ знакомыхъ играли въ прятки, въ сосѣднихъ переулкахъ Канцелярской Улицы и, къ смущенію прохожихъ, шмыгали изъ-подъ однихъ воротъ въ другія... такъ мистриссъ Пайперъ и мистриссъ Перкинсъ, поздравляя другъ друга съ благополучнымъ помѣщеніемъ своихъ дѣтвищъ въ кровати, стоятъ на порогѣ и еще тараторятъ на прощанья. Мистеръ Крукъ, его постоялецъ; способность мистера Крука быть въчло под-хмѣлькомъ, виды молодого человека на наследство — вотъ общино-

венные предметы ихъ разговоровъ. Слова два надо имъ также переболтать и о гармоническомъ митингѣ въ гостинницѣ Солнечнаго Герба, оттуда, сквозь полуоткрытое окно, раздаются звуки дребезжащаго фортепьяно и слышно какъ маленькій Свильсъ, подобно истинному Йоррику, беретъ теперь самыя низкія ноты въ вокальномъ концертѣ и натетически умоляетъ друзей своихъ : слушать, слушать и слушать какъ шу-у-у-и-и-ить во-о-олна-а! Мистриссъ Пайперъ и мистриссъ Перкинсъ занимаются также сличеніемъ взаимныхъ мнѣній касательно молодой леди, известной пѣвицы, которая присутствуетъ на гармоническомъ митингѣ въ качествѣ примадомны; о ней упомянуто даже въ афишѣ, выставленной на—показъ въ стеклѣ окна. Мистриссъ Перкинсъ непременно известно, что замѣчательная Сирена года съ полтора замужемъ и, несмотря на законныя узы брака, безстыдно выдаетъ себя за миссъ — прошу покорно !.. за миссъ Мильвельсонъ... Это ужъ изъ рукъ воятъ; къ—тому же мистриссъ Перкинсъ видѣла своими глазами, что ребенка *этой миссъ* тайно приносятъ каждый вечеръ въ гостинницу Солнечнаго Герба, гдѣ онъ и получаетъ свою естественную пищу во время дивертиссементовъ.

— Я бы лучше рѣшилась доставать себѣ кусокъ хлѣба продажею сѣрныхъ спичекъ, говорить мистриссъ Перкинсъ : — чѣмъ драть горло на этихъ митингахъ !

Мистриссъ Пайперъ, по долгу дружбы, точно такого же мнѣнія ; она прибавляетъ, что скромная, частная жизнь, для нея выше публичной известности, и воздастъ благодареніе небу за свою чистоту нравовъ (нѣтъ сомнѣнія, что тутъ же подразумевается и чистота нравовъ мистриссъ Перкинсъ).

Въ это время трактирный слуга изъ гостинницы Солнечнаго Герба, приближается къ мистриссъ Пайперъ и вручаетъ достопочтенной леди пѣнящуюся кружку — ея порцію пива для ужина. Овладевъ крѣпительнымъ напитокомъ, достопочтенная леди удаляется подъ свою кровлю, желая всакаго счастья своей неразлучной пріятельницѣ.

Мистриссъ Перкинсъ также съ своей пивной порціей, принесенной изъ того же гостеприимнаго трактира ея слышитъ, до ухода ко сну, удаляется, по примѣру мистриссъ Пайперъ, въ свои покои.

Наконецъ слышится на дворѣ закрываніе лавочныхъ ставень и сильный запахъ табаку ; въ окнахъ верхнихъ этажей замѣтно исчезновеніе звѣздъ — признакъ отхода ко сну, и въ—заключеніе всего полиціенъ стучится въ каждую дверь, пробуетъ замки, подозрительно смотритъ на прохожихъ, въ—особенности съ узломъ въ рукахъ, и вообще наводитъ на

свою часть дозоровъ такое мнѣніе: что или кто-нибудь крадетъ, или кого-нибудь обкрадываютъ.

Ночь душна, несмотря на то, что сырость проникаетъ до костей и тяжелый туманъ лежитъ густымъ слоемъ на мостовой. Славная ночь, соответствующая совершенно мысли о бѣйняхъ, зловредныхъ травахъ, водосточныхъ трубахъ, протухлой водѣ и погостахъ; ночь, способная доставить много хлопотъ и труда приходскому сторожу, составляющему списокъ умершихъ.

— Быть можетъ, что-нибудь въ воздухѣ — въ воздухѣ много кое-чего — быть можетъ, что-нибудь и въ самомъ мистертѣ Вивль, Джоблингѣ то-жь, несомѣнь-ладно, только этотъ джентльменъ не въ своей тарелкѣ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ стемнѣло, онъ то-и-дѣло шнырять изъ своей комнаты до стѣнной двери, и обратно, разъ двадцать въ часъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ лордъ-канцлеръ заперъ свою лавку, что совершилось сегодня очень-рано, мистеръ Вивль, увѣнчанный бѣдной бархатной ермолкой, при которой бакенбарды его принимаютъ гигантскіе размѣры, гораздо-чаще обыкновеннаго спускался и подымался по лѣстницамъ.

Не диво также, что и мистеръ Снегсби какъ-то не въ своей тарелкѣ: онъ уже давно подъ гнетущимъ вліяніемъ тѣхъ непонятныхъ для него тайнъ, въ которыя, самъ не знаетъ какъ, впутался. Гонимый этими тайнами, въ которыхъ онъ принимаетъ участіе, не будучи въ нихъ посвященъ вовсе, мистеръ Снегсби не можетъ покинуть лавку травья и бутылокъ, потому-что считаетъ ее главнымъ источникомъ всей таинственности. Она имѣетъ надъ нимъ страшную притягательную силу. Даже въ сію минуту, возвращаясь изъ гостиницы Солнечнаго Герба, куда онъ пошелъ на обычную свою десятиминутную прогулку послѣ ужина, не можетъ онъ, чтобъ не обогнуть угла Канцелярской Улицы и не пройти мимо лавки мистера Крука.

— Какъ мистеръ Вивль! говорить поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей, остановясь на минуту: — это вы?

— Да, мистеръ Снегсби, отвѣчаетъ мистеръ Вивль: — это я.

— Вышли подышать свѣжимъ воздухомъ передъ отходомъ ко сну? спрашиваетъ поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей: — а и самъ имѣю эту привычку.

— Ну, тутъ не надынешься: свѣжаго воздуха нѣтъ, говоритъ мистеръ Вивль, озираясь вокругъ, на дворѣ.

— Это совершенно-справедливо сэръ. Не замѣчаете ли вы, говоритъ мистеръ Снегсби, потягивая носомъ и сманувъ воздухъ: — не замѣчаете

ли вы, мистеръ Вивль, что у васъ здѣсь — отъ слова не стинется — гарью припахиваетъ, сэръ?

— Да, да; мнѣ и самому кажется, что сегодня у насъ на дворѣ несетъ какой-то особенной вонью, отвѣчаетъ мистеръ Вивль: — я думаю, что въ гостинницѣ Солнечнаго Герба жарятъ котлеты.

— Котлеты, вы думаете? Гм! котлеты, гм? мистеръ Снегсби опять потягиваетъ въ носъ и смакуетъ воздухъ: — да, сэръ, должно-быть такъ. Только нельзя не замѣтить, что кухарка гостинницы небольшою занимается своимъ дѣломъ: она ихъ вѣрно прижгла, сэръ! И мнѣ кажется, мистеръ Снегсби опять потягиваетъ въ носъ и смакуетъ воздухъ, потомъ отплеивается и обтираетъ ротъ: — мнѣ кажется — отъ слова не станется — что котлетки кладбищемъ припахиваютъ.

— Оно очень можетъ быть: въ такую погоду съѣстное скоро портится.

— Скверная погода, говоритъ мистеръ Снегсби: — она, я думаю, имѣетъ вліаніе и на расположеніе духа.

— На меня наводитъ страхъ эта погода, говоритъ мистеръ Вивль.

— Оно, знаете, немудрено: вы живете въ уединенномъ мѣстѣ, въ уединенной комнатѣ, надъ которой лежатъ черныя воспоминанія, говоритъ мистеръ Снегсби, смотря черезъ плечо подъ темный навѣсъ и потомъ отступивъ шагъ назадъ: — я бы не рѣшился жить въ этой комнатѣ одинъ, какъ вы, сэръ. Я бы, пожалуй, по вечерамъ, отъ страха умеръ. Я бы, кажется, лучше согласился провести всю ночь здѣсь, на мостовой, чѣмъ въ этой комнатѣ. Оно конечно, вы человекъ новый, а я-такъ насмотрѣлся — отъ слова не станется — такихъ ужасовъ, что Боже упаси!

— Ну, и я довольно наслушался, отвѣчаетъ Тонни.

— А вѣдь это неприятно, не правда-ли? продолжаетъ мистеръ Снегсби, прокашливая въ кулакъ свой сомнительный кашель: — мистеру Круку слѣдуетъ принимать въ соображеніе это обстоятельство, при оцѣнкѣ квартиры. Я думаю, онъ такъ и дѣлаетъ — я въ этомъ увѣренъ.

— Можетъ, онъ такъ и дѣлаетъ, говоритъ Тонни: — только я этого не замѣтилъ.

— Такъ вы находите, сэръ, что цѣна на квартиру высока? говоритъ поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей: — цѣны здѣсь высоки. Не знаю навѣрное, но мнѣ право кажется, что присутственные мѣста набиваютъ цѣну на всѣ вещи. Не то, чтобъ я хотѣлъ, прибавляетъ мистеръ Снегсби съ почтительнымъ кашлемъ въ кулакъ: — сказать что-нибудь противъ той профессіи, отъ которой я имѣю свой насущный хлѣбъ; нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ...

Мистеръ Вивль опять озирается вокругъ двора и потомъ смотритъ на поставщика канцелярскихъ принадлежностей. Мистеръ Снегсби, встрѣтившись съ нимъ глазами, отвертываетъ свои глаза къ небу, какъ-бы желая прослѣдить за звѣздой, или сдѣлать что-нибудь въ этомъ родѣ, и прокашлявается въ кулакъ такимъ кашлемъ, который ясно выражаетъ, что почтенный джентльменъ не знаетъ какъ окончить разговоръ.

— Замѣчательное обстоятельство, сэръ, продолжаетъ онъ; — потеряя себѣ тихонько руки: — что онъ...

— Кто онъ? прерываетъ его мистеръ Вивль.

— Покойникъ-то, понимаете, говоритъ мистеръ Снегсби, кивая головой и правой бровью на темную лѣстницу и постукивая пальцемъ о пуговицы мистера Вивля.

— Гм! вотъ что! говоритъ мистеръ Вивль неочень-охотно: — я думалъ, что ужъ о немъ на сегодня довольно.

— Я хотѣлъ только сказать, сэръ, что это замѣчательный фактъ: онъ, изволите видѣть, поселился здѣсь и былъ однимъ изъ моихъ писцовъ и вотъ вы, сэръ, тоже поселились здѣсь и занимаетесь отъ меня переписываньемъ бумагъ. Въ этомъ занятіи нѣтъ, конечно, ничего унизительнаго, ей-Богу ничего нѣтъ, говоритъ мистеръ Снегсби спохватившись, что онъ можетъ-быть нѣкоторымъ образомъ задѣлъ за живое мистера Вивля: — я, сэръ, знавалъ переписчиковъ, которые потомъ завели пивоварни и составили себѣ почтенную извѣстность — да, сударь, именно почтенную извѣстность, и очень почтенную, говоритъ мистеръ Снегсби въ горькомъ убѣжденіи, что онъ не поправилъ своего промаха.

— Странное стеченіе обстоятельствъ, какъ вы говорите, отвѣчаетъ мистеръ Вивль, еще разъ окинувъ дворъ взглядомъ.

— Судьба, неправда ли, судьба? замѣчаетъ поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей.

— Судьба.

— Право судьба, говоритъ поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей, съ утвердительнымъ кашлемъ въ кулакъ: — какже не судьба? конечно судьба. Гм! мистеръ Вивль, мнѣ кажется, я, къ моему сожалѣнію, долженъ пожелать вамъ покойной ночи, продолжаетъ онъ такимъ тономъ, какъ-будто-бы неохотно разстается съ своимъ слушателемъ, вступая въ разговоръ съ которымъ, онъ долго искалъ средствъ, какъ бы изъ него вырутаться: — а то, пожалуй, жена моя будетъ искать меня Богъ знаетъ гдѣ. Прощайте, сэръ!

Если мистеръ Снегони съинтитъ домой съ нигдѣннѣе усмислить женоу на свой счетъ, то онъ и самъ можетъ успокоиться на этотъ счетъ. Его мистрисъ Снегони слѣдитъ за нимъ во все время его присутствія у гостиницы Солнечнаго Герба, и теперь даже присматриваетъ за нимъ; голова ея повязана носовымъ платкомъ и она кричитъ мистера Вивля и темную дверь, ведущую въ его одинокую комнату, самымъ недоброжелательнымъ взглядомъ.

— Узнаете, сударыня, узнаете, что такъ пристально смѣтрите, говорить про-себя мистеръ Вивль: — жалко, что я не могу рассмотреть, за этой повязкой, вашего прекраснаго личика... Не идетъ—таки эта голова!

Но голова, однакожъ, въ это время подходитъ. Мистеръ Вивль подымаетъ кверху указательный перстъ, тащитъ голову въ свою комнату и запираетъ калитку. И вотъ подымаются они на лѣстницу, мистеръ Вивль тяжелымъ, а мистеръ Гуши (потому—что вышерѣченная голова, не кто другой, какъ онъ) очень-легкимъ шагомъ. Заперевъ за собою дверь, они начинаютъ говорить шопотомъ.

— Я ужъ думалъ, что ты отправился въ Иерихонъ, вмѣсто того, чтобъ идти ко мнѣ, говорить Тонни.

— Вѣдь я тебѣ же сказалъ, что приѣду около десяти.

— Да, ты сказалъ около десяти, повторяетъ Тонни: — ты сказалъ около десяти; но что касается до меня, такъ мнѣ кажется, что теперь ровно сто часовъ. Я никогда не запомню такой страшной ночи.

— Чтѣ же такое случилось?

— Въ томъ—то и дѣло, говорить Тонни: — что ничего не случилось. Я вотъ тутъ сидѣлъ, въ этомъ душномъ и смрадномъ стойлѣ, какъ какой—нибудь окаанный, прости Господи, до—тѣхъ—поръ, пока отъ страха волосы дыбомъ стали становиться. Вотъ посмотрите—ка на свѣчку, говорить Тонни, указывая на сальную свѣчу, оплывшую со всѣхъ сторонъ и нагорѣвшую цѣлымъ кочемъ на свѣтлыѣ...

— Ну что жъ за бѣда, говорить мистеръ Гуши, взявшись за щипцы: — это горе легко поправить.

— Ты думаешь? отвѣчаетъ другъ его: — нѣтъ, братъ, съ этимъ не такъ—то легко сладить: она оплываетъ и северно горитъ съ самымъ тѣхъ поръ, какъ я ее зажогъ.

— Фу, Тонни! что это съ тобой? спрашиваетъ мистеръ Гуши, держа въ рукахъ щипцы и смотря на своего друга, который сидитъ опершись локтями о столъ.

— Вильямъ Гуши, отвѣчаетъ Тонни: — я, братъ, истерзанъ въ пухъ. Это все проклятая, невыносимая, убійственная комната и...

скверное чудовище внизу, я думаю... ну... о-охъ!.. и мистеръ Вивль отталкиваетъ локтемъ лотокъ для шницевъ, опирается головою на ладонь руки, ставитъ ногу на каминную рѣшетку и созерцаетъ огонь. Мистеръ Гуппи наблюдаетъ за нимъ, тихо качаетъ головою и садится, въ совершенно-спокойномъ состояніи духа, по другую сторону стола.

— Съ тобой кажется Снегсби говорилъ, Тонни?

— Да, чтобъ его... да, это былъ Снегсби, говоритъ Вивль, извѣная словосочиненіе своей сентенціи.

— Онъ говорилъ о дѣлахъ?

— Нѣтъ. О какихъ тутъ дѣлахъ? Онъ просто остановился поболтать.

— Я узналъ его, говоритъ мистеръ Гуппи: — и подумалъ, что лучше если онъ меня не увидитъ, и пообождалъ за угломъ.

— Вотъ оно опять, Вильямъ Гуппи! воскликнулъ Тонни, возведя глаза вверхъ: — къ-чему это прятанье, эта таинственность?

Мистеръ Гуппи старается улыбнуться, и въ видахъ перемены разговора осматриваетъ съ истиннымъ, а можетъ и притворнымъ удивленіемъ блистательную галерею британскихъ красавицъ; взоръ его останавливается на портретѣ леди Дедлокъ. Она нарисована во весь ростъ на террасѣ и рядомъ съ ней пьедесталъ; на этомъ пьедесталѣ ваза, на вазѣ шаль миледи, сверхъ шали огромная полость драгоцѣннаго мѣха, а на огромной полости драгоцѣннаго мѣха покоится ручка блистательной красавицы, и на ручкѣ блеститъ браслетъ.

— Какъ похожа на леди Дедлокъ! говоритъ мистеръ Гуппи: — двѣ капли воды; только что не говорить.

— Я бы желалъ, чтобъ заговорила, ворчитъ Тонни: — по-крайней-мѣрѣ я бы имѣлъ для развлеченія фешонэбльный разговоръ.

Въ это время мистеръ Гуппи постигаетъ, что искренній другъ его не можетъ быть приведенъ такими средствами въ социальное расположеніе духа, а потому обращается къ нему съ назиданіями.

— Тонни, говоритъ онъ: — я постигаю разстроенное состояніе души, могу обвинить меланхолю, потому-что, быть-можетъ, никто лучше меня не понимаетъ, чтò значить, когда грусть овладѣваетъ душою—да, меня, въ сердцѣ котораго запечатлѣнъ невоздашный образъ. Но, Тонни, и этимъ слабостямъ есть границы, и онъ, Тонни, должны быть обуздываемы передъ лицомъ, неповиннымъ въ этой овладѣвающей меланхолии, и я долженъ сказать тебѣ, Тонни, что пріемъ, который ты дѣлаешь мнѣ, не только негостепріименъ, но даже недостойнъ джентльмена.

— Слова твои жестоки, Вильямъ Гуппи, отвѣчаетъ мистеръ Вивль.

— Можетъ-быть, жестоки, сэръ, продолжаетъ мистеръ Гуппи: — я говорю ихъ въ минуты жестокаго оскорбленія.

Мистеръ Вивль уразумѣваетъ свою вину и проситъ мистера Вильяма Гуппи, больше не думать объ этомъ.

Мистеръ Вильямъ Гуппи, ставъ ужъ на стезю моралиста, не можетъ такъ скоро отказаться отъ своихъ правъ.

— Итъ, повѣрь мнѣ Тонни, продолжаетъ этотъ джентльменъ: — ты долженъ стараться щадить чувствованія субъекта, въ сердцѣ котораго замечательнъ невозданный образъ, и который не очень-то счастливъ касательно тѣхъ струнъ, въ которыхъ звучать самыя нѣжныя ощущенія. Въ тебѣ, Тонни, соединены всѣ тѣ преимущества, которыя пріятно поражаютъ и зрѣніе и вкусъ; характеръ твой, можетъ-быть, къ твоему счастью (и я желалъ бы, чтобъ это было такъ) таковъ, что ты не можешь привязаться къ одному цвѣтку. Передъ тобой открыта цѣлая оранжерея и ты носишься на своихъ воздушныхъ крыльяхъ отъ одной махровой головки къ другой; но несмотря на это, Тонни, я слишкомъ далеко отъ мысли узавтеть безъ причины твои чувствованія!

Тонни находитъ опять нужнымъ не толковать объ этомъ больше и говорить выразительно:

— Вильямъ Гуппи, плюнь на это!

Мистеръ Гуппи, снисходя на такую просьбу, отвѣчаетъ благосклонно:

— Я бы не коснулся этого предмета; но, Тонни, въ сердцѣ чело-вѣческомъ есть струны...

Тонни проситъ прощенья.

— Что жъ касается до этой связки писемъ, говоритъ Тонни, шевеля уголья въ каминѣ: — то, право, странно, съ чего это Круку вздумалось назначить полночь для ихъ передачи.

— Дѣйствительно, странно. Вѣрно, есть у него какое-нибудь основаніе?

— Какое основаніе? онъ и самъ не знаетъ. Говоритъ, сегодня день его рожденія, и онъ мнѣ ихъ передастъ ровно въ двѣнадцать часовъ ночи. Вотъ и все. Къ этому времени, я знаю, онъ налижится какъ стелька. Пьянствовалъ цѣлый день.

— Однакожъ, онъ не забудетъ обѣщанія?

— Забудетъ? Не таковъ гусь. Онъ никогда ничего не забываетъ. Я видѣлъ его сегодня вечеромъ въ восемь часовъ, пособляя ему заперать ставни, и письма были у него въ нѣхровой шапкѣ. Онъ снялъ ее и показалъ мнѣ ихъ. Когда мы заперли лавку, онъ снялъ шапку, повѣсилъ ее на спинку стула, взялъ письма и разсматривалъ ихъ, стоя передъ каминомъ. Спусти нѣсколько времени, я слышалъ, какъ онъ еще мы-

чалъ свою единственную пѣсенку про Бибю и стараго Харона, и какъ Бибю опился до смерти, или что-то въ этомъ родѣ. Послѣ этого онъ даже не пошевельнулся, былъ такъ тихъ, какъ старая крыса, заснувши въ норѣ.

— И ты долженъ изъ нему спуститься въ двѣнадцать часовъ ?

— Въ двѣнадцать. И я тебѣ опять-таки скажу, что, ожидая тебя, мнѣ показалось десять разъ двѣнадцать.

— Тонни, говоритъ мистеръ Гуппи, послѣ нѣкотораго размышленія надъ своими крестъ-на-крестъ сложенными ногами : — что, онъ теперь умѣетъ читать ?

— Читать ! Онъ никогда не будетъ умѣть читать. Онъ знаетъ отдѣльно всѣ буквы, умѣетъ отдѣльно написать каждую изъ нихъ, а вмѣстѣ-то связать и не умѣетъ. Больно старъ для этого, да и притомъ всегда пьянъ.

— Тонни, говоритъ мистеръ Гуппи, перекладывая одну ногу на другую : — какъ же ты думаешь, разобралъ онъ имя Гаудона ?

— Онъ никогда его не разбираетъ. Ты знаешь, какъ онъ ловко умѣетъ писать на память, не понимая, что пишетъ ; вотъ онъ, должно-быть съ конверта списалъ адресъ и спросилъ меня, что это значитъ ?

— Тонни, говоритъ мистеръ Гуппи, перекладывая снова одну ногу на другую : — по твоему замѣчанію, это женскій или мужской почеркъ ?

— Женскій. Тысячу противъ одного — женскій. Писано очень-красиво и хвосты у буквы и такіе длинныя и смѣлыя.

Мистеръ Вильямъ Гуппи во время этихъ переговоровъ занимался грызеньемъ ногтей на большихъ пальцахъ рукъ, замѣняя лѣвую руку правою всякій разъ, какъ только клалъ правую ногу на колѣно лѣвой. Въ одну изъ этихъ переминовъ, онъ случайно взглянулъ на рукавъ своего сюртюка, опустил руку и закричалъ съ испугомъ :

— Тонни, что дѣлается сегодня въ вашемъ домѣ ? Изъ трубы, что ли выкинуло ?

— Какъ изъ трубы выкинуло !

— Посмотри, говоритъ мистеръ Гуппи : — видишь какъ ложится сажа, взгляни на руку ! взгляни на столъ !.. Провалъ бы ее побралъ и не сдунешь... марается какъ сало !

Друзья переглядываются и мистеръ Вильямъ считаетъ нужнымъ подойти и послушать у двери, подняться на нѣсколько ступенекъ, спуститься немножко внизъ ; потомъ возвращается и говоритъ, что все исправно, все тихо и повторять то же замѣчаніе, которое онъ дѣлалъ, незадолго до того мистеру Снегси, что, должно-быть, въ гостиницѣ Солнечнаго Герба жарятъ котлеты.

— И это тогда, продолжает мистеръ Гуппи прерванный разговоръ и съ отвращеніемъ смотритъ на свой рукавъ (оба пріятеля сидятъ передъ каминномъ на противоположныхъ концахъ стола и чуть-чуть не касаются другъ друга головами): — такъ это тогда онъ и сказалъ тебѣ, что вынулъ связку писемъ изъ стараго чемодана своего постольца.

— Тогда, сэръ, тогда, отвѣчаетъ Тонни, нерѣшительно поправляя свои бакенбарды: — и тотчасъ же послѣ этого я написалъ записочку къ дорогому пріятелю моему, высокороденному Вильяму Гуппи, уведомляя его о сегодняшнемъ условіи и прося его не заглядывать раньше, потому-что привидѣніе — тонкая бестія.

Легкій, живой тонъ фешенебельной рѣчи, подъ который вѣчно подлаживается мистеръ Вивль, сегодня очень ему не къ лицу, такъ-что онъ покидаетъ его, равно какъ и коленье своихъ бакенбардъ, и взглянувъ себѣ черезъ плечо, становится опять добычей страха.

— Ты принесешь письма сюда, въ комнату, чтобъ ихъ прочесть, сравнить между собою и наконецъ быть въ-состояніи передать ему ихъ содержаніе — такъ ли, Тонни? спрашиваетъ мистеръ Гуппи, бодрливо грызя ноготь на большомъ пальцѣ.

— Ты не можешь говорить тише! Да, такъ.

— Вотъ, Тонни, чтѣ я тебѣ скажу...

— Ты не можешь говорить тише! говоритъ Тонни еще разъ.

Мистеръ Гуппи киваетъ своей остроумной головой, плотнѣе прижимаетъ ее къ головѣ друга и говоритъ шепотомъ:

— Вотъ, что я тебѣ скажу, Тонни: первое дѣло должно состоять въ томъ, чтобъ сдѣлать другой конвертъ, точъ-въ-точъ какъ настоящій, такъ-что, если онъ попроситъ письма обратно, а онѣ будутъ у меня, такъ ты и можешь ему подсунуть фальшивыя-то.

— А если, предположимъ, что онъ узнаетъ подлогъ при первомъ взглядѣ на конвертъ, что съ его дьявольски-меткимъ глазомъ очень-легко и можно держать паръ сто противъ одного? замѣчаетъ Тонни.

— А, тогда вотъ какая штука: письма ему не принадлежать и никогда не принадлежали. Ты ихъ открылъ и далъ ихъ въ мои руки — въ руки одного изъ твоихъ юридическихъ друзей для безопасности. Если онъ будетъ требовать, можно протестовать, представить ихъ въ судъ — такъ ли?

— Гм... ми! неохотно говоритъ мистеръ Вивль.

— Что жъ, Тонни, увѣщаетъ его другъ: — отчего ты корчишь такую физиономію. Не-уже-ли ты сомнѣваешься, въ Вильямѣ Гуппи? Не-уже-ли ты подозреваешь какой-нибудь обманъ?

— Я ничего не подозреваю больше того, что следует, Вильямъ Г., отвѣчаетъ Тонни серьезно.

— Что жь следуетъ, что жь следуетъ, горячится мистеръ Гушни, возвышая немного голосъ. Другъ его считаетъ нужнымъ похладить рвеніе тонкаго адвоката и говорить ему :

— Ты не можешь говорить тише !

Мистеръ Гушни повторяетъ безъ всякаго звука вопросъ свой ; онъ шевелитъ только губами :

— Что жь следуетъ ?

— Три вещи. Впервыхъ, я знаю, что вотъ мы здѣсь шепчемся, столько времени...

— Ну что жь ! говорить мистеръ Гушни : — хуже, еслибъ мы были ослами ; а непременно бы разыграли роли ословъ, еслибъ не добивались того, чего нужно. Дальше ?

— Вотвторыхъ, я ясно не вижу, какая изъ этого выйдетъ польза.

Мистеръ Гушни бросаетъ взглядъ на портретъ леди Дедлокъ и отвѣчаетъ :

— Тонни, тебя просили положиться во всемъ на честь твоего друга, потому-что эти обстоятельства должны, быть-можетъ, способствовать счастью ; но Тонни въ сердце человѣческомъ есть струны... которыхъ, быть-можетъ, не слѣдуетъ касаться при настоящихъ обстоятельствахъ... другъ твой не лошакъ... Что это такое ?..

— Одиннадцать часовъ пробило на башнѣ св. Павла. Прислушайся: теперь всѣ часы по сосѣдству пробьютъ тоже одиннадцать.

И два друга молча внимаютъ звуку металла, раздающемуся и съ дальнихъ и съ близкихъ разстояній, съ башенъ различной вышины, въ перебивахъ, до безконечности разнообразныхъ. Когда звонъ наконецъ стихаетъ, окрестность кажется еще таинственнѣе и безмолвнѣе.

Шопотъ имѣетъ одинъ неприятный результатъ : онъ пробуждаетъ въ безмолвствующей атмосферѣ тысячи духовъ, странный трескъ, шумъ, какіе-то шаги безъ всякаго звука, которые не оставили бы слѣда на мелкомъ пескѣ, или на только-что выпавшемъ снѣгѣ. Друзья говорили такимъ шопотомъ, что воздухъ въ-самомъ-дѣлѣ наполнился какими-то таинственными призраками, и такъ наполнился, что они оба невольно и одновременно взглядываютъ на дверь, чтобъ удостовѣриться заперта она, или нѣтъ.

— Продолжай, Тонни ! говоритъ мистеръ Гушни, ближе подвигаясь къ огню и безпокойно погрызывая свой ноготь : — ты хотѣлъ сказать втретыхъ...

— Встрѣтихъ, неочень-пріятная вещь затѣвать заговоръ противъ покойника и въ той самой комнатѣ, въ которой онъ умеръ, да еще въ-особенности, когда въ этой комнатѣ приходится жить самому.

— Да что ты, Тонни, вѣдь мы никакого не затѣваемъ заговора противъ него.

— Оно можетъ и такъ, да только мнѣ это не по-нутру. Попробуй-ка ты самъ пожить одинъ-одиношенекъ въ этой комнатѣ, такъ увидишь понравится ли тебѣ эти вещи или нѣтъ.

— Что касается до покойника, Тонни, говоритъ мистеръ Гуппи, отклоняя такимъ-образомъ его предложеніе : — то повѣрь, братъ, много есть комнатъ, въ которыхъ умирали люди.

— Знаю, что есть ; но въ этихъ комнатахъ покойниковъ оставляли въ покоѣ, да... да и они никому не мѣшали, отвѣчаетъ Тонни.

Друзья опять переглядываются. Мистеръ Гуппи поспѣшно замѣчаетъ, что они, быть-можетъ, оказываютъ покойнику въ нѣкоторомъ родѣ услугу ; что онъ по-крайней-мѣрѣ въ этомъ увѣренъ. За симъ слѣдуетъ тягостное молчаніе, потому мистеръ Вивль, ни съ того ни съ другаго, шевелитъ щипцами въ каминѣ ; мистеръ Гуппи вскакиваетъ, какъ-будто Вивль пошевелилъ не уголья, а струны, находящіяся въ сердцѣ остроумнаго адвоката.

— Фу ! говоритъ онъ : — посмотри сколько подымается этой проклятой сажн. Что за мерзость такая ! Отворимъ, братъ, окно, подышимъ свѣжимъ воздухомъ ; здѣсь чертовски-душно.

Съ этими словами онъ открываетъ окно и оба друга высовываютъ головы, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Сосѣдніе дома такъ близко примыкаютъ къ ихъ жилищу, что, не свернувъ шеи, имъ не увидать ни клочка неба ; несмотря, однакожъ, на это невыгодное обстоятельство, свѣтъ, сквозь запотѣвшія стекла оконъ, мерцающій тамъ и сямъ, стукъ отдаленныхъ экипажей, сознаніе, что вотъ-де живые люди ходятъ и дѣйствуютъ — производятъ на нихъ успокоительное вліяніе. Мистеръ Гуппи, тихо постукивая пальцами по подоконнику, начинаетъ опять свой шопотъ, однакожъ значительно-веселѣе.

— Между-тѣмъ Тонни, не забудь стариканку Смольвида — разумеется, дѣло идетъ о младшемъ Смольвидѣ — вѣдь онъ у меня не посвященъ въ эти тайны. Его дѣдушка тонкая бестія. У нихъ вся семья такая.

— Знаю, говоритъ Тонни : — и держу ухо востро.

— Что жъ касается Крука, продолжаетъ мистеръ Гуппи : — увѣренъ ли ты, что у него есть дѣйствительно другія бумаги значительной важности, какъ онъ тебѣ говорилъ ?

Тонни качаетъ головой.

— Не знаю, говорить онъ : — не могу придумать. Если намъ удастся поддѣть его теперь, не возбуждъ въ немъ никакихъ подозрѣній, такъ я надѣюсь узнать впоследствии кой-что побольше ; а теперь какъ узнаешь? надо увидѣть самому, а на его слова полагаться нельзя : что онъ смислитъ? Онъ знаетъ изъ нихъ нѣсколько буквъ ; наводитъ ихъ на столъ и стѣнахъ ; спрашиваетъ меня, что это значить — вотъ и все ; у него ужъ такая мономанія; онъ думаетъ, что владѣеть документами, а между тѣмъ у него, можетъ-быть, просто макулатура. Вѣдь, судя по его словамъ, онъ послѣднія двадцать-пять лѣтъ трудился надъ азбукой.

— Какъ онъ набрелъ на эту мысль? — вотъ вопросъ, говорить мистеръ Гушни, сощуривъ одинъ глазъ, въ пособіе къ юридическимъ соображеніямъ : — должно-быть, онъ отыскалъ бумаги въ какой-нибудь покупкѣ, въ которой не ожидалъ бумагъ и, можетъ, судя по тому, какъ онъ были спрятаны или зашиты, забралъ себѣ въ голову, что онъ важны.

— А можетъ-быть его запутали въ какихъ-нибудь дѣлахъ, а можетъ, онъ съ-пьяна ряхнулся, а можетъ, шатаясь постоянно въ Обер-канцелярію наслушался о документахъ — чортъ его знаетъ! говорить мистеръ Вивль.

Мистеръ Гушни сидитъ на подоконникѣ, качаетъ головой, взвѣсивъ въ юридическомъ мозгу своемъ всѣ возможности этого вопроса, задумчиво постукиваетъ пальцами о раму, мѣряетъ и гладитъ ее, вдругъ отдергиваетъ руку и вскрикиваетъ :

— Провались этотъ проклятый домъ ! Что это за мерзость ! Посмотрите на мои пальцы !

Пальцы покрыты густымъ желтымъ сокомъ, отвратительнымъ наощупъ и на видъ, а еще болѣе отвратительнымъ на запахъ. — Это какое-то липкое, производящее тошноту масло, имѣющее въ себѣ что-то особенно-скверное, такъ-что невольная дрожь проняла обоимъ друзей.

— Что ты тутъ дѣлалъ? что ты выливалъ изъ окна? говорить мистеръ Гушни.

— Я выливалъ изъ окна! Клянусь тебѣ : никогда. Мнѣ и въ голову не приходило подобной глупости, отвѣчаетъ мистеръ Вивль.

— Однакожь взгляни, посмотри сюда — видишь? видишь? говорить мистеръ Гушни свѣта за окномъ, а скверное масло липкими каплями тянется съ подоконника на кирпичи и собирается тамъ и слитъ небольшими кучками.

— Это проклятый домъ, говорить мистеръ Гуни, затворяя окно. — Дай мнѣ пожалуйста воды, иначе я обрублю себѣ пальцы.

И мистеръ Гуни моетъ руку, третъ ее, обнюхиваетъ; опять моетъ и третъ, и эта операція продолжается такъ долго, что еще онъ не успѣлъ возстановить ушавшій духъ свой стаканомъ водки и спокойно помѣститься передъ огнемъ камина, какъ на башнѣ св. Павла пробило двѣнадцать и часы всѣхъ башенъ, различной величины, затворили этому звону. Когда всѣ перемены звоновъ затихли, мистеръ Вивль говоритъ :

— Вотъ и условный часъ. Идти или нѣтъ ?

— Ступай, говорить мистеръ Гуни и на счастье протягиваетъ ему руку, только не ту, которую онъ обмывалъ, хотя она и правая.

Мистеръ Вивль спускается внизъ, а мистеръ Гуни старается пристроиться около камина, въ надеждѣ долгаго ожиданія. Но не проходить минуты, какъ слышенъ сврищъ ступенекъ деревянной лѣстницы и Тонни быстро возвращается назадъ.

— Ну, что жь, получилъ ?

— Получилъ! Нѣтъ. Да и старика тамъ нѣтъ.

Страхъ такъ рѣзко отражается на лицѣ мистера Вивля, что и мистеръ Гуни невольно заражается болезнью; онъ быстро вскакиваетъ съ своего мѣста и кричитъ : — Тонни, въ чемъ дѣло ?

— Не дождавшись отвѣта на стукъ, я тихонько отворилъ дверь... Вся вонь тамъ... и сажа тамъ... и масло тамъ... а его нѣтъ тамъ?... и Тонни насилу можетъ выговорить эти слова.

Мистеръ Гуни беретъ свѣчку. И друзья, скорѣе мертвые, чѣмъ живые, спускаются внизъ, и поддерживая другъ друга, отворяютъ дверь въ лавку. Кошка щетинится и шипитъ, но не на нихъ ; она наблюдаетъ за чѣмъ-то, лежащимъ передъ огнемъ. На каминной рѣшеткѣ очень-немного угольевъ, но комната полна тяжелаго удушливаго дыма, и черная липкая сажа покрываетъ стѣны и потолокъ. Стулья, столъ и необходимая принадлежность, винныя бутылки — все, какъ слѣдуетъ на своихъ мѣстахъ. На спинкѣ стула виситъ мѣховая шапка старика и его сюртукъ.

— Посмотри, шепчетъ жалецъ, указывая своему другу дрожащимъ пальцемъ на эти предметы : — вотъ я тебѣ такъ и говорилъ. Какъ я съ нимъ расстался, онъ снялъ шапку, вынулъ изъ нея небольшой сверточекъ писемъ, шапку повѣсилъ на спинну стула, а сюртукъ его еще прежде висѣлъ тутъ ; онъ снялъ его, когда надо было заперать ставни, и сталъ вотъ здѣсь, передъ огнемъ, повертывая въ рукахъ письма, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь виднѣется на полу этотъ неволь.

— Что жь онъ повѣсился, что-ли ?

Они осматриваются кругомъ, но нигдѣ не видать его трупа.

— Посмотри, говорить Тонни : — на аршинъ отъ этого стула лежить красный, загрязнившійся шнурокъ, которымъ обыкновенно завязываютъ нерья. Этими шнуркомъ были завязаны письма. Онъ развязывалъ его медленно, улыбался, смотря на меня, и прежде, чѣмъ началъ разбирать письма, бросилъ шнурокъ на полъ. Я видѣлъ, какъ онъ упалъ.

— Что дѣлается съ кошкой ? говорить мистеръ Гушни : — посмотри на нее.

— Взбѣсилась, я думаю. И не диво, въ такомъ проклятомъ мѣстѣ...

И два друга тихо подвигаются впередъ, разбирая всѣ эти обстоятельства.

Кошка все на томъ же мѣстѣ, гдѣ они ее застали; она шипитъ и щетинится надъ чѣмъ-то передъ огнемъ, между двумя стульями.

— Чтò тутъ такое ? Посвѣти-ка вверхъ !

На полу небольшое прожженное пятно : пепелъ отъ сожженной бумаги ? Однакожъ онъ не такъ легокъ, какъ обыкновенно, напротивъ, кажется чѣмъ-то пропитаннымъ; тутъ еще... чтò это такое ? кусокъ обожженного дерева, осыпаннаго бѣлой золой, или это каменной уголь ?

— О, ужасъ !... Это онъ... это его остатки !... Помогите, помогите; ради Бога, помогите !...

Множество людей приходитъ въ лавку, но помочь нѣтъ никакой возможности. Лордъ-канцлеръ этой Палаты остался вѣрнѣ своему титулу: онъ умеръ самосгорѣниемъ.

ГЛАВА XXXIII.

Пролазы.

Съ поразительною быстротою являются въ Канцелярскую Улицу два господина, неочень-чистые относительно обшлаговъ и пуговицъ, тѣ самыя джентльмены, которые присутствовали при послѣднемъ обыскѣ произведенномъ осматривкомъ мертвыхъ тѣлъ въ Гостинницѣ Солнечнаго Герба. Собственно говоря, за ними сбѣгалъ во всѣ лопатки дѣятельный и предусмотрительный церковный стражъ. Эти, несовсѣмъ-чистые джентльмены производятъ разспросы по всему двору, исчезаютъ въ залѣ Солнечнаго Герба, гдѣ занимаются письмомъ, цапа свои прожорливыми перышками по шелковой бумагѣ. Вотъ подъ покровомъ

жрака отиѣчаютъ они, какъ всѣ жители Канцелярской Улицы, вчера, около полуночи были въ напряженномъ волненіи отъ нижеслѣдующаго возмутительнаго и страшнаго открытія. Вотъ выставляютъ они на видъ, что каждый, безъ-сомнѣнія, помнитъ, какъ, нѣсколько времени тому назадъ, таинственная смерть отъ слишкомъ-большаго употребленія опиума, причинившаяся въ первомъ этажѣ дома, занимаемаго подъ лавку тряпья, бутылокъ и прочаго хлама, эксцентрическимъ индивидуумомъ, по имени Крукомъ, очень-преклонныхъ лѣтъ и съ неумѣренными привычками касательно джину, произвела тяжелое впечатлѣніе на умы публики, и какъ, вслѣдствіе замѣчательнаго столкновенія обстоятельствъ, Крукъ былъ допрашиваемъ при обыскѣ, производившемся, какъ конечно всѣ помнятъ, въ Солнечномъ Гербѣ, гостинницѣ, прилегающей съ западной стороны къ мѣсту слѣдствія и очень-хорошо содержимой высокопочтеннымъ хозяиномъ, мистеромъ Джемсомъ Джорджемъ Богсби. Вотъ повѣствуютъ они (съ такимъ многословіемъ, какое только возможно), какъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ вчерашняго вечера обитатели двора, на которомъ совершилось трагическое происшествіе, составляющее предметъ настоящихъ изслѣдованій, были поражены какии-то особеннымъ запахомъ, который запахъ былъ въ то же время такъ пронзителенъ, что мистеръ Свилсъ, комическій пѣвецъ, ангажированный мистеромъ Джемсомъ Джорджемъ Богсби, самъ рассказывалъ нашимъ корреспондентамъ, что онъ сознавался дѣвицѣ М. Мильвельсонъ, особѣ съ большимъ призваніемъ къ музыкальному поприщу, и также ангажированный мистеромъ Дж. Д. Богсби, на цѣлый рядъ концертовъ, называемыхъ гармоническими собраніями, или митингами, которые, какъ кажется, состоятъ подъ непосредственнымъ руководствомъ самого мистера Дж. Д. Богсби и исполняются въ Гостинницѣ Солнечнаго Герба, воспѣвая дѣянія Георга-Втораго, что онъ (мистеръ Свилсъ), находитъ, что голосъ его не на шутку пораженъ нечестивымъ состояніемъ атмосферы, и по этому случаю выразился очень-остроумно, что онъ «похожъ на пустой ящикъ, ибо въ немъ нѣтъ ни одной живой нотки». Какъ это замѣчаніе мистера Свилса совершенно подтвердилось словами двухъ весьма практически-мудрыхъ замужнихъ женщинъ, обитающихъ на томъ же дворѣ и извѣстныхъ подъ именами мистриссъ Пайперъ и мистриссъ Перкинсъ; обѣ замѣчательныя леди говорили, что онцунали этотъ жирный запахъ, и заключили, что онъ выходитъ изъ комнаты несчастнаго Крука, нынѣ умершаго.

Все это, и еще въ тысячу разъ больше, пишутъ неочень-чистые джентльмены, заслужившіе нѣкоторую извѣстность по случаю плачевной катастрофы, и надворное народонаселеніе мальчишекъ (въ секунду, вы-

прыгнувшее изъ своихъ кроватей) лѣзеть на ставни гостинницы Солнечнаго Герба, и желаютъ увидать изъ-подъ нихъ хоть холмы красноречивыхъ писателей.

Все подворье, отъ мала до велика, не смыкаетъ глазъ въ эту ночь и занимается только окутываніемъ въ платки множества головъ своихъ, говорить про несчастный домъ, да указываетъ на него.

Миссъ Флайтъ была храбро спасена изъ своего чердачка (какъ-будто-бы онъ былъ объятъ пожаромъ) и водворена, вмѣстѣ съ кроватью, въ гостинницѣ Солнечнаго Герба.

Гостинница не только не завертываетъ въ эту ночь газовыхъ рожковъ, но даже не запираетъ и дверей, потому-что всякое публичное возбужденіе заставляетъ подворье подкрѣплять свои силы и приносить барышъ Солнечному Гербу. Никогда въ немъ не готовится столько порцій чистяку, вѣдки и теплой воды, какъ во время обыска. Едва услыхалъ погребщикъ о случившемся, какъ онъ засучилъ рукава своей рубашки чуть не до-плечи, и сказалъ : «занибемъ деньгу!»

При первомъ крикѣ на улицѣ, по поводу страшнаго происшествія, молодой Пайперъ бросился въ пожарное депо и съ триумфомъ возвратился назадъ трясучимъ галономъ, сѣдя на Фениксѣ, посреди шлемовъ и факеловъ, и придерживаясь изо всей мочи за баснословное чудовище.

По изслѣдованіи всѣхъ щелей и трещинъ Фениксъ, признавъ свою бесполезность, возвращается вспанать, но одинъ изъ шлемовъ его остается и тихо шагаетъ передъ домомъ, ведя разговоръ съ двумя полисменами, присланными сюда для той же цѣли. Каждый, въ карманѣ котораго находится шестипенсовая монета, имѣетъ сильное пополозновеніе выразить законному триумвирату гостепрѣимство въ жидкой формѣ.

Мистеръ Вивль и его другъ, мистеръ Гуппи, стоятъ у буфета Солнечнаго Герба и думаютъ, что даромъ полъ тереть нечего, а надо привести кой-какую пользу гостинницѣ.

— Теперь не время, говорить мистеръ Богсби : — раздумывать о деньгахъ; а самъ, между-тѣмъ, весьма-жаднымъ окомъ считаетъ деньги за конторкой : — Заказывайте, заказывайте, честная компанія : можете получить все, что угодно.

Джентльменахъ, и преимущественно мистеру Вивлю, угодно столько вещей, что они, впродолженіе довольно-длиннаго періода времени, не могутъ вразумительно выговорить ни одной вещи, хотя и не перестаютъ рассказывать каждому изъ вновь приходящихъ о ночномъ событіи (варьируя его на разные тѣмы), о томъ, что они говорили, что думали и что увидѣли. Между-тѣмъ, тождъ или другой изъ двухъ полисмановъ,

часто подходить къ двери, отворять ее во всю длину руки и съ мрачной улыбки заглядываютъ въ гостиницу. Не то, чтобъ они ищли какія-нибудь сомнѣнія насчетъ мистеровъ Вивля и Гуппи, но все, знаете, не худо посмотреть, что дѣлаетъ тамъ эти друзья.

Такъ тянется ночь, облекая подворье своимъ свицовымъ покровомъ, а подворье, между-тѣмъ, шумитъ и коншется, несмотря на непривычный часъ; оно толкуетъ, суетится, тараторитъ и вообще ведетъ себя подобно подворью, получившему неожиданное наследство.

Вотъ наконецъ медленные шаги уходятъ ночь и фонаричекъ, обходя свой участокъ, снимаютъ съ рожковъ фонари маленькія голубыя свѣта, старшіеся ослабѣть мракъ, и волѣй-неволей является день.

И даже самъ лондонскій день можетъ замѣтить своими подслѣзными глазами, что подворье не ложилось спать. Не говоря ужъ о лицахъ, заснувшихъ на столахъ, о ногахъ, вытянутыхъ на жесткомъ камнѣ, въ зашвы куховика, но даже на кирпичѣ и известнякѣ надворныхъ стрѣмій видѣется безсонница и усталость.

Теперь проснулось сосѣдство, и услышавъ о случившемся, бѣжить, не успѣвъ хорошенько одѣться, за новостями; два полицмена и шлемъ плохо-чувствительные къ внутреннимъ впечатлѣніямъ подворья, имѣютъ не мало возни, охраняя дверь.

— Боже милосердый, джентльмены! говорить, прибѣгая, мистеръ Снегсби: — правда ли, что я слышу? Правда ли, что я слышу?

— Правда, правда! отвѣчаетъ одинъ изъ полицменовъ: — однакожь, братъ, отсюда проваливай дальше!

— Боже милосердый, джентльмены! говорить мистеръ Снегсби, отсунутый, быть-можетъ, нѣсколько послѣдне назадъ: — повѣрите ли, что вчера я самъ былъ здѣсь въ одиннадцатомъ часу вечера и у этой двери разговаривалъ съ молодымъ человѣкомъ, который наливаетъ комнату здѣсь, въ домъ...

— Въ-самомъ-дѣлѣ? отвѣчаетъ полицменъ: — такъ вы этого молодого человѣка найдете здѣсь въ гостиницѣ... Ну, вы, проваливайте, проваливайте отсюда!

— Онъ не схваченъ, надѣюсь я? говорить Снегсби.

— Схваченъ? Нѣтъ. За что же его схватить?

Мистеръ Снегсби, вполне-неспособный отвѣчать на этотъ вопросъ, да и не на какіе вопросы, въ встревоженномъ состояніи духа направляетъ путь свой въ гостиницу Солнечнаго Герба и находитъ мистера Вивля, томимагося надъ чаемъ и тостами. Странное облако табачнаго дыма окружаетъ его, но не застилаетъ собою лица, истомленнаго ночными тревоженіями.

— И мистеръ Гуши здѣсь! говоритъ мистеръ Снегсби: — о Боже мой, Боже мой! какое стеченіе обстоятельствъ!.. Ахъ... и моя жен...

И мистеръ Снегсби до такой степени утрачиваетъ способность говорить, что слова «моя женушка», или что-нибудь въ этомъ родѣ, не идутъ у него съ языка. И въ-самомъ-дѣлѣ, какъ не ослобѣдѣть: гнѣвая жена его въ такой ранній часъ утра стоитъ въ гостиницѣ Салличнаго Герба, у пивной машины, устремивъ на него свой испытующій взоръ, какъ обвиняющее привидѣніе.

— Милая моя, едва-внятно произноситъ мистеръ Снегсби, когда видитъ его вышедъ изъ своего оцѣпентія: — не хочешь ли ты чего-нибудь выкупать? напримѣръ, рюмочку рому съ амельсиннымъ сокомъ и сахаромъ?

— Нѣтъ, говоритъ мистриссъ Снегсби.

— Душа моя, ты знаешь этихъ джентльменовъ?

— Знаю, говоритъ мистриссъ Снегсби, сухо отвѣчая на поклонны двухъ пріятелей и пристально смотря на мистера Снегсби.

Преданный мистеръ Снегсби не можетъ вынести такихъ взглядовъ. Онъ беретъ подъ-руку дражайшую свою половинку и отводитъ ее въ уголокъ, къ боченку съ пивомъ.

— Милый другъ мой, зачѣмъ ты на меня такъ смотришь? говоритъ онъ.

— Не выколоть же мнѣ глаза, отвѣчаетъ мистриссъ Снегсби: — хочу и смотрю — вотъ тебѣ и все!

Мистеръ Снегсби прокашливается почтительнымъ кашлемъ и замѣчаетъ:

— Какъ можно выколоть, моя милая!

Потомъ впадаетъ въ размышленіе. Опять прокашливается испуганнымъ кашлемъ и говоритъ:

— Страшная тайна, душа моя!

И мгновенно теряетъ присутствіе духа подъ взорами *своихъ думи*.

— Да, отвѣчаетъ мистриссъ Снегсби, мотая головой: — страшная тайна.

— Милый другъ мой, говоритъ мистеръ Снегсби отчаяннымъ голосомъ: — умоляю тебя, ради всего на свѣтѣ, не говори со мной съ такимъ горькимъ выраженіемъ и не смотри на меня испытующимъ глазомъ! Будь такъ милостива, исполни мою просьбу... О, Боже мой! ужели, мой ангель, ты думаешь, что я способенъ сжечь кого-нибудь внезапно?

— А Богъ знаетъ, отвѣчаетъ мистриссъ Снегсби.

При быстромъ взглядѣ на свое жалкое положеніе, мистеръ Снегсби

и самъ не можетъ ничего сказать навѣрное. Онъ не въ-состояніи до-казать положительнѣе, что смерть Крука не его дѣло. Что-то такое, очень-таинственное, но что, онъ и самъ не знаетъ — связано съ Канцелярской Улицей, и онъ запутанъ какъ-то во всѣхъ этихъ драм-гахъ, и быть можетъ — о, ужасъ! онъ участникъ въ настоящемъ событіи. И въ безвыходномъ положеніи своемъ онъ отираетъ слабой рукой крупныя капли пота съ страждущаго лба своего и тяжело ды-шетъ.

— Жизнь моя, говоритъ несчастный поставщикъ канцелярскихъ при-надлежностей: — ужели тебѣ противно будетъ сказать мнѣ, зачѣмъ ты — ты, существо столько-нѣжное и образованное во всѣхъ отноше-ніяхъ, пришла въ такой часъ утра... сюда... въ харчевню?..

— А ты зачѣмъ здѣсь? спрашиваетъ мистриссъ Снегсби.

— Единственно длятого, милая моя, чтобъ ближе ознакомиться съ подробностями несчастнаго происшествія, приключившагося съ почтенной особой, которая — отъ слова не станется — сгорѣла. Мистеръ Снег-сби останавливается, чтобъ перевести духъ: — и потомъ я бы все пересказалъ тебѣ, жизнь моя, за завтракомъ.

— Да, ты бы мнѣ пересказалъ!.. Ты вѣдь мнѣ все перескажешь, мистеръ Снегсби!..

— Все... моя мил...

— Очень-рада, говоритъ мистриссъ Снегсби, наблюдая съ строгой и злобной улыбкой его возрастающее замѣшательство: — и если ты пойдешь тотчасъ же со мною домой, такъ я думаю, мистеръ Снег-сби, ты будешь тамъ цѣлѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь.

— Душа моя... право ужъ я не знаю, что со мной будетъ... но, я готовъ идти.

Мистеръ Снегсби бросаетъ отчаянный взглядъ на буфетъ, желаетъ мистерамъ Вивлю и Гулли добраго утра, увѣряетъ ихъ въ чувствахъ радости, по тому поводу, что они не схвачены, и сопровождаетъ мистриссъ Снегсби изъ гостиницы Солнечнаго Герба.

Къ вечеру сомнѣнія, касательно участія, какимъ-нибудь невопн-тымъ образомъ, въ страшномъ событіи, о которомъ толкуетъ все со-сѣдство, возрастаютъ до гигантскихъ размѣровъ въ груди несчастнаго мистера Снегсби, подъ влияніемъ злобныхъ взглядовъ его дражайшей половины. Ночью душевныя страданія его такъ увеличиваются, что онъ строитъ въ умѣ своемъ самыя нелѣпыя планы: рѣшается предать самъ себя суду и просить, чтобъ судъ его вразумилъ, если онъ невиновенъ, или, чтобъ караль его по всей строгости законовъ, если онъ престу-пенъ.

Мистеръ Вивль и мистеръ Гунни, позавтракавъ въ гостинницѣ, отправляются къ Анничольской Палатѣ, чтобъ погулять вокругъ сквера и выбросить изъ головы столько драни, сколько нособить свѣтлый воздухъ.

— Теперь, Тонни, самое благоприятное время, говоритъ мистеръ Гунни, отшагавъ молча всѣ четыре стороны сквера: — переговорить намъ съ тобою о тѣхъ вещахъ, въ которыхъ безъ отлагательства мы должны условиться.

— Вотъ что я тебѣ скажу Вильямъ Г.! отвѣчаетъ мистеръ Вивль, глядя на своего соопутника налитыми кровью глазами: — если дѣло идетъ о твоёмъ замыслѣ, такъ не трудись говорить мнѣ объ этомъ; съ меня будетъ и того, что было, и больше я знать ничего не хочу. А то, что добраго, ты самъ, пожалуй, сгорнишь или влетишь какъ-нибудь на воздухъ...

Предположеніе подобныхъ явленій, такъ неприятно мистеру Гунни, что голосъ его дрожитъ, излагая нижеслѣдующую нравственную сентенцію. — Я бы полагалъ Тонни, что мы съ тобою посмотрѣлись достаточно въ нынѣшнюю ночь, и что ты могъ бы изъ этого вынести для себя памятный урокъ на всю жизнь, какъ опасно быть эгонистомъ. На это мистеръ Вивль отвѣчаетъ: — Я бы полагалъ, Вильямъ Г., что мы съ тобою посмотрѣлись достаточно въ нынѣшнюю ночь и ты могъ бы изъ этого вынести для себя памятный урокъ на всю жизнь, какъ опасно составлять замыслы...

— Кто составляетъ? отвѣчаетъ мистеръ Гунни.

— Ты!

— Я не составляю никакихъ замысловъ.

— Составляешь.

— Нѣтъ не составляю.

— Нѣтъ, составляешь.

— Кто это сказалъ?

— Я сказалъ, говоритъ Тонни.

— А, вотъ что! отвѣчалъ мистеръ Гунни.

— Да, вотъ что!

И друзья, разгорячась, начинаютъ опять тихо прогуливаться, чтобъ остынуть.

— Тонни, говоритъ послѣ этого мистеръ Гунни: — еслибъ ты не нападая на своего друга, выслушалъ его основательно, то между тобою и имъ не было бы никакихъ недоразумѣній. Твой характеръ, Тонни, горячъ и ты не хочешь принять ничего въ разсужденіе. Соединяя въ себѣ все, Тонни, что можетъ чаровать глаза, ты...

— Нечего, братъ, втирать очки! восклицаетъ мистеръ Вивль, перебивая своего друга: — говори прямо, что ты хочешь сказать!

Видя, что другъ его находится въ сердитомъ и матеріальномъ настроеніи, мистеръ Гушни выражаетъ тонкія чувстваванія души своей, только въ оскорбленномъ тонѣ, которымъ начинаетъ рѣчь:

— Тонни, говоритъ онъ: — если я сказалъ, что есть вещи, въ которыхъ безъ отлагательства намъ надо условиться, то тутъ нѣтъ никакой идеи ни о какомъ замыслѣ, какъ бы онъ ни былъ невиненъ. Ты знаешь, что, согласно юридическимъ формамъ, мы, адвокаты, должны знать заранѣе, о какихъ обстоятельствахъ могутъ допрашивать свидѣтелей, а потому, спрашиваю тебя, желательно или нежелательно, чтобъ мы условились, какія обстоятельства принять въ соображеніе для свидѣтельства при обыскѣ, вмѣющемъ быть по поводу смерти этого несчастнаго, стараго Мог... джентльмена?

(Мистеръ Гушни хотѣлъ—было сказать Могола, но слово джентльменъ предпочелъ въ настоящемъ случаѣ.)

— Обстоятельства... какія обстоятельства?

— Обстоятельства, отчетъ въ которыхъ потребуютъ при обыскѣ, какъ, напримѣръ... и мистеръ Гушни началъ высчитывать ихъ по пальцамъ: — что мы знаемъ о его привычкахъ; когда мы видѣли его послѣдній разъ; въ какомъ онъ былъ тогда положеніи; какъ мы узнали о его смерти, и прочее.

— Желательно, говоритъ мистеръ Вивль.

— Мы узнали о его смерти случайно. Онъ, по своимъ эксцентрическимъ привычкамъ, пригласилъ тебя прийти къ себѣ въ двѣнадцать часовъ ночи, чтобъ прочесть ему какія-то бумаги, самъ же онъ былъ безграмотенъ и подобныя приглашенія дѣлалъ тебѣ часто. Я былъ въ это время у тебя въ гостяхъ и ты, увидавъ въ чемъ дѣло, тотчасъ же пригласилъ меня внизъ — и т. д. Тяжъ—какъ обыскъ будетъ состоять только въ допросахъ обстоятельствъ, касающихся смерти, то нѣтъ надобности входить въ бѣльшія подробности о причинахъ моего визита. Согласенъ?

— Да, говоритъ мистеръ Вивль: — нѣтъ надобности.

— И это, кажется, непохоже на заговоръ, говоритъ оскорбленный мистеръ Гушни.

— Пока непохоже, отвѣчаетъ другъ его: — а если что будетъ хуже, такъ на меня не рассчитывай.

— Теперь Тонни, говоритъ мистеръ Гушни, взявъ подъ-руку своего друга и тихо ведя его впередъ: — скажи мнѣ, подружески: думалъ ли

ты о тѣхъ выгодахъ, какія тебѣ можетъ доставить удержаніе за собою комнаты въ этомъ мѣстѣ?

— Что ты хочешь сказать? говоритъ Тонни, круто остановясь.

— Думалъ ли ты о тѣхъ выгодахъ, какія тебѣ можетъ доставить удержаніе за собою комнаты въ этомъ мѣстѣ? повторяетъ мистеръ Гушни, продолжая снова вести тихонько друга своего впередъ.

— Въ какомъ мѣстѣ? Въ *этомъ* мѣстѣ? говоритъ мистеръ Вивль, указывая на лавку тряпья и бутылокъ.

Мистеръ Гушни киваетъ въ знакъ согласія.

— Я ни за какія деньги не рѣшусь провести здѣсь еще ночь, говоритъ мистеръ Вивль, смотря пристально на своего друга.

— Ты въ этомъ совершенно увѣренъ, Тонни?

— Еще бы нѣтъ! Объ этомъ и спрашивать нечего, говоритъ мистеръ Вивль съ видимымъ содроганіемъ.

— Слѣдовательно возможность, или вѣроятность — оба эти слова совершенно опредѣляютъ мысль мою: безпрепятственно владѣть всѣми предметами, бывшими достояніемъ одинокаго старика, у котораго, кажется, нѣтъ ни одной души родственниковъ, и достовѣрность узнать основательно, что у него хранится, не имѣютъ, по случаю ночныхъ событій, никакого вѣса въ глазахъ твоихъ, Тонни, если я тебя правильно понимаю? говоритъ мистеръ Гушни, безпокойно грызя свой ноготь.

— Разумѣется, никакого вѣса! И еще говоритъ такъ гладнокровно о жильцѣ въ этомъ проклятомъ мѣстѣ! съ негодованіемъ восклицаетъ мистеръ Вивль: — Помелъ самъ, живи тамъ, если тебѣ нравится!

— Я, Тонни! говоритъ мистеръ Гушни, успокоительнымъ тономъ: — да вѣдь я тамъ никогда не жилъ, и въ настоящее время не могу получить тамъ угла; ты — дѣло другое, у тебя тамъ цѣлая комната.

— Помелъ живи въ ней! отвѣчаетъ мистеръ Вивль: — ахъ... теу-у... устривайся въ ней, какъ тамъ себѣ хочешь.

— Такъ это ты говоришь совершенно-серьезно и обдуманно, если я тебя правильно понимаю?

— Совершенно-вѣрно и обдуманно, говоритъ Тонни: — отъ всего отказываюсь.

Пока друзья ведутъ такіе переговоры, изъ сивера выѣзжаетъ наемная карета и гуляющіе могутъ замѣтить на козлахъ шляпу высочайшихъ размѣровъ. Внутри кареты и, слѣдовательно, скрытно отъ взоромъ публики, хотя совершенно-явственно для двухъ друзей, потому-что карета остановилась прямо у ихъ ногъ, сидитъ мистеръ и мистриссъ Смольвиды, въ-сопровожденіи внучки своей, прелестной Юдиои. На лицахъ этого пріятнаго общества написана поспѣшность и суетливость, и какъ

только невысочайшая шляпа, под которой прятался молодой мистеръ Смольвидъ, сошла съ козла, мистеръ Смольвидъ-старшій высунулся изъ окна, киваетъ мистеру Гуши и говоритъ, «какъ ваше здоровье? сэръ, какъ ваше здоровье?»

— Что Смолю и его роднымъ понадобилось такъ рано здѣсь, говорить мистеру Гуши и киваетъ своему нанерснику.

— Почтеннѣйшій сэръ, кричитъ дѣдушка Смольвидъ : — будьте такъ добры, сдѣлайте мнѣ такое одолженіе, съ помощью вашего друга перевесите меня въ здѣшнюю гостинницу, а Бартъ съ сестрой перевесутъ туда же свою бабушку. Не откажите старику въ его просьбѣ, сэръ!

Мистеръ Гуши смотритъ на своего друга : «въ здѣшнюю гостинницу» говоритъ онъ и готовится съ мистеромъ Вивлемъ снести почтенную ношу въ Солнечный Гербъ.

— Вотъ тебѣ за вѣду ! говоритъ почтенный старецъ извощику ; стиснувъ десны (за неимѣніемъ зубовъ) и грозя ему своимъ безсильнымъ кулакомъ : — попробуй спросить хоть пени лишній, такъ я тебѣ задамъ ! Пожалуйста, почтенные джентльмены, поосторожьте. Позвольте мнѣ обнять васъ за шею. Я буду держаться некрѣпко. О Боже мой ! о-о-охъ Господи ! О мои кости, о-охъ мои кости !

Къ-счастью, гостинница Солнечнаго Герба недалеко, а то мистеру Вивлю грозитъ апоплексическій ударъ еще на половинѣ дороги. Однакожь безъ особенныхъ симптомовъ, кромѣ тяжелаго стона и сильной одышки, почтенный старецъ приносится, согласно своему желанію, въ общую залу Солнечнаго Герба.

— О Господи ! стонетъ мистеръ Смольвидъ, озираясь вокругъ : — О Боже мой ! О кости мои ! О спинна моя ! О составы мои ! Сиди смирно... ты трясушка, трещетка, оципаннѣйшій попугай ! Сиди смирно, скверная обезьяна !

Это любезное привѣтствіе дражайшей супругѣ вырывается изъ устъ достопочтеннаго мистера Смольвида по поводу странной привычки несчастной леди приходитъ въ страшныя судорожныя корчи и валиться съ ногъ на всѣ неодушевленные предметы съ такимъ оглушительнымъ шумомъ, который напоминаетъ пляску вѣдьмъ. Быть-можетъ, въ этихъ демонстраціяхъ столько же участвуетъ нервное пораженіе, сколько и слабуміе бѣдной женщины, только въ настоящую минуту она такъ воодушевляется въ вольтеровскомъ креслѣ, точно въ такомъ же, въ какомъ смирно сидитъ мистеръ Смольвидъ, что необходимо усиліе рукъ уважающихъ ея внуковъ, чтобъ не дать ей свернуться на полъ ; между-тѣмъ супругъ ея съ замѣчательнымъ радушіемъ потчуетъ ее любезными эпи-

тетями въ родѣ слѣдующихъ : «ты несносная трещотка, ты ошипанный попугай», которые такъ и сыплются изъ его съжжившихся губъ.

— Дорогой мой сэръ, говоритъ дѣдушка Смольвидъ, обращаясь къ мистеру Гушпи : — здѣсь случилось несчастіе ; слышалъ ли кто изъ васъ объ этомъ?

— Еще бы нѣтъ; да мы сами открыли.

— Вы открыли, вы сами открыли... Бартъ, это *они* открыли?..

Два открывателя смотрятъ на Смольвидовъ, и Смольвиды отдають имъ поклонны.

— Достойные друзья мои, чавкаетъ дѣдушка Смольвидъ, протыгивая къ нимъ обѣ руки : — я долженъ тысячу разъ благодарить васъ, что вы взяли на себя несприятную обязанность и открыли прахъ брата мистриссъ Смольвидъ.

— Вотъ тебѣ разъ! говоритъ мистеръ Гушпи.

— Да, дорогой другъ мой, братъ мистриссъ Смольвидъ — единственный ея родственникъ. Мы не были съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ ; но что дѣлать, онъ не любилъ насъ. Онъ былъ чудакъ, большой руки чудакъ. Если онъ не составилъ никакого завѣщанія (что, впрочемъ, врядъ ли), то я долженъ объявить права свои. Я пріѣхалъ взглянуть на его имущество ; все должно быть запечатано; все должно быть сбережено. Я пріѣхалъ, повторяетъ дѣдушка Смольвидъ, и цапаетъ воздухъ всѣми десятью пальцами заразъ : — взглянуть на его имущество.

— Я думаю Смоль, говоритъ уничтоженный мистеръ Гушпи : — тебѣ бы не мѣшало сказать мнѣ, что старикъ былъ твой дѣдушка.

— Вы оба около него такъ увивались, что я счелъ за лучшее держаться поодаль, отвѣчаетъ старая птица, съ тайно-сверкающимъ взглядомъ : — къ тому же я не очень гордился такимъ родствомъ.

— Да и для васъ отъ этого было бы ни тепло, ни холодно, говоритъ Юдишь, также съ тайно-сверкающимъ взглядомъ.

— Онъ никогда не видалъ меня въ жизнь свою, замѣчаетъ Смоль : — что жъ была мнѣ за надобность говорить о немъ...

— Онъ не хотѣлъ знать насъ, къ-сожалѣнію, говоритъ старый джентльменъ : — я пріѣхалъ взглянуть на его имущество, на его бумаги, а главное, на его имущество. Доказательства у насъ есть. Документы въ рукахъ моего адвоката. Мистеръ Телькингорнъ такъ милостивъ, позволилъ мнѣ выбрать себя адвокатомъ; а ужъ у него изъ рукъ ничего не вывалится. Смѣю васъ увѣрить, милостивые государи, ничего не вывалится. Крукъ, былъ единственный братъ мистриссъ Смольвидъ; у нея нѣтъ больше родныхъ и не было, кромѣ Крука, и у Крука не

было больше родныхъ, кромѣ мистриссъ Смольвидъ. Я говорю, продай ты конушу, о твоемъ братѣ, которому было семьдесятъ—шесть лѣтъ.

Мистриссъ Смольвидъ начинаетъ тотчасъ же метать головой и твердить: «семьдесятъ—шесть фунтовъ стерлинговъ»; семьдесятъ—шесть тысячъ ибшксовъ съ деньгами, семьдесятъ—шесть милліоновъ банкнотныхъ билетовъ!.. семьдесятъ—шесть...

— Дайте мнѣ пожалуйста горшокъ! зоветъ отчаянный сунругъ ея, ища безнадежно какого-нибудь метательнаго снаряда: — дайте мнѣ плевальницу, дайте мнѣ что-нибудь крѣпкое: я швырну ей въ голову. Ты вѣдьма, ты комка, ты неспособная трещетка!..

И, разгораясь собственнымъ своимъ краснорѣчіемъ, дѣдушка Смольвидъ, за неимѣніемъ болѣе-крѣпкой вещи, бросаетъ въ свою дражайшую половинку милую внучку Юдию, толкнувъ ее со всѣмъ запасомъ силы, который могъ только собрать въ скрюченныхъ рукахъ своихъ. Усиліе истощаетъ его и онъ быстро превращается въ гадкую связку тряпья.

— Оттрясите меня кто-нибудь, говорить голосъ изъ связки тряпья: — я пришелъ взглянуть на имущество. Оттрясите меня, и дайте знать въ полицію: я хочу сдѣлать распоряженіе на-счетъ имущества. Адвокатъ мой сейчасъ будетъ; онъ соблюдетъ имущество. Ссылка или вѣсьница тому, кто тронетъ хоть одинъ волосъ!

Почтительные внуки усаживаютъ особу своего дѣдушки, совершая весь процессъ оттрясыванья и обмиванья, а дѣдушка не перестаетъ твердить, какъ ступенное эхо: имущество, имущество, имущество!

Мистеръ Вивль и мистеръ Гуппи переглядываются. Первый смотритъ такимъ взглядомъ, какъ человекъ, сбросившій съ себя всю тяжесть заботы; въ глазахъ же втораго видна утраченная надежда, которую онъ все-таки питалъ до настоящей минуты. Но что жъ будешь дѣлать? права мистера Смольвида непоколебимы. Писецъ мистера Телькингорна приходитъ изъ своей конторы и объявляетъ полиціи, что самъ мистеръ Телькингорнъ принимаетъ на себя отвѣтственность за правильность наслѣдства и требуетъ, чтобъ все имущество покойника было разсмотрѣно и перепечатано какъ слѣдуетъ. Мистеру Смольvidу дано позволеніе убѣдиться осязательнымъ образомъ въ правахъ своихъ; вслѣдствіе этого онъ переносится въ обиталище Крука, занимаетъ комнату, покинутую миссъ Флайтъ, и посреди ея птичника имѣетъ отвратительный видъ хищной птицы.

Слухъ о прибытіи этого неожиданнаго наслѣдника быстро разошелся по подворью, благотѣльно увеличиваетъ доходы Солнечнаго Герба и поддерживаетъ любопытство народонаселенія. Мистриссъ Пайперъ и

мистриссъ Перкинсъ толкують между собою, что если нѣтъ завѣщанія въ пользу молодого человѣка, то это очень-несправедливо и что наследники должны по-крайней-мѣрѣ сдѣлать ему значительный подарокъ изъ оставшагося имущества. Маленькій Свилльъ и миссъ М. Мельвилльсонъ вступаютъ въ ласковый разговоръ съ своими патронами, чувствуя, что подобныя небывалыя происшествія приподымають завѣсу, отдѣляющую людей съ призваніемъ отъ людей безъ призванія. Мистеръ Богсби заставляетъ пропѣть истинный вѣнецъ своего концерта — народную пѣснь, съ хорами изъ всѣхъ гортаней гармонической компаніи». Въ замѣчѣніи сказано: «Ж. Д. Б. считаетъ себя обязаннымъ, въ угоду публикѣ, поставить сію торжественную арію, несмотря на неуплатимые расходы; ибо желаніе почтенныхъ джентльменовъ, выраженное ими у буфета известной гостиницы Солнечнаго Герба, онъ считаетъ сколько обязательнымъ для себя, столько и сообразнымъ съ плачевными событіями прошедшей ночи». Одно обстоятельство, относительно покойника смущаетъ обывателей подворья: имъ очень хочется знать, закажутъ ли для ничтожныхъ останковъ мистера Крука гробъ обыкновенныхъ размѣровъ или нѣтъ? Однако же тагостныя сомнѣнія скоро исчезаютъ: гробовщикъ, шепнувъ свою порцію джиа за буфетомъ, объявилъ, что ему заказать «трехаршинный»; такая роскошь со стороны мистера Смольвида даетъ ему важное мѣсто въ общественномъ мнѣніи.

Въ отдаленныхъ закоулкахъ подворья также большое умственное напряженіе: ученые мужи и философы приходятъ сюда за наблюденіями; кареты и коляски высаживаютъ на углахъ улицъ любознательныхъ докторовъ и на подворьѣ столько толковъ объ легкозагорающихъ газахъ и фосфорнокисломъ водородѣ, сколько подворью и во снѣ не снилось. Нѣкоторые изъ этихъ авторитетовъ (безъ-сомнѣнія, мудрѣйшіе) доказываютъ съ негодованіемъ, что покойникъ, собственно говоря, не имѣлъ права умереть подобной смертю; другіе авторитеты утверждаютъ, что о такомъ родѣ смерти подробно напечатано въ шестомъ томѣ «Философскихъ Трудовъ» и также въ несовсѣмъ-незнакомой книгѣ, подъ заглавіемъ «Англійское Медицинское Судопроизводство»; рассказываютъ о подобномъ же случаѣ съ итальянской графиней Корнеліей Бауди, описанномъ веронскимъ прелатомъ Біанкини, который издалъ одно или два ученые сочиненія и считался въ свое время человѣкомъ замѣчательно-умнымъ; указываютъ на свидѣтельства господъ Фодере и Мера двухъ зловредныхъ мыслителей французскихъ, которые непремѣнно хотѣли изслѣдовать этотъ предметъ, также на обстоятельное свидѣтельство г. Леката, нѣкогда весьма-знаменитаго французскаго врача, который не только имѣлъ невѣжливость жить въ томъ домѣ, гдѣ слу-

чилось подобное обстоятельство, но даже рѣшился составить о немъ подробный трактатъ. Вообще, ученые авторитеты смотрятъ на упорство, съ которымъ мистеръ Крукъ избралъ себѣ такую дорогу для выхода на тотъ свѣтъ, какъ на дѣло ни чѣмъ неоправдываемое и даже оскорбительное для человечества. Чѣмъ меньше понимаетъ подворье разговоръ ученыхъ мужей, тѣмъ больше онъ нравится ему и тѣмъ удобнѣе капиталъ Солнечнаго Герба производить свои обороты.

Въ заключеніе является артистъ, поставляющій газетныя иллюстраціи; задній планъ картины готовъ на его кипсѣ; на немъ изображены, на всякой случай, обломокъ корабля при берегахъ Кориваллиса, парадъ въ Гайд-Паркѣ, митингъ въ Манчестерѣ, и въ собственной комнатѣ мистриссъ Перкинсъ, отчего эта компанія пріобрѣтаетъ большую извѣстность; артистъ набрасываетъ «въ натуральной величинѣ», домъ мистера Крука, т.-е. вчетверо больше, и дѣлаетъ его наподобіе дворца. Такимъ же образомъ, получивъ дозволеніе заглянуть въ роковую комнату, онъ даетъ ей необъятные размѣры въ длину и ширину, отчего подворье приходитъ въ восторгъ.

Въ продолженіе всего этого времени два джентльмена, неочень-чистые относительно обшлаговъ, суютъ носы въ каждую дверь сосѣднихъ домовъ, присутствуютъ при философскихъ преніяхъ, втираются всюду, вездѣ слушаютъ и подслушиваютъ, и теперь пріѣли въ общей залѣ Солнечнаго Герба и цапаютъ своими маленькими, прожорливыми перышками по шелковой бумагѣ.

Подъ-конецъ являются осмотрщикъ мертвыхъ тѣлъ и присяжные, вообще точно также, какъ и прошедшій разъ, съ тою только разницею, что осмотрщикъ отзывается о настоящемъ случаѣ, какъ о чемъ-то необыкновенномъ, и, по своему долгу, говоритъ присяжнымъ :

— Это должно-быть несчастный домъ, джентльмены; проклятый домъ; впрочемъ, много есть тайнъ на свѣтѣ, которыхъ умъ нашъ не можетъ объяснить!..

Послѣ чего «трехаршинный» гробъ, приходитъ въ движеніе и зрители имъ очень-довольны.

Во всѣхъ вышеназложенныхъ событіяхъ мистеръ Гуниа принимаетъ очень-почтажное участіе. Присяжные, выслушавъ его свидѣтельство, отсылаютъ его назадъ, какъ всякое частное лицо, и онъ можетъ любоваться таинственнымъ домомъ только въ архитектурномъ отношеніи. Убийственный мистеръ Смольвидъ запираетъ передъ его носомъ наружную дверь всякимъ замкомъ и грустное сознаніе, что нога его не попадетъ за порогъ лавки тряпья и бутылокъ, одна только гнѣздится въ угнетенной душѣ бѣднаго Вильяма Г!

Но Вильгельм Г. помнитъ, что сегодня вечеромъ онъ долженъ сообщить леди Деллокъ то, что должно быть ей сообщено.

Ради такого казуса, часу въ семьмъ вечера молодой человекъ, по имени Гуппи, бредеть съ стѣсненнымъ сердцемъ, подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ ужаса и безсонной ночи, къ городскому отелю миледи и требуетъ свиданія съ ея сіятельствомъ.

— Развѣ вы ослѣпли, отвѣчаетъ ему напудренный меркурій : — вонъ карета миледи : ея сіятельство изволитъ сейчасъ ѣхать на обѣдъ.

Молодой человекъ, по имени Гуппи, не ослѣпъ; онъ видитъ карету, но ему и миледи надо видѣть.

У напудренного меркурія, какъ онъ самъ сейчасъ объяснить своему другу, который поджидаетъ его, «очень чешутся руки, чтобъ поднести молодому человеку коку съ сокомъ»; но дѣлать нечего: приказанія ему отданы очень-точные, и онъ полагаетъ, что молодой человекъ, по имени Гуппи, долженъ откланяться въ библиотекѣ. Онъ вводитъ его не въ очень освѣщенную комнату, гдѣ и докладываетъ о немъ.

Мистеръ Гуппи осматривается въ полумракѣ и ему всюду кажется кусокъ обожженного дерева, осыпанный пепломъ. Вотъ онъ слышитъ шорохъ... Ужели?... нѣтъ, успокойтесь молодой человекъ, по имени Гуппи, это не привидѣніе, это роскошная плоть, роскошно-одѣтая.

— Извините меня, ваше сіятельство, трепетно говоритъ мистеръ Гуппи: — что я осмѣлился безпокоить васъ въ такое время...

— Я позволила вамъ прійти когда вамъ будетъ угодно, говоритъ миледи, садясь въ кресло и смотря на него такъ же пристально, какъ въ послѣдній разъ.

— Благодарю васъ, ваше сіятельство. Ваше сіятельство очень-милостивы.

— Можете сѣсть.

Въ голосъ ея сіятельства мало слышится милости.

— Я не знаю, ваше сіятельство... но право, кажется мнѣ незначитъ... сѣсть... изволите видѣть... я... я не принесъ тѣхъ насемъ, о которыхъ имѣлъ честь докладывать вамъ въ послѣдній разъ.

— И вы пришли только затѣмъ, чтобъ мнѣ это сказать?

— Только затѣмъ, ваше сіятельство.

Мистеръ Гуппи, и безъ того уже уничтоженный, сбитый съ толку всѣми ужасными происшествіями Канцелярской Улицы, подавленъ теперь совершенно блестящею красотой миледи. Она знаетъ волшебное вліаніе своего взора и — не такая женщина, чтобъ не пользоваться имъ. Видъ ея, величественный и холодный, яро свидѣтельствуетъ бѣдному

Вильяму Г., что съ каждой минутой они становятся дальше и дальше другъ отъ друга.

Совершенно-понятно, что она не хочетъ говорить, слѣдовательно говорить долженъ онъ.

— Однимъ словомъ, ваше сіятельство, лепечетъ мистеръ Гуппи, какъ пойманый вориска : — тотъ человѣкъ, у котораго хранилось письмо, внезапно умеръ в... Онъ останавливается. Леди Дедлонъ спокойно договариваетъ мысль его:

— И вмѣстѣ съ нимъ исчезли и письма?

Мистеръ Гуппи, сказалъ бы нѣтъ, но не можетъ.

— Я думаю, что это такъ, ваше сіятельство.

Не видятъ ли мистеръ Гуппи быстрой искры удовольствія на лицѣ миледи? Нѣтъ, онъ не могъ бы видѣть ничего подобнаго даже и тогда, когда бы не былъ окончательно уничтоженъ.

Онъ пробуетъ что-то сказать въ извиненіе.

— Больше вы ничего не имѣете сказать мнѣ? спрашиваетъ леди Дедлокъ, выслушавъ его или показывая видъ, что выслушала.

Мистеръ Гуппи думаетъ, что больше ничего не имѣетъ.

— Подумайте хорошенько : вы меня видите въ послѣдній разъ.

Мистеръ Гуппи хорошо обдумалъ. И всякое желаніе видѣть еще разъ ея сіятельство остыло въ немъ.

— Довольно. Не извиняйтесь больше. Прощайте ! и она звонитъ.

Является напудренный меркурій и провожаетъ молодаго человѣка, по имени Гуппи.

Но въ настоящую минуту здѣсь, въ городскомъ отелѣ, случился еще старый человѣкъ, по имени Телькингорнъ. И этотъ старый человѣкъ идетъ своимъ тихимъ мѣрнымъ шагомъ къ библіотекѣ, отворяетъ дверь и... сталкивается лицомъ къ лицу съ молодымъ человѣкомъ, выходящимъ изъ библіотеки.

Однѣмъ взглядъ между старымъ джентльменомъ и миледи — и на секунду спадаетъ занавѣсъ : выглядываютъ страшныя подозрѣнія. Еще минута ; занавѣсъ опустился снова.

— Виноватъ, леди Дедлокъ! Тысячу разъ виноватъ. Такъ необыкновенно встрѣтить васъ здѣсь въ это время. Я думалъ, что въ комнатѣ никого нѣтъ. Виноватъ, виноватъ!

— Оставайтесь ! говорить она небрежно : — оставайтесь, я васъ прошу. Я ѣду на обѣдъ и не имѣю ничего болѣе сказать молодому человѣку.

Ошеломленный молодой человѣкъ низко кланяется, выходя изъ двери, и униженно надѣется, что мистеръ Телькингорнъ здоровъ.

— А-а! говоритъ адвокатъ, разсматривая его изъ-под насунуенныхъ бровей своихъ, хотя ему и нѣтъ надобности разсматривать молодого человѣка : не таковъ Телькингоръ : — изъ конторы, Кемдма и Корбая — да?

— Точно такъ, мистеръ Телькингоръ; по имени Гуши!

— Да, да, да! Благодарю васъ, мистеръ Гуши : слава Богу здоровъ.

— Очень-счастливъ, сэръ, что слышу. Будьте здоровы для славы юриспруденціи.

— Благодарю васъ, мистеръ Гуши. Мистеръ Гуши исчезаетъ.

Мистеръ Телькингоръ, въ своемъ ржавомъ черномъ платьѣ, ничтожное существо передъ блескомъ миледи, сводитъ ее съ лѣстницы и сажаетъ въ экипажъ. Потомъ возвращается въ коннаты, третъ свой подбородокъ и — потираетъ его часто во время вечера.

МУЗА.

Не въ сумрачный чертогъ наяды говорливой
Пришла она плѣнять мой слухъ самолюбивый
Разсказомъ о щитахъ, герояхъ и коняхъ,
О племахъ кованныхъ и сломанныхъ мечахъ.
Скрывая низкій лобъ подъ вѣтвию лавровой,
Съ цитарой золотой, иль изъ кости слоновой,
Ни разу на моемъ не прилегла плечѣ
Богиня гордая въ расшитой епанчѣ.
Мнѣ слуха не ласкалъ языкъ ея могучій
И гибкій и простой и звучный безъ созвучій.
По волѣ Пьеридъ съ достоинствомъ пѣвца
Я не мечталъ стяжать широкаго вѣнка.
О, нѣтъ! подъ дымякою ревнивой покрывала
Мнѣ музу молодость иную указала :
Отягощала прядь душистая волосъ
Головку дивную узломъ тяжелымъ косъ ;
Цвѣты послѣдніе въ рукѣ ея дрожали ;
Отрывистая рѣчь была полна печали
И женской прихоти и серебристыхъ грѣзъ,
Невысказанныхъ мукъ и непонятныхъ слезъ.
Какой-то нѣгою томительной волнуемъ,
Я слушалъ, какъ слова встрѣчались поцалуемъ,
И долго безъ нея душа была больна
И несказаннаго стремленія полна...

А. ФЕТЪ.

Дай руку мнѣ, дай руку, пери злая,
Хоть разъ еще привѣтливо взгляни,
Горячкой римъ восторгъ мой объясняя,
Влюбленнаго поэтомъ не брани.

Ревнивыя лишь съ тѣмъ хариты дружны,
Кто забывать для нихъ готовъ весь свѣтъ,

Коль жителямъ Олимпа жертвы нужны
И сердца кровь — плохой же я поэтъ.

Пусть музами на-вѣкъ оставленъ буду,
Пусть Фебъ меня караетъ за грѣхи,
Подъ хохотъ твой я музу позабуду,
За поцалуй я всё отдамъ стихи.

А. ФЕТЬ.

ГАДАНИЕ.

Нѣтъ, не хочу о будущемъ гадать!

Скучна мнѣ жизни битая дорога,
Смѣшна мнѣ безпричинная тревога,
Забавно бессознательно страдать.

Колода картъ съ услужливой рукой
Протянута; мнѣ говорятъ : снимайте !
А я твержу : нѣтъ прошлое узнайте,
Тогда повѣрю картамъ всей душой.

Скажите мнѣ, что трефовый король
Влюбленъ былъ въ даму той же самой масти,
Что въ этомъ чувствѣ было много страсти,
Что все прошло... Вы спросите — давно ль?

Давно. Но онъ взаимно былъ любимъ
Заботливо, и сильно, и глубоко.

Сомнѣнье вкралось... Онъ тенерь далеко!

А дама? Вѣрно позабыта имъ.

Да какъ давно все было? Вотъ вопросъ,
Нескромный, предокучливый, неновый...
Изъ трефовой я сдѣлался бубновой,
Доживъ недавно до сѣдыхъ волосъ...

Но сердце не состарѣлось. Оно

Къ картинамъ прошлаго неволью рвется,
Попрежнему тревожно, страстно бьется —
Хоть ко всему бы охладѣть должно.

Скажите же, что трефовый король
Влюбленъ былъ въ даму той же самой масти,
Что въ этомъ чувствѣ было много страсти,
И удержите свой вопросъ : *давно ль ?..*

Одесса.

Т. Ч.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ РУССКИХЪ ЦАРЕЙ ПРЕЖНЯГО ВРЕМЕНИ.

Статья шестая (1).

Воспитаніе. — Выборъ кормилицы. — Мамка, нянька, дядька и другія лица, которымъ ввѣрялось воспитаніе государевыхъ дѣтей. — Нѣкоторые обычаи и обряды, наблюдавшіеся въ-отношеніи царскихъ дѣтей. — Содержаніе дѣтей: колыбель, вѣлье и платье. — Обзоръ игрушекъ и дѣтскихъ игръ.

«На воспитаніе царевича, или царевны (говорить Кошихинъ), выбираютъ всякихъ чиновъ изъ женъ жену добрую и чистую, и млекою сладостну, и здоровую». Здѣсь слово «воспитаніе» употреблено въ его первобытномъ смыслѣ и значить собственно «кормленіе». При выборѣ кормилицы наблюдалась величайшая осторожность: строго требовали всѣхъ качествъ, исчисленныхъ выше Кошихинымъ, и потому въ *выборѣ* или *приборѣ* назначалось иногда болѣе десяти кормилицъ — женъ добрыхъ, имена которыхъ и записывались въ особую роспись. Въ этой росписи означали мужа избираемой, ея лѣта, дѣтей ея, время, когда разрѣшилась отъ бремени послѣднимъ ребенкомъ, и потомъ имя и мѣсто жительства ея духовника, который, по священству, обязанъ былъ засвидѣтельствовать особою сказкою и о нравственной чистотѣ избираемой (2). Кормилицы, поступаая во дворецъ, получали весь нарядъ, до мельчайшихъ подробностей, изъ царицыной казны; жалованье имъ назначалось наравнѣ съ казначеями: по восьми рублей въ годъ, и, кромѣ-того, кормовыхъ

(1) Первые пять статей напечатаны: первая и вторая въ «Отеч. Запискахъ» 1851 года (томы LXXIV и LXXVIII) въ №№ 2, 3 и 9-мъ; третья въ «Отеч. Зап.» 1852 года (томъ LXXX) въ № 1-мъ; четвертая въ «Отеч. Зап.» 1853 года (томъ LXXXVI) въ № 1-мъ, и пятая въ «Отеч. Зап.» 1854 года (томъ XCII) въ № 1-мъ.

(2) См. Приложенія I и II.

(столовыхъ) по шести денегъ на день. О преимуществѣхъ, которыми онѣ пользовались впоследствии, когда оканчивалось кормленіе, Кошкинъ говоритъ слѣдующее : «и живетъ та жена у царицы въ Верху на воспитаніе годъ; а какъ годъ отойдетъ, и ежели та жена дворянскаго роду, мужа еѣ пожалуетъ царь на воеводство въ городъ, или вотчину дать; а подьяческая или иного служивого чину, прибавятъ чести и дадутъ жалованья немало, а посадскаго человѣка, и такимъ потомужъ дано будетъ жалованье немалое, а тягла и податей на царя съ мужа еѣ не смлють по ихъ животъ».

«Да у тогожъ царевича или царевны (продолжаетъ Кошкинъ) бывають приставлена для досмотру *мамка*, боярыня честная, вдова старая, да *княжка* и нныя прислужницы». У царя Алексѣя Михайловича мама были, одна послѣ другой, боярыни Арина Никитична Годунова и Ульяна Степановна Собакина. У царевича Ивана Михайловича его бабка по матери—царицѣ, боярыня Анна Константиновна Стрешнева; у царя Феодора Алексѣевича княгиня Прасковья Борисовна Куракина и боярыня Анна Петровна Хитрово; у Петра Великаго мама были : боярыня Матрена Романовна Леонтьева и боярыня княгиня Ульяна Ивановна Голицына; у царевны Софіи Алексѣевны княгиня Анна Никифоровна Лобанова—Ростовская и проч. (3). Мамы царевичей получали годоваго жалованья по сту рублей. Кромѣ-того, при каждомъ царевичѣ находились : *казначей*, на рукахъ которой была царевичева казна, тесть бѣлье, платье и разныя другія вещи, и пять *постельницъ*, должность которыхъ объясняется самимъ названіемъ. У царевенъ у каждой было также по одной казначей, по девяти постельницъ и по одной комнатной бабѣ (лекаркѣ). Казначей, какъ мы упомянули, получали годоваго жалованья по восьми рублей, постельницы по четыре рубля, комнатныя бабы по полтора рубля.

До пяти лѣтъ царевичъ находился на рукахъ мамы и окруженъ былъ попеченіемъ женщинъ; по наступленіи пятилѣтняго возраста съ рукъ мамы онъ переходилъ къ *дядькѣ* и вообще на руки мужчинъ. Въ дядьки, для *береженія* и *наученія*, назначали, по словамъ Кошкина, боярина честию великаго, тиха и разумна; а къ нему товарища околнничаго или думнаго человѣка. Впрочемъ, при назначеніи въ дядьки великая родовая честь и санъ боярина не были еще первымъ, главнѣйшимъ условіемъ для полученія этого званія. Человѣкъ тихій и разум-

(3) Временникъ. Общ. Ист. и Древн. Росс. № 9. Смѣсь, стр. 46 *Книга дядькамъ и мамамъ и боярынямъ верховымъ и стольникамъ царевичевымъ*. Сообщ. кн. М. А. Оболенскимъ.

ный и нѣлъ богѣ преимуществъ въ этомъ важномъ дѣлѣ предъ чело-вѣкомъ чиновнымъ и честнымъ въ родовомъ смыслѣ. Дядька царевича Алексѣя Михайловича Борисъ Ивановичъ Морозовъ былъ стольникомъ, когда его избрали въ дядьки царевичу, и получилъ санъ боярина вмѣстѣ съ этимъ избраніемъ. Помощникомъ его въ воспитаніи царевича былъ пожалованный въ то же время изъ стольниковъ въ окольничіе, родственникъ царицы, Василій Ивановичъ Стрешневъ ⁽⁴⁾. Товарищъ дядьки царевича Алексѣя Алексѣевича, Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, *мужъ милостивый и просвѣщенный*, былъ вовсе не родословный чело-вѣкъ и при избраніи въ эту должность получалъ только степень окольничаго. Въ-древности дядьки назывались также *кормильцами* ⁽⁵⁾.

Въ слуги, то-есть въ *спальники* и въ *стольники*, царевичу выби-рали боярскихъ и дворянскихъ дѣтей, ровесниковъ ему по лѣтамъ, од-нолѣтковъ, и преимущественно изъ родственниковъ царицы. У царя Алексѣя было двадцать чело-вѣкъ стольниковъ, изъ которыхъ были бли-же другихъ и воспитывались съ нимъ вмѣстѣ Родіонъ Стрешневъ, Ава-насій Матюшкинъ, Василій Голохвастовъ, Михайло и Ѳедоръ Львовы-Плещеевы и другіе. Когда эти товарищи дѣтскихъ игръ государя до-стигали совершеннаго возраста и оставались въ прежнихъ должностяхъ, они составляли особый служебный разрядъ, подъ именемъ *комнатныхъ* и *близкихъ людей*, и находились почти неотлучно при особѣ госу-даря. Послѣ долгой службы, государь жаловалъ ихъ обыкновенно, дѣтей большихъ бояръ — въ бояре, а иныхъ, меньшихъ родовъ, въ окольничіе, которые и назывались также комнатными, или близкими, потому-что пожалованы были отъ *близости*, изъ *комнаты*.

Находясь такимъ-образомъ на попеченіи мамъ и дядекъ, царскія дѣти съ пѣтунами своими и съ особымъ *чиномъ*, или штатомъ дворовыхъ людей, жили, по словамъ Кошкина, каждый въ своихъ особыхъ хоро-

⁽⁴⁾ Дворц. Разряды, II, 354. Оба они были пожалованы въ день Богоявленія, 6 января, 1634 г. Въ «Книгѣ дядямъ и мамамъ» (Временникъ Общ. Истор. и Древн. Росс. № 9. Смѣсь, стр. 46) товарищемъ дядьки у царя Алексѣя Михайловича означенъ «бояринъ Ѳедоръ Борисовичъ Долматовъ-Карповъ»; но это, вѣроятно, ошибка. Долматовъ-Карповъ по-жалованъ изъ стольниковъ въ окольничіи въ 1645 г. сентября 30, а въ бояре въ 1649 г., слѣд. тогда, когда царь Алексѣй вступилъ уже на пре-столь и нѣлъ 16—20 лѣтъ. Въ званіи же стольника Долматовъ-Карповъ товарищемъ дядьки быть не могъ: это было бы противно обычному пра-вилу.

⁽⁵⁾ У Святослава былъ кормилецъ Асмудъ. Въ XI, XII и XIII сто-лѣтіяхъ у князей были также *кормильцы*, или *дядьки*. Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., II, стр. 156, и др.

мѣхъ. Сначала дѣтей помѣщали въ особыхъ комнатахъ дворца, но это было помѣщеніе временное, потому-что, вскорѣ послѣ рожденія дитяти, ему строили новыя отдѣльныя покои, обыкновенно деревянные. Такъ въ 1629 году мѣсяца черезъ три послѣ рожденія царя Алексѣя, ему выстроены были новыя отдѣльныя хоромы, подъ надзоромъ дьяка Максима Чиркова. Въ 1631 году для царевны Мары Михайловны, также вскорѣ послѣ ея рожденія, а въ 1635 году для царевны Ирины построены были *новыя избушки*, въ которыя онѣ тогда же и перешли на новоселье. Въ 1635 году для царевичей Алексѣя и Ивана выстроены были каменные хоромы, существующія донинѣ и извѣстныя подъ названіемъ *терема*. Вообще, какъ бы ни было велико царское семейство, для каждой особы строились всегда отдѣльныя хоромы, деревянные или каменные: это мы видѣли при описаніи царскаго дворца.

Когда дѣти переходили въ эти новыя *избушки*, то на новоселье, по существовавшему обычаю, приносили имъ хлѣбъ-соль и собольи мѣха (6). Въ этихъ избушкахъ, или хоромахъ, дѣти жили весьма-удѣленно, совершенно-скрытыя отъ людскаго глаза, не видя почти никого, кромѣ людей, къ нимъ приставленныхъ. Самыя избушки ихъ ставились въ глубинѣ дворца, среди другихъ внутреннихъ отдѣленій, даже вдаль отъ мѣстъ, которыя были открыты для служащаго во дворцѣ народа.

Вообще нужно замѣтить, что одна изъ главнѣйшихъ заботъ въ воспитаніи царскихъ дѣтей въ XVII вѣкѣ состояла въ томъ, чтобъ какъ-можно-тщательнѣе скрывать ихъ отъ глазъ народа. О царевнахъ говорить не станемъ: женщина высшихъ, то-есть знатныхъ и богатыхъ рядовъ тогдашняго общества, по понятіямъ нашихъ предковъ, безъ потери добраго имени не могла являться открыто, а тѣмъ болѣе въ присутствіи мужчинъ; она проводила жизнь болѣе или менѣе уединенно, также въ кругу женщинъ, родныхъ или знакомыхъ. Но въ царскомъ быту и царевичи до извѣстнаго возраста точно также жили уединенно. Кошкинъ говоритъ, что «до 15 лѣтъ и болши царевича видѣти никто не можетъ, окромѣ тѣхъ людей, которые къ нему уставлены и окромѣ бояръ и ближнихъ людей». Далѣе Кошкинъ описываетъ и всѣ мѣры осторожности, которыя наблюдались въ этомъ случаѣ при выѣздахъ и выходахъ дѣтей на богомолье, или въ загородныя

(6) Въ описи казны царевны Ирины Михайловны, записано, между прочимъ: «пять сороковъ собелей, по 55 рублей (сорокъ); а взяты тѣ соболи изъ Казанскаго Дворца на новоселье, какъ у государыни царевны и в. к. Ирины Михайловны было новоселье въ новой избушкѣ въ 143 (1635) г. августа въ 16 числѣ».

дворцы. «Царевичи въ младыхъ лѣтѣхъ и царевны, большіе и меньшіе, внигда случится имъ итти къ церкви, и тогда около ихъ во все стороны несутъ суконные полы, что люди зрѣти ихъ не могутъ; также, какъ и въ церквѣ стоятъ, люди видѣти ихъ не могутъ же, кромѣ церковниковъ, а бываютъ въ церквѣ завѣшаны тафтою; и въ то время въ церквѣ, кромѣ бояръ и ближнихъ людей, мало иные люди бываютъ. А какъ ѣздить молиться по монастыремъ, и тогда каутаны и колымаги ихъ бываютъ закрыты тафтамижъ». Хотя изъ словъ Кошихина и можно заключить, что царевича могли видѣть также и все бояре, однако въ запискахъ того времени мы не встрѣтили ничего такого, что могло бы подтвердить эти слова. Бояре—разумѣется, исключая родственниковъ царя и вообще ближнихъ людей—едва-ли пользовались правомъ видѣть царевича до его всенароднаго *объявленія*. Рѣчи, которыя произносились царями при этомъ торжествѣ, вполне подтверждаютъ, что царевичъ не показывался до объявленія.

Обычай скрывать царевича до извѣстныхъ лѣтъ отъ глазъ народа и потомъ торжественно предъ всемъ народомъ объявлять его, получилъ начало только въ XVII столѣтіи. Смутное время, время великаго *шатанія* Русской Земли, вызванное самозванствомъ, и потомъ неоднократное появленіе самозванцевъ въ теченіе XVII столѣтія, научило правителей этой необходимой политической осторожности, главнѣйшая цѣль которой заключалась въ томъ, чтобы уничтожить самое основаніе самозванства, или тѣ условія, на которыхъ оно непосредственно должно было утверждаться. Такъ по-крайней-мѣрѣ толковали этотъ обычай и иностранцы. Колягисъ говоритъ, что «царевича ни народъ, ни дворянство не видятъ прежде пятнадцатилѣтняго возраста; но, достигнувъ этихъ лѣтъ, онъ является передъ народомъ; его посятъ на плечахъ и ставятъ на возвышенное мѣсто на площади, чтобы предохранить государство отъ самозванцевъ, которые часто Россію безпокоили».

Такимъ-образомъ этотъ обычай и многіе другіе, которые замыкали тогдашній семейный бытъ въ кругъ мало кому доступный, представляютъ и для изыскателя величайшія затрудненія. Очень-трудно, почти невозможно, при совершенномъ недостаткѣ свѣдѣній, составить полную картину воспитанія царскихъ дѣтей, прослѣдить шагъ за шагомъ все условія, подъ вліяніемъ которыхъ возрасталъ царственный ребенокъ. Собственные наши источники до чрезвычайности скудны, притомъ и свѣдѣнія, почерпаемыя изъ нихъ, весьма отрывочны, безсвязны. Иностранцы же или вовсе не писали объ этомъ предметѣ, или писали по слухамъ; слѣдовательно, не всегда точно и вѣрно. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ, Рейтенфельсъ, говоритъ объ этомъ обстоятельнѣе другихъ. Дѣ-

ти царскія (пишетъ онъ) воспитываются весьма-тщательно, но совершенно-особеннымъ образомъ, по русскимъ обычаямъ. Они удалены отъ всякой пышности и содержатся въ такомъ уединеніи, что ихъ не можетъ никто посѣщать, кромѣ тѣхъ, кому ввѣренъ надзоръ за ними. Выѣзжаютъ очень-рѣдко; народу показывается одинъ только наследникъ престола на 19-мъ году (съ 18-ти лѣтъ у русскихъ считается совершеннолѣтіе), а прочіе сыновья, равно какъ и дочери, живутъ обыкновенно въ монашескомъ уединеніи. Отъ сядячей жизни они слабы и подвержены многимъ болѣзнямъ. Лекаря думаютъ, что и старшій царевичъ (Алексѣй Алексѣевичъ) умеръ отъ недостатка дѣятельности и движенія, составляющихъ необходимость природы. Съ нѣкотораго времени уже больше обращаютъ на это вниманія, и царскія дѣти упражняются каждый день, въ опредѣленные часы, въ разныхъ играхъ, конной ѣздѣ и метаніи стрѣлъ изъ лука; зимою дѣлаютъ для нихъ небольшія возвышенія изъ дерева и покрываютъ снѣгомъ, отчего образуется гора: съ вершины ея они спускаются на саночкахъ или на лубкѣ, управлени назкою. Танцы и другія занятія, у насъ обыкновенныя, при русскомъ дворѣ не употребляются, но каждый день играютъ тамъ въ шахматы». Здѣсь замѣчаніе о сядячей жизни царскихъ дѣтей ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допущено, какъ общая черта древняго воспитанія, какъ то дѣлаетъ Рейтенфельсъ. Оно относится только къ царевичу Алексѣю Алексѣевичу, который дѣйствительно велъ сядячую жизнь, потому что съ особенною охотою и прилежаніемъ занимался книжнымъ ученіемъ. Ниже мы видимъ опроверженіе и подтверженіе этому сказанію Рейтенфельса въ тѣхъ данныхъ, которыя встрѣтились намъ въ нашихъ домашнихъ источникахъ.

Въ тотъ же день, какъ родился царевичъ, или царица, государь приказывалъ одному изъ лучшихъ иконописцевъ написать *мѣру рожденія* дитяти, то-есть икону того святаго, въ честь котораго дано было имя. Икона эта писалась большею-частью на кипарисной дскѣ, въ иѣру роста и объема поворожденнаго. Такъ въ 1634 году иконописецъ Иванъ Пашенинъ писалъ *мѣру* царицы Софіи Михайловны, а въ 1672 году іюня 1-го, жалованный иконописецъ Оружейной Палаты Симонъ Ушаковъ писалъ «*мѣру*, долготу и широту царевича Петра Алексѣевича въ тезоименитство апостола Петра, на кипарисной дскѣ длиною 11, шириною 3-хъ вершковъ» (7). Въ 1673 году августа 28-го, тотъ же

(7) Симонъ Ушаковъ не успѣлъ дописать этой иконы, «потому-что въ то число заскорбѣлъ; онъ знаменилъ только (то-есть дѣлалъ прорисъ, очеркъ) образъ Троицы и св. апостола Петра, и писалъ ризы; дописывалъ икону,

Симонъ Ушаковъ писалъ «*мѣру, долготу и широту царевны Наталіи Алексѣевны въ тезоименитство великомученицы Наталіи, длиною въ 10, шириною въ 3 вершка, на линовой цѣтѣ*». Въ 1690 г. марта 12, писана мѣра царевича Алексѣя Петровича. Эти иконы, богато-украшенные ⁽⁸⁾, находились всегда въ дѣтской моленной и по смерти дѣтей ставились надъ ихъ гробами, что можно видѣть до-сихъ-порѣ въ Архангельскомъ Соборѣ и въ Вознесенскомъ Монастырѣ, въ Москвѣ. Мѣра рожденія Петра Великаго находится также предъ гробомъ императора въ Петропавловскомъ Соборѣ, въ Петербургѣ.

По истеченіи года, у дитяти *снимали первые волосы*. Царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ снимала волосы въ это время бабушка ея *великая старица инока* Мароа Ивановна, что и заставляетъ предполагать, что этотъ обрядъ исполняли только самыя ближайшія родственницы, или восприемники. О послѣднемъ можно заключить также изъ словъ молитвы на *первое стриженіе волосъ* у младенца, которую въ это время говорилъ царскій духовникъ ⁽⁹⁾. Молитва эта находится въ требникахъ. По совершеніи обряда, особа, снимавшая волосы, благословляла ребенка золотымъ крестомъ съ мощами ⁽¹⁰⁾.

Обычай снимать первые волосы наблюдался, по словамъ Татищева, и въ его время между знатными людьми; но онъ говоритъ, что это *подстриганіе* совершалось по прошествіи семи лѣтъ, и притомъ на сѣдлѣ со стрѣлами ⁽¹¹⁾. Въ современномъ деревенскомъ быту дѣтямъ также не стригутъ волосъ до году; въ иныхъ мѣстахъ, когда мальчику иинеть годъ, стриженіе волосъ дѣлають съ нѣкоторою торжественностью: приносятъ сѣдло, садятъ на него ребенка и подстригаютъ ему

то—естъ писалъ лица другой, немецке—искусный иконописецъ, Федоръ Козловъ.

⁽⁸⁾ «*Мѣра* государя царевича и в. к. Алексѣя Алексѣевича, окладъ золотъ въ вѣнцѣяхъ червчатъ, да два изумрудца, въ цѣтѣ два яхонтика червчатыхъ да изумрудецъ; по полямъ восемь запонокъ, а въ нихъ искорки алмазные и яхонтовые и изумрудцы, да въ гнѣздахъ два яхонтика червчатые да два изумрудца; вѣнецъ и цата и поля обнизаны жемчугомъ.»

⁽⁹⁾ «7138 года (1630) марта 22, государеву духовнику благовѣщенскому протопопу Максиму, 10 аршинъ камки куфтеру желтой да сорокъ соболей, а пожаловалъ государь его за молитву, какъ *государю царевичу князю Алексю Михайловичу первые волосы снимали, онъ молитву говорилъ*.» Расх. кн. Казен. Приказа, № 928.

⁽¹⁰⁾ Великая старица инока Мароа Ивановна благословила внуку свою и в. князю Ирину Михайловну золотымъ крестомъ, *снимаючи съ нее государыни волосы*.

⁽¹¹⁾ Исторія Росс. Татищева, III. прим. 553.

волосы (12). Въ Нерехотскомъ Уѣздѣ это дѣлають въ именные илзденца и для снятия волосъ призывають отца и мать крестныхъ (13).

Въ Тульской Губерніи этотъ обычай наблюдается слѣдующимъ образомъ: зажигаютъ предъ иконами свѣчу, ставятъ на столъ хлѣбъ—соль, сажаютъ ребенка на уголокъ стола, или на лавку, и непрѣменно на шубѣ, молятся всѣ Богу и потомъ стригутъ волосы. У богатыхъ за этотъ слѣдуетъ пруршка.

Нельзя не замѣтить сходства этого обряда съ древними постригами; но тамъ, сколько извѣстно, обрѣзываніе первыхъ волосъ совершалось только у дѣтей мужскаго пола по истеченіи двухъ, трехъ и четырехъ лѣтъ отъ рожденія, слѣдовательно, не въ одно время, за-то всегда съ особеннымъ торжествомъ и въ соединеніи съ другимъ обрядомъ—*сажаніемъ на коня*. Въ 1192 году «быша *постризы* у великаго князя Всеволода сыну его Георгеви (родился въ 1188 году) въ градѣ Суждали; того же дня и *на конь его всади*, и бысть радость велика въ градѣ Суждали... Въ 1230 году князь Михаилъ створи *постригы* сынови своему Ростиславу, Новѣгородѣ, у Св. Софѣи и *уя влась архіепископъ Спиридонъ...*» Въ 1301 году ноября 8, была постриги у князя Михаила—Тверскаго сыну его Дмитрію. Гораздо—позже постриги были совершены князю Юрью Ивановичу, сыну Іоанна III. Татищевъ говорить, что «по прошествіи седми лѣтъ его на сѣдлѣ со стрѣлами подстригали, и на конь посадили, притомъ же люди знатные, власно какъ при крещеніи кумовья, бывали (14)».

Перейдемъ теперь къ той виѣшней сторонѣ воспитанія, въ которой сосредоточиваются заботы и попеченія въ—отношеніи къ охраненію здоровья дѣтей и вообще къ ихъ содержанію. Само—собою разумѣется, что одна изъ ближайшихъ потребностей для ребенка — колыбель, почему съ нея мы и начнемъ наше описаніе. Въ колыбель въ первый разъ ребенка клали съ особою молитвою, которая внесена въ старинные требники; притомъ, до крещенья, въ колыбель его не клали. Колыбель своимъ устройствомъ походила на *зыбку*, навѣстную и теперь въ простомъ быту. Она состояла изъ плетцъ; къ нимъ прикрѣплялись ремни, на которыхъ колыбель и висѣла. Вотъ описаніе древнихъ колыбелей:

«Сдѣлана (въ 1635 году) царевичу Івану Михайловичу колыбель; длина *деревьямъ* длиннымъ полтора аршина, ширина колыбели и съ

(12) Записки о Русскомъ бытѣ, Авдѣевой. Спб. 1842. стр. 138.

(13) Чтенія въ Имп. Общ. Истор. и Древн. Годъ 1. № 2. Слѣтъ, стр. 25.

(14) Исторія Росс. Татищева, III, прим. 553.

завом аршинъ десять вершковъ; два уха у колыбели середнихъ отлассныхъ золотыхъ вдвое по семи вершковъ, а сторонніе (уши) по полусеми вершка. Обшита колыбель отлассомъ золотнымъ, по червчатой землѣ оначала невелики, въ цвѣтахъ шолкъ лазоревъ, бѣль... у большихъ деревьевъ по концамъ по яблочку съ обручки, а у меньшихъ деревьевъ межъ ушей по четыре яблочка. У деревьевъ яблочка и уши обшиты камкою кизылбашскою полосатою, въ полосахъ травы золоты съ разными шолки... У колыбели жъ въ длинныхъ деревьяхъ четыре кольца, да пробой и жиковины (петля) серебряны золочены». Подобныя колыбели обивались также червчатымъ сафьяномъ. «Да въ ту жъ колыбель скроена царевичу перина да взоловье; длина перинѣ два аршина безъ дву вершковъ, ширина аршинъ съ четью. Камки вышло, на наволоку на перину, кармазину червчатого мелкотраваго шесть аршинъ, да полотна тверскаго тожъ; а взоловью длина въ обдѣлѣ аршинъ полтретья вершка, ширина аршинъ безъ чети; камки вышло кармазину червчатого мелкотраваго два аршина десять вершковъ; полотна троецкаго тожъ. Пуху лебежьего въ перину и въ взоловьѣ двадцать гривенокъ...» Наволочку на перину шили иногда изъ бархата. Иногда, вмѣсто перины, употребляли бумажники, или тюшакъ бумажный, который набить былъ хлопчатою бумагою и поволоченъ тафтою, или другою шелковою матеріею. Одѣяла были теплыя и холодныя; теплыя шили изъ золотыхъ матерій и подбивали мѣхами бѣлыми, лисьими, собольими, а иногда горностаевыми; холодныя дѣлались изъ такихъ же золотныхъ матерій, только не подбивались мѣхомъ. Тѣ и другія украшались иногда жемчугомъ и дорогими камешками. Одѣяло царевича Ивана Михайловича: «камка кизылбашская яринной цвѣтъ, по ней травы шолкъ красновишневъ, въ травахъ листки золоты да серебряны, да птички шолковыя. Длина и ширина до гривы (каймы) полтора аршина, грива поларшина; въ гривѣ камка кизылбашская, травы по каричной землѣ, исподъ подложенъ пупки соболя». Одѣяло царевича князя Алексѣя Михайловича: «по лазоревой землѣ рѣки и травы золоты, грива по отласу по червчетому низама жемчугомъ, да въ гривѣ жъ семь яхонтовъ червчатыхъ, да пять лалловъ, да три яхонтика лазоревыхъ, да восемь изумудовъ, всего 23 камня».

Въ колыбеляхъ у дѣтей висѣли небольшія иконы и кресты съ частіцами мощей. Въ ризницѣ московскаго Успенскаго Собора сохраняются пять такихъ колыбельныхъ крестовъ; на одномъ изъ нихъ слѣдующая надпись: «Лѣта 7102 (1594) повелѣниемъ благовѣрнаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Иванаовича всея Руси самодержца и его благовѣрныя царицы и великіе княгини Прины здѣланъ бысть се св. крестъ государынѣ царевнѣ и великой княжнѣ Ѳеодосѣ въ колыбель».

Въ колыбелихъ дѣти спали дѣть до пяти, именно до-тѣтъ-портъ, когда царевичи переходили съ рукъ женскихъ на попеченіе мужскихъ. Въ это время въ нихъ хорошахъ устроивали ить особые чуланы, то-есть небольшія комнаты, назначаемыя для дѣтской спальни ⁽¹⁵⁾.

Когда дѣти начинали ходить, то въ помощь ить употреблялся *водильный нагрудникъ*. Вотъ его описаніе: «Нагрудникъ водильной, (царевича Ивана Михайловича, 1635 г.) тафта ала, длина аршинъ безъ полутретья вершка, ширина четыре вершка, *водила*къ длина аршинъ съ вершкомъ, ширина водилакъ четыре жъ вершка; по сторонамъ *ветли*, ширина петлякъ четыре жъ вершка». Положенный на хлопчатой бумагѣ, онъ застегивался шестью золотными пуговками.

Дѣтская одежда почти ни въ чемъ не отличалась отъ одежды взрослыхъ: тотъ же покрой и тѣ же самыя названія. Подробнымъ описаніемъ древняго платья мы займемся въ свое время; здѣсь же считаемъ лишнимъ поименовать тѣ предметы и тѣ видоизмѣненія древней одежды, которые были въ употребленіи у дѣтей. Царевичи носили *шапки, арачкины, тафы и треухи*. Все это составляло головной ить уборъ. На *сорочку*, всегда съ богатымъ ожерельемъ, надѣвали *зимуку*, поверхъ котораго носили *ферези, кафтанъ становой, кафтанецъ, сарафанецъ, кибенякъ, кабатъ и чугу*. При этомъ второмъ платьѣ употреблялся *кушакъ*, или *тесма*. Верхнее платье составляли *платки, шапешь, одпорядка, ферези пздовыл, или ферезей, и шуба*. Изъ нижняго платья извѣстны *штаники*, которые кроились иногда ить съ чулками и зимою подбивались мѣхомъ. Въ 1635 году февраля 7, царевичу Ивану Михайловичу скроены были *штаны* съ чулками, «тафта желта, въ длину отъ опушки 9 вершковъ, ширина въ поясу полсема вершка... на опушку къ *зелм* (карману) тафты *велью* червчатой 4 вершка... исподъ черева бѣлы». Чулки весьма-рѣдко бывали вязеныя; они обыкновенно шились изъ тафты и другихъ легкихъ матерій и на зиму подбивались также мѣхомъ. Къ обуви принадлежали *мчедыки*, родъ чулковъ изъ сафьяна, *башмаки* и *чеботы*, или короткіе сапоги. Пчедыки носились съ башмаками. Вообще вся дѣтская одежда шилась изъ различныхъ шелковыхъ и золотныхъ матерій и богато украшалась золотомъ, серебромъ, жемчугомъ и драгоценными камнями, а зимняя подбивалась дорогими мѣхами. Нужно замѣтить также, что дѣ-

(15) Въ Кроильной Книгѣ 7145 года, № 770, сказано, между-прочимъ: да въ *чуланъ* царевичу (Алексѣю), гдѣ онъ почиваетъ, на обивку къ стѣнѣ сукна багрецу червчатого...

ское бѣлье, полотняное или тафтяное, а равно и платье, сохранялось болѣею-частью въ кварценыхъ ларцахъ.

Весьма любопытно, что, кромѣ этого собственно-русскаго платья, дѣти царя Михаила Феодоровича носили и *нѣмецкое*. Совершенно-неизвѣстно какимъ образомъ зашло это нѣмецкое платье въ комнаты государя, къ его дѣтямъ и кто подалъ первую мысль объ этомъ костюмѣ. Припомнимъ, что древніе наши обычаи въ это время достигли полнаго цвѣта и съ особенною упругостью противились всякому чужеземному вліянію: *нѣмецкимъ извѣщаніемъ* въ это время гораздо-труднѣе было пробираться въ наши патріархальныя, крѣпкія своею стариною, жилища. Несмотря на это, были однакожь люди, которымъ нравились нѣмецкіе обычаи и которые носили даже французское и нѣмецкое платье. Между такими людьми весьма-значительное мѣсто, какъ по сану, такъ и по своимъ отношеніямъ, занимаетъ родственникъ царя Михаила Феодоровича, бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ. Олсарій очень хвалитъ этого боярина за его умъ и любезность и говоритъ, что онъ любилъ одѣваться во французское и польское платье, но однакожь въ то время, когда былъ въ деревнѣ, или выѣзжалъ на охоту, потому-что явиться въ такомъ платьѣ при дворѣ было дѣломъ невозможнымъ.

Какъ родственникъ государя, бояринъ Никита Ивановичъ могъ завести и въ царское семейство мысль нарядить малолѣтнихъ царевичей въ нѣмецкое платье, въ чемъ, вѣроятно, былъ участникомъ и самый дядька царевича Алексѣя Михайловича, бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ. Тѣмъ скорѣе было принято нововведеніе, что въ этомъ случаѣ нѣмецкое платье составляло дѣтскій нарядъ, который, по самому значенію своему, открывалъ болѣе свободы и для видоизмѣненія русской одежды и даже для нововведеній. Такъ въ одной Крошальной Книгѣ ⁽¹⁶⁾ сказано, между прочимъ, что въ 1637 году января 11 «скроены царевичу Алексѣю Михайловичу башмаки *на нѣмецкое дѣло*, сафьянъ жолтъ». Потомъ «тогожь дни скроено государемъ царевичемъ (Алексѣю и Ивану) платье *на нѣмецкое дѣло, епанчи*, бархатъ алъ кизылбашской... да имъ же государемъ на кафтанцы *на нѣмецкое дѣло* и на штаны отласу рудожелтаго 10 аршинъ» и пр... Выраженіе *на нѣмецкое дѣло*, значить по нѣмецкому образцу, или просто платье нѣмецкое. То же самое платье находимъ и въ описи казны царевича Ивана Михайловича съ слѣдующимъ описаніемъ: «Нѣмецкое платье: *епанча*, бархатъ алъ опушенъ бархатомъ зеленымъ, подложена тафтою зеленою; кругомъ епанчи и по ожерелью круживо нѣмецкое серебряное. *Курта нѣмецкая и штаны*,

(16) Въ Арх. Ор. Пал. №. 1158.

отлась желть, круживо по нихъ нѣмецкое серебряное ; исподы, у курты пупки собольи, у штановъ, черева бѣлыя» (17).

И не одни царевичи носили такое нѣмецкое платье: дѣти, ровесники имъ по лѣтамъ, находившіяся при нихъ для услугъ и для забавъ, точно также были одѣты въ нѣмецкое платье. Въ 1636 году декабря 30. царевича князя Алексѣя Михайловича стольникамъ Родіону Стрешневу, Василью Голохвастову, Аванасью Матюшкину сдѣлано *нѣмецкаго платья* : « три *жюпана*, да трои *пукши*, сукно лундышь черлено; сукна пошло 9 арш. 5 вершк. На подкладку пошло пять сорочекъ суконныхъ желтыхъ и зеленыхъ. Подъ штаны (пукши) на подкладку пошло 12 арш. холста; на кафтаны (жюпаны) и на штаны пошло кружева серебрянаго кованаго нѣмецкаго 67 золотниковъ. Нашито 130 пуговиць нѣмецкихъ меншихъ, да 54 пуговицы нѣмецкихъ же большихъ... и всего кафтаномъ и штаномъ цѣна 30 рублей полсеми денги. Три *епанчи*, сукно лундышь зелено; сукна пошло 9 арш. съ верхкомъ; на подкладку пошло 9 арш. безъ чети сукна полуаглинскаго черленаго. Около епаначъ пошло 20 золотниковъ кружива серебрянаго нѣмецкаго; пришито 36 пуговиць нѣмецкихъ большихъ и всего епанчамъ цѣна 18 руб. 8 алтынъ полшесты денги. Три *шляпы* нѣмецкія; на тѣ же шляпы три скурка серебряныхъ. Трои *руковицы* нѣмецкіе перчатые. Трои *ожерелья* полотняныхъ. Шестеры *чулки* гарусные; трои *чижмы* нѣмецкіе, къ нимъ на завязки два аршина безъ дву вершковъ тесмы шелковой. И всего платью цѣна со всеѣмъ 64 руб. 20 алт. полтретьи денги. А приказалъ сдѣлать государевымъ словомъ бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ дяку Гаврилу Облезову; взяли платье стольники сами». Такой былъ нѣмецкій костюмъ царевичевыхъ стольниковъ; но трое *накрачеевъ*, то-есть маленькихъ музыкантовъ царевича Алексѣя Михайловича были одѣты въ подобное платье еще прежде. «Въ 1635 году мая 31, *накрачеевъ* сдѣлано платья нѣмецкаго три *юлы*, трои *пукши*, три *шапки*, сукно аглинское; сукна пошло черленаго, зеленаго, лазореваго 11 аршинъ. На подкладку пошло 11 арш. 10 вершк. холста, да 154 аршина скурковъ пошло разныхъ цвѣтовъ; пришито 36 портиць пуговиць нѣмецкихъ шолоковыхъ. На подкладку (еще) пошло 10 арш. стамеду разныхъ цвѣтовъ. И всего платью цѣна 21 р. 22 алт. полпяты денги.»

Въ 1638 году іюня 26, царевичевымъ *металникомъ* (капатнымъ плясунамъ) Макарку да Иванку Ондреевымъ «сдѣлано двѣ курты, да двои штаны, сукно настрафиль одинцовое черлено, сукна пошло 4 арш.

(17) Книга Государя Царевича Князя Ивана Михайловича всякой казнѣ и платью, №. 680.

безъ чети, на подушку пошло по полутора аршина крашеины лазоревой... приняты пугвины втычныя, шолкъ зеленъ, на ремешкахъ... принято къ рукавамъ 20 крючковъ мѣдяныхъ. Имъ же дѣлано два *аракчина*, сукно багрецъ. А приказалъ (сдѣлать платье) государевымъ словомъ бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ». Карлы царевичей ходили также въ куртахъ. Такимъ-образомъ, малолѣтние сыновья царя Михаила и почти весь ихъ штатъ одѣты были въ нѣмецкое платье (18).

Въ дѣтскомъ платьѣ царевенъ особливо замѣчательнѣе, по своему богатству, головной уборъ. Какъ царевны, онѣ носили *вънецъ и коруну*. Вънецъ (вънокъ) составлялъ собственно княжескій дѣвичій головной уборъ. Употребленіе его относится еще къ XV вѣку. Изъ одной княжеской духовной грамоты того времени узнаемъ, что князь Михаилъ Андреевичъ Верейской подарилъ своей дочери «*вънецъ царской* съ города, да съ яхонты да съ лалы да съ зерны съ великими; другой *вънокъ* низанъ великимъ жемчугомъ» (19). Въ 1635 году августа 4, царица Евдокія Лукьяновна пожаловала дщери своей, пятилѣтней царевнѣ Аннѣ «*вънецъ* теремчатъ о десяти верхехъ, дѣланъ по золотой цѣхъ, травы прорѣзныя съ финифты съ розными; а въ *вънцѣ* въ нижнихъ теремахъ въ золотыхъ гнѣздахъ три яхонта червчаты гранены, да три яхонта лазоревы, да четыре изумруда гранены, да въ верхнихъ теремахъ въ золотыхъ же гнѣздахъ четыре яхонта червчеты, да три яхонта лазоревы, да три изумруда четверугольны; около верхнихъ и нижнихъ теремовъ и на низу обнизано жемчугомъ. Поверхъ теремовъ на спняхъ десять зеренъ гурмыцкихъ. Подложенъ тафтою червчатою». Въ 1636 году января 24, царь Михаилъ Феодоровичъ пожаловалъ девятилѣтней царевнѣ Иринѣ «*вънецъ* золотъ съ города, по немъ травы золоты прорѣзныя съ финифты съ розными. У *вънца* въ городѣхъ и межъ городовъ 96 алмазовъ да 109 лаловъ. *Накосникъ* по цѣхъ серебряной золоченой низанъ жемчугомъ большимъ; на концѣ у *накосника* три ворворки обнизаны жемчугомъ; въ кистей мѣсто низано жемчугомъ мелкимъ; по концомъ перепелы серебряны золочены. Подложенъ (*вънецъ*) тафтою желтою». Кромѣ упомянутаго здѣсь *накосника*, или *косника*, при *вънцахъ* носили *поднизы*. У *вънца* царевны Анны была поднизъ, «по отласу по червчатому низана жемчугомъ большимъ и середнимъ; межъ жемчугу звѣздки золоты». Въ 1636 году въ царицыной Мастерской Палатѣ устроена была нѣмецкими мастерами для девятилѣтней царевны Ирины «*коруна* дѣлана по цѣхъ серебряной золоченой, низана

(18) Расходныя книги Казеннаго Приказа, №. №. 766, 961, 964.

(19) Собр. Госуд. Гр. и Дог. I. №. 122.

жемчугомъ большиниъ и серединиъ съ города, межъ жемчугу 24 рены золоты сѣнчаты съ финифты съ лазоревымъ да съ бѣлымъ; подложена тафтою алою». Въ томъ же году пѣщицы сдѣлали коруны для царевнъ шестилѣтней Анны и двухлѣтней Софьи, дочерей царя Михаила. При корунѣ употреблялись также *рясы*, которыя низались изъ жемчуга въ видѣ длинныхъ прядей. Онѣ привѣшивались съ правой и съ лѣвой стороны коруны и виспадали на плечи. Къ корунѣ царевны Ирины принадлежали «рясы низаны жемчугомъ, промежъ жемчугу и по кондотъ 40 яхонтовъ лазоревыхъ да 8 лаловъ; колодки у рясы золоты навожени чернью, въ колодкахъ 4 яхонта червчатыхъ да два изумруда, да и спихъ 18 зеренъ жемчужныхъ». Различіе между вѣнцомъ и коруною состояло въ томъ, что первый былъ собственно вѣнокъ, безъ тулы, которая составляла необходимую принадлежность коруны и тѣмъ отличала эту послѣднюю отъ вѣнца. Когда царевны подростали, то изъ вѣнцы и коруны, становившіеся неудобными для употребленія, переносили къ другимъ малолѣтнимъ царевнамъ, что видно изъ описей изъ казны.

Обыкновенный головной уборъ малолѣтнихъ царевнъ составляли *кмика*, *тафья*, *шляпа круглая*, *столбунецъ*, *шанка льняная* съ околочъ и *шанка* высокая лисья, *горлатная* или черевья, и *треуголъ*. У царевны Ирины Михайловны въ числѣ нарядовъ были: «*кмика*, отлась червчетъ, на ней запоны золоты съ каменемъ съ алмазы съ яхонты и съ изумруды; у поднизи зерна гурмыцкіе на золотыхъ сѣняхъ, назади бархатъ черной»; *тафья*, бархатъ червчатъ, у тафьи напереди запона золота велика четверугольна репейчата; въ запои алмазы и яхонты червчаты, межъ алмазовъ и яхонтовъ по репешъ и межъ репешевъ финифты розныя, да на той же тафѣ по сторонамъ и назади три запоны золоты репейчаты жъ съ алмазы, межъ репешъ и въ репешъ финифты розныя; у тафьи въ верхней и въ нижней каинѣ въ золотыхъ гнѣздѣхъ алмазы и яхонты червчаты и лалы и изумруды, обнизаны жемчугомъ серединиъ; да у тафьи жъ верхняя и нижняя кайма и около запои обнизана жемчугомъ гурмыцкииъ большиниъ; подложена тафтою лазорвою». Въ казнѣ царевны Татьяны Михайловны находимъ *столбунецъ* соболей, обнизанъ жемчугомъ съ запаны, въ запанѣ золотой лалы⁽²⁰⁾.

(20) Это небольшая шаночка, покрой которой видѣнъ изъ слѣдующей записки: 1631 года октября 30, скроена пятилѣтней царевнѣ Ирине: «шаночка *столбунцомъ* соболей, вышина $2\frac{1}{4}$ вершка, ширина $5\frac{1}{4}$ вершка; наверху кругъ — камка серебряна по алой землѣ, три вершка съ четью.»

Дѣтское платье царевнѣ заключалось въ тѣхъ же предметахъ, какіе были въ употребленіи у взрослыхъ, исключая только *кафтаницы*—собственно-дѣтской женской одежды, подобной покрою мужской того же наименованія. У царевны Ирины было такихъ кафтановъ 36, въ томъ числѣ два кафтана турецкихъ. У царевны Татьяны теплыхъ и холодныхъ кафтановъ было 24. Изъ двухъ турецкихъ кафтановъ царевны Ирины одинъ подаренъ ей отцомъ — царемъ Михаиломъ въ 1634 году, когда ей было только шесть лѣтъ и въ то время «какъ она государыня начела учить часы». Онъ описанъ слѣдующимъ образомъ: «кафтанъ турецкой, отласть серебрянъ, по лемъ круги шахматныя, въ нихъ шолкъ червчетъ да зеленъ, межъ круговъ репья, шолкъ лазоревъ; а въ нихъ шолкъ червчетъ. На вороту 28 кляпышевъ, обдѣланы серебромъ съ шолкомъ съ червчатымъ да съ лазоревымъ, на рукавахъ у запястья по 4 пуговики серебряны; подушенъ дорогами червчеты».

Эти кафтаны, подобно *тльогръямъ* и *шубкамъ*, надѣвались всегда на сорочку. Ко второму платью, которое носили сверхъ этого, принадлежатъ: *лѣтникъ*, *распашница* и *кортель*. Лѣтникъ — одежда съ длинными и весьма-широкими рукавами, которые назывались *накалками*; къ концамъ этихъ рукавовъ, то-есть къ запястьямъ, пришивали *вошвы* изъ золотныхъ матерій, или изъ бархату и отласу, всегда богато-низанныя жемчугомъ и усыпанныя драгоценными камнями. Распашница — тотъ же лѣтникъ, сдѣланный распашнымъ. Она застегивалась спереди пуговицами. Кортеlemъ назывался лѣтникъ зимній, подбитый всегда мѣхомъ. При лѣтникахъ, царевны носили еще *приволеку*. У царевны Ирины была «приволека тафта червчета, вошвы по отласу по червчетому низаны жемчугомъ; а подается съ лѣтникомъ большого наряда». Верхнюю одежду составляли лѣтомъ *опашень*, а зимою *шуба*. Съ опашнемъ носили *круглое накладное ожерелье* изъ собольяго или боброваго мѣха. Обувь царевнѣ, подобно царевичамъ, заключалась въ чулкахъ и чедыкахъ, башмакахъ и чеботахъ. Все это платье шилось также изъ богатыхъ шелковыхъ и золотныхъ матерій, а зимнее подкладывалось дорогими мѣхами.

Несмотря на все это богатство, на шелковыя и золотыя ткани, дорогіе мѣха, жемчугъ и драгоценныя каменья, несмотря на великолѣпіе, которымъ окружены были дѣти государя съ самыхъ первыхъ дней, воспитаніе ихъ въ существенныхъ чертахъ велось чрезвычайно-просто...

Теперь мы остановимся на дѣтскихъ забавахъ, играхъ и игрушкахъ, которыя въ то время извѣстны были вообще подъ именемъ *потѣхъ*, *потѣшекъ*. Эти потѣхи и потѣшки были весьма-разнообразны. Онѣ

во многихъ отношеніяхъ служить вѣрнымъ зеркаломъ, вѣрною характеристикою старины, обличаютъ тогдашніе вкусы, раскрываютъ новыя, дотолѣ малоизвѣстныя, стороны древней жизни и вообще представляютъ такія черты, посредствомъ которыхъ пониманіе древняго быта получаетъ болѣе ясности и опредѣленности.

Въ царскомъ быту дѣтскія игрушки и разныя потѣхи болѣею-частью покупались у торговыхъ людей въ овощномъ и *потѣшномъ*, то-есть игрушечномъ городскихъ рядахъ и въ лавкахъ у иноземцовъ: весьма также часто они изготовлялись дворцовыми мастерами токарями — станочниками, живописцами и пр., какъ увидимъ ниже. Свѣдѣнія объ этихъ игрушкахъ и потѣхахъ, собранныя нами, должно замѣтить, съ большимъ трудомъ, предлагаемъ здѣсь въ видѣ перечня и болѣею-частью словами текста, что, по нашему мнѣнію, совершенно-неизбѣжно въ первоначальной разработкѣ матеріала. По-крайней-мѣрѣ передаваемый въ такомъ видѣ матеріалъ всегда носитъ на себѣ печать полной достовѣрности первоначальнаго источника.

Древнія расходныя записки сообщаютъ намъ, напримѣръ, что, въ 1635 г. января 31, во время выѣзда царицы Евдокии Лукьяновны на богомолье въ Спасу на Новое, было выдано боярскимъ дѣтямъ, сопровождавшимъ государыню, 32 алтына, 2 деньги, «а они на тѣ деньги купили потѣхи: птичекъ кожаныхъ и баранчиковъ деревянныхъ, и жбанцовъ, и горшечковъ, и мечиковъ, и колокольчиковъ, и иныхъ всякихъ потѣхъ, въ хоромы, на потѣху государскимъ дѣтямъ». Въ томъ же году, ноября 22, какъ царица шла къ Москвѣ изъ села Рубцова, «выдано торговымъ людямъ, что на Покровкѣ, за калачики пшеничныя здобныя и за тертые и за яблока садовыя и за рѣзань, да за потѣхи: за нѣмки и за конныя, и за ястребцы, и за пѣтушки, и за баранчики деревянные, и за коточки мурамленые, и за ножички, черенья съ костями слоновыми, да за сани и за топорки оловянные, и за иныя за всякія разныя потѣхи 2 руб. 26 алт. Потѣхи взяты къ государямъ царевичамъ и къ государынямъ царевнамъ для потѣхи. Декабря 15-го царица «ходила молиться къ Спасу на Новое и по ее государынину приказу торговымъ людямъ за потѣхи за сани деревянные рѣзныя, и за мужики рѣзныежъ, да за нѣмочки деревянные, да за баранчикъ, всего 23 алт. 2 денги. Сани и нѣмочки и баранчикъ взяты въ возокъ къ государышѣ царицѣ для потѣхи ихъ государскихъ дѣтей».

Въ 1637 году сентября 21, когда царица поѣхала въ Сергіевъ Монастырь «куплено для государскихъ дѣтей калачиковъ и орѣховъ и ягодъ на восемь алтынъ». Въ этомъ же походѣ, сентября 30, «куп-

лено для потѣхи государскимъ дѣтямъ орѣховъ и проч. на четыре алтына четыре денги.»

Для царевича Алексѣя Михайловича (род. въ 1629 г.) было куплено: въ 1630 г. въ Москотильномъ Ряду потѣшныя топорки; въ 1632 г. въ Охотномъ Ряду четыре птички потѣшныхъ съ клѣтками; въ 1633 г. въ Потѣшномъ Ряду четырнадцать птичекъ разныхъ для потѣхи. Въ числѣ такихъ потѣшныхъ птичекъ бывали и живыя — воробьи и птички чечетки.

Въ 1635 г. царевичу Алексѣю Михайловичу куплено въ Охотномъ Ряду три воробья живыхъ за два алтына, а въ 1639 г. тамъ же взято четыре птички чечетки за четыре денги. Въ 1637 г. апрѣля 8, прапорщикъ иѣмецъ Анцъ Вестволь дѣлалъ царевичу «въ воску и въ краскахъ — каковы бывають виноградныя цвѣты и винограды и линоны». Въ 1634 г. января 7, куплено въ *Домерномъ Ряду* у торговаго человека для потѣхи царевича Алексѣя Михайловича потѣшныя двѣ *домры* да *рыле*. Домра — родъ *итары*, а *рыле* — *лиры*, о которыхъ Маскевичъ говоритъ, что этотъ инструментъ похожъ на скрипку, только вмѣсто смычка употребляютъ колесо, приправленное посредникъ: одною рукою кружатъ колесо и трѣгаютъ имъ струны снизу, другою прижимають клавиши, которыхъ на шейкѣ инструмента находится около десяти; каждый придавленный клавишь сообщаетъ струнѣ звукъ тонѣ. Впрочемъ, играютъ и припѣвають на одну только ноту ⁽²¹⁾. Точно такъ *рыле* описаны и въ старомъ Академическомъ Словарѣ. Въ 1642 г. купленъ на потѣху царевичу *гудокъ* за полтину.

Объ игрушкахъ царевича Феодора Алексѣевича находимъ слѣдующія извѣстiя. Въ 1666 г. куплено для него у торговаго иноземца Фредрика Брыкаря медвѣдокъ, который бьетъ въ барабанъ — 30 руб., да розныхъ образцовъ птичекъ иѣмецкаго дѣла на 9 руб. Судя по огромной цѣнѣ, должно полагать, что медвѣдокъ и эти птички отличались какимъ-либо особымъ механическимъ устройствомъ и, безъ сомнѣнiя, были привезены изъ-за границы. Въ 1669 г. иконописецъ Петръ Аванасьевъ писалъ красками царевичу Феодору пять барашковъ, да два козлика, да двѣ булавы. Въ 1670 г. сдѣлано царевичу три гнѣзда голубей, позолоченныхъ и расцвѣщенныхъ по серебру розными цвѣтными красками. Въ 1675 г. царевичу построены цымбалы да сдѣлана *потѣшная баба* деревянная, нарядная, въ кикѣ низаной съ камнемъ и съ пелепелы и съ рясы; и серги и ожерелье низанное съ камнями жъ; и зарукавье низанное съ ка-

(21) Сказанiя Современниковъ о Дмитрiи Самозванцѣ, изд. г. Устряловымъ. Ч. V. Спб. 1834.

меньи жъ, въ лѣтникѣ и шубкѣ» — однимъ словомъ, кукла въ полномъ тогдашнемъ нарядѣ. Въ томъ же году, мая 28, бояринъ Артемомъ Сергѣевичъ Матвѣевъ поднесъ царевичу Феодору Алексѣевичу, въ числѣ другихъ даровъ, *клувикорты* да двѣ *охтавки*.

Въ числѣ игрушекъ Петра-Великаго, когда онъ былъ еще царевичемъ, упоминаются: въ 1673 году потѣшный стулецъ на колесахъ, въ 1674 году *клувикорды*, *цымбалы* нѣмецкаго дѣла, цыбальца книжкою; въ 1675 году *страменты* потѣшные, съ стальными иглами; въ томъ же году ему сдѣлана *потѣшная баба*, деревянная и такъ же украшенная, какъ у царевича Феодора. Въ 1676 году къ святой-недѣлѣ велѣно было живописцу Ивану Салтанову расписать для царевича красками «гнѣздо голубей, гнѣздо ракутокъ, гнѣздо кинарѣекъ, гнѣздо щеглятъ, гнѣздо чижей, гнѣздо борановъ — а у боранковъ сдѣлать, чтобъ была будто шерсть по нимъ сушая». Въ томъ же году упоминается о *деревянномъ потѣшномъ кораблѣ*, который въ это время былъ разобранъ и починенъ.

Гораздо-больше извѣстій сохранилось объ игрушкахъ царевича Алексѣя Петровича. Въ 1693 году, когда ему было только три года, куплено для него, въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ, разныхъ *потѣшекъ*: «городокъ съ походячими мужичками, страменты, на кругу строй мужичковъ, собачка съ медвѣдкомъ, строй стрѣлцкій съ барабаны и знамены, коляска, шатрикъ съ бесѣдкою, меленка, шатрикъ, лошадка съ мужичкомъ». Кромѣ-того, въ томъ же году куплено: октября 13, двѣ коляски да охотникъ со звѣремъ; ноября 5, двѣ птички съ *пикулями* да птички жъ въ дву гнѣздахъ заморскаго дѣла; ноября 6, городокъ съ походячею куклою, съ конкомъ да съ собачкою, да городокъ же, да полукоретка, да страменты; ноября 7, иноземецъ Иванъ Ганъ дѣлать царевичу городокъ костяной съ боляски, въ томъ городкѣ бесѣда куколъ нѣмецкихъ потѣшныхъ. Ноября 9, куплено потѣшекъ: шатрикъ съ конками, собачка походячая, нѣмка, что толчетъ въ ступѣ, двѣ нѣмочки съ лоточками; ноября 15, городокъ потѣшный съ бесѣдками; ноября 22, коровка, краснѣ, три пряхи, старочка, коляска; ноября 29, мельница съ толчеями, мельница съ коровками да съ голубыми, бесѣдка, что учатца грамотѣ, городокъ съ бесѣдкою, что посередь городка вертится кругъ, коретка съ конями да съ людьми; декабря 1, отдано было въ починку, за ново, потѣшная бесѣда — семь личинъ рѣзныхъ деревянныхъ да шатрикъ; декабря 15, куплено изъ ряду двѣ потѣшныя черепашки; декабря 22, корова, полканъ богатырь, львы съ птицами, козелки бьютца, двѣ бабы пряхи; декабря 24, городокъ съ бесѣдкомъ; декабря 29, башня съ тремя бесѣдками.

Въ 1694 году царевичу куплень, января 6, потѣшный городокъ съ башнями. Января 11, иноземецъ костяного дѣла мастеръ Иванъ Ганъ сдѣлалъ бесѣду потѣшныхъ куколъ съ страментами, о срединѣ столикъ; куклы были убраны серебрянымъ кружевомъ и лентами. Января 12, куплена бесѣдка; февраля 6, городокъ съ полковникомъ и съ кузнецами; февраля 9, мужикъ съ страменцы и съ походячими куклы; марта 13, городокъ съ коньками; марта 16, кузнецы, коляска съ нѣмками; марта 25, псарь съ походячими собаками; юня 1, костяная рѣзная коретка; юня 3, потѣшный городокъ съ полкомъ; августа 13, потѣшная полатка съ мельницею, что толкутъ порохъ, да кузнецы; сентября 14, псарь съ собачками съ походячими, ткаля, двѣ пряхи, потѣшный городокъ съ медвѣдемъ, потѣшные сѣкачи, что на колесѣ, бесѣдка и мельница съ жерновами ⁽²²⁾.

Въ 1695 году, марта 4, куплены царевичу потѣшки: Полканъ, Бова королевичъ, олень съ рощею, лось съ бораномъ, бесѣдка свадебная, корова, двѣ птицы, грифъ, сиринъ, пряха съ ткалею.

Въ 1696 году, августа 8, сдѣланы три колодезя потѣшныхъ брусьевъ, росписанныхъ красками, въ томъ числѣ одинъ кругомъ по чети аршина, въ вышину по размѣру, у него на доскѣ утверждень *очень*, другой поменьше того, надъ нимъ *колесо* съ рукоядьми; третій кругомъ въ три вершка, надъ нимъ *ворота* длинный съ рукоядьми; къ нимъ деревянные ведра на снурахъ шелковыхъ.

Въ 1697 году, апрѣля 18, куплена потѣшная нарядная верба. Мая 20, мама царевича Прасковья Алексѣевна Нарышкина приказала сдѣлать ему *пустыню* столярскую, мѣроу въ длину и въ ширину по три чети аршина, кругомъ баясы точеные, о срединѣ келью, въ углу часовню, въ другомъ колодезь; кругъ баясъ поставить дерева; келью и часовню и колодезь и баясы росписать красками, какъ пристойно.

Въ 1695 году, декабря 19, подобнымъ же образомъ устроенъ былъ потѣшный столярный чуланъ, съ дверью. Юня 3, 1697 года, отданъ былъ въ починку голубь потѣшный деревянный оклейной, въ перьяхъ.

Царевичи играли также въ шахматы, которые не какъ игра, а какъ игрушка, особенно нравились дѣтямъ; у cadaго царевича было нѣскольکو шахматныхъ игорь, и кромѣ-того имъ часто дѣлали новые, большею-частью изъ слоновой или *рыбьей* кости; шахматныя же доски расписывали красками и украшали золотомъ и серебромъ. Кромѣ шахматной игры, упоминаются еще игры, однородныя съ нею: *тавлеи*, *бирки*, *саки* и *гусиная игра*. Такъ въ 1638 году шахматникъ Кирило Кузь-

(22) См. Приложение V.

иниъ дѣлалъ царевичамъ Алексѣю и Ивану Михайловичамъ шахматы слоповые. Въ томъ же году для царевича Алексѣя куплены въ Овощномъ Ряду костяныя тавлеи. Въ 1676 году живописецъ Иванъ Салтановъ расписывалъ красками, золотомъ и серебромъ шахматцы маленькіе для царевича Петра Алексѣевича. Для четырехлѣтняго царевича Алексѣя Петровича въ 1694 году приказано было сдѣлать доски шахматныя, длина и ширина по полуаршину, и расписать по серебру краски; на другой сторонѣ написать птички. Въ 1696 году ему же написаны были по двойному золоту и серебру разными красками на доскѣ, на одной сторонѣ игра шахматная, а на другой тавлейная. Въ 1699 году писаны двѣ доски бирки да саки, да доска—гусиная игра, на другой сторонѣ саки.

Въ числѣ игрушекъ находимъ и нѣмецкія карты, простыя и молотковыя, которыми торговали въ Овощномъ Ряду. Въ 1633 году, ноября 3, тамъ куплены четырехлѣтнему царевичу Алексѣю Михайловичу карты нѣмецкія за 3 алтына 4 деньга; въ 1635 году, января 13, куплены двой карты молотковыя за 10 денегъ; марта 8 еще двой карты молотковыя, да двой простыя. Въ 1674 году царевичу Феодору Алексѣевичу велѣно было написать *потѣшную игру карты*, по золоту цвѣтными красками.

Царевичи тѣшились также спусканіемъ *волчковъ* и *вертушекъ*, гоняли *кубары*, играли въ *мячики*. Въ 1676 году, апрѣля 23, живописцу Ивану Салтанову велѣно было выписать красками потѣшные волчки для четырехлѣтняго царевича Петра Алексѣевича. Въ 1690 году для царевича Алексѣя Петровича было сдѣлано три волчка «одинъ изъ дерева нѣмецкаго чипрасу, а два изъ кленоваго, позолочены и посеребрены». Для спуска ихъ купленъ шнуръ шемаханскаго шелку съ тремя петлями, концами и средниками и перевить золотомъ пряденымъ. Въ 1696 — 1697 годахъ царевичу живописцы позолотили и частью прикрыли киноваремъ 19 волчковъ, 23 вертушки и 39 кубарей⁽²³⁾.

Въ 1668 году, мая 16, въ хоромы трехлѣтнему царевичу Симеону Алексѣевичу сдѣлано двадцать мячиковъ въ бархатахъ гладкихъ, въ аломъ, въ червчетомъ, въ зеленомъ, въ голубомъ; августа 19 сдѣлано еще десять мячиковъ, бархатъ виницейскій по серебряной землѣ, моргъ рудожелтъ. Эти мячики набивались хлопчатую бумагою и украшались галуномъ. Въ средину ихъ клали иногда жѣдныя круглыя колокольчики, то—есть бубенчики.

Изъ розыскаго дѣла о смерти царевича Дмитрія видно, что царевича

(23) См. Приложение VI.

вѣчи играли въ *тычку* или въ *свайку*, черезъ черту пожомъ или въ кольцо. Въ 1630 году для царевича Алексѣя Михайловича было куплено въ Серебряномъ Ряду три серебряныя свайки, которыя и поданы въ хоромы для потѣхи. Въ 1671 году велѣно было посеребритъ свайку прорѣзную съ кольца царевичу Феодору Алексѣевичу.

Въ числѣ дѣтскихъ забавъ находимъ также качанье на качеляхъ и катанье съ горъ въ санкахъ и салазкахъ. Свѣдѣніе о качеляхъ сообщаютъ намъ старинныя кроильныя книги, въ которыхъ, между-прочимъ, записано, что въ 1635 году, апрѣля 7, царевичу Алексѣю Михайловичу изошло въ кроенье на качель бархату червчетаго три аршина, сукна червчетаго, багрецу, аршинъ. Въ 1638 году, сентября 2, вышло сукна червчетаго настрайлю четверть аршина — царевича Алексѣя къ *сдѣлкѣ* качельной и къ веревкамъ. О санкахъ и салазкахъ встрѣчаемъ слѣдующія извѣстія: 1633 года, ноября 19, съ Москвы—Рѣки съ леду торговому челоуѣку дано за трои санки невелики по 10 денегъ за санки; а взаты тѣ санки къ царевичу Алексѣю Михайловичу для потѣхи. Въ томъ же году, декабря 1, были обиты ему въ потѣху *салазки* червчатыхъ сукномъ, а въ 1634 году, ноября 24, для потѣхи же царевича куплены пятеры санки маленькіе съ облукми, да санки маленькіе вырѣзные. Въ 1635 году въ декабрѣ куплены царевичу Ивану Михайловичу двои санки невелики и обиты, одни кунницами, а другіе сукномъ багрецомъ червчатыхъ.

Въ запискахъ 1635 года упоминается еще о *потѣшной сворѣ*, которая была сдѣлана изъ шелку для царевича Алексѣя Михайловича, и которая заставляетъ думать, что царевичъ игралъ и въ псовую охоту.

Малолѣтныя царевны играли, разумѣется, въ куклы. Въ 1629 году записано, между прочимъ, «къ царицѣ въ хоромы четырнадцать лоскутовъ отласовъ золотныхъ да бархатныхъ разными цвѣты, да лоскутъ камки кармазину червчатой, да лоскутъ тафты лазоревой, аршинъ безъ чети камки китайки, полтора золотника шелку червчатаго да лазореваго; приняла боярыня Катерина Бутурлина, а въ тѣхъ лоскуткахъ и въ шелку дѣланы царевнѣ Иринѣ потѣшныя куклы». Въ 1627 г. знаменьщикъ (рисовальщикъ) Петръ Ремезовъ дѣлалъ царевнѣ Иринѣ потѣху: дѣвки по литаврамъ бьютъ, а сторожъ Лучка Опаньинъ дѣлалъ потѣшную яблонь, листьє, золото. Въ 1629 г. царица Евдокія Лукьяновна подарила царевнѣ Иринѣ куклу, дѣвку, шѣмку. Въ 1630 г. для царевны сдѣлана была *накреная потѣха*, на устройство которой куплено тогда 48 листовъ золота сусальнаго, разныхъ красокъ, 20 колокольцовъ жѣдєныхъ круглыхъ, то-есть бубенчиковъ, ремєнья и проч. Эта накрєная потѣха — собственно *накры*, а накрами назывались

бубны. Въ 1634 году упомянута потѣха царевны Ирины: «возокъ серебрянъ на колесахъ, невеликъ, нѣмецкое дѣло, да другой возочникъ серебрянъ на санное дѣло, не великъ же, а въ немъ сядятъ нѣмчанинъ да нѣмка, передъ возкомъ стоитъ нѣмчанинъ же». Вельма-часто игрушки покупались въ рядахъ у торговыхъ людей; такъ для потѣхи царевнѣ Иринѣ куплено въ 1634 г., мая 9, трои серги мѣденныя, шестнадцать поясовъ нитяныхъ, да четверы чотки. Декабря 14 куплена потѣха: сдѣлано деревцо съ цвѣты — шолки розныя. Декабря 21 выдано Прянчнаго Ряду, что на Неглиннѣ, торговому человѣку за шесть голубчиковъ деревянныхъ потѣшныхъ, по нихъ писано золотомъ да краски розныя; за четыре вѣтушка деревянныхъ же, за три бубенчика паюсныхъ, за четыре дѣвки нѣмки, деревянные, потѣшныя, всего 24 алтына 2 деньга. Въ 1632 г. куплены трои ножницы, три птички, три конки деревянные, писаны красками, шесть колокольцовъ мѣденыхъ съ язычки, десять булавокъ, десять иголя, два зеркала, пять котковъ. Въ 1633 г. въ Потѣшномъ Ряду куплены куклы, да конки, да барашки и пр. Въ 1634 г. куплено для потѣхъ царевны Ирины три игольника потѣшныхъ да *домры*. Въ томъ же году были сдѣланы для царевнѣ Ирины и для Анны потѣшныя кукольныя сафьянныя колыбели, кукольныя потѣшныя шапки и пр. Въ 1635 г. куплены царевнѣ Иринѣ и Аннѣ потѣшныя ларчики. Въ 1638 г. для царевны Анны куплены потѣшныя коньки и колокольчики. Въ 1640 г., декабря 18, царица Евдокія Лукьяновна пожаловала дщери своей, царевнѣ Иринѣ «*цымбалы невелики, дѣланы въ деревѣ въ черномъ, теремчаты, нѣмецкое дѣло; наверху сдѣлано три мужичка: нѣмецъ да двѣ нѣмочки*». Въ 1650 г. куплены «потѣшная собачка, да олень, да два колокола *члмъ тлшиться* царевнѣ Евдокѣ Алексѣевнѣ». Въ 1653 г. Прянчнаго Ряду торговый человѣкъ починивалъ царевнѣ Марѣ Алексѣевнѣ потѣшную карету.

Царевны, подобно царевичамъ, катались также съ горъ въ санкахъ, качались на качеляхъ и играли въ мѣчки. Въ 1627 г., августа 24, выдано было изъ царицыной казны шесть алтынъ «на семь мѣчиковъ, на лоскутъ сафьянное, да на десять колокольчиковъ мѣднанныхъ, для царевны Ирины». Въ 1629 г. въ потѣшныя въ бархатныя въ цвѣтныя мѣчки царевны Ирины положены мѣдныя круглыя колокольчики (бубенчики). Въ томъ же году, апрѣля 24, «для царевны обшита качель сукномъ червчатымъ багрецомъ, да поверхъ сукна бархатомъ червчатымъ гладкимъ, а въ 1630 г., января 10, куплены для потѣхи царевны Ирины, съ Москвы-рѣки съ леду, санки лубяныя десять за денегъ.

Царевны, кромѣ-того, катались въ потѣшныхъ креслахъ: въ 1650 г. кузнецъ Гришка Лазаревъ дѣлалъ къ потѣшнымъ кресламъ царевны

Евдокии Алексѣевны четыре колеса, да двѣ помочи; въ 1653 г. подъ креслы царевны Марыи Алексѣевны дѣланы также желѣзные луженныя колеса.

Гораздо-важѣе и несравненно-занимательнѣе для царевичей были игрушки и игры воинскія. Году или двухъ царевичи ѣздили уже на деревянномъ конѣ, или на деревянной потѣшной лошаdkѣ. Такъ у царевича Алексѣя Михайловича былъ (въ 1630 г.) «конь, царевичевы потѣхи, нѣмецкое дѣло, дѣланъ на стоянцѣ на деревянномъ; на конѣ сѣдло и войлуки оболочены бархатомъ червчатымъ рытымъ; узда и наперсть и пахви — ременья обьяринные, оковано мѣдью луженою, стремена мѣденыежъ луженые, покровецъ на сѣдло камка двоелычна мелкотравна нѣмецкая». Подобный конь былъ и у царевича Ивана Михайловича, что видно изъ записокъ 1635 г., въ которыхъ упомянуто: «Скроены царевичу Ивану Михайловичу, къ потѣшной къ деревянной лошаdkѣ, къ стременамъ путлища, отласъ червчатъ.» Въ 1673 г. починавали потѣшную деревянную лошадъ царевичу Феодору Алексѣевичу и украсили ее простыми камнями (цвѣтными стеклами), золотомъ, серебромъ и красками. Въ томъ же году была сдѣлана грива къ деревянному коню царевича Ивана Алексѣевича. Въ 1673 году была устроена *потѣшная лошадка* съ сѣдломъ царевичу Петру Алексѣевичу; она обита была жеребьячьею выдѣланною кожею и украшена мѣдною высеребряною и вызолоченною сбруею.

Въ 1694 году, декабря 4, для царевича Алексѣя Петровича приказано было сдѣлать: «кона деревяннаго потѣшнаго, вышиною въ аршинъ, длиною по размѣру, и оклентъ атласомъ дымчатымъ, и на того коня сѣдло на нѣмецкой или на гусарской образецъ, а покрыть то сѣдло и крыльца и тебеньки сдѣлать бархатные червчатые, и оклентъ кругомъ голуномъ серебрянымъ гладкимъ, какъ пристойно. Подпруги и пристуги и къ стременамъ пуслища тесмянные шелковые цвѣтные, узду и наперсть и пахви тесмянные жъ алаго шелку; муштукъ желѣзной посеребренной; пряжи и запряжники и наконечники къ уздѣ жъ и къ наперсти, и къ пахвямъ къ подпругамъ и къ пристугамъ и къ пуслищамъ — серебряны; стремена желѣзные посеребренные, прорѣзные; потники обшить бархатомъ и острочить кругомъ голуномъ и снуромъ золотнымъ. Чепракъ и покровъ сукна алаго кармазину добраго съ бахрамами и съ кружевомъ на нѣмецкой образецъ, подложить тафтою алоу; прикрѣпить того коня на доскѣ столарской, а подъ доску поддѣлать четыре колеса желѣзныхъ потайныхъ». Декабря 20, этотъ конь со всѣмъ нарядомъ былъ поданъ въ хоромы царевичу, гдѣ и приняла его мама ца-

ревича, Прасковья Алексѣевна Нарышкина. Царевичу въ это время было около двухъ лѣтъ.

Лѣтъ пяти, и даже раньше, царевичи надѣвали латы и вообще парадъ воинскій. Въ Оружейной Палатѣ, въ Москвѣ, хранится маленькій шлемъ царевича Ивана Ивановича съ слѣдующею надписью: «Повелѣніемъ благовѣрнаго христолюбиваго царя великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи самодержца сдѣланъ шлемомъ сей благородному сыну его царевичу Ивану Ивановичу въ четвертое лѣто отъ рожденія его, въ преименитомъ и царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 7065 (1557), іюня въ 8 день». Въ 1634 году латный мастеръ нѣмчинъ Петръ Шалтъ сдѣлалъ латы пятилѣтнему царевичу Алексѣю Михайловичу. Вѣроятно, эти самыя латы хранятся и теперь въ Оружейной Палатѣ, надѣтыя на восковыя дѣтскія фигуры.

Разумѣется, съ латами и съ воинскимъ нарядомъ соединены были разныя воинскія игры и потѣхи, входившія въ кругъ дѣтскихъ забавъ, по мѣрѣ того, какъ укрѣплялись силы и развивались понятія дѣтей. Царевичи били въ барабанъ, стрѣляли изъ луковъ, изъ деревянныхъ пищалей (ружей), пистолей и пушекъ; играли въ *ратный строй* вѣстѣ съ своими спальниками, столыниками и другими дѣтьми, находившимися при нихъ для услугъ и собственно для потѣхи, для забавъ. Такъ изъ расходныхъ записокъ 1633 года видно, что токарь Федья Степановъ дѣлалъ къ барабанцу царевича Алексѣя Михайловича дубовыя палочки, что въ 1636 году къ царевичеву барабану на поцѣпку дано тафты червчатой три вершка. Въ 1670 году, въ ноябрѣ, царевичу Феодору Алексѣевичу расписано было по золоту цвѣтными красками шесть барабановъ, большихъ и малыхъ. Въ 1673 г. расписанъ царевичу набатъ. Въ 1674 г.; живописецъ Иванъ Валтановъ росписывалъ еще шесть барабанцовъ и двѣнадцать палочекъ. Въ томъ же году, для царевича Ивана Алексѣевича куплена тесьма къ его маленькому набату, а двухлѣтнему царевичу Петру Алексѣевичу росписаны были золотомъ, серебромъ и красками барабанецъ и потѣшныхъ два набата. Въ 1675 г., царевичу Петру сдѣлано было еще нѣсколько такихъ же барабановъ, и въ томъ числѣ шесть по приказу царицы Натальи Кирилловны. Въ 1676 г. стрѣлецъ Прокофій Еремѣевъ дѣлалъ пять барабанцовъ царевичамъ Иоанну и Петру. Число этихъ потѣшныхъ барабанцевъ и ихъ частыя починки и подѣлки ясно указываютъ, что воинскія игры царевичей составляли самую любимую ихъ забаву. Въ этомъ мы можемъ еще болѣе убѣдиться, когда соберемъ свѣдѣнія о разныхъ другихъ предметахъ ратнаго дѣтскаго строя. Въ 1673 году царевичу

Феодору Алексѣевичу были устроены два потѣшныя знамя, а въ 1675 году два потѣшныя прапора.

Въ 1674 году живописецъ Иванъ Безминъ писалъ царевичу Петру Алексѣевичу пять знаменъ маленькихъ золотомъ, серебромъ и красками, по разнымъ тафтамъ, съ обѣ стороны солнце и мѣсяцы и звѣзды. Съ такими же изображеніями написаны были въ этомъ году прапоры для царевича Федора Алексѣевича. Въ 1675 году царевичу Петру на пяти прапорахъ росписаны золотомъ и красками, въ среднѣхъ звѣзды, а въ каймахъ травы.

Немалое количество изготовлялось также для дѣтской рати царевичей разнаго потѣшнаго, болѣею-частью деревяннаго оружія. Въ 1665 и 1666 годахъ, стольникамъ двѣнадцатилѣтняго царевича Алексѣя Алексѣевича сдѣлано одиннадцать древокъ тощихъ, да двѣнадцать древокъ нетощихъ, простыхъ, вѣроятно, для копей. Древки эти были расписаны по золоту красками. Въ томъ же году ему сдѣлано восемь стволовъ потѣшныхъ деревянныхъ липовыхъ.

Въ 1672 году царевичу Феодору къ потѣшному древцу придѣланъ былъ змѣй на пружинахъ желѣзныхъ, «чтобъ по тому древцу змѣй бѣгалъ». Въ 1683 году, для царевича Петра сдѣлано двѣнадцать копей желѣзныхъ, потѣшныхъ, прорѣзныхъ съ трубки.

Въ 1675 году, живописецъ Дороевъ Ермолаевъ писалъ золотомъ и красками потѣши царевичу Петру : топорокъ съ обушкомъ, топорокъ простой, чеканецъ, пятокъ ножинокъ, топоръ посольской (вѣроятно, для рынды), молотокъ, пятокъ шариковъ, а въ тѣ шарики положены колокольца. Въ декабрѣ того же года царевичу сдѣлано : четыре топора круглыхъ (посольскихъ?), три топора съ обушки, два топора простыхъ, два буздукана, двѣ булавы, четыре ножика, двѣ пары пистолей и ка рабинковъ.

Въ 1676 году живописецъ Дороевъ Ермолаевъ писалъ золотомъ и красками *потѣшныя игры* : пару пицалей (ружьевъ), пару пистолей, три булавы, три топорка, три ножика — въ хоромы царевичу Петру. Тогда же царевичу сдѣлана потѣшная сабля — ножны покрыты гзомъ зеленымъ, оправа мѣдная золоченая. Въ декабрѣ этого же года, царевичамъ Юанну и Петру еще было сдѣлано нѣсколько потѣшныхъ пицалей, пистолей, карабиновъ деревянныхъ, съ винтованными стволами и замками. Въ 1679 году, царевичу Петру расписывали два топорика, булаву, шестоперь, пистоль, карабинъ, потѣшныя деревянные. Въ то же время царевичу дѣлали изъ клену и изъ липы потѣшныя сабли, палаши, кончеры и проч. Въ 1690 году, августа 28, шестилѣтнему царевичу Алексѣю Петровичу приказано было сдѣлать

въ запасъ потѣшныхъ деревянныхъ четыре булавы, да сабельныхъ и тесашныхъ, и шпажныхъ и мечевыхъ, и палашиныхъ и кончерныхъ полосъ — по пяти мѣсть, и, сдѣлавъ, булавы позолотить сплошь, а у полосъ у всѣхъ позолотить же одни крыжи и череня (то-есть рукоятти), а полосы приешнить.

Царевичи очень любили также стрѣлять изъ луковъ. Такъ изъ записокъ 1638 года видно, что Оружейнаго Приказа стрѣльщикъ Пронья Донковъ дѣлалъ царевичамъ Алексѣю и Ивану стрѣлы, северги и срѣзши и томары *безпрестанно*. Въ 1640 году, лучной мастеръ Савелій Ивановъ дѣлалъ луки царевичу Алексѣю Михайловичу. Въ 1666 году, царевичу Алексѣю Алексѣвичу былъ шить золотомъ по бѣлому атласу *саадакъ* (Саадакомъ называлось вообще вооруженіе, состоявшее изъ *лубья* или *налуча*, то-есть влагалища для лука, и *колчана* — влагалища для стрѣлы). Въ томъ же году царевичу дѣлали два гнѣзда *томаровъ*, то жъ число *срѣзней*, то жъ число *свистовъ*. Все это были разнаго рода стрѣлы, у которыхъ перья были *орловыя бѣлохвостковыя*, то-есть изъ орлиаго хвоста. Въ 1667 году, иконописецъ Феодоръ Козловъ писалъ царевичу Феодору Алексѣвичу лукъ — въ цвѣтныхъ травахъ орлы. Въ 1671 году для царевича Феодора велѣно было сдѣлать пятнадцать гнѣздъ стрѣлъ, свистовъ, срѣзней, северегъ, томаровъ. Въ 1672 году царевичу Феодору подано было въ хоромы : лукъ по бѣлой кибити, да два лука по алой кибити — писаны золотомъ. Въ 1674 году, строчнаго дѣла мастеръ Прокопій Андреевъ сдѣлалъ царевичу въ красномъ гзу (сафьянѣ) и вышилъ волооченымъ золоченымъ и бѣлымъ турецкимъ серебромъ лубье саадашное съ колчаномъ.

Въ томъ же году кушлены царевичамъ Иоанну и двудѣтнему Петру Алексѣевичамъ девять лучковъ жильничковъ по 6 алтынъ по 4 деньги за лучокъ, да за восемь гнѣздъ северегъ по 8 денегъ за гнѣздо. Въ 1675 году для царевича Петра приказано написать золотомъ четыре лучка недомѣрочковъ, потѣшные, «а чтобъ были тѣ луки цвѣтны». Въ 1676 году сдѣлано еще два лука недомѣрочковъ, жильничковъ. Въ 1679 году стрѣльщикъ Василій Емельяновъ сдѣлалъ царевичу шесть гнѣздъ северегъ и томаровъ ко шти лучкамъ недомѣрочкомъ и жильничкомъ; стрѣлы были пошафранены, то-есть расписаны шафраномъ. Въ 1690 году, августа 17, приказано сдѣлать въ запасъ для шестилѣтняго царевича Алексѣя Петровича «три лука потѣшныхъ, деревяныхъ жильничковъ, мѣрою въ накладкѣ по тетивамъ : одинъ въ наларшина, другой въ семь вершковъ, третій въ пять вершковъ; да два лучка потѣшныхъ же роговыхъ, мѣрою по тетивамъ въ накладкѣ, одинъ въ четверть аршина, другой въ пять вершковъ; и въ томъ числѣ три

лука жпльничковъ позолотить и посеребрить листовымъ и сусальнымъ золотомъ и серебромъ на гунарбу сплошь, а у дву лучковъ роговыхъ крбштъ росписать золотомъ и серебромъ добрымъ мастерствомъ. И къ тмъ потшнымъ лучкамъ едлать по размру по два гтзда северегъ и томаровъ яблонowychъ или кленовыхъ, шефраненыхъ съ орловымъ бълхвосцовымъ перьемъ; уши и тамарки и срзни костяные, слоной или рыбей кости.

Само-собою разумется, что все это потшное вооруженіе длалось не для однихъ только царевичей, но и на всхъ дтей, которыя составляли ихъ полкъ, или рать, то-есть на спалниковъ, столыниковъ, карловъ и проч. Это видно ужъ изъ количества воинскихъ игрушекъ, которыя изготовлялись въ хоромы царевичей; но, кромъ того, есть и прямыя указанія. Такъ въ 1675 году карлъ царевича Θεодора Алексевича, Якушкъ Иванову шуту, купленъ былъ саадакъ стрълъ, за полтину; въ 1680 году ему же расписано было лубье саадашное, да сабельныя ножы потшныя. Въ 1676 году велно едлать четырехлтънему царевичу Петру Алексевичу въ лубье саадашное саадакъ стрълъ, по счету семнадцать стрълъ, да десять гтздъ стрълъ яблонowychъ съ бълхвосцовыми перьями, срзней, томаровъ, да десять гтздъ стрълъ березовыхъ, съ простымъ перьемъ, на *роходъ столыникомъ*.

Для стрълбы изъ луковъ, ввроятно, въ цль, въ 1669 году царевичу Θεодору Алексевичу изготовлено было *войлочное стрълбище*. На выездахъ въ загородныя дворцы, въ поле, царевичи любили тшиться стръланьемъ изъ луковъ по шапкамъ столыниковъ или низшихъ служителей. Шапки эти вшали на спицы, а иногда бросали вверхъ и стрълали въ нихъ, какъ въ цль. Впрочемъ, для этого болшею-частью употреблялись войлочные *колпаки*. Въ 1674 году въ июнь, были куплены четыре колпака полстяные блые (изъ войлока) по 3 алтына 2 денги и посланы въ походъ на Воробьево царевичу Θεодору Алексевичу и столыникамъ тшиться изъ луковъ. Царевичъ Алексій Алексевичъ выезжалъ съ столыниками для потшной стрълбы изъ луковъ болшею-частью въ Преображенское и Покровское, а царевичъ Θεодоръ на Воробьевы Горы, гдъ, недалеко отъ дворца, былъ даже *потшный лугъ*. За ними возили ихъ дтскую оружейную казну, то-есть луки, стрлы, колпаки и проч. (см. Приложенія III и IV).

Мы ужъ видли, что царевичи стрълали также изъ потшныхъ деревянныхъ пицалей, пистолей и карабиновъ; кромъ этого оружія, употреблялись еще и пушки, которыя особенно-часто длались царевичу Петру Алексевичу. Въ 1675 году ему золотили потшную пушечку съ станкомъ и съ колесы въ походъ въ Село Преображенское.

Въ 1683 году, января 13, велѣно сдѣлать къ нему великому государю въ хоромы «дѣѣ пушки деревянныя потѣшныя мѣрою одна въ длину аршинъ, другая въ полтора аршина, и посеребрить, на станкахъ и съ колесы окованными; на станкахъ каймы и въ кругахъ орлы и клеины литые оловянные, и росписать ихъ зеленымъ аспидомъ (подъ ираноръ) и съ дышлы... тѣ потѣшныя деревянныя пушки и съ станками къ великому государю въ хоромы подалъ боярнѣ и оружейничей Петръ Васильевичъ Большой Шереметевъ, марта въ 26 да апрѣля въ 1 числѣхъ». Въ юлѣ стольникъ Гаврила Ивановъ Головкинъ выдалъ изъ хоромъ государя Петра Алексѣевича шестнадцать пушекъ малыхъ и въ томъ числѣ «пушка большая безъ станку, дѣѣ пушки большіе на полковныхъ же станкахъ, три пушки верховые съ станками, дѣѣ пушки безъ станковъ большіе, пушка малая безъ станку, три пушки на волоковныхъ станкахъ, мѣдныя, дѣѣ пушки желѣзныя безъ станковъ. А приказалъ къ первой пушкѣ сдѣлать два станка, одинъ полковой, другой волоковой; а которые пушки безъ станковъ, къ тѣмъ пушкамъ придѣлать станки полковые и росписать красками цвѣтными; а старыя станки починитъ и колеса придѣлать новыя».

Кромѣ деревяннаго потѣшнаго оружія, царевичамъ дѣлалось также и обыкновенное. Выше мы упоминали о маленькомъ шлемѣ и латахъ, которые указываютъ, что царевичи носили полную броню. Нѣтъ сомнѣнія также, что они рано начинали стрѣлать изъ пищалей или ружей: въ 1641 году самопальный мастеръ Никита Давыдовъ сдѣлалъ двенадцатилѣтнему царевичу Алексѣю Михайловичу пищаль *духовую* (духовое ружье); такую же духовую пищаль, сдѣланную въ трости, нѣтъ и царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ. Въ Оружейной Палатѣ до-сихъ поръ хранится маленькая пищаль царевича Петра Алексѣевича.

Въ воинскія дѣтскія игры царевичи играли вмѣстѣ съ своими сверстниками, дѣтymi близкихъ сановниковъ, занимавшими при царевичахъ должности спальниковъ и стольниковъ, также съ карлами, шутами и дѣтymi низшихъ служебныхъ разрядовъ. У царевича Алексѣя Михайловича было двадцать человекъ стольниковъ, четыре карла и при немъ же находилось девятнадцать человекъ молодыхъ *накрачсеев* да двое *метальниковъ*. Накраччи были музыканты; они били по *накрамѣ* (въ бубны), играли въ сурны и *сипоши*, *сиповки*, то-есть дудки. Метальники плясали по канату (24). Но и тѣ и другіе во время воинскихъ

(24) Въ журналѣ перваго путешествія Петра Великаго за границу, 1697 и 1698 годовъ, отмѣчено, между прочимъ: въ Гамбургѣ «видѣлъ въ комедіи *метальника*, который метался предивно... въ Куленѣ на ар-

игръ царевичей вмѣстѣ съ стольниками составляли потѣшныя роты, потѣшный ратный строй, которымъ предводительствовалъ царевичъ.

Вообще нужно замѣтить, что царскія дѣти, какъ дѣти, всегда любили воинскія игры и игрушки. Припомнимъ древніе *постриги* и маленкій шлемъ четырехлѣтняго царевича Ивана, сына Ивана Васильевича Грознаго, сдѣланный, по всему вѣроятію, для совершенія этого обряда; припомнимъ и то, какъ въ древнее время рано начинали малолѣтныя князья даже дѣйствительные походы ⁽²⁵⁾. Въ царскомъ быту все это замѣнялось воинскими играми... Такимъ-образомъ приведенное выше свидѣтельство Рейтенфельса о воспитаніи царскихъ дѣтей будетъ несомнѣннѣмъ-справедливо. Онъ говоритъ, что царевичи вели сидячую жизнь, имѣли мало движенія, отчего были слабы и подвержены многимъ болѣзнямъ, такъ-что царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ даже умеръ отъ такого образа жизни, и что только съ этого уже времени дѣти государя стали упражняться каждый день въ опредѣленное время въ разныхъ играхъ: конной ѣздѣ, метаніи стрѣлъ изъ лука, катанья зимою съ горъ и пр.; но мы видѣли, что еще дѣти царя Михаила, царевичи Алексѣй и Иванъ, не только забавлялись стрѣльбою изъ лука и катались зимою съ горъ въ санкахъ и салазкахъ, но также качались на качеляхъ, носили латы, били въ барабанъ; и вообще любили воинскія потѣхи. Мы видѣли, что и царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ упражнялся въ метаніи изъ лука стрѣлъ и нерѣдко выѣзжалъ для этого съ своими стольниками въ Преображенское, такъ-какъ царевичъ Федоръ Алексѣевичъ на Воробьевы Горы. Стольники составляли потѣшную рать.

Но ни одинъ изъ царевичей не предавался съ такою энергіею воинскимъ играмъ, какъ царевичъ Петръ Алексѣевичъ, младшій изъ сыновей царя Алексѣя. При немъ эти игры незамѣтно приняли серьезный характеръ и послужили первымъ началомъ къ образованію извѣстныхъ *потѣшныхъ полковъ*.

Въ одной изъ предыдущихъ статей, при описаніи дворца, мы уже

монкъ видѣлъ танцовали на веревкахъ *метальщики* и предивно. Въ Амстердамѣ видѣлъ еще *метальника*, который чрезъ трехъ человѣкъ перескоча на лету, обернется головою внизъ и станеть на ноги».

⁽²⁵⁾ О частной жизни князей въ-древности, статья г. Погодина («Москвитянинъ» 1853 г. № 11). Изъ собранныхъ здѣсь лѣтописныхъ данныхъ видно, что примѣръ Святослава, начавшаго сраженіе съ древлянами въ 945 г., когда онъ едва могъ бросать копье, не былъ примѣромъ исключительнымъ, и что многіе изъ князей начинали военную дѣятельность съ семилѣтняго возраста.

ниѣмъ случай замѣтить, что въ Кремлѣ, подлѣ хорошаго царевича Петра была устроена *потѣшная площадка*, назначенная преимущественно для воинскихъ игръ; на ней построенъ былъ *потѣшный шатеръ съ ротатками* (1682 г.) и поставлены деревянныя пушки. Въ настоящемъ обзорѣ игрушекъ мы видѣли также, что для царевича весьма-часто дѣлались пищали, пистоли, карабины, сабли, копыя, потѣшныя знамена, барабаны и пр. Все это свидѣтельствуеетъ, что царевичъ очень-рано — двухъ-трехъ лѣтъ — полюбилъ воинскія игры, и что потѣшныя роты изъ маленькихъ его сверстниковъ составлены были въ это же время.

Крекинъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ о малолѣтствѣ Петра слѣдующее: «Егда же наста отъ рожденія великому государю царевичу Петру Алексѣевичу четвертый годъ, въ день тезоименитства его величества, то—есть 29 июня, гости и купцы принесоша дары многіе, между которыми многіе были дѣтскіе, увеселительные, нима же обычай младенцемъ играть. Тогда одинъ купецъ принесъ дѣтскую саблю и ружье. Государь же царевичъ, того благодаривъ, саблю изволилъ преносать, а ружье овогда самъ носилъ, овогда прочимъ носить за собою повелѣлъ и часто дѣйствовалъ ружьемъ, подобно дѣйствию великаго ученья, коимъ наче всѣхъ забавъ веселящеса. Великій же государь (царь Алексѣй) повелѣлъ изъ знатныхъ фамилій сорока человекамъ по вся дни приходить къ государю царевичу, съ которыми въ непрестанныхъ военныхъ ученіяхъ государь царевичъ забавлялся. И то его были дѣтскія забавы и игрушки и увеселенія. Великій государь повелѣлъ набрать полкъ возрастныхъ въ богатомъ зеленомъ мундирѣ, съ знаменемъ и ружьемъ и прочими полковыми вещами и богато убрать и наименовать оный полкъ: *Петровъ*; государя царевича Петра Алексѣевича изволилъ объявить того полка полковникомъ и по обычаю военному обо всемъ рапортовать, повелѣній отъ него требовать, что самъ великій государь своею персоною всегда наблюдалъ. Природная военная храбрость всегда въ немъ (Петрѣ) процвѣтала, которою побуждаемый, желалъ вѣдать военное ученіе; къ прочимъ же ни къ какимъ забавамъ и увеселеніямъ не прилежалъ; отъ самыхъ юныхъ лѣтъ видна была природная военная охота и храбрость; преносанную саблю всегда имѣлъ, не вмѣняя въ тягость, часто съ нею засыпалъ, ружье близъ постели поставлять повелѣлъ, якобы къ оборонѣ и защищенію здравія. Отъ самыхъ отроческихъ лѣтъ являлся въ немъ разумъ и смыслъ премудрости и военная охота...»

Съ каждымъ годомъ эти потѣхи принимали болѣе-и-болѣе широкіе размѣры; съ появленіемъ же артилерійскаго поручика Франца Тинер-

мана онѣ были перенесены въ Преображенское, гдѣ, на берегу Яузы, выстроенъ былъ въ 1684 году, по всѣмъ правиламъ военной науки, *потѣшной городокъ* — маленькая крѣпостца, названная *Пребургомъ*. Эту крѣпостцу царевичъ самъ осадилъ и звалъ приступомъ; «радо-сти его при этомъ взятѣ не можно было описать», какъ свидѣтель ствуетъ Крекшинъ ⁽²⁶⁾. Съ-тѣхъ-поръ *потѣшные городки* стро-лись безпрестанно и не въ одномъ Преображенскомъ, но также и въ другихъ подмосковныхъ селахъ, въ Коломенскомъ, въ Новомъ Воскре-сенскомъ, что на Преснѣ, и пр. Военскія потѣхи этого рода ознамено-ваны были въ 1694 году знаменитымъ *кожуховскимъ* походомъ, подъ деревню Кожухово, у которой въ *безыменномъ* городкѣ засѣло тогда войско польскаго короля — комнатнаго стольника Ивана Ивано-вича Бутурляна. Осада продолжалась слишкомъ четыре недѣли; горо-докъ, невзятый приступомъ, подъ-конецъ былъ затопленъ изъ какой то мѣдяной трубы водою, а польской король взятъ въ плѣнъ со всѣмъ своимъ войскомъ и обозомъ... Потѣшный городокъ въ Преображен-скомъ, при Яузѣ, какъ первый опытъ военной потѣхи, по повелѣнію государя, 8 іюня 1722 года, былъ построенъ вновь «тѣмъ же мане-ромъ».

Точно также рано началось и потѣшное мореходство царевича; первымъ поприщемъ былъ дворцовый кремлевскій прудъ, въ верхнемъ саду. Въ 1683 году, когда царевичу минуло одиннадцать лѣтъ, на этотъ прудъ спущены были два потѣшные *карбуса* и потѣшный *ошмякъ* (шнекъ) съ чердаками, или небольшими бесѣдками, украшен-ные рѣзбою и расписанные красками. Въ 1684 году потѣшная фло-тилія, состоявшая изъ большого *шняка* большого *струга* нѣсколь-кихъ *карбусовъ* и *шняковъ* и разныхъ *стружкавъ* явилась на Яузѣ у Преображенскаго и участвовала вѣроятно при взятіи потѣшнаго го-родка, который, какъ мы говорили, построенъ былъ на самомъ берегу. Въ томъ же году потѣшные *стружки* плавали и на прудахъ въ Измайловѣ. Въ 1689 году въ Преображенскомъ сдѣланъ былъ даже *корабль*.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что потѣшные стружки у маленькихъ царевичей существовали гораздо-прежде, особенно на дворцовыхъ пру-дахъ; но со времени царевича Петра эти стружки, какъ и вообще всѣ игрушки и игры получаютъ совершенно-другое значеніе. Говори словами Крекшина: «отъ самыхъ отроческихъ лѣтъ являлися въ немъ разумъ и смыслъ премудрости...» Духъ образованія, усовершенство-

(26) Дѣянія Петра Великаго, изд. 1, т. I., 179.

ванія, духъ постояннаго обновленія формъ, проявлялся въ немъ еще въ малюткѣ, именно въ его дѣтскихъ играхъ и забавахъ. Онъ началъ съ того же, съ чего начинали и всѣ... Но только онъ одинъ могъ такъ энергически принимать каждую дѣтскую игру за существенное дѣло, придавать этой игрѣ всю стройность и все значеніе существеннаго дѣла, и затѣмъ съ постепенностью восходить отъ малаго къ большому, отъ простой дѣтской задачи до государственнаго вопроса, отъ потѣшной роты маленькихъ своихъ сверстниковъ—стольниковъ до цѣлыхъ полковъ, отъ потѣшныхъ карбусовъ и шняковъ къ боту и наконецъ къ флоту, изъ дворцоваго кремлевскаго прудка, на Яузу, на пруды Измайлова, на Переяславское Озеро и подъ-конецъ въ море...

Однимъ словомъ, всѣ дѣтскія игры великаго преобразователя были въ-сущности маневрами, и само собою разумѣется, что въ этой школѣ свободнѣе, нежели гдѣ-либо, могъ онъ воспитать свой могучій, зидательный геній.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1.

Роспись, которые писаны въ кормилицы Царевны и Великіе Князья Марфы Алексѣевны, на примѣръ.

Конюшенной слободы Сергѣева жена Иванова Дарья Кириллова дочь, дѣтей было 8, 3 сына да 5 дочерей; живыхъ 3 сына да 2 дочери; какъ родила тому недѣль съ тридцать. Отецъ духовной попь Кирилъ, что въ Овчинникахъ.

Той же слободы Ананьина жена серебрянника Мавра Максимова дочь, дѣтей было 6, 4 сына да 2 дочери; живыхъ 3 сына да дочь; какъ родила тому недѣль съ тридцать. Отецъ духовной попь Кирилъ.

Той же слободы Захарьева жена Мартыанова, Ирина Логнинова дочь; дѣтей было 3 сына, живыхъ одинъ; родила тому семал недѣля. Отецъ духовной попь Кирилъ.

Той же слободы Васильева жена Логнинова, Овдотья Сергѣева дочь; дѣтей было 2 сына, живыхъ... родила тому недѣль съ двадцать. Отецъ духовной попь Перфилай, что служить у Вознесенны у Поварской.

Тоежь слободы Иванова жена Носова, Ирина Вороложѣева дочь; дѣтей было 7, 5 сыновъ да 2 дочери, живыхъ 2 сына да дочь; какъ родила, тому двадцать семь недѣль. Отецъ духовной попь Кирилъ.

Тоежъ слободы Андрѣева жена Носова, Оксинья Феодотова; дѣтей было трое, 2 сына да дочь; родила тому 8 недѣль. Отецъ духовной церкви Офонася и Кирила попь Василей.

Тоежъ слободы Борисова жена Иванова, Оксинья Родионова дочь; дѣтей было 6, 4 сына да 2 дочери, живыхъ 2 сына да 2 дочери; родила тому 9 недѣль. Отецъ духовной попь...

Истобника Василья Второва жена, Алена Клементьева; дѣтей было 10, 8 сыновъ да 2 дочери, живыхъ 2 сына да дочь; родила тому 7 недѣль. Отецъ духовной попь Алексѣй Ивана Милостиваго.

7160 Августа въ 29 день, церкви Офонася и Кирила, что на Сивцовѣ Вражѣ, попь Василей сказалъ по свяществу: Конюшенной слободы тяглеца Одрѣева жена Носова, Оксинья Феодотова, дочь ему духовная, а въ духовность къ нему пришла въ нынѣшнемъ во 160 году въ великой постъ; жена де она добрая не пьетъ и не бражничаетъ, и веровства де за нею никакова вѣтъ, и прискорбь никакую за нею не слыгалъ; и у Государева дѣла у Государыни Царевны и Великіе Княжны Марѣи Алексѣевны въ кормилицахъ быть мочно. Къ сей сказкѣ попь Василей руку приложилъ.

II.

179, Марта въ 20 день, роспись кормилицамъ. — Государя Царевича и Великого Князя Феодора Алексѣевича кормилица Анна Иванова, Государя Царевича и Великого Князя Ивана Алексѣевича кормилица Авдотья Осипова, Государыни Царевны и Великія Княжны Татьяны Михайловны кормилица Прасковья Феодорова, Государыни Царевны и Великія Княжны Евдокѣи Алексѣевны кормилица Феодосья Грознаго, Государыни Царевны и Великіе Княжны Софіи Алексѣевны кормилица Марѣа Козьмина, Государыни Царевны и Великіе Княжны Екатерины Алексѣевны кормилица Овдотья Осипова, Государыни Царевны и Великіе Княжны Марьи Алексѣевны кормилица Марья Иванова, Государыни Царевны и Великіе Княжны Феодосіи Алексѣевны кормилица Онисья Михайлова.

III.

Роспись оружейной казні Великаго Государя Царевича и Великаго Князя Алексѣя Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи, которая отпущена изъ Оружейные Полаты въ походъ въ село Преображенское; а что какой оружейной казны отпущено, и тому роспись, 174 году.

Лукъ кибити писана по бѣлой землѣ золотомъ.

Лукъ по бѣлой кибити писанъ золотомъ.

Два лука по алой кибити писаны золотомъ.

Лукъ по лазоревой кибити писанъ золотомъ.

Лукъ по алой кибити.

Лукъ потѣшной простой.

Лукъ по червчетой кибити писанъ золотомъ.

Лукъ по золоту писавъ краски.

Лукъ маленькой, красная кибити, неписаной.

Лукъ по бѣлой кибити писанъ золотомъ.

Лукъ мешецкой.

Пять древокъ писаны по золоту розными цвѣтными краски.

Деять древокъ писанныхъ, простыхъ, стольничьихъ.

Да ящикъ, а въ немъ северги и тамарики и срѣзны и сансты.

Пять гнѣздъ овствова и въ томъ числѣ гнѣздо санствова серебряныхъ; четыре гнѣзда костяныхъ; въ томъ же числѣ гнѣздо писанныхъ. Два гнѣзда тамариковъ чипрасовыхъ, тамарики серебряные золоченые. Гнѣздо тамариковъ яблоновыхъ, тамарики серебряные золоченые. Гнѣздо северегъ яблоновыхъ; гнѣздо срезней яблоновыхъ, пять гнѣздъ тамариковъ, и въ томъ числѣ гнѣздо писанныхъ; гнѣздо срѣзней; восемь гнѣздъ тамариковъ мѣрныхъ; четыре гнѣзда срѣзней мѣрныхъ; гнѣздо тамариковъ; гнѣздо срѣзней; гнѣздо северегъ самыхъ мѣрныхъ; пять гнѣздъ тажаровъ стольничьихъ; шесть капкаковъ; лубе саадашное потѣшное золочено, на хазовую статью, съ простымъ каменьемъ. Лубе простое саадашное съ колчавомъ, маленькое, въ немъ лукъ; шито лубе по желтой кожѣ волоченымъ золотомъ и серебромъ, травки и мѣсты. Четыре спицы, на чѣмъ капкаки ставятъ. Да на казну для покрышки два сукна красныхъ. Двѣ тетивы лучныхъ золотныхъ; тетива шолковая. Да для покрышки и возки стольничьихъ древокъ 4 аршина сукна красного аглинского. (Въ концѣ отмѣчено : 175 Апрѣля въ 15 день взялъ Алексѣй Шенъ 30 луковъ.).

IV.

Роспись оружейной казнѣ Великаго Государя Царевича и Великаго Князя Алексѣя Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Роси, которая отпущена изъ Оружейные Полаты въ походъ, въ село Преображенское, въ нынѣшнемъ во 175 году июня въ 6 день; а что какою оружейной казны отпущено и то писано ниже сего. Луки : лукъ по бѣлой кибити писанъ золотомъ, съ кости буйловыми, на немъ написано два орла двуглавыя да четыре птицы въ клеймахъ; тетива шолковая безъ золота. Лукъ по бѣлой кибити, съ буйловыми кости, писанъ золотомъ травы мѣстами, тетива шолковая красная. Лукъ по алой кибити, писанъ золотомъ: на немъ десять орликовъ двоглавыхъ, межъ ими писаны травы; съ кости буйловыми, тетива шолковая

красная безъ золота. Лукъ по лазоревой кибити писанъ золотомъ, на немъ десять орликовъ двоеглавыхъ, межъ ими писаны травы, тетива шолковая красная безъ золота. Лукъ по алой кибити писанъ золотомъ, на немъ въ клеймахъ два орла двоеглавые да десять птичекъ, межъ ими писаны травы, тетива шолковая красная. Лукъ писанъ по золоту розными цвѣтными краски, на немъ въ клеймахъ четыре орла двоеглавые съ корунами, пятой посреди, тетива шолковая. Лукъ кибить красная безъ золота, тетива шолковая красная. Лукъ мешечкой потѣшной, тетива шолкъ красной безъ золота. Двѣ тетивы шолковые съ золотомъ. Стрѣлы: шесть гнѣздъ стрѣлъ березовыхъ съ бѣлохвостовымъ перьемъ, и въ томъ числѣ два гнѣзда сокологъ, два гнѣзда тамаровъ, два гнѣзда сръзней. Столничикъ десять гнѣздъ северегъ, тожъ число тамаровъ.

V.

7203 года Сентября въ 14 день, по указу Великихъ Государей окольничей Василей Юрьевичъ Леонтьевъ съ товарищи приказали дать изъ Мастерскіе Полаты огородные слободы Петрушкѣ Иванову за взятые у него потѣшки, которые взяты къ Великому Государю Царевичю и Великому Князю Алексію Петровичу въ комнату, денегъ за псари съ собачками съ походячими рубль, шестнадцать алтынъ четыре деньги; за ткалю, за двѣ пряхи два рубли двадцать шесть алтынъ четыре деньги; за потѣшной городокъ съ медвѣдемъ два рубли; за потѣшные секачи, что на колесѣ, два рубли; за мельницу съ жерновами два рубли, всего, изъ тѣхъ денегъ, которые взяты Сентября въ 9 числѣ, двадцать рублей. Помѣта: дать тѣ денги съ роспискою и записать въ росходную книгу.

VI.

203 года (1696) Сентября съ 1 числа роспись, что изшло золота и красокъ на потѣшки Великаго Государя Царевича и Великаго Князя Алексія Петровича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи, и на приказные дѣла всякіе.

Сентября въ 1 день позолочены 2 дротика, золота изшло 4 листа, октября въ 11 день позолочено 4 кубаря, 2 волчка, золота 3 листа, спускъ прикрытъ киноваремъ. Тогожъ мѣсяца въ 18 день позолочены: 2 волчка, 4 кубаря мѣстами, и прописаны киноваремъ и спускъ, золота полъ 2 листа. Тогожъ мѣсяца въ 22 день написанъ ларецъ потѣшной орѣхомъ, внутри написанъ сурикомъ, умбры полфунта, бѣлизъ тожъ, сурику тожъ; клѣю, масла, олифы 6 денегъ. Ноября въ 28 день здѣлано 4 кубаря, 2 волчка, мѣстами позоло-

чево, золота 2 листа; да спускъ, да ратовица на шлетку, прикрыты киноваремъ. Декабря въ 10 день позолочено 2 волчка, 3 кубаря, 4 вертушки, 2 спуска и прикрыты киноваремъ, золота по 3 листа: 2 обушка—ратовица прикрыты киноваремъ; золота 2 листа, серебра тожъ. Тогожъ мѣсяца въ 24 день позолочено и посеребрены 3 булавы, 4 сулебы, крыжи у нихъ позолочены, золота 4 листа, серебра тожъ; ратовица у булавъ киноваремъ; да 4 сабли—крыжи позолочены, ножны посеребрены мѣстами, золота 2 листа, серебра 3 листа. Тогожъ мѣсяца въ 29 день позолочено 6 кубарей, 7 вертушекъ, 2 волчка, 4 сабли, 2 сулебы—крыжи позолочены, ножны прикрыты киноваремъ, золота 7 листовъ. Генваря въ 7 день (1697 года) позолочены рамы къ образу шти-листовому, да тройной кютець, золота 10 листовъ. Тогожъ мѣсяца въ 15 день вычерчены 2 рамы и полотно прибили, гвоздей на 2 деньги, сожи, клею 2 деньги. Феврала въ 24 день позолочено 6 кубарей, 3 волчка, золота 5 листовъ; посеребрено тожъ число, серебра 5 листовъ; внутри у волчковъ прикрыты киноваремъ; почивенъ кють тройной, золота 4 листа. Марта въ 21 день позолочена чернильница и прикрыта орѣхомъ, золота 6 листовъ. Тогожъ мѣсяца въ 28 день позолочены 42 орѣха двойникомъ, 50 посеребрено, двойнику 9 листовъ, серебра 12 листовъ. Апрѣля въ 1 день позолочены и посеребрены 12 кубарей, 12 вертушекъ, 6 волчковъ, золота 6 листовъ, серебра тожъ; и киноваремъ прикрыто. Тогожъ мѣсяца въ 4 день здѣлано 12 шпагъ и полашей и сабель, крыжи у нихъ и ножны позолочены, наковешники двойникомъ и посеребрено, двойнику 21 листъ, серебра 3 листа; ножны прикрыты киноваремъ и ярью и чернилы. Тогожъ мѣсяца въ 6 день позолочено и посеребрено 10 кубчиковъ, золота 5 листовъ, серебра тожъ, внутри прикрыты киноваремъ; да четыре палки позолочены, ратовицы прикрыты киноваремъ, что бьютъ въ накры; золота полъ 5 листа. Маия 2 день здѣлано 6 дощечекъ, что ставятъ кружки на столѣ, писано на нихъ птицы розныя, голубцу 5 золотниковъ, сурику осьмуха, бѣлилъ тожъ, яри веницейской три золотника. Тогожъ мѣсяца въ 6 день починено золотомъ клѣймо, золота полъ 3 листа. Да на всѣ вышеписанные дѣла киноварю полфунта, яри веницейской 4 золотника гутфарбы четверть фунта, золота золотой 11 листовъ, двойнику 30 листовъ добраго, серебра 38 листовъ.

И. ЗАВЪЛЕНЪ.

ВАЛЬТЕРЪ СКОТТЪ И ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Статья третья.

IX.

Последняя война съ Франціею. — Отреченіе Наполеона. — Восторги во всей Европѣ и Великобританіи. — Легіонъ туристовъ. — Медикъ сэръ Чарльзъ Белль; его заслуги послѣ Ватерлоо. — Письма Белля. — Французы въ госпиталяхъ. — Скоттова поѣздка въ Голландію и Францію. — Пьяный капитанъ. — Брюссель. — Поѣздка къ ватерлооскому полю. — Остатки знаменитаго дня. — Чичероне Костаръ. — Воспоминанія на полѣ битвы. — Франція, видъ страны между Парижемъ и границею. — Скоттовы заѣздки о Парижѣ и союзныхъ войскахъ. — Блестательный пріемъ. — Ласки, оказанныя Скотту, императоромъ Александромъ Павловичемъ, Великимъ княземъ, Платовымъ и Блюхеромъ. — Лордъ и леди Кастларъ. — Поѣздка въ Эрменонвилль. — Отъездъ на родину. — Бирмингамъ. — Возвращеніе въ Абботсфордъ; радостныя сцены. — Подарки поселянамъ. — Анекдотъ съ табакеркой.

Дивнымъ и великимъ временемъ для всей Европы, особенно для Россіи и для Англіи, были двѣнадцатый, тринадцатый, четырнадцатый и пятнадцатый годы нашего столѣтія.

«О, кто изъ насъ, пережившій это время, забудеть когда-нибудь душу потрясающія впечатлѣнія той поры, когда на площади встрѣчались измученные, запыхавшіеся вѣстники, по утрамъ и вечерамъ, днемъ и ночью привозя намъ изумительные разказы; когда громъ пушекъ и веселый звонъ колоколовъ пріѣтствовали отрадныя новости далеко разнося слухъ о побѣдахъ за побѣдами; когда надежда, долго непосѣщавшая насъ, загорѣлась въ сердцахъ народовъ; когда наши радостныя глаза пріѣтствовали ее, будто широкое знамя, озаренное яркими лучами восходящаго солнца!

О, то были часы неописаннаго восторга, вполне-вознаграждавшаго насъ за долгое, долгое время мрака, сомнѣній и ужаса! И тоска изнывшихъ сердецъ, и бѣды, и опустошенія, и слезы, и кровавыя рѣки,

и всё ужасы послѣднихъ двадцати лѣтъ — все было забыто въ эту благословенную пору юбилея! И даже люди, удрученные горестью, прижимали свою благодарную молитву къ восторженнымъ кликамъ, приветствовавшимъ паденіе завоевателя — начало мира и независимости народовъ (1). (Lord of the Isles).

Радость, радость всему Лондону! (писалъ Вальтеръ Скоттъ изъ Абботсфорда по полученіи извѣстія объ отреченіи Наполеона) радость во всемъ Эдинбургѣ, радость намъ всемъ, дожившимъ до славнаго конца тяжкой борьбы, удостоившимся услышать благословенную вѣсть, вѣсть, которой ничего подобнаго мы никогда не услышимъ! Страшно подумать, что, вмѣсто этого нашего великаго торжества надъ врагомъ, мы чуть-было (еслибъ послушались трусовъ, желавшихъ сподобиться) не заключили съ нимъ ненадежнаго перемирія, чуть-было не уступили передъ тѣмъ, кто самъ теперь уступалъ передъ нами! Собственная ярость врага спасла насъ; безстыдное ослѣпленіе и дерзость Франціи, привели къ прочному миру съ этой державой! Хвала Господу: все кончено! Не скрою отъ васъ, помышляя о всенъ лѣтъ, нанесенномъ Европѣ Наполеономъ: я почти жалѣю о томъ, что онъ живъ и спо-

(1) Другой, еще болѣе блистательный отрывокъ изъ твореній еще блистательнѣйшаго барда, писанный уже послѣ побѣды и народнаго торжества, даетъ намъ еще болѣе ясное понятіе о всей поэзіи этого періода тревоги и славы, періода почти безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ исторіи:

«И торопливыя движенія туда и сюда, и слезы и трепеть отчаянія, и блѣдность щекъ, только-что краснѣвшихъ радостно, и быстрыя прощанія, способныя исторгнуть жизнь изъ юныхъ сердецъ и заглушенные вздохи, можетъ-быть, послѣдніе вздохи безнадежнаго разставанья, и страшная утренняя заря послѣ сладкой ночи!»

«И вопны, снѣжно садившіяся на коней, и скакуны, и на походѣ двигавшіяся эскадроны, и гремяція орудія, быстро-катившіяся впередъ къ своимъ воинственнымъ ридамъ, и глухіе грома отдаленной вальбы вдали, и вблизи стукъ барабановъ, поднимающихъ солдата съ зарею, между-тѣмъ, какъ граждане, оцѣпенѣлые отъ ужаса, тихо шептали побѣлѣвшимъ губами: «идеть, идетъ неприятель!»

«И рѣзко и дико раздаются въ ночномъ воздухѣ душу возбуждающіе звуки «камеронова сбора» (1), звуки, гремѣвшіе между холмами Шотландіи, когда ея горные воины еще отставали свою родину отъ саксонца! И отъ пронзительныхъ тоновъ горной воынки трепещетъ сердце бойцовъ, почувавши тысячелѣтнюю славу Эваковъ и Дональдовъ (2)!

(1) Шотландскіе полки великобританской арміи имѣютъ при себѣ, какъ извѣстно, хоры національной музыки.

(2) Чамльд-Геральдъ, описаніе ночи передъ ватерлооскимъ сраженіемъ.

койно сидитъ на своемъ островѣ (2); но впрочемъ, нѣтъ, жаль обь этомъ не сказать: еслибь онъ негдѣ въ бою, или былъ растерзанъ, недобно де-Витту, челоѣчество могло лишиться высокаго нравственнаго урока! Боже! Боже мой! съ какими чувствами этотъ челоѣкъ долженъ былъ перейти отъ необузданнаго самовластія, къ уединенію и безсилію? Я не думаю, чтобъ онъ могъ назваться добрымъ челоѣкомъ по частной своей жизни; но еслибъ на этотъ счетъ онъ въ пятьсотъ разъ превосходилъ Тита, одно воспоминаніе о крови, имъ пролитой, о бѣдахъ, имъ сдѣланныхъ, затмиле бы собой утѣшеніе отъ всѣхъ частныхъ добродѣтелей! Нечего сказать: оправданія нечты послѣдовать за нимъ въ его заточеніе! Страшное наставленіе дано честолюбцамъ судьбою Наполеона: цѣль не оправдываетъ гибельныхъ средствъ; нравственное начало не можетъ помыряться беззаконно для политическихъ видовъ! Скоро ли сойдемся мы съ вами, чтобъ поговорить о всѣхъ этихъ чудесахъ за стаканомъ кларета?

Моя работа, какъ и вообще наша литература, несмотря на время, невидимому несомнѣнн—литературное, двигается такъ бойко, какъ будто бы на землѣ все обстояло покойно. Мало того, на твердой землѣ возгарается несомнѣнное сочувствіе къ нашей словесности. Народы просыпаются отъ желѣзнаго сна. Въ короткое время я получилъ множество посланій изъ Германіи отъ людей, имъ незнакомыхъ; въ каждомъ письмѣ спрашивается о томъ, когда трудился мы на нелзую извѣснаго въ то время, какъ германцы играли въ жмурки съ своимъ бывшимъ притѣснителемъ... Я только и могу говорить, что обь одномъ предметѣ; но вы меня простите за это—я знаю. Не сѣдству нашему, въ деревняхъ около Мельроза, проживаетъ много плѣнныхъ французскихъ офицеровъ; изъ нихъ многіе дѣлали всѣ бонапартовы походы. Мы часто угощаемъ ихъ въ Абботсфордѣ и дивимся на нихъ. Большая ихъ часть не хочетъ вѣрить отреченію и говоритъ: «все это выдумка Питта! (3).

Несмотря на общій восторгъ, мысли всѣхъ будто спутаны и оупманены. Я помню, какъ меня, маленькаго еще, одинъ разъ взяли смотрѣть спускъ корабля. Меня не столько поразило движеніе судна къ

(2) Не нужно смѣшивать выходокъ, писанныхъ въ минуты восторга и еще неослабѣвшей международной ненависти, съ послѣдующими отзывами Скотта о Наполеонѣ, какъ челоѣкъ и полководцѣ. Шотландскій поэтъ не могъ любить закоренѣлаго врага своей родины, но его антипатія не могла назваться неразумною, или пристрастною.

(3) Вильяма Питта уже нѣсколько лѣтъ какъ не существовало на свѣтѣ.

водѣ, какъ минута его вселеннаго смирненія съ великимъ, какъ пустота, образованная на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ корабль оторванъ. Разрывъ почезла огненная масса съ берега, открывъ цѣлый видъ на противоположную сторону—на доки, на берегъ, устанный народомъ и до того закрытый отъ моихъ глазъ. Паденіе Бенвенерта илюминность этотъ случай моего дѣтства; отсутствіе завоевателя и окончаніе его дѣятельности показываетъ намъ, какъ много все это значило, какъ много мы думали о его дѣлахъ и о немъ самомъ!

Зачѣмъ дрались подъ Тулузой, когда ужъ почти все знали о сиротѣ ирре? Однако я и этому радъ: не мѣшало еще разъ побить французовъ!

Кто осмѣливается толковать о томъ, что Франціи нужно возвратить часть колоній, съ боя отнятыхъ нами, населенныхъ нами, устроенныхъ нами? Вознаградить Францію? Это за что? Сказавъ бѣшеннаго челоуѣка, надѣвъ на него бедламскій камзолъ, получивъ отъ него во время операціи порядочное количество синяковъ и царапинъ, мы еще имѣемъ ассигновать ему кое-что въ награду? Нѣтъ, нѣтъ, того не будетъ, никогда не будетъ!

Едва дождавшись мира 1815 года, цѣлыя толпы англичанъ—туристовъ нахлынули на Бельгію и Францію; впрочемъ, значительное число любителей сильнаго ощущенія выбрались на материкъ, не дожидаясь окончанія военныхъ дѣйствій. Вальтеръ Скоттъ, несмотря на всю свою торопливость, не могъ утнаться за этими послѣдними (4).

(4) Другъ Вальтера Скотта, докторъ сэръ Чарльзъ Белль (тотъ самый, что снабдилъ поэта, въ пору его молодости, черепомъ и костями изъ своего анатомическаго кабинета), эмпирировалъ одинъ изъ первыхъ съ цѣлью, достойною хвалы и подражанія. Явившись въ Брюссель, тотчасъ же послѣ ватерлооскаго сраженія, онъ добровольно присоединился къ медицинскому штабу побѣдоносной арміи и принялъ въ свое завѣдываніе часть госпиталей, заваленныхъ ранеными. Его-то письма, изъ которыхъ поспѣшаемъ здѣсь представить нѣсколько самыхъ живыхъ отрывковъ, совершенно очаровали Вальтера Скотта. Какъ замѣтки, набранные подъ влияніемъ только-что видѣнныхъ событій, отрывки эти весьма замѣчательны.

«Вотъ второе воскресенье послѣ сраженія (пишетъ Белль), а еще все больные перевязаны! Въ одномъ Брюсселѣ болѣе 20,000 раненныхъ; всякій городокъ въ окрестностяхъ заваленъ ими; подвижныхъ госпиталей я здѣсь не считаю. Плѣнныхъ взято только 3,000. Разказываютъ, что число убитыхъ и раненныхъ съ обѣихъ сторонъ простирается до 80,000!

«Только сейчасъ я кончилъ осмотръ раненныхъ французовъ въ городскомъ госпиталѣ. Ихъ лежало болѣе ста челоуѣкъ въ одной палатѣ на полу, или на низенькихъ кроватяхъ; многіе не выѣютъ на себѣ на-

Изъ возможности сократить все приготовления, нашъ поэтъ оставилъ свое семейство въ Абботсфордъ, а самъ, въ сопровожденіи одного родственника Джона Скоттъ-Гала и еще двухъ джентльменовъ, вызвавшихся ему сопутствовать, отправился въ свое первое путешествіе за границу. Туристы наши, на короткое время заѣхавъ въ Кембриджъ, сѣли въ гервичскую карету, пересаживались со всеми пассажирами и, несмотря на свой довольно-зрѣлый возрастъ, всю дорогу веселились какъ дѣти. Одинъ изъ нихъ сопассажировъ, при разставаньи въ Гервичѣ, поблагодарилъ Скотта за все удовольствіе, доставленное компаніи его разсказами и анекдотами, а потомъ спросилъ : « не имѣетъ ли онъ привычки записывать особенно-рѣдкія исторіи ? » Авторъ пѣсни Министреля отвѣчалъ : « иногда это случается со мною »; но пассажиры верхней части дивана, съ которыми поэтъ иногда проводилъ нѣсколько часовъ, уставая сидѣть внутри кареты, составили о немъ заключеніе несовсѣмъ-выгодное, такъ-какъ Скоттъ въ то время или сидѣлъ задумавшись, или шевелилъ губами, или произносилъ отрывки какихъ-то необязательныхъ стиховъ. (Онъ занимался въ это время сочиненіемъ « Повелителя Острововъ »). При разставаньи же одинъ изъ верхнихъ сѣдоковъ указалъ

какого платья. Передо мной лежали, дико на меня глядя, ряды сильныхъ, коренастыхъ, закаленныхъ ветерановъ, на бѣлыхъ простыняхъ, составлявшихъ рѣдкій контрастъ съ черными глазами и загорѣлыми щеками бонапартовыхъ воиновъ. Нельзя было не дивиться способности француза привыкаться ко всякой бѣдѣ : половина ихъ поступила въ госпиталь, пролежавъ безъ помощи нѣсколько ночей на полѣ сраженія; значительная часть этихъ раненныхъ или умирала; или находилась въ смертной опасности, а между-тѣмъ почти каждый больной подшучивалъ надъ своимъ соседомъ, или утѣшалъ его, говоря въ отвѣтъ на его крики : *Aha ! vous chantez bien !* Похвала моя вырвалась почти противъ воли : я столько слышалъ о жестокости французовъ, ихъ нахальствѣ и любви къ кровопролитію, что часто теперь, глядя на моихъ больныхъ, прихожу ко многимъ горестнымъ предположеніямъ. Какъ приучить ихъ къ миру? какъ переломить ихъ привычки?

« Весь городъ наполненъ войскомъ — образчиками военныхъ силъ всей Европы. Недавно меня поразилъ одинъ пріятель, показавъ мнѣ чернаго гусара изъ брауншвейгскихъ войскъ и сказавъ притомъ : « вотъ одинъ изъ первыхъ вѣстивиковъ о 16 іюня ». Гусару этому, вслѣдствіе раны, отняли руку на полѣ сраженія, а потомъ отпустили его въ Брюссель привести извѣстіе о побѣдѣ. Онъ вѣхалъ въ городъ, твердо и прямо сидя на лошади, съ кровавой перевязкой на остаткѣ руки, блѣдный какъ смерть, но съ выраженіемъ лица грознымъ и торжествующимъ. Вообще, весь черныи полкъ, называемый гусарами смерти, чрезвычайно-красивъ въ своей мрачной одеждѣ, такъ хорошо оттеняющей бѣлые усы и мужественныя, стѣверныя лица всадниковъ. »

своему сосѣду на Скотта, а потомъ, приставивъ палецъ ко лбу, сказалъ довольно-громко: «у этого человека въ верхнемъ этажѣ (въ головѣ) не все обстоитъ благополучно!»

За-то морской переѣздъ отъ Гервичя къ Гельветлюйсу не могъ назваться благопріятнымъ ни относительно скоттова никогнито, ни вообще по части переѣзда. Капитанъ пакетбота узналъ популярнаго поэта, иривѣтствовалъ его какъ нельзя дружественнѣе и тотчасъ же выпалъ за его здоровье столько тостовъ, что въ самое непродолжительное время нашлся почти до безчувствія; между-тѣмъ, вѣтеръ поднялся и судно, управляемое пьянымъ морякомъ, едва-едва избѣгло весьма-непріятной участи.

Въ Брюсселѣ тотчасъ же встрѣтилъ знаменитаго туриста сынъ его друга и товарища по судебнымъ должностямъ, генерал-майоръ сэръ Фредерикъ Адамъ, начальникъ небольшого гарнизона, оставленнаго въ городѣ англичанами. Сэръ Фредерикъ, еще необравившійся отъ раны, полученной подъ Ватерлоо, не могъ самъ свезти своего гостя на поле сраженія, но поручилъ его любезности своего адъютанта, капитана Кембелля, и майора Прейс-Гордона, оставившаго намъ довольно-интересное сочиненіе о тѣхъ временахъ подъ заглавіемъ «Мои Воспоминанія (2)».

(2) «Сэръ Вальтеръ Скоттъ (разсказываетъ Гордонъ) принялъ мои услуги насчетъ осмотра ватерлооскихъ окрестностей, и во все время поѣздки выказывалъ постоянные признаки живѣйшаго любопытства. Онъ собирался написать нѣчто о сраженіи и потому входилъ въ малѣйшія подробности, разспрашивалъ насъ о всѣхъ мелочахъ и, не давая никогда поля битвы, да и вообще не бывавъ до-тѣхъ-поръ на континентѣ, съ жадностью питалъ свой духъ изобиліемъ новыхъ предметовъ. День могъ назваться прелестнымъ. Чтобы не утомляться пѣшей ходьбой по полю, часть котораго только-что была вспахана, я распорядился на-счетъ верховыхъ лошадей. Во время осмотра, намъ встрѣтился и вступилъ съ нами въ бесѣду мосье де-Костаръ, ловкій плутъ, нажившій себѣ порядочные деньги, показывая туристамъ поле и разсказывая имъ вымышленныя подробности о Наполеонѣ, при которомъ будто-бы находился во весь день сраженія въ качествѣ проводника. Шарлатанство Костара я открылъ только впоследствии, устроивъ очную ставку между нимъ и однимъ слесаремъ, въ чьей компаніи этотъ наполеоновъ проводникъ провелъ цѣлый день сраженія, спрятавшись гдѣ-то за десять миль отъ поля. Когда опасность минула, ловкій Костаръ собралъ исправный запасъ свѣдѣній о ходѣ дѣла и, обладая даромъ слова, сдѣлался любимымъ чичероне многихъ туристовъ, получая за свои труды, какъ говорятъ, въ годъ до двухъ сотенъ наполеондоровъ. Мое изобличеніе, какъ легко догадаться, несколько не повредило его репутаціи.

«Когда сэръ Вальтеръ достаточно насладился разсказами и видомъ поля,

«На прошлой недѣлѣ (именно снѣ В. Скоттъ своему высокому другу герцогу Боклейгскому) я вѣдѣлъ по ватерлооскому полю, обреченному на вѣчное безсмертіе. Самые ужасные слѣды кровопролитія ужь уничтожены, мертвыя тѣла людей и лошадей преданы сожленію или схоронены, но вся земля изрыта ядрами, покрыта патронами, старыми киверами, башмаками и другими предметами, нелѣстивыми жадности окрестныхъ поселенъ. Въ самомъ Ватерлоо и сосѣднихъ деревушкахъ устроены лавки для продажи кирасъ, орловъ, снятыхъ съ шапокъ императорской гвардіи, касокъ, сабель, карабиновъ и другихъ вещей того же разряда. Я купилъ двѣ кирасы, книжку, въ которой французскій солдатъ обязанъ записывать полученіе денегъ, очереди по службѣ и другія судебныя дѣла, да еще другую книжку съ пѣснями, вѣроятно, принадлежавшую какому-нибудь молодому офицеру. Гугумонскій домикъ, родъ сельскаго замка, сожженный во время боя, очень-интересенъ своимъ видомъ и воспоминаніями объ отчаянныхъ схваткахъ, около его происходившихъ... Тутъ погибло много народа и, должно-быть, мертвыхъ хоронили нѣскоро, потому-что около Гугумона, да и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ поля, запахъ очень-непріятенъ. Все пространство, нами объѣженное, удобно для кавалерійскихъ атакъ; и точно, судя по разсказамъ, во время сраженія даже наши тяжелые драгунскіе полки сходились и рубились съ французскими кирасирами. По разсказамъ очевидцевъ, это столкновение тяжелой кавалеріи (обстоятельство рѣдкое

мы всѣ отправились завтракать въ ватерлооскую гостиницу подъ названіемъ: «Настоящій герцогъ Веллингтонъ». Тутъ Скотта окружила толпа крестьянъ, продававшихъ кирасы, пуговицы и всякаго рода трофеи съ поля: онъ покупалъ много вещей, между-прочимъ большой крестъ Почетнаго Легіона. Вскорѣ потомъ жена моя подарила ему еще одинъ интересный намятникъ боя — маленькую солдатскую книжку, запятнанную кровью, съ записанными въ ней народными французскими пѣсенками.

«Все время онъ утѣшалъ насъ своимъ веселымъ нравомъ и разсказами. Весьма-забавно показалась намъ его исторія о встрѣчѣ, въ Антверпенѣ, съ какимъ-то незнакомцемъ, который на вопросъ Скотта о мѣстѣ, гдѣ схороненъ Рубенсъ, снявъ шляпу, сказалъ на шотландскомъ нарѣчій: «миѣ очень-жаль, сэръ, только я не говорю ни на какомъ чужестранномъ языкѣ, кромѣ англійскаго.» — «Ай, Дональдъ!» сказалъ на это поэтъ его жъ нарѣчьемъ: «какъ же намъ быть, я самъ только и смыслю болтать пошотландски?» Горецъ крайне обрадовался и попросилъ сообщить адресъ его барина, капитана Камерона, что служить въ 79 полку. Все это простое событіе беретъ смѣшную сторону въ моемъ разсказѣ; но юморъ Скотта имѣлъ дарованіе восхищать всякаго съ помощью совершенно-пустаго анекдота!»

въ большей части дѣлѣ) сопровождалось страшнымъ стукомъ, похожимъ на стукъ, что слышится въ большихъ кузницахъ. Французы при атакѣ выставляли палани впередъ и низко сгибали головы, а наши сбивали съ нихъ каски первымъ ударомъ, а второй наносили ужь по открытымъ головамъ. Офицеры нападали другъ на друга, или рубились въ общиѣ рядахъ; физическая сила и ловкость спасли многихъ. Контювардсюъ Шо (Shaw) убилъ, или сбросилъ съ сѣдла до двадцати французевъ, но самъ лишился жизни въ толпѣ. Изъ союзниковъ, брауншвейгцы и гавверцы дрались хорошо, за-то бельгійскіе полки никуда не годились. Одинъ изъ этихъ полковъ во время бѣгства остановленъ былъ самимъ лордомъ Веллингтономъ. «Ребята», сказалъ герцогъ съ своимъ вѣчно-спокойнымъ видомъ: — что, побили васъ? Отдохните минуту и снова попробуйте». И онъ двинулъ ихъ снова. Онъ самъ находился вездѣ и повсюду; дерево, подъ которымъ стоялъ герцогъ, испаряло и изbito ядрами.

«Я долго толковалъ съ фламандскимъ престыжникомъ Костаромъ, изходившемся весь день сраженія при свѣтѣ Наполеона. Императоръ все время сохранялъ хладнокровіе и веселость духа ⁽⁶⁾.

«12-е августа, Руа (въ Пикардіи). Продолжаю свое письмо. Часть Франціи, по которой я ѣду, весьма-плодородна и красива; во каждый предметъ имѣетъ въ себѣ нѣчто странное. Здѣсь ни война, ни миръ: Валансьеннъ обложенъ союзными войсками, но французы пропустили насъ черезъ городъ. Войско покорилось, но еще не получило новыхъ начальниковъ. Солдаты смотрятъ сурово. Большая часть домовъ по дорогѣ стоятъ съ закрытыми ставнями. Чуть заговорить съ какой-нибудь женщиной, она начнетъ плакать; мужчины глядятъ исподлобья и, кажется, вовсе утратили свою французскую учтивость. Офицеры германскихъ войскъ дѣйствительно ведутъ себя какъ въ завоеванномъ краѣ: при мнѣ, въ гостинницѣ Монса отобѣдала компанія кавалерійскихъ офицеровъ, отобѣдала, сѣла на коней и уѣхала, не только не заплативъ хозяину, но еще насмѣявшись надъ нимъ, какъ-бы въ оплату за беззавѣстна безчиства Французовъ въ Германіи. За-то французскіе трактирщики вымѣщаютъ все на нашихъ соотечественникахъ: чуть замѣтны въ счетѣ величшее стремленіе къ обдиранію прѣзжающихъ, тотчасъ явится сама хозяйка, начнетъ рыдать и просить милорда «заплатить ей по своему произволу», потому-что она ужь разорена и не имѣетъ средствъ къ

(6) Костаръ, какъ сказано выше, оказался шарлатаномъ; оттого мы не пользуемся здѣсь его рассказовъ.

проштанію. Противъ такого новаго средства взимать пошлину съ туристовъ сказать нечего!

Приемъ, сдѣланный Вальтеру Скотту въ Парижѣ, по справедливости долженъ назваться блестятельнымъ. Герцогъ Веллингтонъ, лорды Кастльре (?), Каткартъ и Эбердинъ достойно почтили поэзію въ лицѣ своего національнаго барда, не только доставивъ путешественнику всѣ удобства, почести и развлечения, но поспѣшивъ представить его знаменитымъ союзникамъ Англіи. На обѣдѣ у лорда Каткарта, Скотта подвели къ императору Александру Павловичу, привѣтствовавшему его съ той несравненной ласковостью, которая приобрѣла великому государю сердца, даже сердце самого побѣжденнаго непріятеля, и о которой поэтъ исполнивалъ до конца своей жизни. Послѣ довольно-долгой бесѣды о разныхъ предметахъ, русскій императоръ, заключая по одеждѣ Скотта (на немъ былъ мундиръ селькирской милиціи, красный съ голубымъ), что онъ причастенъ къ военной службѣ, заботливо спросилъ глядя на его хроную ногу: «въ какомъ дѣлѣ были вы ранены?» Поэтъ поспѣшилъ объяснить государю родъ своей службы, и по его желанію доставить нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о порядкѣ сбора, упражненіяхъ и составѣ миллионныхъ войскъ Великобританіи. Въ тотъ же день Скоттъ сошелся съ Блюхеромъ и Платовымъ, изъ которыхъ послѣдняго описываетъ какъ «стройнаго и статнаго воина, съ лицомъ пріятнымъ и красивымъ, но покрытымъ миллиономъ мелкихъ морщинъ, издали непримѣтныхъ глазу, морщинокъ тонкихъ, какъ-будто начертанныхъ остріемъ иглки». Храбрый атаманъ съ перваго свиданія почувствовалъ замѣчательное влеченіе къ Скотту, и съ-тѣхъ-поръ, при каждой встрѣчѣ, привѣтствовалъ его не иначе, какъ цалуя въ обѣ щеки; если случалось быть верхомъ въ то время, то слѣзая съ лошади и сопутствуя поэту въ его прогулкахъ по Парижу. Передъ каждымъ большимъ смотромъ, Платовъ присылалъ къ Вальтеру Скотту украинскую верховую лошадь и черезъ адъютанта просилъ пристраиваться къ своему штабу. Фельдмаршалъ Блюхеръ, менѣе всѣхъ германскихъ генераловъ знакомый съ твореніями Скотта, и по всей вѣроятности нечитавшій «Пѣсни Минестреля» ни въ переводѣ ни въ подлинникѣ, не пропускалъ ни одного случая сдѣлать поэту что-нибудь угодное: угостить его или насмѣшить своими веселыми выходками. Многіе между блюхеровыми соотечественниками тоже оказывали Скотту всевозможное вниманіе; но старый рубака Маршалъ Форвертъ (?), въ этомъ отношеніи оставилъ далеко позади себя

(?) Маркизь Лондондерри.

(8) Маршалъ-Впередъ! прозвище, данное Блюхеру солдатами.

всѣхъ товарищей, повидимому гораздо—болѣе его способныхъ отдѣлать поческу литературной знаменитости.

«Можно себя представить (такъ продолжаетъ поэтъ замѣтки свои о тогдашнемъ положеніи Парижа), до какой степени тяжело кажется французамъ переходъ отъ славы, самовластия, къ заслуженному уничиженію. Они печально покоряются своей судьбѣ и повидимому исполнены духа повинновенія, а гордость ихъ весьма упала.

Недавно я присутствовалъ при великолѣпномъ зрѣлищѣ: болѣе двадцати тысячъ русскихъ войскъ проходили по площади, мимо своего императора, короля прусскаго, герцога Веллингтона, окруженныхъ блестящими свитами. Вся окрестность походила на пылающую печь, отъ лучей солнца, игравшихъ на яркомъ оружіи. Отрядъ казановъ, съ пиками, и воинственный видъ ихъ чрезвычайно—усиливалъ эффектъ зрѣлища. По одну сторону отъ меня видѣлся сквозь зелень садовъ и ряды анельсвиныхъ деревьевъ Тюльерійскій Дворецъ, съ другой—длинная линія колоннъ войска, двигавшихся подь музыку. Сзади меня находилась колоннада, украшавшая собой зданіе, назначенное для новой Представительной Палаты, а далеко вперед, между рядомъ великолѣпныхъ зданій—колонна, поставленная Наполеономъ въ память побѣдъ, за которыя нынѣ совершилась законная отплата... Всякій можетъ себя представить, какого рода чувства волновали меня въ эти минуты.

«Съ герцогомъ Веллингтономъ я выдаюся, бесѣдую весьма-часто, обѣдаю у него, и несмотря на непроизвольную робость въ его присутствіи, отъ остатковъ которой не могу вполне избавиться, надѣдаю ему разспросами о самыхъ замѣчательныхъ случаяхъ его военной дѣятельности. Онъ ласковъ со мною и не разъ говорилъ мнѣ шутя, что считаетъ мои произведенія честью для Англіи и для XIX-го вѣка! Многіе изъ его приближенныхъ, не шутя хотятъ увѣрить меня, что герцогу такъ же лестно бесѣдовать со мною, поэтомъ, какъ мнѣ, поэту, съ ватерлооскимъ побѣдителемъ. Complimentъ ужъ слишкомъ—великъ; и хотя я вовсе не намѣренъ унижать своихъ способностей, но все-таки долженъ сознаться, если наше столѣтіе прославлено чьими-нибудь мирными заслугами, то конечно не моими. Передъ паровыми машинами Ватта и предохранительною лампой сэра Гомфри Деви слабы кажутся стихи и поэмы, хотя бы мои собственные.

Какъ бы то ни было, я очарованъ герцогомъ. Это одинъ изъ героевъ нашего вѣка; на него нельзя насмотрѣться достаточно. Его благородная фигура, осанка вовсе неизобличающая въ немъ такого знаменитаго воина,

его пренебреженіе къ щегольству и мелочамъ этикета ⁽⁹⁾ дѣлають изъ его особы нечто оригинальное и вѣдичавое. Онъ говоритъ немного, но прѣвосходно, и каждое его слово врѣзывается въ память. Сколько мнѣ показалось, герцогъ, какъ бѣольшая часть великихъ полководцевъ, отчасти убѣжденъ въ существованіи какой-то магической силы, охраняющей его жизнь въ минуты жесточайшихъ опасностей. Подъ Ватерлоо изъ его свиты и ординарцевъ не осталось почти никого нераненнымъ, не говоря уже объ убитыхъ; дѣйствительно, въ этотъ день онъ находился вездѣ и даже одинъ разъ очень-близко подѣхалъ къ Наполеону и его штабу. Крики французскихъ батальоновъ: *vive l'Empereur!* дали ему знать о близости своего главнаго врага, но самого Бонапарте онъ не успѣлъ разсмотрѣть за дымомъ и пылью».

Великобританскій министръ иностранныхъ дѣлъ, извѣстный впоследствии своимъ печальнымъ самоубійствомъ, лордъ Кастльре считался въ то время однимъ изъ блистательнѣйшихъ иностранцевъ въ Парижѣ. Скоттовы къ нему отношенія сперва могли назваться нѣсколько-щелотливыми; за нѣсколько лѣтъ назадъ, этотъ лордъ имѣлъ съ своимъ товарищемъ по кабинету и другомъ поэта, уже упоминаемымъ нами Георгомъ Кеннингомъ, дуэль, окончившуюся довольно-несчастливо для Кеннинга ⁽¹⁰⁾. Но остатки прежнихъ неудовольствій не помѣшали министру сблизиться съ другомъ своего бывшаго противника, и, кромѣ многочисленныхъ знаковъ своего къ нему уваженія, дать приказаніе своей канцеляріи, при всякой отправкѣ депешъ въ Англію, посылать особаго курьера къ Вальтеру Скотту, для полученія его писемъ

(9) Герцога солдаты и офицеры называли *The Beau* (денди, фатъ) за его отвращеніе къ прихотямъ моды, ненужной роскоши и извѣженности.

(10) Впоследствии Скоттъ сталъ глядѣть на все дѣло, несмотря на свою привязанность къ Кеннингу, съ истинной точки зрѣнія. Въ 1809 году, во время предсѣдательства герцога Портлендскаго, Кеннингъ (тогда министръ иностранныхъ дѣлъ), имѣя причины неудовольствія противъ лорда Кастльре, убѣдилъ своихъ товарищей смѣнить его съ должности секретаря военныхъ дѣлъ, *когда кончится парламентская сессія*. До условленной поры и Кеннингъ и другіе товарищи не говорили лорду Кастльре ни слова, продолжая принимать его совѣты и дѣйствовать заодно, какъ-будто при совершенномъ согласіи. Когда все дѣло пришло въ ясность, Кастльре, нигдѣ съ иодачей отставки, написалъ къ Кеннингу письмо, въ которомъ выражалъ все свое негодованіе, не по несогласіямъ дѣловымъ, но по случаю всей интриги, вредившей и ходу государственныхъ дѣлъ и его чести. За письмомъ послѣдовала извѣстная дуэль, а общее мнѣніе совершенно оправдало лорда Кастльре, несмотря на всю его непопулярность въ народѣ. Кеннингъ, при всѣхъ своихъ великихъ способностяхъ, иногда любилъ интриговать и хитрить болѣе во вредъ себѣ, чѣмъ другимъ.

къ женѣ или друзьямъ, въ Лондонъ или Шотландію. Въ 1815 году лордъ Кастльре, онъ же и лордъ Лондондерри, виждеть съ своей женою, историческою красавицею, представляли изъ себя чету, приковывавшую къ себѣ вниманіе и жителей и посѣтителей Парижа, въ ихъ обществѣ. Скоттъ часто дѣлалъ загородныя поѣздки и, между-прочимъ, совершилъ отчасти сантиментальное, отчасти веселое путешествіе въ Эрменонвилъ къ гробницѣ Жан-Жака Руссо и садамъ, такъ имъ любимымъ при концѣ своей тревожной жизни. Во время сказанной поѣздки, люди, отправленные за ослами для дамъ, должны были захватить этуъ животныхъ силой отъ какого-то упрямаго фермера. Все населеніе окрестныхъ деревушекъ, вспыхнувшее гнѣвомъ по случаю неожиданной реквизиціи, вслѣдъ за ослами прибѣжало къ Эрменонвиллю съ плачемъ и угрозами, но, къ-счастью, лордъ Кастльре, всегда готовый разсыпать золото пригоршнями, укротилъ встревоженныхъ обывателей⁽¹¹⁾.

Пребываніе Вальтера Скотта на твердой землѣ продолжалось не долге мѣсяца. Пышность и блескъ, встрѣтившіе его въ Парижѣ, тоже усилили желаніе поэта поскорѣ вернуться на родное мѣсто. Вообще, привязанность Скотта къ дому и Шотландіи, далеко превосходящая обыкновенную страсть почти каждаго человѣка къ своей родинѣ, могла на-

(11) «Начало болѣзни, доведшей лорда до самоубійства (разсказывалъ Вальтеръ-Скоттъ), я подмѣтилъ задолго въ какой-то мрачной задумчивости, впрочемъ, случавшейся очень-рѣдко. Сверхъ-того, онъ одинъ разъ разсказалъ мнѣ страшнѣйшую исторію, ясно показывавшую въ немъ наклонность къ иллюзіямъ зрѣнія, которыя, какъ известно, составляютъ одинъ изъ главныхъ признаковъ наклонности къ помѣшательству. По словамъ Кастльре онъ имѣлъ въ свою молодость видѣніе, рѣшительно-необъяснимое: стоя съ полкомъ милиціи гдѣ-то въ Ирландіи, онъ легъ спать въ старомъ, полуразрушенномъ помѣщичьемъ домѣ, на концѣ длинной комнаты, имѣя противъ себя, на другомъ ея концѣ, неизмѣримый камень съ пылавшимъ въ немъ костромъ изъ дровъ и торфа. Проснувшись около полуночи, онъ приподнялся съ подушки и машинально устремилъ глаза на меркнущіе уголья: въ эту самую минуту огонь вспыхнулъ съизнова и изъ огня выскочилъ нагой ребенокъ. Фигура тѣхъ подошла къ постели, возвышаясь ростомъ на каждомъ шагѣ, и наконецъ принявъ видъ страшнаго, блѣднаго какъ смерть, великана, съ бѣшенными глазами и раной на лбу, изъ которой кровь бѣжала ручьемъ. Лордъ Кастльре спокойно всталъ съ постели и грозно двинулся на привидѣніе, тотчасъ же начавшее отступать шагъ за шагомъ, снова принявшее видъ ребенка и наконецъ исчезнувшее посреди камня. Въ то время онъ самъ приписывалъ иллюзію лихорадкѣ, соединенной съ послѣдствіями слишкомъ-невоздержнаго ужина съ своими офицерами; но катастрофа нынѣшняго года дала всему дѣлу настоящую развязку.»

зваться вѣчнымъ источникомъ наслажденій для поэта. Эдинбургскіе холмы казались ему прелестнѣе всѣхъ сѣверныхъ хребтовъ въ свѣтѣ; передъ воспоминаніемъ о Маллрозѣ, или эдинбургскомъ замкѣ, исчезла вся прелесть великолѣпнѣйшихъ дворцовъ Европы, а Абботсфорда, или сальскаго домика въ Эшстиглѣ, Скоттъ, конечно, не протѣялъ бы на замки и виллонжскіе сады герцоговъ девонширскихъ. Любя природу со всѣмъ жаромъ поэтической души, вѣвекъ Марміона имѣлъ завиднѣйшую способность привязываться именно къ своей родной природѣ, къ пейзажамъ и небесамъ, постоянно-бывшимъ передъ его глазами, и не только не охлаждать вслѣдствіе своего постоянства, но еще усиливать привязанность чрезъ большее и большее знакомство съ краемъ. Оттого-то, встрѣтивъ въ Парижѣ начало осени, Вальтеръ Скоттъ видимо началъ тяготиться городской жизнью, балами, обѣдами, а разъ почувствовавъ усталость, отправился къ своимъ пенатамъ, прямой дорогой черезъ Дьешъ, Брайтонъ и Лондонъ, оставивъ своихъ коллегъ спутниковъ на свободѣ ѣхать въ Швейцарію и куда угодно. Въ послѣдній разъ наглядѣвшись въ Лондонѣ на своего друга, Байрона, Скоттъ пустился на сѣверъ, осмотрѣлъ замки Варвикскій и Кенильвортскій и, проведя короткое время въ Бирмингемѣ (12), прибылъ въ свое владѣніе, гдѣ его встрѣтили искреннѣйшіе друзья его сердца и всѣ поселяне абботсфордскихъ владѣній. Послѣ обѣда, оживленнаго присутствіемъ любимыхъ людей и неистощимыми разсказами о чудесахъ Парижа, Вальтеръ Скоттъ приказалъ принести особый сундукъ, привезенный имъ изъ Франціи, и созвавъ всю свою прислугу, надѣлалъ ее разными нарядами и мелкими вещицами, для нихъ накупленными въ изобиліи. Никого онъ не забылъ, и нѣсколько лѣтъ спустя, американецъ Вашингтонъ Ирвингъ напечаталъ свои записки объ Абботсфордѣ и его обитателяхъ, сохранивъ для потомства память о томъ, какъ подарки эти были приняты. «Когда мы ходили съ Скоттомъ (пишетъ авторъ колобововой біографіи) по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ еще продолжались работы, каждый каменщикъ и помощникъ садовника на минуту оставлялъ свое занятіе и,

(12) Въ Бирмингемѣ случилось съ Скоттомъ маленькое происшествіе, о которомъ воспоминаніе сохранилъ онъ до конца жизни. Заказавъ на фабрикѣ стальныхъ вещей ножъ для подрѣзыванья деревьевъ, онъ оставилъ тамъ записку съ тремя словами: *Вальтеръ Скоттъ. Абботсфордъ*, вмѣсто адреса. На другой день ему сообщили, что одинъ изъ работниковъ, шотландецъ, увидавъ записочку, «сошелъ съ ума отъ радости и предложилъ начальнику фабрики работать цѣлую недѣлю даромъ, только чтобъ ему досталась записка, писанная рукой Скотта». Понятно, съ какимъ чувствомъ принялъ поэтъ эту вежливѣйшую дань простаго работника.

улыбался, съ сіяющими лицомъ ожидалъ какой-нибудь шуточки, или ласковаго привѣта. Между ними я замѣтилъ одного высокаго, здороваго старика съ румянымъ лицомъ и серебряными волосами, въ маленькой круглой шляпѣ бѣлаго цвѣта. Онъ собирался танцить какую-то вальску, но увидавъ лорда, пріостановился и началъ глядѣть на Скотта своими сіяющими голубыми глазами, будто ожидая своей очереди поболтать. «Давай-ка табачку!» сказалъ аббатсфордскій владѣтель, ударивъ по плечу своего фаворита. Старичанка вытанилъ роговую тавлинку и поднесъ ее по всемъ правиламъ чинопочитанія. «Эй, человекъ!» замѣтилъ Скоттъ, «что это за дрянная посудина? Развѣ я тебѣ не привезу изъ Париза хорошей табакерки?» — «Нѣтъ ужъ, ваша честь, возрашилъ поселянинъ «вашу тавлинку по буднямъ носить не приходится».

Плодомъ скоттовой поездки оказалась небольшая но очень-энергичная поэма «Ватерлооское Поле» и описаніе замѣчательнѣйшихъ вещей, видѣнныхъ имъ въ Голландіи и Франціи, изданное въ видѣ писемъ⁽¹³⁾, очень-живыхъ и крайне-интересныхъ для будущаго историка, или правоописателя. Оба сочиненія имѣли значительный успѣхъ — обстоятельство, наименовавшее намъ успѣхъ другаго, болѣе-важнаго творенія, которое мы чуть не прошли молчаніемъ, увлекшись разсказомъ о заграничныхъ похожденияхъ поэта.

X.

Начало перваго романа. — Неблагопріятные отзывы. — Вліяніе тревогъ политическихъ на книжную торговлю. — Неудача свѣтовой біографіи. — Безпорядки дѣлъ; готовствѣ Джона Воллестейна. — Затрудненія по типографіи. — Переговоры съ Констанлемъ. — Новые хлопоты. — Помѣшательство Вебера. — Скоттъ снова принимается за романъ. — Анекдотъ о танцевенной рукѣ. — Отзывъ Эркина. — Изданіе въ свѣтъ «Ваверлея». — Успѣхъ и причины успѣха. — Тайна, хранимая на-счетъ имени сочинителя. — Мнѣніе самого Скотта о романѣ. — Толки публики. — Обѣды у принца-регента. — Забавный анекдотъ о лордѣ Бракенхедѣ и тосты въ честь савтора Ваверлея. — «Вѣщаніе поэта». — Письма къ Соуту и Кларку на-счетъ должности вѣщаннаго поэта (poet-laureate). — Последняя поэма Скотта. — Романъ *Гэй-Меннингъ*.

Въ предъидущихъ статьяхъ нашихъ мы не разъ имѣли случай упомянуть о рукописи сочиненія, начатаго Вальтеромъ Скоттомъ, по его разсказу, тотчасъ послѣ изданія въ свѣтъ «Дѣтъ Озера», а но замѣткамъ многихъ его біографовъ, даже гораздо-ранѣе. Сочиненіе это, до времени названное «Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ», представляло собой начало романа, долженствующаго познакомить публику съ обычаями

(13) Paul's letters to his Kinsfolk.

Шотландія въ критическую эпоху борьбы за послѣдняго изъ Стюартовъ, борьбы, какъ извѣстно, окончившейся куллоденскимъ сраженіемъ, такъ гибельнымъ для старой Каледоніи. Много разъ романъ, названный нами, откладывался въ сторону, лежалъ безъ вниманія по годамъ и снова появлялся на рабочемъ столѣ поэта, недогадывавшагося, какой переворотъ произойдетъ во всѣхъ его дѣлахъ и извѣстности вслѣдствіе этого вѣчно-бесснажнаго и вѣчно-забываемаго произведенія. Работа шла лѣниво и вся вещь едва дошла до конца морской части. Друзья, которымъ дали ее прочесть, единогласно не одобрили попытки: по ихъ словамъ, «сюжетъ порицалъ своей непростительною небрежностью; характеръ героя не имѣлъ ничего привлекательнаго; обиліе совершенно-ненужныхъ подробностей безъ нужды вредило ходу дѣйствія, и событія текли вяло, медленно (14)». Съ 1810 года романъ немного подвинулся, къ отзывамъ довѣренныхъ цѣнителей, хотя все еще очень-строгимъ, начала прижививаться къноторая похвала. «Присланное мнѣ начало романа» пишетъ старшій Беллентейнъ, «я прочелъ безъ скуки, хотя рассужденія, перемѣшанные съ разсказами, не приходятъ мнѣ по вкусу. Вся исторія происходитъ въ 1750 году, а между-тѣмъ дѣйствующимъ лицамъ приданъ какой-то отблескъ старины, вовсе-несходный съ характеромъ эпохи. Вспомните, что наши отцы жили весело, что тогда писалъ Джекобъ и Гаррикъ украшалъ лондонскую сцену, да что и вообще частная жизнь англичанъ съ-тѣхъ-поръ измѣнилась только въ мелочахъ, чуть-ли не въ одномъ покроѣ платья.

«Зачѣмъ отчетъ о занятіяхъ героя и книгахъ имъ читанныхъ, такъ неприятно-мелоченъ? Зачѣмъ вы говорите, напримѣръ, «Онъ читалъ Дон-Кихота», хотя изъ всѣхъ послѣдующихъ событій вовсе не видно вліянія этой книги на его характеръ? Вы такъ умѣете сжимать свою рѣчь въ стипъ и такъ многословны въ прозѣ! Но изображать предметы вы все-таки мастеръ, во всемъ.

«Забавныя сцены весьма-удачны. «Продолжать ли романъ?» спросите вы. Конечно, продолжайте. Успѣхъ будетъ, хотя неизвѣстно до какой степени. Я не беруся угадывать».

Такой холодный отзывъ не могъ поощрить поэта, привыкшаго къ успѣхамъ быстрымъ и блистательнымъ. Рукопись опять отправилась въ число ненужныхъ бумагъ и нѣсколько разъ находилась въ опасности подвергнуться уничтоженію, когда стеченіе многихъ неприятныхъ обстоятельствъ, побудившее Скотта, во что бы ни стало, удвоить свою литературную дѣятельность, снова обратило его вниманіе на начатый романъ,

(14) Загѣтънъ Эрскина и Джамса Беллентейна.

во всякомъ случаѣ способный быть проданнымъ не безъ выгоды. Периодъ послѣднихъ войнъ съ Франціею, періодъ тревоги и напряженія, какъ можно догадаться, несомнѣннѣ ладилъ съ выгодами тогдашней книжной торговли. Правда, Великобританія обладала въ то время нѣсколькими первоклассными поэтами и учеными, которые могли поддержать блескъ ея словесности въ года, невыгодные для развитія литературнаго, но оди труды дѣятелей перваго разряда не только никогда не способны вознаграждать собою отсутствія обыкновеннаго литературнаго движенія въ смутное историческое время, но даже своимъ яркимъ блескомъ часто откидываютъ въ тѣнь книги простые, повседневныя, но всегда дающія главному работѣ книгопродавцамъ и издателямъ. Въ эти года поэмы, подобныя «Гяру» и «Рокби», конечно разшевеливаютъ равнодушную публику, но, слышавши, они только отчасти разгоняютъ иракъ, покрывающій всю область словесности. Мало того, публика, постоянно привыкая къ единимъ первокласснымъ новостямъ, начинаетъ жадать только чего-нибудь рѣзкаго и необыкновеннаго, проходя безъ вниманія все, что поперечить подобнымъ ожиданіямъ. Книгопродавцы, неуспѣвшіе заставить какинъ-нибудь львомъ, въ родѣ Скотта, Байрона, Мура, погибнуть безъ замѣтїа, и даже самыя литературныя львы, видя передъ собою вѣчную необходимость озадачивать читателя, поневолѣ начинаютъ вдаваться въ эксцентричность, прощаясь со всякимъ трудомъ тихимъ и осмотрительнымъ. Дѣятельность Скотта, какъ мы видѣли, постоянно дѣлилась на двое: рядомъ съ поэмами онъ велъ нѣлыя ряды монографій, комментариевъ къ старымъ писателямъ, рецензій и этюдовъ всякаго рода, дававшихъ ему случай поучаться поучая другихъ и соблюдать своя выгоды, содѣйствуя какъ успѣху дружественныхъ изданій, такъ и выгодамъ своихъ компаньоновъ по книжной торговлѣ. Въ упоминаемый нами періодъ, вся скромная часть этихъ трудовъ пришла въ самый неблагоприятный видъ вслѣдствіе холодности публики, а малый успѣхъ одного изъ любимыхъ предприятий въ этомъ родѣ, предприятий, стоившихъ Скотту многихъ хлопотъ, долголѣтнаго труда и значительныхъ издержекъ ⁽¹⁵⁾, заставлялъ

(15) Мы говоримъ про изданіе полныхъ сочиненій *Свифта* съ комментаріями и біографіей поэта, написанными В. Скоттомъ. *Джонатанъ Свифтъ*, авторъ знаменитаго «Гулливерова Путешествія», одинъ изъ литераторовъ англійскаго періода, до-сихъ-поръ составляетъ какую-то психологическую загадку, привлекающую къ себѣ біографовъ и историковъ словесности. Жизнь его очень-хорошо, хотя отчасти пристрастно, описанная Скоттомъ — цѣлый романъ, далеко-оставляющій за собою, относительно интереса, многіе изъ лучшихъ чисто-вымышленныхъ романовъ. Указанный нами трудъ Скотта важенъ еще потому, что по поводу его

возта устремить тревожный взгляд на положеніе своихъ литературно-торговыхъ занятій.

Джонъ Беллентейнъ, открывшій, какъ мы видѣли (.6), на скоттовы деньги книжный магазинъ въ Единбургѣ и начавшій уже торгѣть неудачи тогда, какъ еще всѣ работы шли безпрепятственно и продавались удачно, пронадалъ совершенно посреди нами описаннаго книжнаго кризиса. Растративъ, съ обычной своей вѣтренностью, часть общаго занаснаго капитала на обѣды и подарки хорошенькимъ дѣвушкамъ, онъ самъ испугался послѣдствій своего мотовства и, не желая пугать себя еще болѣе, вѣскольکو лѣтъ сряду не сводилъ счетовъ по своимъ операціямъ. Этотъ бездѣльникъ—шутъ, говаривалъ Скоттъ впоследствии, отличался отъ всѣхъ почти людей одною необыкновенною странностью. Онъ никогда не зналъ — положительно не зналъ, богатъ ли онъ, или бѣденъ, есть ли у него какое-нибудь средство жить и веселиться, или грозитъ ему совершенная нищета (17). Но такъ сильно любилъ юность веселаго Джона, что никакія тяжкія испытанія не заставляли его понять всю неспособность этого человѣка къ дѣламъ, требующимъ какой-нибудь солидности. Съ помощью займа и остатковъ капитала, назначеннаго на отдѣлку Абботс-орда, дѣло кое-какъ поправили; но тутъ подошелъ другой Беллентейнъ, Джемсъ, съ нечальнымъ извѣстіемъ о дурномъ ходѣ типографскихъ дѣлъ и объ остановкѣ болѣеи части заказовъ. Но его идея, требовалось сейчасъ же пустить въ свѣтъ новую поэму съ именемъ Скотта, хоть плохую, хоть необдѣланную, для пріобрѣтенія денегъ, нужныхъ для изверота; но какъ юность ни цѣнилъ независимость въ денежномъ отношеніи, какъ ни тяготился всякимъ долгомъ (18), однакожь мысль о такомъ вредномъ для своего имени дѣлѣ онъ тотчасъ же отстранилъ съ неудовольствіемъ.

появилась въ «Эдинбургскомъ Обозрѣніи» огромная статья о жизни и сочиненіяхъ Свифта, принадлежащая къ числу лучшихъ вещей; когда-либо написанныхъ лордомъ Джеффри.

(16) Послѣ ссоры Скотта съ Констэблемъ.

(17) Слова эти подтвердились много разъ на дѣлѣ и, кромѣ-того, вся ихъ справедливость выказалась, много лѣтъ спустя, по смерти Джона Беллентейна. Джонъ, имѣлъ иногда привычку вести дневникъ, и въ этомъ дневникѣ, за вѣскольکو недѣлъ до смерти, значилось: «труды мои увѣчались успѣхомъ; много разъ я бывалъ нищимъ по своей винѣ, а теперь пріобрѣлъ до 10,000 фунтовъ стерлинговъ». Но Джонъ умеръ, не оставивъ ничего, кромѣ долговъ: 10,000 ф. ст. существовали только въ его воображеніи.

(18) Герцогъ Боклейгскій, при первомъ извѣстіи о затруднительныхъ

Пока всё эти переговоры танулись и Арчибальд Констебл предлагал свои услуги, вызываясь купить весь магазинъ, такъ разстроенный бездѣльникомъ Джономъ, послѣдовало новое событіе, надолго повернувшее вверхъ дномъ всё скоттовы планы по части новыхъ работъ. Въ семействѣ его болѣе десяти лѣтъ проживалъ, на хорошемъ жалованьи, нѣкто Генрихъ Веберъ, еще не старый, добрый пѣмецъ, призванный Скоттомъ, и, по своей учености, оказывавшійся чрезвычайнოდѣльнымъ помощникомъ во всѣхъ трудахъ хозяина, конечно, за исключеніемъ поэмъ и стихотвореній. И семейство и друзья поэта очень любили Вебера за его добрую наружность, тихій нравъ, рассказы о своей студенческой жизни, а Вальтеръ Скоттъ давно уже привыкъ считать его своей правой рукою вездѣ, гдѣ требовалась работа книжная сухая, то—есть подборъ матеріаловъ, заготовленіе выписокъ и первая разработка свѣдѣній, уже собранныхъ. Съ молодости своей проживая, въ Шотландіи и сердечно полюбивъ ее, какъ новую родину, Веберъ имѣлъ несчастіе заимствовать нѣкоторыя привычки, безвредныя для уроженцевъ края, съ дѣтства привыкшихъ ко всякаго рода напѣствамъ, но гибельныя для иностранцевъ, особенно прѣѣзжавшихъ изъ края, гдѣ народъ ведетъ жизнь умѣренную, короче сказать: Генрихъ началъ пить, въ одно время навлекая на себя справедливыя укеры со стороны своего друга и начальника, а сверхъ-того производилъ безпорядки въ работахъ, до-тѣхъ-поръ двигавшихся съ исправностью хорошаго маятника.

Въ послѣдніе дни 1843 года, работая передъ обѣдомъ, вѣсть съ Веберомъ въ своемъ кабинетѣ, Скоттъ далъ себѣ, при наступленіи сумерковъ, минуту отдыха и потребовалъ огня, машинально устремивъ глаза на своего товарища. Въ отвѣтъ на этотъ взглядъ нѣмецъ вынулъ изъ кармана пару пистолетовъ, взвелъ курки и, подойдя къ кресламъ поэта, сказалъ торжественнымъ голосомъ: «Мистеръ Скоттъ, вы уже давно какъ начали оскорблять меня и я неспособенъ долѣе переносить вашихъ дерзостей. Потрудитесь взять одинъ изъ пистолетовъ и теперь же покончить дѣла между нами». Съ разу понявъ состояніе бѣднаго Генриха, Скоттъ имѣлъ счастье сохранить все присутствіе духа. «Вы могли ошибиться (отвѣтилъ онъ Веберу); но впрочемъ, дѣло не въ томъ и я готовъ дать вамъ полное удовлетвореніе, какъ вы сами того желаете. Но я не могу думать, чтобъ вы серьезно намѣревались стрѣляться со мной въ этой самой комнатѣ, перепугать мою жену и всѣхъ

дѣлахъ Скотта, поспѣшилъ предложить ему свои услуги. Поэтъ занялъ у него 4000 ф. ст. (24,000 р. с.) и тѣмъ спасъ обоихъ Беллестейновъ.

девушка. Но лучше ли намъ неа сиртатъ пистолеты въ ящикъ, а послѣ обѣда кончить дѣло какъ слѣдуетъ джентльманамъ?» Веберъ сказалъ: «Я и самъ такъ думаю», вслѣдствіе чего пистолеты тутъ же у него взялъ хозяинъ. Черезъ нѣсколько часовъ признаки помѣшательства, угаданнаго Скоттомъ, выказались въ полной мѣрѣ. Веберу уже не было суждено прійти въ себя и онъ кончилъ жизнь, чрезъ пять лѣтъ, въ Берксовомъ домѣ умалишенныхъ, гдѣ его лечили и содержали на счетъ суммъ, постоянно-вносимыхъ за него авторомъ «Робби».

«Посреди затрудненій финансовыхъ, сдѣлавъ долгъ, начавъ постройки, которыхъ нельзя было бросить безъ окончанія, каждый день получая самыя наутѣшительныя свѣдѣнія отъ Беллентейновъ, наконецъ, потерявъ въ Веберѣ помощника, надолго незабѣннаго, и оттого находя себя въ необходимости отложить всѣ работы, требующія хлопотъ по собранію для первой обработки матеріаловъ, Вальтеръ Скоттъ увидѣлъ себя въ необходимости перевести на наличныя деньги часть своихъ вещей, отложенныхъ въ сторону по разнымъ причинамъ, и тутъ же далъ позволеніе объявить въ газетахъ о скоромъ появленіи въ свѣтъ новаго романа, подъ названіемъ: «Веверлей, или Шестьдесятъ лѣтъ назадъ», въ трехъ частяхъ. Имени автора не выписывалось и вообще съ издателей требовалось строжайшаго секрета по этому случаю. «Если даже вещь и удастся» (прибавилъ поэтъ), то я все-таки требую совершеннаго молчанія. Я, какъ шеридановъ лицемѣръ (19), страдаю отъ избытка хорошей обо мнѣ славы, а книга, способная получить успѣхъ, можетъ навлечь на меня одну брань, если я подпишу ее своимъ именемъ. Сверхъ-того, я усталъ и истаскался; публика слишкомъ-часто встрѣчалась уже съ однимъ и тѣмъ же Вальтеромъ Скоттомъ».

Снова положивъ романъ передъ собою, авторъ далъ себѣ слово не отступаться не побѣдивъ. Очень-милый анекдотъ разсказанъ по случаю скоттовыхъ трудовъ, въ этотъ періодъ, его зятемъ Локгартомъ, тогда еще незнакомымъ ни съ поэтомъ, ни съ его семействомъ. Компания молодыхъ эдинбургскихъ адвокатовъ и литераторовъ, въ томъ числѣ и Локгартъ, обѣдали у одного изъ товарищей (20), жившаго на-супротивъ скоттовой квартиры. Какъ водится между молодежью, обѣдъ незамѣтно перешелъ въ ужинъ, за ужиномъ влѣдствовали безконечныя тосты и долго послѣ разсвѣта веселая компанія еще пила, смѣялась

(19) Джозефъ Шересъ, въ «Школѣ Злословія».

(20) Вильяма Мензи, впоследствии бывшаго главнымъ судьей на Мысѣ Доброй Надежды.

и гѣла шотландскія нѣси. Посреди общаго шума, одишь только хозяинъ задумался, не спуская глазъ съ открытаго окна въ соседннхъ домѣ черезъ улицу. «Что съ тобой?» спросилъ Локгартъ. «Рука, рука! опять эта рука!» могъ только произнести молодой человекъ съ чувствомъ. Всѣ подошли къ окну, и дѣйствительно увидѣли сквозь противоположное стекло часть комнаты, письменной столъ, груды бумагъ на столѣ и руку съ перомъ, быстро пишущающую. Богъ знаетъ который листъ бумаги. «Господа!» сказалъ молодой хозяинъ, весь взволнованный вліаніемъ утренняго воздуха и бессонной ночи: «я не могу смотрѣть хладнокровно на эту руку. Она была тутъ, когда еще мы не сошлись къ обѣду, она писала весь вечеръ, пока мы пили, она уже нѣсколько часовъ, какъ явилась опять на этомъ мѣстѣ. Листъ за листомъ откладывается въ сторону, а онъ все пишетъ и пишетъ. Когда я провожу день въ безпутствѣ и праздности, у меня нѣтъ силъ глядѣть на эту руку!» Одинъ изъ гостей, недавно прибывшихъ въ Эдинбургъ, замѣтилъ, улыбаясь: «вѣрно какой-нибудь подъячій строчить свои ябеды!» — «Нѣтъ, мой другъ, уныло сказалъ хозяинъ — рука на которую мы всѣ глядимъ, подарила Англіи цѣлый рядъ великихъ произведеній: это рука Вальтера Скотта, нашего великаго поэта!» Трудно описать — заключаетъ рассказчикъ — какъ сильно поразили насъ и рѣчь хозяина, и вся сцена и видъ руки продолжавшей ходить, по бумагѣ во время самаго о ней разговора! (21).

Вильямъ Эрскинъ, ужь одинъ разъ отозвавшійся очень-дурно о «Веверлеѣ», снова перечитавъ рукопись, значительно-прибавленную, сказалъ смѣло и рѣшительно: «Начало все-таки неудачно; но романъ этотъ черезъ нѣсколько мѣсяцовъ будетъ самымъ любимымъ изъ всѣхъ скоттовыхъ произведеній». Такъ-какъ авторъ, не взирая ни на какія похвалы, требовалъ строжайшаго секрета насчетъ своего имени, то оригиналъ сперва дали переписать Джону, потомъ ужь отравили въ типографію и оттуда въ готовомъ видѣ передали Констаблю для пречтенія, не сказывая кѣмъ книга написана. Констабль, безъ-сомнѣнія, догадавшись въ чемъ дѣло, тутъ же предложилъ купить романъ за 700 фунтовъ, но Беллентейнъ, посовѣтовавшись съ Скоттомъ, отвѣтилъ такъ: «Если книга получитъ успѣхъ, цѣна приходится малою; если же ей суждено отправиться къ бѣсу (the d—d), то семьсотъ фунтовъ слишкомъ-

(21) В. Скоттъ принялся за неоконченный первый томъ «Веверлея» 4 июня; къ 1 июля, менѣе чѣмъ черезъ тридцать дней, и двѣ послѣднія части отправлены были въ типографію! Трудно повѣрить этому факту, но онъ засвидѣтельствованъ отзывами современниковъ и признаніемъ самого поэта.

ного (22).» Тысячи фунтовъ (цѣны, назначенной Скоттомъ) Констабль
 ать не согласился и потому, вмѣсто полнаго обладанія «Веверлей»;
 олучилъ, какъ книгопродавецъ только свою часть выгодъ, впрочемъ,
 чонь-значительныхъ. Объ успѣхѣхъ жь романа можно составить себѣ по-
 ятїе, сообразивъ, что въ первый годъ своего появленія онъ разош-
 я въ пяти изданїяхъ; число же отдѣльно-проданныхъ экземпляровъ
 не считая переводовъ и контрафакцій), въ какія-нибудь десять лѣтъ
 ошло до баснословнаго количества — *пятидесяти тысячъ*.

Многіе скоттовы біографы и вообще историки словесности приписы-
 аютъ огромный успѣхъ романа «Веверлей», не столько его неоспоримъ-
 ымъ достоинствамъ, какъ важнаго произведенія, сколько новости за-
 мысла: основать романъ на извѣстныхъ историческихъ событіяхъ, и еще
 бодѣ изумленію публики, до-тѣхъ-поръ привыкшей считать всякій ро-
 манъ сбродомъ негнѣныхъ приключеній и приторныхъ сантиментально-
 стей. По идеѣ этихъ историковъ и біографовъ, Скоттъ представляется
 преобразователемъ романа, человѣкомъ, вызвысившимъ, почти создав-
 шимъ вышшее значеніе этого рода литературныхъ произведеній, а по-
 тому достойнымъ стоять въ головѣ всѣхъ романистовъ подобно тому,
 какъ, напримѣръ, Аристофанъ числится отцомъ комедїи, хотя разныя
 сценнческія фарсы существовали и до Аристофана. Мнѣніе это еще
 можно было бы поддерживать, еслибъ Вальтеръ Скоттъ жилъ не въ
 Англїи и писалъ не для Англїи, въ-теченіе долгихъ лѣтъ обладав-
 шей романами классическими и романистами самыхъ разнообразныхъ
 достоинствъ, начиная отъ Де-фо и кончая миссъ Остенъ, писатель-
 ницей съ большимъ дарованіемъ но мало извѣстной въ Англїи.
 Производить реформу въ романахъ и считается отцомъ романистовъ
 едва-ли было возможно въ той странѣ, гдѣ Ричардсонъ восхищалъ
 всѣхъ своей «Кларисой», Смолетъ выводилъ на сцену веселыхъ
 моряковъ и авантюрьеровъ, Филдингъ сочинилъ «Амелію» и «То-
 на Джонса», въ словесности, гдѣ по части романовъ трудились
 Годвинъ (23), Гольдсмитъ (24), миссъ Бюрлей (25), Гораций Валь-

(22) Читателю, можетъ-быть, покажется страннымъ, что въ англїйской
 книжной торговлѣ, до В. Скотта, покупка романовъ не считалась дѣломъ
 очень-прибыльнымъ и выгоды романистовъ, даже самыхъ любимыхъ, могли
 назваться весьма-незначительными. 700 фунтовъ, предложенныхъ Кон-
 стаблемъ, составляли гонорарїи безпримѣрный, хотя, какъ извѣстно, пре-
 восходные романы писались задолго до В. Скотта.

(23) Авторъ «Калебъ Вильямъ».

(24) «Vicar of Wakefield».

(25) «Эвелина» и «Цецилія».

ноль⁽²⁶⁾, мисль Марія Эджвортъ⁽²⁷⁾, Стернъ⁽²⁸⁾, наконецъ истинность Радклиффъ и Льюисъ—основатели страшной школы, хотя и заблуждавшиеся, но исполненные дарованія. Цѣлый рядъ первоклассныхъ романовъ, названія которыхъ известны каждому человеку, что—нибудь читавшему, романовъ, переведенныхъ на всѣ саронскіе языки, существующа до Вальтера Скотта, нисколько не потерялъ своего значенія и послѣ скоттова «Веверлея». Нельзя отвергнуть, что интрига этого послѣдняго сочиненія много выигрываетъ отъ своего сличенія съ известными историческими событіями, что въ романѣ является нѣсколько лицъ, поступившихъ въ область исторіи; но это нововведеніе отчасти не было новостью: до Скотта еще Смоллетъ въ одномъ изъ своихъ романовъ⁽²⁹⁾ подробно описалъ морскую экспедицію, сильно-занимавшую умы его современниковъ, а госпожа Радклиффъ, въ другомъ сочиненіи⁽³⁰⁾ вывела передъ публику лица, во время несчастной исторіи «Брайантоваго Ожерелья», занимавша Еврону гораздо-болѣе, чѣмъ смерть Фергуса Мак-Ивора и неудачная экспедиція принца Карла Эдуарда. Успѣхъ «Веверлея», по нашему мнѣнію, основанъ не на возвышѣ замысла, не на холодности англійской публики къ твореніямъ предшественниковъ Скотта, а на громадномъ дарованіи самого писателя, на его умѣнъ разсказывать, на веселости и увлекательности его слога, на всѣхъ тѣхъ достоинствахъ, однимъ словомъ, которыя всегда дадутъ писателю славу, явись онъ хотя послѣ тысячи блистательныхъ предшественниковъ.

И Рафаэль и нашъ Брюкловъ не были одинокими зѣбаками на горизонтѣ искусства; Шекспиръ также слеталъ свою интригу, какъ и его предшественники; Мольеръ даже преклонялся передъ условіями, стѣснившими его гениі; но слава этихъ великихъ дѣятелей отъ того не уменьшилась нисколько. Правда, что Скоттъ, въ послѣдующихъ романахъ, носившихъ особенное вниманіе элементу историческому, создалъ совершенно отдѣлъ историческихъ романовъ и породилъ школу безчисленныхъ подражателей; но эта реформа можетъ назваться частною, не столь важною для свѣдѣности, какъ важна прелесть скоттова дарованія, равно-блистательнаго и въ очертаніи Ричарда Плантагенета и вымышленныхъ постытелей Сен-Романскихъ, въ описаніи похождения Лудовика XI и ге-

(26) «Отранскій Замокъ».

(27) Повѣсти изъ свѣтской жизни, прландскія повѣсти, «Элленъ» и другіе романы.

(28) «Tristram Shandy», «Sentimental Journey».

(29) «Roderik Random».

(30) «The forest».

романа Джени Денсъ, поселанки шотландской, и антикварія, позиціоннаго претензіи на историческое значеніе. Мы слишкомъ способны въ каждомъ гениальномъ писателѣ видѣть человѣка, открывшаго новыя стези искусства и неминуемо отбросившаго въ тѣнь всѣхъ своихъ предшественниковъ. Безъ новизны направленія, по мнѣнію многихъ, нѣтъ гения; а всякій гений поэтому словно находится въ необходимости двигаться какимъ-то особеннымъ путемъ, до той поры неизвѣстнымъ никому на свѣтѣ. Сказанный предрасудокъ порождаетъ много ложныхъ теорій, еще болѣе неестественныхъ сближеній, такъ часто превращающихъ исторію словесности въ какую-то довольно-замысловатую игру, гдѣ, на мѣсто фактовъ, являюся одни умствованія, часто запутанныя, всегда почти ложныя.

Какъ бы то ни было, съ достовѣрностью можно сказать одно только: если Вальтеръ Скоттъ въ своемъ «Веверлеѣ» и не открылъ какого-нибудь несуществовавшаго до него рода литературныхъ произведеній, зато онъ въ совершенствѣ открылъ искусство писать романы такъ, чтобы ихъ продавалось по пятидесяти тысячъ экземпляровъ. Безпримѣрный успѣхъ его новой книги, какъ водится, породилъ тысячи предположеній на-счетъ ея таинственнаго сочинителя. Друзья Скотта свято хранили тайну, имъ ввѣренную; Беллентейны ловко отшучивались отъ всѣхъ разспросовъ и такимъ образомъ любопытная публика принуждена была довольствоваться однѣми догадками, изъ которыхъ въ каждой заключалось что-нибудь лестное для книги, то приписываемой В. Эрскину, то Эллису, то, наконецъ, Френсису Джеффри (31).

(31) О шумѣ, возбужденномъ появленіемъ «Веверлея», а также и о собственномъ взглядѣ на достоинства и недостатки романа, пускай сообщитъ намъ самъ счастливый его авторъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Морриту, для котораго «тайны не существовало».

«Я не согласенъ признать «Веверлея»; сдѣлавъ это, я лишу себя возможности писать снова. Публика заинтригована, и теперь новый романъ съ подписью «авторъ Веверлея» возбудитъ большее любопытство, чѣмъ еслибъ на оберткѣ стояло ужъ примелькавшееся имя Скотта, имя знакомое и очень-пестрое! Конечно, большая часть знатоковъ дѣла или догадываются, или скоро догадаются о томъ, кто писалъ «Веверлея», но я стану молчать и молчать. Давидъ Юмъ, племянникъ историка, сказалъ мнѣ: «авторъ романа торій и любитель якобитовъ (защитниковъ стюартовской династіи), шотландскій юристъ и сверхъ-того членъ кавалерійской милиціи: какъ вы думаете, кто бы это могъ быть?» Впрочемъ, эдинбургскій свѣтъ скорѣе возлагаетъ весь грѣхъ на Джеффри, будто бы сочинившаго «Веверлея» во время своей скучной, за атлантической поѣздки (1).

(1) Лордъ Джеффри былъ женатъ на дѣвцѣ изъ Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Одинъ изъ лицъ, прилагавшихъ наибольшія усилія къ побужденію Скотта признаться въ сочиненіи «Веверлея», былъ его королевское высочество принцъ-регентъ, уже не разъ изъявлявшій желаніе, какъ это мы видимъ въ прежнихъ главахъ, ближе сойтись съ однимъ изъ любимѣйшихъ своихъ поэтовъ. Узнавъ отъ мистера Крокера ⁽³²⁾, зам-

Итакъ, вы видите, нашъ подкидышъ не остался безъ родителей, да еще какихъ! Подумайте еще объ одномъ обстоятельстве: я занимаю въ судебной палатѣ замѣтную должность, и не одинъ изъ судей, составляющихъ эту палату, способенъ косо глядѣть на производителя дѣла, занимающагося сочиненіемъ романовъ. Во всякомъ случаѣ, мое мнѣніе основано на весьма-извинительномъ желаніи: изрѣдка писать разныя пустячки, не подвергаясь суровой оцѣнкѣ. Мекензи никогда не подписывалъ ни одного изъ своихъ сочиненій, а Свифтъ едва-ли призвалъ одну изъ ста сочиненныхъ имъ вещей. И вы и многие пѣнители слишкомъ-снисходительны къ «Веверлею»; еслибъ я былъ критикомъ, а романъ принадлежалъ не мнѣ, я могъ бы отдѣлать его самымъ жестокимъ образомъ.

«Такъ, павригърръ, я вижу очень-хорошо, что герой романа вышелъ весьма-жалокъ и безхарактеренъ. Еслибъ онъ женился на Флорѣ Мак-Иворъ, она могла бы ставить его на камень подъ зеркало, какъ это дѣлала жена карлика Борославскаго, показывавшая мужа за деньги. Я вовсе неспособенъ описывать такъ-называемыхъ героевъ, и мало того, одаренъ незаavidнымъ дарованіемъ изображать съ любовью букашеровъ, горскихъ удалцовъ и всякихъ молодцовъ Робин-Гудовой породы. Не могу придумать, почему бы оно было такъ; самъ я довольно-честенъ; никогда не совершалъ ни открытой, ни скрытой покражи: должно-быть, вѣрно во мнѣ еще остается кровь предковъ, отгонявшихъ чужой скотъ къ себѣ, въ долину тивіотскую!

«Прощайте, нѣкогда писать болѣе. Меня постигло огромное денежное бѣдствіе: индѣйскій пѣтухъ, предводительствуя семействомъ изъ сорока или пятидесяти малыхъ индѣйцовъ, разрушилъ мои клумбы и гордо ходитъ между низверженными цвѣтами. Шарлотта и ея птичница только слѣпятъ надъ моимъ отчаяніемъ, и я утѣшаю себя одной безчеловѣчной надеждой — когда-нибудь съѣсть противниковъ моего сада. Сейчасъ, для моего утѣшенія, явился Джемсъ Беллентейнъ съ письмомъ отъ моей знакомой незнакомки, милой миссъ Мери Эджвортъ, которая проситъ прислать ей экземпляръ «Веверлея», съ надписью «отъ автора». Обожаю ея прелестный талантъ, я напишу къ ней любезное письмо, будто-бы отъ Беллентейна, и пошлю ей три просимые томика.»

⁽³²⁾ Автора многихъ политическихъ статей, дѣятельнаго сотрудника «Трехмѣсячнаго Обзорѣнія» и большаго знатока англійской словесности. Этому самому Крокеру принадлежитъ изданіе босвеллевоу біографіи Джозона и комментаріи къ этой книгѣ. Многія достоинства Крокера, какъ литератора, помрачались духомъ задора и нетерпимости, вовлекавшимъ его въ полемическіе споры, не всегда достойные его учености и почетныхъ мѣстъ, имъ занимаемыхъ.

важнаго вѣдому должности адмиралтействъ-секретаря, что въ мартѣ 1815 года Скоттъ прибудетъ въ Лондонъ, принцъ приказалъ дать себѣ знать о его прибытіи, собралась устроить веселый маленькій обѣдъ въ шотландскомъ вкусѣ. Согласно новеллѣ, поэтъ представилъ на вышнему его высочеству, тутъ же приглашенному его въ свой Карль-тон-Гоузъ къ обѣду. Отпустивъ автора пѣсни «Министреля», принцъ-регентъ, въ даромъ прозванный первымъ джентльменомъ во всей Великобританіи, потребовалъ къ себѣ своего бібліотекаря, Адама, скоттова друга съ дѣтскихъ лѣтъ, и попросилъ его назвать изъ числа своихъ приближенныхъ, лицъ, особенно-любимыхъ поэтомъ. «Соберемъ, сказалъ принцъ Регентъ:—всѣхъ его друзей, и какъ можно болѣе шотландцевъ». Такимъ образомъ, рассказываетъ Крокеръ, одинъ изъ участниковъ обѣда, собралась небольшая компанія изъ герцога Йоркскаго (брата е. в.) герцога Гордона, графа Фейорскаго, и лорда Мельвила, бывшаго правителя Шотландіи, постоянно-отличавшаго Скотта задолго еще до пріобрѣтенія имъ европейской репутаціи. Обѣдъ дѣйствительно прошелъ необыкновенно-весело. Его высочество и Вальтеръ Скоттъ, оба, имѣвшіе даръ несравненно рассказывать анекдоты, оба любившіе посмѣяться, отбросили въ тѣнь всѣхъ остальныхъ собесѣдниковъ. Регентъ объявилъ, что онъ очарованъ своимъ гостемъ; подъ вліяніемъ его высокихъ ласкъ, Скоттъ превзошелъ самъ себя въ забавныхъ разсказахъ о шотландскихъ деревенскихъ лердахъ и разныхъ литературныхъ новостяхъ. Нѣсколько разъ его высочество, конечно, шутя, наводилъ разговоръ на «Веверлея», хвалилъ романъ, лукаво спрашивалъ Скотта, какъ онъ имъ доволенъ, но хитрый романистъ постоянно находилъ въ отвѣтъ или шутку, или разсказъ, отводившій прямыя разспросы. Одинъ изъ разсказовъ Скотта заставилъ всѣхъ насъ покатиться со смѣха, несмотря на его содержаніе, отчасти мрачное, и потому, быть-можетъ, еще болѣе разительное. Лордъ Браксфилдъ, одинъ изъ старыхъ шотландскихъ судей, великій чудакъ и охотникъ до шахматной игры, имѣлъ обыкновеніе во время своихъ должностныхъ поѣздокъ ужинать, играть въ шахматы и ночевать у котораго-то изъ сосѣднихъ лердовъ, не разъ ужъ навлекавшаго на себя его подозрѣнія въ участіи по нѣсколькимъ дѣламъ уголовного свойства. Одинъ разъ, доигравшись съ хозяиномъ до разсвѣта и все-таки не кончивъ партіи, лордъ Браксфилдъ сказалъ: «Ну, Дональдъ, отложи-ка доску въ сторону такъ, какъ она есть; къ веснѣ я къ тебѣ прикачу опять и мы снова сдѣлимся». Но одно неожиданное, а можетъ-быть и ожидаемое обстоятельство повредило плану: черезъ нѣсколько дней Дональда схватили за дѣланіе фальшивыхъ актовъ и привели въ судъ передъ очи его недавняго гостя и противника за шах-

натной доскою. Уликъ скончался десетикъ, присяжные удалились и вернулись съ обвиненіемъ, услышавъ которое, лордъ—судья Браксфилдъ, по смыслу закона, всталъ съ своего мѣста и произнесъ приговоръ, ожидавшій Дональда быть погнѣннымъ за нею доголь, кокуда приключится смерть. Но тутъ шотландская веселость взяла свое: громкимъ голосомъ сказавъ послѣднюю фразу сентенціи: лордъ Браксфилдъ быстро надѣлъ шляпу и, подмигнувъ осужденному, променталъ весьма громко: *ну Дональдъ, задай же я тебѣ шахъ и матъ съ одного раза!*

Принцъ долго не могъ перестать смѣяться—такъ хорошо рассказывалъ Скоттъ всю исторію. Клянусь честью, Вальтеръ (съ первыхъ словъ, принцъ ужъ не могъ называть поэта другимъ именемъ)—сказавъ онъ—вашъ старшій судья *самого меня* перещеголялъ своимъ свирѣтствомъ.

«Выпьемъ же по стакану за здоровье автора «Веверлея», прибавилъ принцъ, въ то же время лукаво поглядѣвъ на Скотта. На минуту поэтъ будто смѣшался, но тотчасъ оправившись, весело налилъ свой стаканъ. «Ваше высочество, сказалъ онъ при этомъ:—повидному предполагаете, вмѣстѣ со многими, что романъ написать мною. Я не имѣю права претендовать на одобреніе ваше въ этомъ случаѣ, но тотчасъ же приму мѣры для увѣдомленія настоящаго сочинителя о высокой чести, ему здѣсь сдѣланной!» Затѣмъ онъ выпилъ вино и вмѣстѣ съ другими собесѣдниками прокричалъ громкое восклицаніе, употребительное во время тостовъ; но только—что клики замолкли, принцъ—регентъ, не давъ гостямъ сѣсть и наливъ еще бокалъ, произнесъ, улыбаясь: «Господа, выпьемте же теперь за здоровье автора «Марміона!» И тутъ же, весело обратясь къ Скотту, принцъ прибавилъ: *ну, Вальтеръ, задай же я тебѣ шахъ и матъ съ одного раза!* Новый тостъ сопровождался новыми криками и счастливый поэтъ, вставъ съ своего мѣста, произнесъ очень—удачный благодарственный спичъ, въ которомъ все—таки отвернулся отъ признанія въ сочиненіи «Веверлея».

Отъ марта до мая Вальтеръ Скоттъ много разъ пользовался высокимъ гостепріимствомъ принца, и при отъѣздѣ получилъ отъ него въ подарокъ золотую табакерку съ брилліантами и медальонъ, какъ залогъ уваженія къ его генію и душевнымъ качествамъ ⁽³³⁾.

(33) Около того же времени, за смертью незначительнаго стихотворца Пайя (Pye), много лѣтъ занимавшаго придворную должностъ «въичаннаго поэта» (poet-laureate) ⁽¹⁾, эта должностъ осталась вакантною и принцъ

(1) Эта странная должностъ, установленная еще во времена первыхъ Генри-

Въ январѣ 1815 года появилась въ свѣтъ послѣдняя изъ бывшихъ ювѣнъ Скотта: его «Властитель Острововъ» — плодъ поэтическаго дарованія, достигаемаго своею полною зрѣлостію. Дѣйствіе происходитъ въ 1307

регента, черезъ своего ученаго секретаря, доктора Кларка ⁽²⁾, предложилъ ее Вальтеръ Скотту. Часть переписки по этому случаю, мы представимъ читателю, какъ довольно-любопытный очеркъ литературныхъ нравовъ того времени.

Отъ герцога Боклейскаго В. Скотту, въ Абботсфордъ.

Дорогой сэръ, я получилъ письмо, въ которомъ вы просите моего поучительства на 4000 ф. ст., и спрашиваете моего совѣта на-счетъ принятія почетной должности, предложенной вамъ его высочествомъ. По первому дѣлу я съ удовольствіемъ изъявляю согласіе. Совѣтовъ же давать я не умѣю; но если мой другъ изъявляетъ желаніе узнать мое мнѣніе, мнѣнїемъ этимъ я всегда готовъ съ нимъ подѣлиться.

Вамъ извѣстно, что должность «вѣнчаннаго поэта» въ публикѣ не считается очень-блестящей должностію. Меня очень огорчило бы извѣстіе о принятіи вами этого устарѣвшаго титула, налагающаго на васъ обязанность писать оды въ старинномъ вкусѣ, на заданныя тѣмы и въ урочные сроки. На вашемъ мѣстѣ я написалъ бы благодарное, откровенное письмо къ принцу, съ цѣлью отклонить отъ себя званіе, вовсе-несогласное съ вашими талантомъ и вашими привычками. Вкусъ его высочества такъ навѣстенъ, самъ онъ столько любитъ васъ и поэзію, что отказъ вашъ не приймется въ худую сторону.

Истинно-преданный вамъ

Г. Боклейгскій.

Мистеру Кларку, въ Брайтонъ.

Сэръ, вернувшись въ Абботсфордъ, я былъ удивленъ и глубоко тронутъ письмомъ, въ которомъ вы передаете мнѣ высокое и лестное предложеніе е. в. принца-регента относительно назначенія меня въ должность «вѣнчаннаго поэта». Вынужденнымъ находясь отказаться отъ предлагаемой мнѣ чести, я боюсь прослыть неблагодарнымъ въ глазахъ е. в., оказавшаго мнѣ столько ласки и чести, можетъ-быть, мною незаслуженную. Но я надѣюсь на вашу доброту и потому покорнѣе прошу васъ повергнуть къ стовамъ е. в., вмѣстѣ съ изъявленіемъ моей живѣйшей прс-

ховъ, существуетъ до-сихъ-поръ, какъ памятникъ старины; нѣмѣ вѣнчаннымъ поэтомъ считается извѣстный Альфредъ Теннисонъ, авторъ «Принцессы» и очень-милыхъ балладъ. «Вѣнчанный поэтъ» получаетъ небольшое постоянное жалованье, по праздникамъ запасы испанскаго вина и сверхъ-того извѣстныя награды за каждую торжественную оду, нѣмѣ написанную. Впрочемъ, всѣ выгоды, получаемыя «вѣнчаннымъ поэтомъ», едва доходятъ въ годъ до 200 фунт. стерлинговъ (1200 р. с.).

⁽²⁾ Автора «Успѣха морскихъ открытій» и «Жизни лорда Нельсона».

году, сперва на Гебридскихъ Островахъ, съ которыми мнѣ херонъ ознакомился во время двукратной къ нимъ побѣдки, а потомъ въ Айлскомъ Графствѣ и на Баннокбургскихъ Поляхъ, прославленныхъ побѣдою

знательности, изложеніе причинъ, заставляющихъ меня считать себя неспособнымъ къ предлагаемой мнѣ должности. Всѣ мои творенія, писанныя до сего времени, были плодомъ быстрой и прихотливой фантазій, едва ли способной на ея примѣненіе къ работамъ постояннымъ и періодическимъ. Самые предметы гѣсногѣнній, подлежащихъ голосу «вѣнчаннаго поэта», великія современныя событія, побѣды и освобожденіе Европы, давая мнѣ вдохновенію, не подходятъ подъ разрядъ предметовъ, которые бы можно было воспѣвать къ сроку, воспѣвать холодно. Есть еще одно обстоятельство, останавливающее меня въ этомъ случаѣ: я ужъ имѣю двѣ казенныя должности, и если еще прибавлю къ нимъ третью, публика, всегда готовая преувеличивать наши выгоды, не замедлитъ съчесть меня существомъ жаднымъ и ненасытнымъ. Выше всего цѣня высокою ко мнѣ расположеніе е. в. и гордясь сдѣланною мнѣ честью, я убедительнѣе прошу васъ передать мои извиненія и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрить е. в. какъ въ чувствахъ моей безпредѣльной преданности къ его особѣ, такъ и въ моей глубочайшей признательности за отличіе, мнѣ сдѣланное.

В. Скоттъ.

Роберту Соуту, въ Кесвикъ.

Любезный другъ Соуту, по смерти поэтическаго Пайя мнѣ предложили должность «вѣнчаннаго поэта», которую я отклонилъ, не желая къ двумъ казеннымъ должностямъ мнѣ прибавлять еще третью, и тѣмъ давая мнѣ разнымъ обвиненіямъ на свою особу. Простите ли вы меня за то что я при этомъ случаѣ подумалъ о васъ, не спрося вашего согласія? Я написалъ Крокеру о васъ, замолвилъ слово и другимъ приближеннымъ е. в.; въ скоромъ времени, я надѣюсь, вы получите предложеніе занять должность, въ которой сіяли Драйденъ и Уартонъ, хотя ихъ преемники своимъ плохимъ дарованіемъ чаще смѣшили, чѣмъ поучали. Спенсеръ тоже считался «вѣнчаннымъ поэтомъ». На-счетъ срочныхъ занятій и стиховъ на заданныя тѣмы будьте покойны: высокій умъ принца-регента и его уваженіе къ талантливымъ людямъ скоро произведутъ реформу во всѣхъ странныхъ обычаяхъ, сопряженныхъ съ вашей должностью⁽¹⁾. Итакъ, съ Богомъ, получайте мѣсто.

В. Скоттъ.

Отказъ Скотта, какъ и слѣдовало ожидать, не только не огорчилъ принца-регента, но даже ему понравился, точно также, какъ его рекомендація Соуту, человѣка очень-небогатаго и нуждающагося въ протекціи.

(1) Скоттъ не ошибался: принцъ, тотчасъ же послѣ назначенія Соуту, избралъ его отъ срочныхъ поэмъ и пригласилъ его «писать, когда угодно, и выбирать предметы по своему собственному усмотрѣнію».

Роберта Брюса, короля-освободителя Шотландіи. Известно, что Брюсъ, изгнанный изъ Шотландіи ⁽³⁴⁾, укрылся на-время посреди острова Рехрина и оттуда ужь снова проникнулъ на свою родину, снова сра-вился и остался побѣдителемъ. Эти-то страствованія великаго вои-на по морю и утесамъ гебридскимъ, его приключенія въ изгнаніи, наконецъ, возвращеніе и торжество служатъ содержаніемъ поэмы. Лучшій изъ персонажей самъ Брюсъ, но главная прелесть произве-денія состоитъ не столько въ изображеніи характеровъ, сколько въ со-вершенствѣ описаній, въ блескѣ и быстротѣ дѣйствія, въ лирическихъ отступленіяхъ и наконецъ въ послѣднихъ сценахъ сраженія, едва-ли не превышающихъ все, до того созданное воинственною музою Скотта. Но достоинства «Властителя Острововъ», въ свое время ⁽³⁵⁾, отчасти по случаю 1815 года, отчасти по стеченію многихъ другихъ при-чинъ, остались неполнѣ-оцѣненными. Черезъ нѣсколько дней послѣ ея напечатанія, Скоттъ потребовалъ къ себѣ Джемса Беллентейна. «Ну, дружище, сказалъ онъ ему, на-минуту оставляя перо и откладывая въ сторону кучи исписанныхъ листовъ: «ну, Джемми, что говорить въ публикѣ о «Властителѣ»? Беллентейнъ молчалъ. «Неудача?» спро-силъ поэтъ, замѣтно смѣшавшись. «Неудача!» выговорилъ Беллентейнъ, наклоня голову.

«Нечего дѣлать», снова сказалъ Скоттъ, оправившись и дружески улыбнувшись: «Байронъ гонить насъ стариковъ ⁽³⁶⁾ долой со сцены, какъ мальчишекъ. Съ нимъ нельзя тягаться, Джемсъ: онъ прямо бьетъ въ цѣль тамъ, гдѣ я и прицѣлиться не смѣю! Унывать однако не слѣ-

Принцъ назначилъ Соути въ должность «вѣнчаннаго поэта», предвари-тельно избавивъ кесвикскаго пустынноика отъ разныхъ остатковъ старин-наго церемоніала по этой должности и другихъ его обязанностей, отно-сительно срочной работы.

⁽³⁴⁾ Робертъ Брюсъ, по своей гигантской силѣ и другимъ рыцарскимъ качествамъ, достойный имени истиннаго феодалнаго героя, передъ ска-заннымъ бѣгствомъ *одинъ* прикрывалъ отступление вѣрныхъ шотландцевъ, убивая всякаго, кто къ нему подступался; этотъ подвигъ воспѣтъ въ сотнѣ народныхъ балладъ, сдѣлавшихъ имя Роберта Брюса популярнымъ.

⁽³⁵⁾ Число проданныхъ экземпляровъ поэмы, не считая ся перепечатки въ полномъ собраніи скоттовыхъ сочиненіи, дошло только до 13,000 — количество, завидное для многихъ, но не для самого поэта, привыкшаго къ иной встрѣчѣ.

⁽³⁶⁾ Въ это время Скотту было 44 года. Часто, говоря о своемъ пере-ходѣ отъ поэзи къ прозѣ, онъ сравнивалъ себя съ Сервантесомъ, какъ известно, начавшимъ свой романъ вслѣдствіе несчастнаго соперничества съ драматургомъ Лопе де-Вега.

дуетъ, хотя, по всей вѣроятности, не много буду я писать стихами. Беря со стола эти тетради и тащи ихъ въ типографію».

Въ тетрадяхъ, про которыя говоритъ поэтъ, заключался его новый романъ «Гэй-Меннингъ», предназначенный къ выходу въ свѣтъ на другой мѣсяцъ послѣ «Властителя Острововъ». Успѣхъ «Меннинга», по числу проданныхъ экземпляровъ, совершенно равнялся успѣху «Везерлея», но одно обстоятельство при его продажѣ не могло не возбудить въ авторѣ полного сознанія всей своей популярности. *Первое изданіе романа, въ числѣ 2,000 экземпляровъ, разошлось на другой день послѣ публикаціи о выходѣ въ свѣтъ.*

СУМАРОКОВЪ И СОВРЕМЕННАЯ ЕМУ КРИТИКА.

Сочиненіе Н. Булича. Санктпетербургъ. 1854.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что книга г. Булича прочтется, а нѣкоторыми уже и прочтена съ большимъ удовольствіемъ. Не только занимающіеся исторіею литературы, но и вообще любители хорошаго чтенія поблагодарятъ за нее автора. Простота и ясность изложенія, отсутствіе педантства и сухости, благородный тонъ, искреннее уваженіе къ предмету своего труда, любовь къ словесности, которая есть вѣсть и плодъ и органъ просвѣщенія — составляютъ ея неоспоримыя достоинства. Сверхъ-того, она разсматриваетъ произведенія писателя съ исторической точки зрѣнія, единственно полезной и вѣрной при оцѣнкѣ прошедшаго. Необходимость историческаго взгляда опредѣленно указана самимъ авторомъ: «Критика должна отдѣляться отъ своего времени, должна забывать прибрѣтенное ею въ развитіи и переноситься вполне во время, въ которое жилъ литературный дѣятель, разбираемый ею. Писатель — сынъ времени. Оно, какъ нянька, держитъ его на рукахъ своихъ, не спускаетъ съ нихъ и убаюкиваетъ разказами и пѣснями своего времени. Для того, чтобъ писатель явился намъ въ полной правдѣ, надобно изучить его время, надобно знать, что онъ взялъ изъ него и что принесъ онъ новаго ему» (1).

Сочиненіе г. Булича, вызванное, какъ онъ говоритъ, обращеніемъ къ прошлому и сознаніемъ его важности, имѣетъ цѣлю показать начало нашей критики, подъ которой, въ настоящемъ случаѣ, разумѣтъ онъ не оцѣнку литературныхъ явленій, а критику современныхъ нравовъ, сатиру на недостатки современнаго общества. Вотъ почему Сумароковъ названъ «общественнымъ критикомъ» (2). Онъ является пред-

(1) Стр. 96.

(2) Стр. 73.

ставителем легкой сатиры нравовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вводителемъ у насъ журнальныхъ явленій съ сатирическимъ тономъ ⁽³⁾. Такъ-какъ историческое изученіе литературныхъ дѣателей требуетъ представленія ихъ дѣятельности въ связи съ предшествующими и послѣдующими явленіями, то сочиненіе г. Булича раздѣлено на три существенныя части: первая — біографическія извѣстія о Сумароковѣ и отношенія его къ современникамъ; вторая — разборъ произведеній Сумарокова съ исторической точки зрѣнія и указаніе мѣста его въ исторіи русской литературы; третья — показаніе того вліянія, какое имѣлъ Сумароковъ на сродныя ему по духу литературныя произведенія, которыя были продолженіемъ его дѣятельности и, оправдывая его, приготовили дальнѣйшія явленія въ литературѣ ⁽⁴⁾.

Первая часть знакомитъ читателя съ эпохой, въ которой жилъ и дѣйствовалъ Сумароковъ. Такое знакомство, нужное вообще въ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ, еще нужнѣе по отношенію къ Сумарокову, потому-что онъ былъ самымъ живымъ литературнымъ лицомъ эпохи: на сочиненіяхъ его больше, чѣмъ на сочиненіяхъ другихъ современныхъ ему писателей, отражается русское общество положивъ прошлаго вѣка ⁽⁵⁾. Г. Буличъ показываетъ воспитаніе Сумарокова, его служебную дѣятельность, особенно при театрѣ, отношенія къ представителямъ тогдашней сцены, къ современнымъ литераторамъ, къ вѣлможамъ-меценатамъ, изъ которыхъ Шуваловъ и графъ Панинъ занимаютъ первое мѣсто, наконецъ внутреннее содержаніе его жизни, то-есть отличительныя черты его характера. При бѣдности постороннихъ свѣдѣній, существеннымъ и почти единственнымъ матеріаломъ для біографіи Сумарокова служили его сочиненія. Авторъ воспользовался ими какъ слѣдуетъ, не упустивъ изъ вида ничего, что могло сообщить эту отдѣлу разсужденія возможную полноту и отчетливость.

Вторая часть посвящена опредѣленію литературныхъ заслугъ Сумарокова по отношенію къ его времени, указанію имъ мѣста въ исторіи нашей словесности. Невозможность слѣдить хронологически за развитіемъ таланта автора заставила г. Булича ограничиться разборомъ сочиненій по редамъ и формамъ литературнымъ. Сначала разобраны сочиненія стихотворныя, потомъ прозаическія. Выводы второй части выражены въ пяти тезисахъ ⁽⁶⁾, изъ которыхъ видно, что Сумароковъ, какъ ужъ замѣчено выше, былъ представителемъ легкой сатиры нравовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вводителемъ у насъ сатирическихъ журналовъ; что дѣятельность его, кромѣ сатиры, преимущественно была направлена на созданіе у насъ литературныхъ формъ и заимствованіе ихъ особенно

⁽³⁾ Положеніе 2-ое.

⁽⁴⁾ Введеніе, стр. XII.

⁽⁵⁾ Стр. 5. См. также положеніе 6-ое.

⁽⁶⁾ Положенія, 2-е, 3-е, 4-е, 5-е и 6-е.

изъ французской литературы; что произведенія его, хотя и не доступны современникамъ, удовлетворяя духовныя потребности общества и времени; что къ нимъ непримѣнима иѣрка эстетической критики, и что Сумароковъ, какъ первый критикъ правоу, долженъ стоять на первомъ планѣ въ исторіи русской литературы прошлаго столѣтія.

Послѣдняя часть разсужденія занята обзорніемъ сатирическихъ журналовъ, выходившихъ при жизни Сумарокова, въ періодъ времени съ 1759 года по 1774-й. Такихъ журналовъ было тринадцать: «Всякая всячина», «Трутень», «Сибѣ», «Адская Почта», «Полезное съ Приятнымъ», «И то и сѣ», «Ни то ни сѣ», «Поденщина», «Парнасскій Щепетильникъ» (7), «Трудолюбивый Муравей», «Живописецъ», «Вечера», «Комелекъ». Всѣ они показываютъ, что живое содержаніе, внесенное въ нашу литературу Сумароковымъ, не погибло безслѣдно, а нашло продолжателей: статьи нечисленныхъ журналовъ оправдывали тѣ убѣжденія, которыя онъ отстаивалъ въ своей литературной дѣятельности (8). Этотъ отдѣлъ разсужденія оригиналенъ и любопытенъ. Особенно замѣчательны выставленныя имъ отношенія старыхъ сатирическихъ журналовъ къ нашей комедіи прошлаго вѣка и преимущественно къ Фонвизину, и слѣдовательно органическая связь между авторомъ «Недоросля» и Сумароковымъ (9).

Таково содержаніе разсужденія г. Булича, представленное нами въ краткомъ извлеченіи. Разсмотримъ теперь, какъ выполнена имъ предложенная задача: историческое изученіе Сумарокова. Первый вопросъ будетъ касаться плана изложенія, второй — выдержанности и вѣрности историческаго взгляда. Но, прежде отвѣтовъ на эти вопросы, нужно сказать нѣсколько словъ о значеніи исторической точки зрѣнія, которую выбралъ авторъ, чтобъ предварительно условиться въ смыслѣ часто употребляемыхъ и рѣдко-опредѣляемыхъ словъ: «литература есть выраженіе общества».

Изъ трехъ терминновъ, входящихъ въ это опредѣленіе, твердо постановленъ только первый. Объемъ понятія, выраженаго словомъ «литература», понимается теперь всѣми одинаково. Никто, конечно, не

(7) Въ книгѣ, по опечаткѣ, поставлено: «Парнасскій и Щепетильникъ».

(8) Стр. 202 и положеніе 7-е.

(9) Введеніе, стр. VI — VII; также стр. 219 — 220.

ограничиваетъ его въ наше время однимъ отдѣломъ изъ общественной словесности, хотя въ ней преимущественно отражается общественная жизнь; но каждый разумѣетъ подъ нимъ всю совокупность словесныхъ произведеній, въ какой бы формѣ они ни являлись и какое бы содержаніе ни заключалось въ различныхъ формы.

Нельзя того же сказать о понятіи «общество». Оно нуждается въ точномъ опредѣленіи и объема и содержанія своего. Какіе предметы входятъ въ него? изъ какихъ признаковъ оно слагается? И цѣлый народъ есть общество, и разные классы народа составляютъ особые общественные круги, и въ каждомъ кругу найдутся многія степени, которыя тоже носятъ названіе обществъ. Есть высшее и низшее общество, есть общество образованныхъ и необразованныхъ, есть большинство и меньшинство публики. Словесное выраженіе жизни каждаго изъ этихъ разнообразныхъ общественныхъ круговъ имѣетъ ли право называться литературой? Конечно, имѣетъ. Дѣло здѣсь не въ численной величинѣ круга, а въ дѣйствительномъ его существованіи. Если одни писатели даютъ насущное чтеніе самому многочисленному отдѣлу публики, а другіе творятъ для немногихъ, то и различные литературныя произведенія могутъ служить выраженіемъ какъ той жизни, которую ведутъ тысячи или сотни, такъ и той, которою живутъ десятки и единицы. Да и не нужно знать намъ сумму членовъ, образующихъ извѣстный кругъ общества: довольно знать, что этотъ кругъ существуетъ на самомъ дѣлѣ, что онъ своимъ появленіемъ и бытіемъ обязанъ историческому развитію народной жизни. Положимъ, что авторъ по своему образованію принадлежитъ къ вершинамъ общественного зданія. Если онъ въ сочиненіяхъ своихъ представитъ образъ жизни этого, столько же избраннаго, сколько и малочисленнаго общества, то, безъ сомнѣнія, займутъ они законное мѣсто въ литературѣ, какъ выразительницѣ общественной жизни, несмотря на то, что масса публики или не будетъ читать ихъ, или, прочитавъ, увидитъ въ нихъ заповѣданный міръ, который назоветъ именемъ идеальнаго, то—есть небывалаго. Г. Буличъ видѣлъ шаткость значенія, придаваемого слову «общество», и потому совершенно справедливо замѣтилъ, что «надобно согласиться въ понятіи общества у насъ, или ужъ рѣшительно отвергнуть аксіому, что литература есть выраженіе общества»⁽¹⁰⁾. Но для чего же, сознавая неопредѣленность понятія объ обществѣ, не далъ онъ точнаго ему опредѣленія? Тогда бы читатель его разсужденія избавился отъ нѣкоторыхъ недоумѣній, производимыхъ отсутствіемъ положительнаго—уясненнаго взгляда. «Задача исторіи литературы: принимать въ себя все то, въ чемъ отразились общество и вѣкъ»⁽¹¹⁾. Желательно было бы услышать отъ автора, что именно, или, по—крайней—мѣрѣ, что преимущественно харак-

⁽¹⁰⁾ Стр. 190.

⁽¹¹⁾ Положеніе 8—е.

теризуетъ вѣкъ и общество, чтобъ такимъ-образомъ имѣть вѣрную мѣрку историческаго значенія словесныхъ произведеній. Опреѣленный критеріумъ достоинствъ и недостатковъ писателей, разсматриваемыхъ съ исторической точки, представилъ бы легкую возможность произнести мнѣніе и о разсужденіяхъ, написанныхъ въ томъ же духѣ. Критика была бы освобождена отъ предварительнаго изложенія неустановленныхъ положеній, которое увеличиваетъ объемъ статьи необходимымъ прибавленіемъ.

Еще менѣе опредѣлительности въ словѣ «выраженіе». Мы знаемъ требованія отъ словесныхъ произведеній: хотять, чтобъ литература вообще и поэзія въ-особенности служили представленіемъ дѣйствительнаго быта. Согласно съ этими требованіями, цѣнять преимущественно тѣхъ писателей, въ произведеніяхъ которыхъ, какъ въ чистомъ и вѣрномъ зеркалѣ, отражается современная эпоха, и осуждаютъ тѣхъ, у которыхъ не находятъ истиннаго изображенія общественной жизни. Назвавъ Пушкина поэтомъ «дѣйствительности», критика отдала заслуженную похвалу его поэтическому творчеству, и та же критика строго осудила школы риторическаго псевдоклассицизма и мечтательнаго романтизма за ихъ противорѣчія дѣйствительности. Если мы совершенно правы въ нашемъ уваженіи къ Пушкину, то много неправы въ нашихъ отзывахъ о литературныхъ дѣятеляхъ, жившихъ до Пушкина. Наша критика выказала въ этомъ случаѣ такую строгость осужденія, которая равнозначительна односторонности сужденія и которой источникъ въ одностороннемъ пониманіи словъ: «дѣйствительность», «дѣйствительная жизнь». Жизнь слагается не изъ однихъ событій важныхъ или мелкихъ, не изъ однихъ характеровъ, двигавшихъ событиями, или увлекавшихъ ихъ потокомъ: она обнаруживается съ такою же ясностью, а иногда еще яснѣе, сущностью идей, которыя правила намѣреніями людей и въ лонѣ которыхъ зараждались событія; она высказывается во взглядѣ на жизнь, въ понятіи о дѣйствіяхъ и дѣятеляхъ. Представленіе событія или характера можетъ быть несходно съ тѣмъ, что они были на самомъ дѣлѣ; но въ образѣ мыслей, которымъ авторъ надѣляетъ избранное лицо и который, пожалуй, несвойственъ его общественному положенію, видишь умственное направленіе цѣлаго общественнаго класса, видишь то, что интересовало и автора, какъ единицу, и цѣлую область людей его эпохи, какъ извѣстное количество единицъ. Осудить невѣрность въ изображеніи характеровъ и фактовъ, и не оцѣнить вѣрнаго представленія господствовавшихъ идей — значитъ за неважнымъ просматрѣть важное. Развѣ мысли не тѣ же факты, только невидимые, внутренніе? Развѣ онѣ не переходятъ въ дѣло видимое — событія внѣшнія? Развѣ послѣдовательныя измѣненія однихъ не обнаруживаются такими же измѣненіями другихъ? Развѣ масса идей, движущихъ обществомъ, нравственно-умственное направленіе эпохи, не входитъ въ составъ общественной жизни, не есть ея почтеннѣйшій элементъ? Исторія литературы даннаго времени долж-

на быть статистикой его духовнаго содержанія и нравственныхъ интересовъ ⁽¹²⁾.

Пригвѣры одностороннихъ сужденій, простиравшихъ отъ обичивости мнѣній: «общество», «выраженіе общества»; многочисленны. Укажемъ нѣкоторые, для поясненія вышесказаннаго.

Почти общими мѣстоожъ сдѣлались у насъ нападки на ложноклассическую трагедію, представителями которой служатъ Сумароковъ, Княжичъ, Озеровъ. Г. Буличъ отзываясь о ней такимъ-образомъ: «Русская трагедія наполнилась героями, носившими, правда, русскія имена, но чрезвычайно-далекими отъ русской жизни и народности» ⁽¹³⁾. Отзывъ, съ одной стороны, справедливый, если повѣстическое представленіе должно быть согласно съ исторіею. Возсозданія данной эпохи со всѣми ея мѣстными и временными отличіями, конечно, нѣтъ въ нашихъ трагедіяхъ, написанныхъ по образцу трагедій французскихъ; но эти лица, далекія отъ русской народности, эти Олегъ, Мстиславы, Владиміры, Пармены, которыхъ подлинники не отыщутся въ исторіи, въ своихъ монологахъ и діалогахъ касаются предметовъ, сильно интересовавшихъ современную публику, знакомятъ насъ (употребляю выраженіе самого автора) съ тѣми вопросами общественными, которые занимали лучшихъ людей того времени ⁽¹⁴⁾. Лучшие люди эпохи будутъ ли исключены изъ общества единственно на томъ основаніи, что ихъ много? И духовная настроенность ихъ сочтется ли ни во что въ духовномъ настроеніи общественной жизни? И литературнымъ произведеніямъ, въ той или другой формѣ отразившимъ эту настроенность, осудатся ли потому только, что выведенныя лица или представленныя событія, не имѣютъ историческаго, точнаго сходства съ лицами и событіями, какъ они дѣйствительно были? Такимъ-образомъ изъ итога словесныхъ произведеній мы вырвемъ самыя значительныя, исторію словесности лишимъ самыхъ интересныхъ страницъ, а исторію народа — самыхъ характеристическихъ указаній на общественное состояніе различныхъ эпохъ. Кто смотритъ на творенія поэтовъ со стороны ихъ художественной правильности или по отношенію ихъ къ возсозданію дѣйствительности, тотъ можетъ строго осудить и нарушеніе эстетическихъ требованій и несогласіе между дѣйствительными предметами и поэтическими ихъ образами; для того, кто выбралъ историческую точку зрѣнія, такая строгость невозможна.

Не меньше строгій приговоръ проносится и комедіямъ Сумарокова: «онѣ отличаются какимъ-то фантастическимъ характеромъ; лица ихъ принадлежать міру, никому невѣdomому; въ нихъ нѣтъ не только рус-

⁽¹²⁾ Положеніе 9-е.

⁽¹³⁾ Стр. 26.

⁽¹⁴⁾ Стр. 5.

сней, но и никакой жизни» (15). Еслибъ хорошенько условились въ значеніи слова «жизнь», то строгость приговора не имѣла бы мѣста. Тогда изъ сферы живущаго мы не исключили бы дѣйствительныхъ, заковыныхъ его явленій, какковы, напримѣръ, стремленія ума, нравственныя идеалы. Правда, у насъ нѣтъ и не было ни слугъ, которые называются Пасквианами и Арлекианами, ни петиметровъ съ именами Нарцисовъ и Дюлжей; но рѣчи этихъ небывалыхъ слугъ и служанокъ, господъ и госпожъ относятся именно къ тому, что дѣйствительно существовало въ нашей жизни, что занимало и автора и общество, стоявшее въ уровень съ его образованіемъ, что, наконецъ, въ другой только формѣ, выражено и въ сатирахъ того же автора. Если мы хвалимъ сатиры, какъ благородное «обличеніе презрительныхъ вещей», по собственному выраженію Сумарокова, то почему же не хвалить его комедій? Отраженіе общественной жизни и тамъ и здѣсь одинаково-ясно.

Но Сумароковъ подражалъ иностраннымъ комедіямъ? онъ почти перевелъ ихъ?... Какая нужда! Были, конечно, причины, почему онъ при выборѣ образцовъ склонялся на ту или на другую сторону. Пусть историкъ литературы объяснитъ эти побужденія, на которыхъ лежитъ также печать особенныхъ потребностей современнаго образованія. И собственно-переводныя произведенія составляютъ важный фактъ въ исторіи словесности: по нимъ, какъ по указателю своего рода, можно заключать объ умственномъ состояніи эпохи. Почему, напримѣръ, переводъ «Иліады» явился у насъ въ XIX-мъ, а не въ XVII-мъ вѣкѣ? и почему, явившись въ XIX-мъ, онъ не имѣлъ такого успѣха, какого ждалъ ему Гиббичъ, сѣтовавшій на равнодушіе публики?

Иногда лицо, самое неудачное въ отношеніи художественномъ, стоитъ на видномъ мѣстѣ по своему отношенію къ современной эпохѣ. Хотя Стародумъ—резонёръ и хотя резонёрство противозаконно въ поэзіи, требующей дѣйствія, однако роль его была выслушиваемая съ напряженнымъ вниманіемъ образованными современниками Фонвизина, который самъ свидѣтельствуетъ, что успѣхомъ своей комедіи онъ одолженъ его особѣ (16). Имя Стародума изъ собственного обратилось въ нарицательное, стало означать человѣка строгой нравственности, «друга честныхъ людей» (17). Мы, люди иной эпохи, можемъ, при представленіи пьесы, сокращать или выбрасывать нѣкоторые явленія, въ которыхъ выходятъ Стародумъ на сцену; но какой же историкъ литературы дозволитъ себѣ такую смѣлость? Для него одинъ монологъ резонёра иногда значительнѣе цѣлаго, художественно-обработаннаго лица, если онъ сви-

(15) См. статью г. Пыпина о Лукинѣ (Отч. Зап. 1853, №№ 8 и 9).

(16) Соч. Фонъ-Визина, въ изд. Смирдина, стр. 543.

(17) Фонъ-Визинъ хотѣлъ издавать сатирическій журналъ, подъ названіемъ: «Другъ честныхъ людей, или Стародумъ».

дѣтельствуееть состояніе общества, или даже намекаетъ на какую-нибудь сторону даннаго времени.

Трагедія Озерова «Димитрій Донской» представляетъ разительное доказательство тому, что, при отсутствіи исторической вѣрности, произведение можетъ сильно дѣйствовать на публику, если оно пришло къ современнымъ интересамъ. Театръ стоналъ отъ рукоприкладаній, когда давалась эта пьеса. Зрители видѣли въ ней ясное отношеніе къ политическимъ обстоятельствамъ своего времени—къ высокому Наполеону, къ мужественной кротости Александра; находили въ ней искреннее и сильное выраженіе того самого чувства, которымъ близились ихъ сердца—чувства высокаго патріотизма, готоваго на всё пожертвованіе для славы монарха и чести отечества. Патріотическое одушевленіе проникло жизнь всѣхъ и каждаго, и выразить его, въ какой бы то ни было формѣ, не значило ли выразить одинъ изъ возвышеннѣйшихъ моментовъ общественной жизни?

О поэмѣ Хераскова критика произнесла уже свое сужденіе. При всемъ согласіи съ ея приговоромъ, нельзя не видѣть, что и «Россіада» и «Владиміръ», и даже «Полидоръ», относятся къ современности, которая съ одной стороны была поводомъ ихъ появленія, а съ другой—нашла въ нихъ извѣстную долю отраженія. Любитель наукъ, ревностный христіанинъ и патріотъ, Херасковъ, видѣлъ въ поклонникахъ Мухамеда враговъ христіанства, отечества, просвѣщенія. Въ 1771 году, черезъ годъ послѣ сожженія турецкаго флота, напечатана его поэма «Чесма-скій бой», и въ то же время приступилъ онъ къ «Россіадѣ», которую, послѣ восьмилѣтняго труда, окончилъ въ 1779-мъ. «Воспѣвая разрушеніе Казанскаго Царства (говоритъ онъ въ предисловіи къ поэмѣ), имѣю въ виду успокоеніе, славу и благосостояніе всего Россійскаго Государства». Въ другой поэмѣ прославляетъ подвигъ Владимира, озарившаго Россію свѣтомъ христіанской религіи, безъ которой нѣтъ истиннаго просвѣщенія и которая возбуждаетъ фанатическую ненависть мусульманъ. Чтеніе «въ сладость» духовныхъ книгъ, какъ говоритъ самъ авторъ, дало ему источники и для этой поэмы и для поэмы «Все-ленная». Повѣствованіе «Полидоръ» (1794 г.) многими мѣстами относится къ современнымъ событіямъ Франціи: въ Терзятінахъ представленъ народъ, зараженный вольнодумствомъ, разрушившій старое и усилившій устроить новаго. Такимъ-образомъ и біографія автора и современная исторія даютъ средство находить слѣды отношеній къ данной эпохѣ въ его сочиненіяхъ, повидимому совершенно-отрѣшенныхъ отъ дѣйствительности и невѣрно представляющихъ избранныя событія и лица.

Лирическая поэзія, неменьше драмы подвергалась упрекамъ за отсутствіе вѣрности представленія. Особенно торжественныя оды служили и служатъ цѣлью насмѣшекъ, вызванныхъ односторонней, исключительной критикой, разсмотрѣніемъ ихъ художественнаго значенія. Но мы го-

веримъ теперь объ историческомъ взглядѣ на литературныя явленія и хотимъ цѣнить ихъ на столько, на сколько они раскрываютъ намъ состояніе общественной жизни. Въ этомъ отношеніи ложноклассическія оды не останутся безъ достоинствъ. Возьмемъ, напримѣръ, похвальныя оды Ломоносова. Русская дѣйствительность была ихъ предметомъ; своимъ образомъ воспѣвали онѣ то, что возбуждало вниманіе и поэта и его соотечественниковъ. Такъ во многихъ мѣстахъ представляется печальное состояніе «росскихъ музъ» отъ смерти Петра I-го до воцаренія Елисаветы, выражено желаніе видѣть на престолѣ петрово племя⁽¹⁸⁾, сѣтованіе о томъ, что желаніе долго не исполнялось, и радость при желаніи исполненномъ; въ 12-й одѣ говорится о Турціи, подобно ужасному дракону облегшей прекрасныя и святыя страны: одинъ только російскій Геркулесъ можетъ устремиться на чудовище⁽¹⁹⁾, о гордои Китаѣ, напрасно ограждаемомъ стѣнами⁽²⁰⁾; въ 13-й, 15-й и 16-й одахъ — о войнѣ съ Фридрихомъ-Великимъ; въ 18-й — объ опасностяхъ, угрожавшихъ нашему отечеству. Но событія или случаи, какъ поводы къ появленію торжественныхъ одъ, представляемыя въ ложноклассической формѣ, составляютъ второстепенное отношеніе ихъ къ современной эпохѣ: главное заключается въ единствѣ мысли, пропѣвающей оды и бывшей также постоянною мыслью правительственныхъ лицъ царствованія императрицы Елисаветы. Это — мысль о наукѣ, водворенной у насъ Петромъ. Величіе Петра, какъ просвѣтителя Россіи, слава Елисаветы, продолжавшей дѣло августѣйшаго своего родителя, и польза науки для нашего отечества — вотъ три существенные предмета, три постоянныя тѣмы торжественныхъ стихотвореній Ломоносова. Незамѣнно-господствующая мысль, сообщая имъ однообразіе, въ то же время кладетъ на нихъ печать современности. Сочиненіе можетъ проигрывать оттого въ литературномъ достоинствѣ, но за-тѣ выигрываетъ въ значеніи историческомъ, потому-что ясно видишь его отношеніе къ тѣмъ или другимъ сторонамъ дѣйствительной жизни.

А похвальныя слова Ломоносова? Кто первый замѣтилъ, что въ ораторѣ — Ломоносовѣ видѣнъ Ломоносовъ, сочинитель торжественныхъ одъ, тотъ сказалъ самую лучшую похвалу его ораторскимъ сочиненіямъ. Мы принимаемъ этотъ отзывъ въ томъ смыслѣ, что въ похвальныхъ стихотвореніяхъ и въ похвальныхъ словахъ Ломоносова господствуетъ одна и та же мысль — мысль о наукѣ, къ которой устремлялась дѣятельность автора и которая была предметомъ попечительнаго правительства и лучшихъ его подданныхъ. Такимъ отзывомъ указана,

(18) Въ 6-й одѣ, Россія, желая видѣть Елисавету на престолѣ, зоветъ къ ней:

«Воздвигни» намъ Петрово племя (соч. Ломон., изд. Смирдина).

(19) Соч. Ломон., изд. Смирдина, т. I, стр. 130 — 131.

(20) Ibid. стр. 131.

слѣдовательно, важность тѣхъ и другихъ сочиненій въ отношеніи историческомъ. Замѣчательно, что оба похвальные слова, и Петру I-му и Елисаветѣ Петровнѣ, составляютъ какъ-бы средоточіе торжественныхъ одаъ и пріступовъ или заключеній къ словамъ ученыхъ: первыя, то есть похвальные слова, заключаютъ въ себя много житейскихъ, общихъ съ жѣстами вторыхъ (одаъ и ученыхъ словъ), написанныхъ, какъ прежде, такъ и послѣ (21). Особенно-важно похвальное слово Петру: въ него вошла сущность всѣхъ похвалъ великому государю, высказанныхъ Ломоносовымъ до 1755 года, равно какъ похвалы, въ немъ содержащіяся, повторены или развиты въ сочиненіяхъ Ломоносова, явившихся послѣ 1755 г. Ясно, что изображеніе славы Петра, какъ просвѣтителя Россіи, постоянно занимало Ломоносова, что мысль о наукѣ, водворенной божественнымъ монархомъ (22), была руководительною его мыслью.

Кромѣ несправедливости, или односторонности понятій о жизни общественной и о ея выраженіи въ литературѣ, ошибочнымъ выводомъ критики не мало способствовало то обстоятельство, что, при сужденіи о словесныхъ произведеніяхъ, не отдѣляли ихъ содержанія отъ формы, т. е. отъ способа представлять содержаніе. Форма большей части нашихъ сочиненій подражательная, заимствованная; но самое содержаніе взято изъ собственной жизни, слѣдовательно самобытно. Когда мы имѣемъ въ виду обнаружить духовное настроеніе известной эпохи, отразившееся въ литературѣ, то намъ уже не для чего приписывать какую-то важность формѣ. Не все ли равно, если одинъ писатель преслѣдуетъ невѣжество въ комедіи, какъ Фонвизинъ, другой собственно въ сатирѣ, какъ Кантемиръ, третій въ баснѣ, какъ Крыловъ? Не все ли также равно, если одинъ невѣжда носить имя Митрофана, а другой — языческаго бога Сильвана? если одинъ петиметръ названъ Верколетомъ, другой — Дюлжемъ, третій — Медоромъ, четвертый — Иванушкой? Смотрите на черты общественного быта, указываемыя въ этомъ изображеніи невѣждъ и петиметровъ, а главное — смотрите на нравственное начало, проникающее пьесу, на сущность и направленіе идей, которыя

(21) Похвальное слово императрицѣ Елисаветѣ произнесено 1749 году, Петру I-му 1755; первая ода той же государынѣ сочинена 1742, послѣдняя 1761; первое изъ ученыхъ словъ «О пользѣ химіи» произнесено 1751, разсужденіе о точности морскаго пути прочтено 1759.

(22) Въ уподобленіи Петра I-го божеству, надобно видѣть не простое подраженіе Плинію, а разумно-восторженное признаніе безсмертныхъ заслугъ просвѣтителя Россіи. Это уподобленіе находится не въ одномъ похвальномъ словѣ, но и въ одахъ, и въ надписяхъ, и въ ученыхъ словахъ. «Онъ богъ, онъ богъ былъ твой, Россія» (4-я ода). Въ 3-й надписи говорится, что россияне не вѣрили, чтобъ онъ былъ изъ числа смертныхъ, но еще при жизни его почитали за бога. Въ ученыхъ словахъ Петръ также называется мужемъ божественнымъ (Соч. Лом., т. II, стр. 29), его намъренія — божественными (тамъ же, стр. 107).

управляя перомъ автора, которые онъ раздѣлялъ съ цѣлымъ обществомъ или малою его частью и которые вытекали изъ умственно-нравственнаго состоянія эпохи. «Чацкій вовсе не уменъ, а уменъ Грибоѣдовъ», говорилъ Пушкинъ, видѣвшій художественную несостоятельность одного изъ дѣйствующихъ лицъ «Горя отъ ума». И, несмотря на эту художественную несостоятельность, мы знаемъ наизусть монологи Чацкаго или Грибоѣдова — для насъ это все равно, и не хотимъ знать ни строки изъ тѣхъ современныхъ намъ комедій, которые дагерротипически-вѣрно снимаютъ дрязги дѣйствительности, рисуютъ точь-въ-точь букашекъ и таракашекъ, не прищѣвая слона. Строгий отзывъ кн. Вяземскаго о Чацкомъ, какъ *лицъ, невѣрно* дѣйствительности, не уничтожаетъ достоинства сатирическихъ *рычей*, *вѣрно*-выражающихъ извѣстное направленіе ума и противорѣчіе его другому, тождественному умственному направленію. Герои французскихъ трагедій, съ своими древними именами и новыми костюмами, приводили въ восторгъ публику невѣрностью исторій, а образомъ дѣйствій, чувствъ и мыслей, согласныхъ съ духовнымъ настроеніемъ тогдашняго общества. Сочиненіе, которое въ той или другой формѣ, художественно или нехудожественно, укажетъ на это духовное настроеніе, непременно будетъ важнѣйшимъ факторомъ общественной жизни въ данную эпоху. Конечно, и различныя формы сочиненій условливаются также господствующимъ характеромъ образованія: объяснить причины ихъ появленія и болѣе или менѣе долгаго существованія — также обязанность исторіи литературы; но это уже вопросъ другой.

Литература — живой организмъ, литераторы — волею или неволею члены общества. Какъ бы ни старались они отрѣшиться отъ современной имъ дѣйствительности, но громадно-несущаяся жизнь захватываетъ и ихъ своими волнами. Они видятъ и слышатъ многое даже изъ своего кабинетнаго затворничества. Чтò называемъ мы отчужденіемъ отъ жизни, то не болѣе, какъ относительно-низшая степень сношеній съ обществомъ и участія въ дѣлахъ его. Поэтому *каждое литературное произведеніе относится къ современной ему дѣйствительности, каждое болѣе или менѣе служитъ выраженіемъ современной общественной жизни*. Только отношеніе это бываетъ двухъ родовъ: одни сочиненія служатъ прямымъ выраженіемъ общества, другія — выражаютъ идеи писателя, взглядъ его на предметы, сочувствіе къ нѣкоторымъ сторонамъ жизни, короче: его умственно-нравственное настроеніе. Исторія литературы обязана указывать оба отношенія.

Если нѣтъ и быть не можетъ сочиненій, чуждыхъ отношенія къ современной дѣйствительности, то ясно, что всѣ попытки разсѣчь литературу какого-нибудь народа на два отдѣла, изъ которыхъ одинъ служить, а другой не служить выраженіемъ жизни — лишены достаточнаго основанія. Должно допустить, что сатирическая поэзія, во своему существу своему, ближайшимъ образомъ относится къ дѣйствительности,

какъ прямое выраженіе нравовъ ; можно видѣть, что она развилась у насъ преимущественно вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ ; но раздѣленіе русской поэзіи новаго періода на «подражательно-реторическую», которой и содержаніе и форма будто заимствованы у другихъ, и «самобытно-сатирическую», простирающуюся изъ самой жизни, грѣшнѣе во многихъ пунктахъ. Вопервыхъ, и въ сатиру нашей много подражательнаго: самъ Кантемиръ, ея родоначальникъ, объявлялъ, что онъ «топчетъ слѣды Горация, Ювенала, Буало», и что онъ многое у нихъ взялъ (вотъ «подражательный» элементъ), примѣнявъ къ нашимъ обычаямъ (вотъ элементъ «самобытный»). Вовторыхъ, дѣленіе не имѣетъ единства въ основаніи : признакъ «сатирическая» указываетъ на особый поэтический родъ, тогда какъ признакъ «реторическая» даетъ знать объ отсутствіи поэзіи и скорѣе относится къ тону выраженія: сатира можетъ быть также реторическою, наравнѣ съ одой, поэмою, романомъ. Втретьихъ, разумное усвоеніе европейскаго образованія, предписанное волею Петра, развѣ не составляло жизни извѣстной части общества, точно также, какъ противодѣйствіе невѣжества великимъ планамъ преобразователя было жизнію другихъ частей того же общества? Сатирикъ въ преслѣдованіи общественныхъ недостатковъ побуждается идеаломъ. Для Кантемира этотъ идеалъ являлся въ пресвѣщеніи по мысли Петра: въ немъ видѣлъ онъ зажидательное начало общественнаго развитія. Лучшие люди его времени сообразовались съ этимъ идеаломъ ; другіе или совершенно отвергали его, или, поневѣ превратно, поставили его въ легкомысленномъ усвоеніи вѣнскихъ отличій и свѣтскихъ обычаевъ европеизма. Жизнь тѣхъ и другихъ была тоже общественною жизнію; обѣ онѣ были равно самобытны, и слѣдовательно самобытны, какъ выраженіе жизни, оба отдѣла поэзіи: сатира, преслѣдующая уклоненіе отъ идеала, и не-сатира, изображающая приближеніе къ идеалу, какъ жѣртѣ умственно-нравственнаго достоинства.

Но что же это за литература, возразятъ многіе, въ которой нѣтъ прямого выраженія дѣйствительности, вѣрнаго представленія избранныхъ предметовъ?.. Въ отвѣтъ на это скажемъ, что мы гораздо-больше, гораздо-выше цѣнимъ литературу и по ея объему, и по ея качеству. Она, какъ было выше замѣчено—и плодъ пресвѣщенія, и орудіе его; и мы желаемъ, чтобъ она, принимая на себя вліяніе общества, въ то же время дѣйствовала на понятіе и нравы общественныя, чтобъ публика находила въ ней не только свое изображеніе, но и наставленіе себѣ; чтобъ она учила эту публику, не только тѣми способами, которыми владѣетъ искусство, но и тѣми, которые въ рукахъ у науки.

Объяснивъ предварительно понятія, которыя входятъ въ опредѣленіе исторіи литературы, переходимъ къ существенному предмету нашей статьи — къ разсужденію г Булича, и прежде всего обратимъ вниманіе на порядокъ и способъ его изложенія.

Названіе «общественный критикъ», данное г. Буличемъ Сумарокову,

показываетъ, что, изъ разныхъ родовъ его литературной дѣятельности, г. Буличъ будетъ разсматривать преимущественно дѣятельность сатирическую. Цѣлью сатиры Сумароковъ поставилъ «обличеніе презрительныхъ вещей»⁽²³⁾. Такъ—какъ сатира его относилась прямо къ нравамъ современнаго общества, то первую задачею автора было бы, по нашему мнѣнію, *изображеніе этого общества*. Картина тогдашней жизни въ разныхъ общественныхъ кругахъ представила бы читателю и свѣтлыя и темныя ея стороны, и читатель видѣлъ бы ясно, противъ чего именно могъ и долженъ былъ вооружаться сатирикъ во имя своего идеала — во имя понятій о нравственности и просвѣщенія. Само собою разумѣется, что слѣдовало выставить и этотъ идеалъ, какъ представленіе умственно-нравственнаго человѣческаго совершенства, оскорбляемаго безнравственностью и глупостью. Сначала о цѣли сатиры — о недостойныхъ предметахъ, требовавшихъ обличенія; потомъ о самой сатирѣ, какъ обличеніи недостойнаго: такъ естественный планъ разсужденія. Къ—сожалѣнію, мы не находимъ въ книгѣ г. Булича ни идеала, изъ котораго вытекало негодованіе сатирика, ни обзора современнаго ему общественнаго состоянія, въ которомъ онъ встрѣчалъ или противорѣчіе своему идеалу, или согласіе съ нимъ, и которое тѣмъ болѣе интересно, что почти цѣлая половина дѣятельности Сумарокова протекла въ царствованіе императрицы Елисаветы, тогда—какъ другая половина переходитъ въ вѣкъ Екатерины—Великой. Общественный бытъ двухъ эпохъ давалъ много матеріаловъ любопытному изображенію. Горячее сочувствіе Сумарокова къ благотворнымъ дѣйствіямъ правительства, которыми устроивалось благоденствіе Россіи, не уступало въ своей силѣ горячему негодованію его противъ тѣхъ членовъ общества, которые не умѣли или не хотѣли пользоваться плодами правительственныхъ мѣръ. Гдѣ же и эти дѣйствія на пользу духовнаго развитія, и эти противодѣйствія полезному? Сгруппировать ихъ въ предварительномъ, хотя и краткомъ обзорѣ было бы необходимо. Г. Буличъ говоритъ о нихъ, но говоритъ при разсматриваніи разныхъ родовъ сочиненій Сумарокова. Такой порядокъ грѣшитъ какъ противъ послѣдовательности и экономіи изложенія, такъ и противъ общаго впечатлѣнія книги: противъ послѣдовательности — потому—что, какъ мы выше замѣтили, указаніе предметовъ сатиры должно предшествовать разсмотрѣнію самихъ сатиръ; противъ экономіи — потому—что, при обзорѣ каждаго рода сочиненій, повторяется исчисленіе однихъ и тѣхъ же общественныхъ недостатковъ, которые могутъ преслѣдоваться въ разныхъ литературныхъ формахъ; противъ общаго впечатлѣнія — тѣмъ, что вниманіе читателя обязано возвращаться нерѣдко къ

(23) Гдѣ я ни буду жить — въ Москвѣ, въ лѣсу, или въ полѣ —
 Богатъ или убогъ, терпѣть не буду болѣ
 Безъ «обличенія презрительныхъ вещей».
 (Сатира: *Питъ и другъ его. Соч. Сумар. VII, 354*)

тѣмъ пунктамъ, на которыхъ оно уже останавливалось, и такимъ образомъ испытывать необходимое утомленіе.

Изображеніе эпохи, къ которой принадлежалъ сатирикъ, было бы и нужно и любопытно какъ по отношенію къ обществу, такъ и по отношенію къ литературѣ. Имъ связалось бы выражаемое съ выражающимъ, обозначилось бы поступательное движеніе того и другаго. Наме новое общество, образованное Петромъ, видоизмѣнялось съ теченіемъ времени; вмѣстѣ съ тѣмъ видоизмѣнялась и литература, отвѣчавшая его потребностямъ. Достояніе одного періода переходило въ слѣдующій, принимая новый видъ. Поэтому въ литературѣ нашей нѣтъ пробѣловъ. Главными личности ея стоятъ неотдѣльно одна отъ другой. Предметъ сатиры — общественные недостатки, также видоизмѣняется по эпохамъ; при томъ на мѣсто пороковъ, господствовавшихъ въ извѣстное время, рождаются другіе, которымъ опредѣлено жить тоже извѣстный срокъ. Укажемъ, для примѣра, на одинъ изъ нихъ — на пристрастіе къ иностранному. Цѣлый рядъ сочиненій осмѣиваетъ это пошлое пристрастіе въ разныхъ формахъ и въ разные моменты; однакожь есть различіе какъ въ степени его, такъ и въ видѣ. Щеголь Медоръ у Кантемира, петиметръ Дюлижъ у Сумарокова, Вѣтромахъ у Княжнина, Иванушка у Фонвизина, лица комедій и сатирическихъ статей Крылова — развѣ совершенно одни и тѣ же люди? Потомъ и Карамзинъ, и Грибоѣдовъ, и Гоголь порицали пошлую любовь соотечественниковъ къ иностранному: есть же разница между укоризнами этихъ литераторовъ, равно какъ существовала разница въ свойствахъ и степени самаго предмета укоризни. Въ наше время, когда галломанія — негѣлый анахронизмъ, когда пренебреженіе отечественнымъ языкомъ считается не только стыдомъ, но и преступленіемъ, сатирическія произведенія, подобныя вышеозначеннымъ, не имѣли бы того значенія, какимъ они пользовались въ то время.

Новое общество и новая литература наша, сказали мы, ведутъ свое начало отъ Петра-Великаго. Съ этихъ поръ литература относится къ обществу не только какъ его выраженіе, но и какъ средство просвѣщенія. Покорно и сознательно слѣдовала она за дѣйствіями верховной власти, которая съ отеческою любовью заботилась о духовномъ развитіи государства. Патриотическія дѣйствія литераторовъ нашихъ въ этомъ отношеніи двоякаго рода: съ одной стороны, радуясь успѣхамъ просвѣщенія, они указываютъ его пользу, славятъ благотворную волю монарховъ и ревностныхъ ея исполнителей; съ другой — преслѣдуютъ своими средствами недоброжелателей просвѣщенія, враговъ нравственнаго улучшенія. Последнее взяла на свою долю сатира. Она исполняла свою обязанность достойно; но не менѣе достойны похвалы и другіе виды поэзіи и разряды литературы. Это назначеніе нашей словесности воставлялось на видъ многими ея дѣятелями. Они ясно говорили, что доказывать и развивать въ своихъ сочиненіяхъ то, къ чему направлены заботы прави-

тельства — значить слѣдовать за августѣйшимъ припримомъ, творить его волю, содѣйствовать его высокимъ намѣреніямъ тѣми средствами, которыя находятся въ возможности литератора. Такъ думалъ Фонвизинъ, замѣтивъ, что человекъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть иногда полезнымъ совѣтвателемъ, а иногда и свасителемъ согражданъ своихъ. Въ такомъ случаѣ, справедливо говорить кн. Вяземскій: «сочиненіе есть не просто сочиненіе, но и доброе дѣло, достойный подвигъ сына отечества».

Образъ жизни и мыслей, противорѣчивый истинному просвѣщенію, обнаруживался или въ невѣжествѣ, или въ ложномъ образованіи. Отсюда два предмета сатиры: невѣжество и ложное образованіе. Всѣ сатирики, начиная съ Кантемира, имѣютъ дѣло съ этими двумя недостатками, которые видоизмѣнялись по различію времени. Слѣдовательно, изображая недостатки общества, современнаго Сумарокову, слѣдовало показать какъ тѣ, которые происходили отъ невѣжества, такъ и тѣ, которыхъ причина заключалась въ превратно-понятой, ложной цивилизаціи.

Къ первому отдѣлу недостатковъ принадлежалъ тотъ, который Капнистъ называетъ «ябедой». Это — несправедливость судей, недостойныхъ исполнителей святыхъ законовъ: ихъ безграмотность, лихоимство, злонамѣренная запутанность дѣлъ. Преслѣдуя козни ябеды, Сумароковъ предлагалъ и средства искоренить ихъ: образованіе приказнаго рода и систематическое собраніе законовъ и постановленій. Въ похвальномомъ словѣ императрицѣ Екатеринѣ онъ обращается къ ней съ слѣдующею рѣчью:

«Невѣжество есть источникъ неправды: бездѣльство волагаетъ основаніе храма его; безумство создаетъ оный; непросвѣщенная сила, а иногда и смѣсившаяся со пристрастіемъ, укрѣпляетъ оный. Разруши, Государыня, разруши стѣны храма сего, повергни столпы его, и разори основаніе... Повели предъ писцами разгнута книгу естественныя грамматики, начало нашего предъ прочими животными преимуществва, которыя многие наши писцы и по имени не знаютъ. Повели имъ научиться изображать дѣла ясно, мыслить обстоятельно и порядочно, дабы знало общество, что написано... Чтобъ вѣкъ нашъ премудрости Великія Екатерины соотвѣтствовалъ, я, какъ сынъ и членъ отечества, не того по разсудку моему желаю, чтобъ древніе законы испровержены, а новые установлены были, но чтобъ они при случаяхъ исправляемы были. На что нѣтъ закона, или не обстоятельствъ законъ, или не ясень: на то бы законъ сочинился, исправился и изъяснился... Участныя законы исправленія въ нѣсколько лѣтъ соберутъ къ совершенному уложенію довольно вещества; а никакъ по моему мнѣнію законной книги намъ имѣти неудобно. Что смерть воспрепятствовала исполниту Петру Великому, исполни то, Великая Екатерина! (24)»

Другое слѣдствіе невѣжества заключалось въ ханжествѣ и суетности. По примѣру Кантемира, Сумароковъ показываетъ ихъ вредоносное влія-

(24) Соч. Сумар., т. II, стр. 270 — 274.

ліе на истинную добродѣтель и на истинное просвѣщеніе. Мысли его объ этомъ предметѣ сходятся съ мыслями Ломоносова, который стоялъ за науку противъ нарекаемой суевѣровъ и ханжей. Похвальное слово Петру-Великому Сумарокова исчисляетъ пользу паденія суевѣровъ. «Ихъ паденіемъ возсіяло благочестіе въ полной истинѣ, и стрѣлы насыщенные злобы притушились»⁽²⁵⁾. Эти стрѣлы, защищая невѣжество, корысть тунеядцовъ, легкомысліе тщетныхъ людей, устремлялись противъ ученія и премудрости, противъ разума и совѣсти, противъ благополучія подданныхъ и противъ законной власти обладателей⁽²⁶⁾. Ода государю цесаревичу Павлу Петровичу (1771 г.) восхваляетъ его законоучителя, митрополита Платона, который, подобно новому Феофану, украшалъ разумъ правдой, не внемля наглому лицемѣрству и не повинувся суевѣрью. Сумароковъ опасается, чтобъ младенцы и отроки не были заведены въ нескладные лабиринты суевѣрія; средство противъ такого зла — примѣръ и наставленія истинно-благочестивыхъ наставителей: они должны истреблять ханжество, подающее поводъ къ разврату, ересямъ и крайнему омраченію богопочитанія⁽²⁷⁾.

Затѣмъ слѣдуютъ высокомеріе и спѣсь, основанныя на мнимоиъ благородствѣ. И здѣсь, подобно Кантемиру, Сумароковъ осмѣиваетъ людей, которые величаются предками, не оказавъ сами никакихъ услугъ отечеству, и презираютъ полезныхъ дѣятелей общества, будучи сами бесполезными его членами. Люди, говоритъ онъ, думающіе только о собственныхъ интересахъ и возносящіеся своимъ маловажнымъ титломъ, не отличаются отъ тунеядцевъ: они столько же презрѣнны, сколько почтенны нужные государству члены. Гордецовъ сравниваетъ онъ съ лягушками: онѣ дуются и думаютъ только о своемъ благородствѣ, которое имъ по одному имени извѣстно⁽²⁸⁾.

Произведеніемъ невѣжества было и лихоимство — страсть къ пріобрѣтенію посредствомъ незаконной отдачи денегъ въ проценты. Алчность займодавцевъ представлена въ комедіяхъ «Лихоимецъ» и «Приданое обманомъ». Въ послѣдней, одно изъ дѣйствующихъ лицъ жалуетъ о томъ, что узаконено брать по шести процентовъ со ста, тогда-какъ прежде брали по пятнадцати, двадцати и больше со ста⁽²⁹⁾.

Изъ ложнаго образованія, виѣшней, превратно-истолкованной цивилизаціи, возникъ второй отдѣлъ общественныхъ недостатковъ. Самонадѣланому полупросвѣщенію Сумароковъ приписываетъ еще болѣе вреда, нежели великому невѣжеству: «Малое просвѣщеніе и великая на себѣ

⁽²⁵⁾ Тамъ же, стр. 251.

⁽²⁶⁾ Тамъ же.

⁽²⁷⁾ Тамъ же, стр. 300 — 301.

⁽²⁸⁾ Соч. Сумар. VI, 19.

⁽²⁹⁾ Тамъ же, V, 222.

надежда стократно болѣе человѣку вреда наносятъ, нежели великое невѣжество и малая на себя надежда ⁽³⁰⁾».

Къ такимъ недостаткамъ относятся, во первыхъ, невѣріе — крайность, противоположная суевѣрію, но еще болѣе гибельная. Оно было порожденіемъ лжеумствованій философіи, особенно ученія французскихъ энциклопедистовъ, заразившаго умы нѣкоторыхъ современниковъ Сумарокова. Такъ-какъ истинное просвѣщеніе увѣряетъ насъ въ бытіи Бога, свидѣтельствуетъ его премудрость и благость, а просвѣщеніе ложное ведетъ къ противоположному, то Сумароковъ о невѣрующихъ отзывался слѣдующимъ образомъ :

«Невѣрующіе суть непросвѣщенные умствователи, отторгнутые злосердїемъ и коркою науки (то-есть *поверхностной цивилизаціей*), отъ добродѣтели и естественныя простоты. Не пустившіеся въ море отъ берега люди (то-есть *простые, непросвѣщенные* видятъ единый берегъ); достигшіе другого берега люди (то-есть *истинно-просвѣщенные*) знаютъ оба берега; а посреди водъ безъ кормила носимые бурєю (то-есть *поверхностно и ложно-образованные*) не видятъ ни единого берега и, заблуждаяся по глубинѣ морской, о первомъ берегѣ не мыслять, а другого не знаютъ, и плывя безъ кормила, ждутъ ежеминутно своей гибели» ⁽³¹⁾.

Вовторыхъ, сюда относится рабское, слѣпое подражаніе иностранцамъ, особенно французамъ. Тогдашніе петиметры выходили изъ рукъ чужеземнаго воспитанія съ развращеннымъ сердцемъ, съ легкомысленными понятіями о нравственности, съ пристрастіемъ къ французскимъ модамъ и французскому языку, съ незнаніемъ роднаго языка и пренебреженіемъ всего отечественнаго. Сумароковъ караетъ отсутствіе народной гордости и самостоятельности. Въ сатирическомъ преслѣдованіи новомодныхъ невѣждъ онъ доходитъ иногда до комической запальчивости. По его словамъ, преобразование коснулось петиметровъ тѣмъ, что они изъ чело-вѣковъ ненапудренныхъ превратились въ напудренную скотину ⁽³²⁾.

Третье произведеніе полубразованности — литературный педантизмъ, которому, сознательно или безсознательно, заплатилъ значительную дань самъ сатирикъ, поставившій, по свидѣтельству Ломоносова, свое рифмичество выше всего человѣческаго знанія ⁽³³⁾. Страсть къ стихотворству, особенно свойственная плохимъ рифмотворцамъ, была также забавною стороною литературнаго круга. Сумароковъ имѣлъ стремленіе къ естественности и простотѣ : не могли ему нравиться стихотворцы, неспособные въ своихъ изображеніяхъ подражать простотѣ природы ⁽³⁴⁾. Вотъ почему онъ особенно вооружался противъ громкихъ одъ и наду-

⁽³⁰⁾ Тамъ же, X, 129.

⁽³¹⁾ Тамъ же II. 344 — 345.

⁽³²⁾ Тамъ же VI, 172.

⁽³³⁾ Соч. Ломон., изд. Смир. I, 686.

⁽³⁴⁾ Соч. Сумар. VI, 229 (О неестественности).

таго слога. Въ выходках своихъ онъ ясно метилъ на Ломоносова и его подражателей: «Всего болѣе (говорить онъ) совѣтую несмысленнымъ стихотворцамъ въ великолѣпныхъ упражняться одахъ; ибо многіе читатели, да и сами нѣкоторые лирическіе стихотворцы разсуждаютъ тако, что никакъ невозможно, чтобъ была ода и великолѣпна и ясна: по моему мнѣнію, пропади такое великолѣпіе, въ которомъ нѣтъ ясности»⁽³⁵⁾..

Если литература — выраженіе общественной жизни, то исторія литературы обязана постоянно слѣдить за этимъ выраженіемъ. Раздѣленіе словесныхъ произведеній по родамъ и видамъ неважно при историческомъ возрѣніи на писателя: важно здѣсь отношеніе его сочиненій къ данной эпохѣ. Такимъ-образомъ, при оцѣнкѣ сатирической дѣятельности, имѣющей предметомъ пороки и глупости, историкъ литературы, зная, какіе именно недостатки господствовали въ обществѣ, современномъ сатирику, долженъ показать, гдѣ онъ вооружается противъ каждаго изъ нихъ. Самымъ естественнымъ дѣленіемъ его сочиненій будетъ, слѣдовательно, дѣленіе ихъ по отношенію къ тому или другому недостатку, потому-что въ такомъ отношеніи и заключается ихъ существенное содержаніе. Форма здѣсь значитъ мало: потому-что въ разныхъ литературныхъ формахъ можно преслѣдовать безнравственность и цѣлность, или восхвалять нравственное достоинство. У Сумарокова, на примѣръ, обличается ябеда и въ эпистолѣ къ неправдымъ судьямъ, и въ сатирѣ о худыхъ судьяхъ, и въ похвальномъ словѣ императрицѣ Екатеринѣ, и въ комедіяхъ («Лихомецъ», «Ядовитый», «Трессотниусъ»), и въ разныхъ мелкихъ статьяхъ. Вредъ суевѣрія и ханжества указанъ и въ похвальномъ словѣ Петру I-му, и въ нѣкоторыхъ одахъ, и въ комедіяхъ: «Онекунъ» (въ лицѣ Чужехвата), «Мать-совѣстница дочери» и «Взорщица», и въ статьѣ «О суевѣріи и лицемеріи»... Напротивъ, въ образѣ Тиманта (въ комедіи «Мать-совѣстница дочери») представленъ человекъ, который не можетъ быть ни суевѣромъ, ни невѣрующимъ, потому-что имѣетъ основательное понятіе о Богѣ и природѣ⁽³⁶⁾. О инимомъ благородствѣ говорится и въ похвальномъ словѣ Петру I-му, и въ комедіяхъ (напр. «Рогоносецъ по воображенію»), и во многихъ мѣстахъ другихъ сочиненій. Въ противоположность ему поставлено благородство истинное, въ Валеріи (комедія «Онекунъ») и Обтавій (комедія «Нарцисъ»). О невѣріи Сумароковъ разсуждаетъ въ похвальномъ словѣ Екатеринѣ II (1769 г.), въ комедіи «Мать-совѣстница дочери», въ статьяхъ о добродѣтели, въ противорѣчій г. Примѣчаеву. Комедія «Ядо-

⁽³⁵⁾ Тамъ же, IX, 277. — См. также эпистолу «О русскомъ языкѣ» (I, 331), въ которой задѣтъ Ломоносовъ, и «Взорщица оды» (т. II), которыя не что иное, какъ пародіи торжественныхъ одъ, преимущественно Ломоносова.

⁽³⁶⁾ Тамъ же, VI, 64.

вѣтъ» представляеть, въ лицѣ Герострата, слѣдствія вредныхъ умствованій, згоизмъ ложной философіи, пущенной въ ходъ французами. Вотъ почему Сумароковъ противъ изливства французскихъ школъ: «ибо школы коликко разумныхъ людей къ совершенству приближаютъ, толкко безумныхъ отъ совершенства удаляютъ»⁽³⁷⁾. Что касается до ложнаго, поверхностнаго образованія, то оно осмѣивается и въ сатиры о французскомъ языкѣ, и въ комедіяхъ. Такъ петиметръ Дюлижъ есть достойный выродокъ полуобразованія (въ комедіи «Чудовище» и «Пустая Ссора»). Миводора (въ комедіи «Мать-совѣстница дочери») то же между женщинами, что Дюлижъ въ кругу мужчинъ; Нарцисъ (въ комедіи того же имени) есть несносно-глупый модникъ, думавшій только о своей красотѣ: это — драматическое представленіе того, что выражено четырьмя стихами въ эпистолаѣ о стихотворствѣ⁽³⁸⁾:

Представь мнѣ щеголя, что тѣмъ вздымаетъ носъ,

Что цѣлый мыслить вѣкъ о красотѣ волосъ;

Который родился, какъ мнить онъ, для амуру,

Чтобъ гдѣ-нибудь къ себѣ склонить такуюжъ дуру.

Петиметрство задѣто также и въ исторіи перваго стрѣльческаго бунта⁽³⁹⁾. Наконецъ сатиры на педантизмъ учености и метроманію находятся въ комедіяхъ: «Чудовище» и «Трессотиниусъ», во второй, четвертой и пятой эпистолахъ, въ четвертой сатиры, въ статьяхъ: «Къ несмысленнымъ римотворцамъ» и «О неестественности», во «взорныхъ одахъ», и проч.

Отсюда видно, что различные предметы общественной жизни должны быть пунктами, около которыхъ группируются различныя сочиненія, относящіяся къ этимъ предметамъ. Г. Буличъ поступилъ наоборотъ: у него пунктами поставлены разные роды сочиненій — оды, похвальные слова, трагедіи, комедіи, басни... и при каждомъ родѣ указываются предметы, отразившіеся въ сочиненіяхъ. Такой порядокъ, по нашему мнѣнію, неоснователенъ, и онъ, быть-можетъ, не имѣлъ бы мѣста, еслибъ авторъ занялся предварительно обзоромъ современнаго состоянія общества, указавъ важнѣйшіе предметы въ разныхъ сферахъ жизни — предметы, долженствовавшіе возбуждать или сочувствіе, или нелюбовь писателя. Исчисленіе разныхъ родовъ сочиненій вошло бы также въ разсужденіе, но вошло бы какъ дѣло второстепенное или даже третьестепенное. Авторъ разсмотрѣлъ бы ихъ не иначе, какъ съ исторической точки, то-есть, объяснилъ бы, почему именно выбраны тѣ или другія формы и на сколько ихъ выборъ согласовался съ современными литературными понятіями и удовлетворялъ требованіямъ и вкусу современной публики.

Г. Буличъ приводитъ другую причину принятаго имъ порядка въ изложеніи. «Мы принуждены были (говоритъ онъ) опредѣлять постепенно

⁽³⁷⁾ Тамъ же IX, 315.

⁽³⁸⁾ Тамъ же, I, 343.

⁽³⁹⁾ Тамъ же, VI, 172.

разные роды литературной дѣятельности Сумарокова, по невозможности слѣдить хронологически за развитіемъ его таланта. Притомъ опредѣленіе постепеннаго хода въ развитіи писателя прошлаго вѣка не представляетъ большаго историко-литературнаго интереса, потому именно, что поэтическія созданія въ искусственной литературѣ, форма и видъ произведенія возникаютъ случайнымъ, почти внѣшнимъ образомъ»⁽⁴⁰⁾. Опять неизбежная форма! Развѣ на ней сосредоточивается главный интересъ? Въ историческомъ изслѣдованіи литературной дѣятельности важнѣе всего ея отношеніе къ современной эпохѣ: слѣдите за этимъ отношеніемъ, если не было возможности слѣдить за постепеннымъ развитіемъ таланта. А когда дѣло коснется вопроса существеннаго—опредѣленія связи между сочиненіями и движеніемъ общественной жизни, тогда нельзя обойтись безъ хронологіи, потому-что моменты появленія сочиненій зависятъ отъ моментовъ общественнаго движенія. Здѣсь, въ этой связи обнаруживаются успѣхи дѣятельности и возрастающія силы дарованія, а не въ выборѣ той или другой формы и переходахъ его отъ однихъ формъ къ другимъ. Крыловъ началъ свое литературное поприще съ Талии и Мельпомены, тогда-какъ Сумароковъ «обратился къ нимъ въ послѣдокъ»: что жъ слѣдуетъ изъ такой противоположности?—ровно ничего. Крыловъ началъ писать басни ужь въ половинѣ жизненнаго пути, тогда-какъ у Жуковскаго онѣ были почти первыми опытами его стихотворства—и отсюда ничего не выходитъ. Но еслибъ кто съумѣлъ раскрыть предметы современной жизни, замѣченные и представленныя баснописцемъ въ аллегорическихъ разсказахъ, такой трудъ вышелъ бы очень-интереснымъ. «Нашъ прибавляетъ г. Буличъ) даже радуется невозможности слѣдить за постепеннымъ ходомъ печатной извѣстности Сумарокова: она позволяетъ намъ разбирать постепенно однородныя его произведенія». Конечно, при разборѣ литературныхъ формъ мало пользы въ хронологической послѣдовательности сочиненій, хотя и въ этомъ случаѣ не мѣшало бы знать время появленія хотя главнѣйшихъ пьесъ, относящихся къ одному и тому же роду; но нельзя того же сказать при разборѣ, котораго цѣль—указать соотвѣтствіе между тѣмъ, что выражалось, и тѣмъ, что служило выраженіемъ. Умное разсужденіе автора много бы выиграло отъ хронологіи.

Вотъ тѣ замѣчанія, которыя мы сочли нужнымъ сдѣлать касательно порядка и плана изложенія въ разбираемой нами книгѣ. Теперь слѣдуетъ обратиться къ другому предмету—къ выдержанности взгляда на Сумарокова. Всегда ли авторъ вѣренъ выбранной имъ исторической точкѣ зрѣнія?

При всемъ уваженіи къ его достойному труду, который прочтенъ нами съ большимъ вниманіемъ и удовольствіемъ, мы должны откровенно сказать, что иногда г. Буличъ нарушалъ историческую методу, какъ—

(40) Стр. 134.

бы противорѣча самому себѣ въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ о литературѣ и Сумароковѣ. Нетрудно указать причины, почему разсужденіе отсутствуетъ въ иныхъ мѣстахъ отъ основнаго взгляда. Авторъ не высказалъ опредѣлительно ни того, что разумѣетъ онъ подѣ общественной жизнью; ни того, какъ должно понимать выраженіе этой жизни въ литературѣ — вотъ первая и главнѣйшая причина. Въ вторыхъ, при обсужденіи дѣятельности Сумарокова дается много значенія формамъ его произведеній, даже нерѣдко обращается на нихъ преимущественное вниманіе, тогда какъ главная задача исторической критики — указывать на ихъ содержаніе, по отношенію его къ общественной жизни. Въ третьихъ, особенное благоволеніе къ Сумарокову, какъ сатирику, поставило выше мѣры какъ его передъ другими литераторами, такъ и сатиры его передъ другими родами сочиненій.

Невыдержанность историческаго взгляда явилась прежде всего въ томъ, что трагедіи Сумарокова разсмотрѣны не съ такимъ тщаніемъ, какого бы онѣ заслуживали. По мнѣнію г. Булича, драма была въ то время совершенно подражательною, явленіемъ внѣшнимъ и случайнымъ⁽⁴¹⁾. Это ничего не говоритъ противъ драмы: подражательность служитъ общимъ характеромъ нашей литературы, какъ необходимымъ слѣдствіемъ преобразованія. Въ литературѣ, заимствовавшей у другихъ народовъ готовые образцы, нельзя искать естественно-послѣдовательнаго появленія поэтическихъ формъ. У насъ, напримѣръ, въ одно и то же время сочиняются басни и трагедіи: развѣ подобный фактъ могъ бы существовать при органическомъ развитіи словесности? Самъ авторъ говоритъ, что нашей печатной литературѣ, вслѣдствіе новаго историческаго толчка, нужно было разомъ создать всѣ формы, извѣстныя на Западѣ, что въ искусственной литературѣ поэтическія созданія возникаютъ случайнымъ, почти внѣшнимъ образомъ⁽⁴²⁾. Сказанное о цѣломъ относится, конечно, и къ части: драма подчинялась общему ходу нашей словесности, и въ этомъ отношеніи она ни выше, ни ниже другихъ словесныхъ произведеній. Между-тѣмъ, въ самомъ разсужденіи есть нѣкоторое противорѣчіе отзыву о драмѣ: такъ, на стр. 21-й, замѣчено, что «сфера лучшаго общества и лучшей жизни, въ которую введенъ былъ Сумароковъ, помогла ему при сочиненіи трагедій, ибо трагическая муза воспитывается не въ уединеніи: ей нуженъ шумъ свѣта, жизнь съ ея пестрой обстановкой». Нельзя же назвать случайнымъ то, что въ нѣкоторой мѣрѣ было возбуждено обществомъ, къ которому писатель имѣлъ доступъ. Притомъ выборъ тѣхъ или другихъ формъ для выраженія мыслей значительно опредѣляется свойствомъ таланта — слѣдовательно, не внѣшнимъ, а внутреннимъ предметомъ: отсюда выводится, что въ одно и то же время разные авторы питаютъ наклон-

⁽⁴¹⁾ Стр. V.

⁽⁴²⁾ Стр. 99 и 134.

ность къ разнымъ поэтическимъ формамъ. Въдъ объясняется же личностью Волкова странное, невиданное на Руси явленіе — вкусъ къ театральнымъ представленіямъ, въ концѣ первой половины XVIII вѣка, въ провинціальному городѣ, посреди сословія, чуждавшагося нововведеній⁽⁴³⁾: почему жь не приложить подобнаго объясненія къ трагедіямъ Сумарокова, который самъ объявилъ, что онъ, послѣ опытовъ въ разныхъ родахъ поэзіи, «полюбилъ» лучшую музу—Мельпомену? Это поставлено на видъ и въ книгѣ г. Булича⁽⁴⁴⁾. Самъ же г. Буличъ говоритъ, что Сумароковъ страстно любилъ театръ, что онъ былъ воспитанъ преимущественно французскими трагиками⁽⁴⁵⁾. Нѣтъ, слѣдовательно, причины видѣть чистую случайность въ томъ, что условлено и природнымъ впечатленіемъ, и воспитаніемъ, и обществомъ. А наконецъ, если и допустить положеніе автора, то имъ нисколько ни возвышается, ни унижается Сумароковъ, какъ трагикъ, потому-что намъ нужны не формы, а то, что выражается въ формахъ—отношеніе къ обществу. Мы ужъ говорили объ этомъ нѣсколько разъ и готовы повторить столько же. Поэтому нельзя не пожалѣть, что г. Буличъ, рассматривая трагедіи Сумарокова, какъ-бы забываетъ главную свою задачу и болѣе касается другихъ вопросовъ, которые также требовали рѣшенія, но которые не должны были выдвигаться на первый планъ. По словамъ самого автора, въ рѣчахъ трагическихъ лицъ выражались понятія XVIII вѣка, а между-тѣмъ разсужденіе его скудно указаніями историческаго значенія трагедій. Оно занято преимущественно разборомъ тѣхъ свойствъ, по которымъ трагедія названа ложно-классическою и по которымъ герои съ русскими именами весьма-далеки отъ русской жизни и народности⁽⁴⁶⁾. Конечно, воспроизведенія исторической дѣйствительности въ нихъ нѣтъ, но есть отраженіе идей, занимавшихъ умы современниковъ: ихъ-то и надлежало указать, потому-что въ нихъ-то главный интересъ. Кромя того, трагедіи Сумарокова заслуживали болѣе-тщательнаго разбора и потому, что, несмотря на незначительность ихъ въ художественномъ отношеніи и невѣрное воссозданіе исторіи, онѣ производили сильное вліяніе на публику. Преданіе сохранило память о ихъ авторѣ, какъ объ авторѣ трагическомъ преимущественно; исторія, вѣрная преданію, также смотрѣла на него исключительно съ этой стороны: взглядъ односторонній, но нелишенный основанія, потому-что Сумароковъ славился больше какъ русскій Расинъ, нежели, какъ русскій Боало или Лафонтенъ. Да и самъ онъ ставилъ особенною своею заслугою трагическій репертуаръ, данный имъ юной русской сценѣ.

Такой пробѣлъ, по нашему мнѣнію — уклоненіе отъ главной цѣли,

⁽⁴³⁾ Стр. 29.

⁽⁴⁴⁾ Стр. 35.

⁽⁴⁵⁾ Стр. 35 и 99.

⁽⁴⁶⁾ Стр. 7.

уклоненіе тѣмъ болѣе непонятное, что трагедіи Сумарокова, по отношенію своему къ умственному настроенію вѣка, представляютъ сходство съ другими его произведеніями: тамъ и здѣсь онъ вѣрнѣе самому себѣ, при всемъ различіи формы. И въ трагедіяхъ и въ сатирахъ онъ нерѣдко служитъ однимъ и тѣмъ же началамъ. Напримѣръ, указывая достоинства и недостатки челоуѣка, Сумароковъ весьма-часто рассуждаетъ о наградахъ, которыхъ заслуживаютъ первыя, и о наказаніяхъ, которымъ должны подвергаться вторыя. Мысли его объ этомъ предметѣ полнѣе изложены въ похвальному слову Екатерины-Великой, которое приличнѣе назвать рассужденіемъ о надлежащихъ возмездіяхъ добру и злу. Содержаніе похвального слова можно выразить обращеніемъ автора къ императрицѣ: «буди чадолюбивая матерь и страшный судія!» Милосердное сердце для правды, твердое для неправды — таковъ девизъ истиннаго безстрастна, указанный также въ похвальной одѣ:

. Беззаконнымъ казни
Потребны, сколько и пріязни
Прямымъ отечества сынамъ (47).

«Злодѣи ни малѣйшаго помилованія недостойны: политика опредѣляетъ имъ казни, дабы отвратить другихъ отъ подобнаго злодѣйства, а истина отомщенія требуетъ, хотя бы симъ отомщеніемъ и не оторачались другіе злодѣи отъ беззаконія, ради сего единаго, чтобъ добродѣтель надъ беззаконіемъ торжествовала (48).

Вопросъ: разрушается ли отомщеніемъ добродѣтель? рѣшилъ Сумароковъ и въ статьяхъ о добродѣтели слѣдующимъ образомъ: она разрушается и отомщеніемъ и упущеніемъ (49), т. е., по мнѣнію его, бываютъ такіе проступки, прощеніе которыхъ служитъ разрушеніемъ добродѣтели. Въ комедіи «Онекунъ», Пасквинъ говоритъ Чужехвату: «ежелибы былъ такой милосердый пастухъ, у котораго бы собаки всякій грызли день овецъ, а онъ бы своихъ собакъ только гладилъ, такъ овцы его сказали ль бы, что этотъ пастухъ челоуѣкъ милосердый?» (50). То же самое, только другими словами, сказано и Валеріемъ: «чѣмъ меньше беззаконники погибаютъ отъ правосудія, тѣмъ больше погибаютъ невинные отъ беззаконниковъ» (51). Любимую мысль свою, выраженную въ такихъ различныхъ литературныхъ формахъ, каковы похвальное слово, ода, комедія, статья нравственной философіи, Сумароковъ влагалъ въ уста и трагическихъ героевъ. Такъ онъ заставляеть говорить Вышеслава, въ трагедіи того же имени:

(47) Соч. Сумар. II, 63.

(48) Тамъ же 264.

(49) Тамъ же VI, 249.

(50) Тамъ же V, 27 и 28.

(51) Тамъ же V, 47.

Когда бестудіе содѣйствуетъ и злоба,
 Къ благу общему тогда потребны оба ⁽⁵²⁾ :
 Единымъ наглости душъ вредныхъ побѣждать,
 Другимъ достоинства по мѣрѣ награждать.
 Не чисто ль видимъ мы во словѣ ложномъ : мнлость —
 Рушеніе суда, дремоту и унылость ? ⁽⁵³⁾.

Не ясно ли отсюда, что различныя формы, какъ оболочки мыслей, какъ нѣчто внѣшнее, несущественное, могутъ заключать въ себѣ одно и то же существенно-важное содержаніе ? Пусть также свѣрять много трагическихъ лицъ, касательно ихъ понятій объ истинномъ благородствѣ и величій съ другими сочиненіями о тѣхъ же предметахъ, не исключая чисто-сатирическихъ: между тѣмъ и другими найдется рѣшительное сходство.

Оставивъ даже въ сторонѣ это сходство, критикъ трагедій Сумарокова долженъ видѣть важность историческаго ихъ значенія, состоящую въ выраженіи образа мыслей, усвоеннаго не только образованнѣйшимъ кругомъ общества въ вѣкъ Екатерины, но частью и другими, менѣе-образованными кругами. Если общественное развитіе современной эпохи является въ произведеніяхъ писателя по взгляду его на вещи и по сочувствію къ разнымъ сторонамъ жизни ⁽⁵⁴⁾, если они указываютъ на тѣ вопросы, которые занимали лучшихъ людей времени, то, безсомнѣнія, трагедіи Сумарокова знакомятъ насъ съ означеннымъ развитіемъ. Дѣйствующія лица въ нихъ часто разсуждаютъ о тѣхъ предметахъ, на которые тогда обращала вниманіе европейская литература. Ея голосъ слышнѣе всего въ монологахъ такъ напримѣръ; мысль Моптескьё о чести, какъ основѣ монархическаго правленія, какъ источникъ геройскихъ дѣйствій и общей пользы, высказана «Мстиславомъ» ⁽⁵⁵⁾. Французскій критикъ, разбирая Синава и Трувора ⁽⁵⁶⁾, хвалитъ Сумарокова за тѣ мѣста трагедій, въ которыхъ онъ выхваляетъ правосудіе и человѣколюбіе, ополчаясь противъ неправды. Что нравоучительныя и философическія рѣчи нравились современникамъ, это видно изъ того, что «Мстиславъ» долго держался на сценѣ, благодаря монологамъ главнаго лица; любители драмы екатериниша вѣка читали ихъ наизусть, какъ образцовыя; слѣдовательно, они въ свое время производили глубокое впечатлѣніе ⁽⁵⁷⁾.

Вопреки положенію автора, что Сумароковъ, знакомя насъ съ запаными литературными формами, не думалъ о внутреннемъ содержаніи

⁽⁵²⁾ Скипетръ и мечъ.

⁽⁵³⁾ Соч. Сумар. IV, 25 — 26.

⁽⁵⁴⁾ Стр. 1.

⁽⁵⁵⁾ Соч. Сумар. IV, 164.

⁽⁵⁶⁾ Соч. Сумар. X, 162.

⁽⁵⁷⁾ Вѣстникъ Европы, 1818, № 14.

произведеній европейской литературы (⁵⁸), мы утверждаемъ, что въ трагедіяхъ его, именно въ нравственно-философскомъ ихъ элементѣ, выражается внутренній смыслъ образцовъ, то-есть мысли и правила. Можно сказать о нихъ словами кн. Вяземскаго, что они, какъ отраженіе французской литературы, были нечужды вершинамъ нашего общества — наиболее-образованному его кругу. (⁵⁹). Самый способъ выражать собственные умствованія устами трагическихъ героевъ и такимъ образомъ превращать ихъ въ философовъ-резонёровъ, не есть ли подражаніе французскимъ трагикамъ.»

Другое нарушеніе историческаго взгляда, принятаго г. Буличемъ, видимъ мы въ томъ, что изслѣдованіе его ставитъ Кантемира особнякомъ, образуя изъ его сатиръ какъ-бы отдѣльный фактъ сатирической поэзіи. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, должно думать, слыша отъ автора, что первая пора нашей литературы, рядомъ съ лирическимъ направленіемъ, вводителемъ котораго былъ Ломоносовъ, представляетъ и сатиру, начало которой положилъ Сумароковъ (⁶⁰). Хотя слова того же изслѣдованія, что «между явленіями сатирическихъ писателей существуетъ тѣсная связь, противорѣчатъ вышесказанному, однакожь тѣмъ не менѣе Сумароковъ первый сатирикъ, что ясно изъ втораго и шестаго тѣзисовъ, какъ существеннаго извлеченія изъ разсужденій автора. Вотъ и причина такому мнѣнію:

«Конечно, первымъ сатирикомъ русскимъ былъ Кантемиръ, но его сатира, несмотря на то, что и въ ней являются черты русскаго быта, все-таки была далека отъ общества. Она создана была по классической формѣ древнихъ и далека была отъ живого, всенедневаго содержанія, которое живымъ ключемъ бьетъ въ прозаическихъ произведеніяхъ Сумарокова. Сатира Кантемира, строгая и важная, имѣетъ мѣсто въ исторіи нашей литературы по отношенію болѣе къ ея художественной, классической формѣ. Сатира Сумарокова, летучая и подвижная, полное выраженіе его характера, входитъ въ исторію нашей литературы болѣе своимъ внутреннимъ содержаніемъ, выросшимъ на общественной почвѣ» (⁶¹).

«Несмотря на рѣшительное призваніе къ сатирѣ, «сатиры» Сумарокова не имѣютъ художественнаго достоинства, какое мы привыкли требовать отъ этого рода стихотвореній. Имъ недостааетъ спокойнаго тона, которымъ отличается сатирикъ настоящей. Мы имѣемъ уже довольно художественную, образованную по классическимъ образцамъ сатиру Кантемира. Она спокойна и безстрастна, какъ и надобно понимать этотъ родъ искусственной поэзіи. Сумароковъ же хотѣлъ, чтобы она «въ страстныя сердца втекла». Отъ того въ ней много желчи и она скорѣе походитъ на пам-

(⁵⁸) Стр. 99 и 100.

(⁵⁹) Тамъ же.

(⁶⁰) Стр. V.

(⁶¹) Стр. 101.

«летъ. Да Сумароковъ и созданъ былъ собственно для задору шесто-летста. Его страстная натура вполне соответствовала этому задору и онъ былъ сатирикомъ въ прозѣ, въ летучихъ листкахъ сатирическаго журнала созданнаго имъ у насъ. За то въ сатирахъ его больше русскихъ началъ, чѣмъ у Кантемира» (62).

Мы находимъ это мнѣніе невѣрнымъ. Причина невѣрности въ томъ, что авторъ, помимо главнаго предмета, принялъ въ соображеніе предметы несущественные — форму и тонъ сатиры, какъ-будто ея классическая форма менѣе способна выражать современность, чѣмъ неклассическая, какъ-будто, будучи строгою и важною, она не имѣетъ возможности относиться къ обществу ближе сатиры летучей и подвижной. Развѣ ей необходимо быть полнымъ выраженіемъ характера автора, если она хочетъ стать полнымъ выраженіемъ характера общества? Къ-чему такое самолюбивое вмѣшательство личности? Не въ этомъ достоинство литературы.

Г. Буличъ, прекрасно-показавшій связь между сатирою Сумарокова и сатирическими журналами третьей четверти прошлаго вѣка, равно какъ между этими журналами и комедіею Фонвизина, могъ бы, конечно, съ такою же основательностью обнаружить черты родственнаго сходства между Кантемиромъ и Сумаровымъ. Кажется, расположеніе къ Сумарокову понудило его отмежевать Кантемира въ особое владѣніе и не отъ него вести начало сатиры. Но если разорвать зависимость послѣдующаго отъ предъидущаго въ главнѣйшихъ произведеніяхъ нашихъ писателей, то литература наша потеряетъ правильное свое отношеніе къ развитію общественной жизни. Мы говорили выше о правильности этого отношенія. Мы сказали, что, вслѣдъ за просвѣщеніемъ, которое водворилось у насъ правительствомъ, шедшимъ всегда впереди народа, литература наша или славила плоды истинной цивилизаціи, или преслѣдовала враговъ ея, какъ враговъ предначертаній высшей власти. Надобно держаться этого положенія твердо: въ противномъ случаѣ, исторія нашей словесности будетъ построена криво. Самъ авторъ выражаетъ это положеніе: «Лирика и сатира суть двѣ существенныя стороны нашей литературы XVIII-го вѣка: одна выражала пылкій восторгъ патріотическаго чувства, славилъ побѣды русскаго оружія, отыскалась на успѣхи гражданственности вслѣдствіе преобразованій Петра Великаго; другая была также существенна и необходима, помогая этому великому дѣлу преобразованія нападеніями на пороки» (63).

Общая принадлежность нашей лирики, указанная словами г. Булича, которая мы сейчасъ выписали, и подтвержденная первымъ положеніемъ,

(62) Стр. 125.

(63) Стр. V.

по которому «русская литература XVIII-го вѣка, рядомъ съ лирическимъ направлениемъ, имѣла и сатирическое», связываетъ лириковъ такою же родственною связью, какою связаны сатирики. Единство характера, состоящаго въ отношеніи лирической поэзіи къ общественной жизни, обнаруживается въ различныхъ одахъ, начиная съ одъ Ломоносова. Къ такой мысли долженъ былъ прийти читатель вслѣдъ за самимъ авторомъ разсужденія; но не къ тому, однакожъ, привелъ его авторъ, внезапно-уклонившійся отъ своего положенія. Въмѣсто внутренней связи явился внутренній разрывъ, новое нарушение историческаго взгляда. На 3-ей страницѣ читаемъ мы у г. Булича слѣдующее :

«Взгляните на лирическія явленія русской литературы, по отношенію ихъ къ содержанию, а не къ формѣ, и вы увидите, что въ нихъ нѣтъ никакой преемственности. Содержаніе, напримѣръ, лирики Ломоносова остается безслѣднымъ, погибнувшимъ для Державина. Стремленія, оживлявшія лиру этого пѣвца екатерининской эпохи, не существуютъ уже для поэта новаго времени—Пушкина. Явленіе это отъ того происходитъ, что лирика мало сочувствуетъ у насъ настоящимъ потребностямъ времени, что она, рождаясь во внутренности души лирическаго поэта, уносится въ свѣтлый и свободный міръ фантазій, отрывается отъ жизни.»

Если лирика мало сочувствовала у насъ настоящимъ потребностямъ времени, то какъ же она могла отзываться на успѣхи гражданственности вслѣдствіе преобразованій Петра? Не то же ли, хотя другимъ образомъ, дѣлала сатира, въ которой авторъ не видитъ отчужденія отъ жизни? Повторимъ собственныя слова автора : надобно условиться въ значеніи общества, выражаемаго литературой, потому—что причина всѣхъ недоумѣній и противорѣчій въ неопредѣленномъ понятіи о жизни общественной. Слѣдовало притомъ однажды навсегда показать различіе въ средствахъ, которыми владѣютъ лирика и сатира, какъ поэтическія изображенія дѣйствительности. Въ одахъ Сумарокова авторъ находитъ отголоски на войны Россіи, на побѣды Румянцева, на учрежденія Екатерины, и отсюда заключаетъ о современности его литературнаго таланта, который умѣлъ сочувствовать каждой сторонѣ общества ⁽⁶⁴⁾ : слѣдовательно, лирика его не отрѣшалась отъ жизни, хотя и зараждалась во внутренности души, гдѣ источникъ каждаго поэтическаго творенія — и лирическаго, и нелирическаго.

Постепенные успѣхи гражданственности необходимо влекутъ за собою постепенность и въ развитіи лирики, славящей эти успѣхи. Если въ періодахъ образованія существуетъ преемственность, связь предъидущаго съ послѣдующимъ, то, конечно, есть она и между лирическими поэтами. Сказать, что идеалы, или стремленія Ломоносова, Державина и Пушкина были различны — значитъ, другими словами, сказать не то, что

(64) Стр. 73.

между ними нѣтъ связи, а то, что съ движеніемъ гражданственности измѣняются самые идеалы, потому—что творенія поэтовъ — памятники развитія народнаго. Нельзя требовать отъ лирики, чтобъ она остановилась на одномъ и томъ же пунктѣ. Если предметы сатиры въ послѣдовательныя времена измѣняли видъ свой, если невѣжество и ложное образованіе, преслѣдуемая сатириками, обнаруживались не одними и тѣми же признаками, то, конечно, мѣнялись и предметы лирики, вѣстѣ съ быстрымъ ходомъ нашей гражданственности. Каждый поэтъ смотритъ на достоинства и недостатки общества съ точки зрѣнія своего идеала; образованіе же идеаловъ условливается степенью просвѣщенія въ данную эпоху; у каждаго времени свойственный ему идеалъ. Современность стремлений — вотъ гдѣ достоинство и лирической и сатирической музы. Но эта современность есть не что иное, какъ соотвѣтствіе идеальныхъ стремлений успѣхамъ гражданственности. Когда поэтъ идетъ съ ними въ—уровень, тогда онъ мощный поэтъ.

Итакъ различіе между нашими лирическими поэтами, по отношенію ихъ лирики къ обществу, вытекаетъ изъ самаго различія гражданственности, успѣхи которой они прославляли. Ломоносова называютъ пѣвцомъ царствованія Елисаветы, Державина пѣвцомъ екатеринина вѣка: но отсюда не слѣдуетъ, чтобъ содержаніе лирическихъ стихотвореній Ломоносова осталось безслѣднымъ для такихъ же стихотвореній Державина, не слѣдуетъ потому, что исторія нашей гражданственности шла по одному и тому же направленію, указанному Петромъ: она не измѣнялась въ характерѣ, она увеличивалась только въ силѣ. Сатира и лирика слѣдовали за ея успѣхами, и въ этомъ подчиненіи ихъ общественному образованію заключается ихъ достоинство, ихъ тѣсная связь, равно какъ и связь между произведеніями, относящимися къ тому или другому поэтическому роду. Самъ авторъ говоритъ, что изъ сличенія басенъ Сумарокова и Крылова можно сдѣлать довольно—полное заключеніе объ историческомъ развитіи общества въ нравственномъ отношеніи: почему жъ нельзя этого сдѣлать изъ сличенія другихъ литературныхъ произведеній? Мы ужъ упоминали объ одахъ Ломоносова, которыхъ основная мысль — мысль о наукѣ, о ея пользѣ для нашего отечества — пользѣ практической. Какъ ученый, онъ понималъ самостоятельное достоинство знанія, которое называлъ веселіемъ ума, душевнымъ наслажденіемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что современное ему общество нуждается прежде всего въ примѣненіи знанія къ жизни. Это понятіе о пользѣ наукъ было естественнымъ продолженіемъ такого же понятія Петра Великаго, который требовалъ отъ нихъ средствъ къ устроенію матеріальной силы государства. Въ царствованіе Екатерины явилось сознаніе новыхъ потребностей. Одно научное образованіе оказалось недостаточнымъ. Усвоеніе плодовъ цивилизаціи съ исключительною цѣлью матеріальнаго благосостоянія, составлявшее первый періодъ нашего европейскаго просвѣщенія, уступило мѣсто второму періоду — просвѣщенію уи-

ственно-нравственному, которое творить истинно-достойныхъ людей. Новая понятія, руководившія императрицу и государственныхъ людей, проникли въ литературу. Двѣ степени нашей гражданственности выражены Сумароковымъ въ надписи Петру-Великому :

Петръ далъ намъ *бытіе*, Екатерина — *душу* ⁽⁶⁵⁾.

Въ стихотворномъ эпилогѣ къ «Нумѣ», Херасковъ повторяетъ мысль, бывшую въ ходу между образованнѣйшими людьми :

Почтенья къ тѣмъ святымъ словамъ я вѣкъ не рушу :

Петръ Россамъ далъ *тѣла*, Екатерина *душу* — ⁽⁶⁶⁾.

Выше было замѣчено, какъ Сумароковъ смотрѣлъ на просвѣщеніе относительно воспитанія. Последнее не имѣетъ мѣста безъ перваго; безъ науки нѣтъ надлежащаго исполненія должностей ⁽⁶⁷⁾. Но, прибавляетъ онъ, одной науки недостаточно для образованія истинно-хорошаго человѣка : кромѣ просвѣщенія мысли, потребно очищеніе, облагороженіе сердца ⁽⁶⁸⁾. Поэтому онъ требуетъ образованія умственно-нравственнаго, воспитанія, соединяющаго знаніе съ добродѣтелью. Онъ желаетъ видѣть въ воспитанномъ человѣкѣ гармонію всѣхъ его способностей, чтобъ онъ явился человѣкомъ вполне, характеромъ твердой честности. Мысли его о воспитаніи изложены преимущественно въ «Словѣ на открытіе Академіи Художествъ». Обращаясь къ правителю Академіи Бецкому), Сумароковъ говоритъ : «Возсіяли науки и погибла простота. Полезнѣе быти неучеными прежнихъ незлобивыхъ вѣковъ, нежели нынѣшнихъ учеными и ко вреду общества безъ воспитанія возвращенными. Лучше безумный и честный человѣкъ, нежели разумный и безчестный» ⁽⁶⁹⁾.

Новому періоду нашей гражданственности нуженъ былъ новый лирическій поэтъ. Такимъ явился Державинъ. Какъ Ломоносовъ, по собственному его сознанію, заслужилъ парнаскій вѣнецъ тѣмъ,

Что первый пѣлъ дѣла такого человѣка,
Каковъ во всѣхъ странахъ не слыханъ былъ отъ вѣка,

какъ Державинъ воздвигъ себѣ памятникъ тѣмъ, что первый дерзнулъ

. . . . въ забавномъ русскомъ слоgѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить.

Лирика Державина смотрѣла на достоинство современнаго человѣка съ высоты современнаго идеала, подобно тому, какъ сатира его вре-

⁽⁶⁵⁾ Соч. Сумар. I, 268.

⁽⁶⁶⁾ Соч. Херас. XII, 165.

⁽⁶⁷⁾ Соч. Сумар. X, 142.

⁽⁶⁸⁾ Тамъ же, II, 300.

⁽⁶⁹⁾ Тамъ же, 318.

мени, вооружась тѣмъ же идеаломъ, преслѣдовала современныя недостатки. Гдѣ же разрывъ между ними? Гдѣ разрывъ и между лирическими поэтами двухъ эпохъ — между Ломоносовымъ и Державинымъ? Развѣ высшая ступень не имѣетъ никакой связи съ предшествовавшей ей ступенью? Напротивъ, въ лирическихъ произведеніяхъ нашихъ нетрудно отыскать черты существеннаго сходства. Такъ основатель новой русской гражданственности, Петръ-Великій, внушалъ нашимъ воцѣмъ существенно-одинаковыя похвалы, при всемъ различіи ихъ поэтическаго достоинства. Мерзляковъ справедливо замѣтилъ, что въ этихъ похвалахъ мы слышимъ свое прошедшее, настоящее и будущее, къ которому приготовилъ насъ промыслительный гений Петра (70). Ломоносовъ называлъ его «божественнымъ», человекомъ, неслышаннымъ отъ вѣкъ. Сумароковъ сказалъ то же самое; но, вѣсто того, чтобъ въ тождествѣ отыскать видѣть разумное согласіе понятій, онъ, по самолюбію своему, заподозрилъ Ломоносова въ похищеніи. А вотъ нѣсколько строчъ изъ стихотворенія Державина : «Петру Великому» (71) :

Россія, въ славу облеченна,
Куда свой взоръ ни обратитъ,
Вездѣ весельемъ восхищенна,
Вездѣ труды Петровы зрять.

Онъ, древній праць нашъ побѣждая,
Науки въ полночь водворилъ;
Во тьмѣ свѣтильникъ возжигая,
И въ насъ благіе нравы вилъ.

Какъ Богъ, великимъ провидѣнемъ,
Онъ все собою озиралъ;
Какъ рабъ, неслышаннымъ раченемъ,
Онъ все собою исполнялъ.

Ко скипетру рожденны руки
На трудъ несродный простиралъ;
Звучать додвесь по свѣту звуки,
Какъ онъ сѣкирой ударялъ.

Вселенну храбрость устрашала,
Какъ онъ противныхъ поражалъ;
Вселенну милость утѣшала,
Какъ онъ плѣнныхъ угощалъ.

(70) Труды Общ. Любит. Рус. Слов., т. 7, въ разборѣ 8-й оды Ломоносова.

(71) Соч. Державина, изд. Смирд. т. I, стр. 469.

Монархамъ возвращалъ короны,
 Законы подданнымъ писалъ;
 Что должны дѣлать милліоны,
 Собой всѣмъ образъ подавалъ.

Чрезъ горы проточилъ онъ воды,
 На благахъ грады насадилъ;
 Довольство ввелъ въ свои народы,
 Съ Востокомъ Западъ съединилъ.

Поднесъ вселенну изумляетъ
 Величіе его чудесъ;
 Премудрыхъ умъ не постигаеть:
 Не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ?

Стихотвореніямъ Ломоносова и Державина, выражающимъ величіе Петра, нечужды и знаменитые стансы Пушкина:

Самодержавною рукой
 Онъ смѣло сѣялъ просвѣщеніе,
 Не презиралъ страны родной:
 Онъ зналъ ея назначеніе.

То академикъ, то герой,
 То мореплаватель, то плотникъ,
 Онъ всеобъемлющей душой
 На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Намъ кажется, что уклоненія автора отъ историческаго взгляда на литературу, выше нами изложенныя, преимущественно имѣли источникомъ его особенное расположеніе къ Сумарокову—благородное, весьма-понятное чувство въ душѣ того, кто съ любовью посвятилъ избранному предмету значительный трудъ и значительное время. Но такъ-какъ это достойное уваженія пристрастіе къ одному предмету приходилось въ ущербъ другимъ, то мы и должны были показать невѣрность сужденія, хотя она вытекла изъ хорошаго источника. Возвысивъ сатиру, какъ прямое выраженіе нравовъ эпохи, г. Буличъ возвысилъ и Сумарокова, какъ сатирика, не только предъ Кантемиромъ, но и предъ Крыловымъ: въ отзывѣ его о басняхъ Сумарокова много дѣльнаго, но много и односторонняго. О Тредьяковскомъ и говорить нечего: онъ совершенно принесенъ въ жертву литературному сопернику. Даже значеніе Ломоносова нѣсколько уменьшилось, оттого, что нѣсколько-выше поднято значеніе Сумарокова.

Слѣдовало бы теперь коснуться нѣкоторыхъ частныхъ разсужденія г. Булича, но статья наша вышла и безъ того немалою. Надѣмся,

что авторъ увидать въ ней не желаніе противорѣчить ему, или найти непременно какіе-нибудь недостатки въ сочиненіи, а уваженіе къ его достойному труду, который прочли мы съ искреннимъ удовольствіемъ и вниманіемъ, любовь къ предмету, который и ему равно любезенъ — къ исторіи отечественной словесности.

А.- ГАЛАХОВЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Бѣдность не порождъ. *Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ*, соч. А. Н. Островскаго. Москва. Въ тип. В. Готье. 1854. Въ 8-ю д. л. 100 стр.

Какъ неизвѣнно каждый годъ приносить съ собою новую весну, такъ годно каждый годъ дарить русскую публику новою комедіею г. Островскаго. По-крайней-мѣрѣ этотъ порядокъ ведется ужъ четыре года: мы получили отъ автора ровно такое же число комедій — ни больше, ни меньше. Считайте на каждый годъ по комедіи — не ошибетесь; считайте на каждую комедію по году — тоже не ошибетесь. Нельзя сказать, чтобъ это было мало, и нельзя сказать, чтобъ было много. Какимъ же именемъ назвать этотъ новый родъ *juste-milieu* въ литературной производительности, которому, право, не знаемъ бывали ли гдѣ примѣры? Эта рѣдкая «периодичность творчества» есть ли нѣчто предназнеченное, условное, или вытекаетъ прямо изъ особенныхъ свойствъ таланта автора? Если послѣднее вѣрно, то мы поздравляемъ русскую публику съ небывалымъ еще въ ней талантомъ — «талантомъ периодическаго творчества».

Умѣренная литературная производительность не можетъ служить упрекомъ никакому автору. Мы, напротивъ, всегда готовы подозрѣвать за него — какъ-скоро имѣемъ дѣло съ признаннымъ уже литературнымъ талантомъ — потребность самого автора обдѣлывать свои произведенія, о-есть, выработать содержаніе каждаго изъ нихъ, стараться найти для него по-возможности и совершенную форму. Потребность этого рода — задатокъ художественной способности въ писателя, которая ается не всякому. Не тотъ художникъ въ литературѣ, кто наводняетъ е множествомъ скороспѣлыхъ работъ; но тотъ, кто хотя немногимъ величиваетъ въ ней число неумирающихъ произведеній. Многое скоро ропадаетъ въ литературѣ; остается же въ ней надолго лишь немногое, и, нѣтъ сомнѣнія, что это немногое вырабатывается въ мастерской писателя гораздо-долѣе, создается медленно, чѣмъ вся вѣстѣ зятая масса мгновенно возникающихъ и такъ же быстро опадающихъ произведеній, которыя безпрестанно изготовляются для обыкновеннаго литературнаго обихода.

То, что мы называли выше «периодичностью» в литературной производительности г-на Островского, мы всегда готовы были толковать в хорошую сторону, то-есть принимать ее в смысл утренности, твердости особенного рода, предписываемой художественными требованиями самого автора. Намъ скорѣе хотѣлось думать, что авторъ ведитъ, благоразумно придерживая свои произведения до окончательной отдѣлки, чѣмъ увѣрять себя и другихъ, что извѣстная срочность, съ которою появляются въ свѣтъ его комедіи, происходитъ отъ нетерпѣливой поспѣшности съ его стороны. Что ни говорите о литературной критикѣ, а она всегда съ гораздо-большою пріятностію остановится на зрѣломъ произведеніи, хотя бы самаго малаго объема, чѣмъ на скороснѣлымъ произведеніяхъ обыкновенной литературной рутинны, хотя бы даже они вмѣщали въ себѣ много общепользнаго матеріала. Въ прежнихъ своихъ комедіяхъ г. Островскій далъ намъ хорошіе задатки того, что онъ далеко не пренебрегаетъ художественною обработкою и усвоилъ себѣ нѣкое ея пріемы. Ссылаемся на предпоследнюю его комедію, гдѣ нѣкоторые оцѣны отдѣланы рукою мастера, ссылаемся потому на постоянную заботливостъ его объ отдѣлкѣ языка, хотя, можетъ-быть, иногда онъ и доводитъ ее до крайности, до излишества, такъ-что, наконецъ, впадаетъ въ тотъ родъ, который въ механическихъ искусствахъ называютъ рекою. Съ этой точки хотѣлось бы намъ прежде всего посмотреть и на новую комедію, чтобъ прибавить нѣсколько новыхъ наблюдений надъ талантомъ автора и сдѣлать нѣкоторыя заключенія о его успѣхахъ и развитіи.

Мы опять въ томъ же провинціальномъ купеческомъ быту, съ которымъ авторъ довольно уже познакомилъ насъ въ своей предпоследней комедіи. Итакъ, по мнѣнію автора, открытая имъ руда еще нѣсколько не истощилась, и надъ ней можно еще трудиться съ пользою для себя и для публики. Отчего не повѣрить на слово писателю, который въ этомъ дѣлѣ хозяинъ и знаетъ его лучше насъ? Все дѣйствіе происходитъ въ домѣ богатаго купца Гордыя Карпыча Торцова, въ одинъ изъ святочныхъ вечеровъ. Это, впрочемъ, не тотъ Торцовъ, изъ котораго недавно указывали вамъ въ однихъ распашныхъ стихахъ какъ на «героя нашего времени» и готовы были божиться, что русская поэзія до-сихъ-поръ не производила ничего лучшаго. Тотъ Торцовъ съялъ по-себѣ; съ тѣмъ мы будемъ еще имѣть случай довольно-близко познакомиться въ комедіи, а пока нужно только знать его брата, хозяина того дома, въ которомъ происходитъ дѣйствіе. Оно начинается въ «прикашичьемъ» комнатѣ разговоромъ между Митею, прикащикомъ Торцова, Егорюшкой, его же дальнимъ родственникомъ, и «мальчишкой», какіе обыкновенно бываютъ въ купеческихъ домахъ. Егорюшка — это такъ-себѣ, ничего, въ родѣ тѣхъ фронтисьянсовъ, какіе прикладывались къ стариннымъ изданіямъ; но Мита — совсѣмъ другое дѣло: Мита свободное лицо въ пьесѣ; Митею она важется. Читателю надобно знать

что такое Митя, чтобы не смѣшать его съ Бородиннымъ (въ другой комедіи того же автора), который находился въ такомъ же положеніи. У нихъ не только одно положеніе, но, можно сказать, одна и та же страсть : оба они бѣдны — небогаты по-крайней-мѣрѣ, и любятъ каждый дочь своего богатаго хозяина, разумѣется, любовью безнадежною, хотя имъ и отвѣчаютъ нѣкоторою взаимностью. До-сихъ-поръ сходство; но есть и разница. Авторъ не хотѣлъ сдѣлать изъ Мити героя пьесы (на то есть у него другое лицо) и отгѣнял его иными красками... какими — это можетъ видѣть читатель изъ слѣдующаго разговора Мити съ Яшей Гуслинымъ :

«Гуслинъ (садится на кровать и беретъ гитару). Что народу было на катань!.. И ваши были. Чтò жь ты не былъ? — Митя (сидя у стола пригорюнившись). Да что, Яша, обула меня тоска-кручина. — Гуслинъ. Что за тоска? Объ чемъ тебѣ тужить-то? — Митя. Какъ же не тужить-то? Вдругъ въ голову взойдутъ такія мысли : чтò я такое за человекъ на свѣтѣ есть? Теперь родительница у меня въ старости и бѣдности находится, ее долженъ содержать. А чѣмъ?.. Жалованье маленькое, отъ Гордѣя Карныча все обида да брань, да все бѣдностью попрекаетъ, точно я виноватъ... а жалованья не прибавляетъ. Понскалъ бы другаго мѣста, да гдѣ его найдешь безъ знакомства-то. Да, признаться сказать, я къ другому-то мѣсту и не пойду. — Гуслинъ. Отъ чего же не пойдешь? Вотъ у Разлюляевыхъ жить хорошо... люди богатые и добрые. — Митя. Нѣтъ, Яша, не рука! Ужъ буду все терпѣть отъ Гордѣя Карныча, бѣдствовать буду, а не пойду. Такая моя планда! — Гуслинъ. Отъ чего же такъ? — Митя. Такъ, ужъ есть тому дѣлу причина. Есть, Яша, у меня еще горе, да никто того горя не знаетъ. Никому я про свое горе не сказывалъ. — Гуслинъ. Скажи мнѣ. — Митя (махнувъ рукой). Зачѣмъ? — Гуслинъ. Да скажи, чтò за важность! — Митя. Говори не говори, вѣдь не поможешь! — Гуслинъ. А почемъ знать. — Митя (подходить къ Гуслину). Никто мнѣ не поможетъ. Пропала моя голова. Полюбилась мнѣ больно Любовь Гордѣвна. — Гуслинъ. Что ты, Митя?! Да какъ же это? — Митя. Да вотъ какъ ни какъ, а ужъ сдѣлалось. — Гуслинъ. Лучше, Митя, изъ головы выкинь. Этому дѣлу никогда не бывать, да и не раживаться. — Митя. Знавши я все это, не могу своего сердца сообразить. «Любить друга можно, нельзя позабыть!» (говорить съ сильными жестами.) «Полюбить я красну дѣвицу пуще роду, пуще племени. Злые люди не велятъ, велятъ бросить, перестать.» — Гуслинъ. Да, и то надоть бросить... А то заберешь въ голову, потомъ еще тяжелше будетъ. — Митя (декламируетъ).

Что на свѣтѣ престоко?
Престока есть любовь!»

Митя весь въ этотъ разговоръ : онъ не говоритъ, а жалобно поетъ; тоска и кручина не сходятъ у него съ языка; онъ скорѣе насохнетъ, чѣмъ перестанетъ любить и горевать. Откуда такой рыцарь печальнаго образа? спросите вы, съ наумленіемъ смотря на купеческаго прикащика. — Изъ пѣсни, или, пожалуй, изъ пѣсенъ. Это не характеръ, а

олицетворенная жалобная пѣсня : отъ него ничего больше и не ждте. А чтобъ выдумка больше походила на правду, авторъ заставляетъ Митю читать и переписывать пѣсни Кольцова, и даже дѣлать ему подражанія. Все это въ-самомъ-дѣлѣ такъ похоже на Митю : онъ весь состоитъ изъ стиховъ Кольцова, хотя далеко не изъ всѣхъ, посвятивъ ния этого поэта.

Изъ разговоровъ, которые ведутся въ той же приказничьей комнатѣ, узнаемъ кое-что и о самомъ хозяинѣ дома, Гордѣй Карпычъ Торпѣт, въ рукахъ котораго находится судьба Мити и его любезной. Онъ самъ пока еще не показывается, но словоохотливая супруга его, Пелагея Егоровна, проходя мимо Мити, сообщаетъ намъ, въ разговорѣ съ нимъ, главныя подробности о жизни своего мужа. Надобно замѣтить, что добрая Пелагея Егоровна благоволяетъ къ Митѣ (мы узнаемъ послѣ причину ея симпатіи) и потому не таитъ отъ него домашнихъ секретовъ. Вотъ въ чемъ дѣло : живши долгое время хорошо, хотя и не роскошно, Гордѣй Карпычъ съѣзжалъ куда-то въ отъѣздъ, должно-быть въ Москву, и съ-тѣхъ-поръ принялъ совсѣмъ-другой родъ жизни. Все стало казаться ему немало, все опостылило. Не хочу, говорить, жить «на мужички», «хочу жить по нынѣшнему, модамъ заниматься». Тѣ, что на языкѣ Пелагеи Егоровны называлось «модами заниматься», у самого Гордѣя Карпыча значило «образовать себя и жить по просвѣщенному». Это образованіе состояло, по его мнѣнію, въ томъ, чтобъ ходить въ модномъ платьѣ, поставить въ гостиной новую мѣбель, завести у себя прислугу въ перчаткахъ и пить, вмѣсто мадеры, шампанское. Не только самъ онъ перемѣнилъ костюмъ, но требовалъ, чтобъ и жена его надѣла чепчикъ. Съ того времени все пошло въ домѣ наизворотъ. Вмѣсто того, чтобъ позаботиться о своей дочери-невѣстѣ, подумать о томъ, какъ бы пристроить ее, Гордѣй Карпычъ началъ помышлять лишь о своихъ «штукахъ» и не давалъ никому сказать слова противъ своего новаго обычая. Явленіе довольно-странное въ простомъ человѣкѣ; но оно покажется еще страннѣе, когда читатель узнаетъ, что такая перемѣна произошла съ шестидесятилѣтнимъ старикомъ. Какъ объяснить такую странность въ человѣкѣ его лѣтъ? Пелагея Егоровна объясняетъ въ немъ эту внезапную перемѣну по-своему : связался-де мой мужъ съ нехорошимъ человѣкомъ, Африканомъ Савичемъ, сталъ съ нимъ пить; «съ пьяну-то должно быть у него и помутилось». Но кто же повѣритъ ей, чтобъ пьянство могло произвести такое странное дѣйствіе? Гдѣ же видано, чтобъ пьяный человѣкъ сталъ заботиться о хорошемъ покроѣ платья, о томъ, чтобъ въ комнатахъ его стояла хорошая мебель, и чтобъ жена его ходила въ чепчикъ? У пьянаго человѣка едва-ли не одно на умѣ. Тутъ что-то не такъ. Говори дагѣ о характерѣ своего мужа, Пелагея Егоровна называетъ его «крутымъ». Опять что-нибудь да не такъ! Авторъ, кажется, нигдѣ совсѣмъ-другое въ виду: въ Гордѣй Карпычѣ онъ именно хотѣлъ представить совер-

шенно-безхарактернаго чловѣка, которому стѣитъ только завести новое знакомство, чтобъ въ домѣ его пошло все вверхъ дномъ.

Чтобъ, впрочемъ, читатель не оставался долго въ сомнѣнн на-счетъ этого лица, авторъ скоро выводитъ его самого на сцену. Дѣйствія пока еще нѣтъ никакого, но мы приведемъ небольшой разговоръ между Гордѣемъ Карпычемъ и Митею, въ той же прикащичьей комнатѣ, потому-что этотъ разговоръ дорисовываетъ извѣстныя уже намъ лица.

«Явленіе 7-ое. Митя, Гуслингъ, Разлюляевъ и Гордѣй Карпычъ. — Гордѣй Карпычъ (входитъ, всѣ встаютъ и перестаютъ пѣть). Что распѣялся! Гарлавить точно мужичье! (Митѣ) И ты тудажь! Кажется, не въ такомъ домѣ живешь, не у мужиковъ. Что за пошпвная! чтобы у меня не было этого впередъ. (Подходить къ столу и разбираетъ бумаги.) Что бумаги-то разбросалъ! — Митя. Это я счета провѣрялъ-съ. — Гордѣй Карпычъ (береть книгу Кольцова и тетрадь со стихами). А это еще что за глупости? — Митя. Это я отъ скуки, по праздникамъ-съ, стихотворенія Кольцова переписываю. — Гордѣй Карпычъ. Какія нѣжности при нашей бѣдности! — Митя. Собственно для образованія своего занимаюсь, чтобъ имѣть понятіе. — Гордѣй Карпычъ. Образованіе! Знаешь ли ты, что такое образованіе!.. А еще тудажь разговариваешь! Ты бы вотъ сюртучника новенькій спилъ! Вѣдь къ намъ на верхъ ходишь, гости бываютъ... срамъ! Куда деньги-то дѣваешь? — Митя. Маленькѣ посылаю, потому она въ старости, ей негдѣ взять. — Гордѣй Карпычъ. Матери посылаешь! Ты себя-то бы образилъ прежде; матери-то не Богъ знаетъ что нужно, не въ роскоши воспитана, чай сама хлѣвы затворяла. — Митя. Ужъ пущай же лучше я буду терпѣть, да маленька по крайности ни въ чемъ не нуждается. — Гордѣй Карпычъ. Да вѣдь безобразно! Ужъ коли не умѣешь надъ собою приличія наблюдать, такъ и спи въ своей конурѣ; коли голъ кругомъ, такъ нечего о себѣ мечтать! Стихи пишеть, образованіе себя хочеть, а самъ какъ фабричный ходишь! Развѣ въ этомъ образованіе-то состоятъ, что дурацкія пѣсни пѣть. То-то глупо-то! (Сквозь зубы и косясь на Митю). Дуракъ! (По-молчавъ) Ты и не смѣй показываться въ этомъ сюртучникѣ на верхъ. Слышишь, я тебѣ говорю! (къ Разлюляеву) А ты тоже! Отецъ-то чай деньги лопатой загребаеть, а тебя въ этакомъ зипунникѣ водить. — Разлюляевъ. Что жь такое! онъ новый... сукно-то французское, изъ Москвы выписывали по знакомству... двадцать рублевъ аршинъ... Что жь, нешто мнѣ этакую штуку надѣть, какъ у Франца Федорыча, у аптекаря... кургузую; такъ его вонъ и дразнятъ всѣ: страхъ пальто. Такъ что жь хорошаго людей смѣшить! — Гордѣй Карпычъ. Много ты знаешь! Да что, съ тебя взыскаъ-то нечего! Самъ-то ты глупъ, да и отецъ-то твой не больно уменъ. Цѣлый вѣкъ съ засаленнымъ брюхомъ ходишь; дураками непросвѣщенными живете, дураками и умрете. — Разлюляевъ. Ужъ ладно. — Гордѣй Карпычъ (строго). Что? — Разлюляевъ. Ладно, молъ. — Гордѣй Карпычъ. Неучъ, и сказать-то путно не умѣешь. Говорить-то съ вами — только слова тратить; все равно, что стѣнѣ гореть, такъ и вамъ дуракамъ (уходить).»

Читатель видит, что какниъ Пелагея Егоровна представляла своего супруга, таковъ онъ и есть въ-самомъ-дѣлѣ, то-есть не въ смыслѣ характера, а по отношенію къ его образу мыслей. Изъ словъ его видно, что онъ точно помѣшался на образованіи, разумѣя подъ образованіемъ извѣстную вѣщность. Митя тоже хлопочетъ объ образованіи, но онъ по-крайней-мѣрѣ ищетъ его въ стихотвореніяхъ Кольцова. Какъ писатель вполне-современный, авторъ любитъ, чтобъ, если не все, то по-крайней-мѣрѣ большая-часть его лицъ, такъ или иначе, относились къ образованію. Даже тѣ изъ нихъ, которыя не имѣютъ никакого понятія объ образованіи, считаютъ, однако, своимъ долгомъ толковать о немъ. Но возвратимся къ Гордѣю Карпычу. Изображалъ его сумасброднымъ и безхарактернымъ, авторъ какъ-будто хотѣлъ показать на немъ, что въ одномъ и томъ же быту могутъ быть, однако, явленія совершенно-противныя извѣстному Русакову, въ комедіи того же автора «Не въ свои сани не садись». Но стояла ли такая задача труда? И можно ли достигнуть какой-нибудь цѣли въ искусствѣ, изображая цѣлое лицо лишь одною *случайной* чертою, какъ, напримеръ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, развившиися въ немъ влусомъ къ нѣкоторымъ перемѣнамъ во вѣщнемъ быту? Мы позволяемъ себѣ сомнѣваться.

Пойдемъ далѣе, хоть самъ авторъ, очевидно, и не слѣдуетъ дѣйствіемъ. Вѣсто дѣйствія мы пока имѣемъ только смѣну явленій, или разговоровъ разныхъ лицъ между собою. Все эти разговоры ведутся въ той же прикащичьей комнатѣ; лица то-и-дѣло смѣняются въ ней: какъ на перекресткѣ, одни уходятъ, другіе приходятъ вновь; постояннымъ лицомъ на сценѣ остается лишь Митя, провожающій то того, то другаго. Такъ уходитъ Пелагея Егоровна; такъ, немного спустя, поговорявъ съ Митею, уходитъ и Гордѣй Карпычъ. «Вотъ она жизнь-то моя какова! Вотъ каково мнѣ сладко жить-то на свѣтѣ!» распѣвается Митя жалобнымъ тономъ, проводивъ отца своей любезной. Является Анна Ивановна съ Любовью Гордѣвной и съ нѣкоторыми другими лицами, и въ прикащичьей комнатѣ заводится новый разговоръ. Читатель долженъ нѣсколько прислушаться къ разговору Анны Ивановны, какъ для того, чтобъ узнать это лицо, такъ и для того, чтобъ лучше познакомиться съ тѣмъ бытомъ, или, точнѣе, съ тѣми людьми, между которыми происходило это кажущееся дѣйствіе.

«Явленіе 9-е. Анна Ив. Миръ честной компаніи.— Разлюляевъ. Милости прошу къ нашему шалашу. — Митя. Наше почтеніе-съ! Милости просимъ!.. Какими судьбами?.. — Анна Ив. А никакими, просто взяли да и пришли. Гордѣй Карпычъ уѣхалъ, а Пелагея Егоровна отдохнуть легла, такъ теперь наша воля... Гуляй не хочю!.. — Митя. Просимъ покорно садиться. (Садятся; Митя садится противъ Любови Гордѣвны; Разлюляевъ ходитъ.) — Анна Ив. Надоѣло молча-то сидѣть, орѣхи целкать, — пойдемте, говорю, дѣвушки, къ парнямъ, а дѣвушкамъ и

любо. — Любовь Гордѣевна. Что ты выдумываешь-то! Мы не воображали сюда птиц, — это ты выдумала. — Анна Ив. Какъ же не такъ! Да ты первая... Известное дѣло, кому что нужно, тотъ объ томъ и думаетъ; парни объ дѣвкахъ, а дѣвки объ парняхъ. — Разлюляевъ. Ха, ха, ха!.. Это вы, Анна Ивановна, въ точности говорите. — Любовь Гордѣевна. Вотъ ужъ никогда. — Маша (Лизъ). Ахъ, стыдъ какой! — Лиза. Это, Анна Ивановна, вы говорите совсѣмъ напротивъ. — Анна Ив. Ахъ вы скромность! Ужъ сказала бы словечко, да не хорошо при парняхъ-то... Сама была въ дѣвкахъ, все знаю. — Любовь Гордѣевна. Дѣвушка дѣвущкѣ рознь. — Маша. Ахъ, стыдъ какой! — Лиза. Кто вы говорите, это даже для насъ очень странно и можно сказать конфузю. — Разлюляевъ. Ха, ха, ха!.. — Анна Ив. А объ чемъ сейчасъ наверху разговоръ былъ? Хотите скажу!.. Ну, говорить что ли? Что, присмирѣли. — Разлюляевъ. Ха, ха, ха!..» и т. д.

Вотъ это живое лицо, хоть рѣчи ея и отзываются прачешной. Анна Ивановна говорить, конечно, съ плеча; вообще она женщина незастижчивая, но за-то хитростей въ ней нѣтъ, и она остается вполнѣ вѣрна своему быту. Впрочемъ, она занимаетъ въ пьесѣ лишь второстепенную роль: ея сдѣйствіе нужно только для того, чтобъ, когда всѣ ужъ вышли изъ комнаты Мити, кромѣ его самого и Любови Гордѣевны, придержать снаружи дверь и такимъ-образомъ устроить между ними свиданіе, будто вовсе нечаянно. И тутъ Анна Ивановна остается вѣрна себѣ. Сцена свиданія между Митею и Любовью Гордѣевной также выдержана въ духѣ дѣйствующихъ лицъ. Она очень-невелика и вся состоитъ въ томъ, что Митя, вмѣсто объясненія въ любви, подчуетъ свою любезную стихами своего сочиненія, которые онъ «самъ писалъ и притомъ не учимись», на что въ отвѣтъ она пишетъ ему нѣсколько словъ прозой, запрещая, впрочемъ, читать ихъ при себѣ. Такова-то любовь Мити, и вотъ каково ему платять за нее! Не знаемъ, можетъ-быть, тамъ оно такъ и бываетъ; но мы должны признаться за себя, что этотъ темнесладенькій прикащикъ, который чувствуетъ и говоритъ по стихотвореніямъ Колюцова, очень-приторонъ. Любовь Гордѣевна, которая только-что взялась за перо, какъ ужъ «выпачкала себѣ всѣ пальцы», по-крайней-мѣрѣ гораздо-натуральнѣе его.

Объясненіе Любови Гордѣевны съ Митею кончено, а вмѣстѣ съ тѣмъ могло бы кончиться и самое дѣйствіе, какъ вдругъ, будто-бы изъ земли, вырастаетъ передъ влюбленными и передъ зрителемъ новая фигура довольно-дикого и неочень-опрятнаго вида, и, обращаясь къ испуганной дѣвущкѣ, говорить ей: «Стой! Что за человекъ? По какому виду? За какииъ дѣломъ? Взять ее подъ сомнѣніе!» Оказывается, что эта страшная фигура не кто иной, какъ «дяденька» Любови Гордѣевны, родной братъ ея отца, однимъ словомъ: Любимъ Карлычъ Торцовъ, столько прославленный въ недавнее время. Мы бы въ-самомъ-дѣлѣ могли стать въ-тушикъ передъ этимъ невиданнымъ еще въ нашей ли-

температурѣ «типомъ», еслибъ друзья автора, сверхъ ожиданія, не могли нашему невѣжеству и не возвѣстали въ особомъ дивранѣ, вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ пьесы, всей читающей русской публикѣ, что, наконецъ, давно-искомый идеалъ найденъ, и что публика можетъ любоваться имъ въ лицѣ Любима Торцова (1). Читатели, вѣроятно, не забыли то знаменитое «новое слово», котораго, говорятъ, не могли выговорить ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ, ни Гоголь, и котораго скорое появленіе иронически было возвѣщаемо въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ «Москвитянинѣ»: это таинственное слово, наконецъ, сказано, и имя ему — Любимъ Торцовъ. Мы заранѣе просимъ извиненія у автора въ такомъ толкованіи: намъ бы оно никогда не пришло въ голову, еслибъ мы не нашли его въ томъ самомъ журналѣ, въ которомъ, за исключеніемъ послѣдней комедіи, печатались всѣ произведенія, восяція имя г. Островскаго, и еслибъ оно не высказано было съ полною определенностью однимъ изъ самыхъ жаркихъ почитателей его таланта. Авторъ не протестовалъ ничѣмъ противъ такого объясненія, и мы невольно должны были заключить, что оно соответствуетъ, по крайней мѣрѣ не противорѣчитъ его собственному образу мыслей.

Итакъ Любимъ Торцовъ новое слово русской литературы, въ которомъ выразился успѣхъ ея послѣ Пушкина и Гоголя. Митѣе высказано незабывчиво: такъ и намъ слѣдуетъ, не пугаясь дикаго вида Любима Карпыча, всмотрѣться ему въ лицо попристальнѣе. Чтò такое Любимъ Торцовъ? Объ этомъ мы можемъ узнать изъ разговора его съ этимъ счастливецемъ Митею, которому открываютъ свою душу всѣ приходящіе въ его комнату, или только проходящіе черезъ нее. Любимъ Торцовъ еще откровеннѣе всѣхъ другихъ. Онъ съ-разу рассказываетъ Митѣ всю свою исторію. Начать съ того, что Любимъ Карпычъ объявляетъ Митѣ, безъ дальнихъ околичностей, что онъ пропалъ свои послѣдніи деньги, которыхъ было «два франка да нѣсколько сантимовъ» (?), что онъ «пьетъ отъ своей глузости», и что не можетъ перестать пить потому, что «попалъ на такую линію». Это самое главное въ Любимѣ Торцовѣ; это первый аттестатъ его на вниманіе публики. Слѣдуетъ исторія того, какъ онъ попалъ на такую линію, съ которой болѣе не въ-состояніи сойти. Остался онъ послѣ отца «малъ-малѣхонекъ, лѣтъ двадцати несмыслѣннѣшекъ». О своемъ моральномъ и нравственномъ состояніи въ то время онъ самъ выражается такимъ-образомъ: «въ головѣ-то, какъ въ пустомъ чердакѣ, вѣтеръ такъ и ходитъ». Добра тутъ, конечно, ждать нечего. На бѣду еще этой пустой головѣ достались вольныя деньги: братья раздѣлились между собою, и хотъ Гордѣй при этомъ случаѣ покривилъ душою (если, впрочемъ, вѣрить разскащику), однако Любиму все же досталось

(1) См. въ «Москвитянинѣ» злегію-сатиру-оду г. Григорьева: «Искусство и Правда».

хорошая часть денегами и билетами, которую онъ могъ распораздаться совершенно по-своему. Понятно, какое употребленіе могъ сдѣлать «негодяецъ» въ двадцать лѣтъ, у котораго въ головѣ, кромѣ вѣтра, ничего не было, изъ доставшагося ему капитала: онъ, что называется, протеръ ему глаза. Получивъ свою часть, Любимъ Торцовъ сейчасъ же въ Москву, пошелъ по трактирамъ ходить, по театрамъ вѣдять, завелъ себѣ кучу пріятелей известнаго сорта, перебивалъ вездѣ и научился даже такимъ выраженіямъ, какъ «шпиленъ зи полька», или «дайте еще бутылочку похолоднѣе», которыя, можетъ-быть, показываютъ короткое знакомство его съ самыми грязными углами большого города, но отъ которыхъ, право, можно было бы уволать литературу, безъ всякаго для нея ущерба. Особенно любилъ Торцовъ смотрѣть трагедію, но «только ничего не видалъ путемъ, потому-что былъ больше все пьянъ...» Однимъ словомъ, Любимъ Торцовъ въ самой ранней молодости прошелъ ужъ всю школу распутства и вышелъ изъ нея горькимъ пьяницей. Вотъ какъ попалъ онъ на «ту линію», съ которой не могъ болѣе своротить. «Такимъ-то побытомъ (продолжаетъ Любимъ разсказывать Митѣ) деньжонки всѣ я ухнулъ». А что еще оставалось (конечно, остатокъ былъ неочень-великъ, когда ужъ сказано напередъ, что «деньжонки всѣ ухнулъ»), то повѣрилъ онъ одному негодяю, по имени Африкану Коршунову, который съ нимъ же бражничалъ и прогулялъ остальное. Кто тутъ виноватъ: Коршуновъ ли, или самъ Торцовъ? Самъ Любимъ готовъ бы, кажется, свалить всю вину на Коршунова, а намъ думается: оба хороши! «И съѣлъ я (говоритъ далѣе Торцовъ), какъ ракъ на мели: вынуть не на что, а выпить-то хочется». Известно, какъ поступаютъ въ такомъ случаѣ: продаютъ все, что есть, снуюскаютъ съ плечъ послѣдній сюртучишка и остаются... ну, какъ-бы вамъ это сказать?.. Любимъ Торцовъ, по его словамъ, поступилъ точно также — и вотъ вамъ зависной пьяница во всей его формѣ: «оборванный, обдерганный, небритый». Любимъ самъ признается, что въ его положеніи остается развѣ только *воровать*, и что, если бы не совѣсть и если бы «не страшно», ему бы не миновать этого ремесла. Хорошо, что хоть совѣсть осталась; но можно ли положиться, что и она никогда не заснетъ въ человѣкѣ, который пьетъ ночи безъ просыпа?

Это называется у кого-то «новое слово»; это поставляется на видъ, какъ лучшій цвѣтъ всей нашей литературной производительности за послѣдніе годы! За что же такая невѣжественная хула на русскую литературу? Дѣйствительно, такого «слова» еще не говорилось въ ней, такого героя никогда и не снилось ей, благодаря тому, что въ ней еще свѣжи были старыя литературныя преданія, которыя не допустили бы такого искаженія вкуса. Любимъ Торцовъ могъ явиться на сценѣ во всемъ своемъ безобразіи лишь въ то время, когда они начали приходить въ забвеніе. Не то удивляетъ насъ, что въ литературу на-

ней могъ возникнуть такой типъ, какъ Любимъ Торцовъ : неудивительно такое явленіе, потому—что дагерротипное искусство господствуетъ въ ней ужъ нѣсколько лѣтъ сряду; мы ужъ столько дагерротипизованную окружающую насъ дѣйствительность, что наконецъ въ—состояніи были спуститься и до Любима Торцова. Удивляетъ и неприятно поражаетъ насъ то, что пьяная фигура какого—нибудь Торцова могла вырасти къ идеала, что ею хотятъ гордиться, какъ самымъ чистымъ воспроизведеніемъ народности въ поэзіи, что Торцовымъ мѣрятъ успѣхи литературы и навязываютъ его всѣмъ въ любовь, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ—де нашъ свой, что онъ у насъ «ко двору»! Не есть ли это искаженіе вкуса и совершенное забвеніе всѣхъ чистыхъ литературныхъ традицій? Но вѣдь есть же стыдъ, есть литературныя приличія, которыми остаются и послѣ того, какъ лучшія преданія утрачены. За чѣмъ же мы будемъ срамить себя, называя Торцова «своимъ» и возводя его въ наши поэтическіе идеалы? Если ужъ Торцовъ, то—есть одинъ изъ множества Торцовыхъ, попалъ въ литературу, то пусть онъ и остается въ ней только подъ своимъ настоящимъ именемъ, съ своею подлинною отиѣткою, какъ есть въ ней и многіе другіе персонажи подобнаго ряда. Вы хотите непременно сдѣлать изъ вашего Торцова героя нашего времени, то—есть хотите привязать къ нему симпатіи публики? Но позволено спросить : на чемъ могутъ быть основаны эти симпатіи? Или какого рода расположеніе долженъ принести съ собою зритель, чтобъ почувствовать любовь, влеченіе къ Торцову, смотря на его фигуру, слушаая его рѣчи и узнавъ всѣ его похождения?..

Продолжая ту же сцену, которая подала намъ поводъ сдѣлать это отступленіе, авторъ, повидимому, имѣлъ цѣлью поднять своего героя въ глазахъ зрителя. Любимъ Торцовъ рассказываетъ дагѣе о себѣ, какъ однажды, отрезваясь сильною болѣзною, онъ пришелъ—было въ разсудокъ и пошелъ просить милости у брата. Этотъ братъ былъ не кто иной, какъ тотъ же извѣстный намъ Гордый Карнычъ : онъ отказался принять у себя Любима, говоря, что боится стыда отъ него — и Любимъ опять попалъ на прежнюю «линію». Она-то завела его и къ Митѣ : бродя изъ стороны въ сторону, Торцовъ зашелъ къ нему, чтобъ отдохнуть немного, попросить гривенникъ на извѣстное употребленіе, и, если можно, провести ночь. Отъ этого объясненія между Торцовымъ и Митею читателю, какъ говорится, ни тепло, ни холодно. Конечно, къ биографіи Любима Торцова прибавляется еще одна новизна черта; но она ничего не измѣняетъ въ нашемъ о немъ понятіи. Изъ того, что у Любима Торцова была въ жизни одна минута, когда онъ не прочь былъ вытрезвиться, еще не слѣдуетъ, чтобъ онъ въ—самомъ—дѣлѣ вытрезвился. Жаль его, какъ безнадежно—потерявшагося человека, но оттого онъ не становится лучшимъ въ нашихъ глазахъ. Рассказанный случай немного прибавляетъ и къ тому, чѣмъ мы знаемъ ужъ о другомъ Торцовѣ. Братскаго чувства, какъ видно, никогда въ немъ не

было. Что ему стыдно было такого брата, какъ Любимъ, это еще не можетъ служить ему упрекомъ : кто же бы, живя въ обществѣ, не устыдился такого «пріятнаго во всёхъ отношеніяхъ» брата, какъ герой новой комедіи? Но Гордѣй Карпычъ не показалъ при этомъ случая никакого состраданія : онъ не хотѣлъ взять на себя неприятныхъ хлопотъ, которыя отъ него требовались, чтобъ вытрезвить, выдержать брата; онъ поступилъ, какъ человѣкъ безъ сердца, и тѣмъ только далъ поводъ брату оправдывать свой порокъ, сваливая вину на другаго.

Все это такъ странно встрѣтить въ произведеніи автора, который — казалось намъ до сего времени — любить вдумываться въ созданные имъ характеры и заботится о художественномъ строѣ своихъ пьесъ, хотя бы желаніе его и не всегда увѣнчивалось успѣхомъ. Въ новой комедіи какъ-то незамѣтно ни того, ни другаго : вмѣсто характеровъ онъ даетъ намъ лишь внѣшніе очерки лицъ и вводитъ ихъ въ дѣйствіе самими внѣшними образомъ. Случилось захмѣлѣвшему Торцову забрести къ Мицѣ и задремать у него, и изъ этого выходитъ цѣлый узелъ драматическаго дѣйствія; а случись ему попасть на другой ночлегъ, дѣйствія, пожалуй, и не было бы вовсе. Хорошо тѣмъ читателямъ, которые знакомы съ извѣстнымъ поэтическимъ комментариемъ на комедію : они по-крайней-мѣрѣ приготовлены : они знаютъ, что какъ-скоро появляется на сценѣ Любимъ Торцовъ, такъ ужъ тутъ непременно должно происходить что-нибудь важное, что въ лицѣ его, можетъ-быть, даже готовится развязка цѣлой комедіи. Для нихъ Любимъ Торцовъ, появляющійся въ первомъ дѣйствіи, по-крайней-мѣрѣ имѣетъ значеніе того, что называютъ *deus ex machina*, лишь заранѣе показывающаго себя зрителямъ, чтобъ они не сомнѣвались въ возможности развязки. Но какой смыслъ можетъ имѣть случайное его появленіе въ домѣ брата, откуда его выгнали прежде, для простаго зрителя, или читателя? Развѣ тотъ только, чтобъ ко многимъ другимъ лицамъ, которыя проходятъ какъ китайскія тѣни (кроме Анны Ивановны) черезъ это дѣйствіе, прибавляется еще новая фигура и не очень-скромнымъ появленіемъ своимъ живописнѣе заключаетъ дѣйствіе, потому-что, безъ особенныхъ комментариевъ, едва-ли кто захочетъ придавать важность послѣднимъ словамъ пьянаго человѣка, которыя онъ произноситъ у Мицѣ, засыпая : «А я съ братомъ смѣшную штуку сдѣлаю» (стр. 38)... А между-тѣмъ въ нихъ-то и вся штука!

Немного драматическаго интереса вынесли мы изъ перваго дѣйствія, да немного найдемъ его и во второмъ. Оно происходитъ уже въ «гостиной» Торцова, мѣблированной, разумѣется, «по модному»; хозяинъ дома, какъ извѣстно, стоитъ на томъ — въ этомъ даже состоитъ нѣкоторымъ образомъ его характеръ (за недостаткомъ другаго). Автору почему-то вздумалось, что зритель слишкомъ утомленъ однообразіемъ ли дѣйствія, или разнообразіемъ безпрестанно-появляющихся лицъ перваго акта, и потому онъ счелъ за нужное поскорѣе развеселить публику и для того

превратить второй акт въ самый нецеремонный дивертисментъ. Разыгрывается во всей своей красѣ святочный вечеръ, какіе бывають обыкновенно въ провинціальныхъ купеческихъ домахъ. Такъ-какъ хозяйка не случилось дома, то Пелагея Егоровна устроиваетъ вечеръ совершенно по своему вкусу. Всѣ эти лица, которыя такъ долго толпились Богъ-знаетъ зачѣмъ передъ Митею въ первомъ актѣ, составляютъ теперь, въ гостиной Гордѣя Карпыча, одно общество: они — гости Пелагеи Егоровны. Кромѣ сентиментальной Любви Гордѣевны, которая говоритъ: «что наша любовь? какъ былника въ полѣ — не расцвѣтеть путемъ да и поблекнетъ», кромѣ «тихаго да сиротливаго Мити», устѣнаго уже объясниться съ нею въ любви, тутъ и Анна Ивановна, и Разлюбяевъ, и Гуслинъ, и Егорушка, и нянька Арина и, въ добавокъ, еще нѣсколько пріятельницъ хозяйки. Недостааетъ только рельефной фигуры Любима Торцова; но авторъ показываетъ его лишь при особенно-важныхъ случаяхъ. Все второе дѣйствіе обходится вовсе безъ Торцова. За-то авторъ пользуется случаемъ, чтобъ показать различіе между тѣмъ бытомъ, который вновь завелъ у себя хозяйнѣ дома, и тѣмъ, котораго продолжаетъ держать хозяйка. Гордѣй Карпычъ, какъ извѣстно, любитъ угощать своихъ гостей шампанскимъ, а Пелагея Егоровна, держась крѣпко старинны, угощаетъ своихъ пріятельницъ мадерою. Какіе, подумаешь, тонкіе оттѣнки! «Я — говоритъ Пелагея Егоровна, люблю по старому, по старому... Я люблю, я веселая... да... чтобъ впопачивать, да чтобъ мнѣ пѣсни пѣли», и пр. И, по желанію Пелагеи Егоровны, начинается всеобщее веселье. Старушкамъ подають мадеры, молодымъ подвсоятъ пряники и другія лакомства; затагивають подблюднымъ пѣсни, приходятъ ряженые: старикъ съ балабайкой, вомакъ съ медвѣдемъ и козой, Егорушка съ патакой. Кто во что гораздъ — пошла вѣтха — настоящей шабашъ!

Старикъ (запѣваетъ).

Какъ ужъ наши молодцы,
Хоть голы да удалы!
Они сукна ткутъ
Во двѣнадцать рукъ.
Они сукна переткали —
Всѣмъ кафтаны першивали.
Намъ не дороги кафтаны,
Были бъ денежки въ карманѣ.
Цѣлковые по мошвамъ
Не дають спать по ночамъ;
Мѣдныя денежки гремать —
Во кабацъ итти велятъ.
Цѣловальничекъ Андрей,
Отпирай кабацъ скорѣй!
У насъ новый кафтанъ есть,
Мы заложимъ его заѣсъ,
Не домой же его несть.

Егорушка (плашетъ съ патакой и поетъ).
Ахъ, патака, патака
Вареная, сладкая!

Зима, зимушка, зима,
 Стюдена больно была!
 Больно вьюжливая
 И мятельливая —
 Всѣ дорожки заметы,
 Нельзя къ миленькой пройти.

Ахъ патока, патока
 Вареная сладка!

Сидитъ моя женка,
 Ровно перепелка!
 Я за то ее люблю,
 За то почитаю,
 Что попорно ходитъ,
 Хорошо гуляеть.

(Егорушки дають за пѣсню пряничка; Егорушка кланяется и уходитъ; во-
 жакъ водить медвѣдя; коза пляшетъ.)

Старикъ (поетъ).

Какъ у насъ—то козелъ
 Что за умный былъ:
 Самъ и по воду ходилъ,
 Самъ и кашу варилъ —
 Дѣда съ бабкой кормилъ.
 Какъ пошелъ нашъ козелъ
 Онъ во темный лѣсъ;
 Какъ на встрѣчу козлу
 Да семь волковъ;
 Какъ одинъ—то волкъ,
 Онъ голодный былъ,
 Онъ три года ходилъ,
 Все козлятинки просилъ.

Во жакъ (медвѣдю). — Прости вина поминать козла.

(Медвѣдь кланяется... Медвѣдь ломается... Медвѣдь опять ломается... ста-
 рикъ играетъ на гитарѣ; прочіе ряженые пляшутъ; всѣ на нихъ смотрятъ...)

Какъ, однако, легко, будучи драматическимъ писателемъ, по волѣ пре-
 вратить сцену въ балаганъ, и какъ возможно, будучи зрителемъ, обма-
 нуться въ ожиданіяхъ и вовсе нечаянно попасть, вмѣсто драматическаго
 представленія, на ярмарочное увеселеніе! Кому же хотѣлъ польстить
 авторъ, выводя на сцену козу и медвѣдя? Есть ли это уступка народ-
 ному вкусу, вынужденная стремленіемъ къ популярности въ извѣстномъ
 смыслѣ, или авторъ нешутя думаетъ подобными сценами перевоспитать
 на свой ладъ вкусъ избранной части публики? — задача, достойная писа-
 теля—художника въ томъ и другомъ случаѣ!

По счастью, впрочемъ, веселый дивертисментъ наполняетъ собою не
 весь второй актъ. При концѣ его авторъ вспомнилъ, что все—таки онъ
 пишетъ драматическую пьесу, а не представленіе для развѣзда каретъ,
 и что пора же ему наконецъ позаботиться о настоящемъ драматическомъ
 интересѣ: угодная райку, надобно было сдѣлать хоть небольшую уступку
 и остальной части публики. Конечно, въ силу такого соображенія яви-
 лась новая сцена, которая, по нашему мнѣнію, одна только и состав-
 ляетъ настоящее содержаніе всего втораго дѣйствія. Читатель припо-
 мнитъ, что комедія до—сихъ—поръ оставалась безъ завязки, потому—что

нельзя называть завязкою пѣсенную любовь Мити къ Любови Гордѣевнѣ, пока мы не узнали отъ отца ея, что онъ думаетъ о любви своей дочери. Гордѣй Карпычъ такой своенравный человѣкъ : почему знать, можетъ-быть ему и понравится, что у дочери его вдругъ появились романтическія чувствованія ? Вѣдь у него, несмотря на его шестьдесятъ лѣтъ, такіе странные вкусы ! Последняя сцена втораго акта однимъ разомъ рѣшаетъ всѣ наши сомнѣнія по этому предмету. Еще коза и медвѣдь не успѣли сойти со сцены, какъ пріѣзжаетъ «самъ», то-есть самъ хозяинъ, и еще привозитъ съ собою дорогаго гостя. Этотъ дорогаго гость не кто иной, какъ тотъ самый Африканъ Савичъ, по фамиліи Коршуновъ, который, какъ мы видѣли прежде, заслужилъ себѣ такую невыгодную репутацию во мѣстныхъ Пелагеѣ Егоровнѣ и Любимѣ Торцовѣ : по словамъ Любима, Гордѣй Карпычъ не только «гуляетъ» вѣсть съ нимъ, но отъ него же получилъ и всѣ свои дурные вкусы, а по словамъ втораго, Африканъ Савичъ былъ тотъ самый гуляка, который нѣкогда выманилъ у него послѣдніе деньги и прогулялъ ихъ вѣсть съ нимъ. Поэтому, можетъ-быть, вы воображали увидѣть въ Коршуновѣ нѣчто напоминающее Торцова ? Ни чуть не бывало : Коршуновъ богатый человѣкъ, держитъ у себя фабрику, и хотъ «все пьетъ съ дилекторомъ ея», какъ выражается Пелагеѣ Егоровнѣ, однако ведетъ себя, по-крайней-мѣрѣ съ чужими людьми на столько прилично, что Гордѣй Карпычъ не только не стыдится его, но еще гордится имъ и позволяетъ ему называть себя дружескимъ «ты». Можно себѣ представить, какую суматоху произвелъ въ домѣ неожиданный пріѣздъ хозяина, да еще съ гостемъ. Гордѣй Карпычъ распорядился въ-мигъ : заведѣвъ ряженыхъ, въ томъ числѣ одѣтыхъ въ шкуры козы и медвѣдя, въ своей гостиной, онъ закричалъ на эту «сволочь» и тотчасъ выгналъ ее вонъ. Потомъ онъ крикнулъ на «дѣвокъ», и еслибъ не вступилась за нихъ Пелагеѣ Егоровнѣ, то имъ тоже пришлось бы убираться вонъ вслѣдъ за козою и медвѣдемъ. Потому онъ выбралъ жену за мадеру и велѣлъ подать подложныя шампанскаго ; потомъ поплелся вонъ старушки-пріятельницы Пелагеѣ Егоровнѣ, и т. д. Спровадивъ такимъ-образомъ непромѣнныхъ гостей, въ томъ числѣ и безотвѣтнаго Митю, Гордѣй Карпычъ начинаетъ чествовать своего дорогаго гостя, Африкана Савича, и вскорѣ потомъ, съ бокаломъ въ рукѣ, объявляетъ всѣмъ присутствующимъ, что онъ намѣренъ переселиться въ Москву и что Африканъ Савичъ будетъ его зятемъ. При этомъ словѣ Пелагеѣ Егоровнѣ пробуетъ противорѣчить; но, узнавъ, что уже поздно, что будущіе тестъ и зять уже ударили между собою по рукамъ, скоро унимается. Любовь Гордѣевна все не противорѣчитъ : «Я (говорить), тятенька, изъ твоей воли ни шагу не выду; я приказу твоего не смѣю ослушаться». Да и гдѣ же ей взять опору, чтобъ говорить противъ? плаксивый видъ ея друга ни кому бы не внушалъ бодрости. Стихотворныя его подражанія Кольцову тоже повидимому не произвели сильнаго дѣйствія на ея сердце. Итакъ

она проситъ отца только пожалѣть ее, бѣдную, и не губить ея молодости; но какъ Гордѣй Карпычъ отказывается взять свое слово назадъ, то она во всемъ отдается на его волю, и дѣйствіе заключается свадебною пѣсней въ честь жениха и невѣсты.

Несмотря на всю пассивность этой сцены, она, однако, принадлежитъ къ лучшимъ въ пьесѣ. Во внѣшнемъ положеніи Африкана Савича есть нѣкоторыя видимыя противорѣчія, но самъ онъ, какъ характеръ, задуманъ довольно-удачно. Въ лицѣ его нѣтъ ничего симпатичнаго для зрителя, но ему нельзя отказать въ жизненности. Это лицо напомнило намъ время, впрочемъ, еще очень-недавнее, болѣе-счастливой производительности того же автора, когда ему дѣйствительно удавалось многое, какъ въ изображеніи лицъ, такъ и въ развитіи дѣйствія. Коршуновъ задуманъ оригинально: въ немъ нѣтъ ничего ни заученаго, ни сочиненнаго, какъ въ другихъ, окружающихъ его лицахъ той же комедіи, какъ въ Митѣ и самомъ Гордѣй Карпычѣ; онъ никому не подражаетъ, никого не коверкаетъ; онъ ходитъ лишь самъ на себя. Судя по этимъ признакамъ, можно бы подумать, что Коршуновъ замышленъ одновременно съ Большовыми, Лазарями, Русаковыми и подобными имъ лицами, и лишь случайно попалъ въ позднѣйшее поколѣніе Торцовыхъ и ихъ современниковъ... Впрочемъ, мы говоримъ только о первомъ появленіи его на сцену, потому-что не одно и то же постановка характера въ пьесѣ и развитіе его въ самомъ дѣйствіи. Последнее мы узнаемъ изъ дальнѣйшаго хода комедіи, а пока вотъ первое объясненіе Коршунова съ Любовью Гордѣевной: пусть читатель самъ всмотрится въ его физиономію.

«Явленіе 9-е. Коршуновъ (сидясь подлѣ Любови Гордѣевны). Я, Любовь Гордѣевна, не въ васъ: вы меня и поцѣловать не хотѣли, хе, хе, хе, а я вамъ подарочекъ принесъ. — Любовь Гордѣевна. Напрасно беспокоились. — Коршуновъ. Вотъ я вамъ брильянтикъ привезъ, хе, хе (отдаетъ). — Любовь Гордѣевна. Это серыи. Покорно васъ благодарю. — Анна Ив. Покажи-ко. — Маша. Но это прелестно. — Лиза. И съ большимъ вкусомъ. — Коршуновъ. Дайте мнѣ вашу ручку-то (беретъ и пѣлуетъ). Я васъ вѣдь очень люблю, хе, хе, хе, очень люблю, а вѣдь вы меня чай не любите? а? — Любовь Гордѣевна. За что же мнѣ васъ не любить. — Коршуновъ. За что? Другаго любите когонибудь, вотъ за что. А вы меня полюбите, я человѣкъ хороший, веселый, хе, хе, хе... — Любовь Гордѣевна. Я не знаю, что вы говорите. — Коршуновъ. Я говорю: полюбите меня. Что жъ, я еще не старъ (смотритъ на нее). Али старенецъ? хе, хе, хе... Ну что жъ, не бѣда. За-то будете въ золотѣ ходить. У меня вѣдь дешевонка-то нѣтъ, я человѣкъ бѣдный... Такъ какихънибудь сотъ пять тысячъ... хе, хе, хе, серебромъ (беретъ за руку). — Любовь Гордѣевна (вставая). Не нужно мнѣ вашихъ денегъ. — Гордѣй Карпычъ. Любовь, куда ты? — Любовь Гордѣевна. Я къ маменькѣ! — Гордѣй Карпычъ. Остался, она сюда придетъ. (Любовь Гордѣевна садится). —

Коршуновъ. Не хотите со старикомъ—то посидѣть. Дайте мнѣ ручку, барышня, я поцѣлую. — Любовь Гордѣевна (дастъ руку). Ахъ, Баже мой! — Коршуновъ. Ручка—то какая! хе, хе, хе... бархатная (глядитъ своей рукой, и потомъ надѣваетъ брилліантовый перстень). — Любовь Гордѣевна (освобождая руку). Ахъ, оставьте меня, не надо мнѣ, не надо. — Коршуновъ. Ничего, мнѣ это не убытокъ, авось не разодрить. — Любовь Гордѣевна. Да мнѣ—то не надо. Дарите кому хотите (снимаетъ и отдаетъ). — Коршуновъ. Даютъ, такъ назадъ не берутъ... хе, хе, хе.»

Этого довольно для добраго начала, даятого, чтобъ заинтересовать читателя вновь—выводимымъ лицомъ на сценѣ. Кто разъ послужалъ разговоръ Африкана Савича, тотъ ужъ довольно—ясно представляетъ его себѣ. Посмотримъ теперь, что сдѣлалъ изъ него авторъ въ дальнѣйшемъ развитіи драматическаго дѣйствія... Драматическое дѣйствие — легко сказать! А гдѣ прикажете ему взять мѣста, когда въ распоряженіи автора остается не болѣе акта? Если дѣйствие едва успѣло завязаться въ концѣ втораго, то третьяго (онъ же и послѣдній) достанетъ развѣ только для развязки. Притомъ же драма возможна только тамъ, гдѣ есть характеры, гдѣ предполагается возможность столкновенія между ними; но какого хотите вы драматизма, когда противъ одного дѣйствительнаго характера вы имѣете только сочиненныя лица, безъ всякой существенной основы, или тѣни безъ образа, способныя развѣ на то лишь, чтобъ прочѣсть жалобную пѣсню, или проговорить чужое стихотвореніе?.. Отъ «дѣйствующаго» лица въ драматической пьесѣ вы, конечно, потребуе дѣйствія, а вамъ нарочно даютъ такіа лица, которыя лишены всякой внутренней способности дѣйствовать! Посмотрите, напримѣръ, какія усилія употребляетъ авторъ, чтобъ устами самой героини своей пьесы втолковать читателю, или зрителю, что она рѣшительно не имѣетъ никакой воли, что она даже стойтъ на томъ, и что такъ тому всегда и быть (стр. 80). Онъ нарочно заставляетъ ее нѣсколько разъ изворотить фразу, чтобъ сказать читателю въ—сущности одно и то же, чтобъ ему и въ голову не приходило ожидать отъ дѣвушки чего—нибудь похожега на мысль и дѣло. Пелагея Егоровна такое же олицетворенное отсутствіе воли, какъ и дочь ея, только постарше годами. Женщина и воля, то—есть личность — для г. Островскаго понятія несомнѣстныя. Его идеалъ женщины — женщина безъ личности. Впрочемъ, въ новой комедіи, за малыя исключенія, и мужчины немного развѣ рознятся съ женщинами, хотя послѣднія и величаютъ ихъ иногда «крутыми» характерами. Еще Гордѣй Карпычъ пусть—себѣ иному и въ—самомъ—дѣлѣ онъ можетъ показаться «крутымъ», особенно какъ закричитъ покрѣпче на жену; но посмотрите на «тихаго да слеротливаго» Митю: чѣмъ онъ лучше безответной Пелагеи Егоровны и отказывающейся отъ всякой самостоятельности Любови Гордѣевны? Мы не видали его ни въ дѣйствительности, ни на сценѣ; но, судя по

его рѣшамъ, готовы подумать, что онъ также румянится и бѣлится, какъ и матушка съ дочкою... И вы хотите отъ Мити какого-нибудь дѣйствія?... Его, пожалуй, тоже можно назвать интереснымъ явленіемъ въ литературѣ и даже, если угодно, «новымъ словомъ», потому-что онъ, какъ и Любимъ Торцовъ, представляетъ собою еще нѣчто неиз- янное — совершенное женоподобіе въ мужскомъ образѣ, отсутствие всякой энергіи въ характерѣ, съ претензією, впрочемъ, на симпатію читателей, или зрителей.

Нѣтъ нужды говорить, что всѣ эти лица остаются неизмѣнно-вѣрны себѣ и въ третьемъ актѣ, въ которомъ все дѣйствіе происходитъ ужъ въ новомъ помѣщеніи — въ комнатѣ, составляющей «родъ кабинета хозяйки (то-есть Пелагеи Егоровны), откуда она управляетъ (?) всѣмъ домою и гдѣ принимаетъ (?) своихъ гостей запросто». Дѣйствіе же это состоитъ въ томъ, что Пелагея Егоровна, усѣвшись на диванѣ въ своемъ quasi-кабинетѣ, отдыхаетъ отъ хлопотъ и плачется отъ своей дочери вмѣстѣ съ Ариною и Анною Ивановною, что приходитъ сюда Митя или Митенька и начинаетъ прощаться съ Пелагеею Егоровною (это происходитъ такъ: Митя кланяется въ ноги Пелагеѣ Егоровнѣ и потомъ цѣлуется съ ней и съ Анной Ивановной, потомъ просто кланяется и останавливается), что на тотъ часъ забѣгаетъ сюда и Любовь Гордѣевна, и начинается новое прощанье, жалостливѣе перваго. Эта трогательная картина занимаетъ цѣлыя семь явленій. Дѣйствія собственно никакого нѣтъ, а между-тѣмъ всѣ тронуты, всѣ разжалоблены. Митя уходитъ и уноситъ съ собою послѣдній и единственный узелъ дѣйствія, котораго не было, но которое могло бы быть. Еще жалостливая Пелагея Егоровна продолжаетъ оплакивать его, но Любовь Гордѣевна сейчасъ же перестаетъ и думать о немъ. «Ну, маменька (говоритъ она), что тамъ и думать чего нельзя, только себя мучить». Читатель тоже думаетъ про-себя: о чемъ же больше и удивляться? Кажется, все дѣло уладилось: Гордѣй Карпычъ давно поладилъ съ Африканомъ Савичемъ; Митя, который могъ быть единственнымъ препятствіемъ къ браку Коршунова съ Любовью Гордѣевною, добровольно удалился со сцены; она сама болѣе не противорѣчитъ и не велитъ тужить даже своей матери: стало-быть, все кончено, и комедія развязалась безъ дѣйствія?

Вдругъ входитъ въ ту же комнату Коршуновъ и вступаетъ въ разговоръ съ своею невѣстою. Этотъ разговоръ мы приведемъ сполна, потому-что намъ не представится другаго случая познакомиться ближе съ однимъ изъ замѣчательныхъ лицъ въ цѣлой комедіи.

«Коршуновъ (сидитъ подлѣ Любови Гордѣевны). Объ чемъ это плакать-то, сударыня? Стыдно, стыдно... хе, хе, хе... Вотъ я и постарше, да не плачу. (Смотритъ на нее проищательно.) Я вѣдь знаю о чемъ: чай за молоденькаго хочется? Такъ вѣдь это, миленькая вы моя (беретъ руку и цѣлуетъ), глупость одна дѣвичья. Вотъ послушайте-ко, что я вамъ

скажу... я правду буду говорить, начисто, обманывать не люблю, мнѣ не възъ чего. Станете слушать, а? — Любовь Гордѣевна. Говорите. — Коршуновъ. Хорошо-съ. Вотъ начнемъ хоть съ этого. Молодой-то развѣ оцѣнить, что вы его полюбите, а? Молодаго-то вѣдь всякая полюбитъ, ему это не въ диковинку, а старику-то дорого. Старикъ-то за любовь и подарочкомъ, и тѣмъ, и семь, и золотомъ, и бархатомъ — и не знаетъ, чѣмъ утѣшить (цѣлуется у нее руки). А въ Москвѣ хорошихъ вещей въ магазинахъ много, есть что подарить. Такъ вотъ старика-то и хорошо полюбить... Вотъ вамъ разъ. А то вотъ еще что бываетъ съ молодымъ-то мужемъ, да съ хорошимъ-то. Вѣдь они народъ вѣтреный. Глядишь и приволкнется за кѣмъ-нибудь на сторонѣ, либо въ него какая-нибудь сударыня влюбится, а жена-то сохнѣ... Пойдутъ подрѣвки да ревность. А что такое ревность, а? хе... хе... хе... Знаете ли вы, сударыня, что такое ревность? — Любовь Гордѣевна. Нѣтъ, не знаю. — Коршуновъ. А я знаю... Это не то, что иголкой пальчикъ уколотъ, — гораздо побольше будетъ. Вѣдь она, проклятая, сушитъ человѣка. Отъ ревности-то рѣжутъ другъ друга, мышьякомъ отравляются (смѣется судорожно и съ кашлемъ). А въ старика-то кто влюбится?.. Стало-быть женѣ-то и покойно. Да еще вотъ что скажу вамъ, драгоценная моя барышня: — молодые-то загулявъ любятъ, веселости, да развлечения, да дебоши развѣ, а жена-то сиди дома, жди его до полуночи. А прѣдетъ-то пьяненькій, задомается, заважничаетъ. — А старикъ-то все подлѣ жены такъ и будетъ сидѣть, умирать будетъ, прочь не отойдетъ. Да все бы въ глазки глядѣль, да все бы ласкалъ, да ручки бы цѣловалъ (цѣлуется). Вотъ такъ. — Любовь Гордѣевна. А васъ-то жена покойная любила? — Коршуновъ (смотритъ на нее пристально). А вамъ, сударыня, зачѣмъ это? — Любовь Гордѣевна. Такъ, хотѣлось знать. — Коршуновъ. Знать хотѣлось?.. (встаетъ) Нѣтъ, не любила, да и я не любилъ ее. Она и не стоила того, чтобъ ее любить-то. Я ее взялъ бѣдную, нищую, за красоту только за одну; все семейство призрѣлъ; спасъ отца изъ ямы: она у меня въ золотѣ ходила. — Любовь Гордѣевна. Люби золото? — Коршуновъ. Люби не люби, да почаще взглядывай. Ну видишь ты, деньги нужны были, нечѣмъ было жить: я давалъ, не отказывалъ; а мнѣ вотъ нужно, чтобъ меня любили. Что жъ, я волѣнъ этого требовать или нѣтъ? Я вѣдь за то деньги платилъ. На меня грѣхъ пожаловаться: кого я полюблю, тому хорошо жить на свѣтѣ. А ужъ кого не полюблю, такъ не пѣний (разгорячаясь ходитъ). Да я врагъ тому человѣку, ужъ лучше бѣги съ моихъ глазъ долой: я словомъ да взглядомъ, пуще чѣмъ дѣломъ добѣду; я прохожу... отдышу не дамъ человѣку.. я... (останавливается и хохочетъ). А вы и въ самомъ дѣлѣ подумали: что я такой злой?.. хе... хе... Это я нарочно, такъ шучу... я простой, я добрый старикъ... А ужъ васъ-то я буду на рукахъ носить (привѣтствуетъ), въ люлечкѣ качать, приговаривать... (цѣлуется у ней руки).

Что хорошо, то хорошо! Эта сцена, хоть мы ее вовсе не ждали, опять напомнила намъ прежнее, лучшее время автора комедии. Опять видно умѣнье заставить человѣка высказаться въ немногихъ словахъ опять видна способность задумывать цѣлый характеръ, вѣрный только са-

мому себѣ. Повторяемъ: въ Коршуновѣ нѣтъ ничего симпатическаго, напротивъ, чѣмъ больше узнаешь его, тѣмъ больше чувствуешь къ нему антипатію; но въ то же время нельзя не сознаться, что, чѣмъ больше слушаешь его, тѣмъ онъ кажется занимательнѣе. Это занимательность внутренняя, происходящая изъ вѣрно-здуманнаго характера, который постепенно раскрывается даже въ простомъ разговорѣ съ другимъ. Коршуновъ очевидно принадлежитъ грубой дѣйствительности: въ немъ нѣтъ ни одной идеальной черты, да никто, по-счастью, и не думаетъ выдавать его за идеальнаго героя; но тѣмъ не менѣе интересно заглянуть на дно души этого стараго эгоиста, который притворяется добренькимъ и ласковымъ старичкомъ, а самъ думаетъ только о томъ, какъ бы залучить въ свои лапы добычу. Тутъ, конечно, есть одинъ пунктъ, о которомъ можно и поспорить. Въ странномъ припадкѣ откровенности, Коршуновъ тутъ же даетъ замѣтить своей невѣстѣ, что какъ хорошо тому жить на свѣтѣ, кого онъ полюбилъ, такъ плохо придется тому, кого онъ не залюбитъ, что тому человѣку лучше не жить на свѣтѣ, что онъ не дастъ ему ни прохода, ни отдыха... Читатель въ-правѣ спросить: какъ же могъ до такой степени забыться этотъ человѣкъ, чтобъ рѣшиться застрашать свою невѣсту, когда онъ затѣмъ и пришелъ сюда, чтобъ успокоить, приласкать ее и внушить ей хоть сколько-нибудь довѣренности къ себѣ? Въ оправданіе этого противорѣчія могутъ сказать, что старикъ не выдержалъ, когда ему напомнили о первой женѣ, что онъ былъ задѣтъ за живое и измѣнилъ самъ себѣ, то-есть высказался противъ воли... По нуждѣ можно допустить такое объясненіе; но намъ кажется естественнѣе другое. По всей вѣроятности, авторъ желалъ показать зрителю своего Коршунова не только тѣмъ, чѣмъ онъ самъ хотѣлъ казаться передъ другими, но и тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ-самомъ-дѣлѣ; и какъ дѣйствіе было ужъ къ концу, то онъ предпочелъ соединить обѣ цѣли въ одномъ явленіи, чѣмъ оставить мысль свою недосказанною. По этой одной чертѣ можно судить, къ чему ведетъ недостатокъ художественнаго строя въ пьесѣ. Впрочемъ, все остальное въ приведенной нами сценѣ обстоитъ благополучно. Неловкая выходка Коршунова нисколько не измѣняетъ сущности дѣла: самъ онъ остается совершенно-твердымъ въ своемъ прежнемъ намѣреніи, а Любовь Гордѣевна даже не пугается: такъ она ко всему равнодушна. Зритель еще разъ ожидаетъ благополучной развязки, какъ вдругъ... какъ вдругъ подмостки сцены раздвигаются, и изъ-подъ нихъ выходитъ страшилище...

Читатель догадается, что это страшилище, этотъ *deus ex machina* не кто иной, какъ Любимъ Карпычъ Торцовъ, котораго авторъ нарочно не выпускалъ на сцену съ самаго окончанія перваго дѣйствія, чтобъ тѣмъ эффектибѣ поразить зрителей его появленіемъ въ концѣ пьесы. Какъ слѣдовало ожидать, онъ появляется на сцену съ громомъ и трескомъ.

«Любимъ Карпычъ. Гурь, гурь, гурь... буль, буль, буль... Съ пальцемъ девять, съ огурцомъ пятнадцать!.. Пріятели! (протягиваетъ руку Коршунову) Наше вамъ-съ!.. Тысячу лѣтъ со днемъ не видѣлись. Какъ поживаете?» (Стр. 89).

Хорошъ?..

Но это пока еще одни слова; дѣйствіе же, которое за ними слѣдуетъ, состоитъ вотъ въ чемъ. Прежде всего нашъ герой накидывается на своего стараго пріятеля, Африкана Савича: ты-де меня разорилъ, съ сумой по міру пустилъ. На это Коршуновъ весьма-справедливо замѣчаетъ ему: «ты же самъ чего зѣвалъ? вѣдь тебя за воротъ не тянули». Любимъ соглашается съ нимъ, но прибавляетъ — тоже по нашему мнѣнію совершенно-справедливо: «Я-то дуракъ, да вѣдь и тебѣ не велика честь». Между ними начинается торговля: Коршуновъ думаетъ отдѣлаться цѣлковенькимъ, а Любимъ забираетъ все выше и требуетъ «стараго долгу, да миліонъ триста тысячъ за племянницу». Гордый Карпычъ вступаетъ за своего гостя и гонитъ брата вонъ. Тогда Любимъ приходитъ въ совершенный азартъ: я, говоритъ, пришелъ не шутки шутить, во мнѣ, говоритъ, кровь заговориза, и Богъ вѣсть по какому праву начинаешь честить Коршунова такими словами, что тотъ, какъ ни тупъ къ обидамъ, однако оскорбляется отъ брани пьянаго буяна и откланивается своему нареченному тестю, говоря, что онъ даромъ терпѣть обиду не намѣренъ. Читатель можетъ подумать: чего же смотреть хозяинъ? какъ же онъ позволяетъ у себя въ домъ такое нахальное буйство — все-равно къ кому бы оно ни относилось? Читатель, стало-быть, недоволенъ никакъ въ характеръ этого лица. Гордый Карпычъ такой странный, такой причудливый человекъ, что за него ни на минуту поручиться нельзя. Вотъ Гордѣя Карпыча осрамили въ его же собственномъ домѣ, въ его глазахъ наружались надъ нареченнымъ его зятемъ и даже выгнали этого нареченнаго зятя вонъ съ безчестіемъ; всакой ждетъ, что Гордѣя Карпычъ выдержитъ сколько-нибудь своей характеръ и по-крайней-мѣрѣ заставитъ молчать своего милаго брата — не тутъ-то было! Въ Гордѣя тоже, должно-быть, заговорила родственная кровь: онъ также вдругъ вскидывается на Коршунова за то, что тотъ, въ порывѣ досады, сказалъ ему: «теперь-де ты прійди ко мнѣ, да поклоняйся, чтобъ я взялъ твою дочь», не жалея своего Любима распаляется жаждою мщенія и, въ припадкѣ ярости, говоритъ, что выдастъ дочь свою не за кого другаго, какъ... «вотъ за Митьку». А Митька, то-есть прикащикъ Митя, какъ-будто того только и ждалъ: онъ, видите, не успѣлъ еще выбраться изъ дома и пришелъ сюда на шумъ... Митѣ, разумеется, то и на руку: онъ готовъ хоть сейчасъ къ вѣнцу съ Любовью Гордѣевою. Видя, что все потянуло къ нему — и невѣста и мать ея, Гордѣя Карпычъ тотчасъ-было и въ попятную; но Любимъ Торцовъ не дремлетъ: онъ еще разъ выступаетъ героемъ изъ «толпы»(?) и говоритъ повелительно брату:

«братъ, отдай Любушку за Митю». Гордѣй ничего не хочетъ и слышать. «Ужь пускай бы (говорить онъ Любиму) говорилъ человекъ, да не ты». Гордѣй берется наконецъ за разумъ и начинаетъ стыдить своего брата. Но въ Любимѣ живетъ чародѣйская сила; онъ думаетъ: не мнѣмъ, такъ катаньемъ — дѣлаетъ передъ братомъ *вымысли*, потому становится передъ нимъ на колѣни и — новый Амеювъ такимъ образомъ смягчаетъ каменное сердце своего брата. Въ одну минуту сцена измѣняется: Гордѣй Карнычъ раздѣживается до того, что утиривъ слезу на глазахъ, поднимаетъ брата и обнимаетъ Митю и Любимъ Гордѣевну. «Я сталъ (говоритъ онъ самъ о себѣ) совсѣмъ другой человекъ». У всѣхъ присутствующихъ какъ-будто отлегло на сердце, и Разлюбяевъ, другъ Мити, торжественно провозглашаетъ, что «*малство не порокъ... то, бишь, бѣдность не порокъ*», что и слѣдовало доказать.

Отсюда видно, что Любимъ Торцовъ не даромъ грозился въ концѣ перваго акта сыграть съ своимъ братомъ «*симъшную штуку*»: онъ, какъ видите, сдержалъ свое слово вполне; онъ доказалъ ему, какъ дважды два четыре, что-бѣдность не порокъ, не успѣвъ, однакожъ, доказать зрителямъ, что и пьянство — добродѣтель...

«Новое слово» сказано. Восторженные похвалы въ стихахъ и прозѣ, воздаваемые ему въ одномъ литературномъ заходустѣ, показываютъ, что въ немъ выразилось направленіе какой-то школы (NB. подъ школою не всегда нужно разумѣть тѣхъ, которые учатся или хотятъ учиться). Новое слово облеклось въ форму комедіи, конечно, для того, чтобъ удобнѣе дѣйствовать какъ на литературную, такъ и на нелитературную публику. По вниманію къ этимъ двумъ обстоятельствамъ, мы и рѣшились пройти въ подробномъ обзорѣ все содержаніе пьесы, чтобъ, не заставляя читателя вѣрить намъ на слово, дать ему въ руки вѣрный масштабъ, по которому онъ самъ бы могъ судить о достоинствахъ произведенія. Но своему же внутреннему составу и строю, пьеса не стоила бы того, чтобъ долго останавливаться на ней: мы тѣмъ болѣе убѣждались въ этомъ, чѣмъ болѣе разбирали ее по частямъ. Что за драматическая пьеса, въ которой нѣтъ дѣйствія, или гдѣ выдаютъ за дѣйствіе то святочныя и маскарадныя потѣхи, то идиллическія картины, то глупыя причуды безъ характерныхъ людей, которые сами не знаютъ чего хотятъ, то, наконецъ, выходящія пьяныхъ нахаловъ, которые вдругъ, неизвестно почему, объявляютъ себя новыми «*эвмендаши*» и въ этомъ качествѣ позволяютъ себѣ хлестать перваго встрѣчнаго по лицу! Да и какое драматическое дѣйствіе возможно тамъ, гдѣ половина дѣйствующихъ лицъ, по мысли самого автора, скорѣе должна находить на говорящія куклы, чѣмъ на живыхъ людей, гдѣ совершеннѣйшая пассивность наскрѣнно не составляетъ высшимъ идеаломъ женскаго характера? Далѣе, хоть бы какою-нибудь тѣнь художественнаго построения прикрывала эти коренные недостатки, или хоть была бы какая-нибудь послѣдовательность во вѣнчаніи ходѣ

пьесы; но какой это художественный строй, когда въ пьесѣ все случайно, когда явленія сбѣняются одно другимъ безъ всякой внутренней необходимости, и дѣйствующія лица гораздо-больше поражаютъ неожиданностью своего появленія на сценѣ, чѣмъ прямымъ отношеніемъ къ происходящему дѣйствию? Авторъ такъ мало обдумалъ ходъ своей пьесы, распорядился такъ неэкономически, что даже для кажущагося дѣствія, которымъ только и держатся комедія, едва успѣлъ завязать узелъ въ концѣ втораго акта, между-тѣмъ, какъ вся она состоитъ только изъ трехъ! Чтò жъ касается до перваго акта, то для него послѣ уже заключеніе, прежде чѣмъ оказалась возможность завязки. Мы вытѣли потомъ, среди какого хаоса происходитъ развязка всей пьесы: вдругъ какъ-будто какой смерть пронесся по комнатамъ и разомъ перевернулъ въ ней всѣ головы...

Не говоримъ о «характерахъ» — этой необходимой основѣ всякаго драматическаго дѣствія. Мы уже имѣли довольно случаевъ познакомиться съ ними и оцѣнить ихъ какъ по внутреннему достоинству, такъ и по отношеніямъ ихъ между собою впродолженіе разбора пьесы. Рѣдкое драматическое произведеніе, если оно плодъ талантливаго пера, не даетъ въ результатѣ, послѣ представленія или чтенія, нѣсколькихъ типовъ, которые удерживаются въ памяти, хотя бы интрига и все соединенное съ нею содержаніе пьесы пришли въ забвеніе. Отъ новой комедіи удастся, можетъ-быть, спасти въ этомъ смыслѣ развѣ Коршунова и Анну Ивановну, да и то съ нѣкоторою натяжкою (рельефностью Торцова пусть любитесь кто хочетъ, кто чувствовать къ нему симпатію: мы съ своей стороны рѣшительно отрезаемся отъ него). Это безусловно самыя живыя лица комедіи; но Анна Ивановна только-что намѣчена, а Коршуновъ, какъ ни вѣрно задуманъ, остался недоконченнымъ: ему приходится убираться со сцены, прежде чѣмъ онъ успѣлъ показать себя въ дѣствіи.

Остается языкъ дѣйствующихъ лицъ комедіи. Г. Островскій, какъ извѣстно, щеголяетъ имъ. Нѣтъ спора, что онъ превосходно знаетъ языкъ изображаемаго имъ класса людей и отлично умѣетъ поддѣлываться подъ него. Но это умѣнье никогда не восходило у него до творчества и до-сихъ-поръ оставалось на степени подражанія. Копируя особенности рѣчи извѣстнаго сословія, г. Островскій всегда старался сохранить самыя ея пороки и вкравшіяся въ нее искаженія языка наравнѣ съ особенностями. Сначала это занимало какъ новость, но потомъ стало надоедать, какъ повтореніе одного и того же. Если новая комедія не отстала въ этомъ отношеніи отъ другихъ пьесъ того же автора, то и несколько не подвинула дѣла впередъ. Скучно слышать, напримѣръ, Митю, который не можетъ сказать десяти словъ сразу безъ того, чтобъ не вернуть своихъ «теперича», «знавши», «надоть», и тому подобнаго. Если и есть дѣйствительно такой жаргонъ, то какое дѣло до него искусства? Въ натурѣ ли его эта рабская подражательность?

Къ-сожалѣнію, она не въ языкѣ только новой комедіи, но и во всемъ почти ея содержаніи, какъ въ концепціи цѣлаго, такъ и въ подробностяхъ. Напрасно стали бы вы искать въ ней хоть одной идеальной черты: ея нѣтъ ни въ лицахъ, ни въ самомъ дѣйствіи...

Безусловные почитатели таланта г. Островскаго, которые, кажется, готовы принять каждое движеніе его пера за новый успѣхъ русской литературы, называютъ Любима Торцова «новымъ ея словомъ». Разсматривая это дѣйствительно-небывалое литературное явленіе въ тѣсной связи съ тѣмъ, что ему непосредственно предшествовало, мы скорѣе приходимъ къ той мысли, что оно не первое, а развѣ «послѣднее слово» давно-существовавшаго направленія въ нашей литературѣ. Далѣе идти, кажется, уже нельзя: самыя грязныя стороны дѣйствительности не только списаны подлинными ея красками, но и возведены въ достоинство идеаловъ. Все это могло случиться лишь при крайнемъ упадкѣ чистаго вкуса и при совершенномъ забвеніи лучшихъ преданій добраго стараго времени. Не пора ли, наконецъ, и возвратиться къ нимъ? Прислушиваясь къ этимъ прекраснымъ поэтическимъ отголоскамъ, которые какъ-то уцѣляли отъ прежняго литературнаго періода и такъ недавно еще и вмѣстѣ такъ живо напомнили намъ о нашей доброй старинѣ, право нельзя не пожалѣть о ней и не пожелать, чтобъ и нашему поколѣнію не отказано было въ тѣхъ скромныхъ, но истинно-поэтическихъ, дарахъ которыми по праву можетъ гордиться муза г. Тютчева.

Автору можетъ не понравиться нашъ взглядъ на его новую комедію. Мы бы, впрочемъ, и не подумали входить въ подробный разборъ ея, если бы не сохранили въ себѣ довольно уваженія къ его таланту на основаніи прежнихъ его произведеній, и не ожидали отъ него болѣе успѣха въ будущемъ. Одинъ грубый промахъ, одна ошибка противъ искусства не есть еще признакъ совершеннаго паденія. При доброй волѣ, молодому таланту нетрудно будетъ поправить свою ошибку и снова стать на ноги. Но для болѣе-вѣрнаго успѣха мы прежде всего желали бы ему выйти изъ того тѣснаго круга, въ которомъ онъ до-сихъ-поръ заключилъ свою дѣятельность, и нѣсколько поболѣе расширить свой умственный горизонтъ. Если видѣть только огородныя растенія, то, конечно, можно подумать, что въ цѣлой растительной природѣ нѣтъ ничего роскошнѣе и великолѣпнѣе.

Общепонятная Физика, составленная Н. Писаревскимъ. Часть 1-я. Изданіе 2-е, вновь обработанное и значительно умноженное. Санктпетербургъ. Въ тип. И. Глазунова и комп. 1845. Въ большую осьмушку, 611 стр. весьма-убористой печати.

Авторъ, или (какъ онъ называетъ себя изъ скромности) составитель, считаетъ новое свое сочиненіе вторымъ изданіемъ всемъ известной его «Общепонятной Физики» достойно-оцѣненной и раскушленной въ нѣсколько мѣсяцевъ; но, по нашему мнѣнію, это — сочиненіе со-

верненно-новое, сходное съ «Общепонятною Физикою» только тѣмъ, что принадлежащія къ нему чертежи — прекрасные позитиважи, поставленные въ текстъ при каждомъ *параграфѣ*. Въ такъ-называемомъ *второмъ изданіи*, кромѣ многихъ прибавленій, ни одинъ предметъ не остался безъ перемѣны, начиная съ введенія, въ которомъ предложено «общее понятіе о естественныхъ наукахъ». Авторъ вполне зацѣпилъ своимъ читателямъ за лестный приѣмъ перваго его труда; но мы не думаемъ, чтобъ его второй трудъ получилъ такую же популярность, потому-что, по обширности своей, онъ не можетъ быть въ рукахъ всѣхъ учащихся; имъ будутъ пользоваться только учащіе, которые могутъ смѣло обойтись безъ иностранныхъ физическихъ трактатовъ, какъ, напримеръ, безъ физики Пулье и ея перевода на нѣмецкій языкъ. Приступаемъ къ разбору книги съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ замѣчаній, изъ уваженія къ высокому ея достоинству.

Изданная нынѣ первая часть содержитъ въ себѣ тринадцать отдѣленій: 1) введеніе, 2) существенныя свойства тѣлъ, 3) краткое обозрѣніе физическихъ явленій, 4) основные законы движенія и равновѣсія, 5) ударъ тѣлъ, 6) законы равновѣсія силъ въ машинахъ, 7) притяженіе на разстояніи, 8) равновѣсіе капельно-жидкихъ тѣлъ, 9) вліяніе тяжести на движеніе жидкихъ тѣлъ, 10) законы равновѣсія газообразныхъ тѣлъ, 11) движеніе газовъ, 12) притяженіе на безконечно-маломъ разстояніи и 13) сила химическаго притяженія.

Вотъ содержаніе первой части, показывающее, что оно объищаетъ ту часть физики, которую обыкновенно называютъ *общеою*, кромѣ теоріи звука; но какъ нынѣ явленія свѣта объясняются изъ волнообразнаго движенія *эцира*, хотя его существованіе не доказано прямыми опытами, то авторъ имѣлъ полное право присоединить звукъ къ свѣту, теплотѣ, магнитизму и электричеству — къ предметамъ, входящимъ въ составъ второй части его труда.

Теперь начнемъ наши замѣчанія, или, лучше, предложимъ наши мнѣнія, несогласныя съ мнѣніями автора; ихъ будетъ немного, да и въ тѣхъ онъ можетъ и не можетъ соглашаться съ нами.

«Неизвѣстную причину взаимнаго дѣйствія тѣлъ, въ непремѣнномъ существованіи которой убѣждаетъ насъ умъ, въ естественныхъ наукахъ называютъ *силою природы* или просто *силою*. Изъ этого опредѣленія силы мы видимъ, что она можетъ быть выражена *неразлагаемымъ* явленіемъ, т. е. такимъ явленіемъ, которое служитъ ближайшимъ или лучшимъ сказать непосредственнымъ слѣдствіемъ силы, явнымъ для нашихъ чувствъ. Такимъ образомъ неизвѣстная причина, независающая отъ нашей воли и служащая причиной стремленія камня къ землѣ, называется *силою притяженія*» (стр. 7).

Когда великій Ньютонъ изложилъ свою теорію *тяготы*, тогда онъ нѣсколько разъ повторилъ, что этимъ словомъ онъ называетъ *дѣленіе*, а не *причину*; потому въ «Оптикѣ» своей онъ пространно объ-

ясняетъ, что *тяготы* можетъ происходить и отъ дѣйствія *вѣднѣеи* причины, отъ толчка. Зачѣмъ же измѣнять идеи открывшаго общій законъ въ природѣ, единственный, который до-сихъ-поръ намъ извѣстенъ во всей обширности его приложений? Въ этой неточности виноваты всѣ современные физики, не одинъ г. Писаревскій : всѣ они *названіе* общаго явленія принимаютъ за *причину*. Ньютонъ никогда не называетъ *тяготы* *притяженіемъ*, и потому у него не найдете ни слова о силѣ *отторгательной*, которую допускаетъ г. Писаревскій вмѣстѣ съ новѣйшими физиками (стр. 24), и посредствомъ которой объясняютъ они три состоянія тѣлъ, то-есть въ видѣ твердомъ, жидкомъ и воздухообразномъ. По нашему мнѣнію, эти состоянія должно приниматьъ, какъ *основныя явленія*, и только нютетически или, еще лучше — *условно*, для краткости выражений, употреблять названія двухъ упомянутыхъ силъ, и считать ихъ не *причинами*, но только чисто *названіями явленій*. Впрочемъ, самъ авторъ намекаетъ на ту же мысль, сказавъ: «оба эти вида разнородныхъ силъ, дѣйствующихъ между частіцами тѣла, называютъ *частичными силами*.» Но здѣсь помѣщено лишнее слово «разнородныхъ» и мысль не вполне объяснена.

Далѣе : «Дѣйствіе частичныхъ силъ *можетъ* совершаться на безконечно-маломъ разстояніи.» Не *можетъ*, но дѣйствительно *такъ совершается*.

Въ описаніи состоянія вещества въ видѣ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, мы находимъ также неточность. Авторъ пишетъ : «Частицы бываютъ такъ соединены между собою притяженіемъ (а почему не давленіемъ «извицъ?»), что для отдѣленія ихъ другъ отъ друга, потребно значительное «усиліе; или связь между *отдѣльными* частицами такъ мала, что достаточнo самой незначительной силы для *взаимнаго* ихъ разъединенія.» Здѣсь мы считаемъ лишними слова «отдѣльными» и «взаимнаго». Притомъ «значительное усиліе» и «самая незначительная сила» — выраженія неопредѣленные: мы тогда ясно понимаемъ дѣйствіе силъ, когда сравниваемъ ее съ силою, которой дѣйствіе измѣрено; такова *тяжесть*, или *скорость*, свободно-падающихъ тѣлъ; повтому, кажется, твердыя тѣла отличаются отъ жидкихъ тѣлъ, что послѣднія раздѣляются на части отъ дѣйствія тяжести, и приводимый авторомъ опытъ съ каплею воды на конецъ стеклянной палочки доказываетъ, что *частичное соединеніе* вещества, или соединеніе частицъ на безконечно-малыхъ разстояніяхъ, превосходитъ даже дѣйствіе тяжести, то-есть въ этомъ случаѣ соединеніе ихъ болѣе, нежели обратно пропорціонально квадратамъ разстояній.

Для объясненія того, что всѣ тѣлъ выражается произведеніемъ ихъ массы на скорость свободного ихъ паденія, нѣтъ надобности прибѣгать къ притяженію земли на атомы каждаго тѣла (стр. 29), потому-что эта формула — только частный случай общей формулы *количества*

движенія, которое намѣряется произведеніемъ массы на скорость движенія. Зачѣмъ безъ нужды отдаляться отъ проложенной уже дороги?

Инерція или *косность* — слова, посредствомъ которыхъ мы выражаемъ наше понятіе о различіи *вещественнаго* отъ *невещественнаго*, и потому считаемъ неправильнымъ выраженіе: «Очевидно, что на основаніи свойства инерціи, тѣло будетъ стремиться сохранить эту скорость и во всѣ слѣдующія секунды движенія» (стр. 50). По нашему мнѣнію, тѣло въ продолженіе своего движенія не оказываетъ съ своей стороны никакого *стремленія*: оно только что *повинуется* дѣйствующей силѣ; слѣдственно, приведенныя слова должно переимѣнить на слѣдующія: «На основаніи инерціи, скорость движущагося тѣла остается неизмѣнною и во всѣ слѣдующія секунды». Чѣмъ точнѣе и строже выраженіе, тѣмъ оно понятнѣе и яснѣе. Также неточно выраженіе: «равномѣрно-движущееся тѣло должно проходить въ равныя времена равныя пути (стр. 51)». Зачѣмъ *должно*? надобно: *проходить*, да не *пути*, а *пространство*. Хотя насъ назовутъ придирчивыми, однако не можемъ не замѣтить, что въ равномѣрно-ускоренномъ движеніи, скорость тѣла, по истеченіи даннаго времени не должно называться *конечною* (стр. 53), но *приобрѣтенною*: въ математикѣ, слово *конечный* противопоставляется *безконечному*.

Авторъ во многихъ случаяхъ пишетъ «какъ бы маза не была», кѣ-сто «какъ бы маза ни была». Впрочемъ, можетъ-быть, такая ошибка принадлежитъ и корректору.

«Самое поверхностное наблюденіе *приведеннаго* нами явленія (паденія тѣлъ) *приводитъ* къ предположенію, что тяжесть должна заключать въ себѣ собственно въ притяженіи между землею и частицами тѣлъ, отдѣленными отъ ней». О томъ же предметѣ мы сказали бы такъ: «паденіе тѣлъ происходитъ *какъ-бы* отъ притяженія земли».

Но оставимъ всѣ эти мелочи, притомъ еще подлежащія спору, и заключимъ наши замѣчанія сожалѣніемъ, что въ прекрасной статьѣ «сила химическаго притяженія» авторъ не выставилъ французскихъ названій различныхъ химическихъ составовъ: за это поблагодарили бы его многіе читатели. Химическая номенклатура на русскомъ языкѣ такъ шатка и неопредѣленна, что безъ этой предосторожности часто нельзя понимать о чемъ говорится.

Итакъ, если послѣ внимательнаго чтенія книги г. Писаревскаго, содержащей въ себѣ болѣе шестисотъ страницъ, мы собрали весьма-немного выраженій, показавшихся намъ неточными, или о которыхъ можно поспорить, то этимъ, кажется, мы обнаружили ея достоинство и имѣемъ полное право рекомендовать ее вниманію всѣхъ любознательныхъ читателей, особенно же тѣхъ, которые, желая многому научиться, не изъявляютъ сомнѣній, принадлежать ли къ физикѣ подробныя описанія множества частныхъ машинъ, каковы, наприкладъ, карманные и стѣ-

ые часы, и химія тѣлъ органическихъ. На такое сомнѣніе мы и не одумали бы указать, еслибы слово «общепонятная» замѣнено было словомъ «общеполезная». Этотъ эпитетъ вполне характеризуетъ трудъ г. Исаревскаго.

Слово Каѳолическаго Православія Римскому Католицизму. Съ прибавленіями. Москва. Въ тип. Александра Семенова. 1853. Въ 8-ю д. л. 249 стр.

Ни одинъ изъ писателей, непринадлежащихъ къ духовной іерархіи, съ такимъ усердіемъ и съ такою любовью не посвящалъ своихъ трудовъ на пользу православной церкви, на защиту ея ученія, особенно противъ римскаго католицизма, какъ г. Муравьевъ. И, надо отдать ему полную справедливость: труды его отличаются особенною энергіею, силою убѣжденія, основательнымъ знаніемъ дѣла и разнообразіемъ историческихъ свѣдѣній, показывающихъ, что авторъ обладаетъ богатыми источниками, не для всякаго доступными. Всѣмъ извѣстны его «Правда Вселенской Церкви» и «Римскія Письма», достойно-оцѣненные русскою публикою. Къ числу подобныхъ сочиненій принадлежитъ его же «Слово Каѳолическаго Православія къ Римскому Католицизму».

«Это Слово (говоритъ онъ въ своемъ предисловіи) было въ первый разъ напечатано въ прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. Отецъ, издаваемымъ Московскимъ Духовною Академіею, и оттолѣ перепечатано Митрополитомъ Интовскимъ Госпоромъ для своей паствы. Въ то же время явилось оно и въ Парижѣ, во французскомъ переводѣ, подъ названіемъ: Question religieuse d'Orient et d'Occident, и даже одинъ духовный журналъ, Presse Religieuse, весьма снисходительно отозвался, что такого рода сочиненія могутъ быть полезны для проясненія взаимныхъ недоразумѣній. Столь неожиданный успѣхъ побудилъ меня напечатать отдѣльною книжною сіе Слово, присоединивъ къ нему еще нѣкоторыя другія разсужденія по тому же духовному вопросу и для той же миролюбивой цѣли, а именно: 1) о наслѣдіи Св. Петра, или державной области Папской; 2) объ отношеніяхъ Римской Церкви къ Восточной, по силѣ патріарха Фотія до крестовыхъ походовъ и 3) сравненіе рукоположенія епископскаго въ церквахъ Западной и Восточной».

Тѣ же самыя достоинства, какія мы видѣли во всѣхъ трудахъ г. Муравьева, отличаютъ и этотъ трудъ его. Особенной похвалы и благодарности со стороны читателя заслуживаютъ первые два отдѣла. Въ одномъ изъ нихъ авторъ съ необыкновенною полнотою и обстоятельностью, на основаніи неопровержимыхъ фактовъ исторіи, раскрываетъ, отчего, когда и какимъ образомъ духовная власть римскихъ патріарховъ соединилась съ свѣтскою, мірскою властью. Здѣсь каждый можетъ видѣть, что эта власть возникла въ мрачные средніе вѣка, когда Западъ былъ раздираемъ междоусобіями, когда престолы царей его, основанные на развалинахъ Римской Имперіи, безпрестанно колебались, падали и

вновь возникали, когда безсильные короли и императоры, въ борьбѣ съ разными партіями, по-необходимости должны были обращаться къ себѣ и даже къ суду папъ, въ качествѣ первосвятителей, имѣвшихъ сильное вліяніе на умы западныхъ народовъ. Пользуясь обстоятельствами, многіе изъ римскихъ епископовъ, особенно Григорій VII, начали стремиться къ утверженію за своимъ престоломъ правъ, вовсе имъ непринлежащихъ. Въ этомъ много способствовали имъ сами западные монархи, которые, по чувству личной благодарности за оказанное папами содѣйствіе, въ грамотахъ своихъ давали имъ самыя громкія и пышныя титулы, предоставляли обширнѣйшую власть, въ ущербъ даже власти самодержавной, дарили помѣстья, города и цѣлыя области. Такимъ-образомъ мало-по-малу составилась нынѣшняя Церковная Область, которою римскіе первосвященники владѣютъ въ качествѣ государей.

Между многими другими ихъ способами къ утверженію и упроченію своего свѣтскаго могущества, замѣчательнѣе особенно одинъ: они всегда дѣйствовали на массу народа и на самыхъ владыкъ Запада отъ имени и отъ лица апостола Петра, и эта дерзость, при тогдашнемъ общемъ невѣжествѣ, удавалась имъ какъ-нельзя-болѣе. Весьма-любопытно письмо папы Стефана къ Пипину, королю франковъ, письмо, изъ котораго читатель увидитъ, къ какимъ средствамъ способны были прибѣгать римскіе епископы въ своихъ нуждахъ и для пріобрѣтенія мирскихъ выгодъ. Римъ однажды былъ осажденъ лангобардами и находился въ отчаянномъ положеніи. Епископъ его, по этому случаю, обратился къ королю и его сыновьямъ съ слѣдующимъ посланіемъ:

«Я, Петръ Апостоль, по волѣ Божественнаго милосердія, званый Христомъ, Сыномъ Бога Живаго, поставленъ Его властью быть просвѣтителемъ всего міра... Посему всѣ слышавшіе мое благовѣстіе и принявшіе его, да увѣруютъ несомнѣнно, что, по повелѣнію Божію, имъ отпустятся всѣ грѣхи въ семь міръ, и они безъ порока перейдутъ въ жизнь будущую. Поелику же просвѣщеніе Св. Духа озарило ваши пресвѣтлыя сердца, и вы, воспринявъ Евангельскую проповѣдь, возлюбили Святую и единачную Троицу: то во вѣрной намъ Апостольской Римской церкви сберегается и для васъ несомнѣнная надежда будущихъ наградъ. И такъ къ вамъ, какъ возлюбленнымъ моимъ чадамъ, обращаю я глаголъ мой и любовью вашею ко мнѣ убѣждаю васъ, чтобъ не оставили бы городъ Римъ и народъ, мнѣ Богомъ вѣранный, безъ защиты, но испитали бы ихъ изъ рукъ враговъ, и спасли бы домъ, въ которомъ покоится мой останокъ, отъ оскверненія, и избавили бы Церковь, мнѣ Богомъ вѣрную, отъ нужды и притѣсненій всякаго рода, которыя она принуждена терпѣть отъ негоднѣйшаго племени Лангобардовъ (a pessima gente Longobardum). И пусть не будетъ у васъ никакихъ сомнѣній, возлюбленные, но имѣйте за вѣрное, что я самъ обязую и связываю васъ сими моими увѣщаніями такъ же точно, какъ еслибъ я предсталъ предъ вами во плоти; ибо по обѣщанію, данному намъ Самимъ Иисусомъ Христомъ, вы, франки, любезнѣе намъ всѣмъ

народовъ земли. Поспѣшайте, поспѣшайте, Богомъ истиннымъ и живымъ убѣждаю васъ, поспѣшайте намъ на помощь, пока еще не изсохъ тотъ живой источникъ, отъ котораго возродились вы, пока еще не погасла послѣдняя искра отъ того яркаго пламени, отъ котораго вы заимствовали свѣтъ свой... Заключаю мопъ вамъ увѣщанія : будьте скоры на послушаніе, и вы уготовите себѣ великую награду : я обещаю вамъ мое постоянное заступленіе, чтобъ вы побѣждали всѣхъ вашихъ враговъ и были долговѣчны въ сей жизни и имѣли бы несомнѣнную надежду на блаженство въ будущей. Если же, чего мы, впрочемъ, не думаемъ, станете вы медлить, или вздумаете, подъ какимъ ни есть предлогомъ, откладывать лежащій на васъ долгъ защиты, знайте, что за такое пренебреженіе моего къ вамъ увѣта, благодатію Апостольства, мнѣ данною свыше, я отрубшу васъ отъ царства небеснаго и будущей жизни». (Стр. 115—117).

Несмотря на всю свою странность, это письмо произвело желанное дѣйствіе : Пипинъ немедленно двинулся на помощь осажденной столицѣ, освободилъ ее и, при заключеніи мира съ лангобардами, находясь все еще подъ вліяніемъ пресловутаго письма, заставилъ ихъ уступить въ пользу *Апостола Петра* болѣе тридцати городовъ.

Пользуясь такою властью надъ умами западныхъ христіанъ и слѣдшавшихъ самостоятельными государями, римскіе первосвященники, естественно, стали простираить свои виды и на Востокъ, стали ужъ съ повелительнымъ тономъ обращаться къ его церковносвятителямъ, требуя отъ нихъ, какъ—будто отъ подчиненныхъ себѣ, совершенной покорности. Этого мало. Честолюбіе свое они простерли до того, что начали выдавать за догматъ, будто римскій епископъ— глава вселенской церкви, намѣстникъ Христовъ на землѣ, будто судъ его непогрѣшимъ и проч. Само—собою разумѣется, что подобныя нововведенія, совершенно—противныя духу и положительному ученію Апостольской Капюлицеской Церкви, и непомерное честолюбіе папъ встрѣтили сильныя обличенія отъ другихъ патріарховъ, всегда руководствовавшихся духомъ Евангелія и правилами вселенскихъ соборовъ ; и когда эти обличенія, нѣсколько разъ повторенныя, остались безплодными, Восточная Православная Церковь принуждена была наконецъ прервать духовную связь съ Западною, чтобъ предохранить себя отъ ея лжедогматовъ, не преставаая, однако, ежедневно умолять Господа о соединеніи въ одно тѣло всего христіанскаго міра. Несмотря на это, взаимныя сношенія между обѣими церквями возобновлялись довольно—часто; окончательный разрывъ между ними произошелъ только во время крестовыхъ походовъ, когда католики, по требованію папъ, зараженныхъ духомъ исключительнаго преобладанія, ниспровергли на Востокъ іерархію Православной Церкви и на мѣсто пастырей ея начали незаконно поставлять латинскихъ. Исторія этихъ сношеній и отчасти самаго разрыва, составляющая предметъ другаго отдѣла разсматриваемаго нами сочиненія, изложена съ немалымъ обстоятельностью и полнотою.

Историко-статистическое Описание Харьковской Епархіи. Отдѣленіе I. Краткій обзоръ епархіи и монастыри. Изданіе въ пользу Харьковскаго Пріюта Бѣдныхъ Дѣвицъ Духовнаго Званія. Москва. 1852. Въ тип. В. Готье. Въ 8-ю д. л. 236 стр

Этотъ трудъ по части исторіи и статистики заслуживаетъ вниманія, потому—что является едва-ли не первымъ въ своемъ родѣ. Авторъ начинаетъ свое повѣствованіе съ отдаленнѣйшей эпохи.

«Тамъ (говоритъ онъ), гдѣ съ XVII столѣтія является Слободская христіанская Украина до XIII столѣтія жили и славили Бога истиннаго христіане князествъ Переяславльскаго и Черниговскаго. Это показываютъ и *городища* Украины. Огонь и мечъ Татаръ въ половинѣ XII столѣтія опустошили эту страну; жители, какіе только уцѣлѣли, бѣжали за Днѣпръ, подъ защиту сильныхъ Владиміро-Галицкихъ князей, а потомъ поддалъ поддѣласть Литвы и Польши. Нынѣшняя Слободская Украина стала степью гдѣ Татары по временамъ кочевали съ своими стадами, и оттуда, по временамъ, устремлялись на грабежъ границъ русскихъ. Такъ было до исхода XVI столѣтія.

«Съ появленіемъ езуитовъ въ Польско-Литовскомъ Королевствѣ притѣсненія православнымъ, подданнымъ Польши, усилились; унія — дѣло тѣхъ же езуитовъ, ввела за собою кровавыя страданія для православнаго польско-литовскаго. За несогласіе на измѣну св. прародительской вѣрѣ русскихъ лишили правъ и преимуществъ гражданскихъ, мучили въ судахъ, предавали огню жилища ихъ, отдавали храмы ихъ на откупъ жидамъ. Невинно гонимые, спасая жизнь и вѣру, начинали переходить подѣ власть православнаго московскаго царя, сперва поодиначкѣ или семьями, потомъ цѣлыми массами — сотнями семей. Такъ звѣрство дикарей—Татаръ опустошило Украину; а насилія езуитовъ и магнатовъ польскихъ мало-по-малу населило Украину католиками. Православный московскій царь охотно принималъ къ себѣ страдальцевъ православія и по состраданію къ невиннымъ и по выгодамъ для своего царства. Въ защиту отъ крымскихъ Татаръ, московскій царь поставилъ стражу сперва вблизи Москвы, потомъ отодвигалъ ее глубже и глубже къ степямъ крымскимъ; линія городовъ поставлены были наконецъ вблизи украинскихъ степей. Смѣлые наѣзники, привычные бойцы съ хищными Татарами, совершенно необходимы были для поселенія въ степяхъ Украины. Таковы и были малороссійскіе казаки или *Днѣпровскіе Черкасы...*» (Стр. 1 и 2).

Далѣе идетъ исторія харьковской іерархіи. До учрежденія бѣлгородской кафедрѣ въ 1667 году, переселенцы изъ-за Днѣпра относились съ нуждами о храмахъ и священникахъ нныя прямо въ Москву, а другіе въ Кіевъ. Со времени же открытія сказанной кафедрѣ, до 1799 года церкви Слободской Украины вообще находились въ вѣдѣніи бѣлгородскаго архіепископа. Въ сочиненіи поименованы всѣ тамошніе митрополиты, архіепископы и епископы, съ сохранившимися до насъ многими историческими свидѣтельствами о ихъ частной жизни и трудахъ на пользу православія.

Въ подробнѣе и весьма-занимательномъ описаніи обитателей обращается особенное вниманіе на монастыри, нынѣ существующіе; ихъ шість: Харьковскій Покровскій, Куряжскій Преображенскій, Хорошевъ Вознесенскій, Харьковскій Николаевскій, Святогорская Общежительная Успенская Пустынь и Ахтырскій Троицкій. Къ описанію этихъ монастырей приложено нѣсколько грамматъ и другихъ письменныхъ актовъ, относящихся къ ихъ исторіи; но преимущественное вниманіе автора обращено на возможно-подробныя свѣдѣнія о жизни обитателей монастырей — иноковъ.

Собраніе Патриотическихъ Стихотвореній, написанныхъ разными авторами по случаю военныхъ дѣйствій и побѣдъ, одержанныхъ побѣдоноснымъ воинствомъ. Собрано Н. Клячковымъ. Москва. Въ тип. М. Смирновой. 1854. Въ 18-ю д. л. 49 стр.

Повѣсть о Войнѣ Турецкой. Сочиненіе Михаила Стаховича. Москва. Въ Университетской тип. 1854. Въ 8-ю д. л. 7 стр.

Собраніе далеко неполное — всего только двѣнадцать стихотвореній. Ихъ вышло гораздо-болѣе. Нѣтъ здѣсь ни одного стихотворенія г. Шевырева, ни одного стихотворенія князя Вяземскаго, ни одного стихотворенія графини Растопчиной. Религіозное и патриотическое чувства послужили вдохновеніемъ многимъ стихотворцамъ и излились во многихъ пьесахъ, которыя, несмотря на относительно-разное поэтическое значеніе, всѣ равны по чувству любви къ Вѣрѣ и Престолу. Лучшія въ первомъ отношеніи принадлежатъ князю Вяземскому, котораго собраніе вѣсь издано подъ названіемъ: «Къ Ружью!» Наиболѣе же доступное и распространенное стихотвореніе есть пьеса: «На нынѣшнюю войну»:

Вотъ, въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ, и пр.

«Повѣсть о Войнѣ Турецкой», г. Стаховича, вышедшая теперь отдѣльной книжкой, была напечатана въ 31-мъ № «Московскихъ Вѣдомостей» нынѣшняго года.

Европейская Турція, въ ея современномъ состояніи. Обзоръ главныхъ и замѣчательныхъ городовъ, заключающій въ себѣ свѣдѣнія, необходимыя при разсматриваніи карты Оттоманской Имперіи. Москва. Въ тип. П. Эрнста. 1854. Въ 16-ю д. л. 186 стр.

Изъ двухъ заглавій этой небольшой книжки идетъ къ ней второе, какъ болѣе-скромное; первое же обѣщаетъ гораздо-больше, нежели на самомъ дѣлѣ даетъ сочиненіе. Описаніе современнаго состоянія Турціи должно заключать въ себѣ не одинъ историческій и географическій обзоръ замѣчательнѣйшихъ городовъ, но и другіе предметы, которыхъ въ

книгѣ не пишется. Да и слово «обзоръ» надобно принимать здѣсь въ ограниченномъ смыслѣ: это обзоръ, краткій очеркъ турецкихъ областей, небезполезный, какъ сказано въ заглавіи, при разсматриваніи карты Оттоманской Имперіи, но недостаточный, если нужно составить себѣ понятіе о внѣшнихъ отношеніяхъ и внутреннемъ составѣ этого отживающаго свой вѣкъ государства. Въ концѣ книги исчислены разныя дороги къ Константинополю: отъ Дуная берегомъ Чернаго Моря; отъ города Галаца между Чернымъ Моремъ и Дунаемъ; отъ крѣпости Браилова по Дунаю къ Силистріи, а отъ Силистріи къ столицѣ Турціи; отъ Бухареста до Рушукъ, а отъ Рушукъ въ Андрианополь; отъ Никополя, отъ Бѣлграда (главнаго города Сербіи), отъ Босно-Серай (главнаго города Босніи).

О системахъ хлѣбопашества, разсужденіе С. М. Усова, профессора сельскаго хозяйства въ Императорскомъ Санктпетербургскомъ Университетѣ. Санктпетербургъ. Въ тип. Э. Веймара. 1854. Въ 8-ю д. л. 52 стр.

Въ этой брошюрѣ авторъ даетъ краткое понятіе о четырехъ системахъ хлѣбопашества: залежной, паровой, выгонной и плодосѣнной, отсылая желающихъ познѣе познакомиться съ этими системами къ курсамъ Тара, Шверцера и Крейнега, изъ которыхъ первый въ русскомъ переводѣ изданъ въ 1831 году, второй въ русскомъ же переводѣ въ 1834 году, третій въ подлинникѣ въ 1833 году. Разсужденіе свое авторъ оканчиваетъ слѣдующимъ заключеніемъ: «Всѣ хлѣбопашатныя системы имѣютъ достоинство между собою еравнительное, безусловно одна другую не превосходятъ, и каждая хлѣбопашатная система съвооборотовъ, правильно и въ приличныхъ ей обстоятельствахъ производимая, есть для такого мѣста самая лучшая, другими системами незамѣнимая». Справедливость такого заключенія очевидна.

Объ уходѣ за огородами и овощами у крестьянъ сѣверныхъ губерній. Бѣлозерскаго помѣщика Виктора Владимірскаго, члена корреспондента Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ и разныхъ обществъ сельскаго хозяйства. Удостоено «почетнаго отзыва» отъ Ученаго Комитета М. Г. И. Санктпетербургъ. 1854. Въ тип. Министерства Государственныхъ Имуществъ. Въ 8-ю д. л. 36 стр.

Понятно, что, ограничивъ статью свою такимъ малымъ объемомъ, авторъ не намѣренъ былъ писать полнаго трактата по своему предмету: но изложеніе его таково, что читатель найдетъ въ брошюрѣ все наиболее существенное и важное о посѣвѣ, объ уходѣ во время роста, о сохраненіи овощей и о заготовленіи ихъ въ прокъ. Иногда даже жестокость слишкомъ велика: на стр. 13, описывая признаки всхожести сѣмянъ, авторъ говоритъ, что многія сѣмена, кажушіяся хорошими, но

разныя приципамъ не микнуть; вѣроятно, авторъ подразумѣвалъ, что для испробованія нужно положить сѣмена въ воду, отбрасывая тѣ, которыя не тонуть. Вотъ овощи, о которыхъ говорится въ книжкѣ: кочанная капуста, рѣпа, морковь, рѣдька, редисъ, свекла, брюква, картофель, крупный горохъ, русскіе бобы, лукъ, чеснокъ, хрѣнъ, огурцы, тыквы, укропъ и анисъ.

Краткая ботаника. Курсъ Гимназическій. По порученію Министерства Народнаго Просвѣщенія составилъ профессоръ Ботаники Н. І. Шиховскій. Съ атласомъ изъ 20-ти таблицъ и изображеній и рисунками въ текстъ. С. Петербургъ. 1853. Двѣ части, въ 8-ю д. л. 474 стр.

Въ гимназіяхъ курсъ ботаники продолжается два года (въ 4-мъ и 5-мъ классахъ). поэтому и руководство, написанное извѣстнымъ профессоромъ С. Петербургскаго Университета, г. Шиховскимъ, заключается въ себѣ двѣ части. О содержаніи ихъ говорится на первыхъ страницахъ (стр. 1 — 8), составляющихъ *Введеніе*, подъ заглавіемъ: «Общія понятія о ботаникѣ, какъ наукѣ, о содержаніи и частяхъ ея». Тутъ сказано, что растенія — тѣла органическія, которыхъ главный характеръ заключается въ томъ, что они «ростутъ»; далѣе, что растенія «могутъ быть разсматриваемы троякимъ образомъ: 1) сами по себѣ, безъ всякаго отношенія къ земному шару и его обитателямъ; 2) въ отношеніи къ земному шару на его поверхности — и на незначительныхъ глубинахъ въ минеральныхъ пластахъ коры его; 3) въ отношеніи къ обитателямъ земнаго шара, т. е. человѣку и животнымъ. Посему ботаника раздѣляется на слѣдующія части: I. Ботаника общія, или теоретическая. II. Ботаника прикладная, или практическая». Къ I-й части отнесены органографія, физиологія, таксономія и фитографія, а ко II-й 1) общія систематическія описанія; 2) ботаническая географія; 3) ботаническая палеонтографія; 4) ботаника врачебная; 5) ботаника хозяйственная. Не должно, однакожь, думать, чтобъ всѣ приведенныя отрасли наукъ составляли особыя статьи въ руководствѣ: авторъ соединяетъ различныя упомянутыя отрасли въ изложеніи такимъ образомъ, чтобъ это какъ можно удобнѣе было для изученія. Поэтому въ первой части мы находимъ двѣ только главныя статьи: въ одной, подъ заглавіемъ *Органографія*, изложено все, относящееся къ гистологій, морфологій и физиологій растеній, и въ другой, подъ заглавіемъ *Таксономія*, или *Систематика*, говорится вкратцѣ о различныхъ системахъ и объясняется значеніе различныхъ группъ въ системѣ (особи, вида, рода, семейства и т. д.). Точно также и во 2-й части излагаются всѣ свѣдѣнія, заимствованныя изъ различныхъ названныхъ выше отраслей *прикладной* или *практической ботаники*. Здѣсь при каждомъ семействѣ приводятся наиболѣе-замѣчательныя въ практическомъ отношеніи, и говорится, чѣмъ они полезны человѣку, какія

имѣютъ свойства и т. д. Писа автора достаточно ругается за вѣрность сообщаемыхъ имъ фактовъ; прибавивъ, что изложены они совершенно-достоупно для дѣтей того возраста, для котораго книга предназначается. Желаніемъ автора не затруднить воспитанниковъ подробностями должно объяснить опущеніе нѣкоторыхъ статей, каковы статьи о первоначальномъ развитіи различныхъ органовъ растений, также о строеніи, развитіи и жизни тѣлообратныхъ — статьи, которыя при другихъ требованіяхъ, конечно, были бы изложены съ полнотою, соотвѣтствующею современному состоянію этихъ частей науки.

Авторъ позволить намъ, въ заключеніе, указать на нѣкоторыя мѣста, песовѣтъ—удовлетворительныя, по нашему мнѣнію. Такъ на стр. 13-й говорится о клѣточкѣ: *Въ образовательномъ сокѣ замѣчаются малѣйшія крупинки осадочнаго, болѣе твердаго и химически отличнаго отъ самаго сока вещества; эти крупинки, собираясь вмѣстѣ, образуютъ ядрышко (cytoblastus, Zellenken), около котораю вскорѣ замѣчается изъ того же сока происшедшая переполочка, постепенно болѣе и болѣе отстающая отъ ядрышка и составляющая наконецъ пузырькъ* и т. п. Невозможно, чтобъ авторъ принималъ это за общій законъ образованія клѣточекъ; тутъ пропускъ: непременно слѣдовало сказать о томъ, что въ большей части случаевъ почти—всегда новыя клѣточки образуются вслѣдствіе *дѣленія* всего содержащагося внутри другой клѣточки. На той же 13-й страницѣ сказано, что на стѣнкахъ клѣточки (внутри) отлагаются крупинки осадочнаго вещества и такимъ образомъ происходятъ клѣточки спиральныя, кольчатая, сѣтчатая. Едва—ли такое объясненіе справедливо; по—крайнѣйшѣ, наблюденія не подтверждаютъ его. Также на 20-й страницѣ нѣтъ кажется неполнѣ—яснымъ объясненіе различія между волосками, которые авторъ дѣлитъ, по физиологическому значенію, на *лифматическіе* и *жельзистые*, не объясняя, что должно разумѣть подъ первымъ названіемъ. На 30-й стран. сказано: *двулѣтнимъ корнемъ называється такой, который въ первый годъ изъ шейки своей производитъ листья, служащіе для накопленія запаса питанія*, и т. д.: листья вырастаютъ не изъ шейки, а изъ верхины стебля, который у двулѣтнихъ растений обыкновенно, но не всегда, очень—коротокъ. У обыкновенной нашей кочанной капусты (2-лѣтняго растенія), напримѣръ, стебель имѣетъ длину замѣтную. На 42-й стран. говорится: *Въ промежуткѣ заболони и луба, въ сущенномъ образовательномъ соку ежегодно появляются новыя пучки древесины и луба, вслѣдствіе взаимной дѣятельности вѣтвей стебля* и т. д. Образованіе луба и заболони слѣдовало объяснить подробнѣе. Можно подумать, что въ сокѣ непосредственно, безъ участія ужь образовавшихся клѣточекъ, переходятъ элементы древесины и коры. Для болѣея ясности слѣдовало бы сказать, что клѣточки заболони, луба и прочихъ частей, вѣтъ—происходящихъ, между заболонью и лубомъ, происходятъ внутри нѣк-

ныхъ кѣлочекъ камбіа. На 109-ой стран. сказано: *Къ простымъ плодамъ причисляются и плоды не собственно простые, а только бывающіе таковыми во время зрѣлости, вследствие недорастанія, а именно; зерно, стѣянка, кошелекъ, желудь, крылатка.* Не видно, почему почтенный авторъ, который такъ хорошо понимаетъ строеніе плода (извѣстна его превосходная диссертація по этой части: *de fructus plantagum phoneyag. structura* и др.), не отнесъ ихъ къ плодамъ сложнымъ, между которыми описываются, напримѣръ, *коробочка, крыночка, стручокъ* и др.

Во второй части находимъ очень-точное изложеніе признаковъ различныхъ, болѣе-важныхъ семействъ, съ указаніемъ географическаго распространенія и главныхъ свойствъ его; далѣе, при каждомъ семействѣ упомянуты главнѣйшіе виды, и въ-особенности тѣ виды, которые для человѣка болѣе-важны. Въ этой части учащейся находить много любопытныхъ примѣровъ, показывающихъ долговѣчность и размѣры болѣе-примѣчательныхъ деревьевъ, и наконецъ знакомится также съ литературою и съ именами всѣхъ почти ученыхъ, отличавшихся на этомъ поприщѣ. Мы только жалѣемъ, что объемъ учебника не позволилъ автору сообщать болѣе любопытныхъ подробностей о различныхъ видахъ и болѣе познакомить публику съ богатымъ запасомъ своихъ свѣдѣній.

Руководство къ рѣшенію геометрическихъ вопросовъ на мѣстности, съѣмкѣ плановъ и невеллированію. Составилъ Францъ Симашко. Съ 147 чертежами, помѣщенными въ текстъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Трел. 1854. Въ 8-ю д. л. 155 стр.

Въ этой книжкѣ предлагаются тѣ же самые предметы, которые ходятъ въ «Низшей Геодезіи» г. Лѣве, о которой мы говорили въ прошломъ мѣсяцѣ; но она во многомъ уступаетъ этой послѣдней по обширности содержанія, по подробности и точности изложенія, особенно же по описанію геодезическихъ снарядовъ. Впрочемъ, и она можетъ быть употребляема съ пользою, если авторъ помѣтитъ въ ней опредѣленіе горизонтальной плоскости, котораго мы искали весьма-усердно, но не нашли. Странная участь этой плоскости! Г. Лѣве опредѣлялъ ее невѣрно, а г. Симашко не далъ для нея никакого опредѣленія. Также въ § 111, гдѣ предлагается вопросъ о раздѣленіи даннаго треугольника на три части изъ точки, данной внутри его, въ концѣ рѣшенія говорится ужъ о *четырехъ* частяхъ. Кажется, тутъ недосмотръ состоитъ въ томъ, что первая часть названа второю, вторая — третьею, а осталная третья — четвертою. Еще одно замѣчаніе: на основаніи теоріи равновѣсія *цѣпной линіи*, мы думаемъ, что мѣрную цѣпь никогда не можно натянуть въ прямую линію.

Русскій Солдатъ. Изданіе, составленное класнымъ художникомъ Александромъ Васильевымъ. Сиб. 1854. Въ тѣх. К. Ратгена. In-oblong. 30 стр., съ политипажными рисунками.

Недавно мы говорили, что г. Васильевъ издалъ на нѣсколькохъ большихъ листахъ повѣсть г. Савинова съ политипажными рисунками «Русскій Солдатъ» и тогда же обратили вниманіе читателей на дарованіе этого талантливаго художника. Теперь эта повѣсть издана вновь тетрадью въ видѣ чрезвычайно-красиваго альбома и можетъ занять не послѣднее мѣсто на столѣхъ между книжками и иллюстрированными изданіями. Содержаніе повѣсти — жизнь русскаго солдата отъ выѣзда его изъ родимаго села для поступленія въ рекруты до возвращенія на родину послѣ отставки, до Чесменской Богадельни. Весь рассказъ состоитъ изъ одиннадцати главъ, которыхъ названія показываютъ уже все содержаніе ея : 1) Отдача рекрута ; 2) Въ партіи ; 3) На ученьи и въ казармѣ ; 4) Царское слово ; 5) Бивуакъ и битва ; 6) Въ лазаретѣ ; 7) На постоѣ изъ похода ; 8) Въ отпускъ ; 9) Родная изба ; 10) Ретивое просится, и 11) Въ богадельнѣ. Весь этотъ рассказъ перемежанъ политипажными рисунками и въ текстѣ и отдѣльными картинами. И рисунки и картины — заглядыве : по нѣсколько разъ можно смотрѣть ихъ, и всегда отыщешь въ нихъ нѣсколько рѣзкихъ чертъ, характеризующихъ бытъ и нравы русскаго мужика и русскаго солдата. Выѣшность изданія въ полной мѣрѣ роскошна. Бумага, печать, оттиски политипажей — превосходны, и весь этотъ великолѣпный альбомъ стоить только 1 р. 50 коп. сер. Дешевле быть ничего не можетъ.

Атласъ проектовъ и чертежей сельскихъ построекъ, изданный отъ Департамента Сельскаго Хозяйства Министерства Государственныхъ Имуществъ. Санктпетербургъ. 1853 (1854). Въ 4-ю д. л. 36 стр. текста и 89 листовъ рисунковъ.

Это изданіе — истинный подарокъ для всѣхъ русскыхъ помѣщиковъ. Кто ѣзжалъ по Россіи и обращалъ вниманіе на наши сельскія постройки, тотъ хорошо знаетъ ихъ существенные недостатки, въ техническомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, признанные важными и самою комиссіею, учрежденною при Департаментѣ Сельскаго Хозяйства для ихъ изслѣдованія. Вотъ эти недостатки : несоотвѣтственность расположенія построекъ роду матеріала, удобству сообщенія между частями усадьбы, а также быту и состоянію крестьянина; упущеніе изъ вида гигиеническихъ условій лучшаго освѣщенія, отопленія и провѣтриванія; несообразность разныхъ частей строенія, какъ-то : дверей, оконъ, лѣстницъ, печей и проч. съ дѣйствительною въ нихъ необходимостью; непропорціональность надворныхъ строеній величинѣ всей усадьбы и ихъ хозяйственнымъ назначеніямъ; неумѣстное и въ ущербъ прочности употребленіе мезонинновъ, балконовъ, ломанныхъ крышъ съ расжелобками и т. п.; однообразіе фасадовъ крестьянскихъ домовъ отъ частаго повто-

ренія однѣхъ и тѣхъ же прикрась, и т. п. Противъ этихъ—то недостатковъ Министерство Государственныхъ Имуществъ предлагаетъ теперь полезныя наставленія въ изданномъ имъ «Атласѣ», гдѣ собрано и толково, чисто начерчено 15 проектовъ часовень и церквей, 35 проектовъ крестьянскихъ домовъ, 6 проектовъ базарныхъ лавокъ, гостинныхъ дворовъ, постоялыхъ домовъ, трактировъ и гостиницъ; 37 проектовъ бань, овинновъ, кузницъ, колодцевъ, воротъ и заборовъ; 23 проекта мостовъ, дорогъ и переправъ, 11 проектовъ волостныхъ и сельскихъ правленій, училищъ, лечебницъ и богаделенъ, 7 проектовъ лѣбо-запасныхъ магазинновъ, 3 проекта караульныхъ домовъ для лѣсныхъ сторожей и 12 проектовъ расположенія селеній. Къ чертежамъ приложены подробныя наставленія и объясненія каждаго рисунка, такъ—что по этому «Атласу» вы, безъ помощи архитектора, имѣя только смыслѣнныхъ рабѣтихъ, можете привести въ исполненіе любую постройку.

Въ предисловіи къ «Атласу» сказано, что онъ «собственно назначенъ для разсылки въ Палаты Государственныхъ Имуществъ, Окружныя и Волостныя Управленія и въ особыя учрежденія, подвѣдомственныя Министерству; оставшіеся же за удовлетвореніемъ потребностей Министерства экземпляры назначены въ продажу по цѣнѣ, доступной для всякаго помѣщика и сельскаго хозяина». Советуемъ скорѣе воспользоваться этимъ новымъ плодомъ заботливости Министерства Государственныхъ Имуществъ объ улучшеніи русскаго сельскаго быта, потому—что, увѣрены, «Атласъ» этотъ немедленно будетъ раскупленъ, какъ вещь, необходимая для каждаго сельскаго хозяина (1).

Подарокъ моей дочери. Москва. Въ типографіи Т. Т. Волкова и Кошп. 1854. Въ 8-ю д. л. 179 стр.

Имя сочинителя неизвѣстно. Онъ скрылъ его подъ таинственными черточками и звездочками: *сочинялъ — *** —*. Знаемъ только, что онъ отецъ, ибо подарокъ адресованъ имъ своей дочери. Подарокъ этотъ заключается въ наставленіяхъ, весьма—правдивныхъ, но написанныхъ весьма—оригинальнымъ языкомъ, который напоминаетъ г. Овчинникова. Говоримъ: «напоминаетъ», потому—что сравниться съ языкомъ перевода «Фауста» довольно—трудно. Въ видѣ предисловія, г. — *** — сначала даетъ дочери стихотворный совѣтъ. Такъ—какъ цѣль совѣта — польза, то стихотворецъ не наблюдаетъ правилъ версификаціи:

Бѣги пороковъ, дочь любезна!

Какъ чумной болѣзни изъ страшимъ;

Наградой пѣтъ — несчастій бездна.

И ты, другъ юный, берегись

Коварства, лести, завлеченя;

(1) Продается въ Петербургѣ, въ типографіи Министерства Государственныхъ Имуществъ, въ Москвѣ — въ Справочномъ Дѣпо Общества Сельскаго Хозяйства.

*Людей зло-судных удалимъ —
 Не вѣрь имъ, иль обманчивы утѣренья :
 Они исчезнутъ, какъ чезнетъ (!) дымя, и пр.*

Большая часть софтовъ направлена противъ обольщеній любви, и по этому случаю г. — *** — рассказываетъ своей дочери исторію обманутой дѣвушки. Мы не знаемъ, умѣстно ли раскрывать невнятную существу тайны «виновныхъ любвей»; но теорія любви, начертанная авторомъ, чрезвычайно-занимательна. Мы выпишемъ ее съ дипломатическою точностью, сохранивъ даже пунктуацію таинственнаго автора:

«Чувство это (*любовь*), при искрѣ, отпавшей отъ нѣдръ своего неугасимаго для смертныхъ пламени и попавшей въ твоё сердце, мгновенно разгораясь, съ непостижимою силою вознесетъ тебя на точку невыразимо-возвышеннаго какого-то благодатнаго и благоумилевнаго электрическаго ощущенія, идвѣщагося свыше всякаго роду вкушаемыхъ нами сладчайшихъ удовольствій. Ходъ твоей юной жизни, при вспыхнѣ этого огня электризма, внезапно возымѣтъ дѣйствующую силу живаго, полнаго, пылкаго и неудобноподобнаго, величайшаго, самодовольственнаго существованія твоего. Кровь, текущая въ жизненныхъ составахъ твоихъ, изъ обыкновеннаго течения своего перейдетъ въ быстрый, неукротимо волнующий переливъ съ одного на другое мѣсто своей удобно-помѣстительности. Чувства твои, какъ бы оплодотворены новымъ, непонятнымъ для тебя могуществомъ, оживотворяются въ тебѣ; мысли твои какими-бы ни были завлечены идеями жизни твоей, освѣжаясь, будутъ здравы, плодотворны для твоего усладительнаго довольствія и занятій. Сердце твоё, возрадуясь радостію благо-умиленно-усладительною, произведетъ бѣшеніе и разольетъ во всемъ существованіи твоёмъ нектаръ неизяснимыхъ, пріятнѣйшихъ ощущеній наслажденія. Душа твоя восприметъ вовсе новый для себя оживотворительный полетъ и перенесетъ тебя изъ тьмы доселѣ невѣдѣнія твоего о чувствѣ любви, какъ бы во храмъ никогда невкушаемаго для тебя чувствованія, превосходящаго всякое изъясненіе, освѣщеннаго свѣтомъ, ярко озарившимъ твою жизненную сферу, своимъ неудобно-постижимымъ, разлившимся по всему существованію твоему, нектаромъ райскихъ услажденій, и ты вся наполнишься силою притяженія, подобно электризму, оживляющему чувства, мысли и усиливающему порывъ души и оцутительныхъ дѣйствій въ тебѣ любви и возвышающему бѣшеніе сердца твоего до степени указанія имъ тебѣ того электризма, которое произвело во всемъ составѣ бытія твоего происшедшее, и то, что непреодолимою силою симпатіи твоей, оно машинально влечетъ тебя къ существу, большому неизвѣстнымъ тебѣ, но, съ минуту его электризма, занявшему собою все существованіе твое» (стр. 36—37).

Руководство къ разговорамъ на англійскомъ и русскомъ языкахъ, составленное Алек. Голь. Изданіе К. Урбена, книгопродавца, комиссіонера Императорскаго Московскаго Университета. Москва. Въ типографіи Александра Семена. 1854. Въ 12-ю д. л. 123 стр.

Очень-хорошее изданіе полезнаго руководства. Тѣмъ болѣе заслу-

живасть оно благодарность издателю, что англійскія книги дороги и рѣдки въ Москвѣ, невмѣющей особенной книжной англійской лавки.

Полный Кондитеръ, составленный изъ двадцатиняти-лѣтнихъ опытовъ въ кондитерскомъ искусствѣ подъ руководствомъ Ивана Ивановича Излера, кондитеромъ Г. А. Санктпетербургъ. 1854. Въ 12. д. л. 290 стр.

Прежде нежели г. Излеръ или, какъ обыкновенно зовутъ его восторженные любители его праздниковъ, Иванъ Ивановичъ Излеръ, приобрѣлъ славу своими вечерами на Искусственныхъ Минеральныхъ Водахъ, столь достойно-веселыми въ сотняхъ дворахъ; онъ имѣлъ известность какъ содержатель одной изъ лучшихъ, а, по мнѣнію многихъ, даже лучшей кондитерской въ Петербургѣ. Изъ этого можно видѣть, какой авторитетъ для любителей «сухариковъ-тертиѣнъ», «пироговъ древо по берлински, по гамбургски или по парижски», «древесныхъ тортовъ», безъ маршалада или съ маршаладомъ, «испанскихъ вѣтровъ», «кардиналовъ изъ ананасовъ или анельсиновъ», «вареныхъ амжедикъ» и т. д. сообщается книгѣ, заглавіе которой мы выписали, объясненіемъ, что она составлена подъ руководствомъ этого знаменитаго въ своемъ родѣ артиста.

Записки Рыбака, или наставленія, какъ находить различные рыбы, на какихъ мѣстахъ, въ какое время года, и различные способы, употребляемые рыбаками, для ловли различной рыбы, какъ то: удой, жерлицей, заколами, переболми, въ мекода, бродникомъ, сѣтью, недотками, вершами, и проч., съ описаніемъ силъ рыболовныхъ снастей и вѣрнѣйшій способъ, какъ приманивать рыбу. Москва. Въ типографіи Александра Семена. 1854. Въ 16-ю д. л. 76 стр.

Средства для приданія лицу красоты и молодости, чищенія зубовъ, роценія и подкрашиванія волосъ, и пр. Москва. Въ типографіи Александра Семена. 1854. Въ 16-ю д. л. 33 стр.

Мы поставили эти двѣ книжки вмѣстѣ, потому-что онѣ удивительно похожи одна на другую, при всемъ различіи предметовъ, о которыхъ разсуждаютъ. Обѣ онѣ пустыя, безцеремонныя спекуляціи, думающія привлечь читателя болѣе, нынѣшнимъ заглавіемъ, въ которомъ все есть, кромѣ смысла. Особенно мила вторая книжка, предлагающая средства для красоты и молодости. Въ ней есть масло, сгоняющее съ лица рабины, мыло отъ веснушекъ и «мятежей» на лицѣ, помада, истребляющая морщины, отличнѣйшая помада, отъ которой лицо дѣлается мягко, какъ атласъ... Вѣроятно, это та самая помада, которую употреблялъ Чичиковъ. Наконецъ, есть превосходный составъ для скораго и совершеннаго извращенія лица, какъ бы оно ни было

испорчено! Жаль, что нѣтъ никакихъ свѣдѣтельствъ въ действительности предлагаемыхъ средствъ. Этимъ шутить нельзя. Починка лива — дѣло важное, особенно послѣ столкновения съ какимъ-нибудь Ноздревычъ. И мы крайне жальемъ за Чичикова, что онъ сошелъ съ лица земли прежде выхода золотой книжки: тогда онъ храбро вступилъ бы въ бой съ своими врагами, покушавшимися на его личность.

Комнатная Магія, сочиненіе Г. Ф. Амарантова. Москва. 1854. Въ 12 д. л. 254 стр.

Эта книжка отличается отъ другихъ, носящихъ подобныя заглавія, тѣмъ, что «увеселительные фокусы и опыты» ея основаны не на проворствѣ рукъ, а на «физикѣ и химіи», и потому, съ одной стороны, не имѣютъ почти ничего шарлатанскаго, а съ другой дѣйствительно удобоисполнимы для всякаго, кто запасется нужными снадобьями и аппаратами, по-большой-части недорогими.

Такъ, напримѣръ, «Комнатная Магія» учитъ «воспламенять стѣру или трутъ «на далекомъ разстояніи отъ огня» посредствомъ вогнутыхъ зеркалъ, устраивать камер-обскуры и волшебные фонари, производить болѣе или менѣе нехитрые опыты посредствомъ электрической машины, воздушнаго насоса, микроскопа и т. д., и при этомъ сообщаетъ нѣкоторыя объясненія физическихъ и химическихъ законовъ. Конечно, это лучше, нежели учить глотать шиаги, играть стаканчиками и шарами. Но должно сказать и то, что всѣ описываемые въ «Комнатной Магіи» фокусы и опыты извѣстны всякому, имѣющему хотя малѣйшее понятіе о физикѣ, они просты и удобоисполнимы — вотъ ихъ достоинство; но вмѣстѣ съ тѣмъ и слишкомъ незамысловаты — вотъ ихъ недостатокъ. Такъ, напримѣръ, «Комнатная Магія» считаетъ «фокусами» даже добываніе огня треніемъ двухъ кусковъ дерева и кипяченіе воды въ бумажной коробкѣ... Кому изъ дѣтей 7—10 лѣтъ не извѣстны давнымъ-давно эти знаменитые «фокусы?»

Любовь и Вѣрность, или русскіе герои при взятіи черкесскаго замка. Романъ въ двухъ частяхъ. Москва. Въ типографіи М. Смирновой. 1854. Въ 12-ю д. Въ 1-й части — 91, во 2-й — 106 стр.

Герой романа — человѣкъ эксцентрическій. Фамилія его неизвѣстна, имя его — Николай. Ему было лѣтъ около двадцати; наружность имѣлъ онъ довольно-красивую: блѣое, румяное лицо, небольшіе усъки, однимъ словомъ: былъ человѣкъ привлекательный, ии *homme solide il faut*. Поприще свое началъ онъ на Прѣсенскихъ Прудахъ, что въ Москвѣ; тамъ, закутанный въ широкій плащъ, съ сигарою во рту, вскричалъ онъ однажды, въ пылу мечтаній: «Пусть свѣтъ меня судитъ и пусть всѣ кричатъ въ одинъ голосъ, что счастье къ женщинамъ совершенно во мнѣ измѣнилось!» Изъ этого видно, что герой романа

тъ немножко и самолюбовивъ. Онъ думаетъ, что очи всего свѣта режлены на его счастье къ женщинамъ. Увы! самообольщеніе юно — и больше ничего. Влюбленный въ Анету, онъ ничего больше не хотѣлъ знать. Между ними завязалась переписка, которая въ ото дня болѣе усиливалась и раскрывала не только душу, но и плу, въ которую они обречены были пасть. Счастливые! какъ и весело проводили время! Каждый день получали они другъ отъ друга большія посланія, каждый день читали ихъ, каждый день писали. Больше, кажется, и желать нечего: пиши, получай, читай. Но у матери Анеты были другія, вовсе нероманическія идеи: она рѣшилась выдать дочь свою за человека, который не ходитъ по Прѣсенскимъ Прудамъ, съ сигаркой во рту. Николай (фамилія его неизвѣстна) съ горя отпра — дился на Кавказъ, гдѣ отличившись, воротился къ своей любезной. Лагополучный бракъ соединилъ Анету и Николая, который тогда воскликнулъ съ радостью: «счастье къ женщинамъ во мнѣ не измѣ — нлось!»

Новый русскій пѣсенникъ или собраніе употребитель — ныхъ народныхъ русскихъ пѣсень. Москва. Въ типографіи Н. Эрста. 1854. Въ 18-ю д. 124 стр.

Издатель этихъ пѣсень помѣстилъ между употребительными пѣснями и «Войдя въ шалашъ мой торопливо», и «Сынъ бѣдный природы». Гдѣ жъ онѣ употребляются? Развѣ какими-нибудь старыми дѣвками, у которыхъ на стѣнѣ виситъ завѣтная гитара? Понятіе объ употребительности также относительно, какъ и о времени, и о новости. «Сыграй-ка мнѣ что-нибудь новенькое» говорилъ одинъ храбрый воинъ своей внучкѣ, вышедшей недавно изъ института. — Чтò жъ вамъ сыграть, дѣдушка? отвѣчала институтка. «Да что-нибудь новенькое, наприимѣръ: «Громъ побѣды раздавайся».

Стихотворенія, или досуги Федора Смулова. Въ 2-хъ частяхъ. Москва. Въ типографіи И. Серикова. 1854. Въ 12-ю д. л. 34 стр.

Неприлично было бы критикѣ строго смотрѣть на стихотворенія Смулова. Онъ — незаписной поэтъ, какъ самъ признается въ четверостишии: «Оговорка»: онъ — крестьянинъ и портной. Понятно, послѣ этого, что досуги автора, несмотря на отсутствіе въ немъ поэтическаго таланта, несмотря даже на незнаніе начальныхъ правилъ метрики, получаютъ своего рода интересъ. Критикѣ хочется уже не разбирать книжечку стихотворныхъ пьесъ, а просто указать нѣкоторые факты изъ жизни крестьянина, который рѣшился выдать вдохновенія своей музы, или, вѣрнѣе, дѣло своихъ досуговъ. Этихъ фактовъ, впрочемъ, немного: Смуловъ родился въ Рыбинскѣ; отецъ его господскій крестьянинъ; грамотѣ выучила его какая-то женщина, а писью — дѣ — чокъ. Къ ученю чувствовалъ Смуловъ охоту съ самаго дѣтства, но не

было возможности удовлетворить охотѣ. Смуровъ узналъ сладость книгъ въ то время, какъ мать отдала его въ портные:

Увижу ль книги — съ нетерпѣньемъ
 Я жду обѣденной поры,
 И первымъ блюдомъ подкрѣпленье
 Получать силы лишь мон,
 То я ужъ жадною рукою
 Стараюсь книгу въ руку взять,
 И вечеромъ, въ часы покоя —
 Ея же чтенью посвящать;
 Въ домашней жизни, какъ съ работы,
 Ненастье стгонить иль гроза,
 Все тѣмъ преслѣдуютъ заботы —
 Все алчеть чтенія душа;
 Бывало праздною порою
 Ропщу на немѣнныя книги!
 Стараюсь выдумать собою
 Какую сказку, или стихъ.
 Такъ долго я ученья тѣнь
 Ловилъ, ловилъ — и наконецъ!
 На долю мнѣ отрадный день
 Послалъ невидимо Творецъ,
 И отъ занятія иглою
 Нанялъ въ прикащики купецъ.

Переиною судьбы своей Смуровъ одолженъ г. Б...ну, въ которому есть посланіе. Въ этомъ посланіи авторъ проситъ «презвѣстия своей доли» испытать смыслъ его творенья, сказать, не обнаруживаетъ ли оно хоть искры таланта. Если нѣтъ, авторъ броситъ иксарскія дѣла, увѣренный, что въ деревнѣ пропитаетъ мать-земля. Кромѣ-того, изъ стиховъ узнаемъ мы, что жену Смурова зовутъ Александрой, что у него есть дитя-младенецъ и дядя, престарѣлый воинъ, и что онъ былъ тяжко боленъ холерою двѣ недѣли въ прошломъ году.

Катихизическія Бесѣды, говоренныя священникомъ Іоанномъ Яхонтовымъ. Выпускъ третій. Санктпетербургъ. 1854. Въ 8-ю о. л. 92 стр.

Бесѣды эти отличаются тѣми же достоинствами, какія мы имѣли случай показать и въ прежнихъ двухъ выпускахъ этой книги, именно: правильностью, чистотою и даже изяществомъ изложенія, обстоятельностью и полнотою въ раскрытіи евангельскихъ событій, простотой, но вѣрнымъ на нихъ взглядомъ и отчасти приложеніемъ ихъ къ сердцу слушателей. Все это дѣлаетъ сочиненіе о. Яхонтова однимъ изъ лучшихъ въ своемъ родѣ. Оно имѣло бы вдвое болѣе достоинства, еслибъ авторъ, такъ хорошо рассказавшій евангельскую исторію отъ рождества Спасителя до вознесенія его на небо, былъ не такъ скупъ на при-

ственные размышления, которыя невольно возбуждаютъ въ насъ всѣ обстоятельства въ жизни Иисуса Христа, тѣмъ болѣе, что онъ ииѣлъ дѣло съ слушателями, болшею-частью знакомыми ужъ съ священною исторіею.

Справочный Энциклопедическій Словарь, изданный подъ редакцію А. Старчевскаго. Томъ седьмой. А—Мар. Спб. 1853. Въ 8-ю д. л. 486 стр.

При выходѣ въ свѣтъ перваго тома этого «Словаря», мы представили (От. Зап. 1847 года, № 8-й) подробный разборъ его, доказывавшій, что предпріятія подобнаго рода, для того, чтобы на самомъ дѣлѣ принести пользу публикѣ, должны быть составляемы по строго-обдуманному плану и выполняемы съ большою аккуратностью, и что ни тому, ни другому условію «Справочный Словарь» не удовлетворяетъ. Публика, сколько можемъ судить, была совершенно согласна съ нами...

Редакція «Справочнаго Словаря» продолжала свое изданіе; она выпустила уже болѣе половины обѣщанныхъ томовъ; работая столько времени надъ своимъ «Словаремъ», она могла сдѣлаться гораздо-опытнѣе: поэтому очень можно ожидать, что лежащій теперь передъ нами седьмой по алфавитному порядку и восьмой по порядку изданія томъ будетъ своимъ внутреннимъ достоинствомъ выше прежде-изданныхъ ею.

Съ этимъ ожиданіемъ развернули мы его и прочли предисловіе: предисловіе показало намъ, что редакція до-сихъ-поръ не можетъ справиться съ общою распланировкою своего словаря. Въ двухъ изъ остающихся неизданными томахъ (восьмомъ и девятомъ) она думаетъ помѣстить почти всю букву м, буквы н, о, п, р, с; но эти томы должны въ такомъ случаѣ выйдти вдвое толще остальныхъ, по слѣдующему расчету: статьи на буквы м, н, о, п, р и с составляютъ, по количеству и объему, *третью* долю всякой энциклопедіи; въ этомъ редакція могла бы убѣдиться, еслибъ сообразила планъ подобныхъ изданій на нѣмецкомъ или французскомъ языкахъ; или, если сравнивать латинскій алфавитъ съ русскимъ для нея трудно, она могла бы видѣть это, наиримѣръ, изъ словаря митрон. Евгенія о писателяхъ духовнаго чина, въ которомъ слоги ме—с занимаютъ 236 страницъ изъ 710 стран. всего изданія. Слѣдовательно, если остальные двѣ трети статей «Справочнаго Словаря» наполняютъ 10 томовъ (всего предполагается 12 томовъ), то для этихъ буквъ нужно *пять* томовъ равнаго съ прежними объема, или *два* тома, но каждый *слишкомъ-вдвое* толще остальныхъ. Редакція не говоритъ объ этомъ въ своемъ предисловіи: слѣдовательно, она еще не знаетъ этого, еще не можетъ этого видѣть. Не-уже-ли она еще такъ неопытна?

Да, внимательное разсмотрѣніе седьмаго тома «Справочнаго Словаря» доказываетъ, что редакція не можетъ еще справиться съ своимъ словаремъ, и какъ ни желали бы мы сказать ей что-нибудь пріятное, должны, однакожъ, объявить, что остаемся при своемъ прежнемъ мнѣніи

относительно достоинства ея изданія, и должны подтвердить справедливость своего мнѣнія подробнымъ разборомъ вышедшаго нынѣ седьмого тома.

Требованія отъ энциклопедическаго словаря могутъ быть и велики и малы, и строги и снисходительны. Мы ограничимся самыми существенными, которымъ удовлетворить было бы очень-легко. Говоря строго, мы могли бы отъ словаря на русскомъ языкѣ требовать того же, что требуется отъ этого рода словарей на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ языкахъ: самостоятельной обработки всѣхъ статей. Но къ чему такія огромныя требованія? Намъ скажутъ, что у насъ трудно найти для этого достаточное число сотрудниковъ — и мы согласимся. Пусть «Справочный Словарь» будетъ просто сборникомъ статей переводныхъ и извлеченныхъ, пусть онъ будетъ простою компиляціею — мы согласны; пусть только эта компиляція будетъ составлена хорошо — и мы будемъ совершенно-довольны. Не правда ли, наши требованія очень-умѣренны? Посмотримъ же, на сколько удовлетворяетъ ихъ «Справочный Словарь» г. Старчевскаго.

Статьи, входящія въ составъ «Словаря», раздѣляются на два отдѣла: 1) статьи, которыя онъ могъ брать (и взялъ) цѣликомъ изъ иностранныхъ энциклопедическихъ словарей, и 2) статьи, которыя онъ не могъ оттуда заимствовать и которыя редація должна была извлекать или составлять сама.

Къ первому отдѣлу принадлежатъ всѣ біографическія и географическія статьи, кромѣ относящихся къ Россіи, русской исторіи, географіи и біографіи замѣчательныхъ людей въ Россіи. Къ нему же принадлежатъ статьи по наукамъ, искусствамъ, промышленности и т. д., словомъ, всѣ статьи, кромѣ спеціально-относящихся къ русскому міру.

Этотъ отдѣлъ не могъ доставить большихъ хлопотъ редакціи. Вотъ все, что обдана она была сдѣлать: составить списокъ статей, которыя должны войти въ ея словарь, и потомъ перевести ихъ вполне, или въ сокращеніи. Составить списокъ очень-легко, потому-что есть уже множество готовыхъ такихъ списковъ въ иностранныхъ изданіяхъ; издѣбно только свести ихъ и выбрать важнѣйшія статьи, которыя могутъ и должны войти въ ея изданіе по принятому для него размѣру. Нужно только умѣть судить о томъ, которыя статьи важны и нужны, которыя ненужны и неважны. Редація «Справочнаго Словаря» рѣшилась ограничиться количествомъ статей, вдвое-меньшимъ того, какое помѣщается въ нѣмецкихъ конверсаціонс-лексиконахъ. Не будемъ упрекать ее и за это, потому-что она располагала вдвое-меньшимъ числомъ листовъ, хотя и увѣрены, что, сокративъ нѣкоторыя статьи, слишкомъ-растянутыя (мы укажемъ на нихъ), она могла бы помѣстить гораздо-большее число статей; но не можемъ не поставить ей въ упрекъ то, что въ принятыхъ ею границахъ она плохо распорядилась выборомъ, брала статьи большею-частью наудачу, и потому, удержавъ

множество ненужныхъ, опустила множество важныхъ. Въ доказательство, рассмотримъ ея списокъ иностранныхъ собственныхъ именъ на слогъ *Ла* (онъ занимаетъ около ста страницъ). Причина, по которой мы ограничиваемся собственными именами и не беремъ въ расчетъ техническихъ словъ и терминовъ изъ наукъ и искусствъ, очень-попятна: не находя извѣстнаго термина или технического слова, мы еще можемъ предполагать, что оно будетъ объяснено подъ другимъ техническимъ словомъ; этого рода статьи могутъ быть дробимы и сливаемы; но собственные имена должны уже непременно стоять на своихъ мѣстахъ: ихъ нельзя сливать и вносить въ другія статьи.

Всего мы находимъ въ «Справочномъ Словарѣ» около 150 собственныхъ именъ, начинающихся слогомъ *Ла*, и въ числѣ ихъ нѣтъ слѣдующихъ именъ, необходимыхъ по принятому редакціею объему списка, именъ, которыя часто случается слышать и о которыхъ, поэтому, часто придется справляться:

Лабедойеръ (Labedoyère), котораго имя всегда упоминается въ газетахъ, какъ скоро рѣчь идетъ о смерти Нэя; *Лабіенъ*, извѣстный подвижникъ, а потомъ противникъ Цезаря; *Лабурдонъ*, министръ Карла X; *Лавиніумъ*, городъ въ Лаціумѣ; *Лагиръ*, французскій полководецъ XV вѣка; другой *Лагиръ*, знаменитый математикъ XVII вѣка; *Лайй*, отецъ Эдипа; *Лакруа* (Поль), извѣстный французскій писатель (часто пишущій подъ именемъ Жакоба-библіофила); *Лалльманъ*, знаменитый медицинскій писатель; *Лалли-Толендаль*, или *Лалли-Толендаль* (Lally-Tolendal), французскій полководецъ въ Ост-Индіи; другой *Лалли-Толендаль*, сынъ его, извѣстный государственный человѣкъ въ концѣ XVIII вѣка; принцесса *Ламбаль*, другъ королевы Маріи-Антуанетты; *Ламетъ* (Lameth), знаменитый государственный человѣкъ конца XVIII вѣка; *Лами*, итальянскій писатель XVIII вѣка; *Ламія*, мифологическое лицо; *Ламійская война* между реками и Антипатромъ, по смерти Александра-Македонскаго; *Лампрідій*, римскій писатель IV вѣка; *Ланселотъ* или *Лансло* (Lancelot), герой рыцарскихъ романовъ; *Ландеръ* или *Лэндеръ* (Lander), знаменитый путешественникъ по Африкѣ; *Лангъ*, ганноверскій государственный человѣкъ; *Ланге*, нѣмецкій писатель XVIII вѣка; *Лангедокъ*, французская провинція; *Лангенбекъ*, знаменитый современный хирургъ; *Лангендикъ* (Langendijk), голландскій комическій писатель; *Ланузіумъ*, городъ въ Лаціумѣ; *Лаодамантъ*, сынъ Этеокла; *Лаодика* у трагиковъ Электра, дочь Агамемнона; *Ланиты*, вессалійское племя; *Ларше* (Larcher), переводчикъ Геродота; *Латимеръ*, или *Лэтимеръ* (Latimer), знаменитый англійскій епископъ XVI вѣка; *Лаубе*, нѣмецкій оэтъ; *Лалманъ*, знаменитый филологъ и проч.

Всего на 150 именъ слишкомъ 30 именъ пропущенныхъ! Мы имѣемъ полное право сказать, что редакція «Справочнаго Словаря» должна была оміѣстить ихъ въ свой списокъ, выбросивъ изъ него около 45 или 50

ничьи—незамѣчательныхъ и очень—наполнѣвшихъ именъ. Изъ вторыхъ многія напечатаны русскими буквами едва-ли не въ первый разъ въ «Справочномъ Словарѣ». Вотъ некоторые изъ нихъ:

Лабурёръ (скульпторъ); *Лаваль* (французскій городъ); *Лавозъ* (Lahoz), итальянскій генералъ; *Лаврассъ* (родъ вина); *Лазинио* (итальянскій гравёръ); *Лаксенбургъ* (загородный дворецъ близъ Вѣны); *Лаксъ* (Louis Lax), современный нѣмецкій писатель; *Лалльманъ* (французскій генералъ); *Ламбахеръ* (нѣмецкій писатель); *Ламбекъ* (тоже); *Ламбертъ* (1. Поездъ, писатель; 2. Погань, дипломатъ); *Ламонне* (Lamouisse, франц. писатель); *Лангенау* (австрійскій генералъ); *Ландскнехтъ* (городъ); *Ланчинскій* (иезуитъ); *Лассо* (композиторъ); *Лаубенберъ* (ветеринарный писатель); *Лаукгардъ* (нѣмецкій писатель); *Лауреръ* (австрійскій писатель) и еще столько же другихъ, или подобныхъ именъ. Большая часть этихъ собственныхъ именъ не вошла даже въ некоторые энциклопедическіе словари, изданные на ихъ роднѣхъ, превосходящіе объемомъ «Справочный Словарь» и потому вытѣсняющіе въ сей гораздо—большее число именъ. Исключивъ подобныя, никому ненужныя слова, редакціи «Справочнаго Словаря» имѣла бы мѣсто для немедленнаго въ него словъ, которыхъ насчитали мы, при всей осмотрительности въ выборѣ, *четвертую* долю противъ всего количества статей этого рода.

Послѣ составленія списка статей иностраннаго отдѣла на редакціи лежала вторая обязанность: опредѣлить важность каждой статьи и, сообразно съ этимъ, объемъ ея. Отъ этого очень—много зависѣло достоинство словаря. Возможно ли составить хорошій словарь, когда важныя статьи такъ расширились, что отняли мѣсто, нужное для того, чтобъ дать приличное развитіе важнѣйшимъ статьямъ? Еще болѣе можно ли составить удовлетворительный словарь, не потрудившись опредѣлить относительную важность (и вслѣдствіе ея—объемъ) статей? Въ этомъ отношеніи «Справочный Словарь» не выдерживаетъ самой снисходительной критики. Въ доказательство представляемъ въ двухъ параллельныхъ спискахъ объемъ нѣкоторыхъ статей, преимущественно на слово *Ла*:

Статьи слишкомъ—длинные.

Лабиринтъ 2 столбца.
Лавицкій (иезуитъ) 40 строкъ.
Лавръ (дерево) 2½ столбца.
Лагоць (генералъ) 2 ст.
Лакса (страна въ Аравіи) 23 строкъ.
Лалльманъ (генералъ) 1 столбецъ.
Ландскнехты 5½ столб.
Ланкло (красавица) 35 строкъ.
Лаперузь 4½ столбца.

Статьи слишкомъ—короткія

Ла или Ло 54 строкъ.
Лабораторія 37 строкъ.
Лагарцъ (воспитатель Импер. Александра) 14 строкъ.
Лаконика 17 строкъ.
Ламайская вѣра 26 строкъ.
Ланкастеръ (педагогъ) 20 строкъ.
Латинская Имперія (въ Константинополѣ) 7 строкъ.
Лафайетъ 1 столбецъ.

юльерское сраженіе 4 столбца.	Лафитъ (министръ) 38 строкъ.
Ронъ-Жакленъ (предвод. шуановъ) 3 столбца.	Левкрійская битва 20 строкъ.
ы (итал. мнгол. существа) 42 строки.	Лёнъ 20 строкъ.
уръ (австр. генераль) 3 $\frac{1}{2}$ столб.	Лессингъ 34 строки.
еть 3 $\frac{1}{2}$ столбца.	Либиъхъ 18 строкъ.
лезъ (иезуитъ) 2 столбца.	Ливія (жена Августа) 15 строкъ.
Всего 36 столбцовъ.	Всего менѣе 8 столбцовъ.

Противъ большей части выписанныхъ нами слишкомъ-длинныхъ и оважныхъ статей мы выставили слишкомъ-короткія и гораздо-болѣе нныя статьи одного рода, и получивъ такой выводъ: пятнадцать ста- менѣе-важныхъ занимаютъ почти въ пять разъ больше мѣста, не- ни пятнадцать же статей гораздо-болѣе важныхъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, невозможно не дивиться, видя, что какое-то ла- ьерское сраженіе описывается въ «Справочномъ Словарѣ», который иженъ дорожить мѣстомъ, на 4 столбцахъ, подвиги какого-то неслы- знаго итальянца Лагоца — на двухъ, Ларош-Жаклена — на 3, стран- зованія Лаперуза — на 4 $\frac{1}{2}$.

Не распорядившись какъ слѣдуетъ мѣстомъ, редація принуждена на сокращать очень-многія изъ тѣхъ статей, которыя должны со- авлять важнѣйшую по объему часть всякаго справочнаго словаря. У Старчевскаго эти статьи нерѣдко ограничиваются двумя-тремя фра- ми, невѣрными, или недостаточными. Примеры сейчасъ увидимъ.

Посмотримъ теперь, каковѣ самое изложение біографическихъ, исто- ческихъ и географическихъ статей переводнаго отдѣла. Главною за- чею ихъ должно быть: при всевозможной краткости въ подробностяхъ, оказать существенное значеніе описываемаго событія, или очертить су- щественно-важную сторону дѣятельности лица, показать, чѣмъ оно за- ѣчательно. Намъ скажутъ, что это задача трудная — можетъ быть, о только для составителя статьи, а не для сократителя, или простаго ереводчика. Мы не будемъ строго замѣчать мелкихъ промаховъ въ одахъ, цифрахъ, не будемъ обращать вниманія на опечатки, хотя всѣ ти мелочи важны въ справочной книгѣ. Важнѣе всего существенное одержаніе: только имъ мы и займемся.

«Ла или Ло (John Law)... предложилъ (эдинбургскому парламенту) рудить банкъ, который выдавалъ бы бумажныя деньги...» Не бумажныя деньги, а банковые билеты; это двѣ различныя вещи; но положимъ, что все-равно; что же особеннаго въ проектѣ банка, кото- рый станетъ выдавать билеты? Стоитъ ли говорить о непріятномъ предложеніи основать такой банкъ? Дѣло въ томъ, что банкъ Ло дол- женъ былъ выдавать билеты подъ залогъ земель, и черезъ это, по плану Ло, земля изъ недвижимаго имущества становилась движимымъ, или, лучше сказать, переходила въ руки государства — вотъ сущность

дѣла. Этихъ существенныхъ словъ: *подъ залогъ земли не прибавленъ* въ «Справочномъ Словарѣ», и оттого дѣло теряетъ смыслъ. Операциі Ло во Франціи, нѣкъ сущность, паденіе его системы изложены такъ, что ничего нельзя понять; даже не указана обширность его предпріятій, даже не сказано, что паденіе его системы имѣло слѣдствіемъ всеобщее разореніе; даже нѣтъ ни слова о томъ, какая бѣшевавшая биржевая игра была возбуждена его акціями. Кто справится о Ло въ «Справочномъ Словарѣ», тотъ почтетъ его однимъ изъ обанкрутившихся банкировъ и удивится, что о немъ до-сихъ-поръ толкуютъ.

«Лабиринтъ, разнообразно извитое тѣло, или зданіе, имѣющее много ходовъ и комнатъ. Последнее, разумѣется, справедливо, а по первому опредѣленію надобно подумать, что къ лабиринтамъ относятся книжки, мозгъ и т. д.

«Лаблашъ... за свой превосходный басъ былъ увезенъ одной пвицею, возвратился назадъ и дебютировалъ въ Неаполь». Не знаемъ, увозила ли его какая-нибудь пѣвица; но, во всякомъ случаѣ, не ей онъ обязанъ развитіемъ своего таланта, а Россіи, о чемъ не говоритъ «Справочный Словарь».

«Лабораторія (Laboratoria)» — не Laboratoria, а Laboratorium — мѣсто, въ которомъ производятся химическія операциі. Въ новѣйшее время такія лабораторіи устрояются преимущественно при университетахъ. Это справедливо только относительно ученыхъ, а не техническихъ лабораторій.

«Лабрадоръ. Полуостровъ на западномъ берегу Эаста; граничитъ съ Атлантическимъ Океаномъ.» Что за земля этотъ Эаст? Это не земля, а просто непонятое редакціею англійское слово east, восточный. Объясненіе своего промаха могъ бы найти «Справочный Словарь» въ концѣ своей статьи: восточный берегъ Лабрадора Англичане очень-натурально называютъ «восточною землею», East-Main; изъ первой половины этого слова въ «Справочномъ Словарѣ» произошла страна Эастъ, послѣ чего и оказалось, что Лабрадоръ лежитъ на западномъ берегу своего восточнаго берега...

«Лабрюйеръ, былъ казначеемъ въ Каеннѣ». Каенна — Caen, городъ во Французской Гвіанѣ (въ Южной Америкѣ); само собою разумѣется, что Лабрюйеръ былъ казначеемъ не тамъ, а въ Канѣ (Caen) городѣ, лежащемъ въ Нормандіи, или, по нынѣшнему раздѣленію, въ Кальвадосскомъ Департаментѣ. «Справочный Словарь» смѣшалъ эти два города; ошибку помогло, вѣроятно, то, что онъ слово Caen произноситъ Каэнъ.

«Лавоазье». Что сдѣлалъ Лавоазье для химіи, объ этомъ нѣтъ ни одного слова, кромѣ ошибочной мысли: «новѣйшая химія была создана до Лавоазье; требовалось только дать ей видъ науки; Лавоазье совершилъ это трудное дѣло». Нѣтъ, заслуги Лавоазье гораздо-важнѣе; онъ не только привелъ въ систему прежнія открытія, но и самъ сдѣ-

тъ еще важнѣйшія, на которыхъ основывается новѣйшая химія. Впрочемъ, объ открытіяхъ Лавоазье «Справочный Словарь» не говоритъ ни слова, довольствуясь тѣмъ, что «Лавоазье получилъ премію за рѣшеніе гроса объ освѣщеніи парижскихъ улицъ».

До-сихъ-поръ мы разбирали статьи подъ-рядъ; мѣсто не позволяетъ намъ продолжать такимъ образомъ, и мы должны ограничиться только дробнымъ разборомъ еще трехъ или четырехъ переводныхъ статей на огъ *Ла*, текстъ которыхъ выписываемъ вполнѣ, чтобъ показать читателямъ небрежность, съ которою онѣ составлены. Мы беремъ статьи на выборъ, а наудачу.

«Лагарпъ эксъ-директоръ Гельветической республики... (Слѣвательно, Лагарпъ еще живъ? потому-что «эксъ» употребляется только о живыхъ)... надворный совѣтникъ русской службы... (онъ лтъ награжденъ генеральскимъ чиномъ въ 1814 году) родился въ оль 1754 года... (Что это за Роль? гдѣ онъ? Конечно, имя гого незамѣчательнаго мѣстечка не попадетъ въ «Справочный Словарь»: этому было бы необходимо прибавить «въ Ватландѣ»)... двадцати лтъ онъ былъ докторомъ правъ и адвокатомъ въ Бернѣ... (изъ гого выходитъ, что онъ и докторомъ правъ былъ сдѣланъ въ Бернѣ: бтъ, онъ получалъ этотъ титулъ въ Тюбингенѣ; должно было придать разѣ другое устройство, чтобъ не вводить въ заблужденіе читателя), по скорь, по приглашенію Екатерины, отправился въ Петербургъ, въ качествѣ наставника Великихъ Князей Александра и Константина. Послѣдніе свои дни провелъ онъ близъ Парижа... По этому изложенію мы должны предполагать, что Лагарпъ уѣхалъ изъ Россіи ужъ старикомъ, для успокоенія—нѣтъ, онъ жилъ въ Россіи всего нѣсколько лѣтъ и уѣхалъ изъ нея въ 1793 году, прожилъ (и очень-дѣятельно) еще 45 лѣтъ; въ томъ числѣ послѣдніе двадцать лѣтъ въ Лозаннѣ, а не близъ Парижа)... занимаясь земледѣліемъ и естественными науками. Въ 1814 году принялъ участіе въ дѣлахъ (какихъ?) ходатайствомъ у Александра (о чемъ?) и успѣлъ упрочить независимость Кантона Ватландскаго. Умеръ въ 1838 году. (По этому изложенію надобно предполагать, что въ 1814 году ходатайствовалъ онъ о независимости Ватландскаго Кантона; ничуть не бывало: дѣло о Ватландскомъ Кантонѣ было ужъ въ 1815, на Вѣнскомъ Конгрессѣ, а императоромъ Александромъ въ 1814 году Лагарпъ былъ употребленъ по французскимъ дѣламъ).

Ламотъ-ле-Вайе родился 1588, сначала занимался изученіемъ законовѣдѣнія... (Этого мало, онъ былъ помощникомъ генерал-адвоката въ парламентѣ; надобно сказать: «сначала былъ законовѣдомъ». «Справочный Словарь» заставляетъ думать, что Ламотъ бросилъ законовѣдѣніе и не вступая на юридическую карьеру). Кардиналъ Ришелье открылъ ему доступъ во французскую академию и хотѣлъ сдѣлать его воспитателемъ дофина (не только

хотѣлъ сдѣлать, но и дѣйствительно сдѣлалъ); *смерть кардинала основала это дѣло...* (это значить, что послѣ смерти Ришелью ему поручили воспитаніе другого принца). *Лажотъ только въ 50 лѣтъ выступилъ на литературное поприще; особенно занимался исторіей и сложалъ имя французскаго Плуларха»* (Онъ замѣчательнѣе какъ философъ, нежели какъ историкъ).

Ланкастеръ англійское графство; поверхность его 480,000 гектаровъ и 828,318 жителей... (Прежде всего замѣтимъ, что въ этой фразѣ нѣтъ грамматическаго смысла; повторимъ, скажемъ, что, вѣроятно, когда-нибудь въ Ланкастерскомъ Графствѣ было 800,000 жителей, только это было очень-давно: теперь въ немъ до полутора милліона жителей). *Оно заключаетъ въ себѣ угольные копи...* (вѣроятно, каменно-угольные копи: «Справочный Словарь» позабылъ различіе между простыми и каменными углемъ), *железные, медные и сурьмяныя руды, и питаетъ большое количество скота. Производитъ значительную торговлю полотномъ, шолкомъ и хлопчатобумажною бумагою...* (подъ «полотномъ» должно понимать, вѣроятно, хлопчатобумажныя ткани). *Главный городъ Ланкастеръ съ 10,000 жителей...* (не съ 10,000, а съ 13,000). *Этотъ городъ посылаетъ въ Парламентъ двухъ депутатовъ* (что же тутъ особеннаго? стоить ли говорить объ этомъ?). *Титуль герцоговъ ланкастерскихъ имѣли многіе принцы, оспаривавшіе престолъ у дома Йоркскаго; эти споры кончились бракомъ Генриха VII, герцога Ланкастерскаго съ наслѣдницею дома Йоркскаго...* и т. д. «Иныя многіе герцоги, оспаривавшіе—это значить, были и другіе сохранили у дома Йоркскаго, кромѣ герцоговъ ланкастерскихъ. Опять неточность въ выраженіи. Последняя половина этого періода относится уже къ статьѣ «Герцоги Ланкастерскіе», которая, замѣтимъ кстати, помѣщена въ «Справочномъ Словарѣ» подъ слогомъ *Ле*, потому-что, читая имя графства Ланкастеръ, «Справочный Словарь» читаетъ фамилію графовъ Ленкастеръ, точно также, какъ и имя города, который такимъ-образомъ описанъ два раза въ двухъ различныхъ мѣстахъ и, сверхъ того, названъ воанглійски Lancashire — именемъ графства, а не города, какъ извѣстно всякому, имѣвшему въ рукахъ порядочную географію. Напомнимъ еще «Справочному Словарю», что въ Ланкастерскомъ Графствѣ находятся Ливерпуль и Манчестеръ, о чемъ слѣдовало бы упомянуть, хотя бы съ утробомъ извѣстію о депутатахъ, посылаемыхъ городомъ Ланкастеромъ и сурьмянымъ рудамъ, которыми богато графство.

«Лассенъ, род. въ Бергенъ... (но Бергеновъ много: въ которомъ же?)... 1800 года; по смерти отца переселился съ матерью въ 1821 году въ Альтону; съ 1822 года учился въ Гейдельбергъ и Боннѣ богословію; потомъ жилъ два года въ Парижѣ и Лондонѣ возвратился въ Боннъ, съ 1827 г. былъ принятъ доцентомъ тамошняго университета, съ 1830 г. профессоромъ.» Служите же,

о такой Лассенъ? По «Справочному Словарю», не правда ли, богословъ? о всякому извѣстно, что онъ санскритологъ. Превращеніе произошло — просто: сокращая статью о Лассенѣ, «Справочный Словарь» по-лѣ неважнымъ дѣломъ выброситъ какую-нибудь фразу, въ родѣ слѣдующей: *но скоро, оставивъ богословіе, Лассенъ занялся саммитскимъ языкомъ и сдѣлался однимъ изъ первыхъ ориенталистовъ.*

Повторяемъ: мы не выбирали статей, а брали ихъ наудачу. Намъ кажется, что, послѣ этого разбора, имѣемъ право сказать о біографическихъ географическихъ переводныхъ статьяхъ «Справочнаго Словаря», что гдѣ наполнены всякаго рода промахами, обмолвками и недомолвками, что гдѣ изложеніе страдаетъ темнотою и неполнотою, что очень-часто въ гдѣтъ необъяснено именно существенное, а говорится только о подробностяхъ, никому изъ читателей ненужныхъ и могущихъ только ввести въ заблужденіе.

Переходимъ къ статьямъ изъ другихъ наукъ; разберемъ нѣсколько важнѣйшихъ изъ нихъ по объему.

Первая статья большаго размѣра — Лавръ, вѣрная своему происхожденію, носить на себѣ специально-медицинскій характеръ и кажется скорѣе статьею медицинскаго лексикона, нежели «Справочнаго Словаря»; она богата прекрасными подробностями о томъ, что «насадители коричнеаго лавра — цейланскіе вороны и дикіе голуби, поглощая зрѣлые плоды, имѣющіе неудобоваримыя ядра, разносятъ ихъ по лѣсамъ»... Интересующіеся знать дальнѣйшій ходъ дѣла, благоволятъ справиться въ «Справочномъ Словарѣ».

Латинскій языкъ. Статья начинается писаннымъ какъ-будто бы за двѣсти лѣтъ до нашего времени трактатомъ о похвальныхъ и непохвальныхъ свойствахъ латинскаго языка; потомъ увѣряетъ, что латинскій языкъ есть «соединеніе двухъ элементовъ: греческаго и варварскаго. Грамматика латинскаго языка есть греческая». Выписавъ подобныя фразы, мы уже не имѣемъ надобности прибавлять, что статья эта ниже всякой посредственности. Она писана едва-ли еще не Діонисіемъ-Галикарнасскимъ, на котораго часто ссылаются.

«Лена (Lehen, латинское слово Feudum)» — вы угадываете по нѣмецкому и латинскому переводу, что это «ленъ», а не «лена»; но вы не угадаете, чѣмъ наполнена эта статья, занимающая $4\frac{1}{2}$ столбца. Вы думаете, что въ ней излагается исторія леннаго устройства, его развитія и паденія? вы думаете, что къ этому прибавленъ обзоръ отношеній между вассаломъ и сюзереномъ? Нѣтъ, обо всемъ этомъ ни слова. Что же такое находится въ этой статьѣ? Непонятный и ненужный ни для кого, кромѣ юристовъ, специально-занимающихся исторіею гражданскаго права въ средніе вѣка, реестръ всѣхъ мелкихъ подраздѣленій ленныхъ владѣній различнаго рода, которыхъ вычислено въ этой статьѣ, вѣроятно, болѣе сотни. Вотъ для примѣра буквальная выписка:

«Были слѣдующіе роды лены (то-есть лена): Feudum hereditarium (Erb-lehn), наследственная лена; Feudum imperii, имперская лена (Reichslehn); Feudum improprium, (этотъ терминъ непереведенъ, потому-что не воятъ); Feudum jurisdictionis то-есть отданная въ лену судебная власть; Feudum keminadæ (Kemnadenlehn) — *тоже не переведено, потому-что не помято*; — Feudum masculinum, мужская лена (Mannslehn), Feudum arrigo-ratum, заложная лена; Feudum paternum, такая лена, которою владѣть уже дѣдъ настоящаго вассала; Feudum peregrinum, вѣшняя лена, противоположная; Feudo domestico (домашней лень); Feudum pignoratitium (Pfandlehn), которая дана въ залогъ въ слѣдствіе какого нибудь требова-нія; Feudum proprium, Feudum rectum, настоящая лена; Feudum regale, лена съ которою сопряжено право верховной власти государя; Feudum rusticum (Bauernlehn), крестьянская лена; Feudum salinum, то-есть соляной ключъ, отданный въ лену» и т. д.

Это перечисленіе тянется на четырехъ столбцахъ. Есть предѣлы для странности—но, какъ видите, эта статья переходитъ всѣ предѣлы второяго: помѣстить въ «Справочный Словарь» оглавленіе юридическаго трактата безъ всякихъ объясненій, и занять этимъ оглавленіемъ четыре столбца—это казалось бы намъ дѣломъ невозможнымъ, если бы «Справочный Словарь» не совершилъ его.

Лошадь. Чтобъ дать понятіе объ этой статьѣ, занимающей 4 столбца, скажемъ, что цѣлый столбецъ посвященъ описанію того, какими образомъ въ Южной Америкѣ ловятъ и объѣзжаютъ дикихъ лошадей, а потому еще столбецъ — исторіи лошадиныхъ зубовъ.

Луна. Изъ этой статьи мы узнаемъ, что луна есть «созвѣдіе»: полнолуніе бываетъ, по мнѣнію «Справочнаго Словара», когда луна бываетъ «прямо противъ солнца»; но «Словарь» забылъ, что и новолу-ніе бываетъ также тогда, когда луна стоитъ «прямо противъ солнца». Новомѣсячіе, впрочемъ, продолжается, по словамъ «Справочнаго Словара», четырнадцать дней. Затмѣніе луны «можетъ произойти только тогда, когда луна, во время полнолунія удалена отъ *одной изъ точекъ своего пути* (??) не болѣе какъ на $12\frac{1}{4}^{\circ}$ ».

Читатели могутъ судить, слишкомъ ли мы будемъ строги, если скажемъ, что статьи по наукамъ въ «Справочномъ Словарѣ» — или переведены, съ такимъ незнаніемъ дѣла, что наполнены ошибками и непонятными мѣстами, или — выписаны цѣлкомъ изъ совершенно-спеціальныхъ сочиненій такимъ-образомъ, что вяжутся рѣшительно неумѣстными въ «Справочномъ Словарѣ», потому-что, не давая краткаго, но яснаго понятія о сущности предмета, состоятъ изъ мельчайшихъ, никому, кромѣ спеціалистовъ, ненужныхъ и непонятныхъ подробностей о какой-нибудь неважной сторонѣ предмета.

Но, перелистывая «Справочный Словарь», вы проникнетесь чувствомъ благодарности къ его редакціи за то, что она предоставила такое широкое мѣсто статьямъ, относящимся къ Россіи: онѣ занимаютъ половину всего тома. И, однакожь, мы не поручимся за то, чтобъ у васъ не родилась,

ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ статей, такая мысль : редакція оставила для нихъ такое широкое мѣсто потому только, что перепечатывать въ русскихъ словарей гораздо-удобнѣе, нежели переводить изъ иностранныхъ. И дѣйствительно, перепечатывать очень-удобно. Судите же. Сличаемъ статьи «Военнаго Энциклопедическаго Лексикона», изданнаго покойнымъ барономъ Л. П. Зедделеромъ, на слогъ *Ла* (часть I, стр. 1—122) и находимъ, что подъ соответствующими статьями «Справочнаго Словаря» перепечатаны статьи «Военнаго Энциклопедическаго Лексикона» : *Лабораторія* 24 строки ; *Лабораторное искусство* 32 строки ; *Лавалеттъ** (1) 14 строкъ ; *Лавръ* (*Лавтасъ*) 16 строкъ ; *Лагосъ* 8 строкъ ; *Лагоць** 4 столбца ; *Лаужское Озеро* 1 столбецъ 14 строкъ ; *Лазаретъ* 10 строкъ ; *алльманъ** 1½ столбца ; *Ламаркъ* 2⅔ столбца ; *Ламбертъ** (*Josph Gaspard*) 1 столб. ; *Ламбертъ* (генералъ) 1⅔ столбца ; *Лампо-Качони* 1 столб. ; *Ламбсдорфъ** 1½ столбца ; *Ландау* 1 столб. ; *Ландверъ** 3 столб. ; *Ландмилиція въ Россіи* болѣе 6 столб. ; *андреси** 30 строкъ ; *Ландскнехты** 8 столбцовъ ; *Ландскрона** 1 столбецъ ; *Ланнъ** болѣе двухъ столбцовъ ; *Ланнуа** 34 строки ; *Ларузь** 6½ столбцовъ ; *Ланно* болѣе 1 столбца ; *Ларга* 3⅔ столб. ; *арутьеръ** 6 столбцовъ ; *Ларошель* 25 строкъ ; *Ларошъ-Жакленъ** 1 столбца ; *Лассаль** 3 столбца ; *Ласси* (1, Петръ Ивановичъ 2, Борисъ Петровичъ 3, Францъ)* 13 столбцовъ ; *Ластъ** 7 строкъ ; *Латуръ** 5 столбцовъ ; *Латуръ-Мобуръ** 1½ столбца ; *Лафетъ* 5 столбцовъ.

Въ сложности, всѣ отмѣченныя нами перепечатки составляютъ 91 столбецъ, или 45½ страницъ (изъ 120 печатныхъ страницъ всего изданія) «Военнаго Энциклоп. Лексикона» (болѣе третьей доли всего текста) и занимаютъ въ «Справочномъ Словарѣ» болѣе 60 столбцовъ, или 60 страницъ (изъ 98 печатныхъ страницъ всего текста) «Справочнаго Словаря.»

Мы не будемъ, однако, слишкомъ обвинять редакцію за то, что она перепечатываетъ, и перепечатываетъ, ни однимъ словомъ не намекая, откуда взята ею статья ; но упрекаемъ ее за то, что она такъ перепечатываетъ. Брать цѣликомъ огромныя статьи изъ спеціальнаго военнаго словаря, равнаго по объему съ нашимъ, въ нашъ энциклопедическій словарь, гдѣ для военнаго отдѣла должна быть назначена развѣ десятая, если не меньше, часть всего количества листовъ— это чѣмъ же это сообразно? И наполнять этими перепечатанными изъ одного спеціальнаго лексикона статьями цѣлую треть своего изданія— возможно ли это? Это значитъ отнимать у себя мѣсто для статей по другимъ отраслямъ наукъ и біографіи. Но редакція «Справочнаго Словаря» не дорожитъ мѣстомъ : она, кажется, думаетъ о томъ только,

(1) Звѣздочкой мы отмѣчаемъ статьи, перепечатанныя цѣликомъ.

как бы полегче набрать текстъ. Впрочемъ, перепечатывая иная статьи военного лексикона, «Справочный Словарь» по-крайней-мѣрѣ приобретаетъ хорошія статьи со смысломъ, хотя и несоответствующія по своей специальности цѣли энциклопедическаго словаря. Когда же онъ вздумаетъ перепечатывать ихъ не цѣлкомъ, онъ имѣетъ несчастіе выпускать именно тѣ отдѣлы, которые необходимо—нужны для пониманія перепечатанныхъ статей. Такъ, напримѣръ, статья «Справочнаго Словаря» Лафетъ — перепечатка той части статьи «Военнаго Энциклопедическаго Лексикона», которая говоритъ объ устройствѣ лафетовъ въ русской артиллеріи. «Справочный Словарь» не замѣтилъ, что въ этой части статьи «Военнаго Лексикона» находится постоянно ссылки на устройство лафетовъ во французской артиллеріи, такъ—что въ отдѣльности эта часть статьи непонятна — и перепечаталъ ее, не выпустивъ и не объяснивъ этихъ ссылокъ на перепечатанную часть статьи. И вотъ мы имѣемъ удовольствіе читать фразы въ родѣ слѣдующей: «для нашихъ единороговъ употребляется лафетъ, устроенный по образцу французскаго горнаго лафета»; что такое французскій горный лафетъ, извѣстно читателю «Военнаго Лексикона», но никакимъ образомъ неизвѣстно читателю «Справочнаго Словаря».

Изъ 74 статей «Военнаго Лексикона» на слогъ *Ла* перепечатано «Справочнымъ Словаремъ» 36 статей, или ровно половина. Послѣ этого вы можете ожидать, что уже не опущено ни одной важной статьи—ничуть не бывало. Опущены, между прочимъ, статьи: *Лабіэнь, Лабурдоне, Лагеръ, Лалли-Толендаль, Ластовыя суда*; за-то перепечатаны *Ламбро-Качони, Лагоцъ, Лагосъ, Ланто* и т. п. Какое же выборъ!

Но за перепечатки должно еще благодарить редакцію «Справочнаго Словаря», потому—что, когда она рѣшается передѣлывать статьи, выходить еще хуже. Въ доказательство, сравнимъ съ оригиналомъ нѣкоторыя изъ статей, взятыхъ «Справочнымъ Словаремъ» изъ «Словаря Достопамятныхъ Людей» Бантыша-Каменскаго (часть третья, Москва 1836 г.). Возьмемъ, напримѣръ, статью Левашовъ, *Василій Яковлевичъ*:

Словарь Достопамятныхъ Людей.

... бросяся къ брату на помощь, убилъ *Татарина*, его преслѣдовавшаго...
... оставленъ былъ съ флотиліею для *перевѣтїя* судовъ непріятельскихъ...
и т. д.

Левашевъ, Алексѣй, обучался въ Заиконоспасской Академіи.

Справочный Словарь.

... бросяся къ брату, убилъ его преслѣдователей (изъ одного стало уже много, для красоты слога).
оставленъ былъ съ флотиліею для *обезпокованїя* непріятельскихъ судовъ («Спр. Слов.» не знаетъ, что *досмѣ*—мелкія суда и *обезпокованїя* флот—двѣ различныя вещи).
... *первоначальное* образованіе получилъ въ Заиконоспасской Академіи... (образованіе въ ней давалось не первоначальное).

Однимъ словомъ: будьте увѣрены, что каждое измѣненное противъ оригинала слово — промахъ. Къ-счастью, «Справочный Словарь» рѣдко

звѣняетъ фразы: для того, чтобъ сократить статью, редакціи кажется остаточнымъ вычеркнуть въ оригиналѣ столько строкъ, сколько ей заблагоразсудится: можно представить себѣ, какъ связаны выходятъ такіа сокращенія! Притомъ же она очень-оригинально понимаетъ, что важно и потому должно быть удержано) и что жаловажно (и потому должно быть вычеркнуто). Всѣ мельчайшія подробности послужнаго списка ей кажутся необходимыми; все сколько-нибудь характеризующее человека, или служащее объясненіемъ для его дѣйствій, благоприятныхъ или неблагоприятныхъ событій его жизни — она считаетъ приличнымъ выпускать; даже случается, что главнѣйшій фактъ всей біографіи при сокращеніи выпускается «Справочнымъ Словаремъ». Въ примѣръ всего этого представимъ статью о *Лестоки*. Имя Лестока извѣстно въ исторіи, конечно, только тѣмъ, что онъ выказалъ свою преданность императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ при вступленіи ея на престолъ — объ этомъ даже не упомянуто въ статьѣ «Справочнаго Словара», хотя рассказъ объ этомъ составляетъ большую половину перепечатанной въ немъ статьи «Словари Достопамятныхъ Людей»; за-то въ «Справочномъ Словарѣ» сказано, что онъ «старался о избраніи наследнаго датскаго принца Фридриха на шведскій престолъ» и прибавлена подробность, которой нѣтъ въ «Словарѣ Достопамятныхъ Людей»: «онъ умеръ бездѣтнымъ, исповѣдуя реформатскую вѣру»... само собою разумѣется, что членъ реформатской церкви исповѣдуетъ реформатскую вѣру — и еще другая подробность, что «первая его супруга была урѣжденная «Мюллеръ, а вторая—Марія Аврора фонъ-Мендгенъ». Важную новость также въ этой статьѣ составляетъ извѣстіе, что Лестоку въ заточеніи «пилъ зельтерскую воду». Статья «Словари Достопамятныхъ Людей» содержитъ въ себѣ много интереснаго, рассказываетъ жизнь Лестока такъ, что ясны причины и связь событій — ничего этого не осталось въ статьѣ «Справочнаго Словара», который, однако, считаетъ нужнымъ въ точности сообщить намъ, какъ велико было награжденіе, данное Лестоку императрицею Екатериною II, и для этого неопредѣленное выраженіе «Словари Достопамятныхъ Людей»: «Императрица Екатерина II облегчила бѣдственное положеніе Лестока пожалованіемъ ему пенсіи и номѣстья въ «Лифляндіи» замѣняетъ слѣдующею фразою: «Екатерина II пожаловала «Лестоку пенсіонъ : 7,000 руб. и 30 гаковъ въ Лифляндіи».

Такія біографіи писать ничего не стоить, зато и онѣ ничего не стоить. Чтобъ показать читателямъ, какъ легко дѣлать біографіи въ родѣ печатаемыхъ въ «Справочномъ Словарѣ» и какъ много существеннаго можно извлечь изъ нихъ, мы сами, нисколько не затрудняясь, составимъ сейчасъ біографію... чью бы, напримѣръ? Ну, хоть Александра Македонскаго. Слушайте:

«*Александръ Македонскій* род. 356 г. въ Пеллѣ. Еще въ юности показалъ онъ неустранимость своего духа, укротивъ Букефала, коня съ головою похожею на волювью. Переѣхавъ черезъ Геллеспонтъ (за-

чѣмъ— не стоить и говорить объ этомъ), онъ почтилъ память Ахилеса играми на гробъ его, и выказалъ свою благодарность Аристотелю (за чтò, мы не сказали, потому-что вамъ этого не нужно знать), присылая изъ Азіи ему рѣдкихъ звѣрей. Знаменитъ походъ его къ Юпитеру Амону, храмъ котораго былъ въ Эастѣ (если вы помните статью о Лабрадорѣ, то знаете эту страну). Умеръ онъ 11 или 13 іюня 323 года. Послѣ него осталась вдовою супруга его Роксана. Родомъ Александръ Македонскій былъ македонянинъ.»

Не правда ли, вѣдь это тоже біографія? Вотъ такого-то характера почти всѣ біографіи въ «Справочномъ Словарѣ»!

Мы видѣли, какъ воспользовался «Справочный Словарь» «Военнымъ Энциклопедическимъ Лексикономъ». Посмотримъ, какъ онъ пользуется другими матеріалами для русскихъ статей, и, для краткости, ограничимся однимъ извѣстѣйшимъ: «Исторією» Карамзина и «Ключомъ» къ ней г. Строева. Вотъ списокъ статей на букву *Л*, которыхъ редакция не замѣтила въ «Ключѣ», или не сочла довольно-важными, между-тѣмъ, какъ помѣстила множество другихъ, гораздо-менѣе важныхъ:

Лавръ (половецъ, содѣйствовавшій бѣгству Игоря); *Ладомскій порогъ*; *Лазарь Домажиричъ*, бояринъ галицкій; *Лазарь*, тысячій кievскій; *Лаисъ*, городъ; *Лаче, озеро*; *Левъ*, царевичъ греческій; *Левъ Георгіевичъ*; *Леонидъ*, архіепископъ новгородскій; *Лешко Бѣлый* и *Лешко Черный*, герцоги польскіе; *Ли*, англійскій посолъ; *Лисовскій*; *Литупрандъ*; *Лобное мѣсто* (въ Москвѣ); *Лопастна* или *Лопасня*, рѣка; *Лука Клементіевичъ* и *Лука Федоровичъ*, посадники новгородскіе; *Лукомль*, городъ; *Луки Великіе*; *Лутичи*; *Луцкъ*; *Лыбедь*; *Лыцловъ*; *Лыковъ-Оболенскій*, Михаилъ Юрьевичъ; *Любечъ*...

Разборъ нашъ показалъ, съ какою небрежностью составленъ «Справочный Словарь». Но такова необходимость у насъ въ энциклопедическомъ словарѣ, что и «Справочный Словарь» прибрѣтетъ издателемъ своимъ право на благодарность отъ многихъ, неимѣющихъ подъ руками ни иностранныхъ энциклопедій, ни большой бібліотеки русскихъ историческихъ и географическихъ книгъ. Дурно дѣлаетъ редакция, составивъ свой словарь такъ небрежно; но хорошо она дѣлаетъ, что оканчиваетъ свое изданіе, не останавливаясь на первыхъ томахъ, какъ это случилось съ «Энциклопедическимъ Лексикономъ» г. Плюшара.

Учебникъ Русской Словесности. Часть II. Исторія русской словесности А. Охотина. *Кронштадтъ. 1854. Въ 8 д. л. 224 стр.*

Читателямъ, знакомымъ съ достоинствами учебниковъ по исторіи русской литературы, для оцѣнки книжки г. Охотина будетъ совершенно достаточно его собственное признаніе, что «руководствомъ и пособіемъ при составленіи исторіи русской словесности, также при изясненіи содѣ-

мѣй и сужденій (??); о писателяхъ служили автору... Столѣтіе русской литературы Мизко» и «Руководство» г. Зеленецаго. Книга г. Охотина не обманываетъ надеждъ, возбужденныхъ ея предисловіемъ. Такъ, напримѣръ, «ученые труды» Тредьяковскаго перечисляются съ слѣдующею точностью: 1) «Способъ россійскаго стихотворства... 6) О римскихъ императорахъ, *«родословная татарская* (??); 7) Наука о стихотворствѣ Буало; 8) Ызда на Островъ Любви» (и это также *«челный трудъ*?) Стихи Тредьяковскаго выписываются столь же вѣрно...

Еще интереснѣ свѣдѣнія, сообщаемыя г. Охотинымъ о новѣйшей литературѣ: Неудрно, напримѣръ, мѣсто изъ главы о романахъ, которые г. Охотинъ причисляетъ къ *прозѣ*, а не къ поэзи, раздѣляющей у него только на лирическую и драматическую (стр. 7), вѣроятно, потому, что эпическая поэзія относится къ прозѣ. «Нравоописательные романы Ивашъ Выжигинъ, Петръ Выжигинъ и Записки Чухина, проникнутые юморомъ, по изобрѣтательности вымысла, свѣтской наблюдательности и чистотѣ слога, читаются съ наслажденіемъ» (стр. 132). Конечно, послѣ этого вы не удивитесь, если г. Охотинъ остается очень недоволенъ романами г. Лажечникова. Кромѣ «Записокъ Чухина» и проч., «замѣчательны еще по пріятности слога и искусству изложенія романы: «Бородинское ядро»; «Князь Курбскій, г. Федорова»; романъ «Параша, дочь сельскаго священника» (неизвѣстно чей, и неизвѣстно, существующій ли въ русской литературѣ), «Повѣсти» Каменскаго, «Провидѣніе», «Магическіе очки» и «Солнечный лучъ» г. Штевена, «Козаки» Кузьмича, и т. д. Позабыты только гг. Брандтъ (авторъ «Жизни какъ она есть»), г. Зряховъ и Фодотъ Кузьмичевъ. Безъсомнѣнія, г. Охотинъ дополнить это, конечно, непредназначенное опущеніе во второмъ изданіи своей книги.

Изображеніе современнаго состоянія Турціи, въ географическомъ, статистическомъ, религіозномъ и военномъ отношеніяхъ, изъ сочиненія М. А. Убичини. Санктпетербургъ. 1854. Въ тип. II Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи. Въ 12-ю д. л. XX и 146 стр.

Эта книжечка — сокращеніе извѣстныхъ писемъ о Турціи: *Lettres sur la Turquie, ou tableau statistique, religieux, politique, administratif, militaire, commercial etc. de l'Empire Ottoman, par M. A. Ubicini*. Прочитавъ ея заглавіе, каждый будетъ думать, что въ ней можно найти такого рода сокращеніе книги Убичини, которое, хотя въ сжатомъ видѣ, даетъ понятіе обо всѣхъ частяхъ подлинника и знакомитъ читателя съ Турціею во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, на которыя указано въ заглавіи. Ожиданія читателя еще болѣе увеличатся, когда онъ пробѣжитъ введеніе къ этой книжечкѣ, переведенное почти цѣлкомъ изъ сочиненія Убичини, и которое къ полному сочиненію могло быть приложено, но для разбираемаго нами сокращенія его слишкомъ-

многозначительно, слишком—многообъясняюще. Въ этомъ введеніи встрѣчаются такого рода выраженія : «Но что же такое сама Турція, для которой готовится рѣшеніе страшнаго *tobe or not tobe*? Изъ какихъ элементовъ состоитъ она? И какое заключеніе можно сдѣлать касательно существованія или паденія Турціи, рассматривая политическое значеніе, внутреннее устройство, военныя силы и прочія средства этого государства? Вотъ вопросы, покуда еще никто не тронулъ!» (стр. II); или, напримѣръ, далѣе на страницѣ XV : «для изслѣдованія этого танзимата или новаго устройства Турціи, необходимо принимать разборъ составныхъ его частей, которыя касаются политики, администраціи, правленія и пр.»... Вообще смыслъ этого введенія таковъ, что заставляетъ подозрѣвать обильный запасъ фактовъ, которые должны вести къ ясному уразумѣнію современнаго быта Оттоманской Имперіи; а между-тѣмъ въ самой книжечкѣ, въ которую внесены на выдержку нѣкоторыя только главы сочиненія Убичини, очень-мало найдется свѣдѣній, которыя соответствовали бы какъ общему смыслу введенія, такъ и смыслу приведенныхъ изъ него многообъясняющихъ фразъ.

Сократитель сочиненія Убичини сократилъ его до такой степени, что даже не позаботился о сохраненіи тѣхъ главъ, которыя необходимы были для выполненія обѣщаній, сдѣланныхъ въ самомъ заглавіи сокращенія. Заглавіемъ его обѣщано изображеніе современнаго состоянія Турціи въ *статистическомъ* отношеніи, а между-тѣмъ всѣ главы писемъ Убичини, составляющія обзоръ Турціи собственно въ статистическомъ отношеніи, выпущены, то-есть выключены цѣлкомъ ровно тринадцать главъ, въ которыхъ дѣло идетъ объ образѣ правленія, законодательствѣ, администраціи, судопроизводствѣ, образованіи, финансахъ, торговлѣ, состояніи земледѣлія и промышленности и путяхъ сообщенія въ Оттоманской Имперіи. Находящійся въ началѣ этой книжечки общій обзоръ Турецкой Имперіи есть собственно географическій обзоръ ея; если въ него и внесено нѣсколько статистическихъ фактовъ, вносимыхъ обыкновенно во всякій географическій учебникъ для пополненія и оживленія географическихъ свѣдѣній, то это вовсе еще не давало сократителю права поставить въ заглавіи своего сокращенія слова «въ статистическомъ отношеніи», потому-что настоящею статистическою частью сочиненія Убичини должно несомнѣнно почестъ тѣ именно главы, которыя выпущены, какъ показываетъ и содержаніе ихъ; а краткій обзоръ, которымъ начинается сочиненіе, есть только предварительный, бѣглый взглядъ на Турцію, служащій какъ-бы введеніемъ къ подробному ея изученію. Трудно понять, отчего господинъ сократитель удержалъ, между прочимъ, только главу о дerviшахъ, которая, конечно, можетъ имѣть своего рода интересъ, но отнюдь не заслуживаетъ помѣщенія въ сокращенномъ обзорѣ Турціи, составитель котораго такъ дорожилъ каждою страницей, что даже выпустилъ свѣдѣнія, гораздо-болѣе занимательныя чѣмъ рассказы о дerviшахъ. Сословіе это, утратившее уже свое прежнее значеніе, имѣетъ

олько по-временамъ случайное и то весьма-косвенное вліяніе на ходъ Блѣ въ Оттоманской Имперіи.

Въ разбираемой нами книжкѣ помѣщены слѣдующія главы: краткое географическое и статистическое обзорніе имперіи; о духовномъ словіи и дервишахъ; о сухопутномъ войскѣ; о морскихъ силахъ. Сократитель просто перевелъ эти главы съ самыми незначительными перемѣнами

Но не-уже-ли онъ думалъ, что взятыхъ имъ главъ достаточно будетъ для того, чтобъ дать точное понятіе объ Оттоманской Имперіи? Какое значеніе можетъ имѣть для читателя исчисленіе сухопутныхъ и морскихъ силъ Оттоманской Имперіи, безъ изображенія финансовъ ея—тѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ, посредствомъ которыхъ правительство турецкое должно приводить въ движеніе эти морскія и сухопутныя силы, представляемыя читателю въ перечняхъ? Само-собой разумѣется, что безъ знанія внутренняго быта государства перечни его силъ сухопутныхъ и морскихъ ничего не значать.

Впрочемъ надобно замѣтить, что Убичини, несмотря на всѣ свои достоинства, вовсе не такой авторъ, которому можно было бы вполне вѣрится. Сочиненіе его вездѣ проникнуто пристрастіемъ къ туркамъ, пристрастіемъ, основаннымъ можетъ-быть, на неправильномъ пониманіи ихъ нравственныхъ качествъ, а можетъ-быть, и просто на спекуляціи, на желаніи сбыть какъ-можно-больше экземпляровъ своей книги въ Западной Европѣ, гдѣ нынче большая мода на похвалы туркамъ. Сочиненіемъ его слѣдуетъ пользоваться какъ источникомъ. Извѣстія, сообщаемыя Убичини, непременно надо повѣрять съ извѣстіями другихъ писателей, и всегда, а преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его нельзя ни съ кѣмъ повѣрять, противопоставлять его рассказамъ о современномъ положеніи Турціи сказанія достовѣрныхъ писателей, видѣвшихъ Турцію прежде эпохи преобразования, съ тѣмъ, чтобъ черезъ сличеніе этихъ двухъ свидѣній можно было повѣрять его отзывы, то-есть, по крайней-мѣрѣ судить о правдоподобіи ихъ, о возможности существованія всего того, что приписываетъ онъ нынѣшней Турціи.

Переводъ довольно-порядочный, хотя въ иныхъ мѣстахъ переводчикъ является неочень-глубокимъ знатокомъ французскаго языка. Такъ, напримеръ, выраженіе: *solidarité des derviches et des janissaires*, которое можно приблизительно перевести: тѣсная связь между дервишами и янычарами (говоря юридическимъ языкомъ: одинъ за всѣхъ и всѣ за одного), у него переведено: *стойкость дервишей* (стр. 53). *Les enfants de tribut*—дѣти, отдаваемыя въ видѣ дани турецкому правительству отъ подвластныхъ ему иновѣрныхъ народовъ, у него переведено: *дѣти кантоновъ* (91)! Названіе Египта, *Мисръ*, на основаніи какого-то неизвѣстнаго правила о французскомъ произношеніи у переводчика пишется *Мизръ*, и пр.

О производительныхъ силахъ Россіи, сочиненіе майнаго совѣтника, члена Государственнаго Совѣта А. В. Тенгоборскаго. Часть первая. Переводъ съ французскаго, съ дополненіями и измѣненіями втораго изданія. Москва. Въ Университетской тип. 1854. Въ 8-ю д. л. 359 стр.

О сочиненіи г. Тенгоборскаго мы говорили уже подробно въ нѣсколькихъ статьяхъ, почти при самомъ появленіи его на французскомъ языкѣ. Профессоръ политической экономіи и статистики въ Московскомъ Университетѣ, Н. В. Вернадскій, издалъ теперь первую часть этого сочиненія на русскомъ, въ переводѣ, сдѣланномъ его слушателями и имъ тщательно пересмотрѣнномъ. Печатаніе перевода замедлилось по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, и оно было уже кончено, когда появилось на французскомъ второе изданіе первой части (1854), заключающее въ себѣ много измѣненій на основаніи новыхъ данныхъ послѣдней ревизіи и т. п. — всѣ эти измѣненія и дополненія г. Вернадскій помѣстилъ въ особомъ приложеніи, въ концѣ изданной имъ нынѣ первой части перевода. Вторая часть уже печатается. Такимъ-образомъ русская литература вскорѣ обогатится однимъ изъ лучшихъ систематическихъ трудовъ въ области хозяйственной статистики, который до-сихъ поръ былъ, такъ-сказать, чуждъ ей, потому-что хотя и принадлежитъ нашему соотечественнику, но изданъ былъ первоначально на французскомъ языкѣ.

Курсъ Древоводства, сочиненіе М. А. Дю-Брейля. Переводъ съ французскаго, изданъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ. Санктпетербургъ. 1852. Два тома, въ 8-ю д. л. 474 и 801 стр. (1).

Сочиненіе это, напечатанное на французскомъ языкѣ первымъ изданіемъ въ 1846 и вторымъ въ 1851 годахъ, приобрѣло большую извѣстность и, безспорно, въ высшей степени полезно, какъ превосходное руководство для всякаго, желающаго основательно ознакомиться со всеми приемами, необходимыми при разведеніи разныхъ лѣсныхъ и плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ. Переводъ сочиненія Дю-Брейля, сочиненія чрезвычайно-обстоятельно излагающаго правила ухода за деревьями, восполняетъ весьма-существенный недостатокъ въ нашей сельско-хозяйственной литературѣ. Сочиненіе это (во второй части) заключаетъ въ себѣ статьи о питомникахъ (стр. 120—243), о культурѣ деревь лѣсныхъ (243—442 стр.), садовыхъ (442—474 стр. I т.) и плодовыхъ (весь II томъ). Добавимъ, что книга снабжена весьма-хорошо исполненными полиптижами (болѣе 690) и издана прекрасно.

(1) Продается въ Петербургѣ, въ типографіи Министерства Государственныхъ Имуществъ, въ Москвѣ — въ Справочномъ Депо Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства по 5. р. сер.

Разсказы Пестрой Птички. Подарокъ для дѣтей. Съ 8-ю картинками. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. Въ типографіи Т. Т. Волкова и Комп. 1854. Въ 12-ю д., 143 стр.

Собраніе небольшихъ фантастическихъ разсказовъ, въ которыхъ авторъ знакомитъ малютокъ съ гномами, или подземными духами, съ морскими царевичемъ, золотыми змѣями, волшебниками и волшебницами. Мы знаемъ, что подобныя разсказы были въ большой модѣ, особенно у нѣмцевъ: у нихъ образовался даже цѣмый отдѣлъ дѣтской сказочной литературы. Но дѣло въ томъ, что лучшія произведенія въ этомъ родѣ, напримѣръ, Гофмана, непонятны для дѣтей и могутъ интересовать только взрослыхъ. Дѣти не въ силахъ усвоить себѣ идею, облеченную въ фантастическіе образы, и принимаютъ эти образы какъ они есть: за чистую монету, не отдѣляя вымышленнаго отъ дѣйствительнаго. «Разсказы Пестрой Птички» переведены очень—недурно; даже стихи, вставленные въ иныя повѣсти, переданы гладко и бойко.

Иисусъ Христосъ на Голгоѣ, или семь словъ Его на Крестѣ. Изданіе третіе. Москва. Въ тип. В. Готье. 1853. Въ 8-ю д. л. 120 стр.

Всѣ обстоятельства страданій Спасителя изображены въ этой книгѣ такъ живо и разительно, въ такой цѣлости и полнотѣ, такъ глубоко прочувствованы авторомъ, что при чтеніи ихъ невольно трогаешься до слезъ. Это—прекрасная картина, написанная истинно-мастерскою кистью. Короткое знакомство сочинителя съ св. писаніемъ обоихъ заветовъ, съ твореніями св. отцовъ, съ преданіями церкви и въ частности преданіями палестинскими, съ пѣснями церковными, съ топографіею Іерусалима и многими другими источниками, имѣющими близкое отношеніе къ предмету — все это придаетъ сочиненію рѣдкія и самыя разнообразныя достоинства. Въ иныхъ мѣстахъ авторъ вдается въ лиризмъ; этотъ лиризмъ такъ невиненъ, такъ близокъ къ истинѣ и достоинъ величія изображаемаго предмета, исполненъ такого высокаго и неподдѣльнаго чувства, что самый холодный читатель не можетъ не увлекаться имъ и не отдать ему полной справедливости.

Рекомендуемъ этотъ прекрасный трудъ всѣмъ и каждому, какъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній нашей духовной литературы, имѣющее всѣ права сдѣлаться настольною книгою для христіанина. Но, отдавъ полную справедливость рѣдкимъ достоинствамъ сочиненія, не можемъ не замѣтить, однакожь, что послѣднее и въ высшей степени многознаменательное слово: *Совершишася*, произнесенное Спасителемъ на крестѣ, почти—нисколько необьяснено; а между-тѣмъ на него можно найти много прекрасныхъ мыслей и толкованій у отцевъ церкви и нашихъ духовныхъ ораторовъ: читатель вполнѣ былъ бы удовлетворенъ, еслибъ ему хоть вкратцѣ представлены были эти мысли и эти толкованія,

Начальные Основания Химии, составленные, по Ренью, П. Егоровымъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное со 104 чертежами въ текстѣ. Санктпетербургъ. 1854. Въ типографіи Э. Веймара. Въ 8-ю д. л. 421 стр.

О первомъ изданіи этой книги мы только кратко упомянули въ обзорѣ литературы 1852 года: поэтому теперь намъ предстоитъ сказать нѣсколько словъ не только о второмъ изданіи, но и о самомъ переводѣ.

Учебникъ, изданный г. Ренью сначала въ четырехъ томахъ подъ заглавіемъ «Cours élémentaire de Chimie», впоследствии въ одномъ «Premiers éléments de Chimie», очень-быстро приобрѣлъ большую известность. На русскомъ языкѣ появилась статья о металлахъ въ «Горномъ Журналѣ» 1852 года, переведенная г. Алексѣевымъ. Эта статья издана была тогда же отдѣльной брошюрой, и при разборѣ ея мы имѣли случай указать на несовременность взгляда г. Ренью, который у галогидныхъ соединений отнимаетъ самое названіе солей, несмотря на полное сходство ихъ съ амфидными солями и на неправдоподобіе того расположенія элементовъ въ этихъ послѣднихъ соляхъ, какое принимаютъ въ нихъ электро-химики. Впрочемъ, хорошее изложеніе и хорошей выборъ фактовъ извиняютъ отчасти эти недостатки книги Ренью, и мы, конечно, очень-благодарны г. Егорову за его трудъ: въ какой степени нуждаемся мы въ подобныхъ книгахъ, видно изъ того, что не нѣе чѣмъ въ два года первое изданіе разошлось.

Переводъ книгу Ренью на русскій языкъ, г. Егоровъ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія и перестановки. Вотъ тѣ, на которыя онъ самъ указываетъ въ предисловіи къ первому изданію: статья о кристаллической формѣ тѣлъ перенесена изъ введенія въ статьи о водѣ, сѣрѣ и юдѣ; выпущена небольшая статья о физическихъ и органолептическихъ свойствахъ тѣлъ; выпущена небольшая статья о химической номенклатурѣ, вмѣсто которой въ статьѣ о кислородѣ изложено краткое понятіе о соляхъ и окислахъ; но собственно о химической номенклатурѣ и о правилахъ, по которымъ составляются химическія формулы, вовсе не говорится въ книгѣ г. Егорова. Далѣе, описаніе металлоидовъ помѣщено вмѣстѣ съ описаніемъ соединений каждаго изъ нихъ; выпущены статьи объ органической и аналитической химіи. Всѣ эти опущенія и измѣненія неочень-важны, но едва-ли книга выигрываетъ отъ нихъ. Статьи о кристаллической формѣ тѣлъ изложена у Ренью весьма-хорошо; въ русскомъ переводѣ осталась только малая часть ея, и вся статья лишена характера всеобщности. Мы не жалѣемъ статьи о химической номенклатурѣ, потому-что въ основаніе ей положена электро-химическая теорія; не поставимъ также переводчику въ упрекъ того, что онъ не отдѣлялъ описанія соединений отъ описанія металлоидовъ, потому-что Ренью недостаточно воспользовался удобствомъ этого порядка. Нѣкоторыя перестановки, сдѣланныя въ книгѣ, къ-сожалѣнію, повели пере-

зодичка къ неточностямъ, которыхъ бы не было, еслибъ онъ строже держался подлинника; такъ у Ренью понятие о химическихъ пахъ изложено въ концѣ курса и тамъ же помѣщена таблица пахевыхъ вѣсовъ простыхъ тѣлъ. Г. Егоровъ желалъ помѣстить эту таблицу въ началѣ книги, и поэтому здѣсь же старался дать понятие о пахъ.

«Если (говоритъ онъ, стр. 4) возьмемъ 100 частей по вѣсу кислорода и помощью опытовъ опредѣлимъ, сколько нужно взять того или другаго простаго тѣла для того, чтобы образовать химическое соединеніе съ этими 100 частями кислорода, то для каждого простаго тѣла получимъ особенное число, которое называется *химическимъ числомъ*».

Такое понятие о пахъ совершенно-ложно, и читатель получить совершенно-другое понятие изъ статьи о химическихъ пахъ (въ концѣ книги), гдѣ ученіе о пахъ объяснено многочисленными примѣрами.

Статья о окислахъ перенесена въ статью о кислородѣ; но при этомъ она сильно сокращена и даетъ читателю понятіе только о кислородныхъ кислотахъ, такъ-что онъ можетъ спросить: почему же хлористоводородная и сходныя съ ней кислоты названы кислотами, хотя кислорода въ нихъ нѣтъ? Не говорится также вовсе о тѣхъ соединеніяхъ, въ которыхъ свѣра замѣняетъ кислородъ; для науки это обстоятельство важно.

Переводчикъ опредѣлилъ понятіе о среднихъ соляхъ слѣдующимъ образомъ (стр. 19):

«Дѣйствіе соли на растительные цвѣта зависитъ отъ относительной силы кислоты и основанія, изъ которыхъ она составлена. Понятно, что дѣйствіе сильной кислоты не можетъ быть уничтожено слабымъ основаниемъ, и дѣйствіе сильного основанія — слабою кислотою. Во многихъ, однакоже, соляхъ дѣйствіе кислоты и основанія взаимно уравниваются; такія соли называются *средними*. Соль, содержащая на одно и то же количество основанія больше кислоты, нежели средняя, называется *кислою*», и т. д.

Такія опредѣленія могутъ поставить читателя въ совершенное недоумѣніе. Онъ сначала можетъ подумать, что среднюю солью называется та, которая не измѣняетъ растительныхъ цвѣтовъ; слѣдовательно, всѣ другія будутъ для него кислыми, или основными; но въ томъ же параграфѣ узнаётъ, что этого недостаточно и нужно найти, какое отношеніе между количествами кислоты и основанія, а ему еще неизвѣстно каково это отношеніе въ среднихъ соляхъ. Такая непослѣдовательность въ книгѣ произошла оттого, что выраженіе *neutres aux réactifs colorés* переведено просто словомъ *средними*, хотя между тѣмъ и другимъ нѣтъ никакого сходства; о собственно-среднихъ, кислыхъ и основныхъ соляхъ Ренью говорить въ общей статьѣ о соляхъ, гдѣ это совершенно на мѣстѣ.

Можно еще сдѣлать упрекъ переводчику въ томъ, что онъ заставляетъ читателя на основанія сходственнаго состава заключать о сходствѣ химическихъ свойствъ и кристаллической формы, другими словами:

отъ неизвѣстнаго переходить къ извѣстному, что, какъ каждый согласится, неочень-логично; одинаковыя химическія свойства и одинаковая кристаллическая форма тѣлъ — факты, подверженныя непосредственному наблюденію; изъ нихъ мы выводимъ то очень-вѣроятное заключеніе, что такія тѣла сходны по составу; такъ поступаетъ и Реньё въ своей книгѣ.

Неточности, о которыхъ мы говорили, встрѣчаются въ общихъ статьяхъ книги г. Егорова; понятно, что частное описаніе тѣлъ и разныхъ опытовъ менѣе имъ подвержено, тѣмъ болѣе, что въ этой части переводчикъ строго держался подлинника; впрочемъ, они и здѣсь встрѣчаются. Что касается до дополненій, которыя авторъ сдѣлалъ противъ подлинника (см. предисловіе къ первому изданію), то они, сколько мы замѣтили, очень-незначительны; во второмъ изданіи, правда, при описаніи добыванія кислорода приведены числа, показывающія количественный составъ употребляемыхъ для того матеріаловъ и количество получаемаго кислорода (этого нѣтъ въ «Premiers éléments»). Наоборотъ, г. Егоровъ совершенно выпустилъ численные результаты разложеній, которыя Реньё приводитъ при большей части неметаллическихъ соединеній; въ русскомъ переводѣ описано только разложеніе воды. Такое опущеніе едва-ли можетъ быть оправдано желаніемъ переводчика издать аналитическую химию (см. предисловіе къ первому изданію); Реньё очевидно вовсе не думалъ, приводя результаты разложенія различныхъ тѣлъ, учить анализу, и имѣлъ при этомъ другую, прекрасную цѣль: для читателя сколько-нибудь внимательнаго, законъ краткихъ вѣсовыхъ количествъ и объемовъ дѣлается очевиднымъ постепенно, вытекаетъ изъ самыхъ фактовъ; видѣтъ съ тѣмъ читатель уже уснѣетъ составить себѣ понятіе о паѣ, и притомъ понятіе вѣрное прежде, чѣмъ дойдетъ до статьи о паяхъ. Очень жалѣемъ, что переводчикъ не обратилъ вниманія на это обстоятельство. Къ числу опущеній, по нашему мнѣнію лишннихъ, принадлежитъ и то, что г. Егоровъ не выставилъ паевыхъ вѣсовъ при $H = 1$.

Въ новомъ изданіи прибавлено вообще 19 небольшихъ параграфовъ, между-прочимъ, объ озонѣ; въ эту статью, впрочемъ, не вошли результаты изслѣдованій Баумерта, съ которыми знакомы читатели «Отеч. Записокъ»; пая нѣкоторыхъ тѣлъ удвоены или измѣнены (основанія этихъ измѣненій мы не могли открыть; съ таблицами г. Струве переводчикъ, кажется, вовсе не справлялся); литографированныя таблицы замѣнены очень-хорошими полнотипажамъ въ текстѣ.

Горе отъ Ума. *Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ.* Сочиненіе Александра Сергѣевича Грибоедова. Изданіе третье. Москва. Въ тип. Александра Семена. 1854. Въ 18-ю д. л. 161 стр.

Почему же третье изданіе? Въ Петербургѣ вышло недавно четыре

изданія, кромѣ двухъ первыхъ : слѣдовательно, это седьмое, если не восьмое изданіе. Замѣчательно, что каждое новое изданіе понижаютъ цену : у Смирдина дошла она до 30 коп. сер.; не явится ли въ 20, 0 коп.? Не стануть ли наконецъ издатели платить отъ себя каждому, кто захочетъ приобрести экземпляръ «Горя отъ Ума»? Это было бы неслыханнымъ и вмѣстѣ недурнымъ явленіемъ въ книжной торговлѣ... Теперь же фактъ постепенной сбавки цѣны — для насъ печальный фактъ : онъ выказываетъ какую-то коммерческую неспѣшность, нѣчто въ родѣ торговаго перебоя, при которомъ мало обращаютъ вниманія на качество изданія. Объ уваженіи къ автору, конечно, здѣсь быть и помину : не-уже-ли комедію Грибоѣдова ждетъ участь Хемницера, то-есть не-уже-ли и она будетъ издаваться небрежно и черно—вѣчно третьимъ изданіемъ ?

Аскольдова Могила. Романтическая опера въ четырехъ дѣйствіяхъ. Музыка А. Н. Верстовскаго. Изданіе пятое. Москва. Въ тип. М. Смирновой. 1854. Въ 12-ю д. л. 143 стр.

Искуситель. Сочиненіе М. Загоскина. Три части. Изданіе второе. Москва. Въ тип. Александра Семена. 1854. Въ 12-ю д. л. Въ 1-й части — 240, во 2-й — 235, въ 3-ей — 245. стр.

«Искуситель», напечатанный первымъ изданіемъ въ 1838 году, принадлежитъ къ самымъ слабымъ произведеніямъ Загоскина. Причину неудачи можно угадать по эпиграфу, который говорить : «C'est un tableau de fantaisie dont tous les détails sont peints d'après la nature». Отсюда видно, что основа романа фантастическая, тогда-какъ авторъ вовсе не былъ способенъ къ этому роду сочиненій. Лицо барона Брокена — этого мелкаго Мефистофеля, доставшагося на долю Александра Михайловича, героя повѣсти, вышло болѣе забавнымъ, нежели страшнымъ. Что жъ касается до подробностей, то нѣкоторыя изъ нихъ не лишены интереса. Авторъ біографіи Загоскина, помѣщенной въ 1-мъ № «Москвитянина» за прошлый годъ, говорить, что подъ именемъ деревни Тужиловки, въ одной изъ отдаленныхъ нашихъ губерній, гдѣ проведены дѣтство и юность Александра Михайловича, Загоскинъ описалъ село своего отца, гдѣ онъ родился и воспитался, и что нѣкоторыя черты въ характерѣ героя романа, даже черты лица срисованы Загоскинымъ съ самого себя : этому можно приписать теплоту и живость разсказа, занимающаго первую часть.

Опера «Аскольдова Могила» дана была въ первый разъ въ 1835-мъ году и теперь еще дается, хотя изрѣдка. Двадцатилѣтнее существованіе оригинальной оперы — замѣчательное у насъ явленіе и говорить какъ-нибудь-лучше въ пользу и музыки и либретто, составленнаго авторомъ романа того же имени.

Кухмистеръ XIX вѣка, содержащій въ себѣ 372 правилъ кужмъишнихъ (!) для поваровъ и поварихъ, составленный изъ многолѣтнихъ опытовъ и наблюдений русскими кужмистерами. Дѣль части. Изданіе второе, дополненное. Москва въ тип. Александра Семена. 1854. Въ 12-ю д. л. Въ 1-й части — 207, во 2-ой — 212 стр.

Ручная Книга въ кужмъ и погребѣ, для русской хозяйки, составленная изъ многолѣтнихъ опытовъ и наблюдений русскою хозяйкою. Изданіе второе. Москва. Въ тип. Александра Семена. 1854. Въ 12-ю д. л. 216 стр.

Если кто сомнѣвается въ справедливости французской поговорки: les beaux esprits se rencontrent, тому можемъ мы сказать: прійди и взгляни на эти двѣ книги; кажется, между ними нѣтъ никакого сходства: одна — кужмистеръ XIX вѣка, другая не только въ кужмъ, но и на погребѣ; одна — въ двухъ частяхъ, другая — въ одной; одна безъ предисловія и оглавленія, другая съ предисловіемъ и оглавленіемъ... Но разсмотрите внимательнѣе, углубитесь во внутрь — и вы увидите тождество не философическое, а тождество правилъ и языка, какъ произведенія двухъ гениевъ. Тамъ и здѣсь отдѣленіе первое — кужня, тамъ и здѣсь глава первая — щи; тамъ и здѣсь параграфъ первый — щи изъ капусты. Читайте:

Кужмистеръ.

Вымывъ, какъ должно говядину, положить въ горшокъ или кастрюлю, налить водою, посолить и поставить въ печь или на плиту, чтобы кипѣла, снимая чаще пѣну, и пр.

Книга на кужня.

Вымывъ, какъ должно говядину, положить въ горшокъ или кастрюлю, налить водою, посолить и поставить въ печь или на плиту, чтобы кипѣла, снимая чаще пѣну, и пр.

Удивительная стачка гениевъ! Кто же изъ нихъ началъ первый? или они оба начали въ одну и ту же секунду и кончили вмѣстѣ, сразу?

Новый Образцовый Письмовникъ, содержащій въ себѣ примѣры къ сочиненію писемъ на различные случаи, наиболее острыхъ въ общественныхъ сношеніяхъ, образцы коммерческой корреспонденціи и образцы и формы употребительнѣйшихъ въ общежитіи документовъ. Изданіе третье. Москва. Въ тип. М. Смирновой. 1854. Въ 12-ю д. л. 134 стр.

Этотъ письмовникъ — въ своемъ родѣ тоже страпуха, только не въ кужмъ, а въ кабинетѣ человѣка, любящаго загребать жаръ чужими руками. Если такой человѣкъ — мужъ, то пусть перениметъ стр. 25 — 27, гдѣ напечатано письмо отъ мужа къ женѣ. Если опъ — жена,

то отвѣтъ жены мужу къ ея услугамъ на стр. 27—29. Очень-легко и понятно. Можно даже и не переписывать, а просто цитовать страницы «Письмовника», которымъ запаслись и мужъ и жена. Неоцѣненный другъ души моей! зри стран. 25. — Отвѣтъ: милый и добрый другъ мой! зри стр. 27, и проч.

Старичокъ Весельчакъ, *разсказывающій давнія московскія были. Изданіе шестое. Москва. Въ тип. М. Смирновой. 1854. Въ 16-ю д. л. 84 стр.*

Мы очень любимъ веселую старость, которая не хмурится на забавы юности, но смотреть на нихъ благосклоннымъ окомъ, а иногда и не прочь принять въ нихъ посильное участіе. Любимъ также старость разговорчивую, когда она, въ удовольствіе, или наставленіе передаетъ другимъ кое-что изъ богатаго заваса своей долгой жизни и твердой памяти. Но разговаривать не значить болтать, равно какъ и быть веселымъ не значить ломаться на юношескую статью. Почему «Старичокъ Весельчакъ» назвалъ свои были московскими — неизвѣстно; въ нихъ нѣтъ ничего ни московскаго, ни остроумнаго. Можетъ-быть, онъ находить остроумнымъ выраженія славянскія, которыми напичканы его разсказы? Все хорошо въ жѣру и кстати. А посвятить цѣлую книжку такой шуткѣ—значить пересолить дѣло. Чтобъ читатель могъ составить понятіе о веселости и остроуміи «Старичка Весельчика», выпишемъ нѣсколько стиховъ («были» написаны стихами) изъ разсказа о курѣ, сиречь пѣтухѣ и лисицѣ:

Состоящаго нынѣшняго вѣка
 У нѣкоего убога челоуѣка
 Куръ одинъ со многими курами живяше,
 Яко же имъ обычай бяше.
 Нѣкогда оный прискорбѣлъ
 И со клеветы своими мало пѣлъ,
 И въ то время курица курицу съ вашести спехнула,
 Такъ, что упадая на землю, и не вздохнула.
 Куръ отъ сего ужасеся,
 Вспомнилъ смертный часъ и отъ страха потрясеся.
 Чтобъ самому такъ не умереть внезапно,
 Плакалъ о семъ и размышлялъ опасно;
 Потомъ вышелъ погулять,
 Хотя бъ мало отраду тѣмъ воспріять;
 Но, не обрѣвъ утѣшенія
 Отъ такого злключенія,
 Взлетѣлъ на древо, зѣло смирился
 И горько прослезился;

Смотри же сѣмо и овамо,
 Не знаю возвратися камо,
 И абіе мимо древа лисица идяше,
 Что ей въ потребу смотриаше.

 ЖУРНАЛИСТИКА.

Новыя сочиненія Жуковскаго («Ж. М. Нар. Просв.»). — **Московская Словяно-греко-латинская Академія** («Твореніи Св. Отцовъ»). — **Мелочи изъ запаса моей памяти**, М. Дятрѣева («Москвитян.»). — **Риттеръ**, превознесенный выше вѣдъ, и **Свѣдѣнія и современномъ состояніи Турціи** (въ «Современникѣ»). — **Свадебные обряды Малоруссовъ**. Г. Курпѣиновъ (въ «Москвитинѣ»). — **Письма о Болгаріи; Ионическіе Острова, Письмо о ботаникѣ и Смѣсь Карамзина** (тамъ же). — **Продолженіе Записокъ купца Жаркова о Киргизахъ и окончаніе Воспоминаній о ловлѣ звѣрей въ Сибири и пр.** (въ «Библіотекѣ для Чтенія»). — **Прежнія и нынѣшнія Турція; Христофоръ Колумбъ; Похищеніе судна въ Великомъ Океанѣ и статья Кузона** (въ «Пантеонѣ»). **Критическіе отзывы «Современника» о произведеніяхъ г. Островскаго, г-жи Евгеніи Туръ и г. Авдѣева.**

Послѣ многихъ критическихъ статей о Жуковскомъ, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ за прошлый годъ, начали появляться въ нынѣшнемъ году нѣкоторыя изъ новыхъ его сочиненій, написанныхъ имъ въ послѣдніе годы его жизни. Въ четвертой книгѣ «Прошлеевъ» публика увидитъ начало перевода «Иліады», а въ январской книгѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» помѣщены статьи изъ философическихъ сочиненій Жуковскаго, подъ именемъ: *Вѣра и Умъ, Истина, Наука*. Содержаніе ихъ, любопытное во многихъ отношеніяхъ, обнаруживаетъ, что философія Жуковскаго нисколько не

ротиворѣчить его поэтическимъ произведеніямъ. Въ означенныхъ статьяхъ нѣ противопоставляетъ чистую умозрительную философію философіи христіанской, показываетъ различіе между крайними результатами науки, обытой умомъ, и между истинами, открываемыми вѣрой.

«Чистая умозрительная философія извлекаетъ свои понятія изъ ума: отъ ближайшаго она переходитъ къ дальнѣйшему и такъ стремится прямымъ логическимъ путемъ дойти до понятія о Богѣ, которое должно быть послѣднимъ результатомъ всѣхъ нашихъ умозрѣній. Христіанская философія, напротивъ, извлекаетъ все изъ идеи о Богѣ: въ ней понятіе о мірѣ, о человѣкѣ, объ отношеніяхъ человѣка къ міру и его Создателю, суть результаты неумотворнаго понятія о Богѣ, даннаго Откровеніемъ, принятаго вѣрою. Умозрительная философія идетъ своимъ путемъ рядомъ съ Религією и часто врознь съ нею. Она есть не иное что, какъ прижѣненіе умозрѣнія къ Откровенію, какъ согласованіе ума съ вѣрою. Въ первой умозрѣнія принадлежатъ особенному метафизическому міру и отдѣльны отъ жизни; въ послѣдней умозрѣнія входятъ въ дѣятельную жизнь, съ нею сливаются и даютъ ей въ самыхъ простыхъ событіяхъ ежедневнаго, полноту и глубокую значительность. Первая стремится къ истинѣ и гордо мечтаетъ острымъ окомъ ума пронзять ея покрывало; послѣдняя истекаетъ изъ истины; она принадлежитъ вѣрѣ, а вѣра—свободное, блаженное принятіе невѣдомаго изъ устъ Откровенія *здесь*—преображается въ блаженное созерцаніе вѣдомаго *тамъ*.»

Изъ этого небольшого обращика легко видѣть и внѣшнее достоинство отрывковъ — тотъ образцовый языкъ, въ которомъ мастерски соединены точность и образность изложенія.

Въ первой книжкѣ «Твореній Святыхъ Отцевъ» за нынѣшній годъ, во второмъ ея отдѣлѣ, то-есть въ «Прибавленіяхъ духовнаго содержанія», находится продолженіе любопытной статьи: *Московская Славяно-греко-латинская Академія*. Авторъ описываетъ послѣдній періодъ ея существованія (1775 — 1814), когда она цвѣтущимъ своимъ состояніемъ и славою обязана была митрополиту Платону. Здѣсь говорится о Платонѣ, какъ ученикѣ, наставникѣ и директорѣ Академіи, о заслугахъ, оказанныхъ ей этимъ пастыремъ, о правахъ, данныхъ ему надъ нею; потомъ разсматриваются труды начальствующихъ и учащихся, внутреннее управленіе, преподаваніе наукъ, катехизація и проповѣданіе, ценсура книгъ.

Въ статьѣ о проповѣданіи, авторъ указываетъ на нѣкоторыя проповѣди Платона, обличившія ложное ученіе энциклопедистовъ. Это указаніе, находящееся и въ «Исторіи Русской Церкви» Фларета (1) любопытно тѣмъ, что обращаетъ вниманіе исторіи отечественной словес-

(1) «Исторія Русской Церкви. Періодъ пятый, Синодальное управленіе» (1721 — 1826).

ности на цѣлый отдѣлъ сочиненій, духовныхъ и свѣтскихъ, переводныхъ и оригинальныхъ, ведшихъ борьбу съ натурализмомъ энциклопедистовъ, точно также, какъ прежніе проповѣдники и богословы, по требованію духа времени, вели борьбу съ лютеранами и папистами.

Въ статьѣ о ценсурѣ книгъ есть также любопытныя указанія о Новиковѣ и Карамзинѣ. Когда именнымъ Высочайшимъ указомъ архіепископу Платону и главнокомандующему въ Москвѣ Брюсу (1785 г.) предписано было разсмотрѣть напечатанныя въ типографіи Новикова и въ другихъ вольныхъ типографіяхъ книги, изъ которыхъ нѣкоторыя были сомнительнаго содержанія, то, по донесеніи ценсурной комиссіи о ея дѣйствіяхъ, Высочайшимъ указомъ 27 марта 1785 г. ⁽²⁾ запрещены были шесть книгъ: 1) О заблужденіяхъ и истинахъ, 2) Апологія, или защищеніе вольныхъ каменщиковъ, 3) Братское увѣщаніе, 4) Хризомандеръ, аллегорическая и сатирическая повѣсть, 5) Карманная книжка, 6) Парацельса химическая Псалтирь. Относительно Карамзина, въ журналѣ входящихъ ценсурныхъ дѣлъ 1786—1788 годовъ есть извѣстіе о книгахъ, имъ представленныхъ: это были «Луизада», поэма Камюенса, «О происхожденіи зла», поэма Галлера, и трагедія Шекспира «Юлій Цезарь» ⁽⁴⁾. Въ журналѣ сохранилась расписка Карамзина: «оную книгу по отпечатаніи въ оригиналѣ и экземпляръ печатный доставить цензору, и не прежде оную выпустить въ свѣтъ, пока отъ него не получу письменнаго на то дозволенія, обязуюсь поручить Николай Карамзинъ».

Мелочи изъ запаса моей памяти, М. А. Дмитріева («Москвитянинъ», 1854 г., №№ 1 и 2 и 3) любопытны какъ литературныя мемуары такого человѣка, который находился въ сношеніяхъ со многими писателями двухъ эпохъ: карамзинской и пушкинской. Особенное значеніе придаетъ имъ близкое родство ихъ автора съ извѣстнымъ баснописцемъ И. И. Дмитріевымъ, въ домѣ котораго онъ имѣлъ случай видѣть и Карамзина, и Жуковскаго, и другихъ литераторовъ. Наконецъ немаловажно и то обстоятельство, что г. М. Дмитріевъ не вничокъ ни въ жизни, ни въ литературѣ: въ теченіе того и другаго поприща онъ могъ слышать и видѣть очень-много; въ памяти его сложенъ, безъ-сомнѣнія, значительный запасъ и мелочей и немелочей,

⁽²⁾ Полн. Собр. Закон. Росс. Имп. т. XXII. № 16,362.

⁽³⁾ Переводъ Александра Андреевича Петрова (См. записки И. И. Дмитріева, въ «Москвит.» 1841, № 1).

⁽⁴⁾ Последнія два сочиненія переведены самимъ Карамзинымъ. Переводъ «Луизады», напечатанный въ 1788 г., представленъ имъ въ цензуру, вѣроятно, по порученію друга его Александра Дмитріева, брата И. И. Дмитріева (см. «Роспись книгамъ Смирдина» № 6729).

въ исторіи преданія соединены съ свидетельствами собственной опытности.

Но долготѣе, какое бы оно ни было, имѣеть и свою невыгоду: съ одной стороны, человѣкъ становится неблагоклоненъ ко новому; съ другой стороны, обиліе литературныхъ преданій внушаетъ ему гордость и заставляетъ пренебрегать тѣми, которые не имѣли счастья быть его ровесниками. Иногда такіе люди въ своей гордости доходятъ до того, что несутъ начинать сердиться на каждого, кто не имѣлъ возможности видѣть и слышать то же самое, что они видѣли и слышали. Это странное негодование служитъ новымъ доказательствомъ обычнаго хода вещей. Оно напоминаетъ пѣсню бѣднаго сына природы: «Въ старинные годы я счастье зналъ». Не люди, насъ окружающіе, измѣнились: измѣнились только мы сами.

Вотъ причина, почему «Мелочи изъ запаса моей памяти» не дышатъ тою прекрасною любовью къ старинѣ, съ которой легко совмѣстять прекрасное благоволеніе къ новому: напротивъ, онѣ вызываютъ прошлое больше для упрека настоящему. При такой цѣли не можетъ быть, конечно, ни безпристрастнаго разсказа объ отжившемъ, ни безпристрастнаго взгляда на живущее. Слышишь голосъ раздраженія, противорѣчащій голосу правды, по извѣстной пословицѣ: кто сердится, тотъ неправъ. Всего хуже та исторія, которая переходитъ въ памфлетъ: въ «Мелочахъ изъ запаса моей памяти» есть что-то памфлетическое... Мы знаемъ, что Тьеръ принялся за «Исторію Консульства и Имперіи» изъ желанія упрекнуть свое время славой другаго времени; но вѣдь Тьеру надобно было какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь отомстить за неудачи своего политическаго поприща. За какія неудачи мститъ нашему времени г. М. Дмитріевъ? Не-уже-ли за неудачи на литературномъ поприщѣ? Сохрани его Боже! Это досаднѣе всего, потому-что литераторы — *irritable genus*. И, однакожъ, отбросивъ шутки, мы не можемъ скрыть одного достойнаго замѣчанія факта: г. М. Дмитріевъ въ своихъ журнальныхъ статьяхъ всегда *сердился*. Право, такъ. Недовольство — общій ихъ характеръ, отличительное, существенное свойство. Въ «Вѣстникѣ Европы» онъ сердился на князя Вяземскаго, защитника романтизма, друга Жуковскаго, родственника Карамзина, котораго нашъ недовольный критикъ часто видалъ у дяди своего, И. И. Дмитріева; онъ же ужасно сердился, на «Горе отъ Ума» и даже просилъ автора этой комедіи, Грибоѣдова, не печатать ея; онъ же, наконецъ, самъ объявилъ въ «Москвитинѣ», что не любитъ «Мертвыхъ Душъ», хотя и любитъ творца ихъ, Гоголя. Чѣмъ, послѣ этого, прикажете угодить такой взыскательности?

Литературное преданіе — дѣло весьма-почтенное, однакожъ не въ немъ одномъ источникъ исторіи литературы и основаніе литературной критики. Нужно, кромѣ того, читать самыя сочиненія авторовъ, кото-

рыхъ мы видали въ родственныхъ или знакомыхъ домахъ, и критическіе отзывы о нихъ въ разныхъ журналахъ, хотя бы эти журналы издавались нашими литературными противниками. Для примѣра ошибокъ, въ которыя впадаютъ люди, гордые литературнымъ преданіемъ, укажемъ слѣдующее мѣсто въ «Мелочахъ изъ зааса моей памяти»:

«Карамзину приписываютъ нынѣ книгопродавцы, а за ними и журналисты, изданіе Дѣтскаго Чтенія. Никогда онъ не издавалъ ни одного тома; *есть только въ первыхъ двухъ томахъ немногіе его переводы. Съ-тѣ-поръ, какъ прекратилось родословное дерево нашей литературы, у насъ прекратились въ ней преданія*» (5).

Не-уже-ли такъ? Удивляемся, какъ могъ сказать это авторъ «Мелочей», родственникъ извѣстнаго П. И. Дмитріева, въ домъ котораго онъ часто видалъ Карамзина. Мы докажемъ не преданіями, а другими аргументами несправедливость мнѣнія, такъ увѣрительно-высказаннаго.

Вопервыхъ, въ отрывкѣ изъ записокъ Н. И. Дмитріева, помещенномъ въ 1-мъ № «Москвитянина» за 1844 годъ, перечислены сочиненія и переводы Карамзина со дня вступленія его въ дружеское общество (типографическую компанію, основанную Новиковымъ) до поѣздки за границу. Между переводами значится: «Les veilles du Château» г-жи Жаклинъ. Но эти «Veilles du Château» напечатаны, подъ именемъ «Деревенскихъ Вечеровъ», въ шести томахъ «Дѣтскаго Чтенія», отъ IX-го до XIV включительно: слѣдовательно не въ первыхъ двухъ томахъ. Всего забавнѣе, что указанный отрывокъ изъ записокъ Н. И. Дмитріева доставленъ «Москвитянину» самимъ же г. М. Дмитріевымъ: не-уже-ли онъ забылъ это? или записки — не преданіе?

Вовторыхъ, Александръ Андреевичъ Петровъ, другъ Карамзина, въ письмѣ къ нему за границу, отъ 20 сентября 1789 г., пишетъ: «Осиротѣвшее безъ тебя Дѣтское Чтеніе намѣренъ я пополнять по большой части изъ Кампева Теофрона». Но 1789-й годъ былъ послѣдній годъ изданія «Дѣтскаго Чтенія». Можно ли послѣ этого утверждать, что «А. А. Петровъ, подъ руководствомъ Новикова, издалъ первые два тома Дѣтскаго Чтенія» (6)? Не-уже-ли г. М. Дмитріеву не извѣстны письма А. А. Петрова къ Карамзину? Они напечатаны въ «Памятникѣ Отечественныхъ Музъ» на 1827 годъ и перепечатаны съ большими ошибками г. Старчевскимъ, въ его компиляціи: «Н. М. Карамзинъ».

Втретьихъ, въ шестой части «Московского Журнала», по случаю переводной статьи изъ Гарве: «О досугѣ», гдѣ есть обращеніе къ

(5) «Москвитянинъ» 1854, №№ 1 и 2, стр. 175.

(6) Тамъ же.

солонку, Карамзинъ припомнилъ подобное обращеніе въ своей собственной статьѣ «Прогулка». А гдѣ напечатана эта статья? Въ 18-ой части «Дѣтскаго Чтенія», слѣдовательно, въ послѣднемъ, пятомъ году его изданія, а не въ первыхъ двухъ годахъ. Вѣроятно, г. М. Дмитріеву не удалось слышать это отъ самого Карамзина, котораго онъ видалъ часто въ домѣ дяди своего, извѣстнаго баснописца И. И. Дмитріева. Но Карамзинъ умеръ — остались его сочиненія: читайте ихъ и восполните гѣмъ недостатокъ преданія.

Вчетвертыхъ, свидѣтельство самого И. И. Дмитріева противорѣчитъ словамъ его племянника. Въ 6-мъ № «Москвитянина» мы читаемъ, что И. И. Дмитріевъ разговаривалъ съ г. Погодинымъ о Виноградовѣ, переводчикѣ боннета сочиненія: «Созерцаніе Природы», замѣтивъ, что Карамзинъ гораздо прежде переводилъ Боннета вмѣстѣ съ А. А. Петровымъ (7). Дѣйствительно такъ: отрывки перевода напечатаны въ 18-й и 19-й частяхъ «Дѣтскаго Чтенія», слѣдовательно, въ послѣднемъ, пятомъ году его изданія, а не въ первыхъ двухъ частяхъ. Здѣсь кстати повторить слова И. И. Дмитріева изъ того же письма г. Погодина: «какъ можно писать такъ наобумъ? надобно справляться» (8).

Наконецъ, вѣдѣтыхъ, какіе же именно переводы Карамзина напечатаны въ двухъ первыхъ томахъ «Дѣтскаго Чтенія» (1785 г.)? Г. Дмитріевъ говоритъ глухо: *нѣкоторые* переводы (9). Чтѣ за *глухое* преданіе? Этого недостаточно для занимающихся исторією словесности. Особенно странно слышать такіа неопредѣленныя указанія отъ строгаго литератора, который упрекаетъ другихъ именно за недостаточное знаніе источниковъ, за опрометчивыя, голословныя утвержденія и отрицанія.

Однихъ литературныхъ преданій очень-мало: нужно еще многое, кромѣ преданія. Нужно, какъ мы сказали, основательно изучитъ самыя сочиненія авторовъ, сличать ихъ между собою, чтобъ опредѣлить степень вліянія предъидущаго литературнаго періода на послѣдующій, рыться въ старыхъ журналахъ, чтобъ изучитъ мѣннія разныхъ эпохъ объ одномъ и томъ же писателѣ, объ одномъ и томъ же сочиненіи. Иначе, литературное преданіе будетъ противорѣчитъ свидѣтельствамъ, оставшимся въ книгахъ, и мы, рассказывая о какомъ-нибудь писателѣ, напримѣръ, хоть о Карамзинѣ, котораго видали въ домѣ дяди, скажемъ нѣчто такое, чтѣ опровергають собственные сочиненія и свидѣтельства Карамзина, какъ выше доказано.

Еще одно замѣчаніе. Въ 6-мъ № «Москвитянина», г. М. Дмитріевъ такъ объясняетъ цѣлость и полноту картинъ въ стихотвореніяхъ своего дяди:

(7) «Мелочи изъ запаса моей памяти», стр. 117.

(8) Тамъ же.

(9) «Москвит.» 1854, №№ 1 и 2, стр. 142.

«Когда онъ рисовалъ въ воображеніи картину, которую намеревался представить въ стихахъ, онъ имѣлъ привычку обдумывать всѣ ея части и подробности и спрашивать себя: могъ ли бы ихъ изобразить на полотнѣ живописецъ? только въ такомъ случаѣ онъ признавалъ картину достойною кисти поэта. Такимъ образомъ рѣшены были итъ эти два стиха Ермака:

То сей, то оный на бока гнется;
Крутятся — и Ермакъ сломилъ ⁽¹⁰⁾

Къ этому преданію не мѣшало бы прибавить, что знаменитое итъногда единоборство Мегмета-Кула съ Ермакомъ — подражаніе единоборству Сварана, сына Старпа, съ Фингаломъ. Чтобы увѣриться въ этоиъ, просимъ г. М. Дмитриева сличить стихи своего дяди съ рассказомъ Оссіана, въ переводѣ Кострова, отъ словъ: «Ужасно, противоборствіе двухъ вождей»... до словъ: «и надменный мокливскій владыка свяжется узами» ⁽¹¹⁾. Здѣсь онъ прочтетъ, между-прочимъ, что «жизлисты руки Сварана и Фингала сплетаются, они объемяются, они влекутъ къ себѣ другъ друга, колеблясь на десную и шую страну».

Но такимъ сличеніемъ уничтожится, можетъ-быть, преданіе. Что жъ дѣлать! Одного преданія, значить, недостаточно, и челоиъкъ, гордыи литературными преданіями, выказываетъ своего рода высокомериѣ, своего рода литературную спѣсь, противъ которыхъ вооружались и Кантемиръ, и Сумароковъ, и Княжнинъ, и Крыловъ, и Воейковъ, и П. П. Дмитриевъ, и, кажется, самъ М. Дмитриевъ, племянникъ извѣстнаго басмнища, въ домѣ котораго часто видѣлъ онъ Карамзина и многихъ другихъ литераторовъ.

— «Всеобщее Сравнительное Землевѣдѣніе» Риттера принадлежитъ къ числу самыхъ достоуважаемыхъ и капитальныхъ ученыхъ трудовъ нашего вѣка, подобно «Путешествію по Америкѣ» Гумбольдта; для географіи оно такъ же важно, какъ для исторіи важны «Историческіе памятники Германіи» Перца, боннское изданіе «Византійскихъ историковъ» по плану Нибура, «Путешествіе по Египту» Лепсіуса, изданіе «Греческихъ надписей» Бѣка, для изученія Востока изданія Калькуттскаго Общества и т. д. и т. д. «Сравнительное Землевѣдѣніе» — богатѣйшій и достовѣрнѣйшій источникъ нашихъ географическихъ свѣдѣній, какъ другія поименованныя нами изданія представляютъ главнѣйшіе матеріалы свѣдѣній, каждое по своей части. Риттеръ — ученый, принесшій чрезвычайнo-много пользы своей наукѣ; можно даже сказать больше: съ Риттера начинается новая эпоха для географіи. Но Риттеръ всеиъ не принадлежитъ (и не имѣетъ никакой претензіи принадлежать) къ числу тѣхъ порождаемыхъ вѣками гениальныхъ людей, которые имѣютъ

⁽¹⁰⁾ «Мелочи изъ запаса моей памяти», стр. 103.

⁽¹¹⁾ Оссіанъ, переводъ, Кострова, ч. I, стр. 167.

могущественное вліаніе на весь ходъ развитія человѣческой мысли, подобно Бэкону, Декарту и т. д.; его даже нельзя поставить на ряду съ тѣми глубокомысленными учеными, которые рѣшаютъ частные, но все-таки великіе вопросы современной науки, и которыхъ всегда ученый міръ считаетъ десятками; между ученымъ величіемъ Либиха, Фареда, Араго, Гумбольдта, Лейарда, Леопольда фон-Бука (чтобъ ограничиться естественными науками) и значеніемъ Риттера — разстояніе огромное. Это извѣстно всякому. Потому о Риттерѣ нельзя говорить безъ величайшаго уваженія; но нельзя же представлять этого трудолюбиваго собирателя матеріаловъ какимъ-то непостижимымъ и недосыгаемымъ гениемъ, и потому чрезвычайно-странное впечатлѣніе производитъ статья «Современника» (№ 5) о «Магазинѣ Землевѣдѣнія и Путешествій», издаваемомъ г. Фроловымъ, возносящая скромнаго труженика выше Платона, Аристотеля и Бэкона, не говоря ужъ о Кантѣ, Шеллингѣ и тому подобныхъ «фантазёрахъ». «Вліаніе Бэкона на науки было велико», говоритъ эта статья: «но оно не простиралось до того, чтобы заставить ихъ смотрѣть другъ на друга какъ на части одного цѣлаго: такому взгляду предназначено было развѣяться въ наше время (стр. 12) чрезъ «Космосъ» Гумбольдта «Землевѣдѣнія» Риттера. И для того, чтобъ объяснить возможность появленія и непостижимую философскую великость «Землевѣдѣнія», авторъ статьи находитъ необходимымъ изложить (конечно, въ странномъ видѣ) исторію развитія человѣческой мысли отъ индійскихъ міросозерцаній до Бэкона, непосредственнымъ преемникомъ котораго является Риттеръ. И Гумбольдтовъ «Космосъ» далеко не имѣетъ того великаго значенія въ наукѣ, которое приписывается ему авторомъ статьи: многіе даже говорятъ, что «Космосъ» просто довольно-хорошая энциклопедія естественныхъ наукъ для неспеціалистовъ, неимѣющая почти никакого достоинства для спеціальныхъ ученыхъ; по-крайней-мѣрѣ, нѣтъ сомнѣнія, что «Космосъ» ни на шагъ не двинулъ науки впередъ. Тѣмъ менѣе можно придавать огромное значеніе для всего организма наукъ риттерову «Землевѣдѣнію», ученое достоинство котораго несравненно-солиднѣе, но за-то и несравненно-частнѣе, одностороннѣе, ограниченнѣе громаднаго по задачѣ, если не по выполненію «Космоса». Но въ статьѣ, о которой мы говоримъ, Риттеръ представляется величайшимъ изъ философовъ, какіе только были на землѣ; онъ (говорится въ ней) открылъ міру какую-то новую идею, до того колоссальную, что она даже не можетъ быть ясно выражена бѣднымъ человѣческимъ словомъ, почти не можетъ быть вмѣщена человѣческимъ умомъ (стр. 7). Странно: никогда еще ученый міръ и не читывалъ и не слышивалъ о Риттерѣ ничего подобнаго! Чрезвычайно-интересно становится узнать эту великую идею, «глубина содержанія и обширность предѣловъ которой» не даютъ ей даже возможности высказаться ясно въ 16-ти огромныхъ томахъ «Землевѣдѣнія». Вотъ она, по соображеніямъ автора статьи:

«известность, как причина и слѣдствіе другихъ явленій» (конечно, въ развитіи человечества). Вотъ что! Да это известно съ-тѣхъ-поръ, какъ раздаются банальныя фразы о томъ, что «въ Индіи природа подавляетъ челоѣка», что «подъ свѣтлымъ небомъ Іонія родились сладкозвучныя пѣсни Гомера» и т. п. Гора родила мышъ! Что развитіе народа обуславливается странною, въ которой онъ живетъ — это ясно высказано еще Аристотелемъ, а въ наше время известно всякому, учившемуся исторію хотя по руководству Кайданова. Новаго и гениальнаго въ этой «основной» мысли «Землеѣдѣнія» столько же, сколько въ мысли, что люди живутъ на землѣ. Заслуга Риттера не въ придумываніи «глубокихъ идей», а въ неутомимомъ собираніи географическихъ, этнографическихъ и (на сколько они имѣютъ связь съ географіею) историческихъ фактовъ. Мы сочли нужнымъ сказать нѣсколько словъ о статьѣ «Современника», потому-что у насъ чрезвычайно-часто еще случается съ удивленіемъ читать о подобныхъ новооткрытыхъ гениальныхъ идеяхъ и всемірныхъ генияхъ; жаль только, что они бывають одолжены своимъ значеніемъ въ глазахъ авторовъ восторженныхъ статей единственно потому, что эти авторы недостаточно-знакомы съ состояніемъ науки и не знаютъ именъ, гораздо-болѣе знаменитыхъ въ ученномъ мірѣ, нежели то имя, которымъ они безотчетно увлеклись, вѣроятно, потому, что случайно наткнулись на него. Есть люди, которые до-сихъ-поръ считаютъ Кузена величайшимъ философомъ нашего времени; почему же другимъ людямъ не считать Риттера величайшимъ философомъ всѣхъ временъ, и не говорить: «какой вѣкъ можетъ выставить что-нибудь подобное этому созвѣздію науки, озаряющему съ недоступной высоты все прошедшее и будущее челоѣческой мысли» (стр. 4) Хорошо еще, если предметомъ такихъ странныхъ дивирамбовъ избирается дѣйствительно-замѣчательный ученый, какъ Риттеръ, а не какая-нибудь звѣзда семнадцатой величины, въ родѣ Мишеля Шевалье и т. и.

Кромѣ статьи о «Магазинѣ землеѣдѣнія» въ пятомъ номерѣ «Современника» продолжаютъ *свѣдѣнія о современномъ состояніи Европейской Турціи*, попрежнему неотличающіяся особенными достоинствами. Составитель этихъ статей, кажется, слишкомъ на-скоро знакомился съ своимъ предметомъ: этимъ предположеніемъ объясняются неточность его понятій о внутреннемъ устройствѣ Турецкой Имперіи. Такъ, напримѣръ, по его словамъ, власть султана вовсе не имѣетъ духовнаго характера; онъ вовсе не *глава мусульманъ*, а просто ханъ *своего* племени, какими были, напримѣръ, ханы Золотой Орды. Нѣтъ, султанъ глава и офиціальныи защитникъ суннитскаго исповѣданія, и власть его основана на Коранѣ столько же, если не больше, сколько на племенномъ началѣ. Русскимъ это извѣстнѣе, нежели кому-нибудь. Крымскіе ханы, повелѣвавшіе народомъ, несчитавшимъ себя въ племенномъ родствѣ съ турецкими османлы, безусловно подчинялись ту-

рециому султану, какъ повелителю правовѣрныхъ, какъ *главъ ислама*, а вовсе не какъ соплеменнику; султанъ провозглашалъ всегда народную войну, какъ преемникъ Мухаммеда, водружая не свое племенное, а религиозное мухаммедово знамя. На этомъ—то преобладающемъ значеніи власти султана и основана роковая невозможность для него дать права своимъ христіанскимъ подданнымъ...

Въ 7-й и 8-й книжкахъ «Москвитянина» г. А. Н. Николаевъ помѣстилъ хорошо—составленное описаніе *свадебныхъ обрядовъ малоруссовъ Суджанскаго Ульда* (Курской Губерніи), приложивъ къ своему разсказу очень—живому и вѣрному, нѣсколько десятковъ пѣсенъ, поющихя при этихъ обрядахъ.

Замѣтимъ еще въ «Москвитянинѣ» (№ 8) рецензію г. Купріянова на сочиненіе г. Неволина о «Пятинахъ и погостахъ новгородскихъ», въ которой сообщены довольно—важныя выписки изъ подлинной «приходской книги новгородскаго архіерейскаго дома 1577 года». Жаль только, что г. М. П. прибавилъ къ рецензіи несомнѣннѣ—умѣренное примѣчаніе: «Москвитянинъ гордится уже многими именами молодыхъ дѣятелей (*которымъ далъ ходъ*). Къ числу «нихъ принадлежитъ г. Купріяновъ». Если «Москвитянинъ» гордится тѣмъ, что далъ ходъ, оказалъ услугу г. Купріянову, то мы не думаемъ, чтобы помѣщеніе дѣльной статьи давало право редакціи какого-нибудь журнала выставлять свое необыкновенное великодушіе къ автору; если же «Москвитянинъ» гордится необыкновеннымъ достоинствомъ статьи г. Купріянова, то самъ г. Купріяновъ, конечно, согласится, что такъ пышно хвалить его рецензію, на которой онъ, вѣроятно, не думаетъ основывать своей ученой славы, статью хорошую, но вовсе не особенно замѣчательную — значить компрометировать ее.

Письма изъ Болгаріи о положеніи Болгаръ подъ турецкимъ владычествомъ, перепечатанныя въ «Москвитянинѣ» (№ 8) изъ «Одесскаго Вѣстника», интересны потому, что писаны очевидцемъ всѣхъ безпорядковъ, притѣсненій и жестокостей, которые терпѣли бѣдные Болгары. Напротивъ—того, *Ионическіе Острова подъ покровительствомъ Англіи* («Москвит. № 7») — компиляція или извлеченіе, составленное очень—неудачно по дурнымъ англійскимъ статьямъ, авторы которыхъ выставили въ черномъ свѣтѣ всѣ немногія благонамѣренныя дѣйствія нѣкоторыхъ англійскихъ правителей этого государства и превознесли (какъ выгодныя для упроченія англійскаго господства) всѣ стѣснительныя, или жестокія мѣры другихъ. Составитель компиляціи, помѣщенной въ «Москвитянинѣ», измѣнилъ, сообразно справедливости, многія изъ этихъ сужденій, но несправедливости очень—многихъ не замѣтилъ, и его статья представила хаотическое смѣшеніе гуманныхъ понятій, принадлежащихъ ему, съ своеобразными сужденіями англичанъ.

Письма о ботаникѣ Шлейдена («Москв.» № 3) слишкомъ внимаютъ его «Лекціи о ботаникѣ», которыя были переведены въ одинъ изъ нашихъ журналовъ.

Въ «Историческихъ матеріалахъ» (№ 7) «Москвитянинъ» предлагаетъ перепечатывать *Смль Московскихъ Вѣдомостей 1795 года*, которая составлялась тогда Карамзинымъ. О бесполезности этой перепечатки мелкихъ статей, переведенныхъ съ французскаго и нисколько не характеризующихъ Карамзина, мы уже говорили.

Говоря о первой статьѣ *Записокъ* купца Жаркова о *Киргизахъ* («Библ. для Чт.» № 4»), мы съ сожалѣніемъ замѣтили, что наблюдательный авторъ слишкомъ-мало говоритъ о киргизахъ, и слишкомъ-много обо всемъ остальномъ въ Россіи и въ свѣтѣ; но все-таки въ первой статьѣ было еще нѣсколько страницъ, относившихся къ настоящему предмету «Записокъ»; во второй статьѣ («Библ. для Чт.» № 5) нѣтъ ужъ ни одной такой — не только страницы, даже статьи: авторъ рѣшительно вдался въ свои міросозерцанія и сначала размышляетъ о красотахъ русскихъ народныхъ пѣсень, представляя и образцы ихъ: «Не бушуйте вы, вѣтры буйные», «Вы, побѣдныя головушки солдатскія» и проч., потомъ говоритъ о мебели и экипажахъ, о томъ, что «женщина слабѣ мужчины по сложенію и хитрѣ по уму» и «умѣетъ какимъ-то манеромъ подладить мужчину такъ, что онъ, каковъ бы ни «былъ у него грозный норовъ, непременно станетъ во всемъ угождать «ей» и придумывать экипажи для своей подруги «повальяжите», напримѣръ, вѣскія коляски и кареты на лежачихъ рессорахъ. Вообще, по собственному признанію, авторъ читаетъ рацемъ: «я не боюсь, что про меня скажутъ, будто я читаю рацемъ», и заключаетъ статью такъ: «а какія у киргизовъ занятія и въ какихъ полезныхъ трудахъ они пре-«провождатъ свое время, объ этомъ рѣчь у меня дальше». Мы осмѣлимся откровенно сказать г. Жаркову, что и первая, особенно же вторая статьи его отнять у многихъ охоту читать его «Записки» дальше. Говорите о томъ, о чемъ взялись говорить и о чемъ можете сообщить что-нибудь интересное, а не о гуляньѣ въ Екатерингофѣ, въ которомъ, какъ веѣмъ намъ извѣстно, киргизы не принимаютъ участія. Нендущи къ дѣлу разсужденія ужъ наскучили намъ и во французскихъ фельетонахъ.

Въ 5-й книжкѣ «Библіотеки» оканчиваются *Воспоминанія о ловль зверей въ Сибири*, г. Черепанова, о которыхъ мы имѣли ужъ случай говорить; оканчиваются также *Изъ Парижа въ Черногорь*, путевыя замѣтки Марше (статья третья) и *Воспоминаніе страстующаго врача о Канарскихъ Островахъ* (статья вторая). И тѣ и другія не отличаются особенными достоинствами.

Слѣдуя примѣру другихъ журналовъ, «Пантеонъ» представляетъ менномъ рѣдк. *Прежняя и нынѣшняя Турція*; но о нынѣшней Турціи въ

ной нѣтъ ни слова, да и о прежней сказано мало, потому—что говорится только объ основаніи Константинополя, потомъ о взятіи его престоловладцами и Мухамедомъ II. — Окончаніе статьи Ламартина Христианафоръ Коломбъ (Пант. № 4) такъ же сантиментально, такъ же бѣдно содержаніемъ и обильно вычурными фразами, какъ и начало. — *Полещеніе судна въ Великомъ Океанѣ*, пустой, но довольно-легкій разсказъ какого-то француза о томъ, какъ шиперъ бросилъ его и его товарищей на пустынномъ островѣ, гдѣ они голодали, пока другое судно не взяло ихъ на бортъ. — Не таковы «Воспоминанія» о Калифорніи г. Ротчева (статья четвертая, «Пант. № 4»), попрежнему очень-интересныя и прекрасно-написанныя. — Въ числѣ французскихъ ученыхъ знаменитостей, каждое слово которыхъ считается драгоценнымъ перломъ глубокомыслия, учености и легкости, до-сихъ-поръ для нѣкоторыхъ остается совершенно-выписавшійся нынѣ Кузенъ. Ничтожная и до навности забавная статейка его *Маркиза Сабле и литературные салоны XVII столѣтія* переведена въ «Пантеонѣ». Великій, по мнѣнію *Journal des Débats* и *Revue des Deux Mondes*, философъ съ важностью толкуетъ о «замѣчательнѣйшихъ» изъ «мыслей» (maximes) маркизы Сабле, напримеръ: «Злоба открываетъ недостатки даже между добродѣтелями, что скорѣе можно назвать зародышемъ зла, чѣмъ умѣнемъ понимать предметы какъ они есть». Или: «Главная сторона предметовъ заключается въ томъ, какимъ-образомъ ихъ выказываютъ, и видъ, который придаютъ имъ, смягчаетъ самыя непріятныя изъ нихъ». Предположимъ, что пофранцузски это сказано лучше, нежели вышло въ русскомъ переводѣ; но все-таки подобная мудрость негодится и для прочтенья; а Кузенъ серьезно рассуждаетъ о вліяніи философіи мадамъ Сабле на Паскаля! Когда мы избавимся отъ поученій Кузена и отъ остроумія французскихъ фельетонистовъ?—Рядъ статей объ *итальянской живописи* продолжается въ «Пантеонѣ» (№ 4), и вторая изъ нихъ увѣдомляет насъ, что Верочіо «первый началъ моделировать съ природы», хотя въ ней же самой всего двумя страницами выше говорится, что Беато-Ангелико (Анджелико?), жившій за тридцать или за сорокъ лѣтъ до Верочіо, «для модели выбиралъ всегда самыхъ красивыхъ женщинъ» (стр. 9 и 11). Она увѣряетъ также, будто-бы «живопись масляными красками обладаетъ такою прочностью, что картины, существующія болѣе трехъ-сотъ лѣтъ, сохранили тотъ самый видъ, въ которомъ онѣ вышли изъ-подъ кисти художника; нѣкоторыя изъ нихъ даже приобрѣли «болѣе гармоніи въ колерахъ» (стр. 17). Всякій, хоть однажды побывавшій въ какой-нибудь картинной галереѣ, знаетъ, до какой степени это справедливо.

— Въ послѣднее время въ отзывахъ нашихъ журналовъ о разныхъ писателяхъ привыкли мы встрѣчать тонъ умѣренный, хладнокровный; если же и читали подъ-часъ приговоры несправедливые по нашему мнѣ-

нию, то самый тонъ статей, чуждый всякой запальчивости, обезоруживалъ насъ. Мы можемъ не соглашаться съ мнѣніемъ автора, но каждый въ-правѣ имѣть свое собственное мнѣніе. Уваженіе къ чужому мнѣнію — порука за уваженіе къ нашему собственному. Всѣ журналы немало способствовали къ обузданію рецензентовъ, ничего непринимавшихъ во вниманіе, кромѣ своихъ личныхъ мнѣній, желаній и часто выгодъ. Но мы должны признаться, что въ послѣднее время некоторыя рецензіи «Современника» крайне удивили насъ своею опрометчивостью сужденій, ничѣмъ-недоказанною. Взглядъ, противорѣчающій тому, что недавно говорилъ еще самъ «Современникъ», и несправедливость отзыва, обращенная къ такимъ писателямъ, какъ г-жа Евгенія Туръ, г. Островскій, г. Авдѣевъ — придали какой-то странный видъ библиографіи «Современника» послѣднихъ мѣсяцовъ, поставленной въ рѣшительное противорѣчіе съ самой-собою. Что она говорила годъ назадъ, то теперь отвергаетъ положительнѣйшимъ образомъ... Еще другія мысли приходятъ въ голову. Пока, напримѣръ, въ «Современникѣ» печатались повѣсти г. Авдѣева, журналъ этотъ хвалилъ г. Авдѣева; точно то же должно сказать и объ отзывахъ его о Евгеніи Туръ. Или рецензентъ не справился съ мнѣніями, прежде-высказанными въ этомъ журналѣ? или, онъ зналъ ихъ, но хотѣлъ отличиться рѣзкою оригинальностью?

Вотъ, напримѣръ, что было сказано въ «Современникѣ» Новымъ Повѣтомъ» *въ 1853 году, въ апрѣльской книжкѣ*, по поводу комедіи г. Островскаго «Не въ свои сани не садись»:

«Комедія г. Островскаго имѣла блистательный и вполне заслуженный успѣхъ на двухъ сценахъ: петербургской и московской... Г. Островскій безспорно владѣетъ замѣчательнымъ талантомъ. Первое его произведеніе обратило на него всеобщее вниманіе... Мысль новой его комедіи («Не въ свои сани не садись») выступаетъ ярко и рельефно. Въ ней люди грубые, простые, необразованные, но съ душой и съ прямымъ, здравымъ смысломъ поставлены рядомъ съ людьми полуобразованными... Авторъ очень ловко воспользовался этимъ контрастомъ... Какъ прекрасны эти мужики въ своей простотѣ и какъ жалокъ этотъ Снобъ, этотъ промотавшійся добрый-малый (Вихоревъ; слѣдуетъ выписка изъ комедіи).

... «Все это превосходно и въ высшей степени вѣрно дѣйствительности. Русаковъ и Бородинъ... это живыя лица, взятая изъ жизни, безъ всякихъ прикрасъ. Дочь кушца отлично выдержана авторомъ, а лица второстепенныя очерчены мастерски... Мы съ своей стороны радуемся за новое, прекрасное приобрѣтеніе, сдѣланное русской литературой...» и т. д.

Однимъ словомъ комедія расхвалена.

Теперь посмотрите, что сказано *о той же комедіи* и еще о другой, новой: *Блѣдность не порокъ* — въ библиографіи *майской книжки* «Современника» 1854 года, то-есть, спустя одинъ только годъ:

«Въ двухъ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ г. Стровскій ввалъ въ приторное прикрашиванье того, что не можетъ и не должно быть прикрашиваемо. Произведенія вышли *слабыя и фальшивыя.*»

Такіе отзывы получилъ на свою долю г. Островскій. Вотъ что сказано въ той же книжкѣ о послѣднемъ романѣ г-жи Евгеніи Туръ «Три поры жизни»:

... «Самые плохіе старинные романы не могутъ выдержать сравненія съ *нылыми ныльшими*... Въ «Трехъ Порахъ» нѣтъ ни мысли, ни правдоподобія въ характерахъ, ни вѣроятности въ ходѣ событій; есть только страшная аффектація, натянутость и экзальтація, представляющая все въ какомъ-то фантастическомъ сѣяніи, и какъ разъ навыворотъ противъ того, что бываетъ на бѣломъ свѣтѣ. Надъ всѣмъ этимъ владычествуетъ неизмѣримая пустота содержанія. Но вамъ, читатель, угодно было знать, какую пользу можетъ принести чтеніе плохихъ старинныхъ романовъ? Навести на него гораздо менѣе безотрадной скуки, нежели, напр., чтеніе новаго романа г-жи Евгеніи Туръ...» (стр. 11).

Можно ли такъ выражаться объ авторѣ «Племянницы», «Ошибки», «Долга» — еслибъ даже новый романъ г-жи Евгеніи Туръ былъ и неудаченъ? Приговоръ несправедливъ, потому-что произведеніе талантливаго писателя, какъ бы оно ни не удалось, никогда не можетъ быть безусловно-дурно; странно встрѣтить этотъ отзывъ въ «Современникѣ», гдѣ до настоящаго времени о талантѣ г-жи Евгеніи Туръ говорили всеѣмъ-другое. Перечтите, напримѣръ, что было сказано г-мъ И. Т. въ 1852 г. о произведеніяхъ г-жи Евгеніи Туръ. Если вы не помните, мы вамъ напомнимъ:

«Г-жа Туръ женщина, русская женщина, и какъ ни велико наше уваженіе къ объективнымъ талантамъ, мнѣнія, сердце, голосъ русской женщины — все это для насъ дорого, все это намъ близко, и мы рады, что наконецъ услышали этотъ голосъ въ области искусства. Писательницу у насъ было много на Руси, — нныя изъ нихъ владѣли замѣчательными способностями; но изъ всѣхъ изъ нихъ одна — мы просимъ извиненія у живыхъ — уже теперь не живая, г-жа Гагъ, могла бы оспоривать у г-жи Туръ то преимущество впервые сказаннаго слова, о которомъ мы сейчасъ упомянули (о сторовѣ женственности)... Всѣ помнятъ впечатлѣніе, произведенное «Ошибкой» — впечатлѣніе, поддержанное «Долгомъ» и окончательно утвержденное «Автоной»... Блестящія надежды, возбужденныя г-жею Туръ, оправдались на столько, что уже перестали быть надеждами и сдѣлались достояніемъ нашей литературы; дарованіе г-жи Туръ, слава Богу, не нуждается въ поощреніяхъ и можетъ съ честью выдержать самую строгую оцѣнку...» (1).

Какъ кстати послѣ этого приведенный нами выше отзывъ о дарованіи г-жи Туръ, гдѣ нѣтъ даже и слова о талантѣ этой писательницы!.. Съ какою горькою усмѣшкою должны послѣ этого писатели смотрѣть на журнальныя хвалы и порицанія! Не-уже-ли критика игрушка?..

Но всего болѣе несправедливый отзывъ сдѣланъ въ «Современникѣ» нынѣшняго же года о г. Авдѣевѣ, одномъ изъ лучшихъ нашихъ раскшиковъ, котораго прежде, (когда г. Авдѣевъ печаталъ свои произведенія въ «Современникѣ») этотъ журналъ въ своихъ объявленіяхъ о подпискѣ и въ своихъ обзорныхъ литературы всегда ставилъ наряду съ первыми нашими писателями. Доказательствъ этому такъ много, что ихъ трудно и перечислить. Возьмите, напримѣръ, обзоръ литературы за 1850 годъ, гдѣ исчисляются наши лучшіе повѣствователи: тамъ г. Авдѣевъ поставленъ на-ряду съ Гончаровымъ, Григоровичемъ, Писемскимъ, Тургеневымъ (стр. 34).

Что жъ говорится въ февральской книжкѣ «Современника» за 1854 годъ?

«Намъ кажется, что если о г. Авдѣевѣ будутъ говорить, какъ о замѣчательномъ писателѣ, то уже никакъ не упоминая о его доселѣ изданныхъ повѣстяхъ; а если придется говорить только о нихъ, то о немъ ничего не будутъ говорить.»

Въ другомъ мѣстѣ:

«Еслибъ кто-нибудь былъ такъ неделикатенъ въ выраженіяхъ, что предложилъ бы намъ вопросъ въ отрицательной формѣ: долженъ ли а сожалѣть, что не читалъ повѣстей и романа г. Авдѣева, и необходимо ли мнѣ загладить свой проступокъ?» то... *то мы не знаемъ, что бы мы сказали ему.*»

А не угодно ли мы скажемъ вамъ то, что «Современникъ» говорилъ въ 1854 году?.. Но, можетъ-быть, рецензенту нѣтъ дѣла до мнѣній «Современника»? Въ такомъ случаѣ рецензенту не мѣшало бы подписать свое имя подъ статьей, опровергающей мнѣніе журнала, въ которомъ онъ пишетъ. Мы ниже приведемъ, что говорилъ «Современникъ» въ 1851 году, а теперь выишемъ еще одно мѣсто, поражающее своею нецеремонностью, далеко нефешенбльною:

«Тамаринъ» заставилъ насъ ожидать отъ г. Авдѣева новаго и лучшаго, *показавъ въ немъ способность къ развитію* (умилительное снисхожденіе!), стремленіе принять въ себя мысль, стремленіе къ содержанію; но ни одна изъ его изданныхъ до сихъ поръ повѣстей не можетъ еще назваться произведеніемъ *человѣка мыслящаго*,... Романъ г. Авдѣева съ начала до конца — чистая, кажется, безсознательно переписанная копія сперва съ «Героя нашего времени», потомъ съ «Героя нашего времени» и «Онѣгина», потомъ «Героя нашего времени» и «Полюшки Саксъ». Въ немъ воскресла передъ нашими глазами русская литература XVIII

(¹) Не приводимъ, за многочисленностью, всѣхъ похвалъ, которыя расточались передъ г-жею Туръ въ обзорной литературы, напечатанной въ 1851 году.

связка съ трагедіями Княжнина, о которыхъ еще Мерзляковъ говорилъ, что въ нихъ нѣтъ ни слова своего...» (стр. 46).

Позвольте, г. *мыслящій* рецензентъ, замѣтить вамъ, что, кажется, вы понимаете мысль только тогда, когда она выражена въ видѣ сен-тенцій; иначе, какъ не видѣть мысли хоть бы и въ «Тамаринѣ» (тамъ даже рецензентъ былъ облегченъ «Введеніемъ», гдѣ изложена мысль произведенія) и въ другихъ повѣстяхъ г. Авдѣева? Но допустимъ, что въ нихъ нѣтъ новой мысли — пусть такъ. А какую особенную мысль рецензентъ найдетъ въ «Обыкновенной Исторіи» или во «Снѣ Обломова» г. Гончарова, въ «Исторіи моего дѣтства», г-на Л. — разсказахъ увлекательныхъ? И наоборотъ: какую прелесть г. рецензентъ найдетъ въ драмѣ г. Потѣхина, «Гувернантка», гдѣ въ основаніи лежить мысль умная, благородная? Отчего жъ такое презрѣніе къ маскерскому разсказу, который видѣнъ во всѣхъ произведеніяхъ г. Авдѣева?

Вы говорите, что г. Авдѣевъ исключительно является подражателемъ въ своемъ «Тамаринѣ». Но мы замѣтимъ... Впрочемъ, зачѣмъ намъ говорить? Объ этомъ уже сказалъ свое мнѣніе «Современникъ» въ обзорѣни литературы за 1850 годъ. Вотъ оно... (Мы извиняемся передъ читателемъ за длинныя выписки, но полагаемъ, что читатель увидитъ, какъ важны въ этомъ случаѣ цитаты изъ «Современника», который нѣкогда хвалилъ, а теперь бранитъ тѣхъ же самыхъ писателей):

«Иногородный Подписчикъ, отдавая въ свое время отчетъ о первомъ произведеніи г. Авдѣева, замѣтилъ въ немъ главнѣйшій, бросающійся въ глаза недостатокъ: подражаніе Лермонтову. Замѣчаніе это справедливо точно также, какъ справедливо можно было упрекнуть и Пушкина и автора «Героя нашего времени» въ подражаніи Байрону, когда они создавали характеры Евгенія Онѣгина и Печорина. Этого упрекъ *будетъ справедливымъ* въ отношеніи ко всякому писателю, который бы захотѣлъ испытать силы свои въ олицетвореніи свѣтскихъ людей, которыхъ *отличительною чертою будетъ самолюбіе*... Талантъ должно искать въ томъ, что менѣе всего занимало автора. Если мы съ этой точки взглянемъ на первыя произведенія г. Авдѣева, то мы найдемъ явные признаки таланта, особенно въ первой тетради «Записокъ Тамарина», гдѣ эпизодъ минутной любви къ прелестной Маріонъ есть созданіе прекрасное.

«Лучшимъ доказательствомъ, что г. Авдѣевъ силенъ не одною подражательною способностью, послужила идиллія г. Авдѣева: «Ясные дни», помѣщенная въ X № «Современника» 1850 года. Эта повѣсть очень мила, въ ней много теплаго, искренняго чувства. Прекрасный языкъ, которымъ постоянно пишетъ г. Авдѣевъ, вѣроятно замѣченъ самими читателями» (стр. 65).

Что послѣ этого сказать объ отзывахъ рецензента «Современника», рецензента, отъ котораго этотъ журналъ сталъ въ такое странное по-

ложение относительно своих собственных мнѣній? Хвалить и отрицать всякое достоинство, говорить въ одно время и *да* и *нѣтъ*, не значить ли это... не знать что сказать о трехъ лучшихъ нашихъ писателяхъ?.. Хотѣтъ вычеркнуть изъ списка литераторовъ трехъ такихъ писателей, какъ гг. Островскій, Евгенія Туръ и Андѣевъ, не значить ли брать на свои плеча тяжесть не по силамъ? И за что же такое нападеніе? — вопросъ этотъ мы оставляемъ на разрѣшеніе самому читателю.

DOZY: *Recherches sur l'histoire politique et littéraire de l'Espagne pendant le moyen âge. Tome I. Leyde.* (Новыя изслѣдованія о Сидѣ.)

Книга г. Дози вышла около четырехъ лѣтъ тому назадъ; но она пріобрѣла извѣстность только въ тѣсномъ кругу ученыхъ, занимающихся исторіею Испаніи. Издавая свои замѣчательныя изслѣдованія, г. Дози вовсе не имѣлъ въ виду большинства читателей: онъ писалъ для спеціалистовъ. Внимательное чтеніе книги, заключающей въ себѣ болѣе 700 страницъ мелкой печати, требуетъ усилій и терпѣнія со стороны читателя. Это рядъ критическихъ статей, въ которыхъ разбираются подробно свидѣтельства источниковъ и труды новыхъ писателей, относящіеся къ исторіи средневѣковой Испаніи, преимущественно къ XI-му столѣтію. Г. Дози голландецъ и занимаетъ кафедру восточныхъ языковъ въ Лейденскомъ Университетѣ. Сочиненіе его написано по-французски. Несмотря на нѣкоторую сухость, изслѣдованія г. Дози представляютъ весьма-много новаго и занимательнаго.

Труды испанскихъ историковъ, жившихъ въ-теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій, до-сихъ-поръ, по справедливому замѣчанію нашего автора, не утратили своей цѣны. Къ-сожалѣнію, этимъ ученымъ, съ неутомимымъ усердіемъ занимавшимся разработкою памятниковъ отечественной старины, недоставало весьма-важнаго, можно сказать, необходимаго пособія: они не знали арабскаго языка, безъ котораго невозможно полное знаніе средневѣковой Испаніи. Во второй половинѣ XVIII-го столѣтія Казири издалъ извѣстный каталогъ Эскуріальской Библіотики, въ которомъ помѣстилъ много выписокъ изъ арабскихъ источниковъ, относящихся къ испанской исторіи. При всей своей важности трудъ этотъ скорѣе оказался неудовлетворительнымъ. Казири плохо зналъ по-арабски: переводы его невѣрны, выборъ статей обнаруживаетъ отсутствіе историческаго смысла и критики. Въ 1820 году появилось наконецъ сочиненіе, со всѣхъ сторонъ встрѣченное громкими похвалами ученыхъ и, повидимому, удовлетворявшее давнишнимъ требованіямъ науки. Мы говоримъ объ «Исторіи Испаніи подъ владычествомъ Мавровъ» Юси-фа Конде, составленной исключительно по арабскимъ памятникамъ. Конде очень-рѣдко приводитъ имена писа-

телей, изъ которыхъ онъ заимствуетъ отдѣльныя свѣдѣнiя; но въ преисловіи къ своему сочиненію нечисляетъ всѣ рукописи, которыми пользовался. Въ самомъ разказѣ его есть какое-то простодушіе, заставляющее предполагать въ авторѣ челоѣка добросовѣстнаго и честно изучившаго свой предметъ. «Исторiя Испанiи подѣ владычествомъ Мавровъ» была переведена на нѣсколько языковъ и служила въ продолженіе 30-ти лѣтъ для историковъ-неориенталистовъ замѣною недоступныхъ имъ арабскихъ источниковъ. Можно навѣрно сказать, что съ 1820 года до настоящаго времени не вышло ни одной извѣстной книги о средневѣковой Испанiи безъ обширныхъ заимствованiй изъ Конде. Такъ поступали французы Руссевъ де-Ст. Илеръ (Rousseau de St-Hilaire) и Роже, немцы Шенкертъ и Албартъ, которые въ своихъ сочиненiяхъ изложили исторiю средневѣковой Испанiи. Они довольствовались сличенiемъ арабскихъ писателей, переведенныхъ Конде съ свидѣтельствами христіанскихъ памятниковъ. Едва-ли кому приходило въ голову заподозрить ученую честность испанскаго ориенталиста, хотя его часто упрекали въ сбивчивомъ изложенiи, навсегда вѣрномъ переводѣ арабскихъ подлинниковъ и неспособности къ критической оцѣнкѣ находившихся у него подѣ-рукою матеріаловъ. Занимаясь литературою испанскихъ арабовъ, г. Дози долженъ былъ безпрестанно прибѣгать къ книгѣ Конде и нашелъ въ ней странныя ошибки и неточности. Болѣе-подробныя разысканiя привели его наконецъ къ слѣдующему заключенію: «знанiе арабскаго языка у Конде не простиралось далѣе азбуки (?). Замѣтныя чрезвычайнымъ богатствомъ воображенiя отсутствiе самыхъ элементарныхъ свѣдѣнiй, онъ съ неслыханною наглостью сочинялъ сотнями хронологическія цифры, создавалъ тысячами историческія факты и выдвигалъ свои вымыслы за вѣрный переводъ арабскихъ текстовъ.

«Vois que fourbe sur fourbe à nos yeux il entasse
Et ne fait que jouer des tours de passe-passe.»

(P. CORNEILLE, «Le Menteur». V. 7.)

Новѣйшіе историки, не подозревая подлога, котораго они сдѣлались жертвами, простодушно повторяли всѣ эти небывшiцы; иногда они даже заходили далѣе своего наставника, стараясь согласить его вымыслы съ извѣстiями латинскихъ и испанскихъ лѣтописцевъ, которые такимъ образомъ искажались въ свою очередь».

Трудно допустить безусловно справедливость приведеннаго нами мнѣнiя. Г. Дози неоспоримо доказалъ, что Конде былъ плохой знатокъ арабскаго языка и что у него вовсе не было критическаго смысла. Но едва-ли можно предположить, съ его стороны, сознательное желанiе обмануть ученую Европу. Книга Конде не принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ мистификацій, которыя нерѣдко встрѣчаются въ исторiи нашей науки. Источникомъ ошибокъ, находимыхъ въ «Исторiи Маэровъ», было невѣжество автора, который, обманывая себя, обманулъ и другихъ. Во всякомъ случаѣ, книга его потеряла всякое право на довѣрiе къ ней и отнынѣ не имѣетъ никакого значенiя въ наукѣ. Строгое сужденіе г. Дози опирается, впрочемъ, на многочи-

слѣдующимъ даннымъ и на согласіе нѣкоторыхъ извѣстныхъ французскихъ ориенталистовъ: Рено, Дефремери и другихъ, которые, подобно лейденскому профессору, имѣли случай свѣрить рассказы Конде съ тѣми рукописями, на которыя онъ ссылается въ своемъ предисловіи. Образчикомъ знаній и критики Конде можетъ служить слѣдующій случай. Въ Эскуріальской Библиотецѣ хранится сочиненіе Ибноль-Абара, заключающее въ себѣ біографіи знатныхъ испанскихъ мавровъ, которые прославились своимъ поэтическимъ талантомъ. По ошибкѣ переплетчика, листы этой рукописи перемѣшаны, такъ-что къ началу одной біографіи часто пришитъ конецъ другой, неизмѣющей съ первою ничего общаго. Авторъ «Исторіи Мавровъ въ Испаніи» сдѣлался жертвою оплошнаго переплетчика и безъ малѣйшаго подозрѣнія перепроводилъ, какъ умѣлъ, нужные для него біографіи. Такимъ-образомъ миролюбивые писатели являютя у него къ концу своей жизни и совершенно-неожиданно для читателя—полководцами, государственными мужами и т. д.

Въ настоящемъ видѣ своемъ, труды г. Дози не что иное, какъ превосходные, критически-разработанные матеріалы для будущаго историка Испаніи. Изъ изслѣдованій лейденскаго профессора можно извлечь довольно-полное представленіе о характерѣ образованности, которая развилась у арабовъ, покорившихъ Пиренейскій Полуостровъ. Образованность эта была исключительно-аристократическая. Она была обязана своимъ блескомъ и движеніемъ сначала покровительству калифовъ омеядовъ, жившихъ въ Кордовѣ; потомъ мелкимъ династіямъ, которыя въ началѣ XI-го столѣтія раздѣлили между собою наслѣдіе падшаго калифата. Арабская Испанія XI-го столѣтія напоминаетъ во многомъ Италію XIV-го и XV-го вѣковъ. Умственная жизнь народа, выражавшаяся преимущественно въ поэзіи, сосредоточивалась при дворахъ многочисленныхъ династій. Арабскіе князья полагали свою славу въ щедротахъ, которыми они осыпали современныхъ имъ поэтовъ; но произведенія этихъ поэтовъ, отличающіяся вѣщиною отдѣлкой и изяществомъ формы, никакъ нельзя назвать народными въ настоящемъ значеніи слова. Они содержатъ въ себѣ такъ много искусственнаго, условнаго и доступнаго только однимъ высшимъ классамъ общества, что не могли имѣть вліянія на образованность низшихъ сословій. Однородное явленіе представляетъ намъ искусственная поэзія провинсальскихъ трубадуровъ, которая развилась въ рыцарскихъ замкахъ Южной Франціи, служила выраженіемъ аристократическихъ нравовъ и идей и потому не могла сдѣлаться общимъ достояніемъ непонимающаго ее народа. Наука наравнѣ съ поэзіей пользовалась великодушнымъ покровительствомъ арабскихъ государей въ Испаніи. Въ X-мъ столѣтіи, въ владѣніяхъ кордовскаго калифа считалось до 70-ти большихъ книгохранилищъ и до 17-ти высшихъ учебныхъ заведеній. Этотъ блестящій періодъ продолжался собственно только до второй половины XI-го столѣтія, то-есть до появленія въ Испаніи альморавидовъ. Африканскіе пришельцы удержали напоръ христіанъ на мухамедавскія государства Пиренейскаго Полуострова; но они принесли съ собою религіозный фанатизмъ, давно-охладѣвшій у нихъ прежде-

поселившихся на европейской почвѣ единовѣрцевъ и несовмѣстныхъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ ученой или изящной литературы.

Еще во времена Кордовскаго Калифата, испанскіе мавры для войны своихъ съ христіанами принуждены были покупать рабовъ, составлявшихъ потомъ весьма-значительную часть мусульманскихъ войскъ на Пиренейскомъ Полуостровѣ. Этимъ саклабамъ (напоминающимъ турецкихъ янычаровъ и египетскихъ мамелюковъ), обыкновенно вѣряли калифы охраненіе собственной особы. Мелкіе династы XI-го столѣтія были не въ-состояніи защищать себя противъ христіанскаго оружія и по-необходимости уступили мѣсто пришлымъ изъ Африки династіямъ. Цвѣтущая пора искусственно-вызванныхъ къ жизни литературы и науки прошла. Массы народа смотрѣли равнодушно на упадокъ просвѣщенія, имъ чуждаго и порою оскорблявшаго сохранившееся у нихъ религиозное чувство. Вообще арабской образованности не доставало самостоятельности. Она могла развиваться только подъ вліяніемъ особенно-благопріятныхъ условий; ей необходимо было покровительство богатой и сильной аристократіи. Почва ислама неудобна для возвращенія на ней цвѣтовъ человѣческаго мышленія. Г. Дози посвятилъ, между-прочимъ, нѣсколько любопытныхъ страницъ (81—123) Аль-Мотасиму, князю альмерійскому, знаменитому любителю поэзіи и наукъ. Эти страницы внушаютъ читателю участіе къ благородной умственной дѣятельности Мотасима и писателей, изъ которыхъ преимущественно состоялъ дворъ его. Въ государствахъ Западной Европы того времени мы конечно не найдемъ ничего подобнаго; во впечатлѣніе, производимое описаніями г. Дози, непродолжительно. Образцы, которые ученый авторъ «изслѣдованій о средневѣковой Испаніи» приводитъ изъ произведеній поэтовъ, жившихъ въ Альмеріи, при Мотасимѣ, подтверждаютъ вполне сказанное нами выше о характерѣ арабской поэзіи въ Испаніи. Она служила пріятнымъ занятіемъ извѣженному и досуажу сословію, а не выраженіемъ задушевной жизни цѣлаго народа. Вотъ, напримѣръ, одно изъ самыхъ знаменитыхъ стихотвореній той эпохи, сдѣлавшееся почти народнымъ, потому-что всѣ его знали наизусть и пѣли его. Оно принадлежитъ Ибн-оль-Хаддаду, прозванному поэтомъ Андалузій.

«Мнѣ говорятъ: покинь Долину Алакикскую, бѣги отъ любимой, но невнемлющей любви твоей дѣвы; не возвращайся болѣе къ Аль-Одайбѣ, къ тому ручью, гдѣ ты встрѣтилъ гордую красавицу, потому-что тамъ снова поразятъ тебя острый мечъ и стрѣлы мною дѣвы, покрытой алмазами, наполняющей воздухъ благовоніемъ. Да, меня не допустили къ тебѣ, но никто не можетъ изгнать образа твоего изъ души моей; вдали отъ тебя, мнѣ кажется, что ты всегда со мною. О, друзья, восхваляющіе меня за мое смиреніе предъ судьбою и за то, что я предпочитаю сонъ бѣднѣю! я не заслуживаю похвалъ вашихъ; засыпая, я увѣренъ, что ты «возлюбленная, являясь мнѣ въ сновидѣніи».

Одинъ изъ сыновей Мотассима, Раффио-Даула, слыгъ за великаго поэта. Въ доказательство его дарованій г. Дози приводитъ стихи, написанные имъ къ другу.

«Чаши, о Абуль-Ала, наполнены виномъ и ходятъ по рукамъ веселыхъ собесѣдниковъ; вѣтеръ тихо колышетъ вѣтви деревьевъ; въ воздухѣ раздаются пѣніе птицъ, а горлицы воркуютъ, сидя на самыхъ высокихъ вѣткахъ. Прийди жъ и пей на берегу этого ручья вино чистое и красное, о которомъ можно подумать, что оно выжато изъ ланитъ милаго кравачаго, который намъ его подноситъ».

Несмотря на двойной прозаическій переводъ, чрезъ который прошли эти стихотворенія, они сохраняютъ, въ-особенности второе, слѣды первоначальной прекрасной формы. Но, сравнивъ ихъ содержаніе съ содержаніемъ первыхъ произведеній испанской народной поэзіи, мы поймемъ, почему Аль-Мотассимъ и другіе сходные съ нимъ владѣтели должны были искать защиты и покровительства у африканскихъ магометанъ, мало цѣнившихъ умственное наслажденіе, но ходившихъ въ бой съ непоколебимой вѣрою въ слова пророка.

Большую и главную половину книги г-на Дози занимаютъ изслѣдованія о Сидѣ. Кому не извѣстно это имя? Изъ кастильскаго героя Сидъ давно обратился въ представителя средневѣковаго рыцарства, въ его общемъ, благороднѣйшемъ значеніи. Благодаря Гердеру, романсы о Сидѣ перестали быть исключительнымъ достояніемъ испанской литературы. Они переведены почти на всѣ европейскіе языки и принадлежатъ, по своему характеру, къ небольшому числу всѣмъ доступныхъ и всѣми любимыхъ произведеній чисто-народной поэзіи. Но историческая извѣстность кастильскаго рыцаря до-сихъ-поръ не соответствовала той славѣ, какую увѣчала его поэзія. Еще въ XV-мъ столѣтіи извѣстный испанскій писатель Фернанъ Пересъ де-Гусманъ выразилъ свои сомнѣнія въ истинѣ событій, о которыхъ упоминаютъ романсы о Сидѣ. Сомнѣнія эти не прекращались до нашего времени. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Масдеу (Masdeu) посвятилъ почти цѣлый томъ своей «Критической исторіи Испаніи» разбору извѣстій о Сидѣ. Онъ высказалъ результатъ своихъ разысканій въ слѣдующихъ словахъ: «У насъ нѣтъ о знаменитомъ Сидѣ ни одного свидѣтельства положительнаго и достовѣрнаго, или заслуживающаго мѣсто въ лѣтописяхъ нашего народа. Мы не только ничего о немъ не знаемъ, но у насъ нѣтъ никакихъ доказательствъ его существованія». Г. Дози справедливо вооружается противъ неумѣстнаго скептицизма испанскихъ историковъ и возстановляетъ на основаніи неоспоримыхъ свидѣтельствъ историческое лицо Родрига Діаца, прозваннаго Сидомъ и Кампеадоромъ. Мы представимъ нашимъ читателямъ краткій обзоръ самыхъ источниковъ, въ которыхъ содержатся матеріалы для возможной біографіи Сиды. 1) Едва-ли не древнѣйшій изъ этихъ памятниковъ есть латинское стихотвореніе о Сидѣ, принадлежащее XII столѣтію и свидѣтельствующее о томъ, какъ рано подвиги Сиды перешли въ сѣру поэзіи. (Edélestand du Meril, Poésies populaires latines du moyen âge, Paris 1847, pg. 284 и слѣд.); 2) поэма о Сидѣ «el Poema del Sid», возникшая, по всей вѣроятности, въ началѣ XIII столѣтія, и 3) почти современная съ поэмою стихотворная хроника «la Cronica rimada del Cid». Къ этимъ двумъ памятникамъ примыкаютъ, по характеру и содержанію, 4) романсы о Сидѣ (Romancero del Cid), собранные

впервые Хуаном де-Эскобарь. Изъ прозаическихъ памятниковъ возьмемъ слѣдующіе: 5) найденную въ Августинскомъ Монастырѣ Св. Изидора въ Леонѣ лѣтопись, которую издалъ въ 1792 году Риско, подъ названіемъ «Gesta Roderici Campedocti». Масдеу не признавалъ подлинности этой лѣтописи и отрицалъ существованіе самой рукописи. Неосновательность его выраженій нынѣ доказана. «Gesta Roderici» относятся къ началу XIII столѣтія. Сочинитель писалъ до вторичнаго взятія Валенціи христіанами въ 1238 году. 6) «Cronica general Альфонса X-го, названнаго ученыхъ». Альфонсъ X-ый жилъ, какъ извѣстно, въ XIII-мъ столѣтіи. Четвертая часть его общей лѣтописи содержитъ въ себѣ весьма любопытная, частью изъ арабскихъ источниковъ заимствованныя свѣдѣнія о Сидѣ. Паданная въ 1512 году «Cronica del Sid», по рукописи, хранившейся въ Монастырѣ Св. Петра Карденьскаго, есть не что иное, какъ плохая и относительно новая передѣлка той части общей хроники Альфонса X-го, въ которой разсказаны подвиги Сиды.

Въ источникахъ для біографіи Сиды слѣдовательно нѣтъ недостатка. Но Масдеу и писатели сходныхъ съ нимъ мнѣній основываютъ свои сомнѣнія на отсутствіи свѣдѣтельствъ, современныхъ Сиду. Дѣйствительно, всѣ памятники, нами исчисленные, принадлежатъ позднѣйшему времени. Испанскія лѣтописи, современныя Сиду, не упоминаютъ о немъ. Но можно ли изъ этого заключить, что самое существованіе кастильскаго героя есть фактъ недоказанный? Положимъ, что молчаніе современниковъ о такомъ лицѣ, какъ Родригъ Диасъ, въ-самомъ-дѣлѣ странно; но развѣ всѣ лѣтописи того времени дошли до насъ? Г. Дози приводитъ, между-прочимъ, краткую лѣтопись Петра, епископа леонскаго, излагающую исторію царствованія Альфонса VI-го и содержащую въ себѣ нѣсколько извѣстій о Сидѣ. Петръ Леонскій былъ современникъ Сиды и его словъ достаточно для опроверженія сомнѣній Масдеу и другихъ скептиковъ. Лѣтопись епископа Петра потеряна, но отрывки изъ нея сохранились въ сочиненіи Сандовала «Cinco Reyes», напечатаннаго въ 1615 году Сверхъ-того. критики, разбиравшіе преданія о Сидѣ, опустили изъ виду существованіе другихъ памятниковъ, неоспоримо-доказывающихъ историческое существованіе самого героя. Такъ, напримѣръ, въ Гургосѣ находится подлинный актъ брачнаго договора между Родригомъ Диасомъ и Хяженою, дочерью Діего, графа овьедскаго. Актъ этотъ, писанный готическими буквами на пергаментѣ, составленъ 19 іюля 1074 года. Имя Родрига Диаса встрѣчается также въ нѣсколькихъ грамотахъ, принадлежащихъ второй половинѣ XI-го столѣтія. Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ его смерти о немъ ужъ говорятъ лѣтописи Южной Франціи: около того же времени онъ ужъ успѣлъ сдѣлаться героемъ народной поэзіи, которая, конечно, украсила дѣйствительность, но не могла однако создать ее изъ ничего. Въ виду такихъ данныхъ всякій скептицизмъ долженъ былъ бы умолкнуть. Г. Дози наноситъ ему рѣшительный ударъ. Онъ нашелъ въ готской бібліотекѣ сочиненіе Понъ-Бассама о поэтахъ, жившихъ въ Испаніи въ V-мъ столѣтіи гдѣ-ры Эта рукопись содержитъ въ себѣ, между-прочимъ, подробное описаніе покоренія Валенціи Сидомъ, составленное въ 1109 году, черезъ

пятнадцать лѣтъ послѣ паденія Валенціи и черезъ десять послѣ смерти Сиды. Это древнѣйшее лѣтописное свидѣтельство о Кампеадорѣ полагаетъ конецъ всѣмъ спорамъ. Оно носитъ на себѣ печать еще неохладѣвшей ненависти къ христіанскому вождю. Слѣдуя указаніямъ г. Дози, мы сообщимъ нашимъ читателямъ краткій очеркъ дѣйствительной, отрѣшенной отъ поэтическихъ примѣсей жизни Сиды; потому мы рассмотримъ тѣ измѣненія, которымъ подвергся его образъ въ—теченіе вѣковъ въ памятникахъ, созданныхъ народною фантазю. Руководителемъ нашимъ будетъ постоянно г. Дози, у котораго отдѣлъ о Сидѣ обработанъ съ необыкновеннымъ талантомъ и полнымъ знаніемъ предмета.

Имя Родрига Діаца встрѣчается въ первый разъ въ грамматѣ Фердинанда I-го отъ 1064 года. Годъ его рожденія не извѣстенъ. Отца онъ лишился еще въ дѣтствѣ своемъ. Когда, по смерти Фердинанда I-го, владѣнія его перешли къ дѣтямъ, Родригъ остался при дворѣ старшаго сына, Санхо кастильскаго, и повидимому уже игралъ значительную роль. Междуособія Санхо съ братьями и сестрами дали Родригу, которому король ввѣрилъ начальство надъ всѣмъ своимъ войскомъ, возможность обнаружить тѣ великія свойства, которыми онъ въ послѣдствіи прославился. Въ 1071 году Санхо и братъ его Альфонсъ, король леонскій, условились кончить споръ свой судомъ Божиимъ, то—есть битвою. Побѣжденный былъ обязанъ уступить свои владѣнія побѣдителю. Сраженіе произошло у деревни Гольпехары. Кастильцы были разбиты. Альфонсъ, увѣренный въ точномъ исполненіи условій, запретилъ своимъ воинамъ преслѣдовать бѣглецовъ и не хотѣлъ проливать крови будущиxъ подданныхъ. Но Родригъ уговорилъ Санхо нарушить условіе. «Враги наши отдыхаютъ послѣ побѣды (сказалъ онъ ему ночью): если мы на разсвѣтѣ нападѣмъ на нихъ снова, то одолѣемъ въ свою очередь». Санхо принялъ несо-всѣмъ—честный совѣтъ и съ остатками разбитаго войска напалъ рано утромъ на брата. Застигнутые въ—расплохъ леонцы разсѣялись; самъ Альфонсъ попался въ плѣнъ. Вскорѣ потомъ дон—Санхо погибъ при осадѣ города Заморы, который онъ хотѣлъ отнять у сестры своей Урраки. Всѣ его владѣнія перешли по наслѣдству къ брату его Альфонсу VI-му, который предварительно долженъ былъ подвергнуться унизительному обряду и присягнуть въ томъ, что онъ не принималъ участія въ смерти убитаго предательскимъ образомъ брата. Присягу эту принялъ Родригъ Діацъ. Понятно, что Альфонсъ не могъ любить надменнаго вассала, который былъ причиной его плѣна и свидѣтелемъ его униженія. Это не помѣшало, впрочемъ, Родригу жениться на близкой родственницѣ короля, Хименѣ, дочери графа оведскаго. Около 1081 года Родригъ былъ изгнанъ изъ владѣній Альфонса VI-го. Мы не знаемъ, что послужило поводомъ къ этому изгнанію, но съ него начинается та часть жизни Сиды, въ—теченіе которой онъ сдѣлался любимцемъ испанскаго народа.

Слѣдующіе за тѣмъ годы Сидѣ провелъ большею—частью въ службѣ князя Юсуфа—Аль—Мутамина сарагосскаго, изъ рода Бену—худовъ. Вотъ почему названный нами выше арабскій писатель говоритъ о

Сидъ, что онъ обязанъ былъ своею славой бану-хулагу. Родригъ не только принималъ участіе въ расприхъ мухаммедовскихъ династовъ, но онъ помогалъ имъ противъ христіанскихъ владѣтелей, именно противъ Санхо Рамирица, короля арагонскаго и наварскаго и противъ Раймунда Беренгара, графа барцелонскаго. У Родрига была своя собственная дружина, въ родѣ итальянскихъ кондотъ. Самъ онъ былъ не что иное, какъ смѣлый кондотьеръ, мало заботившійся о соблюденіи уставовъ рыцарской чести. Не онъ одинъ жилъ такимъ образомъ въ тогдашней Испаніи; знаменитый родственникъ и сподвижникъ его Альваро Фанецъ служилъ съ наемною дружиною арабскому князю, которому принадлежала Валенція. Дружина эта состояла, по словамъ летописи, изъ бродягъ всякаго рода. Альваро Фанецъ не обращалъ вниманія на различіе вѣръ; онъ принималъ въ ряды свои мухаммеданъ и христіанъ безъ разбора. За-то войны его приобрѣли незавидную извѣстность. Они грабили, жгли селенія и убивали жителей несчастныхъ мѣстностей, черезъ которыя лежалъ ихъ путь. Плѣнниковъ своихъ они часто продавали въ рабство за одинъ хлѣбъ, кружку вина или фунтъ рыбы. Плѣнники, которымъ нельзя было продать, подвергались несравненно худшей участи: имъ рѣзали языки, выкалывали глаза и травили ихъ прутчевыми къ этому дѣлу собаками. Г. Дози нашелъ въ источникахъ подробности до-того отвратительныя, что не рѣшился сообщить ихъ своимъ читателямъ. Къ-сожалѣнію, народный герой испанской поэзіи не отличался отъ современниковъ мягкостью права и дружина его ни въ чемъ не уступала дружинѣ Альваро Фанеца. Весьма-замѣчательно въ этомъ отношеніи находящееся въ летописи о Сидѣ (Gesta) письмо Беренгара барцелонскаго. Письмо это, въ которомъ барцелонскій графъ обвиняетъ Сиду въ томъ, что онъ поклоняется горамъ и хищнымъ птицамъ, а не истинному Богу, оканчивается слѣдующими словами: «Господь отмститъ вамъ за разрушенныя вашими насиліемъ и поруганныя храмы его».

Счастье измѣнилось Беригару въ войнѣ съ Сидомъ, который разбилъ и взялъ его въ плѣнъ. Мы переведемъ съ перевода г-на Дози то мѣсто поэмы о Сидѣ, въ которомъ описывается освобожденіе барцелонскаго графа изъ плѣна. Она даетъ поразительно-вѣрное понятіе о грубой и оригинальной эпохѣ, къ которой принадлежатъ эти событія.

«У Сиды моего, доня Родрига цѣдетъ большая страпня. Графу дон-Реймонду (Берегару) нѣтъ до этого дѣла; ему привносятъ яства и готовятъ ихъ передъ нимъ, а онъ не хочетъ ѣсть. Онъ сидѣтъ надъ всеми кушаньями. «Я не съемъ ни одного куска за всѣ богатства цѣлой Испаніи. Пусть погибнетъ тѣло мое и пропадетъ душа моя, когда такіе оборванцы (mal calgados) побѣднли меня въ битвѣ». Послушайте, что говоритъ теперь мой Сидъ Рюи Диасъ: «Отвѣдайте, графъ этого хлѣба, выпейте вина; если вы сдѣлаете то, о чемъ я прошу, вы не будете болѣе плѣнникомъ; если нѣтъ, вамъ не видать никогда земли христіанской». Графъ дон-Реймондъ отвѣчаетъ: «ѣшьте, Родригъ, и предавайтесь радости, а я уморю себя, потому-что я не

хочу ѣсть.» До третьяго дня они не могли уговорить его; пока они дѣлили богатую добычу, они не могли убѣдить его проглотить кусокъ хлѣба. Мой Сидѣ сказалъ: «Съѣшьте что-нибудь, графъ; если вы не станете ѣсть, вамъ не видать болѣе христіанъ; но если вы съѣдите вдоволь для меня, я освобожу васъ и еще двухъ рыцарей и отпущу васъ домой». Когда графъ услышалъ это, онъ сталъ повеселѣе. «Сидѣ, если вы сдѣлаете, что общаете, я буду удивляться вамъ до конца жизни». — «Ѣшьте же, графъ, а послѣ обѣда я отпущу васъ и двухъ другихъ. Но знайте, что изъ всего того, что вы потеряли, а я добылъ на полѣ битвы, я не отдамъ вамъ ни одной фальшивой денежки; я ничего не отдамъ вамъ изъ всего потеряннаго вами, потому-что оно мнѣ нужно для моихъ вассаловъ, которые служатъ при мнѣ и терпятъ нужду; я ничего не дамъ вамъ. Я беру у васъ и у другихъ и плачу вассаламъ». Графъ радуется; онъ требуетъ воды, чтобы умыть себѣ руки, и ему подають воду, подають тотчасъ. Графъ собирается кушать вмѣстѣ съ рыцарями, которыхъ Сидѣ отпускаетъ съ нимъ. Боже мой, съ какою охотою принимается онъ за это дѣло! Напротивъ его сидитъ тотъ, кто родился въ благоприятный часъ. «Если вы мало станете ѣсть, графъ, не вдоволь для меня, мы останемся здѣсь, мы не покинемъ другъ друга». Тогда графъ сказалъ: «отъ всей души и съ большою охотою». Онъ обѣдаетъ проворно съ двумя рыцарями; мой Сидѣ на него смотритъ и радуется тому, что графъ дон-Реймондъ такъ хорошо дѣйствуетъ руками.» Если позволите, мой Сидѣ, мы готовы въ дорогу. Прикажите, чтобы намъ подали коней и мы поѣдемъ тотчасъ. Съ того дня, какъ я сталъ графомъ, я не ѣлъ съ такой охотою. Не забуду удовольствія, которое испыталъ теперь». Имъ подали трехъ отлично-осѣдланныхъ коней, хорошее платье, шубы и плащи. Графъ дон-Реймондъ скачетъ среди двухъ другихъ рыцарей. Кастильянецъ провожаетъ ихъ до крайней черты стана. Вы ѣдете, графъ, на полную свободу. Благодарю васъ за то, что вы мнѣ оставляете; когда вамъ захочется отомстить мнѣ и вы станете искать меня, вы меня легко найдете; если же вы не прикажете меня искать и оставите меня въ покоѣ, у васъ будетъ въ барышахъ кое-что изъ вашего или изъ моего добра». — «Веселитесь, мой Сидѣ, будьте здоровы и невредимы; я расплатился съ вами за этотъ годъ; никому не прійдетъ въ голову искать васъ». Графъ прищпорилъ коня и пустился въ путь; дорогой онъ поворачивалъ голову и посматривалъ назадъ: онъ боялся, чтобы Сидѣ не раскаялся. За всѣ сокровища міра не поступилъ бы такъ безукоризненный рыцарь: онъ никогда не совершилъ безчестнаго дѣла.»

Видно, графъ барселонскій былъ другаго мнѣнія. Есть причины думать, что характеръ его побѣдителя былъ ему извѣстенъ лучше, чѣмъ жившему цѣлымъ столѣтіемъ позже поэту. Суровая простота и драматическое движеніе, составляющія принадлежность приведеннаго нами отрывка изъ поэмы о Сидѣ, по справедливости обратили на себя вниманіе г-на Дози. Намъ однако кажется, что онъ не замѣтилъ весьма-характеристической черты. Родригъ готовъ выпустить на волю плѣннаго графа, но изъ взятой въ битвѣ добычи онъ не

уступить ничего, ни даже *фальшивой денюжки*. Съ особенною энергіею и нѣсколько разъ повторяетъ онъ эти слова. Таковы были феодальные герои XI-го столѣтія не въ одной Испаніи, но во всей Западной Европѣ. Рыцарскія понятія только-что начинали развиваться и еще не успѣли сгладить предшествовавшей грубости феодальныхъ нравовъ. Сидъ не скрываетъ своей любви къ чужому добру. Онъ совершаетъ часть своихъ подвиговъ ради добычи и денежныхъ выгодъ. Онъ ведетъ настоящую торговлю съ мухамеданскими князьями: одни покупаютъ у него его услуги, другіе—просто миръ. Владѣлецъ альбарацинскій платилъ Сиду ежегодно 10,000 динаровъ; столько же получалъ онъ изъ Альпуенты, 6000 изъ Мурвiedро, 6000 изъ Сегорбіи, 4000 изъ Херики, 3000 изъ Альменары, 12,000 изъ Валенціи, пока не овладѣлъ совсѣмъ послѣднимъ городомъ. Это исчисленіе еще неполно. Въ книгѣ г-на Дози можно найти много подробностей, показывающихъ, какіе огромные доходы бралъ Родригъ съ меча своего.

Въ промежуткахъ между непрерывными войнами, въ которыхъ принималъ корыстное участіе, изгнанный Сидъ служилъ и королю своему Альфонсу VI кастильскому; но ему долго не удавалось смгчить гнѣвъ короля. Въ 1092 году Сидъ ходилъ вмѣстѣ съ Альфонсомъ на альморавидовъ, въ Южную Испанію. Въ виду непріятеля, превосходнаго числомъ, Альфонсъ разбилъ укрьпленный лагерь на горѣ: Сидъ сталъ передъ нимъ внизу, на равнинѣ, выражалъ такимъ образомъ намѣреніе прикрыть своей дружиной королевское войско. Альфонсъ былъ глубоко оскорбленъ высокомеріемъ вассала и осыпалъ его упреками. Для избѣжанія еще худшихъ послѣдствій, Сидъ послѣшилъ удалиться и ушелъ ночью къ Валенціи, давно-составлявшей цѣль его желаній.

Ослабленная внутренними смутами Валенціа со всѣхъ сторонъ была окружена врагами. Собсніе князья, христіане и мухамедане равно старались овладѣть богатымъ городомъ. По смерти послѣдняго государя, царствовавшаго въ Валенціи, городомъ правилъ совѣтъ, составленный изъ самыхъ значительныхъ, по положенію своему, жителей. Это было нѣчто въ родѣ аристократической республики. Въ главѣ совѣта стоялъ Ибн-Джаханъ, человекъ безъ дарованій, но властолюбивый, искавшій себѣ опоры извнѣ. Онъ сблизился съ альморавидами и съ Сидомъ, въ надеждѣ современемъ противопоставить ихъ другъ другу. Г-нъ Дози очень-обстоятельно излагаетъ исторію Валенціи во второй половинѣ XI-го столѣтія. Мы заимствуемъ изъ его изслѣдованій только тѣ факты, которые относятся непосредственно къ Сиду. Лѣтомъ 1093 г. Сидъ обложилъ Валенцію. Осада, подробности которой сохранены намъ арабскими писателями, продолжалась около года. Жители, напрасно рассчитывавшіе на помощь своихъ единовѣрцевъ, были доведены до послѣдней крайности. Они толпами выходили изъ города и предавали себя произволу сидовыхъ наемниковъ, дабы избѣжать голодной смерти. Желая ускорить паденіе Валенціи, Родригъ запретилъ пускать въ лагерь свой этихъ выходцевъ; захваченныхъ имъ въ плѣнъ мавровъ онъ жегъ на кострахъ и травилъ живыхъ собаками. 15-го іюня 1094 г. городъ сдался.

Сначала Сидъ очень-благосклонно обходился съ побѣжденными и заслужилъ ихъ признательность. По его приказанію, были задѣланы всѣ обращенныя къ городу окна крѣпостныхъ башенъ, дабы нескромныя взгляды не могли проникать во внутренность мухаммеданскихъ домовъ. Онъ также приказалъ христіанамъ кланяться мавраамъ и уступать послѣднимъ дорогу при встрѣчѣ съ ними на улицѣ. Но кротость эта продолжалась недолго. При описаніи жестокостей, совершенныхъ Сидомъ въ Валенціи, авторъ разбираемаго нами сочиненія слишкомъ полагается на пристрастныя свидѣтельства арабскихъ источниковъ. Во вслкомъ случаѣ, Родригъ былъ суровый властелинъ. Желая овладѣть богатствами Ибн-Джахафа, онъ предалъ его пыткамъ и потомъ казнилъ за утайку нѣкоторыхъ драгоценностей. Ибн-Джахафъ былъ сожженъ живой вмѣстѣ съ семнадцатью другими почетными мавраами. Въ числѣ ихъ погибъ, по предположенію г-на Дози, Абу-Джафар-аль-Бати, замѣчательный писатель, сочиненіемъ котораго объ осадѣ Валенціи Сидомъ воспользовался для своей хроники Альфонсъ X. Родригъ умеръ въ своихъ новыхъ владѣніяхъ въ 1098 году. Черезъ четыре года послѣ его смерти, христіане принуждены были снова покинуть Валенцію и уступили ее альморавидамъ. У Сиды осталось трое дѣтей: сынъ и двѣ дочери. Сынъ былъ убитъ въ войнѣ съ мавраами. Потомки его существовали еще въ XIV столѣтіи и жили въ городѣ Паленціи. Старшая дочь Сиды, Христина, вышла замужъ за дону Рамиро, инфанта наварскаго; вторая, Марія была супругою Раймонда III-го, графа барселонскаго.

Изъ этого краткаго, но по достовѣрнымъ источникамъ составленнаго очерка можно видѣть, что историческій Сидъ во многомъ отличается отъ того Сиды, о которомъ поютъ испанскіе романсы. Г. Дози показалъ, впрочемъ, что въ поэтическихъ памятникахъ среднеюковой Испаніи образъ кастильскаго героя подвергся послѣдовательнымъ измѣненіямъ, соответствующимъ перемѣнамъ, которыя произошли въ политическомъ бытѣ и образѣ мыслей испанскаго народа. Ослушникъ, наказанный гнѣвомъ Альфонса VI-го, нарушитель договоровъ, наемный слуга арабскихъ князей, жестокий властитель Валенціи, обращается постепенно въ томнаго любовника Химены и представителя самыхъ-утонченныхъ понятій о рыцарской чести и вѣрности. Приступая къ вопросу о древности отдѣльныхъ поэтическихъ памятниковъ, которыхъ героемъ является Сидъ, г. Дози отрицаетъ совершенно вліяніе арабовъ на испанскую поэзію, о которомъ такъ много толковали другіе ученые. Извѣстно, что Конде приписывалъ арабамъ самую форму романа; Гаммеръ нашелъ у нихъ первыя ottave rime; Форіэль посвятилъ цѣлую главу своего знаменитаго сочиненія о провансальской поэзіи изслѣдованію отношеній, существовавшихъ между арабскою и провансальскою литературами. Ученый знатокъ романскихъ литературъ, Фердинандъ Вольфъ, давно выразилъ сомнѣніе въ дѣйствительности арабскихъ вліяній на поэзію южныхъ народовъ Европы. Къ-сожалѣнію, превосходные труды Вольфа не пользуются должною извѣстностью и не всѣмъ доступны, потому-что онъ печаталъ ихъ статьями въ періодическомъ изданіи

(Вѣвскихъ Лѣтописяхъ) и не издавалъ отдѣльно. Вотъ что говоритъ г. Дози :

«Арабиспанская поэзія — классическая, потому—что она подражала древнимъ образцамъ, была исполнена образовъ, заимствованныхъ изъ жизни въ пустынь, непонятныхъ для массы народа и еще въ большей степени для иностранцевъ. Языкъ поэтической былъ языкъ мертвый; сами арабы понимали его и писали на немъ только въ слѣдствіе долгаго и основательнаго изученія древнихъ поэмъ, какъ, на примѣръ, Моалакъ, Гамазы, Дивана шести поэтовъ, комментаторовъ и старыхъ лексикографовъ. Иногда даже поэты ошибались въ употребленіи нѣкоторыхъ устарѣвшихъ словъ. Эта родившаяся во дворцахъ поэзія обращалась не къ народу, а къ людямъ образованнымъ, вельможамъ и князьямъ. Могла ли поэзія, столь ученая, доставлять образцы смиреннымъ и невѣжественнымъ кастильскимъ жонглерамъ? Что касается до благородныхъ трубадуровъ Прованса, то прекрасныя дамы, пиры, турниры и война не оставляли имъ досуга, необходимаго для многолѣтняго изученія арабскихъ стихотвореній. Я сказалъ: многолѣтняго, и не беру назадъ своего выраженія. Даже въ настоящее время можно найти много ориенталистовъ, вполне—понимающихъ обыкновенный арабскій языкъ историковъ, но ошибающихся почти на каждомъ шагу, когда дѣло идетъ о переводѣ стихотвореній. Языкъ поэтовъ требуетъ особаго изученія. Тотъ, кто хочетъ свободно читать арабскихъ поэтовъ, долженъ посвятить на это цѣлые годы. Языкъ поэзіи отличается, конечно, у всѣхъ народовъ отъ языка прозы; но нигдѣ это различіе не обозначилось такъ рѣзко, какъ у арабовъ».

Къ подтвержденію мнѣнія г. Дози служитъ отсутствіе повѣствовательныхъ произведеній у испанскихъ арабовъ, у которыхъ почти исключительно процвѣтала лирика. Нашему автору извѣстны только два стихотворенія такого рода, неизмѣющія, впрочемъ, ничего общаго съ романсами. У арабовъ нѣтъ вовсе романсовъ, и предположеніе, что мавританскіе романсы «*Romans moriscos*» переведены на испанскій съ арабскаго, не заслуживаетъ никакого вѣроятія. Эти вычурныя произведенія принадлежатъ XVI-му и XVII-му столѣтіямъ. Замѣтимъ, впрочемъ, что въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ къ нѣмецкому переводу «Исторіи Испанской Литературы» Тикнора, находятся любопытныя указанія на существованіе у испанскихъ мавровъ чего-то въ—родѣ народной поэзіи. До—сихъ—поръ, на сѣверномъ берегу Африки, тагерскіе и тетуанскіе мавры поютъ пѣсни, содержащія въ себѣ брань на жителей Кордовы и Гранады, и другіе намеки изъ временъ мухаммеданскаго владычества надъ Пиренейскимъ Полуостровомъ. Лейденскому профессору были также, повидимому, неизвѣстны многіе образцы повѣствовательной поэзіи у арабовъ, о которыхъ говорится въ вышеупомянутыхъ примѣчаніяхъ. (Томъ II, стр. 680).

Пороки Сида были принадлежностью цѣлой касты, а не одного лица; въ глазахъ современниковъ они были великими качествами. Непокорный вассалъ высказывалъ громко и заявлялъ дѣлами образъ мыслей всего феодальнаго сословія. Надобно, сверхъ—того, ска-

зять, что кастильское дворянство, далеко уступавшее въ силѣ и значеніи арагонскому и французскому, постоянно стремилось къ такому же положенію въ государствѣ. Тѣмъ большее сочувствіе внушалъ ему строптивый Родригъ, котораго вся жизнь прошла въ распряхъ съ Альфонсомъ VI. Стихотворная хроника и древнѣйшіе романсы съ особенною любовью указываютъ на эту сторону въ характерѣ Сиды. Не забывая объ исторической точности, они приписываютъ ему всѣ великія дѣла Фердинанда I-го, хотя настоящая дѣятельность Сиды начинается ужъ при сыновьяхъ этого короля. Когда (говоритъ стихотворная хроника) императоръ германскій потребовалъ отъ Фердинанда присяги въ вѣрности, послѣдній не зналъ что дѣлать и горько жаловался на судьбу свою. Жалобъ этихъ никто не слушалъ. Наконецъ онъ рѣшился послать за Родригомъ, который отвѣчалъ должнымъ образомъ на требованія германскаго императора и потомъ разбилъ соединенныя силы всѣхъ европейскіхъ народовъ, грозившія его королю. Во время переговоровъ о мирѣ, Фердинандъ отправился съ Родригомъ, по словамъ той же хроники, въ непріятельскій лагерь, гдѣ никто не могъ отличить короля отъ вассала. Фердинандъ предлагаетъ наконецъ Сиду престолъ свой, отъ котораго послѣдній отказывается.

Во всемъ этомъ разсказѣ нѣтъ ни одного истиннаго событія; тѣмъ не менѣе онъ не лишень занимательности. Изъ него можно, съ одной стороны, видѣть древнѣйшее воззрѣніе на Сиду, съ другой, особенное, можно сказать ей исключительно-принадлежащее свойство древней испанской поэзіи. Въ ней мало лирическихъ элементовъ; нѣтъ ничего мечтательнаго; она заимствуетъ свое содержаніе изъ сферы дѣйствительной, изъ исторіи. Но здѣсь воображеніе поэтовъ создаетъ, въ угоду народной гордости, небывалыя событія и не полагаетъ никакихъ границъ своимъ правамъ. Оно по-своему пердѣлываетъ исторію. Черезъ столѣтіе послѣ смерти Фердинанда I, его эпоха уже была совершенно преобразена народными поэтами. Ему была предоставлена отчасти та же роль, какую Карлъ-Великій играетъ въ романахъ каролингскаго цикла. Сидъ замѣняетъ Роланда и Оливьера.

Мы видѣли отношенія Сиды къ королю. Старинный романсъ поетъ также о его поступкахъ съ папою.

Разсказъ, содержащійся въ этомъ романсѣ, принадлежитъ къ той же сферѣ, къ которой относятся баснословныя войны Фердинанда I, его побѣда надъ германскимъ императоромъ и взятіе кастильцами Парижа. Сидъ никогда не былъ въ Римѣ. Свиданіе его съ папою — дѣло народнаго воображенія, которое приводило своего любимца въ соприкосновеніе со всѣми властями того времени. Замѣтимъ, впрочемъ, что Сидъ не былъ исключительно представителемъ одного феодальнаго сословія: низшіе классы народа также присвоивали его себѣ. По нѣкоторымъ преданіямъ, мать Сиды была простая поселянка; по другимъ, отецъ его былъ мельникъ. Зятья его, инфанты каріонскіе, жаловались, по свидѣтельству романса, на то, что имъ, сыновьямъ королей, родственникамъ императоровъ, пришлось жеваться на доче-

рахъ пахаря. Такимъ образомъ Сидъ принадлежитъ по рожденію двумъ сословіямъ, къ которымъ преимущественно обращалась народная поэзія. Поэты того времени, по вѣрному замѣчанію Дози, конглеры, переходили изъ замка въ замокъ, изъ деревни въ деревню и рѣди тамъ свои произведенія. Повидимому, они мало посѣщали города, потому—что горожане, вѣроятно, слишкомъ-заняты матеріальными интересами, рѣдко являются въ поэмахъ и романахъ. Жонглеры говорятъ только о дворянахъ да о крестьянствѣ — сословіяхъ, которые, по положенію своему въ Кастиліи, были тѣсно между собою связаны и за одно поддерживали феодальныя начала. Отношенія кастильскихъ городовъ были совсѣмъ другія: пользуясь значительными муниципальными льготами, они очень-рѣдко вступали въ споръ съ монархическою властью и доставили ей въ эпоху Фердинанда и Изабеллы, своими ополченіями, или германдадой, рѣшительный перевѣсъ надъ феодальнымъ дворянствомъ.

Возьмемъ теперь другую сторону Сиды, также смягченную впоследствии. Всякому образованному читателю извѣстно, какимъ страстнымъ и почитательнымъ любовникомъ является Сидъ въ романахъ позднѣйшаго происхожденія. Стихотворная хроника представляетъ его отношенія къ Хименѣ совсѣмъ въ другомъ видѣ. Родригъ женился на ней противъ собственной воли, въ угоду королю, желавшему положить конецъ междоусобіямъ, которыхъ театромъ была Кастилія. Бракъ былъ слѣдовательно чисто-политическій. Характеръ самой Химены не отличается вначалѣ особенною женственностью. Она отправляется ко двору короля Фердинанда съ жалобой на Родрига, убившаго ея отца и державшаго въ плѣну ея братьевъ. Король объясняетъ ей смутное положеніе государства и трудность наказать ея обидчика. Когда Химена Гомецъ услышала эти слова: «Ради Бога, государь», сказала она, «не сердитесь на меня за то, что я предложу вамъ». Я вамъ покажу, какъ можно успокоить Кастилію и другія государства ваши. Выдайте меня замужъ за Родрига, за того, кто убилъ отца моего».

Мы совершенно согласны съ слѣдующими замѣчаніями г-на Дози. Химена предлагаетъ свою руку Родригу не вследствие пламенной страсти, а изъ чувства долга. Она не любитъ Родрига, но жертвуетъ собою, ибо надѣется отвратить такимъ образомъ бѣдствія, угрожающія Кастиліи. Въ одномъ изъ древнѣйшихъ романсовъ проглядываетъ, впрочемъ, личное чувство женщины, неясная надежда на счастье. «Тотъ, кто надѣлалъ мнѣ такъ много зла, окажетъ мнѣ, быть-можетъ, и добро», говоритъ она. Родригъ сначала отвѣчаетъ отрицательно на предложеніе Фердинанда вступить въ бракъ съ Хименою, но потомъ женится и живетъ съ нею счастливо. Чувство рыцарской любви къ женщинѣ и почитательное обращеніе съ нею принадлежатъ наравнѣ съ чувствомъ рыцарской вѣрности государю къ позднѣйшимъ явленіямъ средне-вѣковой испанской жизни. XI-му вѣку они были почти неизвѣстны. Женщина въ тогдашней Испаніи была вѣрною подругою и отгосодскомъ мнѣніи мужа, а не идоломъ, принимающимъ поклоненіе обожателей. Въ извѣстномъ сочиненіи принца до-

Хуана Эмилиа : «въ графѣ Луканорѣ» находится весьма-добротный рассказъ объ Альварѣ Фанецѣ и его супругѣ. Одинъ изъ родственниковъ Альвара замѣтилъ ему, что онъ слишкомъ подчиняется своей женѣ, донѣ Васкуньянѣ. Дон-Альваръ обѣщалъ ему скорый отвѣтъ и черезъ нѣсколько дней выѣхалъ съ нимъ и женою на прогулку. Рыцари ѣхали впередъ, дама слѣдовала за ними. На дорогѣ имъ встрѣтилось стадо коровъ и дон-Альваръ сказалъ своему родственнику: «Посмотрите, братъ мой, какія у насъ здѣсь прекрасныя лошади». — «Какъ, лошади? вѣдь это коровы!» — «Я боюсь не сочили вы съ ума, братъ мой. Это настоящія лошади». Рѣшеніе спора предоставлено было подѣхавшей къ тому времени донѣ Васкуньянѣ. Сначала ей самой показалось, что она видитъ коровъ, но узнавъ мнѣніе мужа, тотчасъ съ нимъ согласилась, ибо была увѣрена, что онъ никогда не ошибается. Нѣсколько разъ во время прогулки повторилъ дон-Альваро свой опытъ съ однимъ и тѣмъ же успѣхомъ и тѣмъ доказалъ бѣдному родственнику, который начиналъ сомнѣваться въ свѣдѣтельствѣ собственныхъ глазъ, неосновательность его предположеній. Отсюда произошла испанская поговорка: когда мужъ говоритъ, что ручей течетъ обратно къ источнику, добрая жена должна ему вѣрить и съ нимъ соглашаться. Въ древнѣйшихъ памятникахъ поэзіи, Химена походитъ на дощу Васкуньяну. Особенно въ поэмѣ о Сидѣ хорошо обрисованы ея покорность и безграничная преданность волѣ супруга. Отъ нея вѣетъ нравственной чистотой, удаляющей возможность всякаго сравненія съ героинями бретанскаго цикла, которыя безъ зазрѣнія совѣсти отдають руку убійцѣ отца или супруга, уступая голосу любви. Для нихъ не существуютъ понятій о долгѣ и нравственныхъ приличій. Г. Дози полагаетъ, что романы бретанскаго цикла не имѣли успѣха въ Испаніи по причинѣ господствующаго въ нихъ воззрѣнія на женщину.

Къ числу самыхъ характеристическихъ эпизодовъ поэтической биографіи Сиды принадлежитъ сватовство и женитьба инфантовъ коріонскихъ на его дочеряхъ. Сватомъ былъ самъ король Альфонсъ VI-й. Нехотя согласился Сидъ исполнить волю короля и выдалъ дочерей за инфантовъ.

«Сидъ мой жилъ въ Валенціи со всѣми вассалами своими; при немъ находились оба зятя его, инфанты коріонскіе. Онъ лежалъ на одрѣ покоя; Кампеадоръ спалъ. Тогда, знайте это, случилось очень-нехорошее происшествіе. Левъ сорвался съ цѣпи, которою онъ былъ прикованъ, и вышелъ изъ клѣтки. Тѣ, которые стоятъ на дворѣ, исполнены страха; спутники Кампеадора обернули руки, вмѣсто щитовъ, плащами: они окружають кровать и не хотятъ покинуть своего господина. Фернандъ Гонзалецъ ⁽¹⁾ не зналъ куда спрятаться. Онъ не нашелъ двери ни въ комнату, ни въ башню; страхъ его былъ такъ великъ, что онъ забился подъ кровать. Діего Гонзалецъ выкопалъ

(1) Одинъ изъ инфантовъ. Его не должно смѣшивать съ Фернандомъ Гонзалецомъ, который сдѣлался героемъ отдѣльнаго цикла романсовъ.

въ дверь, крича «никогда не видать мнѣ болѣе Корюна!» Испуганный, онъ спрятался за давишьную (винограда) и выжаралъ свой плащъ и панцирь. Тогда проснулся тотъ, кто родился въ благоприятный часъ. Онъ видитъ своихъ храбрыхъ вонновъ около кровати своей: «Что случилось съ вами, товарищи, чего хотите вы?» — «Ахъ, много-уважаемый господинъ, левъ насъ засталъ въ-расплохъ». Но Сидъ омерзъ на локоть и всталъ. Накинувъ плащъ на плечи, онъ прямо пошелъ ко льву. Когда левъ завидѣлъ его, ему стало стыдно предъ Сидомъ: онъ склонилъ голову. Мой Сидъ, дон-Родригъ взялъ его за гриву, отвелъ въ кѣтку и заперъ. Всѣ бывшіе тамъ удивлялись; оставили дворъ; они возвратились потомъ въ палаты. Сидъ позвалъ зятьевъ своихъ, но ихъ не могли отыскать; ихъ зовутъ, но они не откликаются; наконецъ ихъ нашли и они явились. Оба были очень-блѣдны. Никогда не придется вамъ слышать такихъ насмѣшекъ, какія говорились въ то время. Мой Сидъ Кампеадоръ не позволилъ болѣе сѣяться надъ зятьями, но инфанты корюнскіе считали себя жестоко-оскорбленными; они пришли въ бѣшенство отъ того, что съ ними случилось.»

Вскорѣ послѣ приключенія со львомъ, Родригъ одержалъ большую побѣду надъ Маврами. Инфанты не показали особеннаго мужества въ битвѣ, однако они получили на свою долю хорошую часть добычи. Тогда они рѣшились воротиться домой съ супругами своими. Родригъ согласился ихъ отпустить и далъ имъ въ провожатые племянника своего Фелеца Муниоца. При самомъ началѣ путешествія корюнскіе инфанты обнаружили вполне свое коварство: они хотѣли убить и ограбить богатаго мавра, сидова друга, у котораго нашли гостепріимный приемъ. Но у нихъ были еще худшіе замыслы, которые они намерены были привести въ исполненіе въ дремучемъ лѣсу. Здѣсь остановились на ночлегъ инфанты. На разсвѣтъ они отправили впередъ свою свиту и остались наединѣ съ своими супругами. Въ надеждѣ на безнаказанность, вѣроломные рыцари высказали дочерямъ Сиды свою ненависть и желаніе отомстить за обиду, нанесенную имъ въ Валенціи. Бѣдныя жены умоляютъ инфантовъ отрубить имъ головы знаменитыми мечами Коладого и Тизономъ, которые Сидъ далъ зятьямъ снаряжая ихъ въ дорогу. Предатели не слушаютъ моленій и до невозможности бьютъ женъ своихъ шпорами и ремнями. Когда жертвы ихъ жестокости перестали уже кричать отъ боли, инфанты оставили ихъ лѣснымъ звѣрямъ и хищнымъ птицамъ, а сами пустились въ дальнѣйшій путь. Но вѣрный Фелецъ Муниоцъ видѣлъ издали поступокъ инфантовъ и во-время явился на помощь двоюроднымъ сестрамъ. Онъ привелъ ихъ въ чувство, наполнилъ холодной водой и, посадивъ на своего коня, вывелъ изъ лѣса. Когда Сидъ узналъ о томъ, что случилось «онъ долго думалъ и молчалъ. Потомъ онъ поднялъ руку и коснулся ею бороды своей. Хвала Христу, владыкѣ міра! Инфанты корюнскіе оказали мнѣ большую честь. Клянусь этою бородою, до которой никто не дотрогивался, инфанты недолго будутъ радоваться своему дѣлу. Я съумѣю выдать дочерей моихъ замужъ.»

Сидъ дѣйствительно отомстилъ зятьямъ своимъ; они принуждены

были отдать назадъ богатое приданое, мечи Келаду и Тизона и всенародно сознаться въ безчестномъ поступкѣ. Дочери Сиды вышли вторично замужъ за инфантовъ наварскаго и арагонскаго. Г. Дози полагаетъ, что жонглеръ, которому мы обязаны поэмою о Сидѣ, руководился въ этомъ эпизодѣ личною ненавистью къ двумъ знатымъ фамиліямъ Гомесъ и коріонскихъ инфантовъ. Трудно доказать вѣрность этого предположенія. Для насъ важнѣе всего черты жестокихъ феодальныхъ нравовъ, которыхъ представителями явились коріонскіе инфанты. Прибавимъ, сверхъ-того, что въ поэмѣ о Сидѣ нравы и обычаи настояще выставлены не такъ рѣзко и сурово, какъ въ стихотворной хроникѣ, которая, очевидно, ближе къ народному преданію.

Мы привели выше нѣсколько историческихъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ видно, что Родригъ не всегда строго держалъ данное слово. Конечно, въ этомъ отношеніи онъ такъ же отступаетъ, какъ и во многихъ другихъ отъ правилъ рыцарской чести. Но современники едва-ли ставили ему въ укоръ эту черту, о которой не безъ удовольствія упоминають поэтическіе памятники. Когда изгнанный Сидъ выѣзжалъ изъ Бургоса (разсказываетъ поэма о немъ), ему понадобились деньги. Онъ велѣлъ набить пескомъ два большіе сундука и обмануль двухъ бургонскихъ евреевъ, которымъ заложилъ эти ящики за 600 марокъ. Евреи повѣрили ему на-слово, приняли песокъ вмѣсто обѣщанныхъ драгоценностей и обязались не открывать сундуковъ въ-теченіе цѣлаго года. Позднѣйшій поэтъ, излагая этотъ случай, прибавляетъ, что въ этихъ ящикахъ хранилось «злато Сидова слова». У жонглера XIII-го столѣтія вовсе нѣтъ такихъ понятій. Онъ просто разсказываетъ происшествіе, въ которомъ, по его мнѣнію, обнаруживались умъ и хитрость кастильскаго героя. Вообще честность и правдолюбіе не считались на Пиренейскомъ Полуостровѣ въ эпоху Сиды необходимыми принадлежностями феодальнаго война. Здѣсь видно вліяніе мухаммеданскихъ нравовъ. «Воевать, значить обманывать», сказалъ Мухаммедъ. Когда Родригъ жилъ въ Валенціи, онъ, по словамъ Иби-Бассана, заставлялъ себѣ читать сказанія о подвигахъ арабовъ. Никто изъ мухаммеданскихъ вождей не возбуждалъ въ немъ такого восторга и не внушалъ къ себѣ такого участія, какъ Аль-Мохалабъ, прозванный лжецомъ. Къ этому Мохалабу обратился современный арабскій поэтъ съ слѣдующимъ стихомъ : «Ты былъ бы благороднѣйшій изъ витязей, еслибъ ты имѣлъ привычку говорить правду». Упрекъ поэта не помрачилъ, повидимому, чести арабскаго героя. Г. Дози приводитъ о немъ другое, болѣе-положительное и согласное съ идеями той эпохи свидѣтельство : «Аль-Мохалабъ былъ ученый знатокъ Корана; ему извѣстны были слова пророка, сказавшаго, что всякая ложь будетъ сочтена за такуюю, за исключеніемъ трехъ случаевъ : лжи, сказанной для примиренія двухъ ссорящихся; лжи мужа, общающаго что-нибудь женѣ своей, и лжи война, приносящаго угрозы предъ битвою».

Во всеобщей хроникѣ Альфонса X-го характеръ Сиды является намъ ужъ нѣсколько-смягченнымъ. Король-лѣтописецъ не могъ питать со-
т. ХСІV. — Ота. V.

чувствія къ мятежному вассалу и охотно приводитъ заимствованнымъ изъ арабскихъ источниковъ показанія о жестокости Сиды. За-то онъ изображаетъ его отношенія къ Альфонсу VI-му въ лучшемъ и болѣе-приличномъ настоящему рыцарству видѣ, чѣмъ стихотворная хроника и даже поэма.

По мѣрѣ укрѣпленія въ Испаніи монархическихъ понятій и рыцарскихъ идей, составители романсовъ болѣе-и-болѣе стираютъ суровыя черты настоящаго Сиды и приближаютъ его къ своей эпохѣ. Эти романы вытѣснили изъ народнаго употребленія другіе, болѣе-древніе памятники поэзіи, въ которыхъ дѣйствительность отразилась чище и вѣрнѣе. Можно сказать, что исторія и поэзія дѣйствовали въ этомъ случаѣ за-одно. Историческія компіляціи XVI и XVII столѣтій, упоминающія о Сидѣ, возникли подъ влияніемъ идей, совершенно-чуждыхъ XI-му вѣку. Даже Филиппъ II-й увлекся общимъ направленіемъ и питалъ глубокое уваженіе къ памяти представителя строптивой аристократіи, которая такъ долго задерживала въ Испаніи прочное укрѣпленіе монархическаго начала.

Оканчивая обзоръ прекрасной книги г. Дожи, мы подѣлимся съ нашими читателями приятнымъ извѣстіемъ о его намѣреніи издать полную исторію средневѣковой Испаніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изъ современныхъ ученыхъ никто не можетъ выполнить эту задачу съ такимъ успѣхомъ, какъ онъ. Да будетъ намъ позволено выразить еще одно желаніе. Русская литература крайнѣ-бѣдна переводами произведеній средневѣковой поэзіи. Поэма о Сидѣ принадлежитъ къ числу первоклассныхъ памятниковъ этой поэзіи и способна возбудить участіе всякаго образованнаго читателя. Простотою формы, занимательностью содержанія она несравненно-выше рыцарскихъ романовъ XII и XIII столѣтій, написанныхъ въ остальной Европѣ: это чисто-эпическое произведеніе. Не-уже-ли никто изъ нашихъ молодыхъ поэтовъ и ученыхъ не возьметъ на себя труда подарить насъ переводомъ замѣчательнаго памятника, изъ котораго лучше, чѣмъ изъ многотомныхъ разсужденій, можно понять жизнь Пиренейскаго Полуострова въ одинъ изъ самыхъ-любопытныхъ періодовъ его исторіи?

Г. ГРАНОВСКІЙ.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННОГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА АПРѢЛЬ 1854 ГОДА.

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СОСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ).

— Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволимъ: упразднить въ Канцеляріи Морскаго Министерства положенныя по штату оной, Высочайше утвержденному 6-го апрѣля 1836 г., должности: секретаря по секретной части, одного помощника секретаря и одного журналиста.

— Высочайше повелѣно упразднить слѣдующія должности по Морскому вѣдомству: 1) младшаго чиновника военно-походной по флоту канцеляріи; 2) секретаря канцеляріи Коммиссаріатскаго Департамента; 3) по управленію Кораблестроительнаго Департамента: содержателей мастерствъ: модельнаго съ чертежною и машиннаго, положенныхъ по штату 24-го августа 1827 г.; 4) въ Дирекціи Кораблестроенія по лѣсной части содержателя лѣсовъ, четырехъ лѣсныхъ приставовъ и пять лѣсныхъ обмѣрщиковъ, изъ числа положенныхъ по штату 1804 г.; 5) въ замѣнъ оныхъ имѣть должность чиновника особыхъ порученій V класса при Морскомъ Министерствѣ, съ жалованьемъ по тысяча восемь сотъ руб. сер. въ годъ.

II. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СОСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ).

— По представленію Намѣстника Кавказскаго и положенію Кавказскаго Комитета Высочайше повелѣно: при тифлисскомъ военномъ губернаторѣ, сверхъ состоящихъ при немъ двухъ чиновниковъ особыхъ порученій безъ жалованья, назначенныхъ къ нему по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 13-го октября 1847 г., имѣть еще двухъ чиновниковъ особыхъ порученій, также безъ жалованья, съ присвоеніемъ имъ всѣхъ правъ службы и съ отнесеніемъ одного изъ нихъ къ VIII, а другаго къ IX классамъ и разрядамъ.

Т. ХСІV. — Отд. VI.

1/3

— По положенію того же Кавказскаго Комитета послѣдовало Высочайшее соизволеніе: 1) къ Высочайше-утвержденному 9-го іюня 1849 г. штату управленія портовымъ городомъ Ейскомъ прибавить одного частнаго пристава, одного квартальнаго надзирателя, пять казаковъ въ полицейскую и пять казаковъ въ пожарную команды, присвоить первымъ двумъ классы по должности и разряды по мундиру и пенсін, а также содержаніе всѣмъ имъ (въ томъ числѣ для казаковъ указную дачу провіанта и на улучшеніе пищи деньгами), въ томъ самомъ размѣрѣ, какъ по штату назначено подобнымъ чиновникамъ и казакамъ; 2) потребную по случаю сей прибавки издержку отнести на счетъ городскихъ суммъ города Ейска; при недостаткѣ же ихъ—на счетъ суммъ Черноморскаго Казачьяго войска, и 3) въ назначеніи казаковъ въ полицейскую и пожарную команды руководствоваться порядкомъ смѣны въ два срока, именно: 1-го апрѣля и 1-го октября, на основаніи Св. Воен. Пост. част. 1, кн. 2, ст. 2151 (прод. VI).

— По положенію Сибирскаго Комитета Высочайше разрѣшено: 1) въ Березовскомъ Округѣ, Тобольской Губерніи, учредить общее окружное управленіе, ввѣривъ оное особому военно-окружному начальнику изъ военныхъ штаб-офицеровъ. 2) Управленіе это образовать по особому штату, который считать временнымъ, впредь до изданія разсматриваемыхъ нынѣ проектовъ общихъ сибирскихъ штатовъ. 3) Военно-окружному начальнику по гражданской части дѣйствовать на правилахъ, въ сибирскомъ учрежденіи для общаго окружнаго управленія предписанныхъ. Независимо отъ сего, предоставить генерал-губернатору Западной Сибири снабдить березовскаго военно-окружнаго начальника особою инструкціею, въ которой подробно опредѣлить предметы, поручаемые особой заботливости военно-окружнаго начальника, какъ-то: попеченіе объ остоякахъ и самоѣдахъ и другіе по ближайшему усмотрѣнію генерал-губернатора. 4) Расположенныхъ въ Березовскомъ Округѣ казаковъ тобольскаго пѣшаго казачьяго батальона подчинить военно-окружному начальнику по наружности, по употребленію на службу, по надѣленію ихъ поземельными угодьями а равно и по квартированію и по мѣстной полиціи; онъ обязанъ пе- щись о сохраненіи между ними порядка по службѣ и заботиться о ихъ благосостояніи. По хозяйственной же и учебной строевой части казаки должны оставаться въ завѣдываніи командира тобольскаго казачьяго пѣшаго батальона, который и инспектируетъ оныхъ однажды въ годъ и управляетъ ими на основаніи Высочайше-утвержденнаго положенія объ этомъ батальонѣ. Нарядъ на службу казаковъ производить также согласно сему положенію, по требованію военно-окружнаго начальника и гражданскаго губернатора, съ утвержденіи командира Отдѣльнаго Сибирскаго Корпуса. Вообще права и обязанности военно-окружнаго начальника по военной части опредѣлить генерал-губернатору и командиру Отдѣльнаго Сибирскаго Корпуса особою инструкціею.

— Высочайше повелѣно: 1) распространить на Бессарабское Областное Правленіе дѣйствія учрежденія губернскихъ правленій, основ-

ательно утвержденного ¹³/₂₅ мая 1852 г., съ оставленіемъ, согласно ст. 9 Учрежденія для управленія Бессарабскою Областью, Областнаго Совѣта и съ назначеніемъ положеннаго по нормальнымъ штатамъ губернскихъ правленій вице-губернатора членомъ сего Совѣта. 2) Состоящаго нынѣ въ Бессарабской Области вице-губернатора перепеменовать председателемъ Казенной Палаты, съ оставленіемъ его гакже членомъ Областнаго Совѣта. 3) Къ пунктамъ 53 и 177 учрежденія Губернскихъ Правленій сдѣлать слѣдующія примѣчанія: къ 1-му Въ «Бессарабской Области рассмотрѣніе сметъ, таксъ, сборовъ, раскладокъ по предметамъ, означеннымъ въ 17 ст. Учрежденія этой области, лежитъ на отвѣтственности Совѣта», а ко 2-му «Бессарабское Областное Правленіе, на основаніи 151 ст. Учрежденія для управленія Бессарабскою Областью посылаетъ представленія и тамошнему Совѣту, а отъ него получаетъ предложенія». 4) По нормальнымъ штатамъ 2 января 1845 г. Бессарабское Областное Правленіе отнести ко второму разряду Губернскихъ Правленій, содержаніе же бессарабскому губернатору производить въ прежнемъ размѣрѣ, то-есть, жалованья 2500 р. и столовыхъ 1500 р., всего 4000 р. 5) Канцелярію бессарабскаго губернатора образовать по нормальному штату канцелярій начальниковъ пограничныхъ губерній: Виленьской, Подольской и Волынской. 6) Потребныя противу нынѣ отпускаемыхъ добавочныя деньги: на содержаніе Бессарабскаго Областнаго Правленія 9589 р. и Канцеляріи тамошняго губернатора 2936 р., всего двѣнадцать тысячъ пятьсотъ двадцать пять руб. сер. отпустить изъ суммъ Государственнаго Казначейства.

III. Законы о службѣ гражданской.

— Въ измѣненіе 611 ст. Уст. Служ. Выбор. Сельск. Общест. (Св. Зак. Т. III) Высочайше постановлено, что старшины и смотрители въ обществахъ осѣдлыхъ однодворцевъ, поселенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ и приписанныхъ къ нимъ неосѣдлыхъ однодворцевъ, избираются въ каждое трехлѣтіе общественнымъ сходомъ изъ среды принадлежащихъ къ обществу и утверждаются въ должностяхъ и увольняются отъ нихъ, по представленію Земскаго Суда, начальникомъ губерніи.

— Въ поясненіе и дополненіе подлежащихъ статей Свода Военныхъ Постановленій и ст. 30 Устава о пенсіяхъ (Св. Зак. Т. III) Высочайше повелѣно: правомъ на пенсію не пользуются чиновники, отставленные по приговору суда подъ подозрѣніемъ въ такомъ только преступленіи, за которое, если бы оно было доказано, они подлежали бы наказанію, соединенному съ лишеніемъ правъ на пенсію (ср. ст. 28 Уст. о пенс. Св. Зак. Т. III по Прод. XII). Они могутъ, однакожъ, пріобрѣсти вновь сіе право безпорочно выслугою новыхъ сроковъ, послѣ состоянія упомянутаго судебнаго приговора, но единственно за выслугу сихъ новыхъ уже сроковъ.

IV. ЗАКОНЫ ОТНОСИТЕЛЬНО КАЗЕННОГО УПРАВЛЕНІЯ.

— Въ видахъ прекращенія корчемства солью, вывозимомъ изъ Киргизской Степи въ Западную Сибирь. Высочайше повелѣно принять слѣдующія мѣры: 1) промышленникамъ, привозящимъ изъ Киргизской Степи въ Западную Сибирь соль, выдавать на продажу ея билеты на количество до 50 пуд. на два мѣсяца, до 100 пуд. на 3 и до 500 пуд. на 6 мѣсяцевъ; на большее же количество и на дальнѣйшій срокъ билетовъ не выдавать; 2) по окончаніи сроковъ, билеты отбирать полнейшимъ мѣстнымъ начальствамъ и передавать, по принадлежности, тому начальству Таможеннаго Округа, отъ котораго они выданы, для уничтоженія; если же кто изъ солепромышленниковъ, по истеченіи сроковъ, будетъ производить торговлю оставшеюся на рукахъ солью, то таковыхъ подвергать штрафу, какъ корчемниковъ; 3) лица, занимающіяся торгомъ приобретаемой изъ Степи соли, по вывозѣ ея для распродажи во внутренніе округа Западной Сибири, немедленно предъявляютъ выданные на соль билеты мѣстной полиціи; въ округѣ — волостному и сельскому начальству, или корчемному по солевой части засѣдателю, а въ городѣ — городничему или тому же засѣдателю, для повѣрки количества значущейся въ билетахъ соли и надлежащей надписи на нихъ, и вообще для наблюденія за правильною продажею ея; за неисполненіе же сего правила со стороны промышленниковъ, производится съ нихъ въ штрафъ денежное взыскаііе съ взявшихъ билеты на два и на три мѣсяца по 10 руб., а на 6 мѣсяцевъ по 20 руб. сер., и 4) мѣры сіи привести въ дѣйствіе, въ видѣ опыта, на три года, съ тѣмъ, что еслибъ, по живованіи сего срока, оказалась надобность въ оставленіи ихъ и на будущее время, то войдти о томъ по порядку съ представленіемъ.

— Въ измѣненіе подлежащихъ статей Свода Уставовъ Таможенныхъ для Имперіи и Царства Польскаго Высочайше повелѣно востановить слѣдующее: 1) особы, отъ иностранныхъ державъ прѣзжающія, въ качествѣ пословъ, посланниковъ, министровъ и повѣренныхъ въ дѣлахъ, проускаются съ находящеюся при нихъ свитою безъ досмотра, а также особы, присылаемыя къ Высочайшему Двору отъ чужестранныхъ правительствъ съ особенными порученіями, и всѣ чиновники, принадлежащіе къ иностраннымъ миссіямъ, въ Россіи пребывающимъ, какъ то: совѣтники, секретари посольствъ и другіе имѣющіе дипломатическое званіе. Таможнн обязаны оказывать этииъ лицамъ приличное уваженіе и стараться удалить отъ нихъ, по мѣрѣ возможности, всѣ препятствія, могущія произвести остановку къ проѣздѣ ихъ чрезъ наши границы, когда званіе ихъ и цѣль прибытія въ Россію законнымъ образомъ означены будутъ въ ихъ паспортахъ. *Примѣчаніе.* Курьеры, присылаемые отъ иностранныхъ дворовъ, подвергаются таможенному досмотру лишь собственнаго ихъ багажа. Что же касается до пропуска привозимыхъ или пакетовъ, посылокъ, запечатанныхъ тюковъ и проч., то таможнн руководствуются правилами, постановленными въ ст. 1146 Уст. Тамож., имѣя притомъ

въ виду не задерживать напрасно курьеровъ и отправлять ихъ сколько возможно поспѣшнѣе; 2) на основаніи статей 1140 Тамож. Уст. Имперіи и 715 Уст. для Царства Польскаго, пропускаются посылки, адресованныя къ Намѣстнику въ Царствѣ Польскомъ и къ государственному министру; посылки же, адресованныя къ пребывающимъ въ Россіи иностраннымъ посламъ, посланникамъ, министрамъ и повѣреннымъ въ дѣлахъ, пропускаются на основаніи правилъ, изложенныхъ въ ст. 1146 Тамож. Уст. Имперіи и 721 Уст. для Царства; 3) привозимые иностранными кабинет-курьерами пакеты, посылки, тюки и проч., которые будутъ адресованы на имя пребывающаго въ Россіи иностраннаго посла, посланника, министра, повѣреннаго въ дѣлахъ, или просто на адресъ иностранной миссіи, и которые, сверхъ того, будутъ снабжены офиціальною печатью и внесены въ курьерскій списокъ, пропускаются безъ всякаго досмотра въ таможнякъ: къ таковымъ пакетамъ, посылкамъ, тюкамъ и проч. таможни не должны прикладывать ни пломбъ, ни печатей, но, взвѣсивъ ихъ, безъ поврежденія обертокъ и печатей, возвращать курьерамъ, а объ оказавшемся вѣсѣ доносить Департаменту Внѣшней Торговли. Привозимыя же иностранными кабинет-курьерами посылки, неимѣющія офиціальныхъ печатей и невнесенныя въ курьерскій списокъ, къ кому бы онѣ адресованы ни были, отдавать также обратно курьерамъ безъ вскрытія; но прежде выдачи ихъ составлять имъ реестръ, съ означеніемъ, кому онѣ адресованы и сколько въ каждой оказалось вѣся; потомъ, приложя пломбы, или печати, смотря по удобности, и взявъ отъ курьера подписку о представленіи сихъ посылокъ къ досмотру въ С. Петербургскую или Варшавскую Таможни, препровождать ее, по принадлежности, въ Департаментъ Внѣшней Торговли, или къ Намѣстнику въ Царствѣ Польскомъ, съ первою отходящею почтою; и II. Постановляемая новыя правила о досмотрѣ собственнаго багажа иностранныхъ курьеровъ и о таможенномъ пломбированіи привозимыхъ ими посылокъ, неимѣющихъ офиціальныхъ печатей и невнесенныхъ въ курьерскій списокъ, привести въ дѣйствіе чрезъ шесть мѣсяцевъ со дня ихъ обнародованія.

— Въ измѣненіе ст. 815 и поясненіе ст. 1460 Уст. Лѣс. Св. Зак. Т. VIII постановлено, что изложенныя въ сихъ статьяхъ правила, относительно лѣсовъ и издѣлій, заготовленныхъ изъ казенныхъ дачъ, не распространяются на губерніи: Архангельскую, Вологодскую, Костромскую, Вятскую, Казанскую, Нижегородскую и Новгородскую, по которымъ причитающіяся въ лѣсной доходъ по таксамъ пошлинныя деньги, за скупаемыя на рынкахъ и базарахъ, въ городахъ, селеніяхъ и на пристаняхъ лѣсныя издѣлія, уплачиваются покупателями этихъ издѣлій лѣсному начальству, отъ котораго и получаютъ они на дальнѣйшій сплавъ, или перевозку ихъ, установленныя для того билеты во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда не будетъ скупщикомъ представлено законнаго доказательства, что издѣлія и лѣса заготовлены имъ въ казенныхъ дачахъ за подлежащія пошлинныя, или же въ лѣсахъ владѣльческихъ. 2) Предназначенный указомъ Сената возвратъ промышленникамъ взысканныхъ съ нихъ пошлинъ, за скупленныя ими отъ госу-

дарственныхъ крестьянъ лѣсными надѣлами, о которыхъ дѣлаются еще за прежнее время расчеты, отмѣнить.

V. Законы о состояніяхъ.

— Въ дополнение подлежащихъ статей Свода Законовъ постановлено, что личные дворяне записываются, наравнѣ съ почетными гражданами, въ пятую часть городской обывательской книги.

— Высочайше разрѣшено: воспитанниковъ Санктпербургскаго и Московскаго Коммерческихъ Училищъ, удостоенныхъ, по окончаніи курса ученія, званія кандидата коммерціи, съ чиномъ 14 класса, по представленіи ими на это званіе законнаго документа, исключать немедленно изъ того состоянія, въ которомъ они по ревизіи состоятъ записанными.

VI. Законы гражданскіе.

— По положенію Сибирскаго Комитета послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, что, на основаніи примѣч. къ 1347 ст. Зак. Гражд. (Т. X), Высочайше утвержденнаго 14 декабря 1853 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта и 375 — 388 ст. Уст. Общ. Призр. (Т. XIII) распространяется на города Омскъ, Тюмень и Петропавловскъ разрѣшеніе принимать частныя каменные зданія, крытыя желѣзомъ, или черепицею, или цинкомъ, по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ на мѣстныя надобности Тобольской Губерніи, а также по ссудамъ изъ Тобольскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія.

— По положенію того же Комитета распространено изъясненное разрѣшеніе на г. Семипалатинскъ, Томской Губерніи.

— Въ дополнение подлежащихъ статей Свода Законовъ постановлено: 1) содержащееся въ ст. 4085 Зак. Гражд. правило, по которому должники, состоящіе въ дѣйствительной государственной службѣ, не подвергаются личному задержанію по гражданскимъ взысканіямъ, распространяется при взысканіяхъ по долгамъ, производимымъ не по правиламъ Уставовъ Торговыхъ, и на лицъ торговаго званія, служащихъ по городскимъ выборамъ, съ тѣмъ, чтобы получающіе жалованье, или инаго рода оклады, были подвергаемы вычетамъ изъ нихъ на удовлетвореніе долга, или взысканія, наравнѣ съ служащими по назначенію отъ правительства; по истеченіи же времени, на которое должникъ избранъ, было поступаемо съ нимъ на основаніи общихъ законовъ. 2) Лица торговаго званія, или занимающіеся торговлею и состоящіе по выборамъ городскимъ въ разныхъ должностяхъ, въ случаяхъ, означенныхъ въ 549, 550 и 551 ст. Уст. Торг. (Т. XI), не подвергаются и предварительному личному задержанію; но если истцомъ будетъ изъявлено на отвѣтника подозрѣніе въ намѣреніи скрытсѣя,

то Судъ имѣеть право присудить должника къ домашнему аресту, сообщивъ о томъ въ тотъ же день начальству и мѣсту служенія должника, для немедленнаго распоряженія объ удаленіи его отъ должности, дабы затѣмъ могло быть съ нимъ поступлено на основаніи общихъ законовъ. Такимъ же образомъ, но лишь безъ предварительнаго присужденія къ домашнему аресту, поступается, когда, по просьбѣ истца, состоится, на основаніи 552 ст. Уст. Торг., опредѣленіе объ отдачѣ находящагося на службѣ истца, за остающіеся на немъ долгъ, хотя и безъ формальнаго объявленія его несостоятельнымъ. 3) Если лицо, служащее по городскимъ выборамъ, будетъ объявлено Судомъ несостоятельнымъ, то опредѣленіе о несостоятельности его въ то же засѣданіе сообщается какъ начальству, такъ и мѣсту служенія должника, для необходимыхъ въ самый день полученія объ этомъ сообщенія распоряженій объ увольненіи его отъ должности, для поступленія затѣмъ съ нимъ по общимъ законамъ. 4) Правила, въ предъидущихъ пунктахъ означенныя, не относятся къ гласнымъ Общимъ Городскимъ Думъ: они подвергаются взятію подъ стражу на общемъ основаніи, съ тѣмъ лишь, чтобъ мѣста, постановляющія о семъ опредѣленія, въ то же время сообщали о своемъ распоряженіи въ Санктпетербургѣ, Думѣ Распорядительной, а въ другихъ городахъ — Думѣ Шестигласной, которыя, не позже, какъ во второй отъ полученія сего извѣщенія присутственный день, назначаютъ собраніе, въ Санктпетербургѣ — того Отдѣленія Общей Думы, къ которому принадлежитъ несостоятельный должникъ, а въ другихъ городахъ — самой Общей Думѣ, для постановленія приговора объ увольненіи того гласнаго отъ должности.

— Относительно порядка вызова изъ-за границы наслѣдниковъ умершихъ въ Россіи иностранцевъ, въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановлено: 1) Наслѣдники умершихъ въ Россіи иностранцевъ изъ турецкихъ и персидскихъ подданныхъ и вообще азіатцевъ, находящіеся за границую, вызываются для принятія наслѣдства чрезъ публичныя вѣдомости на русскомъ языкѣ, на основаніи Приложенія къ ст. 493 Учрежд. Правит. Сен. п. 12, 20 и 22 (Св. Зак. Т. I) и, сверхъ-того, чрезъ губернскія вѣдомости пограничныхъ съ отечествомъ умершаго иностранца губерній. 2) Независимо отъ публикацій, мѣстныя губернскія начальства должны доставлять въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ свѣдѣнія о всѣхъ вообще умершихъ въ Россіи иностранцахъ и оставшемся послѣ нихъ имуществѣ: объ азіатцахъ, турецкихъ и греческихъ подданныхъ въ Азіатскій Департаментъ, а о прочихъ — въ Департаментъ Внутреннихъ Сношеній; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ есть иностранныя консулы, сообщать сіи свѣдѣнія непосредственно тѣмъ изъ нихъ, которымъ умершіе иностранцы были подвѣдомственны. 3) Объ умершихъ въ Россіи хивинцахъ, бухарцахъ и коканцахъ, мѣстныя губернскія начальства должны сообщать таковыя же свѣдѣнія въ Оренбургскую Пограничную Комиссію, для извѣщенія ихъ наслѣдниковъ чрезъ начальниковъ каравановъ, приходящихъ на Оренбургскую Ливію, или инымъ способомъ.

VII. ЗАКОНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА.

— Высочайше повелѣно: 1) Селю Яскую Слободу, Алатырскаго Уѣзда Симбирской Губерніи переименовать въ посадь, наименовать оную Алатырскимъ Посадомъ; 2) посадь эту подчинить по дѣламъ общественнымъ, хозяйственнымъ, судебнымъ опекунскимъ и полицейскимъ — Алатырскимъ Городскимъ Думѣ, Магистрату съ Сиротскимъ и Словеснымъ Судиамъ, и полиціи, разрѣшить министру внутреннихъ дѣлъ составъ последней увеличить по мѣрѣ действительной надобности; 3) О надѣленіи посада, согласно ст. 377 и 379 Св. Мехл. Зак. Т. X., выгонною землею, предоставить министру внутреннихъ дѣлъ войти въ сношеніе съ министромъ государственныхъ имуществъ и поручить губернскому началству распорядиться учрежденіемъ въ посадь, на общемъ основаніи, мѣщанскаго управленія, равно составленіемъ для посада плана и представленіемъ его на утвержденіи установленнымъ порядкомъ.

НОВОСТИ

ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВЪ, НАУКЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Прежде всего позвольте познакомить васъ съ новымъ талантомъ, появившемся на Руси, въ томъ же самомъ городѣ—Воронежѣ, который былъ колыбелью и могилою Кольцова. Мы говоримъ объ *Иванѣ Савичѣ Никитинѣ*. Первое извѣстіе о немъ было напечатано въ 47 номерѣ «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1853 года съ стихотвореніемъ его *Русь*. Стихотвореніе это и частью извѣстіе было перепечатано въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» того же года въ № 275. Въ нынѣшнемъ году въ тѣхъ же «Вѣдомостяхъ» появилось другое стихотвореніе Никитина *Война за вѣру*, и, вѣроятно, многихъ поразили слова, поставленныя подъ этимъ стихотвореніемъ: «И. Никитинъ, воронежскій мѣщанинъ». Кто же этотъ Никитинъ?

Иванъ Савичъ Никитинъ родился въ Воронежѣ 21 сентября 1826 года; слѣдовательно, ему теперь 28-й годъ. Отецъ его—воронежскій мѣщанинъ, вѣкогда имѣвшій достаточное состояніе, свой воскобѣлильный заводъ и торговавшій церковными свѣчами преимущественно въ Землѣ Войска Донскаго. Младенческіе годы Никитина, до шестилѣтняго возраста, прошли безъ ученія, на свободѣ, и памятенъ ему развѣ только тѣмъ, что по ночамъ онъ убѣгалъ къ старику, заводскому караульщику, который въ теплыя и тихія лѣтнія ночи, не въ душной комнатѣ, а подъ сводомъ голубаго неба и въ виду дремлющей природы, рассказывалъ ему сказки; это съ самаго начала, съ ранняго младенчества, познакомило Никитина съ фантастическимъ міромъ. Ни братьевъ, ни сестеръ у Никитина не было; онъ росъ одинъ. Эта разобщенность съ очень-раннихъ лѣтъ приучила его къ одиночеству, къ размышленію; она же заставила его довольствоваться сначала фантастическимъ, сказочнымъ міромъ, а впоследствии обратила къ книгамъ, къ чтенію. «Какимъ же образомъ началось ваше первое книжное ученіе?» спросилъ его однажды сообщившій намъ эти біографическія подробности.—«Шести лѣтъ я началъ учиться у сапожника», отвѣтилъ Никитинъ и, смѣясь, припоминалъ, какъ этотъ учитель, работавшій для простаго народа, размахивалъ руками, тачалъ сапоги дратой и, окруженный варомъ, дегтемъ и только-что вымазанными

сапогами, поправлялъ ошибки въ чтеніи его, ребенка, который, будучи отуманенъ облаками тютюна, слѣдовалъ за своимъ пальцемъ по книгѣ и съ подобострастіемъ и страхомъ выглядывалъ иногда исподлобья на своего наставника.

Отецъ Никитина, человекъ умный, никогда не чуждался образованія и отдалъ сына, когда ему минуло семь лѣтъ, въ уездное духовное училище. Въ этомъ училищѣ мальчикъ пробылъ пять лѣтъ и съ девятилѣтняго возраста предался со всѣмъ жаромъ и увлеченіемъ чтенію; книги, имъ читанныя, принадлежали отцу его и были «Мальчикъ у ручья» Коцебу, «Луиза или подземелье лонскаго замка» Редклейвъ и проч. Двѣнадцати лѣтъ Никитинъ перешелъ въ семинарію, въ классы словесности; онъ посѣщалъ эти классы живя дома съ отцомъ; тутъ, занимая книги у товарищей, онъ могъ удобнѣе удовлетворять своей страсти къ чтенію и началъ знакомиться съ произведеніями русской литературы; черезъ годъ классы познакомили его съ поэзіей; тогда открылся ему новый міръ: онъ ознакомился съ стихами Пушкина. Въ то же время, или нѣсколько-позже, сдѣлало на него сильное впечатлѣніе стихотвореніе Кольцова *Льсъ* (посвященное памяти Пушкина), и когда стали читать, для примѣра, стихи разныхъ русскихъ поэтовъ, онъ самъ написалъ одно стихотвореніе и показавъ его профессору семинаріи г. Чехову, который похвалилъ это стихотвореніе и совѣтовалъ продолжать.

Съ-этихъ-поръ молодой ученикъ, ободренный профессоромъ, болѣе-и-болѣе предавался охотѣ писать стихи и наконецъ такъ сроднился съ ними, что они сдѣлались для него чѣмъ-то необходимымъ для выраженія молодаго впечатлительнаго сердца и воспримчиваго ума.

Два года Никитинъ пробылъ въ классѣ философіи и, не чуждаясь учебныхъ предметовъ, вполне предавался, однакожь, только одному своему постоянному занятію, всегдашней отрадѣ своей — писать стихи. Онъ убѣгалъ отъ людей въ уголокъ пустой комнаты, на сѣвникъ, на чердакъ, и тамъ отдавался вполне своему занятію; и, замѣтите, не мелкое самолюбіе заставляло его писать: онъ не любовался самъ своими произведеніями, не хвастался ими передъ товарищами, а только удовлетворялъ этимъ тайной своей потребности выражать въ стихахъ то, что сильно занимало его умъ и сердце. Лишь только мысли и чувства, волновавшія его, смѣнялись другими, забывалъ онъ и стихи, въ которыхъ онъ выразился, и не только забывалъ, но и не берегъ ихъ, а большею-частью уничтожалъ. Чтобы лучше пояснить наши слова, приводимъ здѣсь собственное его стихотвореніе, написанное въ декабрѣ прошлаго года, послѣ того уже, какъ онъ, по совѣту одного знакомаго, принадлежащаго къ одному съ нимъ кругу, началъ показывать свои стихотворенія многимъ (именно съ 1849 года):

Задумчивый пѣвецъ, въ пустынѣ неизвѣстной,
 Неопытной рукой я струны пробуждаю —
 И нѣсни грустныя, какъ лучший даръ небесный,
 Какъ драгоценный кладъ, таилъ и сберегалъ.

Я пѣлъ святой Руси величіе и славу,
Роднаго Сѣвера высокую судьбу,
И радостей своихъ минутную забаву,
И пламенныхъ страстей печальную борьбу.

Быть-можетъ, пѣснь моя неинного выражала:
Искусства строгаго она была чужда;
Но мнѣ знакомое она напоминала
Подъ холодомъ заботъ, тревоги и труда.

Отрадно было мнѣ въ моемъ уединеніи,
Когда струнамъ своимъ съ восторгомъ я внималъ,
И зналъ я сердца миръ и слезы вдохновенья,
И долю бѣдную завидной почитаю...

Но вотъ нечаянно, напѣвъ мой одинокой
Холодная толпа подслушала въ тиши —
И чувства лучшія, всю жизнь моей души
Разоблачила вдругъ съ насмѣшкою жестокой.

И больно слышать мнѣ, когда мой скроенный стихъ,
Проникнутый огнемъ и мыслию свободной,
Черетожованный, звучитъ въ устахъ чужихъ,
Какъ звукъ безчувственный, безжизненный, холодный.

И странны мнѣ языкъ двусмысленныхъ похвалъ
И толки смѣлые судей самолюбивыхъ...
И жаль мнѣ прежнихъ дней, глубоко-молчаливыхъ,
Когда одинъ, въ глуши, я пѣснь свою слагалъ!

Въ то же время, время ученія въ классѣ философіи въ семинаріи, произошелъ упадокъ состоянія отца Никитина. Семнадцати лѣтъ онъ оставилъ семинарію, не кончивъ полнаго курса ея, потому-что положеніе одинокаго отца требовало сыновней помощи, и съ 1844 года молодой Никитинъ рѣшился завести жостокій дворъ, какъ средство жить не прибѣгая къ чужой помощи, и притомъ средство, не требовавшее большихъ издержекъ на первоначальное устройство. Онъ не ошибся: постоянный дворъ и до-сихъ-поръ служитъ ему и отцу его средствомъ къ жизни.

И вотъ ужъ много лѣтъ Никитинъ только вдвоемъ съ большимъ отцомъ своимъ проводитъ время въ совершенномъ отчужденіи отъ общества за домашними заботами, безвыездно изъ Воронежа; только одна его собственная поэзія улаждала это уединеніе. Правда, слишкомъ-затворническая жизнь заставила его принятись за охоту въ степи, по рѣкамъ и озерамъ, но и тутъ охота служила болѣе предлогомъ, а настоящею цѣлью была прогулка съ книгою въ рукахъ. Охота же эта удовлетворяла любви поэта къ природѣ, къ размышленію, къ думамъ.

Какъ чтеніе поэтовъ, которые только урывками могли попадаться въ его руки, такъ и собственное влеченіе къ поэзіи и врожденное дарованіе развили въ Никитинѣ то эстетическое чувство, которое

такъ необходимо поэту. Ученіе хотя и не было кончено, но кисти словесности, поэзии, философии образовали молодого человѣка въ его состояніи. Каково же было съ этихъ эстетическихъ чувствъ въ душѣ, съ этихъ все-таки хорошихъ образованій, верность ему отчужденіе отъ общества, уединенную, изолированную жизнь. Не дѣлалъ ли съ кѣмъ ни мысля, ни чувствъ? И мудрено ли послѣ этого, что вся поэзія Никитина, кромя стихотвореній, написанныхъ съ декабря прошлаго года, такъ задумчива, такъ мало касается живыхъ вопросовъ нашей общественной жизни и ограничивается картинами природы, размышленіями, сомнѣніями, думами — ограничивается однимъ внутреннимъ міромъ человѣка?

Четыре года назадъ, какъ мы сказали, Никитинъ, по совѣту одного своего знакомаго, рѣшился на попытку узнать мнѣніе людей опытныхъ о своихъ стихахъ и послалъ, при письмѣ, подписаннымъ братьями И и Н, къ редактору «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» два стихотворенія: *Лѣсъ* и *Дума*. По редакція объявляла въ своей газетѣ, что, несмотря на то, что стихи хороши, она не можетъ напечатать ихъ по неизвѣстности имени автора. Никитинъ не былъ столько увѣренъ въ себѣ, чтобы настаивать на напечатаніи и, по скромности, не рѣшился объявить свое имя. На этомъ дѣло тогда и остановилось. Прошло четыре года; исключительность одинокой жизни, сознание собственнаго достоинства и довольно-значительное число накопившихся и въ этотъ четырехлѣтній періодъ ужь неуничтоженныхъ стиховъ побудили молодого человѣка снова обратиться въ ноябрѣ прошлаго 1853 года къ тому же редактору и не скрывать ужь своего имени. По поводу этой вторичной попытки разрыть собственныя сомнѣнія о своемъ призваніи, Никитинъ писалъ: «Я здѣшній мѣщанинъ. Не знаю, какаѣ непостижимая сила влечетъ меня къ искусству, въ которомъ, можетъ-быть, я ничтожный ремесленникъ; какаѣ непонятная власть заставляетъ меня слагать задумчивую пѣснь въ то время, когда горькая дѣйствительность окружаетъ жалкою прозою мое одинокое, незавидное существованіе! Скажите, у кого мнѣ просить совѣта и въ комъ искать теплаго участія? Кругъ моихъ знакомыхъ слишкомъ-ограниченъ и составляетъ со мною рѣшительный контрастъ во взглядахъ на предметы, въ понятіяхъ и желаніяхъ. Быть-можетъ, мою любовь къ поэзии и мои грустныя пѣсни вы назовете плодомъ раздраженнаго воображенія и смѣшною претензіею выйти изъ той сферы, въ которую я поставленъ судьбою. Рѣшеніе этого вопроса я предоставляю вамъ и, скажу откровенно, буду ожидать этого рѣшенія несомнѣнно-равнодушно: оно покажетъ мнѣ или мое значеніе, или одну ничтожность, мое нравственное бытіе или не бытіе. Каково бы ни было мое званіе, я увѣренъ, оно не будетъ служить цѣлью для сарказмовъ; причина этому — безусловная довѣрчивость человѣка, неимѣющаго ни сильныхъ покровителей, ни случайныхъ связей. Съ просьбою о напечатаніи своихъ стихотвореній въ одномъ изъ современныхъ журналовъ я не обращаюсь къ кому-либо, по своей неизвѣстности и неувѣренности въ силахъ своего дарованія; пусть прежде вашъ, напередъ высоко-

«цѣнный мною, приговоръ рѣшить однажды навсегда, смѣшонъ «иди нѣтъ мой трудъ, который я называю своимъ призваніемъ».

Въ этотъ разъ Никитинъ послалъ въ редакцію три стихотворенія: *Русь, Съ-тѣлѣ-портъ, какъ мѣръ нашъ необъятннй* (на эпиграфъ взятый изъ Экклезіаста) и *Поле*; какъ болѣе-сообразное съ программою вѣдомостей, напечатано было одно изъ нихъ *Русь*, и потомъ, какъ мы сказали, было перепечатано въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ».

Эта попытка познакомила Никитина съ воронежскимъ обществомъ, которое радушно встрѣтило поэта — и передъ нимъ теперь раскрывается новая жизнь, новое поприще, болѣе-обширное для поэтической дѣятельности. Съ этой эпохи характеръ и сюжеты стихотвореній Никитина видимо начали измѣняться. Онъ ужъ является въ нихъ наблюдателемъ русскаго народнаго домашняго быта. Къ этому же времени относятся стихотворенія: *Я помню счастливые годы; Задумчивый плывецъ въ пустынь неизвѣстной* (приведенное нами выше); *Поэту* (см. ниже); пѣсня *Зашумѣла, разгулялась; Старикъ другоженецъ; Зимняя ночь въ деревнѣ; Наслѣдство; Моленіе о чапш; Сладость молитвы; Ночлежъ Извоицковъ; Ссора; Измѣна; Утро на берегу озера* (см. ниже); *Жена ямщика; Отецъ и дочь; Купецъ на пчельникѣ*.

Въ скоромъ времени будетъ издано въ свѣтъ *Собраніе сочиненій И. С. Никитина*, въ которое войдутъ какъ исчисленные здѣсь, такъ и другія стихотворенія. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленія этой интересной книги, а пока представляемъ нѣсколько доставленныхъ намъ пьесъ, изъ которыхъ первая, какъ извѣщаютъ насъ, не вошла въ собраніе сочиненій.

УТРО НА БЕРЕГУ ОЗЕРА.

Ясно утро. Тихо вѣетъ
Теплый вѣтерокъ;
Лугъ какъ бархатъ зеленѣетъ;
Въ заревѣ Востокъ.

Будто искры золотыя,
Свѣжихъ травъ нарядъ,
Ночи капли дождевыя
По лугу горять.

Окаймленное кустами
Молодыхъ ракичъ
Разноцвѣтными огнями
Озеро блеститъ.

Вотъ плыветъ вдали, направо,
Подгъ камышей,
Грудь подъемля величаво,
Стадо лебедей.

Вотъ одинъ взмахнулъ лѣннее
Крыльями, и — вдругъ
Влага брызнула игриво
Жемчугомъ вокругъ...

Привязавъ къ ракетама лодки,
Трое рыбаковъ
Дружно тянуть съѣть веревкой
Подлѣ береговъ.

Босикомъ, въ рубашкахъ бѣлыхъ,
На лугу рѣвась,
Два мальчишка загорѣлыхъ
Бѣгаютъ, смѣясь.

Звучно смѣхъ ихъ раздается,
Голосокъ звенить,
Крупный потъ съ нихъ градомъ жется
И лице горить.

«Тянуть, тянуть!» — закричали
Ребятишка вдругъ:
«Вотъ теерь-то, жай, поймала
И ливей и шукъ».

Вотъ на берегѣ отлегомъ
Показалась съѣть;
«Ну, вытряхивайте съ Богомъ,
Нечего глѣдѣть!»

Такъ сказала рыбака высокой.
Весь, какъ дунь, съдой,
Съ грудью выгнуло-широкой,
Съ длинной бородой.

Съѣть руками приподняли
Дружно рыбаки, —
На песокъ затрепетали
Окуни, линьки.

И трепещущую рыбку
Съ-зѣми на подхватъ
Дѣти въ легкую корзинку
Стали собирать.

Довлю снова продолжали
Трое рыбаковъ,
Снова мальчишки играли
Подлѣ береговъ.

А межъ-тѣмъ, надъ полосами
Дремлющихъ полей
Солнце сыпало снопами
Радужныхъ лучей;

Волны воздуха сверкали,
Зыблясь надъ землей,
И луга благоухали
Сочною травой.

Безконечно разстиались
Въ блескъ небеса,
И повсюду раздавались
Жизни голоса.

И неволью привлекали
Изумленный взоръ
Виды сель въ туманной дали
И луговъ просторъ.

1854. марта 17.

Вечеръ.

Когда потухшій день смѣняетъ вечеръ сонный,
Я покидаю мой пріютъ уединенный
И, голову свою усталую склонивъ,
Задумчиво иду подъ тѣнь плакучихъ ивъ.
Сажусь на берегу и, грустной думы полный,
Недвижимый, гляжу на голубыя волны
И слушаю ихъ шумъ и жалобный призывъ,
И съ жизнію моею я сравниваю ихъ...
Вдали, передо мной душистый лугъ пестрѣетъ,
Кольшется трава, и желтый колосъ зрѣетъ,
И тучныхъ пажитей обильные плоды,
Стоять соломою накрытые скирды;
За гибкимъ тростникомъ глубокіе заливы
Какъ зеркала блестятъ; на золотыя нивы
Спускается туманъ прозрачною волной,
И зарево зари сіяетъ надъ рѣкой.
И, кажется мнѣ, все какой-то дышетъ тайной,
И забываю я тогда свой день печальной,
Съ оставленнымъ трудомъ безъ жалобы мирюсь,
Гляжу на небеса и въ тишинѣ молюсь.

1850 года.

Н о ч ь.

Одѣлся сумракомъ поле. На темной лазури сверкаетъ
Гряда облаковъ разноцвѣтныхъ. Блѣднѣя, заря потухаетъ.
Вотъ всыхнули яркія звѣзды на небѣ одна за другой,
И мѣсяцъ надъ лѣсомъ сосновымъ подвѣся какъ щитъ золотой,
И вдругъ всѣ извивы рѣки между зеленью луга блеснули;
Вокругъ тишина и безлюдье — и поле, и берегъ уснули.
Лишь мельницы старой колеса въ серебряной влагѣ шумятъ
Да съ вѣтромъ волнистыя нивы Богъ-знаетъ о чемъ говорятъ.

На поляхъ, вдоль берега вбитыхъ, растянута шкряпа сѣти:
 Вотъ бѣдный шалашъ рыболова, гдѣ вечеромъ рѣзавы дѣти
 Играютъ трепещущей рыбой и ищутъ въ травѣ водяной
 Улитокъ и маленькихъ камней, обточенныхъ синей волной.
 Какъ лебеди, бѣлыя тучи надъ волнами плывутъ караваномъ,
 Надъ чистой рѣкою снѣтъ намъ, одѣтымъ легкими туманомъ,
 И, къ сѣвѣлу стругъ наклонившись, сквозь легкій, прерывистый сонъ,
 Тростники волчливо внимаютъ таинственной музыкѣ волнъ.
 1830 года.

Дубъ.

Отъ темнаго лѣса далеко.
 На почвѣ безплодно сухой,
 Дубъ старый стоитъ одиноко,
 Какъ сторожъ пустыни глухой.

Стоитъ онъ и смотритъ угрюмо
 Туда, гдѣ подъ сводомъ небесъ
 Глубокую думаетъ думу
 Знакомый давно ему лѣсъ:

Гдѣ братья его съ облаками
 Ведутъ разговоръ по ночамъ,
 И дѣвы приходятъ толпами
 Кружиться по свѣжимъ цвѣтамъ:

Гдѣ вѣтеръ прохладою вѣетъ
 И чудныя пѣсни поетъ,
 И листъ молодой зеленѣетъ,
 И птица на вѣткѣхъ живетъ ..

А онъ, на равнинѣ песчаной,
 И пылью и мохомъ покрытъ,
 Какъ-будто изгнанникъ печальной
 О роднѣ милой груститъ:

Не знаетъ онъ свѣжей прохлады,
 Не видитъ небесной росы
 И только — послѣдней отрады —
 Губительной жаждетъ грозы.

1850 года.

Ключъ.

Въ глубокомъ ущельи, межъ каменныхъ плитъ,
 Серебряный ключъ одиноко звучитъ:
 Звучитъ онъ и точитъ жемчужныя слезы
 На черные корни засохшей березы:
 И падаютъ съ камня тѣ слезы ручьемъ,
 Безплодно теряясь въ ущельи глухомъ.

Давно ужь минули счастливые годы,
 Когда онъ, любимецъ цвѣтущей природы,
 Алмазныя брызги кругомъ разсыпалъ,
 Когда его путникъ отрадою звалъ,
 Когда деревья близъ него выростали,
 И листья зеленые тихо шептали,
 И самъ онъ, при свѣтѣ холодной луны,
 Рассказывалъ чудныя были и сны.
 Теперь одинокій заросъ онъ травою,
 Сталъ скуденъ и мутенъ, и знойной порою
 Къ нему не приходятъ знакомой тропой
 Измученный путникъ за чистой водою.
 Въ ту пору, какъ горы туманъ одѣваетъ,
 Надъ нимъ, какъ бывало, теперь не играетъ
 Сверкающій мѣсяцъ прозрачнымъ лучомъ
 И звѣзды, какъ прежде, не смотрятся въ немъ;
 Лишь старый скелетъ обнаженной березы
 Глядитъ на его бесполезныя слезы,
 Да вихорь полдневный, кружась столбомъ,
 Завоситъ его раскаленнымъ пескомъ.

1850 года.

ВЕСНА НА СТЕПИ.

Степь широкая,
 Степь безлюдная.
 Отчего ты такъ
 Смотришь пасмурно?

Гдѣ краса твоя,
 Зелень яркая,
 На цвѣтахъ роса
 Изумрудная?

Гдѣ тѣ дни, когда
 Съ утра до ночи
 Ты заетныхъ птицъ
 Шѣсни слушала,

Дорогимъ ковромъ
 Растилалася,
 Но зарямъ, сквозь сонъ,
 Волновалася?

Когда въ часъ ночной
 Тайны чудныя
 Вътерокъ тебѣ
 Шепталъ ласково,

Освѣжалъ твою
 Грудь открытую,
 Какъ дитя, тебя
 Убаюкивалъ?..

А теперь ложись
Мертвецовъ изгнать:
Тышина вокругъ,
Какъ на кладбищѣ...

Пробудись! пришла
Пора прежняя;
Уберись въ шубы,
Въ бархатъ зелени:

Шукрась себя
Росы жемчужиной;
Созови гостей
Весну праздновать.

Посмотри кругомъ:
Небо ясное
Голубыя шатровы
Пораскинулось,

Золотой вѣнецъ
Солнца красного
Весь въ огняхъ горитъ
Надъ дубравою,

Новой жизнью
Вѣетъ теплый дѣшъ,
Вѣтерокъ на грудь
Къ тебѣ просится.

1849 года.

Сладость молитвы.

Бываютъ минуты, тоскою убитый,
На ложѣ до утра безъ сна я сижу —
И вѣтъ на устахъ моихъ теплою молитвы,
И съ грустью на образъ святой я гляжу.

Вокругъ меня въ комнатѣ тихо, безмолвно...
Лампада въ углу одиноко горитъ
И, кажется мнѣ, что святая икона
Мнѣ въ очи съ укоромъ и строго глядитъ.

И дума за думой на ушъ мнѣ приходитъ,
И жаръ непонятный по жиламъ течетъ,
И сердце отрады ни въ чемъ не находитъ,
И волосъ отъ тайнаго страха встаетъ.

И вспоминаю тогда я тревогу желаній,
И жгучія слезы тяжелыхъ утратъ,
Невѣрность надежды, и горечь страданій,
И скрытый подъ маской глубокой развратъ —

Всю бѣдность и суетность нашего вѣка,
 Всѣ мелочи жалкихъ, ничтожныхъ заботъ,
 Все зло въ этомъ мѣрѣ, всю скорбь человѣка,
 И грозную вѣчность, и съ жизнью расчетъ.

И вспомню я крестъ на Голгоѣ позорной
 Облитаго кровью Страдальца на немъ,
 При шумѣ и кликахъ насмѣшши народной
 Поникшаго тихо покорнымъ челомъ;

И страшно мнѣ станетъ отъ этихъ видѣній,
 И съ дожа невольно тогда я сойду,
 Склоню предъ иконой святою колѣни
 И съ жаркой молитвою ницъ ушаду.

И, мнится мнѣ, слышу я понощь невнятный,
 И кто-то со мной въ полумракѣ стоитъ:
 Быть-можетъ, незримо въ тотъ мигъ благодатный
 Мой ангель-хранитель молитву творить.

И въ душу прольется мнѣ свѣтлая радость,
 И смѣло на образъ тогда я взгляну,
 И, чувствуя въ сердцѣ какою-то сладость,
 На ложе я лягу и крѣпко засну.

1854, января 15.

П о э т у.

Не говори, что жизнь ничтожна,
 Сперва, въ глубокой тишинѣ,
 Не изучивши осторожно
 Ея значенія вполне.

Оставь печальныя сомнѣнья —
 Ума неопытнаго плодъ;
 Оно въ минуты вдохновенья
 Твои восторги осмѣетъ.

Повѣрь, на праздникъ жизни шумный,
 Паслѣдникъ будущій небесъ,
 Не даромъ ты, какъ гость разумный,
 Дары высокіе принесъ;

Не даромъ въ звуки гнѣсногнѣній
 Ты чувства сердца пережилъ
 И фантастическихъ видѣній
 Край закодированный открылъ.

.....

Вагляни кругомъ : не для тебя ли
Художникъ, полный юныхъ силъ,
Дитя сомнѣнья и печали,
Весь миръ сокровища открылъ ?

Не для тебя ли небо блещеть,
И звѣзды радужно горять,
И музыкально море плещеть,
Лѣса дремучіе шумять,

И разноцвѣтными коврами
Лежать широкія поля,
И съ голубыми небесами
Степей сливаются края,

Въ туманѣ бѣломъ тонуть горы,
И очаровываютъ взоръ
Долины роскошные узоры,
Луговъ приволье и просторъ ?

Пойми, что шепчетъ снѣжный колосъ,
И вѣтерокъ о чемъ шумить:
И не тебѣ ль ихъ чудный голосъ
О тайнахъ жизни говорить ?..

Нѣтъ, не суди о жизни строго!
Повѣрь, прекрасное любя,
Ты въ ней всегда отыщешь много
Отрады новой для себя.

Умѣй изъ груды безобразной
Картину стройную создать
И положить на слѣпокъ грязной
Живаго творчества печать,

И ты поймешь свое призванье
Въ минуты свѣтлыя труда,
И выше своего страданья
Себя поставишь навсегда,

И бесполезныя сомнѣнья
Въ тебѣ въ ту пору замолчать,
И щедро слезы вдохновенья
Тебя за трудъ вознаградятъ...

.....
1883, декабрь.

Мы полагаемъ, что этихъ приведенныхъ нами стихотвореній достаточно для ознакомленія читателей съ новымъ, неподдѣльнымъ талантомъ. Дальнѣйшее сужденіе наше о произведеніяхъ г-на Никитина отлагаемъ до появленія въ свѣтъ обѣщаннаго собранія его стихотвореній.

Начинаемъ постоянный обзоръ нашъ (*) нѣсколькими словами о родственной намъ сербской литературѣ. У Сербовъ нѣтъ еще отдѣльнаго класса писателей. У нихъ поэтъ, публицистъ, писатель и гражданинъ соединяются въ одномъ лицѣ, какъ это обыкновенно бываетъ у молодыхъ народовъ. Поэзія ихъ не отдѣляется отъ исторіи и политики. У нихъ всѣ роды произведеній ума и воображенія соединяются въ одномъ, такъ-что въ сербской литературѣ нельзя сдѣлать особыхъ отдѣловъ, какъ въ другихъ литературахъ. Отличительный характеръ сербской литературы — національность, которой дышатъ всѣ ихъ произведенія. Начиная съ учебныхъ книгъ до пѣсенъ и историческихъ сочиненій — все проникнуто этимъ характеромъ. Въ историческихъ произведеніяхъ одна національность руководитъ авторомъ. Доказательствомъ тому служитъ книга, изданная въ Парижѣ двумя молодыми сербами, Янковичемъ и Груичемъ, подъ названіемъ *Южные Славяне* (*les Slaves du Sud*). Цѣль этого сочиненія состоитъ въ томъ, чтобъ изобразить прошедшую и настоящую судьбу славянъ на югѣ, и показать, какую роль можетъ играть Сербія въ будущемъ.

Современная поэзія сербовъ имѣетъ два различныя направленія. Одни поэты ищутъ образовъ въ народныхъ пѣсняхъ, рапсодіяхъ, которымъ недостаетъ только единства, чтобъ быть превосходными эпическими поэмами; другіе одушевляются классицизмомъ рагузской литературы. Банъ, одинъ изъ лучшихъ сербскихъ поэтовъ, почерпнулъ въ обоихъ источникахъ предметы для своихъ произведеній и попробовалъ придать классическую форму происшествіямъ, взятымъ изъ героической жизни сербовъ. Это приблизило Бана къ европейской поэзіи; онъ имѣетъ большое сходство съ славянскими поэтами, подчинившимися вліянію Байрона, но отличается отъ своего образца пламенною вѣрою. Одно изъ замѣчательныхъ стихотвореній въ его послѣднемъ сборникѣ — *Различныя Пѣсни* — это: *Вѣра, а не сомнѣніе*; это общій кликъ сербовъ и ничто не можетъ быть похвалѣнѣ этого благороднаго чувства у народа, стремящагося къ возсозданію своей національности. Сомнѣніе никогда ничего не создавало.

Умственное движеніе Сербіи не могло еще сообщиться сосѣднимъ провинціямъ Босніи и Булгаріи. Боснякское духовенство издаетъ каждый годъ *историческій и статистическій календарь*, написанный правильнымъ латинскимъ языкомъ *Schematismus aliae provinciae Bosniae argentinae*, но календарь печатается въ Пестѣ, въ Венгріи, потому-что во всей Босніи нѣтъ ни одной типографіи.

Литературныя произведенія болгаръ ограничиваются разсужденіями о духовныхъ постановленіяхъ и выходятъ только въ Бѣлградѣ.

(*) Составленный по журналамъ : *Revue des Deux Mondes*, *Revue de Paris*, *Revue Britannique*, *Revue Contemporaine*, *Edinburgh Review*, *Bibliothèque de Genève*, *Illustration*, *Illustrated London News*, *Illustrirte Zeitung*, *Magazin für die Litteratur des Auslandes*, *Das Ausland*, *Erheiterungen*, *Athenaeum*, *Novellen-Zeitung*, *Institut*, *Indépendance Belge*, *Journal des Débats*.

— Въ нѣмецкой литературѣ вышли въ свѣтъ слѣдующія замѣчательныя изданія :

Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. (*Периодическое изданіе сравнительной филологіи* языковъ германскихъ, греческаго и латинскаго), соч. Кюна. Филологическія науки распространились въ Германіи до такой степени, что спеціальный журналъ сдѣлался необходимъ, чтобъ собирать всѣ новыя свѣдѣнія по этому вопросу. Изъ нѣсколькихъ попытокъ удалась совершенно одна, и *Обзоръ сравнительной филологіи*, основанный Кюномъ и Ауфрехтомъ, занялъ не послѣднее мѣсто между учеными журналами. Въ программѣ означено изученіе индо-германскихъ нарѣчій, но не названы славянскіе языки и кельтійскіе, а это довольно-важныя отрасли санскритскаго языка и могутъ оказать большую услугу въ филологическихъ изысканіяхъ. Сотрудники ученаго журнала Бостъ, Поппъ, Ротъ, Бенфей и самъ редакторъ Кюнъ написали ужъ нѣсколько статей о религіи, нравахъ, обычаяхъ, исторіи славянскихъ народовъ. Изученіе славянскихъ нарѣчій сдѣлало въ послѣднее время много успѣховъ, чтò доказываютъ труды Копитара, Шафарика, Миклошича; и если изученіе кельтійскихъ языковъ приостановилось, то не надолго и новая грамматика Цеуса можетъ служить источникомъ новыхъ ученыхъ открытій.

Обзоръ Кюна раздѣляется на четыре части : германскую, греческую, латинскую и индо-германскую. Три первыя подраздѣляются на нѣсколько отдѣловъ : теорія звуковъ, формъ, значенія словъ и пр. Послѣдняя заключаетъ въ себѣ замѣчанія общія тремъ нарѣчіямъ. До-сихъ-поръ въ журналѣ Кюна явилось уже много замѣчательныхъ статей. Любопытно очень сочиненіе Боппа о системѣ выговора на греческомъ и латинскомъ языкахъ. Бугге написалъ дѣльную статью о собственныхъ именахъ у древнихъ сѣверныхъ народовъ и объясненіе нѣкоторыхъ *умбрійскихъ* словъ, значенія которыхъ не могли найти Ауфрехтъ и Кирхгофъ въ своихъ *монументахъ умбрійскаго языка*. Бугге доказываетъ тоже справедливо, что изученіе языковъ романскихъ и древне-италійскихъ можетъ привести къ важнымъ результатамъ въ наукѣ. Наконецъ Форстелланъ написалъ реестръ словъ индійскихъ, греческихъ, латинскихъ и германскихъ, взятыхъ изъ естественной исторіи и означающихъ названія животныхъ на этихъ четырехъ языкахъ. Но всѣ эти писатели и самъ редакторъ журнала, Кюнъ, принуждены часто прибѣгать къ славянскимъ и кельтійскимъ языкамъ для объясненія многихъ словъ : стало-быть, напрасно эти нарѣчія не приведены въ программѣ журнала.

Die romanischen Waldenser (Романскіе Ваадтландцы), соч. Герцогга. Въ альпійскихъ долинахъ скрывается небольшой народъ, у котораго есть своя исторія, такая же полная и занимательная, какъ исторія многихъ великихъ народовъ. Начало этой исторіи относится къ первымъ временамъ христіанства, и хотя на это нѣтъ ясныхъ доказательствъ, но нельзя также ничѣмъ и опровергнуть преданій. По-крайней-мѣрѣ самое древнее преданіе увѣряетъ въ этомъ. Даже неизвѣстно, откуда произошло названіе «ваадтландцы», но ужъ въ XII

вѣкъ народъ этотъ обладалъ богатою литературою, и древнія произведенія его дошли до потомства и хранятся въ Женевѣ, Дублинѣ и Кембриджѣ. Древность ихъ не была, впрочемъ, точно доказана, и многіе сомнѣвались въ ней, но Герцогъ и Дикгофъ въ своихъ изслѣдованіяхъ достигли того, что разобрали, какія произведенія принадлежатъ XV вѣку и какія написаны послѣ реформаціи.

Даже древнія сочиненія дошли до насъ не въ первоначальномъ видѣ, какъ это доказалъ авторъ, но послѣ реформаціи были исправлены для того, чтобъ доказать, что ваадтландская Церковь прежде всѣхъ приняла реформу. Другія же сочиненія искажены съ намѣреніемъ, чтобъ они казались древнѣе и потому драгоцѣннѣе. Герцогъ съ примѣрнымъ терпѣніемъ отыскалъ всѣ вставки и представилъ все, какъ было, не обманывая читателей. Въ древнемъ текстѣ любопытно описаніе постановленій и нравовъ ваадтландцевъ въ это отдаленное время.

Всѣ документы, касающіеся до исторіи и литературы ваадтландцевъ, приведены Герцогомъ и составляютъ любопытную книгу.

Die Moriskos in Spanien (*Маоры въ Испаніи*), соч. Рохау. Кто внимательно изучалъ исторію Испаніи, тотъ знаетъ превосходное сочиненіе графа Альберта де-Сиркура о самомъ-трудномъ, темномъ, хотя и замѣчательномъ періодѣ этой страны, описанномъ въ сочиненіи: *Исторія Мауровъ Модержаровъ и Морисковъ* (Histoire des Mauges Modejares et des Morisques). Въ этомъ сочиненіи авторъ превосходно обрисовываетъ положеніе христіанъ, покоренныхъ мусульманами. Всю первую часть посвящаетъ де-Сиркуръ продолжительной борьбѣ, окончившейся взятіемъ Гренады. Во второмъ томѣ изображено положеніе мауровъ подъ властью христіанъ. Онъ рассказываетъ, какъ притѣсненія и несправедливости произвели возстанія въ Альпухарасѣ, которое могъ прекратить только Дон-Хуанъ австрійскій. Въ третьемъ томѣ заключались послѣдніе эпизоды возстанія и наконецъ изгнаніе мауровъ.

До-сихъ-поръ исторія графа де-Сиркура почитается лучшею книгою въ этомъ родѣ, потому-что въ ней безпристрастно исчислены всѣ ошибки испанцевъ. Это одна изъ рѣдкихъ книгъ, дѣлающихъ честь всякой литературѣ. Сочиненіе нѣмецкаго автора Рохау — просто переводъ съ французскаго исторіи графа де-Сиркура.

Извѣстно, что это самая-легкая метода сочинять; стоить только изъ трехъ томовъ французскаго писателя сдѣлать одинъ. Рохау до того вѣрно придерживался текста, что списалъ даже опечатки, находящіяся въ исторіи Сиркура. И несмотря на свое заимствованіе, нѣмецкій авторъ напомнилъ о Сиркурѣ только разъ, по поводу одной цитаты въ три строчки. Чего же больше требовать? Три строчки за три тома, кажется достаточно!

Однакожь, надобно отдать справедливость Рохау, что онъ не все переводилъ, и изъ четырехъ сотъ страницъ *четыре* принадлежатъ собственно ему. За-то въ этихъ четырехъ страницахъ столько ошибокъ, промаховъ, противорѣчій, такое незнаніе именъ, мѣстностей и самыхъ извѣстныхъ происшествій, что лучше бы авторъ ограничился

простымъ переводомъ Сиркура и подписалъ подъ нимъ имя французскаго писателя.

Эти несовсѣмъ похвальные случаи бывають такъ часто въ литературѣ, что теперь всеобщее мнѣніе и даже правительства возстають противъ перепечатыванія, какъ противъ нарушенія права собственности. Какъ же назвать продѣлку нѣмецкаго автора, присвоившаго себѣ чужое сочиненіе, извѣстное всей читающей публикѣ, изуродовавшаго его своими поправками и издавшаго подъ своимъ именемъ? По нашему мнѣнію, перепечатываніе все-таки лучше, потому-что оно дѣлаю имя автора извѣстнымъ, хотя и лишаю платы за трудъ; но здѣсь не уважили ни того, ни другаго, и Рохау воспользовался всѣмъ.

Griechische Reiseskizzen (Очерки путешествія по Греціи), соч. Генриха Готтнера. Авторъ этой книги передаетъ читателю долготѣнія изслѣдованія классическихъ древностей Аѳинъ, Коринфа, Олимпа, Фивъ и пр. Всего подробнѣе у него описаны Аѳины, занимающія половину книги. Нѣкоторые спорные археологическіе вопросы рѣшены у него довольно-удовлетворительно. Напримѣръ, вопросъ: «какимъ образомъ окрашивали древніе свои храмы,» представленъ совершенно съ новой точки зрѣнія, хотя рѣшеніе автора и требуетъ еще ближайшаго суда критиковъ.

Süd-Afrikanische Skizzen (Южноафриканскіе очерки), соч. Эдуарда Кротчмара. Съ первыхъ строкъ этой книги видно, что авторъ ея не писатель: изложеніе часто неудовлетворительно и небрежно; но это опытный и глубокой наблюдатель; онъ врачъ, и болѣе всего занимается своею частью и естественною исторіею Мыса Доброй Надежды. Впрочемъ, онъ вѣрно описалъ политическое, общественное и религиозное состояніе этой страны.

Alt-Christliche Baudenkmale Constantinopels vom V bis XII Jahrhundert (Древніе христіанскіе памятники Константинополя, съ V до XII столѣтія) соч. Зальцберга. Весьма-занимательная книга, изданная со всевозможною типографскою роскошью. Это еще первая исторія византійскаго искусства въ продолженіе періода, съ V по XII вѣкъ. Въ ней описаны всѣ памятники Константинополя, построенные восточно-римскими императорами. Авторъ путешествовалъ и производилъ изысканія на счетъ короля прусскаго. Все вліяніе прусскаго посольства въ Константинополь было употреблено, чтобъ безпрепятственно снять всѣ рисунки съ Софійскаго Собора, какъ снаружи, такъ и внутри. Извѣстно, что до-сихъ-поръ препятствія въ этомъ были непреодолимыя. При книгѣ приложено *тридцать-девять* рисунковъ, изъ которыхъ *двадцать-семь* посвящены одной софійской церкви, съ разрѣзомъ ея, всѣми фасадами, пристройками, мозаическими картинами. Самый текстъ содержитъ въ себѣ исторію развитія византійской архитектуры въ-отношеніи ея къ религіи, нравамъ и общественной жизни Константинополя въ-теченіе семи столѣтій, до завоеванія его Турками.

Во второй части содержится подробное описаніе всѣхъ нынѣ существующихъ еще памятниковъ въ Константинополь съ исторіею ихъ построенія. Въ видѣ дополненія приложено описаніе Софійскаго

Собора, составленное Павломъ Силенціаріемъ, называемымъ также Павломъ Сириемъ Флоромъ, жившимъ до VI вѣка и бывшимъ современникомъ императора Юстиніана, въ царствованіе котораго въ 562 году освященъ Софійскій Соборъ.

— Фридрихъ Боденштедтъ, недавно еще обогатившій нѣмецкую литературу прекраснымъ переводомъ сочиненій *Лермонтова*, занимается теперь переводомъ твореній *Пушкина*. Последнія извѣстны были до-сихъ-поръ только по весьма-посредственнымъ переводамъ Липперта. До-сихъ-поръ вышелъ только первый томъ, содержащій въ себѣ первыя поэмы Пушкина. Во второмъ будетъ *Евгеній Онегинъ*. Всего будетъ до шести томовъ. Недавно Боденштедтъ переселился въ Мюнхенъ, гдѣ король Максимилианъ пожаловалъ ему пенсію въ 1200 гульденовъ (700 руб. сер.). Г-жа Боденштедтъ также издала повѣсть для дѣтей *Марія и Эльбетъ*, отличающуюся простотою и занимательностью.

Volklied der Serben (Сербскія пѣсни), собранныя Тольви. Онѣ въ первый разъ появились въ 1823 году и были приняты во всей Германіи съ живѣйшимъ участіемъ. Нынѣ онѣ дополнены и размѣщены въ историко-хронологическомъ порядкѣ.

— Юлій Викеде, извѣстный своею плодovitостью (которая наконецъ угрожаетъ достоинству его сочиненій) издалъ недавно книгу: *Soldatenleben*. Это — воспоминанія и рассказы изъ походовъ неаполитанскихъ, юго-американскихъ, испанскихъ, германскихъ и др.

— На испанскомъ языкѣ вышла слѣдующая любопытная книга:

Historia del combate naval de Lepanto (Исторія морскаго сраженія при Лепантѣ), сочиненіе дон-Гаэтано-Розеля, увѣнчанное Испанскою Академіею Исторіи. Героическая эпоха Испанской Монархіи заключается въ періодѣ, продолжавшемся около восьмидесяти лѣтъ. Онъ начался въ 1492 году взятіемъ Гренады и окончился въ 1571 битвой при Лепантѣ. Первое происшествіе вознаградило отчасти христіанство за потерю Константинополя, второе навсегда прекратило морскіе набѣги Турокъ и варварійскихъ племенъ на берега Италіи и Испаніи. Въ эту эпоху константинопольскій тронъ занимали султаны дѣятельные, смѣлые, честолюбивые. Чтобъ укрѣпиться въ Средиземномъ Морѣ они вели жестокою войну съ Венеціею и съ рыцарями, владѣвшими многими греческими островами. Для обезпеченія себя отъ нападений съ сѣвера, они вступили въ союзъ съ Татарами и обѣщали сперва защищать Астрахань отъ русскихъ, а потомъ освободить страну, покоренную Іоанномъ Грознымъ. Но Селимъ III не успѣлъ въ этомъ предпріятіи, и неудача оттомановъ можетъ сравниться въ этомъ случаѣ съ пораженіемъ при Лепантѣ. За-то на Западѣ Турки торжествовали. Трансильванія была уже въ ихъ власти; Венгрія покорена до Коморна. На Югѣ тоже Турки вовлекли въ свой союзъ султановъ каирскихъ, потомъ Триполь, Тунисъ, Константину, Алжиръ и Тлемсенъ. Напрасно кардиналъ Хименесъ и Фердинандъ-Католикъ старались положить на африканскомъ берегу основаніе христіанскаго владычества: оттоманы уничтожили все; Германія, Италія и Испанія пришли въ сильный страхъ, когда, въ 1570 году, Се-

лимъ вооружился и пошелъ завоевывать Каиръ. Тогда Кандія принадлежала христіанамъ; Мальта смѣло отразила нападенія Солимана, но Родось былъ во власти Турокъ и Кипру угрожала опасность. Венеціанская Республика клонилась къ упадку, хотя ея политика скрывала это печальное положеніе не только отъ иностранцевъ, но даже отъ своихъ собственныхъ подданныхъ. Финансы ея и военныя восстановленія постепенно падали, тогда-какъ могущество и богатство Турецкой Имперіи возрастали съ неизмѣрною быстротою. Правда, что и въ XVI вѣкѣ точно также, какъ теперь, жестокое и алчное правительство истощало средства подданныхъ и угнетало ихъ, но тогда народы, обитавшіе въ Турціи и платившіе подать, не были еще бѣдны до крайности, и войска султана, храбрые до отчаянія, были ужасомъ христіанскихъ западныхъ странъ. Многія дѣти райевъ воспитывались въ ислаимзмѣ и приучались къ воинской жизни; къ нимъ присоединяли толпы плѣнныхъ, захваченныя въ славянскихъ областяхъ, въ Испаніи и Сициліи; стало-быть, въ XVI вѣкѣ Порта была довольно-могущественнымъ государствомъ и самымъ опаснымъ врагомъ Венеціанской Республики. Австрія и папы старались поддерживать Венецію и составили христіанскій союзъ въ Римѣ 1571 года подъ предсѣдательствомъ Пія V. Филиппъ II принялъ въ немъ дѣятельное участіе, и Дон-Хуанъ австрійскій, храбрый сынъ Карла V, готовъ былъ жертвовать жизнью въ пользу христіанъ. Главный планъ вооруженія состоялъ въ томъ, чтобъ освободить Кипръ; но союзныя войска не успѣли въ этомъ и отступили съ большой потерей. Венеція терла уже всякую надежду на сохраненіе своихъ владѣній въ Левантѣ. Обѣ воюющія стороны приготовились къ рѣшительному бою. Герцоги пармскій и урбинскій вступили тоже въ христіанскій союзъ. На флотѣ Дон-Хуана былъ знаменитый Александръ Фарнезе и Франческо Маріо, послѣдній изъ дома Ровере. Герцогъ савойскій послалъ свои войска, Дождь Андреа Доріа выслалъ всѣ морскія силы; мальтійскія галеры, подъ предводительствомъ командора Пьетро Джустиніани, присоединились къ знамени креста; Себастьянъ Венге командовалъ венеціанскимъ флотомъ. Вся христіанская армія соединилась въ Мессинѣ и состояла изъ трехъ-сотъ разныхъ судовъ съ восьмидесятью тысячами войска. Оттоманскій флотъ былъ однакожъ сильнѣе по числу кораблей и войска, но оно было неискусно въ морскомъ дѣлѣ; артиллерія ихъ была слабѣе и экипажъ, состоявшій большею частью изъ христіанскихъ невольниковъ, не хотѣлъ защищаться и выдавалъ своихъ властителей. Лепантское сраженіе было потеряно Турками, и съ этой минуты начинается постепенное ослабленіе могущества Порты.

Это сраженіе описано съ большимъ жаромъ и очень-подробно докторомъ Гаэтано Розелемъ и напоминаетъ скорѣе древнія морскія сраженія при Эгос-Потамосѣ, Эгадѣ и Акціумѣ, чѣмъ современныя битвы. Дон-Хуанъ былъ настоящимъ побѣдителемъ капудан-паши Али, который былъ убитъ на своемъ кораблѣ. Сраженіе было самое жестокое. Мусульмане потеряли тридцать тысячъ войска, сто-семьдесятъ галеръ; двѣнадцать тысячъ христіанскихъ невольниковъ

были освобождены, и хотя соединенное войско претерпѣло много потерь, но дѣло христіанства было выиграно и трофеи Лепанта украсили всѣ христіанскіе храмы. Только сорокъ оттоманскихъ галеръ, подѣ начальствомъ Улучь-Али и Пертевь-паши успѣли скрыться въ одной изъ африканскихъ гаваней; и такъ—какъ время года было самое неблагоприятное, то Дон-Хуанъ и не преслѣдовалъ бѣглецовъ. Въ слѣдующемъ году христіанскій союзъ не могъ ничего предпринять противъ Турокъ. Пій V умеръ. Григорій XIII не могъ помочь Венеціи, которая принуждена была заключить союзъ съ Портою. Дон-Хуанъ отправился во Фландрію, гдѣ его ждала трагическая смерть.

Вотъ содержаніе сочиненія, увѣнчаннаго мадридскою академіею. Оно написано превосходно и заключаетъ въ себѣ любопытныя подробности. Особенно фигура молодого испанскаго героя очерчена мастерски; турецкимъ предводителямъ отдана тоже справедливость.

— На языкѣ, родственномъ испанскому, говорятъ въ Португаліи и Бразиліи. Португальскій языкъ одинъ изъ гармоническихъ языковъ на земномъ шарѣ, но его знаютъ въ Европѣ также мало, какъ китайскій, или японскій. Это происходитъ оттого, что Португалія еще болѣе чѣмъ Испанія не перенимаетъ почти ничего у Европы, и не можетъ, въ свою очередь, ни въ чемъ служить образцомъ Европѣ. Коммерческіе и политическіе интересы забыли отечество Камонса, но въ литературѣ не должно было бы забывать народа, создавшаго много образцовыхъ произведеній.

Бразильская поэзія принадлежитъ тоже португальской литературѣ, хотя въ послѣднее время начала сильно подражать французскимъ писателямъ. Впрочемъ, вліяніе это не можетъ продолжаться, и бразильская литература должна скоро сдѣлаться оригинальною. Къ—несчастью, произведенія бразильскихъ авторовъ рѣдко переходятъ черезъ океанъ, и Европа ничего не знаетъ объ успѣхахъ литературы у заатлантическихъ народовъ. Впрочемъ, нѣкоторыя имена уже дѣлаются извѣстными. Сильва Альваренга подражалъ съ большимъ успѣхомъ иностраннымъ литературамъ; Клавдій Манозъ да-Коста пѣлъ будущее величіе Бразиліи, и муза его отличается мистицизмомъ; Базиль де-Гама, Калдасъ и Карлосъ воспѣвали христіанство, природу. Позже Хозе Андрада, Сальданыя, Эваристъ шли по ихъ слѣдамъ, и на лирѣ ихъ недоставало только струны мечтательности, но и ту наконецъ затронулъ Магальгаансъ, молодой поэтъ, одаренный большимъ талантомъ.

Между этими звѣздами бразильской литературы отличается своимъ блескомъ поэтъ, которому можетъ позавидовать Европа, но имя котораго она, быть—можетъ, ни разу не слыхала, это — Тейейра е Суза.

Въ 1843 году онъ издалъ первый томъ своихъ стихотвореній подѣ названіемъ: «Лирическія Пѣсни» и произвелъ большое впечатлѣніе въ Рио-Жанейро. Потомъ онъ написалъ еще томъ стихотвореній и романъ *Сынъ рыбака*, и имя его сдѣлалось извѣстнымъ и любимымъ во всей Бразиліи. Поэма его: *Tres dias de meu Noivado* имѣла огромный успѣхъ.

Тейейра не принадлежитъ къ поэтамъ, которые ищутъ эффектовъ

и хотѣть поражать читателя и трогать его. Онъ настоящій лирическій поэтъ, но съ необыкновеннымъ богатствомъ мыслей и живостью воображенія. Онъ начинаетъ иногда обыкновенными мыслями, но заносится такъ высоко, что часто забываетъ главный предметъ стихотворенія.

Техейра не заботится о томъ, чтобъ смягчать свой языкъ и приспособить его къ нѣжнымъ выраженіямъ; онъ съ южною живостью пользуется всѣми богатствами краснорѣчія, всѣми оттѣнками языка, не всегда поэтическими и лирическими, но всегда яркими, вѣрными, поразительными, какъ климатъ, природа, солнце Бразиліи. За-то, читая его стихи, видишь передъ собою небо тропиковъ, блестящее яркими звѣздами, слышишь шумъ лѣсовъ, качаемыхъ ураганомъ, плескъ океана о прибрежные камни, чувствуешь жаркое дыханіе бразильской природы.

Но описаніе великолѣпныхъ картинъ природы составляетъ не главный характеръ поэта: онъ умѣетъ также глубоко чувствовать и понимать прекрасное. Природа — лучшій его идеалъ, и онъ, подобно другимъ поэтамъ, мечтаетъ о лучшемъ времени и другомъ поколѣніи, неиспорченномъ страстями и мученіями.

Поэтъ, одушевленный настоящимъ религіознымъ стремленіемъ, чувствуетъ необыкновенную любовь къ дѣтямъ и восхищается ихъ чистыми, нѣжными душами, незнающими злобы и хитрости. Улыбка ребенка радуетъ его больше всего на свѣтѣ, и онъ посвящаетъ цѣлыя поэмы дѣтямъ и трогаетъ читателей. Вотъ нѣсколько строкъ, въ слабомъ переводѣ, обращенныхъ къ маленькой дѣвочкѣ:

«Когда ты просыпаешься вмѣстѣ съ зарей, прекрасное, невинное сознаніе, ангелъ твой тихо склоняется къ тебѣ и смотрится въ твою чистую душу. Ты улыбаешься на его улыбку и чудное личико твое оживаетъ.»

«Спи дитя, покуда ангелъ стережетъ твой сонъ и твою душу! Сны твои переносятъ тебя въ небо, гдѣ ты внимаешь небесной гармоніи.»

«Знаешь ли, зачѣмъ ты родилась, дитя? Знаешь ли, на что ты создана? О! не покидай твоего дѣтства! Не вступай въ міръ, полный страданій!»

«Но этого нельзя, и ты должна идти все впередъ. Будь же счастлива, дитя, также какъ прекрасна; будь чиста какъ лилія, какъ капля росы, какъ запахъ розы, поднимающійся къ небу ошміагомъ. Молодость и красота привлекательны въ женщинѣ, но добродѣтель неоцѣнима. Будь же невинна, дитя, будь добродѣтельна.»

«Есть мысли, заставляющія небесныхъ жителей содрогаться и закрывать лицо своими крыльями; есть слова ужасныя и порочныя; есть минуты, до-того преступныя, что потомъ нельзя уже ничѣмъ заглядѣть ихъ.»

«О дитя! кто защититъ тебя отъ этихъ опасностей? кто сохранитъ цвѣтокъ отъ порывистаго вѣтра, готоваго сломить нѣжный стебелекъ?»

«Есть взгляды, обѣщающіе блаженство, но приносящіе вѣчное несчастіе: сохрани душу твою отъ этихъ искушеній, сохрани твою небесную улыбку и будь всегда прекрасна, невинна и счастлива.»

У Техейры много превосходныхъ стихотвореній въ описательномъ родѣ. Картина его *Буря на Морь* доказываетъ, что онъ изучалъ Гомера: стало-быть, лирическая поэзія имѣетъ достойныхъ представителей въ Бразиліи. Жаль только, что въ драмѣ очень-мало оригинальности. Изъ драматурговъ извѣстны Ботельо де-Оливейра, который перевелъ Меропу Вольтера, Антониу Хозе, авторъ многихъ порядочныхъ комедій и наконецъ Магальгазсъ, который переводитъ Арно и Дюси. Еще одинъ писатель Суза Сильва передѣлалъ Марино Фальеро Делавиня и Ромео и Джульетту Сулье. Вотъ и всѣ драматическіе успѣхи въ Бразиліи. Но, вѣроятно, этотъ порядокъ вещей будетъ непродолжителенъ, потому-что всѣ молодыя литературы начинаютъ подражаніями и переводами, прежде чѣмъ сдѣлаются оригинальными и самостоятельными. Легко можетъ быть, что современемъ явится въ Бразиліи новый Куперъ, или Вальтеръ Скоттъ, и возвыситъ свою литературу наравнѣ съ прочими, особенно если она сохранитъ свой національный характеръ.

Одинъ изъ бразильскихъ писателей превосходно опредѣлилъ эту национальность. Онъ говоритъ:

«Величественные лѣса, едва тронутые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ просвѣщеніемъ, скрываютъ подъ своею тѣнью народъ героевъ, подвиги котораго требуютъ поэтовъ. Европейцы немного смягчили суровость его нравовъ. У туземныхъ героевъ были свои военныя пѣсни, которыя они громко пѣли при звукѣ своихъ инструментовъ, называемыхъ *журемуре*. Они были въ вѣчной войнѣ и все богатство ихъ состояло въ лукѣ со стрѣлами, въ глиняной вазѣ, раковинѣ, собакѣ и сѣтяхъ. Въ сѣтяхъ жители лѣсовъ спалъ, въ раковинѣ пилъ, въ глиняномъ сосудѣ готовилъ себѣ пищу, съ собакой охотился, стрѣлами защищался. Вотъ какая жизнь была у первоначальныхъ жителей Бразиліи, пользовавшихся дарами природы и незнавшихъ употребленія хлѣба, что чрезвычайно удивило первыхъ путешественниковъ. За-то жены ихъ славилась красотою. Обычаи, нравы, вѣрованія этого народа съ самыми фантастическими представленіями дадутъ обильную пищу поэзіи. Бразильцы по ночамъ зажигали костры, чтобъ отгонять вампировъ. Главное божество ихъ называлось *Туна*, и являлось въ двухъ видахъ, какъ *Туна-берада* — молнія и *Тунакунунга* — громъ. *Мараггана* — страшное привидѣніе, являющееся въ минуту смерти, но которое можно задобрить жертвами. *Сасикапере* — чудная птица, приноситъ живымъ вѣсти объ умершихъ друзьяхъ и родственникахъ и сообщаетъ мертвымъ просьбы и жалобы живыхъ. *Макашера* — добрый гений, охраняющій путешественниковъ отъ опасностей и пр.»

Кажется, что вообще мифологія бразильцевъ очень-обширна, только дикія и неблагозвучныя имена боговъ въ родѣ Мараггана и Сасикапере будутъ неочень-эффектны въ эпической поэмѣ. Но на это не надобно обращать вниманія: насмѣшки ничего не доказываютъ. Во всякомъ случаѣ, если бразильскіе поэты хотятъ возвысить свою литературу и сдѣлать ее извѣстною, то пусть лучше описываютъ свою роскошную природу и надежды на будущее, а не воскрешаютъ про-

шепшаго, которое давно забыто и истлѣю, какъ кости бѣдныхъ *мексиканцевъ*, истребленныхъ первыми завоевателями.

— Перейдемъ теперь въ Италию.

О Неаполѣ много говорили и писали, но все-таки страна эта такъ оригинальна, нравы ея жителей такъ непохожи на наши, что невозможно высказать о нихъ всего и въ нѣсколькихъ толстыхъ томахъ. Оригинальность эта, впрочемъ, сглаживается понежевому отъ сообщения съ остальной Европой и отъ желанія людей походить одинъ на другаго, такъ-что скоро и неаполитанцы будутъ копіями.

Путешественники, посѣщая Неаполь съ путеводителемъ въ карманѣ, не видятъ ничего, кромѣ того, что напечатано въ этой книгѣ, а въ ней описаны только всѣ дворцы, памятники, храмы, всѣмъ извѣстные по безчисленнымъ рисункамъ и которые мы можемъ видеть прежде, чѣмъ выѣдемъ изъ своего отечества: стало-быть, гораздо-любопытнѣе и полезнѣе изучать всѣдневную жизнь народа, его привычки, нравы и особенно языкъ. Последнее, какъ самое необходимое, никогда не соблюдается путешественниками, и потому они лишаютъ себя самаго лучшаго удовольствія.

Чтобъ изучить Неаполь, надобно непременно знать *неаполитанскій* языкъ — языкъ народный, на которомъ говорятъ актѣры рыночныхъ театровъ и геніальный паяцъ Паскуале Альтавилла. Итальянскій языкъ раздѣляется на множество нарѣчій. На югѣ онъ звученъ и согласныя буквы часто сталкиваются между собою, чтобъ произвести больше эффекта и шума. Приближаясь къ сѣверу, языкъ дѣлается мягче, музыкальнѣе, произношеніе подходитъ ужъ къ французскому.

Въ неаполитанской грамматикѣ множество иностранныхъ словъ, испанскихъ, французскихъ и даже греческихъ. Иначе я не могу быть въ странѣ, такъ часто переменявшей своихъ владетелей. Языкъ неаполитанскій — настоящій народный и даже простонародный, за-то онъ превосходно обрисовываетъ характеръ жителей. Живой, живописный, шумный, веселый, онъ показываетъ наружный избытокъ силъ, но въ то же время самое живое *farniente*. Онъ не знаетъ тонкостей Сѣвера, но прямо называетъ вещи своими именами, не церемонится ни съ кѣмъ и часто употребляетъ выраженія грубыя. Иногда однако онъ укрощаетъ свою свободу и дѣлается нѣжнымъ, какъ венеціанскій, живописнымъ, какъ арабскій. Вообще онъ слѣдуетъ за минутою вдохновенія и тогда его сила, бѣглость, одушевленіе неволью увлекаютъ слушателя. Въ Италиі говорить — значитъ жить.

Для этого необыкновеннаго языка не можетъ быть недостатка въ поэтахъ. Въ Неаполѣ огромное количество поэтовъ, не ученыхъ, подражающихъ Петrarкѣ и трубадурамъ, а поэтовъ народныхъ, которые не ужьютъ ни читать, ни писать, не просятъ, чтобъ ихъ слушали, и умираютъ въ неизвѣстности, оставя образцовыя произведенія. Импровизаторъ Моль, о которомъ много говорили, совсѣмъ не народный неаполитанскій поэтъ, потому-что онъ былъ довольно образованъ, зналъ римскую исторію, средніе вѣка, мнѣологію и мартирологію. Правда, что онъ смѣшиваетъ довольно-странно всѣ эти познанія и уродуетъ пѣсни, взятая изъ Ариоста, но все-таки это уч-

ный, а не поэтъ, и такихъ, какъ Мольтъ, называютъ въ Неаполѣ *cantastorie* (пѣвецъ исторій).

Пѣвецъ исторій можетъ назваться скорѣе профессоромъ декламации, поэзии и древности; онъ знаетъ иногда иностранные языки, служитъ переводчикомъ у путешественниковъ, занимается какимъ-нибудь ремесломъ, и, окончивъ свою работу, всходитъ на подмостки, собираетъ вокругъ себя зѣвакъ и прохожихъ и начинаетъ импровизовать строфы про Ринальдо — героя неаполитанскаго народа. Цирюльвикъ Микели былъ долго любимымъ импровизаторомъ и каждый день вокругъ кафедръ его, на берегу моря, толпились живописныя группы, слѣдя за движеніемъ его губъ, плача, страдая, торжествуя вмѣстѣ съ Ринальдо. И какъ народъ вѣритъ всему, что безстыдно лгутъ эти ученые! Они заставляютъ Ринальдо драться съ ассирийцами и вокругъ него грушируютъ сирену Клеопатру, Фридриха Барбаруссу, Перона, Диану, Юдию. Они искусно увеличиваютъ опасности героя, и въ минуту, когда всѣ дрожатъ отъ нетерпѣнія и страха и хотятъ узнать, спасся ли Ринальдо, пѣвецъ исторій останавливается и говоритъ, разумѣется, тоже стихами и дантовскимъ размѣромъ :

«Потрудитесь теперь развязать ваши кошельки и заплатить мнѣ за трудъ. Завтра я буду продолжать мой рассказъ».

Многіе изъ толпы въ тотъ день не обѣдали, но охотно отдаютъ пѣвцу послѣдній оболъ. Случается, что два импровизатора расположатся, одинъ недалеко отъ другаго, и стараются отбить другъ у друга публику. Тогда оба они употребляютъ всѣ силы, чтобъ перекричать сосѣда, дѣлаютъ ужасные жесты, принимаютъ судорожныя позы и кончаютъ тѣмъ, что передерутся и вовлекутъ свою публику въ общій бой.

Пѣвецъ исторій имѣетъ большое вліяніе на народъ въ Неаполѣ, у котораго нѣтъ другаго развлечения. За-то, чтобъ слушать ихъ, всѣ бросаютъ работу, дѣла; женщины оставляютъ хозяйство, дѣти, въ костюмѣ статуи, окружаютъ импровизатора, съ жадностью слушая въ сотый разъ тѣ же самые рассказы, о подвигахъ Ринальдо. Дѣнь ладзароне можетъ быть пробуждена только стансами Аріоста. Правда, что они бѣгутъ слушать импровизации также для того, чтобъ въ это время ничѣмъ не заниматься, но по-крайней-мѣрѣ они чему-нибудь научаются и, какъ дѣти, приходятъ въ восторгъ отъ подвиговъ геройства, великодушія, храбрости. Это, можетъ-быть, лучшая школа для народа, находящагося на низшей степени образованности.

Настоящій народный поэтъ совсѣмъ не похожъ на этихъ пѣвцовъ: онъ не продаетъ своего таланта, не требуетъ хлѣба за пѣсни. Поэзія его часто повѣствовательная, потому-что онъ рассказываетъ священныя войны и великолѣпіе Востока; иногда она религіозная и обращается къ мадонѣ, чаще же всего, она выражаетъ любовь, и тогда это настоящая народная пѣсня.

Эти пѣсни выучены наизусть и поются въ народѣ, но онѣ скоро бы исчезли вмѣстѣ съ другими національными явленіями, потому-что все на свѣтѣ забывается, еслибъ одинъ французъ, по имени Котро, не вздумалъ собрать ихъ и напечатать. Долго живши въ Неаполѣ,

онъ знаетъ народный языкъ не хуже рыбака съ лодочной пристанью. Онъ обходитъ всѣ кварталы города, насильно заставляя проходить пѣть, слушать у дверей, у оконъ и записывать не только слова, но даже музыку. Потому онъ разобралъ этотъ хаосъ поэзии и мелодии и издалъ превосходную мозаику. Видъ говорить, что и поэмы Гомера составлены точно такъ же.

Любопытно знать, какъ были сочинены эти пѣсни. Народный поэтъ въ Неаполѣ не ищетъ ни денегъ, ни славы, но онъ имѣетъ сходство съ нашими современными писателями въ томъ, что у него есть сотрудники. Напримеръ, наканунѣ праздника Педигрота нѣсколько поэтовъ собираются въ гротѣ Паузилио. Эти волгодѣтые академики читаютъ свои стихи поочередно, и лучшее сочиненіе, составленное съ общою помощью, тотчасъ же заучиваютъ. Потому, когда надобно было придумать для него мотивъ, явился народный Россини и написалъ музыку, которую общество тоже исправило. После того надобно было сообщить новую пѣсню народу; и такъ—какъ никто изъ академиковъ не умѣетъ ни читать, ни писать, то всѣ поэты на другой день разсыпались по городу и громко пѣли новое свое сочиненіе. Въ праздничный же день всѣ жители оставляютъ дома, поэтому, прислушиваясь къ пѣсни, они заучивали ее, и вечеромъ весь городъ пѣлъ одно и тоже. На слѣдующій годъ сочинили такимъ же образомъ другую пѣсню. Странно, что народъ живой, веселый, насильчивый, у котораго родился типъ Полишвелла, народъ непереможимый, болливый, грубый въ обращеніи, разговоръ котораго напоминаетъ страницы Рабле, въ пѣсняхъ своихъ является грустнымъ, нѣжнымъ, платоническимъ. Музыка этихъ пѣсней всегда въ мнорномъ тонѣ. Чувства въ нихъ самыя рыцарскія. Иногда даже къ нимъ прибѣшивается германская мечтательность.

Во всѣхъ пѣсняхъ описывается любовь къ дѣвушкѣ, и во всей неаполитанской поэзии нѣтъ двухъ стиховъ, обращенныхъ къ замужней женщинѣ: это доказываетъ, что, несмотря на свободу нравовъ, супружество здѣсь въ большомъ уваженіи. Здѣсь нѣтъ также пустого волокитства, потому—что любовное признаніе означаетъ то же, что сватовство, и влюбленные считаются женихомъ и невестою и не скрываютъ своей привязанности. Надобно тоже замѣтить, что опера играетъ важную роль въ неаполитанской поэзии, потому—что у она становится, видится, объясняется. Не надобно думать, что стихи, составленные безграмотными поэтами, написаны безъ всякихъ правилъ—нѣтъ: у этихъ любимцевъ солнца есть природный даръ мелодии. Развѣтъ у нихъ всегда вѣренъ, рѣшмы богатыя и мотивъ, всегда почти грустный, имѣетъ особенную прелесть. Великіе композиторы Россіи и Бельгии знали для своихъ оперъ нѣсколько народныхъ мотивовъ, которые не только не портятъ ихъ произведенія, но еще украшаютъ ихъ. Что бы вышло изъ этого народа, еслибы онъ имѣлъ нѣкоторую образованность и зналъ правила музыки?

Нѣсколько писателей взяли составить правила неаполитанскаго языка и написали на немъ нѣсколько литературныхъ произведеній. Никола Капассо, Джулио Дженуано и Сакко, который пишетъ очень—хороше

стихи, много сдѣлали для народной литературы и для языка, на которомъ говорить не одинъ народъ, но и все высшее общество. Знатныя дамы поютъ тѣ же мотивы, которые слышатся на улицахъ, только такъ—какъ слова пѣсенъ несовсѣмъ—приличны для салоновъ, то явились поэты и въ высшемъ кругу, которые начали писать стихи на народные мотивы, но произведения ихъ, правильныя и искусно—обработанныя, вовсе не лучше оригинальныхъ строфъ рыбаковъ. Между поэтами—патрициями отличается французъ Ашиль де—Лозьеръ, котораго семейство давно живетъ въ Неаполѣ. Тамъ читають и декламируютъ стихи изъ его *Ciriusa*, но все—таки видно, что поэтъ писалъ для избранной публики. Ашиль—де—Лозьеръ вздумалъ тоже писать въ прозѣ, но на итальянскомъ языкѣ гораздо—легче пѣть, чѣмъ говорить, и неаполитанскій поэтъ сдѣлался французскимъ прозаикомъ. Онъ написалъ нѣсколько сочиненій на французскомъ языкѣ и издастъ ихъ въ скоромъ времени.

Въ стихахъ де—Лозьера много превосходныхъ описаній народныхъ сценъ, праздниковъ, свадебъ, происшествій на морѣ на маленькой лодкѣ, бросаемой вѣтромъ и волнами. Всѣ эти картины поразительны, но вездѣ главную роль играетъ любовь.

— Вотъ еще нѣсколько новыхъ сочиненій, вышедшихъ въ послѣднее время на итальянскомъ языкѣ:

Il forte di Barraux e la Spezia, dal Conte Alberto della Marmora, (Фортъ ди Барро и гавань Специя).—Извѣстный ученый генералъ графъ Альбертъ Делла Мармора, напечатавшій уже много прекрасныхъ сочиненій о Сардинии, издалъ вновь брошюру, въ которой совѣтуетъ сардинскую военную гавань перевести въ Спецію, а генуэзскій портъ предоставить торговлѣ. Теперь, когда трудности проведенія желѣзной дороги черезъ Аппенины преодолены, и Италия соединена будетъ съ Германіею чрезъ Швейцарію, Генуя сдѣлается важнѣйшею торговою гаванью Средиземнаго Моря. Военную же гавань надобно, по мнѣнію автора, перевести въ другое мѣсто, и именно въ Спецію. Впрочемъ, онъ указываетъ и на опасность, которую угрожать Специи, находящейся близъ французскихъ границъ, и рассказываетъ по этому случаю происшествіе, бывшее въ концѣ XVI столѣтія. Тогдашній савойскій герцогъ построилъ фортъ Барро на берегахъ Изеры по дорогѣ, ведущей отъ Гренобля къ Мон—Ценису, для защиты этой тѣсины. Французскій дворъ узналъ объ этой постройкѣ уже тогда, какъ фортъ былъ конченъ, и сдѣлалъ сильный выговоръ генерал—губернатору въ Провансѣ за то, что онъ допустилъ воздвигнуть фортъ, не донеся объ этомъ и не помѣшавъ постройкѣ. Губернаторъ отвѣчалъ, что онъ допустилъ это въ выгодахъ Франціи; что построеніе форта очень—полезно на этомъ пунктѣ; что оно дорого бы стоило самой Франціи, а теперь, когда Савойцы сдѣлали это на свой счетъ, то онъ возьметъ этотъ фортъ у нихъ даромъ. Дѣйствительно, такъ и случилось, и съ—тѣхъ—поръ фортъ этотъ въ рукахъ Франціи.

Grammatica della lingua Ebraica, dal professore Luzzato. (Грамматика еврейскаго языка, соч. профессора Луццато). Раввинъ

и профессоръ Падуанскаго Университета Луццато составилъ прекрасную грамматику еврейскаго языка. Это первая, вышедшая изъ Италіи, и успѣхъ ея, вполне-заслуженный, былъ весьма-замѣчательнъ. Вышло также любопытное сочиненіе о космогоніи по ученію евреевъ, (*La religione Israelitico*) представляющее подтвержденіе новѣйшихъ геологическихъ открытій совершенно согласными съ книгами Моисея. Авторъ представилъ свое сочиненіе Гумбольдту, который письмомъ овѣчаетъ, что изложеніе прекрасно и удовлетворительно.

Lezioni di agricoltura, lettere al Instituto tecnico di Torino, dal Borio. — (*Лекціи агрономіи, письмо въ Техническій Туринскій Институтъ*) — весьма-полезная книга для агрономовъ; прекрасное изданіе съ гравюрами и рисунками.

Storia dei Papi, di Bianchi-Giovini (Исторія Папъ). — Это еще первая исторія папъ на итальянскомъ языкѣ, написанная безпристрастно. Во всѣхъ историческихъ событіяхъ нѣтъ, конечно, ничего новаго, но въ жизни Целестина (1143 — 1144 годахъ) встрѣчается удивительное событіе, а именно: предсказаніе одного прѣдсѣдателя епископа Малазіи о всѣхъ папахъ, которые будутъ царствовать въ послѣдующее время. Теперь можно было бы принять эту книгу за современную поддѣлку, говорящую о томъ, что уже было; но она была напечатана въ Венеціи въ 1595 году Арвольдомъ Віономъ подъ названіемъ *Signa vital* и слѣдственно подлогъ невозможенъ. Всѣ папы обозначены метафорическими названіями, которыя однакожь подтверждаются событіями ихъ жизни.

— На англійскомъ языкѣ вышло очень-мало замѣчательнаго. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ появилась:

Bibliotheca americana.—*Catalogue of American publications including reprints and original Works from 1820 to 1848 inclusive.* (*Американская бібліотека. Каталогъ американскихъ изданій, содержащій въ себѣ перепечатки и оригинальныя сочиненія, съ 1820 по 1848 годъ включительно*). Катогаи доставляютъ всегда большую пользу какъ книгопродавцамъ, такъ и авторамъ, имѣющимъ подъ руками справки, которыхъ прежде надобно было искать въ разныхъ мѣстахъ и часто безуспѣшно. Въ Соединенныхъ Штатахъ давно чувствовали необходимость каталога, и Рорбахъ, одинъ изъ умѣйшихъ бібліофиловъ въ Нью-Йоркѣ посвятилъ свои труды на составленіе книги, которая имѣла бы еще больше достоинства, если бы исчислены были сочиненія, относящіяся къ началу книгопечатанія въ Америкѣ; но и въ настоящемъ видѣ каталогъ Рорбаха чрезвычайно-полезенъ, особенно въ наше время, когда Западная Европа занимается изученіемъ американской литературы.

Прежде всего авторъ приводитъ реестръ книгопродавцевъ, издававшихъ книги, названныя въ каталогѣ. Изъ шестисотъ-шестидесятивосьми книгопродавцевъ, сто двадцать-восемь находятся въ Нью-Йоркѣ, девяносто въ Филадельфіи, семьдесятъ въ Бостонѣ, остальное небольшое число въ другихъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ. Книги поминованы по алфавитному списку ихъ названій, и потомъ по алфавитамъ авторовъ, что чрезвычайно облегчаетъ отысканіе. Озна-

чены также цѣна книги, имя издателя, сказано переводъ это, оригинальное произведение или перепечатка. Любопытно видѣть, какія французскія сочиненія до-сихъ-поръ переведены въ Америкѣ. Изъ поэтовъ : Лафонтенъ, Вольтеръ (только одна Генриада), Ламартинъ и Викторъ Гюго. Представителями французской философии въ Америкѣ Жоффруа и Кузенъ, теологій — Августинъ, Боссюэтъ, Фенелонъ, Массильонъ и Паскаль. Историковъ переведено всего больше : Фруасаръ, Оденъ, д'Обинье, Роленъ, Вольтеръ, Бартеlemi, Сисмонди, Сегюръ, Гурго, Лаказъ, Шатобрианъ, Боншозъ, Тьеръ, Огюстенъ Тьерри. Мишеле, Кине и Гизо переведены и читаются въ Америкѣ съ большимъ вниманіемъ. Экономисты Мишель Шевалье и Сей, доктора: Бишъ, Сю, Дюпюитренъ, Луи, Бруссе, Андраль; натуралисты: Бюффонъ и Кювье, химикъ Шапталь имѣли въ Америкѣ множество изданій.

Романистовъ французовъ читаютъ очень-мало въ Соединенныхъ Штатахъ и, кромѣ счастливаго Александра Дюма, который переведенъ отъ первой строчки до послѣдней, въ каталогъ Рорбаха означено только сочиненіе Жюль Жанена: *Американецъ въ Парижѣ*, *Коринна* г-жи Сталь, *Семь-Марсъ* Альфреда де-Виньи, *Жакъ Жоржа Занда*, *Два трупа* Фредерика Сулье и нѣсколько другихъ, не такъ замѣчательныхъ.

Жаль, что составитель каталога не означилъ года, въ который вышла каждая книга: это тоже любопытно, особенно для потомства, которое увидитъ, въ какую эпоху былъ въ модѣ такой или другой родъ литературы, смотря по требованіямъ. Надѣмся, что Рорбахъ при слѣдующемъ изданіи своего каталога исправитъ этотъ недостатокъ.

— Въ Англии вышли въ свѣтъ:

Types of mankind or Ethnological researches based upon the ancient monuments, paintings, sculptures and crania of races and upon their natural and geographical history. (*Типы человеческого рода, или этнологическія изысканія, основанныя на древнихъ памятникахъ, рисункахъ, скульптурахъ и черепахъ покольных и на ихъ естественной и географической исторіи*) сочиненіе Нотта и Глидона съ 200 гравюрами на деревѣ. Вышелъ только первый ливрезонъ этой книги въ видѣ объявленія, чтобъ дать понятіе о форматахъ, бумагахъ, рисункахъ и вообще о матеріальныхъ средствахъ изданія, которое будетъ однимъ изъ великолѣпныхъ въ своемъ родѣ.

Авторы предполагаютъ изучить породы и націи и опредѣлить древность ихъ по найденнымъ черепахъ и портретамъ, находящимся на древнихъ монументахъ. Породы животныхъ и географическое ихъ распределение будетъ изображено въ-отношеніи ихъ къ человѣку. Потомъ приведены будутъ различныя типы, породы и классификаціи людей и анатомическія замѣтки о моральномъ характерѣ покольных. Наконецъ, послѣ всего будутъ помѣщены археологическіе этюды о распространеніи племенъ по землѣ съ новыми документами изъ текстовъ іероглифическихъ, клинообразныхъ, еврейскихъ, арабскихъ и проч.

Если эта работа почитается трудною наукою, то криминология, смотря на всё съими знаменитыми системами, еще чаще подвергается критикѣ. Напримѣръ, въ первомъ же дѣревѣнѣ, какъ кароленгскій типъ, изобразень портретъ Аннибала, снятый съ одной серебряной монеты. Правда, многие писатели были увѣрены, что это истинный портретъ кароленгскаго героя, хотя найдены вдоль нити печати стертые въ герцогствѣ Ломбардъ доказатель, что портретъ Аннибала изображаетъ сатрапа персидскаго цара, управлявшаго Тарсомъ во времена Ксеркса, то есть два вѣка прежде Аннибала. Стало-быть, самый первый типъ влады, эпохи, страны — невѣренъ. Однакожъ, за исключениемъ некоторыхъ ошибокъ, книга Нетта и Гладуна, вѣроятно, составитъ любопытный сборникъ для ученыхъ. Авторы знали много изъ рукописей знаменитаго доктора Самуэля Джоржа Мортонна и изучили кромѣ того, всё послѣднія сочиненія о древности Египта, Ассиріи, Индіи.

Compaigning in Kaffirland: or scenes and Adventures in the Kaffir War of 1851 — 1852 *Кампанія въ кафрскую землю, или сцены и приключенія кафрской войны съ 1851 и 1852 году* сочъ капитана Ринга. Извѣстно, какую безжалостную войну съ кафрами вели въ послѣдніе годы Англичане — эти бедующи кафрской колоніи. Тактика дикихъ, конечно, также очень-опасна: они сильны до дерзости, тверды, непоколебимы въ ненависти, и жестокость ихъ приводила въ ужасъ всю колонию и заставляла сомнѣваться губернатора сэра Гарри Смита въ успѣшномъ окончаніи войны. Но давно уже доказано, что варварскія племена, несмотря на всю свою многочисленность, не могутъ долго сопротивляться европейскій дисциплинѣ и военному искусству, вотъ почему кафры — несмотря на свою ненависть къ англичанамъ, принуждены были прогнать мѣра. Пападеніе ихъ было отчаянно, но и отпоръ былъ жестокой. Вообще съ кафрами англичане поступали безжалостно.

Эту-то войну и описалъ капитанъ Рингъ со всѣми ея ужасными подробностями, бывъ самъ въ ней участникомъ. Разумѣется, что въ этой книгѣ большое мѣсто занимаютъ рассказы о военныхъ дѣйствіяхъ, но авторъ прибавилъ къ нимъ многія любопытныя замѣчанія и анекдоты о характерѣ и нравахъ кафровъ и туземцевъ, служившихъ въ англійской службѣ. Эти рассказы пріятно разнообразятъ книгу, которая безъ нихъ походила бы на сухой бюллетень. Къ тексту приложены выписки и иллюстраціи.

— Французская литература, на этотъ разъ, отличается плодотворностью. Мы разберемъ только самыя-замѣчательныя сочиненія.

Histoire des sciences naturelles au moyen age ou Albert le Grand et son époque: considérés comme point de départ de l'école expérimentale, *Исторія естественныхъ наукъ въ среднихъ вѣкахъ, или Альбертъ-Великій и его эпоха, рассматриваемые какъ исходная точка экспериментальной школы*. Соч. Пуше.

Чтобъ имѣть вѣрную картину развитія умственной образованности въ среднихъ вѣкахъ, надобно эпоху Альберта-Великаго раздѣлить на нѣсколько частей. Наука болѣе еще, нежели литература, пришла въ

упадокъ, когда варвары овладѣли римскимъ міромъ. Всѣ письменные памятники древности были или истреблены, или заброшены въ пыли безвѣстныхъ библіотекъ. Но по этому не должно думать, чтобъ мѣстами не возникала умственная дѣятельность. Обыкновенно говорятъ, что науки и литература не существовали въ этомъ періодѣ; но многіе манускрипты доказываютъ, что были и тогда люди, занимавшіеся и тѣмъ и другимъ до той эпохи, когда водворилась греческо-арабская литература на Западѣ. Теперь мало-по-малу начинаютъ отыскивать слѣды этой дѣятельности: открывается, что на развалинахъ греческой и римской литературъ и съ помощью этихъ развалинъ создавалась ново-латинская школа, составляющая переходъ отъ римской къ греко-арабской.

Надобно также замѣтить, что въ этотъ періодъ не было никакого преобладающаго авторитета. Слѣдовали только древнимъ; но ни Аристотель, ни Галліенъ, ни Птоломей не имѣли еще того перевѣса, который имъ присвоенъ былъ арабами. Старались даже подражать сочиненіямъ гораздо-незначительнѣйшихъ писателей.

За ново-латинскою школою слѣдовала, безъ переходнаго періода, арабская, которая была только измѣненіемъ греческой, усвоенной себѣ арабами посредствомъ переводовъ лучшихъ ея произведеній.

Во время этой второй литературной эпохи среднихъ вѣковъ обнаруживается видимое различіе въ теоріяхъ ученыхъ изысканій. Философскія сочиненія всѣ почти оригинальны, только съ колоритомъ вѣроисповѣданія писателя; но медицинскія всѣ покорно слѣдуютъ системѣ Галліена, или Аристотеля.

Послѣ греческо-арабскаго періода наступила эпоха *возрожденія*, то-есть возвращеніе къ классическимъ образцамъ древности. Этотъ періодъ развивался постепеннѣе, нежели греческо-арабскій послѣ ново-латинскаго, потому-что хотя, съ одной стороны, нѣкоторые умы, какъ Петрарка, смѣло отдѣлились отъ арабовъ и обратились къ древнимъ образцамъ, за-то съ другой, многіе писатели и учителя долго еще держались подражанія арабамъ.

Въ этомъ состоитъ отличительная черта литературъ среднихъ вѣковъ. Въ книгѣ Пуше «Исторія Естественныхъ Наукъ въ среднихъ вѣкахъ» раздѣляется на пять школъ: на скандинавскую, франко-готическую, византийскую, арабскую и экспериментальную.

О скандинавской школѣ французскій авторъ, вѣроятно, говоритъ только по слухамъ, потому-что грубо-эмпирическое воззрѣніе на природу съ примѣсю суевѣрій древняго идолопоклонства составляетъ всю сущность этой школы въ *Сагахъ* и *Эддахъ*.

Франко-готическая школа занимаетъ періодъ, названный нами ново-латинскимъ; еще справедливѣе было бы назвать его римско-германскимъ. Варвары, основавшіеся на развалинахъ Римской Имперіи не создавали ничего новаго, а только возстановили и поддерживали прежнія познанія челоуѣчества. Изъ этой школы возникли новыя системы. Теодорикъ и Карлъ-Великій были героями этой эпохи, и положили новое основаніе исторіи наукъ и литературы.

Пуше говоритъ, что послѣ Карла-Великаго до Фридриха II ходъ

наукъ остановился; но онъ забылъ, что въ это время жили Валларгъ, Страбонъ, Эмилій Мацеръ, Константинъ Африканскій, Оттонъ Кременскій и большая часть писателей саксонской школы.

Слѣдовательно, до Альберта-Великаго въ естественныхъ наукахъ вовсе не было промежутка, какъ увѣряеть Пуше. Въ эти два столѣтія дѣятельность шла медленно, но никогда не прекращалась.

Альбертъ-Великій родился въ Швабін въ 1205 году и принадлежалъ къ почетной фамилии Бельштатъ. О юности его мало вѣрныхъ свѣдѣній. Удивленіе своего вѣка, котораго называли *magus in magia naturalis, major in Philosophia, maximus in Theologia* (великимъ въ естественной магіи, превосходнымъ въ философіи и высшимъ въ богословіи) кажется, въ молодости очень-медленно развивался. Онъ даже доходилъ до-того, что хотѣлъ оставить монастырь, въ которомъ учился, потому-что не успѣлъ приобрѣсти тѣхъ начальныхъ свѣдѣній, которыя были ему необходимы для дальнѣйшаго занятія науками.

Въ среднихъ вѣкахъ всякое образование было энциклопедическое. Учащійся долженъ былъ знать все. Альбертъ посѣщалъ всѣ школы Германіи, Италіи и Франціи. Въ Парижѣ вступилъ онъ въ 1223 году въ Орденъ Доминиканцевъ, потомъ сдѣлался учителемъ, преподавалъ въ Регенсбургѣ, Страсбургѣ, Фрейбургѣ, Кельнѣ и Парижѣ. Во всѣхъ своихъ путешествіяхъ, совершаемыхъ пѣшкомъ, жилъ онъ какъ простой монахъ, принимая подаваніе, говоря проповѣди, давалъ уроки, переписывая древніе манускрипты, и успѣлъ въ это время самъ написать пятьдесятъ фолиантовъ.

Въ парижскомъ Коллегіумѣ св. Іакова и на Мобертской Площади собиравался на его лекціи многочисленная толпа слушателей. Въ числѣ учениковъ его были: Тома Аквинскій, Рожеръ Баконъ, Альбертъ Саксонскій, Викентій де-Бове, Арнольдъ Вильневъ, Мишель и Дувъ Скоттъ, Бонавентура и пр.

Въ 1248 году оставилъ онъ Парижъ. Въ 1254 году возведенъ въ санъ главы германскихъ доминиканцевъ, а въ 1260 году — въ званіе епископа регенсбургскаго. Но, исполняя нѣсколько времени это званіе, онъ сталъ потомъ проситься у папы возвратиться къ своимъ ученымъ занятіямъ. Сперва папа согласился, но едва онъ возобновилъ свои лекціи въ Кельнѣ, какъ получилъ приказаніе проповѣдывать въ Германіи крестовый походъ. По исполненіи этого порученія, приглашенъ онъ былъ на Ліонскій Соборъ, откуда ужъ возвратился въ Кельнъ.

Тутъ во время лекцій онъ вдругъ лишился языка; поэтому Альбертъ понялъ, что скоро долженъ умереть, и съ той минуты заключился въ келью, выходя изъ нея только на то мѣсто, которое онъ назначилъ для своей могилы. Онъ умеръ 15 ноября 1289 года.

Не странно ли, что Альбертъ-Великій, епископъ регенсбургскій другъ папы Иннокентія IV, другъ князей, величайшій ученый своего времени, прослылъ въ простонародіи, по смерти своей, колдуномъ! Правда онъ занимался алхиміею и естественными науками, называвшимися тогда натуральною магіею; правда, что въ тѣ вѣка всякій ученый человекъ былъ колдунъ; но Альбертъ-Великій прослылъ колдуномъ не по этой причинѣ. Въ то время всякая ученая книга под-

вергались строгому изслѣдованію инквизиціи; чтобъ избѣжать этого, авторы посвящали свои труды важнымъ духовнымъ лицамъ, или издавали ихъ подъ извѣстными уже именами. Вотъ почему на множествѣ современныхъ и послѣдовавшихъ за этою эпохою книгъ выставлено имя *Альберта-Великаго*. Въ нихъ дѣйствительно часто говорится о магіи, и Альберту были приписаны сверхъестественныя силы: заставляютъ говорить бронзовыя статуи и дѣлать золото. Послѣдній секретъ даже выставленъ во многихъ его біографіяхъ, и въ доказательство сказано, что онъ этимъ средствомъ заплатилъ всѣ долги регенсбургской епархіи.

Всѣ сочиненія Альберта-Великаго не что иное какъ передѣлка Аристотеля. Это полная энциклопедія тогдашнихъ человѣческихъ свѣдѣній. Онъ повторяетъ извѣстныя слова св. Августина, что «всѣ человѣческія познанія составляютъ лѣстницу, возвышающую душу вашу къ божеству».

Надобно замѣтить, что, извлекая все изъ Аристотеля, Альбертъ нигдѣ не указалъ на источникъ, изъ котораго заимствовалъ.

Пуше говоритъ, что Альбертъ основалъ экспериментальную школу. Этого нигдѣ не видно въ его сочиненіяхъ. Честь эта принадлежитъ ученику его, Рожеру Бакону. Альбертъ былъ весьма-ученый и трудолюбивый человѣкъ, но не открылъ, не изобрѣлъ ничего вновь. Во всякомъ случаѣ, сочиненіе о немъ и о естественной исторіи въ среднихъ вѣкахъ весьма-замѣчательно.

Antiquités de la Perse (Древности Персіи), соч. Адриена Лонперье. Въ этой книгѣ авторъ представляетъ хронологию и исторію парянскихъ царей арзасидовъ и даетъ самыя вѣрныя свѣдѣнія объ исторіи могущественнаго народа, распространившаго свое владычество на большую часть Азии. Исторія эта связана тѣсно съ событіями другихъ народовъ, потому-что паряне были съ ними въ безпрестанной войнѣ, и происшествія царствованія арзасидовъ невольно смѣшиваются съ исторіею грековъ и римлянъ. Исторія парянъ служитъ давно уже предметомъ изученія и многіе писатели старались, съ помощью разныхъ документовъ и разысканій, составить полную исторію арзасидовъ. Висконти, изучивъ основательно всѣ извѣстныя монеты и надписи монументовъ, успѣлъ окончить краткій историческій обзоръ Персіи, но это было въ 1811 году, и съ-тѣхъ-поръ ни одинъ писатель, несмотря на недавно-открытыя важныя документы, не посвятилъ своихъ трудовъ этой замѣчательной странѣ.

Лонперье взялся за это, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ попасть въ члены Академіи Надписей. Впрочемъ, цѣль эта нисколько не помѣшала ему составить добросовѣстную, полезную книгу, которой недоставало въ ученой литературѣ. Онъ раздѣлилъ ее на двѣ части и теперь вышла въ свѣтъ только первая. Въ ней авторъ занимается одною хрологіею.

Чтобъ составить себѣ понятіе о важности нумизматическихъ разысканій, надобно знать, что монеты, называемыя тетра-драхмы и выбитыя арзасидами, означены 37 годомъ до Р. Х. и 229 послѣ нашей эры, и кромя года на каждой выставленъ еще мѣсяць, когда она вы-

пущена въ обращеніе: стало-быть, еслибъ нашли только по одной монетѣ каждаго года въ продолженіе этихъ трехъ столѣтій, то по нимъ можно было бы составить полную хронологию царей, раздѣлявшихъ съ Римомъ власть надъ древнимъ міромъ. Къ-несчастью, намъ недостаетъ очень-многихъ изъ этихъ памятниконъ и Лонперье принужденъ былъ изучать всѣ монеты Персіи. Предшественники этого писателя насчитывали до тридцати царей, называемыхъ Арзасами, хотя и не увѣрили, что они царствовали одинъ послѣ другаго. Лонперье нашелъ вѣрныя доказательства, что съ 77-го года по Р. Х. Парсийское Царство было раздѣлено на мелкія области, управляемыя различными владѣтелями, которые всѣ носили титулъ *царя царей*. Это открытіе подтверждается тѣмъ, что въ одну и ту же эпоху и даже въ одинъ годъ были цари разныхъ именъ.

Эти же монеты не только объясняютъ многія темныя мѣста исторіи, но опредѣляютъ вѣрными числами продолженіе каждаго царствованія, показываютъ многія ошибки древнихъ писателей, говорившихъ объ исторіи безъ вѣрныхъ доказательствъ и часто приписывавшихъ дѣла и происшествія одного царствованія другому.

Стало-быть, самая-вѣрная исторія Персіи, какъ въ древности, такъ и въ наше время, это — исторія Лонперье, который подтверждаетъ каждое сужденіе неоспоримыми доказательствами, а главное, ~~примам~~ противъ которыхъ нельзя возставать, потому-что ихъ защищаетъ нумизматика. Книга эта должна возбудить дѣятельность ученыхъ, которые примутся съ новымъ стараніемъ отыскивать драгоценныя документы и найдутъ, можетъ-быть, еще нѣсколько династій арзасидовъ.

Paris démolie (Разрушенный Парижъ), соч. Эдуарда Фурнье. «Если бы я былъ немного-побогаче, говоритъ Бернардень де-Сен-Пьеръ, то нанялъ бы себѣ въ Парижъ одну комнату въ предмѣстѣ каменоломней, другую на противоположной сторонѣ города на берегу Сены, третью въ самой шумной изъ среднихъ улицъ, четвертую въ саду, чтобъ вокругъ меня была зелень, плоды, овощи, пятую въ самомъ уединенномъ переулкѣ и прочъ».

Въ наше время авторъ «Павла и Виргиніи», никакъ бы не могъ привести въ исполненіе своего желанія, хотя бы владѣлъ огромнымъ богатствомъ. Да и гдѣ бы онъ нашелъ полдюжины квартиръ въ разныхъ кварталахъ Парижа, когда одну, самую неудобную комнату, трудно сдискать даже за баснословную цѣну? Теперь страшный недостатокъ въ квартирахъ въ Парижѣ, а страсть къ разрушеніямъ и передѣлкамъ все еще не уменьшается. Цѣлыя улицы, цѣлые кварталы исчезли съ лица земли и даже изъ памяти жителей, а все еще продолжаютъ ломать и строить.

Разумѣется, что благоразумный человекъ не пожалѣетъ объ уничтоженіи узкихъ, душныхъ переулковъ, купавшихся въ вѣчной грязи, куда солнце не смѣло никогда заглянуть. Здѣсь заражались эпидеміи, отравляющія воздухъ, пороки, угрожающіе честнымъ жителямъ, и потому должно почитать благодѣяніемъ, что переулки эти исчезли. Но любители древнихъ воспоминаній, антикваріи, живущіе въ прошедшемъ, разсуждаютъ совсѣмъ-иначе и считаютъ всѣ переулки, всѣ

развалины историческими остатками, которыхъ не должно трогать, изъ уваженія къ прежнимъ знаменитостямъ, жившимъ въ этихъ домахъ. Эти ученые ничего не хотятъ знать объ очищеніи воздуха, о народной гигиенѣ. Прежде никто не заботился объ этомъ; дома росли какъ грибы, безъ плана и симметріи тѣснились, какъ могли, возвышаясь все болѣе и болѣе, такъ-что, наконецъ, заслонили дневный свѣтъ. Одно можетъ только утѣшить бѣдныхъ антикваріевъ, смотрящихъ съ горестью на вседневное разрушеніе самыхъ-знаменитыхъ переулковъ — мысль, что, можетъ-быть, въ развалинахъ найдутъ такія римскія и галльскія монеты, которыхъ ни одна академія не разберетъ, или саркофагъ съ неизвѣстными надписями, которыя надолго дадутъ пищу всѣмъ ученымъ спорамъ. Къ-несчастью, до-сихъ-поръ открыли нѣсколько любопытныхъ названій улицъ, о которыхъ парижане не имѣли никакого понятія, несмотря на ихъ ясное значеніе: это улицы *Coupe-Gueule*, *Coup de baton*, *Tire-chappe*, *Coup-Gorge*, *Vide-Gousset*. Какъ не плакать объ уничтоженіи такихъ приятныхъ улицъ, особенно для вечерней прогулки!

Эдуардъ Фурнье не принадлежитъ къ числу этихъ фанатиковъ, которые желали бы скрыть весь нынѣшній Парижъ, чтобъ выстроить его снова такимъ, каковъ онъ былъ за нѣсколько столѣтій тому назадъ; но онъ не можетъ не пожалѣть о разрушеніи стараго дома Элонзы, о сломкѣ отеля Урсена, гдѣ Расинъ написалъ почти всѣ свои трагедіи, объ уничтоженіи павильона Бомарше, надъ которымъ, вмѣсто флюгера, вертѣлось символическое перо. Онъ называетъ это вандализмомъ, но прибавляетъ тотчасъ же, что мѣры эти необходимы и послужатъ къ общей пользѣ и красотѣ города. Въ-самомъ-дѣлѣ, стоить ли сохранять и жалѣть лачужку за то, что гениальный человекъ жилъ въ ней? Развѣ воспоминаніе о немъ умретъ въ народѣ, когда разломаютъ ветхій домъ, чтобъ дать свободно дышать сотнямъ жителей и избавить ихъ отъ неизбѣжныхъ болѣзней?

Эдуардъ Фурнье привелъ очень-любопытныя свѣдѣнія о Луврѣ, который теперь оканчивается съ такою поспѣшностью. При Лудовикѣ XV вздумали серьезно сломать все это зданіе. Тогда былъ министромъ кардиналъ Флёрн. Къ-счастью, никто не взялся за сломку Лувра и проектъ этотъ былъ оставленъ. Въ 1759 году открылись крытые галереи Лувра, соединяющія Карусель съ набережною, и парижане пришли въ такой восторгъ отъ нововведенія, что весь городъ толпился нѣсколько дней подъ сводами, а высшее общество устроило тутъ модное гулянье.

Книга Фурнье замѣчательна тѣмъ, что доказываетъ въ авторѣ обширныя познанія и изученіе Парижа XVII и XVIII вѣковъ. Въ ней собрано много анекдотовъ, много историческихъ свѣдѣній о зданіяхъ, исчезнувшихъ въ послѣднее время, но которыя сохранятся въ потомствѣ, благодаря прекрасному сочиненію автора.

Traité du sublime (Трактатъ о Высокомъ), новый переводъ съ греческаго, съ примѣчаніями, составленный Огюстомъ Пужолемъ. Греческая литература начинаетъ опять входить въ моду, что доказывается въ послѣднее время многими переводами образцовыхъ про-

изведеній Греціи. Это направление полезное, потому—что оно ведет къ изученію великихъ образцовъ. Поэмы Гомера, трагедіи Софокла, оды Пиндара давно уже извѣстны, и теперь Оттольд Пужоль издалъ новый переводъ *Трактата о Высокомъ*, Лонгина. Извѣстно, что Буало перевелъ это же сочиненіе, и всѣ до—сихъ—поръ думали, полагая на знаменитое имя переводчика, что лучше невозможно передать греческаго образца. Но Пужоль ясно доказалъ всѣ ошибки, промахнъ и неосторожности знаменитаго критика, несмотря на огромное влияние, произведенное его переводомъ въ литературѣ. Притомъ же тогда и греческій текстъ не былъ извѣстенъ во всей полнотѣ и со всѣми поправками. Многие ученые отказывались вѣрить, что «Трактатъ о Высокомъ» написанъ Лонгиномъ, въ эпоху упадка наукъ и искусства, и относили его къ прежнему времени, въ которомъ онъ достоинъ занять первое мѣсто по превосходному слогу и замѣчательнымъ мыслямъ. Но хотя и не на всѣхъ греческихъ манускриптахъ стоитъ имя Лонгина, его нельзя замѣнить ничѣмъ, потому—что у этого писателя свой оригинальный характеръ. Авторъ родился въ Сиріи около 213 года и, путешествуя во время всей молодости, учился въ самыхъ знаменитыхъ школахъ, такъ—что, прибывъ въ Аѳины, самъ открылъ курсы реторикъ и философіи. Между учениками его были впоследствии извѣстны ученые. Не довольствуясь изустнымъ преподаваніемъ, онъ писалъ много сочиненій и изъ нихъ дошло до насъ только одно, котораго достаточно для славы Лонгина. Въ преклонныхъ уже лѣтахъ онъ оставилъ Аѳины и отправился на Востокъ, гдѣ вдова цари Олената приняла его въ службу и осыпала милостями. Но за эти милости заплатилъ онъ своею жизнью: Аврелианъ казнилъ его въ 273 году и смерть писателя еще болѣе прославила его имя. Такъ—какъ въ его трактатѣ приведены мѣста изъ священнаго писанія, то многие думали, что Лонгинъ былъ христіанинъ; но это мнѣніе ошибочно, въ то время языческіе философы изучали христіанскія книги и уважали многія христіанскія правила, притѣрь чему видѣть къ Сенекѣ. Лонгинъ былъ язычникомъ и доказалъ это своею смертію.

Новый переводъ отличается отъ перевода Буало тѣмъ, что написанъ прозою и Пужоль въ предисловіи извиняется тѣмъ, что послѣ знаменитаго сатирика не смѣетъ писать стихами. Эта небольшая потеря, и проза Пужоля гораздо—ближе къ тексту и вѣрнѣе, что составляетъ главное достоинство перевода.

De la Météorologie dans ses rapports avec la science de l'homme et principalement avec la Médecine et l'Hygiène publique (*О метеорологіи въ отношеніи къ наукѣ о человѣкѣ и въ—особенности къ медицинѣ и народной гіиенѣ*), сочиненіе Фуассака. Размышляя объ отношеніи наукъ между собою, мы видимъ связь, соединяющую всѣ науки и цѣль, къ которой всѣ онѣ стремятся. Докторъ Фуассакъ развилъ эту мысль и напомнилъ, что всѣ извѣстные доктора были свѣдаущи въ другихъ наукахъ и въ философіи. Примѣненіе метеорологіи къ медицинѣ сдѣлаво имъ чрезвычайно—удачно.

Въ наше время физика, химія, математика подвинулись впередъ

и метеорологія сдѣлала тоже значительные успѣхи, хотя въ этой наукѣ еще много неразгаданныхъ тайнъ. Человѣкъ находится въ безпрестанномъ сообщеніи съ невѣсомыми жидкостями: атмосферою, температурою, климатами. Во всякое время онъ размышлялъ о влияніяхъ, производимыхъ на его существованіе атмосферическимъ электричествомъ. Еще недавно вопросъ этотъ возникъ съ новою силою по случаю эпидеміи, посѣтившей Парижъ уже два раза и грозящей новымъ нашествіемъ. Нѣкоторые ученые думаютъ, что болѣзнь эта произошла отъ уменьшенія атмосферическаго электричества, другіе увѣряютъ, что она возродилась отъ увеличенія электричества посредствомъ громовыхъ тучъ и болотныхъ испареній. Французскій докторъ Фурко, полагаетъ, что холера происходитъ отъ неравновѣсія атмосферическаго электричества и земнаго магнитизма. Авторъ разбираетъ всѣ эти вопросы съ большимъ знаніемъ дѣла.

— Что дѣлается въ Парижѣ? Для него теперь началось самое блистательное время гуляній въ Лоншанѣ, время новыхъ модъ, весеннихъ, свѣжихъ, какъ сама природа. Сколько новостей въ костюмѣ, сколько перемѣнъ — только къ лучшему ли? Впродолженіе 80-ти лѣтъ Лоншанъ видѣлъ столько разныхъ уродливыхъ нововведеній моды, что, вѣроятно, ужъ не удивляется современнымъ несообразностямъ. Въ 1789 году явился въ Лоншанѣ самые яркіе цвѣта и фасоны. Красный кафтанъ съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и перламутровыми пуговицами считался самымъ изящнымъ костюмомъ; на жилетахъ рисовали сюжеты изъ *басенъ Лафонтена*, изъ *Свадьбы Фигаро*; женщины носили шляпы въ видѣ *лодки*, чепчики *Кармелитки*, *Венеры*, *Ифигени*, *Весталки*.

Цвѣта на платьяхъ назывались: *вздохъ*, *блоха*, *нимфа*. Черезъ годъ женщины начали носить жилеты, камзолы, мужскія рубашки, галстухи. Онѣ гуляли съ тросточками, въ пуховыхъ шляпахъ, и модною матеріею ихъ было сукно. За-то мужчины носили муфты, теплые сюртуки, вышитые жилеты — настоящая эпоха карнавала.

1791-й годъ изгналъ трехугольную шляпу и ввелъ круглую трубу на головѣ, изобрѣтенія англичанъ.

Съ этого же времени исчезли шелковыя матеріи, богатые вышивки, цвѣты, перья, брильянты.

Моды 1793 года были очень-просты: носили незастегнутыя рубашки, деревянные башмаки и дубины вмѣсто тросточекъ. Пудра одна-кожъ еще несомнѣнно исчезла. Причесывались *жертвами* и *собачьиими ушами*.

При Директоріи древность составила двѣ партіи. Всѣ парижанки были гречанками или римлянками. Первые одѣвались просто, въ туникѣ, завязанной красною шерстяною лентой. Волосы придерживались такими же лентами; сандалии были изъ краснаго сафьяна. Римлянки одѣвались великолѣпно, какъ жены Клавдія и Марка Аврелія. Пурпуровыя ткани, шитье золотомъ, драгоценные камни, кушаки, діадемы, брильянты въ волосахъ, кольца на ногахъ, словомъ: вся роскошь патриціанокъ.

Была еще одна партія женщинъ, наряжавшихся дикими. Платья

дѣлалъ изъ самой прозрачной материи. Франты Директории и Консулыства не отличались богатымъ костюмомъ, какъ прежние карриксы во обезьянши изъ наперы и вѣтренности.

Военная строгость империи измѣнила къ лучшему мужской костюмъ; во женскій принялъ странное направление. Платья сгустились вѣтрятно; талія возмалась чуть не до шеи; женщины начали носить шивели съ безчелювными воротничками и туфли *малелоккозъ*. Модные цвѣта были: красный, малиновый и желтый. Мужчины носили *стексеры*, *карриксы* съ пышны каскадомъ воротничковъ. Наконецъ дѣли начали носить коски *Клоринномъ* и шляпы *жюкея*. Это былъ періодъ самую уродливую моду.

Реставрація переѣхала направление шей въ искусствахъ, литературѣ и модахъ. Живѣе было и строгость военныхъ костюмовъ была оставлена. *Американская* шляпа съ широкими полями замѣнилась другою, еще огромнѣйшихъ размѣровъ. Имя Болшвара было извѣстно въ Парижѣ болѣе, чѣмъ въ Новой Гренадѣ; только герой превратился тамъ въ шляпу.

Виконтъ д'Арленкуръ произвелъ всеобщій восторгъ своими романами—и тотчасъ же въ магазинахъ явились наряды съ именами *Релетата*, *Пустыника*, *Элоди*. Позже Урика произвела такое же дѣйствіе и *Жюк* нигдѣ честь дать свое имя шляпкамъ и чепчикамъ.

Въ 1824 году костюмъ женщинъ былъ изуродованъ широчайшими рукавами, на которые теперь нельзя смотреть безъ смѣха. Промышества, какова бы она ни была рода, даютъ въ Парижѣ свое названіе нарядамъ. После смерти великаго трагика, носили манжеты *à la Talma*, вѣеры *à la Bisson*, по имени моряка, который взрвалъ на воздухъ свой корабль, чтобъ не сдаться. Привезенные *жюграфы* дали тоже свое имя материи. Борода начала появляться на лицахъ мужчинъ.

Съ 1830 года началась анархія въ костюмѣ. Были общія черты костюма, увлекавшія за собою подражателей и подражательницъ, но прежняя мода, принуждавшая всѣхъ къ одинакому костюму, уже не существовала, потому что всакій одѣвался, какъ онъ хочетъ и какъ ему удобно. Мужчины хотѣли казаться важными, степенными, простыми, и эта простота произвела пальто, убившее всякую изысканность въ костюмѣ.

Впродолженіе двадцати послѣднихъ лѣтъ мужской костюмъ почти вовсе не измѣнился. Португе переѣхали немного фасонъ фраковъ и жакетовъ, то обрѣзывая фасды, то дѣлая ихъ длиннѣе, то шире, то уже, но въ цѣломъ костюмъ остался такъ же некрасивъ. Даже на цвѣта нѣтъ моды. Въ нынѣшнемъ году въ Лондонѣ прогуливались въ пальто *Омер-Пана*, въ сюртукахъ *Шампль*, въ панталонахъ восточнаго вопроса, въ жакетахъ *à la Синопъ*. Эксцентричность дошла до высшей степени уродливости какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ нарядахъ. Сюртуки у нѣкоторыхъ франтовъ такъ длинны, что волочатся по троттуару, какъ женскіе подошвы; рукава *ягогобъ*, пуговицы чуть не съ тарелку, чудовищные банты на галстукахъ; и ко всему этому лучшимъ тономъ почитается зачесать всѣ во-

лосы впередъ, такъ, чтобъ они закрывали глаза, и курить бомбическія сигары.

Дамы не хотятъ уступить мужчинамъ въ оригинальности и начали носить шляпы безъ тульи и безъ полей, спуская ихъ ниже косы, такъ—что спереди и съ боку можно подуматъ, что женщины ходятъ по улицамъ въ наколѣхъ изъ лентъ или цвѣтовъ. Вышла очень—остроумная каррикатура на модныя шляпки : по бульвару идетъ женщина простоволосая, къ шеѣ прикрѣпленъ снарядъ съ длинными проволоками, простирающимися сзади на нѣсколько метровъ и на оконечности которыхъ находится крошечная кукольная шляпка.

Ширина платьевъ принимаетъ такіе огромные размѣры, что юбки дѣлаются похожими на воздушный шаръ, покрытый цѣлымъ каскадомъ волановъ. Даже бѣдныхъ дѣтей уродуютъ модными костюмами. На малютокъ надѣваютъ шляпы, величиною съ круглый столъ, опутываютъ ихъ лентами, перьями, бантами больше головы ребенка; платьица дѣлаютъ до того широкиа, что дѣти становятся похожи на раскрытые зонтики на двухъ ножкахъ въ штиблетахъ. Смѣшно, но жаль малютокъ. Надѣмся, однакожь, что моды эти, невыгодныя почти ни для какого возраста и красоты, скоро исчезнутъ, какъ все эксцентрическое, несообразное, преувеличенное, и уступятъ мѣсто *благоразумнымъ* модамъ, если только мода и благоразуміе могутъ сойтись.

Весна занимаетъ всего больше садовниковъ, которые не знаютъ какъ поторопить цвѣтъ розъ и жасминовъ, чтобъ блеснуть на цвѣточной выставкѣ. Загородные дома и кіоски похожи на цвѣтущія корзины. Только въ нихъ часто слышится музыка. Въ нынѣшнемъ году настоящая весна явилась вездѣ раньше обыкновеннаго, и потому загородныя гулянья съ разными увеселеніями открылись гораздо—прежде назначеннаго срока. Да и зачѣмъ терять дорогое время цвѣтущей эпохи года? Общество Регатъ готовится къ гонкамъ и объявило, что впродолженіе всего лѣта двѣсти—шестьдесятъ судовъ будутъ въ распоряженіи любителей морскихъ поѣздокъ. Публика съ нѣкотораго времени, вѣроятно, съ того дня, какъ Парижъ объявилъ себя морскимъ городомъ, очень пристрастилась къ венеціанскимъ гонкамъ. Притомъ же лѣтнія скачки несносны, и недавно въ Ламаршѣ лошади скакали только для удовольствія жокеевъ, потому—что не только высшій кругъ, но и среднее общество не рѣшилось жариться нѣсколько часовъ на африканскомъ солнцѣ и глотать пыль для того, чтобъ посмотреть, какъ *Фран-Шикаръ* сбросилъ своего всадника, а *Гленлионъ* не доскакалъ до цѣли. Даже пари выходятъ изъ моды и всѣ торопятся поскорѣе въ Булонскій Лѣсъ, гдѣ явилась рѣка и каскады, вѣковыя деревья перемѣнили мѣсто, протянулись новыя аллеи; словомъ: изъ заброшеннаго, пыльнаго мѣста, Булонскій Лѣсъ сдѣлался однимъ изъ красивѣйшихъ парковъ Европы. Сколько трудовъ стоило провести воду изъ Сены подземными трубами! Въ день открытія искусственной рѣки больше двухъ сотъ тысячъ любопытныхъ собралось въ лѣсу; и когда, по знаку префекта, открыли шлюзы и вода шумною волною вылилась изъ каменной скалы и потекла по глад-

ному руслу. зрители все еще не вѣрили своимъ глазамъ, что можно было исполнить такъ скоро такую трудную работу. Столѣтніе валеры росли въ долине на незамѣтныхъ мѣстахъ, теперь перевесены опытнымъ садовникомъ на гору такъ легко и осторожно, что, во время своего неожиданнаго путешествія, не потеряли ни одной вѣточки, не сломали ни одного корня. Дѣлается тоже просѣка съ удивительною перспективою на гору Валеріана.

Въ концѣ зимняго сезона и въ началѣ весны, въ Парижѣ въ большой модѣ семейные спектакли, играемые или артистами-любителями, или настоящими, во избранныхъ актерами, передъ самымъ образованною публикою, стало-быть передъ самымъ изыскательною. Недавно въ одномъ изъ огромныхъ салоновъ Парижа собралось до пятисотъ приглашенныхъ, принадлежащихъ къ знаменитости въ литературѣ, искусствахъ или къ высшему обществу. Это былъ самый страшный арешангъ, потому-что въ первыхъ рядахъ сидѣли были: Оберъ, Понсаръ, Лавассеръ, г-жи Даморо, Фрешиоллин, Круелли, Альбини и проч.

Хозяйку дома надобно было много искусства занять своихъ гостей, неподходящихъ на обыкновенныхъ посѣтителей, готовыхъ восхищаться *ромуловою головою*, нарисованною маленькимъ Рафаэлемъ, или сонатой, сыгранною безъ такта дочкою-любительницею. Но этого хозяйнѣ было *Дюпре* и потому нечего было опасаться скуки.

Послѣ удивительныхъ трудовъ на сценѣ, великій пѣвецъ посвятилъ себя образованію будущихъ артистовъ, которымъ передаетъ свое искусство и опытность, и занятіямъ музыкою. Это онъ называетъ отдохновеніемъ. Переставъ пѣть для публики, онъ поетъ дома для друзей, и его голосъ, все еще сильный въ комнатѣ, симпатическая метода и чувство приводятъ всѣхъ въ восторгъ.

Въ саду своемъ въ улицѣ Тюрно, артистъ устроилъ небольшой, но красивый театръ, куда иногда собираетъ своихъ друзей, заставляетъ передъ ними пѣть своихъ учениковъ и поетъ самъ, чтобы еще болѣе научить ихъ примѣромъ и передать свою неподражаемую игру. Въ послѣдній разъ всѣ съ любознательностію ждали начала спектакля. Назначена была совершенно-новая, нигдѣ-неигранная опера *Желюль*; и хотя артисты не проговаривались, но всѣ знали, что музыку написалъ самъ Дюпре, а либретто составлялъ братъ его, Эдуардъ Дюпре. Вотъ дѣйствующія лица этой одноактной оперы.

Герцогъ *** (60 лѣтъ)	Дюпре.
Его жена (20 лѣтъ)	Каролина Дюпре.
Желюль	Роже.
Бенжуанъ, парикмахеръ	Моккеръ.
Алампръ	Раухъ (ученикъ Дюпре).
Розетта, горничная	Мира (ученица).

Разошлите эту маленькую афишу по Парижу и откройте двери самаго большаго театра — тогда наполнить его въ нѣсколько минутъ и будетъ требовать нѣсколькихъ повтореній. Но опера «Желюль» была играна только разъ и, кромѣ друзей автора, ее никто не услышитъ. Вотъ ея содержаніе. Въ замкѣ Фонтене живетъ старый

герцогъ съ молодою женою, которая отъ скуки не знаетъ, что ей дѣлать и, слыша объ успѣхахъ на сценѣ знаменитаго опернаго пѣвца Желюта, приглашаетъ его къ себѣ. Въ это же время герцогъ посылаетъ въ Парижъ за своимъ парикмахеромъ Бенжуаномъ, и когда тотъ приходитъ, герцогиня принимаетъ его за пѣвца, тѣмъ болѣе, что Бенжуанъ поетъ съ утра до вечера, расчесывая парики, за что товарищи прозвали его въ насмѣшку Желютомъ. Молодая женщина очень-рада познакомиться съ великимъ артистомъ, хотя удивляется его манерамъ, и проситъ его поскорѣе спѣть арію изъ *Армиды*. Парикмахеръ смущается, но не смѣетъ отказаться, потому-что иначе долженъ объяснить свое присутствіе въ комнатѣ герцогини, гдѣ назначила ему свиданіе ея горничная — Розетта. Онъ открываетъ уже ротъ, чтобы пѣть первую попавшуюся пѣсню вмѣсто *Армиды*, какъ вдругъ сзади его раздается чудный голосъ настоящаго Желюта, который взошелъ незамѣтно и слышалъ, что имя его употребляютъ во зло. Герцогиня, въ восторгѣ, поетъ дуэтъ съ Желютомъ, но приходитъ герцогъ, и такъ-какъ оба Желюта называютъ себя парикмахерами, то онъ сердится и хочетъ ихъ выгнать. Жена успокоиваетъ его, объяснивъ, что Бенжуанъ хочетъ жениться на Розеттѣ.

Музыка оперы легкая и пріятная, хорошо обрисовываетъ всѣ характеры и положенія. Комическая сцена Моккера заставила всѣхъ хохотать.

Романъ Роже и арія его произвели много эффекта; послѣдній квартетъ составленъ чрезвычайно-удачно.

Каролина Дюпре была: восхитительна въ живописномъ костюмѣ времени Лудовика XV-го и пѣла еще лучше обыкновеннаго. Таланты Роже и Моккера уже извѣстны; молоденькая Миря, ученица Дюпре, очень понравилась публикѣ. Самъ хозяинъ взялъ незначительную роль герцога.

Этотъ музыкальный праздникъ нескоро забудется гостями Дюпре.

Въ другихъ обществахъ играютъ большею-частью пословицы и небольшія комедіи. Извѣстный музыкантъ Надо написалъ премиенную оперу: *Le docteur-Vieux temps*, которая играна была въ нѣсколькихъ обществахъ и вездѣ произвела огромный успѣхъ, такъ-что мотивы этой оперы поются вездѣ, гдѣ есть какой-нибудь инструментъ.

Вотъ сюжетъ этой оперы, написанной однимъ изъ лучшихъ современныхъ литераторовъ. У доктора Жеронта двѣ племянницы, взрослые дѣвушки, которыхъ очень-трудно пристроить, потому-что онѣ бѣдны. Дядя придумываетъ запретъ красавицъ и не пускать ихъ никуда, потомъ объявляетъ, что самъ женится на одной изъ нихъ. Розина и Изабелла въ отчаяніи, но старикъ объявляетъ, что не выпуститъ ихъ изъ-подъ замка, покуда одна не согласится быть его женою. Чтобъ стеречь дѣвушекъ, онъ ищетъ слугу послушнаго и глупаго, и къ нему являются двое дураковъ, Скапенъ и Криспенъ. Не зная, кому изъ нихъ отдать преимущество— такъ они глупы— Жеронтъ беретъ ихъ обоихъ и ставитъ на часы у дверей племянницъ. Возвращаясь, онъ опять съ угрозами пристаётъ къ дѣвушкамъ и тре-

буетъ, чтобъ одна тотчасъ же отдала ему свою руку, потому—что онъ пришелъ съ нотариусомъ и готовымъ контрактомъ. Розина и Изабелла плачутъ и соглашаются скорѣе умереть; старикъ сердится и говоритъ, что, въ наказаніе за ихъ непокорность, онъ отдастъ ихъ замужъ за дураковъ Криспена и Скапена. Дѣвушки соглашаются, къ величайшему удивленію дяди, и тотчасъ же подписываютъ свадебный контрактъ, гдѣ, вмѣсто именъ Криспена и Скапена, стоятъ имена Валера и Доранта.

Тогда хитрый Жеронтъ насмѣшивво улыбается и поетъ куплеты доктора *Vieux temps*, въ которыхъ объясняетъ весь свой планъ. Бѣднымъ дѣвушкамъ трудно найти жениховъ, но умный опекунъ можетъ найти средство сбыть ихъ съ рукъ: стоитъ только запереть ихъ и постращать. Тотчасъ же являются защитники невинности подъ видомъ глупыхъ лакеевъ, которые, почитая старика недогадливымъ, хотѣтъ надуть его; но Жеронтъ самъ хитеръ и заставляетъ богатыхъ жениховъ жениться на бѣдныхъ невѣстахъ.

Эта старая исторія представлена въ новомъ, увлекательномъ видѣ. Разговоръ, живой, остроумный, напоминаетъ Мольера; куплеты и *morceaux d'ensemble* составлены прекрасно, что подтверждается огромнымъ ихъ успѣхомъ. Надобно сознаться, что артисты—любители играютъ иногда не только не хуже, но даже лучше настоящихъ. Таланты не всегда бываютъ только на сценѣ. Такого Жеронта, какой былъ на домашнемъ театрѣ, нельзя найти и на сценѣ съ—тѣхъ—поръ, какъ Сенвиль — типъ, добродушія, хитрости и веселости, умеръ. Одинъ изъ зрителей бросилъ на сцену слѣдующее четверостишіе, читанное при громкихъ аплодисментахъ.

Chacun sait bien que Sainville
Avait un talent réel;

• Mais, maintenant, on dira par la ville
Que Sainville est immortel.

Жаль, что Надо не хочетъ ни отдавать оперы на сцену, ни даже печатать ее. Онъ говоритъ, что для театровъ работаютъ уже много писателей и композиторовъ, и что онъ хочетъ заслужить только названіе салоннаго маэстро. Рѣдкая скромность! Будемъ надѣяться однакожъ, что онъ скоро переищетъ свое мнѣніе.

Разговоры о возвращеніи Рашели изъ Россіи и о ея успѣхахъ все еще продолжаются. Она будетъ дебютировать въ трагедіи *Легуве Медель*. Говорятъ, что пьеса эта произвела бы огромный успѣхъ даже безъ участія великой артистки, потому—что написана превосходно; но такъ—какъ главная роль соответствуетъ таланту Рашели, и вѣроятно, авторъ писалъ роль, разсчитывая, что Рашель не откажется сыграть ее, то можно ожидать новаго триумфа артистки.

Дирекція Французской Комедіи тоже очень радуется, что *Оюстина Броганъ*, одна изъ лучшихъ актрисъ и умныхъ женщинъ, потерявшая зрѣніе и оставившая сцену, выздоровѣла и снова явилась въ лучшихъ своихъ роляхъ. Театръ этотъ надѣется тоже ангажировать г-жу Арну—Плесси, которая вернулась изъ Петербурга въ пол-

ной силѣ красоты и таланта. Неизвѣстно только, рѣшится ли она опять явиться на сценѣ, гдѣ дебютировала пятнадцать лѣтъ назадъ и гдѣ роли ея играетъ молодая артистка Маделена Брганъ, заслужившая любовь публики.

Сцена сдѣлала большую потерю, которую трудно будетъ замѣнить. Превосходный артистъ Лепентръ скончался послѣ пятидесятилѣтнихъ драматическихъ трудовъ на всѣхъ театрахъ Парижа. Недавно онъ отказался отъ сцены, сыгравъ въ послѣдній разъ одну изъ лучшихъ своихъ ролей: *Бенефицианта*. Всѣ жалѣютъ не только рѣдкаго комика, но прекраснаго человѣка, всегда готоваго помочь товарищамъ, дѣлившася послѣднимъ съ бѣдными, остроумнаго въ обществѣ, добродушнаго въ семействѣ. Жюль Жаненъ говорилъ, что Лепентръ такъ слилъ жизнь свою со сценою, что когда-нибудь умретъ передъ публикою. Онъ ошибся немногимъ: наканунѣ смерти, артистъ обѣщалъ играть въ бенефисъ одного изъ товарищей.

Музыкальный сезонъ ужь кончился въ Парижѣ и лирические театры даютъ свои послѣднія оперы. Итальянская труппа дала на прощаніе *Беатриче ди-Тенда* и привела всѣхъ въ восторгъ этою оперою. Особенно Фрецолини была въ ней превосходна, и публика говорила: «или опера написана для пѣвицы, или пѣвица создана для этой роли». Никогда еще успѣхъ Фрецолини не былъ такой блистательный, такой полный. Ее слушали съ удивленіемъ, бросали ей букеты, вызывали ее. Словомъ: это лучшая ея роль и она съ намѣреніемъ сыѣла ее въ концѣ сезона, чтобъ оставить пріятное воспоминаніе. Граціани и Гордони употребили всѣ средства, чтобъ превратить представленіе Беатриче ди-Тенда въ музыкальное торжество, и вполнѣ успѣли въ этомъ.

Лирический Театръ не собирается оканчивать своихъ представлений, а напротивъ ставить новыя оперы. *Une rencontre dans le Danube* («Встрѣча въ Дунаѣ»), комическая опера въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка Поля Ганріона, имѣла большой успѣхъ. Дирекція прекрасно поступила, что, несмотря на неизвѣстность автора въ музыкальномъ мірѣ, приняла его первое произведеніе и обставила старательно. Нельзя имѣть на афишѣ только знаменитыя имена: гении работаютъ не скоро, не для всѣхъ театровъ, такъ не худо поощрять и начинающихъ артистовъ: можетъ-быть и они современемъ заслужатъ названіе знаменитыхъ.

Поль Ганріонъ однако несовсѣмъ новичокъ въ музыкальномъ искусствѣ, потому-что написалъ много превосходныхъ романсовъ и небольшихъ арій, украшающихъ попитры всѣхъ любителей; но все-таки надобно много таланта и смѣлости, чтобъ послѣ пѣсенокъ взяться за оперу. Друзья и покровители артиста чрезвычайно боялись за него, но онъ вышелъ побѣдителемъ изъ опасной борьбы и публика громкими рукоплесканіями наградила композитора за его пріятный трудъ.

Къ-тому же Поль Ганріонъ досталъ премиленькое либретто, что совсѣмъ лишнее, особенно для начинающаго артиста. Встрѣча дѣйствительно въ Дунаѣ, а не у Дунаѣ, или на Дунаѣ. Разумѣется, что въ пьесѣ нѣтъ ничего политическаго. Дѣйствіе происходитъ въ Германіи — классической странѣ самыхъ странныхъ происшествій.

Живописецъ Германъ жилъ такъ весело, что совершенно разорился, и, боясь бѣдности, рѣшился утопиться въ Дунай. Онъ собираетъ всѣхъ своихъ друзей на послѣдній обѣдъ, пьетъ съ ними, поетъ, прощается и бросается въ рѣку. Съ берега одинъ молодой человѣкъ видитъ поступокъ Германа и бросается спасти его, но, по-несчастью, онъ не умѣетъ плавать и самъ тонетъ, такъ-что Германъ откладываетъ свое самоубійство и спасаетъ своего спасителя. Незнакомецъ благодаритъ живописца и спрашиваетъ : какъ его зовутъ ? — «Германомъ». — «Это тоже мое имя» отвѣчаетъ молодой человѣкъ : — но какъ вы попали въ Дунай? — Я хотѣлъ утопиться отвѣчаетъ повѣса, рассказывая всѣ свои несчастія, долги, разореніе. — «Не-уже-ли вы никого не любите и васъ никто не любитъ?» спрашиваетъ Германъ № 2. — Нѣтъ, люблю и любимъ прелестною дѣвушкою, дочерью коменданта крѣпости; отецъ ея не видалъ меня, но знаетъ мое бѣдственное положеніе и никогда не согласится отдать мнѣ Елену». Незнакомца очень забавляетъ исторія Германа и онъ даетъ ему свое кольцо съ печатью, сказавъ, чтобъ онъ съ нимъ пошелъ къ банкиру и тотъ дастъ ему денегъ для уплаты всѣхъ его долговъ. Германъ принимаетъ своего сомненника за сумасшедшаго, но идетъ къ банкиру — и что жъ? всѣ, кто видитъ на рукѣ его кольцо съ печатью, обходятся съ нимъ съ уваженіемъ, кланяются низко, исполняютъ всѣ его желанія. Германъ начинаетъ вѣрить въ волшебство и отправляется къ коменданту, ожидая, что онъ его выгонитъ, но тотъ встрѣчаетъ его почтительно, заставляетъ дочь услуживать ему, спрашиваетъ его приказаній. Вдругъ комендантъ получаетъ важную бумагу и, прочитавъ ее, объявляетъ, что онъ получилъ приказаніе задержать Германа въ крѣпости подъ арестомъ, потому-что онъ носитъ кольцо съ печатью. Этого никакъ не ожидалъ повѣса и раскаявается, что не утопился въ Дунай; но Германъ № 2 спасаетъ его на сушѣ лучше чѣмъ на водѣ. Онъ беретъ свое кольцо назадъ, даетъ коменданту другую бумагу и проситъ его отдать Елену Герману, который получаетъ мѣсто съ большимъ жалованьемъ. Комендантъ соглашается съ низкими поклонами на требованіе Германа, принца нейбургскаго, и пьеса кончается, какъ всѣ комическія оперы, веселою свадьбою.

Музыка оперы очень-оригинальна; многіе мотивы новы. Интродукція, дуэтъ и финаль перваго акта, куплеты и романсъ втораго особенно понравились публикѣ. Артисты прекрасно исполнили свои роли.

Но самая замѣчательная музыкальная новость въ Парижѣ, это — исполненіе *Stabat Mater* Россини оперными пѣвцами, повторенное три раза въ одну недѣлю, по востребованію публики, которая не могла наслушаться этой чудной музыки. Всѣ три раза зала Итальянскаго Театра была освѣщена великолѣбно и всѣ ложи залиты блистательною публикою.

Когда въ Парижѣ въ первый разъ исполняли это произведеніе великаго маэстро, артисты, пѣвшіе его, были: Маріо, Лаблашъ, Тамбурини, Джулія Гризи и Альбертацци. Теперь изъ нихъ остался одинъ Маріо; другіе были замѣнены Граціани, Баральди, Дальстъ, г-жаи

Альбони и Фреццолини; Флоренца, Эрнеста Грива, Вейтъ, Гамбарди поддерживали хоры.

Stabat Mater Россини много критиковали, но еще больше превозносили. Строгие судьи особенно нападают на арию тенора *Cujus animam gementem*, но публика предпочитает именно этот номеръ, и Марио пропѣлъ его такъ превосходно своимъ симпатическимъ голосомъ, такъ просто, безъ театральнаго украшенія, безъ претензій на эффекты, что лучше его невозможно выразить религіозной мысли словами и музыкою. Интродукція хора тоже очень понравилась публикѣ. Дуэтъ *Quis est homo*, пѣтый Фреццолини и Альбони, заслужилъ громкія рукоплесканія. Звучный, полный голосъ Альбони превосходно сливался съ серебристымъ, приятнымъ органомъ Фреццолини, которая, за неимѣніемъ силы, всегда умѣетъ блеснуть нѣжностью и чувствомъ. Квартетъ *Quando corpus*, спѣтый Марио, Дальастомъ, Гамбарди и Альбони, произвелъ большой эффектъ точно также, какъ финалъ *Amen* съ хоромъ. Восторгъ публики увеличивался съ каждымъ номеромъ, и она готова была еще разъ прослушать съ начала до конца все превосходное произведеніе гениальнаго маэстро. Рѣдко случается, чтобъ всѣ артисты исполняли свое дѣло съ такимъ согласіемъ. Хоры выучены были какъ—нельзя—лучше, оркестръ, подъ начальствомъ известнаго музыканта Боннети, дѣйствовалъ артистически и одушевлялъ не только артистовъ, но и публику. Артисты употребляли всѣ свои старанія, всѣ таланты и средства, чтобъ въ совершенномъ видѣ исполнить эту поэму великой грусти. Надобно было много смѣлости таланта и увѣренности въ себѣ, чтобъ ваяться за подобный сюжетъ послѣ великихъ композиторовъ, писавшихъ музыку *Stabat Mater*. Одинъ Россини могъ предпринять и исполнить съ успѣхомъ этотъ великій трудъ; и несмотря на строгія критики, это высокое произведеніе его гения еще долго будетъ производить сильное впечатлѣніе и останется однимъ изъ лучшихъ безсмертныхъ его произведеній. Разумѣется, что для исполненія его необходимы первоклассные артисты; но это первое условіе для всѣхъ серьезныхъ произведеній, гдѣ посредственность не должна быть допускаема, потому—что портитъ совокупность цѣлаго.

Самую замѣчательною пьесою прошедшаго мѣсяца была комедія Сандо и Эмиля Ожье, подъ названіемъ *Эль господина Пуарье*. Она имѣла огромный и заслуженный успѣхъ и долго будетъ собирать публику въ театрѣ *Gymnasia*, несмотря на лѣтніе жары. Авторы хотѣли назвать ее *La Revanche de Georges Dandin*, но боялись слишкомъ—большой отвѣтственности за подражаніе Мольеру, и потому очень—благоразумно придумали балзаковское заглавіе. Вообще вліяніе знаменитаго романиста замѣтно въ новой комедіи. Характеры всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, и особенно Пуарье, изучены и выведены не хуже Балзака; слогъ, комизмъ, остроуміе, чувства — все превосходно, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому—что пьесу писали двое отличныхъ французскихъ писателей, назначаемыхъ единогласно въ число *безсмертныхъ*. Вотъ сюжетъ этой комедіи:

Маркизь де-Прель, молодой, остроумный, красивый повѣса, разо-

рется и, чтобъ избавиться отъ долговъ, женится на дочери суконнаго фабриканта Пуарье, миллионера. Маркизь обходится съ тестемъ съ такимъ пренебреженіемъ и даже презрѣніемъ, что тотъ не знаетъ, какъ еще угодитъ капризному зятю. Фабрикантъ надѣется черезъ зятя попасть въ высшій кругъ и сдѣлаться перомъ Франціи. Дѣйствіе происходитъ во время іюльской монархіи. Маркизь смѣется надъ глупыми претензіями тестя, не замѣчаетъ слезъ жены, которая любитъ его, и безопасно бросаетъ деньги на обѣды и лошадей. Онъ даже влюбляется въ какую-то госпожу де-Монже и ссорится съ своимъ соперникомъ Понгримо, который вызываетъ его на дуэль.

Пуарье, вида поведеніе зятя и несчастье дочери, перемѣняетъ тактику и, переносивъ прежде тиранство Гастона, дѣлается самъ его тираномъ. Онъ объявляетъ, что не платитъ его долговъ, не дастъ ему денегъ и будетъ держать хозяйство самымъ-экономическимъ образомъ. Кредиторы ставятъ маркиза въ самое затруднительное положеніе и онъ, въ свою очередь, долженъ унижаться передъ фабрикантомъ, чтобъ спасти свою честь. Но Пуарье неумолимъ. Антуанетта спасаетъ Гастона, отдавъ ему все свое приданое. Тутъ только онъ замѣчаетъ, что Антуанетта такъ же хороша, какъ и великодушна, и для нея забываетъ свиданіе съ г-жею де-Монже.

Супруги счастливы, но они бѣдны, и маркизь, чувствуя, что жить до-сихъ-поръ безразсудно и бесполезно, хочетъ идти въ приказчики къ старому негоціанту Верделе, крестному отцу Антуанетты, купившему его замокъ Прель. Пуарье въ отчаяніи, что зять его будетъ простымъ приказчикомъ; но добрый Верделе даритъ замокъ своей крестницѣ и молодые удаляются туда. Пуарье покупаетъ нѣмнѣе далеко отъ нихъ, надѣясь, что округъ выберетъ его депутатомъ и онъ вполнѣдствіи сдѣланъ будетъ перомъ Франціи.

Разыграна была комедія какъ-нельзя-лучше. Лесюэръ создалъ чудную фигуру и характеръ хитраго, упрямаго, честолюбиваго, вкрадчиваго, дерзкаго богача, который думаетъ, что богатство извѣняетъ все и ведетъ ко всему. Роза Шери играла благородную, чувствительную Антуанетту и была настоящею маркизою, а не дочерью разбогатѣвшаго купца. Въ пьесѣ есть еще превосходная роль Гектора Монмерана, тоже разорившагося герцога, который идетъ въ солдаты и въ Африкѣ выслуживается въ офицеры. Верделе тоже рѣдкій типъ честнаго, добродушнаго негоціанта. Самая неудачная и невыгодная роль въ пьесѣ — это Гастонъ де-Прель, недостатки котораго слишкомъ преувеличены вначалѣ, и который въ концѣ очень-скоро мѣняется и отказывается отъ всѣхъ своихъ прежнихъ привычекъ. Его умъ и знатный родъ не выкупаютъ неблагодарности и высокомерія къ человѣку, на-счетъ котораго онъ живетъ. Бертонъ очень-хорошо сыгралъ эту роль и понравился публикѣ. Вообще подобныя пьесы очень-мало, какъ по составленію, такъ и по характерамъ. Пуарье изъ той же семьи, изъ которой вышли тины *Отца Горіо*, *Розока*, *Гранде*.

Французская Комедія поставила наконецъ давно-ожидаемую драму *Амссе*, взятую изъ романа Дедаверна *Черкешенка*. По случаю раз-

дачи ролей, было много споровъ, потомъ, когда все устроилось и пьеса стояла ужъ на афишѣ, г-жа Алланъ, игравшая роль г-жи Параберь, вдругъ захворала, какъ это всегда бываетъ съ артистками, недовольными своею ролью, и публика осталась въ ожиданіи. По выздоровленіи всѣхъ актрисъ, Аиссе явилась на сценѣ и была принята благосклонно. Сюжетъ драмы занимателенъ.

Французскій посланникъ въ Турціи графъ Феріоль покупаетъ маленькую черкешенку и даетъ ей блестящее образование. Аиссе выросла, сдѣлалась красавицей и любитъ молодого шевалье Эди. Вокругъ нея составляются разные интриги и заговоры. Извѣстный Риомъ хочетъ отдать ее регенту, чтобъ лишить власти г-жу Параберь; старая маркиза уговариваетъ ее идти въ монастырь, шевалье проситъ ее бѣжать съ нимъ, а графъ Феріоль, возвратясь изъ Константинополя и найдя воспитанницу свою прекрасною, прямо объявляетъ ей, что она его невольница и что онъ ее любитъ. Она не согласилась бы ни за что принадлежать графу, но узнаетъ, что онъ разорился, заплативъ за нея огромную сумму и воспитывая ее, и что поступокъ этотъ былъ причиною того, что онъ лишился мѣста и изгнанъ изъ Парижа. Аиссе изъ благодарности слѣдуетъ за графомъ въ изгнаніе, отказавшись отъ любви Эди; но это усиліе стоитъ ей жизни: съ нею дѣлается сильная чахотка, отъ тоски по родинѣ, какъ говорятъ доктора. Г-жа Параберь, тоже изгнанная на время, вмѣстѣ съ графомъ де-Риомъ стараются утѣшить страдалицу и продлить ея жизнь, лстя надеждою, что Эди скоро вернется. Одинъ только скептикъ Феріоль не вѣритъ ни въ чувства ея, ни въ вѣрность, ни въ страданія отъ любви. Доктора предупредили, что сильное волненіе можетъ убить дѣвушку, и въ это самое время приходитъ извѣстіе, что Эди убитъ въ сраженіи. Едва Аиссе приходитъ въ себя отъ этого удара, какъ чувствуетъ себя въ объятіяхъ шевалье. Онъ вернулся, любитъ ее, знаетъ ея вѣрность, но бѣдная дѣвушка ужъ не можетъ пользоваться счастьемъ на землѣ: она умираетъ и Феріоль наконецъ сознается, что любовь можетъ убить женщину.

Пьеса обставлена и исполнена прекрасно. Г-жа Алланъ играла г-жу Параберь превосходно и, къ тому же, была одѣта такъ блистательно, что, при появленіи ея, дамы начали шептаться и разсуждать о ея костюмѣ, не слушая словъ. Еслибъ г-жа Алланъ и ничего не говорила, платье ея имѣло бы огромный успѣхъ.

Театръ Одеона поставилъ драму въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, Дюгома и Соважа, подъ названіемъ *La servante du roi*. Пьеса эта была написана для Французскаго Театра и принята; но такъ-какъ постановку ея откладывали на неопредѣленное время, то авторы и предложили ее директору Одеона, который поспѣшилъ ее поставить, несмотря на позднее время. Сюжетъ драмы взятъ изъ исторіи Франковъ. Служанка короля Хильперика — это знаменитая Фредегонда, которая изъ низкаго сословія, благодаря красотѣ и уму, успѣла втереться въ служительницы дворца, погубила двухъ королевъ и наконецъ сама погибла. Фредегонда сама оплакиваетъ свои преступленія и проклинаетъ свою судьбу. Она говоритъ :

Oh! qu'il eut mieux valu vivre esclave et modeste
 Dans le fond d'un village, en un coin retiré,
 Partager le pain noir d'un esclave ignoré,
 Et la nuit, reposant sur quelques brins de chaume,
 Savourer à longs traits le sommeil, ce doux baume
 De tous les maux humains, que d'oser une fois
 Franchir le seuil sacré de la maison des rois.

Вообще стихи въ драмѣ очень—недурны; эффектныхъ сценъ много. Историческая эпоха представлена вѣрно; костюмы и декорации соотвѣтствуютъ цѣлому, словомъ: драма была бы совсѣмъ не лишняя для Французскаго Театра, особенно теперь, когда вернулась изъ путешествія знаменитая артистка, созданная для ролей въ родѣ Фредегонды. Впрочемъ, г-жа Аральди была очень—недурна, а Ляжье былъ превосходный Хильперикъ.

Театръ Водевилья поставилъ очень—много новыхъ пьесъ, но это доказываетъ, что всѣ онѣ неочень понравились публикѣ, потому—что хорошую пьесу играютъ одну нѣсколько недель сряду.

Bertrand—c'est Raton, водевиль въ одномъ дѣйствіи, очень—удобная пьеса для начала спектакля, хорошо разыгранная комиками Гомамомъ, Алье и Дюперрье. Не въ первый разъ ужъ драматическіе авторы берутъ сюжетъ басни Лафонтена, *Обезьяна и Кошка*, потому—что эти два животныя превосходно выражаютъ одну изъ чертъ челоувѣческаго характера. Сколько Ратоновъ вытаскиваютъ каштаны изъ огня, а какіе—нибудь *Бертраны* кушаютъ ихъ очень—покойно, даже не поблагодаривъ пріятелей.

Въ новомъ водевилѣ, Бертрагъ, каретный мастеръ, хитритъ, чтобъ надуть своего хозяина, обратить его и жениться на его невѣстѣ. Все ему удается; но невѣста, несмотря на невинное имя Коломбы, открываетъ всѣ плутни Бертрана, возвращаетъ доброму Ратону его имущество и выходитъ за него замужъ.

L'esprit familier, водевиль въ одномъ дѣйствіи, забавная пьеса съ хорошенькими куплетами, которые ужъ напѣваются на улицахъ, потому—что музыку къ нимъ написалъ извѣстный композиторъ любимыхъ водевильныхъ куплетовъ, Наржо. Вотъ сюжетъ пьесы: молодой фермеръ влюбленъ въ свою жену и ревнуетъ ее ко всѣмъ. Вдругъ дѣла требуютъ, чтобъ онъ ѣхалъ на сутки въ ближній городъ, и онъ не знаетъ, какъ ему оставить Маргариту одну посреди ея обожателей. Но отсутствіе его необходимо и онъ проситъ жену запереться и не впускать къ себѣ никого. Не успѣлъ мужъ уѣхать, какъ къ Маргаритѣ, несмотря на затворенную дверь, является солдатъ и преслѣдуетъ ее своею любовью. Та вталкиваетъ его въ какой—то чуланъ и запираетъ, но въ ту же минуту приходитъ молоденькій ея кузень и проситъ позволенія угостить ее ужиномъ. Фермерша не боится этого обожателя, потому—что онъ робокъ и скромнъ какъ дѣвушка, и принимаетъ его ужинъ. Однако робкій юноша дѣлается слыхкомъ сильнымъ и только—что пироги и бутылка вина были поставлены на столъ, какъ слышится сильный стукъ въ дверь. Это мужъ. Маргарита и

кузенъ ея убирають поскорѣе ужинъ и молодой человекъ прячется. Фермеръ очень проголодался и просить у жены ужинать; но та отвѣчаетъ, что она его не ждала и потому ничего не приотвила. Солдатъ же, видѣвшій всю сцену съ кузеномъ, вылѣзаетъ изъ своего чулана и говоритъ мужу, что если онъ хочетъ ужинать, то стоить только призвать домоваго и приказать ему подать пирогъ и бутылку вина. Фермеръ не вѣритъ; хозяйка смущается, но солдатъ выводитъ своего соперника и заставляетъ его принести ужинъ и еще прислуживать имъ троимъ. Однако фермеръ, какъ ни простъ, а догадывается, что домовой и солдатъ собирались надуть его и потому выпровождаетъ ихъ очень-учтиво. Пьеса была очень-мило разыграна, хотя содержаніе ея очень избито и напоминаетъ нашего *Москаля Чарвишка*.

Am printemps—фантазія въ одномъ дѣйствіи. Это произведеніе молодого писателя, въ первый разъ вышедшаго на сцену, и потому почти не должно разбирать его, тѣмъ болѣе, что оно не принадлежитъ ни къ одному роду драматическихъ пьесъ. Впрочемъ, если въ этой фантазіи нѣтъ интриги, дѣйствія, завязки, то въ ней много свѣжести, поэзіи, молодости. Весною заблудились въ лѣсу дядюшка съ молодымъ племянникомъ и оба они находятъ тоже заблудившихся тетюшку съ племянницей, и послѣ нѣсколькихъ сценъ, то наивныхъ, то комическихъ, всѣ четверо находятъ дорогу, но ужъ влюбленные дядюшка въ тетюшку, а племянникъ въ племянницу. Вотъ и вся *весна*; но она обѣщаетъ въ будущемъ много успѣховъ автору. Стихи Леопольда Лалюэ очень-милы и доказываютъ, что онъ можетъ смѣло вѣзаться за комедію.

Театръ Разнообразія тоже не отстаетъ отъ другихъ и ставитъ пьесу за пьесой. *Un mari qui prend du ventre*—уморительный водевиль, въ которомъ Арналь такъ хорошъ, что его смотритъ весь Парижъ. Это несчастный мужъ, который толстѣетъ чрезвычайно и у котораго хорошенькая жена и тоненькій кузенъ. Онъ не знаетъ, что ему дѣлать, чтобъ похудѣть; но жена его начинаетъ капризничать, заставляетъ его бѣгать за покупками, собирается путешествовать, словомъ: такъ мучить толстаго мужа, что тотъ худѣетъ и перестаетъ подозрѣвать ее, потому-что, по словамъ великаго Балзака, виновная жена всегда угождаетъ мужу и ласкаетъ его. водевиль былъ разыгранъ превосходно и вѣроятно переживетъ жары.

La femme à trois maris, совсѣмъ не-ужасный водевиль, несмотря на его названіе. Если въ немъ есть три мужа, то есть и три жены. Три молодые человекъ, разнаго состоянія и незнакомые между собою, встрѣчаютъ въ одной гостиницѣ женщину и всѣ трое восклицаютъ: — Это моя жена!

Помня *Повѣщеннаго*, женатаго на трехъ женахъ, публика думала, что это молодая женщина запаслась тремя мужьями, приготовила платки, въ ожиданіи чувствительныхъ сценъ, но все объяснилось и кончилось смѣхомъ. Незнакомка въ-самомъ-дѣлѣ жена одного изъ путешественниковъ Дорсея, а двое другихъ женаты на ея сестрахъ, чрезвычайно-похожихъ на нее. И такъ-какъ каждый изъ мужей, обвѣнчавшись, увозилъ жену въ другой городъ, то зятя и незнакомы

между собою. Г-жа Дорсей мистифирует их немного, чтоб отучить от дурной привычки путешествовать безъ женъ, и все кончается благополучно. Пьеса эта написана для дебюта молодой, хорошенькой бруссельской актрисы, г-жи Лоранъ, понравившейся публикѣ.

La quicue de la poelle, тоже забавный водевиль, основанный на мысли, которая чрезвычайно понравится всѣмъ женщинамъ. Шамбертенъ находитъ, что жена его тратитъ очень-много денегъ на хозяйство и берется самъ распорядиться всѣмъ; но, принявшись не за свое дѣло, онъ дѣлаетъ ужасную суматоху, тратитъ вдвое-больше, остается безъ обѣда, не можетъ сладить съ людьми и, послѣ безчисленныхъ неприятностей, проситъ жену, чтобъ она опять занялась хозяйствомъ. Деклеръ удивительно играетъ мужа хозяина.

A la recherche d'un million. Пьеса эта съ незапамятныхъ временъ принята дирекціею, вѣроятно, только по привлекательному ея названію, и была забыта и заброшена, но повадился какой-нибудь актѣ для създа публики—и *милльонъ* явился на энишѣ. Къ-несчастью онъ не принесетъ дирекціи и тысячной части этой суммы, потому-что не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха. Сами авторы не узнавали и не призвали своей пьесы, и готовы были отказаться отъ *милльона*, еслибъ не получили за него нѣсколькихъ даровыхъ билетовъ, какъ это установлено. Дѣло въ томъ, что одинъ богачъ оставляетъ своему племяннику въ наслѣдство милльонъ; но онъ можетъ получить его только отъ человека, который вмѣстѣ съ милльономъ отдастъ ему какое-то нисъмо. Альфредъ принимается искать этого неизвѣстнаго повѣреннаго, бросается въ Италію, въ Турцію, въ Нью-Йоркъ и никакъ не можетъ поймать милльона. Кончается тѣмъ, что онъ находитъ его у себя дома, а покойникъ дядюшка хотѣлъ только заставить племянника путешествовать по всѣму свѣту. Въ пьесѣ много забавныхъ сценъ, но въ цѣломъ она все-таки неинтересна и чрезвычайно растягута.

Эта бульварная публика не очень расположена смотрѣть комедіи, зато она съ жадностью бросается на представленія труппы китайцевъ. на этомъ же театрѣ, производящія такое же сильное волненіе, какъ самыя-раздирательныя мелодрамы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, три или четыре подданные Небесной Имперіи, давали концерты на сценѣ Театра-Разнообразія, но национальное ихъ пѣніе и инструменты такъ походили на мяуканье кошекъ съ акомпаниментомъ стука въ кострюли, что концертисты разогнали публику съ перваго раза и никакъ ужъ не могли потомъ заманить ее. Теперешняя труппа нисколько не похожа на первую и дѣлаетъ просто изумительныя штуки. Никогда Орюль и ни одинъ палецъ и фокусникъ не дѣлали такихъ неправдоподобныхъ упражненій. Одинъ китаецъ позволяетъ себя повѣсить за косу и въ этомъ неловкомъ положеніи дѣлаетъ въ воздухѣ страшныя эквилибры. Что за крѣпкая кожа на головѣ этихъ китайцевъ! Что за волосы!

Другая штука еще страшнѣе и заставляетъ женщинъ падать въ обморокъ. Одинъ изъ эквилибристовъ становится у доски въ фантастической позѣ, закинувъ голову, разведя руки и ноги. Пріятель его беретъ нѣсколько ножей и, ставъ въ десяти шагахъ, бросаетъ ихъ въ

него. Ножи врѣзаются въ дерево такъ близко отъ шеи, груди, рукъ несчастнаго, что публика ожидаетъ каждую минуту убійства. Какую ловкость и вѣрность глаза надобно имѣть бросающему ножи! Но положеніе *цзы* просто-ужасно, и врядъ ли кто другой, кромѣ китаецца, согласится быть ею. Кромѣ этого, потомки Конфуція дѣлають опыты ловкости и силы такія невѣроятныя, что надобно ихъ видѣть, чтобъ повѣрить имъ.

Передъ китайскими эволюціями играютъ небольшой прологъ *la Chine à Paris*, написанный очень-остроумно и хорошо-разыгранный. Любопытный этотъ спектакль долго еще будетъ привлекать публику, жаждущую всего новаго, и въ кассу дирекціи потечетъ *желтая рѣка* въ видѣ золотыхъ монетъ.

Театръ Веселости попрежнему ставитъ самыя мрачныя драмы. *La bonne aventure* взята изъ романа Сю, стало-быть приводитъ въ ужасъ и заставляетъ плакать чувствительную публику. Притомъ же главную роль играетъ Фредерикъ Леметръ, и потому немудрено, что онъ увлекаетъ каждый вечеръ многочисленную публику, съ восторгомъ встрѣчающую своего любимаго артиста. Въ роли Жозефа Фово талантъ его могъ вполне развернуться. Пьеса начинается весело, какъ водевиль, потомъ принимаетъ характеръ комедіи и наконецъ дѣлается самою страшною драмою. Фредерикъ Леметръ олицетворяетъ всѣ эти переходы, и надобно видѣть какъ на его выразительномъ лицѣ смѣхъ и добродушіе замѣняются страхомъ и подозрѣніемъ. Потомъ вы видите на немъ отчаяніе, злость, ревность, и наконецъ передъ вами безумный, бѣшенный, непонимающій ничего человекъ. Какой талантъ надобно, чтобъ изобразить всѣ эти оттѣнки, всѣ переходы! какъ надобно изучить всѣ чувства, всѣ порывы!

Сама пьеса напоминаетъ романъ только въ главныхъ эпизодахъ, но совершенно передѣлана для сцены. Къ одной гадальщицѣ приходятъ двѣ женщины, и одной изъ нихъ, герцогинѣ, она пророчитъ смерть отъ яда, а другой, магазинщицѣ, эшафотъ. Обѣ онѣ смѣются надъ предсказаніями, потому-что, хотя и въ различныхъ положеніяхъ въ свѣтъ, но обѣ счастливы. Мужъ хорошенькой магазинщицы Маріи, Жозефъ Фово, тоже идетъ къ гадальщицѣ узнавать свою будущность и та очень-нецеремонно предсказываетъ ему, что жена его обманетъ. Подозрѣніе вкрадывается въ душу добраго Жозефа и онъ начинаетъ присматривать за Марією. Однажды онъ находитъ ее на свиданіи съ Дюкорье, честолюбивымъ Ловеласомъ, который, для исполненія своихъ плановъ возвышенія, готовъ погубить весь міръ, и несмотря на увѣренія Маріи и на признаніе герцогини, увѣрившей его, что она назначила свиданіе Дюкорье, который хотѣлъ компрометировать ее, чтобъ завладѣть ея богатствомъ и за котораго она соглашается выйдти замужъ, Жозефъ въ полной увѣренности, что онъ обманутъ, осмѣянъ. Семейная жизнь его дѣлается настоящимъ адомъ. Онъ бросаетъ всѣ дѣла, торговлю, начинаетъ пить и наконецъ сходитъ съ ума.

Бѣдная Марія идетъ служить къ герцогинѣ, но тутъ ожидаютъ ее большія несчастія. Знатная дама начинаетъ хворать и доктора объ-

являют, что она отравлена. Подозрѣніе падаетъ на Марію, которую судятъ и приговариваютъ къ смертной казни.

Стаю-быть, предсказаніе гадалщицы сбылось. Но Жюзефъ, пришедшій въ себя, спасаетъ невиннаго. Онъ открываетъ, что докторъ отравилъ герцогиню, ужь ненужную для его честолюбивъ замысловъ, и правосудіе наказываетъ виновнаго.

Невозможно описать удивительной игры Леметра и восторга публики. Успѣхъ былъ замѣчательный и будетъ продолжительный. Великій талантъ Леметра электризуетъ всѣхъ. Приобрѣтеніе этого артиста для сцены Театра Веселости — настоящій кладъ.

На сценѣ Палероіа то же плачутъ, только отъ сѣха. *Le dernier des Mohicans* — уморительный фарсъ, который смѣшны даже на энцип. Можно себя вообразить, что бываетъ во время представленія. О героѣ Купера нѣтъ и помнана, и публика это очень-хорошо знаетъ, потому-что привыкла къ шуткамъ энцип. Могиканъ женилъ единственнаго своего племянника дядюго, чтобъ не пресѣлся его знаменитый родъ, но послѣдній Могиканъ не исполняетъ желанія дядюшки, хоти и жевать ужь два года. Старый Могиканъ сердится и угрожаетъ лишить его наслѣдства; племянникъ достаетъ гдѣ-то ребенка нужскаго вола и выдаетъ его за своего сына. Старый Могиканъ въ восторгѣ отдаетъ племяннику часть своего состоянія. Въ пьесѣ нѣтъ ничего особеннаго и интрига стара, но неподражаемая игра комиковъ Гицинта и Аманта поддержитъ самое слабое произведеніе.

— *Sur la terre et sur l'onde* тоже забавный водевилъ, только слишкомъ длинный. Развѣ можно смѣяться въ продолженіе пяти актовъ? Тутъ два мужа, французъ Жюмель и сэръ Мюллеръ, англичанинъ, бѣгаютъ за своими супругами по паровозамъ и пароходамъ. Съ ними случается множество уморительныхъ происшествій, но наконецъ они находятъ своихъ женъ и тѣ прощаютъ ихъ за несправедливыя подозрѣнія. Успѣхъ пьесы огромный.

На театрѣ *Delassements Comiques* вновь поставлены: *Les guides de Kinrose*, *Ne touchez pas à la hache*, *les Grisettes d'Automne*, *Une femme qui s'ennuie*, но изъ нихъ замѣчательна только послѣдняя комедія по хорошей игрѣ актеровъ, и потому, что сюжетъ взятъ изъ известной пьесы Локруа *Quand on n'a rien à faire*. Когда нѣтъ новаго, можно переделывать и старое.

Въ циркѣ даютъ каждый день пьесу въ двадцати картинахъ, подъ названіемъ *Коллекціи милого*. Великолѣпныя декорация, военные сцены, эффекты всѣхъ возможныхъ видовъ привлекаютъ публику. Но надобно себя вообразить, что можетъ быть справедливаго и историческаго въ шестѣ цирка, когда и въ официальныхъ журналахъ никакъ не доберешься правды.

— Перебдемъ теперь въ Лондонъ. Въ началѣ прошлаго мѣсяца, публика этого города собралась въ Театръ Лидея, какъ вдругъ завѣса поднялась и одинъ изъ актеровъ объявилъ публикѣ, что Чарльзъ Метьюсъ *внезапно захворалъ* и роль его будетъ читать другой артистъ. Подобные случаи бывають часто на сценѣ и публика привыкаетъ ихъ довольно-хладнокровно, но въ этотъ разъ произошло въ парте-

ръ большой шумъ, потому—что нѣкоторые изъ зрителей видѣли Метьюса передъ представлениемъ въ полномъ здоровьи и не хотѣли вѣрить его болѣзни. «Отдайте деньги!» кричали со всѣхъ сторонъ и кассиръ принужденъ былъ удовлетворить этому требованію. На другой день, несмотря на афишу, Театръ Лицея былъ закрытъ и публика была въ большомъ недоумѣніи, не зная что случилось съ директоромъ этого театра и любимымъ артистомъ Чарльзомъ Метьюсомъ. Наконецъ самъ остроумный артистъ объяснился съ публикою черезъ газеты. Какое печальное открытіе! Директоръ лучшей лондонской труппы, прекрасный артистъ и прекрасный писатель Чарльзъ Метьюсъ находится въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и не знаетъ, куда ему спрятаться отъ преслѣдованій кредиторовъ. Пятнадцать лѣтъ назадъ, онъ обанкрутился на Ковент-Гарденскомъ Театрѣ, и съ-тѣхъ-поръ каждую минуту передъ нимъ можетъ явиться черное привидѣніе, требующее уплаты по какому-нибудь векселю. Оно не нуждается въ билетѣ и позволеніи, но смѣло идетъ за кулисы, въ оборную артиста и, несмотря на его костюмъ, беретъ его съ собою. Будь онъ въ костюмѣ героя или нищаго, безжалостный черный человѣкъ имѣетъ право увести его даже со сцены. То же самое случилось и въ день представленія, когда объявили публикѣ о внезапной болѣзни Чарльза Метьюса. На другой же день не было спектакля, хотя директоръ и выпущенъ былъ на поруки, потому—что труппа его, думая, что онъ опять обанкрутился и долго просидитъ въ тюрьмѣ, разошлась въ разныя стороны. Много ему стоило трудовъ собрать ее и объяснить, что если онъ *никогда* бываеъ долженъ поставщикамъ, то всегда безъ замедленія платилъ жалованье артистамъ, то—есть директоръ театра имѣетъ много долговъ, но артистъ не обижаетъ своихъ товарищей. Теперь дѣла его идутъ лучше и публика почти всегда наполняетъ его театръ; но онъ обязался безъ всякаго принужденія выплатить все недоплаченное жалованье артистамъ ковент-гарденской труппы и по этимъ—то векселямъ его преслѣдуютъ теперь чуть не на сценѣ.

Чарльзъ Метьюсъ продолжаетъ очень-искусно передѣлывать французскіе водевилы для своей сцены; но настоящіе авторы не смѣютъ за это требовать вознагражденія, потому—что судебныя издержки будутъ стоить дороже платы автору. Законъ о собственности не существуетъ на театрѣ, но издатели книгъ подчиняются ему потому, что недавно еще вышли два историческія сочиненія, Гизо и Ламартина, на оберткѣ которыхъ сказано, что они переведены съ французскаго съ позволенія авторовъ.

Англійская литература занимается въ настоящее время преимущественно полемикой, и критикъ Крокеръ отличается своими остроумными выходками на этомъ скользкомъ поприщѣ. Неслишкомъ привязываясь къ живымъ писателямъ, онъ безжалостно нападаетъ на мертвыхъ знаменитостей. «Записки» Томаса Мура были превознесены до небесъ во всѣхъ журналахъ, но Крокеръ разобралъ ихъ строго, выставилъ поэта почти въ смѣшномъ видѣ и этимъ навлекъ на себя негодованіе издателя записокъ, лорда Джона Росселя, взяв

шагоса защищать могли Томаса Мура. Дуэль на верьях продолжалась довольно-долго, и секунданты рассказывают, что лорд Джон Россель пострадалъ въ ней больше, чѣмъ критикъ.

Отдѣлавъ поэта и лорда, Крокеръ принялся за «записки» Юсифа и выставляетъ себя непримиримымъ врагомъ Наполеона, не имя его ни какъ генерала, ни какъ консула, ни какъ властителя. Крокеръ давно уже писалъ нападки на Наполеона и теперь продолжаетъ преслѣдовать его. Послѣ этого нельзя требовать, чтобъ онъ былъ снисходителенъ къ старшему брату Наполеона. Между многими придирками, критикъ представляетъ историческія ошибки, вкравшіяся въ «записки» короля Юсифа. Вотъ одна изъ нихъ. Юсифъ больше всего старается оправдать своего брата въ дѣлѣ Герцога Энгьенскаго. Онъ утверждаетъ, что Наполеонъ ясно выразилъ намереніе освободить венсенскаго плѣнника и, успокоенный его словами, Юсифъ отправился въ Морюнтень, гдѣ собрался уже въ обѣду многія знаменитости. «Я съѣлъ возлѣ г-жи Сталь (пишетъ онъ: напротивъ меня былъ Матьё де-Монморанси. Всѣ были въ восторгѣ, когда я объявилъ, что первый консулъ прощаетъ внука великаго Конде..... На другой день я отправился въ Мальмезонъ и нашелъ Наполеона въ сильномъ гнѣвѣ. Онъ сердился на Реала и на себя за то, что оставилъ на службѣ людей, извѣстныхъ своими жестокостями во время революціи. Герцогъ Энгьенскій былъ осужденъ и казненъ, и консулъ не зналъ результата суда. Наполеонъ прибавилъ еще, что онъ сдѣлалъ бы его своимъ адъютантомъ; но такъ-какъ дѣла нельзя было уже воротить, онъ сказалъ: «Надобно принять на себя отвѣтственность этого приключенія. Я не хочу обвинять моихъ подчиненныхъ, потому-что это неблагородно, хотя и справедливо». Чувство это дѣлаетъ честь Наполеону; но Крокеръ опровергнулъ все это, доказавъ подлинными записками г-жи Сталь, что во время этого печальнаго происшествія она никакъ не могла обѣдать у Юсифа, потому-что была въ Берлинѣ.

«Я жила въ Берлинѣ на набережной Шпрее (говоритъ она въ своей книгѣ *Десять лѣтъ изнанія*). Моя квартира была въ первомъ этажѣ. Однажды утромъ меня разбудили въ восемь часовъ и сказали, что меня спрашиваетъ принцъ Людовикъ Фердинандъ, который ждетъ меня подъ моими окнами. Я поскорѣе встала, удивляясь раннему визиту, и подошла къ окну. Принцъ прѣхалъ верхомъ и былъ чрезвычайно встревоженъ. «Знаете ли вы, сказалъ онъ, что Герцогъ Энгьенскій былъ взятъ въ баденскихъ владѣннхъ, что его судили военнымъ судомъ и разстрѣляли?» — «Не можетъ быть (отвѣчала я), это враги Франціи распускаютъ такіе нелѣпые слухи» и проч.

Какъ же теперя согласить слова Юсифа съ этимъ параграфомъ писательницы? Странно подумать, какъ пишется исторія и сколько въ ней правды!

— Театральныхъ новостей въ Лондонѣ очень-мало. Одно открытіе, которое англичане не оспариваютъ у французозъ, это—водевиль. За-то они пользуются имъ, бесовѣстно передѣлывая пьесы французскихъ писателей на разные манеры и выдавая ихъ смѣло за свои собственныя. На театрѣ Геймаркетскомъ играютъ съ большимъ успѣхомъ

водевиль *Ранела*, сочиненія Симпсона, а это пьеса Кормона и Гранже *Un mari qui se dérange*. Надобно сознаться, что водевиль прекрасно разыгранъ. Между актрисами этого театра миссъ Рошемъ считается любимицею публики и лучшая ея роль Мегъ Меррилисъ въ лирической мелодрамѣ «Гэй-Менрингъ».

Въ Мерилебонскомъ Театрѣ играютъ тоже съ успѣхомъ пьесу французскаго происхожденія: *Жажда золота, или сирота Ледовитаго моря*.

На Дрюриенскомъ даютъ *Корсиканскіе братья*, подъ названіемъ *Вендетты*, гдѣ превосходно играетъ актеръ Брукъ, пріѣхавшій изъ Америки и считающійся соперникомъ Эдмонда Кина.

Чарльзъ Кинъ возобновилъ на Театрѣ Принцессы трагедію Ричарда III, въ передѣлкѣ Коллея Сибера. Критикъ кажется всякая передѣлка изуродованіемъ великаго Шекспира, но публика почему-то предпочитаетъ это изуродованіе тексту безсмертнаго писателя.

Театръ *Сою* ангажировалъ Генриха Никольса, извѣстнаго въ Лондонѣ своими драматическими чтеніями. Онъ прекрасно сыгралъ роли Гамлета и Шейлока. Это одинъ изъ лучшихъ молодыхъ артистовъ.

Въ Сент-Мартинс-Галлѣ было замѣчательное музыкальное торжество, на которомъ играли въ первый разъ ораторію Лесли подъ названіемъ *Эммануилъ*. Это произведеніе было прекрасно исполнено и произвело всеобщій восторгъ. Артисты Эндерсонъ, миссъ Дольби и миссъ Ами Дольби, Локрей и Вейссъ отлично исполнили свои роли. Оркестромъ управлялъ Бенедиктъ.

Литература и юстиція понесли недавно важную потерю. Извѣстный поэтъ—судья Нунъ Тальфордъ скончался такъ неожиданно, что смерть его поразила всѣхъ. Онъ приобрѣлъ своими трудами независимое состояніе и былъ во всемъ необыкновенно—счастливъ, хотя успѣхи его не нажили ему враговъ. На прошедшей недѣлѣ, онъ председательствовалъ въ засѣданіи Стафордскаго Суда. Послѣ сужденія одного дѣла, Тальфордъ началъ говорить небольшую рѣчь объ обязанностяхъ всѣхъ классовъ общества, какъ вдругъ симпатическій голосъ его пресѣкся, голова опустилась и когда слушатели ожидали окончанія рѣчи, душа оратора уже отлетѣла.

Разумѣется, что это — легкая смерть, но она производитъ непріятное впечатлѣніе. Притомъ, кто согласится умереть такъ внезапно? Всякій захочетъ приготовиться къ смерти.

Смерть Тальфорда опечалила всѣхъ еще потому, что онъ заслужилъ всеобщую любовь своимъ прекраснымъ характеромъ. Сынъ пивовара въ городѣ Ридингѣ, онъ пришелъ въ столицу изучать правовѣдѣніе, но умѣлъ воспользоваться и своими литературными способностями. Въ замѣткахъ своихъ о Чарльзѣ Лембѣ онъ описываетъ свои скромные вечера, на которые собирались критики, актеры, писатели. Позже онъ началъ писать журнальныя статьи и пьесы для театровъ и въ то же время приготовлялъ свои рѣчи, какъ самый опытный адвокатъ. Молодой человѣкъ, благодаря своимъ трудамъ, могъ жить прилично, поэтому, многие думали, что онъ долженъ быть богатъ, и однажды самый бѣдный изъ романистовъ—философовъ, Годвинъ, прося у него въ

займы 150 фун. стер., очень удивился, что Тальфордъ ничего не ищетъ и живетъ только журнальными статьями, въ ожиданіи выгоднаго процесса. Черезъ нѣсколько лѣтъ поэтъ-адвокатъ могъ уже быть банкротомъ нѣсколькихъ философовъ и романистовъ, потому-что выигралъ два или три важныя дѣла; а извѣстно, что англійскіе адвокаты работаютъ даромъ только для писателей. Кромѣ этого, приняла на театр его трагедіи *Юнгъ*, *Аѳинскій Плѣнникъ* и *Гленкогъ*, и литература нѣсколько не мѣшала его успѣхамъ въ судѣ. Наконецъ, Тальфордъ вступилъ въ парламентъ, гдѣ защищалъ литературную собственность съ такимъ же жаромъ, какъ Бальверъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ принадлежалъ уже къ двѣнадцати судьямъ Англии. Эта важная должность не мѣшала ему быть любезнымъ и остроумнымъ въ обществѣ и не ставила измѣнить литературѣ. Въ его портфель нашли четвертую пьесу подъ названіемъ: *Кастильскіе Комуноеры при Карль V*.

Трагедія сэра Томаса Нун-Тальфорда принадлежать къ классическимъ, и авторъ сознавался иногда тихонько, что онъ не очень любитъ Шекспира. Впрочемъ, это была единственная его оригинальность, и когда онъ выражалъ свое мнѣніе, то всегда оглядывался, боясь, чтобъ его не подслушала тѣнь Чарльза Лемба. Однажды ему замѣтили, что лордъ Байронъ тоже не любилъ великаго англійскаго драматурга. «А я не люблю ни Шекспира, ни Байрона» отвѣчалъ онъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ онъ въ своихъ статьяхъ объявлялъ, что первый поэтъ нашего времени — Вордсвортъ.

Самъ онъ не былъ *первымъ* ни въ какомъ отношеніи, но *вторымъ* былъ въ столькихъ родахъ, что можетъ почетомъ современною знаменитостью, тѣмъ болѣе, что своими трудами достигъ всеобщей извѣстности и изъ скромнаго званія возвысился на одно изъ первыхъ гражданскихъ мѣстъ Англии.

Англичанъ очень занимаетъ изданіе Лонгмана: *Записки объ охотѣ и біографическія воспоминанія о знаменитыхъ спортсменахъ* сочиненіе Сесила. Вѣроятно, авторъ псевдонимъ, но не смотря на это, книга его любопытна во многихъ отношеніяхъ и ссылается даже на официальные статистики. Между-прочимъ, читатель говоритъ, что въ Англии процвѣтаетъ охота за лисицами. Въ настоящее время въ Великобританіи *девяносто-шесть* заведеній для охоты за лисицами (*fox hunting establishments*). Въ 1830 году ихъ было только шестьдесятъ-восемь, а въ 1850 восемьдесятъ-шесть. Какой *прогрессъ*!

Эти числа подтверждаются таксами, потому-что за собакъ обя-заны платить налогъ. Есть своры, до того многочисленныя и великолѣпныя, что на нихъ тратятъ въ годъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ фун. стер. Среднимъ числомъ своры стоятъ 1,400 фун. стер., что составляетъ въ годъ 125,000 фун. стер. (до четырехъ милліоновъ фун. стер.), которыя Англія издерживаетъ на собакъ и лошадей только однихъ лисицъ.

Эта сумма покажется бездѣлицею, если ее сравнить съ другими расходами охотниковъ. Въ йоркшейрской газетѣ опубликовано, что въ г-ствѣ этомъ тысяча охотниковъ, и что каждый изъ нихъ содержитъ

четыре лошади, по пятидесяти фунтовъ стерлинговъ за лошадь. Во всей Англии охотники кормятъ 15,300 лошадей, чтобъ гонять лисицъ.

Имѣла также въ послѣднее время замѣчательный успѣхъ оригинальная трагедія *Герцогиня Элеонора*, игранная въ Геймаркетѣ. Пьеса довольно-слаба, но есть сцены хорошия. Герцогиня Элеонора — современная Медея. Мужа ея находятъ убитымъ и авторъ вздумалъ вывести на сцену древній предрассудокъ, по которому тѣло жертвы обнаруживало убійцу тѣмъ, что изъ раны вытекала кровь при его приближеніи. Когда вынесли на авансцену мертвеца, то не убійца его затрепеталъ, а вся публика зароптала отъ негодованія на эту сцену. Теперь уже не времена Вебстера, Декера и Шекспира. Вообще англійская публика очень-слабонервна. Скоро она потребуетъ, чтобъ вмѣсто похоронъ Отелли была свадьба; чтобъ Отелло не душилъ Дездемону, а только погасилъ свѣчи въ спальнѣ; чтобъ Макбетъ и Макдуфъ дрались тупыми рапирами.

Маленькая пьеска: *Три медведя* очень понравилась публикѣ. Это веселая эпиграма директора, который напоминаетъ, что и Шекспиръ жаловался на публику, бѣжавшую смотрѣть скорѣе бой медвѣдей, чѣмъ порядочную пьесу.

Большая опера приготовляетъ великолѣпную программу на нынѣшній лѣтній сезонъ, хотя еще неизвѣстно, будетъ ли кто слушать итальянскую оперу. Вотъ какихъ артистовъ обѣщаютъ лондонской публикѣ: г-жъ Гризи, Крувелли, Виардо, Анжелину Бозио, Марай и много другихъ первоклассныхъ пѣвицъ; теноровъ Маріо и Тамберлика, баритова Ронкони, басса Лаблаша и пр.

Домъ Муррея предпринимаетъ великолѣпное изданіе, которое, вѣроятно, будетъ имѣть огромный успѣхъ. Это коллекція всѣхъ классическихкихъ писателей Англи, изданная съ необыкновенною роскошью, но по умѣренной цѣнѣ, доступной самымъ скромнымъ бібліотекамъ. Подобный трудъ могъ предпринять только меценатъ-издатель Муррей. Въ первыхъ томахъ вышли поэмы и комедіи Гольдсмита и его «Векфильдскій Священникъ».

Перейдемъ теперь къ ученымъ новостямъ.

— Нѣкто Джексонъ писалъ къ извѣстному естествоиспытателю Агассису, что онъ въ Сан-Салитайской Губѣ (въ Калифорніи) нашелъ рыбу (изъ породы *perca*), которая раждаетъ живыхъ рыбъ. Онъ поймалъ ихъ двѣ и, разрѣзавъ одну, чрезвычайно удивился, найдя въ ней маленькую живую рыбку. Сперва онъ думалъ, что она проглотила ее, но потомъ, продолжая анализировать ее, нашелъ въ ней темно-фиолетовый мѣшечекъ, совершенно-прозрачный. Сквозь него видно было множество рыбокъ. Разрѣзавъ его, нашелъ онъ еще восемнадцать дѣтенышей.

Самка этой породы была велика, толста и крѣпка, темнокоричневаго цвѣта; маленькія же рыбки въ ней были нѣсколько-свѣтлѣе. Когда Джексонъ пустилъ ихъ въ ведро съ водою, онъ весело началъ плавать, какъ давно-знакомыя съ этою стихіею. Самецъ меньше ро-
стомъ и тоньше.

Агассисъ требовалъ чрезъ Карри, чтобъ ему присланъ былъ хоть

одинъ экземпляръ этой удивительной породы. Ему прислали три, совершенно-сходныя съ описаніемъ Джексона, но раздѣляющіяся видимо на двѣ породы. Одну онъ назвалъ *эмбиотока*, а другую *гелькомета*. Въ честь же открывшихъ эти породы присоединилъ онъ къ первой названіе *Джаксонъ*, а ко второй *Карри*. Въ одномъ изъ полученныхъ экземпляровъ Агассисъ нашелъ 9 рыбокъ.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ радовались всѣ изобрѣтенію Гельгольца, весьма-важному для окулистовъ, а именно : главному зеркалу. До-тѣхъ-поръ глазные врачи только по прижѣтамъ могли судить о внутреннихъ болѣзняхъ глаза, а съ помощью этого зеркала можно было видѣть всѣ внутреннія части глаза. Теперь докторъ Клаунигъ еще болѣе усовершенствовалъ этотъ аппаратъ, посредствомъ котораго изображеніе внутренностей глаза дѣлается еще яснѣе и подробнѣе, не ослѣпляя самого больного глаза. Клаунигъ употребляетъ одно выпуклое стекло въ 14 дюймовъ, обложенное съ одной стороны въ видѣ зеркала и просверленное въ срединѣ. Огонь восковой свѣчи, проходя сквозь отверстіе въ глазъ, отражая, освѣщаетъ въ зеркалѣ всю внутренность глаза. Это отраженіе чисто и ясно, и больной не жалуется на слишкомъ-сильный свѣтъ. Этимъ аппаратомъ можетъ Клаунигъ, по мѣрѣ надобности, то увеличивать, то уменьшать изображеніе. Для этого приставляетъ онъ сзади своего стекла подъ угломъ въ 45° другое, увеличительное, или уменьшительное, и отраженіе отъ глаза падаетъ на него. Зеркало Клаунига годится и для ушныхъ болѣзней.

— Недавно было обнародовано, что нѣкто Джіанутти нашелъ способъ легко добывать изъ воды потонувшія въ ней тяжести. Теперь Зельтенрейхъ, пестскій житель, протестуетъ противъ первенства этого открытія, говоря, что онъ, одиннадцать лѣтъ назадъ, представилъ это изобрѣтеніе въ пестское промышленное общество, съ рисункомъ и моделью таинственнаго шара, которые теперь хранятся въ Зенгерскомъ Музеѣ; онъ долгомъ почитаетъ напомнить о немъ, тѣмъ болѣе, что способъ его, по простотѣ, легкости и дешевизнѣ, далеко превзойдетъ способъ Джіанутти. Снарядъ его устроенъ слѣдующимъ образомъ :

Шаръ, изъ непромокаемой матеріи, спускается посредствомъ водозападного колокола и прикрѣпляется къ потонувшему судну, или къ тому предмету, который хотятъ поднять изъ глубины моря. Потомъ начинаютъ его надувать подъ водою посредствомъ эластическихъ трубокъ, проведенныхъ отъ него на поверхность воды. Крѣпость матеріи, изъ которой дѣлается шаръ, должна соответствовать его величинѣ. Цѣпи и крючья, для подъема тяжести, прикрѣплены подъ шаромъ къ сѣткѣ, окружающей весь аппаратъ. Величина надуваемыхъ трубокъ соразмѣряется съ высотой воды и увеличивается приставными трубками. Верхняя труба служитъ для выпуска воздуха и поддерживается на водѣ поплавкомъ. На спасательной лодкѣ устроенъ воздушный насосъ, который накачиваетъ воздухъ въ шаръ. Клапанъ изъ листового желѣза препятствуетъ выходу воздуха обратно.

По мѣрѣ надуванія шара, будетъ онъ подниматься вверхъ и силою

свою поднимать наверхъ спасаемое судно, или другой предметъ. На поверхности воды должны ужь быть приготовлены машины для принятія этого судна и отведенія его на берегъ; а какъ приготовленіе этихъ шаровъ недорого, то они должны быть въ каждой гавани.

Система этихъ шаровъ ведетъ къ другому аппарату, а именно, къ большимъ трубамъ, изъ тонкой же непромокаемой матеріи, наполненнымъ воздухомъ. Въ минуту опасности, когда корабль далъ сильную течь, вмѣсто бесполезнаго иногда утомленія людей надъ откачиваніемъ воды, надобно только прикрѣпить эти трубы по бокамъ судна, и оно никакъ не потонетъ и дастъ покуда время къ спасенію экипажа и имущества безъ торопливости.

Усовершенствованіе этого аппарата предоставляетъ изобрѣтатель людямъ, вполне-свѣдущимъ въ механикѣ и гидравликѣ.

— По разсказамъ газетъ, ужь извѣстны слѣды существованія огромныхъ птицъ, гораздо-больше страуса, найденныхъ на Мадагаскарѣ. Уже въ 1850 году были привезены во Францію два яйца и нѣсколько костей этихъ птицъ. Теперь сообщаютъ, что капитанъ Арманжъ привезъ еще два яйца изъ Мадагаскара, изъ которыхъ одно еще больше прежде-привезенныхъ. Оно въ большомъ диаметрѣ имѣетъ одну треть метра, а въ маломъ около одной четверти.

— Въ *Indian-Mail* напечатано весьма-любопытное извѣстіе. Въ Пешауэръ прѣхалъ недавно одинъ путешественникъ, объявившій, что онъ принадлежитъ къ христіанскому народу, живущему въ восемнадцатидневномъ разстояніи отъ Кабула. Народъ этотъ обитаетъ въ 12,000 селеніяхъ, изъ которыхъ каждое выставляетъ по 200 солдатъ. У нихъ есть церкви, духовенство, епископы и письменность. Народъ этотъ цвѣтомъ кожи бѣлъ, какъ Европейцы. Этотъ путешественникъ болѣе всего искалъ книгъ и журналовъ противъ мусульманъ, съ которыми народъ его въ вѣчной войнѣ. Вѣроятно, показанія путешественника слишкомъ преувеличены, но нѣтъ сомнѣнія, что во внутренности Великой Татаріи есть секты несторіанскихъ христіанъ.

— Изобрѣли новый аппаратъ для облегченія поворотовъ большихъ военныхъ пароходовъ. Въ новѣйшей исторіи мореплаванія пароходство играетъ важную роль. Какую роль будетъ оно играть въ морскихъ сраженіяхъ — это еще неизвѣстно. Увеличатъ ли пароходы потери враговъ, будутъ ли способствовать къ побѣдѣ надъ парусными судами, или окажутся слабѣе послѣднихъ — все это откроется только на опытѣ.

Новыя системы устройства пароходовъ дошли до-того, что суда получили скорость движенія, о какой прежде не воображали. Но по мѣрѣ пріобрѣтенія этой скорости, посредствомъ удлинненія судна, поверхность его сдѣлалась тяжелѣе. Для простыхъ рейсовъ, или для буксированія этотъ недостатокъ еще не такъ значителенъ; но для военныхъ пароходовъ и въ день сраженія быстрота поворотовъ иногда нужнѣе быстроты хода.

Бернулли прежде всѣхъ имѣлъ мысль употребить отталкивающую силу воды, посредствомъ паровыхъ трубъ, проведенныхъ подъ ки-

лемъ, для производства быстрыхъ поворотовъ корабля, но послѣ произведенныхъ и отчасти—удачныхъ опытовъ, дальнѣйшее практическое примѣненіе этой мысли было оставлено безъ вниманія. Теперь опыты эти повторены съ устройствомъ новаго аппарата. Онъ состоитъ изъ перпендикулярнаго цилиндра, независимаго отъ двигательной машины, въ нижней части корабля близъ руля. Отъ этого цилиндра идутъ двѣ трубы и сквозь стѣны корабля проходятъ въ воду ниже ватерлинии. Самый же цилиндръ соединенъ съ главною паровою машиною, такъ, чтобъ изъ нея паръ могъ накопляться въ цилиндрѣ и, устремляясь оттуда, по желанію, въ ту, или другую трубу около цилиндра, выходилъ въ воду, дѣйствуя на нее отталкивающею силою и повертывая корабль при содѣйствіи руля.

— Англійскій путешественникъ Лоутусъ нашелъ въ варкскихъ холмахъ развалины новаго и особеннаго устройства древнихъ гробницъ: нижняя часть ихъ совершенно—закрѣта, только въ верхней оставлено лицеобразное отверстіе, въ которое опускался трущъ покойника. Это отверстіе снабжено крышею. Гробницы сдѣланы изъ зеленоватой муравленой глины, изъ какой и теперь въ той странѣ дѣлаютъ кружки и сосуды. Варкскіе холмы еще вовсе до—сихъ—поръ не изслѣдованы; но Лоутусъ получилъ письменное дозволеніе начальства для произведенія розысковъ, и нѣтъ сомнѣнія, что открыто будетъ много важнаго и любопытнаго. Лоутусъ полагаетъ, что эти гробницы воздвигнуты позже древнеегипетскихъ и опредѣляетъ эпоху ихъ устройства за 300 лѣтъ до Р. X.

— Парижская Медицинская Академія обнародовала, что крапсовая бумага, употребляемая на обертки харчевниками, овощными продавцами, кандитерами и пряничниками, чрезвычайно—вредна для здоровья, а особливо зеленая и голубая, которыхъ краска обыкновенно состоитъ изъ металлическихъ окисей. Послѣ нихъ вреднѣе другихъ глацовой и розовой. Какъ скоро вложить въ такую бумагу мучное, сырое, или жирное вещество, то ему тотчасъ сообщается краска, которой дѣйствіе при употребленіи болѣе или менѣе вредно. Выѣстъ съ тѣмъ обнародованы и химическіе опыты, дѣланные для удостовѣренія въ этомъ.

— Изученіемъ санскритскаго языка въ Европѣ занимаются недавно, а зендскимъ начали заниматься только въ послѣднее время. Изъ перваго узнали мы до нѣкоторой степени преданія древнихъ върваній въ Индію, а изъ зендскаго открыли многое о религіи древнихъ персовъ. Близкое сродство обоихъ языковъ удостовѣряло въ сходствѣ этихъ народовъ, и при дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказалось, что оба должны были произойти отъ одного источника. Персидскіе арійцы сдѣлали изъ Джемшида божественнаго законодателя и государя, а у индійскихъ арійцевъ онъ судья мертвыхъ; у персовъ Девасъ—злой духъ, а у индійцевъ онъ геній свѣта. Эта разность указываетъ однакожъ на одинаковое происхожденіе.

Гдѣ его иначе искать, какъ не въ древней отчизнѣ арійцевъ, въ Оксусѣ? Но объ этомъ мы можемъ только дѣлать заключенія по зендскимъ книгамъ персовъ и по ведамъ древнихъ индусовъ. Въ нихъ

много еще, конечно, необъясненнаго, но по нѣкоторымъ собственнымъ именамъ мы можемъ вывести нѣсколько фактовъ. Нынче Ротъ въ *Журналь Германскаго Восточнаго Общества* напечаталъ статью о *верховныхъ арійскихъ богахъ*. Въ ней доказывается, что почитаніе *Индры* въ числѣ верховныхъ боговъ составляетъ ужь отпаденіе отъ древне-арійскихъ вѣрованій. Эта мысль приводитъ къ древней системѣ, изъ которой развивается мѣологія различныхъ индо-европейскихъ или арійскихъ народовъ.

То же самое видимъ мы и въ Индіи. При изслѣдованіи разности между вѣрою Ормузда и индійскою мѣологіею, Ротъ говоритъ слѣдующее:

Вѣра въ Ормузда держится общихъ фантастическихъ элементовъ, но передѣлываетъ ихъ по-своему, и почти совсѣмъ устраняетъ чисто натуро-символическихъ боговъ. Законъ Ведъ больше отдаетъ преимуществва послѣднимъ, сближая ихъ съ природою и съ человѣкомъ. Развѣтіе мѣа Индры служитъ этому доказательствомъ. Въ древнѣйшей эпохѣ арійской религіи, Индра—божество на самомъ второстепенномъ планѣ. Въ зендскихъ сагахъ приписываютъ всѣ подвиги Индры другому божеству—*Триту*; но въ періодъ Ведъ этотъ *Трита*, переходитъ ужь въ народныя сказки, а вмѣсто его является Индра. Даже въ концѣ этого періода Индра начинаетъ вытѣснять верховнаго бога *Варуну*, и въ пѣсняхъ Веды выхваляютъ ужь его, если не первымъ богомъ, то народнымъ.

Въ періодъ послѣ Ведъ, Индра дѣлается главою индійской вѣры, и сохраняетъ свое мѣсто даже въ послѣдующей, смѣшанной системѣ, когда были приняты на этотъ Олимпъ другія верховныя божества. Слѣдовательно, постепенное движеніе состояло въ томъ, что древне-арійскій, а можетъ-быть, и индо-германскій богъ Варуна-Ормуздъ-Уранъ отодвинутъ въ глубину, а вмѣсто него поставленъ собственно индійскій національный. При Варунѣ видимъ древній характеръ народа; съ Индрою обнаруживается ужь новый, индо-германскій.

Внутренній характеръ этого движенія состоитъ въ упадкѣ первобытной идеи о сворхъестественности боговъ и превращеніе ихъ въ существа, болѣе-близкія къ людямъ. Этотъ упадокъ долженъ былъ произвести реакцію, которая и обнаружилась проявленіемъ Брамы, Прагапати и всей системы древнихъ философовъ, возвратившихъ индійскую религію въ область фантазіи.

Съ греческою мѣологіею было то же. Еще въ продолженіе мѣологическаго періода, Юпитеръ принимаетъ противъ Урана такое же точно положеніе, какъ Индра къ Варунѣ. Древній богъ отступаетъ, а Зевсъ дѣлается національнымъ божествомъ.

Зендскій народъ отступилъ отъ первоначальной арійской идеи обожанія физической природы. При этомъ надобно замѣтить любопытное обстоятельство, что ни индійская, ни греческая, ни даже германская мѣологія не дѣлаютъ различія между добрыми и злыми началами.

Германская и даже скандинавская мѣологія, со всѣми ея сагами о герояхъ—то же обоготвореніе физической природы, и боги ихъ имѣютъ всѣ человѣческія слабости.

Въ *Revue Archéologique* Мори описываетъ характеръ арийской мѳологіи слѣдующимъ образомъ: «*Натурализмъ*, то-есть обоготвореніе физической природы, былъ основаніемъ арийскихъ вѣрованій. Этотъ натурализмъ произошелъ отъ вліянія на человека чудеса и явленія природы, совершающихся около него. Онъ произошелъ отъ поэтического и антропоморфического духа, олицетворяющаго всѣ предметы и явленія. Эти явленія воспѣваются пѣвцами Ведъ, и рассказы о чудесахъ природы означаютъ въ то же время жизнеописаніе боговъ. Теологія Арийцевъ— безпрестанная аллегорія, со всѣми оттенками человѣческихъ страстей, занятій, желаній». Этимъ объясняется вся индійская, греческая, римская и сѣверная мѳологія, какъ равно и потерянный для насъ языкъ арийцевъ, который мы только отдѣльно узнаемъ по позднѣйшимъ, сродственнымъ языкамъ.

По мѣрѣ распространенія лингвистическихъ изслѣдованій индо-германскихъ языковъ, и объясненія ихъ древнихъ памятниковъ, открываются и свѣдѣнія мѳологіи. Мы отличимъ тогда позднѣйшія фантазіи народовъ отъ первоначальныхъ источниковъ.

Въ германской мѳологіи, одной изъ новѣйшихъ и, вѣроятно, послѣднихъ формъ арийскихъ преданій, видна тоже мысль обоготворенія природы, какъ въ индійской и германской, разумѣется, только съ различными оттенками.

Впрочемъ, какъ ни недостаточны наши свѣдѣнія о германской мѳологіи, кельтійская и славянская еще темнѣе. Мы почитаемъ, что оба эти племени, при переселеніи своемъ къ сѣверу, шли около Каспійскаго и Чернаго Моря въ Европу. О тѣхъ же племенахъ, которыя избрали дальнѣйшій путь чрезъ Малую Азію, и къ которымъ мы причислемъ; кромѣ жителей Греціи и Итали, всѣ племена Иллирійской Дельты, Карпатскихъ Горъ, Альпійскихъ и Южной Германіи, почти не осталось никакихъ свѣдѣній. Слѣдовательно, прежде изслѣдованія религіи арийцевъ, надобно подробнѣе и историческимъ порядкомъ разсмотрѣть германскую, кельтійскую и славянскую мѳологіи. О существованіи между ними сродства и связи нѣтъ никакого сомнѣнія. Спрашивается только: какъ отыскать то, что именно составляетъ общее ихъ достояніе и въ какихъ отношеніяхъ онъ находится къ древнѣйшимъ идеямъ по санскритскимъ и зендскимъ источникамъ?

Старыя названія во многомъ еще служатъ руководствомъ; напримеръ, у днѣпровскихъ славянъ находили мы *Хорса*, и онъ намъ указываетъ на персо-мидійское происхожденіе *Хеосре*— солнце на зендскомъ языкѣ. Это указываетъ, что лидійскія племена шли черезъ Кавказъ къ сѣверу. То же думаютъ и о сарматахъ, но на это еще нѣтъ доказательствъ. Дуализмъ, несуществовавшій въ германскихъ мѳахъ, а открывающійся у днѣпровскихъ славянъ въ *Бялбогъ* и *Чернобогъ* весьма-замѣчателенъ и заслуживаетъ особаго вниманія и изслѣдованія.

Древне-индійское и вообще арийское ученіе различаетъ свѣтъ отъ воздуха. Въ первомъ обитаетъ *Адити* (вѣчный), и лучи его называются *Адити асъ*. — Изъ древнихъ семи боговъ шесть узнаются

изъ Ведъ, именно : Варуна, Митра, Арьяманъ, Бага, Анса и Дакша. Эти названія означаютъ : всеобъемлющій, другъ, благодѣтель, раздаватель благъ, помощникъ и благообразный. Всѣ они потомъ явились въ другихъ странахъ. Варуна отправился Ураномъ въ Грецію, Митра остался въ чести въ Персіи; Арьяманъ сдѣлался Ариманомъ и обозначаетъ бога кочующаго, тиранскаго племени, враждебнаго образованному зендскому, а *Бага* очевидно явился между славянами (на санскритскомъ языкѣ Бага значить божественная власть, благополучіе). Анса видимо родня древне-готскому Асу. Дакша играетъ важную роль въ индійской мифологіи.

Мудрено вывести изъ этого какое-нибудь опредѣленное заключеніе; но, слѣдя за историческимъ переселеніемъ народовъ, можно открыть многое. Вспомнивъ готскаго Фаргунейса и литовскаго *Перкуна* (славянскаго Перуна), можно заключить, что въ происхожденіи этихъ народовъ было что-нибудь общее, хотя и отдаленное. Исслѣдованія о каждомъ народѣ отдѣльно приведутъ къ отысканію общихъ источниковъ.

— Въ Брюссельской Академіи Наукъ Кетеле читалъ слѣдующее замѣчаніе о черной породѣ людей :

«Присутствіе въ Брюсселѣ *кафровъ* позволило мнѣ продолжать мои изученія о сложении тѣла разныхъ породъ людей. Я выбралъ двухъ изъ нихъ и, размѣривъ всѣ ихъ члены, представляю результатъ академіи. Прежде этого я снялъ очеркъ негра, служащаго моделью во многихъ парижскихъ мастерскихъ и который представляетъ всѣ особенности негритянскаго характера.

Этиоды мои имѣютъ цѣлью пояснить вопросъ, самый любопытный въ этнологіи : о единствѣ человѣческаго рода.

Вообще черныя породы людей не имѣютъ одного характера, свойственнаго всѣмъ неграмъ. Недавнія наблюденія ученыхъ доказали, что на югостокѣ Африки отъ залива Альгоа и до Килоа есть черныя народы, неимѣющіе никакого физическаго сходства съ извѣстною наружностью негровъ. Черепъ этихъ туземцевъ возвышенъ такъ же какъ и у европейцевъ; носъ совсѣмъ не приплюснутъ, а скорѣе орлиный; только губы ихъ толсты, какъ у негровъ, скулы выдались какъ у готентотовъ, волосы курчавы, бороды густы. Цвѣтъ ихъ кожи, буромѣдный, тоже отличается отъ настоящихъ негровъ.

Всѣ эти отгѣнки принадлежатъ кафрамъ, привезеннымъ въ Брюссель въ концѣ декабря 1853 года.

Мужчины всѣ сложены прекрасно. Бюстъ чрезвычайно-развитъ; грудь широка и очерчена красиво. Туловище могло бы быть немногочисленнѣе и походка граціознѣе, но за-то ноги ихъ очень-красивы и не имѣютъ ничего общаго съ ногами негровъ.

Говорятъ, что эти кафры принадлежатъ къ племени Зулу; однако самый высокій изъ нихъ, *Гонсвенга*, происходитъ отъ племени Амапонды. Онъ отличается отъ другихъ кафровъ особенною прическою. Волоса его подняты кверху очень-искусно, въ видѣ корзины, въ которую можно прятать небольшія вещи. Украшеніе это очень хорошо и принадлежитъ только одному начальнику племени.

Гонсвенга, несмотря на свой высокій ростъ, сложенъ пропорционально во всѣхъ частяхъ тѣла, только походка его какъ-то неловка. Мададаза, одинъ изъ молодыхъ людей, представляетъ самый красивый типъ мужчины. Тѣло его, окрашенное африканскимъ солнцемъ, кажется, отлито какъ античная бронза. Лицо его, прекрасное, правильное, несмотря на толстыя губы, съ блестящими умными глазами, выражало веселую беззаботность и счастливый характеръ. Онъ поминать, что физическая красота его возбуждаетъ всеобщее удивленіе и потому занимался кокетливо туалетомъ, навѣшивая на себя множество украшеній и самодовольно позволялъ любоваться собою.

Замѣчательно, что эти люди, принадлежащіе самому жаркому климату, повидимому нисколько не страдали отъ нашей декабрьской температуры, хотя были одѣты болѣе чѣмъ легко. Когда я раздѣлялъ ихъ, то въ комнатѣ было только градусъ тепла, а на улицѣ почти десять градусовъ мороза, что бываетъ рѣдко въ Бельгій и чувствительно даже для ея жителей; но кафры совсѣмъ не замѣчали холода и не старались ничѣмъ прикрыть голые свои члены.

— Профессоръ Вильсонъ читалъ въ Лондонскомъ Азіатскомъ Обществѣ записку объ обычаяхъ индійцевъ хоронить мертвыхъ и объ обыкновеніи вдовъ сжигаться съ мужьями. Вильсонъ изучилъ основательно эпоху Ведъ и особенно правило, приказывающее женамъ Индостана не переживать мужей, и нашелъ, что до-сихъ-поръ текстъ этотъ толковали неправильно, и что законъ не только не принуждаетъ вдовъ всходить на костеръ, но, напротивъ, еще приказываетъ имъ жить. Вся ошибка состоитъ въ словѣ *agre*, которое, съ намѣреніемъ или безъ намѣренія, передѣлали въ *agneh*, отчего фраза приняла слѣдующее значеніе: «чтобъ вдовы шли въ огонь», вмѣсто, «чтобъ онѣ шли въ жилище». Переводъ профессора Вильсона имѣетъ большое сходство съ переводомъ доктора Макса Мюллера. *Асвалална*, авторъ *Grihya Sutra*, сочиненія, имѣющаго такую же важность, какъ и Веды, подтверждаетъ тоже мнѣніе Вильсона, означая даже кто долженъ свести вдову домой послѣ погребальной церемоніи. Даже сожженіе тѣлъ не вѣнено въ обязанность, а позволено хоронить ихъ въ землѣ. Впрочемъ, это погребеніе относится, можетъ-быть, къ костямъ и пеплу, оставшимся послѣ костра, и которые азіатскіе народы имѣли обыкновеніе погребать. Это доказываютъ многія каменные гробницы, найденныя въ Индіи и заключающія пепелъ и обгорѣлые остатки человѣческихъ костей.

— Современные путешественники обращаютъ мало вниманія на растительность посѣщаемыхъ ими странъ; однако садоводство, особенно у древнихъ народовъ, занимало важное мѣсто. Развалины Италіи сохранили еще слѣды роскошныхъ садовъ, принадлежавшихъ римскимъ патриціямъ, но отличавшихся скорѣе архитектурою монументовъ и художественными произведеніями, чѣмъ разнообразіемъ растеній. Это былъ особенный характеръ римскаго садоводства и Цицеронъ могъ смѣло сказать одному изъ своихъ друзей: *hortos oedificari pulcherrimos* (я сооружалъ прекрасные сады). Этотъ архитектурный

вкусъ садовъ сохранился въ Италіи въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ и теперь еще видны слѣды его во многихъ мѣстахъ.

Вѣроятно, римляне и греки переняли характеръ этого садоводства съ Востока, потому-что гораздо-прежде основанія Рима висячіе сады Вавилона остались однимъ изъ семи чудесъ свѣта. Знаменитые историки, и между ними Квинтъ-Курцій, почитаютъ это преданіе сказкою, не смотря на увѣренія Геродота; но недавно англійскій ученый, Лейярдъ, занимающійся отысканіемъ древностей въ развалинахъ Вавилоніи, нашелъ каменный столъ прекрасно-сохранившійся, на которомъ вырѣзано изображеніе знаменитыхъ садовъ. Они были устроены на террасахъ, или платформахъ, поддерживаемыхъ колоннами, напоминающими коринтскій стиль.

Открытіе Лейярда принесло пользу не одной исторіи, но и свѣдѣніямъ о садоводствѣ въ-древности. Самъ Лейярдъ, кажется, заботится о распространеніи садоводства, потому-что развелъ въ Англии много курдистанскихъ дубовъ и, между-прочимъ, *quercus Brantii* — дерево, открытое имъ первымъ, и которое должно быть непременно священнымъ дубомъ, упоминаемымъ въ преданіяхъ, и подъ которымъ Сеннахерибъ приносилъ жертвы богамъ. Это мнѣніе подтверждается тѣмъ, что въ развалинахъ ассирійскаго дворца нашли цилиндръ прозрачнаго камня, служившій, вѣроятно, печатью, и на немъ изображенъ желудъ точно такой, какіе бывають на этомъ дубу. Дерево это самое красивое изъ всей породы дубовъ и, судя по мѣстамъ, гдѣ растетъ, можетъ также удобно приняться и въ англійскомъ климатѣ.

Долины Халдеи были посѣщаемы небольшимъ числомъ любителей ботаники, но онѣ достойны обратить на себя всеобщее вниманіе. Тамъ изходится множество фруктовыхъ деревьевъ, и недавно еще одинъ англійскій путешественникъ привезъ оттуда въ Европу гладкіе персики превосходнаго вкуса, за которые въ Англии платятъ огромныя суммы. Безъ-сомнѣнія тамъ находятся еще многія породы неизвѣстныхъ намъ плодовъ и растений. Если не для пользы, то для красоты можно попробовать пересадить тамошнія роскошныя растенія, придающія живописный видъ всякому мѣстоположенію. Лейярдъ съ восторгомъ говоритъ о богатствѣ растительности въ этихъ долинахъ, покрывающихся весною самыми яркими разнообразными цвѣтами, исчезающими при лѣтнихъ жарахъ. Въ горахъ Курдистана встрѣчаетъ путешественникъ совершенно-другую природу, несмотря на географическое ихъ положеніе. Тамъ горы покрыты снѣгомъ даже лѣтомъ, какъ Альпы, или Пиренеи, но подошвы ихъ блестятъ роскошною растительностью. Жители этихъ странъ воздѣлываютъ землю, занимаются садоводствомъ и совсѣмъ не такъ дики и необразованы, какъ можно предполагать. Они даже ведутъ значительную торговлю трюфелями, не говоря ужъ о другихъ предметахъ. Особенно финики считаются здѣсь главною пищею какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, и потому особенно вниманіе обращено на воздѣлываніе этого драгоценнаго дерева.

Замѣчательно, что послѣ трехъ тысячъ лѣтъ нашли изъ какого дерева построены были дворцы въ Ниневіи. По нѣсколькимъ сохранив-

шимся балкамъ и смоляному запаху увидѣли, что дерево это должно принадлежать къ кедрамъ. Г. Лейардъ увѣряетъ, что балка сдѣлана изъ обыкновеннаго кедра (*cedrus Libani*), потому—что надпись на ней означаетъ, что отечество ея Ливанъ. Изъ Библии мы видимъ, что эти же деревья служили для сооруженія храма Соломона, потому—что почитались самыми прочными. Впрочемъ, можетъ—быть, тогда существовала другая порода кедровъ, которая теперь исчезла, во—крайней—мѣрѣ въ той странѣ, потому—что въ Алжирѣ недавно еще открыли новую породу кедровъ, приближающуюся къ даодару. Обломки балки, найденной въ Ниневѣи положены въ Лондонскій Музей, гдѣ ученые могутъ изучать это дерево и дѣлать надъ нимъ опыты.

— Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Академѣи Надписей Гарсенъ де—Тасси читалъ довольно—пространный отчетъ объ *именахъ собственннхъ* и титулахъ мусульманъ. Ученый ориенталистъ раздѣляетъ племя поклонниковъ пророка на слѣдующіе разряды: имя собственное, или *аламъ*, прозваніе или *киямъ*, почетный титулъ *киаби*, дружественныя прозвища *кибамаъ*, названія занимаемыхъ должностей *манзабъ* и наконецъ поэтическія наименованія *такмаллусъ*.

Собственныя имена мусульманъ такія же, какъ были прежде. Чаще всего даютъ имена Муххамеда и членовъ его семейства. Прозванія состояются изъ прибавленія словъ *abu* — отецъ, *ибнъ* — сынъ къ собственному имени, какъ, напримѣръ, *abu* — Якубъ, отецъ Якуба, или *ибнъ* — Якубъ, сынъ Якуба.

Почетные титулы состоятъ изъ двухъ словъ, чаще всего изъ слѣдующихъ: *динъ*— религія, *дунлатъ*— имперія, *мулькъ*— государство, *исламъ* — мухамеданство, напримѣръ *мурруддинъ* — свѣтъ религіи, *шужауданлатъ*— сила имперіи, *жа.муль-уль-мулькъ*— блескъ государства, *саифъ-уль-исламъ* — сабля исламизма.

Прозвища показываютъ происхожденіе, занятіе, мѣсторожденіе и пр. *Фатими* значить потомокъ Фатимы, *мизри*— египтянинъ, *малики*— вышедшій изъ маликской школы.

Названія должностей чрезвычайно—длины и Гарсену де—Тасси надобно было много терпѣнія и трудовъ, чтобъ собрать всѣ свѣдѣнія о мусульманскихъ должностяхъ, для чего необходимо было также изучить характеры и нравы подданныхъ Порты.

Поэтическія имена турокъ принимаются только писателями, потому—что настоящія прозванія ихъ никакъ не могутъ уменьшиться въ стихѣ, и поэты поневолѣ должны выбрать себѣ фантастическое прозваніе, подъ которымъ они дѣлаются извѣстными въ литературномъ мірѣ. Публика никогда не знаетъ настоящихъ именъ поэтовъ и сами они носятъ только свое поэтическое имя, которое выбираютъ всегда многозначительное и гармоническое.

— Газета *Athenaeum* рассказываетъ любопытную исторію открытія и приобрѣтенія Франціею статуи Венеры милосской. Приводимъ этотъ рассказъ, такъ какъ о немъ ходятъ разнородные слухи.

Островъ Милосъ, находящійся при входѣ въ Архипелагъ, имѣетъ привилегію снабжать штурманами всѣ европейскіе корабли, плавающіе по Греческому Морю. Въ 1814 году открыли на немъ ирамор-

ный театр, обратившій вниманіе антикваріевъ, и наконецъ статуя Венеры упрочила навсегда славу этого острова.

Ученые думаютъ, что городъ Мелось находился совсѣмъ не на возвышенности, гдѣ теперь селеніе Кастро, а напротивъ, на пригоркѣ, на югъ отъ Кастро, гдѣ находятся и теперь груды развалинъ — остатки укрѣпленій, и мраморный театръ, открытый въ 1814 году.

Возлѣ этихъ развалинъ, недалеко отъ древнихъ погребальныхъ склеповъ, бѣдный Грекъ Іаргосъ разрывалъ землю на своемъ полѣ, въ февралѣ 1820 года. Вдругъ заступъ его ударился о что-то твердое. Онъ продолжалъ рыть дальше и открылъ продолговатое углубленіе, высѣченное въ скалѣ и находившееся на его собственности. Расчищая этотъ подземный погребъ, онъ нашелъ бюстъ статуи, три гермеса, нѣсколько цоколей и другихъ мраморныхъ обломковъ. Онъ перенесъ все это въ свою конюшню и цѣлыя двѣ недѣли употребилъ на то, чтобъ совершенно очистить углубленіе. Тутъ онъ нашелъ и нижнюю часть статуи съ многими остатками древней скульптуры.

Въ это время въ гавани острова стоялъ задерживаемый вѣтромъ французскій корабль *Шевретъ*, подъ начальствомъ капитана Готье. Одинъ изъ офицеровъ срисовалъ найденную статую и, восхищенный ея красотою, просилъ консульскаго агента Бреста купить ее. Тотъ началъ хлопотать объ этомъ, но Греки, занявшіе у Турокъ правило гнать сколько можно всякое дѣло, не могли рѣшиться ни на что, а между-тѣмъ французскій корабль долженъ былъ идти къ своему назначенію и снялся съ якоря. Въ Константинополь офицеры Шевреты спѣшили сообщить о находкѣ чудной статуи своему посланнику и тотъ поручилъ секретарю посольства графу де-Марселлюсу отправиться въ Милось на корабль *Эстафета* и употребить всѣ средства, чтобъ купить статую, если она въ самомъ-дѣлѣ-такъ хороша, какъ рассказываютъ.

Не успѣла *Эстафета* бросить якорь въ гавани Милось, какъ французскій агентъ Брестъ прибылъ съ печальнымъ извѣстіемъ, что статуя продана и скоро будетъ увезена съ острова. Онъ показалъ даже греческій бригъ, подъ прикрытіемъ турецкаго флага, который готовъ былъ похитить богиню красоты. Графъ де Марсель, еще не видя статуи, по однимъ рассказамъ и эскизамъ понималъ, что это должно быть изображеніе Венеры, и желаніе пріобрѣсть эту драгоценность было такъ сильно, что онъ рѣшился, во что бы ни стало, завладѣть красавицей. Главное состояло въ томъ, чтобъ помѣшать бригу выйти въ море, гдѣ уже трудно было за нимъ слѣдовать. Къ-счастью, вѣтеръ не позволялъ ни одному судну выходить изъ гавани. Успокоившись на этотъ счетъ, секретарь посольства отправился въ селеніе Кастро и узналъ, что статую взялъ почти насильно у Іоргоса одинъ богатый грекъ и везетъ ее въ Константинополь, въ подарокъ драгоману арсенала. Однако грекъ ничего не заплатилъ за нее и обѣщалъ отдать деньги на возвратномъ пути. Статуя же и всѣ обломки перенесены были на греческій бригъ и такъ неосторожно, что бѣдная Венера получила нѣсколько ранъ.

Дѣло было плохо, но препятствія только раздражали молодого фран-

пуза и не могли заставить его отказаться от своего предприятия. Онъ созвалъ старшинъ селенія, представлялъ имъ рекомендательное письмо константинопольскаго патріарха, назвалъ себя представителемъ Франціи и потомъ объявлялъ, что французскій консулъ прежде всѣхъ началъ торговать статуєю, стало-быть онъ можетъ почесть за оскорбленіе, что ее продали въ другія руки. Собраніе начало толковать, спорить, доказывать, что имъ невозможно поссориться съ драгоманомъ арсенала, но графъ де-Марсельность настаивалъ на своемъ. Онъ объяснилъ имъ, что подарокъ этотъ не доставитъ никакого удовольствія драгоману, который, какъ всѣ мусульмане, не уважаетъ произведеній скульптуры, особенно если они изображаютъ идоловъ. Онъ обѣщаль самъ переговорить съ этимъ должностнымъ лицомъ, уговаривалъ ихъ такъ убѣдительно, что наконецъ Греки догадались, что имъ выгоднѣе отдать Венеру французу, который платилъ наличными деньгами за обложки, которыхъ еще не выдалъ, и за которыя обѣщаль покровительство Франціи и Турціи. Самъ Юргосъ перевезъ статуєю съ греческаго брига на Эстаэтту и графъ де-Марсельность, увидя это чудное произведеніе, почти удвоилъ сумму за него, что совершенно расположило къ нему антедей Кастро. Онъ не могъ изловобаваться этой чудной статуей, составленной изъ двухъ кусковъ мрамора, соединенныхъ иждными закрѣтками, которыхъ не нашли. Драшировка, падающая на лѣвый бокъ скрывала соединеніе этихъ двухъ кусковъ. Волоса сохранились хорошо и голова представляла типъ неподражаемой красоты. Предчувствуя, что Венера милосская скоро сдѣлается знаменитою и затмить всѣхъ своихъ соперницъ, молодой французъ самъ сберегалъ драгоцѣнные куски, чтобы ихъ не вывезли, утѣшаясь мыслью, что оказалъ большую услугу своимъ соотечественникамъ. Хорошо еще, что онъ успѣлъ такъ скоро и искусно обдѣлать это дѣло. Слава о Венерѣ распространилась быстро, и тотчасъ же, послѣ отплытія Эстаэты, прибылъ изъ Смирны голландскій бригъ, а изъ Мальты англійскій фрегатъ, для покупки найденной статуи.

Всѣ путешественники, ученые, посланники приходили въ восторгъ отъ статуи и предпочитали ее Венерѣ арльской, Венерѣ капитольской, даже Венерѣ медіцейской. Самъ французскій посланникъ повезъ ее въ Парижъ на фрегатѣ *Львица* и 1-го марта 1821 года вручилъ ее королю Людовику XVIII.

И теперь она служитъ украшеніемъ Лувра. Снимки съ нея во славу во всѣ провинціи. Иностранцы съѣзжались смотреть на нее и одинъ англичанинъ предлагалъ за нее огромныя суммы. Скоро вся Европа нѣла у себя копіи съ Венеры милосской. Въ Лондонѣ живописецъ Лауренсъ первый поставилъ въ своей мастерской чуждый снимокъ. Въ Римѣ, въ виллѣ Медичи, она же поставлена между Ганой и Аполлономъ бельведерскимъ и всадъ изучали это совершенное «орнъ, позы, граціи, величія, достойныхъ Фидія, или Праксителя. Наконецъ баварское правительство до-того прельстилось красотой Венеры, что начало требовать ее у Франціи, какъ свою собственность, увѣряя, что она найдена на землѣ, купленной въ 1814 годѣ

баронъмъ Галлеромъ вѣстѣ съ мраморнымъ театромъ. Недоумѣніе объяснилось скоро. Графъ де-Марселльсъ легко доказалъ, что Венера найдена грекомъ Юргосомъ на его собственной землѣ въ серединѣ острова и продана добровольно французскому правительству; что владѣнія короля баварскаго находятся совсѣмъ на другой сторонѣ острова и что статуя эта никакъ не могла принадлежать театру, который, какъ извѣстно, не былъ оконченъ и потому не могъ быть украшенъ статуями. Кабинеты парижскій и мюнхенскій переслали нѣсколько дипломатическихъ нотъ въ честь Венеры и баварское правительство отказалось отъ своихъ требованій.

— Извѣстный ученый Сен-Крикъ посвятилъ двѣнадцать лѣтъ своей жизни на путешествіе по Чили, Перу и берегамъ Тихаго Океана отъ Патагоніи до экватора. Сен-Крикъ посѣщалъ огромныя депо гуано, находящіяся въ изобиліи на берегахъ Перу и сосѣднихъ островахъ. До сихъ поръ считали гуано изверженіями морскихъ птицъ, которыя каждый вечеръ при солнечномъ закатѣ садятся на возвышенности берега. Но Сен-Крикъ замѣтилъ, что гуано находится не только на берегахъ и островахъ, но также и во внутренности земель. Это извѣстіе спутало вопросъ о составленіи гуано. Трудно было предположить что изверженія птицъ могутъ удержаться на берегу, несмотря на сильный приливъ моря, и возвыситься надъ водою въ видѣ острововъ; но эта теорія дѣлается совершенно-невозможною для гуано внутреннихъ земель, вовсе непосѣщаемыхъ морскими птицами.

Гуано твердой земли отличается отъ находимаго на островахъ тѣмъ, что въ немъ нѣтъ частей птицъ, а напротивъ, множество головъ, скелетовъ и костей рыбъ, выбрасываемыхъ на берегъ приливомъ.

Осмотрѣвъ всѣ окрестности, Сен-Крикъ совершенно опровергаетъ мнѣніе, что птичій пометъ можетъ даже въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ составить такое огромное количество гуано, какое теперь открываютъ. Если бы это было возможно, въ немъ сохранились бы остатки птицъ, а не рыбъ. Изъ этого слѣдуетъ по мнѣнію Сен-Крика, что гуано острововъ и твердой земли, несмотря на навозное приращеніе, покрывающее его, происходитъ отъ огромнаго количества рыбъ, выбрасываемыхъ океаномъ, или накопившагося тогда, когда море покрывало эти берега. Птичій же пометъ составляетъ тонкую оболочку, и онъ цѣнился такъ дорого въ XIV-мъ вѣкѣ, что, подъ смертною казнью запрещалось туземцамъ ходить по островкамъ, во время сидѣнія птицъ на яйцахъ. Гарсилазо, самый древній исторіографъ Перу, говоритъ объ этомъ—чрезвычайномъ уваженіи къ провозителямъ гуано, и по его мнѣнію, вещество это поступило въ употребленіе съ конца XIII-го столѣтія, въ царствованіе Ягуара Гуакака, седьмаго перуанскаго инки. Въ эту эпоху гуано находили на островкахъ Тихаго Океана въ небольшомъ количествѣ и присутствіе его было замѣтно издали по чрезвычайно-бѣлымъ холмамъ. У этого сокровища ставили часовыхъ, чтобъ никто не вздумалъ его похитить, и каждый годъ, когда молодое поколѣніе птицъ улетало, гуано собирали и дѣлили между жителями.

Буссенго посѣщалъ эти острова и говоритъ, что гуано, находящееся

на нитъ, имѣеть большое различіе съ тѣмъ, которое лежитъ на берегу. Даже качество его различно, и на нѣкоторыхъ скалахъ толщина слоя бываетъ отъ двѣнадцати до двадцати метровъ. Притомъ же въ этомъ гуано нѣтъ и слѣдовъ рыбъ, а напротивъ, множество остатковъ птицъ и даже цѣлыя птицы.

Поэтому очень вѣроятно, что гуано въ Перу происходитъ отъ двухъ причинъ. На островахъ оно составлено изъ помета и гниения органическихъ остатковъ птицъ; на берегахъ и внутри земель — отъ сгнившихъ рыбъ. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ происхожденіе его двоякое: нижній слой составленъ изъ рыбъ, а верхній изъ птичьего помета.

— Вотъ предметъ, возбуждающій въ высшей степени любопытство всѣхъ артистовъ и историковъ. Ученый Перетъ открылъ близъ Бейрута древній мраморный саркофагъ и прислалъ его въ луврскій музей, гдѣ онъ выставленъ въ одной изъ ассирійскихъ залъ. Древность его такъ велика, что его относятъ почти къ неисторическимъ временамъ. Памятникъ этотъ, высѣченный изъ бѣлаго мрамора, имѣеть форму египетскихъ саркофаговъ и состоитъ изъ двухъ частей. Въ нижней устроено мѣсто для тѣла и всѣ внутреннія стѣны покрыты скульптурными работами; крыша выпуклая и на верхней сторонѣ превосходная рельефная работа изображаетъ женское лицо. До-сихъ-поръ памятникъ ничемъ не отличается отъ египетскихъ XXVI-й династии, то-есть VII-го и VI-го вѣковъ прежде нашей эры. Но сходство это состоитъ только въ наружной формѣ. Голова, вырѣзанная на финикійской гробницѣ, не имѣеть ни одной черты египетскаго искусства. Это продолговатое лицо, увѣчанное тройнымъ рядомъ локоновъ, изъ которыхъ два спускаются на плечи, напоминаетъ древнія греческія статуи и въ-особенности богиню Геа (землю), изображение которой встрѣчается на греческихъ гробницахъ.

Финикійяне точно также, какъ Іудеи, имѣли въ самой отдаленной древности частыя сношенія съ Египтомъ, что доказывается остатками произведеній искусства, найденными у народовъ Западной Азіи. Въ флорентійскомъ музеѣ есть камень, на которомъ изображенъ король въ египетскомъ костюмѣ, и подъ нимъ подписано имя Абибаала финикійскими буквами. Герцогъ де-Люинъ доказалъ, что камень этотъ служилъ печатью тирскому королю, отцу Гирама, современнику Давида, потому-что стиль рѣзбы совершенно-схожъ съ работами египетскихъ артистовъ X-го вѣка до нашей эры.

Безпрестанныя сношенія между сосѣдственными народами, войнами египтянъ въ Азію, переселеніе Іудеевъ въ Египетъ и жителей Египта въ Іудею непременно должны были распространить въ искусствахъ типы принадлежащія землѣ фараоновъ. Лейярдъ нашелъ на берегахъ Тигра въ дворцѣ Немврода, монументъ въ видѣ обелиска, скульптурныя работы, чаши, печати, носящія всѣ отгѣнки египетскаго искусства. Викторъ Пласъ отыскалъ въ развалинахъ Хорсабада треугольную печать изъ агата, на которой вырѣзанъ крылатый кругъ, ястребъ и съими ясными финикійскими буквами имя Абдааля. Камень этотъ, безъ

сомнѣнія, принадлежить VII-му или VIII-му вѣку прежде нашей эры, но, несмотря на египетскія фигуры, сдѣланъ азиатскими артистами.

Стало-быть финикійскіе и ассирійскіе артисты заняли у египтянъ формы и подробности орнаментовъ; но школа ихъ и стиль остались оригинальными. Работа азиатскихъ художниковъ имѣетъ свой особенный характеръ и ее точно такъ же можно отличить отъ египетской и отъ нелюбкихъ подражаній римлянъ при императорѣ Адрианѣ.

Точно также, какъ обелискъ Немврода, несмотря на свою египетскую форму, принадлежитъ ассирійскому искусству, саркофагъ Бейрута представляетъ образчикъ финикійской скульптуры, которая имѣетъ большое сходство съ ассирійской. Стѣдуетъ только сравнить маску гробницы съ колоссальными фигурами, украшающими портикъ Хорсабада и точно такъ же видно будетъ географическое положеніе двухъ народовъ.

Что же касается до сходства скульптурной головы памятника Бейрута съ самыми древними греческими фигурами — и это очень-понятно. Когда греки вступили въ сношенія съ ассиріянами и финикіянами, то находились еще на низшей степени образованности и потому спѣшили перенять правила искусствъ и типы у образованнаго народа. Гомеръ говоритъ, въ какомъ уваженіи были въ Греціи финикійскіе художники, и саркофагъ Бейрута представляетъ еще одно неоспоримое доказательство, что греки заняли свое искусство у азиатцевъ.

Замѣчательно также, что волосы скульптурной головы на саркофагѣ сохранили еще слѣды синей краски. Но остальной монументъ вымытъ и вычищенъ такъ тщательно, что нельзя сказать навѣрное, былъ ли онъ покрытъ живописью. На лѣвой сторонѣ крыши просверлено отверстіе у египетскихъ гробницъ, служащее, вѣроятно, тоже для того, чтобъ живые родственники и друзья, навѣщая покойника, могли въ это отверстіе шептать ему молитвы и повѣрять земныя тайны, какъ это дѣлалось у египтянъ. Въ глубинѣ саркофага находится много линий, пересѣкающихъ одна другую. Сначала Перетье думалъ, что это финикійскія буквы, но потомъ разобралъ, что это оттиски снурковъ, которыми обыкновенно, послѣ бальзамированія, окружали тѣло нѣсколько разъ въ разныхъ направленіяхъ. Мумія давно исчезла, оставивъ на мраморѣ свой оттискъ и слѣды веревочекъ вѣзались такъ ясно, что теперь замѣтно даже, какъ они были свиты.

— Въ Академіи Надписей, читано было письмо Ноэля де-Верже, который ужъ три года дѣлаетъ ученныя разысканія въ тосканскихъ болотахъ. Несмотря на трудности работъ, результаты ихъ были досихъ-поръ удовлетворительны. Съ помощью другаго, ужъ известнаго археолога Франсуа, сдѣлавшаго много открытій въ Этруріи, Ноэль де-Верже устроилъ систематическія разработки на самой опасной землѣ, лежащей у подножія Апеннинъ и оканчивающейся моремъ. Потокъ съ горъ и волны пролива покрываютъ эту страну, и въ мѣстахъ, гдѣ вода не нашла покатоности, чтобъ влиться въ море, образуются озера и болота; тамъ же, гдѣ вода успѣла только омыть землю и скрыться, роскошная растительность тотчасъ же покрываетъ ее какъ непроходимый американскій лѣсъ. Кромѣ отысканія древностей, ученые путешественники заботились еще о томъ, чтобъ собрать нѣсколько

географическихъ свѣдѣній о Лациумѣ и восточной Этрурии. Въ двухъ миляхъ отъ селенія Бомарцо нашли они остатки этрусскаго города, открытые только въ 1830 году. Монументъ Каstellъ Ассо, Норобія, некрополя Сована сдѣлались тоже извѣстны недавно. Франсуа и де-Верже начали разработку между Чечпною и Корниєю и, отбрасывая развалины, скрытыя подъ цѣлыми лѣсами, прорывали подъ ними галереи и нашли много этрусскихъ вазъ, бронзы, зеркала и вѣсколко золотыхъ вещей превосходной работы. Все это найдено въ древнѣйшихъ гробницахъ, неизвѣстно какъ сохранившихся отъ нашествія варваровъ, знавшихъ обычай римлянъ хоронить покойниковъ, покрытыхъ драгоценностями и, потому грабившихъ прежде жилища мертвыхъ, а потомъ живыхъ. Разумѣется, что многие поиски были тщетны и что ученые чаще находили обломки и камни, чѣмъ драгоценности и цѣлыя вазы, но все же труды ихъ не пропали даромъ и они сдѣлали довольно-важныя открытiя.

ПЕТЕРБУРГСКIЯ ЗАМѢТКИ.

Къ числу удовольствiй петербургской жизни, безъ всякаго сомнѣнiя, должно отнести отсутствiе въ столицѣ юридичекихъ, кликушъ и тому подобныхъ личностей. Если ихъ неприятно встрѣчать въ самой жизни, которой нельзя предписать извѣстныхъ условiй и правилъ, то еще неприятно встрѣчать всѣхъ этихъ больныхъ на сценѣ, которая и можетъ и должна дѣлать выборъ въ выводимыхъ ею лицахъ. Между-тѣмъ, почти въ одна народная драма, сколько мы запомнимъ, не обходилась безъ юридичекихъ и дурачковыхъ, а въ недавно-игранной драмѣ г. Потѣхина : *Судъ Людской, не Божiй*, авторъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ сдѣлалъ деревенскую кликушу, представивъ причины и излеченiе въ ней этой болѣзни. Какъ ни уважаемъ мы талантъ г. Потѣхина, какъ ни любимъ мы его повѣстей и разсказовъ, въ которыхъ всегда столько меткой наблюдательности, однако не можемъ не сказать, что драмѣ его вредитъ эта несчастная дѣвушка, которая въ продолженiе двухъ актовъ только и дѣлаетъ, что визжитъ и мечется по сценѣ. Въ качествѣ повѣствователя о наслажденiяхъ петербургской жизни мы начали рѣчь о драмѣ съ частнаго замѣчанiя; теперь же переходимъ къ самой пьесѣ, съ которою г. Потѣхинъ впервые, кажется, выступилъ на нашу сцену.

У зажиточнаго крестьянина Николая Спиридоновича есть красавица-дочка, Матрѣна. Спиридонычъ старикъ суровый; онъ строго держитъ свою дочь и не любитъ, чтобъ она ходила по посидѣлкамъ, да шаталась по сосѣдямъ. Но шла въ мѣшкѣ не утаишь, а дѣвужку подъ замкомъ не удержишь, говоритъ пословица; и какъ ни берегъ Матрѣны отецъ, а она полюбила молодаго парня Ивана; Иванъ полюбилъ красавицу Матрѣну. Иванъ парень хоть и удалой, однакожъ онъ не хочетъ позора Матрѣнѣ; онъ любитъ ее истинно и проситъ ;

Спиридоныча ее себѣ въ жену. Но бобылю ли, круглому сиротѣ, быть зятемъ Николая Спиридоныча? Старикъ не хочетъ выдать за него Матрѣну; а когда узнаеть, что если не за Иваномъ, то за другимъ въ замужествѣ дочери его быть не приходится, то, не задумавшись, проклинаеть дѣвushку. Проклатіе ужасомъ охватило Матрѣну; съ минутой она помолчала, а потомъ вскрикнула и выбѣжала изъ избы. Приводятъ ее опять въ избу, да не та ужъ дѣвushка: помutilась бѣдная въ разсудкѣ. Ноги подкосились у старика отъ такой страшной бѣды. Николай Спиридонычъ кается въ своемъ опрометчивомъ гнѣвѣ, хочетъ простить и помиловать дочку; знахари и знахарки спрыскивають Матрѣну — все напрасно: дѣвushка дѣлается кликушей и пропадаетъ безъ вѣсти изъ деревни. Загубилъ счастье дочки крутой нравъ Николая Спиридоныча, загубилъ онъ жизнь и молодого Ивана, который теперь и самъ не знаетъ, что дѣлать съ этою жизнью, и утонулъ бы въ рѣкѣ, куда бросился съ горя, еслибъ не вытащилъ его оттуда добрый человекъ. Но нелегко пришлось и самому старику; круто повернулъ онъ дѣло, а судьба еще круче повернула его суровую натуру. Упалъ гордый духъ Спиридоныча; смирился старикъ передъ несчастьемъ, и вмѣстѣ съ Иваномъ, котораго онъ любитъ теперь какъ сына, идетъ на богомолье въ Кіевъ. На возвратномъ пути странники зашли отдохнуть въ какую-то деревню. Остановясь въ избѣ у крестьянки Дарьи, они встрѣчаютъ пріюченную у ней кликушу, въ которой узнають Матрѣну. Видя знакомыя лица, слыша слова прощенія, которая говоритъ отецъ, Матрѣна снова приходитъ въ разсудокъ. Просьбы Ивана сначала не могутъ склонить дѣвushку сдѣлаться его женою, но потомъ она уступаетъ имъ, когда слышитъ, что женихъ идетъ въ солдаты. Вотъ содержаніе драмы г. Потѣхина. Въ ней есть еще нѣсколько вводныхъ эпизодовъ, какъ, напримѣръ, разсказъ Акулины о томъ, какъ мужъ ея Егоръ Сергѣичъ разговаривалъ съ туркомъ, во время сраженія, и разсказъ самого Егора Сергѣича, какъ, служа поваромъ у генерала, онъ кострюлями поколотилъ трехъ французовъ; деревенскія посидки, встрѣча какого-то откупщика съ возвращающимися изъ Кіева Сидорычемъ и Иваномъ — эпизодовъ, иногда нелишнихъ интереса, но немѣющихся прямого отношенія къ самой драмѣ.

Пьеса г. Потѣхина, несмотря на нѣкоторые неотъемлемыя достоинства, не производитъ большаго впечатлѣнія на зрителя, потому что зритель какъ-то не вѣритъ въ истину происходящаго передъ его глазами. Причины тому ясны. Если люди, подобные Спиридонычу, и встрѣчаются въ крестьянскомъ быту, то встрѣчаются не болѣе какъ исключенія; а исключеніямъ нѣтъ мѣста въ драмѣ. Спиридонычъ, какъ мы догадываемся, по нѣкоторымъ даннымъ пьесы, старикъ крутой, который, сколотивъ достатокъ, знаетъ себѣ цѣну. Онъ не щадитъ никого въ своемъ кружкѣ, и, при малѣйшемъ противорѣчій или ослушаніи, не задумавшись, проклинаеть дочь при первомъ словѣ о ея проступкѣ. Эта личность, при хорошей обрисовкѣ, могла бы быть съ успѣхомъ выведена въ романъ; но въ драмѣ она не производитъ впечатлѣнія. Исключительность характера и недостатокъ отдѣлки и обрисовки его авторомъ дѣлають Спиридоныча лицомъ

совершенно-блѣднымъ, и зрителю, едва възможно-вѣрится со старикомъ въ первомъ актѣ, кажется неожиданно сцена проклятія по вторичу, а сцена эта — обою а всей драмы. Что касается до прочтень дѣла, то лучше въ нихъ Иванъ, удачно паренъ, у котораго и радость и горе льются изъ сердца черезъ кровъ, потоки добровольный откупщикъ, который никакъ не можетъ допустить какиа-нибудь виднѣль чувствъ въ простыхъ людяхъ, и крестьянина Павла, который, вытащивъ изъ воды упавшаго Ивана, вовсе и не подозреваетъ даже, что онъ совершилъ большой подвигъ. О Матрѣѣ мы ничего сказать не можемъ, потому-что въ большей части пьесы она выведена лишешною разсудка; а у безумнаго челоука характера спрашивать нечего.

Относительно вышней стороны драмы г. Поттунна, нельзя не замѣтить, что она обличаетъ въ авторѣ новачка въ сценическомъ дѣлѣ. Первый актъ, впрямь, можетъ почитатья совершенно-лишнимъ, потому-что экспозиція любви Ивана и Матрѣи, установленная сценами и лицами эпизодическими, легко бы могла помѣститься въ одну-два выходы. Третій актъ существуетъ тоже почти только изъ-заданн, потому-что самъ-по-себѣ онъ повторяетъ конецъ второго акта: отчаяніе Ивана и горе Спиридонича. Языкъ пьесы вообще хорошъ, но мѣстами, особенно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о чувствахъ, дѣйствующія лица говорятъ немножко-высокопарно и наломанномъ шлода рѣчь герось старинныхъ сказокъ.

Что касается до исполненія драмы, то г-жа Читау очень-естественно передала болѣзненное состояніе калкунши, выказавъ, гдѣ было можно, много неподдѣльнаго чувства: г. Самойловъ превосходно исполнилъ трудную роль Ивана; г. Бурдинъ — маленькой роли крестьянина Павла сумѣлъ придать много рельефности, а г. Мартыновъ былъ чрезвычайно-забавенъ любовитнымъ провѣжкомъ.

«Судъ людской, не Божій» былъ представленъ въ бенефисъ Г. И. Максимова вмѣстѣ съ водевилемъ: *Все для землемъ, передѣланнмъ съ французскаго*. Мы такъ благодарны бенефицианту за постановку новой оригинальной драмы, которая, сколько бы ни было въ ней недостатковъ, все-таки произведевіе далеко не дюжинное, что не топить упрекать его ни за плохой переводъ плохого водевиля, ни за слабую игру его въ этомъ водевилѣ. Благодарны мы также и г. Леонову за пріятно-проведенный часъ при представлеши *Нюренбергской куклы*. «Нюренбергская кукла» — это комическая опера въ одну дѣйствій, соч. гг. Левана и Бошана, съ музыкою г. Адольфа Адава. Въ сценахъ авторовъ и композиторовъ этой оперы столько же гармоническаго созвучія, какъ въ нихъ литературной и музыкальной сотрудничествъ. Либретто оперы очень-мило; музыка безъ претензій, но очень-граціозна.

У нюренбергскаго игрушечнаго мастера Корнелиуса есть сынъ Данатанъ и племянникъ Миллеръ. Старикъ Корнелиусъ, завладевъ, въ качествѣ опекуна, имуществомъ племянника, держать его у себя въ подмастерьяхъ; а заботясь о томъ, какъ бы женить своего сына и плохо вѣря въ добродѣтель женщины, дѣлаетъ куклу, которую, при

пособіи чародѣйства, надѣется оживить и дать въ невѣсты Донатану. Кукла готова и, для оживленія ея, нуженъ только первый градъ. Но однажды, во время карнавала, когда Корнеліуса и его сына не было дома, Миллеръ задумалъ повеселиться въ это веселое время и въ костюмѣ сатаны поужинать вмѣстѣ съ хорошенькой цвѣточницей Бертой. Вздумано—сдѣлано. Но едва влюбленные сѣли за столъ, какъ по лѣстницѣ раздаются знакомые шаги: то возвращаются Корнеліусъ и Данатанъ. Не зная, что дѣлать и съ Бертой и съ своимъ сатанинскимъ костюмомъ, Миллеръ прячетъ дѣвушку въ комнату, гдѣ хранится таинственная кукла, а самъ влѣзаетъ въ каминъ. Но на улицѣ идетъ градъ, въ комнатѣ ничего не видно, и Данатанъ затапливаетъ каминъ. Тогда Миллеръ, зная тайну дяди, выходитъ изъ убѣжища въ качествѣ настоящаго злаго духа, и помогаетъ Корнеліусу оживить его куклу... Вслѣдъ за мнимымъ сатаной, Корнеліусъ и сынъ его повторяютъ заклинаніе, послѣ котораго двери открываются и, къ ужасу и восторгу игрушечнаго мастера, изъ дверей выходитъ кукла, которая, конечно, не кто иная, какъ переодѣтая Берта. Итакъ, желанія Корнеліуса исполнились: юный Данатанъ трепещетъ отъ одного взгляда на молодую женщину и требуетъ, чтобъ его сейчасъ же съ ней обвѣнчали. Но скоро общій восторгъ пропадаетъ, потому—что живая кукла оказывается своеобразною, самую злою дѣвушкой; и когда она, убѣжавъ въ свою комнату, засыпаетъ, по словамъ Корнеліуса, какъ убитая, онъ, недовольный своимъ произведеніемъ, разбиваетъ его въ дребезги. Но каково же отчаяніе Корнеліуса, когда племянникъ его, будто спавшій во все время отсутствія дядюшки, теперь проситъ у него прощенія, что, нечаянно разбивъ его куклу, онъ, для избѣжанія гнѣва дяди, замѣнилъ ее живою дѣвушкой. Старикъ не знаетъ что дѣлать; онъ сознаетъ, что совершилъ преступленіе и не хочетъ пустить племянника въ комнату, въ которой произошло убійство (Корнеліусъ увѣренъ, что убилъ БERTY); наконецъ, чтобъ убѣдить Миллера не открывать никому объ этомъ злодѣйствѣ, дядя съ проклятіемъ отдаетъ племяннику его наслѣдство. Взявъ завѣтный ларчикъ, Миллеръ, уговорившійся обо всемъ съ Бертою, подходитъ къ страшнымъ дверямъ и выводитъ изъ нихъ одѣтую въ свой обыкновенный простенькій нарядъ живую куклу, которой ничто болѣе не мѣшаетъ сдѣлаться его женою. Итакъ несчастный автоматъ Корнеліуса одинъ поплатился за счастье молодого подмастерья и за удовольствіе зрителей, которые вдоволь наслаждались всѣми этими болѣе или менѣе вѣроятными событіями. Пьеса была разыграна прекрасно; всѣ артисты были какъ—нельзя—болѣе на своихъ мѣстахъ. Г-жа Самойлова прелестно играла и пѣла въ роли Берты; арія, когда Берта является оживленной куклой, возбудила громкія рукоплесканія. Г. Петровъ былъ очень—хорошъ старикомъ Корнеліусомъ, г. Марковецкій до—нельзя забавенъ—его сыномъ, а г. Леоновъ, независимо оттого, что хорошо спѣлъ застольную пѣсню и былъ очень—хорошъ въ трю заклинанія вмѣстѣ съ гг. Петровымъ и Марковецкимъ—выказалъ даже много драматическаго таланта ролью повѣсы Миллера. Опера «Нюренбергская кукла» на русскій языкъ переведена г. Куликовымъ.

Въ тотъ же вечеръ шла другая опера, не новая: *Влюбленная Баядерка*, которая родоначальникомъ своимъ считаетъ Гёте, такъ-какъ содержание ея взято Скрибомъ у знаменитаго нѣмецкаго поэта. Ужъ лѣтъ двадцать почти прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ впервые появились на петербургской сценѣ «Влюбленная Баядерка» и сколько было напоминла намъ эта исторія одной изъ красавицъ роскошной Инди; красавицъ такъ систематически изучившихъ науку прельщать и нравиться, воспламенять чувства и зажигать страсти! Пѣніе и танцы — главные занятія баядерокъ — перемежаются и въ оперѣ, и сколько и когда-то знакомыхъ, но потомъ забытыхъ образовъ, мелькало въ нашей памяти, при звукахъ знакомой музыки Обера! Звуки музыки тѣ же, но изъ прежнихъ баядерокъ и онѣ замѣнились новыми, и публика

Ужъ сколько ихъ нѣтъ теперь въ живыхъ —
Тогда веселыхъ, молодыхъ...

аплодируетъ имъ, какъ аплодировала нѣкогда Тальйони, Круазетъ и другимъ. Но обвинять ли за это публику, обвинять ли, когда передъ нею съ чудною граціею и легкостью носится, вмѣсто Тальйони, талантливая г-жа Ришаръ? Нѣтъ; вмѣстѣ со всѣми будемъ аплодировать нашей молодой танцовщицѣ, которой для полнаго торжества, для полной славы въ балетномъ мѣрѣ недостаетъ только побольше драматизма и мимики въ игрѣ. Г-жа Суровщикова была очень-хороша въ роли другой баядерки, Фатьмы, хотя, признаемся, эта молодая талантливая артистка намъ больше нравится въ танцахъ характеристическихъ, а не собственно балетныхъ. Г. Петровъ, единственный артистъ, оставшійся отъ прежнихъ исполнителей «Баядерки», былъ хорошъ въ роли Олифура; то же мы сказали бы и о г. Булаховѣ, еслибъ онъ пѣнію своему придавалъ болѣе жара и одушевленія.

3-го мая на русской сценѣ дебютировалъ въ роли Гамлета актеръ провинціальныхъ театровъ г. *Рыбаковъ*. Если допустить сдѣланное нѣмъ-то подраздѣленіе Гамлетовъ на кричащихъ и говорящихъ, то г. Рыбаковъ принадлежитъ къ Гамлетамъ кричащимъ. Это не тотъ блѣдный, задумчивый Гамлетъ, какимъ такъ удачно представилъ намъ его г. Максимовъ 1-й — нѣтъ; это Гамлетъ-Геркулесъ, который читаетъ роль свою громко, но безъ души. Если нѣкоторымъ изъ зрителей и не очень понравилась такая игра г. Рыбакова, за-то другіе, особенно сидящіе далеко отъ сцены, очень, повидимому, остались довольны громкимъ голосомъ, достигавшимъ даже до отдаленныхъ уголковъ залы, и награждали Гамлета рукоплесканіями. Говоря о г. Рыбаковѣ, нельзя не замѣтить, что въ провинціяхъ онъ пользуется большою извѣстностью и любовью. Причина тому заключается сколько въ снисходительности провинціальной публики, столько и въ талантѣ артиста. Мы видѣли его въ нѣсколькихъ роляхъ на иногородныхъ театрахъ и можемъ сказать положительно, что у него есть много ролей, гдѣ онъ гораздо-лучше, чѣмъ въ Гамлетѣ, и поэтому нельзя не пожалѣть, что дебютантъ вышелъ передъ столичною публикою въ роли, которая сама-по-себѣ прекрасна, но въ которой онъ чрезвычайно-слабъ.

Перехода отъ русскаго театра къ французскому, перенесемъ, читатель, мыслью въ городъ Марбургъ, гдѣ во времена, къ намъ не-близкія, произошелъ слѣдующій странный случай.

Жили въ немъ когда-то два ученые мужа : астрономъ Целестусъ и философъ Вольфъ. Они были очень-дружны между собою, занимались усердно науками, усердно до-того, что смиренному Вольфу и въ голову не приходило, что онъ чувствуетъ нѣкоторую привязанность къ хорошенькой Мартѣ, сестрѣ Целестуса. Но въ одинъ прекрасный вечеръ, въ комнату ученыхъ привносится неизвѣстнымъ человекомъ корзинка, въ которой, по осмотрѣ, оказывается новорожденный ребенокъ. Сначала, разгоряченный этимъ непрошеннымъ посѣщеніемъ, Целестусъ хочетъ удалить его изъ своего дома, но наконецъ, по просьбѣ сестры, соглашается взять его на воспитаніе и, замѣнивъ для покинутаго дитяти отца, дать ему имя Ромула. Однако присутствіе въ домѣ Целестуса ребенка, замѣченное бургомистромъ, навлекаетъ подозрѣніе на его сестру и на Вольфа, и для спасенія чести Марты философъ готовъ сдѣлаться ея мужемъ. Но вскорѣ открывается истина : родною матерью подкинутаго ребенка оказывается дочь того самаго бургомистра, который обвинилъ невинную дѣвушку. Послѣ этого открытія ужъ не предстоитъ надобности въ жертвахъ философа Вольфа: онъ попрежнему можетъ свободно предаваться философіи, но... это ужъ не во власти ученаго : Вольфъ догадывается, что любитъ хорошенькую Марту и не можетъ отказать отъ разъ принятаго намѣренія.

Эта граціозная комедія, написанная прекраснымъ языкомъ, принадлежитъ г. Александру Дюма-сыну. Камзолы, кафтаны и парики, въ которыхъ ходятъ дѣйствующія лица, показываютъ отдаленность времени, когда произошелъ этотъ случай; а отдаленность времени въ театрѣ, особенно во французскомъ, придастъ въроятіе событіямъ даже и болѣе-неестественнымъ.

Пьеса была разыграна превосходно г. Тетаромъ (Вольфъ), Варле (Целестусъ) и г-жею Мальвиною, къ которой чрезвычайно шла небольшая роль скромной, нѣжной Марты.

Romulus (название рассказанной нами комедіи) былъ данъ въ бенефисъ г. Тетара, вмѣстѣ съ забавнымъ фарсомъ *Le Télégraphe électrique* и водевилемъ *Adrien le couvreur*, въ которомъ кровельщикъ (le couvreur) Адриенъ, одѣвшись тихонько въ костюмъ одного молодого герцога, принимается за герцога и развозится по разнымъ аристократическимъ домамъ; это продолжается до-тѣхъ-поръ, пока, во время пожара, не спасаетъ онъ настоящато герцога и не уступаетъ ему своего мѣста. Г. Невиль въ свой бенефисъ далъ нѣсколько водевилей, которые, въ-особенности *Les erreurs du bel-âge* смотрятся безъ скуки, но которые рассказывать очень-скучно. Довольно сказать только, что въ бенефисъ г. Невилля бенефициантъ вывелъ передъ публику своего конька и искусно представилъ десять извѣстныхъ парижскихъ комиковъ. Шаржи эти были очень-интересны, въ-особенности для тѣхъ, кто видѣлъ самые оригиналы. Что жъ касается до насъ, то мы до шаржей не охотники и гораздо съ большимъ удовольствіемъ по-

смотрѣли дивный 9-го яза, въ обыкновенное представление, вѣдомая *Classe en hon.*

Но должно различать содержаніе въѣхъ этихъ драматическихъ произведеній. Какъ на разнообразны ихъ названія, какъ на различны ихъ частныя подробности, во главномъ ослѣдствіи, склеить ихъ въѣхъ всегда одинъ и тотъ же. Съ-тѣхъ-поръ, какъ существуетъ сцена, на ней живетъ неуваренная семья, состоящая изъ вѣнскихъ, одного в тѣхъ же членовъ: благородный отецъ, благородная мать, ребенокъ дачи в другой, дѣвчонка малой съ вѣнскими злата, молодой человекъ, молодой дѣвушка или женщина, глухой слуга и наконецъ злодѣй — судъ по коварный другъ Андросій (въ драмѣ Дюккинга «Смерть Кальдо» Яго, или старый чиншникъ, вѣншій хорюшекъ состояние. Вотъ неизменный составъ этой семьи. Благородный отецъ, человекъ дорашній, рудавый, съ провѣдью въ волосахъ, всегда говорить вежливо-веревочными вѣтвями: благородная мать, женщина владѣльчичья, въ обыкновеніи чедлѣ, ничего не говоритъ кроми вежливости: ахъ! уми! и т. п.; молодой человекъ специально-обязанный влюбиться въ молодую даму, или дѣвчону, долженъ быть на тонкихъ, красныхъ ногахъ, а молодая дама, или дѣвчона — специально предвѣтъ страсти молодого человека, должна обладать непрежнено весьма-протвѣло наружностью, а для воевѣния еще и хорюшкии зубами. Наконецъ злодѣй съ бакевбардани, въ червонѣ фракѣ, или канзолѣ смотря къ какому времени отвохотѣе шета, съ черными, а въ особенно страшныхъ драмахъ, съ рыжими волосами, вѣнши ибрани старается затруднять хоть сердечныхъ дѣлъ молодыхъ людей, дѣвствуя всегда въ свою собственную пользу. Изъ вѣхъ этихъ обязанностей, исполняемыхъ то разогъ всего семейю, то ибкоторыми только ея членами изъ различныхъ перемѣнчій и сочетаній чувствъ и отношеній этихъ личностей, происходятъ рядъ драмъ, комедій, фарсовъ и водевилей, которые размыриваются въ-теченіе уже ибсѣльшихъ дѣлъ.

Если для васъ, мой читатель, театръ еще не потерялъ своей обязательной силы, если сладкій трепеть пробѣгаетъ по вамъ ибнжъ жизни при чтеніи беневоличныхъ энишъ, или при видѣ болышущейся завѣисы, изъ-вѣдь которой выглядываютъ ножки и разноцвѣтные платочки, то для васъ кажутся интересными занятія этихъ вѣнскихъ членовъ вѣншюй семьи. Но когда пройдутъ всѣ сладкія очарованія театра и сцены, когда просиютрѣтѣсь вы къ различнымъ драматическимъ произведеніямъ, то убѣдитесь и въ однообразии занятій этихъ благородныхъ отцевъ, матерей и влюбленныхъ ювошей.

Смотря не одинъ десятокъ дѣтъ на всевозможныя перемѣны любви и ревности, слезъ и смѣха, которыми живутъ и дакуются сценнческіи созданія, можно изъ частныхъ случаевъ вывести общія правила и составить рецепты для различныхъ драматическихъ произведеній. Основа драмъ, какъ и водевилей, фарсовъ, какъ и комедій — это преодоленіе тѣхъ или другихъ препятствій, разъясненіе тѣхъ или другихъ темныхъ обстоятельствъ.

Если желаете написать драму перваго рода, то для этого необходимо взять благороднаго отца, мать, дочь, молодого человека и злодѣя.

Взявъ эти лица, нужно заставить ихъ дѣйствовать, сообразно способностямъ и обязанностямъ каждого, для чего въ драмѣ и назначить 14 монологовъ, въ которыхъ каждое дѣйствующее лицо выскажетъ свои качества и чувства; 10 сценъ объясненія въ любви, 5 сценъ родительской нѣжности, 8 коварства, 4 родительскаго гнѣва, 11 для связи (когда недостаетъ естественной) прочихъ сценъ, 3 для общаго страданія, 2 открытія близкихъ родныхъ, 2 прощенія и 1 сцену общаго восторга. Распредѣливъ эти сцены по соразмѣрности на пять актовъ и прибавивъ въ разныхъ мѣстахъ слезъ, объятій, возгласовъ, грома, молніи и музыки, можно составить весьма-хорошую драму. Неудобно ли вотъ для примѣра: молодой человѣкъ любить молодую дѣвушку; но молодой человѣкъ бѣденъ, а молодая дѣвушка дочь богатыхъ родителей (или наоборотъ). Между-тѣмъ, въ предметъ страсти молодого человѣка влюбленъ богатый, или очень-чиновный старикъ, которого она однако ненавидитъ. Но старикъ не обращаетъ вниманія на чувства дѣвушки, а хочетъ только завладѣть ея рукою. Съ этою цѣлью онъ клеветаетъ на молодого человѣка и старается его удалить изъ дома своей возлюбленной. Мать принимаетъ сторону дочери, но она ничего не смѣетъ сказать своему мужу, который и слышать не хочетъ о бѣднякѣ-зятѣ. Влюбленные въ отчаяніи; они хотятъ бѣжать, но ихъ намѣреніе открыто. Гнѣвъ отца, слезы матери, вопли молодой дѣвицы, отчаяніе молодого человѣка и радость злодѣя — это паеосъ драмы. Отецъ велитъ злодѣю спѣшить бракомъ съ бѣдною жертвою (это слово можетъ быть употреблено въ пьесѣ даже), и злодѣй хочетъ написать своему нотаріусу, чтобы все было скорѣе приготовлено къ брачной церемоніи, какъ едва онъ вынимаетъ записную книжку, молодой человѣкъ вскрикиваетъ:

— Что я вижу! это портретъ моей матери, говоритъ онъ, указывая на вѣланный въ книжку женскій портретъ.

— Какъ вашей матери? спрашиваетъ поблѣднѣвшій злодѣй.

— Да, это мать моя, моя бѣвая мать, образъ которой храню я всегда у моего сердца, продолжаетъ молодой человѣкъ, вытаскивая изъ-подъ жилета медальйонъ...

— Да, это она! бѣдная Женевьева...

— Но кто же вашъ отецъ, молодой человѣкъ?..

— Мой отецъ?.. увы! я сирота, я не знаю отца...

— Не знаешь?.. такъ знай же, это я... Мой сынъ! прійди въ мои объятія (слѣдуютъ объятія). Я виноватъ передъ твоею матерью, но я не буду виноватъ передъ тобою... Бѣдная Женевьева! я счѣмью отплатить за твою любовь...

— Вы говорите Женевьева, не Женевьева ли Рамюзю? прерываетъ отецъ молодой дѣвицы.

— Да... она...

— Благородная женщина; я обязанъ ей жизнью: она вытащила меня однажды изъ воды... и я былъ такъ несправедливъ къ ея сыну...

— Будьте теперь справедливы къ нему: онъ мой наслѣдникъ, и я не хочу его лишать лучшаго богатства, которымъ чуть не овладѣлъ — вашей дочерью... Надѣюсь, вы согласны.

— Благородный отецъ! благородный сынъ!.. я согласенъ отъ всей души... Дети, благословляю васъ, будьте счастливы. Картина общего умиления. Занавѣсъ падаетъ.

Не правда ли это отличная драма? но къ ней еще можно прибавить нѣсколько отличныхъ сценъ. Напримеръ, когда молодой человекъ, не надеясь завладѣть рукою прелестной дѣвочки, рѣшается застрѣлится (а на улицѣ въ это время громъ и молнія), цыганка увидѣвъ такую сцену въ окно, быстро врывается въ комнату и, удерживая руку влюбленнаго, вооруженную пистолетомъ, говоритъ: Остановись молодой человекъ! — Къ чему? спрашиваетъ онъ. — Твое счастье впереди, говоритъ цыганка и быстро исчезаетъ... Или, когда злодѣй женихъ дѣлается добрымъ отцомъ, душевная переживка выражается и вѣншиимъ образомъ и рыжіе волосы на головѣ его обращаются въ черные или русые.

Драма второго рода, то-есть такая, въ которой все клонится къ объясненію запутанныхъ или неясныхъ отношеній, можетъ быть составлена по тому же рецепту, съ замѣненіемъ благородныхъ родителей мужемъ и женою, выбросивъ молодую дѣвочку и замѣнивъ сцены открытія близкихъ родныхъ и родительскаго гнѣва — мученіями ревности. Сокращеніе числа прочихъ сценъ тоже не будетъ лишнимъ, такъ-какъ драмы, неклоняющіяся къ браку, удобнѣе укладываются въ трехъ актахъ. Содержаніе подобному произведенію отыскать легко: они всѣ похожи другъ на друга. Примѣръ: Мужъ возвращается съ женою, ѣдетъ въ окрестности Парижа, на свою... хоть фабрику. Онъ долженъ вернуться завтра; но, окончивъ дѣла свои ранѣе чѣмъ ожидалъ, возвращается домой въ тотъ же день поздно вечеромъ. Неожиданно является онъ въ будуаръ жены и застаётъ тамъ своего добраго пріятеля, молодаго человека, котораго считалъ отправившимся уже нѣсколько дней назадъ на воды въ Виины, застаётъ цалующимъ руку его жены... Ревность вспыхиваетъ въ сердцѣ фабриканта, онъ осыпаетъ упреками ложнаго друга и клянется, что не увидитъ болѣе своей коварной жены. Фабрикантъ въ гнѣвѣ, бѣдная женщина въ отчаяніи, драма въ своемъ кризисѣ. Но молодой человекъ не теритъ присутствія духа. Ваша жена невинна! говоритъ онъ, подходя къ мужу. — Невинна! восклицаетъ фабрикантъ: — вы осмѣливаетесь говорить это, когда я видѣлъ своими глазами. — Не обвиняйте бѣдной женщины напрасно! — Чтѣ вы видѣли своими глазами? что я цаловалъ ея руку? но выслушайте спокойно всѣ обстоятельства дѣла и тогда судите. Въ тотъ день, когда былъ сдѣланъ мною прощальный вамъ визитъ, я точно покинулъ Парижъ... Но, пробѣжавъ сто лѣ, я вспомнилъ, что забылъ у васъ платокъ, который мнѣ дорогъ. Не думая ни минуты, я возвращаюсь назадъ въ Парижъ. Когда я пріѣхалъ сюда, было уже поздно, ваша жена не хотѣла принять меня, но я упросилъ ее, призывая въ свидѣтели мою честь. Я былъ мущинъ, взялъ платокъ — вотъ онъ, и въ то время, какъ, слыша опять выхвать изъ Парижа, прощаясь съ вашею добродѣтельною женою и, благодаря ее за довѣренность, цаловалъ ея руку, вы вошли въ комнату... Вотъ вся истина. — Не-уже-ли! восклицаетъ мужъ. — Еслибъ

я былъ мужемъ вашей жены, я никогда бы ничего не могъ подумать другаго. — О, какъ я былъ слѣпъ! Какъ глупа бываетъ ревность! Какъ я виноватъ передъ женою! Анжелика, прости меня! восклицаетъ въ слезахъ мужъ, падая на колѣни передъ супругою. — Я тебя такъ люблю, что не въ силахъ сердиться, говоритъ жена и подаетъ руку счастливому фабриканту, который осypаеъ ея поцалуями... Картина семейнаго счастья, которая немедленно покрывается занавѣсомъ

Что касается до комедій, то господинъ, который когда-то, опредѣляя разные виды драматическихъ произведеній, говорилъ, что трагедіею называются тѣ пьесы, гдѣ всѣ герои умираютъ, драмою тѣ, гдѣ дѣйствующія лица сначала страдаютъ, а потомъ женятся, а комедіею — гдѣ дѣйствующія лица не страдаютъ, а просто женятся; пришелъ бы теперь въ великое затрудненіе отличить комедію отъ драмы, такъ-какъ въ наше время одна легко впадаютъ въ другую, и часто смѣются въ первой, а плачутъ во второй.

Составъ комедіи почти тотъ же самый, что и драмы, а потому оставляя ее въ сторонѣ, перехожу къ драматическимъ пословицамъ, для которыхъ нужны только мужчина и женщина, молодые или старые — это рѣшительно все-равно. Драматическая пословица имѣетъ ту важную особенность, что, она противорѣчитъ поваренной книгѣ, предписывающей: «если хочешь изжарить рябчика, взявъ рябчика...» потому-что если хочешь написать драматическую пословицу, для этого не бери никакой пословицы. Въ-самомъ-дѣлѣ: «здравствуйте», «какъ ваше здоровье», или «я совершенно здоровъ», или просто какое-нибудь одно слово — все это можетъ дать самый богатый матеріалъ для драматической пословицы. Дѣло въ томъ, что два лица (очень-рѣдко болѣе), сойдясь вмѣстѣ, должны говорить о чемъ имъ угодно и комичить тѣмъ, что одно предложить другому руку и скажетъ слова означенныя въ заглавіи. Вамъ нужно написать драматическую пословицу въ одномъ дѣйстви на слова «я совершенно здоровъ»; это очень-легко сдѣлать. Примѣръ: молодая княгиня вдова (непремѣнно вдова княгиня) сидитъ въ креслѣ передъ каминомъ, положивъ свои ноги на рѣшетку. Въ комнатѣ горитъ карсельская подъ колпакомъ лампа; передъ хозяйкою, облокотясь на каминъ, стоитъ молодой человѣкъ въ черномъ фракѣ, бѣломъ галстукѣ и палевыхъ перчаткахъ. — Что вы скучны сегодня, графъ? спрашиваетъ вдова. — Такъ, что-то скучно. — Надѣюсь, вы здоровы? — Не совсѣмъ. — Что же, у васъ сплинъ, конечно? — Угадали. — Въ ваши лѣта! — Въ мои лѣта! восклицаетъ молодой человѣкъ, и начинаетъ говорить, какъ онъ много въ жизни испыталъ, сколько вытерпѣлъ разочарованій, утратъ, какъ безцвѣтна его жизнь, въ которой нѣтъ ни цѣли, ни надежды. — Ни надежды? прерываетъ княгиня и говоритъ о надеждахъ, говоритъ какъ онѣ украшаютъ жизнь и проч. и проч. Молодой человѣкъ возражаетъ, что смѣшно вѣкъ надѣяться, когда ожиданія никогда не сбываются, когда люди стали такими эгоистами, женщины такими холодными и когда посреди раззолоченныхъ салоновъ, въ этихъ кружевахъ, блондахъ, атласѣ и бархатѣ встрѣчается ледъ, ледъ и ледъ и нѣгдѣ согрѣться бѣдному, одинокому сердцу... Споръ о чувствахъ, о любви. Молодой человѣкъ

нападаетъ на женщину съ ожесточеніемъ. — Я васъ боюсь, дѣлая извѣстный жестъ, говоритъ вдова... Бойтесь! я нищу всѣхъ женщинъ за одну, которую я люблю, но котора я не хочу забыть моей любви. — А почему вы это знаете? — Я вижу, она и не подозреваетъ моихъ чувствъ, моихъ страданій; а когда я блѣдный, страдаемый грустью стою передъ нею, она спрашиваетъ только о моемъ здоровьи. — Но кто же эта женщина? — Это вы. — Я? — Да, это вы! — Вы больны!.. но мнѣ вымечить васъ трудно, потому что у насъ болѣшь одна и та же. — Что я слышу?... — Вотъ вамъ рука моя, послушайте пульсъ. — Не уже ли? (осыпая руку поцалуями). О! я не въ силахъ ничего слышать, я счастливъ... о какъ я счастливъ! — И здоровы? — Да, совершенно-здоровы!» Пословица кончается.

Точно такимъ же образомъ можно написать драматическую пословицу на какія угодно слова. Напримѣръ, взглянувъ вокругъ себя, я замѣчаю, что, читая утромъ газеты и журналы, раскидалъ ихъ по стульямъ, такъ что почти всѣ стулья заняты. На эту тѣму тоже можно написать пословицу. Я представляю себя молодой вдовой; я только что откуда-то возвратился и, усталый, бросаю на одинъ стулъ перчатку, на другой платокъ, на третьемъ лежитъ кипсекъ и т. д. Является молодой человекъ, князь, конечно... — Садитесь, говорю я... — Но гдѣ же? всѣ стулья заняты, отвѣчаетъ молодой человекъ... Садитесь возлѣ меня на патѣ говорю я (то-есть, небрежно-сидящая молодая вдова). — Возлѣ васъ; но я буду похожъ на вашего обожателя или мужа. — А это такъ неприятно? — Казаться—да, а быть — другое дѣло. Слѣдуетъ разговоръ о «быть» и «казаться», послѣ котораго молодая вдова, улыбаясь, смотритъ на молодаго человека и говоритъ: вы устанете стоять, садитесь. — Всѣ стулья близъ васъ заняты, а вдалекѣ я не хочу сидѣть самъ. — Отчего же вы не хотите сѣсть со мною рядомъ? — Вы знаете отчего. — Отъ упрямства? — Нисколько, я люблю быть, а не казаться. — Вы хотите пользоваться правами гостя на вѣжливость хозяйки... Дѣлать нечего (смѣясь), чтобъ не заставить васъ простоять весь визитъ... я должна подчиниться вашимъ капризамъ... — Итакъ вы позволяете мнѣ быть, а не казаться! восклицаетъ князь, приготавлиая сѣсть на патѣ. *Стулья всѣ заняты* и чтобъ не обвинили вы меня въ негостепримствѣ, позволяю: будьте, а не кажитесь... Графъ погружается въ мягкой патѣ, прижимаетъ къ губамъ руку молодой вдовы. Занавѣсъ падаетъ.

Что касается до водевилей, то они пишутся еще легче и проще. Всякое событіе ежедневной жизни можно обратить въ водевилъ. Взвѣвъ отца, мать, дочь, молодаго человека и злодѣя, примѣшавъ къ жизни ихъ какія-нибудь препятствія и случай (какой угодно), пересышъ все это крупной солью остроумія, затѣмъ подавай... чуть-было не сказалъ на столъ... подавай на судъ публики. Еслибъ только позволяли предѣлы фельетона, я бы непременно, вмѣсто простаго повѣствованія о петербургской жизни, написалъ бы рядъ водевилей à propos изъ событий этой жизни.

Мѣсяцъ май, о которомъ должны вести теперь рѣчь, начинается не только первымъ числомъ, что случается и со всѣми другими мѣ-

сяцами, но гораздо-важнѣе, *первымъ мая* или, иными словами, гуляньемъ въ Екатерингофѣ. Кто изъ майскихъ фельетовистовъ не описывалъ этого гулянья посреди нераспустившихся деревьевъ, по непросохшимъ аллеямъ и проч. и проч.? Что ни скажешь теперь, все будетъ старо; остается одно: разнообразить внѣшность этого повѣствованія, придавъ ему хоть форму водевиля. Придадимъ ему эту форму. Отецъ семейства Пафнутій Балтазаровичъ Пробка (имена и фамилии дѣйствующихъ лицъ, первый предметъ остроумія водевилистовъ), съ женою Перепетуей Акакиевной и дочкой Лизанькой, отправляются въ Екатерингофъ. Въ обществѣ ихъ находятся Евстигнѣевичъ Желтоносовъ, старикъ, влюбленный въ Лизаньку. Желтоносовъ обѣщался пріѣхать въ экипажѣ, но потомъ явился просто на извозчикѣ, извиняясь, что всѣ кареты и коляски разобраны. Лизанька ненавидитъ Желтоносова, а любитъ молодаго чиновника Пуговкина, за котораго непременно хочетъ выйти замужъ; но отецъ противится этому браку, потому-что Пуговкинъ бѣденъ и кажется ему человѣкомъ вѣтреннымъ. Съ горемъ пополамъ, Лизанька отправляется въ Екатерингофъ и ходитъ тамъ подъ-руку съ ненавистнымъ женихомъ. Но вдругъ небо начинаетъ застилаться тучами, крупныя капли дождя начинаютъ барабанить по новой шляпѣ Пафнутія Балтазаровича и по шляпкамъ его супруги и дочки. Нарядамъ ихъ угрожаетъ опасность, дождь усиливается, громъ гремитъ, а скрыться негдѣ, потому-что они далеко отъ воксала, или другаго подобнаго приюта. Пафнутій Балтазаровичъ, у котораго вѣчный флюсъ, въ гнѣвѣ, Перепетуя Акакиевна въ отчаяннн, Лизанька въ слезахъ, и всѣ вмѣстѣ нападаютъ на Желтоносова, который вызвалъ ихъ на гулянье. Но въ минуту общаго отчаянья, является Пуговкинъ. Онъ, предчувствуя, что будетъ дождь, запасся зонтикомъ и калошами, и теперь предлагаетъ и то и другое къ услугамъ семейству г. Пробки. Пафнутій Балтазаровичъ немедленно принимаетъ это предложеніе и, убѣдясь на опытъ въ предусмотрительности чиновника Пуговкина, который на случай дождя запасся зонтикомъ и калошами, отдаетъ ему руку дочери, отказывая рѣшительно отъ дома Желтоносову, по вниѣ котораго, онъ и вся семья его были отданы на произволь стыхій. Эта исторія пересыпается болѣе или менѣе крупными остротами: — Что ты суешь мнѣ подъ носъ? говоритъ Пробка, продавцу пряниковъ, показывающему свой товаръ. — Это не подносъ, а пряникъ, отвѣчаетъ послѣдній. Или: одно дѣйствующее лицо говоритъ другому: — Ты вѣрно ходилъ въ Сахару, чтобъ принесть намъ сахару; или на упреки Пробки, Желтоносовъ замѣчаетъ: — Напрасно горячитесь, я стою гораздо-выше васъ, у меня сапоги на пробкѣ... и т. п. Водевиль оканчивается куплетомъ, который поетъ Лизанька, въ родѣ слѣдующаго:

Ахъ, наконецъ-то я вступаю
Въ давно желанный мною бракъ,
И одного лишь ожидаю,
Чтобы партеръ вотъ сдѣлалъ такъ (*хлопаетъ въ ладоши*);

а «всѣ» повторяютъ :

Т. ХСIV. — Ота. VII.

10

Чтобы шартеръ вотъ стѣлалъ такъ
 Чтобы шартеръ вотъ стѣлалъ такъ

Записные посетители театровъ согласятся, что этого водевиля очень недуренъ. Но главное — это водевиля а реперу, совершенно-дѣльное истинъ, потому-что наилучшее майское гулянье въ Екатерининской дѣствительно сопровождалось сильными грозами и проливными дождями.

Кромѣ дождя, екатерининское гулянье не отличалось ничѣмъ особеннымъ. Но, впрочемъ, здѣсь, какъ и на всѣхъ подобныхъ гуляньяхъ бросалось въ глаза удивительное разнообразіе въ экипажахъ, то-есть существующее въ настоящее время. За выюкини колыскаши полли и земля маленьки каретки, за крошечными пролетками другія исключительно на шихъ неволокни. Разнообразіе въ пролеткахъ теперь особенно-замѣчательно: и форма и величина ихъ характеризуютъ, кажется самихъ владѣльцевъ. Одни, требуя легкости и изящества отъ экипажа, катятъ на такихъ маленькихъ пролеткахъ, на которыхъ едятъ только могутъ помѣститься сами, другіе же въ-особенности кучмы и вообще люди практическіе заказываютъ такіа, на которыхъ можетъ помѣститься ицѣла ихъ семья. Рядомъ съ пролетками такъ-называемыи *белъ-оболонки*, безпрестанно встрѣчаются другія также всякоиыя одною лошадыи, у которыхъ, кромѣ главнаго сидѣна на которомъ легко могутъ помѣститься четыре человека, есть еще скамеечка у возель тоже для двоихъ, есть кожаный верхъ «оваришники», а судя по огроности всей конструкции экипажа, можетъ-быть гдѣ-нибудь даже и маленькая комната.

Подобно водевилю «Екатерининское гулянье», можно было бы написать множество другихъ водевилей, на прогулки въ Итвиномъ Саду на открытіе дѣтнихъ концертовъ и проч., вводя для развасаи то какой-нибудь дѣствительно-происходившій случай, то дѣловому изъ дальнихъ губерній, прѣбывающаго осластивить племянника. Но мы уже сказали вы, телеграмъ слишкомъ-тѣсень для драматическою сцены и, дѣлать нечего, поведемъ разсказъ обычными порядкомъ.

Въ каждый праздничный день мая тысяча, дѣлались изъ Петербурга водными прогулки до Кронштадта.

12 часовъ. Пароходъ, отправляющійся въ Петерговъ, полонъ народу: восреди темныхъ пальто, блестящихъ касокъ и эполетъ, радугой стелются полосы дамскихъ зонтиковъ и пѣтрыхъ шляпокъ. Радуга на небѣ предвѣщаетъ, но прѣбѣтаетъ, дождь радуга шляпокъ и зонтиковъ — непременно хорошую погоду. Въ-самомъ-дѣлѣ, погода чудесная, въ воздухѣ тепло, солнце блещетъ и, не пали еще смотритъ тепло и прѣвѣтливо, какъ семнадцатилѣтняя дѣвушка май-юности природы: это старинная истина! Но вотъ раздается звонокъ тогда заколыхалась, сходни сняты и пароходъ тихо отошелъ отъ берега. Чѣмъ дальше идетъ онъ, тѣмъ идетъ скорѣе, вотъ пронеслись каменные стѣны домовъ на каменныхъ берегахъ Невы, пронеслись темныя жерла пушекъ гутуевско и василье-островскихъ батарей, начались взморье, море, мелькнули кресты Сергіевской Пустыни, пароходъ останавливается у Петергофа. Пассажиры запасаются новыми бле-

тами, пароходы новыми пассажирами, и при звукахъ духовой музыки отчаливаютъ отъ страны дворцовъ и фантановъ; поездка продолжается dalje. Время для путешественниковъ идетъ живо и незамѣтно. Важный маршъ смѣняется знакомымъ мотивомъ оперы, шумный говоръ прерывается веселымъ смѣхомъ. Здѣсь говорятъ о водныхъ поездахъ, тамъ рассказываются военные эпизоды; но вотъ передъ нами видѣлокъ показались юлоссаьныя кронштадтскія укрѣпленія. Говоръ замолкъ. Пароходъ повернулъ направо и мы увидѣли множество кораблей: то были стоявшіе на якорѣ нанвъ флотъ. Пароходъ тихо проходилъ мимо военныхъ судовъ, а когда поравнялся съ адмиральскимъ, музыка грянула народный гимнъ, и громкое ура, раздавшееся на кораблѣ и пароходѣ, огласило воздухъ. Эта минута была торжественная... Часу въ пять мы возвратились въ Петербургъ. Можно представить себѣ, какое оживленное зрѣнище представлялъ петербургскій вокзалъ, одинъ изъ живописнѣйшихъ вокзаловъ въ петербургскія окрестностяхъ, когда нѣсколько сотенъ, а можетъ быть, и цѣлая тысяча, утоляли свой голодъ, возбужденный четырехчасовымъ пребываніемъ на воздухѣ! Неумолкаемый говоръ, стукъ ножей, суета прислуги, оттычки шампанскаго, взаимныя угожденія, однимъ словомъ: шумъ, маловѣкий хаосъ и большое веселье. Въ были веселы, всѣ довольны и обѣдомъ, и прислугою, и хотя однимъ и тѣмъ же липанъ подавалось по три раза одно и те же кушанье, но никто не обращалъ на это вниманія, за исключеніемъ тѣхъ, которые каждый разъ пользовались предлагаемымъ.

Быль часъ восьмой, когда путешествовавшіе къ кронштадтскому рейду пристали снова на васьиерстровской набережной, и большинство ихъ немедленно отправилось на Благодѣицескій Мостъ, чтобъ посмотреть открытую и освѣщенную 9-го мая новую часовню. Часовня эта стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ мостъ раздѣляется на два развѣдныя мостина, ведущіе на Васильевскій Островъ. Отъ фундамента изъ краснаго гранита ступени ведутъ въ самую часовню, высѣченную изъ сѣраго полбраваннаго гранита. На золотой чешуйчатой кровлѣ поставлена небольшая сѣран, въ видѣ колокольни, колонна съ золотымъ куполомъ и крестомъ, воздвигнутымъ надъ изображеніемъ полудѣсяца. Прямо противъ входа, надъ которымъ блеститъ надпись: «Благословенъ грядый во имя Господне» внутри часовни восталенъ мозаичскій образъ Св. Чудотворца Николая, сдѣланный Русскими художниками въ Римѣ въ 1851 году, а на наружной сторонѣ той же стѣны образъ Св. Благотѣрнаго Князя Александра Невскаго. Два большія окна съ цѣльными зеркальными стеклами, по сторонамъ, и золотыя рѣшетчатыя двери довершаютъ украшеніе часовни, выстроенной со вкусомъ и изяществомъ.

Если мы замѣтимъ, что Исакиевскій Мостъ отдѣльный, украшенный и усталенный свиртовыми фонарями, отдалился нѣсколько отъ своего блестящаго соперника и соединяетъ теперь набережную Васильевского Острова противъ Таможни съ Дворцовою Набережною противъ Зимняго Дворца, то этимъ путемъ какъ нельзя удобнѣе и ближе можно перебраться въ Летній Садъ. Здѣсь какъ и всегда въ ожиданіи

данныхъ эмиграцій, совершались въ маѣ утреннія и вечернія прогулки. На гуляньяхъ этихъ не было ничего новаго; такъ же чинно, какъ и прежде, выступали взрослые, такъ же весело и безцеремонно бѣгали дѣти и попрежнему солидно боги Олимпа выказывали свои пластическія прелести. Статуи холодно смотрятъ на публику, публика спокойно смотритъ на статуи, но какой странный эффектъ произвели бы всѣ эти каменные Аполлоны и Юноны, Геркулесы и Флоры, если бы вдругъ, сойдя съ своихъ пьедесталовъ и въ настоящихъ костюмахъ, смѣшались они съ разноцвѣтными толпами гуляющихъ! Сколько новаго, интереснаго могли бы сообщить всѣ эти каменные люди, передавая, не сходя даже съ пьедесталовъ, свои многолѣтнія наблюденія надъ публикою, потому-что много разныхъ лицъ промелькнуло передъ ними съ-тѣхъ-поръ, какъ они неподвижно стоятъ на своихъ возвышеніяхъ, во многихъ разныхъ видахъ промелькнули передъ ними одни и тѣ же лица. Тѣ, которыхъ они видятъ стариками, видѣли они когда-то дѣтymi; нѣкоторые, гордо-рисовавшіеся когда-то во-среди блестящей публики, теперь неблестящіе, приходятъ по утрамъ подремать на гостеприимныхъ скамейкахъ; дѣвочки, когда-то прелестныя, теперь являются драхлыми старухами; женщины нѣкогда бѣдно-одѣтыя и одинокія, теперь въ шелку и бархатѣ, прохаживаются съ блестящей компаніей... Сколько превращеній странныхъ, удивительныхъ и непонятныхъ совершалось передъ ихъ безжизненными глазами! сколько толковъ, лести, сплетень, пересудовъ проносилось мимо ихъ безчувственныхъ ушей!..

Всѣ эти мысли пришли мнѣ въ голову въ то время, когда я, задумавшись сидѣлъ въ Лѣтнемъ Саду, смотря на двигавшіяся передо мною разноцвѣтныя группы. Я такъ предался своимъ мечтамъ и фантазіямъ, что осуществленіе ихъ мнѣ не казалось невозможнымъ, и я инстинктивно повернулъ голову на стоящую позади меня Діану, чтобъ увѣриться, не покинула ли она своего мѣста. Діана стояла своейно, но странно: мнѣ показалось, что глаза и вѣки мраморной статуи шевелились и въ мраморныхъ очахъ ея выражалось какое-то недоумѣніе. Посмотрѣвъ по направленію, куда, казалось, смотрѣла богиня, я увидѣлъ одного изъ тѣхъ обитателей петербургскаго міра, которые пользуются однимъ общимъ названіемъ «вѣчныхъ жидовъ». Недоумѣніе Діаны не показалось мнѣ удивительнымъ, потому-что эти люди для всѣхъ остаются непонятными. Это сфинксы, разгадать которыхъ невозможно и о которыхъ можно сказать только очень-немного. Старинное преданіе о жидѣ, осужденномъ до конца міра перемѣнять мѣста и бродить по свѣту, кажется, осуществилось снова. Много людей есть въ нашей прекрасной столицѣ, которые точно также, какъ несчастный жидъ, никогда не останавливаясь идутъ, идутъ и идутъ куда бы то ни было, только чтобъ перемѣнять непрерывно мѣста. Цѣлые десятки (а можетъ-быть и сотни) лѣтъ бродятъ они по всѣмъ направленіямъ петербургскаго міра и нѣтъ такого общественаго мѣста, гдѣ бы вы не встрѣтили этихъ вѣчныхъ странниковъ. Постоянные посѣтители тѣхъ или другихъ увеселеній—это спеціалисты въ отношеніи къ вѣчнымъ жидамъ, этимъ энциклопедистамъ;

но кромѣ-того, послѣдніе отличаются и имѣ принадлежащими особенностями. Вѣчные жиды не имѣютъ опредѣленнаго возраста, крайней-мѣрѣ никто изъ знающихъ ихъ не можетъ сказать даже приблизительно, сколько именно лѣтъ этимъ людямъ. Всѣ знаютъ ихъ съ своего дѣтства, а съ-тѣхъ-поръ физіономія ихъ остается неизмѣнною. Что дѣлаютъ, чѣмъ занимаются, гдѣ живутъ, чѣмъ живутъ, холосты или женаты эти вѣчные люди—ничего этого достоверно никому неизвѣстно. Одни увѣряютъ, что тотъ или другой изъ нихъ холостъ, другіе, что видѣлъ его жену и учился съ его сыномъ, третій говорить, что у него даже есть замужнія внучки. Эта сбивчивость свѣдѣній тѣмъ страннѣе и удивительнѣе, что эти люди знаютъ по имени весь городъ и, гуляя по Невскому, ходятъ почти безъ шляпъ, все привѣтствуя своихъ знакомыхъ. Ихъ знаетъ тоже цѣлый городъ, но многіе стараются избѣжать встрѣчи съ ними, какъ-будто эти встрѣчи приносятъ неудачу и непріятность. Но избѣжать этихъ странниковъ очень-трудно, потому-что они не выпускаютъ изъ рукъ ни одного мало-мальски извѣстнаго лица и начинаютъ съ нимъ свои нескончаемые разговоры. Говорить, болтать, разспрашивать—страсть этихъ людей, а любознательство и навязчивость—главнѣйшія ихъ качества. Такъ-какъ истины оказываются слашкомъ-недостаточными, чтобы занимать ими добрыхъ знакомыхъ, то эти странники не пренебрегаютъ всевозможными выдумками и рассказываютъ о себѣ и другихъ самыя удивительныя, хотя никогда неслучавшіяся исторіи. Судя по неумолкаемому ихъ говору, можно думать, что они находятся постоянно въ хорошемъ расположеніи духа; судя по физіономіи, они кажутся всегда чѣмъ-то недовольными. Усталость ли отъ вѣчнаго странствованія, утомленіе ли отъ вѣчной болтовни придаетъ лицамъ ихъ часто кислое выраженіе, какъ-будто бы они только-что проглотили цѣлый лимонъ.

Нѣкоторые изъ этихъ людей обращаются только съ аристократами; но другіе не пренебрегаютъ каждымъ прилично-одѣтымъ лицомъ, и съ такою же любезностью кланяются какому-нибудь графу, который имъ не кланяется, съ какою прогуливаются съ нѣмочкою въ садахъ нѣмецкаго клуба. Такъ посреди болтовни и страстной идетъ жизнь этихъ вѣчныхъ жидовъ петербургскаго міра; а съ какою цѣлю они говорятъ и ходятъ вездѣ и всюду, сколько времени продолжается ихъ вѣчное путешествіе, есть ли и были ли когда у нихъ спутницы—все это вопросы неразрѣшимые, на которые я ничего не могу сказать ни Діанѣ, вызвавшей меня на всѣ эти физиологическія замѣтки, ни вамъ, мой снисходительный читатель.

Хотя Лѣтній Сады и составляетъ теперь главное сборище гуляющихъ въ Петербургѣ, но въ первой половинѣ мая, въ одинъ прекрасный, свѣтлый день много публики толпилось на Невскомъ Проспектѣ. Публика толпилась ддятого, чтобъ видѣть англійскіе флаги, которые, вооруженный 16 бомбическими орудіями пароходный фрегатъ «Тигръ», спустилъ передъ русскимъ поручикомъ, начальствовавшимъ двумя пушками, хотя изъ слишкомъ двухъ-сотъ человѣкъ фрегатнаго экипажа было ранено только пять человѣкъ. Отрядъ лейбъ-гусаръ,

трещетывающей трубочки сопровождал четыре алака, двух со-
«жиды» Велл, Британн и Турши, и кресты, украшенные сине-ала-
ка тротиль и в Англия перекидывали сь волувисаюше на цро-
нныи алака в алакавои дженторика. Неподобное удивление
изражалось на лицах присутствовавших при этомъ зрѣищѣ ка-
гда каженъ гордилъ этики тротели роднамъ какъ—бѣдо им
Сказъ его обьятвенныи тротели восклицанн радости и вьтотъ
сказъ различныи образомъ проинались у различъ людей вьт-
речистъ перемоваломе шестоме. Однѣ мужичокъ уважалъ неспра-
вительное алака не выдерживъ вь подкинутъ шапку наль голубом
встранилль «вѣща вьла!»), перекрестился, и какъ ни въ чемъ не
быласть продолжалъ свой путь.

Патристически стихотворенія, возбужденныя современными собо-
рами, продолжилось печататься въ нашихъ журналахъ и газетахъ.
Стихотворенія въ тонѣ серьезномъ сгибались канонами и въ тонѣ
востыльничомъ, и за выражениемъ любви и преданности къ слову до-
рогой родины, послѣдовали болѣе или менѣе—болыи шутки наль вра-
гами, храбрыми на обѣдахъ и щедрыми въ обѣданныхъ.

Изъ числа такихъ стихотвореній, появившихся въ послѣднее время
звѣстательно издечатанное въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ»
подъ названіемъ «Благородному Непиру» — г. Тимофеева, а въ—особен-
ности другое, князя Виземстаго: «Не поминте?» появившееся въ «Мо-
славитинѣ» и также перепечатанное въ «Вѣдомостяхъ».

Ваму ручку, сэръ Непиръ!
Мнѣ отчества не знаешь,
А давно ужъ водиваешь
Мя тебя на русскій ширь.
Средь вриствественнаго княца,
Мы тебѣ на кѣсто снеча
Скажемъ крѣпкое слово,
И тебѣ оно въ водному
Зарушнать вѣще троту,
Благородное слово.
Что изъ! пройдиши вертошь, шилошь!
Нешто дѣло за Кроштаномъ?
Али ручки коротка?
Жаль, не знаешь ты порусски.
(Не дамся вамъ языки!
Такъ прочти хоть пооранцузски,
Какъ вѣшь дѣдушка Кремль
Отъвалъ хвастушко—шину,
Перелетнуо снечу.

Такъ начинается свое стихотвореніе г. Тимофеевъ, и затѣмъ, очень
бойко разказавъ своими словами басню о снѣпѣ, обѣданныи сказъ
море и обманувшей надеждѣ охотниковъ до даровой ушнны, авторъ
оканчиваетъ его слѣдующими словами:

Басня вся ; а назиданье
 Мы прочтемъ при разставаньи :
 Съ вами, братъ, не балагурь!
 Есть у насъ артиллеристы,
 Просто чудо — моралисты :
 Изъ кого такъ выбьютъ дурь!
 Вотъ вы справьтесь въ Черномъ Морѣ,
 Пусть расскажетъ вамъ Дундасъ,
 Что за щеголи у насъ,
 Только вспомнить — смѣхъ и горе!
 Триста пушекъ противъ двухъ
 Не смутили русскій духъ!
 Это прапорщикъ, буяны,
 Что жъ, какъ грянуть капитаны?

Стихотвореніе князя Вяземскаго еще бойче. Оно коротко, но въ немъ много того чистаго русскаго юмора, которымъ отличается нашъ ветеранъ—поэтъ.

Напомнивъ господамъ «изъ пайки Бонапарта» о нѣкоторыхъ темныхъ дняхъ, которые они имѣютъ обыкновеніе пропускать, вспоминая свою военную исторію, напомнивъ Тарутино, Красное и славнаго Кутузова, князь Вяземскій переходитъ къ настоящимъ событіямъ и вотъ четвертый и послѣдній куплетъ его стихотворенія :

Былъ Витгенштейнъ, Багратионъ, Раевскій,
 Да и теперь есть кое-кто у насъ...
 Пришла жъ вамъ мысль — испить водицы невской;
 Такъ что жъ? гостямъ мы рады въ добрый часъ!
 Но знай впередъ, кто бъ ни былъ ты, дружище,
 Вода Невы опасна новичкамъ :
 Она... она... какъ бы сказать почище?
 Но... послѣ мы о томъ напомнимъ вамъ.

Тамъ, гдѣ пишутся подобныя стихотворенія, кажется, нельзя предполагать боязни, а между—тѣмъ иностранные газетчики непремѣнно хотятъ увѣрить себя и своихъ читателей (бѣдные читатели!), что Петербургъ такъ боится прибытія двухъ вѣрныхъ союзниковъ благодѣтельной Порты, что даже сломалъ дома на правомъ берегу Невы... Въдъ забредетъ же въ голову написать такую неглупость! Помните, правый берегъ Невы съ его домами и широкими улицами красуется попрежнему и никогда, можетъ—быть, не бываетъ такъ оживленъ, какъ теперь, когда на паркодныхъ его пристаняхъ толпится народъ, отправляющійся гулять въ Петергофъ. Нѣтъ, весь Петербургъ веселъ и кажется, фактически хочетъ повторить слова императрицы Екатерины II, которая въ 1790 году, во время сраженія русской и шведской эскадръ у Кронштадта, на вопросъ Густава III : «не безпокоитъ ли канонада ея величество?» велѣла сказать королю, что «давно привыкла къ военнымъ маневрамъ».

Петербургъ по обыкновенію переселится на дачи; лѣтній исконной и отдыхъ ужъ многихъ выманитъ изъ города на берега Невы, на заморье

и даже на море, и множество дачъ въ Петергофѣ и Ораніенбаумѣ заселено лѣтними выходцами изъ столицы. Послѣ первой весенней грозы зелень окончательно распустилась, на улицахъ показались старушки и дѣти съ пучками душистой черемухи и ландышей; тамъ-и-сямъ въ окрестностяхъ столицы раздались звуки лѣтней музыки — втакъ началось наше лѣто.

Въ Павловскѣ играетъ оркестръ г. Юсифа Гунгла, также спокойно и солидно, какъ и прежде, управляемый своимъ дирижеромъ. Увертюры и отрывки изъ оперъ смѣняются, какъ и всегда, польками и вальсами, и вся новость этихъ концертовъ, кромѣ нѣсколькихъ новыхъ пьесокъ, заключается въ томъ, что Штрауссы «отецъ» и «сынъ» на афишахъ Павловска называются Штрауссъ «Senior», или Штрауссъ «Junior».

Искусственные Минеральныя Воды, какъ вѣникъ, возродились изъ пепла (если только отъ водъ бываетъ пепелъ) и увеселительные праздники, въ которыхъ многіе (въ томъ числѣ и мы) очень сомнѣвались, начались своимъ обычнымъ порядкомъ. Оркестръ подъ управленіемъ г. Лунда, акробаты Рапо, Хомуть и проч. и наконецъ шаръ Монгольберъ, въ которомъ г. Регенти намѣревается совершать путешествія въ заоблачныя страны, составляютъ покаместъ репертуаръ тѣхъ цѣлебныхъ наслажденій, которыя предлагаютъ Минеральныя Воды своимъ пациентамъ.

На дачѣ графа Куселева-Безбородко островокъ Тиволи тоже, кажется, не останется чуждъ музыкальныхъ наслажденій, по крайней мѣрѣ размѣры воздвигаемой въ этой мѣстности кофейни, предвѣщая аппетитъ въ будущихъ посѣтителяхъ, заставляютъ предполагать, что аппетитъ этотъ будетъ возбуждаться большими удовольствіями.

Екатерингофъ, Марьяна Роща и т. п. гульбища и теперь ужъ, судя по объявленіямъ, соединяютъ у кофейни такую бездну разныхъ удовольствій, музыку, хоры пѣсенниковъ, акробатовъ и проч., что, судя по началу, нѣтъ никакого сомнѣнія, что окрестныя дачники и обитатели Коломны на все лѣто обезпечены въ приятномъ препровожденіи времени.

Если на Крестовскомъ ужъ ходятъ по канату, то въ Петровскомъ Паркѣ начались свои празднества. По понедѣльникамъ и средамъ часу въ семьомъ, по всѣмъ улицамъ Петербурга, движутся празднично-одѣтыя дамы, окруженныя толпами всѣхъ возрастовъ дѣтей, а нѣсколько позже гороховыя пальто съ величавыми воротничками слышатъ по тому же самому направленію. Веселый говоръ, веселыя лица а главное, какое-то особенно взмахиванье палокъ и зонтиковъ, ясно-выражающее удовольствіе, свидѣтельствуютъ, что всѣ эти лица идутъ не за дѣломъ, а на веселье. Тамъ близъ Измайловскаго Моста, въ небольшомъ саду источникъ этого веселья. Тамъ, въ лѣтнемъ помѣщеніи Нѣмецкаго Клуба, совершаются въ эти дни концертныя прогулки, и подъ звуки играющаго пять часовъ сряду оркестра, важно движутся съ сигарами толстые бюргеры и съ множествомъ дочекъ ихъ почтенныя супруги.

Одни переѣзжаютъ на дачу дилотою, чтобъ слушать безконечныя

вальсы и польки, другіе не думаютъ вовсе о подобныхъ наслажденіяхъ, и послѣ шумной, суетной городской жизни ищутъ спокойствія и уединенія то на берегахъ какого-нибудь озера, то близъ душистыхъ сосновыхъ лѣсовъ. Одни, отправляясь на дачу, запасаются нарами, другіе книгами и инструментами, третьи удочками и т. п. Кто больше получаетъ наслажденія, чье время пройдетъ полезнѣе для души и для сердца — рѣшить нетрудно, хотя каждый убѣжденъ, что лучше его проводить лѣто едва-ли возможно. Посѣщая различныя дачныя окрестности, вы встрѣчаете людей, пользующихся самыми разнообразными наслажденіями или, лучше, пользующихся лѣтомъ чрезвычайно-разнообразно. Вы встрѣтите немолодую даму, затянутую и разряженную, которая въ-сопровожденіи юноши, или увядающаго льва, съ видимымъ наслажденіемъ идетъ на музыку; услышите звуки женскаго пѣнія, раздающіеся изъ оконъ хорошенькой дачи, и собирающіе каждый вечеръ немалое число слушателей; увидите молодого человѣка въ сѣрой шляпѣ, съ широкими полями, на берегу рѣки внимательно слѣдящаго за удочкой; молодую дѣвушку, погруженную въ книгу въ какой-нибудь пустынной аллеѣ сада. Можетъ-быть, подобно намъ, вы случайно подслушаете бесѣду небольшого общества, слѣдящаго за странными занятіями какого-то господина. Предметъ наблюденій этого общества — молодой человѣкъ, гуляющій недалеко, который то наклоняется низко къ землѣ, то, подымаясь на ноги, долго смотритъ вверхъ. Вотъ онъ что-то копаешь у корня срубленнаго дерева, вотъ онъ быстро подымаетъ палку съ чѣмъ-то бѣлымъ на одномъ концѣ ея и начинаетъ обмахивать кустарники...

— Посмотрите, для чего это онъ сметаетъ пыль съ кустовъ? спрашиваетъ молодая дама, въ соломенной шляпкѣ, своего немолодаго ужъ спутника.

— Вѣрно, ловитъ насѣкомыхъ: видишь у него на палкѣ холстинный мѣшокъ, отвѣчаетъ кавалеръ.

— Ловитъ насѣкомыхъ, повторила молодая дама и замолчала.

— Какъ онъ ловитъ этихъ восхитительныхъ букашекъ и мошекъ? вѣжнымъ голосомъ спросила ея сосѣдка, дама третьей молодости, въ розовой маленькой шляпкѣ.

— Да, вѣрно онъ энтомологъ, насѣкомистъ.

— Но что же онъ съ ними дѣлаетъ? голосомъ, полнымъ участія, продолжала спрашивать розовая шляпка.

— Сажаетъ въ банку, а потомъ прокалываетъ булавкой.

— Прокалываетъ! Эти маленькія чудесныя созданія... но за что... что они ему сдѣлали?...

— Ничего... онъ составляетъ коллекцію.

— И бабочекъ, этихъ чудныхъ бабочекъ?

— Прокалываетъ и бабочекъ.

— И блестящихъ жуковъ?

— И жуковъ.

— И этихъ крошечныхъ божьихъ коровокъ.

— И коровокъ.

— О, какое злодѣйство! Бѣдныя коровки! сквозь слезы говорила

дама третьей молодости. А вѣдь онъ еще очень-молодой человекъ, и какое выбралъ себѣ странное занятіе! Ай, ай! посмотрите, посмотрите! какъ безжалостно онъ ловить бабочку, почти взмахнула розовая шляпка, тогда-какъ молодой человекъ махалъ своимъ сакомъ. Поймалъ! поймалъ! О, нѣтъ, я не стерплю, я не въ-смыслъ стерпѣть, я пойду...

— Куда? спросили въ одинъ голосъ, молодая дама и немолодой человекъ.

— Я пойду къ нему, я буду просить, умолять его, чтобъ онъ далъ свободу этой пестрой рѣзвухѣ... О! онъ уважить просьбу женщины...

— Едва-ли! особенно, если это какой-нибудь рѣдкій экземпляръ, энтомологъ для отца роднаго не выпуститъ...

— Нѣтъ, въ немъ не можетъ быть столько жестокосердія; онъ выпуститъ ее, говорила чувствительная дама, вставая ужъ съ мѣста... Но въ это время къ искателю насѣкомыхъ подошелъ дородный господинъ, вооруженный такимъ же снарядамъ, какъ и первый, и едва энтомологи успѣли обмѣняться двумя словами, какъ вдругъ, вѣроятно, замѣтивъ какой-нибудь рѣдкій экземпляръ, замахали оба палками, побѣжали впередъ и скрылись за кустами.

При видѣ этого, молодая дама улыбулась, дама въ розовой шляпкѣ ахнула, а кавалеръ ихъ наставительно замѣтилъ, что если корень ученья горекъ (потому, вѣроятно, что надъ ловлею насѣкомыхъ смѣются), то плоды его сладки; а потомъ запѣлъ про себя известные стихи:

Науки юношей питають,
Отраду старымъ подають, и проч.

Если мы тоже не удержались отъ улыбки, смотря на забѣжную охоту за насѣкомыми, то тѣмъ менѣе вполне согласны и съ словами и съ пѣсней почтеннаго господина.

Ито вдвойнѣ пріятно для занимающихся естественными науками: гуляя, они собираютъ растенія, насѣкомыхъ и проч.; собирая растенія и насѣкомыхъ, они въ то же время гуляютъ. Польза для нихъ идетъ рядомъ съ удовольствіемъ; а согласитесь, это не всегда случается.

Вмѣстѣ съ первоио зеленью, загородными концертами и длинными обозами, нагруженными домашнею рухлядью, наступленіе лѣта сопровождается въ Петербургѣ появленіемъ различныхъ omnibusовъ. Omnibusы большіе и маленькіе, для 16, 12 и 10 персонъ, готовы ужъ развозить петербуржцевъ во всѣ стороны, гдѣ только есть дачи. Одни изъ omnibusовъ низенькіе, обыкновенные; другіе же сдѣланы, какъ-будто нарочно для того, чтобъ пассажиры могли заглядывать въ окна вторыхъ этажей.

Между-тѣмъ, какъ одни спѣшатъ въ городскія окрестности, другіе перемѣщаются въ части города, менѣе-душныя: на Выборгскую и Петербургскую; многіе счастливыцы садятся въ длинжансы, брички и дормезы и ѣдутъ куда-нибудь въ далекія помѣстья, гдѣ знакомые лѣ-

са, поля, старинный домъ, густой садъ, быть-можетъ, напомнить имъ столько сладкаго въ быломъ, принесутъ столько отраднаго въ настоящемъ.

У переѣзжающихъ, какъ и у отъѣзжающихъ, свои мечты, свои надежды. Новые мѣста сулятъ много лучшаго, новаго, и не потому ли столько охотниковъ до путешествій? Сбудутся ли мечты, исполнятся ли ожиданія — это рѣшить осень; почему же не мечтать, почему же не надѣяться — это такъ легко и приятно!...

М О Д Ы.

Мантильи снова вошли въ моду; болѣе всѣхъ намъ понравилась мантилья Chevreuse; она застегивается отъ самаго горла до талии. Два большіе волана сзади спускаются одинъ на другой и обшиты такъ же, какъ и вся мантилья, широкой агрантанной тесемкой и бахромой, шириною въ двѣ ладони. Очень-красива также мантилья Félicien: она навѣрное будетъ въ большомъ употребленіи въ жаркіе дни. Фасонъ ея похожъ на мантилью-шаль, только она еще болѣе вырѣзается, такъ-что шея въ ней совершенно-открыта. Уборка состоитъ всегда изъ цвѣтной ленты, нашитой вгладь, сзади въ два ряда, но кругомъ шеи и передніе концы въ одинъ рядъ. Изъ-подъ ленты спускается широкая бахрама двухъ цвѣтовъ, сообразныхъ съ цвѣтомъ ленты. Еще очень-недурна мантилья Perita. Она обтягиваетъ очень-узко плечи; но внизу пришитъ воланъ шириною слишкомъ въ поларшина, съ огромными складками; шотландская широкая лента нашита на воланъ и на швъ, который отдѣляетъ мантилью отъ волана. На самыхъ плечахъ эта лента нашивается въ видѣ берты, и къ концу ея пришита бахрама. Вообще бахрама нынче въ большой модѣ, не только на мантильяхъ, но и на бурнуссахъ.

Соломенные шляпы убираются клетчатými и одноцвѣтными лентами. Шляпы изъ рисовой соломы перемѣшиваются съ пу-де-суа. Перья накалываются съ одной стороны тульи, а съ другой большой бантъ изъ широкихъ лентъ. Кружевные шляпы очень-граціозны съ весенними цвѣтами. Шелковые шляпы перемѣшиваются съ соломкой. Вотъ шляпа подъ названіемъ «La Mauve»: вся она состоитъ изъ семи фалбалъ, собранныхъ и положенныхъ одна на другую. Поля убраны бурами изъ тюля-маливъ; между каждой буфой положена гофрированная изъ лентъ гирлянда. Подъ полями цвѣты, которые перемѣшаны съ блондами и лентами. Шляпа Daumont состоитъ изъ одного ряда итальянской соломы и ряда матовой соломы, называемой швейцарской. Между каждымъ рядомъ соломы положена цвѣтная матерія; сзади на кофточкѣ большой бантъ съ длинными концами, который поддерживаетъ два строусовыя пера, выющиеся съ боковъ тульи. Подъ полями множество бантовъ изъ мелкихъ лентъ и блондовый рюшъ.

Для утренняго катанья, на поляхъ соломенныхъ шляпъ нашивается синяя или зеленая матерія, собранная на кулисахъ. Разумѣется, шляпа отъ этого дѣлается несравненно-больше, и потому въ-состояніи зашити лицо отъ солнца и вѣтра. Въ жаркіе дни для молодежькихъ дѣвицъ очень-хороши круглыя соломенныя шляпы, но во время вѣтра поля ихъ летать и лицо остается незащищеннымъ. Притомъ въ такихъ шляпахъ кататься ужь невозможно, потому-что поля ихъ дѣлются такъ велики, что двумъ сидѣть рядомъ въ обыкновенныхъ экипажахъ невозможно: для нихъ надо еще придумать какой-нибудь новый экипажъ.

Платья лѣтнія почти всѣ дѣлаются съ воланами — мелкими и большими. Лифы на всѣхъ легкихъ платьяхъ должны быть или сборчатые, или гладкіе открытые; сверхъ нихъ надѣвается бѣлая кружевная карачо. На шелковыхъ платьяхъ баски все еще въ большой модѣ.

Бѣлье — лучшее украшеніе лѣтомъ. Самое простое кисейное платье, надѣтое съ хорошо-вышитой юбкой, съ ажурными нитяными чулками и съ роскошно-вышитыми рукавами и манишкой, дѣлается самымъ-наряднымъ. Это замѣчено ужь многими, и потому роскошь вышивки доходитъ до баснословія. Мы видѣли одну вышитую юбку для распашнаго капота, и тогда только убѣдились, что это не гипюръ, когда взяли ее въ руки. Самая модная вышивка теперь должна походить на гипюръ.

Кружева никогда не будутъ выходить изъ моды, и потому до-сихъ-поръ они служатъ для уборки всѣхъ возможныхъ дамскихъ нарядовъ.

Чепчики всѣ дѣлаются съ шелковыми донышками и такими же лопастями. Чепчики для утра, попрежнему, надѣваются вышитые или убранные узенькими валансъенами. Для вечера очень-милы чепчики изъ шелковаго тюля и блондъ. Гипюръ и брюссельскія кружева остаются до зимы: лѣтомъ ихъ можно только допускать на званыхъ вечерахъ.

ОПЕЧАТКА.

Въ 5-мъ № «Отеч. Записокъ» нынѣшняго года, въ отдѣлѣ Критики, на страницѣ 3, въ 4-й строкъ сверху, ошибкою напечатано: *письменныя* отношенія. Должно быть: *племенные* отношенія.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

у **М. БЕРНАРДА,**

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской,
въ домъ Паскаля, № 11.

Пьесы для скрипки.

Сер. P. K.

- Alard.** — Collection de duos progressifs et mélodiques pour deux violons, classés progressivement. 1-re Suite : 4 Duos élémentaires op. 22 (2 p. 85 к.). 2-de Suite : Quatre duos faciles op. 23 (4 p. 63 к.). 3-me Suite : Quatre duos brillans op. 27 (3 p. 70 к.). Symphonie concertante pour deux violons avec piano op. 31. 2 85
- Beriot.** — 12 petits duos faciles et progressifs op. 82 Cah. 1 2 (каждая 1 p. 40 к.) 12-me Air varié avec piano op. 88. 2 30
- Dancla.** — 46 Etudes mélodiques et progressives pour violon seul. op. 12 (6 p. 30 к.). Le progrès. Dix études mélodiques speciales pour le travail de la main gauche, op. 54 (1 p. 15 к.). Souvenir. Morceau de salon avec piano op. 58 1 15
- Гаупт.** — Лучина лучинушка. Air russe varié avec piano 1 —
- Hauser.** — Trois mélodies de Bellini transcrites avec piano № 1 à 3 (chaque 60 с.). Decameron musical. Mélodies transcrites avec piano № 1 à 11 каждый — 70
- Jansa.** — Der junge Opernfreund. Mélodies choisies. Nouvelle suite avec piano, op. 75 № 2 Fenella. № 3 Robert, № 4 Figaro, каждый 1 —
- Kayser.** — 16 Etudes avec acc. d'un 2-d violon ad libitum, op. 30. Изданіе для одной скрипки (2 p.) для двухъ скрипокъ 3 40
- Kündinger.** — Собраніе фантазій на любимыя русскіе романсы и пѣсни для скрипки съ аккомп. фортепьяно. 6 тетрадей, каждая 1 15
- — Это же собраніе фантазій на любимыя русскіе романсы и пѣсни для одной скрипки въ двухъ тетрадяхъ, каждая 1 —
- Küffner.** — Repos de l'étude. Collection de morceaux faciles sur des motifs d'opéras favoris pour le violon seul, Cah. 1 à 5, каждая — 43
- Leonard.** — Sérénade avec piano (1 p. 70 к.). Elégie avec piano 1 15
- Panoska.** — Deux nocturnes avec piano, op. 68 № 1 (60 к.) № 2 — 85
- Reber.** — Berceuse exécutée par Léonard avec piano — 60
- Steiner.** — Styrienne avec piano — 60
- Singer.** — La sérénade. Caprice — étude avec piano 1 15
- Soirées dansantes.** — Собраніе любимыхъ петербургскихъ танцевъ для одной скрипки. 3 тетради, каждая — 75

<i>Vieuxtemps.</i> — Luisa Miller. Fantasia avec piano (2 p.). Chansons russes de Werstoffsky transcrites et variées avec piano (1 p. 40 к.). Six divertissements d'amateurs sur des mélodies russes favorites № 1 à 6 avec piano	каждая	1 30
<i>Voss.</i> — Air italien transcrit par Dancla, avec piano		— 85
<i>Wieniawsky.</i> — Polonaise avec piano (1 p. 14 к.). Adagio avec piano		1 —

Пьесы для фортепiano.

<i>Bertini.</i> — Trois fantaisies : 1 Puritani, Norma, la Somnambule,	каждая	1 40
<i>Beyer.</i> — Revue mélodique. Collection de petites fantaisies op. 112 № 1 à 5 (каждый 1 p.). Petits bijoux du nord. Six duos mignons sur des airs russes favoris op. 127 Cah. 1, 2, каждая		1 15
<i>Burgmüller.</i> — Fleurs mélodiques. 12 morceaux faciles et brillans № 1 à 12 (каждый 85 к.). Valse		1 30
<i>Duvernoy.</i> — L'enfant prodigue. Petite fantaisie		— 70
<i>Gade.</i> — Cinquième symphonie op 25		4 60
<i>Hünten.</i> — Mosella. Valse (1 p.). Sérénade		— 85
<i>Kummer.</i> — Soirée musicale pour les amateurs de piano a quatre mains, violon et violoncelle. № 11. Ouverture de Nozze di Figaro de Mozart (1 p. 70 к.). № 12 Rigolletto		2 30
<i>Marks.</i> — Souvenirs de Russie. Transcriptions en forme de fantaisies sur des airs russes et bohémiens, op. 151 № 1 Боже Царя храни! № 2 Ветка. № 3 На зарѣ ты ея не буди. № 4 Соловей. № 5 Вогъ на пути село большое. № 6 Коса, каждый		— 70

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе *трехъ рублей серебромъ*, получаютъ *двадцать пять* процентовъ уступки, а выписывающіе на *десять руб. сер.*, пользуясь означенною уступкою, кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями *непосредственно* въ магазинъ М. Бернарда. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го іюня шестая тетрадь музыкальнаго журнала «НУВЕЛЛИСТЪ» (годъ XV), которая содержитъ въ себѣ, между прочими : *Thalberg*, Sicilienne de Pergolèse. — *Rubinstein*, Mazurka-fantaisie. — *Kullak*, Idylle. — *Voss*, à la russe. — *Hornberg*, Polka. — *Beyer*, Charles le ténéraire, petite fantaisie. — *Grater*, Air russe varié. — *Кастриото-Скандербекъ*, Романсъ. — Музыкально-литературное прибавленіе № 6. (Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. серебромъ).

Гг. желающіе подписаться на Нувеллистъ на 1854 г. получаютъ оиюна всѣ тетради, вышедшія сначала нынѣшняго года.

Печатать позволено, 1-го іюня 1854 г. Цесарь А. Фрейманъ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ И. ПЕЦА, НЫНѢ СТЕДЛОВСКАГО,

ВЪ БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ ДОМѢ ЛАУФЕРТА № 116.

СЕР. Р. К.

Пьесы для фортепьяно въ две руки.

- Beyer.** — Bouquet de Mélodies sur des opéras favoris : Lucia, Le Desert, Robert Norma, Sonnambula, Huguenots, Puritani et Siège de Gand. (Nouvelle édition) Chaque. . . — 85
- Burgmüller.** — Fantaisie brillante sur : Ernani, op. 92 . . . — 85
- Douze leçons et trois préludes très faciles et agréables . . . — 75
- Chopin.** — Trois valse de Salon (1 p. 50). Quatre mazurkas favorites exécutées dans les concerts par Mr. Henselt. . . 1 50
- Breyschock.** — Trois andantes et Quatre Impromptus (1 p.) La Campanella. Nouv. édition . . . — 75
- Henselt. A.** — Introduction de l'opéra Euryanthe de Weber, Choeur et ballet transcrite . . . 1 —
- Pensée fugitive (40 к). Polca brillante de C. M. Weber (1 p. 15 к) La Fontaine (60 к.) Romance en Si bémol et Etude Si oiseau j'étais (1 p.) Petite Valse (50 к.) Exécutées dans les Concerts par L'Auteur. (Nouvelle édition)
- Exercices préparatoires pour le Piano, nouvelle édition revue par l'Auteur. 1 50

Русскіе романсы для пѣнія съ фортепьяно.

- Архангельскій.** — Гдѣ вы дни мои, дни весенніе — 40
- Булаховъ. П.** — Ты для меня душа и сила — 60
- Вильбоа.** — Романсы и пѣсни : № 1. Я васъ любила безнадежно (70 к.) № 2. Ахъ! зачѣмъ меня силой выдали (70 к.) № 3. Моряки. Нелюдимо наше море (1 p. 15) № 4. Взошелъ на небо мѣсяцъ ясный (75) № 5. Волшебный мракъ отрадной ночи 1 15
- Воротниковъ.** — Пловецъ, романсъ (1 p.) Малороссійская пѣсня — 75
- Гейтень.** — Я любилъ васъ сердцемъ — 40
- Герасимовъ.** — Ангелъ-дѣва — 50
- Гурилевъ.** — Колокольчикъ — 60
- Глинка. М. И.** — Не называй ея небесной (1 p.) Только узналъ я тебя (50). Сто красавицъ свѣтлоокихъ (60 к.) Ходитъ вѣтеръ у воротъ (50 к.) Я адѣсь Инизилья (60 к.) Голосъ съ того свѣта (70 к.) Если встрѣчусь съ тобой (40 к.) Слышу ли голосъ твой (60 к.) Уймится волненія страсти (85 к.) Есть пустынный край (60 к.)

Я видала его кенжа моего '60 к. Не искушай меня
безъ нужды 50 к. Забуду ль я 40 к. Ночной смотръ
I р. 20 к. Гдѣ друзья мои 40 к. Ночной эсиръ
струить эфиръ 60 к. Не шибечи соловейко 40 к.
Скази зачѣмъ явилась ты 50 к.) О павиль сердца ты
сильный 60 к. Ахъ! ты вочь ли воченка 40 к.) Ночь
осенняя любезная 40 к. Дѣдушка дѣвнцы разъ мнѣ го-
ворили 40 к. Ахъ! ты душечка красна дѣвица 40 к.
Гдѣ вперть вельме въ поле 40 к. Кто она и гдѣ она
'60 к. Съ горныхъ странъ палъ туманъ 50 к. О дѣла
чуждая моя 85 к. Давно ли роскошно ты розой шила
85 к. Спи мой ангель, почивай 85 к. Дымъ столбомъ
кипитъ дымитъ I р. 40 к. Стой мой вѣтрый бурный
конь I р. 30 к. Уснули голубыя 85 к.) Прости ко-
рабль взмакнулъ крыломъ '60 к. Между небомъ и зем-
лей 85 к. Не требуй пѣсенъ отъ пѣвца 85 к. Про-
шайте добрые друзья.

- Делесто.* — Онъ удачный былъ дѣтина '60 к.) Говорить мой
голосъ звоночь — 85
- Ромбертс* — Когда бѣ онъ былъ теперь со мной '60 к.) Тем-
норусыя кудри милаго 60 к.) Младые дни '60 к. Дай-
те крылья мнѣ перелетныя — 60
- Титовъ.* — Намъ братъ пѣснями не кормить коней (30 к.) Не
пой красавица при мнѣ 50 к.) Тамъ гдѣ море 30 к.
Не хочешь ты мѣня понять 30 к.) Я помню чудное
мгновенье 30 к. Подъ вечеръ осенью ненастной 50 к.)
Даруетъ небо челоуѣку 30 к.) Я о тебѣ молось '40 к.)
Я пересталъ жалѣть себя. — 40

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія,
гдѣ и кѣмъ бы то ни было изданныя. или объявленныя въ какомъ-
либо каталогѣ на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе вотъ не же-
нѣе, какъ на три руб. сер., получаютъ 25 процентвъ уступки; вы-
писывающіе же не менѣе, какъ на десять руб. сер., получаютъ тѣ
же 25 процентвъ уступки и не платятъ ничего за пересылку; выпи-
сывающіе же болѣе чѣмъ на двадцать руб. сер., получаютъ гораздо
болѣе уступки. Магазинъ И. Пецца, точнымъ и скорымъ выполне-
ніемъ требованій приобрѣлъ лестное расположеніе и довѣріе всей му-
зыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти
лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ
будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, аккуратностью
и всегда съ первоотходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ
и для всѣхъ инструментовъ, а равно и прейскурантъ, рассылаются
при послыкахъ безденежно.

Печатать позволено, 2-го мая 1854 г. Цезарь А. Фрейманн.

ВЪ КНИЖНОЙ ЛАВКѢ

ИВАНА ВАСИЛЬЕВА БАЗУНОВА,

ВЪ МОСКВѢ,

на углу Большой Дмитровки, въ домъ Загряжскаго,

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

Второй томъ Магазина Землеводѣнія и Путешествій, Географическаго Сборника, издаваемаго Николаемъ Фроловымъ: съ семнадцатью рисунками, изображающими характеристическія формы растительнаго царства.

Содержаніе: Предисловіе издателя. I. *Воззрѣнія на природу Александра Гумбольта.* Часть I. Предисловіе автора къ первому изданію. — Его же предисловіе ко второму и третьему изданіямъ. — Пустыни и степи. — Водопады Ореноко близъ Атуре и Майнуре. — Ночная жизнь животныхъ въ первобытномъ лѣсѣ. — Поясненія и прибавленія автора къ предъидущимъ статьямъ. Часть 2. Идеи о физиономіи растений. — О строеніи и образѣ дѣйствій вулкановъ въ различныхъ странахъ свѣта. — Возвышенная плоскость Какамарки, древней столицы Инки Атакуалько. Первый взглядъ съ хребта Аюдской Цѣпи на Тихій Океанъ. — Поясненія и прибавленія автора къ предъидущимъ статьямъ. — II. *Идеи о Сравнительномъ Землеводѣніи Карла Риттера.* Предисловіе автора. I. Введенія къ всеобщему сравнительному землеводѣнію. II. Общія замѣчанія о твердыхъ формахъ земной коры. III. Статьи о введеніи болѣе ученаго способа въ изложеніи землеводѣнія: 1) О географическомъ положеніи и горизонтальномъ протяженіи частей свѣта. 2) Замѣчанія о графическихъ способахъ изображать пространственныя отношенія фигурами и числами. 3) Объ историческомъ элементѣ въ наукѣ землеводѣнія. 4) Теллурическая связь между природою и исторіею въ произведеніяхъ трехъ царствъ природы, или о географическомъ естествоводѣніи. 5) О пространственныхъ отношеніяхъ на поверхности земнаго шара и ихъ вліяніи на ходъ историческаго развитія человѣчества. Цѣна *три руб. сереб.*, за пересылку въ другіе города прибавляется вѣсовыхъ, съ укупокою, *за пять фунтовъ.* Въ казенныя мѣста и учебныя заведенія цѣна *два руб. пятьдесятъ коп. сереб.*; сверхъ-того, прибавляется на почтовую пересылку *вѣсовыхъ съ укупокою за пять фунтовъ.*

У кого жт. Базунов, продается:

Издание Землеустройства и Путешествий, Географический Сборникъ, издаваемый Н. Фрамама. Томъ I. Съ карти, чтирми раскрасочными рисунками и многими иллюстрациями чтирками въ текстѣ. Цѣна шри рубля сереб., за пересылку вѣдомая, съ укувкой, за явля фунтовъ. Въ казенныхъ кѣста и учебныхъ заведенияхъ кѣна 600 руб. являеся ков. сереб., за почтовую пересылку прибавится вѣснать за явля фунтовъ.

Книжка. Опытъ физическаго оирвоисаиия. Александра фон-Губальма. Часть 2-я Переводъ Н. Фрамма. Цѣна 2 руб. сер. за почтовую пересылку, съ укувкой, прибавится 50 коп. сер. Въ казенныхъ кѣста и учебныхъ заведенияхъ 1 руб. 60 коп. сереб., за почтовую пересылку прибавится во 40 коп. за каждай экземпляръ.

Книжка. Часть 3-я, омовленіе 1-е, переводъ М. Гуска. Изданіе Н. Фрамма. Цѣна 1 руб. 50 сереб., за почтовую пересылку прибавится 50 коп. сер. Въ казенныхъ и кѣста учебныхъ заведенияхъ цѣна 1 руб. 25 коп. сер., за почтовую пересылку, съ укувкой, прибавится во 40 коп. сер. за каждай экземпляръ.

Г-да иигородные благоволятъ отнестись на нии книгопродавецъ Иванъ Васильевъ Базуновъ, въ Моску.

Печатаъ позволяется. Санктпетербургъ, 28 мая 1854 года.

Ценсоръ А. Фрейманъ.

MAGASIN DE MUSIQUE BRANDUS (S. DUFOUR)

MAISON DE L'ÉGLISE HOLLANDAISE.

LE MONDE MUSICAL № 3

a paru le 1-er Mars.

Il contient 48 colonnes de texte français et russe : LA BERCEUSE, suite et fin. — L'ODYSSÉE D'UN PIANO, par Fiorentino. — ENTRE ARTISTES IL FAUT S'ENTRAIDER, anecdote. — PREMIÈRE REPRÉSENTATION DE L'ÉTOILE DU NORD, opéra de Meyerbeer. — NOUVELLES DU MONDE MUSICAL.

Avec ce Numéro, la Maison Brandus met à la disposition de ses abonnés :

1° LE MUSÉE DES PIANISTES : cinq morceaux brillants : F. COUPERIN, Sœur Monique, composé en 1700 ; — THALBERG, l'Art du Chant, 2-me série : Il mio tesoro, de *Don Juan* ; — GUTMANN, 7-me Nocturne ; — WEHLE, Sérénade napolitaine ; — GORIA, la Réveuse, Étude-Nocturne.

2° LE SUCCÈS : trois morceaux de moyenne force, et faciles : GODEFROID, Tyrolienne favorite ; — KRUG, So viel Stern' am Himmel stehen ; — BEYER, Morceau gracieux sur un air populaire.

3° LE BAL : cinq danses choisies : BURGMÜLLER, Valse sur *Marco Spada* ; — WALLERSTEIN, la Perle du Soir, polka ; — CZAPIEWSKI, Galop de Cavalerie ; — KAULICH, Habt Acht ! Quadrille militaire ; — BATTMANN, Nella, schottisch.

4° LA LYRE : deux morceaux de chant :

MEYERBEER, «*BEAU CAVALIER AU CŒUR D'ACIER*», CHANT INÉDIT du nouvel opéra comique de Meyerbeer,

КРЫЛОВА : Я васъ люблю, романсъ.

5° Un très beau portrait de F. ШОПИН.

Le nombre inattendu d'abonnés qui se sont inscrits pour l'année 1854 au MONDE MUSICAL a forcé les éditeurs à réimprimer les deux premiers Numéros, dont il ne restait plus un seul exemplaire. La Maison Brandus est maintenant en mesure de les fournir aux personnes qui désireraient s'abonner à ce journal.

Le succès qui vient d'accueillir le MONDE MUSICAL s'explique aisément : Un texte toujours amusant qu'on peut lire à son gré dans les deux langues ; un choix aussi varié qu'abondant de musique en vogue et toujours nouvelle, qu'on ne se procurerait pas à moins de 100 à 120 roubles argent dans les magasins ; une remise de 30% accordée à tous les abonnés sur la musique achetée par eux chez Brandus ; une extrême ponctualité dans la publication de chaque Numéro, — tels sont les avantages qui ne pouvaient manquer de séduire les amateurs, et surtout les familles habitant l'intérieur de l'Empire.

En donnant dans le Numéro de Mars un des morceaux les plus applaudis du nouvel opéra de Meyerbeer, avant même qu'il soit gravé à Paris : «*Beau cavalier au cœur d'acier*», que tout le monde voudra avoir sur son piano, la Maison Brandus fournit une nouvelle preuve de sa ponctualité à tenir les promesses qu'elle a faites.

Prix de l'abonnement annuel 12 rbls.

avec port 13 rbls. 50 c.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С. Петербургъ, 24 Февраля 1854 года.

Старшій Цензоръ Рочпортъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ВЪ 1854-МЪ ГОДУ

выходятъ въ первое число каждаго мѣсяца книжками, изъ которыхъ каждая заключае въ себѣ отъ 20 до 25 листовъ большаго формата, съ восемнадцатую парижскихъ картинокъ моды.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ :

Въ Петербургъ и Москвѣ :	Съ пересылкою, или доставкой
15 рублей 50 коп. серебромъ.	17 рублей серебромъ.

ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ :

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, находящейся на Невскомъ Проспектѣ на углу Малой Морской, въ домъ Бейштейна.

ВЪ МОСКВѢ :

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ у П. В. Базурина на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской Типографіи, въ домъ Загряжскаго.

ВЪ ОДЕССѢ :

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, при книжномъ магазинѣ М. И. Григорьева, на Де-Рибасовской Улицѣ, въ домъ Симицыной.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями надписывая ихъ : *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, Санктпетербургъ.*

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 2 іюня 1854 года.

Ценсоръ А. Фрейганъ.

